This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

NYPL RESEARCH LIBRARIES
3 3433 06981765 2

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Артистич. зав. А. Ф. Маркса, Спб., Измайл. пр., 29.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

М. Е. САЛТЫКОВА

[Н. ЩЕДРИНА].

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ.

Съ «Матеріалами для біографіи М. Е. Салтыкова», К. К. Арсеньева, и съ двумя портретами М. Е. Салтыкова.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1905 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1905.

Digitized by Google

340330В

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА. Измайловскій просп., 29.

Digitized by Google

МАТЕРІАЛЫ

для

БІОГРАФІИ М. Е. САЛТЫКОВА.

I.

15-го января 1826 г.—12-го февраля 1856 г.

«15-го января 1826 года,—писалъ Салтыковъ 14-го января 1887 г. одному изъ своихъ близкихъ знакомыхъ,—у коллежскаго совѣтника Евграфа Васильевича и жены его Ольги Михайловны Салтыковыхъ родился сынъ Михаилъ. Принимала бабка-повитушка Ульяна Ивановна, калязинская мѣщанка. Крестилъ священникъ села Спасъ-Уголъ Иванъ Яковлевъ Новоселовъ; воспріемниками были: угличскій мѣщанинъ Дмитрій Михайловъ Курбатовъ и дѣвица Марья Васильевна Салтыкова. При крещеніи Курбатовъ пророчествовалъ: «сей младенецъ будетъ разгонникъ женскій». По этому случаю приглашаетесь вы съ фамиліей завтра въ четвергъ вечеромъ для присутствованія при всенощномъ бдѣніи въ домѣ № 62, на Литейной». Это письмо интересно, между прочимъ, потому, что сообщаемыя въ немъ данныя совпадаютъ съ разсказомъ о рожденіи и крещеніи Никапора Затрапезнаго *). Повитушка, его принимавшая, такъ и именуется Ульяной Ивановой; прозвище крестнаго отца немного измѣнено, онъ названъ Дмитріемъ Никоновымъ Бархатовымъ. Попалъ онъ въ воспріемники къ дворянскому сыну, очевидно, потому, что славился своею набожностью и «прозорливостью». «На вопросъ матушки,—повѣствуетъ Никаноръ Затрапезный,—что у нея родится, сынъ или

*) Нѣкоторую наличность «автобіографическаго элемента» въ «Пошехонской Старинѣ» не отрицалъ, какъ извѣстно, и самъ авторъ.

45 X 923

Digitized by Google

дочь, онъ запѣлъ пѣтухомъ и сказалъ: «пѣтушокъ, пѣтушокъ, востёръ ноготокъ!» Кромѣ того, онъ предсказалъ и будущую судьбу мою, что я многихъ супостатовъ покорю и буду *дѣвичьимъ разгонникомъ*. Не разъ я видалъ впослѣдствіи моего крестнаго отца, идущаго, съ посохомъ въ рукахъ, въ толпѣ народа, за крестнымъ ходомъ. Но познакомиться мнѣ съ нимъ не удалось, потому что родители мои уже разошлись съ нимъ и называли его шалыганомъ». Этимъ не ограничиваются безспорныя точки соприкосновенія между дѣтствомъ Салтыкова и дѣтствомъ Никанора Затрапезнаго. Въ пятой главѣ «Пошехонской Старины» приведены французскіе стихи, заученные Никаномъ ко дню именинъ отца и матери; между бумагами Салтыкова нашлись эти самые стихи, написанные дѣтскимъ почеркомъ и подписанные такъ: «écrit par votre très humble fils Michel Soltykoff, le 16 octobre 1832» (когда мальчику не было еще, слѣдовательно, и семи лѣтъ). Въ біографическомъ очеркѣ, напечатанномъ, съ вѣдома М. Е. Салтыкова, въ VIII выпускѣ «Русской Библіотеки» (1878 г.), сказано, что первымъ учителемъ Салтыкова былъ крѣпостной человѣкъ его родителей, живописецъ Павелъ, а потомъ съ нимъ занимались, между прочимъ, старшая его сестра (Надежда Евграфовна) и священникъ одного изъ сосѣднихъ селъ (Иванъ Васильевичъ); то же самое разсказываетъ о себѣ и Никаноръ Затрапезный. Едва ли, въ виду всего этого, можно сомнѣваться въ томъ, что «Пошехонская Старина» даетъ вѣрную картину умственнаго и нравственнаго развитія Салтыкова, доведенную, къ сожалѣнію, только до окончанія домашняго воспитанія, т. е. до десятилѣтняго возраста. Значеніе этой картины громадно; она бросаетъ яркій свѣтъ на всю послѣдующую жизнь Салтыкова. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть чудесныя страницы, изображающія первое знакомство ребенка съ евангельскими разсказами. Мы напомнимъ лишь заключительныя ихъ строки: «въ признаніи человѣческаго образа тамъ, гдѣ, по силѣ общеустановившагося убѣжденія, существовалъ только поруганный образъ раба, состоялъ главный и существенный результатъ, вынесенный мною изъ тѣхъ попытокъ самообученія, которымъ я предавался въ теченіе года». Въ связи съ этимъ получаютъ настоящій свой смыслъ и слѣдующія слова Затрапезнаго-Салтыкова: «крѣпостное право сближало меня съ подневольною массой. Это можетъ показаться страннымъ, но я и теперь еще сознаю, что крѣпостное право играло громадную роль въ моей жизни, и что только переживъ всѣ его фазисы, я могъ придти къ полному, сознательному и страстному отрицанію его».

Кромѣ сестры и священника, съ Салтыковымъ занимались

Digitized by Google

гувернантка Авдотья Петровна Васильевская (окончившая курсъ, вмѣстѣ съ Надеждой Евграфовной, въ московскомъ Екатерининскомъ институтѣ) и студентъ московской духовной академіи Матвѣй Петровичъ Салминъ, котораго приглашали на лѣтнія вакаціи два года сряду. Первоначальное обученіе мальчика оказалось настолько удовлетворительнымъ, что въ августѣ 1836 г. онъ могъ быть принятъ въ третій классъ шестикласснаго московскаго дворянскаго института. По малолѣтству, однако, онъ оставался въ этомъ классѣ два года. Въ 1838 г. Салтыковъ былъ переведенъ въ царскосельскій лицей, въ силу преимущества, которымъ пользовался московскій дворянскій институтъ опредѣлять, каждые полтора года, двоихъ отличнѣйшихъ учениковъ въ лицей, казеннокоштными воспитанниками. Въ лицеѣ Салтыковъ уже въ младшемъ классѣ почувствовалъ влеченіе къ литературѣ и сталъ писать стихи. За это и за чтеніе книгъ онъ терпѣлъ всевозможныя преслѣдованія какъ со стороны гувернеровъ, такъ и въ особенности со стороны учителя русскаго языка Гроздова. Салтыковъ вынужденъ былъ прятать стихи — особенно тѣ, которые были «неодобрительнаго» содержанія — въ рукава куртки и даже въ сапоги; но контрабанда была находима и тамъ и оказывала сильное вліяніе на отмѣтки «изъ поведенія». Въ теченіе всего времени пребыванія въ лицеѣ онъ почти не получалъ, при полныхъ 12 баллахъ, свыше девяти. Въ аттестатѣ, данномъ Салтыкову по окончаніи курса, поведеніе его названо *довольно* хорошимъ; а это значитъ, что средній баллъ въ поведеніи за послѣдніе годы былъ ниже восьми. И все это началось со стиховъ, къ которымъ впослѣдствіи присоединялись «грубости», т. е. разстегнутая пуговица на курткѣ или мундирѣ, ношеніе треуголки съ поля, а не по формѣ (что было необыкновенно трудно и составляло цѣлую науку), куреніе табаку и иныя школьныя преступленія. Какое воспоминаніе Салтыковъ сохранилъ о своихъ лицейскихъ годахъ, объ этомъ даютъ понятіе слѣдующія слова, написанныя имъ лѣтъ десять спустя послѣ выпуска: «помню я школу, но какъ-то угрюмо и непривѣтливо воскресаетъ она въ моемъ воображеніи... Нѣтъ, я сегодня настроенъ такъ мягко, что все хочу видѣть въ розовомъ свѣтѣ... прочь школу!» («Скука», въ «Губернскихъ Очеркахъ»).

Начиная со второго класса въ лицеѣ дозволялось воспитанникамъ выписывать журналы на свой счетъ. При Салтыковѣ получались, такимъ образомъ, «Отечественныя Записки», «Библіотека для Чтенія», «Сынъ Отечества», «Маякъ», «Revue Étrangère». Журналы читались воспитанниками съ жадностью; въ особенности сильно было вліяніе «Отечественныхъ Записокъ»,

Digitized by Google

благодаря критикѣ Бѣлинскаго, повѣстямъ Панаева, Кудрявцева и друг. Вліяніе литературы было тогда вообще очень сильно въ лицеѣ; воспоминаніе о Пушкинѣ какъ-будто обязывало, и въ каждомъ курсѣ предполагался продолжатель Пушкина. Такъ, въ XI курсѣ (1841 г.) товарищи указывали на В. Р. Зотова, помѣщавшаго стихи въ «Маякѣ», редакторъ котораго, Бурачекъ, провозгласилъ его вторымъ Пушкинымъ *). Въ XII курсѣ на пушкинскую вакансію помѣщали Н. П. Семенова (сепаторъ, бывшій членъ редакціонныхъ комиссій по крестьянскому дѣлу, авторъ сочиненія объ этой эпохѣ, сотрудникъ «Русскаго Вѣстника»); въ XIII — Салтыкова; въ XIV — Виктора Павловича Гаевскаго (недавно умершаго, автора статей о Дельвигѣ и Пушкинѣ, много лѣтъ бывшаго предсѣдателемъ литературнаго фонда). Первое стихотвореніе Салтыкова «Лира», было напечатано въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1841 года (т. 45-й, стр. 105—6), за подписью: С—въ. Въ слѣдующемъ 1842 году появилась въ томъ же журналѣ (т. 50, стр. 10) другая его пьеса: «Двѣ жизни», помѣченная только первой буквой его фамиліи. Приводимъ обѣ пьесы вполнѣ, какъ матеріалъ для характеристики молодого, пятнадцати- или шестнадцатилѣтняго автора:

ЛИРА.

На русскомъ Парнасѣ есть лира
Струнами ей—солнца лучи,
Ихъ звукамъ внимаетъ полміра:
Предъ ними самъ громъ замолчи!
И въ черную тучу главою
Небрежно уперлась она;
Могучій утесъ—подъ стопою,
У ногъ его стонетъ волна.
Два мужа на лирѣ гремѣли,
Гремѣли могучей рукой;
Къ нимъ звуки отъ неба слетѣли
И приняли образъ земной.
Одинъ былъ старикъ величавый;
Онъ мощно на лирѣ бряцалъ.
Вѣнцомъ немерцающей славы
Поэта міръ хладный вѣнчалъ.
Другой былъ любимый сынъ Феба;

*) Одиннадцатому курсу принадлежалъ и другой «продолжатель Пушкина», имѣвшій гораздо больше правъ на этотъ титулъ—Л. А. Мей (переведенный въ лицей, подобно Салтыкову, изъ московскаго дворянскаго института). Изъ біографіи его, написанной В. Р. Зотовымъ, мы узнаемъ, что онъ писалъ стихи и до вступленія въ лицей, и въ лицеѣ. Какъ и Салтыковъ, онъ былъ постояннымъ нарушителемъ лицейскихъ правилъ и получалъ дурные баллы «изъ поведенія».

Digitized by Google

Онъ пѣсни допѣть не успѣлъ,
И въ свѣтлой обители неба
Ужъ исповѣдь сердца допѣлъ.
Пѣвецъ тотъ былъ славенъ и молодъ,
Онъ пѣснею смертныхъ увлекъ
И міра безжизненный холодъ
Въ волшебные звуки облекъ.
Угасли! въ святыя селенья
Умчавшись, съ собой унесли
И лиру, одно утѣшенье
Средь бурь и волненій земли!..

ДВѢ ЖИЗНИ.

Жизнь сладостна и даръ небесъ безцѣнный
Тому, кто вѣровалъ въ Зиждителя вселенной;
Кто юности и счастью прошлыхъ дней
Возможетъ отслужить съ улыбкой ясной тризну;
Поднять покровъ съ картинъ весны своей
Кто можетъ смѣлою рукой, безъ укоризны;
Кто, полный мыслію, умѣлъ блаженно жить,
Роскошно чувствовать и истинно любить;
Въ чьемъ духѣ бодрственномъ, не тяжкія страданья,
Остались сладкія еще воспоминанья;
На жизненномъ пути кто безъ горячихъ слезъ,
Безъ боли крестъ заботъ житейскихъ несъ,
И, вѣнчанный вѣнкомъ изъ розановъ душистыхъ,
Спокойно отойдетъ въ обитель тѣней чистыхъ.
Но жизнь безрадостна и тяжела тому,
Кто сердца не нашелъ отвѣтнаго ему;
Кто, символомъ ничтожества покрытый,
Людьми и всѣмъ, что въ мірѣ, позабытый,
Страстей земныхъ измученный борьбой,
Какимъ-то странникомъ блуждая одинокимъ,
Напрасно силится смѣяться надъ судьбой
И сбросить горя цѣпь въ убѣжищѣ далекомъ.
Кто страшную себѣ анаѳему прочтетъ
Въ всеобщемъ, тягостномъ, убійственномъ забвеньи,
И трупомъ проклятымъ, въ отчаяньи, умретъ
Безъ слезъ напутственныхъ, безъ погребенья,
Священнаго лишенъ поминовенья...

Ко времени пребыванія въ лицеѣ относятся и всѣ остальныя стихотворенія Салтыкова, хотя они появились въ «Современникѣ», выходившемъ тогда подъ редакціею Плетнева, — уже послѣ выпуска его изъ лицея, въ 1844 и 1845 гг. Напечатаны они не въ томъ порядкѣ, въ какомъ написаны. Въ 34-мъ томѣ «Современника», за 1844 годъ, помѣщены (стр. 231 и 341) два стихотворенія, написанныя, какъ видно изъ помѣтокъ автора, въ февралѣ и мартѣ того же года *): «Нашъ вѣкъ» и «Весна». Въ 35-мъ томѣ, также 1844 г., помѣщены (стр. 100 и 105)

*) Салтыковъ окончилъ курсъ въ маѣ 1844 г.

Digitized by Google

два перевода, изъ Гейне («Рыбачкѣ») и Байрона, относящіеся первый—къ 1841 г., второй—къ 1842 г., т. е. одновременные съ стихотвореніями, напечатанными въ «Библіотекѣ для Чтенія». Въ томѣ 37-мъ, за 1845 г., помѣщены (стр. 119 и 377) два стихотворенія: «Зимняя элегія» и «Вечеръ», изъ которыхъ послѣднее помѣчено 1842 г., первое—1843-мъ; въ томѣ 39-мъ, также за 1845 г.—одно стихотвореніе (стр. 212), написанное въ 1843 г. «Музыка» *). Подъ всѣми этими стихотвореніями подпись: «М. Салтыковъ». Приведемъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ.

РЫБАЧКѢ (изъ Гейне).

О, милая дѣвочка! быстро
Челнокъ свой направь ты ко мнѣ!
Сядь рядомъ со мною и тихо
Бесѣдовать будемъ во тьмѣ.
И къ сердцу страдальца ты крѣпко
Головку младую прижми—
Вѣдь морю себя ты вѣряешь
И въ бурю, и въ ясные дни.
А сердце мое то же море—
Бушуетъ оно и кипитъ.
И много сокровищъ безцѣнныхъ
На днѣ своемъ ясномъ хранитъ **).

ИЗЪ БАЙРОНА.

Разбитъ мой талисманъ, исчезло упоенье!
Такъ вѣчно должно намъ здѣсь плакать и страдать;
Мы жизнь свою влачимъ въ нѣмомъ самозабвеньи
И улыбаемся, когда-бъ должны рыдать.
И всякій свѣтлый мигъ покажетъ, что страданье,
Одно страданіе насъ въ жизни нашей ждетъ,
И тотъ, кто здѣсь живетъ, далекъ земныхъ желаній,—
Какъ мученикъ живетъ ***).

---

*) Въ оглавленіи 39-го тома показано еще одно стихотвореніе Салтыкова: «Изъ Байрона», но на стран. 318, на которую сдѣлана ссылка, напечатано совсѣмъ другое стихотвореніе, озаглавленное: «21 іюля 1845» и подписанное Д. Коптевымъ, имя котораго встрѣчается въ тогдашнемъ «Современникѣ» довольно часто.

**) Вотъ, для сравненія, подлинникъ: Du, schönes Fischermädchen, treibe den Kahn an's Land; komm zu mir und setze dich nieder, wir kosen Hand in Hand. Leg'an mein Herz dein Köpfchen, und fürchte dich nicht so sehr: vertraust du dich doch sorglos täglich dem wilden Meer. Mein Herz gleicht ganz dem Meere, hat Sturm und Ebb' und Fluth, und manche schöne Perle in seiner Tiefe ruht.

***) The spell is broke, the charm is flown! thus is it with life's fitful fever: we madly smile when we should groan; delirium is our best deceiver. Each lucid interval of thought recalls the woes of Nature's charter; and he who acts as wise men ought, but lives, as saints have died, a martyr.

Digitized by Google

ВЕЧЕРЪ.

Заря вечерняя на небѣ догораетъ;
Прохладой дышитъ все, день знойный убѣгаетъ;
Безсонный соловей одинъ вдали поетъ.
Весенній вечеръ тихъ; клубится и встаетъ
Надъ озеромъ туманъ; межъ листьями играя,
Чуть дышитъ майскій вѣтръ, рядъ бѣлыхъ волнъ качая;
Спитъ тихо озеро. Къ крутымъ его брегамъ
Безмолвно прихожу, и тамъ, склонясь къ водамъ,
Сажуся въ тишинѣ, отъ всѣхъ уединенный.
Наяды рѣзвыя играютъ предо мной—
И любо мнѣ смотрѣть на кругъ ихъ оживленный,
Какъ, на поверхности лобзаемы луной,
Наяды рѣзвыя нагія выплываютъ,
И долго хохотъ ихъ утесы повторяютъ.

МУЗЫКА.

Я помню вечеръ: ты играла,
Я звукамъ съ ужасомъ внималъ.
Луна кровавая мерцала,
И мраченъ былъ старинный залъ.
Твой мертвый ликъ, твои страданья,
Могильный блескъ твоихъ очей,
И устъ холодное дыханье,
И трепетаніе грудей—
Все мрачный холодъ навѣвало.
Играла ты... я весь дрожалъ,
А эхо звуки повторяло,
И страшенъ былъ старинный залъ...
Играй, играй: пускай терзанье
Наполнитъ душу мнѣ тоской;
Моя любовь живетъ страданьемъ
И страшенъ ей покой!

ЗИМНЯЯ ЭЛЕГІЯ.

Какъ скучно мнѣ! Безъ жизни, безъ движенья
Лежатъ поля, снѣгъ хлопьями лежитъ;
Безмолвно все; лишь грустно въ отдаленьи
Пѣснь запоздалая звучитъ.
Мнѣ тяжело; уныло потухаетъ
Холодный день за дальнею горой.
Что душу мнѣ волнуетъ и смущаетъ?
Мнѣ грустно; болѣнъ я душой!
Я здѣсь одинъ: тяжелое томленье
Сжимаетъ грудь; ряды нестройныхъ думъ
Меня тѣснятъ; молчитъ воображенье,
Изнемогаетъ слабый умъ!
И мнится мнѣ, что близко, близко время—
И я умру въ разгарѣ юныхъ силъ...
Да! эта мысль мнѣ тягостна, какъ бремя:
Я жизнь такъ нѣкогда любилъ!

Digitized by Google

Да! тяжело намъ съ жизнью разставаться...
Но близокъ онъ, нашъ грозный, смертный часъ;
Сомнѣнья тяжкія намъ на душу ложатся:
Богъ вѣсть, что́ ждетъ за гробомъ насъ!

НАШЪ ВѢКЪ.

Въ нашъ странный вѣкъ все грустью поражаетъ.
Немудрено: привыкли мы встрѣчать
Работой каждый день; все налагаетъ
Намъ на душу особую печать.
Мы жить спѣшимъ. Безъ цѣли, безъ значенья
Жизнь тянется, проходитъ день за днемъ—
Куда, къ чему? Не знаемъ мы о томъ.
Вся наша жизнь есть смутный рядъ сомнѣнья.
Мы въ тяжкій сонъ живемъ погружены.
Какъ скучно все: младенческія грёзы
Какой-то тайной грустію полны,
И шутка какъ-то сказана сквозь слезы!
И лира наша вслѣдъ за жизнью вѣетъ
Ужасной пустотою: тяжело!
Усталый умъ безвременно коснѣетъ,
И чувство въ немъ молчитъ, усыплено.
Что́-жъ въ жизни есть веселаго? Невольно
Нѣмая скорбь на душу набѣжитъ
И тѣнь сомнѣнья сердце омрачитъ...
Нѣтъ, право, жить и грустно, да и больно!..

ВЕСНА.

(Изъ моихъ отрывковъ).

У—ву въ воспоминаніе прошлаго.

Люблю весну я: все благоухаетъ
И смотритъ такъ привѣтливо-свѣтло.
Она нашъ духъ унылый пробуждаетъ;
Блистаетъ солнце—на́ сердцѣ тепло!
Толпятся мысли быстрой чередою.
Ни облачка на небѣ—чудный день!
Скажите же, ужель печали тѣнь
Васъ омрачитъ? Чудесной тишиною
Объятъ весь міръ; чуть слышно, какъ поетъ
Надъ быстрой рѣчкой иволга уныло...
Весною вновь все дышитъ и живетъ
И чувствуетъ невѣдомыя силы.
И часто мы съ тобой вдвоемъ встрѣчали
Весною солнце раннею порой;
Любили мы смотрѣть, какъ убѣгали
Ночныя тѣни; скоро за горой
И солнце появлялось; видъ прелестный!
Чуть дышитъ тихій вѣтеръ; все молчитъ;
Вдали село объято сномъ лежитъ
И рѣчка вьется; свѣжестью чудесной
Проникнутъ воздухъ чистый; надъ рѣкой
Станицы птицъ, кружась, летаютъ; поле

Digitized by Google

Стадами покрывается; душой
Все вновь живетъ и проситъ сердце воли.
А вечера весенніе?..

Таковы стихотворенія Салтыкова. Судя по тому, что гостепріимствомъ «Современника» онъ пользовался раньше—для позднѣйшихъ, позже—для болѣе раннихъ произведеній, нужно предположить, что послѣ выпуска изъ лицея онъ вовсе пересталъ сочинять стихи: въ противномъ случаѣ, онъ отдавалъ бы въ печать вновь написанное, а не залежавшееся въ его портфелѣ. «Въ стѣнахъ лицея,—говоритъ г. Скабичевскій *):—Салтыковъ оставилъ свои мечты сдѣлаться вторымъ Пушкинымъ. Впослѣдствіи онъ даже не любилъ, когда кто-либо напоминалъ ему о стихотворныхъ грѣхахъ его молодости, краснѣя, хмурясь при этомъ случаѣ и стараясь всячески замять разговоръ. Однажды онъ высказалъ даже о поэтахъ парадоксъ, что всѣ они, по его мнѣнію, сумасшедшіе люди.—«Помилуйте,—объяснялъ онъ:—развѣ это не сумасшествіе, по цѣлымъ часамъ ломать голову, чтобы живую, естественную человѣческую рѣчь втискивать, во что бы то ни стало, въ размѣренныя, риомованныя строчки! Это все равно, что кто-нибудь вздумалъ бы вдругъ ходить не иначе, какъ по разостланной веревочкѣ, да непремѣнно еще на каждомъ шагу присѣдая».—Конечно, это была не больше какъ одна изъ сатирическихъ гиперболъ великаго юмориста, потому что на самомъ дѣлѣ онъ былъ тонкій знатокъ и цѣнитель хорошихъ стиховъ, и Некрасовъ постоянно ему одному изъ первыхъ читалъ свои новыя стихотворенія». Въ подтвержденіе того, что Салтыковъ рано и безповоротно пересталъ писать стихи, можно привести еще то мѣсто изъ его первой повѣсти «Противорѣчія», гдѣ герой повѣсти, рекомендуемый новому знакомому какъ поэтъ, замѣчаетъ: «эта рекомендація нѣсколько смутила меня, потому что я довольно давно уже не предаюсь никакому разврату». Тотъ же герой пишетъ своему молодому другу: «неужели всю жизнь сочинять стихотворенія, и не пора ли заговорить простою, здоровою прозою?»

Извѣстно, что Тургеневъ также не любилъ вспоминать о своихъ стихотвореніяхъ, хотя писалъ въ стихахъ гораздо больше и дольше, чѣмъ Салтыковъ. Разница между ними, съ этой точки зрѣнія, заключается въ томъ, что Салтыковъ почти вовсе не обладалъ даромъ стихотворной рѣчи, тогда какъ Тургеневъ владѣлъ имъ въ довольно высокой степени. Въ Тургеневѣ стремленіе забыть и заставить забыть о своихъ стихотвореніяхъ вызывалось крайнею требовательностью къ самому себѣ. Сознавая, что

*) «Новости», 1889 г., № 116.

Digitized by Google

въ прозѣ онъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ стихахъ, что въ одной лишь первой коренится истинная его оригинальность, онъ не хотѣлъ и думать о попыткахъ, наполнявшихъ первые годы его творчества; онѣ казались ему неудачными уже потому, что не были *вполнѣ* удачны. Въ глазахъ Салтыкова лицейскія стихотворенія очень скоро должны были сдѣлаться не чѣмъ инымъ, какъ пробой пера, ищущаго своей дороги. Какъ только отъ него отлетѣли первыя юношескія иллюзіи, онъ не могъ не понять, что у него вовсе нѣтъ поэтическаго таланта. Въ самомъ дѣлѣ, въ формѣ его стихотвореній не замѣтно никакого движенія впередъ; въ восемнадцать лѣтъ онъ писалъ, съ внѣшней стороны, не лучше, чѣмъ въ пятнадцать. Переводъ гейневской «Рыбачки» очень хорошъ и только немногимъ уступаетъ переводу той же пьесы, сдѣланному впослѣдствіи А. Н. Плещеевымъ; переводъ изъ Байрона гораздо слабѣе и менѣе близокъ къ подлиннику. Въ «Нашемъ вѣкѣ» меньше удачныхъ стиховъ, чѣмъ въ «Двухъ жизняхъ». Чѣмъ дальше, тѣмъ больше встрѣчается у Салтыкова словъ, введенныхъ въ пьесу исключительно для соблюденія размѣра. Авторъ не столько описываетъ свои чувства, сколько *называетъ ихъ* («какъ скучно мнѣ! мнѣ тяжело! мнѣ грустно! боленъ я душой!»—всѣ эти восклицанія взяты нами изъ одной только «Зимней элегіи»). Повторяются и мотивы стихотвореній (напримѣръ, тишина—въ «Вечерѣ» и въ «Веснѣ»), и даже самыя выраженія («чуть дышитъ вѣтеръ»). Многія пьесы производятъ впечатлѣніе варіацій на давно знакомыя темы; въ «Музыкѣ» слышится Бенедиктовъ, въ «Вечерѣ»—А. Майковъ, въ «Нашемъ вѣкѣ»—Лермонтовъ. И все-таки стихотворенія Салтыкова интересны, какъ выраженіе душевной жизни молодого лицеиста. Если «Лира», похожа еще на ученическое упражненіе, то въ «Двухъ жизняхъ» чувствуется уже настроеніе автора,—настроеніе, отчасти заимствованное, навѣянное извнѣ, но быстро привившееся къ натурѣ Салтыкова. Меланхолическая нота звучитъ въ немъ искренно и сердечно *). Жизнь кажется ему, по

*) Вотъ что говоритъ о Салтыковѣ-лицеистѣ А. Я. Головачева (см. «Воспоминанія» ея въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1889 г., № 11, стр. 272—273): «я видѣла его въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ домѣ М. А. Языкова. Онъ и тогда не отличался веселымъ выраженіемъ лица. Его большіе сѣрые глаза сурово смотрѣли на всѣхъ и онъ всегда молчалъ. Онъ всегда садился не въ той комнатѣ, гдѣ сидѣли всѣ гости, а помѣщался въ другой, противъ дверей, и оттуда внимательно слушалъ разговоры». Улыбка «мрачнаго лицеиста» считалась чудомъ. По словамъ Языкова, Салтыковъ ходилъ къ нему, «чтобы посмотрѣть на литераторовъ».

Digitized by Google

временамъ, тяжелымъ бременемъ, хотя ему и страшенъ призракъ смерти. Успокоительно дѣйствуетъ на него только пейзажъ—русскій сѣверный пейзажъ, обаянію котораго поддавались Пушкинъ, Лермонтовъ, Тургеневъ, Некрасовъ. Если, кромѣ природы, все остальное «поражало его грустью», то это не удивительно; въ эпоху, которую переживало тогда русское общество, печальныхъ картинъ на каждомъ шагу представлялось слишкомъ много. Чтобы видѣть и понимать ихъ, не нужно было долго жить на свѣтѣ; достаточно было присмотрѣться поближе къ «пошехонскимъ» порядкамъ и потомъ сравнить ихъ непроглядную тьму съ ослѣпительнымъ свѣтомъ, очагомъ котораго служила тогдашняя Франція. И о томъ, и о другомъ мы имѣемъ подлинныя свѣдѣтельства Салтыкова. Какія чувства заронила въ немъ тьма—это мы уже знаемъ; напомнимъ теперь, что онъ говоритъ объ источникѣ свѣта.

«Съ представленіемъ о Франціи и Парижѣ,—читаемъ мы въ четвертой главѣ «За рубежомъ»,—для меня неразрывно связывается воспоминаніе о моемъ юношествѣ, то-есть о сороковыхъ годахъ. Да и не только для меня лично, но и для всѣхъ насъ, сверстниковъ, въ этихъ двухъ словахъ заключалось нѣчто лучезарное, свѣтоносное, что согрѣвало нашу жизнь и въ извѣстномъ смыслѣ даже опредѣляло ея содержаніе. Какъ извѣстно, въ сороковыхъ годахъ русская литература (а за нею, конечно, и молодая читающая публика) подѣлилась на два лагеря: западниковъ и славянофиловъ. Былъ еще третій лагерь, въ которомъ коношились Булгарины, Бранты, Кукольники и т. п., но этотъ лагерь уже не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія на подрастающее поколѣніе, и мы знали его лишь настолько, насколько онъ являлъ себя прикосновеннымъ къ вѣдомству управы благочинія. Я въ то время только что оставилъ школьную скамью и, воспитанный на статьяхъ Бѣлинскаго, естественно примкнулъ къ западникамъ. Но не къ большинству западниковъ (единственно авторитетному тогда въ литературѣ), которое занималось популяризированіемъ положеній нѣмецкой философіи, а къ тому безвѣстному кружку, который инстинктивно прилѣпился къ Франціи. Разумѣется, не къ Франціи Луи-Филиппа и Гизо, а къ Франціи Сенъ-Симона, Кабе, Фурье, Луи-Блана и въ особенности Жоржъ-Занда. Оттуда лилась на насъ вѣра въ человѣчество, оттуда возсіяла намъ увѣренность, что золотой вѣкъ находится не позади, а впереди насъ... Словомъ сказать, все доброе, все желанное и любезнѣйшее шло оттуда. Въ Россіи,—впрочемъ, не столько въ Россіи, сколько спеціально въ Петербургѣ,—мы существовали лишь фактически или, какъ въ то время говорилось, имѣли

Digitized by Google

образъ жизни. Ходили на службу въ соотвѣтствующія канцеляріи, писали письма къ родителямъ, питались въ ресторанахъ, а чаще всего въ кухмистерскихъ, собирались другъ у друга для собесѣдованія и т. д. Но духовно мы жили во Франціи. Россія представляла собой область, какъ бы застланную туманомъ, въ которой даже такое дѣло, какъ опубликованіе «Собранія русскихъ пословицъ», являлось прихотливымъ и предосудительнымъ; напротивъ того, во Франціи все было ясно, какъ день, несмотря на то, что газеты доходили до насъ съ вырѣзками и помарками. Такъ что когда министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій началъ издавать таксы на мясо и хлѣбъ, то и это заинтересовало насъ только въ качествѣ анекдота, о которомъ слѣдуетъ говорить съ осмотрительностью. Напротивъ, всякій эпизодъ изъ общественно-политической жизни Франціи затрагивалъ насъ за живое, заставлялъ и радоваться, и страдать. Въ Россіи все казалось покончennымъ, запакованнымъ и за пятью печатями сданнымъ на почту для выдачи адресату, котораго заранѣе предположено не разыскивать; во Франціи все какъ будто только что начиналось. И не только теперь, въ эту минуту, а больше полустолѣтія сряду все начиналось, и опять, и опять начиналось, и не заявляло ни малѣйшаго желанія кончиться... Въ особенности симпатіи къ Франціи обострились около 1848 г. Мы съ неподдѣльнымъ волненіемъ слѣдили за перипетіями драмы послѣднихъ двухъ лѣтъ царствованія Луи-Филиппа и съ упоеніемъ зачитывались «Исторіей десятилѣтія» Луи-Блана. Луи-Филиппъ, и Гизо, и Дюшатель, и Тьеръ,—все это были какъ бы личные враги (право, даже болѣе опасные, чѣмъ Л. В. Дуббельтъ), успѣхъ которыхъ огорчалъ, неуспѣхъ—радовалъ. Процессъ министра Теста, агитація въ пользу избирательной реформы, высокомѣрныя рѣчи Гизо по этому поводу, февральскіе банкеты,—все это и теперь такъ живо встаетъ въ моей памяти, какъ-будто происходило вчера»... Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что настроеніе, описанное въ этихъ строкахъ, зародилось въ Салтыковѣ еще во время бытности его въ лицеѣ. Даже въ концѣ сороковыхъ, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, послѣ грозы 1848 г., послѣ дѣла петрашевцевъ, въ которомъ не случайно оказались замѣшанными многіе изъ бывшихъ лицеистовъ (Петрашевскій, Спѣшневъ, Кашкинъ, Европеусъ), между воспитанниками лицея бродили еще идеи, вдохновлявшія юношу-Салтыкова. Многіе изъ нихъ читали Фурье, Сенъ-Симона, Луи-Блана и знакомили своихъ младшихъ товарищей съ содержаніемъ запретныхъ книгъ, которыя въ училищѣ правовѣдѣнія (да вѣроятно и въ другихъ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ того же времени) едва ли были извѣстны даже по

Digitized by Google

имени *). Само собою разумѣется, что, ставъ на ноги, освободившись отъ школьнаго контроля, Салтыковъ отдался съ большимъ еще жаромъ изученію французской политической и экономической литературы.

Изъ лицея выходили въ то время—какъ и теперь—съ чиномъ девятаго, десятого или двѣнадцатаго класса, смотря по успѣхамъ въ наукахъ и болѣе или менѣе одобрительному «поведенію». Салтыковъ, какъ мы уже знаемъ, получалъ плохіе баллы «изъ поведенія», и вышелъ поэтому съ чиномъ десятаго класса, семнадцатымъ по списку. Всего выпущено было въ 1844 г. двадцать два ученика: двѣнадцать—девятымъ классомъ, пять—десятымъ, пять—двѣнадцатымъ **). Съ чиномъ десятаго класса вышли изъ лицея, какъ извѣстно, и Пушкинъ, и Дельвигъ, и Мей. Между товарищами Салтыкова никто не составилъ себѣ имени въ литературѣ или въ общественной дѣятельности; высокихъ положеній по службѣ достигли кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій (посолъ въ Вѣнѣ) и гр. А. П. Бобринскій (бывшій московскій губернскій предводитель дворянства, умершій недавно членомъ государственнаго совѣта). Сохранилъ ли Салтыковъ близкія отношенія къ кому-либо изъ своихъ товарищей — не знаемъ; искать между ними того, кому посвящена «Весна», нельзя, потому что ни одинъ изъ нихъ не носилъ фамиліи, начинающейся съ буквы У. О службѣ Салтыкова въ Цетербургѣ мы знаемъ только то, что онъ 23-го августа 1844 г. былъ зачисленъ въ канцелярію военнаго министра, а два года спустя, 8-го августа 1846 г., получилъ тамъ мѣсто помощника секретаря. По словамъ г. Скабичевскаго, первые три года по выходѣ изъ лицея Салтыковъ, подобно Пушкину, провелъ очень бурно и разсѣянно справлялъ «праздникъ жизни, молодости годы». «По своей страсти все представлять въ комическомъ видѣ, не щадя и самого себя, Салтыковъ,—продолжаетъ г. Скабичевскій,—разсказывалъ о себѣ нѣсколько анекдотовъ изъ этого періода своей жизни, которые, по своей крайней курьезности, вполнѣ совпадаютъ съ жанромъ его сатиръ». Съ достовѣрностью можно сказать пока только одно: Салтыкова продолжало тянуть къ литературѣ, больше, чѣмъ когда-либо, привле

*) Пишущій эти строки самъ поступилъ въ училище правовѣдѣнія въ 1849 г. и, имѣвъ родственниковъ и знакомыхъ въ лицеѣ, говорить объ этомъ на основаніи собственныхъ воспоминаній.

**) Эти цифры, не вполнѣ совпадающія со свѣдѣніями біографическаго очерка «Русской Библіотеки», заимствованы нами изъ офиціальнаго источника—памятной книжки Александровскаго лицея на 1855—1856 г.

Digitized by Google

кавшей къ себѣ въ то время всѣхъ лучшихъ представителей нашей интеллигенціи. Оставивъ стихи, онъ скоро сталъ пробовать свои силы въ прозѣ. До сихъ поръ предполагалось, что первымъ прозаическимъ опытомъ Салтыкова была повѣсть: «Противорѣчія», напечатанная въ ноябрьской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1847 г. Оказывается, однако, что онъ уже раньше сталъ помѣщать въ томъ же журналѣ, въ отдѣлѣ «Библіографической Хроники», рецензіи на нѣкоторыя вновь выходящія русскія книги. До 1846 г. этимъ отдѣломъ завѣдывалъ Бѣлинскій; потомъ, до лѣта 1847 г., главную роль игралъ въ немъ Валеріанъ Майковъ. Послѣ смерти Майкова веденіе «Библіографической Хроники» стало, повидимому, дѣломъ коллективнымъ. Салтыкову приходилось писать бо́льшею частью объ учебникахъ и книгахъ для дѣтскаго чтенія. Изъ рецензій, черновыя которыхъ, собственноручно написанныя Салтыковымъ, находятся передъ нашими глазами, къ этой рубрикѣ относится пять (о семи книгахъ); только одна касается брошюры П. Лебедева: «Нѣсколько словъ о военномъ краснорѣчіи», но эта рецензія, нужно думать, осталась ненапечатанною, потому что во второй части т. 55-го «Отечественныхъ Записокъ» (стр. 103) о брошюрѣ Лебедева имѣется совсѣмъ другая замѣтка, гораздо менѣе благопріятная для автора, чѣмъ составленная Салтыковымъ. Въ томъ же 55-мъ томѣ (стр. 21), но въ другой, первой, его части *) напечатана замѣтка Салтыкова о «Логикѣ» Зубовскаго, профессора могилевской семинаріи. «И въ наше время,—такъ начинается рецензія,—существуютъ еще люди съ наивнымъ убѣжденіемъ, что логика можетъ научить мыслить... Никому не придетъ въ голову назвать смѣшнымъ стремленіе познать самого себя, привесть въ ясное сознаніе тѣ законы, по которымъ человѣкъ мыслитъ; но учить мыслить... трудную задачу вы взяли на себя, г. Зубовскій!» Дальше Салтыковъ возражаетъ противъ преувеличеннаго значенія, придаваемаго, въ заурядной логикѣ, силлогизмамъ; онъ замѣчаетъ, что силлогизмъ—не что иное, какъ «безконечный, безвыходный кругъ, въ которомъ общее предложеніе доказывается частнымъ и потомъ, въ свою очередь, доказываетъ частное». «Намъ случилось слышать,—восклицаетъ рецензентъ:—какъ одинъ господинъ весьма серьезно увѣрялъ другого, весьма почтенной наружности, но посмирнѣе, что тотъ долженъ ему повиноваться, дѣлая слѣдующій силлогизмъ: «я человѣкъ, ты человѣкъ; слѣдовательно ты рабъ мой». И смирный господинъ повѣрилъ (такова оше-

*) Это та самая ноябрьская книжка 1847 г., въ которой напечатана первая повѣсть Салтыкова «Противорѣчія».

Digitized by Google

ломляющая сила силлогизма!), и отдалъ тому господину все, что у него было: и жену, и дѣтей, и самого себя, и вдобавокъ остался даже очень доволенъ собою». Эти слова направлены, очевидно, не противъ «Логики» Зубовскаго, а противъ модной, по тогдашнему времени, крѣпостнической логики.

Въ разборѣ дѣтскихъ книгъ и учебниковъ, предназначенныхъ для дѣтей—«Географіи въ эстампахъ» Ришома и Вангольда, «Курса физической географіи» Петровскаго, «Руководства къ первоначальному изученію всеобщей исторіи» Фолькера, «Разсказовъ дѣтямъ изъ древняго міра» Беккера, «Потемкина», исторической повѣсти Фурмана, «Альманаха для дѣтей» *),—Салтыковъ возстаетъ съ особенною силой противъ прописной морали, противъ неуклюжаго подчеркиванья нравственныхъ сентенцій, противъ обремененія памяти массой мелочныхъ подробностей и сухихъ фактовъ. Многія изъ его разсужденій не потеряли своей цѣны и въ наше время. «Странная, право, участь дѣтей!—говоритъ онъ, напримѣръ, въ замѣткѣ о «Руководствѣ къ первоначальному изученію всеобщей исторіи».—«Чему не учатъ ихъ, какіе методы не употребляются при преподаваніи! Одно только забываютъ объяснить дѣтямъ мудрые наставники— именно то, что наиболѣе занимаетъ пытливый умъ ребенка: то, что находится у него безпрестанно подъ руками, тѣ предметы физическаго міра, въ кругу которыхъ онъ вращается. Отъ этого-то именно и происходитъ, что человѣкъ, сошедшій со школьной скамьи, насытившійся вдоволь и греками, и римлянами, узнавшій въ концѣ всѣ свойства души, воли и другихъ невѣсомыхъ, которыми кишитъ жизнь бѣднаго школьника, при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью оказывается совершенно несостоятельнымъ, при первомъ несчастіи упадаетъ духомъ, и если ему по какому-нибудь случаю любезные родители не приготовили ни душъ, которыя могли бы прокормить вѣчнаго младенца, ни сердобольныхъ родственниковъ, нашъ философъ умираетъ съ голоду, именно отъ того, что любезные родители никакъ не могли предвидѣть подобный пассажъ. По-настоящему, слѣдовало бы подстерегать натуру ребенка, уловить его наклонности, не навязывать ему такой науки, которая или антипатична, или не по лѣтамъ ему. Какъ это возможно! а на что же существуютъ возлюбленные родители? Въ ихъ умѣ ужъ заранѣе начертаны всѣ занятія, всѣ судьбы юнаго рожденія ихъ:

*) Рецензія на повѣсть Фурмана напечатана въ январской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1848 г. (т. 56), рецензія на «Разсказы» Беккера—въ апрѣльской книжкѣ того же года (т. 57), т. е. уже послѣ «Запутаннаго дѣла».

Digitized by Google

на то онъ ихъ рожденіе, ихъ *собственное* рожденіе, чтобы они могли по произволу располагать имъ. Юноши, въ которыхъ эта *система постепеннаго ошеломленія* (совершенно уже салтыковское «словечко»!) не совсѣмъ еще утушила энергію пытливаго духа, обыкновенно начинаютъ, по выходѣ изъ школы, образованіе совершенно сызнова, но и тутъ, въ борьбѣ съ безпрестанно возстающими недоразумѣніями, бо́льшею частью падаютъ подъ бременемъ своего тяжелаго перевоспитанія. Что касается до остальныхъ,—а этихъ остальныхъ болѣе девяти десятыхъ,—то они, разъ подвергнутые *разслабляющей ваннѣ энциклопедическаго образованія*, уже навсегда пребываютъ въ состояніи совершеннаго нравственнаго одурѣнія». Много мѣткихъ замѣчаній разсѣяно и въ другихъ рецензіяхъ Салтыкова. «Ошибка дѣтскихъ писателей заключается въ томъ, что они непремѣнно хотятъ бесѣдовать съ дѣтьми не какъ съ людми, а какъ съ низшими организмами, немного чѣмъ повыше минераловъ»... «Почему же вы думаете, что если взрослому покажется дикимъ, что десятилѣтній Гриша, не хуже любого сентиментальнаго патріота-офицера, крѣпко жметъ руку матери отъ умиленія при видѣ Москвы, то еще бо́льшею дикостью не покажется это ребенку?...» «Ребенокъ видитъ въ саду цвѣтокъ; онъ хочетъ знать его составныя части, хочетъ добиться до законовъ его питанія. Увы! тутъ стоитъ величавая фигура педагога, гласящая ему, что это все вздоръ, а вотъ поди да возьми въ руки исторію Фолькера; тамъ ты узнаешь, что Кекропсъ», и т. д. (въ наше время на мѣсто учебника исторіи явился бы, по всей вѣроятности, учебникъ латинскаго или греческаго языка). Въ замѣткѣ о «Географіи въ эстампахъ» очень забавно осмѣяна обычная манера правоучительныхъ разсказовъ. Въ одномъ изъ нихъ выведена на сцену дѣвочка, подавшая милостыню тремъ бѣднякамъ; первый, вслѣдъ затѣмъ, защищаетъ ее противъ разбойниковъ; второй предохраняетъ ея имущество отъ пожара; третій спасаетъ ее отъ укушенія бѣшеной собакой. «Мораль этого разсказа,—восклицаетъ рецензентъ,—можетъ быть выражена такъ: быть добрымъ никогда не мѣшаетъ, потому что это даетъ человѣку случай спекулировать на услугу въ сто разъ бо́льшую со стороны облагодѣтельствованнаго субъекта. Впрочемъ, можно, съ равной достовѣрностью, предположить и то, что если благодѣтельная дѣвушка, не давши заранѣе бѣдному мальчику пять су, опять встрѣтится съ бѣшеною собакой, то бѣдный мальчикъ, по смыслу повѣсти, не поспѣшитъ уже къ ней на помощь. Отсюда мораль: не подавши заранѣе пять су бѣдному мальчику, нужно избѣгать встрѣчи съ бѣшеными собаками»...

Digitized by Google

Въ рецензіи на книгу Беккера: «Разсказы дѣтямъ изъ древняго міра», Салтыковъ преклоняется передъ Гомеромъ, «одинъ стихъ котораго часто даетъ намъ болѣе ясное понятіе о древнемъ мірѣ, нежели цѣлые томы ученыхъ изысканій»; но именно потому онъ протестуетъ противъ искаженій, производимыхъ надъ «Иліадой» и «Одиссеей» подъ предлогомъ приспособленія ихъ къ дѣтскому или юношескому возрасту. Онъ желалъ бы, чтобы въ руки юношества былъ данъ полный гнѣдичевскій переводъ «Иліады», снабженный только дѣльнымъ предисловіемъ, въ которомъ было бы объяснено все необходимое для правильнаго пониманія великой поэмы. Что касается до дѣтей, то для нихъ Гомеръ, въ настоящемъ своемъ видѣ, недоступенъ, а «приноровленіе его къ дѣтскимъ понятіямъ» Салтыковъ считаетъ не только безполезнымъ, но прямо вреднымъ. «Въ основѣ поэмъ Гомера, — говоритъ онъ, — лежитъ чудесное. Поставленное на своемъ мѣстѣ, обставленное извѣстными обстоятельствами, понимаемое какъ выраженіе духа страны и времени, чудесное принимаетъ должные размѣры и, наконецъ, дѣлается весьма и весьма объяснимымъ. Но не такъ бываетъ это съ дѣтьми. Умъ ихъ, по природѣ наклонный къ чудесному, на немъ одномъ только и останавливается съ охотою, и все сверхъестественное принимаетъ за наличную монету, такъ что изъ всей поэмы Гомера, можетъ-быть, одно оно только и привяжетъ къ себѣ ребенка. Отсюда наклонность къ мечтательности, которую надобно было бы сдерживать въ разумныхъ границахъ, пріобрѣтаетъ, напротивъ того, самые гигантскіе размѣры, и ребенокъ, сдѣлавшись впослѣдствіи мужемъ, является человѣкомъ неспособнымъ заниматься интересами близкими и дѣйствительными и цѣлый вѣкъ блуждаетъ мыслью въ мечтательныхъ мірахъ, созданныхъ его больною фантазіей. И пусть не обвиняютъ насъ въ преувеличеніи: зло, о которомъ мы говоримъ, такъ тонко, такъ незамѣтно, что его не увидишь сразу; оно издалека и медленно подкрадывается и сосетъ все существованіе ребенка, но, тѣмъ не менѣе, глубоко пагубны и разрушительны будутъ его результаты».

Мысли, выраженныя Салтыковымъ въ его рецензіяхъ, занимали его, очевидно, чрезвычайно сильно; онѣ встрѣчаются и въ первой повѣсти его: «Противорѣчія», напечатанной, какъ мы уже сказали, въ ноябрьской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1847 г. (т. 55, ч. I, стр. 1—106), подписанной: «М. Нечановъ», и не включенной Салтыковымъ ни въ прежніе выпуски его произведеній, ни въ выходящее теперь собраніе ихъ*).

*) Составъ этого изданія съ точностью опредѣленъ самимъ Салтыковымъ, за нѣсколько недѣль до смерти.

Digitized by Google

«Пожирающая насъ жажда привязанности, — говоритъ герой повѣсти, Нагибинъ: — не имѣетъ предметомъ чего-либо дѣйствительнаго; напротивъ, мы съ какимъ-то презрѣніемъ отворачиваемся отъ той среды, въ которой живемъ, и создаемъ себѣ особый мечтательный міръ, который населяемъ призраками, своего воображенія... Все это объясняется воспитаніемъ, болѣе наклоннымъ къ пустой мечтательности, нежели къ трезвому взгляду на жизнь, и кругомъ занятій нашихъ, которыя ограничиваются только спекулятивными науками, такъ что человѣкъ, вмѣсто того, чтобы изучать науку съ начала, изучаетъ ее съ конца, а потомъ и жалуется, что ничего понять не можетъ въ этомъ вавилонскомъ столпотвореніи. Такое воспитаніе совершенно губитъ насъ; истощенный безпрестаннымъ умственнымъ развратомъ, человѣкъ уже теряетъ смѣлость взглянуть въ глаза дѣйствительности, не имѣетъ довольно энергіи, чтобы обнажить сокровенныя пружины и объяснить себѣ кажущіяся противорѣчія ея». Въ концѣ повѣсти Нагибинъ опять возвращается къ той же темѣ. Жалуясь на нравственную свою дряхлость, съ горечью оглядываясь на «развалины своего безполезнаго прошедшаго», онъ спрашиваетъ себя: отчего все это?—и отвѣчаетъ: «оттого, что мнѣ не дано практическаго пониманія дѣйствительности, оттого, что умъ мой воспитали мечтаніями, не дали ему окрѣпнуть, отрезвиться, и пустили наудачу по столбовой дорогѣ жизни... Что было въ моей прежней жизни?—Сомнѣнія! Что въ настоящемъ моемъ?—Сомнѣнія! Что въ будущемъ?—Сомнѣнія! Что въ томъ, что я много наблюдалъ, многому выучился? Все это знаніе больше ничего, какъ слова, слова, слова!.. Да и вся моя жизнь—не болѣе какъ противорѣчія, противорѣчія, противорѣчія!..» Если Салтыковъ вложилъ, такимъ образомъ, въ уста Нагибина нѣкоторыя изъ своихъ задушевныхъ убѣжденій, то отсюда не слѣдуетъ еще, конечно, чтобы онъ изобразилъ въ немъ самого себя. Внутренняя жизнь Салтыкова отразилась на героѣ «Противорѣчій» развѣ настолько, насколько внутренняя жизнь Гёте — въ Вертерѣ или Клавиго. И тамъ, и тутъ нѣкоторыя черты берутся изъ душевнаго міра самого автора, но такія черты, съ которыми онъ борется, отъ которыхъ хочетъ отрѣшиться. Онѣ доводятся, въ разсказѣ или драмѣ, до своего полнаго развитія, до своего логическаго конца, и въ этомъ объективированіи ихъ авторъ находитъ желанную свободу. Нагибинъ— это одинъ изъ первыхъ, въ хронологическомъ порядкѣ, «лишнихъ людей», «заѣденныхъ рефлексіей»; это—родной братъ героя «Аси», это—«русскій человѣкъ на rendez-vous», десятью годами позже, именно по поводу «Аси», изображенный Черны-

Digitized by Google

женскимъ. Героиня «Противорѣчій», Таня, также напоминаетъ ...ко—насколько блѣдный абрисъ можетъ напоминать художественно-законченную картину. Таня беретъ на себя инициативу, ...которую неспособенъ Нагибинъ; она первая говоритъ ему о ..., первая зоветъ его на свиданье; она упрекаетъ его въ ...ности, какъ Рудина Наталья. Нагибинъ безсиленъ идти за ..., безсиленъ и оставить ее, пока гордіевъ узелъ не разсѣчется грубою рукою родителей Тани. Выходъ изъ «противорѣчій», не находимый Нагибинымъ, но безмолвно указываемый авторомъ,—это признаніе правъ жизни и страсти, тѣхъ правъ, ...которыя съ такимъ блескомъ, десятью или пятнадцатью годами раньше, ратовала Ж.-Зандъ. На это намекаетъ и эпиграфъ повѣсти, заимствованный изъ Сенеки: «natura duce utendum est: hanc ratio observat, hanc consulit; idem est ergo beate vivere, et secundum naturam» (вождемъ человѣка должна быть природа; ей слѣдуетъ, съ ней совѣтуется разумъ; жить блаженно — значитъ жить согласно съ требованіями природы).

Изложеніе сюжета первой повѣсти Салтыкова, равно какъ и критическая ея оцѣнка, не входитъ въ составъ нашей задачи; ...беремъ изъ нея только то, что имѣетъ сколько-нибудь автобіографическій характеръ. Съ этой точки зрѣнія заслуживаютъ ...манія еще слѣдующія слова Нагибина: «будущее обѣщаетъ ... только горестный рядъ преслѣдованій и лишеній, лишеній ...жныхъ и мелкихъ, если хотите, но, тѣмъ не менѣе, безпощадныхъ и безотвязныхъ, съ которыми нельзя бороться— ...того они неуловимы, до того ничтожны. Еще если-бъ меня ... какое-нибудь сильное несчастіе, но нѣтъ, меня ждутъ ...ренность и аккуратность, двѣ большія добродѣтели, коли хо..., но въ которыхъ скорѣе слышится отрицаніе жизни, не... жизнь». Страхъ передъ «мелочами жизни», боязнь попасть подъ иго «умѣренности и аккуратности» — это первая ... глубокаго отвращенія къ нимъ, проникающаго позднѣйшую дѣятельность Салтыкова. Съ отголосками того же страха ...встрѣчаемся еще разъ много лѣтъ спустя, когда Салтыковъ, ...ая изъ Вятки, съ ужасомъ говоритъ объ ожидающихъ его ...ыхъ хлопотахъ, новыхъ искательствахъ», когда ему ка..., что «въ сердцѣ его царствуетъ преступная вялость» ...бернскіе Очерки» — «Дорога»). Примиреніе съ будничной ..., погруженіе въ омутъ мелкихъ житейскихъ дрязгъ — ..., очевидно, кошмаръ, пугавшій Салтыкова, пока въ немъ ...рѣпла вѣра въ самого себя. И здѣсь нѣтъ ничего удиви...наго: на его глазахъ тысячи людей, обезсиленныхъ тепличнымъ воспитаніемъ и беззащитныхъ противъ вліяній среды,

Digitized by Google

тонули въ этомъ омутѣ, погрязали въ этой тинѣ... Въ другомъ мѣстѣ Нагибинъ сокрушается о томъ, что, познавъ настоящую дѣйствительность и нарисовавъ себѣ образъ иной, будущей дѣйствительности — «не только возможной, но непремѣнно имѣющей быть»,—онъ одинаково неспособенъ найти утѣшеніе какъ въ той, такъ и въ другой. «Не сопоставляй я этихъ двухъ несовмѣстныхъ другъ съ другомъ противоположностей, существуй для меня одно какое-нибудь изъ двухъ представленій дѣйствительности, я былъ бы вполнѣ счастливъ; былъ бы или нелѣпымъ утопистомъ, въ родѣ новѣйшихъ соціалистовъ, или прижимистымъ консерваторомъ—во всякомъ случаѣ я былъ бы доволенъ собою. Но я именно по середкѣ стою межлу тѣмъ и другимъ пониманіемъ жизни; я не утопистъ, потому что утопію свою вывожу изъ историческаго развитія дѣйствительности, потому что населяю ее не мертвыми призраками, а живыми людьми, и не консерваторъ quand même, потому что не хочу застоя, а требую жизни; требую движенія впередъ». И въ этихъ словахъ, быть-можетъ, отразилась одна изъ сторонъ тогдашняго настроенія Салтыкова. Въ слѣдующей повѣсти его — «Запутанномъ дѣлѣ» — есть дѣйствующія лица (Алексисъ и Беобахтеръ), несомнѣнно похожія на «нелѣпыхъ утопистовъ», а общая мысль повѣсти меньше всего отзывается «консерватизмомъ quand même» или расположеніемъ къ «застою»... Укажемъ, въ заключеніе, на несомнѣнное сходство между супругами Крошиными въ «Противорѣчіяхъ» и родителями Никанора Затрапезнаго въ «Пошехонской Старинѣ»; особенно много общаго между Марьей Ивановной Крошиной и Анной Павловной Затрапезной. Марья Ивановна — «женщина-кулакъ, типъ, встрѣчающійся весьма часто, и особенно въ провинціяхъ, гдѣ жизнь женщины исключительно сосредоточена въ узенькихъ рамкахъ фамильныхъ ея отношеній... Вокругъ нея все тихо, все умерло. Надо же какъ-нибудь доканать, добить это неспосно-тянущееся время, потому что праздность душитъ человѣка; вотъ она и погрязаетъ по уши въ своей семейной грязи, и нѣтъ мѣры обвѣшиваньямъ, обмѣриваньямъ, сплетнямъ и тому подобнымъ дрязгамъ! И по совѣсти нельзя сказать, чтобы она на волосъ во всемъ этомъ была виновата. Окружите ее средою, и вся физіономія ея внезапно перемѣнится. Тутъ просто фатумъ, и она безсильна противъ него». Все это можно было бы сказать и объ Аннѣ Павловнѣ Затрапезной.

«Противорѣчія» посвящены В. А. Милютину (родному брату Николая и Дмитрія Алексѣевичей). Это былъ талантливый молодой писатель, такъ же много обѣщавшій въ области полити-

Digitized by Google

ческихъ и соціальныхъ наукъ, какъ сверстникъ его, Валеріанъ Майковъ—въ области критики. Оба они умерли слишкомъ рано; продолжателемъ ихъ обоихъ явился Н. Г. Чернышевскій. Дружба съ В. А. Милютинымъ служитъ, до извѣстной степени, указаніемъ на то, въ какомъ направленіи работала тогда мысль Салтыкова; еще яснѣе свидѣтельствуютъ о немъ воспоминанія Салтыкова, приведенныя нами выше. Если въ «Противорѣчіяхъ» чувствуется вліяніе первыхъ романовъ Ж.-Занда («Indiana», «Valentine», «Jaques»), то слѣдующая затѣмъ повѣсть Салтыкова: «Запутанное дѣло», напечатанная въ мартовской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1848 г. (т. 57), за подписью «М. С.», впущена отчасти второю—соціалистическою — полосой дѣятельности Ж.-Занда, отчасти прямо чтеніемъ авторовъ, подъ обаяніемъ которыхъ находилась въ то время французская писательница, отчасти, наконецъ, «Шинелью» Гоголя и «Бѣдными людьми» Достоевскаго *). Господствующая нота «Запутаннаго дѣла» — сочувствіе къ униженнымъ и оскорбленнымъ; отсюда только одинъ шагъ до несочувствія къ общественному строю, подъ сѣнью котораго благоденствуютъ унижающіе и оскорбляющіе. На бѣду для Салтыкова, первое сколько-нибудь открытое выраженіе его взглядовъ совпало съ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на наши высшія сферы февральской революціей во Франціи и мартовскимъ движеніемъ въ Германіи. «Я былъ утромъ, на масляной, въ итальянской оперѣ, — разсказываетъ Салтыковъ («За рубежомъ», т. VI, стр. 89—90, въ изд. 1889 г.),— какъ вдругъ, словно электрическая искра, всю публику пронизала вѣсть: министерство Гизо пало. Какое-то неясное, но жуткое чувство внезапно овладѣло всѣми. Именно всѣми, потому что хотя тутъ было множество людей самыхъ противоположныхъ воззрѣній, но навѣрно не было такихъ, которые отнеслись бы къ событію съ тѣмъ жвачнымъ равнодушіемъ, которое впослѣдствіи сдѣлалось какъ бы нормальною окраской русской интеллигенціи. Молодежь едва сдерживала безкорыстные восторги. Помнится, къ концу спектакля пало уже и министерство Тьера (тогда подобнаго рода извѣстія доходили до публики какъ-то неправильно и по секрету). Затѣмъ, въ теченіе какихъ-нибудь двухъ-трехъ дней, пало регентство, оказалось несостоятельнымъ эфемерное министерство Одилона Барро и, въ заключеніе, бѣжалъ самъ Луи-Филиппъ. Провозглашена была республика, съ временнымъ правительствомъ во главѣ, по-

*) Эта мысль развита нами болѣе подробно въ нашей статьѣ: «Русская общественная жизнь въ сатирѣ Салтыкова» («В. Европы», 1883 г. янв.—май).

Digitized by Google

лились рѣчи, какъ изъ рога изобилія... Громадность событія на все набрасывала покровъ волшебства. Франція казалась страною чудесъ. Можно ли было, имѣя въ груди молодое сердце, не плѣняться этою неистощимостью жизненнаго творчества, которое, вдобавокъ, отнюдь не соглашалось сосредоточиться въ опредѣленныхъ границахъ, а рвалось захватить все дальше и дальше? И точно, мы не только плѣнялись, но даже не особенно искусно скрывали свои восторги отъ глазъ бодрствующаго начальства. И вотъ, вслѣдъ за возникновеніемъ движенія во Франціи, произошло соотвѣтствующее движеніе и у насъ: учрежденъ былъ негласный комитетъ для разсмотрѣнія злокозненностей русской литературы». Въ этомъ комитетѣ, по словамъ біографическаго очерка «Русской Библіотеки», «было обращено особое вниманіе на повѣсти Салтыкова, хотя онѣ и были пропущены цензурою». «Въ мартѣ мѣсяцѣ, — читаемъ мы все въ той же главѣ «За рубежомъ»,—я написалъ повѣсть («Запутанное дѣло»), а въ маѣ уже былъ зачисленъ въ штатъ вятскаго губернскаго правленія». Сопоставленіе этихъ отзывовъ, изъ которыхъ одинъ идетъ прямо отъ Салтыкова, а другой имъ просмотрѣнъ и одобренъ, доказываетъ несомнѣнно, что иниціатива административной кары противъ молодого писателя принадлежала, — по крайней мѣрѣ, по убѣжденію самого Салтыкова, — «негласному» (Бутурлинскому) комитету по дѣламъ печати; не совсѣмъ ясно только одно—послужила ли поводомъ къ ней одна вторая повѣсть Салтыкова, или обѣ. Всего вѣроятнѣе, что въ «соображеніе» были приняты обѣ, но главные обвинительные пункты были почерпнуты изъ второй. Нѣсколько иначе разсказанъ ходъ дѣла г. Скабичевскимъ, въ статьѣ, на которую мы уже ссылались. «Надо было случиться, — говоритъ г. Скабичевскій, — чтобы однимъ изъ первыхъ распоряженій Бутурлинскаго комитета было строгое замѣчаніе, данное военному министру, гр. Чернышеву, за цензурныя неисправности въ «Русскомъ Инвалидѣ». Это обстоятельство вооружило гр. Чернышева противъ литераторовъ, и, какъ нарочно, въ то время, какъ гр. Чернышевъ находился еще подъ впечатлѣніемъ полученнаго имъ замѣчанія, явился къ нему Салтыковъ, какъ подчиненный, проситься въ отпускъ. Дѣло было подъ Рождество, и Салтыковъ намѣревался провести праздники на свободѣ, вѣроятно, у родныхъ. Упустивши совершенно изъ виду, что чиновникъ его занимается литературой, гр. Чернышевъ тутъ только вспомнилъ объ этомъ. «Вы, кажется, въ журналахъ пишете?» — спросилъ онъ Салтыкова. На утвердительный отвѣтъ послѣдняго гр. Чернышевъ потребовалъ, чтобы онъ представилъ ему свои сочи-

Digitized by Google

нія. «Тогда мы и посмотримъ, можно ли васъ отпустить»,— прибавилъ онъ къ этому. Салтыковъ представилъ министру свои два разсказа; министръ поручилъ Н. Кукольнику написать ему о нихъ докладъ. Заклятый врагъ натуральной школы, Н. Кукольникъ представилъ докладъ министру въ такомъ родѣ, что гр. Чернышевъ только ужаснулся, что такой опасный человѣкъ, какъ Салтыковъ, служитъ въ его министерствѣ,—и тотчасъ же препроводилъ докладъ Кукольника въ Бутурлинскій комитетъ, а Салтыкова уволилъ изъ министерства. Бутурлинскій комитетъ препроводилъ докладъ Кукольника въ третье отдѣленіе — и вотъ, въ одинъ прекрасный день, передъ квартирой Салтыкова остановилась ямская тройка съ жандармомъ и объявлено было ему повелѣніе тотчасъ же ѣхать въ Вятку. Все это было сдѣлано такъ поспѣшно, что Салтыковъ едва успѣлъ сложить въ чемоданъ свои пожитки и долженъ былъ сѣсть на тройку въ легкой шубенкѣ, едва достаточной для петербурскаго обихода. Лишь по снисходительности жандарма брату Салтыкова было дозволено, пріобрѣтя на скорую руку шубу, вполнѣ годную для далекаго путешествія на перекладныхъ, нагнать путешественника уже за шлиссельбургской заставой и избавить его отъ опасности «замерзнуть дорогою». Въ этомъ разсказѣ есть одна явная ошибка или описка: дѣло не могло происходить «подъ Рождество», потому что «Запутанное дѣло» появилось въ печати только въ мартовской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ». Рѣчь идетъ, очевидно, о Пасхѣ, которая, дѣйствительно, была близка. Вынужденный отъѣздъ Салтыкова изъ Петербурга состоялся 28-го апрѣля 1848 г.—ровно за сорокъ одинъ годъ до его смерти.

О служебной дѣятельности Салтыкова въ Вяткѣ извѣстно, до сихъ поръ, очень мало. Онъ былъ зачисленъ сначала (3-го іюля 1848 г.) въ канцелярскіе чиновники при губернскомъ правленіи, т. е. понижень по службѣ, поставленъ въ самые послѣдніе ряды губернской административной іерархіи; но уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же 1848 года служебное положеніе его улучшилось—онъ былъ назначенъ старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при вятскомъ гражданскомъ губернаторѣ. Губернаторомъ въ Вяткѣ былъ тогда Середа, бывшій прежде правителемъ канцеляріи у оренбургскаго военнаго губернатора Перовскаго *). Какъ человѣкъ честный, онъ не могъ не оцѣнить молодого чи-

*) См. статью г. Михайлова: «Щедринъ, какъ чиновникъ», въ «Одесскомъ Листкѣ» (выдержки изъ нея въ № 213 «Новостей», 5-го августа 1889 г.).

Digitized by Google

новника, рѣзко выдѣлявшагося изъ среды провинціальной бюрократіи. Салтыковъ два раза исправлялъ при немъ должность правителя губернаторской канцеляріи (съ мая по августъ 1849 и въ іюнѣ 1850 г.); сверхъ того, ему было поручено составленіе по городамъ Вятской губерніи инвентарей недвижимыхъ имуществъ, статистическихъ описаній и соображеній о мѣрахъ къ лучшему устройству общественныхъ и хозяйственныхъ городскихъ дѣлъ. 5-го августа 1850 г. Салтыковъ былъ назначенъ совѣтникомъ вятскаго губернскаго правленія. Было ли это при Середѣ, или при его преемникѣ Семеновѣ—не можемъ сказать съ точностью. Въ статьѣ г. Михайлова назначеніе Салтыкова приписывается Семенову, но вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ сообщаетъ, что Середа оставилъ Вятку въ 1851 г. (онъ былъ переведенъ, по просьбѣ оренбургскаго генералъ-губернатора Перовскаго, наказнымъ атаманомъ оренбургскаго казачьяго войска), а Салтыковъ, какъ видно изъ формулярнаго его списка, получилъ должность совѣтника въ 1850 г. Какъ бы то ни было, дѣятельность Салтыкова при новомъ губернаторѣ становится еще болѣе разнообразной. Продолжая работы по описанію и изученію городовъ, онъ состоитъ дѣлопроизводителемъ въ трехъ комитетахъ: о рабочемъ и смирительномъ домахъ, о новомъ порядкѣ отдачи въ арендное содержаніе почтовыхъ станцій и о выставкѣ сельскихъ произведеній въ Петербургѣ. На него возлагается также распоряженіе вятской очередной выставкой сельскихъ произведеній (лѣтъ за пятнадцать передъ тѣмъ дѣятельную роль по устройству выставки въ той же Вяткѣ игралъ Герценъ; таковъ, видно, былъ удѣлъ «опальныхъ» или «ссыльныхъ» чиновниковъ, какъ наиболѣе энергичныхъ и интеллигентныхъ). Въ 1853 г. Салтыковъ получаетъ командировку въ Нолинскъ, для обревизованія дѣлопроизводства тамошняго земскаго суда. Всѣ эти порученія, — какъ и многія другія, не оставившія слѣдовъ въ формулярномъ спискѣ Салтыкова,—сослужили большую службу русской литературѣ; они увеличили запасъ матеріала, изъ котораго создались «Губернскіе Очерки». Одной изъ служебныхъ командировокъ Салтыкова мы обязаны, быть-можетъ, нѣкоторыми сценами «Въ острогѣ», другой — разговоромъ: «Что такое коммерція», третьей—«Святочнымъ разсказомъ».

Въ бумагахъ Салтыкова уцѣлѣла, къ счастію, копія съ донесенія, представленнаго имъ губернатору, въ ноябрѣ 1852 г., по весьма интересному дѣлу. Будучи совѣтникомъ губернскаго правленія, Салтыковъ былъ посланъ губернаторомъ, вмѣстѣ съ жандармскимъ офицеромъ, въ Слободской уѣздъ для принятія мѣръ къ прекращенію безпорядковъ, возникшихъ между госу-

Digitized by Google

дарственными крестьянами двухъ сельскихъ обществъ (Путейскаго и Нелѣсовскаго) Трушниковской волости. Поводъ къ безпорядкамъ былъ слѣдующій: въ сосѣдствѣ съ землей вышеназванныхъ сельскихъ обществъ находилась казенная оброчная статья, носившая наименованіе *камской*. Числилось въ ней 1.846 десятинъ, но съ точностью размѣры ея и границы, при первой сдачѣ ея въ арендное содержаніе (въ 1836 г.), опредѣлены не были. Первый содержатель ея вносилъ за нее въ казну только 120 рублей ассигнаціями въ годъ. Платя столь ничтожную сумму, онъ не имѣлъ надобности стѣснять крестьянъ требованіемъ обременительнаго для нихъ оброка за лѣсныя поляны, которыми они пользовались съ давняго времени безоброчно. Источникомъ дохода для этого арендатора служили только поемные луга по рѣкѣ Камѣ, которые онъ сдавалъ по участкамъ мѣщанамъ заштатнаго города Кая и наиболѣе зажиточнымъ крестьянамъ Трушниковской волости. Въ 1841 году оброчная статья переходитъ въ содержаніе самихъ крестьянъ Путейскаго и Нелѣсовскаго обществъ, платящихъ за нее 320 рублей въ годъ. Въ 1844 г. преемникомъ ихъ становится кайскій мѣщанинъ Дмитрій Гуднинъ, съ платою по 332 рубля. Въ вводномъ листѣ, выданномъ ему въ 1845 г., не было показано ни число десятинъ, входящихъ въ составъ оброчной статьи, ни положеніе ея. Вслѣдъ за этимъ начинаются споры крестьянъ съ содержателемъ камской статьи. Послѣдній предъявляетъ претензію на полученіе съ крестьянъ арендной платы за пользованіе починками (лѣсными полянами); крестьяне обязываются къ тому подпиской, но не исполняютъ обязательства, потому что считаютъ починки не входящими въ составъ оброчной статьи. Пререканія между обѣими сторонами не прекращаются во все время аренды Дмитрія Гуднина, продолжавшейся до 1847 г. При новомъ арендаторѣ, крестьянинѣ Трушниковѣ (платившемъ по 339 рублей въ годъ), наступаетъ затишье; арендаторъ никакихъ требованій къ сосѣдямъ-крестьянамъ не предъявляетъ. Въ контрактѣ, заключенномъ съ Трушниковымъ, пространство оброчной статьи опредѣляется попрежнему въ 1.846 десятинъ, но въ подробной описи, выданной арендатору, количество земли показано только въ 720 десятинъ съ саженями. Въ 1849 г. мѣстный лѣсничій доноситъ палатѣ государственныхъ имуществъ, что камская оброчная статья заросла во многихъ мѣстахъ порослью и не имѣетъ межевыхъ признаковъ. Это не мѣшаетъ тому же лѣсничему выдать новому (съ 1850 г.) арендатору камской статьи, мѣщанину Ивану Гуднину (сыну Дмитрія), опись, существенно отличную отъ

Digitized by Google

прежней; десятинъ, входящихъ въ составъ оброчной статьи, показано здѣсь уже 991, и въ такихъ, между прочимъ, мѣстахъ, которыя на самомъ дѣлѣ въ пользованіи предшествовавшаго арендатора вовсе не состояли. Крестьяне, очевидно, сохраняютъ за собою фактическое обладаніе землею, которою безпрепятственно пользовались при Трушниковѣ; противъ этого протестуетъ новый арендаторъ, требуя возвращенія хлѣба и сѣна, свезенныхъ крестьянами съ лѣсныхъ полянъ. Между тѣмъ границы оброчной статьи попрежнему остаются неопредѣленными; землемѣръ, еще зимой 1849—50 гг. получившій предписаніе возобновить межевые признаки, отказывается, полтора года спустя, подъ неосновательнымъ предлогомъ, отъ исполненія этого порученія, а другой землемѣръ, прибывъ на мѣсто лѣтомъ 1851 г., ничего не предпринимаетъ, вслѣдствіе нежеланія понятыхъ указать границы оброчной статьи. Крестьяне то даютъ подписку о согласіи своемъ платить Гуднину оброкъ, то берутъ назадъ это согласіе; Гуднинъ отказывается, наконецъ, отъ дальнѣйшаго содержанія камской статьи; палата предписываетъ лѣсничему принять ее въ хозяйственное распоряженіе, но лѣсничій, вмѣсто того, возобновляетъ переписку о взысканіи съ крестьянъ. Въ непокорныя деревни является временное отдѣленіе земскаго суда; крестьяне не только отказываются отъ платежа взыскиваемыхъ денегъ, но вынуждаютъ станового пристава, помощника окружного начальника и самого арендатора дать подписку, оправдывающую ихъ образъ дѣйствій. При такомъ положеніи дѣла пріѣзжаетъ на мѣсто Салтыковъ. Изъ разспроса крестьянъ онъ узнаетъ еще новое обстоятельство, объясняющее ихъ «упорство»: въ 1844 г. спорная земля была нарѣзана имъ землемѣромъ по числу душъ, т. е. предназначена къ включенію въ составъ земельнаго ихъ надѣла. Правда, эта нарѣзка была только предварительною, требовавшею еще утвержденія начальства; но крестьянамъ мало понятны такія юридическія различія, и они настаиваютъ на своемъ, несмотря на всѣ старанія Салтыкова убѣдить ихъ въ необходимости исполненія предъявляемыхъ къ нимъ требованій. Болѣе уступчивыми крестьяне дѣлаются только тогда, когда трехъ изъ нихъ, считавшихся подстрекателями, берутъ подъ стражу и отсылаютъ въ уѣздный городъ. Арендаторъ, съ своей стороны, соглашается разсрочить взысканіе, даже вовсе отказывается отъ своихъ претензій къ бѣднѣйшимъ крестьянамъ. Дѣло, такимъ образомъ, оканчивается миролюбиво, еще до прибытія вытребованной военной команды.

Заурядный чиновникъ тогдашняго — да и не только тогдашняго — времени счелъ бы свою задачу исполненной и спокойно

Digitized by Google

возвратился бы къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Не такъ отнесся къ дѣлу Салтыковъ. Онъ не только раскрылъ всѣ обстоятельства, вызвавшія «неповиновеніе» крестьянъ, но подумалъ и о томъ, какъ предупредить повтореніе подобныхъ явленій. Вотъ что онъ пишетъ въ концѣ рапорта: «Крестьяне (данной мѣстности) всѣ вообще находятся въ самомъ бѣдномъ положеніи, и хотя и есть между ними довольно зажиточные, но и они кажутся таковыми только сравнительно съ другими, которые не имѣютъ почти никакихъ средствъ къ существованію. Землею на число душъ 8-й ревизіи крестьяне до сихъ поръ не надѣлены; нынѣшній надѣлъ произведенъ еще по генеральному межеванію и тогда, конечно, былъ достаточенъ, но въ настоящее время въ нѣкоторыхъ селеніяхъ едва-едва приходится на душу отъ двухъ до трехъ десятинъ удобной земли. Это, вѣроятно, и понудило крестьянъ дѣлать въ свободныхъ казенныхъ земляхъ расчистки, которыя впослѣдствіи были введены въ составъ камской оброчной статьи. Земля, находящаяся во владѣніи крестьянъ, самаго посредственнаго качества; хлѣба родятся едва-едва самъ-третій, а большею частью самъ-другъ и самъ-другъ съ половиной. Сѣнокосовъ хорошихъ нѣтъ вовсе, ибо всѣ крестьянскіе сѣнокосы лежатъ по болотистымъ мѣстамъ, а лучшіе луга, понимаемые весеннимъ разливомъ р. Камы, введены въ составъ оброчной статьи и изъ пользованія крестьянъ изъяты. Само собою разумѣется, что при недостаткѣ луговъ скотоводство крестьянъ находится въ самомъ жалкомъ положеніи, а отъ этого необходимо должно страдать и самое хлѣбопашество. Промыслы, которыми занимаются крестьяне для заработки денегъ, потребныхъ на уплату податей, заключаются въ выработкѣ и поставкѣ угля для сосѣднихъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ, въ поставкѣ дровъ для солеваренныхъ заводовъ Пермской губерніи и въ занятіи бурлачествомъ по рѣкѣ Камѣ. Выгоды, пріобрѣтаемыя этими промыслами, такъ незначительны, что вырабатываемыхъ денегъ едва достаточно на уплату государственныхъ податей за семейства, состоящія нерѣдко изъ трехъ и четырехъ душъ при одномъ работникѣ, на прокормленіе самихъ работниковъ во время отсутствія изъ дома и на покупку самыхъ необходимыхъ домашнихъ потребностей, какъ-то соли и пр. Соображая все объясненное выше, я, съ своей стороны, нахожу, что причины, побудившія крестьянъ къ возмущенію, заключаются въ слѣдующемъ: 1) въ самомъ положеніи крестьянъ, которое, дѣйствительно, представляется столь бѣдственнымъ, что съ перваго взгляда обращаетъ на себя особенное вниманіе, и 2) въ томъ недоразумѣніи, которое возникло между крестьянами

Digitized by Google

отъ неограниченія и неприведенія въ извѣстность камской статьи. Крестьяне, видя, что при одномъ содержателѣ статьи сей въ составъ ея входитъ болѣе, при другомъ — менѣе пространства, легко могли заподозрить въ этомъ дѣлѣ произволъ какъ со стороны содержателя, такъ и со стороны лица, вводившаго его во владѣніе статьею *). Хотя въ настоящее время безпорядки прекращены и бунтовщики приведены въ надлежащее повиновеніе, я не могу, однакоже, не сказать, что, по моему мнѣнію, единственный способъ водворить между крестьянами прочный порядокъ и тишину заключается въ скорѣйшемъ надѣленіи ихъ землею по числу душъ восьмой ревизіи, при чемъ, такъ какъ почти всѣ свободныя казенныя земли этого края таковы, что нарѣзка ихъ крестьянамъ нисколько не послужитъ къ улучшенію ихъ быта, а, напротивъ того, потребуетъ отъ нихъ же значительнаго труда и издержекъ, которые могутъ вознаградиться развѣ черезъ весьма долгое время, то я полагалъ бы въ число земель, предполагаемыхъ къ надѣлу крестьянамъ по восьмой ревизіи, включить и камскую статью, въ полномъ ея составѣ. Тѣмъ болѣе, по мнѣнію моему, предположеніе это заслуживаетъ уваженія, что статья сія составилась изъ лѣсныхъ полянъ, на расчистку которыхъ этими же крестьянами употребленъ не одинъ десятокъ лѣтъ».

Исторія камской оброчной статьи представляетъ прекрасный образчикъ экономическихъ отношеній и служебныхъ нравовъ, съ которыми на каждомъ шагу приходилось встрѣчаться Салтыкову. Съ одной стороны — бѣдность, граничащая съ нищетой, тяжелый трудъ изъ-за насущнаго хлѣба, незнаніе и непониманіе закона; съ другой стороны — бездушное бумагомараніе, игнорированіе самыхъ вопіющихъ народныхъ нуждъ, безконечная канцелярская волокита. Въ продолженіе шестнадцати лѣтъ учрежденія, завѣдующія государственными имуществами, не могутъ установить съ точностью ни пространства, ни границъ земельнаго участка, нѣсколько разъ переходящаго изъ однѣхъ рукъ въ другія. Содержателю оброчной статьи сдается нѣчто неопредѣленное, безпрестанно измѣняющееся въ объемѣ. Крестьянъ точно дразнятъ, то отнимая, то возвращая необходимую

*) Въ первоначальномъ наброскѣ бумаги за этими двумя пунктами слѣдовали еще два, впослѣдствіи зачеркнутые Салтыковымъ. Въ одномъ изъ нихъ указывалось на бездѣйствіе палаты государственныхъ имуществъ, ограничивавшейся «отпиской» и ни разу не потрудившейся серьезно вникнуть въ положеніе крестьянъ, а въ другомъ—на заключеніе палатой съ Гудинымъ такого контракта, который свидѣтельствовалъ о совершенномъ ея незнакомствѣ съ предметомъ сдѣлки.

Digitized by Google

имъ землю, многолѣтнимъ ихъ трудомъ отвоеванную изъ-подъ лѣса. Виноватыми являются, очевидно, не одни только лѣнивые или недобросовѣстные исполнители; значительная доля отвѣтственности падаетъ на систему, при которой двѣнадцатирублевая прибавка къ арендной платѣ признается достаточнымъ основаніемъ къ отобранію земли отъ крестьянскихъ обществъ, не могущихъ существовать безъ нея, и къ передачѣ ея частному лицу, дѣлающему изъ нея предметъ аферы. Эта система пережила эпоху реформъ и поколебалась лишь недавно, когда крестьянскимъ обществамъ предоставлено было преимущественное право на арендованіе свободныхъ казенныхъ земель. Настаивая на передачѣ камской оброчной статьи сосѣднимъ крестьянскимъ обществамъ, Салтыковъ предугадалъ тотъ путь, на который наше законодательство вступило, и то не вполнѣ, только по прошествіи трехъ десятилѣтій. Бумага, написанная Салтыковымъ въ 1852 году, составляетъ какъ бы приступъ къ позднѣйшей борьбѣ противъ крестьянскаго малоземелья. Онъ не побоялся предложить отдачу крестьянамъ именно той земли, изъ-за которой возникли безпорядки. Ему могли сказать, что удовлетвореніе «бунтовщиковъ» было бы равносильно поощренію «бунта», а при его положеніи въ губерніи такое толкованіе его словъ было бы далеко не безопасно. Не останавливаясь передъ личными соображеніями, онъ выразилъ свое мнѣніе съ искренностью и силою, необычными въ до-реформенномъ административномъ мірѣ. Само собою разумѣется, что онъ не скрылъ при этомъ многочисленныхъ упущеній, допущенныхъ въ дѣлѣ о камской оброчной статьѣ вѣдомствомъ государственныхъ имуществъ. Чѣмъ было тогда это вѣдомство въ провинціи—живымъ памятникомъ тому служатъ «Губернскіе Очерки» (припомнимъ «озорника» или «чиновниковъ хозяйственнаго управленія» въ «Непріятномъ посѣщеніи»), а также въ «Тяжелый годъ» въ «Благонамѣренныхъ рѣчахъ». Герой послѣдняго разсказа, Владиміръ Онуфріевичъ Удодовъ—второй экземпляръ или продолженіе «озорника»—стоитъ во главѣ губернскаго управленія государственными имуществами.

По словамъ г. Михайлова, на статью котораго мы уже ссылались, между вятскими сослуживцами Салтыкова было нѣсколько хорошихъ людей, съ которыми можно было «по-человѣчески переговорить». Одного изъ нихъ, А. П. Тиховидова, Салтыковъ рекомендовалъ Муравьеву (сыну извѣстнаго министра и генералъ-губернатора), когда послѣдній, уже послѣ возвращенія Салтыкова изъ ссылки, былъ назначенъ вятскимъ губернаторомъ *).

*) Если вѣрить г. Михайлову, указаніямъ Салтыкова слѣдуетъ

Digitized by Google

Тиховидовъ, окончивъ курсъ въ казанскомъ университетѣ, былъ учителемъ въ вятской гимназіи и преподавалъ, между прочимъ, реторику и піитику. Замѣтивъ въ Тиховидовѣ выдающіяся способности, Салтыковъ посовѣтовалъ ему оставить преподаваніе «искусства, какъ изъ песку веревку вить», и вступить въ гражданскую службу. Тиховидовъ послѣдовалъ этому совѣту и сдѣлался уѣзднымъ судьею, а потомъ совѣтникомъ уголовной палаты. Во всякомъ случаѣ, Тиховидовъ принадлежалъ къ числу исключеній, и исключеній рѣдкихъ. Вятскій чиновный міръ пятидесятыхъ годовъ состоялъ, бо́льшею частью, изъ оригиналовъ портретной галлереи, наполняющей «Губернскіе Очерки». Съ постояннымъ ихъ сосѣдствомъ Салтыковъ примириться никакъ не могъ. Яркую картину настроенія, овладѣвшаго имъ черезъ нѣсколько лѣтъ вятской жизни, мы находимъ въ «Скукѣ» («Губернскіе Очерки»). «Когда я ѣхалъ въ Крутогорскъ (т.-е. въ Вятку), то мнѣ казалось, что я долженъ на дѣлѣ принесть хоть частичку той пользы, которую каждый гражданинъ обязанъ положить на алтарь отечества. Думалось мнѣ, что въ самой случайности, бросившей меня въ этотъ край, скрывается своего рода предопредѣленіе... Юношескія мечты, тщетныя мечты!.. Что же я сдѣлалъ, какіе подвиги совершилъ?.. О, провинція! ты растлѣваешь людей, ты истребляешь всякую самодѣятельность ума, охлаждаешь порывы сердца, уничтожаешь все, даже самую способность желать!.. Какая возможность развиваться, когда горизонтъ мышленія такъ обидно суживается? Какая возможность мыслить, когда кругомъ нѣтъ ничего вызывающаго на мысль?.. Да, жалко, поистинѣ жалко положеніе молодого человѣка, заброшеннаго въ провинцію! Незамѣтно, мало-по-малу, погружается онъ въ тину мелочей и, увлекаясь легкостью этой жизни, которая не имѣетъ ни вчерашняго, ни завтрашняго дня, самъ безсознательно дѣлается молчаливымъ поборникомъ ея. А тамъ подкрадется матушка-лѣнь и такъ крѣпко сожметъ въ своихъ объятіяхъ новобранца, что и очнуться некогда». Эта участь не постигла Салтыкова, но его страшилъ ея призракъ, его мучила мысль о возможности успокоенія и усыпленія. Съ такими будильниками, какъ дѣло о камской оброчной статьѣ, до-реформенный чиновникъ встрѣчался, безъ сомнѣнія, крайне рѣдко; не даромъ же между бумагами Салтыкова нашлась только одна относящаяся къ его вятской службѣ...

Точекъ опоры для того, чтобы устоять противъ засасывающаго дѣйствія провинціальной «тины», Салтыковъ искалъ, по-

приписать бо́льшую часть опредѣленій и увольненій, послѣдовавшихъ въ Вятской губерніи при губернаторѣ Муравьевѣ.

Digitized by Google

видимому, въ своихъ воспоминаніяхъ о прошедшемъ и въ литературно-научныхъ занятіяхъ. О характерѣ первыхъ свидѣтельствуетъ несомнѣнно тотъ же очеркъ («Скука»), на который мы только что ссылались. «Были у меня иныя времена, окружали меня иные люди, все иное! Были глубокія вѣрованія, горячія убѣжденія, была страсть къ добру!.. Гдѣ-то вы, друзья и товарищи моей молодости?.. Помню я долгіе зимніе вечера и наши дружескія, скромныя бесѣды, заходившія далеко за полночь. Какъ легко жилось въ это время, какая глубокая вѣра въ будущее, какое единодушіе надеждъ и мысли оживляло всѣхъ *насъ!* Помню я и тебя, многолюбивый незабвенный другъ и учитель нашъ! Гдѣ ты теперь? Какая желѣзная рука сковала твои уста, изъ которыхъ лились на насъ слова любви и упованія?» Недостатокъ живой бесѣды съ единомышленниками-друзьями Салтыковъ старался пополнить чтеніемъ. Въ его бумагахъ сохранились замѣтки, озаглавленныя: «Объ идеѣ правѣ»; сохранился также приступъ къ біографіи Беккаріи; и то, и другое написано на бланкахъ «совѣтника вятскаго губернскаго правленія». Въ бланкъ, на которомъ начата біографія Беккаріи, вложенъ листъ бумаги съ нѣсколькими выписками изъ этого писателя; къ одной изъ нихъ присоединено возраженіе Салтыкова. «Люди,—говоритъ Беккаріа,—согласились, молчаливымъ контрактомъ, пожертвовать частью своей свободы, чтобы пользоваться остальнымъ спокойно, и чтобы воздерживать постоянныя усилія отдѣльныхъ лицъ къ возстановленію полной свободы». Нельзя себѣ представить,—замѣчаетъ по этому поводу Салтыковъ, — «чтобы человѣкъ могъ добровольно отказаться отъ части свободы, да и нѣтъ въ томъ никакой необходимости». Замѣтки «объ идеѣ права» также, повидимому, внушены чтеніемъ Беккаріи; но, судя по нѣкоторымъ выраженіямъ, онѣ принадлежатъ, всецѣло или большею частью, самому Салтыкову. Мы приведемъ изъ нихъ все болѣе существенное. Начинаются онѣ указаніемъ на важность сравнительнаго изученія уголовныхъ законовъ, въ которыхъ «отражается, со всѣми ея безобразными или симпатическими сторонами, внутренняя и внѣшняя жизнь народовъ. Если нравы народа мягки, если въ сознаніи народномъ живетъ идея правды, то законодатель является не исключительнымъ запретителемъ или равнодушнымъ карателемъ извѣстной категоріи дѣйствій, называемыхъ преступленіями. Спускаясь въ глубочайшіе тайники природы человѣческой, онъ приходитъ если не къ полному признанію ея слабостей и заблужденій, то, по крайней мѣрѣ, къ тому полному любви и снисхожденія взгляду, при которомъ извѣстное дѣйствіе является не столько преступленіемъ, сколько результатомъ не-

Digitized by Google

нормальнаго, болѣзненнаго состоянія человѣка. Напротивъ того, если дикость и необузданность составляютъ главную черту народнаго характера, уголовный кодексъ его является полнымъ жесткости и исключительности, принимаетъ формы отрицательныя, не хочетъ имѣть дѣла ни съ побудительными причинами дѣйствій, ни съ ихъ послѣдствіями. Рѣдко случается такъ, что уголовный кодексъ является не продуктомъ народной жизни, а чѣмъ-то случайнымъ, внѣшнимъ, примѣненнымъ къ народу безъ всякой живой съ нимъ связи. Такіе факты никогда не проходятъ даромъ; рано или поздно народъ разобьетъ это Прокрустово ложе, которое лишь безполезно мучило его. Какъ бы ни былъ младенчески неразвитъ народъ (а гдѣ же онъ развитъ?), онъ все-таки никогда не хочетъ улечься въ тѣсныя рамки искусственно задуманной административной формы». За этимъ общимъ вступленіемъ,— не лишеннымъ, думается намъ, внутренней связи съ служебнымъ опытомъ Салтыкова *), — идутъ отдѣльныя замѣчанія, изъ которыхъ, повидимому, должно было, впослѣдствіи времени, сложиться нѣчто цѣлое. «Что такое преступленіе? Не есть ли это дѣйствіе воли человѣка, направленное къ увеличенію суммы личнаго благосостоянія, дѣйствіе вполнѣ законное, если оно направлено такъ, что не приноситъ ущерба другимъ, и преступное, если оно влечетъ этотъ ущербъ»... «Причины, имѣющія вліяніе на мѣру наказанія—образованность, чувствительность, предразсудки касты и т. п., — такъ неуловимы, что не могутъ быть принимаемы въ расчетъ. Притомъ въ самой грубой кастѣ могутъ быть исключенія; почему же это исключеніе понесетъ на себѣ инфамію, сопряженную съ идеей всей касты? Поэтому самое лучшее тутъ — обслѣдовать всю жизнь преступника». Чтобы понять мысль Салтыкова объ «инфаміи, сопряженной съ идеей касты», нужно припомнить, что для лицъ непривилегированныхъ сословій наказаніе плетьми и наложеніе клеймъ служило *прибавкой* къ главному наказанію (ссылкѣ въ каторгу или на поселеніе), которому они подвергались наравнѣ съ лицами привилегированными... «Есть преступленія прямо противъ естественнаго права, противъ личности; есть преступленія противъ гражданскаго (искусственнаго) права, но которое такъ срослось съ нами, что принадлежитъ къ первой категоріи (пре-

*) Чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ и совѣтникъ губернскаго правленія часто являлись, въ до-реформенное время, чѣмъ-то въ родѣ судебныхъ слѣдователей по особенно важнымъ дѣламъ. Что Салтыковъ не избѣгъ этой участи — доказательствъ тому въ «Губернскихъ Очеркахъ» немало. Отсюда неизбѣжно проистекало знакомство съ уложеніемъ о наказаніяхъ.

Digitized by Google

ступленія противъ собственности, противъ чести и т. д.); наконецъ, есть преступленія, принадлежащія исключительно духу времени (политическія). Первыя для всѣхъ запрещены, вторыя— только для тѣхъ, которые достаточно развиты... *Развить это* *). Первыя не требуютъ подробнаго указанія въ законѣ; вторыя и особенно третьи должны быть указаны до мельчайшей подробности». Несмотря на всю отрывочность всѣхъ этихъ вышеприведенныхъ нами замѣчаній, они показываютъ съ достаточною ясностью, въ какомъ направленіи работала мысль Салтыкова. На другомъ листѣ, относящемся, судя по почерку и бумагѣ, приблизительно къ тому же времени, начато, повидимому, разсужденіе о томъ, имѣетъ ли всякій членъ общества право требовать отъ него насущнаго хлѣба. На этотъ вопросъ дается отрицательный отвѣтъ, но въ такихъ выраженіяхъ, которыя едва ли заключаютъ въ себѣ настоящую мысль автора: «Пусть всякій въ этомъ мірѣ отвѣчаетъ за себя и для себя! Тѣмъ хуже для тѣхъ, которые считаются лишними на землѣ! Слишкомъ много было бы хлопотъ, если бы нужно было давать хлѣба всѣмъ вопіющимъ о голодѣ!.. Такъ какъ населеніе безпрестанно стремится превзойти средства къ существованію, то милосердіе есть безуміе, есть поощреніе къ нищенству». Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что Салтыковъ хотѣлъ выставить въ самомъ яркомъ свѣтѣ крайности мальтузіанства—и затѣмъ перейти къ его опроверженію... Между бумагами Салтыкова оказалось еще нѣсколько страницъ выписокъ, въ русскомъ переводѣ, изъ Токвиля («De la démocratie en Amérique»), Вивьена («Etudes administratives») и Шерюеля («Historie de l'administration monarchique en France»), также, кажется, сдѣланныхъ въ Вяткѣ или вскорѣ послѣ выѣзда оттуда. И здѣсь можно найти нѣкоторыя указанія не только на то, что́ занимало Салтыкова, но и на то, что́ ему нравилось. Вотъ, напримѣръ, что́ онъ выписываетъ изъ Токвиля и Вивьена: «Центральная власть, какъ бы ни была просвѣщенна, не можетъ обнять всѣ подробности жизни великаго народа; когда она хочетъ своими средствами управлять многоразличными пружинами народной жизни, она истощается въ безплодныхъ усиліяхъ»... «Предупредительный элементъ ослабляетъ правительство. Оно дѣлается отвѣтственнымъ за все, дѣлается причиною всѣхъ золъ и порождаетъ къ себѣ ненависть. Съ другой стороны, граждане теряютъ всякую самодѣятельность»...

*) Этой оговоркой объясняется кажущаяся парадоксальность нѣкоторыхъ изъ числа вышеприведенныхъ замѣтокъ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло, очевидно, только съ бѣглыми набросками мыслей, занимавшихъ и волновавшихъ Салтыкова.

Digitized by Google

Къ вятскому періоду жизни Салтыкова относится, наконецъ, составленіе для сестеръ Е. А. и А. А. Болтиныхъ, изъ которыхъ одной суждено было сдѣлаться его женою *), «Краткой исторіи Россіи». Написанная, какъ сказано въ заглавіи, по разнымъ источникамъ и доведенная до Петра Великаго, она заключаетъ въ себѣ сорокъ довольно мелко исписанныхъ листовъ, и стоила Салтыкову, очевидно, не малаго труда. Характернаго въ ней немного, сходнаго съ будущей «Исторіей одного города» — ровно ничего. Это объясняется, конечно, самымъ назначеніемъ рукописи—служить какъ бы учебникомъ для молодыхъ дѣвушекъ, почти дѣвочекъ. Въ самомъ способѣ изложенія ничто не напоминаетъ позднѣйшую манеру автора. Приведемъ нѣсколько выписокъ только для того, чтобы показать, какъ мало Салтыковскаго въ этомъ юношескомъ произведеніи Салтыкова. «Личность сына Василія Темнаго—одна изъ самыхъ замѣчательныхъ въ русской исторіи. Іоаннъ Третій является довершителемъ намѣреній и политики своихъ предковъ, и довершителемъ не только счастливымъ, но и въ высшей степени благоразумнымъ»... «До Ѳедора Іоанновича крестьяне обыкновенно переходили отъ одного помѣщика къ другому. Обыкновеніемъ этимъ болѣе всего пользовались богатые помѣщики, имѣвшіе обширныя земли. Они имѣли всѣ средства принимать крестьянъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ, нежели помѣщики бѣдные, и потому земли послѣднихъ почти всегда оставались необработанными. Для пресѣченія этого зла, постановлено было, чтобы крестьяне отнынѣ навсегда оставались на тѣхъ земляхъ, на которыхъ застало ихъ царское повелѣніе» (больше о закрѣпощеніи крестьянъ не сказано ни слова)... «Уложеніе царя Алексѣя Михайловича—сводъ законоположеній по различнымъ частямъ государственнаго управленія, разсмотрѣнный и одобренный выборными чинами изъ всѣхъ сословій. Главнѣйшею мыслью его было равенство суда для всѣхъ лицъ и званій; смягчены были также многія наказанія» (этимъ исчерпывается оцѣнка Уложенія)... «Язвою русскаго государства были старовѣры. Секта эта возникла по случаю исправленія церковныхъ книгъ. Нѣкоторые изъ исправителей издали имѣвшіеся у нихъ въ рукахъ списки не только безъ исправленій, но даже съ ложными толкованіями. Патріархъ Никонъ жестоко преслѣдовалъ

*) Отецъ Е. А. и А. А. Болтиныхъ былъ вятскимъ вице-губернаторомъ; въ его домѣ Салтыковъ скоро сталъ своимъ человѣкомъ. «Краткая исторія Россіи» написана Салтыковымъ въ тверской его деревнѣ, куда онъ получилъ позволеніе съѣздить въ 1853 или 1854 г. Онъ присылалъ ее оттуда листами, чтобы напомнить о себѣ своимъ добрымъ знакомымъ.

Digitized by Google

такихъ ересіарховъ и высылалъ ихъ изъ Москвы. Возникла ересь распространившаяся съ необычайной быстротой. Дерзость старовѣровъ дошла до того, что они не усомнились окружить Успенскій соборъ во время натріаршаго служенія и настойчиво требовали публичнаго пренія». Заслуживаетъ вниманія, самъ по себѣ, только взглядъ Салтыкова на Іоанна Грознаго, почти всецѣло совпадающій съ мнѣніемъ Кавелина *). «Ничто не укрывалось отъ взора Іоанна,—говоритъ Салтыковъ, характеризуя лучшую эпоху его царствованія (1548—60);—вездѣ, во всѣхъ принятыхъ мѣрахъ, видно непосредственное участіе его, всѣ онѣ отмѣчены его геніемъ». Грозному царю ставится въ заслугу борьба съ боярствомъ, въ особенности на почвѣ мѣстнаго управленія; упоминается объ учрежденіи судныхъ старостъ и цѣловальниковъ, призванныхъ къ тому, «чтобы лишить областныхъ правителей возможности грабить народъ». Съ этой же точки зрѣнія одобряется значеніе, данное дьякамъ, а также введеніе въ думу «начала личныхъ заслугъ», установленіемъ званія думныхъ дворянъ. Перемѣна, происшедшая въ Іоаннѣ, объясняется «тѣми неудачами, тѣмъ постояннымъ противодѣйствіемъ, которое Іоаннъ встрѣчалъ со стороны всѣхъ окружавшихъ его для приведенія въ исполненіе своихъ реформъ». Упрекъ въ корыстолюбіи, въ «непониманіи государственныхъ интересовъ», распространяется и на тѣхъ «незнатныхъ людей», которыми Іоаннъ думалъ замѣнить бояръ. Россія—таково заключеніе автора—«была еще недовольно развита» для реформъ, задуманныхъ Іоанномъ. Даже учрежденіе опричнины оправдывается тѣмъ, что оно, «повидимому, имѣло цѣлью осуществленіе давней мысли Іоанна: создать служебное дворянство и замѣнить имъ родовое вельможество». Неудачу опричнины Салтыковъ приписываетъ опять-таки «недостаточной развитости» Россіи; «люди, которыхъ Іоаннъ удостоивалъ своею довѣренностью, отнюдь не оправдывали ея, а, напротивъ того, употребляли ее во зло, возмущая душу царя разными навѣтами и клеветами». О злодѣйствахъ Іоанна Салтыковъ не говоритъ почти вовсе, щадя, можетъ-быть, чувствительность своихъ ученицъ, а можетъ-быть—и репутацію своего любимца. Чѣмъ вызывалось снисходительное отношеніе Салтыкова къ Іоанну Грозному—это, въ виду приведенныхъ нами выпи-

*) Мнѣніе Кавелина объ Іоаннѣ Грозномъ было выражено въ статьѣ «Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи». Эта статья, впослѣдствіи вошедшая въ составъ «Сочиненій» Кавелина (изд. 1859 г., т. I; смотри въ особенности стр. 353—363), была напечатана въ «Современникѣ» 1847 г. и, слѣдовательно, была извѣстна Салтыкову, который несомнѣнно руководствовался ею.

Digitized by Google

сокъ, не требуетъ дальнѣйшихъ объясненій. Салтыкову, какъ и Кавелину, было симпатично общее направленіе внутреннихъ реформъ грознаго царя.

Насталъ, наконецъ, моментъ освобожденія Салтыкова изъ семилѣтняго вятскаго плѣна. Снятіемъ съ него полицейскаго надзора онъ былъ обязанъ, по словамъ г. Михайлова, новому вятскому губернатору, Ланскому. Вскорѣ послѣ того, 12-го февраля 1856 г., онъ былъ уволенъ отъ должности совѣтника вятскаго губернскаго правленія, съ причисленіемъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Выѣхалъ онъ изъ Вятки еще раньше, въ ноябрѣ, «по первому снѣгу» («Губернскіе Очерки» «Дорога»,). «Я оставляю Крутогорскъ окончательно,—пишетъ Салтыковъ въ той же «Дорогѣ»,—передо мною растворяются двери новой жизни, той полной жизни, о которой я мечталъ, къ которой устремлялся всѣми силами души своей... И между тѣмъ внутри меня совершается странное явленіе. Я слышу, я чувствую, что какое-то непзъяснимое, тайное горе сосетъ мое сердце... Я огорченъ, я подавленъ и уничтоженъ... Мнѣ кажется, что меня тяжело оскорбили, что внезапно погибло все, что я любилъ, чѣмъ былъ счастливъ, что я неожиданно очутился одинъ, отторгнутый отъ всего живого... Ужели я въ Крутогорскѣ оставилъ часть самого себя? Да! не могъ же я жить даромъ столько лѣтъ, не могъ не оставить послѣ себя никакого слѣда! И безсознательная былинка не живетъ даромъ, и та своей жизнью, хоть незамѣтно, но непремѣнно воздѣйствуетъ на окружающую природу... ужели же я ниже, ничтожнѣе этой былинки? Или, быть-можетъ, я сожалѣю о напрасно прожитыхъ лучшихъ годахъ моей жизни? Быть-можетъ, ржавчина привычки до того пронизала мое сердце, что я боюсь перемѣны жизни, которая предстоитъ мнѣ? И въ самомъ дѣлѣ, что ждетъ меня впереди? Новыя борьбы, новыя хлопоты, новыя искательства? А я такъ усталъ уже, такъ разбитъ жизнью, какъ разбита почтовая лошадь ежечасною ѣздою по каменистой дорогѣ! И не то чтобъ я, въ самомъ дѣлѣ, много жилъ, много извѣдалъ, много выстрадалъ... Нѣтъ, я чувствую, что въ этомъ отношеніи я еще свѣжъ и непорочепъ, какъ дѣвственница, и между тѣмъ сознаю, что душа моя дѣйствительно огрубѣла, а въ сердцѣ царствуетъ преступная вялость. Ужели же я погибну, не живши?—спрашиваю я себя, и вдругъ чувствую нестерпимый приливъ крови въ жилахъ. Мнѣ хочется бѣжать, бѣжать, кричать, кричать... Но вмѣстѣ съ тѣмъ я, какъ выздоравливающій больной, ощущаю, что мнѣ сильный моціонъ не по силамъ, что одно желаніе моціона порождаетъ уже разслабленіе и усталость во всѣхъ моихъ членахъ»...

Digitized by Google

«Выздоровленіе» Салтыкова совершилось, какъ извѣстно, весьма быстро—или, лучше сказать, самая болѣзнь его была только кажущаяся. Представимъ себѣ богатыря, много лѣтъ просидѣвшаго со связанными руками, въ небольшой тюремной кельѣ. Внезапно освобожденный, онъ не сразу чувствуетъ въ себѣ присутствіе дремавшей силы; пройдетъ нѣсколько времени, прежде чѣмъ онъ расправитъ могучія руки и опять двинется впередъ исполинскими шагами. У Салтыкова переходный періодъ былъ тѣмъ болѣе неизбѣженъ, что судьба бросила его въ Вятку молодымъ, едва испробовавшимъ свое дарованіе и наклоннымъ, какъ мы уже видѣли, къ сомнѣнію въ самомъ себѣ. Въ центрѣ Россіи, куда онъ возвращался, многое, вдобавокъ, перемѣнилось: наступила другая эпоха, пока заявившая себя, по позднѣйшему выраженію Салтыкова, только «замѣной мундирныхъ фраковъ мундирными полукафтанами», но обѣщавшая нѣчто иное, гораздо большее... Салтыкову снилась въ дорогѣ погребальная процессія «прошлыхъ временъ»; но въ голосѣ того, кто объяснялъ ему ея значеніе, слышалась «болѣзненная иронія». Надежды на будущее смѣшивались съ опасеніями, основанными на близкомъ знакомствѣ съ прошедшимъ,—прошедшимъ, олицетвореніемъ котораго служилъ для Салтыкова чиновный Крутогорскъ.

За чиновнымъ, офиціальнымъ Крутогорскомъ разстилался, однако, цѣлый крутогорскій край, «далекій и никѣмъ нетронутый, просторный и простодушный» (см. Введеніе къ «Губернскимъ Очеркамъ»). Этотъ край былъ милъ Салтыкову; о немъ онъ жалѣлъ, даже вырываясь на волю. Здѣсь Салтыковъ въ первый разъ почувствовалъ свою близость къ той «пошехонской *странѣ*», которая оставалась ему «родственной и достолюбезной» до самой смерти. «Дороги мнѣ и зыбучіе ея пески, и болота, и хвойные лѣса; но въ особенности милъ населяющій ее людъ, простодушный, смирный, слегка унылый, или, лучше сказать, какъ бы задумавшійся надъ разрѣшеніемъ какой-то непосильной задачи. Бѣдная эта страна—ее надо любить» *). Эти слова написаны почти тридцать лѣтъ спустя послѣ возвращенія Салтыкова изъ ссылки; но основная ихъ нота звучитъ уже въ «Губернскихъ Очеркахъ». Она запала въ душу Салтыкова еще въ его «Крутогорскѣ».

II.

12-го февраля 1856 г.—28-го апрѣля 1889 г.

Въ 1856 году надворный совѣтникъ Салтыковъ былъ переведенъ изъ Вятки въ Петербургъ, и въ томъ же году «надворный

*) «Пошехонскіе разсказы», т. VII, стр. 454 (изд. 1889 г.).

Digitized by Google

совѣтникъ Щедринъ» помѣстилъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» первые изъ своихъ «Губернскихъ Очерковъ», сразу доставившихъ ему громкую извѣстность. Къ тому же году относится и женитьба Салтыкова на Е. А. Болтиной, такъ что этотъ годъ во всѣхъ отношеніяхъ представляется поворотнымъ пунктомъ въ жизни нашего писателя.

Сначала причисленный къ министерству внутреннихъ дѣлъ, Салтыковъ вскорѣ (20-го іюня 1856 года) былъ назначенъ, въ томъ же министерствѣ, исправляющимъ должность чиновника особыхъ порученій VI-го класса. Еще раньше (12-го мая) на него было возложено составленіе свода распоряженій министерства внутреннихъ дѣлъ, касающихся войны 1853—56 года. 5-го августа онъ былъ командированъ въ губерніи Тверскую и Владимірскую для обозрѣнія на мѣстѣ письменнаго дѣлопроизводства губернскихъ комитетовъ ополченія. Результатомъ этихъ порученій явилась обширная записка о государственномъ ополченіи, черновая рукопись которой сохранилась въ бумагахъ Салтыкова. Изложивъ, въ главныхъ чертахъ, содержаніе положенія о государственномъ ополченіи, Высочайше утвержденнаго 29-го января 1855 года, Салтыковъ переходитъ къ главной своей задачѣ—къ обозрѣнію распоряженій, состоявшихся въ дополненіе и поясненіе положенія о государственномъ ополченіи, а также способа исполненія этихъ распоряженій. Онъ говоритъ сначала объ инспекторской части (т. е. о численномъ составѣ ополченія и о назначеніи начальствующихъ лицъ), потомъ о хозяйственной части, о врачебной части и, наконецъ, о роспускѣ ополченія. Въ отдѣлѣ, посвященномъ инспекторской части, нѣкоторый интересъ представляютъ, въ настоящее время, лишь немногіе факты, относящіеся къ избранію офицеровъ ополченія. Во Владимірской губерніи допущена была, вопреки закону, замѣна однихъ лицъ другими, по добровольному между ними соглашенію, т. е., какъ выражается Салтыковъ, нѣчто въ родѣ личнаго найма. Въ Московской губерніи половина офицеровъ оказалась избранною изъ отставныхъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ зазорнаго поведенія, недостойныхъ офицерскаго званія. Виновниками такого набора были признаны нѣкоторые уѣздные предводители дворянства, оставшіеся вполнѣ равнодушными къ устройству ополченія. Офицеры, избранные въ тверское ополченіе, наполовину не явились къ своимъ мѣстамъ, вслѣдствіе чего пришлось грозить имъ преданіемъ военному суду. О неблагонадежности нѣкоторыхъ офицеровъ ярославскаго и костромского ополченій понадобилось произвести слѣдствіе. Переходя къ обзору хозяйственной части, Салтыковъ замѣчаетъ, прежде всего, что губернскіе комитеты опол-

Digitized by Google

ченія, въ составъ которыхъ, вмѣстѣ съ высшими должностными лицами губерніи, входили и представители сословій,—обмундировали ополченіе, въ большинствѣ случаевъ, не только весьма дорого, но и весьма недоброкачественно. Покупка сукна и другихъ принадлежностей для незатѣйливаго костюма ополченцевъ производилась, бо́льшею частью, въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, особо командированными чиновниками или комиссіонерами, что̀ влекло за собою усиленный расходъ и на прогоны, и на провозъ матеріала. Въ Калужской губерніи обмундировка ратниковъ оказалась дурною, сапоги—сдѣланными изъ конины, а подошвы—изъ лубковъ; нѣчто подобное было найдено и при осмотрѣ костромского ополченія. Вообще слухи о дѣйствіяхъ губернскихъ комитетовъ были таковы, что для ихъ провѣрки министерство внутреннихъ дѣлъ нашло вынужденнымъ командировать въ нѣкоторыя губерніи особыхъ чиновниковъ. Результатомъ этой мѣры явилось обнаруженіе многихъ злоупотребленій или, по меньшей мѣрѣ, крайней нераспорядительности, особенно по Саратовской губерніи. Въ Тверской губерніи комитетъ ополченія постановилъ, въ предупрежденіе возвышенія цѣнъ, неизбѣжнаго при общемъ заподрядѣ произвести заготовку одежды въ каждомъ уѣздѣ отдѣльно, черезъ посредство уѣздныхъ предводителей; но вслѣдъ за этимъ большинство предводителей (участвовавшихъ въ постановленіи комитета), а также тверская палата государственныхъ имуществъ, сдали заготовку одному и тому же лицу—купцу Ветошкину. За обмундированіе каждаго ратника Ветошкину платилось 14 руб. 22 коп., между тѣмъ какъ за тѣ же вещи для кадровыхъ нижнихъ чиновъ тотъ же Ветошкинъ, въ то же самое время, получалъ по 9 р. 95½ к., т. е. почти въ полтора раза меньше. А эта послѣдняя цѣна была назначена комиссаріатскимъ департаментомъ, репутація котораго, какъ охранителя казенныхъ интересовъ, слишкомъ хорошо извѣстна. Затѣмъ губернскій комитетъ вообще—и предсѣдатель его, губернаторъ, въ особенности—являются ревностными защитниками Ветошкина. Для разбора жалобъ на Ветошкина, приносимыхъ начальникомъ осташковской дружины, посылаются губернаторомъ комиссіи, оправдывающія подрядчика; въ концѣ концовъ, губернаторъ отвѣчаетъ начальнику дружины, что назначеніе новой комиссіи, въ виду безрезультатности прежнихъ, представляется ненужнымъ. Начальникъ одной изъ кашинскихъ дружинъ отказывается принять ополченскіе армяки, какъ сдѣланные изъ коровьей шерсти; губернаторъ отвѣчаетъ, что это быть не можетъ, потому что армяки сдѣланы изъ армейскаго сукна (доказаннымъ, другими словами, признается именно то, что̀ еще слѣдовало доказать). Начальникъ бѣжецкой

Digitized by Google

дружины доноситъ, что полушубки для кадровыхъ нижнихъ чиновъ сдѣланы не изъ русскихъ, а изъ ордынскихъ овчинъ; губернаторъ отвѣчаетъ, что ордынскія овчины—тѣ же русскія. Нѣчто подобное происходитъ и во Владимірской губерніи, гдѣ обмундировку всего ополченія беретъ на себя, безъ торговъ, купецъ Никитинъ, городской голова и членъ губернскаго комитета ополченія. Цѣны, ему платимыя, также превышаютъ въ полтора раза цѣнность обмундированія мѣстныхъ кадровыхъ нижнихъ чиновъ... Въ снаряженіи ополченія злоупотребленій было меньше, потому что максимальныя цѣны были назначены здѣсь комиссаріатскимъ департаментомъ. Вотъ, однако, что мы читаемъ въ запискѣ Салтыкова о подвигахъ все того же тверского купца Ветошкина. Начальникъ новоторжской дружины доноситъ, что поставленные Ветошкинымъ ранцы и патронташи негодны; губернаторъ отвѣчаетъ, что они сдѣланы въ Москвѣ, и подрядчикъ долженъ былъ принять ихъ тамъ въ настоящемъ ихъ видѣ, изъ опасенія ничего не получить. Начальникъ корчевской дружины сообщаетъ, что дерево на патронныхъ ящикахъ дало щели и краска отстала; губернаторъ предлагаетъ начальнику дружины задѣлать щели и окрасить ящики на счетъ экономическихъ суммъ дружины. Начальникъ бѣжецкой дружины доноситъ, что патронные ящики не имѣютъ замковъ и лопасти для штыковыхъ ноженъ сдѣланы изъ горѣлой кожи. Губернаторъ отвѣчаетъ, что замки нужно изготовить на счетъ экономическихъ суммъ дружины, а лопасти слѣдуетъ принять, потому что онѣ были свидѣтельствованы комитетомъ и найдены хорошими... По врачебной части достаточно отмѣтить слѣдующее общее заключеніе Салтыкова: «несмотря на принятыя правительствомъ мѣры, врачебная часть въ ополченіи почти не существовала».

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что съ нѣкоторыми закулисными сторонами снаряженія и обмундированія ополченскихъ дружинъ Салтыковъ имѣлъ случай познакомиться еще въ Вяткѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стóитъ только прочесть «Тяжелый годъ», написанный во время послѣдней восточной войны, но относящійся къ эпохѣ крымской кампаніи («Благонамѣренныя рѣчи», т. V, стр. 590, изд. 1889 г.). Мы видимъ здѣсь картину захолустья, въ верхнихъ слояхъ котораго народное бѣдствіе отражается все бóльшимъ и бóльшимъ обостреніемъ хищническихъ аппетитовъ. Пока дѣло ограничивается учащенными рекрутскими наборами, около него хлопочутъ и грѣютъ руки предсѣдатель казенной палаты, управляющій палатой государственныхъ имуществъ, командиръ батальона внутренней стражи, совѣтникъ ревизскаго отдѣленія; когда приходитъ вѣсть о созывѣ государ-

Digitized by Google

ственнаго ополченія, движеніе захватываетъ самого губернскаго «патріарха», до тѣхъ поръ довольствовавшагося добровольными даяніями, въ видѣ рыбы, икры, миндалю, изюму и т. п. «Патріархъ прозрѣлъ окончательно. Прежде всего его поразила цифра. Всего, всего тутъ было много: и холста, и сукна, и сапожныхъ подметокъ, не говоря уже о людяхъ. Ядреная, вкусная, сочная, эта цифра разомъ разрѣшила связывавшія его узы.—Ни безпокойныхъ людей, ни критиковъ я не потерплю,—сказалъ онъ.—Критики вообще вредны, а у насъ въ особенности. Государство у насъ обширное, а потому и операціи въ немъ обширныя. И притомъ въ самоскорѣйшемъ времени. Слѣдовательно, если выслушивать критики, то для одного разсмотрѣнія ихъ придется учредить особую комиссію (припомнимъ мнѣніе тверского губернатора о безполезности комиссій). А ополченіе тѣмъ временемъ будетъ безъ сапогъ (припомнимъ, почему начальнику новоторжской дружины рекомендовалось принять никуда негодные ранцы и патронташи). Не критиковать надобно, а памятовать, что въ мірѣ все подвержено тлѣнію, а амуничныя вещи въ особенности. Одинъ ратницкій сапогъ дойдетъ до Севастополя, другой—до первой станціи (припомнимъ калужскія подметки изъ лубковъ). Никакая критика въ этомъ не поможетъ, потому что достоинство сапога зависитъ не отъ критики, а отъ сапожника. Законъ это предвидѣлъ, и потому ни въ какомъ вѣдомствѣ критика не установилъ». Правда, вожделѣнія крутогорскаго «патріарха» остались втунѣ, но это произошло совершенно независимо отъ его воли, просто потому, что нашелся другой хищникъ, болѣе смѣлый и болѣе ловкій (управляющій палатой государственныхъ имуществъ). «Неслыханнѣйшая оргія взволновала нашъ скромный городъ. Весь мало-мальски смышленый людъ заволновался. Всякій спѣшилъ какъ-нибудь поближе пріютиться около пирога, чтобы нѣчто урвать, утаить, ушить, укроить и вообще, по силѣ возможности, накласть въ загорбокъ любезному отечеству. Лица вытянулись, глаза помутились, уста оскалились. Нашъ тихій городъ словно ошалѣлъ. Обѣды, балы слѣдовали другъ за другомъ, съ патріотическими тостами, съ пѣніемъ моднаго тогдашняго романса о воеводѣ Пальмерстонѣ. Безсознательно, но, тѣмъ не менѣе, безпощадно, отечество продавалось всюду и за всякую цѣну. Кто не могъ ничего урвать, тотъ продавалъ самого себя. Все, что было въ присутственныхъ мѣстахъ пьяненькаго, неспособнаго, лѣнивaго,—все потянулось въ ополченіе» (припомнимъ «личный наемъ» — во владимірскомъ ополченіи, составъ офицеровъ — въ московскомъ). Какъ глубоко запало въ душу Салтыкова печальное зрѣлище толпы, эксплоатирующей государственную невзгоду, объ

Digitized by Google

этомъ можно судить и по слѣдующему отрывку изъ «Отголосковъ», также написанному во время послѣдней восточной войны («Въ средѣ умѣренности и аккуратности», т. III, стр. 483, изд. 1889 г.): «Я помню очень многое, и, между прочимъ, 1853 — 55 годы. Помню ликующихъ жуликовъ, помню людей, одолѣваемыхъ простымъ долгоязычіемъ, и людей, пользовавшихся долгоязычіемъ какъ подходящимъ средствомъ, чтобы запускать руку въ карманъ ближняго или казны. Мало того: я помню, что этихъ людей называли тогда благонамѣренными, несмотря на то, что ихъ лганье было шито бѣлыми нитками. И что всего ужаснѣе: не только не представлялось возможности обличить ихъ, но даже устраниться, уйти отъ нихъ было нельзя...» На ловца,—гласитъ поговорка,—и звѣрь бѣжитъ; первое порученіе, данное Салтыкову по возвращеніи его изъ ссылки, показало ему наглядно, что «крутогорскіе» обычаи и нравы существуютъ повсемѣстно; что «дворянскія» губерніи ничѣмъ, въ этомъ отношеніи, не отличаются отъ «не-дворянскихъ». Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что это усилило интенсивность щедринской сатиры. Печатая «Губернскіе Очерки», Салтыковъ не только догадывался — онъ *зналъ*, что ведетъ борьбу съ общимъ всероссійскимъ зломъ, глубоко проникшимъ въ чиновную и сословную почву.

Кромѣ свода распоряженій по призыву государственнаго ополченія, въ послужномъ спискѣ Салтыкова упомянуто только одно занятіе, возложенное на него (въ октябрѣ 1856 года), какъ на чиновника особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ *): это—составленіе предположеній объ улучшеніи устройства земскихъ повинностей. Въ чемъ состояли эти предположенія—мы не знаемъ. На самомъ дѣлѣ, Салтыковъ исполнялъ, по всей вѣроятности, и другія служебныя работы. Между его бумагами нашлась черновая записка объ устройствѣ православныхъ церквей въ западныхъ губерніяхъ, относящаяся, очевидно, именно ко времени бытности его чиновникомъ особыхъ порученій. Основная мысль этой записки, написанной отъ имени министра внутреннихъ дѣлъ, заключается въ томъ, что понужденіе помѣщиковъ западнаго края къ постройкѣ или исправленію православныхъ храмовъ было бы несовмѣстно съ достоинствомъ правительства и православной церкви; увеличеніе числа храмовъ и приведеніе ихъ въ надлежащій видъ можетъ быть достигнуто только воззваніемъ къ добровольнымъ жертвователямъ изъ среды всего православнаго народа и устройствомъ, для сбора пожертвованій и распоряженія ими, особаго общества, съ центральнымъ управленіемъ въ Петер-

*) Онъ былъ утвержденъ въ этой должности 6-го ноября 1857 г.

Digitized by Google

бургѣ и отдѣленіями въ Москвѣ и во всѣхъ губернскихъ городахъ имперіи. Гораздо болѣе обширна и болѣе замѣчательна другая служебная записка, также сохранившаяся въ бумагахъ Салтыкова: объ устройствѣ градскихъ и земскихъ полицій. Съ содержаніемъ ея необходимо познакомиться подробно.

«Въ Россіи, — такъ начинаетъ Салтыковъ, — *благотворное* дѣйствіе полиціи почти незамѣтно; что касается до ея злоупотребленій и сопряженныхъ съ всеобщимъ ущербомъ вмѣшательствъ въ частные интересы, то они не только замѣтны, но оставляютъ по себѣ несомнѣнно весьма вредное впечатлѣніе. Всякій, кто не праздно жилъ въ провинціи и всматривался въ окружающія явленія, безъ труда пойметъ справедливость этого замѣчанія. Въ провинціи существуетъ не *дѣйствіе*, а произволъ полицейской власти, совершенно убѣжденной, что не она существуетъ для народа, а народъ для нея». Послѣ этого характеристичнаго вступленія, иллюстраціей которому можетъ служить любая страница «Губернскихъ Очерковъ», Салтыковъ подчеркиваетъ различіе между полиціей въ обширномъ смыслѣ, обнимающей собою всю сумму дѣйствія центральной власти на народъ, и полиціей въ тѣсномъ смыслѣ, составляющей особую отрасль государственной администраціи. Понимаемая въ обширномъ смыслѣ, полиція не поддается точному опредѣленію; она стремится подчинять себѣ всякое проявленіе жизни и не признаетъ законности ни въ чемъ, развивающемся самобытно. Понимаемая въ тѣсномъ смыслѣ, полиція имѣетъ задачей преслѣдованіе правонарушеній, въ сферѣ государственной, общественной и частной; ея характеръ — чисто репрессивный: она не заслоняетъ собою самобытной дѣятельности гражданъ, а, напротивъ, является къ ней на помощь, въ особенности если осуществленіе дѣйствія полиціи возложено на самихъ гражданъ. Область полицейской власти расширяется тамъ, гдѣ господствуетъ централизація, суживается тамъ, гдѣ преобладаетъ противоположное начало. Въ поясненіе этой мысли Салтыковъ ссылается на примѣръ Франціи и Англіи. Во Франціи правительство постоянно стремилось подчинить своему вліянію какъ частные, такъ и общинные интересы народа. «Это не помѣшало ей, однакоже, въ теченіе 60 лѣтъ, волноваться революціями. Мало того: можно безъ преувеличенія сказать, что централизація власти весьма сильно способствовала тому волненію умовъ, которое и донынѣ во Франціи не прекращается. Въ Англіи, гдѣ правительство ограничивается наблюденіемъ народной жизни, государственный организмъ развивается безъ всякихъ потрясеній». Могутъ возразить, что это объясняется развитіемъ въ англій-

Digitized by Google

скомъ народѣ чувства законности и консерватизма. Но чѣмъ же воспиталось это чувство? Не тѣмъ ли, что народъ всегда сознавалъ свою личность, свое право, что онъ никогда не былъ тѣмъ бездушнымъ и безсмысленнымъ субъектомъ, который правительство могло гнуть въ ту или другую сторону по усмотрѣнію? «Азбука всякой системы администраціи, — продолжаетъ Салтыковъ,—гласитъ, что предметомъ ея должно быть благо народное. Но понятіе объ этомъ благѣ, особливо въ государствахъ обширныхъ, весьма относительно и измѣняется сообразно съ условіями мѣстности, обычаевъ и т. д. Претензія подчинить всѣ мѣстности однимъ и тѣмъ же началамъ не значила ли бы то же, что уложить всѣ личности на Прокрустово ложе?» Въ особенности сильно значеніе мѣстнаго элемента проявляется въ обсужденіи интересовъ «земства» *), составляющихъ плоть и кровь мѣстности, касающихся каждаго ея обитателя. Правительство, по мнѣнію Салтыкова, не имѣетъ надобности навязывать земству такіе-то и такіе-то интересы, а не тѣ, которые стоятъ на первомъ планѣ у самаго земства. Задача правительства ограничивается согласованіемъ мѣстныхъ интересовъ съ общегосударственными. Разительный примѣръ преобладанія центральной власти въ дѣлахъ чисто домашняго свойства представляетъ наше законодательство по вопросу о переложеніи натуральныхъ повинностей въ денежныя. Это переложеніе допускается не иначе, какъ съ разрѣшенія высшей центральной власти. Почему? Потому, что правительству извѣстна наклонность бюрократіи выискивать во всякомъ предписаніи закона такую сторону, которая давала бы пищу для злоупотребленій, а злоупотребленіямъ денежная повинность поддастся еще легче, чѣмъ натуральная. Въ бытность Салтыкова, въ 1854 г., въ Пермской губерніи (по дѣламъ службы), онъ имѣлъ случай удостовѣриться, что сборъ съ казенныхъ крестьянъ денегъ на отправленіе ямской гоньбы, взамѣнъ натуральной повинности, простирался, въ нѣкоторыхъ волостяхъ, до ужасной цифры 90 коп. сер. съ души *) — и за

*) Выраженіе *земство* можетъ возбудить мысль, что излагаемая нами записка Салтыкова составлена уже послѣ введенія земскихъ учрежденій. Опроверженіемъ этой мысли служитъ все содержаніе записки. Понятіе о *земствѣ* существовало у насъ и тогда, когда не было еще рѣчи о земскихъ учрежденіяхъ. Въ упомянутой выше запискѣ Салтыкова о православныхъ храмахъ въ западныхъ губерніяхъ идетъ рѣчь о *земствѣ* этихъ губерній, въ которыхъ, какъ извѣстно, земскихъ учрежденій никогда не было и нѣтъ въ настоящее время.

*) Чтобы понять значеніе этой дѣйствительно ужасной цифры, необходимо припомнить, что большею частью ее не превышаетъ

Digitized by Google

всѣмъ тѣмъ лошади все-таки выставлялись натурой, потому что подрядчикъ, пользуясь покровительствомъ начальства, содержалъ количество лошадей недостаточное. Гдѣ же, однако, источникъ подобныхъ явленій? Не въ томъ ли, что чиновники совершенно чужды интересамъ земства, на которое они смотрятъ какъ на pays conquis, какъ на средство покормиться? Совсѣмъ иной оборотъ приняло бы дѣло, если бы забота о лучшемъ устройствѣ интересовъ земства лежала на немъ самомъ. Оно было бы заинтересовано въ бережливомъ отношеніи къ собственнымъ силамъ, а излишняя бережливость или скупость могла бы быть предупреждена вмѣшательствомъ центральной власти. «Какая, напримѣръ, надобность требовать въ Вятской губерніи, чтобы земскія лошади имѣли не менѣе 2 арш. 2 верш. роста, если мѣстная порода лошадей, славящаяся во всей имперіи своею крѣпостью и выносливостью, представляетъ такой ростъ лишь какъ исключеніе? И отчего сотскій или разсыльный земскаго суда или окружного начальника, и даже сами эти вельможи, не могутъ ѣхать въ легкомъ плетеномъ тарантасикѣ, имѣющейся у каждаго крестьянина, а должны трястись въ обширной телѣгѣ, окрашенной зеленою краскою?.. Какая существенная надобность государству знать, какъ я хозяйствую у себя, дома, если я въ точности исполняю всѣ обязанности, лежащія на мнѣ, какъ на гражданинѣ? То же замѣчаніе въ такой же степени вѣрно и по отношенію къ земству, съ тою только разницей, что хозяйство послѣдняго происходитъ, такъ сказать, при открытыхъ дверяхъ, и слѣдовательно не только правительству, но и всякому частному человѣку представляется полная возможность контроля...» Дальше Салтыковъ перечисляетъ главныя неудобства административной централизаціи. Первое изъ нихъ — солидарность между высшимъ правительствомъ и его агентами, тогда какъ на самомъ дѣлѣ между министромъ внутреннихъ дѣлъ и какимъ-нибудь становымъ приставомъ нѣтъ ничего общаго. Отсюда безпрестанныя жалобы на правительство, которое будто бы не имѣетъ надзора за своими агентами, будто бы не преслѣдуетъ злоупотребленій и не печется объ искорененіи ихъ. Второе неудобство централизаціи заключается въ томъ, что она какъ бы стираетъ всѣ личности, составляющія государство. Вмѣшиваясь во всѣ мелочныя отправленія народной жизни, принимая на себя регламентацію частныхъ интересовъ, правительство тѣмъ самымъ какъ бы освобождаетъ гражданъ отъ

теперешній земскій сборъ, удовлетворяющій столь многочисленнымъ и разнообразнымъ потребностямъ крестьянскаго населенія.

Digitized by Google

всякой самобытной дѣятельности. Третьимъ неудобствомъ централизаціи Салтыковъ признаетъ обусловливаемое ею «существованіе массы чиновниковъ, чуждыхъ населенію и по духу, и по стремленіямъ, не связанныхъ съ ними никакими общими интересами, безсильныхъ на добро, но въ области зла являющихся страшной, разъѣдающей силой. Гарантіей противъ злоупотребленій не можетъ служить даже матеріальная обезпеченность чиновниковъ. Многіе ли изъ губернаторовъ, напримѣръ, не пользуются такъ-называемыми безгрѣшными доходами? Положительно можно сказать, что такіе губернаторы извѣстны по имени не только правительству, но и всей Россіи. Важно не содержаніе—важенъ произволъ, который слѣдуетъ, но нельзя обуздать, пока въ государствѣ существуетъ особый видъ пролетаріата, носящій официальное имя чиновничествъ». Четвертое зло, производимое централизаціей, есть то невѣдѣніе народныхъ нуждъ, въ которое она погружаетъ правительство. «Рапорты о благополучіи» — необходимая принадлежность чиновничества, чуждаго населенію и равнодушнаго къ его потребностямъ. Исключеніе дѣлается только для тѣхъ предметовъ, которые, какъ извѣстно чиновникамъ, обращаютъ на себя особое вниманіе правительства. Примѣръ: раскольники. Въ отношеніи къ этимъ предметамъ все «неблагополучно». «Пишутся донесенія, отъ чтенія которыхъ становится страшно: подумаешь, что пробилъ послѣдній часъ для государства. А ларчикъ открывается весьма просто: чиновнику нужно отличиться — онъ описываетъ все, какъ ему хочется».

Покончивъ съ централизаціей, «составляющей въ настоящемъ дѣлѣ главный вопросъ», Салтыковъ переходитъ къ слѣдующимъ вопросамъ «второстепенной важности»: 1) должно ли устройство полиціи быть коллегіальнымъ; 2) слѣдуетъ ли подвергать агентовъ полиціи какимъ-либо требованіямъ и испытаніямъ въ отношеніи къ способностямъ ихъ и знанію дѣла; 3) возможно ли допустить въ самомъ духѣ полицейскихъ учрежденій элементъ предупредительный, или же слѣдуетъ дать ихъ дѣйствіямъ исключительно репрессивный характеръ, и 4) какія должны быть самыя формы, въ которыхъ имѣетъ проявляться дѣйствіе полиціи? *По первому вопросу* Салтыковъ находитъ, что и коллегія, и единоличная власть имѣютъ свои выгоды и свои невыгоды. Самая лучшая система—та, которая соединяетъ хорошія стороны обоихъ порядковъ: но такое соединеніе возможно только при децентрализаціи, когда коллегія является принадлежностью земства, а принципъ единаго агента — принадлежностью центральной власти. *По второму вопросу* Салтыковъ признаетъ

Digitized by Google

необходимымъ и теорическое, и практическое испытаніе полицейскихъ чиновниковъ. Замѣною теорическаго испытанія служитъ дипломъ учебнаго заведенія; степени образованія, удостовѣряемой дипломомъ, должно соотвѣтствовать и право на полученіе той или другой должности въ административной іерархіи. Обойтись безъ теоретической подготовки могутъ только низшіе полицейскіе чиновники. Практическимъ испытаніемъ должна быть безвозмездная служба, ограниченная опредѣленнымъ срокомъ. Чѣмъ шире роль, предоставленная земству, тѣмъ меньше чиновниковъ — тѣмъ легче, слѣдовательно, для правительства убѣждаться въ ихъ способности и благонадежности. *По третьему вопросу* Салтыковъ высказывается за необходимость предупредительнаго элемента въ полицейской дѣятельности, но лишь подъ условіемъ децентрализаціи. Чиновникъ, живущій въ постоянномъ отдаленіи отъ народа, не имѣетъ ни средствъ, ни даже охоты заботиться о предупрежденіи правонарушеній. Мѣстность, которою онъ завѣдуетъ, извѣстна ему лишь поверхностно, въ общихъ чертахъ; сегодня онъ здѣсь, завтра — тамъ, и чѣмъ онъ способнѣе, тѣмъ быстрѣе переходитъ съ одного мѣста на другое. Расширеніе полицейской дѣятельности, при господствѣ централизаціи, представляется не только непрактичнымъ, но и нежелательнымъ, потому что всякому агенту централизованной власти, даже при полной добросовѣстности его, свойственно стремленіе къ произволу. Здѣсь Салтыковъ затрагиваетъ попутно вопросъ о судѣ и является защитникомъ *суда общиннаго*, разумѣя подъ этимъ именемъ нѣчто весьма похожее на судъ присяжныхъ. Общественнымъ началомъ въ судѣ онъ дорожитъ до такой степени, что высказывается даже противъ предполагавшагося въ то время слiянія уѣздныхъ судовъ съ городовыми магистратами *). *По четвертому вопросу*, наконецъ, Салтыковъ требуетъ возможно бо́льшаго ограниченія письменной полицейской процедуры, возможно бо́льшаго развитія *матеріальной* дѣятельности, т. е. реальной, а не бумажной охраны интересовъ, ввѣренныхъ заботливости полицейскихъ учрежденій. Въ концѣ этого отдѣла записки авторъ еще разъ предпринимаетъ une charge à fond противъ централизаціи, сравнивая ея идею съ идеей учрежденія іезуитскаго ордена. «И тамъ, и тутъ,— восклицаетъ онъ,—царствуетъ общее недовѣріе и пастырей къ паствѣ, и пастырей между собою. И тамъ, и тутъ все до такой степени искусственно, что не знаешь, чему болѣе удивляться: терпѣнію ли людей, которые придумали призрачную машину, не

*) Уѣзднымъ судамъ, составленнымъ изъ представителей дворянства и крестьянства, было подсудно уѣздное населеніе; городо-

Digitized by Google

имѣющую никакихъ корней въ природѣ человѣческой, или долговѣчности этой машины, которая, несмотря на всю свою противоестественность, продолжаетъ и до днесь существовать и пользоваться правами гражданственности».

Въ Россіи торжество централизаціи при Петрѣ Великомъ очень скоро принесло горькіе плоды и вызвало реакцію, признаки которой Салтыковъ видитъ уже въ преобразованіяхъ Екатерины. Чтобы смягчить крайности централизаціи, императрица предоставила извѣстныя права купечеству и дворянству, но это не привело къ желанной цѣли. «Дворянство, въ сословномъ его значеніи, уже не существовало: оно слилось съ чиновничествомъ и приняло всѣ его формы». О серьезномъ значеніи купечества тѣмъ болѣе не могло быть и рѣчи. Развитію административныхъ мѣръ Екатерины много препятствовало и то обстоятельство, что онѣ были слишкомъ исключительно сословныя. Преемники Екатерины не продолжали начатаго ею дѣла, и оно заглохло въ типѣ постепенно расширяющейся централизаціи. «Настоящее положеніе полицейскаго управленія въ Россіи представляетъ поучительную, но крайне грустную картину. Это какое-то странное смѣшеніе произвола и дисциплины, хаоса и регламентаціи». Истинной централизаціи въ Россіи нѣтъ, потому что она предполагаетъ ясно сознанную государственную идею, а у насъ интересы государства непонятны не только для становыхъ приставовъ, но даже и для многихъ губернаторовъ. Въ Россіи существуютъ лишь попытки къ централизаціи, выражающіяся въ преобладаніи произвола и въ невозможности самобытнаго развитія народныхъ силъ. Кругъ дѣйствій полиціи несоразмѣрно великъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не опредѣленъ съ достаточною ясностью: общая полиція безпрестано сталкивается съ спеціальными (въ примѣръ этому Салтыковъ приводитъ дорожное дѣло: общая полиція настаиваетъ на немедленномъ исправленіи дороги, не принимая въ расчетъ никакихъ побочныхъ обстоятельствъ; окружной начальникъ, облеченный полицейскою властью по отношенію къ государственнымъ крестьянамъ, противопоставляетъ этому требованію хозяйственныя нужды крестьянъ, въ данную минуту не оставляющія имъ досуга для починки дороги). Наши коллегіальныя присутственныя мѣста (губернскія правленія, земскіе суды) представляютъ собою пародіи на коллегію въ истинномъ смыслѣ этого слова; все зависитъ здѣсь отъ усмотрѣнія одного лица, «наставленія» котораго равносильны предписаніямъ. Отдѣльные агенты правительства сплошь и рядомъ

ными магистратамъ, члены которыхъ выбирались горожанами,—городское населеніе.

Digitized by Google

могутъ быть названы его врагами, потому что ежечасно подрываютъ довѣріе къ нему народа. Въ видѣ иллюстраціи, Салтыковъ ссылается на положеніе слѣдственной части, отличительная черта которой — необузданный произволъ слѣдователя. «Бюрократія,—восклицаетъ онъ,—до того уже охватила всѣ формы русской жизни, что благонамѣренному чиновнику ничего не остается болѣе дѣлать, какъ заняться перепискою бумагъ». Другое зло нашей административной жизни—это крайнее размноженіе переписки. Салтыковъ объясняетъ его двумя главными причинами: раздробленіемъ властей, изъ которыхъ каждая, считая себя чѣмъ-то независимымъ, стремится защищать свой взглядъ и отстаивать свои мнимыя права, и несоразмѣрностью штатовъ съ числомъ и значеніемъ предметовъ, входящихъ въ кругъ дѣйствій извѣстнаго мѣста или лица. Если штатъ слишкомъ великъ, чиновники стараются доказать свою необходимость и напрасно плодятъ переписку; если штатъ слишкомъ малъ, они плодятъ ее для того, чтобы сбросить съ себя часть непосильнаго бремени, зачисливъ какъ можно больше дѣлъ за посторонними вѣдомствомъ. Основываясь на собственномъ опытѣ, Салтыковъ осмѣиваетъ практику ревизіонныхъ столовъ губернскихъ правленій, разсылающихъ ежегодно десятки тысячъ никому не нужныхъ и ни къ чему не ведущихъ подтвержденій. «Что дѣлаютъ совѣтники губернскаго правленія? А если совѣтники дѣльные, то чѣмъ занимаются секретари ихъ отдѣленій? По большей части или тѣ, или другіе, а часто и оба вмѣстѣ—люди древніе, доживающіе свой вѣкъ подъ сѣнью коллегіи, дающей имъ возможность, ничего не дѣлая, состоять на службѣ. Надобно прочитать любой журналъ губернскаго правленія, чтобы убѣдиться въ томъ, что весь онъ—результатъ работы писца, его неребѣлявшаго. Работа столоначальника заключается въ томъ только, что онъ на подлинныхъ бумагахъ обозначаетъ, съ которыхъ поръ до которыхъ слѣдуетъ переписать. Изъ этого проистекаетъ галиматья неописанная. Встрѣчаются мѣста, которыхъ никакими силами понять нельзя, а *приказали*, т. е. то мѣсто, въ которомъ должна выразиться самобытныя дѣятельность коллегіи, бываетъ, по выраженію народному, короче утинаго носа и обыкновенно выражается въ словахъ *о содержаніи справки дать знать такому-то;* или: *предписать такому-то, чтобы поступилъ на законномъ основаніи*».

Изъ всѣхъ приведенныхъ выше фактовъ и соображеній Салтыковъ выводитъ заключеніе о необходимости общаго переустройства и губернской, и уѣздной администраціи, но, оставаясь въ предѣлахъ возложенной на него задачи, онъ говоритъ болѣе

Digitized by Google

подробно только о преобразованіи полиціи. Прежде всего, ему кажется излишнимъ обособленіе полиціи земской (т. е. уѣздной) отъ полиціи городской; отдѣльная городская полиція должна быть оставлена только въ большихъ городахъ. Дальше онъ предлагаетъ совершенно отдѣлить полицію исполнительную отъ судной и слѣдственной и передать первую въ вѣдѣніе земства. Организацію земства Салтыковъ представляетъ себѣ такъ. Образуется уѣздный земскій совѣтъ, изъ девяти членовъ: трехъ—по выбору дворянства, трехъ—по выбору городского сословія, трехъ—по выбору казенныхъ крестьянъ (припомнимъ, что записка Салтыкова относится ко времени, предшествующему отмѣнѣ крѣпостного права). Этотъ сословный составъ совѣта рекомендуется Салтыковымъ не какъ наилучшій (наоборотъ, сословная организація кажется ему противорѣчащей интересамъ массы), а какъ наиболѣе соотвѣтствующій тогдашней дѣйствительности; на этомъ же основаніи предсѣдательство въ совѣтѣ возлагается имъ на уѣзднаго предводителя дворянства. Характеръ занятій совѣта не долженъ быть исключительно полицейскій, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и даже преимущественно, административный; совѣтъ долженъ замѣнить собою всѣ нынѣ существующія уѣздныя административныя учрежденія. Ему должно принадлежать обсужденіе всѣхъ мѣръ по общему управленію уѣздомъ и городомъ, по устройству повинностей, развитію торговли и промышленности, наблюденію за правильнымъ ихъ производствомъ, *учрежденію школъ*, охраненію тишины и спокойствія и т. п. Разъѣздовъ члены совѣта не должны предпринимать, и общее присутствіе совѣта должно быть созываемо только извѣстное число разъ въ году, когда это не можетъ быть для членовъ совѣта обременительнымъ. Въ прочее время года совѣтъ можетъ дѣйствовать въ уменьшенномъ составѣ. Содержаніе, низшая цифра котораго должна быть опредѣлена закономъ, члены совѣта получаютъ отъ своихъ сословій. Въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ постановленія совѣта исполняются волостными и сельскими управленіями; что касается до помѣщичьихъ имѣній, то они раздѣляются на группы, и для каждой группы избирается дворянами особый полицейскій начальникъ, исполняющій постановленія совѣта и производящій судно-полицейское разбирательство. Городъ раздѣляется на участки, и въ каждый участокъ опредѣляется полицейскій начальникъ, по выбору городского общества. Правительство, съ своей стороны, назначаетъ въ каждый уѣздъ стряпчаго и нѣсколькихъ его помощниковъ; первый присутствуетъ въ засѣданіяхъ совѣта, послѣдніе производятъ слѣдствія, при участіи депутата отъ сословія, къ которому принадлежитъ обвиняемый. По дѣламъ, касающимся

Digitized by Google

интересовъ государства, голосъ стряпчаго обязателенъ для совѣта; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ его мнѣнія имѣютъ только «руководительное» значеніе. Права и обязанности земскаго совѣта, а также подчиненныхъ ему мѣстъ и лицъ, должны быть со всею точностью опредѣлены закономъ. Протоколы и резолюціи земскаго совѣта (протоколы—по общимъ вопросамъ, резолюціи—по частнымъ дѣламъ) должны быть излагаемы просто и ясно. «Справки должны быть въ головѣ у присутствующихъ, и потому нѣтъ надобности наполнять ими цѣлые десятки листовъ». Сношенія стряпчаго съ совѣтомъ происходятъ на словахъ. У полицейскихъ начальниковъ переписка должна быть самая ничтожная. Заканчивается записка такъ: «Предположенія, высказанныя здѣсь лишь въ общихъ чертахъ, необходимо должны уясниться при болѣе подробномъ развитіи ихъ. Порученіе, возложенное на меня, сопряжено съ большимъ трудомъ и требуетъ много самыхъ разнообразныхъ работъ и разысканій. По мнѣнію моему, оно должно обнять слѣдующія главныя части: 1) Обозрѣніе всѣхъ предположеній, собранныхъ по настоящее время въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ по этому предмету. Эти предположенія составятъ четырнадцать огромныхъ томовъ. 2) Обозрѣніе, по источникамъ, отечественнаго законодательства, какъ по самому устройству полиціи, такъ и по опредѣленію ихъ обязанностей. Обозрѣніе сіе должно быть сдѣлано во всей подробности и снабжено критическимъ взглядомъ. Для достиженія сей послѣдней цѣли представляется необходимымъ изъ ревизіи нѣкоторыхъ земскихъ судовъ и градскихъ полицій убѣдиться практически, какимъ образомъ приводятся въ исполненіе на мѣстахъ предписанія закона. 3) Критическій обзоръ законодательствъ главнѣйшихъ государствъ Европы по этому дѣлу. Эта часть труда необходима не для того, чтобы рабски слѣдовать въ новомъ уставѣ примѣру иностранныхъ государствъ, но для того, чтобы при сообщеніи сему дѣлу дальнѣйшаго хода, оно могло отвѣчать на всѣ вопросы. 4) Наконецъ, самый проектъ полицейскаго устава, который долженъ быть, безъ сомнѣнія, не что иное, какъ логическій результатъ предшествующихъ трехъ частей труда».

Такова любопытная записка, представляющая Салтыкова въ новой для насъ роли административнаго реформатора. Мы предполагали сначала, что она составлена въ 1860 г., когда Салтыковъ, будучи рязанскимъ вице-губернаторомъ (онъ назначенъ на эту должность 6-го марта 1858 г.), участвовалъ, какъ видно изъ формулярнаго его списка, въ занятіяхъ учрежденной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ. Ближайшее знакомство съ запиской при-

Digitized by Google

зело насъ къ другому заключенію; мы думаемъ, что она написана раньше, еще въ бытность Салтыкова чиновникомъ особыхъ порученій. Въ ней нѣтъ и намека на предстоящее освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ,—а это едва ли было бы возможно въ 1860 г., накануѣ отмѣны крѣпостного права; нѣтъ также никакихъ указаній на преобразованіе слѣдственной части, состоявшееся въ 1860 г. (учрежденіе судебныхъ слѣдователей). Вездѣ, гдѣ Салтыковъ ссылается на собственный свой служебный опытъ, онъ говоритъ только о Вятской губерніи, только о должности совѣтника губернскаго правленія; о Рязанской губерніи въ запискѣ вовсе нѣтъ рѣчи; о должности вице-губернатора сказано лишь нѣсколько словъ. Работу, предназначенную для комиссіи *о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ*, Салтыкову незачѣмъ было бы, наконецъ, искусственно замыкать въ тѣсныя рамки вопроса о земскихъ и градскихъ полиціяхъ. Если наша догадка о времени составленія записки основательна, то этимъ объясняется многое въ ея содержаніи—напримѣръ, соединеніе полицейской и судебной власти, по отношенію къ помѣщичьимъ имѣніямъ, въ рукахъ полицейскаго начальника, избираемаго дворянствомъ. При существованіи крѣпостного права такое учрежденіе было бы несомнѣннымъ шагомъ впередъ, потому что замѣнило бы, до извѣстной степени, произволъ помѣщика болѣе или менѣе правомѣрною дѣятельностью должностнаго лица, подчиненнаго всесословному земскому совѣту... Чѣмъ раньше составлена записка, тѣмъ больше она заслуживаетъ удивленія. И въ 1860 году немного было должностныхъ лицъ, способныхъ и готовыхъ говорить, въ формальной служебной бумагѣ, такъ рѣшительно и такъ откровенно, какъ говоритъ авторъ записки. Еще меньше, конечно, ихъ было за два или три года передъ тѣмъ, когда только что начиналась новая эра. Безпощаднаго анализа системы, едва поколебленной и официально еще не осужденной, всего труднѣе было ожидать отъ молодого чиновника, только что вернувшагося изъ продолжительной ссылки и занимавшаго весьма скромное положеніе въ административномъ мірѣ. Салтыковъ не остановился передъ соображеніями личной безопасности и личной выгоды; получивъ возможность высказаться, онъ воспользовался ею широко и смѣло. Оружіемъ ему послужили и личный служебный опытъ, и теоретическія знанія, пріобрѣтенныя имъ во время вынужденныхъ вятскихъ досуговъ. Первый помогъ ему нарисовать вѣрную картину дѣйствительности; въ послѣднихъ онъ почерпнулъ масштабъ для критики и исходную точку для преобразовательнаго плана. Разсужденія о вредѣ административной централизаціи, конечно, не составляютъ автор-

Digitized by Google

ской собственности Салтыкова, но ему принадлежитъ честь примѣненія ихъ къ русской жизни, подтвержденія ихъ данными, взятыми изъ прошедшаго и настоящаго Россіи. Многое въ запискѣ Салтыкова не устарѣло до сихъ поръ, какъ потому, что уцѣлѣли нѣкоторыя изъ тогдашнихъ учрежденій (напримѣръ—губернскія правленія), нѣкоторые изъ тогдашнихъ обычаевъ (канцелярскія отписки, доклады, составляемые съ помощью отмѣтокъ: отъ А до Б), такъ и потому, что далеко не во всемъ измѣнился общій духъ администраціи... Въ самомъ проектѣ реформы, набросанномъ Салтыковымъ, есть, конечно, очевидныя ошибки,—очевидныя *теперь*, при свѣтѣ всего совершившагося въ продолженіе трехъ послѣднихъ десятилѣтій; но въ главномъ, общемъ, цѣли и пути указаны Салтыковымъ совершенно вѣрно, и рано или поздно могутъ осуществиться нѣкоторыя изъ его желаній. Къ ошибкамъ слѣдуетъ отнести, какъ намъ кажется, предположенія Салтыкова о составѣ земскаго совѣта, слишкомъ малочисленномъ для учрежденія обсуждающаго, слишкомъ многочисленномъ для учрежденія исполняющаго. Земскій совѣтъ, проектируемый Салтыковымъ,—это въ одно и то же время и земское собраніе, и земская управа; именно потому онъ не могъ бы быть какъ слѣдуетъ ни тѣмъ, ни другимъ. Не вполнѣ ясно и послѣдовательно установлено также у Салтыкова различіе между полиціей благоустройства и полиціей безопасности. Чрезвычайно плодотворной является зато мысль объ объединеніи всего уѣзднаго управленія, совершенно упущенная изъ виду въ эпоху великихъ реформъ, всплывшая наверхъ въ земскихъ проектахъ восьмидесятыхъ годовъ, но до сихъ поръ не проведенная въ дѣйствительность. Не менѣе цѣнно и то, что это объединеніе пріурочивалось Салтыковымъ къ *земской* почвѣ; отношеніе между земствомъ и центральною властью понималось имъ именно такъ, какъ оно рисуется лучшими представителями современнаго государственнаго права.

Мы уже сказали, что въ мартѣ 1858 г. Салтыковъ былъ назначенъ рязанскимъ вице-губернаторомъ. 3-го апрѣля 1860 г. онъ былъ переведенъ на ту же должность въ Тверь и нѣсколько разъ исполнялъ тамъ обязанности губернатора. Служебная дѣятельность не мѣшала Салтыкову отдавать много времени литературѣ. Въ 1857 г. окончилось появленіе «Губернскихъ Очерковъ» въ «Русскомъ Вѣстникѣ», и вслѣдъ затѣмъ они вышли въ свѣтъ особой книжкой; въ томъ же году Салтыковъ напечаталъ еще нѣсколько произведеній, отчасти вошедшихъ, отчасти не вошедшихъ въ полное собраніе его сочиненій. Къ послѣдней категоріи принадлежатъ: комедія «Смерть Пазухина» («Русскій

Digitized by Google

Вѣстникъ», № 19) и «Женихъ», картина провинціальныхъ нравовъ («Современникъ», № 10). Въ 1858 и 1859 г. произведенія Салтыкова появлялись въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Атенеѣ», «Современникѣ», «Библіотекѣ для Чтенія» и «Московскомъ Вѣстникѣ»; почти все написанное имъ за это время вошло въ составъ «Невинныхъ разсказовъ». Съ 1860 г. Салтыковъ становится постояннымъ сотрудникомъ «Современника»; изъ другихъ ежемѣсячныхъ журналовъ только «Время» (1862 г., №№ 4 и 9) получаетъ отъ него нѣсколько сценъ и разсказовъ, перепечатанныхъ впослѣдствіи въ «Сатирахъ въ прозѣ». Совершенно забыты, въ настоящее время, небольшія публицистическія статьи, помѣщенныя Салтыковымъ за его подписью въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1861 г. (редакторомъ этой газеты былъ въ то время В. Ѳ. Коршъ, двумя годами позже сдѣлавшійся редакторомъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»; онѣ не попали въ «Библіографическій очеркъ литературной дѣятельности Салтыкова», напечатанный въ № 7 «Русской Мысли» 1889 г. А между тѣмъ онѣ заслуживаютъ полнѣйшаго вниманія. Мы изложимъ содержаніе ихъ по находящимся въ нашихъ рукахъ черновымъ рукописямъ Салтыкова. Первая изъ нихъ, въ рукописи озаглавленная: «Къ крестьянскому дѣлу», въ печати—«Объ истинномъ значеніи недоразумѣній по крестьянскому дѣлу», появилась въ свѣтъ весьма скоро послѣ обнародованія положеній 19-го февраля. Она имѣетъ двоякую цѣль: раскрыть главный источникъ замѣшательствъ и волненій, неизбѣжныхъ въ началѣ новаго фазиса народной жизни, и указать лучшее средство къ ихъ предупрежденію. «Представьте себѣ,—такъ начинаетъ авторъ:—бѣднаго петербургскаго чиновника, который въ теченіе тридцати и болѣе лѣтъ своей службы ежедневно прохаживался изъ Галерной Гавани въ тотъ департаментъ, гдѣ имѣлъ честь состоять писцомъ, и который давнымъ-давно забылъ мечтать о томъ, что есть на свѣтѣ мѣста помощниковъ столоначальника, дающія возможность износить въ годъ лишнюю пару сапоговъ; предположите, что этотъ забитый и загнанный судьбою человѣкъ совсѣмъ неожиданно получаетъ извѣстіе о доставшемся ему милліонномъ наслѣдствѣ. Какъ поступитъ, какъ поведетъ себя нашъ труженикъ? Прежде всего, думаю я, онъ не повѣритъ полученному извѣстію, и сомнѣнія его разсѣются уже тогда, когда объявляющій ему эту вѣсть квартальный поручикъ назоветъ его сіятельствомъ и поцѣлуетъ у него руку. Потомъ онъ сочтетъ первымъ долгомъ нагрубить своему столоначальнику и не встать съ мѣста при появленіи начальника отдѣленія. Потомъ онъ примется переписывать брошенную ему на столъ бумагу, но работа будетъ идти

Digitized by Google

худо и не споро, и онъ, не кончивъ ея, сбѣжитъ изъ департамента въ свою любезную Гавань. Тамъ онъ закричитъ благимъ матомъ, созоветъ товарищей своего прежняго безотраднаго существованія и учинитъ дебошъ. Я даже не прочь отъ мысли, что онъ напьется пьянъ и что-нибудь напаскудитъ мимоходомъ». Безспорно, было бы лучше, если бы счастливецъ поступилъ иначе—сходилъ въ храмъ Божій, потомъ въ баню, испросилъ у добрыхъ начальниковъ отпускъ для устройства домашнихъ дѣлъ, и т. д., но вѣдь въ жилахъ его течетъ кровь, сердце у него заиграло отъ радостной вѣсти, а въ такомъ настроеніи естественно и даже законно «подпрыгнуть до потолка и показать, въ нѣкоторомъ родѣ, языкъ своему прошедшему». Съ положеніемъ внезапно разбогатѣвшаго чиновника имѣетъ много общаго положеніе крестьянъ, только что выслушавшихъ добрую вѣсть о свободѣ. Возможно ли, чтобы эта вѣсть не потрясла ихъ до глубины души, чтобы при полученіи ея они сохранили все благоразуміе, все хладнокровіе? Конечно, было бы весьма пріятно слышать, что они, одѣвшись въ синіе армяки или праздничные сарафаны, вышли на улицу и стали кроткимъ манеромъ играть хороводы, а потомъ спокойно разошлись по домамъ, съ тѣмъ, чтобы на другой день благонравно приняться за исполненіе старыхъ обязанностей. Но—увы!—какъ ни соблазнительна подобнаго рода идиллія, она едва ли возможна. Всякій благоразумный помѣщикъ пойметъ, что крестьянину, преисполненному новымъ для него чувствомъ свободы и довольства, трудно воздержаться отъ того, чтобы даже не попривередничать малость». А между тѣмъ, выискиваются люди, предъявляющіе къ крестьянамъ неисполнимыя требованія. Они ужасно волнуются при мысли, что душою крестьянина чувство благодарности за дарованныя права владѣетъ не всецѣло. Отсюда тѣ дикіе вопли, которые нерѣдко слышатся въ такъ-называемомъ образованномъ обществѣ; отсюда пеструвыя воззванія къ насилію, какъ единственному убѣжищу противъ черной неблагодарности и единственному средству для насажденія надлежащихъ чувствъ въ черствой душѣ крестьянина. Обычнымъ орудіемъ такого насилія являются «полицейскія мѣры»—и именно противъ нихъ съ особенною силой возстаетъ Салтыковъ. Онъ желалъ бы, чтобы въ «недоразумѣнія» между помѣщиками и крестьянами вовсе не вмѣшивалась полиція, предоставляя разрѣшеніе ихъ исключительно новымъ крестьянскимъ учрежденіямъ. Отъ послѣднихъ Салтыковъ ожидаетъ образа дѣйствій, свободнаго отъ старыхъ административныхъ традицій. «Не на завладѣніе ферулой, а на исторженіе ея изъ рукъ прочихъ административныхъ мѣстъ и на преданіе ея всенародно сожженію должно быть обращено

Digitized by Google

ревнивое вниманіе крестьянскихъ учрежденій». Главная ихъ задача—«толковое и терпѣливое разъясненіе крестьянамъ ихъ правъ и обязанностей»; необходимо также устранять «излишнія и стѣснительныя для крестьянъ требованія помѣщиковъ», запрещенныя закономъ даже во времена крѣпостного права и еще менѣе допустимыя послѣ освобожденія крестьянъ. На степень безпорядка, неповиновенія, противодѣйствія слишкомъ часто притомъ возводятся такіе поступки крестьянъ, которые вовсе не имѣютъ этого характера. «Какая-нибудь ключница Мавра донесетъ барынѣ, что дядя Корнѣй, лежа на печи, бормоталъ: вы-ста, да мы-ста—вотъ ужъ и злоумышленіе. Какой-нибудь староста Акимъ подольстится къ барынѣ, что у насъ-де, сударыня, давеча Васька-скотъ на всю сходку оралъ—а пойдемъ-ка, братцы, къ барынѣ, пускай она водки намъ поднесетъ!—вотъ ужъ и бунтъ. Васька-скотъ летитъ въ становую квартиру, а дядя Корнѣй записывается въ книжечку, какъ будущій зачинщикъ и подстрекатель. Кстати о зачинщикахъ. Одна дама спрашивала нѣкотораго глубокомысленнаго администратора, хвалившагося, что онъ въ такомъ-то случаѣ взялъ столько-то зачинщиковъ и поступилъ съ ними по всей строгости (есть такія плоскодонныя головы, которыя и этимъ хвалятся!): — скажите, пожалуйста, какимъ образомъ вы умѣете отличить зачинщиковъ? — Администраторъ вытаращилъ глаза и, повидимому, изумился, какъ это ему никогда не приходилъ въ голову подобный вопросъ. — Вы, можетъ-быть, отличаете ихъ по волосамъ: одинъ разъ зачинщики—бѣлокурые, другой разъ—брюнеты? — Администраторъ побагровѣлъ отъ злости, но удовлетворительнаго отвѣта не далъ. Увы! я и самъ до сихъ поръ не знаю, какіе отличительные наружные признаки зачинщика. Мнѣ все сдается, что зачинщикъ—время, и что его-то именно и слѣдуетъ подвергнуть полицейскому взысканію. Очень можетъ быть, что я ошибаюсь»... Возможность исключительныхъ случаевъ, вызывающихъ полицейскія мѣры, Салтыковъ признаетъ, но думаетъ, что они почти всегда могли бы быть предупреждены *своевременнымъ* увѣщаніемъ и соглашеніемъ. Въ самомъ своемъ началѣ безпорядокъ можетъ быть прекращенъ гораздо легче, чѣмъ тогда, когда онъ уже успѣлъ, такъ сказать, организоваться. Конечно, уследить за чуть примѣтными зачатками безпокойства довольно трудно; но власть не для того существуетъ, чтобы дѣйствовать спустя рукава. Отвѣтственности за безпорядки должны подлежать, поэтому, не только крестьяне, но и учрежденія или лица, допустившія развитіе безпорядковъ. Салтыковъ вполнѣ убѣжденъ, что даже и въ серьезныхъ случаяхъ мѣры, не выходящія изъ предѣловъ законности, принесутъ пользу несравненно

Digitized by Google

болѣе дѣйствительную и прочную, чѣмъ мѣры «экстренныя». Впечатлѣнія, вызванныя употребленіемъ силы, болѣе интенсивны, но менѣе продолжительны. Самая медленность законной процедуры имѣетъ свою хорошую сторону, потому что даетъ раздраженію время притупиться, а лицу, дѣйствующему противъ этого раздраженія, позволяетъ оглядѣться и приступить къ искорененію зла съ полнымъ знаніемъ его сущности... Въ заключеніе Салтыковъ высказывается за гласность засѣданій губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій и за доведеніе особыхъ мнѣній, подаваемыхъ членами этихъ присутствій, до свѣдѣнія центральной власти.

Непосредственнымъ продолженіемъ этой статьи является небольшая замѣтка, посвященная спеціально членамъ отъ дворянства въ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіяхъ *). На нихъ въ особенности разсчитываетъ Салтыковъ для достиженія цѣлей, указанныхъ имъ раньше—для разъясненія крестьянамъ ихъ правъ и обязанностей и для предупрежденія «недоразумѣній», изъ которыхъ возникаютъ «безпорядки». Въ появленіи ихъ на мѣстѣ Салтыковъ видитъ одну изъ гарантій противъ ненавистныхъ ему полицейскихъ мѣръ. «Дѣйствіе полиціи, какъ оно до сихъ поръ представлялось въ понятіяхъ народа, есть нѣчто не успокаивающее, но даже производящее результаты совершенно противоположные... То, въ чемъ полицейская власть видитъ неповиновеніе или сопротивленіе закону, въ глазахъ добросовѣстнаго члена губернскаго правленія можетъ принять характеръ событія, коего основа лежитъ, быть-можетъ, въ неяномъ пониманіи обязанностей съ одной стороны, а быть-можетъ и въ стараніи удержаться на прежней почвѣ произвола—съ другой».

Слѣдующая замѣтка Салтыкова «Объ отвѣтственности мировыхъ посредниковъ», помѣщенная въ № 91 «Московскихъ Вѣдомостей» (все за тотъ же 1861 г.), написана по поводу статьи Ржевскаго (довольно извѣстнаго, въ свое время, сторонника консервативно-дворянской партіи): «Нѣсколько словъ о дворянствѣ», напечатанной въ № 11 «Нашего Времени». Статья Ржевскаго, насколько она касалась мировыхъ посредниковъ, была проникнута полнѣйшимъ, безграничнымъ оптимизмомъ. Авторъ не сомнѣвался въ безусловной пригодности новыхъ должностныхъ лицъ къ возложенному на нихъ дѣлу; онъ не допускалъ даже и мысли, чтобы кто-нибудь изъ нихъ могъ употребить во зло независимое положеніе, предоставленное имъ закономъ. Салтыковъ не раз-

*) Такихъ членовъ въ каждомъ губернскомъ присутствіи было четыре, двое—по назначенію министра внутреннихъ дѣлъ, двое—по выбору собранія губернскаго и уѣздныхъ предводителей.

Digitized by Google

дѣляетъ этого прекраснодушія. Онъ напоминаетъ, что въ Россіи еще слишкомъ крѣпка привычка смотрѣть на всякую должность не столько съ точки зрѣнія обязанностей, съ нею сопряженныхъ, сколько съ точки зрѣнія доставляемыхъ ею личныхъ выгодъ. Слишкомъ мало распространена въ средѣ дворянства подготовка къ серьезному труду, къ пониманію крестьянскихъ интересовъ. Не даромъ наша литература изображала помѣщиковъ либо самодурами, либо неумѣлыми мечтателями; соединеніе добрыхъ намѣреній съ умѣньемъ проводить ихъ въ жизнь встрѣчается у насъ весьма рѣдко; помѣщики въ родѣ Костанжогло существуютъ только на бумагѣ. Слишкомъ велико, наконецъ, значеніе «рекомендацій», слишкомъ много рекомендующихъ и рекомендуемыхъ. «Не дремлетъ Матрена Ивановна, не дремлетъ статскій совѣтникъ Стрекоза — и та, и другой неустанно строчатъ рекомендательныя письма. Первая рекомендуетъ своего protégé по причинѣ comme il faut, второй своего — за скромность. Матрена Ивановна — хорошая женщина, отличные подаются у нея пироги за обѣдомъ; Стрекоза припоминаетъ въ письмѣ о пріятныхъ минутахъ, тогда-то вмѣстѣ проведенныхъ. Согласитесь, что какъ-то трудно, неловко отвѣчать отказомъ на такое въ душу лѣзущее приставанье». Въ виду всего этого трудно думать, чтобы выборъ въ мировые посредники всегда и вездѣ былъ безупреченъ. И у нихъ могутъ быть слабости, коррективомъ которыхъ должна служить строгая отвѣтственность. Независимому положенію мировыхъ посредниковъ Салтыковъ сочувствуетъ вполнѣ, но протестуетъ противъ смѣшенія независимости съ безотвѣтственностью. Законъ «оградилъ мировыхъ посредниковъ отъ придирчивости вліянія мѣстной власти на дѣйствія ихъ и убѣжденія, но не снялъ съ нихъ отвѣтственности за послѣдствія тѣхъ и другихъ». Иначе въ дѣятельности мировыхъ посредниковъ сталъ бы господствовать тотъ же произволъ, какимъ отличалась у насъ до тѣхъ поръ вся дѣятельность администраціи. Правда, привлечь мирового посредника къ отвѣту можетъ только сенатъ, но возбудить вопросъ о такомъ привлеченіи зависитъ отъ губернскаго начальства, и если оно не пользуется, въ случаѣ надобности, своимъ правомъ, то въ этомъ заключается явное нарушеніе обязанности. Салтыковъ разсчитываетъ, впрочемъ, не на одну только служебную отвѣтственность посредниковъ. Онъ предлагаетъ организацію ежегодныхъ губернскихъ съѣздовъ мировыхъ посредниковъ, замѣчая, что нѣчто подобное было устроено въ одной изъ внутреннихъ губерній (вѣроятно, Тверской) по отношенію къ судебнымъ слѣдователямъ. На съѣздѣ, по его мнѣнію, мировымъ посредникамъ слѣдовало бы не только обмѣниваться мыслями и

Digitized by Google

совѣщаться о возникающихъ въ ихъ практикѣ вопросахъ, но и представлять отчетъ о всей своей дѣятельности. Журналы посредниковъ одного уѣзда могли быть повѣряемы посредниками другого уѣзда. Кромѣ посредниковъ, участіе въ губернскомъ съѣздѣ должны были бы принимать члены губернскаго крестьянскаго присутствія и правительственные члены уѣздныхъ мировыхъ съѣздовъ. Результаты совѣщаній съѣзда и повѣрки отчетовъ слѣдовало бы публиковать въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ. «Мы убѣждены, — говоритъ Салтыковъ: — что одна мысль о возможности взаимной повѣрки дѣйствій мировыхъ посредниковъ много очиститъ этотъ рождающійся у насъ институтъ. Надъ нею задумается не одинъ изъ сторонниковъ идеи самоуправленія, переложеннаго на русскіе нравы; не одинъ изъ тѣхъ, которые въ юношескомъ восторгѣ повторяли другъ другу: mon cher, nous sommes indépendants! оставитъ свою затѣю и уѣдетъ во-свояси пасти гусей. Но зато тѣ, которые останутся, будутъ дѣйствительно хорошими и полезными мировыми посредниками».

Почти одновременно съ статьей объ ответственности мировыхъ посредниковъ написана Салтыковымъ статья: «Гдѣ истинные интересы дворянства». Она также начинается возраженіемъ Ржевскому. «Покуда г. Ржевскій приглашаетъ дворянъ воспользоваться какимъ-то единственнымъ въ исторіи случаемъ, чтобы утвердить свое политическое преобладаніе надъ прочими сословіями, благоразумнѣйшіе и образованнѣйшіе изъ дворянъ помышляютъ не о преобладаніи и даже не о томъ, чтобы удержаться, такъ сказать, на поверхности возникающаго въ Россіи земства, а о томъ, чтобы просто-на-просто сдѣлаться членами этого земства—членами не случайными, признающими за собой только право, а не обязанности, но дѣйствительными членами, связанными съ земствомъ всей совокупностью условій, налагаемыхъ этимъ званіемъ. И это весьма понятно. Какими бы правами ни пользовалось извѣстное сословіе, дѣйствительная сила свободнаго государства лежитъ въ земствѣ. Тамъ источникъ матеріальнаго его благосостоянія; тамъ же залоги дальнѣйшаго его политическаго и умственнаго развитія. Оторваться отъ всего этого — значило бы оторваться отъ общей жизни государства, значило бы стать въ классъ бобылей, тотъ самый классъ, въ который нѣкоторые благодѣтели человѣческаго рода такъ усердно хлопотали пристроить крестьянъ». Въ Россіи необходимость дружной, единодушной работы всѣхъ общественныхъ силъ понималась до сихъ поръ довольно слабо; помѣхи и преграды такая работа встрѣчала со всѣхъ сторонъ. «Тутъ сословія, тамъ вѣ-

Digitized by Google

домства, тутъ чины, тамъ гильдіи и разряды; все топорщится, все представляетъ свои особенныя права, ни къ чему нельзя приступиться, не сдѣлавши напередъ особеннаго и совершенно безсмысленнаго маневра. Однако, русскій человѣкъ покладистъ, привыкаетъ ко всему. Привыкъ и къ маневрамъ, — такъ привыкъ, что безъ нихъ ему и жизнь не въ жизнь: все равно, что безъ клоповъ спать и безъ таракановъ щи хлебать. И если бы расплодившіяся въ Петербургѣ комиссіи не доказали намъ фактически, что мы ежечасно приносимъ въ жертву наши интересы нѣкоторому чудовищу, именуемому гилью, то мы и до сихъ поръ были бы вполнѣ довольны своей судьбой». Искусственныя дробленія, созданныя администраціей, ею же могутъ быть и уничтожены. Съ этимъ уничтоженіемъ не легко примириться большинству, а между тѣмъ, примиреніе необходимо. Съ отмѣной крѣпостного права сословные интересы дворянства потеряли прежнее значеніе. «Напрасно толпа (увы! въ каждомъ сословіи, какъ бы высоко оно ни было поставлено, есть своя толпа!) старается удержаться за немногія крохи, упавшія съ паскудной трапезы крѣпостного права и несметенныя лишь по недоразумѣнію; напрасно философы и юристы этой толпы усиливаются эскамотировать благодѣтельныя послѣдствія реформы, придумывая новыя, обманывающія только зрѣніе формы для упроченія того же крѣпостного права. Усилія эти останутся безплодными уже потому, что они ставятъ дворянство внѣ общей жизни государства, а ему необходимо войти въ самое сердце этой жизни». Констатировавъ признаки увеличивающагося сближенія между народомъ и дворянствомъ, Салтыковъ указываетъ на единственное средство упрочить это сближеніе, сдѣлать его дѣйствительнымъ и дѣятельнымъ: помѣщикъ долженъ стать членомъ сельскаго общества и волости. Законъ этого не требуетъ, но и не воспрещаетъ, предоставляя разработку вопроса времени и общественному мнѣнію. Разрѣшеніе его въ утвердительномъ смыслѣ было бы одинаково полезно и для помѣщиковъ, и для крестьянъ, подъ однимъ только условіемъ: чтобы сближеніе было искренне. Крестьяне сумѣютъ различить волка отъ сторожевого пса, и дѣло, испорченное однимъ, долго не поправится даже при соединенныхъ усиліяхъ многихъ. Помѣщикъ, желающій вступить въ составъ сельскаго общества и волости, долженъ предварительно окончить, путемъ выкупной сдѣлки, всѣ расчеты съ бывшими своими крестьянами, и затѣмъ участвовать, наравнѣ съ прочими членами общества, въ платежѣ податей и повинностей, лежащихъ на обществѣ.

Статья Салтыкова вызвала возраженіе Ржевскаго (въ «Рус-

Digitized by Google

скомъ Вѣстникѣ»), на которое, въ свою очередь, отвѣчалъ Салтыковъ. На личной сторонѣ спора, принявшаго довольно желчный характеръ, мы останавливаться не будемъ; для насъ важно въ немъ только то, что̀ способствуетъ разъясненію мысли Салтыкова. Ржевскій назвалъ Салтыкова *бюрократомъ*. «Извѣстно мнѣ,—говоритъ по этому поводу Салтыковъ:—что въ глазахъ Собакевичей и Маниловыхъ это ужасно ругательное слово, все равно, что *моветонъ* въ глазахъ Земляники и Ляпкина-Тяпкина. Слушать, какъ разсуждаютъ эти господа о централизаціи и бюрократіи, бываетъ поистинѣ уморительно. Одинъ доказываетъ, что децентрализація заключается въ учрежденіи сатрапій; другой мнитъ, что децентрализація въ томъ состоитъ, чтобы водку во всякое время пить. Что̀ такое бюрократъ?—спрашиваетъ Минуевъ.—А вотъ, братецъ,—объясняетъ Ноздревъ:—хочу я, напримѣръ, теперь водки выпить—анъ тутъ бюрократъ: стой, говоритъ, водку велѣно пить въ двѣнадцать часовъ, а не теперь... Меня, однакожъ, это слово отнюдь не пугаетъ; во-первыхъ, оно выражаетъ собою принципъ, котораго участіе въ жизненныхъ отправленіяхъ государства столь же необходимо, какъ и участіе земства, а, во-вторыхъ, я сомнѣваюсь, чтобы даже наученѣйшіе изъ Ноздревыхъ могли удовлетворительно объяснить, какое отношеніе имѣетъ понятіе о бюрократіи собственно къ русской почвѣ. Гдѣ взяли, откуда вывели эти господа русскую бюрократію, отдѣльную отъ русскаго дворянства—это тайна, разгадки которой слѣдуетъ искать въ трущобахъ сердецъ поздревскихъ. Быть-можетъ, ихъ сбило съ толку наше подъячество; но оно представляетъ собою не бюрократію, а скорѣе пародію на адвокатуру, и стоитъ въ самомъ чиновничествѣ (дворянство тожъ) такимъ особнякомъ, что служитъ для него предметомъ постоянныхъ потѣхъ и насмѣшекъ. Называя меня бюрократомъ, г. Ржевскій, очевидно, не сознавалъ, что употребляетъ выраженіе, которому въ русской жизни нѣтъ соотвѣтствующаго понятія. Въ Россіи, какъ между служащимъ дворянствомъ, такъ и между неслужащимъ (но служившимъ) могутъ быть сралашисты, могутъ быть преферансисты, могутъ быть даже люди весьма серьезные и начитанные, но бюрократіи, какъ корпораціи дисциплинированной, служащей опредѣленнымъ цѣлямъ, нѣтъ и быть не можетъ, по той естественной причинѣ, что нѣтъ еще въ виду земства. Ужели гоголевскій губернаторъ, отлично вышивающій по канвѣ, можетъ быть названъ бюрократомъ? Нѣтъ, воля ваша, это совсѣмъ не бюрократъ, это патріархъ, бесѣдующій съ пасомымъ имъ стадомъ въ халатѣ, запросто, и только въ указанные дни натягивающій на

Digitized by Google

себѣ досадный мундиръ»... Именуя Салтыкова *адвокатомъ благоусмотрѣнія начальствующихъ лицъ*, Ржевскій обвинялъ его въ томъ, что онъ хлопочетъ о распространеніи на мировыхъ посредниковъ *неделикатныхъ отношеній*, на которыя губернскія власти имѣютъ право во всемъ касающемся исправниковъ и становыхъ. «Отвращеніе, которое я питаю къ неделикатнымъ отношеніямъ,—отвѣчаетъ на это Салтыковъ:—достаточно доказывается всей моей литературной дѣятельностью, которая почти исключительно направлена къ обнаруженію ихъ нелѣпости». Намекалъ Ржевскій и на то, что Салтыковъ «увлекается направленіемъ извѣстной школы реформаторовъ, желающихъ во что бы то они стало благодѣтельствовать низшимъ классамъ». Салтыковъ, приводя эти слова, сопровождаетъ ихъ комментаріемъ: «вотъ оно, истинное-то значеніе слова *бюрократъ!*» Заключеніе отвѣтной статьи Салтыкова посвящено подробному развитію мысли о губернскихъ съѣздахъ мировыхъ посредниковъ. Ржевскій старался осмѣять эту мысль, представляя ее въ такомъ видѣ, что одни мировые посредники, повѣряя другихъ, будутъ просить ихъ «быть старательные, писать четче, не капать чернилами и т. п.». Не смущаясь этими претензіями на остроуміе, Салтыковъ поясняетъ свой проектъ цѣлымъ рядомъ наглядныхъ примѣровъ. «Вообразите себѣ, — говоритъ онъ: — что такой-то посредникъ замѣчается въ излишнемъ пристрастіи къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Губернскій съѣздъ, свѣдавъ о подобномъ явленіи, можетъ однимъ молчаніемъ своимъ весьма краснорѣчиво выразить свое неодобреніе подобному пристрастію. Другой посредникъ слишкомъ часто прибѣгаетъ для разрѣшенія недоразумѣній къ вмѣшательству полиціи; губернскій съѣздъ можетъ сдѣлать только: *гм!* и, конечно, посредникъ, о которомъ идетъ рѣчь, хорошо пойметъ значеніе этого *гм!*». Салтыковъ не желаетъ, чтобы мысль о губернскихъ съѣздахъ была осуществлена приказаніемъ свыше; ему хотѣлось бы, чтобы она была принята посредниками motu proprio безъ всякого принужденія.

Послѣдняя замѣтка Салтыкова направлена противъ новаго отвѣта, напечатаннаго Ржевскимъ въ № 30 «Современной Лѣтописи» (такъ называлось тогда еженедѣльное прибавленіе къ «Русскому Вѣстнику»). Въ этомъ отвѣтѣ Ржевскимъ было дано слѣдующее опредѣленіе бюрократіи: «безпрерывная регламентація, безпрерывное вмѣшательство въ частную жизнь, стремленіе замѣнить не только жизнь, но и самую совѣсть предписаніями начальства». «Гораздо справедливѣе и проще было бы сказать,— возражаетъ Салтыковъ: — что бюрократія представляетъ собою въ государствѣ органъ центральной власти, которая, въ свою

Digitized by Google

очередь, служить представительницей интересовъ и цѣлей государственныхъ... Г. Ржевскій напрасно беретъ на себѣ трудъ формулировать мою мысль такъ: всядѣ, гдѣ нѣтъ земства, господствуетъ бюрократія. Нѣтъ, я сказалъ и желалъ сказать: гдѣ нѣтъ земства, тамъ нѣтъ и бюрократіи, а есть чепуха, есть безконечная путаница понятій и отношеній, при существованіи которыхъ всякій отдѣльный общественный дѣятель получаетъ возможность играть въ свою собственную дудку»... Ржевскій обвинялъ Салтыкова въ неуваженіи къ общественному мнѣнію. Отвергая это обвиненіе, Салтыковъ замѣчаетъ, что и по отношенію къ общественному мнѣнію не всегда подобаетъ играть роль Молчалина. «Бываютъ общества, гдѣ эксплоатація человѣка человѣкомъ. біеніе по зубамъ и пр. считаются не только обыденнымъ дѣломъ, но даже разсматриваются мѣстными философами и юристами съ точки зрѣнія права. Благоговѣть передъ мнѣніями такихъ обществъ было бы не только безразсудно, но и безсмысленно».

Прежде чѣмъ сказать нѣсколько словъ по поводу шести вкратцѣ изложенныхъ нами статей Салтыкова, замѣтимъ, что вопросъ о значеніи административной власти, о ея правахъ и обязанностяхъ, объ отношеніяхъ ея къ обществу и земству не переставалъ интересовать Салтыкова и много лѣтъ спустя, когда онъ окончательно оставилъ службу и всецѣло посвятилъ себя литературѣ. Въ его бумагахъ нашлось нѣсколько нумеровъ «Московскихъ Вѣдомостей» и «Современной лѣтописи» 1870 г., въ которыхъ напечатана замѣтка о губернаторахъ, по поводу тогдашняго проекта административной реформы. Свѣдѣнія, заключавшіяся въ этой замѣткѣ, должны были, очевидно, послужить Салтыкову матеріаломъ для статьи, отъ которой сохранилось въ рукописи только начало вмѣстѣ съ наброскомъ программы дальнѣйшаго изложенія. Основная мысль статьи, предназначавшейся, вѣроятно, для «Отечественныхъ Записокъ», заключалась, повидимому, въ томъ, что губернаторская власть подлежитъ не усиленію (какъ тогда предполагалось), а введенію въ законные предѣлы. «Власть губернаторовъ,—говоритъ Салтыковъ:—въ настоящее время настолько обширна, что усилить ее нѣтъ возможности. Какъ расширить то, что уже само по себѣ не имѣетъ точныхъ границъ? Когда все дано, то трудно себѣ представить, чтобы существовало что-нибудь такое, что было бы болѣе этого всего».

Публицистическія статьи Салтыкова, напечатанныя въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1861 г., замѣчательны, прежде всего, уже тѣмъ, что появились въ свѣтъ за полною его подписью. Онъ

Digitized by Google

не счелъ нужнымъ скрыться даже подъ прозрачнымъ псевдонимомъ Щедрина, къ которому такъ часто прибѣгалъ въ другихъ случаяхъ. Онъ не могъ не знать, что его статьи многихъ раздражатъ, многихъ испугаютъ, подвергнутся злостнымъ перетолкованіямъ,—и несмотря на то, или именно потому, выступилъ на сцену съ поднятымъ забраломъ. Это было почти равносильно отказу отъ дальнѣйшей административной карьеры *). Въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ служилъ тогда Салтыковъ, охлажденіе къ только что совершившейся реформѣ наступило весьма быстро, и горячая ея защита не могла нравиться власть имущимъ лицамъ. Когда Салтыковъ утверждалъ, что «недоразумѣнія» между помѣщиками и крестьянами почти всегда могутъ быть покончены миролюбиво, путемъ увѣщанія и соглашенія, его слова должны были показаться косвеннымъ осужденіемъ «экстренныхъ мѣропріятій», которыми былъ такъ богатъ 1861 годъ. Когда онъ предлагалъ устройство губернскихъ съѣздовъ мировыхъ посредниковъ, его могли обвинить въ стремленіи поставить общественный контроль на мѣсто или выше правительственнаго надзора. Когда онъ рекомендовалъ дворянамъ вступленіе въ составъ сельскаго общества и волости, его могли заподозрить въ ультра-демократическихъ тенденціяхъ, въ непризнаніи границъ, установленныхъ обычаемъ и закономъ. Не останавливаясь передъ подобными соображеніями, Салтыковъ рѣшился высказать, по возможности, все то, что̀ накопилось у него на душѣ во время службы въ двухъ центральныхъ губерніяхъ. Онъ видѣлъ, какую массу дурныхъ чувствъ возбудило освобожденіе крестьянъ, какими опасностями и затрудненіями окружено новое дѣло. Онъ зналъ, что всѣ огорченные и обиженные реформой стоятъ на стражѣ «недоразумѣній», чтобы тотчасъ же закричать о необходимости экстренныхъ полицейскихъ мѣръ, а потомъ изъ самаго факта принятія этихъ мѣръ вывести заключеніе о преждевременности освобожденія. Настаивая на миролюбивомъ прекращеніи «недоразумѣній», Салтыковъ касался именно того вопроса, который имѣлъ тогда наибольшую важность: онъ указывалъ тотъ единственный путь, на которомъ было возможно безостановочное и безпрепятственное движеніе впередъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что многіе изъ крестьянскихъ «бунтовъ», омрачившихъ великій 1861 годъ, могли быть предупреждены своевременнымъ, *терпѣливымъ* разъясненіемъ новыхъ поземельныхъ и личныхъ отношеній, а чѣмъ меньше было бы

*) Комическое впечатлѣніе производитъ, поэтому, намекъ Ржевскаго на желаніе Салтыкова сдѣлаться «крутогорскимъ» губернаторомъ.

Digitized by Google

бунтовъ, тѣмъ меньше было бы матеріаловъ для реакціи, первые признаки которой замѣчаются уже въ 1862 году.

Обвиненіе Салтыкова въ бюрократизмѣ возбуждаетъ невольную улыбку, въ особенности теперь, когда записка объ устройствѣ полиціи познакомила насъ съ взглядами Салтыкова на задачи и пріемы управленія. И тогда, впрочемъ, не трудно было понять, что защитникъ гласности и общественнаго контроля, систематическій противникъ «экстренныхъ» мѣръ не имѣетъ ничего общаго съ бюрократомъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ понималъ это слово оппонентъ Салтыкова—Ржевскій. Отличительный признакъ истаго бюрократа—это недовѣріе къ суду и къ обществу, а Салтыковъ требовалъ формальной отвѣтственности посредниковъ передъ судомъ, нравственной отвѣтственности ихъ передъ обществомъ. Огражденію мировыхъ посредниковъ отъ административнаго усмотрѣнія онъ сочувствовалъ вполнѣ; онъ хотѣлъ только, чтобы надзоръ сената не былъ пустымъ словомъ и чтобы къ нему присоединялся надзоръ товарищей, соединяемыхъ этимъ самымъ въ одну крѣпко сплоченную корпорацію. Какимъ же образомъ могло случиться, что къ Салтыкову была примѣнена столь мало подходящая къ нему кличка бюрократа? Объясняется это, какъ намъ кажется, довольно просто. Мировые посредники, какъ извѣстно, могли быть избираемы только изъ числа дворянъ-землевладѣльцевъ, т. е. изъ числа бывшихъ помѣщиковъ. Естественно было предполагать, что они будутъ дѣйствовать, бо́льшею частью, въ интересахъ своего сословія. Кто желалъ этого, тотъ настаивалъ, подобно Ржевскому, на возможно бо́льшей независимости мировыхъ посредниковъ, на возможно бо́льшемъ нейтралитетѣ представителей власти, лично не заинтересованныхъ въ дѣлѣ переустройства аграрныхъ отношеній и потому сравнительно безпристрастныхъ. Кто, наоборотъ, опасался односторонняго покровительства помѣщичьихъ интересовъ, тотъ, подобно Салтыкову, искалъ гарантій противъ посредническаго произвола и находилъ ихъ въ разныхъ формахъ отвѣтственности. Открыть свои карты сторонникамъ помѣщичьихъ интересовъ была не совсѣмъ удобно, и вотъ, зная недовѣріе тогдашняго общества къ администраціи, нерасположеніе къ принципу правительственнаго вмѣшательства, они пускаютъ въ ходъ страшное словечко: *бюрократъ*. Бюрократами слыли тогда, въ извѣстныхъ сферахъ, Николай Милютинъ, Яковъ Соловьевъ и другіе дѣятели редакціонныхъ комиссій; не удивительно, что къ тому же сонму оказался сопричисленнымъ и Салтыковъ, и столь же понятно, что онъ отнесся довольно хладнокровно къ этому сопричисленію. Истинный его смыслъ сдѣлается для насъ совершенно понятнымъ, если мы припомнимъ,

Digitized by Google

что Салтыковъ изобличался одновременно въ бюрократизмѣ и въ сочувствіи «извѣстной школѣ реформаторовъ, желающихъ во что бы то ни стало благодѣтельствовать низшимъ классамъ населенія»... Слабымъ пунктомъ въ полемикѣ Салтыкова противъ Ржевскаго кажется намъ одно лишь теоретическое опредѣленіе бюрократіи и противопоставленіе ея земству. Администрація, предоставляющая земству широкую свободу въ завѣдываніи мѣстными дѣлами и удерживающая за собою, въ общегосударственныхъ интересахъ, только общій контроль надъ дѣятельностью земства, едва ли можетъ быть названа бюрократіей. Характеристическіе признаки бюрократіи совсѣмъ другіе: это—высокомѣрное отношеніе къ «ограниченному уму» простыхъ гражданъ, стремленіе къ вездѣсущію и всевластію чиновничества, безусловная вѣра въ спасительную силу запрещеній и предписаній. Господство бюрократіи, съ этой точки зрѣнія, вполнѣ возможно и тамъ, гдѣ нѣтъ земства. Въ до-реформенной Россіи преобладала бюрократія, грубая, первобытная, неумѣлая, но все-таки бюрократія, къ которой принадлежали, до извѣстной степени, и «даровые полицеймейстеры», т. е. помѣщики, какъ начальники надъ своими крѣпостными. Ошибка Салтыкова заключалась, впрочемъ, исключительно въ неправильномъ выборѣ термина. Въ своихъ газетныхъ статьяхъ, какъ и въ запискѣ о переустройствѣ полиціи, онъ исходилъ изъ совершенно правильнаго пониманія взаимныхъ отношеній администраціи и земства. Мысли его по этому предмету и въ послѣдующее время—можно сказать—сохранили всю свою цѣну и далеко не утратили прежней своей силы.

Намъ могутъ замѣтить, что дѣятельность мировыхъ посредниковъ перваго призыва, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не давала повода къ подозрѣніямъ, съ которыми относился къ ней Салтыковъ. Совершенно справедливо; но изъ того, что мы это видимъ *теперь*, еще не слѣдуетъ, что это должны были видѣть и современники. Надежды крѣпостниковъ оказались тщетными, но это еще не значитъ, что онѣ не существовали. Уже одно то обстоятельство, что за возможно большую безотвѣтственность посредниковъ стояли такіе публицисты, какъ Ржевскій, оправдываетъ недовѣрчивость Салтыкова. Въ первой половинѣ 1861 года, къ которой относятся его статьи, нельзя было еще предугадать общій характеръ дѣятельности новыхъ учрежденій, а отдѣльные случаи злоупотребленій или бездѣйствія власти, подъ вліяніемъ которыхъ, очевидно, писалъ Салтыковъ, позволяли опасаться широкаго развитія подобныхъ явленій. Въ чемъ Салтыковъ былъ правъ безусловно—это въ проповѣди сближенія между помѣщиками и крестьянами и въ указаніи путей, къ нему ведущихъ. Обязатель-

Digitized by Google

пое включеніе помѣщиковъ въ составъ сельскаго общества и волости, если оно состоялось вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, принесло бы болѣе вреда, чѣмъ пользы; крестьяне, привыкшіе повиноваться, слишкомъ легко могли бы подпасть подъ исключительное вліяніе своихъ недавнихъ господъ. Другое дѣло—добровольное присоединеніе помѣщика, покончившаго всѣ расчеты съ бывшими крѣпостными. Оно дало бы сельскимъ обществамъ и волостямъ дружественныхъ совѣтниковъ и руководителей, въ которыхъ они тогда такъ нуждались, и послужило бы естественнымъ переходомъ къ сознанію настоящей всесословной волости, своевременное осуществленіе которой послужило бы залогомъ правильнаго развитія нашей государственной и общественной жизни.

9-го февраля 1862 г. Салтыковъ въ первый разъ вышелъ въ отставку. Сначала онъ хотѣлъ поселиться въ Москвѣ и основать тамъ двухнедѣльный журналъ; но когда ему это, какъ мы увидимъ, не удалось, онъ переѣхалъ въ Петербургъ и съ начала 1863 г. сдѣлался, de facto, однимъ изъ редакторовъ «Современника». Нѣсколько раньше—повидимому, въ концѣ 1862 г.—онъ написалъ «Замѣчанія на проектъ устава о книгопечатаніи», составленный въ это время особой комиссіей при министерствѣ народнаго просвѣщенія, подъ предсѣдательствомъ князя Д. А. Оболенскаго (впослѣдствіи этотъ проектъ былъ пересмотрѣнъ другой комиссіей, учрежденной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и послужилъ основаніемъ закона 6-го апрѣля 1865 г.). Замѣчанія на проектъ — черновая рукопись ихъ сохранилась въ бумагахъ Салтыкова—начинаются съ указанія на общіе его недостатки. По мнѣнію Салтыкова, они заключаются въ слѣдующемъ: 1) Проектъ направленъ исключительно къ ограждению отъ злоупотребленія печатнымъ словомъ. Въ этомъ убѣждала его та предусмотрительность, съ которою цензура вооружалась не столько для преслѣдованія преступленій совершившихся, сколько для предупрежденія преступленій воображаемыхъ. Такая предусмотрительность,—писалъ онъ:—можетъ быть умѣстной только во Франціи, гдѣ вся внутренняя политика устремлена исключительно къ охраненію династическихъ интересовъ Наполеона III, или въ странахъ покоренныхъ и потому находящихся на военномъ положеніи. 2) Не представляя ничего существенно новаго, проектъ замѣняетъ лишь произволъ безпорядочный, существовавшій доселѣ, произволомъ систематическимъ и формально узаконеннымъ (право высшей администраціи разрѣшать или не разрѣшать періодическое изданіе, принимать или не принимать мнѣніе главнаго управленія относительно адми-

Digitized by Google

нистративныхъ взысканій или преданіе суду). Коррективомъ произвола, дѣйствовавшаго безъ правилъ и даже безъ права, могли служить личныя послабленія; на будущее время нельзя разсчитывать даже на этотъ коррективъ. 3) Предварительная цензура, оставляемая въ силѣ для многихъ произведеній печати, будетъ строже, чѣмъ прежде, потому что дозволенная цензурой книга все-таки можетъ быть запрещена, съ отвѣтственностью цензора за убытки, понесенные издателемъ или авторомъ. 4) Проектъ имѣетъ видъ скопка съ французскаго (наполеоновскаго) законодательства о печати. Хотя комиссія изучила даже бразильское законодательство, но сердце ея, очевидно, лежало къ французскому. «При существующемъ въ публикѣ мнѣніи насчетъ зависимыхъ отношеній нашего правительства къ французскому, — говоритъ Салтыковъ: — едва ли было бы желательно, чтобы законодательство о книгопечатаніи представляло подтвержденіе этой мысли» *). 5) Комиссія не должна забывать, что въ публикѣ ожидается законъ, облегчающій свободу слова, а не такой, который регламентируетъ лишь способы стѣсненія ея. Не должно скрывать отъ себя также, что въ публикѣ и безъ того ходятъ преувеличенные слухи о вліяніи правительства на направленіе литературы: не лишнее было бы, чтобы новое законодательство ослабило эту мысль, принявъ за исходный пунктъ возможность существованія въ Россіи самостоятельной литературы. Подобное признаніе произведетъ впечатлѣніе выгодное и для самого правительства, которое не настолько слабо, чтобы публично сознаваться въ неимѣніи другихъ средствъ защиты.

Отъ общихъ замѣчаній на весь проектъ Салтыковъ переходитъ къ разбору отдѣльныхъ его статей, а также нѣкоторыхъ изъ числа соображеній, которыми руководилась составлявшая его комиссія. Необходимость особенно строгихъ предупредительныхъ мѣръ по отношенію къ періодическимъ изданіямъ комиссія мотивировала, между прочимъ, тѣмъ, что эти изданія дѣйствуютъ непрерывно, систематически, образуя цѣлое направленіе, неуловимое для преслѣдованія. «Что это за направленіе, — спрашиваетъ Салтыковъ: — которое всѣ чувствуютъ, но уловить не могутъ? Положительно можно сказать, что такихъ направленій нѣтъ и быть не можетъ, *преимущественно* въ журналахъ и газетахъ. Журналъ и газета имѣютъ дѣло съ *фактомъ*, съ

*) Салтыковъ намекаетъ здѣсь, вѣроятно, на упорно державшійся въ обществѣ, хотя и явно нелѣпый, слухъ о вліяніи французскаго правительства на освобожденіе крестьянъ. Предположеніямъ о «зависимости» положили конецъ знаменитыя апрѣльскія ноты кн. Горчакова (1863 г.) по польскому вопросу.

Digitized by Google

потребностями общественной жизни; связанные этимъ, они волей или неволей должны высказываться опредѣлительно, такъ какъ въ противномъ случаѣ потеряютъ всякое значеніе для публики». Дѣйствовать посредствомъ направленія, выражающагося въ умолчаніи, въ неясныхъ намекахъ, можетъ только подцензурная, несвободная печать; при свободѣ печати кто же станетъ подписываться на изданіе, потчующее *направленіемъ*, тогда какъ рядомъ съ нимъ другой органъ печати обсуждаетъ жизненные факты ясно и безбоязненно?.. Комиссія опасалась далѣе, что журналамъ и газетамъ удастся утомить преслѣдующую власть, выходя за предѣлы дозволеннаго безпрестанно, но не слишкомъ далеко и не слишкомъ замѣтно. «Неужели, — возражаетъ на это Салтыковъ:—наша литература имѣетъ такое громадное развитіе, что можетъ даже утомить силы преслѣдующей власти? И что же такое эта преслѣдующая власть, которая такъ скоро утомляется?» Не имѣетъ никакихъ основаній, по мнѣнію Салтыкова, право администраціи освобождать или не освобождать періодическое изданіе отъ предварительной цензуры. Если и смотрѣть на слово какъ на нѣчто въ родѣ смертоноснаго орудія, «то все-таки нельзя отнимать у писателей право, которымъ обладаетъ всякій разбойникъ: право подвергать себя наказанію за совершенное преступленіе». Право автора и издателя такихъ произведеній, которыя освобождены отъ предварительной цензуры, подчиняться ей добровольно—Салтыкову кажется излишнимъ. «Какая надобность правительству предлагать свою опеку для всѣхъ нищихъ духомъ? Вѣдь не учреждаетъ же оно особой палаты для управленія тѣми имѣніями, владѣльцы которыхъ не умѣютъ извлечь изъ нихъ всѣхъ выгодъ». Во-вторыхъ, благонамѣренные издатели могутъ, если встрѣтятъ сомнѣніе въ своей благонамѣренности, посовѣтоваться съ своими пріятелями, а не затруднять правительства. Въ-третьихъ, наконецъ, проектируемый порядокъ можетъ породить въ литературѣ «дурныя привычки»; могутъ найтись люди, подчиняющіеся цензурѣ съ цѣлью заявить о своей благонамѣренности. Чѣмъ больше наберется такихъ людей, тѣмъ болѣе подозрительными будутъ казаться неслѣдующіе ихъ примѣру... Отъ перехода цензуры въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ Салтыковъ не ожидалъ пользы для литературы. Литература — одинъ изъ могущественнѣйшихъ рычаговъ народнаго просвѣщенія; слѣдовательно ей и приличнѣе было бы оставаться въ вѣдомствѣ того министерства, которое завѣдуетъ просвѣщеніемъ. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ что-нибудь сдѣлать къ огражденію интересовъ науки и литературы. «Что сдѣлано въ этомъ отношеніи проектомъ?—спрашиваетъ Салтыковъ.—Предположено

Digitized by Google

учредить при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ совѣтъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Изъ кого онъ долженъ состоять? Изъ предсѣдателя и членовъ, назначаемыхъ министромъ. Какія права членовъ? Право представлять министру свои замѣчанія и видѣть ихъ оставленными безъ вниманія...» Гораздо цѣлесообразнѣе было бы «наблюдательное учрежденіе», пользующееся извѣстною степенью независимости и самостоятельности,—другими словами, избираемое самими литераторами. Противъ такого избранія Салтыковъ предвидитъ два возраженія: *первое* — что литераторы стали судьями въ собственномъ дѣлѣ, *второе*—что нѣтъ литературной корпораціи, которой могло бы быть поручено производство выборовъ. Первое изъ этихъ возраженій Салтыковъ опровергаетъ тѣмъ, что «литература нигдѣ и ни въ какія времена не составляетъ однороднаго цѣлаго; напротивъ, въ ней имѣются самые разнообразные оттѣнки, начиная отъ крайне консервативнаго до крайне оппозиціоннаго. Нѣтъ никакого основанія думать, чтобы изъ выборовъ вышли люди крайностей, по той простой причинѣ, что крайняя партія прежде всего опасается торжества партіи ей противоположной». Отсюда вѣроятность соглашенія на чемъ-либо среднемъ, представляющемъ большія гарантіи безпристрастія. Подтвержденіе этого предположенія Салтыковъ видитъ въ составѣ комитета литературнаго фонда. Что касается до второго возраженія, то Салтыковъ считаетъ вполнѣ возможнымъ созывъ представителей отъ существующихъ органовъ русскаго слова — по два отъ большихъ и по одному отъ менѣе значительныхъ. Составленный такимъ образомъ совѣтъ пользовался бы безусловнымъ довѣріемъ литературы и былъ бы въ то же время соединяющимъ звеномъ между правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ.

Возражая противъ той статьи проекта, которою разрѣшеніе или неразрѣшеніе новыхъ періодическихъ изданій ставилось въ зависимость отъ усмотрѣнія администраціи, Салтыковъ считаетъ ее, прежде всего, излишней, въ виду другихъ предупредительныхъ и репрессивныхъ мѣръ, устанавливаемыхъ проектомъ. Каждое новое изданіе увеличитъ количество труда, лежащаго на министерствѣ; отсюда вѣроятность неосновательныхъ отказовъ, а, между тѣмъ, отказъ равносиленъ сопричисленію просителя къ разряду людей неблагонамѣренныхъ. «Пишущій эти строки,—продолжаетъ Салтыковъ:—на себѣ испыталъ неудобство такого порядка вещей. Въ апрѣлѣ настоящаго (очевидно, 1862) года онъ просилъ, черезъ московскій цензурный комитетъ, разрѣшенія на изданіе въ Москвѣ двухнедѣльнаго журнала, но г. министръ народнаго просвѣщенія не счелъ нужнымъ дать просимое разрѣшеніе на томъ

Digitized by Google

основаніи, что такъ какъ разсматриваются новыя законоположенія о книгопечатаніи, то и принято за правило до окончанія этого дѣла не разрѣшать новыхъ журналовъ. Законоположенія эти до сихъ поръ не разсмотрѣны, а между тѣмъ съ тѣхъ поръ разрѣшено не мало-таки новыхъ журналовъ. Что означаетъ этотъ фактъ? Не то ли, что просто-на-просто хотѣли отказать въ изданіи журнала именно Салтыкову; но почему же Салтыкову, который четырнадцать лѣтъ служилъ по министерству внутреннихъ дѣлъ, и изъ нихъ четыре года былъ вице-губернаторомъ? Салтыковъ могъ, на общемъ законномъ основаніи, принести жалобу сенату; почему же онъ не воспользовался этимъ правомъ? А потому, просто, что въ то время, когда вышелъ отказъ, онъ думалъ, что и въ самомъ дѣлѣ существуетъ какое-то правило о временномъ неразрѣшеніи журналовъ; когда же онъ впослѣдствіи убѣдился, что такого правила нѣтъ или что оно нарушается, то срокъ на подачу жалобы прошелъ». Возможность такихъ фактовъ заставляетъ Салтыкова отдать предпочтеніе австрійской системѣ, требующей отъ редактора только одного условія: безукоризненной нравственности. Чтобы отказать въ разрѣшеніи на изданіе, правительство, при этой системѣ, должно доказать претенденту на редакторство его безнравственность. «Если оно докажетъ это — ну, и съ Богомъ; но крайней мѣрѣ и то утѣшительно, что въ Австріи разговариваютъ, а то такъ, безъ разговоровъ... Это ужъ слишкомъ легко!..» Остальныя замѣчанія Салтыкова, мотивированныя гораздо короче, направлены противъ требованія залога отъ подцензурныхъ изданій, противъ проектированнаго порядка разрѣшенія типографій и повѣрки производимыхъ въ типографіи работъ и противъ безапелляціонности административныхъ взысканій, налагаемыхъ на органы печати. Были ли представлены кому-либо замѣчанія Салтыкова на проектъ устава о книгопечатаніи, и если были, то кому именно — не знаемъ. По всей вѣроятности, они не были оставлены имъ подъ спудомъ и имѣлись въ виду при дальнѣйшей разработкѣ проекта. Весьма любопытно, что они не содержатъ въ себѣ ни слова противъ личной отвѣтственности писателей, противъ которой такъ сильно ратовалъ Салтыковъ въ 1880 г., когда ожидался пересмотръ законодательства о печати («За рубежомъ»). Замѣну административныхъ каръ, направленныхъ противъ *изданія*, карами судебными, направленными противъ *автора*, Салтыковъ признаетъ здѣсь желательною только подъ слѣдующими условіями: 1) чтобы процедура преданія суду сопровождалась не сверхъестественнымъ, а обыкновеннымъ порядкомъ; 2) чтобы суды были тоже не сверхъественные, а обыкновенные, такіе

Digitized by Google

же, какъ для татей, и 3) чтобы «кутузки ни подъ какимъ видомъ по дѣламъ книгопечатанія не полагалось». «Ежели эти мечтанія осуществятся,—прибавляетъ Салтыковъ:—да еще ежели денежными штрафами не слишкомъ донимать будутъ, то будетъ совсѣмъ хорошо».

Въ продолженіе двухъ лѣтъ (1863 и 1864), проведенныхъ имъ въ редакціи «Современника», Салтыковъ писалъ чрезвычайно много. Только небольшая часть напечатаннаго имъ въ это время вошла въ составъ отдѣльныхъ изданій («Невинные разсказы», «Признаки времени», «Помпадуры и помпадурши») и полнаго собранія его сочиненій. Обозрѣніе остальныхъ его статей, относящихся къ самымъ разнообразнымъ предметамъ, сдѣлано было А. Н. Пыпинымъ *).

Вотъ составленный имъ списокъ статей Салтыкова, помѣщенныхъ въ «Современникѣ» за 1863—1864 годы:

—1863. Книги 1-я—2-я.—Невинные разсказы. I. Деревенская тишь. II. Для дѣтскаго возраста. III. Миша и Ваня. Н. Щедрина, стр. 161—208.

— Нѣсколько словъ по поводу замѣтки, помѣщенной въ октябрьской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1862 годъ. *Т—ка*, стр. 1—16.

— Немного лѣтъ назадъ, романъ Лажечникова, стр. 111—123; Кремуцій Кордъ, Н. Костомарова, стр. 123—126; Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго. Воспитанница Сара. А. Вельтмана, стр. 126—129; Стихи Вс. Крестовскаго, стр. 129—136; Гражданскіе мотивы, сборн. современныхъ стихотвореній, изд. подъ редакціей А. П. Пятковскаго; Пѣсни скорбнаго поэта, стр. 136—140; Литературная подпись, А. Скавронскаго («Время» 1862 г., № 12), стр. 140—142; О старомъ и новомъ порядкѣ и объ устроенномъ трудѣ (travail organisé) въ примѣненіи къ нашимъ помѣстнымъ отношеніямъ. Члена вольнаго экономическаго общ. Н. А. Безобразова, стр. 142—146 (разборы книгъ, безъ подписи).

— Московскія письма. I. *К. Гурина*, стр. 163—176.

— Петербургскіе театры (безъ подписи), стр. 177—198.

— Наша общественная жизнь (безъ подписи), стр. 357—376.

Книга 3-я. — Послѣ обѣда въ гостяхъ. *Н. Щедрина*, стр. 162—174.

— Московскія письма. II. *К. Гурина*, стр. 12—22.

— Нѣсколько полемическихъ предположеній. Изъ письма въ редакцію (безъ подписи), стр. 1—10.

— Анаѳема или торжество православія и пр. Быстротокова (разборъ книги, безъ подписи), стр. 128—130.

— Наша общественная жизнь (безъ подписи), стр. 175—202.

Книга 4-я.—Нѣсколько серьезныхъ словъ, по поводу новѣй-

*) См. № 10, 11 и 12 «Вѣстника Европы» за 1889 г.

Digitized by Google

ныхъ событій въ С.-Петербургѣ. М. Бѣницкаго; Замѣтки и отзывы «Русск. Вѣстн.» 1863 г., № 1-й, стр. 285—295; Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго, гр. А. К. Толстого (разборы книгъ, безъ подписи), стр. 295—306.

— Наша общественная жизнь (безъ подписи), стр. 375—402.

— Свистокъ: Цензоръ вполпыхахъ (лесть въ видѣ грубости). *Михаила Зміева-Младенцева*, стр. 12—19; Письма отца къ сыну, стр. 19—32; Московскія пѣсни объ искушеніяхъ и невинности. Гимнъ публицистовъ. Элегія. *Михаила Зміева-Младенцева*, стр. 32—37; Неблаговонный анекдотъ о г. Юркевичѣ или исканіе розы безъ шиповъ (безъ подписи), стр. 37—51; Секретное занятіе, комедія въ четырехъ сценахъ (безъ подписи), стр. 51—54; Пѣснь московскаго дервиша. *Михаила Зміева-Младенцева*, стр. 71 — 72; Сопѣльковцы, стр. 81 — 82; Заявленіе отъ Свистка, стр. 87—88.

—1863. Книга 5-я. — Наша общественная жизнь (безъ подписи), стр. 219—258.

» Книга 8-я.—Какъ кому угодно. Разсказы, сцены, размышленія и афоризмы, стр. 567—610.

— Въ деревнѣ (безъ подписи), стр. 173—198.

» Книга 9-я.—«Прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою!» Провинціальный романсъ въ дѣйствіи. *Н. Щедрина*, стр. 292—311.

— Наша общественная жизнь (безъ подписи), стр. 127—148.

» Книга 11-я. Петербургскіе театры. Горькая судьбина. Писемскаго (разборъ, безъ подписи), стр. 90—106.

— Наша общественная жизнь (безъ подписи), стр. 138—164.

» Книга 12-я. — Наша общественная жизнь (безъ подписи), стр. 197—242.

— Воля. Два романа изъ быта бѣглыхъ. А. Скавронскаго, стр. 243—252; Полное собраніе сочиненій Г. Гейне. Въ русскомъ переводѣ, изд. подъ редакціей Ѳ. Берга (разборы книгъ, безъ подписи), стр. 252—253.

—1864. Книга 1-я.— «Здравствуй, милая, хорошая моя!» Провинціальный романсъ въ дѣйствіи. *Н. Щедрина*, стр. 42—64.

— Наша общественная жизнь (безъ подписи) стр. 17—48.

— Новыя стихотворенія А. Плещеева, стр. 79—82; Наши безобразники, сцены Н. Потѣхина, стр. 82—83; Сказки Марко-Вовчка, стр. 83—85 (разборы книгъ, безъ подписи).

» Книга 2-я.—Наша общественная жизнь (безъ подписи), стр. 17—48.

— Новыя стихотворенія А. Н. Майкова, стр. 260—271; Воздушное путешествіе черезъ Африку, Юлія Верна, переводъ съ франц., изданіе Алексѣя Головачева, стр. 289—290 (разборы книгъ, безъ подписи).

» Книга 3-я.—«На зарѣ ты ее не буди». Романсъ. *Н. Щедрина*, стр. 189—224.

— Наша общественная жизнь (безъ подписи), стр. 27—62.

» Книга 4-я.—Записки и письма М. С. Щепкина и проч., стр. 255—258; Моя судьба, М. Камской, стр. 258—261; Разсказы изъ записокъ стараго письмоводителя, Александра Высоты, стр. 261; Сборникъ изъ исторіи старообрядства, изд. Н. И. Попова, стр. 266—267 (разборы книгъ, безъ подписи).

» Книга 5-я. — Литературныя мелочи (безъ подписи), стр. 1—26.

Digitized by Google

—1864 — Чужая вина, комедія Ѳ. Устрялова (разборъ, безъ подписи), стр. 57—59.

» Книга 8-я.—«Она еще едва умѣетъ лепетать». *И. Щедрина*, стр. 343—368.

— Ролла, поэма Мюссе (разборъ, безъ подписи), стр. 201—207.

» Книга 10-я. — Въ своемъ краю. Романъ К. Н. Леонтьева, стр. 177—183 (разборъ, безъ подписи).

» Книга 12-я.—Письмо въ редакцію М. Салтыкова, стр. 176.

Къ началу тѣхъ же шестидесятыхъ годовъ относится характеристика Салтыкова, встрѣчающаяся въ «Воспоминаніяхъ» госпожи Головачевой *). «Сумрачное выраженіе лица, — которое госпожа Головачева замѣчала въ Салтыковѣ-лицеистѣ, — еще болѣе усилилось. Я замѣтила, что у него появилось нервное движеніе шеи, точно онъ желалъ высвободить ее отъ туго завязаннаго галстука. Изъ молчаливаго онъ сдѣлался очень говорливъ... Я была однажды свидѣтельницей страшнаго раздраженія Салтыкова противъ литературы. Не могу припомнить названія его очерка или разсказа, запрещеннаго цензоромъ. Это запрещеніе было очень непріятно и Некрасову, потому что нужно было дать набирать вновь что-нибудь другое, отчего нумеръ журнала долженъ былъ очень запоздать. Салтыковъ явился въ редакцію въ страшномъ раздраженіи и нещадно сталъ бранить русскую литературу, говоря, что можно поколѣть съ голоду, если писатель разсчитываетъ жить литературнымъ трудомъ, что одни дураки могутъ посвящать себя литературному труду при такихъ условіяхъ, когда какой-нибудь вислоухій камергеръ имѣетъ власть не только исказить, но запретить печатать умственный трудъ литератора, что чиновничья служба имѣетъ передъ литературой хоть то преимущество, что человѣка не грабятъ. Салтыковъ увѣрялъ, что онъ навсегда прощается съ литературой, и набросился на Некрасова, который, усмѣхнувшись, ему замѣтилъ, что не вѣритъ этому». Весьма можетъ быть, что въ одномъ изъ такихъ настроеній Салтыковъ рѣшился оставить литературу или, по крайней мѣрѣ, журналистику и вновь поступить на службу. Были дѣлаемы попытки объяснить его выходъ изъ «Современника» размолвкой съ редакціею, вызванной, будто бы, нападеніями на Салтыкова со стороны «Эпохи» и въ особенности «Русскаго Слова»; но это опровергается свидѣтельствомъ А. Н. Пыпина **) и самымъ фактомъ продолжавшагося сотрудничества Салтыкова въ «Современникѣ», продолжавшейся близости его къ Некрасову. Какъ бы то ни было, 6-го ноября 1864 г., че-

*) См. «Историческій Вѣстникъ», 1889 г., № 11, стр. 273—4.

**) См. «Вѣстникъ Европы» 1889 г., № 11, стр. 228—228

Digitized by Google

рез два года и девять мѣсяцевъ послѣ перваго выхода въ отставку, Салтыковъ былъ назначенъ предсѣдателемъ пензенской казенной палаты. Два года спустя, 2-го ноября 1866 г., онъ былъ переведенъ на ту же должность въ Тулу, а въ октябрѣ 1867 г. — въ Рязань. Время службы Салтыкова въ вѣдомствѣ министерства финансовъ было временемъ наименьшей дѣятельности его въ области литературы. Въ продолженіе трехъ лѣтъ (1865, 1866 и 1867 г.) напечатана, сколько намъ извѣстно, только одна его статья (впослѣдствіи вошедшая въ составъ сборника: «Признаки времени»): «Завѣщаніе моимъ дѣтямъ» («Современникъ» 1866 г., № 1). Очевидно, Салтыковъ хотѣлъ-было порвать съ литературой; но влеченіе его къ ней было слишкомъ сильно. Когда Некрасовъ пригласилъ Салтыкова къ участію въ преобразованныхъ (съ 1-го января 1868 г.) «Отечественныхъ Запискахъ», Салтыковъ сразу сталъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ сотрудниковъ этого журнала *), а 14-го іюня 1868 г. окончательно вышелъ въ отставку, поселился въ Петербургѣ и сдѣлался, фактически, однимъ изъ редакторовъ «Отечественныхъ Записокъ». Въ 1877 г., послѣ смерти Некрасова, онъ былъ утвержденъ редакторомъ журнала и руководилъ имъ до самаго его запрещенія (въ апрѣлѣ 1884 г.). По единогласному отзыву бывшихъ его сотрудниковъ (П. К. Михайловскаго, А. М. Скабичевскаго, Я. В. Абрамова и др.), онъ работалъ, какъ редакторъ, чрезвычайно много. Въ рукописяхъ, особенно беллетристическихъ, онъ часто дѣлалъ большія сокращенія и измѣненія, значительно поднимавшія достоинство произведеній и способствовавшія ихъ успѣху. По свидѣтельству тѣхъ же лицъ, подъ суровою внѣшностью и рѣзкими манерами у него скрывалась величайшая доброта, дѣлавшая его дорогимъ для всѣхъ имѣвшихъ случай узнать его поближе. Понятно, что запрещеніе журнала должно было оставить большой пробѣлъ въ жизни Салтыкова, хотя возможность продолжать литературную дѣятельность представилась для него весьма скоро. Въ бумагахъ его нашлось начало «оправдательной записки» слѣдующаго содержанія: «Я никогда не могъ похвалиться ни хорошимъ здоровьемъ, ни физическою силой, но съ 1875 г. не проходило почти ни одного дня, въ который я могъ бы сказать, что чувствую себя изрядно. Постоянные болѣзненные припадки и мучительная воспріимчивость, съ которою я всегда относился къ современности, положили начало тому

*) Изъ числа шести первыхъ книжекъ «Отечественныхъ Записокъ» 1868 г., вышедшихъ до отставки Салтыкова, его статей нѣтъ только въ двухъ (3-й и 6-й); во второй книжкѣ помѣщены, зато, двѣ его статьи.

Digitized by Google

злому недугу, съ которымъ я сойду и въ могилу. Не могу также пройти молчаніемъ и непрерывнаго труда: могу сказать смѣло, что до послѣднихъ минутъ вся моя жизнь прошла въ трудѣ, и только когда мнѣ становилось уже очень тяжко, я бросалъ перо и впадалъ въ мучительное забытье. Наконецъ, закрытіе «Отечественныхъ Записокъ» и болѣзнь сына окончательно сломили меня. Недугъ охватилъ меня со всѣхъ сторонъ и сдѣлался главнымъ факторомъ моей жизни»...

Неизданныхъ или мало извѣстныхъ матеріаловъ, которые относились бы къ послѣднимъ двадцати пяти годамъ жизни Салтыкова, въ нашихъ рукахъ нѣтъ почти вовсе. Намъ доставлено лишь нѣсколько писемъ Салтыкова къ его дѣтямъ, и одно письмо, отъ 2-го января 1881 г., къ писателю, только что передъ тѣмъ напечатавшему разборъ одного изъ произведеній Салтыкова («Круглаго года»). Это послѣднее письмо очень интересно, но, къ сожалѣнію, напечатаніе его вполнѣ было бы еще преждевременно, а потому мы ограничимся однимъ отрывкомъ. «Мнѣ кажется,— пишетъ Салтыковъ: — что писатель, имѣющій въ виду не одни интересы минуты, не обязывается выставлять иныхъ идеаловъ, кромѣ тѣхъ, которые изстари волнуютъ человѣчество. А именно: свобода, равноправность и справедливость. Что же касается до практическихъ идеаловъ, то они такъ разнообразны, что останавливаться на этихъ стадіяхъ—значитъ добровольно стѣснять себя. Я положительно увѣренъ, что бо́льшее или меньшее совершенство этихъ идеаловъ зависитъ отъ бо́льшаго или меньшаго усвоенія человѣкомъ тайнъ природы и происходящаго отсюда успѣха прикладныхъ наукъ... Устраиваться въ подробностяхъ, отстаивать одни и разрушать другія — дѣло публицистовъ. Читая романъ Чернышевскаго: «*Что дѣлать*», я пришелъ къ заключенію, что ошибка его заключалась именно въ томъ, что онъ черезчуръ задался практическими идеалами. Кто знаетъ, будетъ ли оно такъ? И можно ли назвать указываемыя въ романѣ формы жизни окончательными? Вѣдь и Фурье былъ великій мыслитель, а вся прикладная часть его теоріи оказывается болѣе или менѣе несостоятельною и остаются только неумирающія общія положенія. Это дало мнѣ поводъ задаться болѣе скромною миссіей, а именно спасти идеалъ свободнаго изслѣдованія, какъ неотъемлемаго права всякаго человѣка, и обратиться въ тѣмъ современнымъ *основамъ*, во имя которыхъ эта свобода изслѣдованія попирается»...

Письма Салтыкова къ дѣтямъ — сыну Константину и дочери Елизаветѣ— написаны весною и лѣтомъ 1880 и 1881 г., когда семья Салтыкова находилась за границей, а онъ самъ временно оставался въ Петербургѣ. Сыну его было въ 1880 г. около де-

Digitized by Google

вяти, дочери—около семи лѣтъ. «Доношу вамъ,—пишетъ Салтыковъ въ первомъ письмѣ (12-го мая 1880 г.):—что безъ васъ скучно и пусто. Когда вы были тутъ, то бѣгали и прятались въ моей комнатѣ, а теперь такая тишина, что страшно. И еще доношу, что куклы ваши здоровы и въ цѣлости. Имъ тоже скучно, что никто ихъ не ломаетъ. А еще доношу, что сегодня Аранка (только что оперившаяся канарейка, очевидно—большая любимица маленькихъ Салтыковыхъ), когда я вошелъ въ игральную, сѣлъ сначала мнѣ на плечо, а потомъ забрался на голову, и не успѣлъ я оглянуться, какъ онъ уже сходилъ. Вотъ такъ сюрпризъ! Что же касается до Крылатки (также канарейка), то она еще совсѣмъ голенькая, но мать начинаетъ уже летать отъ нея. Ни конфетъ, ни апельсиновъ послѣ вашего отъѣзда въ Петербургѣ уже нѣтъ; всѣ уѣхали слѣдомъ за вами въ Баденъ. Я думаю, что вы ужъ возобновили съ ними знакомство. Будьте умники и учитесь. Пишите ко мнѣ, что вздумается, но непремѣнно пишите. Я буду прятать ваши письма, и когда вы будете большіе, мы станемъ вмѣстѣ ихъ перечитывать. Цѣлую васъ обоихъ крѣпко-на-крѣпко. Какъ только можно будетъ, прилечу. Не забывайте папу». Это письмо мы привели почти цѣликомъ; изъ другихъ заимствуемъ только отрывки. «Дѣла наши въ томъ же положеніи. Куколка лежитъ въ кроваткѣ и почиваетъ; Аранка летаетъ совсѣмъ какъ большой; Бепка (отецъ канареечнаго семейства) обходится съ нимъ какъ съ товарищемъ... А я все кашляю, и все на старый манеръ, даже новаго ничего выдумать не могу. И скучно мнѣ очень, что не слышу больше вашего дѣтскаго милаго шума» (№ 2, 17-го мая). «Совѣтую тебѣ (дочери) писать по линейкамъ. Ты еще маленькая, и надо привыкать писать прямо. Попроси маму, чтобы она васъ по-нѣмецки говорить пріучала: теперь вы легко научитесь, а потомъ будетъ очень трудно. Я всѣ дни сижу дома и скучаю. И дѣлать ничего не хочется. Птицы тоже скучаютъ безъ васъ и одичали. Аранка совсѣмъ дикій сдѣлался и даже не ночуетъ въ клѣткѣ, а забирается на карнизъ на печку» (№ 3, 20-го мая). «Имѣю честь доложить вамъ, что Крылатка вышелъ изъ гнѣзда, а мадамъ (канарейка-мать) опять начала нести яйца. Крылатка—премиленькій, весь въ Бепку; желтенькій, съ сѣрымъ хохолкомъ и сѣрыми крылушками. Лизина кукла все почиваетъ; никакъ разбудить нельзя» (№ 4, безъ числа)... «Костя! пересталъ ли ты вертѣться? Смотри, пріѣду, увижу, что ты вертишься — и заплачу. Мадамъ уже три дня какъ сидитъ на яйцахъ, но сколько яицъ — не знаю, потому что какъ ни придешь, а она все сидитъ. Скучно она, бѣдная, лѣто проводитъ» (№ 5, безъ числа).

Digitized by Google

«Сегодня madame вывела одного маленькаго, а другое яйцо еще цѣло. Какъ назвать новорожденнаго? Я предлагаю назвать Милкой или Голубчикомъ. А впрочемъ, какъ прикажете, такъ и будетъ. Коверъ твоей куклы, Лиза, цѣлъ и спрятанъ отъ моли; ты можешь быть спокойна. Я очень радъ, что ты сама, безъ диктовки, пишешь. Такъ и впередъ дѣлай. Мнѣ хочется знать, что ты думаешь» (№ 8, 9-го іюня). «Я скоро пріѣду и буду часа полтора каждый день читать и заниматься съ вами. Вижу, что вы извольничались безъ меня и никто васъ не наказываетъ. А я буду съ вами ходить и покупать ягоды и шоколадъ пить — вотъ и наказанье» (№ 9, безъ числа). «Объ какихъ куклахъ вы мнѣ пишете? Какія я могу вамъ привезти отсюда—не лучше ли купить тамъ или въ Парижѣ, гдѣ куклы и красивѣе, и дешевле. Я думаю, что вы и сами, подумавши, согласитесь съ этимъ. Лиза! ты хоть и не поцѣловала меня въ письмѣ, но я знаю, что это не нарочно случилось и что ты непремѣнно сейчасъ же объ этомъ вспомнила и мысленно поцѣловала меня. И я тебя, дружокъ, крѣпко цѣлую» (№ 10, безъ числа). Другія три письма относятся къ 1881 году. Въ первомъ, отъ 22-го мая, Салтыковъ проситъ сына обратить вниманіе на почеркъ. «Буквы у тебя выходятъ пузатенькія, съ ножками и рожками. Надо получше писать, потому что члену литературнаго фонда безъ этого стыдно глаза въ свѣтъ показать. Лиза гораздо пріятнѣе пишетъ, и надо ее догонять. Очень я радъ, голубчики, что вамъ хорошо живется. Гуляйте и пользуйтесь случаемъ, чтобы по-нѣмецки научиться. Научитесь—будете родителей за границей выручать, потому что родители ваши по-нѣмецки не мастера говорить. А мнѣ здѣсь очень скучно; цѣлые дни на своемъ мѣстѣ сижу и все молчу или кашляю». Въ двухъ другихъ письмахъ разсказывается дѣтямъ сказка объ удивительныхъ похожденіяхъ канареекъ—Бенки, поступившаго въ гимназію, Арапки, вышедшей замужъ за чижа, и т. п. Вся эта переписка не требуетъ комментаріевъ; слишкомъ ясны, сами по себѣ, симпатичныя черты, которыя она прибавляетъ къ образу Салтыкова. Его отношеніе къ семьѣ обрисовывается особенно рельефно въ предсмертномъ письмѣ къ сыну,—столь же рельефно, какъ и отношеніе его къ литературѣ. Вотъ полный текстъ этого письма, отрывки изъ котораго были напечатаны въ газетахъ вскорѣ послѣ смерти Салтыкова: «Милый Костя, такъ какъ я каждый день могу умереть, то вотъ тебѣ мой завѣтъ: люби мать и береги ее; внушай то же и сестрѣ. Помни, что ежели вы не сбережете ее, то вся семья распадется, потому что до совершеннолѣтія вашего еще очень-очень далеко. Старайся хорошо учиться

Digitized by Google

и будь безусловно честенъ въ жизни. Вотъ все. Любящій тебя отецъ.—Еще: паче всего люби родную литературу, и званіе литератора предпочитай всякому другому.

Еще въ октябрѣ 1887 г., вѣроятно, въ виду усилившихся припадковъ болѣзни, М. Е. Салтыковъ началъ обнаруживать въ первый разъ опасеніе близости смерти и приготовилъ письмо къ В. Н. Лихачеву (на конвертѣ написано: «вскрыть по смерти»), «какъ къ будущему попечителю» — говорится въ письмѣ — его несовершеннолѣтнихъ дѣтей. Съ трогательною заботливостью покойный старался тогда предвидѣть все, что, по его мнѣнію, могло бы оградить его дѣтей, въ ихъ нѣжномъ возрастѣ, отъ всякихъ случайностей, и въ своихъ заботахъ онъ доходилъ до такихъ подробностей, что не забылъ упомянуть и о томъ, какъ устроить сыну-лицеисту его праздники-каникулы въ томъ случаѣ, если бы его семьѣ понадобилось лѣтомъ отправиться за границу. «Вообще, я умоляю,—пишетъ онъ въ заключеніе письма:—обратить вниманіе на мою семью». Возвращаясь опять къ заботамъ о сынѣ, М. Е. Салтыковъ прибавляетъ: «Я бы желалъ, чтобы онъ, по выходѣ изъ лицея, поступилъ на службу; будьте такъ великодушны, помогите ему»...

Въ послѣдній годъ жизни покойный, очевидно, подъ вліяніемъ все болѣе и болѣе усиливавшихся припадковъ, началъ дѣлать распоряженія, касавшіяся уже его самого лично; повидимому, онъ дѣлалъ сначала такія распоряженія на клочкахъ бумаги, попадавшихъ ему подъ руки, иногда перомъ, иногда карандашомъ, и складывалъ ихъ въ свой бюваръ на письменномъ столѣ, впослѣдствіи же соединилъ все это вмѣстѣ на отдѣльномъ листкѣ, болѣе тщательно переписанномъ, и озаглавилъ: «Предсмертныя желанія». Въ числѣ такихъ желаній на первомъ мѣстѣ стоитъ ограниченіе суммы расходовъ на его похороны, причемъ онъ не забылъ присоединить: «если не будетъ наличныхъ денегъ, то продать изъ бумагъ»; далѣе слѣдуетъ не только указаніе, въ какихъ именно газетахъ помѣстить объявленіе въ день его смерти, но и самое содержаніе объявленія: «Такого-то числа и мѣсяца, тамъ-то, скончался М. Е. Салтыковъ (Щедринъ); погребеніе тамъ-то». Ниже говорится: «Желаю быть погребеннымъ на Волковомъ кладбищѣ, если можно, около Тургенева; желаю, чтобъ тѣло мое было *непремѣнно* (подчеркнуто авторомъ) вскрыто; на памятникѣ поставить бюстъ Беренштама, бронзовый» (стоявшій въ квартирѣ покойнаго). Въ заключеніе своихъ «предсмертныхъ желаній» М. Е. Салтыковъ говоритъ: «Прошу продать мои сочиненія» — и тутъ же прибавляетъ, что С — овъ давалъ ему

Digitized by Google

50.000 рублей; «можно согласиться, — пишетъ Салтыковъ: — только чтобы немедленно же печатать: съ капиталомъ за сочиненія поступить, какъ сказано въ завѣщаніи».

Послѣдній пунктъ даетъ возможность нѣсколько болѣе точно опредѣлить время составленія самихъ «предсмертныхъ желаній»: это могло быть не позже декабря 1888 года, когда переговоры между покойнымъ и другими новыми покупателями еще продолжались, и только въ февралѣ 1889 г. были окончательно прерваны, несмотря на то, что, какъ говорятъ, ему предлагали увеличить цѣну до 60.000 рублей, но съ такими условіями, которыя онъ считалъ тяжелыми въ другихъ отношеніяхъ, такъ какъ дорожилъ болѣе литературными, чѣмъ финансовыми выгодами, а именно желали имѣть право издать его сочиненія съ такими сокращеніями, какія найдетъ издатель необходимыми. Это послѣднее обстоятельство и заставило, главнымъ образомъ, М. Е. Салтыкова взять на самого себя изданіе своихъ сочиненій, которое разошлось въ числѣ 6.500 экземпляровъ гораздо прежде, нежели успѣлъ завершиться годъ послѣ кончины автора.

К. К. Арсеньевъ.

Digitized by Google

ГОСПОДА ГОЛОВЛЕВЫ.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.—Семейный судъ.

Однажды бурмистръ изъ дальней вотчины, Антонъ Васильевъ, окончивъ барынѣ Аринѣ Петровнѣ Головлевой докладъ о своей поѣздкѣ въ Москву для сбора оброковъ съ проживающихъ по паспортамъ крестьянъ и уже получивъ отъ нея разрѣшеніе идти въ людскую, вдругъ какъ-то таинственно замялся на мѣстѣ, словно бы за нимъ было еще какое-то слово и дѣло, о которомъ онъ и рѣшался, и не рѣшался доложить.

Арина Петровна, которая насквозь понимала не только малѣйшія тѣлодвиженія, но и тайные помыслы своихъ приближенныхъ людей, немедленно обезпокоилась.

— Что еще?—спросила она, смотря на бургомистра въ упоръ.

— Все-съ, — попробовалъ-было отвильнуть Антонъ Васильевъ.

— Не ври, еще есть! По глазамъ вижу!

Антонъ Васильевъ, однакожъ, не рѣшался отвѣтить и продолжалъ переступать съ ноги на ногу.

— Сказывай, какое еще дѣло за тобой есть? — рѣшительнымъ голосомъ прикрикнула на него Арина Петровна.— Говори! не виляй хвостомъ... сума переметная!

Арина Петровна любила давать прозвища людямъ, составлявшимъ ея административный и домашній персоналъ. Антона Васильева она прозвала переметной сумой не за то, чтобъ онъ въ самомъ дѣлѣ былъ когда-нибудь замѣченъ въ предательствѣ, а за то, что былъ слабъ на языкъ. Имѣніе, которымъ онъ управлялъ, имѣло своимъ центромъ значительное торговое село, въ которомъ было большое число трактировъ. Антонъ Васильевъ любилъ попить чайку въ трактирѣ, похвастаться всемогуществомъ своей барыни и во время этого хвастовства незамѣтнымъ образомъ про-

Digitized by Google

вирался. А такъ какъ у Арины Петровны постоянно были въ ходу различныя тяжбы, то частенько случалось, что болтливость довѣреннаго человѣка выводила наружу барынины военныя хитрости прежде, нежели онѣ могли быть приведены въ исполненіе.

— Есть, дѣйствительно...—пробормоталъ, наконецъ, Антонъ Васильевъ.

— Что? Что такое?—взволновалась Арина Петровна.

Какъ женщина властная и притомъ въ сильной степени одаренная творчествомъ, она въ одну минуту нарисовала себѣ картину всевозможныхъ противорѣчій и противодѣйствій и сразу такъ усвоила себѣ эту мысль, что даже побѣднѣла и вскочила съ кресла.

— Степанъ Владимірычъ домъ-то въ Москвѣ продали...—доложилъ бургомистръ съ разстановкой.

— Ну?

— Продали-съ.

— Почему? Какъ? Не мни, сказывай!

— За долги... такъ нужно полагать! Извѣстно, за хорошія дѣла продавать не станутъ.

— Стало-быть, полиція продала? Судъ?

— Стало-быть, что такъ. Сказываютъ, въ восьми тысячахъ съ аукціона домъ-то пошелъ.

Арина Петровна грузно опустилась въ кресло и уставилась глазами въ окно. Въ первыя минуты извѣстіе это, повидимому, отняло у нея сознаніе. Если-бъ ей сказали, что Степанъ Владимірычъ кого-нибудь убилъ, что головлевскіе мужики взбунтовались и отказываются идти на барщину, или что крѣпостное право рушилось—и тутъ она не была бы до такой степени поражена. Губы ея шевелились, глаза смотрѣли куда-то вдаль, но ничего не видѣли. Она не примѣтила даже, что въ это самое время дѣвчонка Дуняшка ринулась-было съ разбѣга мимо окна, закрывая что-то передникомъ, и вдругъ, завидѣвъ барыню, на мгновеніе закружилась на одномъ мѣстѣ и тихимъ шагомъ поворотила назадъ (въ другое время этотъ поступокъ вызвалъ бы цѣлое слѣдствіе). Наконецъ, она, однако, опамятовалась и произнесла:

— Какова потѣха!

Послѣ чего опять послѣдовало нѣсколько минутъ грозового молчанія.

— Такъ ты говоришь, полиція за восемь тысячъ домъ-то продала?—переспросила она.

Digitized by Google

— Такъ точно.

— Это—родительское-то благословеніе!.. Хорошъ... мерзавецъ!

Арина Петровна чувствовала, что въ виду полученнаго извѣстія ей необходимо принять немедленное рѣшеніе, но ничего придумать не могла, потому что мысли ея путались въ совершенно противоположныхъ направленіяхъ. Съ одной стороны думалось: «Полиція продала! Вѣдь не въ одну же минуту она продала! Чай, опись была, оцѣнка, вызовы къ торгамъ? Продала за восемь тысячъ, тогда какъ она за этотъ самый домъ, два года тому назадъ, собственными руками двѣнадцать тысячъ, какъ одну копейку, выложила! Кабы знать да вѣдать, можно бы и самой за восемь-то тысячъ съ аукціона пріобрѣсти!» Съ другой стороны приходило на мысль и то: «Полиція за восемь тысячъ продала! Это—родительское-то благословеніе! Мерзавецъ! За восемь тысячъ родительское благословеніе спустилъ!»

— Отъ кого слышалъ?—спросила, наконецъ, она, окончательно остановившись на мысли, что домъ уже проданъ и что, слѣдовательно, надежда пріобрѣсти его за дешевую цѣну утрачена для нея навсегда.

— Иванъ Михайловъ, трактирщикъ, сказывалъ.

— А почему онъ во-время меня не предупредилъ?

— Поопàсился, стало-быть.

— Поопàсился! Вотъ я ему покажу «поопàсился»! Вызвать его изъ Москвы, и какъ явится—сейчасъ же въ рекрутское присутствіе и лобъ забрить! «Поопàсился»!

Хотя крѣпостное право было уже на исходѣ, но еще существовало. Не разъ случалось Антону Васильеву выслушивать отъ барыни самыя своеобразныя приказанія, но настоящее рѣшеніе было до того неожиданно, что даже и ему сдѣлалось не совсѣмъ ловко. Прозвище «сумà переметная» невольно ему при этомъ вспомнилось. Иванъ Михайловъ былъ мужикъ обстоятельный, о которомъ и въ голову не могло придти, чтобъ надъ нимъ могла стрястись какая-нибудь бѣда. Сверхъ того, это былъ его пріятель и кумъ—и вдругъ его въ солдаты, ради того только, что онъ, Антонъ Васильевъ, какъ сумà переметная, не сумѣлъ языкъ за зубами попридержать.

— Простите... Ивана-то Михайлыча! — заступился-было онъ.

— Ступай... потатчикъ! — прикрикнула на него Арина

Digitized by Google

Петровна, но такимъ голосомъ, что онъ и не подумалъ упорствовать въ дальнѣйшей защитѣ Ивана Михайлова.

Но прежде нежели продолжать мой разсказъ, я попрошу читателя поближе познакомиться съ Ариной Петровной Головлевой и семейнымъ ея положеніемъ.

Арина Петровна—женщина лѣтъ шестидесяти, но еще бодрая и привыкшая жить на всей своей волѣ. Держитъ онъ себя грозно; единолично и безконтрольно управляетъ обширнымъ Головлевскимъ имѣніемъ, живетъ уединенно, расчетливо, почти скупо, съ сосѣдями дружбы не водитъ, мѣстнымъ властямъ доброхотствуетъ, а отъ дѣтей требуетъ чтобъ они были въ такомъ у нея послушаніи, чтобы при каждомъ поступкѣ спрашивали себя: что-то объ этомъ маменька скажетъ? Вообще имѣетъ характеръ самостоятельный, непреклонный и отчасти строптивый, чему, впрочемъ, не мало способствуетъ и то, что во всемъ Головлевскомъ семействѣ нѣтъ ни одного человѣка, со стороны котораго она могла бы встрѣтить себѣ противодѣйствіе. Мужъ у нея—человѣкъ легкомысленный и пьяненькій (Арина Петровна охотно говоритъ о себѣ, что она — ни вдова, ни мужняя жена); дѣти частью служатъ въ Петербургѣ, частью пошли въ отца и, въ качествѣ «постылыхъ», не допускаются ни до какихъ семейныхъ дѣлъ. При этихъ условіяхъ Арина Петровна рано почувствовала себя одинокою, такъ что, говоря по правдѣ, даже отъ семейной жизни совсѣмъ отвыкла, хотя слово «семья» не сходитъ съ ея языка, и, по наружности, всѣми ея дѣйствіями исключительно руководятъ непрестанныя заботы объ устройствѣ семейныхъ дѣлъ.

Глава семейства, Владиміръ Михайлычъ Головлевъ, еще смолоду былъ извѣстенъ своимъ безалабернымъ и озорнымъ характеромъ, и для Арины Петровны, всегда отличавшейся серьезностью и дѣловитостью, никогда ничего симпатичнаго не представлялъ. Онъ велъ жизнь праздную и бездѣльную, чаще всего запирался у себя въ кабинетѣ, подражалъ пѣнію скворцовъ, пѣтуховъ и т. д. и занимался сочиненіемъ такъ-называемыхъ «вольныхъ стиховъ». Въ минуты откровенныхъ изліяній онъ хвастался тѣмъ, что былъ другомъ Баркова и что послѣдній, будто бы, даже благословилъ его на одрѣ смерти. Арина Петровна сразу не залюбила стиховъ своего мужа, называла ихъ паскудствомъ и паясничаньемъ, а такъ какъ Владиміръ Михай-

Digitized by Google

лычъ собственно для того и женился, чтобы имѣть всегда подъ рукой слушателя для своихъ стиховъ, то понятно, что размолвки не заставили долго ждать себя. Постепенно разрастаясь и ожесточаясь, размолвки эти кончились со стороны жены полнымъ и презрительнымъ равнодушіемъ къ мужу-шуту, со стороны мужа — искреннею ненавистью къ женѣ, ненавистью, въ которую, однакожъ, входила значительная доля трусости. Мужъ называлъ жену «вѣдьмою» и «чортомъ», жена называла мужа «вѣтряною мельницей» и «безструнной балалайкой». Находясь въ такихъ отношеніяхъ, они пользовались совмѣстною жизнью въ продолженіе слишкомъ сорока лѣтъ, и никогда ни тому, ни другой не приходило въ голову, чтобы подобная жизнь заключала въ себѣ что-либо противоестественное. Съ теченіемъ времени озорливость Владиміра Михайлыча не уменьшилась, но даже пріобрѣла еще болѣе злостный характеръ. Независимо отъ стихотворныхъ упражненій въ Барковскомъ духѣ, онъ началъ попивать и охотно подкарауливалъ въ коридорѣ горничныхъ дѣвокъ. Сначала Арина Петровна отнеслась къ этому новому занятію своего мужа брезгливо и даже съ волненіемъ (въ которомъ, однакожъ, больше играла роль привычка властности, нежели прямая ревность), но потомъ махнула рукой и наблюдала только за тѣмъ, чтобъ дѣвки-поганки не носили барину сорфеича. Съ тѣхъ поръ, сказавши себѣ разъ навсегда, что мужъ ей не товарищъ, она все вниманіе свое устремила исключительно на одинъ предметъ:—на округленіе имѣнія, и дѣйствительно, въ теченіе сорокалѣтней супружеской жизни, успѣла удесятерить свое состояніе. Съ изумительнымъ терпѣніемъ и зоркостью подкарауливала она дальнія и ближнія деревни, разузнавала по секрету объ отношеніяхъ ихъ владѣльцевъ къ опекунскому совѣту и всегда, какъ снѣгъ на голову, являлась на аукціонахъ. Въ круговоротѣ этой фантастической погони за благопріобрѣтеніемъ Владиміръ Михайлычъ все дальше и дальше уходилъ на задній планъ, а наконецъ и совсѣмъ одичалъ. Въ минуту, когда начинается этотъ разсказъ, это былъ уже дряхлый старикъ, который почти не оставлялъ постели, а ежели изрѣдка и выходилъ изъ спальной, то единственно для того, чтобъ просунуть голову въ полурастворенную дверь женина комнаты, крикнуть: «чортъ!»— и опять скрыться.

Немного болѣе счастлива была Арина Петровна и въ дѣтяхъ. У нея была слишкомъ независимая, такъ сказать,

Digitized by Google

холостая натура, чтобы она могла видѣть въ дѣтяхъ что-нибудь, кромѣ лишней обузы. Она только тогда дышала свободно, когда была одна со своими счетами и хозяйственными предпріятіями, когда никто не мѣшалъ ея дѣловымъ разговорамъ съ бурмистрами, старостами, ключницами и т. д. Въ ея глазахъ дѣти были одною изъ тѣхъ фаталистическихъ жизненныхъ обстановокъ, противъ совокупности которыхъ она не считала себя въ правѣ протестовать, но которыя, тѣмъ не менѣе, не затрагивали ни одной струны ея внутренняго существа, всецѣло отдававшагося безчисленнымъ подробностямъ жизнестроительства. Дѣтей было четверо: три сына и дочь. О старшемъ сынѣ и о дочери она даже говорить не любила; къ младшему сыну была болѣе или менѣе равнодушна и только средняго, Порфишу, не то чтобъ любила, а словно побаивалась.

Степанъ Владимірычъ, старшій сынъ, о которомъ преимущественно идетъ рѣчь въ настоящемъ разсказѣ, слылъ въ семействѣ подъ именемъ Степки-балбеса и Степки-озорника. Онъ очень рано попалъ въ число «постылыхъ» и съ дѣтскихъ лѣтъ игралъ въ домѣ роль не то паріи, не то шута. Къ несчастью, это былъ даровитый малый, слишкомъ охотно и быстро воспринимавшій впечатлѣнія, которыя вырабатывала окружающая среда. Отъ отца онъ перенялъ неистощимую проказливость, отъ матери—способность быстро угадывать слабыя стороны людей. Благодаря первому качеству, онъ скоро сдѣлался любимцемъ отца, что еще больше усилило нелюбовь къ нему матери. Часто, во время отлучекъ Арины Петровны по хозяйству, отецъ и подростокъ-сынъ удалялись въ кабинетъ, украшенный портретомъ Баркова, читали стихи вольнаго содержанія и судачили, при чемъ въ особенности доставалось «вѣдьмѣ», т. е. Аринѣ Петровнѣ. Но «вѣдьма» словно чутьемъ угадывала ихъ занятія; неслышно подъѣзжала она къ крыльцу, подходила на цыпочкахъ къ кабинетной двери и подслушивала веселыя рѣчи. Затѣмъ слѣдовало немедленное и жестокое избіеніе Степки-балбеса. Но Степка не унимался; онъ былъ нечувствителенъ ни къ побоямъ, ни къ увѣщаніямъ и черезъ полчаса опять принимался куралесить. То косынку у дѣвки Анютки изрѣжетъ въ куски, то сонной Васюткѣ мухъ въ ротъ напуститъ, то заберется на кухню и стянетъ тамъ пирогъ (Арина Петровна, изъ экономіи, держала дѣтей впроголодь), который, впрочемъ, тутъ же раздѣлитъ съ братьями.

Digitized by Google

— Убить тебя надо! — постоянно твердила ему Арина Петровна.—Убью и не отвѣчу! И царь меня не накажетъ за это!

Такое постоянное приниженіе, встрѣчая почву мягкую, легко забывающую, не прошло даромъ. Оно имѣло въ результатѣ не озлобленіе, не протестъ, а образовало характеръ рабскій, повадливый до буфонства, не знающій чувства мѣры и лишенный всякой предусмотрительности. Такія личности охотно поддаются всякому вліянію и могутъ сдѣлаться чѣмъ угодно: пропойцами, попрошайками, шутами и даже преступниками.

Двадцати лѣтъ Степанъ Головлевъ кончилъ курсъ въ одной изъ московскихъ гимназій и поступилъ въ университетъ. Но студенчество его было горькое. Во-первыхъ, мать давала ему денегъ ровно столько, сколько требовалось, чтобъ не пропасть съ голода; во-вторыхъ, въ немъ не оказывалось ни малѣйшаго позыва къ труду, а взамѣнъ того гнѣздилась проклятая талантливость, выражавшаяся преимущественно въ способности къ передразниванью; въ-третьихъ, онъ постоянно страдалъ потребностью общества и ни на минуту не могъ оставаться наединѣ съ самимъ собою. Поэтому онъ остановился на легкой роли приживальщика и piqué-assiete'a и, благодаря своей податливости на всякую штуку, скоро сдѣлался фаворитомъ богатенькихъ студентовъ. Но богатенькіе, допуская его въ свою среду, все-таки разумѣли, что онъ имъ не пара, что онъ только шутъ, и въ этомъ именно смыслѣ установилась его репутація. Ставши однажды на эту почву, онъ естественно тяготѣлъ все ниже и ниже, такъ что къ концу четвертаго курса вышутился окончательно. Тѣмъ не менѣе, благодаря способности быстро схватывать и запоминать слышанное, онъ выдержалъ экзаменъ съ успѣхомъ и получилъ степень кандидата.

Когда онъ явился къ матери съ дипломомъ, Арина Петровна только пожала плечами и промолвила: «дивлюсь!» Затѣмъ, продержавъ съ мѣсяцъ въ деревнѣ, отправила его въ Петербургъ, назначивъ на прожитокъ по сту рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ. Начались скитанія по департаментамъ и канцеляріямъ. Протекцій у него не было, охоты пробить дорогу личнымъ трудомъ—никакой. Праздная мысль молодого человѣка до того отвыкла сосредотачиваться, что даже бюрократическія испытанія, въ родѣ докладныхъ записокъ и экстрактовъ изъ дѣлъ, оказывались для нея непосильными. Четыре года бился Головлевъ въ Петербургѣ

Digitized by Google

и, наконецъ, долженъ былъ сказать себѣ, что надежда устроиться когда-нибудь выше канцелярскаго чиновника для него не существуетъ. Въ отвѣтъ на его сѣтованія Арина Петровна написала грозное письмо, начинавшееся словами: «я зараньше въ семъ была увѣрена» и кончавшееся приказаніемъ явиться въ Москву. Тамъ, въ совѣтѣ излюбленныхъ крестьянъ, было рѣшено: опредѣлить Степку-балбеса въ надворный судъ, поручивъ его надзору подъячаго, который изстари ходатайствовалъ по Головлевскимъ дѣламъ. Что дѣлалъ и какъ велъ себя Степанъ Владимірычъ въ надворномъ судѣ—неизвѣстно, но черезъ три года его ужъ тамъ не было. Тогда Арина Петровна рѣшилась на крайнюю мѣру: она «выбросила сыну кусокъ», который, впрочемъ, въ то же время долженъ былъ изображать собою и «родительское благословеніе». Кусокъ этотъ состоялъ изъ дома въ Москвѣ, за который Арина Петровна заплатила двѣнадцать тысячъ рублей.

Въ первый разъ въ жизни Степанъ Головлевъ вздохнулъ свободно. Домъ обѣщалъ давать тысячу рублей серебромъ дохода, и сравнительно съ прежнимъ эта сумма представлялась ему чѣмъ-то въ родѣ заправскаго благосостоянія. Онъ съ увлеченіемъ поцѣловалъ у маменьки ручку («то-то же, смотри у меня, балбесъ! не жди больше ничего!»—молвила при этомъ Арина Петровна) и обѣщалъ оправдать оказанную ему милость. Ну—увы!—онъ такъ мало привыкъ обращаться съ деньгами, такъ нелѣпо понималъ размѣры дѣйствительной жизни, что сказочной годовой тысячи рублей достало очень не надолго. Въ какія-нибудь четыре-пять лѣтъ онъ прогорѣлъ окончательно и былъ радъ-радёхонекъ поступить, въ качествѣ замѣстителя, въ ополченіе, которое въ это время формировалось. Ополченіе, впрочемъ, дошло только до Харькова, какъ былъ заключенъ миръ, и Головлевъ опять вернулся въ Москву. Его домъ былъ уже въ это время проданъ. На немъ былъ ополченскій мундиръ, довольно, однакожъ, потертый, на ногахъ—сапоги на выпускъ и въ карманѣ—сто рублей денегъ. Съ этимъ капиталомъ онъ поднялся-было на спекуляцію, то-есть сталъ играть въ карты, и невдолгѣ проигралъ все. Тогда онъ принялся ходить по зажиточнымъ крестьянамъ матери, жившимъ въ Москвѣ своимъ хозяйствомъ; у кого обѣдалъ, у кого выпрашивалъ четверку табаку, у кого по мелочи занималъ. Но, наконецъ, наступила минута, когда онъ, такъ сказать, очутился лицомъ къ лицу съ глухой стѣной. Ему

Digitized by Google

было уже подъ сорокъ, и онъ вынужденъ былъ сознаться, что дальнѣйшее бродячее существованіе для него не по силамъ. Оставался одинъ путь—въ Головлево.

Послѣ Степана Владимірыча, старшимъ членомъ Головлевскаго семейства была дочь, Анна Владиміровна, о которой Арина Петровна тоже не любила говорить.

Дѣло въ томъ, что на Аннушку Арина Петровна имѣла виды, а Аннушка не только не оправдала ея надеждъ, но вмѣсто того на весь уѣздъ учинила скандалъ. Когда дочь вышла изъ института, Арина Петровна поселила ее въ деревнѣ, въ чаяньи сдѣлать изъ нея даровою домашняго секретаря и бухгалтера, а вмѣсто того Аннушка, въ одну прекрасную ночь, бѣжала изъ Головлева съ корнетомъ Улановымъ и повѣнчалась съ нимъ.

— Такъ, безъ родительскаго благословенія, какъ собаки, и повѣнчались!—сѣтовала по этому случаю Арина Петровна.—Да хорошо еще, что кругомъ налоя-то муженёкъ обвелъ! Другой бы попользовался—да и былъ таковъ! Ищи его потомъ да свищи!

И съ дочерью Арина Петровна поступила столь же рѣшительно, какъ и съ постылымъ сыномъ: взяла и «выбросила ей кусокъ». Она отдѣлила ей капиталъ въ пять тысячъ и деревнюшку въ тридцать душъ съ упалою усадьбой, въ которой изо всѣхъ оконъ дуло и не было ни одной живой половины. Года черезъ два молодые капиталъ прожили и корнетъ неизвѣстно куда бѣжалъ, оставивъ Анну Владиміровну съ двумя дочерьми-близнецами: Аннинькой и Любинькой. Затѣмъ и сама Анна Владиміровна, черезъ три мѣсяца, скончалась, и Арина Петровна волей-неволей должна была пріютить круглыхъ сиротъ у себя,—что она и исполнила, помѣстивъ малютокъ во флигелѣ и приставивъ къ нимъ кривую старуху Палашку.

— У Бога милостей много,—говорила она при этомъ:—сиротки хлѣба не Богъ знаетъ что съѣдятъ, а мнѣ на старости лѣтъ—утѣшеніе! Одну дочку Богъ взялъ—двухъ далъ!

И въ то же время писала къ сыну Порфирію Владимірычу: «какъ жила твоя сестрица безпутно, такъ и умерла, покинувъ мнѣ на шею своихъ двухъ щенковъ»...

Вообще, какъ ни циничнымъ можетъ показаться это замѣчаніе, но справедливость требуетъ сознаться, что оба эти случая, по поводу которыхъ произошло «выбрасываніе кусковъ», не только не произвели ущерба въ финансахъ Арины Петровны, но косвеннымъ образомъ даже способ-

Digitized by Google

ствовали округленію Головлевскаго имѣнія, сокращая число пайщиковъ въ немъ. Ибо Арина Петровна была женщина строгихъ правилъ и, разъ «выбросивши кусокъ», уже считала покончеными всѣ свои обязанности относительно постылыхъ дѣтей. Даже при мысли о сиротахъ-внучкахъ ей никогда не представлялось, что со временемъ придется что-нибудь удѣлить имъ. Она старалась только какъ можно больше выжать изъ маленькаго имѣнія, отдѣленнаго покойной Аннѣ Владиміровнѣ, и откладывать выжатое въ опекунскій совѣтъ, при чемъ говорила:

— Вотъ и для сиротъ денежки прикапливаю, а что онѣ прокормленіемъ да уходомъ стоятъ—ничего ужъ съ нихъ не беру! За мою хлѣбъ-соль, видно, Богъ мнѣ заплатитъ!

Наконецъ, младшія дѣти, Порфирій и Павелъ Владимірычи, находились на службѣ въ Петербургѣ: первый—по гражданской части, второй—по военной. Порфирій былъ женатъ. Павелъ холостой.

Порфирій Владимірычъ извѣстенъ былъ въ семействѣ подъ тремя именами: Іудушки, кровопивушки и откровеннаго мальчика, каковыя прозвища еще въ дѣтствѣ были ему даны Степкой-балбесомъ. Съ младенческихъ лѣтъ любилъ онъ приласкаться къ милому другу маменькѣ, украдкой поцѣловалъ ее въ плечико, а иногда и слегка понаушничать. Неслышно отворитъ, бывало, дверь маменькиной комнаты, неслышно прокрадется въ уголокъ, сядетъ и, словно очарованный, не сводитъ глазъ съ маменьки, покуда она пишетъ или возится со счетами. Но Арина Петровна уже и тогда съ какою-то подозрительностью относилась къ этимъ сыновнимъ заискиваньямъ. И тогда этотъ пристально устремленный на нее взглядъ казался ей загадочнымъ, и тогда она не могла опредѣлить себѣ, что именно онъ источаетъ изъ себя: ядъ или сыновнюю почтительность.

— И сама понять не могу, что у него за глаза такіе,— разсуждала она иногда сама съ собою: — взглянетъ — ну, словно вотъ петлю закидываетъ. Такъ вотъ и поливаетъ ядомъ, такъ и подманиваетъ!

И припомнились ей при этомъ многозначительныя подробности того времени, когда она еще была «тяжела» Порфишей. Жилъ у нихъ тогда въ домѣ нѣкоторый благочестивый и прозорливый старикъ, котораго называли Порфишей-блаженненькимъ и къ которому она всегда обращалась, когда желала что-либо провидѣть въ будущемъ. И вотъ этотъ-то самый старецъ, когда она спросила его, скоро ли

Digitized by Google

послѣдуютъ роды и кого-то Богъ дастъ ей, сына или дочь—ничего прямо ей не отвѣтилъ, но три раза прокричалъ пѣтухомъ и вслѣдъ затѣмъ пробормоталъ:

— Пѣтушокъ, пѣтушокъ, востёръ ноготокъ! Пѣтухъ кричитъ, насѣдкѣ грозитъ; насѣдка — кудахъ-тахъ-тахъ, да поздно будетъ!

И только. Но черезъ три дня (вотъ оно — три раза-то прокричалъ!) она родила сына (вотъ оно—пѣтушокъ-пѣтушокъ!), котораго и назвали Порфиріемъ, въ честь старца-провидца...

Первая половина пророчества исполнилась; но что могли означать таинственныя слова: «насѣдка—кудахъ-тахъ-тахъ, да поздно будетъ?»—вотъ объ этомъ-то и задумывалась Арина Петровна, взглядывая изъ-подъ руки на Порфишу, покуда тотъ сидѣлъ въ своемъ углу и смотрѣлъ на нее своимъ загадочнымъ взглядомъ.

А Порфиша продолжалъ себѣ сидѣть кротко и безшумно и все смотрѣлъ на нее, смотрѣлъ до того пристально, что широко раскрытые и неподвижные глаза его подергивались слезою. Онъ какъ бы провидѣлъ сомнѣнія, шевелившіяся въ душѣ матери, и велъ себя съ такимъ расчетомъ, что самая придирчивая подозрительность—и та должна признать себя безоружною передъ его кротостью. Даже рискуя надоѣсть матери, онъ постоянно вертѣлся у нея на глазахъ, словно говорилъ: «смотри на меня! я ничего не утаиваю! я весь послушливость и преданность, и при томъ послушливость не токмо за страхъ, но и за совѣсть». И какъ ни сильно говорила въ ней увѣренность, что Порфишка-подлецъ только хвостомъ лебезитъ, а глазами все-таки петлю накидываетъ, но въ виду такой беззавѣтности и ея сердце не выдерживало. И невольно рука ея искала лучшаго куска на блюдѣ, чтобъ передать его ласковому сыну, несмотря на то, что одинъ видъ этого сына поднималъ въ ея сердцѣ смутную тревогу чего-то загадочнаго, недобраго.

Совершенную противоположность съ Порфиріемъ Владимірычемъ представлялъ братъ его, Павелъ Владимірычъ. Это было полнѣйшее олицетвореніе человѣка, лишеннаго какихъ бы то ни было поступковъ. Еще мальчикомъ онъ не выказывалъ ни малѣйшей склонности ни къ ученью, ни къ играмъ, ни къ общительности, но любилъ жить особнякомъ, въ отчужденіи отъ людей. Забьется, бывало, въ уголъ, надуется и начнетъ фантазировать. Представляется ему, что онъ только-что напился, что отъ этого ноги у него

Digitized by Google

тоненькія, и онъ не учится. Или—что онъ не Павелъ-дворянскій сынъ, а Давыдка-пастухъ, что на лбу у него выросла болонà, какъ у Давыдки, что онъ арапникомъ щелкаетъ, и не учится. Поглядитъ-поглядитъ, бывало, на него Арина Петровна и такъ и раскипятится ея материнское сердце.

— Ты что, какъ мышь на крупу, надулся!—не утерпитъ, прикрикнетъ она на него:—или ужъ съ этихъ поръ въ тебѣ ядъ-то дѣйствуетъ! Нѣтъ того, чтобы къ матери подойти: маменька, молъ, приласкайте меня, душенька!

Павлуша покидалъ свой уголокъ и медленными шагами, словно его въ спину толкали, приближался къ матери.

— Маменька, молъ,—повторялъ онъ какимъ-то неестественнымъ для ребенка басомъ:—приласкайте меня, душенька!

— Пошелъ съ моихъ глазъ... тихоня! Ты думаешь, что забьешься въ уголъ, такъ я и не понимаю—насквозь тебя понимаю, голубчикъ! Всѣ твои планы-прожекты какъ на ладони вижу!

И Павелъ тѣмъ же медленнымъ шагомъ отправлялся назадъ и забивался опять въ свой уголъ.

Шли годы, и изъ Павла Владимірыча постепенно образовывалась та апатичная и загадочно-угрюмая личность, изъ которой, въ конечномъ результатѣ, получается человѣкъ, лишенный поступковъ. Можетъ-быть, онъ былъ добръ, по никому добра не сдѣлалъ; можетъ-быть, былъ и неглупъ, но во всю жизнь ни одного умнаго поступка не совершилъ. Онъ былъ гостепріименъ, но никто не льстился на него гостепріимство: онъ охотно тратилъ деньги, но ни полезнаго, ни пріятнаго результата отъ этихъ тратъ ни для кого никогда не происходило; онъ никого никогда не обидѣлъ, но никто этого не вмѣнялъ ему въ достоинство; онъ былъ честенъ, по не слыхали, чтобы кто-нибудь сказалъ: «какъ честно поступилъ въ такомъ-то случаѣ Павелъ Головлевъ!» Въ довершеніе всего, онъ нерѣдко огрызался противъ матери и въ то же время боялся ея, какъ огня. Повторяю: это былъ человѣкъ угрюмый, но за его угрюмостью скрывалось отсутствіе поступковъ—и ничего больше.

Въ зрѣломъ возрастѣ различіе характеровъ обоихъ братьевъ всего рѣзче высказалось въ ихъ отношеніяхъ къ матери. Іудушку каждую недѣлю аккуратно слалъ къ маменькѣ обширное посланіе, въ которомъ пространно увѣдомлялъ ее о всѣхъ подробностяхъ петербургской жизни

Digitized by Google

и въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ увѣрялъ въ безкорыстной сыновней преданности. Павелъ писалъ рѣдко и кратко, а иногда даже загадочно, словно клещами вытаскивалъ изъ себя каждое слово. «Деньги столько-то и на такой-то срокъ, безцѣнный другъ маменька, отъ довѣреннаго вашего, крестьянина Ерофеева, получилъ, — увѣдомлялъ, напримѣръ, Порфирій Владимірычъ: — а за посылку оныхъ, для употребленія на мое содержаніе, согласно вашему, милая маменька, соизволенію, приношу чувствительнѣйшую благодарность и съ нелицемѣрною сыновнею преданностью цѣлую ваши ручки. Объ одномъ только грущу и сомнѣніемъ мучусь: не слишкомъ ли утруждаете вы драгоцѣнное ваше здоровье непрерывными заботами объ удовлетвореніи не только нуждъ, но и прихотей нашихъ?! Не знаю, какъ братъ, а я»... и т. д. А Павелъ по тому же поводу выражался. «Деньги столько-то на такой-то срокъ, дражайшая родительница, получилъ, и, по моему расчету, слѣдуетъ мнѣ еще шесть съ полтиной дополучить, въ чемъ и прошу васъ меня почтеннѣйше извинить». Когда Арина Петровна посылала дѣтямъ выговоры за мотовство (это случалось нерѣдко, хотя серьезныхъ поводовъ и не было), то Порфиша всегда съ смиреніемъ покорялся этимъ замѣчаніямъ и писалъ: «Знаю, милый дружокъ маменька, что вы несете непосильныя тяготы ради насъ, недостойныхъ дѣтей вашихъ; знаю, что мы очень часто своимъ поведеніемъ не оправдываемъ вашихъ материнскихъ объ насъ попеченій, и, что всего хуже, по свойственному человѣкамъ заблужденію, даже забываемъ о семъ, въ чемъ и приношу вамъ искреннее сыновнее извиненіе, надѣясь со временемъ отъ порока сего избавиться и быть, въ употребленіи присылаемыхъ вами, безцѣнный другъ маменька, на содержаніе и прочіе расходы денегъ, осмотрительнымъ». А Павелъ отвѣчалъ такъ: «Дражайшая родительница! хотя вы долговъ за меня еще не платили, но выговоръ въ названіи меня мотомъ безпрепятственно принимаю, въ чемъ и прошу чувствительнѣйше принять увѣреніе». Даже на письмо Арины Петровны съ извѣщеніемъ о смерти сестрицы Анны Владиміровны оба брата отозвались различно. Порфирій Владимірычъ писалъ: «Извѣстіе о кончинѣ любезной сестрицы и доброй подруги дѣтства Анны Владиміровны поразило мое сердце скорбію, каковая скорбь еще болѣе усилилась при мысли, что вамъ, милый другъ маменька, посылается еще новый крестъ, въ лицѣ двухъ

Digitized by Google

сиротъ-малютокъ. Ужели еще не достаточно, что вы, общая наша благодѣтельница, во всемъ себѣ отказываете и, не щадя своего здоровья, всѣ силы къ тому направляете дабы обезпечить свое семейство не только нужнымъ, но излишнимъ? Право, хоть и грѣшно, но иногда невольно поропщешь. И единственное, по моему мнѣнію, для васъ, родная моя, въ настоящемъ случаѣ убѣжище—это сколь можно чаще припоминать, что вытерпѣлъ Самъ Христосъ». Павелъ же писалъ: «Извѣстіе о кончинѣ сестры, погибшей жертвою, получилъ. Впрочемъ, надѣюсь, что Всевышній успокоитъ ее въ Своихъ сѣняхъ, хотя сіе и неизвѣстно».

Перечитывала Арина Петровна эти письма сыновей и все старалась угадать, который изъ нихъ ей злодѣемъ будетъ. Прочтетъ письмо Порфирія Владимірыча, и кажется, что вотъ онъ-то и есть самый злодѣй.

— Ишь вѣдь какъ пишетъ! ишь какъ языкомъ-то вертитъ!—восклицала она.—Не даромъ Степка-балбесъ Іудушкой его прозвалъ! Ни одного-то вѣдь слова вѣрнаго нѣтъ! Все-то онъ лжетъ: и «милый дружокъ маменька», и про тягости-то мои, и про крестъ-то мой... ничего онъ этого не чувствуетъ!

Потомъ примется за письмо Павла Владимірыча, и опять чудится, что вотъ онъ-то и есть будущій злодѣй.

— Глупъ-глупъ, а смотри, какъ исподтишка мать козыряетъ! «Въ чемъ и прошу чувствительнѣйше принять увѣреніе...» Милости просимъ! Вотъ я тебѣ покажу, что значитъ «чувствительнѣйше принимать увѣреніе»! Выброшу тебѣ кусокъ, какъ Степкѣ-балбесу—вотъ ты и узнаешь тогда, какъ я понимаю твои «увѣренія»!

И въ заключеніе изъ ея материнской груди вырывался поистинѣ трагическій вопль:

— И для кого я всю эту прорву коплю! Для кого я припасаю! Ночей не досыпаю, куска не доѣдаю... Для кого?!

Таково было семейное положеніе Головлевыхъ въ ту минуту, когда бурмистръ Антонъ Васильевъ доложилъ Аринѣ Петровнѣ о промотаніи Степкой-балбесомъ «выброшеннаго куска», который, въ виду дешевой его продажи, получалъ уже сугубое значеніе «родительскаго благословенія».

Арина Петровна сидѣла въ спальной и не могла придти въ себя. Что-то такое шевелилось у нея внутри, въ чемъ она не могла отдать себѣ яснаго отчета. Участвовала ли тутъ какимъ-то чудомъ явившаяся жалость къ постылому,

Digitized by Google

но все-таки сыну, или говорило одно нагое чувство оскорбленнаго самовластія—этого не могъ бы опредѣлить самый опытный психологъ: до такой степени перепутывались и быстро смѣнялись въ ней всѣ чувства и ощущенія. Наконецъ, изъ общей массы накопившихся представленій яснѣе другихъ выдѣлилось опасеніе, что «постылый» опять сядетъ ей на шею.

«Анютка щепковъ своихъ навязала, да вотъ еще балбесъ»...—разсчитывала она мысленно.

Долго просидѣла она такимъ образомъ, не молвивъ ни слова и смотря въ окно въ одну точку. Принесли обѣдъ, до котораго она почти не коснулась; пришли сказать: «барину водки пожалуйте!»—она, не глядя, швырнула ключь отъ кладовой. Послѣ обѣда она ушла въ образную, велѣла засвѣтить всѣ лампадки и затворилась, предварительно заказавъ истопить баню. Все это были признаки, которые несомнѣнно доказывали, что барыня «гнѣвается», и потому въ домѣ все вдругъ смолкло, словно умерло. Горничныя ходили на цыпочкахъ; ключница Акулина совалась, какъ помѣшанная: назначено было послѣ обѣда вареньe варить, и вотъ пришло время, ягоды вычищены, готовы, а отъ барыни ни приказу, ни отказу нѣтъ; садовникъ Матвѣй пришелъ-было съ вопросомъ, не пора ли персики обирать, но въ дѣвичьей такъ на него цыкнули, что онъ немедленно отретировался.

Помолившись Богу и вымывшись въ банькѣ, Арина Петровна почувствовала себя нѣсколько умиротворенною и вновь потребовала Антона Васильева къ отвѣту.

— Ну, а что же балбесъ дѣлаетъ?—спросила она.

— Москва велика—и въ годъ ее всю не исходить!

— Да вѣдь, чай, пить-ѣсть надо?

— Около своихъ мужичковъ прокармливаются. У кого пообѣдаютъ, у кого на табакъ гривенничекъ выпросятъ.

— А кто позволилъ давать?

— Помилуйте, сударыня! Мужички развѣ обижаются! Чужимъ неимущимъ подаютъ, а ужъ своимъ господамъ отказать!

— Вотъ я имъ ужо... подавальщикамъ! Сошлю балбеса въ тебѣ въ вотчину и содержите его всѣмъ обществомъ на свой счетъ!

— Вся ваша власть, сударыня.

— Что? что ты такое сказалъ?

Digitized by Google

— Вся, молъ, ваша власть, сударыня. Прикажете, такъ и прокормимъ!

— То-то... прокормимъ! Ты у меня говори, да не заговаривайся!

Молчаніе. Но Антонъ Васильевъ не даромъ получилъ отъ барыни прозвище переметной сумы. Онъ не вытерпливаетъ и вновь начинаетъ топтаться на мѣстѣ, сгорая желаніемъ нѣчто доложить.

— Да еще какой прокуратъ!— наконецъ, произноситъ онъ:—сказываютъ, какъ изъ похода-то воротился, сто рублей денегъ съ собой принесъ. Не велики деньги сто рублей, а и на нихъ бы сколько-нибудь прожить можно...

— Ну?

— Поправиться, вишь, полагалъ, въ афёру пустился...

— Говори, не мни!

— Въ нѣмецкое, чу, собраніе свезъ. Думалъ дурака найти, въ карты обыграть, анъ, замѣсто того, самъ на умнаго попался. Онъ-было и на-утекъ, да въ прихожей, сказываютъ, задержали. Что было денегъ—все обрали!

— Чай, и бокамъ досталось?

— Было всего. На другой день приходитъ къ Ивану Михайлычу, да самъ же и разсказываетъ. И даже удивительно это: смѣется... веселый, словно бы его по головкѣ погладили!

— Ништо ему! Лишь бы ко мнѣ на глаза не показывался!

— А надо полагать, что такъ будетъ.

— Что ты! да я его на порогъ къ себѣ не пущу!

— Не иначе, что такъ будетъ!—повторяетъ Антонъ Васильевъ.—И Иванъ Михайлычъ сказывалъ, что онъ проговорился: «шабашъ, говоритъ, пойду къ старухѣ хлѣбъ въ сухомятку ѣсть!» Да ему, сударыня, коли по правдѣ сказать, и дѣваться-то, окромѣ здѣшняго мѣста, некуда. По своимъ мужичкамъ долго въ Москвѣ не находится. Одёжа тоже нужна, спокой...

Вотъ этого-то именно и боялась Арина Петровна; это-то именно и составляло суть того неяснаго представленія, которое безсознательно тревожило ее. «Да, онъ явится, ему некуда больше идти—этого не миновать! Онъ будетъ здѣсь, вѣчно у нея на глазахъ, клятой, постылый, забытый! Для чего же она выбросила ему въ то время «кусокъ»? Она думала, что, получивши «что слѣдуетъ», онъ канулъ въ вѣчность—анъ онъ возрождается! Онъ придетъ, будетъ

Digitized by Google

требовать, будетъ всѣмъ мозолить глаза своимъ нищенскимъ видомъ. И надо будетъ удовлетворять его требованіямъ, потому что онъ—человѣкъ наглый, готовый на всякое буйство. «Его» не спрячешь подъ замокъ; «онъ» способенъ и при чужихъ явиться въ отребьѣ, способенъ произвести дебошъ, бѣжать къ сосѣдямъ и разсказать имъ вся сокровенная Головлевскихъ дѣлъ. Сослать его развѣ въ Суздаль-монастырь? Но кто-жъ его знаетъ, полно, есть ли еще этотъ Суздаль-монастырь, и въ самомъ ли дѣлѣ онъ для того существуетъ, чтобъ освобождать огорченныхъ родителей отъ лицезрѣнія строптивыхъ дѣтей? Сказываютъ еще, что смирительный домъ есть... Да вѣдь смирительный домъ—ну, какъ ты его туда, экого сорокалѣтняго жеребца, приведешь?» Однимъ словомъ, Арина Петровна совсѣмъ растерялась при одной мысли о тѣхъ невзгодахъ, которыя грозятъ взбудоражить ея мирное существованіе съ приходомъ Степки-балбеса.

— Я его къ тебѣ въ вотчину пришлю! Корми на свой счетъ!—пригрозилась она бурмистру:—не на вотчинный счетъ, а на собственный свой!

— За что такъ, сударыня?

— А за то, что не баркай! Кра-кра! «Не иначе, что такъ будетъ»... Пошелъ съ моихъ глазъ долой... ворона!

Антонъ Васильевъ повернулъ-было налѣво кругомъ, но Арина Петровна вновь остановила его.

— Стой! погоди! Такъ это вѣрно, что онъ въ Головлево лыжи навострилъ?—спросила она.

— Стану ли я, сударыня, лгать! Вѣрно говорилъ: «къ старухѣ пойду хлѣбъ въ сухомятку ѣсть!»

— Вотъ я ему покажу ужо, какой для него у старухи хлѣбъ припасенъ!

— Да что, сударыня, не долго онъ у васъ наживетъ!

— А что такое?

— Да кашляетъ очень сильно... за лѣвую грудь все хватается... Не заживется!

— Этакіе-то, любезный, еще дольше живутъ! И насъ всѣхъ переживетъ! Кашляетъ да кашляетъ—что ему, жеребцу долговязому, дѣлается! Ну, да тамъ посмотримъ. Ступай теперь! Мнѣ нужно распоряженіе сдѣлать.

Весь вечеръ Арина Петровна думала и наконецъ-таки надумала: созвать семейный совѣтъ для рѣшенія балбесовой участи. Подобныя конституціонныя замашки не были въ ея нравахъ, но на этотъ разъ она рѣшилась отступить

Digitized by Google

отъ преданій самовластія, дабы рѣшеніемъ всей семьи оградить себя отъ нареканій добрыхъ людей. Въ исходѣ предстоящаго совѣщанія она, впрочемъ, не сомнѣвалась, и потому съ легкимъ духомъ сѣла за письма, которыми предписывалось Порфирію и Павлу Владимирычамъ немедленно прибыть въ Головлево.

Покуда все это происходило, виновникъ кутерьмы, Степка-балбесъ, ужъ подвигался изъ Москвы по направленію къ Головлеву. Онъ сѣлъ въ Москвѣ, у Рогожской, въ одинъ изъ такъ-называемыхъ «дележановъ», въ которыхъ, въ былое время, ѣзжали, да и теперь еще кое-гдѣ ѣздятъ, мелкіе купцы и торгующіе крестьяне, направляясь въ свое мѣсто въ побывку. «Дележанъ» ѣхалъ по направленію къ Владиміру, и тотъ же сердобольный трактирщикъ Иванъ Михайлычъ везъ на свой счетъ Степана Владимірыча, взявши для него мѣсто и уплачивая за его харчи въ продолженіе всей дороги.

— Такъ ужъ вы, Степанъ Владимірычъ, такъ и сдѣлайте: на поверткѣ слѣзьте, да пѣшкомъ, какъ есть въ костюмѣ—такъ и отъявитесь къ маменькѣ!—условливался съ нимъ Иванъ Михайлычъ.

— Такъ, такъ, такъ!—подтверждалъ и Степанъ Владимірычъ.—Много ли отъ повертки—пятнадцать верстъ пѣшкомъ пройти! Мигомъ отхвачу! Въ пыли, въ навозѣ—такъ и явлюсь!

— Увидитъ маменька въ костюмѣ-то—можетъ, и пожалѣетъ!

— Пожалѣетъ! Какъ не пожалѣть! Мать—вѣдь она старуха добрая!

Степану Головлеву нѣтъ еще сорока лѣтъ, но по наружности ему никакъ нельзя дать меньше пятидесяти. Жизнь до такой степени истрепала его, что не оставила на немъ никакого признака дворянскаго сына, ни малѣйшаго слѣда того, что и онъ былъ когда-то въ университетѣ и что и къ нему тоже было обращено воспитательное слово науки. Это—чрезмѣрно длинный, нечесанный, почти немытый малый, худой отъ недостатка питанія, съ впалою грудью, съ длинными, загребистыми руками. Лицо у него распухшее, волосы на головѣ и бородѣ растрепанные, съ сильною просѣдью, голосъ громкій, но сиплый, простуженный, глаза на выкатѣ и воспаленные, частью отъ неумѣреннаго употребленія водки, частью отъ постояннаго нахожденія на

Digitized by Google

вѣтру. На немъ ветхая и совершенно затасканная сѣрая ополченка, галуны съ которой содраны и проданы на выжигу; на ногахъ—стоптанные, порыжѣлые и заплатанные сапоги на-выпускъ; изъ-за распахнутой ополченки виднѣется рубашка, почти черная, словно вымазанная сажей,—рубашка, которую онъ съ истинно-ополченскимъ цинизмомъ самъ называетъ «блошницею». Смотритъ онъ исподлобья, угрюмо, но эта угрюмость не выражаетъ внутренняго недовольства, а есть слѣдствіе какого-то смутнаго безпокойства, что вотъ-вотъ еще минута, и онъ, какъ червякъ, подохнетъ съ голоду.

Говоритъ онъ безъ умолку, безъ связи, перескакивая съ одного предмета на другой; говоритъ и тогда, когда Иванъ Михайлычъ слушаетъ его, и тогда, когда послѣдній засыпаетъ подъ музыку его говора. Ему ужасно неловко сидѣть. Въ «дележанѣ» помѣстилось четыре человѣка, а потому приходится сидѣть, скрючивши ноги, что уже на протяженіи трехъ-четырехъ верстъ производитъ нѣвыносимую боль въ колѣнкахъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на боль, онъ постоянно говоритъ. Облака пыли врываются въ боковыя отверстія повозки; по временамъ заползаютъ туда косые лучи солнца, и вдругъ, словно полымемъ, обожгутъ всю внутренность «дележана», а онъ все говоритъ.

— Да, братъ, тяпнулъ-таки я на своемъ вѣку горя,—разсказываетъ онъ:—пора и на боковую! Не объѣмъ же вѣдь я ее, а куска-то хлѣба, чай, какъ не найтись! Ты какъ, Иванъ Михайлычъ, объ этомъ думаешь?

— У маменьки вашей много кусковъ!

— Только не про меня—такъ, что ли, ты хочешь сказать? Да, дружище, деньжищъ у нея—цѣлая прорва, а для меня пятака мѣднаго жаль! И вѣдь всегда-то она меня, вѣдьма, ненавидѣла! За что? Ну, да теперь, братъ, шалишь, съ меня взятки-то гладки, я и за горло возьму! Выгнать меня вздумаетъ—не пойду! Ѣсть не дастъ—самъ возьму! Я, братъ, отечеству послужилъ—теперь мнѣ всякій помочь обязанъ! Одного боюсь: табаку не будетъ давать—скверность!

— Да, ужъ съ табачкомъ, видно, проститься придется!

— Такъ я бурмистра за бока! Можетъ, лысый чортъ и подаритъ барину!

— Подарить отчего не подарить! А ну, какъ она, маменька-то ваша, и бурмистру запретитъ?

— Ну, тогда я ужъ—совсѣмъ мать; только одна роскошь

Digitized by Google

у меня и осталась отъ прежняго великолѣпія—это табакъ! Я, братъ, какъ при деньгахъ былъ, въ день по четверткѣ Жукова выкуривалъ!

— Вотъ и съ водочкой тоже проститься придется!

— Тоже скверность. А мнѣ водка даже для здоровья полезна—мокроту разбиваетъ. Мы, братъ, какъ походомъ подъ Севастополь шли—еще до Серпухова не дошли, а ужъ по ведру на брата вышло!

— Чай, очунѣли?

— Не помню. Кажется, что-то было; я, братъ, вплоть до Харькова дошелъ, а хоть убей—ничего не помню. Помню только, что и деревнями шли, и городами шли, да еще, что въ Тулѣ откупщикъ намъ рѣчь говорилъ. Прослезился, подлецъ! Да, тяпнула-таки въ ту пору горя наша матушка Русь православная! Откупщики, подрядчики, пріемщики—какъ только Богъ спасъ!

— А вотъ маменькѣ вашей такъ и тутъ барышокъ вышелъ. Изъ нашей вотчины больше половины ратниковъ домой не вернулось, такъ за каждаго, сказываютъ, зачетную рекрутскую квитанцію нынче выдать велятъ. Анъ она, квитанція-то, въ казнѣ слишкомъ четыре ста стоитъ.

— Да, братъ, у насъ мать—умница! Ей бы министромъ слѣдовало быть, а не въ Головлевѣ пѣнки съ варенья снимать! Знаешь ли что! Несправедлива она ко мнѣ была, обидѣла она меня, а я ее уважаю! Умна, какъ чортъ—вотъ что главное! Кабы не она—что бы мы теперь были? Были бы при одномъ Головлевѣ—сто одна душа съ половиной! А она—посмотри, какую чортову пропасть она накупила!

— Будутъ ваши братцы при капиталѣ!

— Будутъ. Вотъ я таки ни при чемъ останусь—это вѣрно! Да, вылетѣлъ, братъ, я въ трубу! А братья будутъ богаты, особливо Кровопивушка. Этотъ безъ мыла въ душу влѣзетъ. А впрочемъ онъ ее, старую вѣдьму, со временемъ порѣшитъ; онъ и имѣнье, и капиталъ изъ нея высосетъ—я на эти дѣла провидецъ! Вотъ Павелъ-братъ—тотъ душа-человѣкъ! Онъ мнѣ табаку потихоньку пришлетъ—вотъ увидишь! Какъ пріѣду въ Головлево—сейчасъ ему цидулу: такъ и такъ, братъ любезный—успокой! Э-э-эхъ, эхма! вотъ кабы я богатъ былъ!

— Что-жъ бы вы сдѣлали?

— Во-первыхъ, сейчасъ бы тебя озолотилъ...

— Меня зачѣмъ же! Вы объ себѣ, а я и такъ, по милости вашей маменьки, доволенъ.

Digitized by Google

— Ну, нѣтъ — это братъ, аттѣндо! Я бы тебя главнокомандующимъ надъ всѣми имѣніями сдѣлалъ! Да, другъ, накормилъ, обогрѣлъ ты служиваго — спасибо тебѣ! Кабы не ты, понтировалъ бы я теперь пѣшедраломъ до дома предковъ моихъ! И вольную бы тебѣ сейчасъ въ зубы, и всѣ бы породъ тобой мои сокровища открылъ—пей, ѣшь и веселись! А ты какъ обо мнѣ полагалъ, дружище?

— Нѣтъ, ужъ про меня вы, сударь, оставьте. Что бы еще-то вы сдѣлали, кабы богаты были?

— Во-вторыхъ, сейчасъ бы штучку себѣ завелъ. Въ Курскѣ, ходилъ я къ Владычицѣ молебенъ служить, такъ одну видѣлъ... ахъ, хороша штучка! Вѣришь ли, ни одной минуты не было, чтобъ она спокойно на мѣстѣ постояла!

— А можетъ она бы въ штучки-то и не пошла!

— А деньги на что? Презрѣнный металлъ на что? Мало ста тысячъ—двѣсти бери! Я, братъ, коли при деньгахъ, ничего не пожалѣю, только чтобъ въ свое удовольствіе пожить! Я, признаться сказать, ей въ ту пору черезъ офрейтора три цѣловенькихъ посулилъ—пять, бестья, запросила!

— А пяти-то, видно, не случилось?

— И не знаю, братъ, какъ сказать. Говорю тебѣ: все словно какъ во снѣ видѣлъ. Можетъ, она даже и была у меня, да я забылъ. Всю дорогу, цѣлыхъ два мѣсяца—ничего не помню! А съ тобой, видно, этого не случалось?

Но Иванъ Михайлычъ молчитъ. Степанъ Владимірычъ вглядывается и убѣждается, что спутникъ его мѣрно киваетъ головой и по временамъ, когда касается носомъ чуть не до колѣнъ, какъ-то нелѣпо вздрагиваетъ и опять начинаетъ кивать въ тактъ.

— Эхма!—говорилъ онъ:—ужъ укачало тебя! на боковую просишься! Разжирѣлъ ты, братъ, на чаяхъ да на харчахъ-то трактирныхъ! А у меня такъ и сна нѣтъ! Нѣтъ у меня сна—да и шабашъ! Что бы теперь, однакожъ, какую бы штукенцію предпринять? Развѣ вотъ отъ плода сего виноградна го...

Головлевъ озирается кругомъ и удостовѣряется, что и прочіе пассажиры спятъ. У купца, который рядомъ съ нимъ сидитъ, голову объ перекладину колотитъ, а онъ все спитъ. И лицо у него сдѣлалось глянцевое, словно лакомъ покрыто, и мухи кругомъ ротъ облѣпили.

«А что, если-бъ всѣхъ этихъ мухъ къ нему въ хайло препроводить—то-то бы, чай, небо съ овчинку показалось!»— вдругъ осѣняетъ Головлева счастливая мысль, и онъ уже

Digitized by Google

начинаетъ подкрадываться къ кушцу рукой, чтобы привести свой планъ въ исполненіе, но на половинѣ пути что-то припоминаетъ и останавливается.

— Нѣтъ, полно проказничать — баста! Спите, други, и почивайте! А я покуда... и куда это онъ полштофъ засунулъ? Ба! вотъ онъ, голубчикъ! Полѣзай, полѣзай сюда! Спа-си, Го-о-споди, люди Твоя!—запѣваетъ онъ въ полголоса, вынимая посудину изъ холщевой сумки, прикрѣпленной сбоку кибитки и прикладывая ко рту горлышко.—Ну, вотъ, теперь ладно! тепло сдѣлалось! Или еще? Нѣтъ, ладно... до станціи-то верстъ двадцать еще будетъ, успѣю натенькаться... Или еще? Ахъ, прахъ ее побери, эту водку! Увидишь полштофъ—такъ и подманиваетъ! Пить скверно, да и не пить нельзя—потому сна нѣтъ! Хоть бы она, чортъ ее возьми, сморила меня!

Булькнувъ еще нѣсколько глотковъ изъ горлышка, онъ засовываетъ полштофъ на прежнее мѣсто и начинаетъ набивать трубку.

— Важно, — говоритъ онъ: — сперва выпили, а теперь трубочки покуримъ! Не дастъ, вѣдьма, мнѣ табаку, не дастъ—это онъ вѣрно сказалъ. Ѣсть-то дастъ ли? Объѣдки, чай, какіе-нибудь со стола посылать будетъ! Эхма! были и у насъ денежки—и нѣтъ ихъ! Былъ-человѣкъ—и нѣтъ его! Такъ-то вотъ и все на семъ свѣтѣ: сегодня ты и сытъ, и пьянъ, живешь въ свое удовольствіе, трубочку покуриваешь...

А завтра—гдѣ ты, человѣкъ?

Однако, надо бы и закусить что-нибудь. Пьешь-пьешь, словна бочка съ изъяномъ, а закусить путемъ не закусишь. А доктора сказываютъ, что питье тогда на пользу, когда при немъ и закуска благопотребная есть, какъ говорилъ преосвященный Смарагдъ, когда мы черезъ Обоянь проходили. Черезъ Обоянь ли? А чортъ его знаетъ, можетъ и черезъ Кромы! Не въ томъ, впрочемъ, дѣло, а какъ бы закуски теперь добыть. Помнится, что онъ въ мѣшочекъ колбасу и три французскихъ хлѣба положилъ! Небось, икорки пожалѣлъ купить! Ишь вѣдь какъ спитъ, какія пѣсни носомъ выводитъ! Чай, и провизію-то подъ себя сгребъ!

Онъ шаритъ кругомъ себя и ничего не нашариваетъ.

— Иванъ Михайлычъ! А, Иванъ Михайлычъ!—окликаетъ онъ.

Иванъ Михайлычъ просыпается и съ минуту словно не

Digitized by Google

понимаетъ, какимъ образомъ онъ очутился vis-à-vis съ барономъ.

— А меня только что было сонъ заводить началъ!—наконецъ говоритъ онъ.

— Ничего, другъ, спи! Я только спросить, гдѣ у насъ тутъ мѣшокъ съ провизіей спрятанъ?

— Поѣсть захотѣлось? Да вѣдь прежде, чай, выпить надо!

— И то дѣло! Гдѣ у тебя полштофъ-то?

Выпивши, Степанъ Владимірычъ принимается за колбасу, которая оказывается твердою, какъ камень, соленою, какъ сама соль, и облеченною въ такой прочный пузырь, что нужно прибѣгнуть къ острому концу ножа, чтобы проткнуть его.

— Бѣлорыбицы бы теперь хорошо,—говоритъ онъ.

— Ужъ извините, сударь, совсѣмъ изъ памяти вонъ. Все утро помнилъ, даже женѣ говорилъ: безпремѣнно напомни о бѣлорыбицѣ и—вотъ словно грѣхъ случился!

— Ничего, и колбасы поѣдимъ. Походомъ шли — не то ѣдали. Вотъ папенька разсказывалъ: англичанинъ съ англичаниномъ объ закладъ побился, что дохлую кошку съѣсть—и съѣлъ!

— Тсс... съѣлъ?

— Съѣлъ. Только тошнило его послѣ. Ромомъ вылѣчился. Двѣ бутылки залпомъ выпилъ—какъ рукой сняло. А то еще одинъ англичанинъ объ закладъ бился, что цѣлый годъ однимъ сахаромъ питаться будетъ.

— Выигралъ?

— Нѣтъ, двухъ сутокъ до году не дожилъ—околѣлъ! Да ты что-жъ самъ-то водочки бы долбанулъ?

— Съ роду не пивалъ.

— Чаемъ однимъ наливаешься? Нехорошо, братъ; оттого и брюхо у тебя растетъ. Съ чаемъ надобно тоже осторожно; чашку выпей, а сверху рюмочкой прикрой. Чай мокроту накопляетъ, а водка разбиваетъ. Такъ, что ли?

— Не знаю; вы—люди ученые, вамъ лучше знать.

— То-то. Мы какъ походомъ шли—съ чаями да съ кофеями намъ некогда было возиться. А водка—святое дѣло: отвинтилъ манерку, налилъ, выпилъ—и шабашъ. Скоро ужъ больно насъ въ ту пору гнали, такъ скоро, что я дней десять не мывшись былъ!

— Много вы, сударь трудовъ приняли!

— Много не много, а попробуй, попонтируй-ко по столбовой! Ну, да впередъ-то идти все-таки нешто было: жер-

Digitized by Google

твуютъ, обѣдами кормятъ, вина вволю. А вотъ какъ назадъ идти—чествовать-то ужъ и перестали!

Головлевъ съ усиліемъ грызетъ колбасу и наконецъ проживаетъ одинъ кусокъ.

— Солоненька, братъ, колбаса-то!—говоритъ онъ.—Впрочемъ, не прихотливъ! Мать-то вѣдь тоже разносолами потчивать не станетъ: щецъ тарелку да каши чашку — вотъ и все!

— Богъ милостивъ! Можетъ, и пирожка въ праздничекъ пожалуетъ!

— Ни чаю, ни табаку, ни водки — это ты вѣрно сказалъ. Говорятъ, она нынче въ дураки играть любить стала—вотъ развѣ это? Ну, позоветъ играть и напоитъ чайкомъ. А ужъ насчетъ прочаго—ау, братъ!

На станціи остановились часа на четыре кормить лошадей. Головлевъ успѣлъ покончить съ полуштофомъ и его разбиралъ сильный голодъ. Пассажиры ушли въ избу и расположились обѣдать.

Побродивъ по двору, заглянувъ на задворки и въ ясли къ лошадямъ, вспугнувши голубей и даже попробовавши заснуть, Степанъ Владимірычъ, наконецъ, убѣждается, что самое лучшее для него—это послѣдовать за прочими пассажирами въ избу. Тамъ на столѣ уже дымятся щи, а въ сторонкѣ, на деревянномъ лоткѣ, лежитъ большой кусъ говядины, которую Иванъ Михайлычъ крошитъ на мелкіе куски. Головлевъ садится нѣсколько поодаль, закуриваетъ трубку и долгое время не знаетъ, какъ поступить относительно своего насыщенія.

— Хлѣбъ да соль, господа:—наконецъ, говоритъ онъ:—щи-то, кажется, жирныя?

— Ничего щи!—отзывается Иванъ Михайлычъ.—Да вы бы, сударь, и себѣ спросили!

— Нѣтъ, я только къ слову, сытъ я!

— Чего сыты! Колбасы кусокъ съѣли, а съ ея, съ проклятой, еще пуще животъ пучитъ. Кушайте-ка. Вотъ я велю въ сторонкѣ для васъ столикъ накрыть — кушайте на здоровье! Хозяюшка! накрой барину въ сторонкѣ—вотъ такъ!

Пассажиры молча приступаютъ къ ѣдѣ и только загадочно переглядываются между собой. Головлевъ догадывается, что его «проникли», хотя онъ не безъ нахальства всю дорогу разыгрывалъ барина и называлъ Ивана Михайлыча своимъ казначеемъ. Брови у него насуплены,

Digitized by Google

табачный дымъ такъ и валитъ изо рта. Онъ готовъ отказаться отъ ѣды, но требованія голода до того настоятельны, что онъ какъ-то хищно набрасывается на поставленную передъ нимъ чашку щей и мгновенно опоражниваетъ ее. Вмѣстѣ съ сытостью возвращается къ нему и самоувѣренность, и онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, говоритъ, обращаясь къ Ивану Михайлычу:

— Ну, братъ-казначей, ты ужъ и расплачивайся за меня, а я пойду на сѣновалъ съ Храповицкимъ поговорить!

Переваливаясь, отправляется онъ на сѣнникъ, и на этотъ разъ, такъ какъ желудокъ у него обремененъ, засыпаетъ богатырскимъ сномъ. Въ пять часовъ онъ опять уже на ногахъ. Видя, что лошади стоятъ у пустыхъ ясель и чешутся мордами о края ихъ, онъ начинаетъ будить ямщика.

— Дрыхнетъ, каналья!—кричитъ онъ.—Намъ къ спѣху, а онъ пріятные сны видитъ!

Такъ идетъ дѣло до станціи, съ которой дорога повертываетъ на Головлево. Только тутъ Степанъ Владимірычъ нѣсколько остепеняется. Онъ явно упадаетъ духомъ и дѣлается молчаливымъ. На этотъ разъ ужъ Иванъ Михайлычъ ободряетъ его и паче всего убѣждаетъ бросить трубку.

— Вы, сударь, какъ будете къ усадьбѣ подходить, трубку-то въ крапиву бросьте, послѣ найдете!

Наконецъ, лошади, долженствующія везти Ивана Михайлыча дальше, готовы. Наступаетъ моментъ разставанія.

— Прощай, братъ! — говоритъ Головлевъ дрогнувшимъ голосомъ, цѣлуя Ивана Михайлыча:—заѣстъ она меня!

— Богъ милостивъ, вы тоже не слишкомъ пугайтесь!

— Заѣстъ! — повторяетъ Степанъ Владимірычъ такимъ убѣжденнымъ тономъ, что Иванъ Михайлычъ невольно опускаетъ глаза.

Сказавши это, Головлевъ круто поворачиваетъ по направленію проселка и начинаетъ шагать, опираясь на суковатую палку, которую онъ передъ тѣмъ срѣзалъ отъ дерева.

Иванъ Михайлычъ нѣкоторое время слѣдитъ за нимъ и потомъ бросается ему вдогонку.

— Вотъ что, баринъ!—говоритъ онъ, нагоняя его:—давеча, какъ ополченку нашу чистилъ, такъ три цѣловень-

Digitized by Google

кихъ въ боковомъ карманѣ видѣлъ—не оброните какъ-нибудь ненарокомъ!

Степанъ Владимирычъ видимо колеблется и не знаетъ, какъ ему поступить въ этомъ случаѣ. Наконецъ, онъ протягиваетъ Ивану Михайлычу руку и говоритъ сквозь слезы:

— Понимаю... служивому на табакъ... благодарю! А что касается до того... заѣстъ она меня, другъ любезный! Вотъ помяни мое слово—заѣстъ!

Головлевъ окончательно поворачивается лицомъ къ проселку, и черезъ пять минутъ уже далеко мелькаетъ его сѣрый ополченскій картузъ, то исчезая, то вдругъ появляясь изъ-за чащи лѣсной поросли. Время стоитъ еще раннее, шестой часъ въ началѣ; золотистый утренній туманъ вьется надъ проселкомъ, едва пропуская лучи только что показавшагося на горизонтѣ солнца; трава блеститъ; воздухъ напоенъ запахами ели, грибовъ и ягодъ; дорога идетъ зигзагами по низменности, въ которой кишатъ безчисленныя стада птицъ. Но Степанъ Владимирычъ ничего не замѣчаетъ: все легкомысліе вдругъ соскочило съ него, и онъ идетъ словно на страшный судъ. Одна мысль до краевъ переполняетъ все его существо: еще три-четыре часа—и дальше идти уже некуда. Онъ припоминаетъ свою старую Головлевскую жизнь, и ему кажется, что передъ нимъ растворяются двери сырого подвала, что какъ только онъ перешагнетъ за порогъ этихъ дверей, такъ онѣ сейчасъ захлопнутся—и тогда все кончено. Припоминаются и другія подробности, хотя непосредственно до него не касающіяся, но несомнѣнно характеризующія Головлевскіе порядки. Вотъ дяденька Михаилъ Петровичъ (въ просторѣчіи «Мишка-буянъ»), который тоже принадлежитъ къ числу «постылыхъ» и котораго дѣдушка Петръ Иванычъ заточилъ къ дочери въ Головлево, гдѣ онъ жилъ въ людской и ѣлъ изъ одной чашки съ собакой Трезоркой. Вотъ тетенька Вѣра Михайловна, которая изъ милости жила въ Головлевской усадьбѣ у братца Владиміра Михайлыча и которая умерла «отъ умѣренности», потому что Арина Петровна корила ее каждымъ кускомъ, съѣдаемымъ за обѣдомъ, и каждымъ полѣномъ дровъ, употребляемымъ для отопленія ея комнаты. То же самое, приблизительно, предстоитъ пережить и ему. Въ воображеніи его мелькаетъ безконечный рядъ безразсвѣтныхъ дней, утопающихъ въ какой-то зіяющей сѣрой пропасти, и онъ невольно закры-

Digitized by Google

взять глаза. Отнынѣ онъ будетъ одинъ-на-одинъ съ злою старухою, и даже не злою, а только оцѣпенѣвшею въ апатіи властности. Эта старуха заѣстъ его, заѣстъ не мучительствомъ, а забвеніемъ. Не съ кѣмъ молвить слова, некуда бѣжать—вездѣ она, властная, цѣпенящая, презирающая. Мысль объ этомъ неотразимомъ будущемъ до такой степени всего его наполнила тоской, что онъ остановился около дерева и нѣсколько времени бился о него головой. Вся его жизнь, исполненная кривлянья, бездѣльничества, буфонства, вдругъ словно освѣтилась передъ его умственнымъ окомъ. Онъ идетъ теперь въ Головлево, онъ знаетъ, что ожидаетъ тамъ его — и все-таки идетъ, и не можетъ не идти. Нѣтъ у него другой дороги. Самый послѣдній изъ людей можетъ что-нибудь для себя сдѣлать, можетъ добыть себѣ хлѣба—онъ одинъ ничего не можетъ. Эта мысль словно впервые проснулась въ немъ. И прежде ему случалось думать о будущемъ и рисовать себѣ всякаго рода перспективы, но это были всегда перспективы дарового довольства и никогда — перспективы труда. И вотъ теперь ему предстояла расплата за тотъ угаръ, въ которомъ безслѣдно потонуло его прошлое. Расплата горькая, выражавшаяся въ одномъ ужасномъ словѣ: «заѣстъ!»

Было около девяти часовъ утра, когда изъ-за лѣса показалась бѣлая Головлевская колокольня.

Лицо Степана Владимірыча поблѣднѣло, руки затряслись; онъ снялъ картузъ и перекрестился. Вспомнилась ему евангельская притча о блудномъ сынѣ, возвращающемся домой, но онъ тотчасъ же понялъ, что въ примѣненіи къ нему подобныя воспоминанія составляютъ только одно обольщеніе. Наконецъ, онъ отыскалъ глазами поставленный близъ дороги межевой столбъ и очутился на Головлевской землѣ, на той постылой землѣ, которая родила его постылымъ, вскормила постылымъ, выпустила постылымъ на всѣ четыре стороны и теперь, постылаго же, вновь принимаетъ его въ свое лоно. Солнце стояло уже высоко и безпощадно палило безконечныя Головлевскія поля. Но онъ блѣднѣлъ все больше и больше и чувствовалъ, что его начинаетъ знобить.

Наконецъ, онъ дошелъ до погоста, и тутъ бодрость окончательно оставила его. Барская усадьба смотрѣла изъ-за деревьевъ такъ мирно, словно въ ней не происходило ничего особеннаго; но на него ея видъ произвелъ дѣйствіе Медузиной головы. Тамъ чудился ему гробъ. «Гробъ! гробъ!

Digitized by Google

гробъ!»—повторялъ онъ безсознательно про себя. И не рѣшился-таки идти прямо въ усадьбу, а зашелъ прежде къ священнику и послалъ его извѣстить о своемъ приходѣ и узнать, приметъ ли его маменька.

Попадья при видѣ его закручинилась и захлопотала объ яичницѣ; деревенскіе мальчишки столпились вокругъ него и смотрѣли на барина изумленными глазами; мужики, проходя мимо, молча снимали шапки и какъ-то загадочно взглядывали на него; какой-то старикъ-дворовый даже подбѣжалъ и попросилъ у барина ручку поцѣловать. Всѣ понимали, что передъ ними постылый, который пришелъ въ постылое мѣсто, пришелъ навсегда, и нѣтъ для него отсюда выхода, кромѣ какъ ногами впередъ на погостъ. И всѣмъ дѣлалось въ одно и то же время и жалко, и жутко.

Наконецъ, попъ пришелъ и сказалъ, что «маменька готовы принять» Степана Владимірыча. Черезъ десять минутъ онъ былъ уже *тамъ*. Арина Петровна встрѣтила его торжественно-строго и смѣрила съ ногъ до головы ледянымъ взглядомъ, но никакихъ безполезныхъ упрековъ не позволила себѣ. И въ комнаты не допустила, а такъ, на дѣвичьемъ крыльцѣ, свидѣлась и разсталась, приказавъ проводить молодого барина черезъ другое крыльцо къ папенькѣ. Старикъ дремалъ въ постели, покрытой бѣлымъ одѣяломъ, въ бѣломъ колпакѣ, весь бѣлый, словно мертвецъ. Увидѣвши его, онъ проснулся и идіотски захохоталъ.

— Что, голубчикъ, попался къ вѣдьмѣ въ лапы!—крикнулъ онъ, покуда Степанъ Владимірычъ цѣловалъ его руку. Потомъ крикнулъ пѣтухомъ, опять захохоталъ и нѣсколько разъ сряду повторилъ:—Съѣсть! съѣсть! съѣсть!

«Съѣсть!» словно эхо, откликнулось и въ его душѣ.

Предвидѣнія его оправдались. Его помѣстили въ особой комнатѣ того флигеля, въ которомъ помѣщалась и контора. Туда принесли ему бѣлье изъ домашняго холста и старый папенькинъ халатъ, въ который онъ и облачился немедленно. Двери склепа растворились, пропустили его и — захлопнулись.

Потянулся рядъ вялыхъ, безобразныхъ дней, одинъ за другимъ утопающихъ въ сѣрой, зіяющей безднѣ времени. Арина Петровна не принимала его; къ отцу его тоже не допускали. Дня черезъ три бурмистръ Финогей Ипатычъ объявилъ ему отъ маменьки «положеніе», заключавшееся въ томъ, что онъ будетъ получать столъ и одёжу, и сверхъ

Digitized by Google

того по фунту Фалера *) въ мѣсяцъ. Онъ выслушалъ маменькину волю и только замѣтилъ:

— Ишь, вѣдь, старая! Пронюхала, что Жуковъ два рубля, а Фалеръ рубль девяносто стоитъ — и тутъ десять копеечекъ ассигнаціями въ мѣсяцъ утянула! Вѣрно нищему на мой счетъ подать собиралась!

Признаки нравственнаго отрезвленія, появившіеся-было въ тѣ часы, покуда онъ приближался проселкомъ въ Головлеву, вновь куда-то исчезли. Легкомысліе опять вступило въ свои права, а вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало и примиреніе съ «маменькимъ положеніемъ». Будущее, безнадежное и безвыходное, однажды блеснувшее его уму и наполнившее его трепетомъ, съ каждымъ днемъ все больше и больше заволакивалось туманомъ и наконецъ совсѣмъ перестало существовать. На сцену выступилъ насущный день, съ его циничеcкой наготою, и выступилъ такъ назойливо и нагло, что всецѣло заполонилъ всѣ помыслы, все существо. Да и какую роль можетъ играть мысль о будущемъ, когда теченіе всей жизни безповоротно и въ самыхъ малѣйшихъ подробностяхъ уже рѣшено въ умѣ Арины Петровны?

Цѣлыми днями шагалъ онъ взадъ и впередъ по отведенной комнатѣ, не выпуская трубки изо рта и напѣвая кой-какіе обрывки пѣсенъ, причемъ церковные напѣвы неожиданно смѣнялись разухабистыми, и наоборотъ. Когда въ конторѣ находился на лицо земскій, то онъ заходилъ къ нему и высчитывалъ доходы, получаемые Ариной Петровной.

— И куда она экую прорву деньжищъ дѣваетъ! — удивлялся онъ, досчитываясь до цифры слишковъ въ восемьдесятъ тысячъ на ассигнаціи.—Братьямъ, я знаю, не ахти сколько посылаетъ, сама живетъ скаредно, отца солеными полотками кормитъ... Въ ломбардъ, больше некуда, какъ въ ломбардъ кладетъ!

Иногда въ контору приходилъ и самъ Финогей Ипатычъ съ оброками, и тогда на конторскомъ столѣ раскладывались по пачкамъ тѣ самыя деньги, на которыя такъ разгорались глаза у Степана Владимірыча.

— Ишь, пропасть какая деньжищъ!—восклицалъ онъ:— и всѣ-то къ ней въ хайло уйдутъ! Нѣтъ того, чтобъ сыну

*) Извѣстный въ то время табачный фабрикантъ, конкурировавшій съ Жуковымъ.

Digitized by Google

пачечку удѣлить! На, молъ, сынъ мой, въ горести находящійся, вотъ тебѣ на вино и на табакъ!

И затѣмъ начинались безконечные и исполненные цинизма разговоры съ Яковомъ-земскимъ о томъ, какими бы средствами сердце матери такъ смягчить, чтобъ она души въ немъ не чаяла.

— Въ Москвѣ у меня мѣщанинъ знакомый былъ,—разсказывалъ Головлевъ:—такъ онъ «слово» зналъ... Бывало, какъ не захочетъ ему мать денегъ дать, онъ это «слово» и скажетъ... И сейчасъ это всю ее корчить начнетъ, руки, ноги—словомъ, все!

— Порчу, стало-быть, какую ни на-есть пущалъ!—догадывался Яковъ-земскій.

— Ну, ужъ тамъ какъ хочешь разумѣй, а только истинная это правда, что такое «слово» есть. А то еще одинъ человѣкъ сказывалъ: возьми, говоритъ, живую лягушку и положи ее въ глухую полночь въ муравейникъ; къ утру муравьи ее всю объѣдятъ, останется одна косточка; вотъ эту косточку ты возьми, и покуда она у тебя въ карманѣ—что хочешь у любой бабы проси, ни въ чемъ тебѣ отказу не будетъ.

— Что-жъ, это хоть сейчасъ сдѣлать можно!

— То-то, братъ, что сперва проклятіе на себя наложить нужно! Кабы не это... то-то бы вѣдьма мелкимъ бѣсомъ передо мной заплясала!

Цѣлые часы проводились въ подобныхъ разговорахъ, но средствъ, все-таки, не обрѣталось. Все—либо проклятіе на себя наложить приходилось, либо душу чорту продать. Въ результатѣ ничего другого не оставалось, какъ жить на «маменькиномъ положеніи», поправляя его нѣкоторыми произвольными поборами съ сельскихъ начальниковъ, которыхъ Степанъ Владимірычъ поголовно обложилъ данью въ свою пользу, въ видѣ табаку, чаю и сахару. Кормили его чрезвычайно плохо. Обыкновенно приносили остатки маменькина обѣда; а такъ какъ Арина Петровна была умѣренна до скупости, то естественно, что на его долю оставалось немного. Это было въ особенности для него мучительно, потому что съ тѣхъ поръ, какъ вино сдѣлалось для него запретнымъ плодомъ, аппетитъ его сильно усилился. Съ утра до вечера онъ голодалъ и только о томъ и думалъ, какъ бы наѣсться. Подкарауливалъ часы, когда маменька отдыхала, бѣгалъ въ кухню, заглядывалъ даже въ людскую, и вездѣ что-нибудь нашаривалъ. По време-

Digitized by Google

нимъ садился у открытаго окна и поджидалъ, не проѣдетъ, ли кто. Ежели проѣзжалъ мужикъ изъ своихъ, то останавливалъ его и облагалъ данью: яйцомъ, ватрушкой и т. д.

Еще при первомъ свиданіи Арина Петровна въ короткихъ словахъ выяснила ему полную программу его житья-бытья.—«Покуда живи!—сказала она:—вотъ тебѣ уголъ въ конторѣ, пить-ѣсть будешь съ моего стола, а на прочее—не погнѣвайся, голубчикъ! Разносоловъ у меня отъ роду не бывало, а для тебя и подавно заводить не стану. Вотъ братья ужо пріѣдутъ: какое положеніе они промежду себя для тебя присовѣтуютъ—такъ я съ тобой и поступлю. Сама на душу грѣха брать не хочу—какъ братья рѣшатъ, такъ тому и быть!

И вотъ теперь онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ пріѣзда братьевъ. Но при этомъ онъ совсѣмъ не думалъ о томъ, какое вліяніе будетъ имѣть этотъ пріѣздъ на дальнѣйшую его судьбу (повидимому, онъ рѣшилъ, что объ этомъ и думать нечего), а загадывалъ только, привезетъ ли ему братъ Павелъ табаку и сколько именно.

«А можетъ и денегъ отвалитъ! — прибавляетъ онъ мысленно: — Порѳшка-кровопивецъ — тотъ не дастъ, а Павелъ... Скажи ему: дай, братъ, служивому на вино—дастъ! Какъ, чай, не дать!»

Время проходило, и онъ не замѣчалъ его. Это была абсолютная праздность, которою онъ, однако, почти не тяготился. Только по вечерамъ было скучно, потому что земскій уходилъ часовъ въ восемь домой, а для него Арина Петровна не отпускала свѣчей, на томъ основаніи, что по комнатѣ взадъ и впередъ шагать и безъ свѣчей можно. Но онъ и къ этому скоро привыкъ и даже полюбилъ темноту, потому что въ темнотѣ сильнѣе разыгрывалось воображеніе и уносило его далеко изъ постылаго Головлева. Одно его тревожило: сердце у него неспокойно было и какъ-то странно трепыхалось въ груди, въ особенности когда онъ ложился спать. Иногда онъ вскакивалъ съ постели, словно ошеломленный, и бѣгалъ по комнатѣ, держась рукой за лѣвую сторону груди.

«Эхъ, кабы околѣть!—думалось ему при этомъ.—Нѣтъ, вѣдь не околѣю! А можетъ-быть...»

Но когда, однажды утромъ, земскій таинственно доложилъ ему, что ночью братцы пріѣхали, онъ невольно вздрогнулъ и измѣнился въ лицѣ. Что-то ребяческое вдругъ въ немъ проснулось: хотѣлось бѣжать поскорѣе въ домъ, взгля-

Digitized by Google

путь, какъ они одѣты, какія постланы имъ постели и есть ли у нихъ такіе же дорожные несессеры, какіе онъ видѣлъ у одного ополченскаго капитана; хотѣлось послушать, какъ они будутъ говорить съ маменькой, посмотрѣть, что будутъ имъ подавать за обѣдомъ. Словомъ сказать, хотѣлось и еще разъ пріобщиться къ той жизни, которая такъ упорно отметала его отъ себя, броситься къ матери въ ноги, вымолить ея прощеніе, и потомъ, на радостяхъ, пожалуй, съѣсть и упитаннаго тельца. Еще въ домѣ было все тихо, а онъ ужъ сбѣгалъ къ повару на кухню и узналъ, что къ обѣду заказано: на горячее—щи изъ свѣжей капусты, небольшой горшокъ, да вчерашній супъ разогрѣть велѣно, на холодное — полотокъ соленый да сбоку двѣ пары котлеточекъ, на жаркое—баранину да сбоку четыре бекасика, на пирожное—малиновый пирогъ со сливками.

— Вчерашній супъ, полотокъ и баранина — это, братъ, постылому!—сказалъ онъ повару.—Пирога, я полагаю, мнѣ тоже не дадутъ!

— Это—какъ будетъ угодно маменькѣ, сударь.

— Эхма! А было время, что и я дупелей ѣдалъ, ѣдалъ, братецъ! Однажды съ поручикомъ Гремыкинымъ даже на пари побился, что сряду пятнадцать дупелей съѣмъ — и выигралъ! Только послѣ этого цѣлый мѣсяцъ смотрѣть безъ отвращенія на нихъ не могъ!

— А теперь опять бы покушали?

— Не дастъ! А чего бы, кажется, жалѣть! Дупель — птица вольная: ни кормить ее, ни смотрѣть за ней—сама на свой счетъ живетъ! И дупель некупленный, и баранъ некупленный, а вотъ поди-жъ ты! Знаетъ, вѣдьма, что дупель вкуснѣе баранины — ну, и не дастъ! Сгноитъ, а не дастъ! А на завтракъ, что заказано?

— Печёнка заказана, грибы въ сметанѣ, сочни.

— Ты бы хоть соченька мнѣ прислалъ... постарайся, братъ?

— Надо постараться. А вы вотъ что, сударь. Ужо, какъ завтракать братцы сядутъ, пришлите сюда земскаго: онъ вамъ парочку соченьковъ за пазухой принесетъ.

Все утро прождалъ Степанъ Владимірычъ, не придутъ ли братцы, но братцы не шли. Наконецъ, часовъ около одиннадцати, принесъ земскій два обѣщанныхъ сочня и доложилъ, что братцы сейчасъ отзавтракали и заперлись съ маменькой въ спальной.

Digitized by Google

Арина Петровна встрѣтила сыновей торжественно, удрученная горемъ. Двѣ дѣвки поддерживали ее подъ руки; сѣдые волосы прядями выбились изъ-подъ бѣлаго чепца, голова понурилась и покачивалась изъ стороны въ сторону, ноги едва волочились. Вообще она любила въ глазахъ дѣтей разыграть роль почтенной и удрученной матери, и въ этихъ случаяхъ съ трудомъ волочила ноги и требовала, чтобъ ее поддерживали подъ руки дѣвки. Степка-балбесъ называлъ такіе торжественные пріемы—архіерейскимъ служеніемъ, мать архіерейшею, а дѣвокъ Польку и Юльку — архіерейскими жезлоносицами. Но такъ какъ былъ уже второй часъ ночи, то свиданіе произошло безъ словъ. Молча подала она дѣтямъ руку для цѣлованія, молча перецѣловала и перекрестила ихъ, и когда Порфирій Владимірычъ объявилъ готовность хоть весь остатокъ ночи прокалякать съ милымъ другомъ маменькой, то махнула рукой, сказавъ:

— Ступайте, отдохните съ дороги, не до разговоровъ теперь; завтра поговоримъ.

На другой день, утромъ, оба сына отправились къ папенькѣ ручку поцѣловать, но папенька ручки не далъ. Онъ лежалъ на постели съ закрытыми глазами и, когда вошли дѣти, крикнулъ:

— Мытаря судить пріѣхали?.. Вонъ, фарисеи!.. Вонъ!

Тѣмъ не менѣе, Порфирій Владимірычъ вышелъ изъ папенькина кабинета взволнованный и заплаканный, а Павелъ Владимірычъ, какъ «истинно-безчувственный идолъ», только ковырялъ пальцемъ въ носу.

— Нехорошъ онъ у васъ, добрый другъ маменька! Ахъ, какъ не хорошъ! — воскликнулъ Порфирій Владимірычъ, бросаясь на грудь къ матери.

— Развѣ очень сегодня слабъ?

— Ужъ такъ слабъ, такъ слабъ! Не жилецъ онъ у васъ!

— Ну, поскрипитъ еще!

— Нѣтъ, голубушка, нѣтъ! И хотя ваша жизнь никогда не была особенно радостна, но какъ подумаешь, что столько ударовъ за разъ... право, даже удивляешься, какъ это вы силу имѣете переносить эти испытанія!

— Что-жъ, мой другъ, и перенесешь, коли Господу Богу угодно! Знаешь, въ Писаніи-то что сказано: тяготы другъ другу носите—вотъ и выбралъ меня Онъ, Батюшко, чтобъ семейству своему тяготы носить!

Арина Петровна даже глаза зажмурила: такъ это хорошо

Digitized by Google

ой показалось, что всѣ живутъ на всемъ на готовенькомъ, у всѣхъ-то все припасено, а она одна цѣлый-то день мается да всѣмъ тяготы носитъ.

— Да, мой другъ, — сказала она послѣ минутнаго молчанія:—тяжеленько-таки мнѣ на старости лѣтъ! Припасла я дѣтямъ на свой пай—пора бы и отдохнуть! Шутка сказать—четыре тысячи душъ! Этакой-то махиной управлять въ мои лѣта! За всякимъ погляди, всякаго услѣди, да походи, да побѣгай! Хоть бы эти бурмистры да управители наши: ты не гляди, что онъ тебѣ въ глаза смотритъ: однимъ-то глазомъ онъ на тебя, а другимъ — въ лѣсъ норовитъ! Самый это народъ... маловѣрный! Ну, а ты что?— прервала она вдругъ, обращаясь къ Павлу:—въ посу ковыряешь?

— Мнѣ что-жъ!—огрызнулся Павелъ Владимірычъ, обезпокоенный въ самомъ разгарѣ своего занятія.

— Какъ что! Все же отецъ тебѣ — можно бы и пожалѣть!

— Что-жъ — отецъ! Отецъ какъ отецъ... какъ всегда! Десять лѣтъ онъ такой! Всегда вы меня притѣсняете!

— Зачѣмъ мнѣ тебя притѣснять, другъ мой? Я — мать тебѣ! Вотъ Порфиша! и приласкался, и пожалѣлъ — все какъ слѣдъ доброму сыну сдѣлалъ, а ты и на мать-то путемъ посмотрѣть не хочешь, все исподлобья, да сбоку, словно она — не мать, а ворогъ тебѣ! Не укуси, сдѣлай милость!

— Да что же я...

— Постой! помолчи минуту, дай матери слово сказать! Помнишь ли, что въ заповѣди-то сказано: чти отца твоего и матерь твою — и благо ти будетъ... Стало-быть, ты «блага»-то себѣ не хочешь?

Павелъ Владимірычъ молчалъ и смотрѣлъ на мать недоумѣвающими глазами.

— Вотъ видишь, ты и молчишь! — продолжала Арина Петровна: — стало-быть, самъ чувствуешь, что блохи за тобой есть. Ну, да ужъ Богъ съ тобой! Для радостнаго свиданія оставимъ этотъ разговоръ. Богъ, мой другъ, все видитъ, а я... ахъ, какъ давно я тебя насквозь понимаю! Ахъ, дѣтушки, дѣтушки! вспомните мать, какъ въ могилкѣ лежать будетъ, вспомните — да поздно ужъ будетъ!

— Маменька! — вступился Порфирій Владимірычъ: — оставьте эти черныя мысли, оставьте!

— Умирать, мой другъ, всѣмъ придется!—сентенціозно

Digitized by Google

произнесла Арина Петровна: — не черныя эти мысли, а самыя, можно сказать... божественныя! Хирѣю я, дѣтушки, ахъ, какъ хирѣю! Ничего-то во мнѣ прежняго не осталось—слабость да хворость одна! Даже дѣвки-поганки замѣтили это—и въ усъ мнѣ не дуютъ! Я слово—онѣ два! я слово — онѣ десять! Одну только угрозу и имѣю на нихъ, что молодымъ господамъ, дескать, пожалуюсь! Ну, иногда и попритихнутъ!

Подали чай, потомъ завтракъ, въ продолженіе которыхъ Арина Петровна все жаловалась и умилялась сама надъ собой. Послѣ завтрака она пригласила сыновей въ свою спальную.

Когда дверь была заперта на ключъ, Арина Петровна немедленно приступила къ дѣлу, по поводу котораго былъ созванъ семейный совѣтъ.

— Балбесъ-то вѣдь явился!—начала она.

— Слышали, маменька, слышали!—отозвался Порфирій Владимірычъ не то съ ироніей, не то съ благодушіемъ человѣка, который только что сытно покушалъ.

— Пришелъ, словно и дѣло сдѣлалъ, словно такъ и слѣдовало: сколько бы, молъ, я ни кутилъ, ни мутилъ, у старухи-матери всегда про меня кусокъ хлѣба найдется! Сколько я въ своей жизни ненависти отъ него видѣла! Сколько отъ однихъ его буфонствъ да каверзовъ мученія вытерпѣла! Что я въ ту пору трудовъ приняла, чтобъ его на службу-то втереть, — и все какъ съ гуся вода! Наконецъ, билась-билась, думаю: Господи! да коли онъ самъ объ себѣ радѣть не хочетъ—неужто я обязана изъ-за него, балбеса долговязаго, жизнь свою убивать! Дай, думаю, выкину ему кусокъ, авось свой грошъ въ руки попадетъ — постепеннѣе будетъ! И выкинула. Сама и домъ-то для него высмотрѣла, сама собственными руками, какъ одну копѣйку, двѣнадцать тысячекъ серебромъ денегъ выложила! И что-жъ! не прошло послѣ того и трехъ лѣтъ—анъ онъ и опять у меня на шеѣ повисъ! Долго ли мнѣ надругательства-то эти переносить?

Порфиша вскинулъ глазами въ потолокъ и грустно покачалъ головою, словно бы говорилъ: «о-о-охъ, дѣла, дѣла! И нужно же милаго друга маменьку такъ безпокоить! Сидѣли бы всѣ смирно, ладкомъ да миркомъ — ничего бы этого не было, и маменька бы не гнѣвалась... а-а-ахъ, дѣла, дѣла!» Но Аринѣ Петровнѣ, какъ женщинѣ, не терпящей,

Digitized by Google

чтобы теченіе ея мыслей было чѣмъ бы то ни было прерываемо, движеніе Порфиши не понравилось.

— Нѣтъ, ты погоди головой-то вертѣть,—сказала она:— ты прежде выслушай! Каково мнѣ было узнать, что онъ родительское-то благословеніе, словно обглоданную кость, въ помойную яму выбросилъ? Каково мнѣ было чувствовать, что я, съ позволенія сказать, ночей не досыпала, куска не доѣдала, а онъ — натко! Словно вотъ взялъ, купилъ на базарѣ бирюльку — не занадобилась, и выкинулъ ее за окно! Это родительское-то благословеніе!

— Ахъ, маменька! Это такой поступокъ, такой поступокъ!—началъ-было Порфирій Владимірычъ, но Арина Петровна опять остановила его.

— Стой! погоди, когда я прикажу, тогда свое мнѣніе скажешь! И хоть бы онъ меня, мерзавецъ, предупредилъ! Виноватъ, молъ, маменька, такъ и такъ—не воздержался! Я вѣдь и сама, когда во-время, сумѣла бы за безцѣнокъ домъ-то пріобрѣсти! Не сумѣлъ недостойный сынъ пользоваться — пусть попользуются достойныя дѣти! Вѣдь онъ, шутя-шутя, домъ-то, пятнадцать процентовъ въ годъ интересу принесетъ! Можетъ-быть, я бы ему за это еще тысячку рублей на бѣдность выкинула! А то — натко! сижу здѣсь, ни сномъ, ни духомъ не вижу, а онъ ужъ и распорядился! Двѣнадцать тысячъ собственными руками за домъ выложила, а онъ его съ аукціона въ восьми тысячахъ спустилъ!

— А главное, маменька, что онъ съ родительскимъ благословеніемъ такъ низко поступилъ! — поспѣшилъ скороговоркой прибавить Порфирій Владимірычъ, словно опасаясь, чтобъ маменька вновь не прервала его.

— И это, мой другъ, да и то. У меня, голубчикъ, деньги-то не шальныя; я не танцами да курантами пріобрѣла ихъ, а хребтомъ да потомъ. Я какъ богатства-то достигала? Какъ за папеньку-то я шла, у него только и было, что Головлево, сто одна душа, да въ дальнихъ мѣстахъ гдѣ двадцать, гдѣ тридцать—душъ съ полтораста набралось! А у меня, у самой-то—и всего ничего! И нутко, при такихъ-то средствахъ, какую махину выстроила! Четыре-то тысячи душъ—ихъ вѣдь не скроешь! И хотѣла бы въ могилку съ собой унести, да нельзя! Какъ ты думаешь, легко мнѣ онѣ, эти четыре тысячи душъ, достались? Нѣтъ, другъ мой любезный, такъ нелегко, такъ нелегко, что, бывало, ночью не спишь — все тебѣ мерещится, какъ бы такъ дѣльце умненько обдѣлать, чтобъ до времени никто и пронюхать объ немъ

Digitized by Google

не могъ! Да чтобы кто-нибудь не перебилъ, да чтобы копеечки лишненькой не истратить! И чего я ни попробовала: и слякоть-то, и распутицу-то, и гололедицу-то—всего отвѣдала! Это ужъ въ послѣднее время я въ тарантасахъ-то роскошничать начала, а въ первое-то время соберутъ, бывало, телѣжонку крестьянскую, кибитчонку кой-какую на нее навяжутъ, пару лошадей запрягутъ—я и плетусь трюхъ-трюхъ до Москвы! Плетусь, а сама все думаю: а ну, какъ кто-нибудь имѣнье-то у меня перебьетъ! Да и въ Москву пріѣдешь, у Рогожской на постояломъ остановишься, вони да грязи—все я, друзья мои, вытерпѣла! На извозчика, бывало, гривенника жаль — на своихъ на двоихъ отъ Рогожской до Солянки иру! Даже дворники — и тѣ дивятся: «барыня, говорятъ, ты молоденькая и съ достаткомъ, а такіе труды на себя принимаешь!» А я все молчу да терплю. И денегъ-то у меня въ первый разъ всего тридцать тысячъ на ассигнаціи было — папенькины кусочки дальніе, душъ со сто продала,—да съ этою-то суммой и пустилась я, шутка сказать, тысячу душъ покупать! Отслужила у Иверской молебенъ, да и пошла на Солянку счастья попытать. И что-жъ вѣдь! Словно видѣла Заступница мои слезы горькія—оставила-таки имѣніе за мной! И чудо какое: какъ я тридцать тысячъ, окромѣ казеннаго долга, надавала, такъ словно вотъ весь аукціонъ перерѣзала! Прежде и галдѣли, и горячились, а тутъ и надбавлять перестали, и стало вдругъ тихо-тихо кругомъ. Всталъ это присутствующій, поздравляетъ меня, а я ничего не понимаю! Стряпчій тутъ былъ, Иванъ Николаичъ, подошелъ ко мнѣ: «съ покупочкой, говоритъ, сударыня!» а я словно вотъ столбъ деревянный стою! И какъ вѣдь милость-то Божія велика! Подумайте только: если-бъ при такомъ моемъ изступленіи вдругъ кто-нибудь на озорство крикнулъ: «тридцать пять тысячъ даю!»— вѣдь я, пожалуй, въ безпамятствѣ-то и всѣ сорокъ надавала бы! А гдѣ бы я ихъ взяла?!

Арина Петровна много разъ уже разсказывала дѣтямъ эпопею своихъ первыхъ шаговъ на аренѣ благопріобрѣтенія, но, повидимому, она и доднесь не утратила въ ихъ глазахъ интереса новизны. Порфирій Владимірычъ слушалъ маменьку, то улыбаясь, то вздыхая, то закатывая глаза, то опуская ихъ, смотря по свойству перипетій, черезъ которыя она проходила. А Павелъ Владимірычъ даже большіе глаза раскрылъ, словно ребенокъ, которому разсказываютъ знакомую, но никогда не надоѣдающую сказку.

Digitized by Google

— А вы, чай, думаете, даромъ состояніе-то матери досталось!—продолжала Арина Петровна.—Нѣтъ, друзья мои, даромъ-то и прыщъ на носу не вскочитъ: я послѣ первой-то покупки въ горячкѣ шесть недѣль вылежала! Вотъ теперь и судите: каково мнѣ видѣть, что послѣ такихъ-то можно сказать, истязаній, трудовыя мои денежки, ни дай, ни вынеси за что, въ помойную яму выброшены!

Послѣдовало минутное молчаніе. Порфирій Владимірычъ готовъ былъ ризы на себѣ разодрать, но опасался, что въ деревнѣ, пожалуй, некому починить ихъ будетъ; Павелъ Владимірычъ, какъ только кончилась «сказка» о благопріобрѣтеніи, сейчасъ же опустился и лицо его приняло прежнее апатичное выраженіе.

— Такъ вотъ я за тѣмъ васъ и призвала,—вновь начала Арина Петровна:—судите вы меня съ нимъ, со злодѣемъ! Какъ вы скажете, такъ и будетъ! Его осудите—онъ будетъ виноватъ, меня осудите—я виновата буду. Только ужъ я себя злодѣю въ обиду не дамъ!—прибавила она совсѣмъ неожиданно.

Порфирій Владимірычъ почувствовалъ, что праздникъ на его улицѣ наступилъ, и разошелся соловьемъ. Но, какъ истинный кровопивецъ, онъ не приступилъ къ дѣлу прямо, а началъ съ околичностей.

— Если вы позволите мнѣ, милый другъ маменька, выразить мое мнѣніе,—сказалъ онъ:—то вотъ оно въ двухъ словахъ: дѣти обязаны повиноваться родителямъ, слѣпо слѣдовать указаніямъ ихъ, покоить ихъ въ старости—вотъ и все. Что такое дѣти, милая маменька? Дѣти—это любящія существа, въ которыхъ все, начиная отъ нихъ самихъ и кончая послѣдней тряпкой, которую они на себѣ имѣютъ,—все принадлежитъ родителямъ. Поэтому родители могутъ судить дѣтей; дѣти же родителей—никогда. Обязанность дѣтей—чтить, а не судить. Вы говорите: «судите меня съ нимъ!» Это великодушно, милая маменька, велли-ко-лѣпно! Но можемъ ли мы безъ страха даже подумать объ этомъ, мы — отъ перваго дня рожденія облагодѣтельствованные вами съ головы до ногъ? Воля ваша, но это будетъ святотатство, а не судъ! Это будетъ такое святотатство, такое святотатство...

— Стой! погоди! Коли ты говоришь, что не можешь меня судить, такъ оправь меня, а его осуди! — прервала его Арина Петровна, которая вслушивалась и никакъ не могла

Digitized by Google

разгадать: какой такой подвохъ у Порфишки-кровопивца въ головѣ засѣлъ.

— Нѣтъ, голубушка маменька, и этого не могу! Или, лучше сказать, не смѣю и не имѣю права. Ни оправлять, ни обвинять—вообще судить не могу. Вы — мать; вамъ однѣмъ извѣстно, какъ съ нами, вашими дѣтьми, поступать. Заслужили мы — вознаградите насъ, провинились— накажите. Наше дѣло—повиноваться, а не критиковать. Если-бъ вамъ пришлось даже и переступить, въ минуту родительскаго гнѣва, мѣру справедливости — и тутъ мы не смѣемъ роптать, потому что пути Провидѣнія скрыты отъ насъ. Кто знаетъ? Можетъ-быть, это и нужно такъ! Такъ-то и здѣсь: братъ Степанъ поступилъ низко, даже, можно сказать, черно, но опредѣлить степень возмездія, которое онъ заслуживаетъ за свой проступокъ, можете вы однѣ!

— Стало-быть, ты отказываешься? Выпутывайтесь, молъ, милая маменька, какъ сами знаете!

— Ахъ, маменька, маменька! И не грѣхъ это вамъ! Ахъ-ахъ-ахъ! Я говорю: какъ вамъ угодно рѣшить участь брата Степана, такъ пусть и будетъ, а вы... ахъ, какія вы черныя мысли во мнѣ предполагаете!

— Хорошо. Ну, а ты какъ?—обратилась Арина Петровна къ Павлу Владимірычу.

— Мнѣ что-жъ! Развѣ вы меня послушаетесь?—заговорилъ Павелъ Владимірычъ словно сквозь сонъ, но потомъ неожиданно захрабрился и продолжалъ:—Извѣстно, виноватъ... на куски рвать, въ ступѣ истолочь... Впередъ извѣстно... Мнѣ что-жъ!

Пробормотавши эти безсвязныя слова, онъ остановился и съ разинутымъ ртомъ смотрѣлъ на мать, словно самъ не вѣрилъ ушамъ своимъ.

— Ну, голубчикъ, съ тобой—послѣ!—холодно оборвала его Арина Петровна.—Ты, я вижу, по Степкинымъ слѣдамъ идти хочешь... Ахъ, не ошибись, мой другъ! Покаешься послѣ—да поздно будетъ!

— Я что-жъ! Я ничего!.. Я говорю: какъ хотите! Что же тутъ... непочтительнаго? — спассовалъ Павелъ Владимірычъ.

— Послѣ, мой другъ, послѣ съ тобой поговоримъ! Ты думаешь, что офицеръ, такъ и управы на тебя не найдется! Найдется, голубчикъ, ахъ, какъ найдется! Такъ, значитъ, вы оба отъ судбища отказываетесь?

— Я, милая маменька...

Digitized by Google

— И я тоже. Мнѣ что! По мнѣ, пожалуй, хоть на куски...

— Да замолчи, Христа ради... недобрый ты сынъ! (Арина Петровна понимала, что имѣла право сказать «негодяй», но ради радостнаго свиданія воздержалась). Ну, ежели вы отказываетесь, то приходится мнѣ ужъ собственнымъ судомъ его судить. И вотъ какое мое рѣшеніе будетъ: попробую и еще разъ добромъ съ нимъ поступить; отдѣлю ему папенькину вологодскую деревнюшку, велю тамъ флигелечекъ небольшой поставить—и пусть себѣ живетъ, въ родѣ какъ убогаго, на прокормленіи у крестьянъ!

Хотя Порфирій Владимірычъ и отказался отъ суда надъ братомъ, но великодушіе маменьки такъ поразило его, что онъ никакъ не рѣшился скрыть отъ нея опасныя послѣдствія, которыя влекла за собой сейчасъ высказанная мѣра.

— Маменька!—воскликнулъ онъ:—вы больше, чѣмъ великодушны! Вы видите передъ собой поступокъ... ну, самый низкій, черный поступокъ... и вдругъ все забыто, все прощено! Велли-ко-лѣпно! Но извините меня... боюсь я, голубушка, за васъ! И какъ хотите меня судите, а на вашемъ мѣстѣ... я бы такъ не поступилъ!

— Это почему?

— Не знаю... Можетъ-быть, во мнѣ нѣтъ этого великодушія... этого, такъ сказать, материнскаго чувства... Но все какъ-то сдается: а что ежели братъ Степанъ, по свойственной ему испорченности, и съ этимъ вторымъ вашимъ родительскимъ благословеніемъ поступитъ точно такъ же, какъ и съ первымъ?

Оказалось, однако, что соображеніе это ужъ было въ виду у Арины Петровны, но что въ то же время существовала и другая сокровенная мысль, которую и пришлось теперь высказать.

— Вологодское-то имѣніе вѣдь папенькино, родовое,— процѣдила она сквозь зубы:—рано или поздно все-таки придется ему изъ папенькина имѣнія часть выдѣлять.

— Понимаю я это, милый другъ маменька...

— А коли понимаешь, такъ, стало-быть, понимаешь и то, что, выдѣливши ему вологодскую-то деревню, можно обязательство съ него стребовать, что онъ отъ папеньки отдѣленъ и всѣмъ доволенъ?

— Понимаю и это, голубушка маменька. Большую вы тогда, по добротѣ вашей, ошибку сдѣлали! Надо было тогда, когда вы домъ покупали, — тогда надо было обяза-

Digitized by Google

тельство съ него взять, что онъ въ папенькино имѣнье не вступникъ!

— Что дѣлать, не догадалась!

— Тогда онъ, на радостяхъ-то, какую угодно бумагу бы подписалъ! А вы, по добротѣ вашей... Ахъ, какая это ошибка была! Такая ошибка! Такая ошибка!

— «Ахъ» да «ахъ»—ты бы въ ту пору, ахало, ахалъ, какъ время было. Теперь ты все готовъ матери на голову свалить, а чуть коснется до дѣла — тутъ тебя и нѣтъ! А впрочемъ, не о бумагѣ и рѣчь: бумагу, пожалуй, я и теперь сумѣю отъ него вытребовать. Папенька-то не сейчасъ, чай, умретъ, а до тѣхъ поръ балбесу тоже пить-ѣсть надо. Не выдастъ бумаги—можно и на порогъ ему указать: жди папенькиной смерти! Нѣтъ, я все-таки знать желаю: тебѣ не нравится, что я вологодскую деревнюшку хочу ему отдѣлить?

— Промотаетъ онъ ее, голубушка! Домъ промоталъ — и деревню промотаетъ!

— А промотаетъ, такъ пусть на себя и пеняетъ!

— Къ вамъ же вѣдь онъ тогда придетъ!

— Пу, нѣтъ, это—дудки! И на порогъ къ себѣ его не пущу! Не только хлѣба—воды ему, постылому, не вышлю! И люди меня за это не осудятъ, и Богъ не накажетъ. Натко! домъ прожилъ, имѣніе прожилъ—да развѣ я крѣпостная его, чтобы всю жизнь на него одного припасать? Чай, у меня и другія дѣти есть!

— И все-таки къ вамъ онъ придетъ. Наглый вѣдь онъ, голубушка маменька!

— Говорю тебѣ: на порогъ не пущу! Что ты, какъ сорока, заладилъ: «придетъ» да «придетъ»—не пущу!

Арина Петровна умолкла и уставилась глазами въ окно. Она и сама смутно понимала, что вологодская деревнюшка только временно освободитъ ее отъ «постылаго», что, въ концѣ концовъ, онъ все-таки и ее промотаетъ и опять придетъ къ ней, и что, *какъ мать*, она *не можетъ* отказать ему въ углѣ; но мысль, что ея ненавистникъ останется при ней навсегда, что онъ, даже заточенный въ контору, будетъ, словно привидѣніе, ежемгновенно преслѣдовать ея воображеніе—эта мысль до такой степени давила ее, что она невольно всѣмъ тѣломъ вздрагивала.

— Ни за что!—крикнула она, наконецъ, стукнувъ кулакомъ по столу и вскакивая съ кресла.

Digitized by Google

А Порфирій Владимірычъ смотрѣлъ на милаго друга маменьку и скорбно покачивалъ въ тактъ головою.

— А вѣдь вы, маменька, гнѣваетесь!—наконецъ, произнесъ онъ такимъ умильнымъ голосомъ, словно собирался у маменьки брюшко пощекотать.

— А по-твоему, въ плясъ, что ли, я пуститься должна?

— А-а-ахъ! а что въ Писаніи насчетъ терпѣнья-то сказано? Въ терпѣніи, сказано, стяжите души ваши! Въ терпѣніи—вотъ какъ! Богъ-то, вы думаете, не видитъ? Нѣтъ, Онъ все видитъ, милый другъ маменька! Мы, можетъ-быть, и не подозрѣваемъ ничего, сидимъ вотъ: и такъ прикинемъ, и этакъ примѣримъ, а Онъ тамъ ужъ и рѣшилъ: дай, молъ, пошлю я ей испытаніе! А-а-ахъ! а я-то думалъ, что вы, маменька, паинька!

Но Арина Петровна очень хорошо поняла, что Порфишка-кровопивецъ только петлю закидываетъ, и потому окончательно разсердилась.

— Шутовку ты, что ли, изъ меня сдѣлать хочешь!—прикрикнула она на него.—Мать объ дѣлѣ говоритъ, а онъ—скоморошничаетъ! Нечего зубы-то мнѣ заговаривать! Сказывай, какая твоя мысль! Въ Головлевѣ, что ли, его, у атери на шеѣ, оставить хочешь?

— Точно такъ, маменька, если милость ваша будетъ. Оставить его на томъ же положеніи, какъ и теперь, да и бумагу насчетъ наслѣдства отъ него вытребовать.

— Такъ... такъ... знала я, что ты это присовѣтуешь. Ну, хорошо. Положимъ, что сдѣлается по-твоему. Какъ ни несносно мнѣ будетъ ненавистника моего всегда подлѣ себя видѣть,—ну, да видно пожалѣть обо мнѣ некому. Молода была — крестъ несла, а старухѣ и подавно отъ креста отказываться не слѣдъ. Допустимъ это, будемъ теперь о другомъ говорить. Покуда мы съ папенькой живы—ну, и онъ будетъ жить въ Головлевѣ, съ голоду не помретъ. А потомъ какъ?

— Маменька! другъ мой! зачѣмъ же черныя мысли?

— Черныя ли, бѣлыя ли — подумать все-таки надо. Не молоденькіе мы. Поколѣемъ оба—что съ нимъ тогда будетъ.

— Маменька! да неужто-жъ вы на насъ, вашихъ дѣтей, не надѣетесь? Въ такихъ ли мы правилахъ вами были воспитаны?

И Порфирій Владимірычъ взглянулъ на нее однимъ изъ тѣхъ загадочныхъ взглядовъ, которые всегда приводили ее въ смущеніе.

Digitized by Google

«Закидываетъ!»—откликнулось въ душѣ ея.

— Я, маменька, бѣдному-то еще съ бо́льшею радостью помогу! Богатому—что! Христосъ съ нимъ! У богатаго и своего довольно! А бѣдный—знаете ли, что Христосъ про бѣднаго-то сказалъ!

Порфирій Владимірычъ всталъ и поцѣловалъ у маменьки ручку.

— Маменька, позвольте мнѣ брату два фунта табаку подарить!—попросилъ онъ.

Арина Петровна не отвѣчала. Она смотрѣла на него и думала: «неужто онъ въ самомъ дѣлѣ такой кровопивецъ, что брата родного на улицу выгонитъ?»

— Ну, дѣлай какъ знаешь! Въ Головлевѣ—такъ въ Головлевѣ ему жить!—наконецъ сказала она.—Окружилъ ты меня кругомъ, опуталъ! Началъ съ того: какъ вамъ, маменька, будетъ угодно, а подъ конецъ заставилъ-таки меня подъ свою дудку плясать! Ну, только слушай ты меня! Ненавистникъ онъ мнѣ, всю жизнь онъ меня казнилъ да позорилъ, а наконецъ и надъ родительскимъ благословеніемъ моимъ надругался, а все-таки если ты его за порогъ выгонишь или въ люди заставишь идти—нѣтъ тебѣ моего благословенія! Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Ступайте теперь оба къ нему! Чай, онъ и буркалы-то свои проглядѣлъ, васъ высматривающи!

Сыновья ушли, а Арина Петровна встала и слѣдила, какъ они, ни слова другъ другу не говоря, переходили черезъ красный дворъ къ конторѣ. Порфиша безпрестанно снималъ картузъ и крестился: то на церковь, бѣлѣвшуюся вдали, то на часовню, то на деревянный столбъ, къ которому была прикрѣплена кружка для подаяній. Павлуша, повидимому, не могъ оторвать глазъ отъ своихъ сапоговъ, на кончикѣ которыхъ такъ и переливались лучи солнца.

— И для кого я припасала? Ночей не досыпала, куска не доѣдала... Для кого?—вырвался изъ груди ея вопль.

Братцы уѣхали; Головлевская усадьба запустѣла. Съ усиленною ревностью принялась Арина Петровна за прерванныя хозяйственныя занятія; притихла стукотня поварскихъ ножей на кухнѣ, но зато удвоилась дѣятельность въ конторѣ, въ амбарахъ, кладовыхъ, погребахъ и т. д. Лѣто-припасуха приближалось къ концу; шло варенье, соленье, приготовленіе впрокъ; отовсюду стекались запасы на зиму, изъ всѣхъ вотчинъ возами привозилась бабья натуральная повинность:

Digitized by Google

сушеные грибы, ягоды, яйца, овощи и проч. Все это мѣрялось, принималось и присовокуплялось къ запасамъ прежнихъ годовъ. Недаромъ у Головлевской барыни была выстроена цѣлая линія погребовъ, кладовыхъ и амбаровъ; всѣ они были полнымъ-полнёхоньки, и не мало было въ нихъ порченаго матеріала, къ которому приступить нельзя было ради гнилого запаха. Весь этотъ матеріалъ сортировался къ концу лѣта, и та часть его, которая оказывалась ненадежною, сдавалась въ застольную.

— Огурчики-то еще хороши, только сверху немножко словно поослизли, припахиваютъ; ну, да ужъ пусть дворовые полакомятся!—говорила Арина Петровна, приказывая отставить то ту, то другую кадку.

Степанъ Владимірычъ удивительно освоился со своимъ повымъ положеніемъ. По временамъ ему до страсти хотѣлось «дерябнуть», «куликнуть» и вообще «закатиться» (у него, какъ увидимъ дальше, были даже деньги для этого), но онъ съ самоотверженіемъ воздерживался, словно разсчитывая, что «самое время» еще не наступило. Теперь онъ былъ ежеминутно занятъ, ибо принималъ живое и суетливое участіе въ процессѣ припасанія, безкорыстно радуясь и печалясь удачамъ и неудачамъ Головлевскаго скопидомства. Въ какомъ-то азартѣ пробирался онъ отъ конторы къ погребамъ, въ одномъ халатѣ, безъ шапки, хоронясь отъ матери позади деревьевъ и всевозможныхъ клѣтушекъ, загромождавшихъ красный дворъ (Арина Петровна, впрочемъ, не разъ замѣчала его въ этомъ видѣ, и закипало-таки ея родительское сердце, чтобъ Степку-балбеса хорошенько осадить, но, по размышленіи, она махнула на него рукой), и тамъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ слѣдилъ, какъ разгружались подводы, приносились съ усадьбы банки, бочонки, кадушки, какъ все это сортировалось и, наконецъ, исчезало въ зіяющей безднѣ погребовъ и кладовыхъ. Въ большей части случаевъ онъ оставался доволенъ.

— Сегодня рыжиковъ изъ Дубровина привезли двѣ телѣги—вотъ, братъ, такъ рыжики!—въ восхищеніи сообщалъ онъ земскому.—А мы ужъ думали, что на зиму безъ рыжиковъ останемся! Спасибо, спасибо дубровинцамъ! Молодцы дубровинцы! Выручили!

Или:

— Сегодня мать карасей въ пруду наловить велѣла — ахъ, хороши старики! Больше чѣмъ въ полъ-аршина есть! Должно-быть, мы всю эту подѣлю карасями питаться будемъ!

Digitized by Google

Иногда, впрочемъ, и печалился.

— Огурчики-то, братъ, нынче не удались! Корявые да съ пятнами—нѣтъ настоящаго огурца, да и шабашъ! Видно, прошлогодними будемъ питаться, а нынѣшніе въ застольную, больше некуда!

Но вообще хозяйственная система Арины Петровны не удовлетворяла его.

— Сколько, братъ, она добра перегноила—страсть! Таскали нынче, таскали: солонину, рыбу, огурцы—все въ застольную велѣла отдать! Развѣ это дѣло? Развѣ расчетъ такимъ образомъ хозяйство вести? Свѣжаго запасу пропасть, а она и не прикоснется къ нему, покуда всей старой гнили не пріѣстъ!

Увѣренность Арины Петровны, что со Степки-балбеса какую угодно бумагу безъ труда стребовать можно, оправдалась вполнѣ. Онъ не только безъ возраженій подписалъ всѣ присланныя ему матерью бумаги, но даже хвастался въ тотъ же вечеръ земскому:

— Сегодня, братъ, я все бумаги подписывалъ. Отказныя все—чистъ теперь! Ни плошки, ни ложки—ничего теперь у меня нѣтъ, да и впредь не предвидится! Успокоилъ старуху!

Съ братьями онъ разстался мирно и былъ въ восторгѣ, что теперь у него цѣлый запасъ табаку. Конечно, онъ не могъ воздержаться, чтобъ не обозвать Порфишу кровопивушкой и Іудушкой, но выраженія эти совершенно незамѣтно утонули въ цѣломъ потокѣ болтовни, къ которой нельзя было уловить ни одной связной мысли. На прощанье братцы расщедрились и даже дали денегъ, при чемъ Порфирій Владимірычъ сопровождалъ свой даръ слѣдующими словами:

— Маслица въ лампадку занадобится или Богу свѣчечку поставить захочется—анъ, деньги-то и есть. Такъ-то, братъ! Живи-ко, братъ, тихо да смирно—и маменька будетъ тобой довольна, и тебѣ будетъ покойно, и всѣмъ намъ весело и радостно. Мать—вѣдь она добрая, другъ!

— Добрая-то добрая,—согласился и Степанъ Владимірычъ:—только вотъ солониной протухлой кормитъ!

— А кто виноватъ? Кто надъ родительскимъ благословеніемъ надругался? Самъ виноватъ, самъ имѣньице-то спустилъ! А имѣньице то какое было: кругленькое, превыгодное, пречудесное имѣньице! Вотъ кабы ты повелъ себя скромненько да ладненько, ѣлъ бы ты и говядину, и телятину, а не то такъ и соусцу бы приказалъ. И всего

Digitized by Google

было бы у тебя довольно: и картофельцу, и капустки, и горошку... Такъ ли, братъ, я говорю?

Если-бъ Арина Петровна слышала этотъ діалогъ, навѣрно она не воздержалась бы, чтобъ не сказать: «ну, затарантила таранта!» Но Степка-балбесъ имѣнно тѣмъ и счастливъ былъ, что слухъ его, такъ сказать, не задерживалъ постороннихъ рѣчей. Іудушка могъ говорить сколько угодно и быть вполнѣ увѣреннымъ, что ни одно его слово не достигнетъ по назначенію.

Однимъ словомъ, Степанъ Владимірычъ проводилъ братьевъ дружелюбно и не безъ самодовольства показалъ Якову-земскому двѣ двадцатипятирублевыя бумажки, очутившіяся въ его рукѣ послѣ прощанія.

— Теперь, братъ, мнѣ надолго станетъ!—сказалъ онъ.— Табакъ у насъ есть, чаемъ и сахаромъ мы обезпечены, только вина недоставало—захотимъ, и вино будетъ. Впрочемъ, покуда еще придержусь—времени теперь нѣтъ, на погребъ бѣжать надо! Не присмотри крошечку — мигомъ растащатъ! А видѣла, братъ, она меня, видѣла, вѣдьма, какъ я однажды около застольной по стѣнкѣ пробирался! Стоитъ это у окна, смотритъ, чай, на меня да думаетъ: «то-то я огурцовъ не досчитываюсь,—анъ вотъ оно что».

Но вотъ, наконецъ, и октябрь на дворѣ; полились дожди; улица почернѣла и сдѣлалась непроходимою. Степану Владимірычу некуда было выйти, потому что на ногахъ у него были заношенные папенькины туфли, на плечахъ старый папенькинъ халатъ. Безвыходно сидѣлъ онъ у окна въ своей комнатѣ и сквозь двойныя рамы смотрѣлъ на крестьянскій поселокъ, утонувшій въ грязи. Тамъ, среди сѣрыхъ испареній осени, словно черныя точки, проворно мелькали люди, которыхъ не успѣла сломить лѣтняя страда. Страда не прекращалась, а только получила новую обстановку, въ которой лѣтніе ликующіе тоны замѣнились непрерывающимися осенними сумерками. Овины курились за полночь; стукъ цѣповъ унылою дробью разносился по всей окрестности. Въ барскихъ ригахъ тоже шла молотьба и въ конторѣ поговаривали, что врядъ ли ближе масляницы управиться со всей массой господскаго хлѣба. Все глядѣло сумрачно, сонно, все говорило объ угнетеніи. Двери конторы уже не были отперты настежь, какъ лѣтомъ, и въ самомъ ея помѣщеніи плавалъ сизый туманъ отъ испареній мокрыхъ полушубковъ.

Трудно сказать, какое впечатлѣніе производила на Сте-

Digitized by Google

пана Владимірыча картина трудовой деревенской осени, и даже сознавалъ ли онъ въ ней страду, продолжающуюся среди мѣсива грязи, подъ непрерывнымъ ливнемъ дождя; но достовѣрно, что сѣрое, вѣчно слезящееся небо осени давило его. Казалось, что оно виситъ непосредственно надъ его головой и грозитъ утопить его въ развернувшихся хлябяхъ земли. У него не было другого дѣла, какъ смотрѣть въ окно и слѣдить за грузными массами облаковъ. Съ утра, чуть брезжилъ свѣтъ, ужъ весь горизонтъ былъ сплошь обложенъ ими; облака стояли словно застывшія, очарованныя; проходилъ часъ, другой, третій, а они все стояли на одномъ мѣстѣ и даже незамѣтно было ни малѣйшей перемѣны ни въ колерѣ, ни въ очертаніяхъ ихъ. Вотъ это облако, что̀ пониже и почернѣе другихъ: и давеча оно имѣло разорванную форму (точно попъ въ рясѣ съ распростертыми врозь руками), отчетливо выступавшую на бѣлесоватомъ фонѣ верхнихъ облаковъ;—и теперь, въ полдень, сохранило ту же форму. Правая рука, правда, покороче сдѣлалась, зато лѣвая безобразно вытянулась, и льетъ изъ нея, льетъ такъ, что даже на темномъ фонѣ неба обозначилась еще болѣе темная, почти черная полоса. Вонъ и еще облако подальше: и давеча оно громаднымъ косматымъ комомъ висѣло надъ сосѣдней деревней Нагловкой и казалось, угрожало задушить ее—и теперь тѣмъ же косматымъ комомъ на томъ же мѣстѣ виситъ, а лапы книзу протянуло, словно вотъ-вотъ спрыгнуть хочетъ. Облака, облака и облака—такъ весь день. Часовъ около пяти послѣ обѣда совершается метаморфоза: окрестность постепенно заволакивается, заволакивается и, наконецъ, совсѣмъ пропадаетъ. Сначала облака исчезнутъ и всѣ затянутся безразличной черной пеленою; потомъ куда-то пропадетъ лѣсъ и Нагловка; за нею утонетъ церковь, часовня, ближній крестьянскій поселокъ, фруктовый садъ, и только глазъ, пристально слѣдящій за процессомъ этихъ таинственныхъ исчезновеній, еще можетъ различать стоящую въ нѣсколькихъ саженяхъ барскую усадьбу. Въ комнатѣ ужъ совсѣмъ темно; въ конторѣ еще сумерничаютъ, не зажигаютъ огня; остается только ходить, ходить, ходить безъ конца. Болѣзненная истома сковываетъ умъ; во всемъ организмѣ, несмотря на бездѣятельность, чувствуется безпричинное, невыразимое утомленіе; одна только мысль мечется, сосетъ и давитъ—и эта мысль: гробъ! гробъ! гробъ! Вотъ эти точки, что̀ давеча мелькали на темномъ фонѣ грязи, около деревенскихъ гуменъ,—ихъ

Digitized by Google

эта мысль не гнететъ, и онѣ не погибнутъ подъ бременемъ уныніи и истомы: онѣ ежели и не борются прямо съ небомъ, то по крайней мѣрѣ барахтаются, что-то устраиваютъ, ограждаютъ, ухичиваютъ. Стоитъ ли ограждать и ухичивать то, надъ устройствомъ чего онѣ день и ночь выбиваются изъ силъ—это не приходило ему на умъ; но онъ сознавалъ, что даже и эти безыменныя точки стоятъ неизмѣримо выше его, что онъ и барахтаться не можетъ, что ему нечего ни ограждать, ни ухичивать.

Вечера онъ проводилъ въ конторѣ, потому что Арина Петровна попрежнему не отпускала для него свѣчей. Нѣсколько разъ просилъ онъ черезъ бурмистра, чтобъ прислали ему сапоги и полушубокъ, но получилъ отвѣтъ, что сапоговъ для него не припасено, а вотъ наступятъ заморозки, то будутъ ему выданы валенки. Очевидно, Арина Петровна намѣревалась буквально выполнить свою программу; содержать постылаго въ такой мѣрѣ, чтобъ онъ только не умеръ съ голоду. Сначала онъ ругалъ мать, но потомъ словно забылъ о ней; спачала онъ что-то приноминалъ, потомъ пересталъ и приноминать. Даже свѣтъ свѣчей, зажженныхъ въ конторѣ, и тотъ опостылѣлъ ему, и онъ затворялся въ своей комнатѣ, чтобъ остаться одинъ-на-одинъ съ темнотою. Впереди у него былъ только одинъ рессурсъ, котораго онъ покуда еще боялся, но который съ неудержимою силой тянулъ его къ себѣ. Этотъ рессурсъ—напиться и позабыть. Позабыть глубоко, безвозвратно, окунуться въ волну забвенія до того, чтобъ и выкарабкаться изъ нея было нельзя. Все увлекало его въ эту сторону: и буйныя привычки прошлаго, и насильственная бездѣятельность настоящаго, и больной организмъ съ удушливымъ кашлемъ, съ несносною, ничѣмъ не вызываемою одышкой, съ постоянно усиливающимися колотьями сердца. Наконецъ, онъ не выдержалъ.

— Сегодня, братъ, надо ночью штофъ припасти,—сказалъ онъ однажды земскому голосомъ, не предвѣщавшимъ ничего добраго.

Сегодняшній штофъ привелъ за собой цѣлый послѣдовательный рядъ новыхъ, и съ этихъ поръ онъ аккуратно каждую ночь напивался. Въ девять часовъ, когда въ конторѣ гасили свѣтъ и люди расходились по своимъ логовищамъ, онъ ставилъ на столъ припасенный штофъ съ водкой и ломоть чернаго хлѣба, густо посыпанный солью. Не сразу приступалъ онъ къ водкѣ, а словно подкрадывался

Digitized by Google

къ ней. Кругомъ все засыпало мертвымъ сномъ; только мыши скреблись за отставшими отъ стѣнъ обоями да часы назойливо чикали въ конторѣ. Снявши халатъ, въ одной рубашкѣ, сновалъ онъ взадъ и впередъ по жарко натопленной комнатѣ, по временамъ останавливался, подходилъ къ столу, нашаривалъ въ темнотѣ штофъ и вновь принимался за ходьбу. Первыя рюмки онъ выпивалъ съ прибаутками, сладострастно всасывая въ себя жгучую влагу; но мало-по-малу біеніе сердца учащалось, голова загоралась и языкъ начиналъ бормотать что-то несвязное. Притупленное воображеніе силилось создать какіе-то образы, помертвѣлая память пробовала прорваться въ область прошлаго; но образы выходили разорванные, безсмысленные, а прошлое не откликалось ни единымъ воспоминаніемъ, ни горькимъ, ни свѣтлымъ, словно между нимъ и настоящей минутой разъ навсегда встала плотная стѣна. Передъ нимъ было только настоящее въ формѣ наглухо запертой тюрьмы, въ которой безслѣдно потонула и идея пространства, и идея времени. Комната, печь, три окна въ наружной стѣнѣ, деревянная скрипучая кровать и на ней тонкій, притоптанный тюфякъ, столъ съ стоящимъ на немъ штофомъ—ни до какихъ другихъ горизонтовъ мысль не додумывалась. Но по мѣрѣ того, какъ убывало содержаніе штофа, по мѣрѣ того, какъ голова распалялась, даже и это скудное чувство настоящаго становилось не подъ силу. Бормотанье, имѣвшее вначалѣ хоть какую-нибудь форму, окончательно разлагалось; зрачки глазъ, усиливаясь различить очертанія тьмы, безмѣрно расширялись; самая тьма, наконецъ, исчезала и взамѣнъ ея являлось пространство, наполненное фосфорическимъ блескомъ. Это была безконечная пустота, мертвая, не откликающаяся ни единымъ жизненнымъ звукомъ, зловѣще-лучезарная. Она слѣдовала за нимъ по пятамъ, за каждымъ оборотомъ его шаговъ. Ни стѣнъ, ни оконъ—ничего не существовало; одна безгранично тянущаяся, свѣтящаяся пустота. Ему становилось страшно; ему нужно было заморить въ себѣ чувство дѣйствительности до такой степени, чтобъ даже пустоты этой не было. Еще нѣсколько усилій—и онъ былъ у цѣли. Спотыкающіяся ноги изъ стороны въ сторону носили онѣмѣвшее тѣло, грудь издавала не бормотанье, а крикъ; самое существованіе какъ бы прекращалось. Наступало то странное оцѣпенѣніе, которое, неся на себѣ всѣ признаки отсутствія сознательной жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно

Digitized by Google

указывало на присутствіе какой-то особенной жизни, развивавшейся независимо отъ какихъ бы то ни было условій. Стоны за стонами вырывались изъ груди, нимало не нарушая сна; органическій недугъ продолжалъ свою разъѣдающую работу, не причиняя, повидимому, физическихъ болей.

Утромъ онъ просыпался со свѣтомъ, и вмѣстѣ съ нимъ просыпались тоска, отвращеніе, ненависть. Ненависть безъ протеста, ничѣмъ необусловленная, ненависть къ чему-то неопредѣленному, не имѣющему образа. Воспаленные глаза безсмысленно останавливаются то на одномъ, то на другомъ предметѣ и долго, и пристально смотрятъ; руки и ноги дрожатъ; сердце то замретъ, словно внизъ покатится, то начнетъ колотить съ такою силой, что рука невольно хватается за грудь. Ни одной мысли, ни одного желанія. Передъ глазами печка, и мысль до того переполняется этимъ представленіемъ, что не принимаетъ никакихъ другихъ впечатлѣній. Потомъ окно замѣнило печку, окно, окно, окно... Не нужно ничего; ничего, ничего не нужно. Трубка набивается и закуривается машинально и недокуренная опять выпадаетъ изъ рукъ; языкъ что-то бормочетъ, но, очевидно, только по привычкѣ. Самое лучшее: сидѣть и молчать и смотрѣть въ одну точку. Хорошо бы опохмелиться въ такую минуту; хорошо бы настолько поднять температуру организма, чтобы хотя на короткое время ощутить присутствіе жизни, но днемъ ни за какія деньги нельзя достать водки. Нужно дожидаться ночи, чтобы опять дорваться до тѣхъ блаженныхъ минутъ, когда земля исчезаетъ изъ-подъ ногъ и вмѣсто четырехъ постылыхъ стѣнъ передъ глазами открывается безпредѣльная свѣтящаяся пустота.

Арина Петровна не имѣла ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ «балбесъ» проводитъ время въ конторѣ. Случайный проблескъ чувства, мелькнувшій-было въ разговорѣ съ кровопивцемъ Порфишей, погасъ мгновенно, такъ что она и не замѣтила. Съ ея стороны не было даже систематическаго образа дѣйствія, а было простое забвеніе. Она совсѣмъ потеряла изъ вида, что подлѣ нея, въ конторѣ, живетъ существо, связанное съ нею кровными узами, существо, которое, быть-можетъ, изнываетъ въ тоскѣ по жизни. Какъ сама она, разъ войдя въ колею жизни, почти машинально наполняла ее однимъ и тѣмъ же содержаніемъ, такъ, по мнѣнію ея, должны были поступать и другіе. Ей

Digitized by Google

не приходило на мысль, что самый характеръ жизненнаго содержанія измѣняется сообразно съ множествомъ условій, такъ или иначе сложившихся, и что, наконецъ, для однихъ (въ томъ числѣ для нея) содержаніе это представляетъ нѣчто излюбленное, а для другихъ — постылое и невольное. Поэтому хотя бурмистръ неоднократно докладывалъ ей, что Степанъ Владиміровичъ «нехорошъ», но доклады эти проскальзывали мимо ушей, не оставляя въ ея умѣ никакого впечатлѣнія. Много-много если она отвѣчала на нихъ стереотипною фразой:

— Небось, отдышится, еще насъ съ тобой переживетъ! Что ему, жеребцу долговязому, дѣлается! Кашляетъ! Иной сряду тридцать лѣтъ кашляетъ, и все равно что съ гуся вода!

Тѣмъ не менѣе, когда ей однажды утромъ доложили, что Степанъ Владимірычъ ночью исчезъ изъ Головлева, она вдругъ пришла въ себя. Немедленно разослала весь домъ на поиски и лично приступила къ слѣдствію, начавъ съ осмотра комнаты, въ которой жилъ постылый. Первое, что поразило ее, это стоящій на столѣ штофъ, на днѣ котораго еще плескалось немного жидкости, и который впопыхахъ не догадались убрать.

— Это что?—спросила она, какъ бы не понимая.

— Стало-быть... занимались!—отвѣчалъ, заминаясь, бурмистръ.

— Кто доставалъ?—начала-было она, но потомъ спохватилась и, затаивъ свой гнѣвъ, продолжала осмотръ.

Комната была грязна, черна, заслякощена такъ, что даже ей, не знавшей и не признававшей никакихъ требованій комфорта, сдѣлалось неловко. Потолокъ былъ закопченъ, обои на стѣнахъ треснули и во многихъ мѣстахъ висѣли клочьями; подоконники чернѣли подъ густымъ слоемъ табачной золы; подушки валялись на полу, покрытомъ липкою грязью; на кровати лежала скомканная простыня, вся сѣрая отъ насѣвшихъ на нее нечистотъ. Въ одномъ окнѣ зимняя рама была выставлена или, лучше сказать, выдрана, и самое окно оставлено пріотвореннымъ: этимъ путемъ, очевидно, и исчезъ постылый. Арина Петровна инстинктивно взглянула на улицу и перепугалась еще больше. На дворѣ стоялъ уже ноябрь въ началѣ, но осень въ этотъ годъ была особенно продолжительна, и морозы еще не наступали. И дорога, и поля — все стояло черное, размокшее, невылазное. Какъ онъ прошелъ? Куда? И тутъ же ей вспомнилось, что на немъ ничего не было, кромѣ ха-

Digitized by Google

лата да туфель, изъ которыхъ одна была найдена подъ окномъ, и что всю прошлую ночь, какъ на грѣхъ, не переставаючи шелъ дождь.

— Давненько-таки я у васъ здѣсь, голубчики, не бывала! — молвила она, вдыхая въ себя вмѣсто воздуха какую-то отвратительную смѣсь сивухи, тютюна и прокислыхъ овчинъ.

Весь день, покуда люди шарили по лѣсу, она простояла у окна, съ тупымъ вниманіемъ вглядываясь въ обнаженную даль. Изъ-за балбеса да такая кутерьма! Ей казалось, что это какой-то нелѣпый сонъ. Говорила тогда, что надо его въ вологодскую деревню сослать—такъ нѣтъ, лебезитъ проклятый Іудушка: «оставьте, маменька, въ Головлевѣ!»— вотъ и купайся теперь съ нимъ! Жилъ бы онъ тамъ заглазно, какъ хотѣлъ—и Христосъ бы съ нимъ! Свое дѣло сдѣлала: одинъ кусокъ промоталъ — другой выбросила! А другой бы промоталъ — ну, и не погнѣвайся, батюшка! Богъ—и тотъ на несытую утробу не напасется! И все бы у насъ было смирно да мирно, а теперь—лёгко ли штуку какую удралъ! Ищи его по лѣсу да свищи! Хорошо еще, какъ живого въ домъ привезутъ — вѣдь съ пьяныхъ-то глазъ и въ петлю угодить недолго! Взялъ веревку, зацѣпилъ за сукъ, обмоталъ кругомъ шеи, да и былъ таковъ! Мать ночей не досыпала, куска не доѣдала, а онъ, натко, какую моду выдумалъ — вѣшаться вздумалъ! И добро бы худо ему было, ѣсть-пить бы не давали, работой бы изнуряли, а то слонялся цѣлый день взадъ и впередъ по комнатѣ, какъ оглашенный, ѣлъ да пилъ, ѣлъ да пилъ! Другой бы не зналъ, чѣмъ мать отблагодарить, а онъ вѣшаться вздумалъ — вотъ такъ одолжилъ сынокъ любезный!

Но на этотъ разъ предположенія Арины Петровны относительно насильственной смерти балбеса не оправдались. Къ вечеру въ виду Головлева показалась кибитка, запряженная парой крестьянскихъ лошадей, и подвезла бѣглеца къ конторѣ. Онъ находился въ полубезчувственномъ состояніи, весь избитый, порѣзанный, съ посинѣлымъ и распухшимъ лицомъ. Оказалось, что за ночь онъ дошелъ до Дубровинской усадьбы, отстоявшей въ двадцати верстахъ отъ Головлева.

Цѣлыя сутки послѣ того онъ проспалъ, на другія—проснулся. По обыкновенію онъ началъ шагать взадъ и впередъ по комнатѣ, но къ трубкѣ не прикоснулся, словно

Digitized by Google

позабылъ, и на всѣ вопросы не проронилъ ни одного слова. Съ своей стороны Арина Петровна настолько восчувствовала, что чуть было не приказала перевести его изъ конторы въ барскій домъ, но потомъ успокоилась и опять оставила балбеса въ конторѣ, приказавши вымыть и почистить его комнату, перемѣнить постельное бѣлье, повѣсить на окнахъ шторы и проч. На другой день, вечеромъ, когда ей доложили, что Степанъ Владимірычъ проснулся, она велѣла позвать его въ домъ къ чаю и даже отыскала ласковые тоны для объясненія съ нимъ:

— Ты куда-жъ это отъ матери уходилъ?—начала она.— Знаешь ли, какъ ты мать-то обезпокоилъ? Хорошо еще, что папенька ни объ чемъ не узналъ—каково бы ему было при его-то положеніи?

Но Степанъ Владимірычъ, повидимому, остался равнодушнымъ къ материнской ласкѣ и уставился неподвижными, стеклянными глазами на сальную свѣчку, какъ бы слѣдя за нагаромъ, который постепенно образовывался на фитилѣ.

— Ахъ, дурачокъ, дурачокъ! — продолжала Арина Петровна все ласковѣе и ласковѣе. — Хотя бы ты подумалъ, какая черезъ тебя про мать слава пойдетъ! Вѣдь завистниковъ-то у ней — слава Богу! И нивѣсть что наплетутъ! Скажутъ, что и не кормила-то, и не одѣвала-то... Ахъ, дурачокъ, дурачокъ!

То же молчаніе и тотъ же неподвижный, безсмысленно-устремленный въ одну точку взоръ.

— И чѣмъ тебѣ худо у матери стало? Одѣтъ ты и сытъ— слава Богу! И теплѣхонько тебѣ, и хорошохонько... Чего бы, кажется, искать! Скучно тебѣ, такъ не прогнѣвайся, другъ мой,—на то и деревня! Веселіевъ да баловъ у насъ нѣтъ — и всѣ сидимъ по угламъ да скучаемъ! Вотъ я и рада была бы поплясать да пѣсни попѣть, анъ, посмотришь на улицу—и въ церковь-то Божію въ этакую мокреть ѣхать охоты нѣтъ!

Арина Петровна остановилась, въ ожиданіи, что балбесъ хоть что-нибудь промычитъ; но балбесъ словно окаменѣлъ. Сердце мало-по-малу закипаетъ въ ней, но она все еще сдерживается.

— А ежели ты чѣмъ недоволенъ былъ — кушанья, можетъ-быть, недостало, или изъ бѣлья тамъ—развѣ не могъ ты матери откровенно объяснить? Маменька, молъ, душенька, прикажите печеночки или тамъ ватрушечки изго-

Digitized by Google

товить—неужто мать въ кускѣ-то отказала бы тебѣ? Или вотъ хоть бы и винца — ну, захотѣлось тебѣ винца, ну, и Христосъ съ тобой! Рюмка, двѣ рюмки — неужто матери жалко? А то натко: у раба попросить не стыдно, а матери слово молвить тяжело!

Но напрасны были всѣ льстивыя слова: Степанъ Владимірычъ не только не расчувствовался (Арина Петровна надѣялась, что онъ ручку у нея поцѣлуетъ) и не обнаружилъ раскаянія, но даже какъ-будто ничего не слыхалъ.

Съ этихъ поръ онъ безусловно замолчалъ. По цѣлымъ днямъ ходилъ по комнатѣ, наморщивъ угрюмо лобъ, шевеля губами и не чувствуя усталости. Временами останавливался, какъ бы желая что-то выразить, но не находилъ слова. Повидимому, онъ не утратилъ способности мыслить; но впечатлѣнія такъ слабо задерживались въ его мозгу, что онъ тотчасъ же забывалъ ихъ. Поэтому неудача въ отысканіи нужнаго слова не вызывала въ немъ даже нетерпѣнія. Арина Петровна съ своей стороны думала, что онъ непремѣнно подожжетъ усадьбу.

— Цѣлый день молчитъ!—говорила она.—Вѣдь думаетъ же, балбесъ, объ чемъ-нибудь, покуда молчитъ! Вотъ помяните мое слово, ежели онъ усадьбы не спалитъ!

Но балбесъ просто совсѣмъ не думалъ. Казалось, онъ весь погрузился въ безразсвѣтную мглу, въ которой нѣтъ мѣста не только для дѣйствительности, но и для фантазіи. Мозгъ его вырабатывалъ нѣчто, но это нѣчто не имѣло отношенія ни къ прошедшему, ни къ настоящему, ни къ будущему. Словно черное облако окутало его съ головы до ногъ, и онъ всматривался въ него, въ него одного, слѣдилъ за его воображаемыми колебаніями и по временамъ вздрагивалъ и словно оборонялся отъ него. Въ этомъ загадочномъ облакѣ потонулъ для него весь физическій и умственный міръ...

Въ декабрѣ того же года Порфирій Владимірычъ получилъ отъ Арины Петровны письмо слѣдующаго содержанія:

«Вчера утромъ постигло насъ новое, ниспосланное отъ Господа, испытаніе: сынъ мой, а твой братъ, Степанъ, скончался. Еще съ вечера наканунѣ былъ здоровъ совершенно и даже поужиналъ, а на утро найденъ въ постели мертвымъ — такова сей жизни скоротечность! И что всего для материнскаго сердца прискорбнѣе: такъ, безъ напутствія, и оставилъ сей суетный міръ, дабы устремиться въ область неизвѣстнаго.

Digitized by Google

«Сіе да послужитъ намъ всѣмъ урокомъ: кто семейными узами небрежетъ—всегда долженъ для себя такового конца ожидать. И неудачи въ сей жизни, и напрасная смерть, и вѣчныя мученія въ жизни слѣдующей—все изъ сего источника происходитъ. Ибо, какъ бы мы ни были высокоумны и даже знатны, но ежели родителей не почитаемъ, то оные какъ разъ и высокоуміе и знатность нашу въ ничто обратятъ. Таковы правила, кои всякій живущій въ семъ мірѣ человѣкъ затвердить долженъ, а рабы, сверхъ того, обязаны почитать господъ.

«Впрочемъ, несмотря на сіе, всѣ почести отшедшему въ вѣчность были отданы сполна, яко сыну. Покровъ изъ Москвы выписали, а погребеніе совершалъ извѣстный тебѣ отецъ-архимандритъ соборне. Сорокоусты же и поминовенія и по днесь совершаются, какъ слѣдуетъ, по-христіанскому обычаю. Жаль сына, но роптать не смѣю, и вамъ, дѣти мои, не совѣтую. Ибо кто можетъ сіе знать? — мы здѣсь ропщемъ, а его душа въ горнихъ увеселяется!»

II.—По-родственному.

Жаркій іюльскій полдень. На Дубровинской барской усадьбѣ словно все вымерло. Не только досужіе, но рабочіе люди разбрелись по угламъ и улеглись въ тѣнь. Собаки раскинулись подъ навѣсомъ громадной ивы, стоящей посреди краснаго двора, и слышно, какъ онѣ хлопаютъ зубами, ловя въ полуснѣ мухъ. Даже деревья стоятъ понурыя и неподвижныя, точно замученныя. Всѣ окна, какъ въ барскомъ домѣ, такъ и въ людскихъ, отворены настежь. Жаръ такъ и окачиваетъ сверху горячей волной; земля, покрытая коротенькой, опаленной травою, пылаетъ; нестерпимый свѣтъ, словно золотистою дымкой, задернулъ окрестность, такъ что съ трудомъ можно различать предметы. И. барскій домъ, когда-то выкрашенный сѣрой краской, а теперь побѣлѣвшій, и маленькій палисадникъ передъ домомъ, и березовая роща, отдѣленная отъ усадьбы проѣзжей дорогой, и прудъ, и крестьянскій поселокъ, и ржаное поле, начинающееся сейчасъ за околицей,—все тонетъ въ свѣтящейся мглѣ. Всякіе запахи, начиная съ благоуханій цвѣтущихъ липъ и кончая міазмами скотнаго двора, густою массой стоятъ въ воздухѣ. Ни звука. Только съ кухни доносится дробное отбиваніе поварскихъ ножей, предвѣщающее неизмѣнную окрошку и битки за обѣдомъ.

Внутри господскаго дома царствуетъ безшумная тревога.

Digitized by Google

Старуха-барыня и двѣ молодыя дѣвушки сидятъ въ столовой и, не притрогиваясь къ вязанью, брошенному на столѣ, словно застыли въ ожиданіи. Въ дѣвичьей двѣ женщины занимаются приготовленіемъ горчичниковъ и примочекъ, и мѣрное звяканье ложекъ, подобно крику сверчка, прорѣзывается сквозь общее оцѣпенѣніе. Въ коридорѣ осторожно двигаются дѣвчонки на босу ногу, перебѣгая по лѣстницѣ изъ антресолей въ дѣвичью и обратно. По временамъ сверху раздается крикъ: «что-жъ горчичники! Заснули? а?» — и вслѣдъ затѣмъ стрѣлой промчится дѣвчонка изъ дѣвичьей. Наконецъ, слышится скрипъ тяжелыхъ шаговъ по лѣстницѣ, и въ столовую входитъ полковой докторъ. Докторъ—человѣкъ высокій, широкоплечій, съ крѣпкими, румяными щеками, которыя такъ и прыщутъ здоровьемъ. Голосъ у него звонкій, походка твердая, глаза свѣтлые и веселые, губы полныя, сочныя, видъ открытый. Это — жуиръ въ полномъ смыслѣ слова, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ,—жуиръ, который и прежде не отступалъ, и долго еще не отступитъ ни передъ какой попойкой, ни передъ какимъ объяденіемъ. Одѣтъ по-лѣтнему, щеголемъ, въ пикейный сюртучокъ необычайной бѣлизны, украшенный свѣтлыми гербовыми пуговицами. Онъ входитъ, причмокивая губами и присасывая языкомъ.

— Вотъ что, голубушка, принеси-ка ты намъ водочки да закусить что-нибудь!—отдаетъ онъ приказаніе, останавливаясь въ дверяхъ, ведущихъ въ коридоръ.

— Ну, что? какъ?—тревожно спрашиваетъ старуха-барыня.

— У Бога милостей безъ конца, Арина Петровна!—отвѣчаетъ докторъ.

— Какъ же это? Стало-быть...

— Да такъ же. Денька два-три протянетъ, а потомъ— шабашъ!

Докторъ дѣлаетъ многозначительный жестъ рукою и въ полголоса мурлыкаетъ: — «*Кувыркомъ, кувыркомъ, ку-выр-комъ по-ле-тимъ*».

— Какъ же это такъ? Лѣчили-лѣчили доктора—и вдругъ!

— Какіе доктора?

— Земскій нашъ да вотъ городовой пріѣзжалъ.

— Доктора! Кабы ему мѣсяцъ назадъ заволоку здоровенную соорудить—былъ бы живъ!

— Неужто-жъ такъ-таки ничего и нельзя?

Digitized by Google

— Сказалъ: у Бога милостей много, а больше ничего прибавить не могу.

— А можетъ-быть, и подѣйствуетъ?

— Что подѣйствуетъ?

— А вотъ, что теперь... горчичники эти...

— Можетъ быть-съ.

Женщина въ черномъ платьѣ и въ черномъ платкѣ приноситъ подносъ, на которомъ стоитъ графинъ съ водкой и двѣ тарелки—съ колбасой и икрой. При появленіи ея разговоръ смолкаетъ. Докторъ наливаетъ рюмку, высматриваетъ ее на свѣтъ и щелкаетъ языкомъ.

— За ваше здоровье, маменька! — говоритъ онъ, обращаясь къ старухѣ-барынѣ и проглатывая водку.

— На здоровье, батюшка!

— Вотъ отъ этого самаго Павелъ Владимірычъ и погибаетъ въ цвѣтѣ лѣтъ—отъ водки отъ этой!—говоритъ докторъ, пріятно морщась и тыкая вилкой въ кружокъ колбасы.

— Да, много черезъ нее людей пропадаетъ.

— Не всякій эту жидкость вмѣстить можетъ—оттого! А такъ какъ мы вмѣстить можемъ, то и повторимъ! Ваше здоровье, сударыня!

— Кушайте, кушайте! Вамъ—ничего!

— Мнѣ—ничего! У меня и легкія, и почки, и печенка, и селезенка—все въ исправности! Да, бишь, вотъ что! — обращается онъ къ женщинѣ въ черномъ платьѣ, которая пріостановилась у дверей, словно прислушиваясь къ барскому разговору.—Что у васъ нынче къ обѣду готовлено?

— Окрошка, да битки, да цыплята на жаркое, — отвѣчаетъ женщина, какъ-то кисло улыбаясь.

— А рыба соленая у васъ есть?

— Какъ, сударь, рыбы не быть! Осетрина есть, севрюжина... Найдется рыбы довольно!

— Такъ скомандуй ты намъ къ обѣду ботвиньи съ осетринкой... звенышко, знаешь, да пожирнѣе! Какъ тебя: Улитушкой, что ли, звать?

— Улитой, сударь, люди зовутъ.

— Ну, такъ живо, Улитушка, живо!

Улитушка уходитъ; на минуту водворяется тяжелое молчаніе. Арина Петровна встаетъ съ своего мѣста и высматриваетъ въ дверь, точно ли Улитушка ушла.

— Насчетъ сиротокъ-то говорили ли вы ему, Андрей Осипычъ?—спрашиваетъ она доктора.

— Разговаривалъ-съ.

Digitized by Google

— Ну, и что-жъ?

— Все одно и то же-съ. «Вотъ какъ выздоровѣю, говоритъ, непремѣнно и духовную, и векселя напишу».

Молчаніе, еще болѣе тяжелое, водворяется въ комнатѣ. Дѣвицы берутъ со стола канвовыя работы, и руки ихъ съ замѣтной дрожью выдѣлываютъ швъ за швомъ; Арина Петровна какъ-то безнадежно вздыхаетъ; докторъ ходитъ по комнатѣ и насвистываетъ «*кувыркомъ, ку-вы-ы-ркомъ*».

— Да вы бы хорошенько ему сказали!

— Чего еще лучше: подлецъ, говорю, будешь, ежели сиротъ не обезпечишь. Да, мамашечка, опростоволосились вы! Кабы мѣсяцъ тому назадъ вы меня позвали, я бы и заволоку ему соорудилъ, да и насчетъ духовной постарался бы... А теперь все Іудушкѣ, законному наслѣднику, достанется... Непремѣнно!

— Бабушка! что-жъ это такое будетъ! — почти сквозь слезы жалуется старшая изъ дѣвицъ. — Что-жъ это дядя съ нами дѣлаетъ!

— Не знаю, милая, не знаю. Вотъ даже насчетъ себя не знаю. Сегодня—здѣсь, а завтра—ужъ и не знаю гдѣ... Можетъ-быть, Богъ приведетъ гдѣ-нибудь въ сарайчикѣ ноневать, а можетъ-быть, и у мужичка въ избѣ!

— Господи, какой этотъ дядя глупый!—восклицаетъ младшая изъ дѣвицъ.

— А вы бы, молодая особа, язычокъ-то на привязи придержали!—замѣчаетъ докторъ и, обращаясь къ Аринѣ Петровнѣ, прибавляетъ: — Да что же вы сами, мамашечка? Сами бы уговорить его попробовали!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Не хочетъ! Даже видѣть меня не хочетъ! Намеднись сунулась-было я къ нему: «напутствовать, что ли, меня пришли?» говоритъ.

— Я думаю, что это все больше Улитушка... Она его противъ васъ настраиваетъ.

— Она! именно она! И все Порфишкѣ-кровопивцу передаетъ! Сказываютъ, что у него и лошади въ хомутахъ цѣлый день стоятъ, на случай, ежели братъ отходить начнетъ! И представьте, на-дняхъ она даже мебель, вещи, посуду—все переписала: на случай, дескать, чтобы не пропало чего! Это она насъ-то, насъ-то воровками представить хочетъ!

— А вы бы ее по-военному... Кувыркомъ, знаете, кувыркомъ...

Но не успѣлъ докторъ развить свою мысль, какъ въ

Digitized by Google

комнату вбѣжала вся запыхавшаяся дѣвчонка и испуганнымъ голосомъ крикнула:

— Къ барину! Доктора баринъ требуетъ!

Семейство, которое выступаетъ на сцену въ настоящемъ разсказѣ, уже знакомо намъ. Старуха-барыня—не кто иная, какъ Арина Петровна Головлева; умирающій владѣлецъ Дубровинской усадьбы—ея сынъ, Павелъ Владимірычъ; наконецъ, двѣ дѣвушки: Аннинька и Любинька—дочери покойной Анны Владиміровны Улановой, той самой, которой нѣкогда Арина Петровна «выбросила кусокъ». Прошло не больше десяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣли ихъ, а положеніе дѣйствующихъ лицъ до того измѣнились, что не осталось и слѣда тѣхъ искусственныхъ связей, благодаря которымъ Головлевская семья представлялась чѣмъ-то въ родѣ неприступной крѣпости. Семейная твердыня, воздвигнутая неутомимыми руками Арины Петровны, рухнула, но рухнула до того незамѣтно, что она сама, не понимая, какъ это случилось, сдѣлалась соучастницею и даже явнымъ двигателемъ этого разрушенія, настоящею душою котораго былъ, разумѣется, Порфишка-кровопивецъ.

Изъ безконтрольной и бранчивой обладательницы Головлевскихъ имѣній Арина Петровна сдѣлалась скромною приживалкою въ домѣ младшаго сына, приживалкою праздною и не имѣющею никакого голоса въ хозяйственныхъ распоряженіямъ. Голова ея поникла, спина сгорбилась, глаза потухли, поступь сдѣлалась вялою, порывистость движеній пропала. Отъ нечего-дѣлать она научилась, на старости лѣтъ, вязанію, но и оно не спорится у ней, потому что мысль ея постоянно гдѣ-то витаетъ. Гдѣ?—она и сама не всегда разберетъ, но, во всякомъ случаѣ, не около вязальныхъ спицъ. Посидитъ, повяжетъ нѣсколько минутъ — и вдругъ руки сами собою опустятся, голова откинется на спинку кресель, и начнетъ она припоминать... Припоминаетъ-припоминаетъ, покуда старческая дремота не охватитъ всего старческаго существа. Или встанетъ и начнетъ бродить по комнатамъ, и все чего-то ищетъ, куда-то заглядываетъ, словно женщина, которая всю жизнь была въ ключахъ и не понимаетъ, гдѣ и какъ она ихъ потеряла.

Первый ударъ властности Арины Петровны былъ нанесенъ не столько отмѣной крѣпостного права, сколько тѣми приготовленіями, которыя предшествовали этой отмѣнѣ. Сначала простые слухи, потомъ дворянскія собранія съ ихъ

Digitized by Google

адресами, потомъ губернскіе комитеты, потомъ редакціонныя комиссіи—все это изнуряло, поселяло смуту. Воображеніе Арины Петровны, и безъ того богатое творчествомъ, рисовало ей цѣлыя массы пустяковъ. То вдругъ вопросъ представится: «Какъ это я Агашку звать буду? Чай, Агаѳьюшкой... а можетъ и Агаѳьей Ѳедоровной величать придется!» То представится: ходитъ она по пустому дому, а людишки въ людской забрались и жрутъ! Жрать надоѣстъ — подъ столъ бросаютъ! То покажется, что заглянула она въ погребъ, а тамъ Юлька съ Ѳешкой такъ-то за обѣ щеки уписываютъ, такъ-то уписываютъ! Хотѣла-было она репримандъ имъ сдѣлать и поперхнулась. «Какъ ты имъ что-нибудь скажешь, теперь онѣ вольныя — на нихъ, поди, и суда нѣтъ!»

Какъ ни ничтожны такіе пустяки, но изъ нихъ постепенно созидается цѣлая фантастическая дѣйствительность, которая втягиваетъ въ себя человѣка и совершенно парализуетъ его дѣятельность. Арина Петровна какъ-то вдругъ выпустила изъ рукъ бразды правленія и въ теченіе двухъ лѣтъ только и дѣлала, что съ утра до вечера восклицала:

— Хоть бы одно что-нибудь—панъ или пропалъ! А то: первый призывъ! второй призывъ! Ни Богу свѣча, ни чорту кочерга!

Въ это время, въ самый развалъ комитетовъ, умеръ и Владиміръ Михайлычъ. Умеръ примиренный, умиротворенный, отрекшись отъ Баркова и всѣхъ дѣлъ его. Послѣднія слова его были:

— Благодарю моего Бога, что не допустилъ меня, на ряду съ холопами, предстать передъ лицо Свое!

Слова эти глубоко запечатлѣлись въ воспріимчивой душѣ Арины Петровны, и смерть мужа, вмѣстѣ съ фантасмагоріями будущаго, наложила какой-то безнадежный колоритъ на весь Головлевскій обиходъ. Какъ-будто и старый Головлевскій домъ, и все живущее въ немъ—все разомъ собралось умереть.

Порфирій Владимірычъ, по нѣмногимъ жалобамъ, вылившимся въ письмахъ Арины Петровны, съ изумительною чуткостью отгадалъ сумятицу, овладѣвшую ея помыслами. Арина Петровна уже не выговаривала и не учительствовала въ письмахъ, но больше всего уповала на Божію помощь, «которая, по нынѣшнему легковѣрному времени, и рабовъ не оставляетъ, а тѣмъ паче тѣхъ, кои, по достаткамъ своимъ, надежнѣйшей опорой для церкви и ея укра-

Digitized by Google

шенія были». Іудушка инстинктомъ понялъ, что ежели маменька начинаетъ уповать на Бога, то это значитъ, что въ ея существованіи кроется нѣкоторый изъянъ. И онъ воспользовался этимъ изъяномъ съ свойственною ему лукавою ловкостью.

Передъ самымъ концомъ эмансипаціоннаго дѣла онъ совсѣмъ неожиданно посѣтилъ Головлево и нашелъ Арину Петровну унывающею, почти измученною.

— Что? какъ? что въ Петербургѣ поговариваютъ?—былъ первый ея вопросъ по окончаніи взаимныхъ привѣтствій.

Порфиша потупился и сидѣлъ молча.

— Нѣтъ, ты въ мое положеніе войди!—продолжала Арина Петровна, понявъ изъ молчанія сына, что хорошаго ждать нечего.—Теперь у меня однѣхъ поганокъ въ дѣвичьей тридцать штукъ сидитъ—какъ съ ними поступить? Ежели онѣ на моемъ иждивеніи останутся—чѣмъ я ихъ кормить стану? Теперь у меня и капустки, и картофельцу, и хлѣбца—всего довольно, ну, и питаемся понемногу? Картофельцу нѣтъ—велишь капустки сварить; капустки нѣтъ—огурчиками извернешься! А вѣдь тогда я сама за всѣмъ на базаръ побѣги, да за все денежки заплати, да купи, да подай — гдѣ на этакую ораву напасешься!

Порфиша глядѣлъ милому другу маменькѣ въ глаза и горько улыбался въ знакъ сочувствія.

— Ежели же ихъ на всѣ четыре стороны выпустятъ: бѣгите-молъ, милыя, вытаращивши глаза, ну, ужъ не знаю, не знаю, не знаю, что изъ этого выйдетъ!

Порфиша ухмыльнулся, какъ-будто ему и самому очень ужъ смѣшно показалось, «что изъ этого выйдетъ».

— Нѣтъ, ты не смѣйся, мой другъ! Это дѣло такъ серьезно, такъ серьезно, что развѣ ужъ Господь имъ разуму прибавитъ—ну, тогда... Скажу хоть бы про себя: вѣдь и я не огрызокъ; какъ-ни-какъ, а и меня пристроить вѣдь надобно. Какъ тутъ поступить? Вѣдь мы какое воспитаніе получили? Потанцовать, да попѣть, да гостей принять—что я безъ поганокъ-то безъ своихъ дѣлать буду? Ни я подать, ни принять, ни сготовить для себя — ничего вѣдь я, мой другъ, не могу!

— Богъ милостивъ, маменька!

— Былъ милостивъ, мой другъ, а нынче нѣтъ! Были мы хороши — и насъ Царь Небесный жаловалъ; стали дурны — ну, и не прогнѣвайтесь! Ужъ я что думаю: не бросить ли все за добра-ума. Право! Выстрою себѣ из-

Digitized by Google

бушку около папенькиной могилки, да и буду жить да поживать!

Порфирій Владимірычъ навострилъ уши; на губахъ его показалась слюна.

— А имѣніями кто же распоряжаться будетъ? — возразилъ онъ осторожно, словно закидывая удочку.

— Не погнѣвайтесь, и сами распорядитесь! Слава Богу, припасла! Не все мнѣ одной тяготы носить...

Арина Петровна вдругъ словно споткнулась и подняла голову. Въ глаза ея бросилось осклабляющееся, слюнявое лицо Іудушки, все словно масломъ подернутое, все проникнутое какимъ-то плотояднымъ внутреннимъ сіяніемъ.

— Да ты никакъ ужъ хоронить меня собрался! — сухо замѣтила она.—Не рано ли, голубчикъ? Не ошибись!

Такимъ образомъ на первый разъ дѣло кончилось ничѣмъ. Но есть разговоры, которые, разъ начавшись, уже не прекращаются. Черезъ нѣсколько часовъ Арина Петровна вновь возвратилась къ прерванной бесѣдѣ.

— Уѣду къ Сергію-Троицѣ, — мечтала она: — раздѣлю имѣніе, куплю на посадѣ домичекъ—и заживу!

Но Порфирій Владимірычъ, искушенный давешнимъ опытомъ, на этотъ разъ смолчалъ.

— Прошлаго года, какъ еще покойникъ папенька былъ живъ,—продолжала мечтать Арина Петровна:—сидѣла я у себя въ спаленкѣ одна и вдругъ слышу, словно мнѣ кто шепчетъ: «Съѣзди къ чудотворцу!.. съѣзди къ чудотворцу!.. съѣзди къ чудотворцу!» Да вѣдь до трехъ разъ! Я этакъ, знаешь, обернулась, — нѣтъ никого! Однако, думаю: вѣдь это—видѣніе мнѣ! Что-жъ, говорю, коли моя вѣра угодна Богу — я готова! И только что я это выговорила, какъ вдругъ это въ комнатѣ... такое благоуханіе, такое благоуханіе разлилось! Разумѣется, сейчасъ же велѣла укладываться, а къ вечеру ужъ въ дорогѣ была!

У Арины Петровны даже слезы на глазахъ выступили. Іудушка воспользовался этимъ, чтобъ поцѣловать у маменьки ручку, при чемъ позволилъ себѣ даже обнять ее за талію.

— Вотъ теперь вы—паинька!—сказалъ онъ.—Ахъ, хорошо, голубушка, коли кто съ Богомъ въ ладу живетъ! И онъ къ Богу съ молитвой, и Богъ къ нему съ помощью. Такъ-то, добрый другъ маменька!

— Постой! Я еще не все досказала! Пріѣзжаю я на другой день вечеромъ въ посадъ, и прямо — къ угоднику. А тамъ всенощная; поютъ, свѣчки горятъ, благоуханіе отъ

Digitized by Google

кадилъ: и не знаю, гдѣ я—на землѣ или на небесяхъ! Пошла я отъ всенощной къ іеромонаху Іонѣ и говорю: чтой-то, ваше высокопреподобіе, больно у васъ сегодня хорошо въ храмѣ? А онъ мнѣ: «Чего, сударыня! вѣдь нынче отцу Аввакуму видѣніе за всенощной было! Только что началъ онъ руки на молитву заводить—смотритъ, анъ, въ самомъ куполѣ свѣтъ, и голубь на него смотритъ!» Вотъ съ этихъ поръ я себѣ и положила: какова пора ни мѣра, а конецъ жизни у Сергія-Троицы пожить!

— А объ насъ-то кто позаботится? Объ дѣтяхъ-то вашихъ кто похлопочетъ? Ахъ, маменька, маменька!

— Ну, не маленькіе, и сами объ себѣ промыслите! А я... удалюсь я съ Аннушкиными сиротками къ чудотворцу и зажизу у него подъ крылышкомъ! Можетъ-быть, и изъ нихъ у которой-нибудь явится желаніе Богу послужить, такъ тутъ и Хотьковъ рукой подать! Куплю себѣ домичекъ, огородецъ вскопаю; капустки, картофельцу — всего у меня довольно будетъ!

Нѣсколько дней сряду велся этотъ праздный разговоръ; нѣсколько разъ дѣлала Арина Петровна самыя смѣлыя предположенія, брала ихъ назадъ и опять дѣлала, но, наконецъ, довела дѣло до такой точки, что и отступить ужъ было нельзя. Не далѣе, какъ черезъ полгода послѣ Іудушкиной побывки, положеніе дѣлъ было слѣдующее: Арина Петровна не уѣхала ни къ Сергію-Троицѣ, ни въ домикъ у могилки мужа, а имѣніе раздѣлила, оставивъ при себѣ только капиталъ. При этомъ Порфирію Владимірычу была выдѣлена лучшая часть, а Павлу Владимірычу—похуже.

Арина Петровна осталась попрежнему въ Головлевѣ, причемъ, разумѣется, не обошлось безъ семейной комедіи. Іудушка пролилъ слезы и умолилъ добраго друга маменьку управлять его имѣніемъ безотчетно, получать съ него доходы и употреблять по своему усмотрѣнію: «а что вы мнѣ, голубушка, изъ доходовъ удѣлите—я всѣмъ, даже малостью, буду доволенъ». Напротивъ того, Павелъ поблагодарилъ мать холодно («точно укусить хотѣлъ»), тотчасъ же вышелъ въ отставку («такъ, безъ материнскаго благословенія, какъ оглашенный, и выскочилъ на волю!») и поселился въ Дубровинѣ.

Съ этихъ поръ на Арину Петровну нашло затменіе. Тотъ внутренній образъ Порфишки-кровопивца, который она когда-то съ такою рѣдкою проницательностью угады-

Digitized by Google

вала, вдругъ словно туманомъ задернулся. Казалось, она ничего больше не понимала, кромѣ того, что, несмотря на раздѣлъ имѣнія и освобожденіе крестьянъ, она попрежнему живетъ въ Головлевѣ и попрежнему ни передъ кѣмъ не отчитывается. Тутъ же, подъ бокомъ, живетъ другой сынъ, но какая разница! Тогда какъ Порфиша и себя, и семью—все ввѣрилъ маменькиному усмотрѣнію, Павелъ не только ни объ чемъ съ ней не совѣтуется, но даже при встрѣчахъ какъ-то сквозь зубы говоритъ!

И чѣмъ больше затмевался ея разсудокъ, тѣмъ больше раскипалось въ ней сердце ревностью къ ласковому сыну. Порфирій Владимірычъ ничего у нея не просилъ—она сама шла навстрѣчу его желаніямъ. Мало-по-малу она начала находить недостатки въ фигурѣ Головлевскихъ дачъ. Въ такомъ-то мѣстѣ чужая земля врѣзывалась въ дачу — хорошо было бы эту землю прикупить; въ такомъ-то мѣстѣ можно бы хуторокъ отдѣльный устроить да покосцу мало, а тутъ, по смежности, и покосецъ продажный есть — ахъ, хорошъ покосъ! Арина Петровна увлекалась и какъ мать, и какъ хозяйка, желающая выставить во всемъ блескѣ свои способности передъ ласковымъ сыномъ. Но Порфирій Владимірычъ словно въ непроницаемую скорлупу схоронился. Напрасно Арина Петровна соблазняла его покупками—на всѣ ея предложенія пріобрѣсти такой-то лѣсокъ или такой-то покосецъ, онъ неизмѣнно отвѣчалъ:—«Я, добрый другъ маменька, и тѣмъ доволенъ, что̀ вы, по милости вашей, мнѣ пожаловали».

Отвѣты эти только разжигали Арину Петровну. Увлекаясь, съ одной стороны, хозяйственными задачами, съ другой — полемическими соображеніями относительно «подлеца Павлушки», который жилъ подлѣ и знать ее не хотѣлъ, она совершенно утратила представленіе о своихъ дѣйствительныхъ отношеніяхъ къ Головлеву. Прежняя горячка пріобрѣтенія съ новою силою овладѣла всѣмъ ея существомъ, но пріобрѣтенія уже не за свой собственный счетъ, а за счетъ любимаго сына. Головлевское имѣніе разрослось, округлилось и зацвѣло.

И вотъ въ ту самую минуту, когда капиталъ Арины Петровны до того умалился, что сдѣлалось почти невозможнымъ самостоятельное существованіе на проценты съ него, Іудушка, при самомъ почтительномъ письмѣ, прислалъ ей цѣлый тюкъ формъ счетоводства, которыя должны были служить для нея руководствомъ на будущее время при

Digitized by Google

составленіи годовой отчетности. Тутъ, рядомъ съ главными предметами хозяйства, стояли: малина, крыжовникъ, грибы и т. д. По всякой статьѣ былъ особенный счетъ, приблизительно слѣдующаго содержанія:

Къ 18** году состояло кустовъ малины 00
Къ сему поступило вновь посаженныхъ 00
Съ наличнаго числа кустовъ собрано ягодъ . . . . . 00 п. 00 ф. 00 зол.
Изъ сего числа:
Вами, милый другъ маменька, употреблено . . . . . 00 » 00 » 00 »
Израсходовано на варенье для дома Его Превосходительства Порфирія Владимірыча Головлева . . . . . 00 » 00 » 00 »
Дано мальчику N въ награду за добронравіе . . . . . — » 1 » — »
Продано простому народу на лакомство 00 » 00 » 00 »
Сгнило, по неимѣнію въ виду покупщиковъ, а равно и отъ другихъ причинъ . . . . . 00 » 00 » 00 »
И т. д., и т. д.

Примѣчаніе. Въ случаѣ, ежели урожай отчетнаго года менѣе противъ прошлаго года, то здѣсь должны быть объясняемы причины сего, какъ-то: засуха, дожди, градъ и проч.

Арина Петровна такъ и ахнула. Во-первыхъ, ее поразила скупость Іудушки: она никогда и не слыхивала, чтобъ крыжовникъ могъ составлять въ Головлевѣ предметъ отчетности, а онъ, повидимому, на этомъ предметѣ всего больше и настаивалъ; во-вторыхъ, она очень хорошо поняла, что всѣ эти формы — не что иное, какъ конституція, связывающая ее по рукамъ и по ногамъ.

Кончилось дѣло тѣмъ, что послѣ продолжительной полемической переписки Арина Петровна, оскорбленная и негодующая, перебралась въ Дубровино, а вслѣдъ затѣмъ и Порфирій Владимірычъ вышелъ въ отставку и поселился въ Головлевѣ.

Съ этихъ поръ для старухи начался рядъ мутныхъ дней, посвященныхъ насильственному покою. Павелъ Владимірычъ, какъ человѣкъ, лишенный поступковъ, былъ какъ-то особенно придирчивъ въ отношеніи къ матери. Онъ принялъ ее довольно сносно, т. е. обѣщался кормить и поить ее и сиротъ-племянницъ, но подъ двумя условіями: во-пер-

Digitized by Google

выхъ, не ходить къ нему на антресоли, а во-вторыхъ— не вмѣшиваться въ распоряженія по хозяйству. Послѣднее условіе въ особенности волновало Арину Петровну. Всѣмъ въ домѣ Павла Владимірыча заправляли: во-первыхъ, ключница Улитушка, женщина ехидная и уличенная въ секретной перепискѣ съ кровопивцемъ Порфишкой, и, во-вторыхъ—бывшій папенькинъ камердинеръ Кирюшка, ничего не смысливший въ полеводствѣ и ежедневно читавшій Павлу Владимірычу халуйскаго свойства поученія. Оба крали немилосердно. Сколько разъ болѣло сердце Арины Петровны при видѣ господствовавшаго въ домѣ расхищенія, сколько разъ порывалась она предупредить, раскрыть сыну глаза насчетъ чая, сахара, масла! Всего этого выходили массы, и неоднократно Улитушка, нимало не стѣсняясь присутствіемъ старухи-барыни, даже въ глазахъ ея, прятала въ карманъ цѣлыя пригоршни сахара. Арина Петровна видѣла все, но должна была оставаться безмолвной свидѣтельницей расхищенія. Потому что едва разѣвала она ротъ, чтобы замѣтить что-нибудь, какъ Павелъ Владимірычъ въ ту же минуту ее осаживалъ.

— Маменька! — говорилъ онъ: — надобно, чтобъ кто-нибудь одинъ въ домѣ распоряжался! Это не я говорю— всѣ такъ поступаютъ. Я знаю, что мои распоряженія глупыя — ну, и пусть будутъ глупыя. А ваши распоряженія умныя — ну, и пусть будутъ умныя! Умны вы, даже очень умны, а Іудушка, все-таки, безъ угла васъ оставилъ!

Къ довершенію всего, Арина Петровна сдѣлала ужасное открытіе: Павелъ Владимірычъ пилъ. Страсть эта вѣлась въ него крадучись, благодаря деревенскому одиночеству, и, наконецъ, получила то страшное развитіе, которое должно было привести къ неизбѣжному концу. Въ первое время, когда въ домѣ поселилась мать, онъ какъ будто еще совѣстился, довольно часто сходилъ съ антресолей внизъ и разговаривалъ съ матерью. Замѣчая, какъ путается его языкъ, Арина Петровна долго думала, что это происходитъ отъ глупости. Она не любила, когда онъ приходилъ «разговаривать», и считала эти разговоры большимъ для себя притѣсненіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ постоянно и какъ-то нелѣпо ропталъ. То дождя по цѣлымъ недѣлямъ нѣтъ, то вдругъ такой зарядитъ, словно съ цѣпи сорвется; то жукъ одолѣлъ, всѣ деревья въ саду обглодалъ; то кротъ появился, всѣ луга изрылъ. Все это представляло неистощимый источ-

Digitized by Google

никъ для ропота. Сойдетъ, бывало, съ антресолей, сядетъ противъ матери и начнетъ:

— Кругомъ тучи ходятъ—Головлево далеко ли? У кровопивца вчера проливной былъ, а у насъ нѣтъ да и нѣтъ! Ходятъ тучки, похаживаютъ кругомъ—и хоть бы те капля на нашъ пай!

Или:

— Ишь льетъ-поливаетъ! Рожь только что зацвѣла, а онъ знай поливаетъ! Половину сѣна ужъ сгноили, а онъ прыскаетъ да попрыскиваетъ! Головлево далеко ли? Кровопивецъ давно съ поля убрался, а мы сиди-посиди! Придется скотину зимой гнилымъ сѣномъ кормить!

Молчитъ-молчитъ Арина Петровна, слушая глупыя рѣчи, но иногда не вытерпитъ и молвитъ:

— Ты бы побольше руки сложа сидѣлъ!

Не успѣетъ она это вымолвить, какъ Павелъ Владимірычъ ужъ и взбеленился.

— А вы что-жъ мнѣ прикажете дѣлать? Въ Головлево дождикъ, что ли, перевести?

— Не дождикъ, а вообще...

— Нѣтъ, вы скажите, что, по-вашему, дѣлать мнѣ нужно? Не «вообще», а прямо... Климатъ, что ли, я для васъ перемѣнить долженъ? Вотъ въ Головлевѣ: нуженъ былъ дождикъ—и былъ дождикъ; не нужно дождя—и нѣтъ его! Ну, и растетъ тамъ все... А у насъ все напротивъ! Вотъ посмотримъ, какъ-то вы станете разговаривать, какъ ѣсть нечего будетъ!

— Стало-быть, Божья воля такова...

— Такъ вы такъ и говорите, что Божья воля! А то «вообще»—вотъ какое объясненье нашли!

Иногда дѣло доходило до того, что онъ даже собственностью отягощался.

— И зачѣмъ только это Дубровино мнѣ досталось?—жаловался онъ.—Что въ немъ?

— Чѣмъ же Дубровино — не усадьба! Земля хорошая, всего довольно... И что тебѣ вдругъ вздумалось!

— А то и вздумалось, что по нынѣшнему времени совсѣмъ собственности имѣть не надо! Деньги — это такъ! Деньги взялъ, положилъ въ карманъ и удралъ съ ними! А недвижимость эта...

— Да что-жъ это за время такое за особенное, что ужъ и собственности имѣть нельзя?

— А такое время, что вы вотъ газетъ не читаете, а я

Digitized by Google

читаю. Нынче адвокаты вездѣ пошли—вотъ и понимайте. Узнаетъ адвокатъ, что у тебя собственность есть, и почнетъ кружить!

— Какъ же онъ тебя кружить будетъ, коль скоро у тебя праведные документы есть?

— Такъ и будетъ кружить, какъ кружатъ. Или, вотъ, Порфишка-кровопивецъ: найметъ адвоката, а тотъ и будетъ тебѣ повѣстку за повѣсткой присылать!

— Что ты! Не безсудная, чай, земля!

— Оттого и будутъ повѣстки присылать, что не безсудная. Кабы безсудная была, безъ повѣстокъ бы отняли, а теперь съ повѣстками. Вонъ у товарища моего, у Горлопятова, дядя умеръ, а онъ возьми да сдуру и прими послѣ него наслѣдство! Наслѣдства-то оказалось грошъ, а долговъ—на сто тысячъ: векселя, да все фальшивые. Вотъ и судятъ его третій годъ сряду: сперва дядино имѣніе обрали, а потомъ и его собственное съ аукціону продали! Вотъ тебѣ и собственность!

— Неужто такой законъ есть?

— Кабы не было закона—не продали бы. Стало-быть, всякій законъ есть. У кого совѣсти нѣтъ, для того всѣ законы открыты; а у кого есть совѣсть, для того и законъ закрытъ. Поди, отыскивай его въ книгѣ-то!

Арина Петровна всегда уступала въ этихъ спорахъ. Не разъ ее подмывало крикнуть: «вонъ съ моихъ глазъ, подлецъ!» но подумаетъ-подумаетъ да и смолчитъ. Только развѣ про себя проропщетъ:

— Господи! и въ кого я этакихъ изверговъ уродила? Одинъ — кровопивецъ, другой — блаженный какой-то! Для кого я припасала, ночей не досыпала, куска не доѣдала... Для кого?

И чѣмъ больше овладѣвалъ Павломъ Владимирычемъ запой, тѣмъ фантастичнѣе и, такъ сказать, внезапнѣе становились его разговоры. Наконецъ, Арина Петровна начала замѣчать, что тутъ есть что-то неладное. Напримѣръ: съ утра въ шкапчикъ, въ столовой, ставится полный графинъ водки, а къ обѣду ужъ ни капли въ немъ нѣтъ. Или: сидитъ она въ гостиной и слышитъ какой-то таинственный скрипъ, происходящій въ столовой, около завѣтнаго шкапчика; крикнетъ: «кто тамъ?» — и слышитъ, что чьи-то шаги быстро, но осторожно удаляются по направленію къ антресолямъ.

Digitized by Google

— Матушки! да никакъ онъ у васъ пьетъ? — спросила она однажды Улитушку.

— Занимаются-съ,—отвѣтила та, язвительно улыбаясь.

Убѣдившись, что мать отгадала его, Павелъ Владимірычъ окончательно пересталъ церемониться. Въ одно прекрасное утро шкапчикъ совсѣмъ исчезъ изъ столовой, и на вопросъ Арины Петровны, куда онъ дѣвался, Улитушка отвѣчала:

— На антресоли перенести приказали; тамъ имъ свободнѣе заниматься будетъ.

Дѣйствительно, на антресоляхъ графинчики слѣдовали другъ за другомъ съ изумительной быстротой. Уединившись съ самимъ собой, Павелъ Владимірычъ возненавидѣлъ общество живыхъ людей и создалъ для себя особенную, фантастическую дѣйствительность. Это былъ цѣлый глупогероическій романъ, въ которомъ главными героями были: онъ самъ и кровопивецъ Порфишка. Онъ самъ не сознавалъ вполнѣ, какъ глубоко залегла въ немъ ненависть къ Порфишкѣ. Онъ ненавидѣлъ его всѣми помыслами, всѣми внутренностями, ненавидѣлъ безпрестанно, ежеминутно. Словно живой, метался передъ нимъ этотъ паскудный образъ, а въ ушахъ раздавалось слезнолицемѣрное пустословіе Іудушки—пустословіе, въ которомъ звучала какая-то сухая, почти отвлеченная злоба ко всему живому, не подчиняющемуся кодексу, созданному преданіемъ лицемѣрія. Павелъ Владимірычъ пилъ и припоминалъ. Припоминалъ всѣ обиды и униженія, которыя ему приходилось вытерпѣть, благодаря претензіи Іудушки на главенство въ домѣ. Въ особенности же припоминалъ раздѣлъ имѣнія, разсчитывалъ каждую копейку, сравнивалъ каждый клочокъ земли — и ненавидѣлъ. Въ разгоряченномъ виномъ воображеніи создавались цѣлыя драмы, въ которыхъ вымещались всѣ обиды и въ которыхъ обидчикомъ являлся уже онъ, а не Іудушка. То будто выигралъ онъ двѣсти тысячъ и пріѣзжаетъ сообщить объ этомъ Порфишкѣ (цѣлая сцена съ разговорами), у котораго отъ зависти даже перекосило лицо. То будто умеръ дѣдушка (опять сцена съ разговорами, хотя никакого дѣдушки не было), ему оставилъ милліонъ, а Порфишкѣ-кровопивцу—шишъ. То будто онъ изобрѣлъ средство дѣлаться невидимкой и черезъ это получилъ возможность творить Порфишкѣ такія пакости, отъ которыхъ тотъ начинаетъ стонать. Въ изобрѣтеніи этихъ проказъ онъ былъ неистощимъ, и долго нелѣпый

Digitized by Google

хохотъ оглашалъ антресоли, къ удовольствію Улитушки, спѣшившей увѣдомить о происходящемъ братца Порфирія Владимірыча.

Онъ ненавидѣлъ Іудушку и въ то же время боялся его. Онъ зналъ, что глаза Іудушки источаютъ чарующій ядъ, что голосъ его, словно змѣй, заползаетъ въ душу и парализуетъ волю человѣка. Поэтому онъ рѣшительно отказался отъ свиданій съ нимъ. Иногда кровопивецъ пріѣзжалъ въ Дубровино, чтобы поцѣловать ручку у добраго друга маменьки (онъ выгналъ ее изъ дома, но почтительности не прекращалъ) — тогда Павелъ Владимірычъ запиралъ антресоли на ключъ и сидѣлъ взаперти все время, покуда Іудушка калякалъ съ маменькой.

Такимъ образомъ шли дни за днями, покуда, наконецъ, Павелъ Владимірычъ не очутился лицомъ къ лицу съ смертнымъ недугомъ.

Докторъ переночевалъ «для формы» и на другой день рано утромъ уѣхалъ въ городъ. Оставляя Дубровино, онъ высказалъ прямо, что больному остается жить не больше двухъ дней и что теперь поздно думать о какихъ-нибудь «распоряженіяхъ», потому что онъ и фамиліи путемъ подписать не можетъ.

— Подпишетъ онъ вамъ «обмокни» — потомъ и съ судомъ, пожалуй, не раздѣлаетесь, — прибавилъ онъ. — Вѣдь Іудушка хоть и очень маменьку уважаетъ, а дѣло о подлогѣ все-таки начнетъ, и ежели по закону мамашеньку въ мѣста не столь отдаленныя ушлютъ, такъ вѣдь онъ только молебенъ въ путь шествующимъ отслужитъ!

Арина Петровна цѣлое утро ходила какъ въ отупѣніи. Попробовала-было встать на молитву—не внушитъ ли что Богъ?—но и молитва на умъ не шла, даже языкъ какъ-то не слушался. Начнетъ: «*Помилуй мя, Боже, по великей милости Твоей*»—и вдругъ, сама не знаетъ какъ, съѣдетъ на «*отъ лукаваго*». «Очисти! очисти!»—машинально лепечетъ языкъ, а мысль такъ и летаетъ: то на антресоли заглянетъ, то на погребъ зайдетъ («сколько добра по осени было—все растащили!»), то начнетъ что-то припоминать—далекое-далекое. Все сумерки какія-то, и въ этихъ сумеркахъ люди, много людей, и всѣ они копошатся, стараются, припасаютъ. «*Блаженъ мужъ... блаженъ мужъ... яко кадило... научи мя... научи мя...* Но вотъ и языкъ мало-помалу смякъ, глаза смотрятъ на образа и не видятъ; ротъ

Digitized by Google

раскрыть широко, руки сложены на поясѣ, и вся она стоитъ неподвижно, словно застыла.

Наконецъ, она сѣла и заплакала. Слезы такъ и лились изъ потухшихъ глазъ по старческимъ, засохшимъ щекамъ, задерживаясь въ углубленіяхъ морщинъ и капая на замасленный воротъ старой ситцевой блузы. Это было что-то горькое, полное безнадежности и вмѣстѣ съ тѣмъ безсильно-строптивое. И старость, и немощи, и безпомощность положенія — все, казалось, призывало ее къ смерти, какъ къ единственному примиряющему исходу; но въ то же время замѣшивалось и прошлое съ его властностью, довольствомъ и просторомъ, и воспоминанія этого прошлаго такъ и впивались въ нее, такъ и притягивали ее къ землѣ. «Умереть бы!» мелькало въ ея головѣ, а черезъ мгновенье то же слово смѣнялось другимъ: «пожить бы!» Она не вспоминала ни объ Іудушкѣ, ни объ умирающемъ сынѣ— оба они словно перестали существовать для нея. Ни о комъ она не думала, ни на кого не негодовала, никого не обвиняла; она даже забыла, есть ли у нея капиталъ и достаточенъ ли онъ, чтобъ обезпечить ея старость. Тоска, смертная тоска охватила все ея существо. Тошно! горько! — вотъ единственное объясненіе, которое она могла бы дать своимъ слезамъ. Эти слезы пришли издалека; капля по каплѣ копились онѣ съ той самой минуты, какъ она выѣхала изъ Головлева и поселилась въ Дубровинѣ. Ко всему, что теперь предстояло, она была ужъ приготовлена; все она ожидала и предвидѣла; но ей никогда какъ-то не представлялось съ такою ясностью, что этому ожиданному и предвидѣнному долженъ наступить конецъ. И вотъ, теперь, этотъ конецъ наступилъ, конецъ, полный тоски и безнадежнаго одиночества. Всю-то жизнь она что-то устраивала, надъ чѣмъ-то убивалась, а оказывается, что убивалась надъ призракомъ. Всю жизнь слово «семья» не сходило у нея съ языка; во имя семьи она однихъ казнила, другихъ награждала; во имя семьи она подвергала себя лишеніямъ, истязала себя, изуродовала всю свою жизнь — и вдругъ выходитъ, что семьи-то именно у нея и нѣтъ!

— Господи! Да неужто-жъ у всѣхъ такъ?—вертѣлось у нея въ головѣ.

Она сидѣла, опершись головой на руку и обративъ обмоченное слезами лицо навстрѣчу поднимающемуся солнцу, какъ будто говорила ему: «виды!» Она не стонала и не кляла, а только потихоньку всхлипывала, словно захлебы-

Digitized by Google

валась слезами. И въ то же время на душѣ у нея такъ и горѣло:

— Нѣтъ никого! нѣтъ никого! Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ!

Но вотъ изсякли и слезы. Умывши лицо, она безъ цѣли побрела въ столовую, но тутъ дѣвицы осадили ее новыми жалобами, которыя на этотъ разъ показались ей какъ-то особенно назойливыми.

— Что же это, бабушка, будетъ? Неужто жъ мы такъ безъ ничего и останемся?—роптала Аннинька.

— Какой этотъ дядя глупый!—вторила ей Любинька.

Около полудня Арина Петровна рѣшилась проникнуть къ умирающему сыну. Осторожно, чуть ступая, взошла она по лѣстницѣ и ощупью отыскала впотьмахъ двери, ведущія въ комнаты. На антресоляхъ царствовали сумерки, окна занавѣшены были зелеными шторами, сквозь которыя чуть-чуть пробивался свѣтъ; давно не возобновляемая атмосфера комнатъ пропиталась противною смѣсью разнородныхъ запаховъ, въ составленіи которой участвовали и ягоды, и пластыри, и лампадное масло, и тѣ особенные міазмы, присутствіе которыхъ прямо говоритъ о болѣзни и смерти. Комнатъ было всего двѣ: въ первой сидѣла Улитушка, чистила ягоды и съ ожесточеніемъ сдувала мухъ, которыя тучнымъ роемъ вились надъ ворохами крыжовника и нахально садились ей на носъ и на губы. Сквозь полуотворенную дверь, изъ сосѣдней комнаты, не переставая, доносился сухой и короткій кашель, отъ времени до времени разрѣшающійся мучительной экспекораціей. Арина Петровна остановилась въ нерѣшительной позѣ, вглядываясь въ сумерки и какъ бы выжидая, что предприметъ Улитушка въ виду ея прихода. Но Улитушка даже не шевельнулась, словно была уже слишкомъ увѣрена, что всякая попытка подѣйствовать на больного останется безплодною. Только сердитое движеніе скользнуло по ея губамъ, и Аринѣ Петровнѣ послышалось произнесенное шопотомъ слово: «чортъ!»

— Ты бы, голубушка, внизъ пошла!—обратилась Арина Петровна къ Улитушкѣ.

— Это еще что за новости?—огрызнулась послѣдняя.

— Мнѣ съ Павломъ Владимірычемъ говорить нужно. Ступай!

— Помилуйте, сударыня! Какъ же я ихъ оставлю? А ежели что вдругъ случится—ни подать, ни принять.

— Нто тамъ?—раздалось глухо изъ спальной.

Digitized by Google

— Прикажи, мой другъ, Улитѣ уйти. Мнѣ съ тобой переговорить нужно.

На этотъ разъ Арина Петровна дѣйствовала настолько настойчиво, что осталась побѣдительницей. Она перекрестилась и вошла въ комнату. Около внутренней стѣны, подальше отъ оконъ, стояла постель больного. Онъ лежалъ на спинѣ, покрытый бѣлымъ одѣяломъ, и почти безсознательно дымилъ папироской. Несмотря на табачный дымъ, мухи съ какимъ-то ожесточеніемъ нападали на него, такъ что онъ безпрестанно то той, то другой рукой проводилъ около лица. Это были руки до такой степени безсильныя, лишенныя мускуловъ, что ясно представляли очертанія кости, почти одинаково узкой отъ кисти до плеча. Голова его какъ-то безнадежно прильнула къ подушкѣ; лицо и все тѣло горѣли въ сухомъ жару. Большіе, круглые глаза ввалились и смотрѣли безпредметно, какъ бы чего-то искали; носъ вытянулся и заострился, ротъ былъ полуоткрытъ. Онъ не кашлялъ, но дышалъ съ такою силой, что, казалось, вся жизненная энергія сосредоточилась въ его груди.

— Ну, что? Какъ ты сегодня себя чувствуешь?—спросила Арина Петровна, опускаясь въ кресло у его ногъ.

— Ничего... завтра... то-бишь, сегодня... когда это лѣкарь у насъ былъ?

— Сегодня былъ лѣкарь.

— Ну, значитъ, завтра...

Больной заметался, какъ бы силясь припомнить слово.

— Встать можно будетъ?—подсказала Арина Петровна.— Дай Богъ, мой другъ, дай Богъ.

Оба замолкли на минуту. Аринѣ Петровнѣ хотѣлось сказать что-то, но для того, чтобъ сказать, нужно было разговаривать. Вотъ этого-то именно разговора и не могла она никогда найти, когда была съ глазу на глазъ съ Павломъ Владимірычемъ.

— Іудушка... живетъ?—спросилъ, наконецъ, самъ больной.

— Что ему дѣлается, живетъ да поживаетъ!

— Чай, думаетъ: «вотъ братецъ Павелъ умретъ—и еще, по милости Божіей, имѣньице мнѣ достанется!»

— И всѣ когда-нибудь умремъ, и послѣ всѣхъ имѣнья пойдутъ... законнымъ наслѣдникамъ...

— Только не кровопивцу! Собакамъ выброшу, а не ему!

Случай выходилъ отличный: самъ Павелъ Владимірычъ заговаривалъ. Арина Петровна не преминула воспользоваться этимъ.

Digitized by Google

— Надо бы подумать объ этомъ, мой другъ! — сказала она словно мимоходомъ, не глядя на сына и разсматривая на свѣтъ руки, точно онѣ составляли въ эту минуту главный предметъ ея вниманія.

— Объ чемъ «объ этомъ»?

— А вотъ хоть бы насчетъ того, если ты не желаешь, чтобъ брату имѣнье твое осталось...

Больной молчалъ. Только глаза его неестественно расширились, и лицо все больше и больше рдѣло.

— Можно бы, другъ мой, и то въ соображеніе взять, что у тебя племянницы-сироты есть—какой у нихъ капиталъ? Ну, и мать тоже!..—продолжала Арина Петровна.

— Все Іудушкѣ спустить успѣли?

— Какъ бы то ни было... знаю, что сама виновата... Да вѣдь и не Богъ знаетъ, какой грѣхъ... Думала тоже, что сынъ... Да и тебѣ бы можно не попомнить этого матери.

Молчаніе.

— Что же! Скажи хоть что-нибудь!

— А вы какъ скоро сбираетесь меня хоронить?

— Не хоронить, а все-таки... И прочіе христіане... Не всѣ сейчасъ умираютъ, а вообще...

— То-то «вообще»! Вы всегда «вообще»! Думаете, что я не вижу!

— Что же ты видишь, мой другъ?

— А то и вижу, что вы меня за дурака считаете! Ну, и положимъ, что я дуракъ, и пусть буду дуракъ! Зачѣмъ же приходите къ дураку? И не приходите, и не безпокойтесь!

— Я и не безпокоюсь; я только вообще... что всякому человѣку предѣлъ жизни положенъ...

— Ну, и ждите!

Арина Петровна понурила голову и раздумывала. Она очень хорошо идѣла, что дѣло ея стоитъ плохо, но безнадежность будущаго до того терзала ее, что даже очевидность не могла убѣдить въ безплодности дальнѣйшихъ попытокъ.

— Не знаю, за что ты меня ненавидишь! — произнесла она, наконецъ.

— Нисколько... я васъ... нисколько! Я даже очень... Помилуйте! вы насъ такъ вели... всѣхъ ровно!

Онъ говорилъ это порывисто, захлебываясь; въ звукахъ голоса слышался какой-то надорванный и въ то же время торжествующій хохотъ; въ глазахъ показались искры; плечи и ноги безпокойно вздрагивали.

Digitized by Google

— Можетъ, и я въ самомъ дѣлѣ чѣмъ-нибудь провинилась, такъ ужъ прости, Христа ради!

Арина Петровна встала и поклонилась, коснувшись рукой до земли. Павелъ Владимірычъ закрылъ глаза и не отвѣчалъ.

— Положимъ, что насчетъ недвижимости... это точно что въ теперешнемъ твоемъ положеніи нечего и думать, чтобы распоряженіе дѣлать... Порфирій — законный наслѣдникъ; ну, пускай ему недвижимость и достается. А движимость, а капиталъ какъ? — рѣшилась прямо объясниться Арина Петровна.

Павелъ Владимірычъ вздрогнулъ, но молчалъ. Очень возможно, что при словѣ «капиталъ» онъ совсѣмъ не объ инсинуаціяхъ Арины Петровны помышлялъ, а просто ему подумалось: «вотъ и сентябрь на дворѣ, проценты получать надобно... шестьдесятъ семь тысячъ шестьсотъ на пять помножить, да на два потомъ раздѣлить—сколько это будетъ?»

— Ты, можетъ-быть, думаешь, что я смерти твоей желаю, такъ разувѣрься, мой другъ! Ты только живи, а мнѣ, старухѣ, и горюшка мало! Что мнѣ! Мнѣ и тепленько, и сытенько у тебя, и даже ежели изъ сладенькаго чего-нибудь захочется — все у меня есть! Я только насчетъ того говорю, что у христіанъ обычай такой есть, чтобы въ ожиданіи предбудущей жизни...

Арина Петровна остановилась, словно искала подходящаго слова.

— Присныхъ своихъ обезпечивать, — докончила она, смотря въ окно.

Павелъ Владимірычъ лежалъ неподвижно и потихоньку откашливался, ни однимъ движеніемъ не выказывая, слушаетъ онъ или нѣтъ. Повидимому, причитанія матери надоѣли ему.

— Капиталъ-то можно бы при жизни изъ рукъ въ руки передать, — молвила Арина Петровна, какъ бы вскользь бросая предположеніе и вновь принимаясь разсматривать на свѣтъ свои руки.

Больной чуть-чуть дрогнулъ, но Арина Петровна не замѣтила этого и продолжала:

— Капиталъ, мой другъ, и по закону къ перемѣщенію допускается. Потому это—вещь наживная: вчера онъ былъ, сегодня — нѣтъ его. И никто въ немъ отчета не можетъ спрашивать—кому хочу, тому и отдаю.

Digitized by Google

Павелъ Владимірычъ вдругъ какъ-то зло засмѣялся.

— Палочкина исторію, должно-быть, вспомнили!—зашипѣлъ онъ.—Тотъ тоже *изъ рукъ въ руки* женѣ капиталъ отдалъ, а она съ любовникомъ убѣжала!

— У меня, мой другъ, любовниковъ нѣтъ!

— Такъ безъ любовника убѣжите... съ капиталомъ!

— Какъ ты, однако, меня понимаешь!

— Никакъ я васъ не понимаю... Вы на весь свѣтъ меня дуракомъ прославили — ну, и дуракъ я. И пусть буду дуракъ! Смотрите, какія штуки-фигуры придумали — капиталъ имъ изъ рукъ въ руки передай! А самъ что? Въ монастырь, что ли, прикажете мнѣ спасаться идти, да оттуда глядѣть, какъ вы моимъ капиталомъ распоряжаться будете?

Онъ выговорилъ все это залпомъ, злобствуя и волнуясь, и затѣмъ совсѣмъ изнемогъ. Въ продолженіе по крайней мѣрѣ четверти часа послѣ того онъ кашлялъ во всю мочь, такъ что было даже удивительно, что этотъ жалкій человѣческій остовъ еще заключаетъ въ себѣ столько силы. Наконецъ, онъ отдышался и закрылъ глаза.

Арина Петровна потерянно оглядывалась кругомъ. До сихъ поръ ей все какъ-то не вѣрилось; теперь она окончательно убѣдилась, что всякая новая попытка убѣдить умирающаго можетъ только приблизить день торжества Іудушки. Іудушка такъ и мелькалъ передъ ея глазами. Вотъ онъ идетъ за гробомъ, вотъ отдаетъ брату послѣднее Іудино лобзаніе и двѣ паскудныя слезинки вытекли изъ его глазъ. Вотъ и гробъ опустили въ землю: «прррощай, братъ!» восклицаетъ Іудушка, подергивая губами, закатывая глаза и стараясь придать своему голосу ноту горести, и вслѣдъ затѣмъ обращается въ полъ-оборота къ Улитушкѣ и говоритъ: «кутью-то, кутью-то не забудьте въ домъ взять! Да на чистенькую скатертцу поставьте... братца опять въ домѣ помянуть!» Вотъ кончился и поминальный обѣдъ, во время котораго Іудушка безъ устали говоритъ съ батюшкой о добродѣтеляхъ покойнаго и встрѣчаетъ со стороны батюшки полное подтвержденіе этихъ похвалъ. «Ахъ, братъ, братъ! не захотѣлъ ты съ нами пожить!»— восклицаетъ онъ, выходя изъ-за стола и протягивая руку ладонью вверхъ подъ благословеніе батюшки. Вотъ, наконецъ, всѣ, слава Богу, наѣлись и даже выспались послѣ обѣда; Іудушка расхаживаетъ хозяиномъ по комнатамъ дома, принимаетъ вещи, заноситъ въ опись и по време-

Digitized by Google

нам подозрительно взглядываетъ на мать, ежели въ чемъ-нибудь встрѣчаетъ сомнѣніе.

Всѣ эти неизбѣжныя сцены будущаго такъ и метались передъ глазами Арины Петровны. И какъ живой звенѣлъ въ ея ушахъ маслянисто-пронзительный голосъ Іудушки, обращенный къ ней:

— А помните, маменька, у брата золотенькія запоночки были... хорошенькія такія, еще онъ ихъ по праздникамъ надѣвалъ... И куда только эти запоночки дѣвались — ума приложить не могу!

Не успѣла Арина Петровна сойти внизъ, какъ на бугрѣ у дубровинской церкви показалась коляска, запряженная четверней. Въ коляскѣ, на почетномъ мѣстѣ, возсѣдалъ Порфирій Головлевъ безъ шапки и крестился на церковь; противъ него сидѣли два его сына, Петенька и Володенька. У Арины Петровны такъ и захолонуло сердце. «Почуяла Лиса Патрикѣевна, что мертвечиной пахнетъ!»—подумалось ей. Дѣвицы тоже струсили и какъ-то безпомощно жались къ бабушкѣ. Въ домѣ, до сихъ поръ тихомъ, вдругъ поднялась тревога: захлопали двери, забѣгали люди, раздались крики: «Баринъ ѣдетъ! баринъ ѣдетъ!» — и все населеніе усадьбы разомъ высыпало на крыльцо. Одни крестились, другіе просто стояли въ выжидательномъ положеніи, но всѣ, очевидно, сознавали, что то, что до сихъ поръ происходило въ Дубровинѣ, было лишь временное, что только теперь наступаетъ настоящее, заправское, съ заправскимъ хозяиномъ во главѣ. Многимъ изъ старыхъ, заслуженныхъ дворовыхъ выдавалась при «прежнемъ» баринѣ мѣсячина; многіе держали коровъ на барскомъ сѣнѣ, имѣли огороды и вообще жили «свободно»; всѣхъ, естественно, интересовалъ вопросъ, оставитъ ли «новый» баринъ старые порядки, или замѣнитъ ихъ новыми, головлевскими.

Іудушка, между тѣмъ, подъѣхалъ и по сдѣланной ему встрѣчѣ уже заключилъ, что въ Дубровинѣ дѣло идетъ къ концу. Не торопясь, вышелъ онъ изъ коляски, замахалъ руками на дворовыхъ, бросившихся барину къ ручкѣ, потомъ сложилъ обѣ руки ладонями внутрь и началъ медленно взбираться по лѣстницѣ, шопотомъ произнося молитву. Лицо его въ одно и то же время выражало и скорбь, и твердую покорность. Какъ человѣкъ — онъ скорбѣлъ; какъ христіанинъ — роптать не осмѣливался. Онъ молился «о ниспосланіи», но больше всего уповалъ и покорялся волѣ

Digitized by Google

Провидѣнія. Сыновья, въ паръ, шли сзади него. Володенька передразнивалъ отца, т.-е. складывалъ руки, закатывалъ глаза и шевелилъ губами; Петенька наслаждался представленіемъ, которое давалъ братъ. За ними безмолвной гурьбой слѣдовалъ кортежъ дворовыхъ.

Іудушка поцѣловалъ маменьку въ ручку, потомъ въ губы, потомъ опять въ ручку, потомъ потрепалъ милаго друга за талію и, грустно покачавъ головою, произнесъ:

— А вы все унываете! Нехорошо это, другъ мой, охъ, какъ нехорошо! А вы бы спросили себя: что, молъ, Богъ на это скажетъ? Скажетъ: вотъ Я въ премудрости Своей все къ лучшему устрою, а она ропщетъ! Ахъ, маменька, маменька!

Потомъ перецѣловалъ обѣихъ племянницъ и съ тою же плѣнительною родственностью въ голосѣ сказалъ:

— И вы, стрекозы, туда же въ слезы! Чтобъ у меня этого не было! Извольте сейчасъ улыбаться—и дѣло съ концомъ!

И онъ затопалъ на нихъ ногами или, лучше сказать, дѣлалъ видъ, что топаетъ, но въ сущности только благосклонно шутилъ.

— Посмотрите на меня,—продолжалъ онъ:—какъ братъ—я скорблю! Не разъ, можетъ-быть, и всплакнулъ... Жаль брата, очень, даже до слезъ жаль... Всплакнешь, да и опомнишься: а Богъ-то на что? Неужто Богъ хуже нашего знаетъ, какъ и что? Поразмыслишь этакъ—и ободришься. Такъ-то и всѣмъ поступать надо! И вамъ, маменька, и вамъ, племяннушки, и вамъ... всѣмъ! — обратился онъ къ прислугѣ.—Посмотрите на меня, какимъ я молодцомъ хожу!

И онъ съ тою же плѣнительностью представилъ изъ себя «молодца», то-есть выпрямился, отставилъ одну ногу, выпятилъ грудь и откинулъ назадъ голову. Всѣ улыбнулись, но кисло какъ-то, словно всякій говорилъ себѣ: «Ну, пошелъ теперь паукъ паутину ткать!»

Окончивъ представленіе въ залѣ, Іудушка перешелъ въ гостиную и вновь поцѣловалъ у маменьки ручку.

— Такъ такъ-то, милый другъ маменька! —сказалъ онъ, усаживаясь на диванъ.—Вотъ и братъ Павелъ...

— Да, и Павелъ... — потихоньку отозвалась Арина Петровна.

— Да, да, да... раненько бы! раненько! Вѣдь я, маменька, хоть бодрюсь, а въ душѣ тоже... очень, очень о братѣ скорблю! Не любилъ меня братъ, крѣпко не любилъ—можетъ, за это Богъ и посылаетъ ему!

Digitized by Google

— Въ этакую минуту можно бы и забыть про это! Старыя-то дрязги оставить надо...

— Я, маменька, давно позабылъ! Я только къ слову говорю: не любилъ меня братъ, а за что — не знаю! Ужъ я ли, кажется... и такъ, и сякъ, и прямо, и стороной, и «голубчикъ», и «братецъ» — пятится отъ меня, да и шабашъ! Анъ Богъ-то взялъ, да невидимо къ своему предѣлу и пріурочилъ!

— Говорю тебѣ: нечего поминать объ этомъ! Человѣкъ на ладанъ ужъ дышитъ!

— Да, маменька, великая это тайна—смерть! Не вѣсте ни дня, ни часа — вотъ это какая тайна! Вотъ онъ все планы планировалъ, думалъ — ужъ такъ высоко, такъ высоко стоитъ, что и рукой до него не достанешь, а Богъ-то разомъ, въ одно мгновеніе, всѣ его мечтанія опровергъ. Теперь бы онъ, можетъ, и радъ грѣшки свои поприкрыть — анъ, они ужъ въ книгѣ живота записаны значатся. А изъ этой, маменька, книги, что тамъ записано, не скоро выскоблишь!

— Чай, раскаянье-то пріемлется!

— Желаю, отъ души брату желаю! Не любилъ онъ меня, а я — желаю! Я всѣмъ добра желаю: и ненавидящимъ, и обидящимъ—всѣмъ! Несправедливъ онъ былъ ко мнѣ—вотъ Богъ болѣзнь ему и послалъ, не я, а Богъ! И много онъ, маменька, страдаетъ?

— Такъ себѣ... Ничего. Докторъ былъ, даже надежду подалъ,—солгала Арина Петровна.

— Ну, вотъ какъ хорошо! Ничего, мой другъ, не огорчайтесь, можетъ-быть, и отдышится! Мы-то здѣсь объ немъ сокрушаемся, да на Создателя ропщемъ, а онъ, можетъ-быть, сидитъ себѣ тихохонько на постелькѣ да Бога за исцѣленье благодаритъ!

Эта мысль до того понравилась Іудушкѣ, что онъ даже полегоньку хихикнулъ.

— А вѣдь я къ вамъ, маменька, погостить пріѣхалъ,— продолжалъ онъ, словно дѣлая маменькѣ пріятный сюрпризъ. — Нельзя, голубушка... по-родственному! Неровенъ случай—все же, какъ братъ... и утѣшить, и посовѣтовать, и распорядиться... Вѣдь вы позволите?

— Какія я позволенія могу давать, сама здѣсь—гостья!

— Ну, такъ вотъ что, голубушка. Такъ какъ сегодня у васъ пятница, такъ ужъ вы прикажите, если ваша такая милость будетъ, мнѣ постненькаго къ обѣду изготовить.

Digitized by Google

Рыбки тамъ, что ли, солененькой, грибковъ, капустки— мнѣ вѣдь немного нужно! А я, между тѣмъ, по-родственному... на антресоли къ брату поплетусь—можетъ-быть, и успѣю. Не для тѣла, такъ для души что-нибудь полезное сдѣлаю. А въ его положеніи душа-то, пожалуй, поважнѣе. Тѣло-то мы, маменька, микстурками да припарочками подправить можемъ, а для души лѣкарства поосновательнѣе нужны.

Арина Петровна не возражала. Мысль о непредотвратимости «конца» до такой степени охватила все ея существо, что она въ какомъ-то оцѣпенѣніи присматривалась и прислушивалась ко всему, что происходило кругомъ нея. Она видѣла, какъ Іудушка, покрякивая, всталъ съ дивана, какъ онъ сгорбился, зашаркалъ ногами (онъ любилъ иногда притвориться немощнымъ: ему казалось, что такъ почтеннѣе); она понимала, что внезапное появленіе кровопивца на антресоляхъ должно глубоко взволновать больного и, можетъ-быть, даже ускорить развязку; но послѣ волненій этого дня на нее напала такая усталость, что она чувствовала себя точно во снѣ.

Покуда это происходило, Павелъ Владимірычъ находился въ неописанной тревогѣ. Онъ лежалъ на антресоляхъ совсѣмъ одинъ и въ то же время слышалъ, что въ домѣ происходитъ какое-то необычное движеніе. Всякое хлопанье дверьми, всякій шагъ въ коридорѣ отзывались чѣмъ-то таинственнымъ. Нѣкоторое время онъ звалъ и кричалъ во всю мочь, но, убѣдившись, что крики безполезны, собралъ всѣ силы, приподнялся на постели и началъ прислушиваться. Послѣ общей бѣготни, послѣ громкаго говора голосовъ, вдругъ наступила мертвая тишина. Что-то неизвѣстное, страшное обступило его со всѣхъ сторонъ. Дневной свѣтъ сквозь опущенныя гардины лился скупо, и такъ какъ въ углу передъ образомъ теплилась лампадка, то сумерки, наполнявшія комнату, казались еще темнѣе и гуще. Въ этотъ таинственный уголъ онъ и уставился глазами, точно въ первый разъ его поразило нѣчто въ этой глубинѣ. Образъ въ золоченомъ окладѣ, въ который непосредственно ударяли лучи лампадки, съ какою-то изумительной яркостью, словно что-то живое, выступалъ изъ тьмы; на потолкѣ колебался свѣтящійся кружокъ, то вспыхивая, то блѣднѣя, по мѣрѣ того, какъ усиливалось или слабѣло пламя лампадки. Внизу господствовалъ полусвѣтъ, на общемъ фонѣ котораго дрожали тѣни. На той же стѣнѣ, около освѣ-

Digitized by Google

щеннаго угла, висѣлъ халатъ, на которомъ тоже колебались полосы свѣта и тѣни, вслѣдствіе чего казалось, что онъ движется. Павелъ Владимірычъ всматривался-всматривался, и ему почудилось, что тамъ, въ этомъ углу, все вдругъ задвигалось. Одиночество, безпомощность, мертвая тишина — и посреди этого тѣни, цѣлый рой тѣней. Ему казалось, что эти тѣни идутъ, идутъ, идутъ... Въ неописанномъ ужасѣ, раскрывъ глаза и ротъ, онъ глядѣлъ въ таинственный уголъ и не кричалъ, а стоналъ. Стоналъ глухо, порывисто, точно лаялъ. Онъ не слыхалъ ни скрипа лѣстницы, ни осторожнаго шарканья шаговъ въ первой комнатѣ — какъ вдругъ у его постели выросла ненавистная фигура Іудушки. Ему померещилось, что онъ вышелъ оттуда, изъ этой тьмы, которая сейчасъ въ его глазахъ такъ таинственно шевелилась; что тамъ есть и еще, и еще... тѣни, тѣни, тѣни безъ конца! Идутъ, идутъ...

— Зачѣмъ? откуда? кто пустилъ? — инстинктивно крикнулъ онъ, безсильно опускаясь на подушку.

Іудушка стоялъ у постели, всматривался въ больного и скорбно покачивалъ головой.

— Больно? — спросилъ онъ, сообщая своему голосу ту степень елейности, какая только была въ его средствахъ.

Павелъ Владимірычъ молчалъ и безсмысленными глазами уставился въ него, словно усиливался понять. А Іудушка тѣмъ временемъ приблизился къ образу, всталъ на колѣни, умилился, сотворилъ три земныхъ поклона, всталъ и вновь очутился у постели.

— Ну, братъ, вставай! Богъ милости прислалъ! — сказалъ онъ, садясь въ кресло, такимъ радостнымъ тономъ, словно и въ самомъ дѣлѣ «милость» у него въ карманѣ была.

Павелъ Владимірычъ, наконецъ, понялъ, что передъ нимъ не тѣнь, а самъ кровопивецъ во плоти. Онъ какъ-то вдругъ съёжился, какъ будто знобить его начало. Глаза Іудушки смотрѣли свѣтло, по-родственному, но больной очень хорошо видѣлъ, что въ этихъ глазахъ скрывается «петля», которая вотъ-вотъ сейчасъ выскочитъ и захлеснетъ ему горло.

— Ахъ, братъ, братъ, какая ты бяка сдѣлался! — продолжалъ подшучивать по-родственному Іудушка. — А ты возьми да и прибодрись! Встань да и побѣги! Трускомъ-трускомъ — пусть-ка, молъ, маменька полюбуется, какими мы молодцами стали! Фу-ты, ну-ты!

— Иди, кровопивецъ, вонъ! — отчаянно крикнулъ больной.

Digitized by Google

— А-а-ахъ, братъ, братъ! Я къ тебѣ съ лаской да съ утѣшеніемъ, а ты... какое ты слово сказалъ! А-а-ахъ, грѣхъ какой! И какъ это языкъ у тебя, дружокъ, повернулся, чтобъ этакое слово родному брату сказать! Стыдно, голубчикъ, даже очень стыдно! Постой-ка, я лучше подушечку тебѣ поправлю!

Іудушка всталъ и ткнулъ въ подушку пальцемъ.

— Вотъ такъ!—продолжалъ онъ:—вотъ теперь славно! Лежи себѣ хорошохонько—хоть до завтрева поправлять не нужно!

— Уйди... ты!

— Ахъ, какъ болѣзнь-то, однако, тебя испортила! Даже характеръ въ тебѣ — и тотъ какой-то строптивый сталъ! Уйди да уйди — ну, какъ я уйду! Вотъ тебѣ испить захочется — я водички подамъ; вонъ лампадка не въ исправности—я лампадочку поправлю, маслица деревяненькаго подолью. Ты полежишь, я посижу; тихо да смирно—и не увидимъ, какъ время пройдетъ!

— Уйди, кровопивецъ!

— Вотъ ты меня бранишь, а я за тебя Богу помолюсь. Я вѣдь знаю, что ты это не отъ себя, а болѣзнь въ тебѣ говоритъ. Я, братъ, привыкъ прощать — я всѣмъ прощаю. Вотъ и сегодня — ѣду къ тебѣ, встрѣтился по дорогѣ мужичокъ и что-то сказалъ. Ну, и что-жъ, и Христосъ съ нимъ! Онъ же свой языкъ осквернилъ! А я... да не только я не разсердился, а даже перекрестилъ его—право!

— Ограбилъ... мужика?..

— Кто? я-то! Нѣтъ, мой другъ, я не граблю; это разбойники по большимъ дорогамъ грабятъ, а я — по закону дѣйствую. Лошадь его въ своемъ лугу поймалъ — ну, и ступай, голубчикъ, къ мировому! Коли скажетъ мировой, что травить чужіе луга дозволяется — и Богъ съ нимъ! А скажетъ, что травить не дозволяется—нечего дѣлать, штрафъ пожалуйте! По закону я, голубчикъ, по закону!

— Іуда предатель, мать по-міру пустилъ!

— И опять-таки скажу: хочешь сердись, хочешь не сердись, а не дѣло ты говоришь! И если-бъ я не былъ христіанинъ, я бы тоже... попретендовать за это на тебя могъ!

— Пустилъ, пустилъ, пустилъ... мать по-міру!

— Ну, перестань же, перестань! Вотъ я Богу помолюсь: можетъ-быть, ты и попокойнѣе будешь...

Какъ ни сдерживалъ себя Іудушка, но ругательства умирающаго до того его проняли, что даже губы у него искри-

Digitized by Google

вились и побѣлѣли. Тѣмъ не менѣе, лицемѣріе было до такой степени потребностью его натуры, что онъ никакъ не могъ прервать разъ начатую комедію. Съ послѣдними словами онъ дѣйствительно всталъ на колѣни и съ четверть часа воздѣвалъ руки и шепталъ. Исполнивши это, онъ возвратился къ постели умирающаго съ лицомъ успокоеннымъ, почти яснымъ.

— А вѣдь я, братъ, о дѣлѣ съ тобой поговорить пріѣхалъ, — сказалъ онъ, усаживаясь въ кресло. — Ты меня вотъ бранишь, а я о душѣ твоей думаю. Скажи, пожалуйста, когда ты въ послѣдній разъ утѣшеніе принялъ?

— Господи! да что-жъ это... уведите его! Улитка! Агашка! Кто тутъ есть?—стоналъ больной.

— Ну, ну, ну, успокойся, голубчикъ! Знаю, что ты объ этомъ говорить не любишь! Да, братъ, всегда ты дурнымъ христіаниномъ былъ и теперь такимъ же остаешься. А не худо бы, ахъ, какъ бы не худо въ такую минуту объ душѣ-то подумать! Вѣдь душа-то наша... ахъ, какъ съ ней осторожно обращаться нужно, мой другъ! Церковь-то что намъ предписываетъ? Приносите, говоритъ, моленія, благодаренія... А еще: христіанскія кончины живота нашего безболѣзненны, непостыдны, мирны — вотъ что, мой другъ! Послать бы тебѣ теперь за батюшкой, да искренно, съ раскаяніемъ... Ну, ну! не буду, не буду! А право бы такъ...

Павелъ Владимірычъ лежалъ весь багровый и чуть не задыхался. Если-бъ онъ могъ въ эту минуту разбить себѣ голову, онъ несомнѣнно сдѣлалъ бы это.

— Вотъ и насчетъ имѣнія — можетъ-быть, ты ужъ и распорядился?—продолжалъ Іудушка.—Хорошенькое, очень хорошенькое имѣньице у тебя—нечего сказать. Земля даже лучше, чѣмъ въ Головлевѣ: съ песочкомъ суглиночекъ-то! Ну, и капиталъ у тебя... Я вѣдь, братъ, ничего не знаю. Знаю только, что ты крестьянъ на выкупъ отдалъ, а что и какъ—никогда я этимъ не интересовался. Вотъ и сегодня, ѣду къ тебѣ и говорю про себя: должно-быть, у брата Павла капиталъ есть! А, впрочемъ, думаю, если и есть у него капиталъ, такъ ужъ навѣрное онъ насчетъ его распоряженіе сдѣлалъ!

Больной отвернулся и тяжело вздыхалъ.

— Не сдѣлалъ? Ну, и тѣмъ лучше: мой другъ! По закону—оно даже справедливѣе. Вѣдь не чужимъ, а своимъ же приснымъ достанется. Я, вотъ, на что ужъ хилъ—одной ногой въ могилѣ стою, а все-таки думаю: зачѣмъ же мнѣ

Digitized by Google

распоряженіе дѣлать, коль скоро законъ за меня распорядиться можетъ. И вѣдь какъ это хорошо, голубчикъ! Ни свары, ни зависти, ни кляузъ... Законъ!

Это было ужасно. Павлу Владимірычу почудилось, что онъ заживо уложенъ въ гробъ, что онъ лежитъ словно скованный, въ летаргическомъ снѣ, не можетъ ни единымъ членомъ пошевельнуть и выслушиваетъ, какъ кровопивецъ ругается надъ тѣломъ его.

— Уйди.. ради Христа... уйди!—началъ онъ, наконецъ, молить своего мучителя.

— Ну, ну, ну, успокойся, уйду! Знаю, что ты меня не любишь... Стыдно, мой другъ, очень стыдно родного брата не любить! Вотъ я такъ тебя люблю! И дѣтямъ всегда говорю: хоть братъ Павелъ и виноватъ передо мной, а я его все-таки люблю! Такъ ты, значитъ, не дѣлалъ распоряженій — и прекрасно, мой другъ! Бываетъ, впрочемъ, иногда, что и при жизни капиталъ растащатъ, особенно кто безъ родныхъ, одинъ... Ну, да ужъ я поприсмотрю... А? что? надоѣлъ я тебѣ? Ну, ну, такъ и быть, уйду! Дай, только Богу помолюсь!

Онъ всталъ, сложилъ ладони и наскоро пошепталъ.

— Прощай, другъ, не безпокойся! Почивай себѣ хорошохонько—можетъ, и дастъ Богъ! А мы съ маменькой потолкуемъ да поговоримъ — можетъ-быть, что и попридумаемъ! Я, братъ, постненькаго себѣ къ обѣду изготовить просилъ... рыбки солененькой, да грибковъ, да капустки— такъ ты ужъ меня извини! Что? или опять надоѣлъ? Ахъ, братъ, братъ!.. Ну, ну, уйду, уйду! Главное, мой другъ, не тревожься, не волнуй себя — спи себѣ да почивай! Хрр... хрр...—шутливо подразнилъ онъ въ заключеніе, рѣшаясь, наконецъ, уйти.

— Кровопивецъ!—раздалось ему вслѣдъ такимъ пронзительнымъ крикомъ, что даже онъ почувствовалъ, что его словно обожгло.

Покуда Порфирій Владимірычъ растабарываетъ на антресоляхъ, внизу бабушка Арина Петровна собрала вокругъ себя молодежь (не безъ цѣли что-нибудь вывѣдать) и бесѣдуетъ съ нею.

— Ну, ты какъ?—обращается она къ старшему внучку, Петенькѣ.

— Ничего, бабушка; вотъ на будущій годъ въ офицеры выйду.

Digitized by Google

— Выйдешь ли? Который ужъ ты годъ обѣщаешь! Экзамены, что ли, у васъ трудные—Богъ тебя знаетъ!

— Онъ, бабушка, на послѣднихъ экзаменахъ изъ «Начатковъ» срѣзался. Батюшка спрашиваетъ: «что̀ есть Богъ?» а онъ: «Богъ есть духъ... и есть духъ... и святому духу»...

— Ахъ, бѣдный ты, бѣдный! Какъ же это ты такъ? Вотъ онѣ, сироты—и то, чай, знаютъ!

— Еще бы! Богъ есть духъ невидимый... — спѣшитъ блеснуть своими познаніями Аннинька.

— Его же никто же не видѣ нигдѣ же, — перебиваетъ Любинька.

— Всевѣдущій, всеблагій, всемогущій, вездѣсущій,—продолжаетъ Аннинька.

— Камо пойду отъ духа Твоего и отъ лица Твоего камо бѣжу? Аще взыду на небо—тамо еси, аще сниду во адъ—тамо еси...

— Вотъ и ты бы такъ отвѣчалъ—съ эполетами теперь былъ бы. А ты, Володя, что̀ съ собой думаешь?

Володя багровѣетъ и молчитъ.

— Тоже, видно: «и святому духу!» Ахъ, дѣтки, дѣтки! На видъ какіе вы пустые, а никакъ науку преодолѣть не можете. И добро бы отецъ у васъ баловникъ былъ... Что̀, какъ онъ теперь съ вами?

— Все то же, бабушка.

— Колотитъ? А я вѣдь слышала, что онъ пересталъ драться-то?

— Меньше, а все-таки... А главное, надоѣдаетъ ужъ очень.

— Этого я что-то ужъ и не понимаю. Какъ это отецъ надоѣдать можетъ?

— Очень, бабушка, надоѣдаетъ. Ни уйти безъ спросу нельзя, ни взять что-нибудь... Совсѣмъ подлость!

— А вы бы спрашивались, языкъ-то, чай, не отвалится!

— Нѣтъ ужъ. Съ нимъ только заговори — онъ потомъ и не отвяжется. Постой да погоди, потихоньку да полегоньку... Ужъ очень, бабушка, скучно онъ разговариваетъ!

— Онъ, бабушка, за нами у дверей подслушиваетъ. Только на-дняхъ его Петенька и накрылъ...

— Ахъ вы проказники! Что̀-жъ онъ?

— Ничего. Я ему говорю: это — не дѣло, папенька, у дверей подслушивать; пожалуй, недолго и носъ вамъ расквасить! А онъ: «Ну, ну! ничего, ничего! Я, братъ, яко тать въ нощи!»

— Онъ, бабушка, на-дняхъ яблоко въ саду поднялъ да

Digitized by Google

къ себѣ въ шкапикъ и положилъ, а я взялъ да и съѣлъ. Такъ онъ потомъ искалъ его, искалъ, всѣхъ людей къ допросу требовалъ...

— Что это, скупъ, что ли, онъ очень сдѣлался?

— Нѣтъ, и не скупъ, а такъ какъ-то... пустяками все занимается. Бумажки прячетъ, паданцевъ ищетъ...

— Онъ всякое утро проскомидію у себя въ кабинетѣ служитъ, а потомъ намъ по кусочку просвиры даетъ... черствой-пречерствой! Только мы однажды съ нимъ штуку сдѣлали: подсмотрѣли, гдѣ у него просвиры лежатъ, надрѣзали въ просвирѣ дно, вынули мякишъ да чухонскаго масла и положили!..

— Однакожъ, вы тоже... головорѣзы!

— Нѣтъ, вы представьте на другой день его удивленье! Просвира да еще съ масломъ!

— Чай, на порядкахъ досталось вамъ?

— Ничего... Только цѣлый день плевался и все словно про себя говорилъ: «шельмы!» Ну, мы, разумѣется, на свой счетъ не приняли. А вѣдь онъ, бабушка, васъ боится!

— Чего бояться... не пугало, чай!

— Боится—это вѣрно; думаетъ, что вы проклянете его. Онъ этихъ проклятіевъ—страхъ какъ труситъ!

Арина Петровна задумывается. Сначала ей приходитъ на мысль: «а что, ежели и въ самомъ дѣлѣ... прокляну? такъ-таки возьму да и прокляну... проклинаю!» Потомъ, на смѣну этой мысли, поступаетъ другой, болѣе насущный вопросъ: «что-то Іудушка? какія-то продѣлки онъ тамъ, наверху, продѣлываетъ? Такъ, чай, и извивается!» Наконецъ, ее осѣняетъ счастливая мысль.

— Володя, — говоритъ она: — ты, голубчикъ, легонькій! Сходилъ бы потихоньку да подслушалъ бы, что у нихъ *тамъ*?

— Съ удовольствіемъ бабушка.

Володенька на цыпочкахъ направляется къ дверямъ и исчезаетъ въ нихъ.

— Какъ это вы къ намъ сегодня надумали?—начинаетъ Арина Петровна допрашивать Петеньку.

— Мы, бабушка, давно собирались, а сегодня Улитушка прислала съ нарочнымъ сказать, что докторъ былъ и что не нынче, такъ завтра дядя непремѣнно умереть долженъ.

— Ну, а насчетъ наслѣдства... былъ у васъ разговоръ?

— Мы, бабушка, цѣлый день все объ наслѣдствахъ говоримъ. Онъ все разсказываетъ, какъ прежде, еще до дѣ-

Digitized by Google

душки было... даже Горюшкино, бабушка, помнитъ. «Вотъ, говоритъ, кабы у тетеньки Варвары Михайловны дѣтей не было—намъ бы Горюшкино-то принадлежало! И дѣти-то, говоритъ, Богъ знаетъ отъ кого—ну, да не намъ другихъ судить! У ближняго сучокъ въ глазу видимъ, а у себя бревна не замѣчаемъ... Такъ-то, братъ!»

— Ишь вѣдь какой! Замужемъ, чай, тетенька-то была; коли что и было—все мужъ прикрылъ!

— Право, бабушка. И всякій разъ, какъ мы мимо Горюшкина ѣдемъ, всякій-то разъ онъ эту исторію поднимаетъ! «И бабушка Наталья Владиміровна, говоритъ, изъ Горюшкина взята была—по всѣмъ бы правамъ ему въ Головлевскомъ родѣ быть должно; анъ, папенька-покойникъ за сестрою въ приданое отдалъ! А дыни, говоритъ, какія въ Горюшкинѣ росли! По двадцати фунтовъ вѣсу — вотъ какія дыни!»

— Ужъ въ-двадцать фунтовъ! Чтой-то я объ такихъ не слыхивала! Ну, а насчетъ Дубровина какія его предположенія?

— Тоже въ этомъ родѣ. Арбузы да дыни... пустяки все! Въ послѣднее время, впрочемъ, все спрашивалъ: «А какъ вы, дѣтки, думаете — великъ у брата Павла капиталъ?» Онъ, бабушка, ужъ давно все вычислилъ: и выкупной ссуды сколько, и когда имѣніе въ опекунскій совѣтъ заложено, и сколько долгу уплачено... Мы и бумажку видѣли, на которой онъ вычисленія дѣлалъ, только мы ее, бабушка, унесли... Мы его, бабушка, этой бумажкой чуть съ ума не свели! Онъ ее въ столъ положитъ, а мы возьмемъ да въ шкапъ переложимъ; онъ въ шкапу на ключъ запретъ, а мы подберемъ ключъ, да въ просвиры засунемъ... Разъ онъ въ баню мыться пошелъ — смотритъ, а на полкѣ бумажка лежитъ!

— Веселье у васъ тамъ!

Возвращается Володенька; всѣ глаза устремляются на него.

— Ничего не слыхать, — сообщаетъ онъ шопотомъ: — только и слышно, что отецъ говоритъ: «безболѣзненны, непостыдны, мирны», а дядя ему: «уйди, кровопивецъ!»

— А насчетъ «распоряженія»... не слыхалъ?

— Кажется, было что-то, да не разобралъ... Очень ужъ, бабушка, плотно отецъ дверь захлопнулъ. Жужжитъ — и только. А потомъ дядя вдругъ какъ крикнетъ: «у-уй-дди!» Ну, я поскорѣй-поскорѣй, да и сюда!

Digitized by Google

— Хоть бы сиротамъ... — тоскуетъ въ раздумьи Арина Петровна.

— Ужъ если отцу достанется, онъ, бабушка, никому ничего не дастъ,—удостовѣряетъ Петенька.—Я даже такъ думаю, что онъ и насъ-то наслѣдства лишитъ.

— Не въ могилу же съ собой унесетъ!

— Нѣтъ, а какое-нибудь средство выдумаетъ. Онъ намеднись недаромъ съ попомъ поговаривалъ: «А что, говоритъ, батюшка, если бы вавилонскую башню выстроить—много на это денегъ потребуется!»

— Ну, это онъ такъ... можетъ, изъ любопытства...

— Нѣтъ, бабушка, проектъ у него какой-то есть. Не на вавилонскую башню, такъ въ Аѳонъ пожертвуетъ, а ужъ намъ не дастъ!

— А большое, бабушка, у отца имѣніе будетъ, когда дядя умретъ?—любопытствуетъ Володенька.

— Ну, это еще Богу извѣстно, кто прежде кого умретъ.

— Нѣтъ, бабушка, отецъ навѣрное разсчитываетъ. Давеча, только мы до дубровинской ямы доѣхали, онъ даже картузъ снялъ, перекрестился: «Слава Богу, говоритъ, опять по своей землѣ поѣдемъ!».

— Онъ, бабушка, все ужъ распредѣлилъ. Лѣсокъ увидалъ: «Вотъ, говоритъ, кабы на хозяина—ахъ, хорошъ бы былъ лѣсокъ!» Потомъ на покосецъ посмотрѣлъ: «Ай-да покосецъ! Смотри-ка, смотри-ка, стоговъ-то что наставлено! Тутъ прежде конный заводецъ былъ».

— Да, да... и лѣсокъ, и покосецъ—все ваше, голубчики, будетъ!—вздыхаетъ Арина Петровна.—Батюшка! да никакъ на лѣстницѣ-то скрипнуло!

— Тише, бабушка, тише! Это онъ... яко тать въ нощи... у дверей подслушиваетъ.

Наступаетъ молчаніе; но тревога оказывается ложною. Арина Петровна вздыхаетъ и шепчетъ про себя: «Ахъ, дѣтки, дѣтки!» Молодые люди въ упоръ глядятъ на сиротокъ, словно пожрать ихъ хотятъ; сиротки молчатъ и завидуютъ.

— А вы, кузина, мамзель Лотаръ видѣли? — заговариваетъ Петенька.

Аннинька и Любинька взглядываютъ другъ на друга точно спрашиваютъ, изъ исторіи это или изъ географіи.

— Въ «Прекрасной Еленѣ»... она на театрѣ Елену играетъ.

— Ахъ, да... Елена... это Парисъ? «Будучи прекрасенъ

Digitized by Google

и молодъ, онъ разжегъ сердца богинь»... Знаемъ, знаемъ!— обрадовалась Любинька.

— Это, это самое и есть. А какъ она «cas-ca-ader, ca-as-cader» выдѣлываетъ... Прелесть!

— У насъ давеча докторъ все «кувыркомъ» пѣлъ.

— «Кувыркомъ»—эта покойная Лядова... Вотъ, кузина, прелесть-то была! Когда умерла, такъ тысячи двѣ человѣкъ за гробомъ шли... думали, что революція будетъ!

— Да ты объ театрахъ, что ли, болтаешь!—вмѣшивается Арина Петровна: — такъ имъ, мой другъ, не по театрамъ ѣздить, а въ монастырь...

— Вы, бабушка, все насъ въ монастырѣ похоронить хотите!—жалуется Аннинька.

— А вы, кузина, вмѣсто монастыря-то въ Петербургъ укатите! Мы вамъ тамъ все покажемъ!

— У нихъ, мой другъ, не удовольствія на умѣ должны быть, а божественное,—продолжаетъ наставительно Арина Петровна.

— Мы ихъ, бабушка, въ Сергіеву пустынь на лихачѣ прокатимъ—вотъ и божественное будетъ.

У сиротокъ даже глазки разгорѣлись и кончики носиковъ покраснѣли при этихъ словахъ.

— А какъ, говорятъ, поютъ у Сергія! — восклицаетъ Аннинька.

— Съ тѣмъ ужъ, кузина, возьмите. *Трисвятую пѣснь приличающе*—даже отецъ такъ не споетъ. А потомъ мы бы васъ по всѣмъ тремъ Подъяческимъ покатали.

— Мы бы васъ, кузина, всему-всему научили! Въ Петербургѣ вѣдь такихъ, какъ вы, барышень очень много: ходятъ да каблучками постукиваютъ.

— Развѣ что этому научите! — вступается Арина Петровна.—Ужъ оставьте вы ихъ, Христа ради... учители! Тоже учить собрались... наукамъ, должно-быть! Вотъ я съ ними, какъ Павелъ умретъ, въ Хотьковъ уѣду... и такъ-то мы тамъ заживемъ!

— А вы все сквернословите?—вдругъ раздалось въ дверяхъ.

Посреди разговора никто и не слыхалъ, какъ подкрался Іудушка, яко татъ въ нощи! Онъ весь въ слезахъ, голова поникла, лицо блѣдно, руки сложены на груди, губы шепчутъ. Нѣкоторое время онъ ищетъ глазами образа, наконецъ находитъ и съ минуту возноситъ свой духъ.

Digitized by Google

— Плохъ! ахъ, какъ плохъ!—наконецъ восклицаетъ онъ, обнимая милаго друга маменьку.

— Неужто ужъ такъ?

— Очень, очень дуренъ, голубушка... А помните, какимъ онъ прежде молодцомъ былъ!

— Ну, когда же молодцомъ?.. Что-то я этого не помню!

— Ахъ, нѣтъ, маменька, не говорите! Всегда онъ... я какъ сейчасъ помню, какъ онъ изъ корпуса вышелъ: стройный такой, широкоплечій, кровь съ молокомъ... Да, да! Такъ-то, мой другъ маменька! Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ! Сегодня и здоровы, и сильны, и пожить бы, и пожуировать бы, и сладенькаго скушать, а завтра...

Онъ махнулъ рукой и умилился.

— Поговорилъ ли онъ, по крайней мѣрѣ?

— Мало, голубушка; только молвилъ: «прощай, братъ!» А вѣдь онъ, маменька, чувствуетъ! Чувствуетъ, что ему плоко приходится!

— Будешь, батюшка, чувствовать, какъ грудь-то ходуномъ ходитъ!

— Нѣтъ, маменька, я не объ томъ. Я объ прозорливости; прозорливость, говорятъ, человѣку дана; который человѣкъ умираетъ—всегда тотъ зараньше чувствуетъ. Вотъ грѣшникамъ—тѣмъ въ этомъ утѣшеньи отказано.

— Ну, ну! Объ «распоряженіи» не говорилъ ли чего?

— Нѣтъ, маменька. Хотѣлъ онъ, что-то сказать, да я остановилъ. Нѣтъ говорю, нечего объ распоряженіяхъ разговаривать! Что ты мнѣ, братъ, по милости своей, оставишь—я всѣмъ буду доволенъ, а ежели и ничего не оставишь—и даромъ за упокой помяну! А какъ ему, маменька, пожить-то хочется! Такъ хочется, такъ хочется!

— И всякому пожить хочется!

— Нѣтъ, маменька, вотъ я объ себѣ скажу. Ежели Господу Богу угодно призвать меня къ себѣ—хоть сейчасъ готовъ.

— Хорошо, какъ къ Богу, а ежели къ сатанѣ угодишь?

Въ такомъ духѣ разговоръ длится и до обѣда, и во время обѣда, и послѣ обѣда. Аринѣ Петровнѣ даже на стулѣ не сидится отъ нетерпѣнія. По мѣрѣ того, какъ Іудушка растабариваетъ, ей все чаще и чаще приходитъ на мысль: «а что ежели... прокляну?» Но Іудушка даже и не подозрѣваетъ того, что въ душѣ матери происходитъ цѣлая буря, онъ смотритъ такъ ясно и продолжаетъ себѣ потихоньку да полегоньку притѣснять милаго друга маменьку своей безнадежною канителью.

Digitized by Google

«Прокляну! прокляну! прокляну!»—все рѣшительнѣе да рѣшительнѣе повторяетъ про себя Арина Петровна.

Въ комнатахъ пахнетъ ладаномъ: по дому раздается протяжное пѣніе; двери отворены настежь: желающіе поклониться покойному приходятъ и уходятъ. При жизни никто не обращалъ вниманія на Павла Владимірыча, со смертью его — всѣмъ сдѣлалось жалко. Припоминали, что онъ «никого не обидѣлъ», «никому грубаго слова не сказалъ», «ни на кого не взглянулъ косо». Всѣ эти качества, казавшіяся прежде отрицательными, теперь представлялись чѣмъ-то положительнымъ, и изъ неясныхъ обрывковъ обычнаго похороннаго празднословія вырисовывался типъ «добраго барина». Многіе въ чемъ-то раскаивались, что по временамъ пользовались простотою покойнаго въ ущербъ ему—да вѣдь кто же зналъ, что этой простотѣ такъ скоро конецъ настанетъ! Жила-жила простота, думали, что ей и вѣку не будетъ, а она вдругъ... А была бы жива простота— и теперь бы ее накаливали: накаливай ребята! что дуракамъ въ зубы смотрѣть! Одинъ мужичокъ принесъ Іудушкѣ три цѣлковыхъ и сказалъ:

— Должокъ за мной покойному Павлу Владимірычу былъ. Записокъ промежду насъ не было—такъ вотъ!

Іудушка взялъ деньги, похвалилъ мужика и сказалъ, что онъ эти три цѣлковыхъ на маслицо для «неугасимой» отдастъ.

— И ты, дружокъ, будешь видѣть, и всѣ будутъ видѣть, а душа покойнаго радоваться будетъ. Можетъ, онъ что-нибудь и вымолитъ *тамъ* для тебя! Ты и не ждешь—анъ, вдругъ тебѣ Богъ счастья пошлетъ!

Очень возможно, что въ мірской оцѣнкѣ качествъ покойнаго неясно участвовало и сравненіе. Іудушку не любили. Не то чтобъ его нельзя было обойти, а очень ужъ онъ пустяки любилъ, надоѣдалъ да приставалъ. Даже земельные участки немногіе рѣшились у него кортомить, потому что онъ сдастъ участокъ, да за каждый лишній запаханный или закошенный вершокъ, за каждую пропущенную минуту въ уплатѣ долга сейчасъ начнетъ съемщика по судамъ таскать. Многихъ онъ такъ-то затаскалъ и самъ ничего не выигралъ (его привычку кляузничать такъ вездѣ знали, что, почти не разбирая дѣлъ, отказывали въ его претензіяхъ), и народъ волокитами да прогулами разорилъ. «Не купи двора, а купи сосѣда», говоритъ пословица, а у всѣхъ

Digitized by Google

на знати, каковъ сосѣдъ—головлевскій баринъ. Нужды нѣтъ, что мировой тебя оправитъ,—онъ тебя своимъ судомъ, сатанинскимъ, изведетъ. И такъ какъ злость (даже не злость а скорѣе нравственное окостенѣніе), прикрытая лицемѣріемъ, всегда наводитъ какой-то суевѣрный страхъ, то новые «сосѣди» (Іудушка очень привѣтливо называетъ ихъ «сосѣдушками») боязливо кланялись въ поясъ, проходя мимо кровопивца, который, весь въ черномъ, стоялъ у гроба съ сложенными ладонями и воздѣтыми вверхъ глазами.

Покуда покойникъ лежалъ въ домѣ, домашніе ходили на цыпочкахъ, заглядывали въ столовую (тамъ, на обѣденномъ столѣ, былъ поставленъ гробъ), качали головами, шепталисъ. Іудушка притворялся чуть живымъ, шаркалъ по коридору, заходилъ къ «покойничку», умилялся, поправлялъ на гробѣ покровъ и шепталсся съ становымъ приставомъ, который составлялъ описи и прикладывалъ печати. Петенька и Володенька суетились около гроба, ставили и зажигали свѣчки, подавали кадило и проч. Аннинька и Любинька плакали и сквозь слезы тоненькими голосами подпѣвали дьячкамъ на панихидахъ! Дворовыя женщины, въ черныхъ коленкоровыхъ платьяхъ, утирали передниками раскраснѣвшіеся отъ слезъ носы.

Арина Петровна тотчасъ же, какъ послѣдовала смерть Павла Владимірыча, ушла въ свою комнату и заперлась тамъ. Ей было не до слезъ, потому что она сознавала, что сейчасъ же должна была на что-нибудь рѣшиться. Оставаться въ Дубровинѣ она и не думала... «Ни за что!»—слѣдовательно предстояло одно: ѣхать въ Погорѣлку, имѣніе сиротъ, то самое, которое нѣкогда представляло «кусокъ», выброшенный ею непочтительной дочери Аннѣ Владиміровнѣ. Принявши это рѣшеніе, она почувствовала себя облегченною, какъ будто Іудушка вдругъ и навсегда потерялъ всякую власть надъ нею. Спокойно пересчитала пяти-процентные билеты (капиталу оказалось: своего пятнадцать тысячъ, да столько же сиротскаго, ею накопленнаго), и спокойно же сообразила, сколько нужно истратить денегъ, чтобы привести погорѣлковскій домъ въ порядокъ. Затѣмъ немедленно послала за погорѣлковскимъ старостой, отдала нужныя приказанія насчетъ найма плотниковъ и присылки въ Дубровино подводъ за ея и сиротскими пожитками, велѣла готовить тарантасъ (въ Дубровинѣ стоялъ ея *собственный* тарантасъ, и она имѣла *доказательства,* что онъ ея *собственный)* и начала укладываться. Къ Іудушкѣ она не чув-

Digitized by Google

ствовала ни ненависти, ни расположенія: ей просто сдѣлалось противно съ нимъ дѣло имѣть. Даже ѣла она неохотно и мало, потому что съ нынѣшняго дня приходилось ѣсть уже не Павлово, а Іудушкино. Нѣсколько разъ Порфирій Владимірычъ заглядывалъ въ ея комнату, чтобъ покалякать съ милымъ другомъ маменькой (онъ очень хорошо понималъ ея приготовленія къ отъѣзду, но дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ), но Арина Петровна не допускала его.

— Ступай, мой другъ, ступай,—говорила она:—мнѣ некогда.

Черезъ три дня у Арины Петровны все было уже готово къ отъѣзду. Отстояли обѣдню, отпѣли и схоронили Павла Владимірыча. На похоронахъ все произошло точно такъ, какъ представляла себѣ Арина Петровна въ то утро, какъ Іудушкѣ пріѣхать въ Дубровино. Именно такъ крикнулъ Іудушка: «прощай братъ!» когда опускали гробъ въ могилу, именно такъ же обратился онъ вслѣдъ затѣмъ къ Улитушкѣ и торопливо сказалъ:

— Кутью-то, кутью-то не позабудьте взять, да въ столовой на чистенькую скатертцу поставьте... Чай, и въ домѣ братца помянуть придется!

Къ обѣду, который по обычаю былъ поданъ сейчасъ, какъ пришли съ похоронъ, были приглашены три священника (въ томъ числѣ отецъ благочинный) и дьяконъ. Дьячкамъ была устроена особая трапеза въ прихожей. Арина Петровна и сироты вышли въ дорожномъ платьѣ, но Іудушка и тутъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ. Подойдя къ закускѣ, Порфирій Владимірычъ попросилъ отца благочиннаго благословить яствіе и питіе, затѣмъ налилъ себѣ и духовнымъ отцамъ по рюмкѣ водки, умилился и произнесъ:

— Новопреставленному, вѣчная память! Ахъ, братъ, братъ, оставилъ ты насъ! А кому бы, кажется, и пожить, какъ не тебѣ. Дурной ты, братъ, нехорошій!

Сказалъ перекрестился и выпилъ. Потомъ опять перекрестился и проглотилъ кусочекъ искры, опять перекрестился— и балычка отвѣдалъ.

— Кушайте, батюшка!—убѣждалъ онъ отца благочиннаго.—Все это—запасы покойнаго братца! Любилъ покойникъ покушать! И самъ хорошо кушалъ, а еще больше другихъ любилъ угостить! Ахъ, братъ, братъ! оставилъ ты насъ! Нехорошій ты, братъ, недобрый!

Словомъ сказать, такъ зарапортовался, что даже позабылъ объ маменькѣ. Только тогда вспомнилъ, какъ ужъ рыжич-

Digitized by Google

ковъ зачерпнулъ и совсѣмъ-было собрался ложку въ ротъ отправить.

— Маменька! голубчикъ!—всполошился онъ.—А я-то, простофиля, уписываю—ахъ, грѣхъ какой! Маменька! закусочки! рыжичковъ! Дубровинскіе вѣдь рыжички-то! Знаменитые!

Но Арина Петровна только безмолвно кивнула головой въ отвѣтъ и не двинулась. Казалось, она съ любопытствомъ къ чему-то прислушивалась. Какъ будто какой-то свѣтъ пролился у нея передъ глазами, и вся эта комедія, къ повторенію которой она съ малолѣтства привыкла, въ которой сама всегда участвовала, вдругъ показалось ей совсѣмъ новой, невиданною.

Обѣдъ начался съ родственныхъ пререканій. Іудушка настаивалъ, чтобы маменька на хозяйское мѣсто сѣла; Арина Петровна отказывалась.

— Нѣтъ, ты здѣсь хозяинъ, ты и садись, куда тебѣ хочется!—сухо проговорила она.

— Вы—хозяйка! Вы, маменька, вездѣ хозяйка: и въ Головлевѣ, и въ Дубровинѣ—вездѣ!—убѣждалъ Іудушка.

— Нѣтъ ужъ, садись! Гдѣ мнѣ хозяйкой Богъ приведетъ быть, такъ я и сама сяду, гдѣ вздумается. А здѣсь ты хозяинъ—ты и садись!

— Такъ мы вотъ что сдѣлаемъ,—умилился Іудушка:—мы хозяйскій-то приборъ незанятымъ оставимъ! Какъ будто братъ здѣсь невидимо съ нами сотрапезуетъ... Онъ—хозяинъ, а мы гостями будемъ!

Такъ и сдѣлали. Покуда разливали супъ, Іудушка, выбравъ приличный сюжетъ, начинаетъ бесѣду съ батюшками, преимущественно, впрочемъ, обращая рѣчь къ отцу благочинному.

— Вотъ многіе нынче въ безсмертіе души не вѣрятъ... а я вѣрю!—говоритъ онъ.

— Ужъ это развѣ отчаянные какіе-нибудь!—отвѣтилъ отецъ благочинный.

— Нѣтъ, и не отчаянные, а наука такая есть. Будто бы человѣкъ самъ собою... Живетъ, это, и вдругъ—умеръ.

— Очень ужъ много этихъ наукъ нынче развелось—попубавить бы! Наукамъ вѣрятъ, а въ Бога не вѣрятъ. Даже мужики—и тѣ въ ученые норовятъ.

— Да, батюшка, правда ваша. Хотятъ, хотятъ въ ученые попасть. У меня вотъ нагловскіе: ѣсть нечего, а намеднись приговоръ написали—училище открывать хотятъ... Ученые!

— Противъ всего нынче науки пошли. Противъ дождя—наука, противъ вёдра—наука. Прежде, бывало, попросту:

Digitized by Google

придутъ да молебенъ отслужатъ—и дастъ Богъ, Вёдро нужно—вёдро Господь пошлетъ; дождя нужно—и дождя у Бога не занимать стать. Всего у Бога довольно. А съ тѣхъ поръ какъ по наукѣ начали жить—словно вотъ отрѣзало: все пошло безо времени. Сѣять нужно—засуха, косить нужно—дождикъ!

— Правда, ваша, батюшка, святая ваша правда. Прежде какъ Богу-то чаще молились, и земля лучше родила. Урожаи-то были не нынѣшніе, самъ-четвертъ да самъ-пятъ—сторицею давала земля. Вотъ, маменька, чай, помнитъ? Помните, маменька?—обращается Іудушка къ Аринѣ Петровнѣ съ намѣреніемъ и ее вовлечь въ разговоръ.

— Не слыхала, чтобъ въ нашей сторонѣ... Ты, можетъ, объ ханаанской землѣ читалъ—тамъ, сказываютъ, дѣйствительно это бывало,—сухо отзывается Арина Петровна.

— Да, да, да,—говоритъ Іудушка, какъ бы не слыша замѣчанія матери:—въ Бога не вѣрятъ, безсмертія души не признаютъ... а жрать хотятъ!

— Именно—только бы жрать бы, да пить бы!—вторилъ отецъ благочинный, засучивая рукава своей рясы, чтобы положить на тарелку кусокъ поминальнаго пирога.

Всѣ принимаются за супъ; нѣкоторое время только и слышится, какъ лязгаютъ ложки о тарелки да фыркаютъ попы, дуя на горячую жидкость.

— А вотъ католики,—продолжаетъ Іудушка, переставая ѣсть:—такъ тѣ хотя безсмертія души и не отвергаютъ, но взамѣнъ того говорятъ, будто бы душа не прямо въ адъ или въ рай попадаетъ, а на нѣкоторое время... въ среднее какое-то мѣсто поступаетъ.

— И это опять неосновательно.

— Какъ бы вамъ сказать, батюшка...—задумывается Порфирій Владимірычъ.—Коли начать говорить съ точки зрѣнія...

— Нечего объ пустякахъ говорить. Святая церковь какъ поетъ? Поетъ: «Въ мѣстѣ злачномъ, въ мѣстѣ прохладномъ, идѣ же нѣсть ни печали, ни воздыханія»... Объ какомъ же тутъ «среднемъ» мѣстѣ еще разговаривать!

Іудушка, однакожъ, не вполнѣ соглашается и хочетъ кой-что возразить, но Арина Петровна, которую начинаетъ ужъ коробить отъ этихъ разговоровъ, останавливаетъ его.

— Ну, ужъ ѣшь, ѣшь... богословъ! И супъ, чай, давно простылъ!—говоритъ она и, чтобы перемѣнить разговоръ,

Digitized by Google

обращается къ отцу благочинному:—Съ рожью-то, батюшка, убрались?

— Убрался, сударыня; нынче рожь хороша, а вотъ яровые—не обѣщаютъ! Овсы зерна не успѣли порядкомъ налить, а ужъ мѣшаться начали. Ни зерна, ни соломы ожидать нельзя.

— Вездѣ нынче на овсы жалуются!—вздыхаетъ Арина Петровна, слѣдя за Іудушкой, какъ онъ вычерпываетъ ложкой остатки супа.

Подаютъ другое кушанье: ветчину съ горошкомъ. Іудушка пользуется этимъ случаемъ, чтобъ возобновить прерванный разговоръ.

— Вотъ жиды этого кушанья не ѣдятъ,—говоритъ онъ.

— Жиды — пакостники, — отзывается отецъ благочинный:—ихъ за это свинымъ ухомъ дразнятъ.

— Однакожъ, вотъ и татары... Какая-нибудь причина этому да есть.

— И татары тоже пакостники—вотъ и причина.

— Мы конины не ѣдимъ, а татары—свининой брезгаютъ. Вотъ въ Парижѣ, сказываютъ, крысъ во время осады ѣли.

— Ну, тѣ—французы!

Такимъ образомъ идетъ весь обѣдъ. Подаютъ карасей въ сметанѣ—Іудушка объясняетъ:

— Кушайте, батюшка! Это караси особенные: покойный братецъ ихъ очень любилъ!

Подаютъ спаржу—Іудушка говоритъ:

— Вотъ это такъ спаржа! Въ Петербургѣ за этакую спаржу рубликъ серебрецомъ платить надо. Покойный братецъ самъ за нею ухаживалъ! Вотъ она, Богъ съ ней, толстая какая!

У Арины Петровны такъ и кипитъ сердце: цѣлый часъ прошелъ, а обѣдъ только въ половинѣ. Іудушка словно нарочно медлитъ: поѣстъ, потомъ положитъ ножикъ и вилку, покалякаетъ, потомъ опять поѣстъ, и опять покалякаетъ. Сколько разъ, въ бывалое время, Арина Петровна крикивала за это на него: «да ѣшь же, прости Господи, сатана!»—да, видно, онъ позабылъ маменькины наставленія. А можетъ-быть, и не позабылъ, а нарочно дѣлаетъ, мститъ. А можетъ-быть, даже и не мститъ сознательно, а такъ нутро его, отъ природы ехидное, играетъ. Наконецъ, подали жаркое: въ ту самую минуту, какъ всѣ встали и отецъ дьяконъ затянулъ «о блаженномъ успеніи», въ коридорѣ

Digitized by Google

поднялась возня, послышались крики, которые совсѣмъ уничтожили эффектъ заупокойнаго возгласа.

— Что тамъ за шумъ?—крикнулъ Порфирій Владимірычъ.—Въ кабакъ, что ли, забрались?

— Не кричи, сдѣлай милость! Это я... это мои сундуки перетаскиваютъ,—отозвалась Арина Петровна и не безъ иронiи прибавила:—Будешь, что ли, осматривать?

Всѣ вдругъ смолкли; даже Іудушка не нашелся и поблѣднѣлъ. Онъ, впрочемъ, сейчасъ же сообразилъ, что надо какъ-нибудь замять непрiятную апострофу матери, и, обратясь къ отцу благочинному, началъ:

— Вотъ тетеревъ, напримѣръ... Въ Россiи ихъ множество, а въ другихъ странахъ...

— Да ѣшь, Христа ради; намъ вѣдь двадцать пять верстъ ѣхать; надо засвѣтло поспѣвать,—прервала его Арина Петровна.—Петенька! поторопи тамъ, голубчикъ, чтобъ пирожное подавали!

Нѣсколько минутъ длилось молчанiе. Порфирій Владимірычъ живо доѣлъ свой кусокъ тетерьки и сидѣлъ блѣдный, постукивая ногой въ полъ и вздрагивая губами.

— Обижаете вы меня, добрый другъ маменька! Крѣпко вы меня обижаете!—наконецъ, произноситъ онъ, не глядя, впрочемъ, на мать.

— Кто тебя обидитъ! И чѣмъ это я такъ... крѣпко тебя обидѣла?

— Очень, очень обидно... Такъ обидно! такъ обидно! Въ такую минуту... уѣзжать!.. Все жили да жили... и вдругъ... И, наконецъ, эти сундуки... осмотръ... Обидно!

— Ужъ коли ты хочешь все знать, такъ я могу и отвѣтъ дать. Жила я тутъ, покуда сынъ Павелъ былъ живъ; умеръ онъ—я и уѣзжаю. А что касается до сундуковъ, такъ Улитка давно за мной, по твоему приказанью, слѣдитъ. А по мнѣ, лучше прямо сказать матери, что она въ подозрѣнiи состоитъ, нежели, какъ змѣя, изъ-за чужой спины на нее шипѣть.

— Маменька! другъ мой! да вы... да я...—простоналъ Іудушка.

— Будетъ!—не дала ему продолжать Арина Петровна.—Я высказалась.

— Но чѣмъ же, другъ мой, я могъ...

— Говорю тебѣ: я высказалась—и оставь. Отпусти меня, ради Христа, съ миромъ. Тараntасъ, чу, готовъ.

Дѣйствительно, на дворѣ раздались бубенчики и стукъ

Digitized by Google

подъѣзжающаго экипажа. Арина Петровна первая встала изъ-за стола; за ней поднялись и прочіе.

— Ну, теперь присядемте на минутку, да и въ путь!— сказала она, направляясь въ гостиную.

Посидѣли, помолчали, а тѣмъ временемъ Іудушка совсѣмъ ужъ успѣлъ оправиться.

— А не то пожили бы, маменька, въ Дубровинѣ... Посмотрите-ка, какъ здѣсь хорошо! — сказалъ онъ, глядя матери въ глаза съ ласковостью провинившагося пса.

— Нѣтъ, мой другъ, будетъ! Не хочу я тебѣ, на прощаніе, непріятнаго слова сказать... а нельзя мнѣ здѣсь оставаться! Нѣ у чего! Батюшка, помолимтесь!

Всѣ встали и помолились; затѣмъ Арина Петровна со всѣми перецѣловалась, всѣхъ благословила, по-родственному, и, тяжело ступая ногами, направилась къ двери. Порфирій Владимірычъ, во главѣ всѣхъ домашнихъ, проводилъ ее до крыльца, но тутъ, при видѣ тарантаса, его смутилъ бѣсъ любомудрія. «А тарантасъ-то вѣдь братцевъ!»— блеснуло у него въ головѣ.

— Такъ увидимся, добрый другъ маменька! — сказалъ онъ, подсаживая мать и искоса поглядывая на тарантасъ.

— Коли Богъ велитъ... отчего же не увидѣться!

— Ахъ, маменька, маменька, проказница вы — право! Велите-ка тарантасъ-то отложить, да съ Богомъ на старое гнѣздышко... Право! — лебезилъ Іудушка.

Арина Петровна не отвѣчала; она совсѣмъ ужъ усѣлась и крестное знаменіе даже сотворила, но сиротки что-то медлили.

А Іудушка, между тѣмъ, поглядывалъ да поглядывалъ на тарантасъ.

— Такъ тарантасъ-то, маменька, какъ же? Вы сами доставите или прислать за нимъ прикажете?—наконецъ, не выдержалъ онъ.

Арина Петровна даже затряслась вся отъ негодованія.

— Тарантасъ мой! — крикнула она такимъ болѣзненнымъ крикомъ, что всѣмъ сдѣлалось и неловко, и совѣстно.—Мой! мой! Мой тарантасъ! Я его... у меня доказательства... свидѣтели есть! А ты... а тебя... ну, да ужъ подожду... посмотрю, что дальше отъ тебя будетъ! Дѣти! долго ли?

— Помилуйте, маменька! я вѣдь не въ претензіи... Если-бъ даже тарантасъ былъ дубровинскій...

Digitized by Google

— Мой, тарантасъ, мой! Не дубровинскій, а мой! Не смѣй говорить... Слышишь!

— Слушаю, маменька... Такъ вы, голубушка, не забывайте насъ... попросту, знаете, безъ затѣй! Мы къ вамъ, вы къ намъ... по-родственному!

— Сѣли, что ли? Трогай! —крикнула Арина Петровна, едва сдерживая себя.

Тарантасъ дрогнулъ и покатился мелкой рысцой по дорогѣ. Іудушка стоялъ на крыльцѣ, махалъ платкомъ и, покуда тарантасъ не скрылся совсѣмъ изъ виду, кричалъ ему вслѣдъ:

— По-родственному! Мы къ вамъ, вы къ намъ!.. По-родственному!

III.—Семейные итоги.

Никогда не приходило Аринѣ Петровнѣ на мысль, что можетъ наступить минута, когда она будетъ представлять собой «лишній ротъ» — и вотъ эта минута подкралась именно въ такую пору, когда она въ первый разъ въ жизни практически убѣдилась, что нравственныя и физическія ея силы подорваны. Такія минуты всегда приходятъ внезапно: хотя человѣкъ, быть-можетъ, ужъ давно надломленъ, но все-таки еще перемогается и стоитъ—и вдругъ откуда-то сбоку наносится послѣдній ударъ. Подстеречь этотъ ударъ, сознать его приближеніе очень трудно; приходится просто и безмолвно покориться ему, ибо это—тотъ самый ударъ, который недавняго бодраго человѣка мгновенно и безапеляціонно превращаетъ въ развалину.

Тяжело было положеніе Арины Петровны, когда она, разорвавши съ Іудушкой, поселилась въ Дубровинѣ; но тогда она, по крайней мѣрѣ, знала, что Павелъ Владимірычъ хоть и косо смотритъ на ея вторженіе, но все-таки онъ человѣкъ достаточный, для котораго лишній кусокъ не много значитъ. Теперь дѣло приняло совсѣмъ иной оборотъ: она стояла во главѣ такого хозяйства, гдѣ всѣ «куски» были на счету. А она знала цѣну этимъ «кускамъ», ибо, проведя всю жизнь въ деревнѣ, въ общеніи съ крестьянскимъ людомъ, вполнѣ усвоила себѣ крестьянское представленіе объ ущербѣ, который наноситъ «лишній ротъ» хозяйству, и безъ того уже скудному.

Тѣмъ не менѣе, первое время по переселеніи въ Погорѣлку она еще бодрилась, хлопотливо устраивалась на новомъ мѣстѣ и выказывала прежнюю ясность хозяйствен-

Digitized by Google

ныхъ соображеній. Но хозяйство въ Погорѣлкѣ было суетливое, мелочное, требовало ежеминутнаго личнаго присмотра, и хотя сгоряча ей показалось, что достигнуть точнаго учета тамъ, гдѣ изъ полушекъ составляются гроши, а изъ грошей гривенники, не составляетъ никакой мудрости, однако, скоро она должна была сознаться, что это—убѣжденіе ошибочное. Мудрости, дѣйствительно, не было, но и не было ни прежней охоты, ни прежнихъ силъ. Къ тому же, дѣло происходило осенью, въ самый разгаръ хозяйственныхъ итоговъ, а между тѣмъ время стояло ненастное и полагало невольный предѣлъ усердію Арины Петровны. Явились старческія немощи, не дозволявшія выходить изъ дома: настали длинные, тоскливые осенніе вечера, осуждавшіе на фаталистическую праздность. Старуха волновалась и рвалась, но ничего не могла сдѣлать.

Съ другой стороны, она не могла не замѣтить, что и съ сиротами дѣлается что-то неладное. Онѣ вдругъ заскучали и опустили головы. Какіе-то смутные планы будущаго волновали ихъ,—планы, въ которыхъ представленія о трудѣ шли вперемежку съ представленіями объ удовольствіяхъ, конечно, самаго невиннаго свойства. Тутъ были и воспоминанія объ институтѣ, въ которомъ онѣ воспитывались, и вычитанныя урывками мысли о людяхъ труда, и робкая надежда, съ помощью институтскихъ связей, ухватиться за какую-то нить и при ея пособіи войти въ свѣтлое царство человѣческой жизни. Надъ всей этой смутностью, тѣмъ не менѣе, господствовала одна щемящая и очень опредѣленная мысль: во что бы то ни стало уйти изъ постылой Погорѣлки. И вотъ, въ одно прекрасное утро, Аннинька и Любинька объявили бабушкѣ, что долѣе оставаться въ Погорѣлкѣ не могутъ и не хотятъ. Что это ни на что не похоже, что онѣ въ Погорѣлкѣ никого не видятъ, кромѣ попа, который къ тому же постоянно, при свиданіи съ ними, почему-то заговариваетъ о дѣвахъ, погасившихъ свои свѣтильники, и что вообще—«такъ нельзя». Дѣвицы говорили рѣзко, ибо боялись бабушки, и тѣмъ больше напускали на себя храбрости, чѣмъ больше ждали съ ея стороны гнѣвной вспышки и отпора. Но, къ удивленію, Арина Петровна выслушала ихъ сѣтованія не только безъ гнѣва, но даже не выказавъ поползновенія къ безплоднымъ поученіямъ, на которыя такъ таровата безсильная старость. Увы! это была ужъ не та властная женщина, которая во времена оны съ увѣренностью говаривала: «Уѣду въ Хотъ-

Digitized by Google

козъ и внучатъ съ собой возьму». И не одно старческое безсиліе участвовало въ этой перемѣнѣ, но и пониманіе чего-то лучшаго, болѣе справедливаго. Послѣдніе удары судьбы не просто смирили ее, но еще освѣтили въ ея умственномъ кругозорѣ нѣкоторые уголки, въ которые мысль ея, повидимому, никогда дотолѣ не заглядывала. Она поняла, что въ человѣческомъ существѣ кроются извѣстныя стремленія, которыя могутъ только дремать, но, разъ проснувшись, уже неотразимо влекутъ человѣка туда, гдѣ прорѣзывается лучъ жизни, тотъ отрадный лучъ, появленіе котораго такъ давно подстерегали глаза среди безнадежной мглы настоящаго. И, разъ понявъ законность подобнаго стремленія, она ужъ была безсильна противодѣйствовать ему. Правда, она отговаривала внучекъ отъ ихъ намѣренія, но слабо, безъ убѣжденія; она безпокоилась насчетъ ожидающаго ихъ будущаго, тѣмъ болѣе, что сама не имѣла никакихъ связей въ такъ-называемомъ свѣтѣ, но въ то же время чувствовала, что разлука съ дѣвушками есть дѣло должное, неизбѣжное. Что съ ними будетъ?—этотъ вопросъ вставалъ передъ ней назойливо и ежеминутно; но вѣдь ни этимъ вопросомъ, ни даже болѣе страшными—не удержишь того, кто рвется на волю. А дѣвушки только о томъ и твердили, чтобъ вырваться изъ Погорѣлки. И дѣйствительно, послѣ немногихъ колебаній и отсрочекъ, сдѣланныхъ въ угоду бабушкѣ, уѣхали.

Съ отъѣздомъ сиротъ погорѣлковскій домъ окунулся въ какую-то безнадежную тишину. Какъ ни сосредоточенна была Арина Петровна по природѣ, но близость человѣческаго дыханія производила и на нее успокоительное дѣйствіе. Проводивши внучекъ, она, можетъ-быть, въ первый разъ почувствовала, что отъ ея существа что-то оторвалось и что она разомъ получила какую-то безграничную свободу, до того безграничную, что она уже ничего не видѣла передъ собой, кромѣ пустого пространства. Чтобъ какъ-нибудь скрыть въ собственныхъ глазахъ эту пустоту, она распорядилась немедленно заколотить парадныя комнаты и мезонинъ, въ которомъ жили сироты («кстати и дровъ меньше выходить будетъ»,—думала она при этомъ), а для себя отдѣлила всего двѣ комнаты, изъ которыхъ въ одной помѣщался большой кіотъ съ образами, а другая представляла въ одно и то же время спальную, кабинетъ и столовую. Прислугу тоже, ради экономіи, распустила, оставивъ при себѣ только старую, едва таскающую ноги ключницу

Digitized by Google

Афимьюшку, да одноглазую солдатку Марковну, которая готовила кушанье и стирала бѣлье. Но всѣ эти предосторожности помогли мало: ощущеніе пустоты не замедлило проникнуть и въ тѣ двѣ комнаты, въ которыхъ она думала отгородиться отъ него. Безпомощное одиночество и унылая праздность — вотъ два врага, съ которыми она очутилась лицомъ къ лицу и съ которыми отнынѣ обязывалась коротать свою старость. И вслѣдъ за ними не заставила себя ждать и работа физическаго и нравственнаго разрушенія, работа тѣмъ болѣе жестокая, чѣмъ меньше отпора даетъ ей праздная жизнь.

Дни чередовались днями съ тѣмъ удручающимъ однообразіемъ, которымъ такъ богата деревенская жизнь, если она не обставлена ни комфортомъ, ни хозяйственнымъ трудомъ, ни матеріаломъ, дающимъ пищу для ума. Независимо отъ внѣшнихъ причинъ, дѣлавшихъ личный хозяйственный трудъ недоступнымъ, Аринѣ Петровнѣ и внутренно сдѣлалась противною та грошовая суета, которая застигла ее подъ конецъ жизни. Можетъ-быть, она бы и перемогла свое отвращеніе, если-бъ была въ виду цѣль, которая оправдывала бы ея усилія, но именно цѣли-то и не было. Всѣмъ она опостылѣла, надоѣла, и ей все и всѣ опостылѣли, надоѣли. Прежняя лихорадочная дѣятельность вдругъ уступила мѣсто сонливой праздности, а праздность мало-по-малу развратила волю и привела за собой такія наклонности, о которыхъ, конечно, и во снѣ не снилось Аринѣ Петровнѣ за нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Изъ крѣпкой и сдержанной женщины, которую никто не рѣшался даже назвать старухой, получилась развалина, для которой не существовало ни прошлаго, ни будущаго, а существовала только минута, которую предстояло прожить.

Днемъ она бо́льшею частью дремала. Сядетъ въ кресло передъ столомъ, на которомъ разложены вонючія карты, и дремлетъ. Потомъ вздрогнетъ, проснется, взглянетъ въ окно и долго, безъ всякой сознательной мысли, не отрываетъ глазъ отъ разстилающейся безъ конца дали. Погорѣлка была печальная усадьба. Она стояла, какъ говорится, на тычкѣ, безъ сада, безъ тѣни, безъ всякихъ признаковъ какого бы то ни было комфорта. Даже палисадника впереди не было. Домъ былъ одноэтажный, словно придавленный, и весь почернѣвшій отъ времени и непогодъ; сзади расположены были многочисленныя службы, тоже приходившія въ ветхость, а кругомъ стлались поля, поля безъ конца;

Digitized by Google

даже лѣсу на горизонтѣ не было видно. Но такъ какъ Арина Петровна съ дѣтства почти безвыѣздно жила въ деревнѣ, то эта бѣдная природа не только не казалась ей унылою, но даже говорила ея сердцу и пробуждала остатки чувствъ, которыя въ ней теплились. Лучшая часть ея существа жила въ этихъ нагихъ и безконечныхъ поляхъ, и взоры инстинктивно искали ихъ во всякое время. Она вглядывалась въ полевую даль; вглядывалась въ эти измокшія деревни, которыя въ видѣ черныхъ точекъ пестрѣли тамъ и сямъ на горизонтѣ; вглядывалась въ бѣлыя церкви сельскихъ погостовъ; вглядывалась въ пестрыя пятна, которыя бродячія въ лучахъ солнца облака рисовали на равнинѣ полей; вглядывалась въ этого неизвѣстнаго мужика, который шелъ между полевыхъ бороздъ, а ей казалось, что онъ словно застылъ на одномъ мѣстѣ. Но при этомъ она ни о чемъ не думала или, лучше сказать, у нея были мысли до того разорванныя, что ни на чемъ не могли остановиться на болѣе или менѣе продолжительное время. Она только глядѣла, глядѣла до тѣхъ поръ, пока старческая дремота не начинала вновь гудѣть въ ушахъ и не заволакивала туманомъ и поля, и церкви, и деревни, и бредущаго вдали мужика.

Иногда она, повидимому, припоминала, но память прошлаго возвращалась безъ связи, въ формѣ обрывковъ. Вниманіе ни на чемъ не могло сосредоточиться и безпрерывно перебѣгало отъ одного далекаго воспоминанія къ другому. По временамъ, однакожъ, ее поражало что-нибудь особенное, не радость—на радости прошлое ея было до жестокости скупо,—а обида какая-нибудь, горькая, не переносная. Тогда внутри ея словно загоралось, тоска заползала въ сердце и слезы подступали къ глазамъ. Она начинала плакать, плакала тяжко, съ болью, плакала такъ, какъ плачетъ жалкая старость, у которой слезы льются точно подъ тяжестью кошмара. Но покуда слезы лились, безсознательная мысль продолжала свое дѣло и незамѣтно для Арины Петровны отвлекала ее отъ источника, породившаго печальное настроеніе, такъ что черезъ нѣсколько минутъ старуха и сама съ удивленіемъ спрашивала себя, что такое случилось съ нею.

Вообще она жила, какъ бы не участвуя лично въ жизни, а единственно въ силу того, что въ этой развалинѣ еще хоронились какіе-то забытые концы, которые надлежало собрать, учесть и подвести итоги. Покуда эти концы были

Digitized by Google

еще на-лицо, жизнь шла своимъ чередомъ, заставляя развалину производить всѣ внѣшнія отправленія, какія необходимы для того, чтобъ это полусонное существованіе не разсыпалось въ прахъ.

Но ежели дни проходили въ безсознательной дремотѣ, то ночи были положительно мучительны. Ночью Арина Петровна *боялась:* боялась воровъ, привидѣній, чертей, словомъ—всего, что составляло продуктъ ея воспитанія и жизни. А защита противъ всего этого была плохая, потому что, кромѣ ветхой прислуги, о которой было сказано выше, ночной погорѣлковскій штатъ весь воплощался въ лицѣ хроменькаго мужичка Ѳедосѣюшки, который за два рубля въ мѣсяцъ приходилъ съ села сторожить по ночамъ господскую усадьбу и обыкновенно дремалъ въ сѣнцахъ, выходя въ урочные часы, чтобъ сдѣлать нѣсколько ударовъ въ чугунную доску. Хотя на скотномъ дворѣ и жило нѣсколько работниковъ и работницъ, но скотная изба отстояла отъ дома саженяхъ въ двадцати, и вызвать оттуда кого-нибудь было дѣломъ далеко не легкимъ.

Есть что-то тяжелое, удручающее въ безсонной деревенской ночи. Часовъ съ девяти или много-много съ десяти жизнь словно прекращается и наступаетъ тишина, наводящая страхъ. И дѣлать нечего, да и свѣчей жаль — поневолѣ приходится лечь спать. Афимьюшка, какъ только сняли со стола самоваръ, по привычкѣ, пріобрѣтенной еще при крѣпостномъ правѣ, постелила войлокъ поперекъ двери, ведущей въ барынину спальную; затѣмъ почесалась, позѣвала, и какъ только повалилась на полъ, такъ и замерла. Марковна возилась въ дѣвичьей нѣсколько долѣе и все что-то бормотала, кого-то ругала; но вотъ, наконецъ, и она притихла, и черезъ минуту ужъ слышно, какъ она поочередно то храпитъ, то бредитъ. Сторожъ нѣсколько разъ звякнулъ въ доску, чтобы заявить о своемъ присутствіи, и умолкъ надолго. Арина Петровна сидитъ передъ нагорѣвшей сальной свѣчой и пробуетъ разогнать сонъ пасьянсомъ; но едва принимается она за раскладываніе картъ, какъ дремота начинаетъ одолѣвать ее. «Того и гляди, еще пожаръ со сна надѣлаешь!» — говоритъ она сама съ собой и рѣшается лечь въ кровать. Но едва успѣла она утонуть въ пуховикахъ, какъ приходитъ другая бѣда: сонъ, который цѣлый вечеръ такъ и манилъ, такъ и ломалъ, вдругъ совсѣмъ исчезъ. Въ комнатѣ и безъ того натоплено, изъ открытаго душника жаръ такъ и валитъ, а отъ пуховиковъ

Digitized by Google

атмосфера дѣлается просто нестерпимою. Арина Петровна ворочается съ боку на бокъ, и хочется ей покликать кого-нибудь, и знаетъ она, что на ея кличъ никто не придетъ. Загадочная тишина царитъ вокругъ,—тишина, въ которой настороженное ухо умѣетъ отличить цѣлую массу звуковъ. То хлопнуло гдѣ-то, то раздался вдругъ вой, то словно кто-то прошелъ по коридору, то пролетѣло по комнатѣ какое-то дуновеніе и даже по лицу задѣло. Лампадка горитъ передъ образомъ и свѣтомъ своимъ сообщаетъ предметамъ какой-то обманчивый характеръ — точно это не предметы, а только очертанія предметовъ. Рядомъ съ этимъ сомнительнымъ свѣтомъ является другой, выходящій изъ растворенной двери сосѣдней комнаты, гдѣ передъ кіотомъ зажжены четыре или пять лампадъ. Этотъ свѣтъ желтымъ четыреугольникомъ легъ на полу, словно врѣзался въ мракъ спальной, не сливаясь съ нимъ. Всюду тѣни, колеблющіяся, беззвучно движущіяся. Вотъ мышь заскреблась за обоями. «Шт... паскудная!»—крикнетъ на нее Арина Петровна—и опять все смолкнетъ. Опять тѣни, опять неизвѣстно откуда ерущійся шопотъ. Въ чуткой, болѣзненной дремотѣ проходитъ бо́льшая часть ночи, и только къ утру сонъ настоящимъ образомъ вступаетъ въ свои права. А въ шесть часовъ утра Арина Петровна ужъ на ногахъ, измученная безсонной ночью.

Ко всѣмъ этимъ причинамъ, достаточно обрисовывающимъ жалкое существованіе, которое вела Арина Петровна, присоединялись еще двѣ: скудость питанія и неудобства помѣщенія. Ѣла она мало и дурно, вѣроятно думая этимъ наверстать ущербъ, производимый въ хозяйствѣ недостаточностью надзора. Что же касается до помѣщенія, то погорѣлковскій домъ былъ ветхъ и сыръ, а комната, въ которой заперлась Арина Петровна, никогда не освѣжалась и по цѣлымъ недѣлямъ оставалась неубранною. И вотъ, среди этой полной безпомощности, среди отсутствія всякаго комфорта и ухода, приближалась дряхлость.

Но чѣмъ больше она дряхлѣла, тѣмъ сильнѣе сказывалось въ ней желаніе жизни. Или, лучше сказать, не столько желаніе жизни, сколько желаніе «полакомиться», сопряженное съ совершеннымъ отсутствіемъ идеи смерти. Прежде она боялась смерти, теперь—какъ будто совсѣмъ позабыла о ней. И такъ какъ ея жизненные идеалы немногимъ разнились отъ идеаловъ любого крестьянина, то и представленіе о «хорошемъ житьѣ», которымъ она себя обольщала,

Digitized by Google

было довольно низменнаго свойства. Все, въ чемъ она отказывала себѣ въ теченіе жизни—хорошій кусокъ, покой, бесѣда съ живыми людьми,—все это сдѣлалось предметомъ самыхъ упорныхъ помышленій. Всѣ наклонности завзятой приживалки—празднословіе, льстивая угодливость ради подачки, прожорливость — росли съ изумительной быстротой. Она питалась дома людскими щами съ несвѣжей солониной—и въ это время мечтала о головлевскихъ запасахъ, о карасяхъ, которые водились въ дубровинскихъ прудахъ, о грибахъ, которыми полны были головлевскіе лѣса, о птицѣ, которая откармливалась въ Головлевѣ на скотномъ дворѣ. «Сущу бы теперь съ гусинымъ потрохомъ или рыжичковъ бы въ сметанѣ»,—мелькало въ ея головѣ, мелькало до того живо, что даже углы губъ у нея опускались. Ночью она ворочалась съ боку на бокъ, замирала отъ страха при каждомъ шорохѣ и думала:—«Вотъ въ Головлевѣ и запоры крѣпкіе, и сторожа вѣрные, стучатъ себѣ да постукиваютъ въ доску, не уставаючи—спи себѣ, какъ у Христа за пазушкой!» Днемъ ей по цѣлымъ часамъ не приходилось ни съ кѣмъ вымолвить слова, и во время этого невольнаго молчанія само собой приходило на умъ: «Вотъ въ Головлевѣ—тамъ людно, тамъ есть и душу съ кѣмъ отвести!» Словомъ сказать, ежеминутно припоминалось Головлево, и по мѣрѣ этихъ припоминаній оно дѣлалось чѣмъ-то въ родѣ свѣтозарнаго пункта, въ которомъ сосредоточивалось «хорошее житье».

И чѣмъ чаще смущалось воображеніе представленіемъ о Головлевѣ, тѣмъ сильнѣе возвращалась воля и тѣмъ дальше уходили въ глубь недавнія кровныя обиды. Русская женщина, по самому складу ея воспитанія и жизни, слишкомъ легко мирится съ участью приживалки, а потому и Арина Петровна не минула этой участи, хотя, казалось, все ея прошлое предостерегало и оберегало ее отъ этого ига. Не сдѣлай она «въ то время» ошибки, не отдѣли сыновей, не довѣрься Іудушкѣ, она бы была и теперь брюзгливой и требовательной старухой, которая заставила бы всѣхъ смотрѣть изъ ея рукъ. Но такъ какъ ошибка была сдѣлана безповоротно, то переходъ отъ брюзжаній самодурства къ покорности и льстивости приживалки составлялъ только вопросъ времени. Покуда силы сохраняли остатки прежней крѣпости, переходъ не выказывался наружу, но какъ только она себя сознала безвозвратно осужденною на безпомощность и одиночество, такъ тотчасъ

Digitized by Google

же въ душу начали заползать всѣ поползновенія малодушія и мало-по-малу окончательно развратили и безъ того уже расшатанную волю. Іудушка, который въ первое время, пріѣзжая въ Погорѣлку, встрѣчалъ тамъ лишь самый холодный пріемъ, вдругъ пересталъ быть ненавистнымъ. Старыя обиды забылись какъ-то само собой, и Арина Петровна первая сдѣлала шагъ къ сближенію.

Началось съ выпрашиваній. Изъ Погорѣлки являлись къ Іудушкѣ гонцы сначала рѣдко, потомъ чаще и чаще. То рыжичковъ въ Погорѣлкѣ не родилось, то огурчики отъ дождей вышли съ пятнышками, то индюшки, по нынѣшнему вольному времени, переколѣли, «да приказалъ бы ты, сердечный другъ, карасиковъ въ Дубровинѣ половить, въ коихъ и покойный сынъ Павелъ старухѣ-матери никогда не отказывалъ». Іудушка морщился, но открыто выражать неудовольствіе не рѣшался. Жаль ему было карасей, но онъ пуще всего боялся, что мать его проклянетъ. Онъ помнилъ, какъ она разъ говорила: «Пріѣду въ Головлево, прикажу открыть церковь, позову попа и закричу: проклинаю!»—и это воспоминаніе останавливало его отъ многихъ пакостей, на которыя онъ былъ великій мастеръ. Но, выполняя волю «добраго друга маменьки», онъ все-таки вскользь намекалъ своимъ окружающимъ, что всякому человѣку положено нести отъ Бога крестъ, и что это дѣлается не безъ цѣли, ибо, не имѣя креста, человѣкъ забывается и впадаетъ въ развратъ. Матери же писалъ такъ: «Огурчиковъ, добрый другъ маменька, по силѣ возможности посылаю; что же касается до индюшекъ, то, сверхъ вышущенныхъ на племя, остались одни только пѣтухи, кои для васъ, по огромности ихъ и ограниченности вашего стола, будутъ безполезны. А не угодно ли вамъ будетъ пожаловать въ Головлево раздѣлить со мною убогую трапезу: тогда мы одного изъ сихъ тунеядцевъ (именно тунеядцы; ибо мой поваръ Матвѣй преискусно оныхъ каплунитъ) велимъ зажарить и всласть съ вами, дражайшій другъ, покушаемъ».

Съ этихъ поръ Арина Петровна зачастила въ Головлево. Отвѣдывала съ Іудушкой и индюшекъ, и утокъ; спала всласть и ночью, и послѣ обѣда, и отводила душу въ безконечныхъ разговорахъ о пустякахъ, на которые Іудушка былъ таровать по природѣ, а она сдѣлалась тароватою вслѣдствіе старости. Даже и тогда не прекратила посѣщеній, когда до нея дошло, что Іудушка, наскучивъ

Digitized by Google

продолжительнымъ вдовствомъ, взялъ къ себѣ въ экономки дѣвицу изъ духовнаго званія, именемъ Евпраксію. Напротивъ того, узнавъ объ этомъ, она тотчасъ же поѣхала въ Головлево и, не успѣвъ еще вылѣзти изъ экипажа, съ какимъ-то ребяческимъ нетерпѣніемъ кричала Іудушкѣ: «А ну-ка, ну, старый грѣховодникъ! кажи мнѣ, кажи свою кралю!» Цѣлый этотъ день она провела въ полномъ удовольствіи, потому что Евпраксеюшка сама служила ей за обѣдомъ, сама постелила для нея постель послѣ обѣда, а вечеромъ она играла съ Іудушкой и его кралей въ дураки. Іудушка тоже былъ доволенъ такой развязкой и, въ знакъ сыновней благодарности, велѣлъ, при отъѣздѣ Арины Петровны въ Погорѣлку, положить ей въ тарантасъ, между прочимъ, фунтъ икры, что было уже высшимъ знакомъ уваженія, ибо икра—предметъ не свой, а купленный. Этотъ поступокъ такъ тронулъ старуху, что она не вытерпѣла и сказала:

— Ну, вотъ за это спасибо. И Богъ тебя, милый дружокъ, будетъ любить за то, что мать, на старости лѣтъ, покоишь да холишь. По крайности, пріѣду ужо въ Погорѣлку—не скучно будетъ. Всегда я икорку любила—вотъ и теперь, по милости твоей, полакомлюсь!

Прошло лѣтъ пять со времени переселенія Арины Петровны въ Погорѣлку. Іудушка, какъ засѣлъ въ своемъ родовомъ Головлевѣ, такъ и не двигается оттуда. Онъ значительно постарѣлъ, вылинялъ и потускнѣлъ, но шильничаетъ, лжетъ и пустословитъ еще пуще прежняго, потому что теперь у него почти постоянно подъ руками добрый другъ маменька, которая ради сладкаго старушечьяго куска сдѣлалась обязательной слушательницей его пустословія.

Не надо думать, что Іудушка былъ лицемѣръ въ смыслѣ, напримѣръ, Тартюфа или любого современнаго французскаго буржуа, соловьемъ разсыпающагося по части общественныхъ основъ. Нѣтъ, ежели онъ и былъ лицемѣръ, то лицемѣръ чисто-русскаго пошиба, то-есть просто человѣкъ, лишенный всякаго нравственнаго мѣрила и не знающій иной истины, кромѣ той, которая значится въ азбучныхъ прописяхъ. Онъ былъ невѣжественъ безъ границъ, сутяга, лгунъ, пустословъ и, въ довершеніе всего, боялся чорта. Все это—такія отрицательныя качества, которыя отнюдь не могутъ дать прочнаго матеріала для дѣйствительнаго лицемѣрія.

Digitized by Google

Во Франціи лицемѣріе вырабатывается воспитаніемъ, составляетъ, такъ сказать, принадлежность «хорошихъ манеръ» и почти всегда имѣетъ яркую политическую или соціальную окраску. Есть лицемѣры религіи, лицемѣры общественныхъ основъ, собственности, семейства, государственности, а въ послѣднее время народились даже лицемѣры «порядка». Ежели этого рода лицемѣріе и нельзя назвать убѣжденіемъ, то, во всякомъ случаѣ, это—знамя, кругомъ котораго собираются люди, которые находятъ расчетъ полицемѣрить именно тѣмъ, а не инымъ способомъ. Они лицемѣрятъ сознательно, въ смыслѣ своего знамени, то-есть и сами знаютъ, что они лицемѣры, да сверхъ того, знаютъ, что это и другимъ небезызвѣстно. Въ понятіяхъ француза-буржуа вселенная есть не что иное, какъ обширная сцена, гдѣ дается безконечное театральное представленіе, въ которомъ одинъ лицемѣръ подаетъ реплику другому. Лицемѣріе, это—приглашеніе къ приличію, къ декоруму, къ красивой внѣшней обстановкѣ, и что всего важнѣе: лицемѣріе—это узда. Не для тѣхъ, конечно, которые лицемѣрятъ, плавая въ высотахъ общественныхъ эмпиреевъ, а для тѣхъ, которые нелицемѣрно кишатъ на днѣ общественнаго котла. Лицемѣріе удерживаетъ общество отъ разнузданности страстей и дѣлаетъ послѣднюю привилегіей лишь самаго ограниченнаго меньшинства. Пока разнузданность страстей не выходитъ изъ предѣловъ небольшой и плотно организованной корпораціи—она не только безопасна, но даже поддерживаетъ и питаетъ традиціи изящества. Изящное погибло бы, если-бъ не существовало извѣстнаго числа cabinets particuliers, въ которыхъ оно культивируется въ минуты, свободныя отъ культа официальнаго лицемѣрія. Но разнузданность становится положительно опасною, какъ только она дѣлается общедоступною и соединяется съ предоставленіемъ каждому свободы предъявлять свои требованія и доказывать ихъ законность и естественность. Тогда возникаютъ новыя общественныя наслоенія, которыя стремятся ежели не совсѣмъ вытѣснить старыя, то, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени ограничить ихъ. Спросъ на cabinets particuliers до того увеличивается, что, наконецъ, возникаетъ вопросъ: не проще ли, на будущее время, совсѣмъ обходиться безъ нихъ? Вотъ отъ этихъ-то нежелательныхъ возникновеній и вопросовъ и оберегаетъ дирижирующіе классы французскаго общества то систематическое лицемѣріе, которое, не довольствуясь почвою обычая, пе-

Digitized by Google

переходитъ на почву легальности и изъ простой черты нравовъ становится закономъ, имѣющимъ характеръ принудительный.

На этомъ законѣ уваженія къ лицемѣрію основанъ, за рѣдкими исключеніями, весь современный французскій театръ. Герои лучшихъ французскихъ драматическихъ произведеній, то-есть тѣхъ, которыя пользуются наибольшимъ успѣхомъ именно за необыкновенную реальность изображаемыхъ въ нихъ житейскихъ пакостей, всегда улучатъ подъ конецъ нѣсколько свободныхъ минутъ, чтобъ подправить эти пакости громкими фразами, въ которыхъ объявляется святость и сладость добродѣтели. Адель можетъ въ продолженіе четырехъ актовъ всячески осквернять супружеское ложе; но въ пятомъ она непремѣнно во всеуслышаніе заявитъ, что семейный очагъ есть единственное убѣжище, въ которомъ французскую женщину ожидаетъ счастье. Спросите себя: что было бы съ Аделью, если-бъ авторамъ вздумалось продолжить свою пьесу еще на пять такихъ же актовъ, и вы можете безошибочно отвѣтить на этотъ вопросъ, что въ продолженіе слѣдующихъ четырехъ актовъ Адель опять будетъ осквернять супружеское ложе, а въ пятомъ опять обратится къ публикѣ съ тѣмъ же заявленіемъ. Да и нѣтъ надобности дѣлать предположенія, а слѣдуетъ только изъ Théâtre Français отправиться въ Gymnase, оттуда въ Vaudeville или въ Variétés, чтобъ убѣдиться, что Адель вездѣ одинаково оскверняетъ супружеское ложе и вездѣ же подъ конецъ объявляетъ, что это-то ложе и есть единственный алтарь, въ которомъ можетъ священнодѣйствовать честная француженка. Это до такой степени въѣлось въ нравы, что никто даже не замѣчаетъ, что тутъ кроется самое дурацкое противорѣчіе, что правда жизни является рядомъ съ правдою лицемѣрія и обѣ идутъ рука объ руку, до того перепутываясь между собой, что становится затруднительнымъ сказать, которая изъ этихъ двухъ правдъ имѣетъ болѣе правъ на признаніе.

Мы, русскіе, не имѣемъ сильно окрашенныхъ системъ воспитанія. Насъ не муштруютъ, изъ насъ не вырабатываютъ будущихъ поборниковъ и пропагандистовъ тѣхъ или другихъ общественныхъ основъ, а просто оставляютъ расти, какъ крапива растетъ у забора. Поэтому между нами очень мало лицемѣровъ и очень много лгуновъ, пустосвятовъ и пустослововъ. Мы не имѣемъ надобности лицемѣрить ради какихъ-нибудь общественныхъ основъ, ибо никакихъ та-

Digitized by Google

ихъ основъ не знаемъ, и ни одна изъ нихъ не прикрываетъ насъ. Мы существуемъ совсѣмъ свободно, т. е. празднуемъ, лжемъ и пустословимъ сами по себѣ, безъ всякихъ основъ.

Слѣдуетъ ли по этому случаю радоваться или соболѣзновать—судить объ этомъ не мое дѣло. Думаю, однакожъ, что если лицемѣріе можетъ внушить негодованіе и страхъ, то безпредметное лганье способно возбудить докуку и омерзѣніе. А потому самое лучшее—это, оставивъ въ сторонѣ вопросъ о преимуществахъ лицемѣрія сознательнаго передъ безсознательнымъ или наоборотъ,—запереться и отъ лицемѣровъ, и отъ лгуновъ.

Итакъ, Іудушка—не столько лицемѣръ, сколько пакостникъ, лгунъ и пустословъ. Зацершись въ деревнѣ, онъ сразу почувствовалъ себя на свободѣ, ибо нигдѣ, ни въ какой иной сферѣ, его наклонности не могли бы найти себѣ такого простора, какъ здѣсь. Въ Головлевѣ онъ ни откуда не встрѣчалъ не только прямого отпора, но даже малѣйшаго косвеннаго ограниченія, которое заставило бы его подумать: вотъ, дескать, и напакостилъ бы, да людей совѣстно. Ничье сужденіе не безпокоило, ничей нескромный взглядъ не тревожилъ—слѣдовательно не было повода и самому себя контролировать. Безграничная неряшливость сдѣлалась господствующею чертою его отношеній къ самому себѣ. Давнымъ-давно влекла его къ себѣ эта полная свобода отъ какихъ-либо нравственныхъ ограниченій, и ежели онъ еще раньше не переѣхалъ на житье въ деревню, то единственно потому, что боялся праздности. Проведя болѣе тридцати лѣтъ въ тусклой атмосферѣ департамента, онъ пріобрѣлъ всѣ привычки и вожделѣнія закоренѣлаго чиновника, не допускающаго, чтобы хотя одна минута его жизни оставалась свободною отъ переливанія изъ пустого въ порожнее. Но, вглядѣвшись въ дѣло пристальнѣе, онъ легко пришелъ къ убѣжденію, что міръ дѣлового бездѣльничества настолько подвиженъ, что нѣтъ ни малѣйшаго труда перенести его куда угодно, въ какую угодно сферу. И дѣйствительно, какъ только онъ поселился въ Головлевѣ, такъ тотчасъ же создалъ себѣ такую массу пустяковъ и мелочей, которую можно было, не переставая, переворачивать, безъ всякаго опасенія когда-нибудь исчерпать ее. Съ утра онъ садился за письменный столъ и принимался за занятія; во-первыхъ, усчитывалъ скотницу, ключницу, приказчика, сперва на одинъ манеръ, потомъ на другой; во-

Digitized by Google

вторыхъ, завелъ очень сложную отчетность, денежную и матеріальную: каждую копейку, каждую вещь заносилъ въ двадцати книгахъ, подводилъ итоги, то терялъ полкопейки, то цѣлую копейку лишнюю находилъ. Наконецъ, брался за перо и писалъ жалобы къ мировому судьѣ и къ посреднику. Все это не только не оставляло ни одной минуты праздной, но даже имѣло всѣ внѣшнія формы усидчиваго, непосильнаго труда. Не на праздность жаловался Іудушка, а на то, что не успѣвалъ всего передѣлать, хотя цѣлый день корпѣлъ въ кабинетѣ, не выходя изъ халата. Груды тщательно подшитыхъ, но не обревизованныхъ рапортичекъ постоянно валялись на его письменномъ столѣ, и въ томъ числѣ цѣлая годовая отчетность скотницы Ѳеклы, дѣятельность которой съ перваго раза показалась ему подозрительной и которую онъ, тѣмъ не менѣе, никакъ не могъ найти свободную минуту учесть.

Всякая связь съ внѣшнимъ міромъ была окончательно порвана. Онъ не получалъ ни книгъ, ни газетъ, ни даже писемъ. Одинъ сынъ его, Володенька, кончилъ самоубійствомъ; съ другимъ, Петенькой, онъ переписывался коротко и лишь тогда, когда посылалъ деньги. Густая атмосфера невѣжественности, предразсудковъ и кропотливаго переливанія изъ пустого въ порожнее царила кругомъ него, и онъ не ощущалъ ни малѣйшаго поползновенія освободиться отъ нея. Даже о томъ, что Наполеонъ III уже не царствуетъ, онъ узналъ лишь черезъ годъ послѣ его смерти, отъ станового пристава, но и тутъ не выразилъ никакого особеннаго ощущенія, а только перекрестился, пошепталъ: «царство небесное!» и сказалъ:

— А какъ былъ гордъ! Фу-ты, ну-ты! И то нехорошо, и другое неладно! Цари на поклонъ къ нему ѣздили, принцы въ передней дежурили! Анъ, Богъ-то взялъ, да въ одну минуту всѣ его мечтанія ниспровергъ!

Собственно говоря, онъ не зналъ даже, что дѣлается у него въ хозяйствѣ, хотя съ утра до вечера только и дѣлалъ, что считалъ да учитывалъ. Въ этомъ отношеніи онъ имѣлъ всѣ качества закоренѣлаго департаментскаго чиновника. Представьте себѣ столоначальника, которому директоръ, подъ веселую руку, сказалъ бы: «Любезный другъ! для моихъ соображеній необходимо знать, сколько Россія можетъ ежегодно производить картофеля—такъ потрудитесь сдѣлать подробное вычисленіе!» Всталъ ли бы втупикъ столоначальникъ передъ подобнымъ вопросомъ? Задумался

Digitized by Google

ли бы онъ, по крайней мѣрѣ, надъ пріемами, которые предстоитъ употребить для выполненія заказанной ему работы?— Нѣтъ, онъ поступилъ бы гораздо проще: начертилъ бы карту Россіи, разлиновалъ бы ее на совершенно равные квадратики, доискался бы, какое количество десятинъ представляетъ собой каждый квадратикъ, потомъ зашелъ бы въ мелочную лавочку, узналъ, сколько сѣется на каждую десятину картофеля и сколько *среднимъ числомъ* получается, и въ заключеніе, при помощи Божіей и первыхъ четырехъ правилъ ариѳметики, пришелъ бы къ результату, что Россія, *при благопріятныхъ условіяхъ*, можетъ производить картофелю столько-то, а *при неблагопріятныхъ условіяхъ*,— столько-то. И работа эта не только удовлетворила бы его начальника, но навѣрное была бы помѣщена въ сто-второмъ томѣ какихъ-нибудь «Трудовъ».

Даже экономку онъ выбралъ себѣ какъ разъ подходящую къ той обстановкѣ, которую создалъ. Дѣвица Евпраксія была дочь дьячка при церкви Николы-въ-Капелькахъ и представляла во всѣхъ отношеніяхъ чистѣйшій кладъ. Она не обладала ни быстротой соображенія, ни находчивостью, ни даже расторопностью, но взамѣнъ того была работяща, безотвѣтна и не предъявляла почти никакихъ требованій. Даже тогда, когда онъ «приблизилъ» ее къ себѣ—и тутъ она спросила только: можно ли ей, когда захочется, кваску холодненькаго безъ спросу испить?—такъ что самъ Іудушка умилился ея безкорыстію и немедленно отдалъ въ ея распоряженіе, сверхъ кваса, двѣ кадушки моченыхъ яблоковъ, уволивъ ее отъ всякой по этимъ статьямъ отчетности. Наружность ея тоже не представляла особенной привлекательности для любителя, но въ глазахъ человѣка неприхотливаго и знающаго, что̀ ему нужно, была вполнѣ удовлетворительна. Лицо широкое, бѣлое, лобъ узкій, обрамленный желтоватыми, негустыми волосами, глаза крупные, тусклые, носъ совершенно прямой, ротъ стертый, подернутый той загадочною, словно куда-то убѣгающею улыбкой, какую можно встрѣтить на портретахъ, писанныхъ доморощенными живописцами. Вообще, ничего выдающагося, кромѣ развѣ спины, которая была до того широка и могуча, что у человѣка самаго равнодушнаго невольно поднималась рука, чтобы, какъ говорится, «дать дѣвкѣ раза» между лопатокъ. И она знала это и не обижалась, такъ что когда Іудушка въ первый разъ слегка потрепалъ ее по жирному загривку, то она только лопатками передернула.

Digitized by Google

Среди этой тусклой обстановки дни проходили за днями, одинъ какъ другой, безъ всякихъ перемѣнъ, безъ всякой надежды на вторженіе свѣжей струи. Только пріѣздъ Арины Петровны нѣсколько оживлялъ эту жизнь, и надо сказать, правду, что ежели Порфирій Владимірычъ по началу морщился, завидѣвъ вдали маменькину повозку, то съ теченіемъ времени онъ не только привыкъ къ ея посѣщеніямъ, но и полюбилъ ихъ. Они удовлетворяли его страсть къ пустословію, ибо ежели онъ находилъ возможнымъ пустословить одинъ на одинъ съ самимъ собою, по поводу разнообразныхъ счетовъ и отчетовъ, то пустословить съ добрымъ другомъ маменькой было для него еще повадне. Собравшись вмѣстѣ, они съ утра до вечера говорили и не могли наговориться. Говорили обо всемъ: о томъ, какіе прежде бывали урожаи и какіе нынче бываютъ; о томъ, какъ прежде живали помѣщики и какъ нынче живутъ; о томъ, что соль, что ли, прежде лучше была, а только нѣтъ нынче прежняго огурца.

Эти разговоры имѣли то преимущество, что текли какъ вода и безъ труда забывались; слѣдовательно ихъ можно было возобновлять безъ конца съ такимъ же интересомъ, какъ будто они только сейчасъ въ первый разъ пущены въ ходъ. При этихъ разговорахъ присутствовала и Евпраксеюшка, которую Арина Петровна такъ полюбила, что ни на шагъ не отпускала отъ себя. Иногда, наскучивъ бесѣдою, всѣ трое садились за карты и засиживались до поздней ночи, играя въ дураки. Пробовали учить Евпраксеюшку въ вистъ съ болваномъ, но она не поняла. Громадный головлевскій домъ словно оживалъ въ такіе вечера. Во всѣхъ окнахъ свѣтились огни, мелькали тѣни, такъ что проѣзжій могъ думать, что тутъ и не вѣсть какое веселье затѣялось. Самовары, кофейники, закуски цѣлый день не сходили со стола. И сердце Арины Петровны веселилось и играло, и загащивалась она, вмѣсто одного дня, дня на три и на четыре. И даже, уѣзжая въ Погорѣлку, уже заранѣе придумывала поводъ, чтобъ какъ-нибудь поскорѣе вернуться къ соблазнамъ головлевскаго «хорошаго житья».

Ноябрь въ исходѣ; земля на неоглядное пространство покрыта бѣлымъ саваномъ. На дворѣ ночь и метелица; рѣзкій, холодный вѣтеръ буровитъ снѣгъ, въ одно мгновеніе наметаетъ сугробы, захлестываетъ все, что попадется по пути, и всю окружность наполняетъ воплемъ. Село,

Digitized by Google

церковь, ближній лѣсъ—все исчезало въ снѣжной мглѣ, крутящейся въ воздухѣ; старинный головлевскій садъ могуче гудитъ. Но въ барскомъ домѣ свѣтло, тепло и уютно. Въ столовой стоитъ самоваръ, вокругъ котораго собрались Арина Петровна, Порфирій Владимірычъ и Евпраксеюшка. Въ сторонѣ поставленъ ломберный столъ, на которомъ брошены истрепанныя карты. Изъ столовой открытыя двери ведутъ, съ одной стороны, въ образную, всю залитую огнемъ зажженыхъ лампадъ; съ другой — въ кабинетъ барина, въ которомъ тоже теплится лампадка передъ образомъ. Въ жарко натопленныхъ комнатахъ душно, пахнетъ деревяннымъ масломъ и чадомъ самоварнаго угля. Евпраксея, усѣвшись противъ самовара, перемываетъ чашки и вытираетъ ихъ полотенцемъ. Самоваръ такъ и заливается: то загудитъ во всю мочь, то словно засыпать начнетъ и прозительно засопитъ. Клубы пара вырываются изъ-подъ крышки и окутываютъ туманомъ чайникъ, ужъ съ четверть часа стоящій на конфоркѣ. Сидящіе бесѣдуютъ.

— А ну-ко сколько ты разъ сегодня дурой осталась?— спрашиваетъ Арина Петровна Евпраксеюшку.

— Не осталась бы, кабы сама не поддалась. Вамъ же удовольствіе сдѣлать хочу,—отвѣчаетъ Евпраксеюшка.

— Сказывай! Видѣла я, какое ты удовольствіе чувствовала, какъ я давеча подъ тебя тройками да пятерками подваливала. Я вѣдь не Порфирій Владимірычъ: тотъ тебя балуетъ, все съ одной да съ одной ходитъ, а мнѣ, матушка, не изъ чего.

— Да еще бы, вы плутовали!

— Вотъ ужъ этого грѣха за мной не водится!

— А кого я давеча поймала? Кто семерку трефъ съ восьмеркой червей за пару спустить хотѣлъ? Ужъ это я сама видала, сама уличила!

Говоря это, Евпраксеюшка встаетъ, чтобъ снять съ самовара чайникъ, и поворачивается къ Аринѣ Петровнѣ спиной.

— Экъ у тебя спина какая... Богъ съ ней! — невольно вырывается у Арины Петровны.

— Да, у нея спина...—машинально отзывается Іудушка.

— Спина да спина... безстыдники! И что моя спина вамъ сдѣлала!

Евпраксеюшка смотритъ направо и налѣво и улыбается. Спина — это ея конекъ. Давеча даже старикъ Савельичъ, поваръ, и тотъ заглядѣлся и сказалъ: «Ишь ты спина!

Digitized by Google

ровно плита!» И она не пожаловалась на него Порфирію Владимірычу.

Чашки поочередно наливаются чаемъ и самоваръ начинаетъ утихать.

А метель разыгрывается пуще и пуще: то цѣлымъ снѣжнымъ ливнемъ ударитъ въ стекла оконъ, то какимъ-то невыразимымъ плачемъ прокатится вдоль печного борова.

— Метель-то, видно, взаправду взялась, — замѣчаетъ Арина Петровна:—визжитъ да повизгиваетъ!

— Ну, и пущай повизгиваетъ. Она повизгиваетъ, а мы здѣсь чаекъ попиваемъ — такъ-то, другъ мой маменька!— отзывается Порфирій Владимірычъ.

— Ахъ, нехорошо теперь въ полѣ, коли кого этакая милость Божья застанетъ!

— Кому нехорошо, а намъ горюшка мало. Кому темненько да холодненько, а намъ и свѣтлехонько, и теплехонько. Сидимъ да чаекъ попиваемъ. И съ сахарцемъ, и со сливочками, и съ лимонцемъ. А захотимъ съ ромцомъ, и съ ромцомъ будемъ пить.

— Да, коли ежели теперича...

— Позвольте, маменька. Я говорю: теперича въ полѣ очень нехорошо. Ни дороги, ни тропочки — все замерло. Опять же волки. А у насъ здѣсь и свѣтленько, и уютненько, и ничего мы не боимся. Сидимъ мы здѣсь да посиживаемъ, ладкомъ да миркомъ. Въ карточки захотѣлось поиграть — въ карточки поиграемъ, чайку захотѣлось попить — чайку попьемъ. Сверхъ нужды пить не станемъ, а сколько нужно, столько и выпьемъ. А отчего это такъ? Оттого, милый другъ маменька, что милость Божья не оставляетъ насъ. Кабы не Онъ, Царь Небесный—можетъ, и мы бы теперь въ полѣ плутали, и было бы намъ и темненько, и холодненько... Въ зипунишечкѣ какомъ-нибудь, кушачокъ плохонькой, лаптишечки...

— Чтой-то ужъ и лаптишечки! Чай, тоже въ дворянскомъ званьи родились! Какіе ни есть, а все-таки сапожишки носимъ!

— А знаете ли вы, маменька, отчего мы въ дворянскомъ званьи родились? А все оттого, что милость Божья къ намъ была. Кабы не она, и мы сидѣли бы теперь въ избушечкѣ, да горѣла бы у насъ не свѣчечка, а лучинушка, а ужъ насчетъ чайку да кофейку — объ этомъ и думать бы не смѣли! Сидѣли бы, я бы лаптишечки ковырялъ, вы бы щецъ тамъ какихъ-нибудь пустенькихъ по-

Digitized by Google

ужинать сбирали, Евпраксеюшка бы красно ткала... А можетъ-быть, на бѣду, десятскій еще съ подводой бы выгналъ...

— Ну, и десятскій въ этакую пору съ подводой не нарядитъ!

— Какъ знать, милый другъ маменька! А вдругъ полки идутъ! Можетъ-быть, война или возмущеніе — чтобъ были полки въ срокъ на мѣстахъ! Вонъ, намеднись, становой сказывалъ мнѣ, Наполеонъ III померъ — навѣрно теперь французы куралесить начнутъ! Натурально, наши сейчасъ впередъ—ну, и давай, мужичокъ, подводку! Да въ стыть, да въ метель, да въ бездорожицу — ни на что не посмотрятъ: поѣзжай, мужичокъ, коли начальство велитъ! А насъ съ вами покамѣстъ еще поберегутъ, съ подводой не выгонятъ!

— Это что и говорить, велика для насъ милость Божія!

— А я что же говорю? Богъ, маменька,—все. Онъ намъ и дровецъ для тепла, и провизійцы для пропитанія — все Онъ. Мы-то думаемъ, что все сами, на свои деньги пріобрѣтаемъ, какъ посмотримъ, да поглядимъ, да сообразимъ— все Онъ, все Богъ. И коли Онъ не захочетъ, ничего у насъ не будетъ. Я, вотъ, теперь хотѣлъ бы апельсинчиковъ, и самъ бы поѣлъ, и милаго дружка маменьку угостилъ бы, и всѣмъ бы по апельсинчику далъ, и деньги у меня есть, чтобъ апельсинчиковъ купить, взялъ бы вынулъ — давай! Анъ Богъ говоритъ: тпру! вотъ я и сижу: философъ безъ огурцовъ.

Всѣ смѣются.

— Разсказывайте!—отзывается Евпраксеюшка.—Вонъ у меня дяденька пономаремъ у Успенья въ Песочномъ былъ; ужъ какъ, кажется, былъ къ Богу усерденъ—могъ бы Богъ что-нибудь для него сдѣлать,—а какъ застигла его въ полѣ метелица—все равно замерзъ!

— И я про то же говорю. Коли захочетъ Богъ—замерзнетъ человѣкъ, не захочетъ—живъ останется. Опять и про молитву надо сказать: есть молитва угодная и есть молитва неугодная. Угодная—достигаетъ, а неугодная—все равно, что она есть, что ея нѣтъ. Можетъ, дяденькина-то молитва неугодная была—вотъ она и не достигла.

— Помнится, я въ двадцать-четвертомъ году въ Москву ѣздила — еще въ ту пору я Павломъ была тяжела,—такъ ѣхала я въ декабрѣ мѣсяцѣ въ Москву...

— Позвольте, маменька. Вотъ я о молитвѣ кончу. Че-

Digitized by Google

ловѣкъ обо всѣхъ молится, потому что ему всего нужно. И маслица нужно, и капустки нужно, и огурчиковъ — ну, словомъ, всего. Иногда даже чего и не нужно, а онъ все, по слабости человѣческой, проситъ. Анъ Богу-то сверху виднѣе. Ты у Него маслица просишь, а Онъ тебѣ капустки либо лучку дастъ; ты о вёдрышкѣ да о тепленькой погодкѣ хлопочешь, а Онъ тебѣ дождичка да съ градцемъ пошлетъ. И долженъ ты это понимать и не роптать. Вотъ мы въ прошломъ сентябрѣ все морозцевъ у Бога просили, чтобъ озими у насъ не подопрѣли, анъ Богъ морозцу не далъ — ну, и сопрѣли наши озими.

— Еще какъ сопрѣли-то! — соболѣзнуетъ Арина Петровна: — въ Новинкахъ у мужичковъ все озимое поле хоть брось. Придется весной перепахивать да яровымъ засѣвать.

— То-то вотъ и есть. Мы здѣсь мудрствуемъ да лукавимъ, и такъ прикинемъ, и этакъ примѣримъ, а Богъ разомъ, въ одинъ моментъ, всѣ наши планы-соображенія въ прахъ обратитъ. Вы, маменька, что-то хотѣли разсказать, что̀ съ вами въ двадцать-четвертомъ году было?

— Что̀ такое! ништо ужъ я позабыла! Должно-быть, все о ней же, о милости Божьей. Не помню, мой другъ, не помню.

— Ну, Богъ дастъ, въ другое время вспомните. А покуда тамъ на дворѣ кутитъ да мутитъ, вы бы, милый другъ, вареньица покушали. Это — вишенки, головлевскія! Евпраксеюшка сама варила.

— И то ѣмъ. Вишенки-то мнѣ, признаться, теперь въ рѣдкость. Прежде, бывало, частенько-таки лакомливалась ими, ну, а теперь... Хороши у тебя въ Головлевѣ вишни: сочныя, крупныя! Вотъ въ Дубровинѣ, какъ ни старались разводить—все несладки выходятъ. Да ты, Евпраксеюшка, французской-то водки клала въ варенье?

— Какъ не класть! какъ вы учили, такъ и дѣлала. Да вотъ я о чемъ хотѣла спросить: вы какъ огурцы солите—кладете кардамону?

Арина Петровна на нѣкоторое время задумывается и даже руками разводитъ.

— Не помню, мой другъ; кажется, прежде и кардамону клала. Теперь — не кладу: теперь какое мое соленье! А прежде клала... даже очень хорошо помню, что клала! Да вотъ домой пріѣду, въ рецептахъ порoюсь, не найду ли. Я вѣдь, какъ въ силахъ была, все примѣчала да записы-

Digitized by Google

вала. Гдѣ что понравится, я сейчасъ все выспрошу, запишу на бумажку — да дома и пробую. Я одинъ разъ такой секретъ, такой секретъ достала, что тысячу рублей давали—не открываетъ тотъ человѣкъ, да и дѣло съ концомъ! А я ключницѣ четвертачокъ сунула—она мнѣ все до капли пересказала!

— Да, маменька, въ свое время вы-таки были... министръ!

— Министръ не министръ, а могу Бога благодарить: не растранжирила, а присовокупила. Вотъ и теперь поѣдаю отъ трудовъ своихъ праведныхъ: вишни-то въ Головлевѣ вѣдь я развела!

— И спасибо вамъ за это, маменька, большое спасибо. Вѣчное спасибо и за себя, и за потомковъ—вотъ какъ!

Іудушка встаетъ, подходитъ къ маменькѣ и цѣлуетъ у нея ручку.

— И тебѣ спасибо, что мать покоишь! Да, хороши у тебя запасы, очень хороши!

— Что у насъ за запасы! Вотъ у васъ бывали запасы, такъ это такъ. Сколько однихъ погребовъ было и нигдѣ ни одного мѣстечка пустого!

— Бывали и у меня запасы—не хочу солгать, никогда не была бездомницей. А что касается до того, что погребовъ было много, такъ вѣдь тогда и колесо большое было: ртовъ-то вдесятеро противъ нынѣшняго было. Одной дворни сколько—всякому припаси да всякаго накорми. Тому огурчика, тому кваску; понемножку да помаленьку — анъ, смотришь, и многонько всего изойдетъ.

— Да; хорошее было время. Всего тогда много было. И хлѣба, и фруктовъ—всего въ изобиліи!

— Навозу копили больше—оттого и родилось.

— Нѣтъ, маменька, и не отъ этого. А было Божье благословеніе — вотъ отъ чего. Я помню, однажды папенька изъ саду яблоко апортъ принесъ, такъ всѣ даже удивились: на тарелкѣ нельзя было умѣстить.

— Этого не помню. Вообще знаю, что были яблоки хорошія, а чтобы такія были, въ тарелку величиной—этого не помню. Вотъ карася въ двадцать фунтовъ въ дубровинскомъ прудѣ въ ту коронацію изловили—это точно что было.

— И караси, и фрукты — все тогда крупное было. Я помню, арбузы Иванъ-садовникъ выводилъ—вотъ какіе!

Іудушка сначала оттопыриваетъ руки, потомъ скругляетъ ихъ, при чемъ дѣлаетъ видъ, что никакъ не можетъ обхватить.

Digitized by Google

— Бывали и арбузы. Арбузы, скажу тебѣ, другъ мой, къ году бываютъ. Иной годъ ихъ много, и они хороши: другой годъ и немного, и невкусны, а въ третій годъ и совсѣмъ ничего нѣтъ. Ну, и то еще надо сказать: что гдѣ поведется. Вонъ у Григорья Александрыча, въ Хлѣбниковѣ, ничего не родилось—ни ягодъ, ни фруктовъ, ничего. Однѣ дыни. Только ужъ и дыни бывали!

— Стало-быть, ему на дыни милость Божья была!

— Да, ужъ, конечно. Безъ Божьей милости нигдѣ не обойдешься, никуда отъ нея не убѣжишь!

Арина Петровна уже выпила двѣ чашки и начинаетъ поглядывать на ломберный столъ. Евпраксеюшка тоже такъ и горитъ нетерпѣніемъ сразиться въ дураки. Но планы эти разстраиваются по милости самой Арины Петровны, потому что она внезапно что-то припоминаетъ.

— А вѣдь у меня новость есть, — объявляетъ она: — письмо вчера отъ сиротокъ получила.

— Молчали-молчали, да и откликнулись! Видно, туго пришлось; денегъ просятъ?

— Нѣтъ, не просятъ. Вотъ полюбуйся.

Арина Петровна достаетъ изъ кармана письмо и отдаетъ Іудушкѣ, который читаетъ:

«Вы, бабушка, больше намъ ни индюшекъ, ни куръ не посылайте. Денегъ тоже не посылайте, а копите на проценты. Мы не въ Москвѣ, а въ Харьковѣ, поступили на сцену въ театръ, а лѣтомъ по ярмаркамъ будемъ ѣздить. Я, Аннинька, въ «Периколѣ» дебютировала, а Любинька—въ «Анютиныхъ глазкахъ». Меня нѣсколько разъ вызывали, особенно послѣ сцены, гдѣ Перикола выходитъ навеселѣ и поетъ: *я готова-ова, готова, готоова!* Любинька тоже очень понравилась. Жалованья мнѣ директоръ положилъ по сту рублей въ мѣсяцъ и бенефисъ въ Харьковѣ, а Любинькѣ — по семидесяти пяти въ мѣсяцъ и бенефисъ лѣтомъ, на ярмаркѣ. Кромѣ того, подарки бываютъ отъ офицеровъ и отъ адвокатовъ. Только адвокаты иногда фальшивыя деньги даютъ, такъ нужно быть осторожной. И вы, милая бабушка, всѣмъ въ Погорѣлкѣ пользуйтесь, а мы туда никогда не пріѣдемъ и даже не понимаемъ, какъ тамъ можно жить. Вчера первый снѣгъ выпалъ, и мы съ здѣшними адвокатами на тройкахъ ѣздили; одинъ на Плеваку похожъ — чудо, какъ хорошъ! Поставилъ на голову стаканъ съ шампанскимъ и плясалъ трепака — прелесть, какъ весело! Другой—не очень собой хорошъ, въ родѣ пе-

Digitized by Google

тербургскаго Языкова. Представьте, разстроилъ себѣ воображеніе чтеніемъ «Собранія лучшихъ русскихъ пѣсенъ и романсовъ», и до того ослабъ, что даже въ судѣ падаетъ въ обморокъ. И такъ почти каждый день проводимъ то съ офицерами, то съ адвокатами. Катаемся, въ лучшихъ ресторанахъ обѣдаемъ, ужинаемъ и ничего не платимъ. А вы, бабушка, ничего въ Погорѣлкѣ не жалѣйте, и что тамъ растетъ: хлѣбъ, цыплята, грибы — все кушайте. Мы бы и капиталъ съ удово...

«Прощайте! пріѣхали наши кавалеры — опять на тройкахъ кататься зовутъ. Милка! божественная! прощайте!

«Анжинька».

«И я тоже— *Любинька».*

— Тьфу!—отплевывается Іудушка, возвращая письмо.

Арина Петровна сидитъ, задумавшись, и нѣкоторое время не отвѣчаетъ.

— Вы имъ, маменька, ничего еще не отвѣчали?

— Нѣтъ еще, и письмо-то вчера только получила; съ тѣмъ и поѣхала къ вамъ, чтобъ показать, да вотъ за тѣмъ да за сѣмъ чуть было не позабыла.

— Не отвѣчайте. Лучше.

— Какъ же я не отвѣчу? Вѣдь я имъ отчетомъ обязана. Погорѣлка-то—ихняя.

Іудушка тоже задумывается: какой-то зловѣщій планъ мелькаетъ въ его головѣ.

— А я все объ томъ думаю, какъ онѣ себя соблюдутъ въ вертепѣ-то этомъ? — продолжаетъ, между тѣмъ, Арина Петровна.—Вѣдь это такое дѣло, что тутъ только разъ оступись—потомъ ужъ чести-то дѣвичьей и не воротишь! Ищи ее потомъ да свищи!

— Очень имъ она нужна!—огрызается Іудушка.

— Какъ бы то ни было!.. Для дѣвушки это даже можно сказать—первое въ жизни сокровище... Кто потомъ этакую-то за себя возьметъ?

— Нынче, маменька, и безъ мужа все равно, что съ мужемъ живутъ. Нынче надъ предписаніями-то религіи смѣются. Дошли до куста, подъ кустомъ обвѣнчались — и дѣло въ шляпѣ. Это у нихъ гражданскимъ бракомъ называется.

Іудушка вдругъ спохватывается, что вѣдь и онъ находится въ блудномъ сожительствѣ съ дѣвицей духовнаго званія.

— Конечно, иногда, по нуждѣ... — поправляется онъ:—

Digitized by Google

коли ежели человѣкъ въ силахъ и притомъ вдовый... По нуждѣ, и закону премѣна бываетъ!

— Что говорить! Въ нуждѣ и куликъ соловьемъ свищетъ. И святые въ нуждѣ согрѣшали, не то, что мы грѣшные!

— Такъ вотъ оно и есть. На вашемъ мѣстѣ, знаете ли, что бы я сдѣлалъ?

— Посовѣтуй мой другъ, скажи.

— Я бы отъ нихъ полную довѣренность на Погорѣлку вытребовалъ.

Арина Петровна пугливо взглядываетъ на него.

— Да у меня и то полная довѣренность на управленіе есть,—произноситъ она.

— Не на одно управленіе. А такъ, чтобы и продать, и заложить, и, словомъ, чтобъ всѣмъ можно было по своему усмотрѣнію распорядиться...

Арина Петровна опускаетъ глаза въ землю и молчитъ.

— Конечно, это такой предметъ, что надо его обдумать. Подумайте-ка, маменька!—настаиваетъ Іудушка.

Но Арина Петровна продолжаетъ молчать. Хотя, вслѣдствіе старости, сообразительность у нея значительно притупѣла, но ей, все-таки, какъ-то не по себѣ отъ инсинуаціи Іудушки. И боится-то она Іудушки: жаль ей тепла и простора, и изобилія, которые царствуютъ въ Головлевѣ, и въ то же время сдается, что не даромъ онъ о довѣренности заговорилъ, что это онъ опять новую петлю накидываетъ. Положеніе дѣлается настолько натянутымъ, что она начинаетъ уже внутренно бранить себя, зачѣмъ ее дернуло показывать письмо. Къ счастью, Евпраксеюшка является на выручку.

— Что-жъ, будемъ, что ли, въ карты-то играть?—спрашиваетъ она.

— Давай, давай! — спѣшитъ отвѣтить Арина Петровна и живо выскакиваетъ изъ-за чая. Но по дорогѣ къ ломберному столу ее посѣщаетъ новая мысль.

— А ты знаешь ли, какой сегодня день? — обращается она къ Порфирію Владимірычу.

— Двадцать третье ноября, маменька,—съ недоумѣніемъ отвѣчаетъ Іудушка.

— Двадцать третье-то двадцать третье, да помнишь ли ты, что двадцать третьяго-то ноября случилось? Про панихидку-то небось позабылъ?

Порфирій Владимірычъ блѣднѣетъ и крестится.

Digitized by Google

— Ахъ, Господи! вотъ такъ бѣда!—восклицаетъ онъ.— Да такъ ли? точно ли? Позвольте-ка, я въ календарѣ посмотрю.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ приноситъ календарь и отыскиваетъ въ немъ вкладной листъ, на которомъ написано:

«23 ноября. Память кончины милаго сына Владиміра.

«Покойся, милый прахъ, до радостнаго утра!

«и моли Бога за твоего папу, который въ сей день будетъ неуклонно

«творить по тебѣ поминовеніе и съ литургіею».

— Вотъ тебѣ и на! — произноситъ Порфирій Владимірычъ.— Ахъ, Володя, Володя! недобрый ты сынъ, дурной! Видно, не молишься Богу за папу, что онъ даже память у него отнялъ! Какъ же быть-то съ этимъ, маменька?

— Не Богъ знаетъ что случилось—и завтра панихидку отслужишь. И панихидку, и обѣденку—все справимъ. Все я, старая да безпамятная, виновата. Съ тѣмъ и ѣхала, чтобы напомнить, да все дорогой и растеряла.

— Ахъ, грѣхъ какой! Хорошо еще, что лампадки въ образной зажжены. Точно вѣдь свыше что меня озарило. Ни праздникъ у насъ сегодня, ни что — просто съ Введеньева дня лампадки зажжены,—только подходитъ ко мнѣ давеча Евпраксеюшка, спрашиваетъ: «Лампадки-то боковыя тушить что ли?» А я, точно вотъ толкнуло меня, подумалъ этакъ съ минуту и говорю: не тронь! Христосъ съ ними, пускай погорятъ! Анъ вотъ оно что!

— И то хорошо, хоть лампадочки погорѣли! И то для души облегченіе! Ты гдѣ садишься-то? Опять что ли подъ меня ходить будешь, или кралѣ своей станешь мирволить?

— Да ужъ я не знаю, маменька, мнѣ можно ли...

— Чего не можно! Садись! Богъ проститъ! Не нарочно вѣдь, не съ намѣреніемъ, а отъ забвенія. Это и съ праведниками случалось! Завтра, вотъ, чѣмъ свѣтъ встанемъ, обѣденку отстоимъ, панихидочку отслужимъ—все какъ слѣдуетъ сдѣлаемъ. И его душа будетъ радоваться, что родители да добрые люди объ немъ вспомнили, и мы будемъ покойны, что свой долгъ выполнили. Такъ-то, мой другъ. А горевать не слѣдъ — это я всегда скажу: первое — горевaньемъ сына не воротишь, а второе — грѣхъ передъ Богомъ!

Іудушка урезонивается этими словами и цѣлуетъ у маменьки руку, говоря:

Digitized by Google

— Ахъ, маменька, маменька! золотая у васъ душа — право! Кабы не вы — ну, что бы я въ эту минуту дѣлалъ! Ну, просто пропалъ бы! какъ есть растерялся бы, пропалъ!

Порфирій Владимірычъ дѣлаетъ распоряженіе насчетъ завтрашней церемоніи, и всѣ садятся за карты. Сдаютъ разъ, сдаютъ другой. Арина Петровна горячится и негодуетъ на Іудушку за то, что онъ ходитъ подъ Евпраксеюшку все съ одной. Въ промежуткахъ сдачъ Іудушка предается воспоминаніямъ о погибшемъ сынѣ.

— А какой ласковый былъ! — говоритъ онъ. — Ничего, бывало, безъ позволенія не возьметъ. Бумажки нужно — «можно, папа, бумажки взять?»—Возьми, мой другъ! Или: «не будете ли, папа, такой добренькій, сегодня карасиковъ въ сметанѣ къ завтраку заказать?» — Изволь, мой другъ! Ахъ, Володя, Володя! Всѣмъ ты былъ пайка, только тѣмъ не пайка, что папку оставилъ!

Проходитъ еще нѣсколько туровъ; опять воспоминанія.

— И что такое съ нимъ вдругъ случилось — и самъ не понимаю! Жилъ хорошохонько да смирнѣхонько, жилъ да поживалъ, меня радовалъ — чего бы, кажется, лучше! Вдругъ бацъ! Вѣдь грѣхъ-то, представьте, какой! подумайте только объ этомъ, маменька, на что человѣкъ посягнулъ! На жизнь свою, на даръ Отца Небеснаго! Изъ-за чего? зачѣмъ? чего ему недоставало? Денегъ, что ли? Жалованья я, кажется, никогда не задерживаю; даже враги мои, и тѣ про меня этого не скажутъ. Ну, а ежели маловато показалось—такъ не прогнѣвайся, другъ! У папы денежки тоже вотъ гдѣ сидятъ! Коли мало денегъ — умѣй себя сдерживать. Не все сладенькаго, не все съ сахарцомъ—часкомъ и съ кваскомъ покушай! Такъ-то, братъ! Вотъ папа твой, и надѣялся онъ давеча денежекъ получить — анъ, приказчикъ пришелъ: «терпѣнковскіе крестьяне оброка не платятъ!»—Ну, нечего дѣлать, написалъ къ мировому прошеніе! Ахъ, Володя, Володя! Нѣтъ, не пайка ты! бросилъ папку! сиротой оставилъ!

И чѣмъ живѣе идетъ игра, тѣмъ обильнѣе и чувствительнѣе дѣлаются воспоминанія.

— И какой умный былъ! Помню я такой случай. Лежитъ онъ въ кори — лѣтъ не больше семи ему было, — только подходитъ къ нему покойница Саша, а онъ ей и говоритъ: «Мама, мама! вѣдь правда, что крылышки только у ангеловъ бываютъ?» Ну, та и говоритъ: «Да, только у

Digitized by Google

ангеловъ».—«Отчего же, говоритъ, у папы, какъ онъ сюда сейчасъ входилъ, крылышки были?»

Наконецъ, разыгрывается какая-то гомерическая игра. Іудушка остается дуракомъ съ цѣлыми восемью картами на рукахъ, въ числѣ которыхъ козырные тузъ, король и дама. Поднимается хохотъ, подтруниваніе, и всему этому благосклонно вторитъ самъ Іудушка. Но среди общаго разгара веселости Арина Петровна вдругъ стихаетъ и прислушивается.

— Стойте! не шумите! кто-то ѣдетъ!—говоритъ она.

Іудушка съ Евпраксеюшкой тоже прислушиваются, но безъ результата.

— Говорю вамъ: ѣдутъ! Вона... чу! вѣтромъ сюда вдругъ подуло... Чу! ѣдетъ, и даже близко!

Вновь начинаютъ вслушиваться и, дѣйствительно, слышатъ какое-то далекое позвякиванье, то доносимое, то относимое вѣтромъ. Проходитъ минутъ пять, и колокольчикъ слышится уже явственно, а вслѣдъ за нимъ и голосъ на дворѣ.

— Молодой баринъ! Петръ Порфирьичъ пріѣхали!—доносится изъ передней.

Іудушка всталъ и застылъ на мѣстѣ, блѣдный, какъ полотно.

Петенька вошелъ какъ-то вяло, поцѣловалъ у отца руку, потомъ соблюлъ тотъ же церемоніалъ относительно бабушки, поклонился Евпраксеюшкѣ и сѣлъ. Это былъ малый лѣтъ двадцати пяти, довольно красивой наружности, въ дорожной офицерской формѣ. Вотъ все, что можно сказать про него, да и самъ Іудушка едва ли зналъ что-нибудь больше. Взаимныя отношенія отца и сына были таковы, что ихъ нельзя было даже назвать натянутыми! совсѣмъ какъ бы ничего не существовало. Іудушка зналъ, что это — человѣкъ, значащійся по документамъ его сыномъ, которому онъ обязанъ въ извѣстные сроки посылать условленное, то-есть имъ же самимъ опредѣленное жалованье, и отъ котораго, взамѣнъ того, онъ имѣетъ право требовать почтенія и повиновенія. Петенька, съ своей стороны, зналъ, что есть у него отецъ, который можетъ его во всякое время притѣснить. Онъ довольно охотно ѣздилъ въ Головлево, особливо съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ въ офицеры, но не потому, чтобы находилъ удовольствіе бесѣдовать съ отцомъ, а просто потому, что всякаго человѣка, не отдавшаго себѣ

Digitized by Google

никакого отчета въ жизненныхъ цѣляхъ, какъ-то инстинктивно тянетъ *въ свое мѣсто*. Но теперь онъ, очевидно, прибылъ по нуждѣ, по принужденію, вслѣдствіе чего онъ не выразилъ даже ни одного изъ тѣхъ знаковъ радостнаго недоумѣнія, которыми обыкновенно ознаменовываетъ всякій блудный дворянскій сынъ свой пріѣздъ въ родное мѣсто.

Петенька былъ неразговорчивъ. На всѣ восклицанія отца: «вотъ такъ сюрпризъ! ну, братъ, одолжилъ! а я-то сижу да думаю: кого, прости Господи, по ночамъ носитъ?—анъ вотъ онъ кто!» и т. д.—онъ отвѣчалъ или молчаніемъ, или принужденною улыбкою. А на вопросъ: «и какъ это тебѣ вдругъ вздумалось?» — отвѣчалъ даже сердито: «Такъ вотъ, вздумалось и пріѣхалъ».

— Ну, спасибо тебѣ, спасибо, вспомнилъ про отца, обрадовалъ! Чай, и про бабушку-старушку вспомнилъ?

— И про бабушку вспомнилъ.

— Стой! да тебѣ, можетъ-быть, вспомнилось, что сегодня годовщина по братѣ Володенькѣ?

— Да, и про это вспомнилось.

Въ такомъ тонѣ разговоръ длился съ полчаса, такъ что нельзя было понять, взаправду ли отвѣчаетъ Петенька, или только отдѣлывается. Поэтому какъ ни выносливъ былъ Іудушка относительно равнодушія своихъ дѣтей, однако, и онъ не выдержалъ и замѣтилъ:

— Да, братъ, неласковъ ты! Нельзя сказать, чтобъ ты ласковый сынъ былъ!

Смолчи на этотъ разъ Петенька, прими папенькино замѣчаніе съ кротостью, а еще лучше—поцѣлуй у папеньки ручку и скажи ему: «извините меня, добренькій папенька, я вѣдь съ дороги усталъ!»—и все бы обошлось благополучно. Но Петенька поступилъ совсѣмъ какъ неблагодарный.

— Каковъ есть!—отвѣтилъ онъ такъ грубо, словно хотѣлъ сказать: отвяжись ты отъ меня, сдѣлай милость!

Тогда Порфирію Владимірычу сдѣлалось такъ больно, такъ больно, что онъ ужъ не нашелъ возможности молчать.

— Кажется, какъ я о васъ заботился!—сказалъ онъ съ горечью.—Даже и здѣсь сидишь, а все думаешь: какъ бы получше, да поскладнѣе, да чтобы всѣмъ хорошенько да уютненько, безъ нужды да безъ горюшка... А вы все отъ меня прочь да прочь?

— Кто же... *вы*?

— Ну, ты... Впрочемъ, и покойникъ, царство ему небесное былъ такой же...

Digitized by Google

— Что-жъ, я вамъ очень благодаренъ!

— Никакой я отъ васъ благодарности не вижу! Ни благодарности, ни ласки—ничего!

— Характеръ неласковый — вотъ и все. Да вы все во множественномъ говорите? Одинъ уже умеръ...

— Да, умеръ. Богъ наказалъ. Богъ непокорныхъ дѣтей наказываетъ. И все-таки я его помню. Онъ непокоренъ былъ, а я его помню. Вотъ, завтра обѣденку отстоимъ и панихидку отслужимъ. Онъ меня обидѣлъ, а я все-таки свой долгъ помню. Господи ты Боже мой! да что-жъ это нынче дѣлается? Сынъ къ отцу пріѣхалъ, и съ перваго же слова уже фыркаетъ! Такъ ли мы въ наше время поступали! Бывало, ѣдешь въ Головлево-то, да за тридцать верстъ все твердишь: «Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его!» Да вотъ маменька—живой человѣкъ: она скажетъ! А нынче—не понимаю! не понимаю!

— И я не понимаю. Пріѣхалъ я смирно, поздоровался съ вами, руку поцѣловалъ, теперь сижу, васъ не трогаю, пью чай, а коли дадите ужинать — и поужинаю. Съ чего вы всю эту исторію подняли?

Арина Петровна сидитъ въ своемъ креслѣ и вслушивается. И сдается ей, что она все ту же знакомую повѣсть слышитъ, которая давно—и не запомнитъ она когда—началась. Закрылась-было совсѣмъ эта повѣсть, да вотъ и опять, нѣтъ-нѣтъ, возьметъ да и раскроется на той же страницѣ. Тѣмъ не менѣе, она понимаетъ, что подобная встрѣча между отцомъ и сыномъ не обѣщаетъ ничего хорошаго, и потому считаетъ долгомъ вмѣшаться въ распрю и сказать примирительное слово.

— Ну, ну, пѣтухи индѣйскіе!—говоритъ она, стараясь придать своему поученію шутливый тонъ.—Только что свидѣлись, а ужъ и разодрались! Такъ и наскакиваютъ другъ на дружку, такъ и наскакиваютъ! Смотри, сейчасъ перья полетятъ! Ахъ-ахъ-ахъ горе какое! А вы, молодцы, смирненько посидите да ладкомъ между собою поговорите, а я, старуха, послушаю да полюбуюсь на васъ! Ты, Петенька,— уступи! Отцу, мой другъ, всегда нужно уступить, потому что онъ — отецъ. Ежели иной разъ и горьконько что отъ отца покажется, а ты прими съ готовностью, да съ покорностью, да съ почтеніемъ, потому что ты — сынъ! Можетъ, изъ горькаго-то да вдругъ сладкое сдѣлается — вотъ ты и въ выигрышѣ! А ты, Порфирій Владимірычъ, — снизойди! Онъ—сынъ, человѣкъ молодой, нѣженный. Онъ семьдесятъ

Digitized by Google

цять верстъ по ухабамъ да по сугробамъ проѣхалъ: и усталъ, и иззябъ, и уснуть ему хочется! Вотъ чай-то ужъ кончили, вели-ка подавать ужинать, да и на покой! Такъ-то, другъ мой! Разбредемся всѣ по своимъ мѣстамъ, помолимся, анъ, сердце-то у насъ и пройдетъ. И всѣ, какія у насъ дурныя мысли были—всѣ сномъ Богъ прогонитъ! А завтра ранёхонько встанемъ, да о покойникѣ помолимся. Обѣденку отстоимъ, панихидку отслужимъ, а потомъ, какъ воротимся домой, и побесѣдуемъ. И всякій, отдохнувши, свое дѣло по порядку, какъ слѣдуетъ, разскажетъ. Ты, Петенька, про Петербургъ, а ты, Порфирій,—про деревенское свое житье. А теперь поужинаемъ—и съ Богомъ, на боковую.

Это увѣщаніе оказываетъ свое дѣйствіе не потому, чтобы оно заключало что-нибудь дѣйствительно убѣдительное, а потому, что Іудушка и самъ видитъ, что онъ зарапортовался, что лучше какъ-нибудь миромъ покончить день. Поэтому онъ встаетъ съ своего мѣста, цѣлуетъ у маменьки ручку, благодаритъ «за науку» и приказываетъ подавать ужинать. Ужинъ проходитъ сурово и молчаливо.

Столовая опустѣла; всѣ разошлись по своимъ комнатамъ. Домъ мало-по-малу стихаетъ, мертвая тишина ползетъ изъ комнаты въ комнату и, наконецъ, доползаетъ до послѣдняго убѣжища, въ которомъ дольше прочихъ закоулковъ упорствовала обрядовая жизнь, т. е. до кабинета головлевскаго барина. Іудушка, наконецъ, покончилъ съ поклонами, которые онъ долго-долго отсчитывалъ передъ образами, и тоже улегся въ постель.

Лежитъ Порфирій Владимірычъ въ постели, но не можетъ сомкнуть глазъ. Чуетъ онъ, что пріѣздъ сына предвѣщаетъ что-то не совсѣмъ обыкновенное, и уже заранѣе въ головѣ его зарождаются всевозможныя пустословныя поученія. Поученія эти имѣютъ то достоинство, что они ко всякому случаю пригодны и даже не представляютъ собой послѣдовательнаго сцѣпленія мыслей. Ни грамматической, ни синтаксической формы для нихъ тоже не требуется: они накопляются въ головѣ въ видѣ отрывочныхъ афоризмовъ и появляется на свѣтъ Божій по мѣрѣ того, какъ наползаютъ на языкъ. Тѣмъ не менѣе, какъ только случится въ жизни какой-нибудь казусъ, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ, такъ въ головѣ поднимается такая суматоха отъ наплыва афоризмовъ, что даже сонъ не можетъ умиротворить ее.

Не спится Іудушкѣ: цѣлая масса пустяковъ обступила

Digitized by Google

его изголовье и давить его. Собственно говоря, загадочный пріѣздъ Петеньки не особенно волнуетъ его, ибо, что бы ни случилось, Іудушка уже *ко всему* готовъ заранѣе. Онъ знаетъ, что *ничто* не застанетъ его врасплохъ и *ничто* не заставитъ сдѣлать какое-нибудь отступленіе отъ той сѣти пустыхъ и насквозь прогнившихъ афоризмовъ, въ которую онъ запутался съ головы до ногъ. Для него не существуетъ ни горя, ни радости, ни ненависти, ни любви. Весь міръ въ его глазахъ есть гробъ, могущій служить лишь поводомъ для безконечнаго пустословія. Ужъ на что было больше горя, когда Володя покончилъ съ собой, а онъ и тутъ устоялъ. Это была очень грустная исторія, продолжавшаяся цѣлыхъ два года. Цѣлыхъ два года Володя перемогался; сначала выказывалъ гордость и рѣшимость не нуждаться въ помощи отца; потомъ ослабъ, сталъ молить, доказывать, грозить... И всегда встрѣчалъ въ отвѣтъ готовый афоризмъ, который представлялъ собой камень, поданный голодному человѣку. Сознавалъ ли Іудушка, что это камень, а не хлѣбъ, или не сознавалъ—это вопросъ спорный; но во всякомъ случаѣ у него ничего другого не было, и онъ подавалъ свой камень, какъ единственное, что онъ могъ дать. Когда Володя застрѣлился, онъ отслужилъ по немъ панихиду, записалъ въ календарѣ день его смерти и обѣщалъ и на будущее время каждогодно 23-го ноября служить панихиду «и съ литургіею». Но когда по временамъ даже и въ немъ поднимался какой-то тусклый голосъ, который бормоталъ, что все-таки разрѣшеніе семейнаго спора самоубійствомъ—вещь по малой мѣрѣ подозрительная, тогда онъ выводилъ на сцену цѣлую свиту готовыхъ афоризмовъ, въ родѣ: «Богъ непокорныхъ дѣтей наказываетъ», «гордымъ Богъ противится» и проч.—и успокаивался.

Вотъ и теперь. Нѣтъ сомнѣнія, что съ Петенькой случилось что-то недоброе, но, что бы ни случилось — онъ, Порфирій Головлевъ, долженъ быть выше этихъ случайностей. Самъ запутался—самъ и распутывайся; умѣлъ кашу заварить — умѣй и расхлёбывать; любишь кататься—люби и саночки возить. Именно такъ; именно это самое онъ и скажетъ завтра, о чемъ бы ни сообщилъ ему сынъ. А что, ежели и Петенька, подобно Володѣ, откажется принять камень вмѣсто хлѣба? Что, ежели и онъ... Іудушка отплевывается отъ этой мысли и приписываетъ ее навожденію лукаваго. Онъ переворачивается съ боку на бокъ, усили-

Digitized by Google

вается уснуть и не можетъ. Только что начнетъ заводить его сонъ — вдругъ: «и радъ бы до неба достать, да руки коротки!» или: «по одежкѣ протягивай ножки... вотъ я... вотъ ты... прытки вы очень, а знаешь пословицу: поспѣшность потребна только блохъ ловить?» Обступили кругомъ пустяки, ползутъ, лѣзутъ, давятъ. И не спитъ Іудушка подъ бременемъ пустословія, которымъ онъ надѣется завтра утолить себѣ душу.

Не спится и Петенькѣ, хотя дорога порядкомъ-таки изломала его. Есть у него дѣло, которое можетъ разрѣшиться только здѣсь, въ Головлевѣ, но такое это дѣло, что и не вѣсть какъ за него взяться. По правдѣ говоря, Петенька отлично понимаетъ, что дѣло его безнадежное, что поѣздка въ Головлево принесетъ только лишнія непріятности, но въ томъ-то и штука, что есть въ человѣкѣ какой-то темный инстинктъ самосохраненія, который пересиливаетъ всякую сознательность и который такъ и подталкиваетъ: испробуй все до послѣдняго! Вотъ онъ и пріѣхалъ, да вмѣсто того, чтобъ закалить себя и быть готовымъ перенести все, чуть-было съ перваго шагу не разругался съ отцомъ. Что-то будетъ изъ этой поѣздки? Совершится ли чудо, которое должно превратить камень въ хлѣбъ, или не совершится?

Не прямѣе ли было бы взять револьверъ и приставить его къ виску: «Господа, я не достоинъ носить вашъ мундиръ! Я растратилъ казенныя деньги, и потому самъ себѣ произношу справедливый и строгій судъ!» Бацъ! — и все кончено. «Исключается изъ списковъ *умершій* поручикъ Головлевъ!» Да, это было бы рѣшительно и... красиво. Товарищи сказали бы: «Ты былъ несчастенъ, ты увлекался, но... ты былъ *благородный* человѣкъ!» Но онъ, вмѣсто того, чтобы сразу поступить *такимъ образомъ*, довелъ дѣло до того, что поступокъ его сталъ всѣмъ извѣстенъ, — и вотъ его отпустили на опредѣленный срокъ, съ тѣмъ, чтобы въ теченіе его растрата была непремѣнно пополнена. А потомъ — вонъ изъ полка. И для достиженія этой-то цѣли, въ концѣ которой стоялъ позорный исходъ только что начатой карьеры, онъ поѣхалъ въ Головлево, поѣхалъ съ полной увѣренностью получить камень вмѣсто хлѣба!

А можетъ-быть, что-нибудь и будетъ? Вѣдь случается же... Вдругъ нынѣшнее Головлево исчезнетъ, и на мѣстѣ его очутится новое Головлево, съ новою обстановкой, въ которой онъ... Не то чтобы отецъ... умретъ — зачѣмъ? — а такъ... вообще, будетъ новая «обстановка»... А можетъ-

Digitized by Google

быть и бабушка — вѣдь у нея деньги есть! Узнаетъ, что бѣда впереди—и вдругъ дастъ! На, скажетъ, поѣзжай скорѣе, покуда срокъ не прошелъ! И вотъ онъ ѣдетъ, торопитъ ямщиковъ, насилу поспѣваетъ на станцію—и является въ полкъ какъ разъ за два часа до срока! «Молодецъ Головлевъ!—говорятъ товарищи.—Руку, благородный молодой человѣкъ, и пусть отнынѣ все будетъ забыто!» И онъ не только остается въ полку попрежнему, но производится сначала въ штабсъ-капитаны, потомъ въ капитаны, дѣлается полковымъ адъютантомъ (казначеемъ онъ ужъ былъ) и, наконецъ, въ день полкового юбилея...

Ахъ! поскорѣе бы эта ночь прошла! Завтра... ну, завтра пусть будетъ, что будетъ! Но что онъ долженъ будетъ завтра выслушать... ахъ, чего только онъ не выслушаетъ! Завтра... но для чего же завтра? Вѣдь есть еще цѣлый день впереди... Вѣдь онъ выговорилъ себѣ два дня собственно для того, чтобы имѣть время убѣдить, растрогать... Чорта съ два! убѣдишь тутъ, растрогаешь! Нѣтъ ужъ...

Тутъ мысли его окончательно путаются и постепенно, одна за другой, утопаютъ въ сонной мглѣ. Черезъ четверть часа головлевская усадьба всецѣло погружается въ тяжкій сонъ.

На другой день рано утромъ весь домъ на ногахъ. Всѣ поѣхали въ церковь, кромѣ, впрочемъ, Петеньки, который остался дома подъ предлогомъ, что усталъ съ дороги. Наконецъ, отслушали обѣдню и панихиду и воротились домой. Петенька, по обыкновенію, подошелъ къ рукѣ отца, но Іудушка подалъ руку бокомъ, и всѣ замѣтили, что онъ даже не перекрестилъ сына. Напились чаю, поѣли поминальной кутьи; Іудушка ходилъ мрачный, шаркалъ ногами, избѣгалъ разговоровъ, вздыхалъ, безпрестанно складывалъ руки, въ знакъ умной молитвы, и совсѣмъ не глядѣлъ на сына. Съ своей стороны и Петенька ёжился и молча курилъ папироску за папироской. Вчерашнее натянутое положеніе не только не улучшилось за ночь, но приняло такіе рѣзкіе тоны, что Арина Петровна серьезно обезпокоилась и рѣшилась развѣдать у Евпраксеюшки, не случилось ли что-нибудь.

— Что такое сдѣлалось,— спросила она:— что они съ утра словно вороги другъ на друга смотрятъ?

— А я почемъ знаю! Развѣ я въ ихнія дѣла вхожу!— отгрызнулась Евпраксея.

— Ужъ не ты ли? Можетъ, и внучекъ къ тебѣ пристаетъ?

Digitized by Google

— Чего ко мнѣ приставать! Просто давеча подкараулилъ меня въ коридорѣ, а Порфирій Владимірычъ и увидѣли!

— Н-да, такъ вотъ оно что!

И дѣйствительно, несмотря на крайность своего положенія, Петенька отнюдь не оставилъ присущаго ему легкомыслія. И онъ тоже заглядѣлся на могучую спину Евпраксеюшки и рѣшился ей высказать это. Съ этою собственно цѣлью онъ и въ церковь не поѣхалъ, надѣясь, что и Евпраксея, въ качествѣ экономки, останется дома. И вотъ, когда въ домѣ все стихло, онъ накинулъ на плечи шинель и притаился въ коридорѣ. Прошла минута, другая, хлопнула дверь, ведущая изъ сѣней въ дѣвичью, и въ концѣ коридора показалась Евпраксея, держа въ рукахъ подносъ, на которомъ лежалъ теплый сдобный крендель къ чаю. Но не успѣлъ еще Петенька вытянуть ее хорошенько между лопатками, не успѣлъ произнести: «вотъ это такъ спина!» — какъ дверь изъ столовой отворилась и въ ней показался отецъ.

— Ежели ты сюда пакостничать, мерзавецъ, пріѣхалъ, такъ я тебя съ лѣстницы велю сбросить! — произнесъ Іудушка какимъ-то безконечно-злымъ голосомъ.

Разумѣется, Петенька въ одинъ моментъ стушевался.

Онъ не могъ, однакожъ, не понять, что утреннее происшествіе было не изъ такихъ, чтобы благопріятно подѣйствовать на его фонды. Поэтому онъ рѣшился молчать и отложить объясненіе до завтра. Но въ то же время онъ не только ничего не дѣлалъ, чтобъ унять раздраженіе отца, но, напротивъ того, велъ себя самымъ неосмотрительнымъ и дурацкимъ образомъ. Не переставая, курилъ папироски, не обращая никакого вниманія на то, что отецъ усиленно отмахивался отъ облаковъ дыма, которыми онъ наполнилъ комнату. Затѣмъ поминутно кидалъ умильно-дурацкіе взоры на Евпраксеюшку, которая подъ вліяніемъ ихъ какъ-то вкось улыбалась, что тоже замѣчалъ Іудушка.

День потянулся вяло. Пробовала-было Арина Петровна въ дураки съ Евпраксеюшкой сыграть, но ничего изъ этого не вышло. Не игралось, не говорилось, даже пустяки какъ-то не шли на умъ, хотя у всѣхъ были въ запасѣ цѣлые непочатые углы этого добра. Насилу пришелъ обѣдъ, но и за обѣдомъ всѣ молчали. Послѣ обѣда Арина Петровна собралась-было въ Погорѣлку, но Іудушку даже испугало это намѣреніе добраго друга маменьки.

Digitized by Google

— Христосъ съ вами, голубушка! — воскликнулъ онъ.— Что-жъ, одного, что ли, вы меня оставить хотите съ глазу на глазъ съ этимъ... дурнымъ сыномъ? Нѣтъ, нѣтъ, и не думайте! не пущу!

— Да что такое, случилось, что ли, что-нибудь промежду васъ? Сказывай!—спросила она его.

— Нѣтъ, покамѣстъ еще ничего не случилось, но вы увидите... Нѣтъ, вы ужъ не оставьте меня! Пусть ужъ при васъ... Это--не даромъ, не даромъ онъ прикатилъ... Такъ если что случится—ужъ вы будьте свидѣтельницей!

Арина Петровна покачала головой и рѣшилась остаться.

Послѣ обѣда Порфирій Владимірычъ удалился спать, уславъ предварительно Евпраксеюшку на село къ попу; Арина Петровна, отложивъ отъѣздъ въ Погорѣлку, тоже ушла въ свою комнату и, усѣвшись въ кресло, дремала. Петенька счелъ это время самымъ благопріятнымъ, чтобъ попытать счастья у бабушки, и отправился къ ней.

— Что ты, въ дурачки, что ли, со старухой поиграть пришелъ?—встрѣтила его Арина Петровна.

— Нѣтъ, бабушка, я къ вамъ за дѣломъ.

— Ну, разсказывай, говори.

Петенька съ минуту помялся на мѣстѣ и вдругъ брякнулъ:

— Я, бабушка, казенныя деньги проигралъ.

У Арины Петровны даже въ глазахъ потемнѣло отъ неожиданности.

— И много? — спросила она перепуганнымъ голосомъ, глядя на него остановившимися глазами.

— Три тысячи.

Послѣдовала минута молчанія; Арина Петровна безпокойно смотрѣла изъ стороны въ сторону, точно ждала, не явится ли откуда къ ней помощь.

— А ты знаешь ли, что за это и въ Сибирь недолго попасть?—наконецъ, произнесла она.

— Знаю.

— Ахъ, бѣдный ты, бѣдный!

— Я, бабушка, у васъ хотѣлъ взаймы попросить... Я хорошій процентъ заплачу.

Арина Петровна совсѣмъ испугалась.

— Что ты, что ты!—заметалась она.—Да у меня и денегъ только на гробъ, да на поминовенье осталось! И сыта я только по милости внучекъ, да вотъ чѣмъ у сына полакомлюсь! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Ты ужъ меня оставь! Сдѣ-

Digitized by Google

лай милость, оставь! Знаешь что: ты бы у папеньки попросилъ!

— Нѣтъ, ужъ что, отъ желѣзнаго попа да каменной просвиры ждать! Я, бабушка, на васъ надѣялся!

— Что ты! что ты! да я бы съ радостью, только какія же у меня деньги! И денегъ у меня такихъ нѣтъ! А ты бы къ папенькѣ обратился, да съ лаской, да съ почтеніемъ: вотъ, молъ, папенька, такъ и такъ: виноватъ, молъ, по молодости, проштрафился... Со смѣшкомъ, да съ улыбочкой, да ручку поцѣлуй, да на колѣни встань, да поплачь—онъ это любитъ,—ну, и развяжетъ папенька мошну для милаго сынка.

— А что вы думаете, сдѣлать развѣ? Стойте-ка, стойте! А что, бабушка, если-бъ вы ему сказали: коли не дашь денегъ—прокляну! Вѣдь онъ этого давно боится, проклятьято вашего.

— Ну, ну, зачѣмъ проклинать! Попроси и такъ. Попроси, мой другъ! Вѣдь ежели отцу и лишній разокъ поклонишься, такъ вѣдь голова не отвалится; отецъ онъ! Ну, и онъ съ своей стороны увидитъ... Сдѣлай-ка это! Право!

Петенька ходитъ, подбоченившись, взадъ и впередъ, словно обдумываетъ; наконецъ, останавливается и говоритъ:

— Нѣтъ ужъ. Все равно—не дастъ. Что бы я ни дѣлалъ, хотя бы лобъ себѣ разбилъ, кланявшись,—все одно не дастъ. Вотъ кабы вы проклятіемъ пригрозили... Такъ какъ же мнѣ быть-то, бабушка?

— Не знаю, право. Попробуй — можетъ, и смягчишь. Какъ же ты это, однакожъ, такую себѣ волю далъ: лёгко ли дѣло—казенныя деньги проигралъ! Научилъ тебя, что ли, кто-нибудь?

— Такъ вотъ, взялъ да и проигралъ. Ну, коли у васъ своихъ денегъ нѣтъ, такъ изъ сиротскихъ дайте!

— Что ты, опомнись! Какъ я могу сиротскія деньги давать? Нѣтъ, ужъ сдѣлай милость, уволь ты меня! Не говори ты со мной объ этомъ, ради Христа!

— Такъ не хотите? Жаль. А я бы хорошій процентъ далъ. Пять процентовъ въ мѣсяцъ хотите? нѣтъ? Ну, черезъ годъ капиталъ на капиталъ?

— И не соблазняй ты меня!—замахала на него руками Арина Петровна.—Уйди ты отъ меня, ради Христа! Еще папенька неравно услышитъ, скажетъ, что я же тебя возмутила! Ахъ, ты, Господи! Я, старуха, отдохнуть хотѣла.

Digitized by Google

даже задремала совсѣмъ, а онъ вонъ съ какимъ дѣломъ пришелъ!

— Ну, хорошо. Я уйду. Стало-быть, нельзя? Прекрасно-съ. По-родственному. Изъ-за трехъ тысячъ рублей внукъ въ Сибирь долженъ пойти! Напутственный-то молебенъ отслужить не забудьте!

Петенька хлопнулъ дверью и ушелъ. Одна изъ его легкомысленныхъ надеждъ лопнула—что теперь предпринять? Остается одно: во всемъ открыться отцу. А можетъ-быть... Можетъ-быть, что-нибудь...

— Пойду сейчасъ и покончу разомъ,—говорилъ онъ себѣ:—или нѣтъ! Нѣтъ, зачѣмъ же сегодня... Можетъ быть, что-нибудь... да впрочемъ, что же такое можетъ быть? Нѣтъ, лучше завтра... Все-таки, хоть нынче день... Да, лучше завтра! Скажу—и уѣду.

На томъ и покончилъ, что завтра—всему конецъ...

Послѣ объясненія съ бабушкой вечеръ потянулся еще вялѣе. Даже Арина Петровна притихла, узнавши дѣйствительную причину пріѣзда Петеньки. Іудушка пробовалъ было заигрывать съ маменькой, но, видя, что она о чемъ-то задумывается, замолчалъ. Петенька тоже ничего не дѣлалъ, только курилъ. За ужиномъ Порфирій Владимірычъ обтатился къ нему съ вопросомъ:

— Да скажешь ли ты, наконецъ, зачѣмъ ты сюда пожаловалъ?

— Завтра скажу,—угрюмо отвѣтилъ Петенька.

Петенька всталъ рано послѣ почти совсѣмъ безсонной ночи. Все та же раздвоенная мысль преслѣдовала его,—мысль, начинавшаяся надеждой: «можетъ-быть, и дастъ!» и неизмѣнно кончавшаяся вопросомъ: «и зачѣмъ я сюда пріѣхалъ?» Можетъ-быть, онъ не понималъ своего отца, но, во всякомъ случаѣ, онъ не зналъ за нимъ ни одного чувства, ни одной слабой струны, за которую предстояла бы возможность ухватиться и, эксплоатируя которую, можно было бы чего-нибудь достигнуть. Онъ чувствовалъ только одно: что въ присутствіи отца онъ находится лицомъ къ лицу съ чѣмъ-то неизъяснимымъ, неуловимымъ. Незнаніе, съ какого конца подойти, съ чего начать рѣчь, порождало ежели не страхъ, то, во всякомъ случаѣ, безпокойство. И такъ шло съ самаго дѣтства. Всегда, съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ себя помнить, дѣло было поставлено такъ, что лучше казалось совсѣмъ отказаться отъ какого-нибудь пред-

Digitized by Google

положенія, нежели поставить его въ зависимость отъ рѣшенія отца. Такъ было и теперь. Съ чего онъ начнетъ? какъ начнетъ? что̀ скажетъ?.. Ахъ, зачѣмъ только онъ пріѣхалъ!

Имъ овладѣла тоска. Тѣмъ не менѣе, онъ понялъ, что впереди оставалось только нѣсколько часовъ и что, слѣдовательно, надо же что-нибудь дѣлать. Набравшись напускной рѣшимости, застегнувши сюртукъ и пошептавши что-то на ходу, онъ довольно твердымъ шагомъ направился къ отцовскому кабинету.

Іудушка стоялъ на молитвѣ. Онъ былъ набоженъ и каждый день охотно посвящалъ молитвѣ нѣсколько часовъ. Но онъ молился не потому, что любилъ Бога и надѣялся посредствомъ молитвы войти въ общеніе съ Нимъ, а потому, что боялся чорта, и надѣялся, что Богъ избавитъ его отъ лукаваго. Онъ зналъ множество молитвъ, и въ особенности отлично изучилъ технику молитвеннаго стоянія. То-есть зналъ, когда нужно шевелить губами и закатывать глаза, когда слѣдуетъ складывать руки ладонями внутрь и когда держать ихъ воздѣтыми, когда надлежитъ умиляться и когда стоять чинно, творя умѣренныя крестныя знаменія. И глаза, и носъ его краснѣли и увлажнялись въ опредѣленныя минуты, на которыя указывала ему молитвенная практика. Но молитва не обновляла его, не просвѣтляла его чувства, не вносила никакого луча въ его тусклое существованіе. Онъ могъ молиться и продѣлывать всѣ нужныя тѣлодвиженія—и въ то же время смотрѣть въ окно и замѣчать, не идетъ ли кто безъ спросу въ погребъ и т. д. Это была совершенно особенная, частная формула жизни, которая могла существовать и удовлетворять себя совсѣмъ независимо объ общей жизненной формулы.

Когда Петенька вошелъ въ кабинетъ, Порфирій Владимірычъ стоялъ на колѣняхъ съ воздѣтыми руками. Онъ не перемѣнилъ своего положенія, а только подрыгалъ одной рукой въ воздухѣ, въ знакъ того, что еще—не время. Петенька расположился въ столовой, гдѣ ужъ былъ накрытъ чайный приборъ, и сталъ ждать. Эти полчаса показались ему вѣчностью, тѣмъ болѣе, что онъ былъ увѣренъ, что отецъ заставляетъ его ждать нарочно. Напускная твердость, которою онъ вооружился, мало-по-малу стала уступать мѣсто чувству досады. Сначала онъ сидѣлъ смирно, потомъ принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ и наконецъ сталъ что-то насвистывать. вслѣдствіе чего дверь кабинета

Digitized by Google

пріотворилась и оттуда послышался раздраженный голосъ Іудушки:

— Кто хочетъ свистать, тотъ можетъ для этого на конюшню идти.

Немного погодя, Порфирій Владимірычъ вышелъ, одѣтый весь въ черномъ, въ чистомъ бѣльѣ, словно приготовленный къ чему-то торжественному. Лицо у него было свѣтлое, умиленное, дышащее смиреніемъ и радостью, какъ будто онъ сейчасъ только «сподобился». Онъ подошелъ къ сыну, перекрестилъ и поцѣловалъ его.

— Здравствуй, другъ!—сказалъ онъ.

— Здравствуйте!

— Каково почивалъ? Постельку хорошо ли постлали? Клопиковъ, блошекъ не чувствовалъ ли?

— Благодарю васъ. Спалъ.

— Ну, спалъ, такъ и слава Богу. У родителей только и можно сластѣнько поспать. Это ужъ я по себѣ знаю: какъ ни хорошо, бывало, устроишься въ Петербургѣ, а никогда такъ сладко не уснешь, какъ въ Головлевѣ. Точно вотъ въ колыбелькѣ тебя покачиваетъ. Такъ какъ же мы съ тобой: попьемъ чайку, что ли, сначала, или ты сейчасъ что-нибудь сказать хочешь?

— Нѣтъ, лучше теперь поговоримъ. Мнѣ черезъ шесть часовъ уѣхать надо, такъ, можетъ-быть, и обдумать кой-что время понадобится.

— Ну, ладно. Только я, братъ, говорю прямо: никогда я не обдумываю. У меня всегда отвѣтъ готовъ. Коли ты правильнаго чего просишь—изволь, никогда я ни въ чемъ правильномъ не откажу. Хоть и трудненько иногда, и не по силамъ, а ежели правильно—не могу отказать! Натура такая. Ну, а ежели просишь неправильно—не прогнѣвайся! Хоть и жалко тебя—а откажу! У меня, братъ, вывертовъ нѣтъ! Я весь тутъ, на ладони. Ну, пойдемъ, пойдемъ въ кабинетъ! Ты поговоришь, а я послушаю! Послушаемъ, послушаемъ, что такое!

Когда оба вошли въ кабинетъ, Порфирій Владимірычъ оставилъ дверь слегка пріотворенною и затѣмъ ни самъ не сѣлъ, ни сына не посадилъ, а началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Словно онъ инстинктивно чувствовалъ, что дѣло будетъ щекотливое и что объясняться о такихъ предметахъ на ходу гораздо свободнѣе. И выраженіе лица скрыть удобнѣе, и прекратить объясненіе, ежели оно приметъ слишкомъ непріятный оборотъ, легче. А съ

Digitized by Google

помощью пріотворенной двери и на свидѣтелей можно сослаться, потому что маменька съ Евпраксеюшкой навѣрное не замедлятъ явиться къ чаю въ столовую.

— Я, папенька, казенныя деньги проигралъ,—разомъ и какъ-то тупо высказался Петенька.

Іудушка ничего не сказалъ. Только можно было замѣтить, какъ дрогнули у него губы. И вслѣдъ затѣмъ онъ по обыкновенію началъ шептать.

— Я проигралъ три тысячи...—пояснилъ Петенька: — и ежели послѣзавтра ихъ не внесу, то могутъ произойти очень непріятныя для меня послѣдствія.

— Что-жъ, внеси!—любезно молвилъ Порфирій Владимірычъ.

Нѣсколько туровъ отецъ и сынъ сдѣлали молча. Петенька хотѣлъ объясняться дальше, но чувствовалъ, что у него захватило горло.

— Откуда же я возьму деньги? — наконецъ выговорилъ онъ.

— Я, любезный другъ, твоихъ источниковъ не знаю. На какіе ты источники разсчитывалъ, когда проигрывалъ въ карты казенныя деньги,—изъ тѣхъ и плати.

— Вы сами хорошо знаете, что въ подобныхъ случаяхъ люди объ источникахъ забываютъ!

— Ничего я, мой другъ, не знаю. Я въ карты никогда не игрывалъ—только вотъ развѣ съ маменькой въ дурачки сыграешь, чтобъ потѣшить старушку. И, пожалуйста, ты меня въ эти грязныя дѣла не впутывай, а пойдемъ-ка лучше чайку попьемъ. Попьемъ да посидимъ, можетъ и поговоримъ о чемъ-нибудь, только ужъ, ради Христа, не объ этомъ.

И Іудушка направился-было къ двери, чтобы юркнуть въ столовую, но Петенька остановилъ его.

— Позвольте, однакожъ,—сказалъ онъ:—надобно же мнѣ какъ-нибудь выйти изъ этого положенія!

Іудушка усмѣхнулся и посмотрѣлъ Петенькѣ въ лицо.

— Надо, голубчикъ!— согласился онъ.

— Такъ помогите же!

— А это... это ужъ другой вопросъ. Что надобно какъ-нибудь выйти изъ этого положенія—что такъ, это ты правду сказалъ. А какъ выйти—это ужъ не мое дѣло!

— Но почему же вы не хотите помочь?

— А потому, во-первыхъ, что у меня нѣтъ денегъ для покрытія твоихъ дрянныхъ дѣлъ, а во-вторыхъ—и потому,

Digitized by Google

что вообще это до меня не касается. Самъ напуталъ—самъ и выпутывайся. Любишь кататься—люби и саночки возить. Такъ-то, другъ. Я вѣдь и давеча съ того началъ, что ежели ты просишь правильно...

— Знаю, знаю. Много у васъ на языкѣ словъ...

— Постой, попридержи свои дерзости, дай мнѣ досказать. Что это не одни слова—это я тебѣ сейчасъ докажу... Итакъ, я тебѣ давеча сказалъ: если ты будешь просить должнаго, дѣльнаго—изволь, другъ, всегда готовъ тебя удовлетворить! Но ежели ты приходишь съ просьбой не-дѣльной—извини, братъ! На дрянныя дѣла у меня денегъ нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! И не будетъ—ты это знай! И не смѣй говорить, что это—одни «слова», а понимай, что эти слова очень близко граничатъ съ дѣломъ.

— Подумайте, однакожъ, что со мной будетъ!

— А что Богу угодно, то и будетъ,—отвѣчалъ Іудушка, слегка воздѣвая руки и искоса поглядывая на образъ.

Отецъ и сынъ опять сдѣлали нѣсколько туровъ по комнатѣ. Іудушка шелъ нехотя, словно жаловался, что сынъ держитъ его въ плѣну. Петенька, подбоченившись, слѣдовалъ за нимъ, кусая усы и нервно усмѣхаясь.

— Я—послѣдній сынъ у васъ,—сказалъ онъ: — не забудьте объ этомъ.

— У Іова, мой другъ, Богъ и все взялъ, да онъ не роптalъ, а только сказалъ: Богъ далъ, Богъ и взялъ—твори, Господи, волю свою! Такъ-то, братъ.

— То Богъ взялъ, а вы сами у себя отнимаете. Володя...

— Ну, ты, кажется, пошлости начинаешь говорить!

— Нѣтъ, это не пошлости, а правда. Всѣмъ извѣстно, что Володя...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Не хочу я твои пошлости слушать! Да и вообще—довольно. Что надо было высказать, то ты высказалъ. Я тоже отвѣтъ тебѣ далъ. А теперь пойдемъ и будемъ чай пить. Посидимъ да поговоримъ, потомъ поѣдимъ, выпьемъ на прощанье—и съ Богомъ. Видишь, какъ Богъ для тебя милостивъ! И погодка унялась, и дорожка поглаже стала. Полегоньку да помаленьку, трюхъ да трюхъ—и не увидишь, какъ доплетешься до станціи!

— Послушайте, наконецъ, я прошу васъ! Ежели у васъ есть хоть капля чувства...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Не будемъ объ этомъ говорить! Пойдемъ въ столовую: маменька, поди, давно безъ чаю соскучилась. Не годится старушку заставлять ждать.

Digitized by Google

Іудушка сдѣлалъ крутой поворотъ и почти бѣгомъ направился къ двери.

— Хоть уходите, хоть не уходите, я этого разговора не оставлю!—крикнулъ ему вслѣдъ Петенька. — Хуже будетъ, какъ при свидѣтеляхъ начнемъ разговаривать!

Іудушка воротился назадъ и всталъ прямо противъ сына.

— Что тебѣ отъ меня, негодяй, нужно... сказывай?— спросилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Мнѣ нужно, чтобы вы заплатили тѣ деньги, которыя я проигралъ.

— Никогда!

— Такъ это ваше послѣднее слово?

— Видишь,—торжественно воскликнулъ Іудушка, указывая пальцемъ на образъ, висѣвшій въ углу: — это видишь? Это—папенькино благословеніе... Такъ вотъ я при немъ тебѣ говорю: никогда!

И онъ рѣшительнымъ шагомъ вышелъ изъ кабинета.

— Убійца!—пронеслось вдогонку ему.

Арина Петровна сидитъ уже за столомъ, и Евпраксеюшка дѣлаетъ всѣ приготовленія къ чаю. Старуха задумчива, молчалива и даже какъ будто стыдится Петеньки. Іудушка по обычаю подходитъ къ ея ручкѣ, и по обычаю же она машинально креститъ его. Потомъ, по обычаю, идутъ вопросы, все ли здоровы, хорошо ли почивали, на что слѣдуютъ обычные односложные отвѣты.

Уже наканунѣ вечеромъ она была скучна. Съ тѣхъ поръ, какъ Петенька попросилъ у нея денегъ и разбудилъ въ ней воспоминаніе о «проклятіи», она вдругъ впала въ какое-то загадочное безпокойство и ее неотступно начала преслѣдовать мысль: «а что, ежели прокляну?» Узнавши утромъ, что въ кабинетѣ началось объясненіе, она обратилась къ Евпраксеюшкѣ съ просьбой:

— Поди-ка, сударка, подслушай потихоньку у дверей, что они тамъ говорятъ!

Но Евпраксеюшка хотя и подслушала, но была настолько глупа, что ничего не поняла.

— Такъ промежду себя разговариваютъ! Не очень кричатъ!—объяснила она, возвратившись.

Тогда Арина Петровна не вытерпѣла и сама отправилась въ столовую, куда тѣмъ временемъ и самоваръ былъ уже поданъ. Но объясненіе уже приходило къ концу; слы-

Digitized by Google

знала она только, что Петенька возвышаетъ голосъ, а Порфирій Владимірычъ словно зудитъ въ отвѣтъ.

«Зудитъ, именно зудитъ!—вертѣлось у нея въ головѣ:— вотъ и тогда онъ такъ же зудѣлъ, и какъ это я въ то время не поняла!»

Наконецъ, оба, и отецъ, и сынъ, появились въ столовую. Петенька былъ красенъ и тяжело дышалъ; глаза у него смотрѣли широко, волосы на головѣ растрепались, лобъ былъ усѣянъ мелкими каплями пота. Напротивъ, Іудушка вошелъ блѣдный и злой; хотѣлъ казаться равнодушнымъ, но, несмотря на всѣ усилія, нижняя губа его дрожала. Насилу могъ онъ выговорить обычное утреннее привѣтствіе милому другу маменькѣ.

Всѣ заняли свои мѣста вокругъ стола; Петенька сѣлъ нѣсколько поодаль, отвалился на спинку стула, положилъ нога на ногу и, закуривая папироску, иронически посматривалъ на отца.

— Вотъ, маменька, и погодка у насъ унялась,—началъ Іудушка:— какое вчера смятеніе было, ахъ, Богу стоило только захотѣть — вотъ у насъ тишь да гладь, да Божья благодать! Такъ ли, другъ мой?

— Не знаю; не выходила я изъ дому сегодня.

— А мы, кстати, дорогого гостя провожаемъ, — продолжалъ Іудушка:— я давеча еще гдѣ-гдѣ всталъ, посмотрѣлъ въ окно — ахъ, на дворѣ тихо да спокойно, точно вотъ ангелъ Божій пролетѣлъ и въ одну минуту своимъ крыломъ все это возмущеніе усмирилъ!

Но никто даже не отвѣтилъ на ласковыя Іудушкины слова; Евпраксеюшка шумно пила съ блюдечка чай, дуя и отфыркиваясь; Арина Петровна смотрѣла въ чашку и молчала; Петенька, раскачиваясь на стулѣ, продолжалъ посматривать на отца съ такимъ иронически-вызывающимъ видомъ, точно вотъ ему большихъ усилій стоитъ, чтобы не прыснуть со смѣха.

— Тенорича, ежели Петенька и не шибко поѣдетъ,— опять началъ Порфирій Владимірычъ:— и тутъ къ вечеру легко до станціи желѣзной дороги поспѣетъ. Лошади у насъ свои, не мученныя, часика два въ Муравьевѣ покормятъ — милыя домчатъ. А тамъ—фіюю! пошла машина погромыхивать! Ахъ, Петька, Петька! недобрый ты! Остался бы ты здѣсь съ нами, погостилъ бы—право! И намъ было бы веселѣе, да и тебѣ бы—смотри, какъ бы ты здѣсь въ одну недѣлю поправился!

Digitized by Google

Но Петенька все продолжаетъ раскачиваться на стулѣ и посматривать на отца.

— Ты что̀ на меня все смотришь, — закипаетъ, наконецъ, Іудушка:—узоры, что ли, видишь?

— Смотрю, жду, что̀ еще отъ васъ будетъ.

— Ничего, братъ, не высмотришь! Какъ сказано, такъ и будетъ. Я своего слова не измѣню!

Наступаетъ минута молчанія, въ продолженіе которой явственно раздается шопотъ:

— Іудушка!

Порфирій Владимірычъ несомнѣнно слышалъ эту апострофу (онъ даже поблѣднѣлъ), но дѣлаетъ видъ, что восклицаніе до него не относится.

— Ахъ, дѣтки, дѣтки!—говоритъ онъ:—и жаль васъ, и хотѣлось бы приласкать да приголубить васъ; да, видно, нечего дѣлать—не судьба! Сами вы отъ родителей бѣжите, свои у васъ завелись друзья-пріятели, которые дороже для васъ и отца съ матерью. Ну, и нечего дѣлать! Подумаешь-подумаешь—и покоришься. Люди вы молодые, а молодому, извѣстно, пріятнѣе съ молодымъ побыть, чѣмъ со старикомъ-ворчуномъ! Вотъ и смиряешь себя, и не ропщешь: только и просишь Отца Небеснаго: твори, Господи, волю свою!

— Убійца! — вновь шепчетъ Петенька, но уже такъ явственно, что Арина Петровна со страхомъ смотритъ на него. Передъ глазами ея что-то вдругъ пронеслось, словно тѣнь Стёпки-балбеса.

— Ты про кого это говоришь? — спрашиваетъ Іудушка, весь дрожа отъ волненія.

— Такъ, про одного знакомаго.

— То-то! такъ ты та́къ и говори! Вѣдь Богъ знаетъ, что̀ у тебя на умѣ: можетъ-быть, ты изъ присутствующихъ кого-нибудь такъ честишь!

Всѣ смолкаютъ; стаканы съ чаемъ стоятъ нетронутыми. Іудушка тоже откидывается на спинку стула и нервно покачивается. Петенька, видя, что всякая надежда потеряна, ощущаетъ что-то въ родѣ предсмертной тоски и подъ вліяніемъ ея готовъ идти до крайнихъ предѣловъ. И отецъ, и сынъ съ какою-то неизъяснимою улыбкой смотрятъ другъ другу въ глаза. Какъ ни вышколилъ себя Порфирій Владимірычъ, но близится минута, когда онъ не въ состояніи будетъ сдерживаться.

— Ты бы лучше за добра-ума уѣхалъ!—наконецъ, высказывается онъ.—Да!

Digitized by Google

— И то уѣду.

— Чего ждать-то! Я вижу, что ты на ссору лѣзешь, а я ни съ кѣмъ ссориться не хочу. Живемъ мы здѣсь тихо да смирно, безъ ссоръ да безъ сваръ; вотъ бабушка-старушка здѣсь сидитъ — хоть бы ея ты посовѣстился! Ну, зачѣмъ ты къ намъ пріѣхалъ?

— Я вамъ говорилъ, зачѣмъ.

— А коли затѣмъ только, такъ напрасно трудился. Уѣзжай, братъ! Эй, кто тамъ, велите-ка для молодого барина кибитку закладывать. Да цыпленочка жаренаго, да икорки, да еще тамъ чего-нибудь... яичекъ, что ли... въ бумажку заверните. На станціи, братъ, и закусишь, покуда лошадей покормятъ. Съ Богомъ!

— Нѣтъ, я еще не поѣду. Я еще въ церковь пойду, попрошу панихидку по убіенномъ рабѣ Божіемъ Владимірѣ отслужить.

— По самоубійцѣ, то-есть...

— Нѣтъ, по убіенномъ.

Отецъ и сынъ смотрятъ другъ на друга во всѣ глаза. Такъ и кажется, что оба сейчасъ вскочатъ. Но Іудушка дѣлаетъ надъ собой нечеловѣческое усиліе и оборачивается со стуломъ лицомъ къ столу.

— Удивительно! — говоритъ онъ надорваннымъ голосомъ:—у-ди-ви-тель-но!

— Да, по убіенномъ!—грубо настаиваетъ Петенька.

— Кто же его убилъ?—любопытствуетъ Іудушка, повидимому, все-таки, надѣясь, что сынъ опомнится.

Но Петенька, нимало не смущаясь, выпаливаетъ какъ изъ пушки:

— Вы!

— Я?!

Порфирій Владимірычъ не можетъ придти въ себя отъ изумленія. Онъ торопливо поднимается со стула, обращается лицомъ къ образу и начинаетъ молиться.

— Вы! вы! вы!—повторяетъ Петенька.

— Ну, вотъ! ну, слава Богу! Вотъ теперь полегче стало, какъ помолился! — говоритъ Іудушка, вновь присаживаясь къ столу.—Ну, постой, погоди, хоть мнѣ, какъ отцу, можно было бы и не входить съ тобой въ объясненія — ну, да ужъ пусть будетъ такъ! Стало-быть, по-твоему, я убилъ Володеньку?

— Да, вы!

— А по-моему, это не такъ. По-моему, онъ самъ себя

Digitized by Google

застрѣлилъ. Я въ то время былъ здѣсь, въ Головлевѣ, а онъ — въ Петербургѣ. При чемъ же я тутъ могъ быть? Какъ могъ я его за семьсотъ верстъ убить?

— Ужъ будто вы и не понимаете?

— Не понимаю... видитъ Богъ, не понимаю!

— А кто Володю безъ копейки оставилъ? Кто ему жалованье прекратилъ? кто?

— Те-те-те! такъ зачѣмъ онъ женился противъ желанья отца?

— Да вѣдь вы же позволили!

— Кто? я? Христосъ съ тобой! Никогда не позволялъ! Ниникогда!

— Ну, да, то-есть вы и тутъ по своему обыкновенію поступили. У васъ вѣдь каждое слово десять значеній имѣетъ; пойди, угадывай!

— Никогда я не позволялъ! Онъ мнѣ въ то время написалъ: «хочу, папа, жениться на Лидочкѣ». Понимаешь: «хочу», а не «прошу позволенія». Ну, и я ему отвѣтилъ: коли *хочешь* жениться, такъ женись, я препятствовать не могу! Только всего и было.

— Только всего и было!—поддразниваетъ Петенька.—А развѣ это—не позволеніе?

— То-то, что нѣтъ. Я что сказалъ? Я сказалъ: не могу препятствовать — только и всего. А позволяю или не позволяю, это — другой вопросъ. Онъ у меня позволенія не просилъ; онъ прямо написалъ: «*хочу*, папа, жениться на Лидочкѣ»—ну, и я насчетъ позволенія умолчалъ. *Хочешь* жениться—ну, и Христосъ съ тобой, женись, мой другъ, хоть на Лидочкѣ, хоть на разлидочкѣ — я препятствовать не могу!

— А только безъ куска хлѣба оставить можете. Такъ вы бы такъ и писали: не нравится, дескать, мнѣ твое намѣреніе, а потому хоть я тебѣ не препятствую, но все-таки предупреждаю, чтобъ ты больше не разсчитывалъ на денежную помощь отъ меня. По крайней мѣрѣ, тогда было бы ясно.

— Нѣтъ, этого я никогда не позволю себѣ сдѣлать. Чтобъ я сталъ употреблять въ дѣло угрозы совершеннолѣтнему сыну—никогда! У меня такое правило, что я никому не препятствую! Захотѣлъ жениться—женись! Ну, а насчетъ послѣдствій—не прогнѣвайся! Самъ долженъ былъ предусматривать—на то и умъ тебѣ отъ Бога данъ. А я, братъ, въ чужія дѣла не вмѣшиваюсь. И не только самъ

Digitized by Google

не вмѣшиваюсь, да не прошу, чтобъ и другіе въ мои дѣла вмѣшивались. Да, не прошу, не прошу, не прошу и даже... запрещаю! Слышишь ли, дурной, непочтительный сынъ,— за-пре-щаю!

— Запрещайте, пожалуй, всѣмъ ртовъ не замажете!

— И хоть бы онъ раскаялся! Хоть бы онъ понялъ, что отца обидѣлъ! Ну, сдѣлалъ шалость—ну, и раскайся! Попроси прощенія! Простите, молъ, душенька-папенька, что васъ огорчилъ! А то—натко!

— Да вѣдь онъ писалъ вамъ; онъ объяснилъ, что ему жить нечѣмъ, что дольше ему терпѣть нѣтъ силъ...

— Съ отцомъ не объясняются-съ. У отца прощенія просятъ—вотъ и все.

— И это было. Онъ такъ былъ измученъ, что и прощенья просилъ. Все было, все!

— А хоть бы и такъ — опять-таки онъ не правъ. Попросилъ разъ прощенья, видитъ, что папа не прощаетъ,— и въ другой разъ попроси!

— Ахъ, вы!

Сказавши это, Петенька вдругъ перестаетъ качаться на стулѣ, оборачивается къ столу и облокачивается на него обѣими руками.

— Вотъ и я...—чуть слышно произноситъ онъ.

Лицо его постепенно искажается.

— Вотъ и я...—повторяетъ онъ, разражаясь истерическими рыданіями.

— А кто же вино...

Но Іудушкѣ не удалось окончить свое поученіе, ибо въ эту самую минуту случилось нѣчто совершенно неожиданное. Во время описанной сейчасъ перестрѣлки объ Аринѣ Петровнѣ словно позабыли. Но она отнюдь не оставалась равнодушной зрительницей этой семейной сцены. Напротивъ того, съ перваго же взгляда можно было заподозрить, что въ ней происходитъ что-то не совсѣмъ обыкновенное, и что, можетъ-быть, настала минута, когда передъ умственнымъ ея окомъ предстали во всей полнотѣ и наготѣ итоги ея собственной жизни. Лицо ея оживилось, глаза расширились и блестѣли, губы шевелились, какъ будто хотѣли сказать какое-то слово—и не могли. И вдругъ, въ ту самую минуту, когда Петенька огласилъ столовую рыданіями, она грузно поднялась съ своего кресла, протянула впередъ руку, и изъ груди ея вырвался вопль:

— Прро-кли-нааааю!

Digitized by Google

IV.—Племяннушка.

Іудушка такъ-таки и не далъ Петенькѣ денегъ, хотя, какъ добрый отецъ, приказалъ въ минуту отъѣзда положить ему въ повозку и курочки, и телятинки, и пирожокъ. Затѣмъ онъ, несмотря на стужу и вѣтеръ, самолично вышелъ на крыльцо проводить сына, справился, ловко ли ему сидѣть, хорошо ли онъ закуталъ себѣ ноги, и, возвратившись въ домъ, долго крестилъ окно въ столовой, посылая заочное напутствіе повозкѣ, увозившей Петеньку. Словомъ, весь обрядъ выполнилъ какъ слѣдуетъ, по-родственному.

— Ахъ, Петька, Петька, — говорилъ онъ: — дурной ты сынъ, нехорошій! Вѣдь вотъ что набѣдокурилъ... Ахъ-ахъ-ахъ! И что бы, кажется, жить потихоньку да полегоньку, смирненько да ладненько, съ папкой да съ бабушкой-старушкой—такъ нѣтъ! Фу-ты, ну-ты! У насъ свой царь въ головѣ есть, своимъ умомъ проживемъ! Вотъ и умъ твой! Ахъ, горе какое вышло!

Но ни одинъ мускулъ при этомъ не дрогнулъ на его деревянномъ лицѣ, ни одна нота въ его голосѣ не прозвучала чѣмъ-нибудь похожимъ на призывъ блудному сыну. Да, впрочемъ, никто и не слыхалъ его словъ, потому что въ комнатѣ находилась одна Арина Петровна, которая, подъ вліяніемъ только что испытаннаго потрясенія, какъ-то разомъ потеряла всякую жизненную энергію и сидѣла за самоваромъ, раскрывъ ротъ, ничего не слыша и безъ всякой мысли глядя впередъ.

Затѣмъ жизнь потекла попрежнему, исполненная праздной суеты и безконечнаго пустословія...

Вопреки ожиданіямъ Петеньки, Порфирій Владимірычъ вынесъ материнское проклятіе довольно спокойно и ни на волосъ не отступилъ отъ тѣхъ рѣшеній, которыя, такъ сказать, всегда готовыя сидѣли въ его головѣ. Правда, онъ слегка поблѣднѣлъ и бросился къ матери съ крикомъ:

— Маменька! душенька! Христосъ съ вами! Успокойтесь, голубушка! Богъ милостивъ, все устроится!

Но слова эти были скорѣе выраженіемъ тревоги за мать, нежели за себя. Выходка Арины Петровны была такъ внезапна, что Іудушка не догадался даже притвориться испуганнымъ. Еще наканунѣ маменька была къ нему милостива, шутила, играла съ Евпраксеюшкой въ дурачки— очевидно, стало-быть, что ей только что-нибудь на минуту

Digitized by Google

померещилось, а преднамѣреннаго, «настоящаго» не было ничего. Дѣйствительно, онъ очень боялся маменькина проклятія, но представлялъ его себѣ совершенно иначе. Въ праздномъ его умѣ на этотъ случай цѣлая обстановка сложилась: образа, зажженныя свѣчи, маменька стоитъ среди комнаты, страшная, съ почернѣвшимъ лицомъ... и проклинаетъ! Потомъ: громъ, свѣчи потухли, завѣса разодралась, тьма покрыла землю, а вверху, среди тучъ, виднѣется разгнѣванный ликъ Іеговы, освѣщенный молніями. Но такъ какъ ничего подобнаго не случилось, то значитъ, что маменька просто сблажила, показалось ей что-нибудь — и больше ничего. Да и не съ чего было ей «настоящимъ образомъ» проклинать, потому что въ послѣднее время у нихъ не было даже предлоговъ для столкновенія. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ заявилъ сомнѣніе насчетъ принадлежности маменькѣ тарантаса (Іудушка соглашался внутренно, что *иногда* онъ былъ виноватъ и заслуживалъ проклятія), воды утекло много; Арина Петровна смирилась, а Порфирій Владимірычъ только и думалъ о томъ, какъ бы успокоить добраго друга маменьку.

— Плоха старушка, ахъ, какъ плоха! Временемъ даже забываться ужъ начала!—утѣшалъ онъ себя.— Сядетъ, голубушка, въ дураки играть—смотришь, анъ она дремлетъ!

Справедливость требуетъ сказать, что ветхость Арины Петровны даже тревожила его. Онъ еще не приготовился къ утратѣ, ничего не думалъ, не успѣлъ сдѣлать надлежащія выкладки: сколько было у маменьки капитала при отъѣздѣ изъ Дубровина, сколько капиталъ этотъ могъ приносить въ годъ доходу, сколько она могла изъ этого дохода тратить и сколько присовокупить. Словомъ сказать, не продѣлалъ еще цѣлой массы пустяковъ, безъ которыхъ онъ всегда чувствовалъ себя застигнутымъ врасплохъ.

— Старушка крѣпонька! — мечталось ему иногда. — Не проживетъ она *всего*—гдѣ прожить! Въ то время, какъ она насъ отдѣляла, хорошій у нея капиталъ былъ! Развѣ сироткамъ чего не передала ли — да нѣтъ, и сироткамъ не много дастъ! Есть у старушки деньги, есть!

Но мечтанія эти покуда еще не представляли ничего серьезнаго и улетучивались, не задерживаясь въ его мозгу. Масса обыденныхъ пустяковъ и безъ того была слишкомъ громадна, чтобъ увеличивать ее еще новыми, въ которыхъ пока-мѣстъ не настояло насущной потребности. Порфирій Владимірычъ все откладывалъ, да откладывалъ, и только

Digitized by Google

послѣ внезапной сцены проклятія спохватился, что пора начинать.

Катастрофа наступила, впрочемъ, скорѣе, нежели онъ предполагалъ. На другой день послѣ отъѣзда Петеньки Арина Петровна уѣхала въ Погорѣлку и уже не возвращалась въ Головлево. Съ мѣсяцъ она провела въ совершенномъ уединеніи, не выходя изъ комнаты и рѣдко-рѣдко позволяла себѣ промолвить слово даже съ прислугой. Встанши утромъ, она по привычкѣ садилась къ письменному столу, по привычкѣ же начинала раскладывать карты, но никогда почти не доканчивала и словно застывала на мѣстѣ съ вперенными въ окно глазами. Что она думала и даже думала ли о чемъ-нибудь — этого не разглядѣлъ бы самый проницательный знатокъ сокровеннѣйшихъ тайнъ человѣческаго сердца. Казалось, она хотѣла что-то вспомнить, хоть, напримѣръ, то, какимъ образомъ она очутилась здѣсь, въ этихъ стѣнахъ,—и не могла. Встревоженная ея молчаніемъ, Афимьюшка заглядывала въ комнату, поправляла въ креслѣ подушки, которыми она была обложена, пробовала заговорить о чемъ-нибудь, но получала только односложные и нетерпѣливые отвѣты. Раза два въ теченіе этого времени пріѣзжалъ въ Погорѣлку Порфирій Владимірычъ, звалъ маменьку въ Головлево, пытался расшевелить ея воображеніе представленіемъ о рыжичкахъ, карасикахъ и прочихъ головлевскихъ соблазнахъ, но она только загадочно улыбалась на его предложенія.

Однимъ утромъ она по обыкновенію собралась встать съ постели и не могла. Она не ощущала никакой особенной боли, ни на что не жаловалась, а просто не могла встать. Ее даже не встревожило это обстоятельство, какъ будто оно было въ порядкѣ вещей. Вчера сидѣла еще у стола, была въ силахъ бродить—нынче лежитъ въ постели, «не можется». Ей даже покойнѣе чувствовалось. Но Афимьюшка всполошилась и потихоньку отъ барыни послала гонца къ Порфирію Владимірычу.

Іудушка пріѣхалъ раню утромъ на другой день; Аринѣ Петровнѣ было ужъ значительно хуже. Обстоятельно разспросилъ онъ прислугу, что маменька кушала, не позволила ли себѣ чего лишненькаго, но получилъ отвѣтъ, что Арина Петровна ужъ съ мѣсяцъ почти ничего не ѣстъ, а со вчерашняго дня и вовсе отказалась отъ пищи. Потужилъ Іудушка, помахалъ руками и, какъ добрый сынъ, прежде чѣмъ войти къ матери, погрѣлся въ дѣвичьей у

Digitized by Google

печки, чтобъ не охватило больную холоднымъ воздухомъ. И кстати (у него насчетъ покойниковъ какой-то дьявольскій нюхъ былъ) тутъ же началъ распоряжаться. Разспросилъ насчетъ попа, дома ли онъ, чтобъ, въ случаѣ надобности, можно было сейчасъ же за нимъ послать, справился, гдѣ стоитъ маменькинъ ящикъ съ бумагами, запертъ ли онъ, и, успокоившись насчетъ существеннаго, призвалъ кухарку и велѣлъ приготовить обѣдать для себя.

— Мнѣ немного надо!—говорилъ онъ. — Курочка есть? Ну, супцу изъ курочки сварите! Можетъ-быть, солонинка есть — солонинки кусочекъ приготовьте! Жаркóвца какого-нибудь... вотъ, я и сытъ!

Арина Петровна лежала, распростершись навзничь на постели, съ раскрытымъ ртомъ и тяжело дыша. Глаза ея смотрѣли широко; одна рука выбилась изъ-подъ залчьяго одѣяла и застыла въ воздухѣ. Очевидно, она прислушивалась къ шороху, который произвелъ пріѣздъ сына, а можетъ-быть, до нея долетали и самыя приказанія, отдаваемыя Іудушкой. Благодаря опущеннымъ шторамъ, въ комнатѣ царствовали сумерки. Свѣтильни догорали на днѣ лампадокъ, и слышно было, какъ онѣ трещали отъ прикосновенія съ водой. Воздухъ былъ тяжелъ и смраденъ; духота отъ жарко натопленныхъ печей, отъ чада, распространяемаго лампадками, и отъ міазмовъ стояла невыносимая. Порфирій Владимірычъ, въ валеныхъ сапогахъ, словно змѣй, проскользнулъ къ постели матери; длинная и сухощавая его фигура загадочно колебалась, охваченная сумерками. Арина Петровна слѣдила за нимъ не то испуганными, не то удивленными глазами и жалась подъ одѣяломъ.

— Это я, маменька,— сказалъ онъ. — Что это, какъ вы развинтились сегодня! Ахъ-ахъ-ахъ! То-то мнѣ нынче не спалось; всю ночь вотъ такъ и потолкивало: дай, думаю, провѣдаю, какъ-то подгорѣловскіе друзья поживаютъ! Утромъ сегодня всталъ, сейчасъ это кибиточку, парочку лошадушекъ—и вотъ онъ-онъ!

Порфирій Владимірычъ любезно хихикнулъ, но Арина Петровна не отвѣчала и все больше и больше жалась подъ одѣяломъ.

— Ну, Богъ милостивъ, маменька!—продолжалъ Іудушка.—Главное, въ обиду себя не давайте! Плюньте на хворость, встаньте съ постельки да пройдитесь молодцомъ по комнатѣ!.. Вотъ такъ!

Digitized by Google

Порфирій Владимірычъ всталъ со стула и показалъ, какъ молодцы прохаживаются по комнатѣ.

— Да постойте, дайте-ка я шторку подниму да посмотрю на васъ! Э! да вы молодецъ-молодцомъ, голубушка! Стоитъ только подбодриться, да Богу помолиться, да прифрантиться — хоть сейчасъ на балъ! Дай-ка, вотъ я вамъ святой водицы богоявленской привезъ, откушайте-ка!

Порфирій Владимірычъ вынулъ изъ кармана пузырекъ, отыскалъ на столѣ рюмку, налилъ и поднесъ больной. Арина Петровна сдѣлала было движеніе, чтобъ поднять голову, не могла.

— Сиротъ бы...—простонала она.

— Ну, вотъ, ужъ и сиротки понадобились! Ахъ, маменька, маменька! Какъ это вы вдругъ... натко! Капельку прихворнули—и ужъ духомъ упали! Все будетъ, и къ сироткамъ эстафету пошлемъ, все чередомъ сдѣлаемъ! Не къ спѣху вѣдь; мы съ вами еще поживемъ! Да еще какъ поживемъ-то! Вотъ лѣто настанетъ—въ лѣсъ по грибы вмѣстѣ пойдемъ: по малину, по ягоду, по чёрну смородину! А не то такъ въ Дубровино карасей ловить поѣдемъ: запряжемъ старика-савраску въ длинныя дроги, потихоньку да полегоньку, трюхъ-трюхъ, сядемъ и поѣдемъ!

— Сиротъ бы...—повторила Арина Петровна тоскливо.

— Пріѣдутъ и сиротки. Дайте срокъ—всѣхъ скличемъ, всѣ пріѣдемъ. Пріѣдемъ, да кругомъ васъ и обсядемъ. Вы будете насѣдка, а мы цыплятки... Цыпъ-цыпъ-цыпъ! Все будетъ, коли вы будете паинька. А вотъ за это вы ужъ не паинька, что хворать вздумали. Вѣдь вотъ что, проказница, затѣяли... Ахъ-ахъ-ахъ! Чѣмъ бы другимъ примѣръ подавать, а вы вотъ какъ! Не хорошо, голубушка! Ахъ, не хорошо!

Но какъ ни старался Порфирій Владимірычъ и шуточками, и прибауточками подбодрить милаго друга маменьку, силы ее падали съ каждымъ часомъ. Послали въ городъ нарочнаго за лѣкаремъ, и такъ какъ больная продолжала тосковать и звать сиротокъ, то Іудушка собственноручно написалъ Аннинькѣ и Любинькѣ письмо, въ которомъ сравнивалъ ихъ поведеніе со своимъ, себя называлъ христіаниномъ, ихъ—неблагодарными. Ночью лѣкарь пріѣхалъ, но было уже поздно. Арину Петровну, какъ говорится, въ одинъ день «сварило». Часу въ четвертомъ ночи началась агонія, а въ шесть часовъ утра Порфирій Владимірычъ стоялъ на колѣняхъ у постели матери и вопилъ:

Digitized by Google

— Маменька! другъ мой! благословите!

Но Арина Петровна не слыхала. Открытые глаза ея тускло смотрѣли въ пространство, словно она старалась что-то понять и не понимала.

Іудушка тоже не понималъ. Онъ не понималъ, что открывшаяся передъ его глазами могила уносила послѣднюю связь его съ живымъ міромъ, послѣднее живое существо, съ которымъ онъ могъ дѣлить прахъ, наполнявшій его, и что отнынѣ этотъ прахъ, не находя истока, будетъ накопляться въ немъ до тѣхъ поръ, пока окончательно не задушитъ его.

Съ обычною суетливостью окунулся онъ въ бездну мелочей, сопровождающихъ похоронный обрядъ. Служилъ панихиды, заказывалъ сорокоусты, толковалъ съ попомъ, шаркалъ ногами, переходя изъ комнаты въ комнату, заглядывалъ въ столовую, гдѣ лежала покойница, крестился, воздѣвалъ глаза къ небу, вставалъ по ночамъ, неслышно подходилъ къ двери, вслушивался въ монотонное чтеніе псаломщика и проч. Причемъ былъ пріятно удивленъ, что даже особенныхъ издержекъ для него по этому случаю не предстояло, потому что Арина Петровна еще при жизни отложила сумму на похороны, расписавъ очень подробно, сколько и куда слѣдуетъ употребить.

Схоронивши мать, Порфирій Владимірычъ немедленно занялся приведеніемъ въ извѣстность ея дѣлъ. Разбирая бумаги, онъ нашелъ до десяти разныхъ завѣщаній (въ одномъ изъ нихъ она называла его «непочтительнымъ»); но всѣ они были писаны еще въ то время, когда Арина Петровна была властною барыней, и лежали неоформленными, въ видѣ проектовъ. Поэтому Іудушка остался очень доволенъ, что ему не привелось даже покривить душой, объявляя себя единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ оставшагося послѣ матери имущества. Имущество это состояло изъ капитала въ пятнадцать тысячъ рублей и изъ скудной движимости, въ числѣ которой былъ и знаменитый тарантасъ, едва не послужившій яблокомъ раздора между матерью и сыномъ. Арина Петровна тщательно отдѣляла свои счеты отъ опекунскихъ, такъ что сразу можно было выдѣть, что̀ принадлежитъ ей и что̀ — сироткамъ. Іудушка немедленно заявилъ себя гдѣ слѣдуетъ наслѣдникомъ, опечаталъ бумаги, относящіяся до опеки, роздалъ прислугѣ скудный гардеробъ матери; тарантасъ и двухъ коровъ, которыя, по описи Арины Петровны, значились подъ рубри-

Digitized by Google

кой «мон», отправилъ въ Головлево и затѣмъ, отслуживши послѣднюю панихиду, отправился во-свояси.

— Ждите владѣлицъ, — говорилъ онъ людямъ, собравшимся въ сѣняхъ, чтобъ проводить его: — пріѣдутъ — милости просимъ; не пріѣдутъ, — какъ хотятъ! Я, съ своей стороны, все сдѣлалъ; счеты по опекѣ привелъ въ порядокъ, ничего не скрылъ, не утаилъ — все у всѣхъ на глазахъ дѣлалъ. Капиталъ, который послѣ маменьки остался, принадлежитъ мнѣ, по закону; тарантасъ и двѣ коровы, которыя я въ Головлево отправилъ—тоже мои, по закону. Можетъ-быть, даже кой-что изъ моего *здѣсь* осталось—ну, да Богъ съ нимъ, сироткамъ и Богъ велѣлъ подавать! Жаль маменьку, добрая была старушка, пѣчная! Вотъ и объ васъ, объ прислугѣ, позаботилась, гардеробъ свой вамъ оставила! Ахъ, маменька, маменька! нехорошо вы это, голубушка, сдѣлали, что насъ сиротами покинули! Ну, да ужъ если такъ Богу угодно, то и мы святой Его волѣ покоряться должны! Только бы вашей душѣ было хорошо, а объ насъ... что ужъ объ насъ думать!

За первой могилой скоро послѣдовала и другая.

Къ исторіи сына Порфирія Владимірычъ отнесся довольно загадочно. Газетъ онъ не получалъ, ни съ кѣмъ въ перепискѣ не состоялъ, и потому свѣдѣній о процессѣ, въ которомъ фигурировалъ Петенька, ни откуда имѣть не могъ. Да врядъ ли онъ и желалъ что-нибудь знать объ этомъ предметѣ. Вообще это былъ человѣкъ, который пуще всего сторонился отъ всякихъ тревогъ, который по уши погрязъ въ тину мелочей самаго паскуднаго самосохраненія и котораго существованіе, вслѣдствіе этого, нигдѣ и ни на чемъ не оставило послѣ себя слѣдовъ. Такихъ людей довольно на свѣтѣ, и всѣ они живутъ особнякомъ, не умѣя и не желая къ чему-нибудь пріютиться, не зная, что ожидаетъ ихъ въ слѣдующую минуту, и лопаясь подъ конецъ, какъ лопаются дождевые пузыри. Нѣтъ у нихъ дружескихъ связей, потому что для дружества необходимо существованіе общихъ интересовъ; нѣтъ и дѣловыхъ связей, потому что даже въ мертвомъ дѣлѣ бюрократизма они выказываютъ какую-то ужъ совершенно нестерпимую мертвенность. Тридцать лѣтъ сряду Порфирій Владимірычъ толкался и мелькалъ въ департаментѣ; потомъ въ одно прекрасное утро исчезъ — и никто не замѣтилъ этого. Поэтому онъ узналъ объ участи, постигшей сына, послѣдній, когда вѣсть объ этомъ распространилась уже между дворовыми. Но и тутъ

Digitized by Google

притворился, что ничего не знаетъ, такъ что когда Евпраксеюшка запнулась однажды упомянуть о Петенькѣ, то Іудушка замахалъ на нее руками и сказалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! И не знаю, и не слыхалъ, и слышать не хочу! Не хочу я его грязныхъ дѣлъ знать!

Но, наконецъ, узнать все-таки привелось. Пришло отъ Петеньки письмо, въ которомъ онъ увѣдомлялъ о своемъ предстоящемъ отъѣздѣ въ одну изъ дальнихъ губерній и спрашивалъ, будетъ ли папенька высылать ему содержаніе въ новомъ его положеніи. Весь день послѣ этого Порфирій Владимірычъ находился въ видимомъ недоумѣніи, сновалъ изъ комнаты въ комнату, заглядывалъ въ образную, крестился и охалъ. Къ вечеру, однако-жъ, собрался съ духомъ и написалъ:

«Преступный сынъ Петръ!

«Какъ вѣрный подданный, обязанный чтить законы, я не долженъ былъ бы даже отвѣчать на твое письмо. Но какъ отецъ, причастный человѣческимъ слабостямъ, не могу, изъ чувства состраданія, отказать въ благомъ совѣтѣ дѣтищу, ввергнувшему себя, по собственной винѣ, въ пучину золъ. Итакъ, вотъ вкратцѣ мое мнѣніе по сему предмету. Наказаніе, коему ты подвергся, тяжко, но вполнѣ тобою заслужено—такова первая и самая главная мысль, которая отнынѣ всегда должна тебѣ въ твоей новой жизни сопутствовать. А всѣ остальныя прихоти и даже воспоминанія объ оныхъ ты долженъ оставить, ибо въ твоемъ положеніи все сіе можетъ только раздражать и побуждать къ ропоту. Ты уже вкусилъ отъ горькихъ плодовъ высокоумія—попробуй же вкусить и отъ плодовъ смиренія, тѣмъ болѣе, что ничего другого для тебя въ будущемъ не предстоитъ. Не ропщи на наказаніе, ибо начальство даже не наказываетъ тебя, но преподаетъ лишь средства къ исправленію. Благодарить за сіе и стараться загладить содѣянное—вотъ объ чемъ тебѣ непрестанно думать надлежитъ, а не о роскошномъ препровожденіи времени, коего, впрочемъ, я и самъ, никогда не бывъ подъ судомъ, не имѣю. Послѣдуй же сему совѣту благоразумія и возродись для новой жизни, возродись совершенно, довольствуясь тѣмъ, что начальство по милости своей, сочтетъ нужнымъ тебѣ назначить. А я, съ своей стороны, буду молить Подателя всѣхъ благъ о ниспосланіи тебѣ твердости и смиренія, и даже въ сей самый день, какъ пишу сіи строки, былъ въ церкви и воз-

Digitized by Google

сылалъ о сеѵъ горячія мольбы. Затѣмъ благословляю тебя на новый путь и остаюсь—

«негодующій, но все еще любящій отецъ твой—

Порфирій Головлевъ».

Неизвѣстно, дошло ли до Петеньки это письмо; но не дальше, какъ черезъ мѣсяцъ послѣ его отсылки, Порфирій Владимірычъ получилъ офиціальное увѣдомленіе, что сынъ его, не доѣхавши до мѣста ссылки, слегъ въ одномъ изъ попутныхъ городовъ въ больницу и умеръ.

Іудушка очутился одинъ, но сгоряча, все-таки, еще не понялъ, что съ этой новой утратой онъ уже окончательно пущенъ въ пространство, лицомъ къ лицу съ однимъ своимъ пустословіемъ. Это случилось вскорѣ послѣ смерти Арины Петровны, когда онъ былъ весь поглощенъ въ счеты и выкладки. Онъ перечитывалъ бумаги покойной, усчитывалъ всякій грошъ, отыскивалъ связь этого гроша съ опекунскими грошами, не желая, какъ онъ говорилъ, ни себѣ присвоить чужого, ни своего упустить. Среди этой сутолоки ему даже не представлялся вопросъ, для чего онъ все это дѣлаетъ и кто воспользуется плодами его суеты? Съ утра до вечера корпѣлъ онъ за письменнымъ столомъ, критикуя распоряженія покойной и даже фантазируя, такъ что за хлопотами мало-по-малу запустилъ и счеты по собственному хозяйству.

И все въ домѣ стихло. Прислуга, и прежде предпочитавшая ютиться въ людскихъ, почти совсѣмъ бросила домъ, а являясь въ господскія комнаты, ходила на цыпочкахъ и говорила шопотомъ. Чувствовалось что-то выморочное и въ этомъ домѣ, и въ этомъ человѣкѣ, что-то такое, что́ наводитъ невольный и суевѣрный страхъ. Сумеркамъ, которыя и безъ того окутывали Іудушку, предстояло сгущаться съ каждымъ днемъ все больше и больше.

Постомъ, когда спектакли прекратились, пріѣхала въ Головлево Аннинька и объявила, что Любинька не могла ѣхать вмѣстѣ съ нею, потому что еще раньше законтрактовалась на весь великій постъ, и вслѣдствіе этого отправилась въ Ромны, Изюмъ, Кременчугъ, и проч., гдѣ ей предстояло давать концерты и пропѣть весь каскадный репертуаръ.

Въ теченіе короткой артистической карьеры Аннинька значительно выровнялась. Это была уже не прежняя наивная, малокровная и нѣсколько вялая дѣвушка, которая въ

Digitized by Google

Дубровинѣ и въ Погорѣлкѣ, неуклюже покачиваясь и потихоньку напѣвая, ходила изъ комнаты въ комнату, словно не зная, гдѣ найти себѣ мѣсто. Нѣтъ, это была дѣвица вполнѣ опредѣлившаяся, съ рѣзкими и даже развязными манерами, по первому взгляду на которую можно было безъ ошибки заключить, что она за словомъ въ карманъ не полѣзетъ. Наружность ея тоже измѣнилась и довольно пріятно поразила Порфирія Владимірыча. Передъ нимъ явилась рослая и статная женщина съ красивымъ румянымъ лицомъ, съ высокою, хорошо развитою грудью, съ сѣрыми глазами навыкатъ и съ отличнѣйшей пепельной косой, которая тяжело опускалась на затылокъ,—женщина, которая, повидимому, проникнута была сознаніемъ, что она-то и есть та самая «Прекрасная Елена», по которой суждено вздыхать господамъ офицерамъ. Раннимъ утромъ пріѣхала она въ Головлево и тотчасъ же уединилась въ особенную комнату, откуда явилась въ столовую къ чаю въ великолѣпномъ шелковомъ платьѣ, шумя трэномъ и очень искусно маневрируя имъ среди стульевъ. Іудушка хотя и любилъ своего Бога паче всего, но это не мѣшало ему имѣть вкусъ къ красивымъ, а въ особенности къ крупнымъ женщинамъ. Поэтому онъ сначала перекрестилъ Аннинъку, потомъ какъ-то особенно отчетливо поцѣловалъ ее въ обѣ щеки и при этомъ такъ странно скосилъ глаза на ея грудь, что Аннинька чуть замѣтно улыбнулась.

Сѣли за чай; Аннинька подняла обѣ руки кверху и потянулась.

— Ахъ, дядя, какъ у васъ скучно здѣсь!—начала она, слегка позѣвывая.

— Вотъ-на! не успѣла повернуться—ужъ и скучно показалось! А ты поживи съ нами—тогда и увидимъ: можетъ, и весело покажется, — отвѣтилъ Порфирій Владимірычъ, котораго глаза вдругъ подернулись масляннымъ отблескомъ.

— Нѣтъ, не интересно! Что у васъ тутъ? Снѣгъ кругомъ, сосѣдей нѣтъ... Полкъ, кажется, у васъ здѣсь стоитъ?

— И полкъ стоитъ, и сосѣди есть, да, признаться, меня это не интересуетъ. А впрочемъ, ежели...

Порфирій Владимірычъ взглянулъ на нее, но не докончилъ, а только крякнулъ. Можетъ-быть, онъ и съ намѣреніемъ остановился, хотѣлъ раззадорить ея женское любопытство; во всякомъ случаѣ, прежняя, едва замѣтная улыбка вновь скользнула на ея лицѣ. Она облокотилась на

Digitized by Google

столъ и довольно пристально взглянула на Евпраксеюшку, которая, вся раскраснѣвшись, перетирала стаканы и тоже исподлобья взглядывала на нее своими большими, мутными глазами.

— Это—моя новая экономка... усердная!—молвилъ Порфирій Владимірычъ.

Аннинька чуть замѣтно кивнула головой и потихоньку замурлыкала: «Ah! ah! que j'aime... que j'aime... que j'aime... les mili-mili-mili-taires!», при чемъ поясница ея какъ-то сама собой вздрагивала.

Воцарилось молчаніе, въ продолженіе котораго Іудушка, смиренно опустивъ глаза, помаленьку прихлебывалъ чай изъ стакана.

— Скука!—опять зѣвнула Аннинька.

— Скука, да скука, заладила одно! Вотъ погоди, поживи... Ужо велимъ саночки заложить — катайся, сколько душѣ угодно.

— Дядя! отчего вы въ гусары не пошли?

— А оттого, мой другъ, что всякому человѣку свой предѣлъ отъ Бога положенъ. Одному—въ гусарахъ служить, другому—въ чиновникахъ быть, третьему—торговать, четвертому...

— Ахъ, да, четвертому, пятому, шестому... я и забыла! И все это Богъ распредѣляетъ... такъ вѣдь?

— Что-жъ, и Богъ! Надъ этимъ, мой другъ, смѣяться нечего! Ты знаешь ли, что въ Писаніи-то сказано: безъ воли Божіей....

— Это насчетъ волоса? Знаю и это! Но вотъ бѣда: нынче все шиньоны носятъ, а это, кажется, не предусмотрѣно! Кстати, посмотрите-ка, дядя, какая у меня чудесная коса!.. Не правда ли, хороша?

Порфирій Владимірычъ приблизился (почему-то на цыпочкахъ) и подержалъ косу въ рукѣ. Евпраксеюшка тоже потянулась впередъ, не выпуская изъ рукъ блюдечка съ чаемъ, и, сквозь стиснутый въ зубахъ сухарь, процѣдила:

— Шильонъ, чай?..

— Нѣтъ, не шиньонъ, а собственные мои волосы. Я когда-нибудь ихъ передъ вами распущу, дядя!

— Да, хороша коса! — похвалилъ Іудушка и какъ-то погано распустилъ при этомъ губы; но потомъ спохватился, что, по настоящему, отъ подобныхъ соблазновъ надобно отплевываться, и присовокупилъ:—Ахъ, егоза! егоза! все

Digitized by Google

у тебя косы да шлейфы на умѣ, а объ настоящемъ-то, объ главномъ-то и не догадаешься спросить.

— Да, объ бабушкѣ!.. Вѣдь она умерла?

— Скончалась, мой другъ! И какъ еще скончалась-то! Мирно, тихо, никто и не слыхалъ! Вотъ ужъ именно непостыдныя кончины живота своего удостоилась! Обо всѣхъ вспомнила, всѣхъ благословила, призвала священника, причастилась... И такъ это вдругъ спокойно, такъ спокойно ей сдѣлалось! Даже сама, голубушка, это высказала—вдругъ начала вздыхать! Вздохнула разъ, другой, третій—смотримъ, ея ужъ и нѣтъ!

Іудушка всталъ, поворотился лицомъ къ образу, сложилъ руки ладонями внутрь и помолился. Даже слезы у него на глазахъ выступили: такъ хорошо онъ солгалъ! Но Аннинька, повидимому, была не изъ чувствительныхъ. Правда, она задумалась на минуту, но совсѣмъ по другому поводу.

— А помните, дядя,—сказала она:—какъ она меня съ сестрой, маленькихъ, кислымъ молокомъ кормила? Не въ послѣднее время... въ послѣднее время она отличная была... а тогда, когда она еще богата была?

— Ну, ну, что старое поминать! Кислымъ молокомъ кормили, а вишь какую, Богъ съ тобой, выпоили! На могилку-то поѣдешь, что ли?

— Поѣдемъ, пожалуй!

— Только знаешь ли что: ты бы сначала очистилась!

— Какъ это... очистилась?

— Ну, все-таки... актриса... Ты думаешь, бабушкѣ это легко было? Такъ прежде, чѣмъ на могилку-то ѣхать, обѣденку бы тебѣ отстоять, очиститься бы! Вотъ я завтра пораньше велю отслужить, а потомъ и съ Богомъ!

Какъ ни нелѣпо было Іудушкино предложеніе, но Аннинька все-таки на минуту смѣшалась. Но вслѣдъ затѣмъ она сдвинула сердито брови и рѣзко сказала:

— Нѣтъ, я такъ... я сейчасъ поѣду!

— Не знаю, какъ хочешь! А мой совѣтъ такой: отстояли бы завтра обѣденку, напились бы чайку, приказали бы пару лошадушекъ въ кибиточку заложить и покатили бы вмѣстѣ. И ты бы очистилась, и бабушкиной бы душѣ...

— Ахъ, дядя, какой вы, однако, глупенькій! Богъ знаетъ, какую чепуху несете, да еще настаиваете!

— Что, не понравилось? Ну, да ужъ не взыщи — я, братъ, прямикъ! Неправды—не люблю, а правду—и другимъ выскажу, и самъ выслушаю! Хоть и не по шёрсткѣ

Digitized by Google

иногда правда, хоть и горьконько,—а все ее выслушаешь! И должно выслушать, потому что она—правда. Такъ-то, мой другъ! Ты, вотъ, поживи-ка съ нами, да по-нашему—и сама увидишь, что такъ-то лучше, чѣмъ съ гитарой съ ярмарки на ярмарку переѣзжать.

— Богъ знаетъ, что вы, дядя, говорите! Съ гитарой!

— Ну, не съ гитарой, а около того. Съ торбаномъ, что ли. Впрочемъ, вѣдь ты меня первая обидѣла, глупымъ назвала, а мнѣ, старику, и подавно можно правду тебѣ высказать.

— Хорошо, пусть будетъ правда; не будемъ объ этомъ говорить. Скажите, пожалуйста: послѣ бабушки осталось наслѣдство?

— Какъ не остаться! Только законный наслѣдникъ-то былъ на-лицо!

— То-есть, вы... И тѣмъ лучше. Она у васъ здѣсь, въ Головлевѣ, похоронена?

— Нѣтъ, въ самомъ приходѣ, подлѣ Погорѣлки, у Николы-на-Воплѣ. Сама пожелала.

— Такъ я поѣду. Можно у васъ, дядя, лошадей нанять?

— Зачѣмъ нанимать? Свои лошади есть! Ты, чай, не чужая! Племяннушка... племяннушкой мнѣ приходишься!—всхлопотался Порфирій Владимірычъ, осклабляясь «по-родственному».—Кибиточку... парочку лошадушекъ—слава те, Господи, не пустодомомъ живу! Да не поѣхать ли и мнѣ вмѣстѣ съ тобой? И на могилкѣ бы побывали, и въ Погорѣлку бы заѣхали! И туда бы заглянули, и тамъ бы посмотрѣли, и поговорили бы, и подумали бы—что и какъ... Хорошенькая вѣдь у васъ усадьбица, полезныя въ ней мѣстечки есть!

— Нѣтъ, я ужъ одна... зачѣмъ вамъ? Кстати, вѣдь и Петенька тоже умеръ?

— Умеръ, дружокъ, умеръ и Петенька. И жалко мнѣ его съ одной стороны, даже до слезъ жалко, а съ другой стороны—самъ виноватъ! Всегда онъ былъ къ отцу непочтителенъ—вотъ Богъ за это и наказалъ! А ужъ ежели что Богъ въ премудрости своей устроилъ, такъ намъ съ тобой передѣлывать не приходится.

— Понятное дѣло, не передѣлаемъ. Только я вотъ о чемъ думаю: какъ это вамъ, дядя, жить не страшно?

— А чего мнѣ страшиться? Видишь, сколько у меня благодати кругомъ?—Іудушка обвелъ рукою, указывая на образа.—И тутъ благодать, и въ кабинетѣ благодать, а въ

Digitized by Google

образной такъ настоящій рай! Вонъ сколько у меня заступниковъ.

Все-таки... Всегда вы одинъ... страшно!

А страшно, такъ встану на колѣни, помолюсь — и все какъ рукой сниметъ! Да и чего бояться: днемъ — свѣтло, а ночью у меня вездѣ, во всѣхъ комнатахъ, лампадки горятъ. Съ улицы, какъ стемнѣетъ, словно балъ кажетъ! А какой у меня балъ! Заступники да угодники Божіи — вотъ и весь мой балъ!

А знаете ли: вѣдь Петенька-то передъ смертью писалъ къ намъ.

Что-жъ, какъ родственникъ!.. И за то спасибо, что хоть родственныя чувства не потерялъ!

Да, писалъ. Ужъ послѣ суда, когда рѣшеніе вышло. Писалъ, что онъ три тысячи проигралъ, и вы ему не дали. Вѣдь вы, дядя, богатый?

Въ чужомъ карманѣ, мой другъ, легко деньги считать. Иногда намъ кажется, что у человѣка золотыя горы, а поглядѣть да посмотрѣть, такъ у него на маслице да на свѣчечку — и то не его, а Богово!

Ну, мы, стало-быть, богаче васъ. И отъ себя сложились, и кавалеровъ нашихъ заставили подписаться — шестьсотъ рублей собрали и послали ему.

Какіе же это «кавалеры»?

Ахъ, дядя! да вѣдь мы... актрисы! Вы сами же сейчасъ предлагали мнѣ «очиститься»!

Не люблю я, когда ты такъ говоришь!

Что-жъ дѣлать! Любите или не любите, а что сдѣлано, того не передѣлаешь. Вѣдь, по-вашему, и тутъ Богъ!

— Не кощунствуй, по крайней мѣрѣ. Все можешь говорить, а кощунствовать... не позволяю! Куда же вы деньги послали?

Не помню. Въ городокъ какой-то... Онъ самъ назначилъ.

Не знаю. Кабы были деньги, я долженъ бы послѣ смерти ихъ получить! Не истратилъ же онъ всѣхъ разомъ! Не знаю, ничего я не получилъ. Смотрителишки да конвойные, чай, воспользовались!

Да вѣдь мы и не требуемъ — это такъ, къ слову сказалось. А все-таки, дядя, страшно: какъ это такъ — изъ-за трехъ тысячъ человѣкъ пропалъ!

То-то, что не изъ-за трехъ тысячъ. Это намъ такъ кажется, что изъ-за трехъ тысячъ — вотъ мы и твердимъ: три тысячи! три тысячи! А Богъ...

Digitized by Google

Іудушка совсѣмъ ужъ было расходился, хотѣлъ объяснить во всей подробности, какъ Богъ... Провидѣніе... невидимыми путями... и все такое... Но Аннинька безцеремонно зѣвнула и сказала:

— Ахъ, дядя, скука какая у васъ!

На этотъ разъ Порфирій Владимірычъ серьезно обидѣлся и замолчалъ. Долго ходили они рядомъ взадъ и впередъ по столовой; Аннинька зѣвала, Порфирій Владимірычъ въ каждомъ углу крестился. Наконецъ, доложили, что поданы лошади, и началась обычная комедія родственныхъ проводовъ. Головлевъ надѣлъ шубу, вышелъ на крыльцо, расцѣловался съ Аннинькой, кричалъ на людей: «ноги-то. ноги-то теплѣе закутывайте!» или: «кутейки-то, кутейки-то взяли ли? Ахъ, не забыть бы!» И крестилъ при этомъ воздухъ.

Съѣздила Аннинька на могилку къ бабушкѣ, попросила воплинскаго батюшку панихидку отслужить, и когда дьячки уныло затянули вѣчную память, то поплакала. Картина, среди которой совершалась церемонія, была печальная. Церковь, при которой схоронили Арину Петровну, принадлежала къ числу бѣдныхъ; штукатурка мѣстами обвалилась и обнажила большими заплатами кирпичный остовъ; колоколъ звонилъ слабо и глухо; риза на священникѣ обветшала. Глубокій снѣгъ покрывалъ кладбище, такъ что нужно было разгребать дорогу лопатами, чтобъ дойти до могилы; памятника еще не существовало, а стоялъ простой бѣлый крестъ, на которомъ даже надписи никакой не значилось. Погостъ стоялъ уединенно, въ сторонѣ отъ всякаго селенія; неподалеку отъ церкви ютились почернѣвшія избы священника и причетниковъ, а кругомъ во всѣ стороны стлалась сиротливая снѣжная равнина, на поверхности которой по мѣстамъ торчалъ какой-то хворостъ. Крѣпкій мартовскій вѣтеръ носился надъ кладбищемъ, безпрестанно захлестывая ризу на священникѣ и относя въ сторону пѣніе причетниковъ.

— И кто бы, сударыня, подумалъ, что подъ симъ скромнымъ крестомъ, при бѣдной нашей церкви, нашла себѣ успокоеніе богатѣйшая нѣкогда помѣщица здѣшняго уѣзда! — сказалъ священникъ по окончаніи литіи.

При этихъ словахъ Аннинька и еще поплакала. Ей вспомнилось: *гдѣ столъ былъ яствъ — тамъ гробъ стоитъ*, и слезы такъ и лились. Потомъ она пошла къ батюшкѣ въ хату, напилась чаю, побесѣдовала съ матушкой, опять

Digitized by Google

вспомнила: *и больно смерть на всѣхъ глядитъ* — и опять много и долго плакала.

Въ Погорѣлку не было дано знать о пріѣздѣ барышни, и потому тамъ даже комнатъ въ домѣ не истопили. Аннинька, не снимая шубы, прошла по всѣмъ комнатамъ и остановилась на минуту только въ спальной бабушки и въ образной. Въ бабушкиной комнатѣ стояла ея постель, на которой такъ и лежала неубранная груда замасленныхъ пуховиковъ и нѣсколько подушекъ безъ наволочекъ. На письменномъ столѣ валялись разбросанные лоскутья бумаги; полъ былъ не метенъ, а густой слой пыли покрывалъ всѣ предметы. Аннинька присѣла въ кресло, въ которомъ сиживала бабушка, и задумалась. Сначала явились воспоминанія прошлаго, потомъ на смѣну имъ пришли представленія настоящаго. Первыя проходили въ видѣ обрывковъ, мимолетно и не задерживаясь; вторыя осѣдали плотнѣе. Давно ли рвалась она на волю, давно ли Погорѣлка казалась ей постылою—и вотъ теперь вдругъ ея сердце переполнило какое-то болѣзненное желаніе пожить въ этомъ постыломъ мѣстѣ. Тихо здѣсь, неуютно, неприглядно, но тихо, такъ тихо, что словно все кругомъ умерло. Воздуху много и простору: вонъ оно, поле—такъ бы и побѣжала. Безъ цѣли, безъ оглядки, только чтобъ дышалось сильнѣе, чтобъ грудь саднило. А *тамъ*, въ этой полукочевой средѣ, изъ которой она только что вырвалась и куда опять *должна* возвратиться,—что ее ждетъ? и что она оттуда вынесла? Воспоминаніе о пропитанныхъ вонью гостиницахъ, о вѣчномъ гвалтѣ, несущемся изъ общей столовой и изъ бильярдной, о нечесанныхъ и немытыхъ половыхъ, о репетиціяхъ среди царствующихъ на сценѣ сумерекъ, среди полотняныхъ, раскрашенныхъ кулисъ, до которыхъ дотронуться гнусно, на сквозномъ вѣтру, на сырости... Вотъ и только! А потомъ: офицеры, адвокаты, циническія рѣчи, пустыя бутылки, скатерти, залитыя виномъ, облака дыма, и гвалтъ, гвалтъ, гвалтъ! И что они говорили ей! Съ какимъ цинизмомъ къ ней прикасались!.. Особливо тотъ, усатый, съ охрипшимъ отъ перепоя голосомъ, съ воспаленными глазами, съ вѣчнымъ запахомъ конюшни... Ахъ, что онъ говорилъ! Аннинька при этомъ воспоминаніи даже вздрогнула и зажмурила глаза. Потомъ, однако-жъ, очнулась, вздохнула и перешла въ образную. Въ кіотѣ стояло уже немного образовъ, только тѣ, которые *несомнѣнно* принадлежали ея матери, а остальные, бабушкины, были вы-

Digitized by Google

нуты и увезены Іудушкой, въ качествѣ наслѣдника, въ Головлево. Образовавшіяся вслѣдствіе этого пустыя мѣста смотрѣли словно выколотые глаза. И лампадъ не было — все взялъ Іудушка; только одинъ желтаго воска огарокъ сиротливо ютился, забытый въ крохотномъ жестяномъ подсвѣчникѣ.

— Они и кіотку хотѣли-было взять, все доискивались, точно ли она барышнина приданная была! — донесла Афимьюшка.

Что-жъ, и пусть бы бралъ. А что, Афимьюшка, бабушка долго передъ смертью мучилась?

Не то чтобъ очень, всего съ небольшимъ сутки лежали. Такъ, словно сами собой извелись. Ни больны настоящимъ манеромъ не были, ничто! Ничего почесть и не говорили, только про васъ съ сестрицей раза съ два помянули.

Образа-то, стало-быть, Порфирій Владимірычъ увезъ?

Онъ увезъ. Собственные, говоритъ, маменькины образа. И тарантасъ къ себѣ увезъ, и двухъ коровъ. Все, стало-быть, изъ барыниныхъ бумагъ усмотрѣлъ, что не ваши были, а бабенькины. Лошадь тоже одну оттягать хотѣлъ, да Ѳедулычъ не отдалъ. «Наша, говоритъ, это лошадь, старинная погорѣлковская», — ну, оставилъ, побоялся.

Походила Аннинька и по двору, заглянула въ службы, на гумно, на скотный дворъ. Тамъ, среди навозной топи, стоялъ «оборотный капиталъ»: штукъ двадцать тощихъ коровъ да три лошади. Велѣла принести хлѣба, сказавъ при этомъ: «Я заплачу!» — и каждой коровѣ дала по кусочку. Потомъ скотница попросила барышню въ избу, гдѣ былъ поставленъ на столѣ горшокъ съ молокомъ, а въ углу у печки, за низенькой перегородкой изъ досокъ, ютился новорожденный теленокъ. Аннинька пошла молочка, побѣжала къ теленочку, сгоряча поцѣловала его въ морду, но сейчасъ же брезгливо вытерла губы, говоря, что морда у теленка противная, вся въ какихъ-то слюняхъ. Наконецъ, вынула изъ портъ-моне три желтенькихъ бумажки, раздала старымъ слугамъ и стала собираться.

— Что-жъ вы будете дѣлать? — спросила она, усаживаясь въ кибитку, старика Ѳедулыча, который, въ качествѣ старосты, слѣдовалъ за барышней съ скрещенными на груди руками.

— А что намъ дѣлать! Жить будемъ, — просто отвѣтилъ Ѳедулычъ.

Digitized by Google

Аннинькѣ опять взгрустнулось: ей показалось, что слова Ѳедулыча звучатъ ироніей. Она постояла-постояла на мѣстѣ, вздохнула и сказала:

— Ну, прощайте!

— А мы было-думали, что вы къ намъ вернетесь, съ нами поживете!—молвилъ Ѳедулычъ.

— Нѣтъ, ужъ... что! Все равно... живите!

И опять слезы полились у нея изъ глазъ, и всѣ при этомъ тоже заплакали. Какъ-то странно это выходило: вотъ и ничего, казалось, ей не жаль, даже помянуть нечѣмъ — а она плачетъ. Да и они: ничего не было сказано выходящаго изъ ряда будничныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, а всѣмъ сдѣлалось тяжело, «жалко». Посадили ее въ кибитку, укутали и всѣ разомъ глубоко вздохнули.

— Счастливо! — раздалось за ней, когда повозка тронулась.

Ѣхавши мимо погоста, она вновь велѣла остановиться и одна, безъ причта, пошла по расчищенной дорогѣ къ могилѣ. Уже порядкомъ стемнѣло, и въ домахъ церковниковъ засвѣтились огни. Она стояла, ухватившись одной рукой за надгробный крестъ, но не плакала, а только пошатывалась. Ничего особеннаго она не думала, никакой опредѣленной мысли не могла формулировать, а горько ей было, всѣмъ существомъ горько. И не надъ бабушкой, а надъ самой собой горько. Безсознательно пошатываясь и наклоняясь, она простояла тутъ съ четверть часа, и вдругъ ей представилась Любинька, которая, быть-можетъ, въ эту самую минуту соловьемъ разливается въ какомъ-нибудь Кременчугѣ среди развеселой компаніи...

Ah! ah! que j'aime, que j'aime!
Que j'aime les mili-mili-mili-taires!

Она чуть не упала. Бѣгомъ добѣжала до повозки, сѣла и велѣла какъ можно скорѣе ѣхать въ Головлево.

Аннинька воротилась къ дядѣ скучная, тихая. Впрочемъ, это не мѣшало ей чувствовать себя нѣсколько голодною (дяденька, впопыхахъ, даже курочки съ ней не отпустилъ), и она была очень рада, что столъ для чая былъ ужъ накрытъ. Разумѣется, Порфирій Владимірычъ не замедлилъ вступить въ разговоръ.

— Ну, что, побывала?

— Побывала?

— И на могилкѣ помолилась? Панихидку отслужила?

Digitized by Google

— Да, и панихидку.

— Священникъ-то, стало-быть, дома былъ?

— Конечно, былъ; кто же бы панихиду служилъ!

— Да, да... И дьячки оба были? Вѣчную память пропѣли?

— Пропѣли.

— Да. Вѣчная память! вѣчная память покойницѣ! Пéчная старушка, родственная была!

Іудушка всталъ со стула, обратился лицомъ къ образамъ и помолился.

— Ну, а въ Погорѣлкѣ какъ застала, благополучно?

— Право, не знаю. Кажется, все на своемъ мѣстѣ стоитъ.

— То-то «кажется»! Намъ всегда «кажется», а посмотришь да поглядишь—и тутъ кривѣнько, и тамъ гнилѣнько... Вотъ такъ-то мы и объ чужихъ состояніяхъ понятіе себѣ составляемъ: «кажется»! все «кажется»! А впрочемъ, хорошенькая у васъ усадьбица; преудобно васъ покойница-маменька устроила, не мало даже изъ собственныхъ средствъ на усадьбу употребила... Ну, да вѣдь сиротамъ не грѣхъ и помочь!

Слушая эти похвалы, Аннинька не выдержала, чтобъ не подразнить сердобольнаго дяденьку.

— А вы зачѣмъ, дядя, изъ Погорѣлки двухъ коровъ увели?—спросила она.

— Коровъ? Какихъ это коровъ? Это Чернавку да Приведѣнку, что ли? Такъ вѣдь онѣ, мой другъ, маменькины были!

— А вы—ея законный наслѣдникъ? Ну, что-жъ, и владѣйте! Хотите, я вамъ еще теленочка велю прислать?

— Вотъ-вотъ-вотъ! Ты ужъ и раскипятилась! А ты дѣло говори. Какъ, по-твоему, чьи коровы были?

— А я почемъ знаю! Въ Погорѣлкѣ стояли!

— А я знаю; у меня доказательства есть, что коровы маменькины. Собственной ея руки я реестръ отыскалъ; тамъ именно сказано: «мои».

— Ну, оставимъ. Не стоитъ объ этомъ говорить.

— Вотъ лошадь въ Погорѣлкѣ есть, лысенькая такая—ну, объ этой вѣрнаго сказать не могу. Кажется, будто бы маменькина лошадь, а впрочемъ—не знаю! А чего не знаю, объ этомъ и говорить не могу!

— Оставимте это, дядя.

— Нѣтъ, зачѣмъ оставлять! Я, братъ, прямикъ—я вотъ

Digitized by Google

кое дѣло на чистоту вести люблю! Да отчего и не поговорить! Своего всякому жалко: и мнѣ жалко, и тебѣ жалко— ну, и поговоримъ! А коли говорить будемъ, такъ скажу тебѣ прямо: мнѣ чужого не надобно, но и своего я не отдамъ. Потому что хоть вы мнѣ и не чужія, а все-таки...

— И образа̀ даже взяли! — опять не воздержалась Аннинька.

— И образа̀ взялъ, и все взялъ, что̀ мнѣ, какъ законному наслѣднику, принадлежитъ.

— Теперь кіотъ-то весь словно въ дырахъ...

— Что-жъ дѣлать! И передъ такимъ помолюсь! Богу вѣдь не кіотъ, а молитва твоя нужна! Коли ты искренно приступаешь, такъ и передъ плохенькими образами молитва твоя дойдетъ! А коли ты только такъ: болты-болты, да по сторонамъ поглядѣть, да книксенъ сдѣлать—такъ и хорошіе образа тебя не спасутъ!

Тѣмъ не менѣе, Іудушка всталъ и возблагодарилъ Бога за то, что у него «хорошіе» образа.

— А ежели не нравится старый кіотъ—новый вели сдѣлать. Или другіе образа на мѣсто вынутыхъ поставь. Прежніе—маменька-покойница наживала да устраивала, а новые ты ужъ сама наживи!

Порфирій Владимірычъ даже хихикнулъ: такъ это разсужденіе казалось ему резонно̀ и просто.

— Скажите, пожалуйста, что̀ же мнѣ теперь дѣлать предстоитъ?—спросила Аннинька.

— А вотъ погоди. Сначала отдохни, да понѣжься, да поспи. Побесѣдуемъ да посудимъ, и такъ посмотримъ, и этакъ прикинемъ—можетъ-быть, вдвоемъ что-нибудь и выдумаемъ!

— Мы—совершеннолѣтнія, кажется?

— Да-съ, совершеннолѣтнія-съ. Можете сами и дѣйствіями своими, и имѣніемъ управлять!

— Слава Богу, хоть это!

— Честь имѣемъ поздравить-съ!

Порфирій Владимірычъ всталъ и полѣзъ цѣловаться.

— Ахъ, дядя, какой вы странный! все цѣлуетесь!

— Отчего же и не поцѣловаться! Не чужая ты мнѣ— племянушка! Я, мой другъ, по-родственному! Я для родныхъ всегда готовъ! Будь хоть троюродный, хоть четверюродный,—я всегда...

— Вы лучше скажите, что̀ мнѣ дѣлать? Въ городъ, что ли, надобно ѣхать? хлопотать?

Digitized by Google

— И въ городъ поѣдемъ, и похлопочемъ—все въ свое время сдѣлаемъ. А прежде—отдохни, поживи! Слава Богу! не въ трактирѣ, а у родного дяди живешь! И поѣсть, и чайку попить, и вареньицемъ полакомиться—всего вдоволь есть! А ежели кушанье какое не понравится—другого спроси! Спрашивай, требуй! Щецъ не захочется—супцу подать вели! Котлеточекъ, уточки, поросеночка... Евпраксеюшку за бока беру!... А кстати, Евпраксеюшка! вотъ я поросеночкомъ-то похвастался, а хорошенько и самъ не знаю—есть ли у насъ?

Евпраксеюшка, державшая въ это время передъ ртомъ блюдечко съ горячимъ чаемъ, утвердительно повела носомъ воздухъ.

— Ну, вотъ видишь, и поросеночекъ есть! Всего, значитъ, чего душенька захочетъ, того и проси! Такъ-то!

Іудушка опять потянулся къ Аннинькѣ и по-родственному похлопалъ ее рукой по колѣнкѣ, при чемъ, конечно, невзначай, слегка позамѣшкался, такъ что сиротка инстинктивно отодвинулась.

— Но, вѣдь, мнѣ ѣхать надо!—сказала она.

— Объ томъ-то я и говорю. Потолкуемъ да поговоримъ, а потомъ и поѣдемъ. Благословясь да Богу помолясь, а не такъ какъ-нибудь: прыгъ да шмыгъ! Поспѣшишь—людей насмѣшишь! Спѣшатъ-то на пожаръ, а у насъ, слава Богу, не горитъ! Вотъ Любинькѣ—той на ярмарку спѣшить надо, а тебѣ—что! Да вотъ я тебя еще что спрошу: ты въ Погорѣлкѣ, что ли, жить будешь?

— Нѣтъ, въ Погорѣлкѣ мнѣ не зачѣмъ.

— И я тоже хотѣлъ тебѣ сказать. Поселись-ко у меня. Будемъ жить да поживать—еще какъ заживемъ-то!

Говоря это, Іудушка глядѣлъ на Аннинъку такими маслянными глазами, что ей сдѣлалось неловко.

Нѣтъ, дядя, я не поселюсь у васъ. Скучно.

— Ахъ, глупенькая, глупенькая! И что тебѣ эта скука далась! Скучно да скучно, а чѣмъ скучно—и сама, чай, не скажешь! У кого, мой другъ, дѣло есть, да кто собой управлять умѣетъ—тотъ никогда скуки не знаетъ. Вотъ, я, напримѣръ, не вижу, какъ время летитъ! Въ будни—по хозяйству: тамъ посмотришь, тутъ поглядишь, туда сходишь, побесѣдуешь, посудишь—смотришь, анъ день и прошелъ! А въ праздникъ—въ церковь! Такъ-то и ты! Поживи съ нами—и тебѣ дѣло найдется, а дѣла нѣтъ—съ Евпраксеюшкой въ дурачки сядешь или саночки вели заложить—катай

Digitized by Google

да покатывай! А лѣто настанетъ — по грибы въ лѣсъ поѣдемъ! на травѣ чай станемъ пить!

— Нѣтъ, дядя, напрасно вы и предлагаете!

— Право бы, пожила.

— Нѣтъ. А вотъ что: устала я съ дороги, такъ спать нельзя ли мнѣ лечь?

— И баиньки можно! И кроватка у меня готова для тебя, и все какъ слѣдуетъ! Хочется тебѣ баиньки — почивай. Христосъ съ тобой! А все-таки ты объ этомъ подумай: куда бы лучше, кабы ты съ нами въ Головлевѣ осталась!

Аннинька провела ночь безпокойно. Нервная блажь, которая застигла ее въ Погорѣлкѣ, продолжалась. Бываютъ минуты, когда человѣкъ, который дотолѣ только *существовалъ*, вдругъ начинаетъ понимать, что онъ не только воистину *живетъ*, но что въ его жизни есть даже какая-то язва. Откуда она взялась, какимъ образомъ и когда именно образовалась—въ большей части случаевъ онъ хорошо себѣ не объясняетъ и чаще всего приписываетъ происхожденіе язвы совсѣмъ не тѣмъ причинамъ, которыя въ дѣйствительности ее обусловили. Но для него оцѣнка факта даже не нужна: достаточно и того, что язва существуетъ. Дѣйствіе такого внезапнаго откровенія, будучи для всѣхъ одинаково мучительнымъ, въ дальнѣйшихъ практическихъ результатахъ видоизмѣняется, смотря по индивидуальнымъ темпераментамъ. Однихъ сознаніе обновляетъ, воодушевляетъ рѣшимостью начать новую жизнь на новыхъ основаніяхъ; на другихъ оно отражается лишь преходящею болью, которая не произведетъ въ будущемъ никакого перелома къ лучшему, но въ настоящемъ высказывается даже болѣзненнѣе, нежели въ томъ случаѣ, когда встревоженной совѣсти, вслѣдствіе принятыхъ рѣшеній, все-таки представляются хоть нѣкоторые просвѣты въ будущемъ.

Аннинька не принадлежала къ числу такихъ личностей, которыя въ сознаніи своихъ язвъ находятъ поводъ для жизненнаго обновленія, но, тѣмъ не менѣе, какъ дѣвушка неглупая, она отлично понимала, что между тѣми смутными мечтами о трудовомъ хлѣбѣ, которыя послужили ей исходнымъ пунктомъ для того, чтобы навсегда покинуть Погорѣлку, и положеніемъ провинціальной актрисы, въ которомъ она очутилась, существуетъ цѣлая бездна. Вмѣсто тихой жизни труда она нашла бурное существованіе, наполненное безконечными кутежами, наглымъ цинизмомъ и без-

Digitized by Google

порядочною, ни къ чему не приводящею суетою. Вмѣсто лишеній и суровой внѣшней обстановки, съ которыми она когда-то примирялась, ее встрѣтило относительное довольство и роскошь, о которыхъ она, однако-жъ, не могла теперь вспоминать безъ краски на лицѣ. И вся эта перестановка какъ-то незамѣтно для нея самой случилась: шла она куда-то въ хорошее мѣсто, но вмѣсто одной двери попала въ другую. Желанія ея были дѣйствительно очень скромныя. Сколько разъ, бывало, сидя въ Погорѣлкѣ на мезонинѣ, она видѣла себя въ мечтахъ серьезною дѣвушкой, трудящейся, алчущей образовать себя, съ твердостью переносящей нужду и лишенія ради идеи блага (правда, что слово «благо» едва ли имѣло какое-нибудь опредѣленное значеніе); но едва она вышла на широкую дорогу самодѣятельности, какъ сама собою сложилась такая практика, которая сразу разбила въ прахъ всю мечту. Серьезный трудъ не приходитъ самъ собой, а дается только упорному исканію и подготовкѣ, ежели и не полной, то хотя до извѣстной степени помогающей исканію. Но требованіямъ этимъ не отвѣчали ни темпераментъ, ни воспитаніе Аннинькн. Темпераментъ ея вовсе не отличался страстностью, а только легко раздражался; матеріалъ же, который дало ей воспитаніе и съ которымъ она собралась войти въ трудовую жизнь, былъ до такой степени несостоятеленъ, что не могъ послужить основаніемъ ни для какой серьезной профессіи. Воспитаніе это было, такъ сказать, институтско-опереточное, въ которомъ перевѣсъ брала едва ли не оперетка. Тутъ въ хаотическомъ безпорядкѣ перемѣшивались и задача о летящемъ стадѣ гусей, и па съ шалью, и проповѣдь Петра Пикардскаго, и продѣлки Елены Прекрасной, и ода къ Фелицѣ, и чувство признательности къ начальникамъ и покровителямъ благородныхъ дѣвицъ. Въ этомъ безпорядочномъ винегретѣ (внѣ котораго она съ полнымъ основаніемъ могла назвать себя tabula rasa) трудно было даже разобраться, а не то что исходную точку найти. Не любовь къ труду побуждала такая подготовка, а любовь къ свѣтскому обществу, желаніе быть окруженной, выслушивать любезности кавалеровъ и вообще погрузиться въ шумъ, блескъ и вихрь такъ-называемой жизни.

Если-бъ она слѣдила за собой пристальнѣе, то даже въ Погорѣлкѣ, въ тѣ минуты, когда въ ней еще только зарождались проекты трудовой жизни, когда она видѣла въ

Digitized by Google

нихъ нѣчто въ родѣ освобожденія изъ плѣна египетскаго--- даже и тогда она могла бы изловить себя въ мечтахъ не столько работающею, сколько окруженною обществомъ единомыслящихъ людей и коротающею время въ длинныхъ разговорахъ. Конечно, и люди этихъ мечтаній были умные, и разговоры ихъ—честные и серьезные, но все-таки на сценѣ первенствовала праздничная сторона жизни. Бѣдность была опрятная, лишенія свидѣтельствовали только объ отсутствіи излишества. Поэтому, когда на дѣлѣ мечта о трудовомъ хлѣбѣ разрѣшилась тѣмъ, что ей предложили занять опереточное амплуа на подмосткахъ одного изъ провинціальныхъ театровъ, то, несмотря на контрастъ, она колебалась недолго. Наскоро освѣжила она институтскія свѣдѣнія объ отношеніяхъ Елены къ Менелаю, дополнила ихъ нѣкоторыми біографическими подробностями изъ жизни великолѣпнаго князя Тавриды, и рѣшила, что этого было совершенно достаточно, чтобы воспроизводить «Прекрасную Елену» и «Отрывки изъ Герцогини Герольштейнской» въ губернскихъ городахъ и на ярмаркахъ. При этомъ, для очистки совѣсти, она припоминала, что одинъ студентъ, съ которымъ она познакомилась въ Москвѣ, на каждомъ шагу восклицалъ: «святое искусство!»—и тѣмъ охотнѣе сдѣлала эти слова девизомъ своей жизни, что онѣ приличнымъ образомъ развязывали ей руки и придавали хоть какой-нибудь наружный декорумъ ея вступленію на стезю, къ которой она инстинктивно рвалась всѣмъ своимъ существомъ.

Жизнь актрисы взбудоражила ее. Одинокая, безъ руководящей подготовки, безъ сознанной цѣли, съ однимъ только темпераментомъ, жаждущимъ шума, блеска и похвалъ, она скоро увидѣла себя кружащеюся въ какомъ-то хаосѣ, въ которомъ толпилось безконечное множество лицъ, безъ всякой связи смѣнявшихъ одно другое. Это были лица разнообразнѣйшихъ характеровъ и убѣжденій, такъ что самые мотивы для сближенія съ тѣмъ или другимъ, отнюдь не могли быть одинаковыми. Тѣмъ не менѣе, и тотъ, и другой, и третій равно составляли ея кругъ, изъ чего должно было заключить, что тутъ, собственно говоря, не могло быть и рѣчи о мотивахъ. Ясно, стало-быть, что ея жизнь сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ въѣзжаго дома, въ ворота котораго могъ стучаться каждый, кто сознавалъ себя веселымъ, молодымъ и обладающимъ извѣстными матеріальными средствами. Ясно, что тутъ дѣло шло совсѣмъ не о томъ, чтобы *подбирать* себѣ общество по душѣ, а о томъ,

Digitized by Google

чтобы примоститься къ какому бы то ни было обществу, лишь бы не изнывать въ одиночествѣ. Въ сущности, «святое искусство» привело ее въ помойную яму, но голова ея сразу такъ закружилась, что она не могла различить этого. Ни немытыя рожи коридорныхъ, ни захватанныя, покрытыя слизью декораціи, ни шумъ, вонь и гвалтъ гостиницъ и постоялыхъ дворовъ, ни циническія выходки поклонниковъ—ничто не отрезвило ее. Она не замѣчала даже, что постоянно находится въ обществѣ однихъ мужчинъ и что между нею и другими женщинами, имѣющими *постоянное положеніе*, легла какая-то непреодолимая преграда...

Отрезвилъ на минуту пріѣздъ въ Головлево.

Съ утра, почти съ самой минуты пріѣзда, ее ужъ что-то мутило. Какъ дѣвушка впечатлительная, она очень быстро прониклась новыми ощущеніями и не менѣе быстро примѣнялась ко всякимъ положеніямъ. Поэтому, съ пріѣздомъ въ Головлево, она вдругъ почувствовала себя «барышней». Припомнила, что у нея есть что-то свое: свой домъ, свои могилы, и захотѣлось ей опять увидѣть прежнюю обстановку, опять подышать тѣмъ воздухомъ, изъ котораго она такъ недавно безъ оглядки бѣжала. Но впечатлѣніе это немедленно же должно было разбиться при столкновеніи съ дѣйствительностью, встрѣтившеюся въ Головлевѣ. Въ этомъ отношеніи ее можно было уподобить тому человѣку, который съ привѣтливымъ выраженіемъ лица входитъ въ общество давно невидѣнныхъ имъ людей—и вдругъ замѣчаетъ, что къ его привѣтливости всѣ относятся какъ-то загадочно. Погано скошенные на ея бюстъ глаза Іудушки сразу напомнили ей, что позади у нея уже образовался своего рода скарбъ, съ которымъ не такъ-то легко разсчитаться. И когда, послѣ наивныхъ вопросовъ погорѣловской прислуги, послѣ назидательныхъ вздоховъ воплинскаго батюшки и его попадьи и послѣ новыхъ поученій Іудушки, она осталась одна, когда она провѣрила на досугѣ впечатлѣнія дня, то ей сдѣлалось уже совсѣмъ несомнѣнно, что прежняя «барышня» умерла навсегда, что отнынѣ она—только актриса жалкаго провинціальнаго театра и что положеніе русской актрисы очень недалеко отстоитъ отъ положенія публичной женщины.

До сихъ поръ она жила какъ во снѣ. Обнажалась въ «Прекрасной Еленѣ», являлась пьяною въ «Периколѣ», пѣла всевозможныя безстыдства въ «Отрывкахъ изъ Герцогини Герольштейнской» и даже жалѣла, что на театраль-

Digitized by Google

ныхъ подмосткахъ не принято представлять «la chose» и «l'amour», воображая себѣ, какъ бы она обольстительно вздрагивала поясницей и шикарно вертѣла хвостомъ. Но ей никогда не приходило въ голову вдумываться въ то, что она дѣлаетъ. Она о томъ только старалась, чтобъ все выходило у нея «мило», съ «шикомъ» и въ то же время нравилось офицерамъ расквартированнаго въ городѣ полка. Но что это такое и какого сорта ощущенія производятъ въ офицерахъ ея вздрагиванья — она объ этомъ себя не спрашивала. Офицеры представляли въ городѣ рѣшающую публику и ей было извѣстно, что отъ нихъ зависѣлъ ея успѣхъ. Они вторгались за кулисы, безцеремонно стучались въ двери ея уборной, когда она была еще полуодѣта, называли ее уменьшительными именами — и она смотрѣла на все это, какъ на простую формальность, родъ неизбѣжной обстановки ремесла, и спрашивала себя только о томъ — «мило» или «не мило» выдерживаетъ она въ этой обстановкѣ свою роль? Но ни тѣла своего, ни души она покуда еще не сознавала публичными. И вотъ теперь, когда она на минуту опять почувствовала себя «барышней», ей вдругъ сдѣлалось какъ-то невыносимо мерзко. Какъ будто съ нея сняли всѣ покровы, до послѣдняго, и всенародно вывели ее обнаженною; какъ будто всѣ эти подлыя дыханія, зараженныя запахами вина и конюшни, разомъ охватили ее; какъ будто она на своемъ тѣлѣ почувствовала прикосновеніе потныхъ рукъ, слюнявыхъ губъ и блужданіе мутныхъ, исполненныхъ плотоядной животненности глазъ, которые безсмысленно скользятъ по кривой линіи ея обнаженнаго тѣла, словно требуютъ отъ него отвѣта: что такое «la chose»?

Куда идти? гдѣ оставить этотъ скарбъ, который надавливалъ ея плечи?—Вопросъ этотъ безнадежно метался въ ея головѣ, но именно только метался, не находя и даже не ища отвѣта. Вѣдь и это былъ своего рода сонъ: и прежняя жизнь была сонъ, и теперешнее пробужденіе — тоже сонъ. Огорчилась дѣвочка, расчувствовалась — вотъ и все. Пройдетъ. Бываютъ минуты хорошія, бываютъ и горькія — это въ порядкѣ вещей. Но и тѣ, и другія только скользятъ, а отнюдь не измѣняютъ однажды сложившагося хода жизни. Чтобъ дать послѣдней другое направленіе, необходимо много усилій, потребна не только нравственная, но и физическая храбрость. Это — почти то же, что самоубійство. Хотя передъ самоубійствомъ человѣкъ про-

Digitized by Google

клинаетъ свою жизнь, хотя онъ положительно знаетъ, что для него смерть есть свобода. но орудіе смерти все-таки дрожитъ въ его рукахъ, ножъ скользитъ по горлу, пистолетъ вмѣсто того, чтобъ бить прямо въ лобъ, бьетъ ниже, уродуетъ. Такъ-то и тутъ, но еще труднѣе. И тутъ предстоитъ убить свою прежнюю жизнь, но, убивъ ее, самому остаться живымъ. То «ничто», которое въ заправскомъ самоубійствѣ достигается мгновеннымъ спускомъ курка — тутъ, въ этомъ особомъ самоубійствѣ, которое называется «обновленіемъ», достигается цѣлымъ рядомъ суровыхъ, почти аскетическихъ усилій. И достигается все-таки «ничто», потому что нельзя же назвать нормальнымъ существованіе. содержаніе котораго состоитъ изъ однихъ усилій надъ собой, изъ лишеній и воздержаній. У кого воля изнѣжена, кто уже подточенъ привычкою легкаго существованія — у того голова закружится отъ одной перспективы подобнаго «обновленія». И инстиктивно, отворачивая голову и зажмуривая глаза, стыдясь и обвиняя себя въ малодушіи, онъ все-таки опять пойдетъ по утоптанной дорогѣ.

Ахъ! великая вещь—жизнь труда! Но съ нею сживаются только сильные люди, да тѣ, которыхъ осудилъ на нее какой-то проклятый прирожденный грѣхъ. Только такихъ онъ не пугаетъ. Первыхъ—потому, что, сознавая смыслъ и рессурсы труда, они умѣютъ отыскивать въ немъ наслажденіе; вторыхъ — потому, что для нихъ трудъ есть прежде всего прирожденное обязательство, а потомъ и привычка.

Аннинькѣ даже на мысль не приходило основаться въ Погорѣлкѣ или въ Головлевѣ, и въ этомъ отношеніи ей большую помощь оказала та дѣловая почва, на которую ее поставили обстоятельства и которой она инстинктивно не покидала. Ей былъ данъ отпускъ, и она ужъ заранѣе распредѣлила все время его и назначила день отъѣзда изъ Головлева. Для людей слабохарактерныхъ тѣ внѣшнія грани, которыя обставляютъ жизнь, значительно облегчаютъ бремя ея. Въ затруднительныхъ случаяхъ слабые люди инстинктивно жмутся къ этимъ гранямъ и находятъ въ нихъ для себя оправданіе. Такъ именно и поступила Аннинька: она рѣшилась какъ можно скорѣе уѣхать изъ Головлева, и ежели дядя будетъ приставать, то оградить себя отъ этихъ приставаній необходимостью явиться въ назначенный срокъ.

Проснувшись на другой день, утромъ, она прошлась по всѣмъ комнатамъ громаднаго головлевскаго дома. Вездѣ было пустынно, непріютно, пахло отчужденіемъ, вымороч-

Digitized by Google

постью. Мысль поселиться въ этомъ домѣ безъ срока окончательно испугала ее. «Ни за что! — твердила она въ какомъ-то безотчетномъ волненіи: — ни за что».

Порфирій Владимірычъ и на другой день встрѣтилъ ее съ обычной благосклонностью, въ которой никакъ нельзя было различить—хочетъ ли онъ приласкать человѣка или намѣренъ высосать изъ него кровь.

— Ну, что, торопыга, выспалась? Куда-то теперь торопиться будешь?—пошутилъ онъ.

— И то, дядя, тороплюсь; вѣдь я въ отпуску; надобно на срокъ поспѣвать.

— Это—опять скоморошничать? Не пущу!

— Пускайте или не пускайте—сама уѣду!

Іудушка грустно покачалъ головой.

— А бабушка-покойница что скажетъ? — спросилъ онъ тономъ ласковаго упрека.

— Бабушка и при жизни знала. Да что это, дядя, за выраженіе у васъ? Вчера съ гитарой меня по ярмаркамъ посылали, сегодня о скоморошничествѣ разговоръ завели? Слышите: я не хочу, чтобъ вы такъ говорили!

— Эге! видно, правда-то кусается! А вотъ я такъ люблю правду! По мнѣ, ежели правду...

— Нѣтъ, нѣтъ, не хочу я, не хочу! Ни правды, ни неправды мнѣ вашей не надо! Слышите! не хочу я, чтобъ вы такъ выражались!

— Ну-ну! раскипятилась! Пойдемъ-ка, стрекоза, за добра-ума, чай пить! Самоваръ-то ужъ, чай, давно хр-хр... да зз-зз... на столѣ дѣлаетъ.

Порфирій Владимірычъ шуточкой да смѣшкомъ хотѣлъ изгладить впечатлѣніе, произведенное словомъ: «скоморошничать», и въ знакъ примиренія даже потянулся къ племянницѣ, чтобъ обнять ее за талію; но Аннинькѣ все это показалось до того глупымъ, почти гнуснымъ, что она брезгливо уклонилась отъ ожидавшей ее ласки.

— Я вамъ серьезно повторяю, дядя, что мнѣ надо торопиться!—сказала она.

— А вотъ пойдемъ, сначала чайку попьемъ, а потомъ и поговоримъ!

— Да почему же непремѣнно послѣ чаю? Почему нельзя до чаю поговорить?

— А потому что—потому. Потому, что все чередомъ дѣлать надо. Сперва одно, потомъ другое; сперва чайку по-

Digitized by Google

пьемъ да поболтаемъ, а потомъ и о дѣлѣ переговоримъ. Все успѣемъ.

Передъ такимъ непреоборимымъ пустословіемъ оставалось только покориться. Стали пить чай, при чемъ Іудушка самымъ злостнымъ образомъ длилъ время, помаленьку прихлебывая изъ стакана, крестясь, похлопывая себя по ляжкѣ, калякая о покойницѣ-маменькѣ и проч.

— Ну, вотъ, теперь и поговоримъ,—сказалъ онъ, наконецъ:—ты долго ли намѣрена у меня погостить?

— Да больше недѣли мнѣ нельзя. Въ Москвѣ еще побывать надо.

— Недѣля, мой другъ,—большое дѣло; и много дѣла можно въ недѣлю сдѣлать, и мало дѣла—какъ взяться.

— Мы, дядя, лучше больше сдѣлаемъ.

— О томъ-то я и говорю. И много можно сдѣлать, и мало. Иногда много хочешь сдѣлать, а выходитъ мало; а иногда будто и мало дѣлается, анъ, смотришь, съ Божьею помощью, всѣ дѣла незамѣтно прикончилъ. Вотъ ты спѣшишь, въ Москвѣ тебѣ побывать, вишь, надо; а зачѣмъ, коли тебя спросить—ты и сама путемъ не сумѣешь отвѣтить. А по-моему, вмѣсто Москвы-то лучше бы это время на дѣло употребить.

— Въ Москву мнѣ необходимо, потому что я хочу попытать, нельзя ли намъ на тамошнюю сцену поступить. А что касается до дѣла, такъ вѣдь вы сами же говорите, что въ недѣлю можно много дѣла надѣлать.

— Смотря по тому, какъ возьмешься, мой другъ. Ежели возьмешься какъ слѣдуетъ—все у тебя пойдетъ и ладно, и плавно; а возьмешься не такъ, какъ слѣдуетъ—ну, и застрянетъ дѣло, въ долгій ящикъ оттянется.

— Такъ вы меня поруководите, дядя!

— То-то вотъ и есть. Какъ нужно, такъ «вы меня поруководите, дядя», а ненужно—такъ и скучно у дяди, и поскорѣе бы отъ него уѣхать! Что, небось, неправда?

— Да вы только скажите, что мнѣ дѣлать нужно?

— Стой, погоди! Такъ вотъ я и говорю: какъ нуженъ дядя—онъ и голубчикъ, и миленькій, и душенька; а ненуженъ—сейчасъ ему хвостъ покажутъ! А нѣтъ того, чтобъ спроситься у дяди: какъ, молъ, вы, дяденька-голубчикъ, полагаете—можно мнѣ въ Москву съѣздить?

— Какой вы, дядя, странный! Вѣдь мнѣ въ Москвѣ необходимо быть, а вы вдругъ скажете, что нельзя?

— А скажу: нельзя—и посиди! Не посторонній сказалъ,

Digitized by Google

дядя сказалъ—можно и послушаться дядю. Ахъ, мой другъ, могъ другъ! Еще хорошо, что у васъ дядя есть—все же и пожалѣть о васъ, и остановить васъ — есть кому! А вотъ какъ у другихъ—нѣтъ никого! Ни ихъ пожалѣть, ни остановить — однѣ растутъ! Ну, и бываетъ съ ними... всякія случайности въ жизни бываютъ, мой другъ!

Аннинька хотѣла-было возразить, однако поняла, что это значило бы только подливать масла въ огонь, и смолчала. Она сидѣла и безнадежно смотрѣла на расходившагося Порфирія Владимірыча.

— Вотъ, я давно хотѣлъ тебѣ сказать, — продолжалъ между тѣмъ Іудушка: — не нравится мнѣ, куда какъ не нравится, что вы по этимъ... по ярмаркамъ ѣздите! Хоть тебѣ и нелюбо, что я объ гитарахъ говорилъ, а все-таки...

— Да вѣдь мало сказать: не нравится! Надобно на какой-нибудь выходъ указать!

— Живи у меня—вотъ тебѣ и выходъ!

— Ну, нѣтъ... это... ни за что!

— Что такъ?

— А то, что нечего мнѣ здѣсь дѣлать. Что у васъ дѣлать? Утромъ встать—чай пить идти; за чаемъ думать: вотъ завтракать подадутъ; за завтракомъ—вотъ обѣдать накрывать будутъ; за обѣдомъ—скоро ли опять чай? А потомъ—ужинать и спать... Умрешь у васъ!

— И всѣ, мой другъ, такъ дѣлаютъ. Сперва чай пьютъ, потомъ—кто привыкъ завтракать — завтракаютъ, а я вотъ не привыкъ завтракать—и не завтракаю; потомъ обѣдаютъ, потомъ вечерній чай пьютъ, а наконецъ и спать ложатся. Что же! кажется, въ этомъ ни смѣшного, ни предосудительнаго нѣтъ! Вотъ, если-бъ я...

— Ничего предосудительнаго, только не по мнѣ.

— Вотъ, если-бъ я кого-нибудь обидѣлъ, или осудилъ, или дурно о комъ-нибудь высказался — ну, тогда точно, можно бы и самого себя за это осудить! А то чай пить, завтракать, обѣдать... Христосъ съ тобой! Да и ты, какъ ни прытка, а безъ пищи не проживешь!

— Ну, да, все это хорошо, да только не по мнѣ!

— А ты не все на свой аршинъ мѣряй—и о старшихъ подумай! «По мнѣ» да «не по мнѣ» — развѣ можно такъ говорить! А ты говори: «по-божьему» или «не по-божьему»—вотъ это будетъ дѣльно, вотъ это будетъ такъ! Коли ежели у насъ въ Головлевѣ не по-божьему, ежели мы противъ Бога поступаемъ, грѣшимъ или ропщемъ, или завидуемъ,

Digitized by Google

или другія дурныя дѣла дѣлаемъ — ну, тогда мы дѣйствительно виноваты и заслуживаемъ, чтобъ насъ осуждали. Только и тутъ еще надобно доказать, что мы точно не по-божьему поступаемъ. А то натко! «не по мнѣ!» Да скажу теперича хоть про себя — мало ли что не по мнѣ. Не по мнѣ вотъ, что ты такъ со мной разговариваешь да родственную мою хлѣбъ-соль хаешь — однако, я сижу, молчу! Дай, думаю, я ей тихимъ манеромъ почувствовать дамъ — можетъ-быть, она и сама собой образумится! Можетъ-быть, покуда я шуточкой да усмѣшечкой на твои выходки отвѣчаю, анъ ангелъ-то твой хранитель и наставитъ тебя на путь истинный! Вѣдь мнѣ не за себя, а за тебя обидно! А-а-ахъ, мой другъ, какъ это нехорошо! И хоть бы я что-нибудь тебѣ дурное сказалъ, или дурно противъ тебя поступилъ, или обиду бы какую-нибудь ты отъ меня видѣла — ну, тогда Богъ бы съ тобой! Хоть и велитъ Богъ отъ старшаго даже поученіе принять, ну, да ужъ если я тебя обидѣлъ — Богъ съ тобой! Сердись на меня! А то сижу я смирнёхонько да тихохонько, сижу, ничего не говорю, только думаю, какъ бы получше да поудобнѣе, чтобы всѣмъ на радость да на утѣшеніе — а ты: фу-ты, ну-ты! — вотъ ты на мои ласки какой отвѣтъ даешь! А ты не сразу все выговаривай, другъ мой, а сначала подумай, да Богу помолись, да попроси его вразумить себя! И вотъ, коли ежели...

Порфирій Владимірычъ разглагольствовалъ долго, не переставая. Слова безконечно тянулись одно за другимъ, какъ густая слюна. Аннинька съ безотчетнымъ страхомъ глядѣла на него и думала: «Какъ это онъ не захлебнется?» Однако, такъ-таки и не сказалъ дяденька, что ей предстоитъ дѣлать по случаю смерти Арины Петровны. И за обѣдомъ пробовала она ставить этотъ вопросъ, и за вечернимъ чаемъ; но всякій разъ Іудушка начиналъ тянуть какую-то постороннюю канитель, такъ что Аннинька не рада была, что и возбудила разговоръ, и объ одномъ только думала: «Когда же все это кончится?»

Послѣ обѣда, когда Порфирій Владимірычъ отправился спать, Аннинька осталась одинъ на одинъ съ Евпраксеюшкой, и ей вдругъ припала охота вступить въ разговоръ съ дяденькиной экономкой. Ей захотѣлось узнать, почему Евпраксеюшкѣ не страшно въ Головлевѣ и что даетъ ей силу выдерживать потоки пустопорожнихъ словъ, которыя съ утра до вечера извергали дяденькины уста.

— Скучно вамъ, Евпраксеюшка, въ Головлевѣ?

Digitized by Google

— Чего намъ скучать? Мы—не господа!

— Все же... всегда вы однѣ... ни развлеченій, ни удовольствій у васъ—ничего!

— Какихъ намъ удовольствій надо! Скучно — такъ въ окошко погляжу. Я и у папеньки, у Николы-въ-Капелькахъ, жила—немного веселости-то видѣла!

— Все-таки, дома, я полагаю, вамъ было лучше. Товарки были, другъ къ другу въ гости ходили, играли...

— Что ужъ!

— А съ дядей... Говоритъ онъ все что-то скучное и долго какъ-то. Всегда онъ такъ?

— Всегда, цѣльный день такъ говоритъ.

— И вамъ не скучно?

— Мнѣ что! Я вѣдь не слушаю!

— Нельзя же совсѣмъ не слушать. Онъ можетъ замѣтить это, обидѣться!

— А почемъ онъ знаетъ? Я вѣдь смотрю на него. Онъ говоритъ, а я смотрю да этимъ временемъ про свое думаю.

— О чемъ же вы думаете?

— Обо всемъ думаю. Огурцы солить надо — объ огурцахъ думаю; въ городъ за чѣмъ посылать надо—объ этомъ думаю. Что по домашности требуется—обо всемъ думаю.

— Стало-быть, вы хоть и вмѣстѣ живете, а на самомъ-то дѣлѣ, все-таки, однѣ?

— Да почѣсть что одна. Иногда развѣ вечеромъ вздумаетъ въ дураки играть — ну, играемъ. Да и тутъ: середь самой игры остановятся, сложатъ карты и начнутъ говорить. А я смотрю. При покойницѣ Аринѣ Петровнѣ веселѣе было. При ней онъ лишнее-то говорить побаивался: нѣтъ-нѣтъ да и остановитъ старуха. А нынче ни на что не похоже, какую волю надъ собою взялъ!

— Вотъ, видите ли, вѣдь это, Евпраксеюшка, страшно! Страшно, когда человѣкъ говоритъ и не знаетъ, зачѣмъ онъ говоритъ, что говоритъ и кончитъ ли когда-нибудь. Вѣдь страшно? неловко вѣдь?

Евпраксеюшка взглянула на нее, словно ее впервые озарила какая-то удивительная мысль.

— Не вы однѣ, — сказала она: — многіе у насъ ихъ за это не любятъ.

— Вотъ какъ!

— Да. Хоть бы лакеи—ни одинъ долго ужиться у насъ не можетъ; почѣсть каждый мѣсяцъ мѣняемъ. Приказчики—тоже. И все изъ-за этого.

Digitized by Google

— Надоѣдаетъ?

— Тиранитъ. Пьяницы—тѣ живутъ, потому что пьяница не слышитъ. Ему хоть въ трубу труби—у него все равно голова какъ горшкомъ прикрыта. Такъ опять бѣда: *они* пьяницъ не любятъ.

— Ахъ, Евпраксеюшка, Евпраксеюшка; а онъ еще меня въ Головлевѣ жить уговариваетъ!

— А что-жъ, барышня, вы бы и заправду съ ними пожили! Можетъ-быть, они бы и посовѣстились при васъ!

— Ну, нѣтъ! слуга покорная! Вѣдь у меня терпѣнья недостанетъ въ глаза ему смотрѣть!

— Что и говорить! вы — господа! у васъ своя воля! Однако, чай, воля-воля, а тоже и по чужой дудочкѣ подплясывать приходится!

— Еще какъ часто-то!

— То-то и я думала. А я вотъ еще что хотѣла васъ спросить: хорошо въ актрисахъ служить?

— Свой хлѣбъ—и то хорошо.

— А правда ли, Порфирій Владимірычъ мнѣ сказывали: будто бы актрисъ чужіе мужчины завсе за талію держатъ?

Аннинка на минуту вспыхнула.

— Порфирій Владимірычъ не понимаетъ,—отвѣтила она раздражительно: — оттого и несетъ чепуху. Онъ даже того различить не можетъ, что на сценѣ происходитъ игра, а не дѣйствительность.

— Ну, однако! То-то и онъ, Порфирій-то Владимірычъ... Какъ увидѣлъ васъ, даже губы распустилъ! «Племяннушка» да «племяннушка!»—какъ и путный! А у самого безстыжіе глаза такъ и бѣгаютъ!

— Евпраксеюшка! зачѣмъ вы глупости говорите!

— Я-то? мнѣ—что! Поживете—сами увидите! А мнѣ—что! Откажутъ отъ мѣста—я опять къ батюшкѣ уѣду. И то вѣдь скучно здѣсь; вправду вы это сказали.

— Чтобъ я могла здѣсь остаться, это вы напрасно даже предполагаете. А вотъ что скучно въ Головлевѣ—это такъ. И чѣмъ дольше вы будете здѣсь жить, тѣмъ будетъ скучнѣе.

Евпраксеюшка слегка задумалась, потомъ зѣвнула и сказала:

— Я когда у батюшки жила—тощая-претощая была. А теперь—ишь какая! печь-печью сдѣлалась! Скука-то, стало-быть, въ прокъ идетъ!

— Все равно долго не выдержите. Вотъ помяните мое слово, не выдержите.

Digitized by Google

На этомъ разговоръ кончился. Къ счастію, Порфирій Владимірычъ не слышалъ его—иначе онъ получилъ бы новую и благодарную тему, которая несомнѣнно освѣжила бы безконечную канитель его нравоучительныхъ разговоровъ.

Цѣлыхъ два дня еще мучилъ Порфирій Владимірычъ Аннинъку. Все говорилъ: вотъ потерпи да погоди! потихоньку да полегоньку! благословясь да Богу помолясь! и проч. Совсѣмъ ее истомилъ. Наконецъ, на пятый день собрался-таки въ городъ, хотя и тутъ нашелъ средство истерзать племянницу. Она ужъ стояла въ передней въ шубѣ, а онъ, словно на зло, цѣлый часъ проклажался. Одѣвался, умывался, хлопалъ себя по ляжкамъ, крестился, ходилъ, сидѣлъ, отдавалъ приказанія въ родѣ: «такъ такъ-то, братъ!» или: «такъ ты ужъ тово... смотри, братъ, какъ бы чего не было!» Вообще, поступалъ такъ, какъ бы оставлялъ Головлево не на нѣсколько часовъ, а навсегда. Замаявши всѣхъ—и людей, и лошадей, полтора часа стоявшихъ у подъѣзда, онъ, наконецъ, убѣдился, что у него самого пересохло въ горлѣ отъ пустяковъ, и рѣшился ѣхать.

Въ городѣ все дѣло покончилось, покуда лошади ѣли овесъ на постояломъ дворѣ. Порфирій Владимірычъ представилъ отчетъ, по которому оказалось, что сиротскаго капитала по день смерти Арины Петровны состояло безъ малаго двадцать тысячъ рублей въ пяти-процентныхъ бумагахъ. Затѣмъ просьба о снятіи опеки, вмѣстѣ съ бумагами, свидѣтельствовавшими о совершеннолѣтіи сироть, была принята, и тутъ же послѣдовало распоряженіе объ упраздненіи опекунскаго управленія и о сдачѣ имѣнія и капиталовъ владѣлицамъ. Въ тотъ же день, вечеромъ, Аннинька подписала всѣ бумаги и описи, изготовленныя Порфиріемъ Владимірычемъ, и наконецъ свободно вздохнула.

Остальные дни Аннинька провела въ величайшей агитаціи. Ей хотѣлось уѣхать изъ Головлева немедленно, сейчасъ же, но дядя на всѣ ея порыванія отвѣчалъ шуточками, которыя, несмотря на добродушный тонъ, скрывали за собой такое дурацкое упорство, какого никакая человѣческая сила сломить не въ состояніи.

— Сама сказала, что недѣлю поживешь—ну, и поживи! — говорилъ онъ.—Что тебѣ! Не за квартиру платить—и безъ платы милости просимъ! И чайку попить, и покушать — все, чего тебѣ вздумается, все будетъ!

— Да вѣдь мнѣ, дядя, необходимо! — отпрашивалась Аннинька.

Digitized by Google

— Тебѣ не сидится, а я лошадокъ не дамъ! — шутилъ Іудушка: — не дамъ лошадокъ, и сиди у меня въ плѣну! Вотъ недѣля пройдетъ—ни слова не скажу! Отстоимъ обѣденку, поѣдимъ на дорожку, чайку попьемъ, побесѣдуемъ... наглядимся другъ на друга — и съ Богомъ! Да вотъ что! Не съѣздить ли тебѣ опять на могилку въ Воплино! Все бы съ бабушкой простилась—можетъ, покойница и благой бы совѣтъ тебѣ подала!

— Пожалуй,—согласилась Аннинька.

— Такъ мы вотъ какъ сдѣлаемъ: въ среду раненько здѣсь обѣденку отслушаемъ, да на дорожку пообѣдаемъ, а потомъ мои лошадки довезутъ тебя до Погорѣлки, а оттуда до Дворикова ужъ на своихъ, на погорѣловскихъ лошадкахъ поѣдешь. Сама помѣщица! Свои лошадки есть!

Приходилось смириться. Пошлость имѣетъ громадную силу; она всегда застаетъ свѣжаго человѣка врасплохъ, и въ то время, какъ онъ удивляется и осматривается, она быстро опутываетъ его и забираетъ въ свои тиски. Всякому, вѣроятно, случалось, проходя мимо клоаки, не только зажимать носъ, но и стараться не дышать; точно такое же насиліе долженъ дѣлать надъ собой человѣкъ, когда вступаетъ въ область, насыщенную празднословіемъ и пошлостью. Онъ долженъ притупить въ себѣ зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ; долженъ побѣдить всякую воспріимчивость, одеревенѣть. Только тогда міазмы пошлости не задушатъ его. Аннинька поняла это, хотя и поздно; во всякомъ случаѣ она рѣшилась предоставить дѣло своего освобожденія изъ Головлева естественному ходу вещей. Іудушка до того побѣдилъ ее непреоборимостью своего празднословія, что она не смѣла даже уклониться, когда онъ обнималъ ее и по-родственному гладилъ по спинѣ, приговаривая: «Вотъ теперь ты — паинька!» Она невольно каждый разъ вздрагивала, когда чувствовала, что костлявая и слегка трепещущая рука его ползетъ по ея спинѣ, но отъ дальнѣйшихъ выраженій гадливости ее удерживала мысль: «Господи! хоть бы черезъ недѣлю-то отпустилъ!» Къ счастью для нея, Іудушка былъ малый небрезгливый, и хотя, быть-можетъ, замѣчалъ ея нетерпѣливыя движенія, но помалчивалъ. Очевидно, онъ придерживался той теоріи взаимныхъ отношеній половъ, которая выражается пословицей: люби не люби, да почаще взглядывай!

Наконецъ, наступилъ нетерпѣливо-ожиданный день отъѣзда. Аннинька поднялась чуть не въ шесть часовъ утра,

Digitized by Google

но Іудушка все-таки упредилъ ее. Онъ уже совершилъ обычное молитвенное стояніе и въ ожиданіи перваго удара церковнаго колокола, въ туфляхъ и халатномъ сюртукѣ, слонялся по комнатамъ, заглядывалъ, подслушивалъ и проч. Очевидно, онъ былъ ажитированъ и при встрѣчѣ съ Аннинькой какъ-то искоса взглянулъ на нее. На дворѣ уже было совсѣмъ свѣтло, но время стояло скверное. Все небо было покрыто сплошными темными облаками, изъ которыхъ сыпалась весенняя изморозь — не то дождь, не то снѣгъ; на почернѣвшей дорогѣ поселка виднѣлись лужи, предвѣщавшія зажоры въ полѣ; сильный вѣтеръ дулъ съ юга, обѣщая гнилую оттепель; деревья обнажились отъ снѣга и безпорядочно покачивали изъ стороны въ сторону своими намокшими голыми вершинами; господскія службы почернѣли и словно ослизли. Порфирій Владимірычъ подвелъ Анниньку къ окну и указалъ рукой на картину весенняго возрожденія.

— Ужъ ѣхать ли, пòлно?—спросилъ онъ:—не остаться ли?

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!—испуганно вскрикнула она:—это... это... пройдетъ!

— Врядъ ли. Ежели ты въ часъ выѣдешь, то врядъ ли раньше семи до Погорѣлки доѣдешь. А ночью развѣ можно въ теперешнюю ростепель ѣхать—все равно, придется въ Погорѣлкѣ ночевать.

— Ахъ, нѣтъ, я и ночью, я сейчасъ же поѣду... я вѣдь, дядя, храбрая! Да и зачѣмъ же дожидаться до часу? Дядя! голубчикъ! позвольте мнѣ теперь уѣхать!

— А бабенька что̀ скажетъ? Скажетъ: вотъ такъ внучка! пріѣхала, попрыгала и даже благословиться у меня не захотѣла!

Порфирій Владимірычъ остановился и замолчалъ. Нѣкоторое время онъ сѣменилъ ногами на одномъ мѣстѣ и то взглядывалъ на Анниньку, то опускалъ глаза. Очевидно, онъ рѣшался и не рѣшался что-то высказать.

— Постой-ка, я тебѣ что-то покажу!—наконецъ, рѣшился онъ и, вынувъ изъ кармана свернутый листокъ почтовой бумаги, подалъ его Аннинькѣ:—натко, прочти!

Аннинька прочла:

«Сегодня я молился и просилъ Боженьку, чтобъ онъ оставилъ мнѣ мою Анниньку. И Боженька мнѣ сказалъ: возьми Анниньку за полненькую тальицу и прижми ее къ своему сердцу».

— Такъ, что ли?—спросилъ онъ, слегка поблѣднѣвъ.

Digitized by Google

— Фу, дядя, какія гадости!—отвѣтила она, растерянно смотря на него.

Порфирій Владимірычъ побѣднѣлъ еще больше и, произнеся сквозь зубы: «видно, намъ гусаровъ нужно!»—перекрестился и, шаркая туфлями, вышелъ изъ комнаты.

Черезъ четверть часа онъ, однакожъ, возвратился какъ ни въ чемъ не бывало и ужъ шутилъ съ Аннинькой.

— Такъ какъ же?—говорилъ онъ:—въ Воплино отсюда заѣдешь? Съ старушкой-бабенькой проститься хочешь? Простись, простись, мой другъ! Это ты хорошее дѣло затѣяла, что про бабеньку вспомнила! Никогда не нужно родныхъ забывать, а особливо такихъ родныхъ, которые, можно сказать, душу за насъ полагали!

Отслушали обѣдню съ панихидой, поѣли въ церкви кутьи, потомъ домой пріѣхали, опять кутьи поѣли и сѣли за чай. Порфирій Владимірычъ, словно на зло, медленнѣе обыкновеннаго прихлебывалъ чай изъ стакана и мучительно растягивалъ слова, разглагольствуя въ промежуткѣ двухъ глотковъ. Къ десяти часамъ, однакожъ, чай кончился, и Аннинька взмолилась:

— Дядя, теперь мнѣ можно ѣхать?

— А покушать? Отобѣдать-то на дорожку? Неужто-жъ ты думала, что дядя такъ тебя и отпуститъ! И ни-ни! И не думай! Этого и въ заводѣ въ Головлевѣ не бывало! Да маменька-покойница на глаза бы меня къ себѣ не пустила, если-бъ знала, что я родную племянницу безъ хлѣба-соли въ дорогу отпустилъ! И не думай этого, и не воображай!

Опять пришлось смириться. Прошло, однакожъ, полтора часа, а на столъ и не думали накрывать. Всѣ разбрелись; Евпраксеюшка, гремя ключами, мелькала на дворѣ, между кладовой и погребомъ; Порфирій Владимірычъ толковалъ съ приказчикомъ, изнуряя его безпутными приказаніями, хлопая себя по ляжкамъ и вообще ухищряясь какъ-нибудь затянуть время. Аннинька ходила одна взадъ и впередъ по столовой, поглядывая на часы, считая свои шаги, а потомъ секунды: разъ, два, три... По временамъ она смотрѣла на улицу и убѣдилась, что лужи дѣлаются все больше и больше.

Наконецъ, застучали ложки, ножи, тарелки; лакей Степанъ пришелъ въ столовую и кинулъ скатерть на столъ. Но, казалось, частица праха, наполнявшая Іудушку, перешла и въ него. Еле-еле онъ передвигалъ тарелками, дулъ

Digitized by Google

въ стаканы, смотрѣлъ черезъ нихъ на свѣтъ. Ровно въ часъ сѣли за столъ.

— Вотъ ты и ѣдешь! — началъ Порфирій Владимірычъ разговоръ, приличествующій проводамъ.

Передъ нимъ стояла тарелка съ супомъ, но онъ не прикасался къ ней и до того умильно смотрѣлъ на Аннинькy, что даже кончикъ носа у него покраснѣлъ. Аннинька торопливо глотала ложку за ложкой. Онъ тоже взялся за ложку и ужъ совсѣмъ-было погрузилъ ее въ супъ, но сейчасъ же опять положилъ на столъ.

— Ужъ ты меня, старика, прости! — зудилъ онъ: — ты вотъ на почтовыхъ супъ скушала, а я — на долгихъ ѣмъ. Не люблю я съ божьимъ даромъ небрежно обращаться. Намъ хлѣбъ для поддержанія нашего данъ, а мы его зря разбрасываемъ—видишь, ты сколько накрошила! Да и вообще я все люблю основательно да осмотрѣвшись дѣлать—крѣпче выходитъ. Можетъ-быть, тебя это сердитъ, что я за столомъ черезъ обручъ, — или какъ это тамъ у васъ называется,—не прыгаю; ну, да что-жъ дѣлать! И посердись, ежели тебѣ такъ хочется! Посердишься, посердишься, да и простишь! И ты не все молода будешь, не все черезъ обручи будешь скакать, и въ тебѣ когда-нибудь опытцу прибавится—вотъ тогда ты и скажешь: а дядя-то, пожалуй, правъ былъ! Такъ-то, мой другъ. Теперь, можетъ-быть, ты слушаешь меня да думаешь: фяка—дядя! старый ворчунъ дядя! А какъ поживешь съ мое—другое запоешь, скажешь: пай дядя! добру меня училъ!

Порфирій Владимірычъ перекрестился и проглотилъ двѣ ложки супу. Сдѣлавши это, онъ опять положилъ ложку въ тарелку и опрокинулся на спинку стула въ знакъ предстоящаго разговора.

«Кровопійца!»—такъ и вертѣлось на языкѣ у Аннинькн. Но она сдержалась, быстро налила себѣ стаканъ воды и залпомъ его выпила. Іудушка словно нюхомъ отгадывалъ, что въ ней происходитъ.

— Что? не нравится! Что-жъ, хоть и не нравится, а ты, все-таки, дядю послушай! Вотъ я ужъ давно съ тобой насчетъ этой твоей поспѣшности поговорить хотѣлъ, да все недосужно было. Не люблю я въ тебѣ эту поспѣшность: легкомысліе въ ней видно, неразсудительность. Вотъ и въ ту пору вы зря отъ бабушки уѣхали—и огорчить старушку не посовѣстились!—а зачѣмъ?

Digitized by Google

— Ахъ, дядя, зачѣмъ вы объ этомъ вспоминаете! вѣдь это ужъ сдѣлано! Съ вашей стороны это даже нехорошо!

— Постой! Я не о томъ, хорошо или нехорошо, а о томъ, что хотя дѣло и сдѣлано, но вѣдь его и передѣлать можно. Не только мы, грѣшные, а и Богъ свои дѣйствія перемѣняетъ: сегодня пошлетъ дождичка, а завтра — вёдрышка дастъ! А нутко! вѣдь не Богъ же знаетъ какое сокровище—театръ! Нутко! рѣшись-ка!

— Нѣтъ, дядя, оставьте это! прошу васъ!

— А еще тебѣ вотъ что̀ скажу: нехорошо въ тебѣ твое легкомысліе; но еще больше мнѣ не нравится то, что ты такъ легко къ замѣчаніямъ старшихъ относишься. Дядя добра тебѣ желаетъ, а ты говоришь: оставьте! Дядя къ тебѣ съ лаской да съ привѣтомъ, а ты на него фыркаешь! А между тѣмъ, знаешь ли ты, кто тебѣ дядю далъ? Ну-ко, скажи, кто тебѣ дядю далъ?

Аннинька взглянула на него съ недоумѣніемъ.

— Богъ тебѣ дядю далъ—вотъ кто! Богъ! Кабы не Богъ, была бы ты теперь одна, не знала бы, какъ съ собою поступить и какую просьбу подать, и куда подать, и чего на эту просьбу ожидать. Была бы ты словно въ лѣсу; одинъ бы тебя обидѣлъ, другой бы обманулъ, а третій и просто-на-просто посмѣялся бы надъ тобой! А какъ дядя-то у тебя есть, такъ мы, съ Божьей помощью, въ одинъ день все твое дѣло вокругъ пальца повернули. И въ городъ съѣздили, и въ опекѣ побывали, и просьбу подали, и резолюцію получили! Такъ вотъ оно, мой другъ, что̀ дядя-то значитъ!

— Да я благодарна вамъ, дядя!

— А коли благодарна дядѣ, такъ не фыркай на него, а слушайся. Добра тебѣ дядя желаетъ, хоть иногда тебѣ и кажется...

Аннинька едва могла владѣть собой. Оставалось еще одно средство отдѣлаться отъ дядиныхъ поученій: притвориться, что она хоть въ принципѣ принимаетъ его предложеніе остаться въ Головлевѣ.

— Хорошо, дядя, — сказала она: — я подумаю. Я сама понимаю, что жить одной, вдали отъ родныхъ, не совсѣмъ удобно... Но во всякомъ случаѣ теперь я рѣшиться ни на что не могу. Надо подумать.

— Ну, видишь ли, вотъ ты и поняла. Да чего же тутъ думать! Велимъ лошадей распрячь, чемоданы твои изъ кибитки вынуть—вотъ и думанье все!

— Нѣтъ, дядя, вы забываете, что у меня есть сестра!

Digitized by Google

Неизвѣстно, убѣдилъ ли этотъ аргументъ Порфирія Владимірыча, или вся сцена эта была ведена имъ только для прилику, и онъ самъ хорошенько не зналъ, точно ли ему нужно, чтобъ Аннинька осталась въ Головлевѣ, или совсѣмъ это не нужно, а просто блажь въ голову на минуту забрела. Но всякомъ случаѣ обѣдъ послѣ этого пошелъ поживѣе. Аннинька со всѣмъ соглашалась, на все давала такіе отвѣты, которые не допускали никакой придирки для пустословія. Тѣмъ не менѣе, часы показывали ужъ половину третьяго, когда обѣдъ кончился. Аннинька выскочила изъ-за стола, словно все время въ паровой ваннѣ высидѣла, и подбѣжала къ дядѣ, чтобъ попрощаться съ нимъ.

Черезъ десять минутъ Іудушка, въ шубѣ и въ медвѣжьихъ сапогахъ, провожалъ ужъ ее на крыльцо и самолично наблюдалъ, какъ усаживали барышню въ кибитку.

— Съ горы-то полегче — слышишь? Да и въ Сенькинѣ на косогорѣ—смотри, не вывали!—приказывалъ онъ кучеру.

Наконецъ, Анниньку укутали, усадили и застегнули фартукъ у кибитки.

— А то бы осталась!—еще разъ крикнулъ ей Іудушка, желая, чтобъ и при собравшихся челядинцахъ все обошлось какъ слѣдуетъ, по-родственному. — По крайней мѣрѣ, пріѣдешь, что ли? Говори!

Но Аннинька чувствовала себя уже свободною, и ей вдругъ захотѣлось пошкольничать. Она высунулась изъ кибитки и, отчеканивая каждое слово, отвѣчала:

— Нѣтъ, дядя, не пріѣду! Страшно съ вами!

Іудушка сдѣлалъ видъ, что не слышитъ, но губы у него побѣлѣли.

* * *

Освобожденіе изъ головлевскаго плѣна до такой степени обрадовало Анниньку, что она ни разу даже не остановилась на мысли, что позади нея въ безсрочномъ плѣну остается человѣкъ, для котораго, съ ея отъѣздомъ, порвалась всякая связь съ міромъ живыхъ. Она думала только о себѣ: что она вырвалась и что теперь ей хорошо. Вліяніе этого ощущенія свободы было такъ сильно, что когда она вновь посѣтила воплинское кладбище, то въ ней уже не замѣчалось и слѣда той нервной чувствительности, которую она обнаружила при первомъ посѣщеніи бабушкиной могилы. Спокойно отслушала она панихиду, безъ слезъ поклонилась могилѣ и довольно охотно приняла предложеніе священника откушать у него въ хатѣ чашку чая.

Digitized by Google

Обстановка, въ которой жилъ воплинскій батюшка, была очень убогая. Въ единственной чистой комнатѣ дома, которая служила пріемною, царствовала какая-то унылая нагота; по стѣнамъ было разставлено съ дюжину крашеныхъ стульевъ, обитыхъ волосяной матеріей, мѣстами значительно продранной, и стоялъ такой же диванъ съ выпяченной спинкой, словно грудь у генерала до-реформенной школы; въ одномъ изъ простѣнковъ виднѣлся простой столъ, покрытый загаженнымъ сукномъ, на которомъ лежали исповѣдныя книги прихода, и изъ-за нихъ выглядывала чернильница съ воткнутымъ въ нее перомъ; въ восточномъ углу висѣлъ кіотъ съ родительскимъ благословеніемъ и съ зажженною лампадкой; подъ нимъ стояли два сундука съ матушкинымъ приданымъ, покрытые сѣрымъ, выцвѣтшимъ сукномъ. Обоевъ на стѣнахъ не было; по серединѣ одной стѣны висѣло нѣсколько полинявшихъ дагерротипныхъ портретовъ преосвященныхъ. Въ комнатѣ пахло какъ-то странно: словно она издавна служила кладбищемъ для таракановъ и мухъ. Самъ священникъ, хотя человѣкъ еще молодой, значительно потускнѣлъ въ этой обстановкѣ. Жидкіе бѣловатые волосы повисли на его головѣ прямыми прядями, какъ вѣтви на плакучей ивѣ; глаза, когда-то голубые, смотрѣли убито; голосъ вздрагивалъ, бородка обострилась; шалановая ряска худо запахивалась спереди и висѣла, какъ на вѣшалкѣ. Попадья, женщина тоже молодая, отъ ежегодныхъ родовъ казалась еще болѣе изнуренною, нежели мужъ.

Тѣмъ не менѣе Аннинька не могла не замѣтить, что даже эти забитые, изнуренные и бѣдные люди относятся къ ней не такъ, какъ къ настоящей прихожанкѣ, а скорѣе съ сожалѣніемъ, какъ къ заблудшей овцѣ.

— У дяденьки побывали?—началъ батюшка, осторожно принимая чашку чая съ подноса у попадьи.

— Да, почти съ недѣлю прожила.

— Теперь Порфирій Владимірычъ главный помѣщикъ по всей нашей округѣ сдѣлались—нѣтъ ихъ сильнѣе. Только удачи имъ въ жизни какъ будто не видится. Сперва одинъ сынокъ померъ, потомъ и другой, а наконецъ и родительница. Удивительно, какъ это они васъ не упросили въ Головлевѣ поселиться.

— Дядя предлагалъ, да я сама не осталась.

— Что-жъ такъ?

— Да лучше, какъ на свободѣ живешь.

Digitized by Google

— Свобода, сударыня, конечно — дѣло не худое, но и она не безъ опасности бываетъ. А ежели при этомъ имѣть въ предметѣ, что вы Порфирію Владимірычу ближайшей родственницей, а слѣдственно и прямой всѣхъ его имѣній наслѣдницей доводитесь, то можно бы, мнится, насчетъ свободы нѣсколько и постѣснить себя.

— Нѣтъ, батюшка, свой хлѣбъ лучше. Какъ-то легче живется, какъ чувствуешь, что никому не обязанъ.

Батюшка тускло взглянулъ на нее, какъ будто хотѣлъ спросить: да ты, полно, знаешь ли, что̀ такое «свой хлѣбъ»?—но посовѣстился и только робко запахнулъ полы своей ряски.

— А много ли вы жалованья въ актрисахъ-то получаете? — вступила въ разговоръ попадья.

Батюшка окончательно оробѣлъ и даже заморгалъ въ сторону попадьи. Онъ такъ и ждалъ, что Аннинька обидится. Но Аннинька не обидѣлась и безъ всякой ужимки отвѣтила:

— Теперь я получаю полтораста рублей въ мѣсяцъ, а сестра—сто. Да бенефисы намъ даютъ. Въ годъ-то тысячъ шесть обѣ получимъ.

— Что-жъ такъ сестрицѣ меньше даютъ? Достоинствомъ, что ли, онѣ хуже? — продолжала любопытствовать матушка.

— Нѣтъ, а жанръ у сестры другой. У меня голосъ есть, я пою—это публикѣ больше нравится, а у сестры голосъ послабѣе—она въ водевиляхъ играетъ.

— Стало-быть, и тамъ тоже: кто попомъ, кто дьякономъ, а кто и въ дьячкахъ служитъ?

— Впрочемъ, мы поровну дѣлимся; у насъ ужъ сначала такъ было условлено, чтобъ деньги пополамъ дѣлить.

— По-родственному? Чего же лучше, коли по-родственному! А сколько это, попъ, будетъ? Шесть тысячъ рублей, ежели на мѣсяцà раздѣлить, сколько это будетъ?

— По пятисотъ цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, а на двухъ раздѣлить—по двѣсти по пятидесяти.

— Вона что̀ денегъ-то! Намъ бы и въ годъ не прожить. А что я еще хотѣла васъ спросить: правда ли, что съ актрисами обращаются, словно бы онѣ — не настоящія женщины?

Попъ совсѣмъ-было всполошился и даже полы рясы распустилъ; но, увидѣвъ, что Аннинька относится къ вопросу довольно равнодушно, подумалъ:

Digitized by Google

«Эге! да ее, видно, и въ самомъ дѣлѣ не прошибешь!» — и успокоился.

— То-есть, какъ-же это: не настоящія женщины?—спросила Аннинька.

— Ну, да вотъ будто цѣлуютъ ихъ, обнимаютъ, что ли... Даже, будто, когда и не хочется, и тогда онѣ должны...

— Не цѣлуютъ, а дѣлаютъ видъ, что цѣлуютъ. А о томъ, хочется или не хочется—объ этомъ и рѣчи въ этихъ случаяхъ не можетъ быть, потому что все дѣлается по пьесѣ: какъ въ пьесѣ написано, такъ и поступаютъ.

— Хоть и по пьесѣ, а все-таки... Иной съ слюнявымъ рыломъ лѣзетъ, на него и глядѣть-то претитъ, а ты губы ему подставлять должна.

Аннинька невольно заалѣлась; въ воображеніи ея вдругъ промелькнуло слюнявое лицо храбраго ротмистра Папкова, которое именно «лѣзло», и — увы! — даже не «по пьесѣ» лѣзло.

— Вы совсѣмъ не такъ представляете себѣ, какъ оно на сценѣ происходитъ!—сказала она довольно сухо.

— Конечно, мы въ театрахъ не бывали, а все-таки, чай, со всячинкой тамъ бываетъ. Частенько-таки мы съ попомъ о васъ, барышня, разговариваемъ: жалѣемъ мы васъ, даже очень жалѣемъ!

Аннинька молчала; священникъ сидѣлъ и пощипывалъ бороду, словно рѣшался и самъ сказать свое слово.

— Впрочемъ, сударыня, и во всякомъ званіи и пріятности, и непріятности бываютъ,—наконецъ высказался онъ:— но человѣкъ, по слабости своей, первыми восхищается, а послѣднія старается позабыть. Для чего позабыть? А именно для того, сударыня, дабы и сего послѣдняго напоминовенія о долгѣ и добродѣтельной жизни по возможности не имѣть передъ глазами.

И потомъ, вздохнувъ, присовокупилъ:

— А главное, сударыня, сокровище свое надлежитъ соблюсти!

Батюшка учительно взглянулъ на Анниньку; матушка уныло покачала головой, какъ бы говоря: гдѣ ужъ!

— И вотъ это-то сокровище, мнится, въ актерскомъ званіи соблюсти — дѣло довольно сумнительное, — продолжалъ батюшка.

Аннинька не знала, что сказать на эти слова. Мало-по-малу ей начинало казаться, что разговоръ этихъ простодушныхъ людей о «сокровищѣ» совершенно одинаковаго

Digitized by Google

достоинства съ разговорами господъ офицеровъ «расквартированнаго въ здѣшнемъ городѣ полка» о «la chose». Вообще же она убѣдилась, что и здѣсь, какъ у дяденьки, видятъ въ ней явленіе совсѣмъ особенное, къ которому хотя и можно отнестись снисходительно, но въ нѣкоторомъ отдаленіи, дабы «не замараться».

— Отчего у васъ, батюшка, церковь такая бѣдная? — спросила она, чтобъ перемѣнить разговоръ.

— Нѣ съ чего ей богатой быть—оттого и бѣдна. Помѣщики всѣ по службамъ разъѣхались, а мужичнамъ подняться не изъ чего. Да ихъ и всѣхъ-то съ небольшимъ двѣсти душъ въ приходѣ!

Вотъ колоколъ у насъ черезчуръ ужъ плохъ!—вздохнула матушка.

— И колоколъ, и прочее все. Колоколъ-то у насъ, сударыня, всего пятнадцать пудовъ вѣситъ, да и тотъ, на грѣхъ, раскололся. Не звонитъ, а шумитъ какъ-то — даже предосудительно. Покойница Арина Петровна пообѣщались было новый соорудить, и ежели бы онѣ живы, то и мы, всеконечно, были бы теперь при колоколѣ.

— Вы бы дядѣ сказали, что бабушка обѣщала!

— Говорилъ, сударыня, и онъ, надо правду сказать, довольно-таки благосклонно докуку мою выслушалъ. Только отвѣта удовлетворительнаго не могъ мнѣ дать: не слыхалъ, вишь, отъ маменьки ничего! Никогда, вишь, покойница объ этомъ ему не говаривала! А ежели бы, дескать, слышалъ, то безпремѣнно бы волю ея исполнилъ!

— Когда, чай, не слыхать! — молвила попадья: — вся округа знаетъ, а онъ не слыхалъ!

— Вотъ мы и живемъ такимъ родомъ. Прежде хоть въ надеждѣ были, а нынче и совсѣмъ безъ надежды остаемся. Иногда служить нѣ на чемъ: ни просфоръ, ни краснаго вина. А о себѣ ужъ и не говоримъ.

Аннинька хотѣла встать и проститься, но на столѣ появился новой подносъ, на которомъ стояли двѣ тарелки: одна—съ рыжиками, другая—съ кусочками икры, и бутылка мадеры.

— Посидите, не обезсудьте, откушайте!

Аннинька повиновалась, наскоро проглотила два рыжичка, но отказалась отъ мадеры.

— Вотъ объ чемъ я еще хотѣла васъ спросить,—говорила между тѣмъ попадья:—въ приходѣ у насъ дѣвушка одна есть, Лыщевскаго дворового дочка; такъ она въ Петербургѣ

Digitized by Google

у одной актрисы въ услуженіи была. Хорошо, говоритъ, въ актрисахъ житье, только билетъ каждый мѣсяцъ выправлять надо... правда ли это?

Аннинька смотрѣла во всѣ глаза и не понимала.

— Это для свободности,—пояснилъ батюшка:—а впрочемъ, думается,—что она неправду говоритъ. Напротивъ, я слышалъ, что многія актрисы даже пенсіи отъ казны за службу удостаиваются.

Аннинька убѣдилась, что чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, и стала окончательно прощаться.

— А мы-было думали, что вы теперь изъ актрисъ-то выйдете?—продолжала приставать попадья.

— Зачѣмъ же?

— Все-таки. Вы—барышня. Теперь совершенныя лѣта получили, имѣніе свое есть—чего лучше!

— Ну, и послѣ дяденьки вы же—прямая наслѣдница,—присовокупилъ батюшка.

— Нѣтъ, я здѣсь жить не буду.

— А мы-то какъ надѣялись! Все промежду себя говорили: непремѣнно наши барышни въ Погорѣлкѣ жить будутъ! А лѣтомъ у насъ здѣсь даже очень хорошо: въ лѣсъ по грибы ходить можно!—соблазняла матушка.

— У насъ грибовъ и не въ дождливое лѣто—очень довольно,—вторилъ ей батюшка.

Наконецъ Аннинька уѣхала. По пріѣздѣ въ Погорѣлку первымъ ея словомъ было: «Лошадей! Пожалуйста, поскорѣе лошадей!» Но Ѳедулычъ только плечами передернулъ въ отвѣтъ на эту просьбу.

— Чего «лошадей»! Мы еще и не кормили ихъ!—брюзжалъ онъ.

— Да отчего же, наконецъ? Ахъ, Боже мой! Точно всѣ сговорились!

— Сговорились и есть. Какъ не сговориться, коли всякому видимо, что въ ростепель ночью ѣхать нельзя. Все равно, въ полѣ, въ зажорѣ просидите—такъ, по-нашему, лучше ужъ дома!

Бабенькины аппартаменты были вытоплены. Въ спальной стояла совсѣмъ приготовленная постель, а на письменномъ столѣ пыхтѣлъ самоваръ; Афимьюшка оскребла на днѣ старинной бабенькиной шкатулочки остатки чая, сохранившіеся послѣ Арины Петровны. Покуда настаивался чай, Ѳедулычъ, скрестивши руки, лицомъ къ барышнѣ, держался у двери, а по обѣимъ сторонамъ стояли скотница и Мар-

Digitized by Google

ковна въ такихъ позахъ, какъ-будто сейчасъ, по первому манію руки, готовы были бѣжать, куда глаза глядятъ.

— Чай-то еще бабенькинъ, — первый началъ разговоръ Ѳедулычъ:—отъ покойницы на донышкѣ остался. Порфирій Владимірычъ и шкатулочку собрались-было увезти, да я не согласился. Можетъ-быть, барышни, говорю, пріѣдутъ, такъ чайку испить захочется, покуда своимъ разживутся. Ну, ничего, еще пошутилъ: «Ты, говоритъ, старый плутъ, самъ выпьешь! Смотри, говоритъ, шкатулочку-то послѣ въ Головлево доставь!» Гляди, завтра же за нею пришлетъ!

— Напрасно вы ему тогда не отдали.

— Зачѣмъ отдавать—у него и своего чаю много. А теперь, по крайности, мы послѣ васъ выпьемъ. Да вотъ что, барышня: вы насъ Порфирію Владимірычу, что ли, препоручите?

— И не думала.

— Такъ-съ. А мы было давеча бунтовать собрались. Коли ежели, думаемъ, насъ къ головлевскому барину подъ начало отдадутъ, такъ всѣ въ отставку проситься будемъ.

— Что такъ? Неужто дядя такъ страшенъ?

— Не очень страшенъ, а тиранитъ, словъ не жалѣетъ. Словами-то онъ сгноитъ человѣка можетъ.

Аннинька невольно улыбнулась. Именно гной какой-то просачивался сквозь разглагольствія Іудушки! Не простое пустословіе это было, а язва смердящая, которая непрестанно точила изъ себя гной.

— Ну, а съ собой-то вы какъ же, барышня, рѣшили?— продолжалъ допытываться Ѳедулычъ.

— То-есть, что же я должна съ собой «рѣшить»?—слегка смѣшалась Аннинька, предчувствуя, что ей и здѣсь придется выдержать разглагольствія о «сокровищѣ».

— Такъ неужто же вы изъ ахтёрокъ не выйдете?

— Нѣтъ... то-есть, я еще объ этомъ не думала... Но что же дурного въ томъ, что я, какъ могу, свой хлѣбъ достаю?

— Что хорошаго, по ярмаркамъ съ торбаномъ ѣздить, пьяницъ утѣшать! Чай, вы—барышня!

Аннинька ничего не отвѣтила, только брови насупила. Въ головѣ ея мучительно стучалъ вопросъ: «Господи! да когда же я отсюда уѣду?»

— Разумѣется вамъ лучше знать, какъ надъ собой поступить, а только мы было-думали, что вы къ намъ возвратитесь. Домъ у насъ теплый, просторный — хоть въ горѣлки играй! Очень хорошо покойница-бабенька его устроила

Digitized by Google

Скучно сдѣлалось—санки запряжемъ, а лѣтомъ въ лѣсъ по грибы ходить можно.

— У насъ здѣсь всякіе грибы есть: и рыжички, и волнушечки, и груздочки, и подосиннички—страсть сколько!—соблазнительно прошамкала Афимьюшка.

Анниньке облокотилась обѣими руками на столъ и старалась не слушать.

— Сказывала тутъ дѣвка одна, — безчеловѣчно настаивалъ Ѳедулычъ:—въ Петербургѣ она въ услуженьи жила, такъ говорила, будто всѣ ахтёрки—белетныя. Каждый мѣсяцъ должны въ части белетъ представляты!

Аннинькѣ словно обожгло: цѣлый день она все эти слова слышитъ!

— Ѳедулычъ!—съ крикомъ вырвалось у нея:—что я вамъ сдѣлала? Неужели вамъ доставляетъ удовольствіе оскорблять меня?!

Съ нея было довольно. Она чувствовала, что ее душитъ, что еще одно слово—и она не выдержитъ...

V.—Недозволенныя семейныя радости.

Однажды, незадолго до катастрофы съ Петенькой, Арина Петровна, гостя въ Головлевѣ, замѣтила что Евпраксеюшка словно бы поприпухнула. Воспитанная въ практикѣ крѣпостного права, при которомъ беременность дворовыхъ дѣвокъ служила предметомъ подробныхъ и не лишенныхъ занимательности изслѣдованій и считалось чуть не доходною статьею, Арина Петровна имѣла на этотъ счетъ взглядъ острый и безошибочный, такъ что для нея достаточно было остановить глаза на туловищѣ Евпраксеюшки, чтобы послѣдняя, безъ словъ и въ полномъ сознаніи виновности, отвернула отъ нея свое загорѣвшееся полымемъ лицо.

— Нутка, нутка, сударка, смотри на меня! Тяжела?—допрашивала опытная старушка провинившуюся голубицу; но въ голосѣ ея не слышалось укоризны, а, напротивъ, онъ звучалъ шутливо, почти весело, словно пахнуло на нее старымъ, хорошимъ времечкомъ.

Евпраксеюшка не то стыдливо, не то самодовольно безмолвствовала, и только пуще и пуще алѣли ея щеки подъ испытующимъ взглядомъ Арины Петровны.

— То-то еще вчера я смотрю—поджимаешься ты! Ходитъ, хвостомъ вертитъ—словно и путёвая! Да вѣдь меня, братъ, хвостами-то не обманешь! Я на пять верстъ впе-

Digitized by Google

редъ ваши дѣвичьи штуки вижу! Вѣтромъ, что ли, надуло? Съ которыхъ поръ? Признавайся! Сказывай!

Послѣдовалъ подробный допросъ и не менѣе подробное объясненіе. Когда замѣчены первые признаки? имѣется ли на примѣтѣ бабушка-повитушка? знаетъ ли Порфирій Владимірычъ объ ожидающей его радости? бережетъ ли себя Евпраксеюшка, не поднимаетъ ли чего тяжелаго? и т. д. Оказалось, что Евпраксеюшка беременна ужъ пятый мѣсяцъ; что бабушки-повитушки на примѣтѣ покуда еще нѣтъ; что Порфирію Владимірычу хотя и было докладываво, но онъ ничего не сказалъ, а только сложилъ руки ладонями внутрь, пошепталъ губами и посмотрѣлъ на образъ, въ знакъ того, что все отъ Бога, и онъ, Царь Небесный, Самъ обо всемъ промыслитъ; что, наконецъ, Евпраксеюшка однажды не остереглась, подняла самоваръ и въ ту же минуту почувствовала, что внутри у нея что-то словно оборвалось.

— Однако, оглашенные вы, какъ я на васъ посмотрю!— тужила Арина Петровна, выслушивая эти признанія.—Придется, видно, мнѣ самой въ это дѣло взойти! Батюшки, пятый мѣсяцъ беременна, а у нихъ даже бабушки-повитушки на примѣтѣ нѣтъ! Да ты хоть бы Улиткѣ, глупая, показалась!

— И то собиралась, да баринъ Улитку-то не очень...

— Вздоръ, сударыня, вздоръ! Тамъ, провинилась ли, нѣтъ ли Улитка передъ бариномъ—это само собой, а тутъ этакой случай—а онъ на-ноди! Что намъ, цѣловаться, что ли, съ ней? Нѣтъ, неминучее дѣло, что мнѣ самой придется въ это дѣло вступиться!

Арина Петровна хотѣла-было взгрустнуть, пользуясь этимъ случаемъ, что вотъ и до сихъ поръ, даже на старости лѣтъ, ей приходится тяготы носить, но предметъ разговора былъ такъ привлекателенъ, что она только губами чмокнула и продолжала:

— Ну, сударка, теперь только распоясывайся! Любо было кататься—попробуй-ка саночки повозить! Попробуй, попробуй! Я вотъ трехъ сыновъ да дочку вырастила, да пятерыхъ дѣтей маленькими схоронила—я знаю! Вотъ они гдѣ у насъ, мужчинки-то, сидятъ!—прибавила она, ударяя себя кулакомъ по затылку.

И вдругъ ее словно озарило.

— Батюшки! да никакъ еще подъ постный день! Постой, погоди, сосчитаю!

Начали по пальцамъ считать; сочли разъ, другой, третій—выходило именно какъ разъ подъ постный день.

Digitized by Google

— Ну, такъ, такъ! Это святой-то человѣкъ! Ужо, погоди, подразню его! Молитвенникъ-то нашъ, въ какую рюху попалъ! Подразню! Не я буду, если не подразню! — шутила старушка.

Дѣйствительно, въ тотъ же день, за вечернимъ чаемъ, Арина Петровна въ присутствіи Евпраксеюшки подшучивала надъ Іудушкой.

— Смиренникъ-то нашъ, смотри, какую штуку удралъ! Ужъ и взаправду не вѣтромъ ли кралѣ-то твоей надуло? Ну, братъ, удивилъ!

Іудушка сначала брезгливо пожимался при маменькиныхъ шуточкахъ, но, убѣдившись, что Арина Петровна говоритъ «по-родственному», «всей душой»—и самъ мало-по-малу повеселѣлъ.

— Проказница вы, маменька, право, проказница!—шутилъ и онъ въ свою очередь; но, впрочемъ, по своему обыкновенію, отнесся къ предмету семейнаго разговора уклончиво.

— Чего «проказница», серьезно объ этомъ переговорить надо! Вѣдь это—какое дѣло-то! «Тайна» тутъ—вотъ я тебѣ что скажу! Хоть и не настоящимъ манеромъ, а все-таки... Нѣтъ, надо очень, да и какъ еще очень объ этомъ дѣлѣ поразмыслить! Ты какъ думаешь: здѣсь, что ли, ей рожать велишь, или въ городъ повезешь?

— Не знаю я, маменька, ничего я, душенька, не знаю!—уклонялся Порфирій Владимирычъ.—Проказница вы, право, проказница!

— Ну, такъ постой же, сударка! Ужо мы съ тобой на прохладѣ объ этомъ дѣлѣ потолкуемъ! И какъ, и что—все подробно опредѣлимъ! А то вѣдь эти мужчинки—имъ бы только прихоть свою исполнить, а потомъ отдувайся наша сестра за нихъ, какъ знаетъ!

Сдѣлавши свое открытіе, Арина Петровна почувствовала себя какъ рыба въ водѣ. Цѣлый вечеръ проговорила она съ Евпраксеюшкой и наговориться не могла. Даже щеки у нея разгорѣлись и глаза какъ-то по-юношески заблестѣли.

— Вѣдь это, сударка, какъ бы ты думала? Вѣдь это... божественное!—настаивала она.—Потому что хоть и не тѣмъ порядкомъ, а все-таки настоящимъ манеромъ... Только ты у меня смотри! Ежели да подъ постный день—Боже тебя сохрани: и засмѣю тебя, и со свѣту сгоню!

Призвали на совѣтъ и Улитушку. Сначала о настоящемъ дѣлѣ поговорили, что и какъ, не нужно ли промы-

Digitized by Google

вательное поставить, или моренковой мазью животъ потереть, потомъ опять обратились къ излюбленной темѣ и начали по пальцамъ разсчитывать—и все выходило именно какъ разъ на постный день. Евпраксеюшка алѣла, какъ маковъ цвѣтъ, но не отнѣкивалась, а ссылалась на подневольное свое положеніе.

— Мнѣ что-жъ,—говорила она:—мое дѣло—какъ «они» хотятъ! Коли ежели баринъ прикажутъ—можетъ ли наша сестра противъ ихъ приказаньевъ идти!

— Ну, ну, тихоня, не лебези хвостомъ!—шутила Арина Петровна:—сама, чай...

Словомъ сказать, женщины занялись этимъ дѣломъ всласть. Арина Петровна цѣлый рядъ случаевъ изъ своего прошлаго вспоминала и, разумѣется, не преминула повѣствовать о нихъ. Сначала разсказывала про свои личныя беременности. Какъ она Степкой-балбесомъ мучилась, какъ, будучи беременной Павломъ Владимірычемъ, ѣздила на перекладной въ Москву, чтобъ дубровинскаго аукціона не упустить, да потомъ изъ-за этого на тотъ свѣтъ чуть-чуть не отправилась, и т. д., и т. д. Всѣ роды были чѣмъ-нибудь замѣчательны; одни только достались легко—это были роды Іудушки.

— Просто даже вотъ не на столько тягости не чувствовала!—говорила она.—Сижу, бывало, и думаю: Господи! да неужто я тяжела! И какъ настало время, прилегла я этакъ на минуточку на кровать, и ужъ сама не знаю, какъ—вдругъ разрѣшилась! Самый это легкій для меня сынъ былъ! Самый, самый легкій!

Потомъ начались разсказы про дворовыхъ дѣвокъ: сколькихъ она сама «заставала», сколькихъ выслѣживала при помощи довѣренныхъ лицъ, и преимущественно Улитушки. Старческая память съ изумительною отчетливостью хранила эти воспоминанія. Во всемъ ея прошломъ, сѣромъ, всецѣло поглощенномъ мелкимъ и крупнымъ скопидомствомъ, сослѣживаніе вожделѣющихъ дворовыхъ дѣвокъ было единственнымъ романическимъ элементомъ, затрогивавшимъ какую-то живую струну.

Это была своего рода беллетристика въ скучномъ журналѣ, въ которомъ читатель ожидаетъ встрѣтиться съ изслѣдованіями о сухихъ туманахъ и о мѣстѣ погребенія Овидія—и вдругъ, вмѣсто того, читаетъ: *Вотъ мчится тройка уда...ая*... Развязки нехитрыхъ романовъ дѣвичьей обыкновенно бывали очень строгія и даже безчеловѣчныя (виновн-

Digitized by Google

ную выдавали замужъ въ дальнюю деревню, непремѣнно за мужика-вдовца, съ большимъ семействомъ; виновнаго, разжаловывали въ скотники или отдавали въ солдаты); но воспоминанія объ этихъ развязкахъ какъ-то стерлись (память культурныхъ людей относительно прошлаго ихъ поведенія вообще снисходительна), а самый процессъ сослѣживанія «амурной интриги» такъ и мелькалъ до сихъ поръ передъ глазами, словно живой. Да и немудрено! Этотъ процессъ, во времена оны, велся съ такимъ же захватывающимъ интересомъ, съ какимъ нынѣ читается фельетонный романъ, въ которомъ авторъ, вмѣсто того, чтобъ сразу увѣнчать взаимное вожделѣніе героевъ, на самомъ патетическомъ мѣстѣ ставитъ точку и пишетъ: *продолженіе впредь*.

— Не мало я-таки съ ними мученьевъ приняла! — повѣствовала Арина Петровна.—Иная до послѣдней минуты перемогается, лебезитъ — все надѣется обмануть! Ну, да меня, голубушка, не перехитришь, я сама на этихъ дѣлахъ зубы съѣла!—прибавляла она почти сурово, словно грозясь кому-то.

Наконецъ, слѣдовали разсказы изъ области беременностей, такъ сказать, политическихъ, относительно которыхъ Арина Петровна являлась уже не карательницей, а укрывательницей и потаковщицей.

Такъ, напримѣръ, у папеньки Петра Иваныча, дряхлаго семидесятилѣтняго старика, тоже «сударка» была и тоже оказалась вдругъ съ прибылью; и нужно было, по высшимъ соображеніямъ, эту прибыль отъ старика утаить. А она, Арина Петровна, какъ на грѣхъ, была въ ту пору въ ссорѣ съ братцемъ Петромъ Петровичемъ, который, тоже ради какихъ-то политическихъ соображеній, беременность эту сослѣживалъ и хотѣлъ старику глаза насчетъ «сударки» открыть.

— И какъ бы ты думала: почти на глазахъ у папеньки мы всю эту механику выполнили! Спитъ, голубчикъ, у себя въ спаленкѣ, а мы рядышкомъ орудуемъ! Да шопоткомъ, да на цыпочкахъ! Сама я, собственными руками, и ротъ-то ей зажимала, чтобъ не кричала, и бѣлье-то собственными руками убирала, а сынка-то ея — прехорошенькій, здоровенькій такой родился!— и того, сѣла на извозчика, да въ воспитательный спровадила! Такъ что братецъ, какъ черезъ недѣлю узналъ, только ахнулъ: «Ну, сестра!»

Была и еще политическая беременность: съ сестрицей

Digitized by Google

Варварой Михайловной дѣло случилось. Мужъ у нея въ походъ подъ турка уѣхалъ, а она возьми да и не остерегись. Прискакала, какъ угорѣлая, въ Головлево: «Спасай, сестра!»

— Ну, мы хоть въ то время въ контрахъ промежду себя были, однако, я и виду ей не подала: честь-честью ее приняла, утѣшила, успокоила, да подъ видомъ гощенья такъ это дѣло кругленько обдѣлала, что мужъ и въ могилу ушелъ—ничего не зналъ!

Такъ повѣствовала Арина Петровна, и, надо сказать правду, рѣдкій разсказчикъ находилъ себѣ такихъ внимательныхъ слушателей. Евпраксеюшка старалась не проронить слова, какъ будто бы передъ ней проходили во-очію перипетіи какой-то удивительной волшебной сказки; что же касается до Улитушки, то она, какъ соучастница большей части разсказываемаго, только углами губъ причмокивала.

Улитушка тоже расцвѣла и отдохнула. Тревожная была ея жизнь. Съ юныхъ лѣтъ сторала она холопскимъ честолюбіемъ и во снѣ, и наяву бредила, какъ бы господамъ послужить да надъ своимъ братомъ покомандовать, и все неудачно. Только что занесетъ, бывало, ногу на ступеньку повыше, анъ, ее оттуда словно невидимая сила какая шарахнетъ и опять втопчетъ въ самую преисподнюю. Всѣми качествами полезной барской слуги обладала она въ совершенствѣ: была ехидна, злоязычна и всегда готова на всякое предательство, но въ то же время страдала какою-то неудержимою повадливостью, которая всю ея ехидность обращала въ ничто. Въ былое время Арина Петровна охотно пользовалась ея услугой, когда нужно было секретное разслѣдованіе по дѣвичьей сдѣлать или вообще сомнительное дѣло какое-нибудь округлить, но никогда не цѣнила ея заслуги и не допускала ни до какой солидной должности. Вслѣдствіе этого Улитка и жаловалась, и языкомъ язвила; но на жалобы ея не обращалось вниманія, потому что всѣмъ было вѣдомо, что Улитка — дѣвка злая, сейчасъ себя въ преисподнюю проклянетъ, а черезъ минуту—помани ее только пальцемъ—опять прибѣжитъ, станетъ на заднихъ лапкахъ служить. Такъ и промыкалась она, куда-то все выбиваясь и никогда ничего не успѣвая достигнуть, до тѣхъ поръ, пока исчезновеніе крѣпостного права окончательно не положило предѣла ея холопскому честолюбію.

Въ молодости ея былъ даже случай, который подавалъ

Digitized by Google

ей надежды очень серьезныя. Въ одну изъ своихъ побывокъ въ Головлевѣ Порфирій Владимірычъ свелъ съ ней связь и даже, какъ гласило головлевское преданіе, имѣлъ отъ нея ребенка, за что и состоялъ долгое время подъ гнѣвомъ у маменьки Арины Петровны. Поддерживалась ли эта связь впослѣдствіи, при дальнѣйшихъ наѣздахъ Іудушки въ отчій домъ—неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, когда Порфирій Владимірычъ собрался въ Головлево совсѣмъ на жительство, мечтаніямъ Улитушки пришлось рухнуть самымъ обиднымъ образомъ. Немедленно по пріѣздѣ Іудушки она кинулась къ нему съ цѣлыхъ ворохомъ сплетенъ, въ которыхъ Арина Петровна обвинялась чуть не въ мошенничествѣ; но «баринъ» сплетни выслушалъ благосклонно, а на Улитку взглянулъ все-таки холодно и прежней ея «заслуги» не попомнилъ. Обманутая въ расчетахъ и обиженная, Улитушка перекинулась въ Дубровино, гдѣ братецъ Павелъ Владимірычъ, изъ ненависти къ братцу Порфирію Владимірычу, охотно принялъ ее и даже сдѣлалъ экономкою. Тутъ ея фонды какъ будто поправились. Павелъ Владимірычъ сидѣлъ на антресоляхъ и выпивалъ рюмку за рюмкой, а она съ утра до вечера бойко бѣгала по кладовымъ и погребамъ, гремѣла ключами, громко язычничала и даже завела какіе-то контры съ Ариной Петровной, которую чуть не сжила со свѣту.

Но Улитушка слишкомъ любила всякія предательства, чтобы въ тишинѣ пользоваться выпавшимъ на ея долю хорошимъ житьемъ. Это было то самое время, когда Павелъ Владимірычъ испивалъ уже настолько, что можно было съ извѣстными надеждами относиться къ исходу этого непробуднаго пьянства. Порфирій Владимірычъ понялъ, что въ такомъ положеніи дѣла Улитушка представляетъ неоцѣненный кладъ—и вновь поманилъ ее пальцемъ. Ей было дано изъ Головлева приказаніе—не отходить ни на шагъ отъ облюбованной жертвы, ни въ чемъ ей не противорѣчить, даже въ ненависти къ братцу Порфирію Владимірычу, а только всѣми мѣрами устранять вмѣшательство Арины Петровны. Это было одно изъ тѣхъ родственныхъ злодѣйствъ, на которыя Іудушка не то чтобъ рѣшился по зрѣломъ размышленіи, а какъ-то само собой продѣлывалъ, какъ самую обыкновенную затѣю. Излишне было бы говорить, что Улитушка выполнила порученіе въ точности. Павелъ Владимірычъ не переставалъ ненавидѣть брата, но чѣмъ больше онъ ненавидѣлъ, тѣмъ больше пилъ и тѣмъ

Digitized by Google

меньше становился способенъ выслушивать какія-либо замѣчанія Арины Петровны насчетъ «распоряженія». Каждое движеніе умирающаго, каждое слово немедленно дѣлались извѣстными въ Головлевѣ, такъ что Іудушка могъ съ полнымъ знаніемъ дѣла опредѣлить минуту, когда ему слѣдуетъ выйти изъ-за кулисъ и появиться на сцену настоящимъ господиномъ созданнаго имъ положенія. И онъ воспользовался этимъ, т. е. нагрянулъ въ Дубровино именно тогда, когда оно, такъ сказать, само отдалось ему въ руки.

За эту услугу Порфирій Владимірычъ подарилъ Улитушкѣ шерстяной матеріи на платье, но до себя все-таки не допустилъ. Опять шарахнулась Улитушка съ высоты величія въ преисподнюю, и на этотъ разъ, казалось, такъ, что ужъ никто на свѣтѣ ее никогда не поманитъ пальцемъ.

Въ видѣ особенной милости за то, что она «за братцемъ послѣднія минуты ходила», Іудушка отдѣлилъ ей уголъ въ избѣ, гдѣ вообще ютились оставшіеся, по упраздненіи крѣпостного права, заслуженные дворовые. Тамъ Улитушка окончательно смирилась, такъ что когда Порфирій Владимірычъ облюбовалъ Евпраксеюшку, то она не только не выказала никакой строптивости, но даже первая пришла къ «бариновой сударкѣ» на поклонъ и поцѣловала ее въ плечико.

И вдругъ, въ ту минуту, когда она уже сама сознавала себя забытою и заброшенною,—ей опять посчастливилось: Евпраксеюшка забеременѣла. Вспомнили, что гдѣ-то въ людской избѣ ютится «золотой человѣкъ» и поманили его пальцемъ. Правда, не самъ «баринъ» поманилъ, но и того ужъ достаточно, что онъ не попрепятствовалъ. Улитушка ознаменовала свое вступленіе въ господскій домъ тѣмъ, что взяла у Евпраксеюшки изъ рукъ самоваръ и съ форсомъ и нѣсколько озабочась принесла его въ столовую, гдѣ въ то время сидѣлъ и Порфирій Владимірычъ. И «баринъ»—не сказалъ ни слова. Ей показалось, что онъ даже улыбнулся, когда въ другой разъ, съ тѣмъ же самоваромъ въ рукахъ, она встрѣтила его въ коридорѣ и еще издали закричала:

— Баринъ, посторонись—ожгу!

Призванная Ариной Петровной на семейный совѣтъ, Улитушка нѣкоторое время кобянилась и не хотѣла сѣсть. Но когда Арина Петровна ласково на нее прикрикнула:—«Садись-ко, садись! нечего штуки-фигуры выкидывать! Царь

Digitized by Google

всѣхъ насъ равными сдѣлалъ — садись!» — то и она сѣла, сначала смирнѣхонько, а потомъ и языкъ распустила.

Эта женщина тоже припоминала. Много всякаго гною скопилось въ ея памяти изъ прежней крѣпостной практики. Независимо отъ выполненія деликатныхъ порученій по предмету сослѣживанія дѣвичьихъ вожделѣній, Улитушка состояла въ головлевскомъ домѣ въ качествѣ аптекарши и лѣкарки. Сколько она поставила въ своей жизни горчичниковъ, рожковъ и въ особенности клистировъ! Ставила она клистиры и старому барину Владиміру Михайлычу, и старой барынѣ Аринѣ Петровнѣ, и молодымъ барчукамъ всѣмъ до единаго — и сохранила объ этомъ самыя благодарныя воспоминанія. И вотъ теперь для этихъ воспоминаній представилось почти неоглядное поле...

Головлевскій домъ какъ-то таинственно оживился. Арина Петровна то и дѣло наѣзжала изъ Погорѣлки къ «доброму сыну», и подъ ея надзоромъ дѣятельно шли приготовленія, которымъ покуда не давалось еще названія. Послѣ вечерняго чая всѣ три женщины забирались въ Евпраксеюшкину комнату, лакомились домашнимъ вареньемъ, играли въ дураки и до позднихъ пѣтуховъ предавались воспоминаніямъ, отъ которыхъ «сударка» по временамъ шибко алѣла. Всякій самый ничтожный случай служилъ поводомъ къ новымъ и новымъ разсказамъ. Подастъ Евпраксеюшка вареньица малиноваго—Арина Петровна разскажетъ, какъ она будучи беременна дочкой Сонькой, даже запаху малины выносить не могла.

— Только въ домъ принесутъ — я ужъ и слышу, что ее принесли! Такъ вотъ благимъ матомъ и кричу: вонъ! вонъ ее, проклятую, несите! А послѣ, какъ выпросталась—и опять ничего, и опять полюбила!

Принесетъ Евпраксеюшка икорки закусить—Арина Петровна и насчетъ икорки случай вспомнитъ.

— А вотъ съ икоркой у меня случай былъ—такъ именно диковинный! Въ ту пору я — съ мѣсяцъ ли, съ два ли я только что замужъ вышла — и вдругъ такъ ли мнѣ этой икры захотѣлось, вынь да положь! Заберусь это, бывало, потихоньку въ кладовую и все ѣмъ, все ѣмъ! Только и говорю я своему благовѣрному: что, молъ, это, Владиміръ Михайлычъ, значитъ, что я все икру ѣмъ? А онъ этакъ улыбнулся и говоритъ: «Да вѣдь ты, мой другъ, тяжела!» И точно, ровно черезъ девять мѣсяцевъ послѣ того я и выпросталась, Степку-балбеса родила!

Digitized by Google

Порфирій Владимірычъ, между тѣмъ, продолжалъ съ прежнею загадочностью относиться къ беременности Евпраксеюшки и даже ни разу не высказался опредѣленно относительно своей прикосновенности къ этому дѣлу. Весьма естественно, что это стѣсняло женщинъ, мѣшало ихъ излiяніямъ, и потому Іудушку почти совсѣмъ обросили и безъ церемоніи гнали вонъ, когда онъ заходилъ вечеромъ на огонекъ въ Евпраксеюшкину комнату.

— Ступай-ка, ступай, молодецъ!—весело говорила Арина Петровна. — Ты свое дѣло сдѣлалъ; теперь наше, женское дѣло наступило! На нашей улицѣ праздникъ!

Іудушка смиренно удалялся, и хотя при этомъ не упускалъ случая попенять доброму другу маменькѣ, что она сдѣлалась къ нему немилостива, но въ глубинѣ души былъ очень доволенъ, что его не тревожатъ, и что Арина Петровна приняла горячее участіе въ затруднительномъ для него обстоятельствѣ. Если-бъ этого участія не было—Богъ знаетъ, что бы ему пришлось предпринять, чтобы смять это пакостное дѣло, при одномъ воспоминаніи о которомъ онъ ёжился и отплевывался. А теперь, благодаря опытности Арины Петровны и ловкости Улитушки, онъ надѣялся, что «бѣда» пройдетъ безъ огласки, и что ему самому, быть-можетъ, придется узнать о результатѣ ея, когда уже все будетъ кончено.

Расчеты Порфирія Владимірыча, однакожъ, не оправдались. Сначала случилась катастрофа съ Петенькой, а невдолгѣ за нею послѣдовала и смерть Арины Петровны. Приходилось расплачиваться самолично, и притомъ безъ всякой надежды на какую-нибудь паскудную комбинацію. Нельзя было отослать Евпраксеюшку, яко непотребную, къ роднымъ, потому что, благодаря вмѣшательству Арины Петровны, дѣло зашло слишкомъ далеко и было у всѣхъ на знати. На усердіе Улитушки тоже надежда была плоха, потому что хоть она и ловкая дѣвка, но ежели ей довѣриться, то, пожалуй, и отъ судебнаго слѣдователя потомъ не убережешься. Въ первый разъ въ жизни Іудушка серьезно и искренно возропталъ на свое одиночество, въ первый разъ смутно понялъ, что окружающіе люди — не просто пѣшки, годныя только на то, чтобъ морочить ихъ.

— И что бы ей стоило крошечку погодить! — сѣтовалъ онъ втихомолку на милаго друга маменьку.—Устроила бы все какъ слѣдуетъ, умнёхонько да смирнёхонько — и Хри-

Digitized by Google

стосъ бы съ ней! Пришло время умирать — дѣлать нечего! Жалко старушку, да коли такъ Богу угодно, и слезы наши, и доктора, и лѣкарства наши, и мы всѣ—все противъ воли Божіей безсильно! Пожила старушка, попользовалась! И сама барыней вѣкъ прожила, и дѣтей господами оставила! Пожила и будетъ!

И по обыкновенію суетливая его мысль, не любившая задерживаться на предметѣ, представляющемъ какія-нибудь практическія затрудненія, сейчасъ же перекидывалась въ сторону, къ предмету болѣе легкому, по поводу котораго можно было празднословить безсрочно и безпрепятственно.

— И какъ вѣдь скончалась-то, именно только праведники такой кончины удостаиваются! — лгалъ онъ самому себѣ, самъ, впрочемъ, не понимая, лжетъ онъ или говоритъ правду. — Безъ болѣзни, безъ смуты... такъ! Вздохнула — смотримъ, а ея ужъ и нѣтъ! Ахъ, маменька, маменька! И улыбочка на лицѣ, и румянчикъ... И ручка сложена, какъ будто благословить хочетъ, и глазки закрыла... адьё!

И вдругъ, въ самомъ разгарѣ жалостливыхъ словъ, опять словно кольнетъ его. Опять эта пакость... тьфу! тьфу! тьфу! Ну, что бы стоило маменькѣ крошечку повременить! И всего-то съ мѣсяцъ, а можетъ-быть, и меньше осталось — такъ вотъ на-поди!

Нѣкоторое время пробовалъ-было онъ и на вопросы Улитушки такъ же отнѣкиваться, какъ отнѣкивался передъ милымъ другомъ маменькой: «Не знаю! ничего я не знаю!» Но къ Улитушкѣ, какъ бабѣ наглой и притомъ же почувствовавшей свою силу, не такъ-то легко было подойти съ подобными пріемами.

— Я, что ли, знаю! я, что ли, кузовъ-то строила! — на первыхъ же порахъ обрѣзала она его, такъ что онъ понялъ, что отнынѣ расчеты на счастливое соединеніе роли прелюбодѣя съ ролью посторонняго наблюдателя результатовъ собственнаго прелюбодѣянія окончательно рухнули для него.

Бѣда надвигалась все ближе и ближе, бѣда неминучая, почти осязаемая! Она преслѣдовала его ежеминутно и—что всего хуже — парализовала его пустомысліе. Онъ употреблялъ всевозможныя усилія, чтобъ смять представленіе о ней, утопить его въ потокѣ праздныхъ словъ, но это удавалось ему только отчасти. Пробовалъ онъ какъ-нибудь спрятаться за непререкаемостью законовъ высшаго произ-

Digitized by Google

воленія, и по обыкновенію дѣлалъ изъ этой темы цѣлый клубокъ, который безконечно разматывалъ, припутывая сюда и притчу о волосѣ, съ человѣческой головы не падающемъ, и легенду о зданіи, на пескѣ строимомъ; но въ ту самую минуту, когда праздныя мысли безпрепятственно скатывались одна за другой въ какую-то загадочную бездну, когда безконечное разматываніе клубка ужъ казалось вполнѣ обезпеченнымъ—вдругъ, словно изъ-за угла, врывалось одно слово и сразу обрывало нитку. Увы! это слово было: «прелюбодѣяніе» и обозначало такое дѣйствіе, въ которомъ Іудушка и передъ самимъ собой сознаться не хотѣлъ.

И вотъ, когда, послѣ тщетныхъ попытокъ забыть и убить, дѣлалось, наконецъ, яснымъ, что онъ пойманъ—на него нападала тоска. Онъ принимался ходить по комнатѣ, ни о чемъ не думая, а только ощущая, что внутри у него сосетъ и дрожитъ.

Это была совсѣмъ новая узда, которую въ первый разъ въ жизни узнало его праздномыслiе. До сихъ поръ, въ какую бы сторону ни шла его пустопорожняя фантазія, повсюду она встрѣчала лишенное границъ пространство, на протяженіи котораго складывались всевозможныя комбинаціи. Даже погибель Володьки, Петьки, даже смерть Арины Петровны не затрудняли его праздномыслія. Это были факты обыкновенные, общепризнанные, для оцѣнки которыхъ существовала и обстановка общепризнанная, искони обусловленная. Панихиды, сорокоусты, поминальные обѣды и проч.—все это онъ, по обычаю, отбылъ какъ слѣдуетъ и всѣмъ этимъ, такъ сказать, оправдалъ себя и передъ людьми, и передъ Провидѣніемъ. Но прелюбодѣяніе... это что же такое? Вѣдь это—обличеніе цѣлой жизни, это—обнаруженіе ея внутренней лжи! Хотя и прежде его разумѣли клеветникомъ, положимъ даже—«кровопивцемъ», но во всей этой людской молвѣ было такъ мало юридической подкладки, что онъ могъ съ полнымъ основаніемъ возразить: докажи! И вдругъ теперь... прелюбодѣй! Прелюбодѣй уличенный, несомнѣнный (онъ даже *мiръ* никакихъ, по милости Арины Петровны—«ахъ, маменька, маменька!»—не принялъ, даже солгать не успѣлъ), да еще и «подъ постный день»... тьфу! тьфу! тьфу!

Въ этихъ внутреннихъ собесѣдованіяхъ съ самимъ собою, какъ ни запутано было ихъ содержаніе, замѣчалось даже что-то похожее на пробужденіе совѣсти. Но представлялся вопросъ: пойдетъ ли Іудушка дальше по этому пути, или же

Digitized by Google

пустомыслiе и тутъ сослужитъ ему обычную службу и представитъ новую лазейку, благодаря которой онъ, какъ и всегда, успѣетъ выйти сухимъ изъ воды?

Покуда Iудушка изнывалъ такимъ образомъ подъ бременемъ пустоутробiя, въ Евпраксеюшкѣ мало-по-малу совершался совсѣмъ неожиданный внутренній переворотъ. Ожиданіе материнства, повидимому, разрѣшило умственныя узы, связывавшія ее. До сихъ поръ она ко всему относилась безучастно, а на Порфирія Владимірыча смотрѣла какъ на «барина», къ которому у нея существовали подневольныя отношенія. Теперь она впервые что-то поняла, нѣчто въ родѣ того, что у нея свое дѣло есть, въ которомъ она—«сама большая», и гдѣ помыкать ею безвозбранно нельзя. Вслѣдствіе этого даже выраженіе ея лица, обыкновенно тупое и нескладное, какъ-то осмыслилось и засвѣтилось.

Смерть Арины Петровны была первымъ фактомъ въ ея полубезсознательной жизни, который подѣйствовалъ на нее отрезвляющимъ образомъ. Какъ ни своеобразны были отношенія старой барыни къ предстоящему материнству Евпраксеюшки, но все-таки въ нихъ просвѣчивало несомнѣнное участіе, а не одна паскудно-гадливая уклончивость, которая встрѣчалась со стороны Iудушки. Поэтому Евпраксеюшка начала видѣть въ Аринѣ Петровнѣ что-то въ родѣ заступы, какъ бы подозрѣвая, что впереди готовится на нее какое-то нападеніе. Предчувствіе этого нападенія преслѣдовало ее тѣмъ упорнѣе, что оно не было освѣщено сознаніемъ, а только наполняло все ея существо постоянною тоскливою смутой. Мысль была недостаточно сильна, чтобъ указать прямо, откуда придетъ нападеніе и въ чемъ оно будетъ состоять; но инстинкты уже были настолько взбудоражены, что при видѣ Iудушки чувствовался безотчетный страхъ. Да, оно придетъ оттуда! —отзывалось во всѣхъ сердечныхъ ея тайникахъ:—оттуда, изъ этого наполненнаго прахомъ гроба, къ которому она доселѣ была приставлена, какъ простая наймитка, и который какимъ-то чудомъ сдѣлался отцомъ и властелиномъ *ея* ребенка! Чувство, которое пробуждалось въ ней при этой послѣдней мысли, было похоже на ненависть и даже непремѣнно перешло бы въ ненависть, если-бъ не находило для себя отвлеченія въ участіи Арины Петровны, которая добродушной своей болтовней не давала ей времени задуматься.

Но вотъ Арина Петровна сначала удалилась въ Погорѣлку, а наконецъ и совсѣмъ угасла. Евпраксеюшкѣ сдѣ-

Digitized by Google

лалось совсѣмъ жутко. Тишина, въ которую погрузился головлевскій домъ, нарушалась только шуршаньемъ, возвѣщавшимъ, что Іудушка, крадучись и подобравши полы халата, бродитъ по коридору и подслушиваетъ у дверей. Изрѣдка кто-нибудь изъ челядинцевъ набѣжитъ со двора, хлопнетъ дверью въ дѣвичьей, и опять изо всѣхъ угловъ такъ и ползетъ тишина. Тишина мертвая, наполняющая существо суевѣрною, саднящею тоской. А такъ какъ Евпраксеюшка въ это время была уже на сносяхъ, то для нея не существовало даже рессурса хозяйственныхъ хлопотъ, которыя въ былое время настолько утомляли ее физически, что она къ вечеру ходила уже какъ сонная. Пробовала-было она приласкаться къ Порфирію Владимірычу, но попытки эти каждый разъ вызывали краткія, но злобныя сцены, которыя даже на ея неразвитую натуру дѣйствовали мучительно. Поэтому приходилось сидѣть сложа руки и думать, то-есть тревожиться. А поводы для тревоги съ каждымъ днемъ становились больше и больше, потому что смерть Арины Петровны развязала руки Улитушкѣ и ввела въ головлевскій домъ новый элементъ сплетенъ, сдѣлавшихся отнынѣ единственнымъ живымъ дѣломъ, на которомъ отдыхала душа Іудушки.

Улитушка поняла, что Порфирій Владимірычъ труситъ и что въ этой пустоутробной и изолгавшейся натурѣ трусость очень близко граничитъ съ ненавистью. Сверхъ того она отлично знала, что Порфирій Владимірычъ неспособенъ не только на привязанность, но даже и на простое жалѣнье, что онъ держитъ Евпраксеюшку лишь потому, что, благодаря ей, домашній обиходъ идетъ не сбиваясь съ однажды намѣченной колеи. Заручившись этими несложными данными, Улитушка имѣла полную возможность ежеминутно питать и лелѣять то чувство ненависти, которое закипало въ душѣ Іудушки каждый разъ, когда что-нибудь напоминало ему о предстоящей «бѣдѣ».

Въ скоромъ времени цѣлая сѣть сплетенъ опутала Евпраксеюшку со всѣхъ сторонъ. Улитушка то и дѣло «докладывала» барину. То придетъ, пожалуется на безразсудное распоряженіе домашнею провизіей.

— Чтой-то, баринъ, какъ у васъ добра много выходитъ! Давеча пошла я на погребъ за солониной; думаю, давно ли другую кадку зачали—смотрю, анъ ее тамъ куска съ два ли, съ три ли на донышкѣ лежитъ!

— Неужто?—уставлялся въ нее глазами Іудушка.

Digitized by Google

— Кабы не сама своими глазами видѣла—не повѣрила бы! Даже удивительно, куда этакая прорва идетъ! Масла, крупъ, огурцовъ—всего! У другихъ господъ кашу-то людямъ съ гусинымъ жиромъ даютъ—таковскіе! а у насъ—все съ масломъ, да все съ чухонскімъ!

— Неужто?—почти пугался Порфирій Владимірычъ.

То придетъ и невзначай о барскомъ бѣльѣ доложитъ.

— Вы бы, баринушка, остановили Евпраксеюшку-то. Конечно, дѣло ея дѣвичье, непривычное, а вотъ хоть бы насчетъ бѣлья... Цѣлые вороха она этого бѣлья извела на простыни да на пелёнки, а бѣлье-то все тонкое!

Порфирій Владимірычъ только сверкнетъ глазами въ отвѣтъ, но вся его пустая утроба такъ и повернется при этихъ словахъ.

— Извѣстно, младенца своего жалѣетъ!—продолжаетъ Улитушка медоточивымъ голосомъ.—Думаетъ, и ни вѣсть что случилось... прынецъ народится! А между прочімъ могъ бы онъ, младенецъ-то, и на посконныхъ простынькахъ уснуть... въ ихнемъ званіи!

Иногда она даже попросту поддразнивала Іудушку.

— А что я васъ хотѣла, баринушка, спросить,—начинала она:—какъ вы насчетъ младенца-то располагаете? Сынкомъ, что ли, своимъ его сдѣлаете, или, по примѣру прочіихъ, въ воспитательный?..

Но Порфирій Владимірычъ въ самомъ началѣ прерывалъ вопросъ такимъ мрачнымъ взглядомъ, что Улитушка умолкала.

И вотъ, посреди закипавшей со всѣхъ сторонъ ненависти, все ближе и ближе надвигалась минута, когда появленіе на свѣтъ крошечнаго, плачущаго «раба божія» должно было разрѣшить чѣмъ-нибудь царствовавшую въ головлевскомъ домѣ нравственную сумятицу и въ то же время увеличить собой число прочихъ плачущихъ «рабовъ божіихъ», населяющихъ вселенную.

Седьмой часъ вечера. Порфирій Владимірычъ успѣлъ уже выспаться послѣ обѣда и сидитъ у себя въ кабинетѣ, исписывая цифирными выкладками листы бумаги. На этотъ разъ его занимаетъ вопросъ: сколько было бы у него теперь денегъ, если-бъ маменька Арина Петровна подаренные ему при рожденіи дѣдушкой Петромъ Иванычемъ, на зубокъ, сто рублей ассигнаціями не присвоила себѣ, а положила бы вкладомъ въ ломбардъ на имя малолѣтняго Пор-

Digitized by Google

фирія? Выходитъ, однако, немного: всего восемьсотъ рублей ассигнаціями.

«Положимъ, что капиталъ и небольшой, — праздномыслитъ Іудушка: — а все-таки хорошо, когда знаешь, что про черный день есть. Занадобилось—и взялъ. Ни у кого не попросилъ, никому не поклонился — самъ взялъ, свое, кровное, дѣдушкой подаренное! Ахъ, маменька, маменька! и какъ это вы, другъ мой, такъ, очертя голову, дѣйствовали!»

Увы, Порфирій Владимірычъ уже успокоился отъ тревогъ, которыя еще такъ недавно парализовали его праздномысліе. Своеобразные проблески совѣсти, пробужденные затрудненіями, въ которыя его поставили беременность Евпраксеюшки и неожиданная смерть Арины Петровны, мало-по-малу затихли. Пустомысліе сослужило и тутъ свою обычную службу, и Іудушкѣ, въ концѣ концовъ, удалось-таки, съ помощью неимовѣрныхъ усилій, утопить представленіе о «бѣдѣ» въ безднѣ праздныхъ словъ. Нельзя сказать, чтобъ онъ сознательно на что-нибудь рѣшился, но какъ-то само собой вдругъ вспомнилась старая излюбленная формула: «ничего я не знаю! ничего я не позволяю и ничего не разрѣшаю!»—къ которой онъ всегда прибѣгалъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, и очень скоро положила конецъ внутренней сумятицѣ, временно взволновавшей его. Теперь онъ ужъ смотрѣлъ на предстоящіе роды какъ на дѣло, до него не относящееся, а потому и самому лицу своему постарался сообщить выраженіе безстрастное и непроницаемое. Онъ почти игнорировалъ Евпраксеюшку и даже не называлъ ее по имени, а ежели случалось иногда спросить о ней, то выражался такъ: «а что *та*... все еще больна?» Словомъ сказать, оказался настолько сильнымъ, что даже Улитушка, которая въ школѣ крѣпостного права довольно-таки понаторѣла въ наукѣ сердцевѣдѣнія, поняла, что бороться съ такимъ человѣкомъ, который на все согласенъ—совершенно нельзя.

Головлевскій домъ погруженъ въ тьму; только въ кабинетѣ у барина да еще въ дальней боковушкѣ у Евпраксеюшки мерцаетъ свѣтъ. На Іудушкиной половинѣ царствуетъ тишина, прерываемая щелканьемъ на счетахъ да шуршаньемъ карандаша, которымъ Порфирій Владимірычъ чертитъ на бумагѣ цифирныя выкладки. И вдругъ, среди общаго безмолвія, въ кабинетъ врывается отдаленный, но раздирающій стонъ. Іудушка вздрагиваетъ; губы его мо-

Digitized by Google

ментально трясутся; карандашъ дѣлаетъ неподлежащій жтрихъ.

«Сто двадцать одинъ рубль да двѣнадцать рублей десять копеекъ...»—шепчетъ Порфирій Владимірычъ, усиливаясь заглушить непріятное впечатлѣніе, произведенное стономъ.

Но стоны повторяются чаще и чаще, и дѣлаются, наконецъ, безпокойными. Работа становится настолько неудобною, что Іудушка оставляетъ письменный столъ. Сначала онъ ходитъ по комнатѣ, стараясь не слышать; но любопытство мало-по-малу беретъ верхъ надъ пустоутробіемъ. Потихоньку пріотворяетъ онъ дверь кабинета, просовываетъ голову въ тьму сосѣдней комнаты и въ выжидательной позѣ прислушивается.

— Ахти! никакъ и лампадку передъ иконой «Утоли моя печали» засвѣтить позабыли!—мелькаетъ у него въ головѣ.

Но вотъ послышались въ коридорѣ чьи-то ускоренные, тревожные шаги. Порфирій Владимірычъ поспѣшно юркнулъ головой опять въ кабинетъ, осторожно притворилъ дверь и на цыпочкахъ рысцой подошелъ къ образу. Черезъ секунду онъ уже былъ «при всей формѣ», такъ что, когда дверь распахнулась и Улитушка вбѣжала въ комнату, то она застала его стоящимъ на молитвѣ, со сложенными руками.

— Какъ бы Евпраксеюшка-то у насъ Богу душу не отдала!—сказала Улитушка, не побоявшись нарушить молитвенное стояніе Іудушки.

Но Порфирій Владимірычъ даже не обернулся къ ней, а только поспѣшнѣе обыкновеннаго зашевелилъ губами и вмѣсто отвѣта помахалъ одной рукой въ воздухѣ, словно отмахиваясь отъ назойливой мухи.

— Что рукою-то дрыгаете! Плоха, говорю, Евпраксеюшка,—того и гляди помретъ!—грубо настаивала Улитушка.

На сей разъ Іудушка обернулся, но лицо у него было такое спокойное, елейное, какъ будто онъ только что, въ созерцаніи божества, отложилъ всякое житейское попеченіе и даже не понимаетъ, по какому случаю могутъ тревожить его.

— Хоть и грѣхъ по молитвѣ бранить, но, какъ человѣкъ, не могу не попенять: сколько разъ я просилъ не тревожить меня, когда я на молитвѣ стою!—сказалъ онъ приличествующимъ молитвенному настроенію голосомъ, по-

Digitized by Google

зволивъ себѣ, однако, покачать головой въ знакъ христіанской укоризны.—Ну, что еще такое у васъ тамъ?

— Чему больше быть: Евпраксеюшка мучится, разродиться не можетъ! Точно въ первый разъ слышите... ахъ, вы! Хоть бы взглянули!

— Что же смотрѣть! Докторъ я, что ли? Совѣтъ, что ли, дать могу? Да и не знаю я, никакихъ я вашихъ дѣлъ не знаю! Знаю, что въ домѣ больная есть, а чѣмъ больна и отчего больна—объ этомъ и узнавать, признаться, не любопытствовалъ! Вотъ за батюшкой послать, коли больная трудна—это я присовѣтовать могу! Пошлите за батюшкой, вмѣстѣ помолитесь, лампадочки у образовъ засвѣтите... а послѣ мы съ батюшкой чайку попьемъ!

Порфирій Владимірычъ былъ очень доволенъ, что онъ въ эту рѣшительную минуту такъ категорически выразился. Онъ смотрѣлъ на Улитушку свѣтло и увѣренно, словно говорилъ: а, нутка опровергни теперь меня! Даже Улитушка не нашлась въ виду этого благодушія.

— Пришли бы! взглянули бы!—повторила она въ другой разъ.

— Не приду, потому что ходить незачѣмъ. Кабы за дѣломъ, я бы и безъ зова твоего пошелъ. За пять верстъ нужно по дѣлу идти—за пять верстъ пойду; за десять верстъ нужно—и за десять верстъ пойду! И морозецъ на дворѣ, и мятелица, а я все иду да иду! Потому знаю: дѣло есть, нельзя не идти!

Улитушкѣ думалось, что она спитъ, и въ сонномъ видѣніи самъ сатана предсталъ передъ нею и разглагольствуетъ.

— Вотъ за попомъ послать, это—такъ. Это дѣльно будетъ. Молитва—ты знаешь ли, что объ молитвѣ-то въ писаніи сказано? Молитва—*недугующихъ исцѣленіе*—вотъ что сказано! Такъ ты такъ и распорядись! Пошлите за батюшкой, помолитесь вмѣстѣ... и я въ это же время помолюсь! Вы тамъ, въ образной, помолитесь, а я здѣсь, у себя, въ кабинетѣ, у Бога милости попрошу... Общими силами: вы тамъ, я тутъ—смотришь, анъ молитва-то и дошла!

Послали за батюшкой, но прежде, нежели онъ успѣлъ придти, Евпраксеюшка, въ терзаніяхъ и мукахъ, ужъ разрѣшилась. Порфирій Владимірычъ могъ догадаться по бѣготнѣ и хлопанью дверьми, которыя вдругъ поднялись въ сторонѣ дѣвичьей, что случилось что-нибудь рѣшительное. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ въ коридорѣ

Digitized by Google

вновь послышались торопливые шаги и вслѣдъ затѣмъ въ кабинетъ на всѣхъ парусахъ влетѣла Улитушка, держа въ рукахъ крохотное существо, завернутое въ бѣлье.

— Натко-те! Поглядитко-те!—возгласила она торжественнымъ голосомъ, поднося ребенка къ самому лицу Порфирія Владимирыча.

Іудушку на мгновеніе словно бы поколебало; даже корпусъ его пошатнулся впередъ и въ глазахъ блеснула какая-то искорка. Но это было именно только на одно мгновеніе, потому что вслѣдъ затѣмъ онъ уже брезгливо отвернулъ свое лицо отъ младенца и обѣими руками замахалъ въ его сторону.

— Нѣтъ, нѣтъ! боюсь я ихъ... не люблю! Ступай... ступай!—лепеталъ онъ, выражая всѣмъ лицомъ своимъ безконечную гадливость.

— Да вы хоть бы спросили: мальчикъ или дѣвочка!—увѣщевала его Улитушка.

— Нѣтъ, нѣтъ... и не зачѣмъ... и не мое это дѣло! Ваши это дѣла, а я не знаю... Ничего я не знаю и знать мнѣ не нужно... Уйди отъ меня, ради Христа, уйди!

Опять сонное видѣніе, и опять сатана... Улитушку даже взорвало.

— А вотъ я возьму да на диванъ вамъ и брошу... няньчитесь съ нимъ!—пригрозила она.

Но Іудушка былъ не такой человѣкъ, котораго можно было пронять. Въ то время, когда Улитушка произносила свою угрозу, онъ уже повернулся лицомъ къ образамъ и скромно воздѣвалъ руками. Очевидно, онъ просилъ Бога простить всѣмъ: и тѣмъ, «иже вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ», и тѣмъ, «иже словомъ, или дѣломъ, или помышленіемъ», а за себя благодарилъ, что онъ—не тать, и не мздоимецъ, и не прелюбодѣй, и что Богъ, по милости своей, укрѣпилъ его на стезѣ праведныхъ. Даже носъ у него вздрагивалъ отъ умиленія, такъ что Улитушка, наблюдавшая за нимъ, плюнула и ушла.

«Вотъ одного Володьку Богъ взялъ—другого Володьку далъ!»—какъ-то совсѣмъ некстати сорвалось у него съ мысли; но онъ тотчасъ же подмѣтилъ эту неожиданную игру ума и мысленно проговорилъ:—«тьфу! тьфу! тьфу!»

Пришелъ и батюшка, попѣлъ и покадилъ. Іудушка слышалъ, какъ дьячокъ тянулъ: «Заступница усердная!» и самъ разохотился—подтянулъ дьячку. Опять прибѣжала Улитушка, крикнула въ дверь:

Digitized by Google

— Володимеромъ назвали!

Странное совпаденіе этого обстоятельства съ недавнею аберраціей мысли, тоже напоминавшей о погибшемъ Володькѣ, умилило Іудушку. Онъ увидѣлъ въ этомъ божеское произволеніе и, на этотъ разъ уже не отплевываясь, сказалъ самому себѣ:

«Вотъ и слава Богу! Одного Володьку Богъ взялъ, другого—далъ! Вотъ оно, Богъ-то! Въ одномъ мѣстѣ теряешь, думаешь, что и не найдешь—анъ Богъ-то возьметъ да въ другомъ мѣстѣ сторицей вознаградитъ!»

Наконецъ, доложили, что самоваръ поданъ и батюшка ожидаетъ въ столовой. Порфирій Владимірычъ окончательно стихъ и умилился. Отецъ Александръ, дѣйствительно, уже сидѣлъ въ столовой, въ ожиданіи Порфирія Владимірыча. Головлевскій батюшка былъ человѣкъ политичный и старавшійся придерживаться въ сношеніяхъ съ Іудушкой свѣтскаго тона; но онъ очень хорошо понималъ, что въ господской усадьбѣ еженедѣльно и подъ большіе праздники совершаются всенощныя бдѣнія, а сверхъ того каждое 1-е число служится молебенъ, и что все это доставляетъ причту не менѣе ста рублей въ годъ дохода. Кромѣ того, ему не безызвѣстно было, что церковная земля еще не была надлежащимъ образомъ отмежевана, и что Іудушка не разъ, проѣзжая мимо поповскаго луга, говаривалъ: «Ахъ, хорошъ лужокъ!» Поэтому въ свѣтское обращеніе батюшки примѣшивалась и немалая доля «страха іудейска», который выражался въ томъ, что батюшка, при свиданіяхъ съ Порфиріемъ Владимірычемъ, старался приводить себя въ свѣтлое и радостное настроеніе, хотя бы и не имѣлъ повода таковое ощущать, и когда послѣдній, въ разговорѣ, позволялъ себѣ развивать нѣкоторыя ереси относительно путей Провидѣнія, предбудущей жизни и прочаго, то, не одобряя ихъ прямо, видѣлъ, однако, въ нихъ не кощунство или богохульство, но лишь свойственное дворянскому званію дерзновеніе ума.

Когда Іудушка вошелъ, батюшка торопливо благословилъ его и еще торопливѣе отдернулъ руку, словно боялся, что кровопивецъ укуситъ ее. Хотѣлъ-было онъ поздравить своего духовнаго сына съ новорожденнымъ Владиміромъ, но подумалъ, какъ-то еще отнесется къ этому обстоятельству самъ Іудушка, и остерегся.

— Мжица на дворѣ нынѣ,—началъ батюшка:—по народнымъ примѣтамъ, въ конхъ, впрочемъ, частицею и сие-

Digitized by Google

вѣріе примѣчается, оттепель таковая погода предзнаменуетъ.

— А можетъ-быть, и морозъ, мы загадываемъ про оттепель, а Богъ возьметъ да морозцу пошлетъ!—возразилъ Іудушка, хлопотливо и даже почти весело присаживаясь къ чайному столу, за которымъ на сей разъ хозяйничалъ лакей Прохоръ.

— Это точно, что человѣкъ нерѣдко, въ мечтаніи своемъ, стремится недосягаемая досягнуть и къ недоступному доступъ найти. А вслѣдствіе того или поводъ для раскаянія, или и самую скорбь для себя обрѣтаетъ.

— А потому и надо намъ отъ гаданій да отъ загляды-ваній подальше себя держать, а быть довольными тѣмъ, что̀ Богъ пошлетъ. Пошлетъ Богъ тепла—мы теплу будемъ рады; пошлетъ Богъ морозцу—и морозцу милости просимъ! Велимъ пожарче печечки натопить, а которые въ путь шествуютъ, тѣ въ шубки покрѣпче завернутся—вотъ и тепленько намъ будетъ!

— Справедливо!

— Многіе нынче любятъ кругомъ да около ходить: и то не такъ, и другое не по ихнему, и третье вотъ этакъ бы сдѣлать, а я этого не люблю. И самъ не загадываю, и въ другихъ не похвалю. Высокоуміе это—вотъ я какой взглядъ на такія попытки имѣю!

— И это справедливо.

— Мы всѣ здѣсь—странники; я такъ на себя и смотрю! Вотъ чайку попить, закусить что-нибудь легонькое... это намъ дозволено! Потому что Богъ намъ тѣло и прочія части далъ... Этого и правительство намъ не воспрещаетъ: кушать—кушайте, а языкъ за зубами держите!

— И опять-таки вполнѣ справедливо! — крякнулъ батюшка и отъ внутренняго ликованія стукнулъ о блюдечко донышкомъ опорожненнаго стакана.

— Я такъ разсуждаю, что умъ данъ человѣку не для того, чтобъ испытывать неизвѣстное, а для того, чтобъ воздерживаться отъ грѣховъ. Вотъ ежели я, напримѣръ, чувствую плотскую немощь или смущеніе и призываю на помощь умъ: укажи, молъ, пути, какъ мнѣ ту немощь побороть—вотъ тогда я поступаю правильно! Потому что въ этихъ случаяхъ умъ дѣйствительно пользу оказать можетъ.

— А больше, все-таки, вѣра,—слегка поправилъ батюшка.

— Вѣра—сама по себѣ, а умъ—самъ по себѣ. Вѣра на

Digitized by Google

цѣль указываетъ, а умъ—пути изыскиваетъ. Туда толкнется, тамъ постучится... блуждаетъ, а между тѣмъ и полезное что-нибудь отыщетъ. Вотъ лѣкарства разныя, травы цѣлебныя, пластыри, декокты—все это умъ изобрѣтаетъ и открываетъ. Но надобно, чтобъ все было согласно съ вѣрою—на пользу, а не на вредъ.

— И противъ этого возразить ничего не могу!

— Я, батя, книжку одну читалъ, такъ тамъ именно сказано: услугами ума, ежели оный вѣрою направляется, отнюдь не слѣдуетъ пренебрегать, ибо человѣкъ безъ ума въ скоромъ времени дѣлается игралищемъ страстей. А я даже такъ думаю, что и первое грѣхопаденіе человѣческое оттого произошло, что дьяволъ, въ образѣ змія, разсужденіе человѣческое затмилъ.

Батюшка на это не возражалъ, но и отъ похвалы воздержался, потому что не могъ себѣ еще уяснить, къ чему склоняется Іудушкина рѣчь.

— Часто мы видимъ, что люди не только впадаютъ въ грѣхъ мысленный, но и преступленія совершаютъ—и все черезъ недостатокъ ума. Плоть искушаетъ, а ума нѣтъ—вотъ человѣкъ и летитъ въ пропасть. И сладенькаго-то хочется, и веселенькаго, и пріятненькаго, и въ особенности ежели женскій полъ... какъ тутъ безъ ума уберечись? А коли ежели у меня есть умъ, я взялъ камфарки или маслица: тамъ потеръ, въ другомъ мѣстѣ подсыпалъ—смотришь, искушеніе-то съ меня какъ рукой сняло!

Іудушка замолчалъ, какъ бы выжидая, что скажетъ на это батюшка, но батюшка все еще недоумѣвалъ, къ чему клонится Іудушкина рѣчь, и потому только крякнулъ и безъ всякаго резона сказалъ:

— Вотъ у меня на дворѣ куры... суетятся по случаю солноворота: бѣгаютъ, мечутся, мѣста нигдѣ сыскать не могутъ...

— И все оттого, что ни у птицъ, ни у звѣрей, ни у пресмыкающихъ—ума нѣтъ. Птица—это что такое? Ни у ней горя, ни заботушки—летаетъ себѣ! Вотъ давеча, смотрю въ окно: копаются воробьи носами въ навозѣ—и будетъ съ нихъ! А человѣку—этого мало!

— Однако, въ иныхъ случаяхъ, и Писаніе на птицъ небесныхъ указываетъ!

— Въ иныхъ случаяхъ—это такъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда и безъ ума вѣра спасаетъ—тогда птицамъ подражать нужно. Вотъ Богу молиться, стихи сочинять...

Digitized by Google

Порфирій Владимірычъ умолкъ. Онъ былъ болтливъ по природѣ и, въ сущности, у него такъ и вертѣлось на языкѣ происшествіе дня. Но очевидно, не созрѣла еще форма, въ которой приличнымъ образомъ могли быть выражены разглагольствія по этому предмету.

— Птицамъ умъ не нуженъ,—наконецъ сказалъ онъ:— потому что у нихъ соблазновъ нѣтъ. Или, лучше сказать, есть соблазны, да никто съ нихъ за это не взыскиваетъ. У нихъ все натуральное: ни собственности нѣтъ, за которой нужно присмотрѣть, ни законныхъ браковъ нѣтъ, а слѣдовательно, нѣтъ и вдовства. Ни передъ Богомъ, ни передъ начальствомъ онѣ въ отвѣтѣ не состоятъ: одинъ у нихъ начальникъ—пѣтухъ!

— Пѣтухъ! пѣтухъ! Это такъ точно. Онъ у нихъ—въ родѣ какъ султанъ турецкій!

— А человѣкъ все такъ самъ для себя устроилъ, что ничего у него натуральнаго нѣтъ, а потому ему и ума много нужно. И самому чтобы въ грѣхъ не впасть, и другихъ бы въ соблазнъ не ввести. Такъ ли, батя?

— Истинная это правда. И писаніе совѣтуетъ соблазняющее око истребить.

— Это ежели буквально понимать, а можно и не истребляя ока, такъ устроить, чтобы оно не соблазнялось. Къ молитвѣ чаще обращаться, озлобленіе тѣлесное усмирять. Вотъ я, напримѣръ: и въ порѣ, и нельзя сказать, чтобъ хилъ... Ну, и прислуга у меня женская есть... а мнѣ и горюшка мало! Знаю, что безъ прислуги нельзя—ну, и держу! И мужскую прислугу держу, и женскую—всякую! Женская прислуга тоже въ хозяйствѣ нужна. На погребъ сходить, чайку налить, насчетъ закусочки распорядиться... ну, и Христосъ съ ней! Она свое дѣло дѣлаетъ, а я—свое... Вотъ мы и поживаемъ!

Говоря это, Іудушка старался смотрѣть батюшкѣ въ глаза; батюшка тоже, съ своей стороны, старался смотрѣть въ глаза Іудушкѣ. Но, къ счастью, между ними стояла свѣчка, такъ что они могли вволю смотрѣть другъ на друга и видѣть только пламя свѣчи.

— А притомъ я и такъ еще разсуждаю: ежели съ прислугой въ короткія отношенія войти — непремѣнно она командовать въ домѣ начнетъ. Пойдутъ это дрязги, да непорядки, перекоры да грубости: ты слово, а она—два... А я отъ этого устраняюсь.

У батюшки даже въ глазахъ зарябило: до того пристально

Digitized by Google

онъ смотрѣлъ на Іудушку. Поэтому и чувствуя, что свѣтскія приличія требуютъ, чтобы собесѣдникъ хоть отъ времени до времени вставлялъ слово въ общій разговоръ, онъ покачалъ головой и произнесъ:

— Тсс...

— А ежели при этомъ еще такъ поступать, какъ другіе... вотъ какъ сосѣдушка мой, господинъ Аннетовъ, напримѣръ, или другой сосѣдушка, господинъ Утробинъ... такъ и до грѣха недалеко. Вонъ у господина Утробина никакъ съ шесть человѣкъ этой пакости во дворѣ копается... А я этого не хочу. Я говорю такъ: коли Богъ у меня моего ангела-хранителя отнялъ—стало-быть, такъ Его святой волѣ угодно, чтобъ я вдовцомъ былъ. А ежели я, по милости Божіей,—вдовецъ, то, стало-быть, долженъ вдовѣть честно и ложе свое нескверно содержать. Такъ ли, батя?

— Тяжко, сударь!

— Самъ знаю, что тяжко, и все-таки исполняю. Кто говоритъ тяжко!—а я говорю: чѣмъ тяжче, тѣмъ лучше, только бы Богъ укрѣпилъ! Не всѣмъ сладенькаго да лепонькаго—надо кому-нибудь и для Бога потрудиться! *Здѣсь* себя сократишь—*тамъ* получишь! *Здѣсь*—«трудомъ» это называется, а *тамъ*—заслугой зовется! Справедливо ли я говорю?

— Ужъ на что же справедливѣе!

— Тоже и объ заслугахъ надо сказать. И онѣ неравныя бываютъ. Одна заслуга большая, а другая заслуга—малая! А ты какъ бы думалъ?

— Какъ же возможно! Большая ли заслуга, или малая!

— Такъ вотъ оно на мое и выходитъ. Коли человѣкъ держитъ себя аккуратно: не срамословитъ, не суесловитъ, другихъ не осуждаетъ, коли онъ притомъ никого не огорчилъ, ни у кого ничего не отнялъ... ну, и насчетъ соблазновъ этихъ велъ себя осторожно—такъ и совѣсть у того человѣка завсегда покойна будетъ. И ничто къ нему не пристанетъ, никакая грязь! А ежели кто изъ-за угла и осудитъ его, такъ, по моему мнѣнію, такія осужденія даже въ расчетъ принимать не слѣдуетъ. Плюнуть на нихъ—и вся недолга!

— Въ сихъ случаяхъ христіанскія правила прощеніе преимущественнѣе рекомендуютъ!

— Ну, или простить! Я всегда такъ и дѣлаю: коли меня кто осуждаетъ, я его прощу да еще Богу за него помо-

Digitized by Google

люсь! И ему хорошо, что за него молитва до Бога дошла, да и мнѣ хорошо: помолился, да и забылъ!

— Вотъ это правило: ничто такъ не облегчаетъ души, какъ молитва. И скорби, и гнѣвъ, и даже болѣзнь—все отъ нея, какъ тьма нощная отъ солнца, бѣжитъ!

— Ну, вотъ и слава Богу! И всегда такъ вести себя нужно, чтобы жизнь наша, словно свѣча въ фонарѣ, вся со всѣхъ сторонъ видна была... и осуждать меньше будутъ—потому не за что! Вотъ хоть бы мы: посидѣли, поговорили, побесѣдовали—кто же можетъ насъ за это осудить? А теперь пойдемъ да Богу помолимся, а потомъ и баиньки. А завтра опять встанемъ... такъ ли, батюшка?

Іудушка всталъ и съ шумомъ отодвинулъ свой стулъ, въ знакъ окончанія собесѣдованія. Батюшка, съ своей стороны, тоже поднялся и занесъ-было руку для благословенія; но Порфирій Владимірычъ, въ видѣ особаго на сей разъ расположенія, поймалъ его руку и сжалъ ее въ обѣихъ своихъ.

— Такъ Владиміромъ, батюшка, назвали?—сказалъ онъ, печально качая головой въ сторону Евпраксеюшкиной комнаты.

— Въ честь святого и равноапостольнаго князя Владиміра, сударь.

— Ну, и слава Богу! Прислуга она усердная, вѣрная, а вотъ насчетъ ума—не взыщите! Оттого и впадаютъ онѣ... въ пре-лю-бо-дѣ-яніе!

Весь слѣдующій день Порфирій Владимірычъ не выходилъ изъ кабинета и молился, прося себѣ у Бога вразумленія. На третій день онъ вышелъ къ утреннему чаю не въ халатѣ, какъ обыкновенно, а одѣтый, по-праздничному, въ сюртукъ, какъ онъ всегда дѣлалъ, когда намѣревался приступить къ чему-нибудь рѣшительному. Лицо у него было блѣдно, но дышало душевнымъ просвѣтленіемъ; на губахъ играла блаженная улыбка; глаза смотрѣли ласково, какъ бы всепрощающе; кончикъ носа, вслѣдствіе молитвеннаго угобженія, слегка покраснѣлъ. Онъ молча выпилъ еще три стакана чаю и въ промежуткахъ, между глотками, шевелилъ губами, складывалъ руки и смотрѣлъ на образъ, какъ будто все еще, несмотря на вчерашній молитвенный трудъ, ожидалъ отъ него скорой помощи и предстательства. Наконецъ, пропустивъ послѣдній глотокъ, потребовалъ къ себѣ Улитушку и всталъ передъ образомъ, дабы еще разъ подкрѣпить себя божественнымъ собесѣдо-

Digitized by Google

ваніемъ, а въ то же время и Улитѣ наглядно показать, что то, что имѣетъ произойти вслѣдъ за симъ—дѣло не его, а Богово. Улитушка, впрочемъ, съ перваго же взгляда на лицо Іудушки поняла, что въ глубинѣ его души рѣшено предательство.

— Вотъ я и Богу помолился!—началъ Порфирій Владимірычъ, и въ знакъ покорности его святой волѣ опустилъ голову и развелъ руками.

— И распрекрасное дѣло!—отвѣтила Улитушка, но въ голосѣ ея звучала такая несомнѣнная проницательность, что Іудушка невольно поднялъ на нее глаза.

Она стояла передъ нимъ въ обыкновенной своей позѣ, одну руку положивъ поперекъ груди, другую—упершн въ подбородокъ; но по лицу ея такъ и свѣтились искорки смѣха. Порфирій Владимірычъ слегка покачалъ головой, въ знакъ христіанской укоризны.

— Небось, Богъ милости прислалъ?—продолжала Улитушка, не смущаясь предостерегательнымъ движеніемъ своего собесѣдника.

— Все-то ты кощунствуешь!—не выдержалъ Іудушка.—Сколько разъ я и лаской, и шуточкой старался тебя отъ этого остеречь, а ты все свое! Злой у тебя языкъ... ехидный!

— Ничего я, кажется... Обыкновенно, коли Богу помолились—значитъ, Богъ милости прислалъ!

— То-то вотъ «кажется»! А ты не все, что тебѣ «кажется», зря болтай; иной разъ и помолчать умѣй! Я объ дѣлѣ, а она «кажется»!

Улитушка только переступила съ ноги на ногу, вмѣсто отвѣта, какъ бы выражая этимъ движеніемъ, что все, что Порфирій Владимірычъ имѣетъ сказать ей, давнымъ-давно ей извѣстно и перезвѣстно.

— Ну, такъ слушай же ты меня!—началъ Іудушка.—Молился я Богу, и вчера молился, и сегодня, и все выходитъ, что какъ-никакъ, а надо намъ Володьку пристроить.

— Извѣстно, надо пристроить! Не щенокъ—въ болото не бросишь!

— Стой, погоди! Дай мнѣ слово сказать... язва ты, язва! Ну, такъ вотъ я и говорю: какъ-никакъ, а надо Володьку пристроить. Первое дѣло, Евпраксеюшку пожалѣть нужно, а второе дѣло—и его человѣкомъ сдѣлать.

Порфирій Владимірычъ взглянулъ на Улитушку, вѣроятно, ожидая, что вотъ-вотъ она вслась съ нимъ пока-

Digitized by Google

лякаетъ, но она отнеслась къ дѣлу совершенно просто и даже цинически.

— Мнѣ, что ли, въ воспитательный-то везти?—спросила она, смотря на него въ упоръ.

— Ахъ-ахъ!—вступился Іудушка:—ужъ ты и рѣшила... Тарантà Егоровна! Ахъ, Улитка, Улитка! все-то у тебя на умѣ прыгъ да шмыгъ! все бы тебѣ поболтать да поегозить! А почему ты знаешь: можетъ, я и не думаю объ воспитательномъ? Можетъ, я такъ... другое что-нибудь для Володьки придумалъ?

— Что-жъ, и другое что̀ —и въ этомъ худого нѣтъ!

— Вотъ я и говорю: хоть, съ одной стороны, и жалко Володьку, а съ другой стороны, коли поразсудить да поразмыслить—анъ выходитъ, что дома его держать намъ не приходится!

— Извѣстное дѣло! что̀ люди скажутъ? Скажутъ: откуда, молъ, въ головлевскомъ домѣ чужой мальчишечка проявился?

— И это, да еще и то: пользы для него никакой дома не будетъ. Мать молода—баловать будетъ; я, старый, хотя и съ боку-припёку, а за вѣрную службу матери... туда же, пожалуй! Нѣтъ-нѣтъ—да и снизойдешь. Гдѣ бы за проступокъ посѣчь малаго, а тутъ, за тѣмъ да за сѣмъ... Да и слёзъ бабьихъ да крику не оберешься—ну, и махнешь рукой! Такъ ли?

— Справедливо это. Надоѣстъ.

— А мнѣ хочется, чтобъ все у насъ хорошохонько было. Чтобъ изъ него, изъ Володьки-то, со временемъ настоящій человѣкъ вышелъ. И Богу слуга, и царю—подданный. Коли ежели Богъ его крестьянствомъ благословитъ, такъ чтобы землю работать умѣлъ... Косить тамъ, пахать, дрова рубить—всего чтобы понемножку. А ежели ему въ другое званіе судьба будетъ, такъ чтобы ремесло зналъ, науку... Оттуда, слышь, и въ учителя нѣкоторые попадаютъ!

— Изъ воспитательнаго-то? прямо генералами дѣлаютъ?

— Генералами не генералами, а все-таки... Можетъ, и знаменитый какой-нибудь человѣкъ изъ Володьки выйдетъ! А воспитываютъ ихъ тамъ—отлично! Это ужъ я самъ знаю! Кроватки чистенькія, мамки здоровенькія, рубашечки на дѣтушкахъ бѣленькія, рожочки, сосочки, пеленочки... словомъ, все!

— Чего лучше... для незаконныхъ!

— А ежели онъ и въ деревню въ питомцы попадетъ—что-жъ, и Христосъ съ нимъ! Къ трудамъ пріучаться съ

Digitized by Google

малолѣтства будетъ; а вѣдь трудъ—та же молитва! Вотъ мы—мы настоящимъ манеромъ молимся. Встанемъ передъ образомъ, крестное знаменіе творимъ, и ежели наша молитва угодна Богу, то онъ намъ подаетъ за нее! А мужичокъ—тотъ трудится! Иной и радъ бы настоящимъ манеромъ помолиться, да ему врядъ и въ праздникъ поспѣть. А Богъ, все-таки, видитъ его труды—за труды ему подаетъ, какъ намъ за молитву. Не всѣмъ въ палатахъ жить да по баламъ прыгать—надо кому-нибудь и въ избеночкѣ курненькой пожить, за землицей-матушкой походить да похолить ее! А счастье-то—еще бабушка на-двое сказала—гдѣ оно! Иной и въ палатахъ, и въ нѣженьи живетъ, да черезъ золото слезы льетъ, а другой и въ соломку зароется, хлѣбца съ кваскомъ покушаетъ, а на душѣ-то у него рай! Такъ, что ли, я говорю?

— Чего лучше, какъ рай на душѣ!

— Такъ мы вотъ какъ съ тобой, голубушка, сдѣлаемъ. Возьми-ка ты проказника Володьку, заверни его тепленько да уютненько, да и скатай съ нимъ живымъ манеромъ въ Москву. Кибиточку я распоряжусь снарядить для васъ крытенькую, лошадочекъ парочку прикажу заложить, а дорога у насъ теперь гладкая, ровная: ни ухабовъ, ни выбоинъ—кати да покатывай! Только ты у меня смотри, чтобъ все честь-честью было. По-моему, по-головлевски... какъ я люблю! Сбсочка чтобы чистенькая, рожочекъ... рубашеночекъ, простынекъ, свивальничковъ, пеленочекъ, одѣяльцевъ—всего чтобы вдоволь было. Бери! командуй! А не дадутъ, такъ меня, стараго, за бока бери—мнѣ жалуйся! А въ Москву пріѣдешь—на постояломъ остановись. Харчи тамъ, самоварчикъ, чайку—требуй! Ахъ, Володька, Володька! Вотъ грѣхъ какой случился! И жаль разстаться съ тобой, а дѣлать, братъ, нечего! Самъ послѣ пользу увидишь, самъ будешь благодарить!

Іудушка слегка воздѣлъ руками и потрепеталъ губами, въ знакъ умной молитвы. Но это не мѣшало ему исподлобья взглядывать на Улитушку и подмѣчать язвительныя мельканія, которыми подергивалось лицо ея.

— Ты что? Сказать что-нибудь хочешь? — спросилъ онъ ее.

— Ничего я. Извѣстно-молъ: будетъ благодарить, коли благодѣтелевъ своихъ отыщетъ.

— Ахъ, ты, дурная, дурная! Да развѣ мы безъ билета его туда отдадимъ! А ты билетецъ возьми! По билетцу-то

Digitized by Google

мы и сами его какъ разъ отыщемъ! Вотъ выхолятъ, выкормятъ, уму-разуму научатъ, а мы съ билетцемъ и тутъ какъ тутъ: пожалуйте молодца нашего, Володьку-проказника, назадъ! Съ билетцемъ-то мы его со дна морского выудимъ... Такъ ли я говорю?

Но Улитушка ничего не отвѣтила на вопросъ; только язвительныя мелькнія на лицѣ ея выступили еще рѣзче прежняго. Порфирій Владимірычъ не выдержалъ.

— Язва ты, язва!—сказалъ онъ.—Дьяволъ въ тебѣ сидитъ, чортъ... тьфу! тьфу! тьфу! Ну, будетъ. Завтра, чуть свѣтъ, возьмешь ты Володьку, да скорехонько, чтобъ Евпраксеюшка не слыхала, и отправляйтесь съ Богомъ въ Москву. Воспитательный-то знаешь?

— Важивала,—однословно отвѣтила Улитушка, какъ бы намекая на что-то въ прошломъ.

— А важивала—такъ тебѣ и книги въ руки. Сталобыть, и входы, и выходы—все должно быть тебѣ извѣстно. Смотри же, помѣсти его, да начальниковъ низенько попроси—вотъ такъ.

Порфирій Владимірычъ всталъ и поклонился, коснувшись рукою земли.

— Чтобъ ему хорошо тамъ было! Не какъ-нибудь, а настоящимъ бы манеромъ! Да билетецъ, билетецъ-то выправь. Не забудь! По билету мы его послѣ вездѣ отыщемъ! А на расходы я тебѣ двѣ двадцатипяти-рублевенькихъ отпущу. Знаю вѣдь я, все знаю! И тамъ сунуть придется, и въ другомъ мѣстѣ барашка въ бумажкѣ подарить... Ахти, грѣхи наши, грѣхи! Всѣ мы люди, всѣ человѣки, всѣ сладенькаго да хорошенькаго хотимъ! Вотъ и Володька нашъ! Кажется, великъ ли, и всего съ ноготокъ, а поди-ка, сколько ужъ денегъ стоитъ!

Сказавши это, Іудушка перекрестился и низенько поклонился Улитушкѣ, молчаливо рекомендуя ей не оставить проказника-Володьку своими попеченіями. Будущее приблудной семьи было устроено самымъ простымъ способомъ.

На другое утро послѣ этого разговора, покуда молодая мать металась въ жару и бреду, Порфирій Владимірычъ стоялъ передъ окномъ, въ столовой, шевелилъ губами и крестилъ стекло. Съ краснаго двора выѣзжала рогожная кибитка, увозившая Володьку. Вотъ она поднялась на горку, поровнялась съ церковью, повернула налѣво и скрылась въ

Digitized by Google

деревнѣ. Іудушка сотворилъ послѣднее крестное знаменіе и вздохнулъ:

«Вотъ батя намеднись про оттепель говорилъ,—сказалъ онъ самому себѣ:—анъ Богъ-то морозцу вмѣсто оттепели послалъ! Морозцу, да еще какого! Такъ-то и всегда съ нами бываетъ! Мечтаемъ мы, воздушные замки строимъ, умствуемъ, думаемъ и Бога самого перемудрить—а Богъ возьметъ да въ одну минуту все наше высокоуміе въ ничто обратитъ!»

VI.—Выморочный.

Агонія Іудушки началась съ того, что рессурсъ празднословія, которымъ онъ до сихъ поръ такъ охотно злоупотреблялъ, сталъ видимо сокращаться. Все вокругъ него опустѣло: одни—перемерли, другіе—ушли. Даже Аннинька, несмотря на жалкую будущность кочующей актрисы, не соблазнилась головлевскими привольями. Оставалась одна Евпраксеюшка, но независимо отъ того, что это былъ рессурсъ очень ограниченный, и въ ней произошла какая-то порча, которая не замедлила пробиться наружу и разъ навсегда убѣдить Іудушку, что красные дни прошли для него безвозвратно.

До сихъ поръ Евпраксеюшка была до такой степени беззащитна, что Порфирій Владимірычъ могъ угнетать ее безъ малѣйшихъ опасеній. Благодаря крайней неразвитости ума и врожденной дряблости характера, она даже не чувствовала этого угнетенія. Покуда Іудушка срамословилъ, она безучастно смотрѣла ему въ глаза и думала совсѣмъ о другомъ. Но теперь она вдругъ нѣчто поняла, и ближайшимъ результатомъ пробудившейся способности пониманія явилось внезапное, еще несознанное, но злое и непобѣдимое отвращеніе.

Очевидно, пребываніе въ Головлевѣ погорѣлковской барышни не прошло безслѣдно для Евпраксеюшки. Хотя послѣдняя и не могла дать себѣ отчета, какого рода боли вызвали въ ней случайные разговоры съ Анниньки, но внутренно она почувствовала себя совершенно взбудораженною. Прежде ей никогда не приходило въ голову спросить себя, зачѣмъ Порфирій Владимірычъ, какъ только встрѣтитъ живого человѣка, такъ тотчасъ же начинаетъ опутывать его цѣлою сѣтью словесныхъ обрывковъ, въ которыхъ ни за что уцѣпиться невозможно, но отъ которыхъ дѣлается невыносимо тяжело; теперь ей стало ясно,

Digitized by Google

что Іудушка, въ строгомъ смыслѣ не разговариваетъ, а «тиранитъ», и что, слѣдовательно, нелишне его «осадить», дать почувствовать, что и ему пришла пора «честь знать». И вотъ она начала вслушиваться въ его безконечныя словоизліянія, и дѣйствительно только одно въ нихъ и поняла: что Іудушка пристаетъ, досаждаетъ, зудитъ.

«Вотъ барышня говорила, будто онъ и самъ не знаетъ, зачѣмъ говоритъ,—разсуждала она сама съ собою:—нѣтъ, въ немъ это злость дѣйствуетъ! Знаетъ онъ, который человѣкъ противъ него защиты не имѣетъ—ну, и вертитъ имъ, какъ ему любо!»

Впрочемъ, это было еще второстепенное обстоятельство. Главнымъ образомъ дѣйствіе пріѣзда Аннинькн въ Головлево выразилось въ томъ, что онъ взбунтовалъ въ Евпраксеюшкѣ инстинкты ея молодости. До сихъ поръ эти инстинкты какъ-то тупо тлѣли въ ней; теперь—они горячо и привязчиво вспыхнули. Многое она поняла изъ того, къ чему прежде относилась совсѣмъ безучастно. Вотъ, напримѣръ: почему же нибудь да не согласилась Аннинька остаться въ Головлевѣ, такъ-таки напрямикъ и сказала: «страшно!» Почему такъ? А потому просто, что она молода, что ей «жить хочется». Вотъ и она, Евпраксеюшка, тоже молода... Да, молода! Это только такъ кажется, будто молодость въ ней жиромъ заплыла—нѣтъ, временемъ куда тоже шибко она сказывается. И зоветъ, и манитъ; то замретъ, то опять вспыхнетъ. Думала она, что и съ Іудушкой дѣло обойдется, а теперь вотъ... «Ахъ, ты, гнилушка старая! Ишь вѣдь, какъ обошелъ!» Хорошо бы теперича съ дружкомъ пожить, да съ настоящимъ, съ молоденькимъ! Обнялися бы, завалилися! Сталъ бы милый дружокъ цѣловать-миловать, ласковыя слова на ушко говорить: ишь, молъ, ты бѣлая да разсыпчатая! «Ахъ, кикимора проклятая, нашелъ вѣдь чѣмъ—костями своими старыми—прельстить! Смотри, чай, и у погорѣловской барышни молодчикъ есть! Безпремѣнно есть! То-то она подобрала хвосты да удрала. А тутъ вотъ сиди въ четырехъ стѣнахъ, жди, пока ему, старому, въ голову вступитъ!..»

Разумѣется, Евпраксеюшка не сразу заявила о своемъ бунтѣ, но, однажды вступивши на этотъ путь, уже не останавливалась. Отыскивала прицѣпки, припоминала прошлое, и между тѣмъ, какъ Іудушка даже не подозрѣвалъ, что внутри ея зрѣетъ какая-то темная работа, она молчаливо, но ежеминутно разжигала себя до ненависти. Сперва яви-

Digitized by Google

лись общія жалобы, въ родѣ: «чужой вѣкъ заѣлъ»; потомъ наступила очередь для сравненій. «Вотъ въ Мазулинѣ Палагеюшка у барина въ экономкахъ живетъ: сидитъ руки складши да въ шелковыхъ платьяхъ ходитъ. Ни она на скотный, ни на погребъ—сидитъ у себя въ покойчикѣ да бисеромъ вяжетъ!» И всѣ эти обиды и протесты заканчивались однимъ общимъ воплемъ:

«Ужъ какъ же у меня теперича противъ тебя, распостылаго, сердце разожглось! Ну, такъ разожглось! такъ разожглось!»

Къ этому главному поводу присоединился и еще одинъ, который былъ въ особенности тѣмъ дорогъ, что могъ послужить отличнѣйшею прицѣпкою для вступленія въ борьбу. А именно, воспоминаніе о родахъ и объ исчезновеніи сына Володьки.

Въ то время, когда произошло это исчезновеніе, Евпраксеюшка отнеслась къ этому факту какъ-то тупо. Порфирій Владимірычъ ограничился тѣмъ, что объявилъ ей объ отдачѣ новорожденнаго въ добрыя руки, а чтобъ утѣшить—подарилъ ей новый шалевый платокъ. Затѣмъ все опять заплыло и пошло по-старому. Евпраксеюшка даже рьянѣе прежняго окунулась въ тину хозяйственныхъ мелочей, словно хотѣла на нихъ сорвать неудавшееся свое материнство. Но продолжало ли потихоньку теплиться материнское чувство въ Евпраксеюшкѣ, или просто ей блажь въ голову вступила, во всякомъ случаѣ, воспоминаніе о Володькѣ вдругъ воскресло. И воскресло въ ту самую минуту, когда на Евпраксеюшку повѣяло чѣмъ-то новымъ, свободнымъ, вольнымъ, когда она почувствовала, что есть иная жизнь, сложившаяся совсѣмъ иначе, нежели въ стѣнахъ головлевскаго дома. Понятно, что придирка была слишкомъ хороша, чтобъ не воспользоваться ею.

«Ишь вѣдь что сдѣлалъ!—разжигала она себя:—робёнка огнялъ! Словно щенка въ омутѣ утопилъ!»

Мало-по-малу мысль эта овладѣла ею всецѣло. Она и сама повѣрила какому-то страстному желанію вновь соединиться съ ребенкомъ, и чѣмъ назойливѣе разгоралось это желаніе, тѣмъ больше и больше силы пріобрѣтала ея досада противъ Порфирія Владимірыча.

«По крайности, теперь хоть забава бы у меня была! Володя! Володюшка! рождной мой! Гдѣ-то ты? Чай, къ папевницѣ въ деревню спихнули! Ахъ, прокласти на васъ нѣтъ, господа вы проклятые! Надѣлаютъ робятъ, да и за-

Digitized by Google

бросятъ, какъ щенятъ, въ яму: никто, молъ, не спроситъ съ насъ! Лучше бы мнѣ въ ту пору ножомъ себя по горлу полыхнуть, нечѣмъ ему, охаверннку, надъ собой надругаться давать!»

Явилась ненависть, желаніе досадить, изгадить жизнь, извести: началась несноснѣйшая изъ всѣхъ войнъ — война придирокъ, поддразниваній, мелкихъ уколовъ. Но именно только такая война и могла сломить Порфирія Владимірыча.

Однажды, за утреннимъ чаемъ, Порфирій Владимірычъ былъ очень непріятно изумленъ. Обыкновенно онъ въ то время источалъ изъ себя цѣлыя массы словеснаго гноя, а Евпраксеюшка, съ блюдечкомъ чая въ рукѣ, молча внимала ему, зажавъ зубами кусокъ сахара и отъ времени до времени фыркая. И вдругъ, только что началъ онъ развивать мысль (къ чаю въ этотъ день былъ поданъ теплый, свѣжеиспеченный хлѣбъ), что хлѣбъ бываетъ разный: видимый, который мы *ѣдимъ* и черезъ это тѣло свое поддерживаемъ, и невидимый, духовный, который мы *вкушаемъ* и тѣмъ стяжаемъ себѣ душу, какъ Евпраксеюшка самымъ безцеремоннымъ образомъ перебила его разглагольствія.

— Сказываютъ, въ Мазулинѣ Палагеюшка хорошо живетъ! — начала она, обернувшись всѣмъ корпусомъ къ окну и развязно покачивая ногами, сложенными одна на другую.

Іудушка слегка вздрогнулъ отъ неожиданности, но на первый разъ, однако, не придалъ этому случаю особеннаго значенія.

— И ежели мы долго не ѣдимъ хлѣба видимаго,—продолжалъ онъ:—то чувствуемъ голодъ тѣлесный; если же продолжительное время не вкушаемъ хлѣба духовнаго...

— Палагеюшка, слышь, въ Мазулинѣ хорошо живетъ!— вновь перебила его Евпраксеюшка, и на этотъ разъ уже, очевидно, не-спроста.

Порфирій Владимірычъ вскинулъ на нее изумленные глаза, но все-таки воздержался отъ выговора, словно бы почуялъ что-то недоброе.

— А хорошо живетъ Палагеюшка—такъ и Христосъ съ ней!—кротко молвилъ онъ въ отвѣтъ.

— Ейный-то господинъ,—продолжала колобродить Евпраксеюшка:—никакихъ непріятностевъ ей не дѣлаетъ, ни

Digitized by Google

работой не принуждаетъ, а между прочимъ завсе въ шолковыхъ платьяхъ водитъ.

Изумленіе Порфирія Владимірыча росло. Рѣчи Евпраксеюшки были до такой степени ни съ чѣмъ несообразны, что онъ даже не нашелся, что̀ предпринять въ данномъ случаѣ.

— И на всякій день у нея платья разныя,— словно во снѣ бредила Евпраксеюшка:—на-сегодня одно, на-завтра — другое, а на праздникъ—особенное. И въ церкву въ коляскѣ четверней ѣздятъ: сперва она, потомъ господинъ. А попъ, какъ увидитъ коляску, трезвонить начинаетъ. А потомъ она у себя въ своей комнатѣ сидитъ. Коли господину желательно съ ней время провести — господина у себя принимаетъ, а не то такъ съ дѣвушкой, съ горничной ейной, разговариваетъ или бисеромъ вяжетъ!

— Ну, такъ что-жъ?—очнулся, наконецъ, Порфирій Владимірычъ.

— Объ томъ-то я и говорю, что Палагеюшкино житье очень ужъ хорошо!

— А твое, небось, хуже житье? Ахъ-ахъ-ахъ, какая ты, однакожъ... ненасытная!

Смолчи на этотъ разъ Евпраксеюшка — Порфирій Владимірычъ, конечно, разразился бы цѣлымъ потокомъ бездѣльныхъ словъ, въ которомъ безслѣдно потонули бы всѣ дурацкіе намеки, возмутившіе правильное теченіе его празднословія. Но Евпраксеюшка, повидимому, и намѣренія не имѣла молчать.

— Что говорить! — огрызнулась она: — и мое житье не худое! Въ затрапезахъ не хожу, и то слава те, Господи! Въ прошломъ году за два ситцевыхъ платья по пяти рублей отдали... расшиблись!

— А шерстяное-то платье позабыла? А платокъ-то недавно кому купили? Ахъ-ахъ-ахъ!

Вмѣсто отвѣта Евпраксеюшка уперлась въ столъ рукой, въ которой держала блюдечко, и метнула въ сторону Іудушки косой взглядъ, исполненный такого глубокаго презрѣнія, что ему съ непривычки сдѣлалось жутко.

— А ты знаешь ли, какъ Богъ за неблагодарность-то наказываетъ?—какъ-то нерѣшительно залепеталъ онъ, надѣясь, что хоть напоминаніе о Богѣ сколько-нибудь образумитъ неизвѣстно съ чего взбаломутившуюся бабу. Но Евпраксеюшка не только не пронялась этимъ напоминаніемъ, но тутъ же на первыхъ словахъ оборвала его.

Digitized by Google

— Нечего, нечего зубы-то заговаривать! Нечего на Бога указывать!—сказала она:—не маленькая! Будетъ! Повластвовали! потиранили!

Порфирій Владимірычъ замолчалъ. Налитой стаканъ съ чаемъ стоялъ передъ нимъ почти остывшій, но онъ даже не притрогивался къ нему. Лицо его поблѣднѣло, губы слегка вздрагивали, какъ бы усиливаясь сложиться въ усмѣшку, но безъ успѣха.

— А вѣдь это—Анюткины штуки! Это она, ехидная, натравила тебя! — наконецъ, произнесъ онъ, самъ, впрочемъ, не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ, что говоритъ.

— Какія же это штуки?

— Да вотъ, что ты разговаривать-то со мной начала... Она, она научила! Некому другому, какъ ей!—волновался Порфирій Владимірычъ.—Смотритка-те, ни съ того, ни съ сего, вдругъ шолковыхъ платьевъ захотѣлось! Да ты знаешь ли, безстыдница, кто изъ вашего званья въ шолковыхъ-то платьяхъ ходитъ?

— Скажите, такъ буду знать!

— Да просто самыя... ну, самыя безпутныя—тѣ только ходятъ!

Но Евпраксеюшка даже этимъ не усовѣстилась, но, напротивъ того, съ какою-то наглою резонностью отвѣтила:

— Не знаю, почему онѣ безпутныя... Извѣстно, господа требуютъ... Который господинъ нашу сестру на любовь съ собой склонилъ... ну, и живетъ она, значитъ... съ имъ! И мы съ вами не молебны, чай, служимъ, а тѣмъ же, чѣмъ и мазулинскій баринъ, занимаемся.

— Ахъ, ты... тьфу! тьфу! тьфу!

Порфирій Владимірычъ даже помертвѣлъ отъ неожиданности. Онъ смотрѣлъ во всѣ глаза на взбунтовавшуюся наперсницу, и цѣлая масса праздныхъ словъ такъ и закипала у него въ груди. Но въ первый разъ въ жизни онъ смутно заподозрилъ, что бываютъ случаи, когда и праздными словомъ убить человѣка нельзя.

— Ну, голубушка, съ тобой, я вижу, сегодня не сговорить!—сказалъ онъ, вставая изъ-за стола.

— И сегодня не сговорите, и завтра не сговорите... никогда! Будетъ! Повластвовали! Наслушалась я довольно; послушайте теперь вы, каковы мои слова будутъ!

Порфирій Владимірычъ бросился-было на нее съ сжатыми кулаками, но она такъ рѣшительно выпятила впередъ свою грудь, что онъ внезапно опѣшилъ. Оборотился лицомъ

Digitized by Google

къ образу, воздѣлъ руки, потрепеталъ губами и тихимъ шагомъ побрелъ въ кабинетъ.

Весь этотъ день ему было не по себѣ. Онъ еще не имѣлъ опредѣленныхъ опасеній за будущее, но уже одно то волновало его, что случился такой фактъ, который совсѣмъ не входилъ въ обычное распредѣленіе его дня, и что фактъ этотъ прошелъ безнаказанно. Даже къ обѣду онъ не вышелъ, а притворился больнымъ и скромненько, притворно ослабѣвшимъ голосомъ, попросилъ принести ему поѣсть въ кабинетъ.

Вечеромъ, послѣ чаю, который, въ первый разъ въ жизни, прошелъ совершенно безмолвно, онъ всталъ, по обыкновенію, на молитву; но напрасно губы его шептали обычное послѣдованіе на сонъ грядущимъ: возбужденная мысль даже внѣшнимъ образомъ отказывалась слѣдить за молитвой. Какое-то дрянное, но неотступное безпокойство овладѣло всѣмъ его существомъ, а ухо невольно прислушивалось къ слабѣющимъ отголоскамъ дня, еще раздававшимся то тамъ, то сямъ, въ разныхъ углахъ головлевскаго дома. Наконецъ, когда пронесся гдѣ-то за стѣной послѣдній отчаянный зѣвокъ и вслѣдъ затѣмъ все вдругъ стихло, словно окунулось куда-то глубоко на дно, онъ не выдержалъ. Безшумно крадучись, побрелъ онъ вдоль коридора и, подойдя къ Евпраксеюшкиной комнатѣ, приложилъ къ двери ухо, чтобъ подслушать. Евпраксеюшка была одна, и слышно было только, какъ она, зѣвая, произноситъ: «Господи! Спасъ милостивый! Усопленья Матушка!» и въ то же время горстью чешетъ себѣ поясницу. Порфирій Владимірычъ попробовалъ взяться за ручку двери замка, но дверь была заперта.

— Евпраксеюшка, ты здѣсь?—окликнулъ онъ.

— Здѣсь, да не про васъ!—огрызнулась она такъ грубо, что Іудушкѣ оставалось молча отретироваться въ кабинетъ.

На другой день послѣдовалъ другой разговоръ. Евпраксеюшка, какъ нарочно, выбирала время утренняго чая для уязвленія Порфирія Владимірыча. Словно она чутьемъ чуяла, что всѣ его бездѣльничества распредѣлены съ такою точностью, что нарушенное утро причиняло безпокойство и боль уже на цѣлый день.

— Посмотрѣла бы я, хоть бы глазкомъ бы полюбовалась, какъ нѣкоторые люди живутъ! — начала она какъ-то загадочно.

Порфирія Владимірыча всего передернуло.

Digitized by Google

«Начинается!» — подумалъ онъ, но смолчалъ и ждалъ, что дальше будетъ.

— Право, съ дружкомъ съ милымъ да съ молоденькимъ! Ходятъ по комнатамъ парочкой да другъ на дружку любуются! Ни онъ словомъ браннымъ ее не попрекнетъ, ни она противъ его. «Душенька моя» да «другъ мой»—только и разговора у нихъ! Мило, благородно!

Эта матерія была особенно ненавистна для Порфирія Владимірыча. Хотя онъ и допускалъ прелюбодѣяніе въ размѣрахъ строгой необходимости, но все-таки считалъ любовное времяпровожденіе бѣсовскимъ искушеніемъ. Однако, онъ и на этотъ разъ смалодушничалъ, тѣмъ больше, что ему хотѣлось чаю, который ужъ нѣсколько минутъ прѣлъ на канфоркѣ, а Евпраксеюшка и не думала наливать его.

— Конечно, изъ нашей сестры много глупыхъ бываетъ,— продолжала она, нахально раскачиваясь на стулѣ и барабаня рукой по столу:—иную такъ осѣтитъ, что она изъ-за ситцеваго платья на все готова, а другая и просто, безо всего, себя потеряетъ!.. Квасу, говоритъ, огурцовъ, пей-ѣшь сколько хочется! Нашли, чѣмъ прельстить!

— Такъ неужто-жъ изъ-за интереса одного...—рискнулъ робко замѣтить Порфирій Владимірычъ, слѣдя глазами за чайникомъ, изъ котораго уже начиналъ валить паръ.

— Кто говоритъ: изъ-за интереса изъ-за одного? Ужъ не я-ль интересанкой сдѣлалась!—вдругъ кинулась въ сторону Евпраксеюшка:—куска, видно, стало жалко! Кускомъ попрекать стали!

— Я не попрекаю, а такъ говорю: не изъ одного, говорю, интереса люди...

— То-то «говорю»! Вы говорите, да не заговаривайтесь! Ишь ты, изъ интересу я служу! А позвольте спросить, какой такой интересъ я у васъ нашла? Окромя квасу да огурцовъ...

— Ну, не одинъ квасъ да огурцы... — не удержался, увлекся, въ свою очередь, Порфирій Владимірычъ.

— Что-жъ, сказывайте, сказывайте, что еще?

— А кто къ Николѣ каждый мѣсяцъ четыре мѣшка муки посылаетъ?

— Ну-съ, четыре мѣшка? Еще чего нѣтъ ли?

— Крупъ, масла постнаго... словомъ, всего...

— Ну, крупъ, масла постнаго... ужъ для родителевъ-то жалко стало! Ахъ, вы!

— Я не говорю, что жалко, а вотъ ты...

Digitized by Google

— Я же виновата сдѣлалась! Мнѣ куска безъ попрёковъ съѣсть не дадутъ, да я же виновата состою!

Евпраксеюшка не выдержала и залилась слезами. А чай между тѣмъ прѣлъ да прѣлъ на канфоркѣ, такъ что Порфирій Владимірычъ не на шутку встревожился. Поэтому онъ перемогъ себя, тихонько подсѣлъ къ Евпраксеюшкѣ и потрепалъ ее по спинѣ.

— Ну, добро, наливай-ка чай... чего разрюмилась!

Но Евпраксеюшка еще раза два-три всхлипнула, надула губы и уперлась мутными глазами въ пространство.

— Вотъ ты сейчасъ объ молоденькихъ говорила,—продолжалъ онъ, стараясь придать своему голосу ласкающую интонацію: — что-жъ, вѣдь и мы тово... не перестарки, чай, тоже!

— Нашли чего! Отстаньте отъ меня!

— Право-ну! Да я... знаешь ли ты... когда я въ департаментѣ служилъ, такъ за меня директоръ дочь свою выдать хотѣлъ!

— Протухлая, видно, была... кособокая какая-нибудь!

— Нѣтъ, какъ слѣдуетъ дѣвица... А какъ она «*Не шей ты мнѣ, матушка*» пѣла! Такъ пѣла! такъ пѣла!

— Она-то пѣла, да подпѣватель-то былъ плохой!

— Нѣтъ, я, кажется...

Порфирій Владимірычъ недоумѣвалъ. Онъ не прочь былъ даже поподличать, показать, что и онъ можетъ въ парочкѣ пройтись. Въ этихъ видахъ онъ началъ какъ-то нелѣпо раскачиваться всѣмъ корпусомъ и даже покусился обнять Евпраксеюшку за талію; но она грубо уклонилась отъ его протянутыхъ рукъ и сердито крикнула:

— Говорю честью: уйди, домовой! Не то кипяткомъ ошпарю! И чаю мнѣ вашего не надо! Ничего не надо! Ишь что вздумали — кускомъ попрекать начали! Уйду я отсюда! вотъ те Христосъ, уйду!

И она дѣйствительно ушла, хлопнувъ дверью и оставивъ Порфирія Владимірыча одного въ столовой.

Іудушка былъ совсѣмъ озадаченъ. Онъ началъ-было самъ наливать себѣ чай, но руки его до того дрожали, что потребовалась помощь лакея.

«Нѣтъ, этакъ нельзя! Надо какъ-нибудь это устроить... сообразить!»— шепталъ онъ, въ волненіи расхаживая взадъ и впередъ по столовой.

Но именно ни «устроить», ни «сообразить» онъ ничего не былъ въ состояніи. Мысль его до того привыкла пере-

Digitized by Google

скакивать отъ одного фантастическаго предмета къ другому, нигдѣ не встрѣчая затрудненій, что самый простой фактъ обыденной дѣятельности заставалъ его врасплохъ. Едва начиналъ онъ «соображать», какъ цѣлая масса пустяковъ обступала его со всѣхъ сторонъ и закрывала для мысли всякій просвѣтъ на дѣйствительную жизнь. Лѣнь какая-то обуяла его, общая умственная и нравственная анемія. Такъ и тянуло его прочь отъ дѣйствительной жизни на мягкое ложе призраковъ, которые онъ могъ переставливать съ мѣста на мѣсто, одни пропускать, другіе выдвигать, словомъ,—распоряжаться, какъ ему хочется.

И опять цѣлый день провелъ онъ въ полномъ одиночествѣ, потому что Евпраксеюшка на этотъ разъ уже ни къ обѣду, ни къ вечернему чаю не явилась, а ушла на цѣлый день на село къ попу въ гости и возвратилась только поздно вечеромъ. Даже заняться ничѣмъ онъ не могъ, потому что и пустяки на время какъ будто оставили его. Одна безвыходная мысль тиранила: «надо какъ-нибудь устроить, надо!» Ни праздныхъ выкладокъ онъ не могъ дѣлать, ни стоять на молитвѣ. Онъ чувствовалъ, что къ нему приступаетъ какой-то недугъ, котораго онъ покуда еще не можетъ опредѣлить. Не разъ останавливался онъ передъ окномъ, думая къ чему-нибудь приковать колеблющуюся мысль, чѣмъ-нибудь развлечь себя, и все напрасно. На дворѣ начиналась весна, но деревья стояли голыя, даже свѣжей травы еще не показывалось. Вдали виднѣлись черныя поля, по мѣстамъ испещренныя бѣлыми пятнами снѣга, еще державшагося въ низкихъ мѣстахъ и ложбинахъ. Дорога сплошь чернѣла грязью и сверкала лужами. Но все это представлялось ему словно сквозь сѣтку. Около мокрыхъ службъ царствовало полнѣйшее безлюдье, хотя вездѣ всѣ двери были настежь; въ домѣ тоже никого докликаться было нельзя, хотя до слуха безпрестанно долетали какіе-то звуки, въ родѣ отдаленнаго хлопанья дверьми. Вотъ бы теперь невидимкой оборотиться хорошо, да подслушать, что о немъ хамово отродье говоритъ! Понимаютъ ли подлецы его милости, или, можетъ-быть, за его же добро да его же судачатъ? Вѣдь имъ хоть съ утра до вечера въ хайло-то пихай—все мало, все какъ съ гуся вода! Давно ли, кажется, новую кадку съ огурцами начали, а ужъ... Но только что онъ началъ забываться на этой мысли, только что начиналъ соображать, сколько въ кадкѣ можетъ быть огурцовъ и сколько слѣдуетъ, при самомъ широкомъ

Digitized by Google

расчетѣ, положитъ огурцовъ на человѣка, какъ опять въ головѣ мелькнулъ лучъ дѣйствительности и разомъ перевернулъ вверхъ дномъ всѣ его расчеты.

«Ишь ты, вѣдь! даже не спросилась—ушла!»—думалось ему, покуда глаза бродили въ пространствѣ, усиливаясь различить поповскій домъ, въ которомъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ эту минуту соловьемъ разливалась Евпраксеюшка.

Но вотъ и обѣдъ подали; Порфирій Владимірычъ сидитъ за столомъ одинъ и какъ-то вяло хлебаетъ пустой супъ (онъ терпѣть не могъ супъ безъ ничего, но *она* сегодня нарочно велѣла именно такой сварить).

«Чай, и попу-то до смерти тошно, что она къ нему напросилась!—думается ему:—все же лишній кусокъ подать надо! И щецъ, и кашки... а для гостьи, пожалуй, и жарковца какого-нибудь»...

Опять фантазія его разыгрывается; опять онъ начинаетъ забываться, словно его сонъ заводитъ. Сколько лишнихъ ложекъ щецъ пойдетъ? сколько кашки? и что попъ съ попадьей говорятъ по случаю прихода Евпраксеюшки? какъ они промежду себя ругаютъ ее... Все это — и кушанья, и рѣчи—такъ и мечется у него, словно живое передъ глазами.

«Поди, изъ чашки такъ всѣ вмѣстѣ и хлебаютъ!.. Ушла! сумѣла, гдѣ себѣ найти лакомство! На дворѣ слякоть, грязь—долго ли до бѣды! Придетъ ужо, хвосты обтрепанные принесетъ... Ахъ, ты, гадина! именно гадина! Да, надо, надобно какъ-нибудь»...

На этой фразѣ мысль неизмѣнно обрывалась. Послѣ обѣда легъ онъ по обыкновенію заснуть, но только измучился, проворочавшись съ боку на бокъ. Евпраксеюшка пришла домой ужъ тогда, когда стемнѣло, и такъ прокралась въ свой уголъ, что онъ и не замѣтилъ. Приказывалъ онъ людямъ, чтобъ непремѣнно его предупредили, когда она воротится; но и люди, словно стакнулись, смолчали. Попробовалъ онъ опять толкнуться къ ней въ комнату, но и на этотъ разъ нашелъ дверь запертою.

На третій день, утромъ, Евпраксеюшка хотя и явилась къ чаю, но заговорила еще грознѣе и шибче.

— Гдѣ-то Володюшка мой теперь? — начала она, притворно давая своему голосу слезливый тонъ.

Порфирій Владимірычъ совсѣмъ помертвѣлъ при этомъ вопросѣ.

— Хоть бы глазкомъ на него взглянула, какъ онъ, ро-

Digitized by Google

димый, тамъ мается! А то, пожалуй, и померъ ужъ... право!

Іудушка трепетно шевелилъ губами, шепча молитву.

— У насъ все не какъ у людей! Вотъ у мазулинскаго господина Палагеюшка дочку родила — сейчасъ ее въ батистъ-дикосъ нарядили, постельку розовенькую для нея устроили... Одной мамки сколько сарафановъ да кокошниковъ надарили! А у насъ... э-эхъ... вы!

Евпраксеюшка круто повернула голову къ окну и шумно вздохнула.

— Правду говорятъ, что всѣ господа проклятые! Народятъ дѣтей—и забросятъ въ болото, словно щенятъ! И горюшка имъ мало! И отвѣта ни передъ кѣмъ не дадутъ, словно и Бога на нихъ нѣтъ! Волкъ—и тотъ этого не сдѣлаетъ!

У Порфирія Владимірыча такъ и вертѣлось все нутро. Онъ долго перемогалъ себя, но, наконецъ, не выдержалъ и процѣдилъ сквозь зубы:

— Однако... новыя моды у тебя завелись! Ужъ третій день сряду я твои разговоры слушаю!

— Что-жъ, и моды! Моды — такъ моды, не все вамъ однимъ говорить—можно, чай, и другимъ слово вымолвить! Право-ну! Ребенка прижили—и что съ нимъ сдѣлали! Въ деревнѣ, чай, у бабы въ избѣ сгноили! Ни призору за нимъ, ни пищи, ни одежи... лежитъ, поди, въ грязи да сѣску прокислую сосетъ!

Она прослезилась и концомъ шейнаго платка утерла глаза.

— Вотъ ужъ правду погорѣловская барышня сказала что страшно съ вами. Страшно и есть. Ни удовольствія, ни радости, однѣ только каверзы... Въ тюрьмѣ арестанты лучше живутъ. По крайности, если-бъ у меня тепереча ребенокъ былъ—все бы я забаву какую-ни-на-есть видѣла. А то натко! былъ ребенокъ—и того отняли.

Порфирій Владимірычъ сидѣлъ на мѣстѣ и какъ-то мучительно моталъ головой, точно его и въ самомъ дѣлѣ къ стѣнѣ прижали. По временамъ изъ груди его даже вырывались стоны.

— Ахъ, тяжело!—наконецъ, произнесъ онъ.

— Нечего «тяжело»! Сама себя раба бьетъ, коли плохо жнетъ! Право, съѣзжу я въ Москву, хоть глазкомъ на Володьку взгляну! Володька! Володенька! ми-и-и-лый! Баринъ! съѣзжу-ка, что ли, я въ Москву?

— Не зачѣмъ!—глухо отозвался Порфирій Владимірычъ.

Digitized by Google

— Анъ, съѣзжу! и не спрошусь ни у кого, и никто запретитъ мнѣ не можетъ! Потому я—мать!

— Какая ты мать! Ты дѣвка гулящая—вотъ ты кто!— разразился, наконецъ, Порфирій Владимірычъ.—Сказывай, что тебѣ отъ меня надобно?

Къ этому вопросу Евпраксеюшка, повидимому, не приготовилась. Она уставилась въ Іудушку глазами и молчала, словно размышляя, что ей въ самомъ дѣлѣ надобно.

— Вотъ какъ, ужъ дѣвкой гулящей звать стали! — вскрикнула она, заливаясь слезами.

— Да! дѣвка гулящая! дѣвка, дѣвка! тьфу! тьфу! тьфу!

Порфирій Владимірычъ окончательно вышелъ изъ себя, вскочилъ съ мѣста и почти бѣгомъ выбѣжалъ изъ столовой.

Это была послѣдняя вспышка энергіи, которую онъ позволилъ себѣ. Затѣмъ онъ какъ-то быстро осунулся, отупѣлъ и струсилъ, тогда какъ приставаньямъ Евпраксеюшки и конца не было видно. У нея была въ распоряженіи громадная сила — упорство тупоумія, и такъ какъ эта сила постоянно била въ одну точку: досадить, изгадить, то по временамъ она являлась чѣмъ-то страшнымъ. Мало-помалу арена столовой сдѣлалась недостаточною для нея; она врывалась въ кабинетъ и тамъ настигала Іудушку (прежде она и подумать не посмѣла бы войти туда, когда баринъ «занятъ»). Придетъ, сядетъ къ окну, упрется посоловѣлыми глазами въ пространство, почешется лопатками о косякъ и начнетъ колобродить. Въ особенности же пришлась ей по сердцу одна тема для разговоровъ—тема, въ основаніи которой лежала угроза оставить Головлево. Въ сущности она никогда серьезно объ этомъ не думала и даже была бы очень изумлена, если-бъ ей вдругъ предложили возвратиться въ родительскій домъ; но она догадывалась, что Порфирій Владимірычъ пуще всего боится, чтобъ она не ушла. Приговаривалась она къ этому предмету всегда помаленьку, окольными путями. Помолчитъ, почешетъ въ ухѣ и вдругъ словно бы что вспомнитъ.

— Сегодня, у Николы, поди, блины пекутъ!

Порфирій Владимірычъ при этомъ вступленіи зеленѣетъ отъ злости. Передъ этимъ онъ только что началъ очень сложное вычисленіе—на какую сумму онъ можетъ продать въ годъ молока, ежели всѣ коровы въ округѣ примрутъ, а у него одного, съ Божьею помощью, не только останутся невредимы, но даже будутъ давать молока противъ прежняго вдвое. Однако, въ виду прихода Евпраксеюшки и по-

Digitized by Google

ставленнаго ею вопроса о блинахъ, онъ оставляетъ свою работу и даже усиливается улыбнуться.

— Отчего же тамъ блины пекутъ? — спрашиваетъ онъ, осклабляясь всѣмъ лицомъ своимъ.—Ахъ, батюшки, да вѣдь и въ самомъ дѣлѣ родительская сегодня! А я-то, ротозѣй, и позабылъ! Ахъ, грѣхъ какой, маменьку-то покойницу и помянуть будетъ нечѣмъ!

— Поѣла бы я блинковъ... родительскихъ!

— А кто-жъ тебѣ не велитъ! распорядись! Кухарку Марьюшку за бока, а не то такъ Улитушку! Ахъ, хорошо Улита блины печетъ!

— Можетъ, она и другимъ чѣмъ на васъ потрафила?— язвитъ Евпраксеюшка.

— Нѣтъ, грѣхъ сказать, хорошо, даже очень хорошо Улитка блины печетъ! Легкіе, мягкіе—ай, поѣшь!

Порфирій Владимірычъ хочетъ шуточкой да смѣшкомъ развлечь Евпраксеюшку

— Поѣла бы я блиновъ, да не головлевскихъ, а родительскихъ!- -кобянится она.

— И за этимъ у насъ дѣло не станетъ! Архипушку-кучера за бока, вели парочку лошадушекъ заложить, кати себѣ да покатывай!

— Нѣтъ ужъ! что ужъ! попалась птица въ западню... сама глупа была! Кому меня, этакую-то, нужно? Сами гулящей дѣвкой недавно назвали... чего ужъ!

— Ахъ-ахъ-ахъ! и не стыдно тебѣ напраслину на меня говорить! А ты знаешь ли, какъ Богъ-то за напраслину наказываетъ?

— Назвали! прямо-таки гулящей и назвали! Вотъ и образъ тутъ: при немъ, при Батюшкѣ! Ахъ, распотылое мнѣ это Головлево! Сбѣгу я отсюда, право, сбѣгу!

Говоря это, Евпраксеюшка ведетъ себя совершенно непринужденно: раскачивается на стулѣ, копается въ носу, почесывается. Очевидно, она разыгрываетъ комедію, дразнитъ.

— Я, Порфирій Владимірычъ, вамъ что-то хотѣла сказать,— продолжаетъ она колобродить:—вѣдь мнѣ домой надобно!

— Погостить, что ли, къ отцу съ матерью собралась?

— Нѣтъ, я совсѣмъ. Останусь, значитъ, у Николы.

— Что такъ? Обидѣлась чѣмъ-нибудь?

— Нѣтъ, не обидѣлась, а такъ... надо же когда-нибудь... Да и скучно у васъ... инда страшно! Въ домѣ-то словно все вымерло! Людишки — вольница, все по кухнямъ да по

Digitized by Google

людскимъ прячутся: сиди въ цѣломъ домѣ одна: еще зарѣжутъ, того гляди! Ночью спать ляжешь изо всѣхъ угловъ шопоты ползутъ!

Однако, проходили дни за днями, а Евпраксеюшка и не думала приводить въ исполненіе свою угрозу. Тѣмъ не менѣе, дѣйствіе этой угрозы на Порфирія Владимірыча было очень рѣшительное. Онъ вдругъ какъ-то понялъ, что, несмотря на то, что съ утра до вечера изнывалъ въ такъ-называемыхъ трудахъ, онъ, собственно говоря, ровно ничего не дѣлалъ и могъ бы остаться безъ обѣда, не имѣть ни чистаго бѣлья, ни исправнаго платья, если-бъ не было чьего-то глаза, который смотрѣлъ за тѣмъ, чтобъ его домашній обиходъ не прерывался. До сихъ поръ онъ какъ бы не чувствовалъ жизни, не понималъ, что она имѣетъ какую-то обстановку, которая созидается не сама собой. Весь его день шелъ однажды заведенныхъ порядкомъ: все въ домѣ группировалось лично около него и ради него; все дѣлалось въ свое время, всякая вещь находилась на своемъ мѣстѣ—словомъ сказать, вездѣ царствовала такая неизмѣнная точность, что онъ даже не придавалъ ей никакого значенія. Благодаря этому порядку вещей, онъ могъ на всей своей волѣ предаваться и празднословію, и праздномыслію, не опасаясь, чтобы уколы дѣйствительной жизни когда-нибудь вывели его на свѣжую воду. Правда, что вся эта искусственная махинація держалась на волоскѣ; но человѣку, постоянно погруженному въ самого себя, не могло и въ голову придти, что этотъ волосокъ есть нѣчто очень тонкое, легко рвущееся. Ему казалось, что жизнь установилась прочно, навсегда... И вдругъ все это должно рушиться въ одинъ мигъ, по одному дурацкому слову: «нѣтъ ужъ! что ужъ! уйду!» Іудушка совершенно растерялся. «Что, ежели она въ самомъ дѣлѣ уйдетъ?»—думалось ему. И онъ мысленно начиналъ строить всевозможныя нелѣпыя комбинаціи, съ цѣлью какъ-нибудь удержать ее, и даже рѣшался на такія уступки въ пользу бунтующей Евпраксеюшкиной младости, которыя ему никогда бы прежде и въ голову не пришли.

— Тьфу! тьфу! тьфу!—отплевывался онъ, когда возможность столкновенія съ кучеромъ Архипушкой или съ конторщикомъ Игнатомъ представлялась ему во всей обидной наготѣ своей.

Скоро, однакожъ, онъ убѣдился, что страхъ его насчетъ ухода Евпраксеюшки былъ по малой мѣрѣ неоснователенъ,

Digitized by Google

и вслѣдъ затѣмъ существованіе его какъ-то круто вступило въ новый и совершенно для него неожиданный фазисъ. Евпраксеюшка не уходила, но даже замѣтно пріутихла съ своими приставаніями. Взамѣнъ того, она совершенно бросила Порфирія Владимірыча. Наступалъ май, пришли красные дни, и она ужъ почти совсѣмъ не являлась въ домъ. Только по постоянному хлопанью дверей Іудушка догадывался, что она за чѣмъ-нибудь прибѣжала къ себѣ въ комнату, съ тѣмъ, чтобы вслѣдъ затѣмъ опять исчезнуть. Вставая утромъ, онъ не находилъ на обычномъ мѣстѣ своего платья и долженъ былъ вести продолжительные переговоры, чтобы получить чистое бѣлье, чай и обѣдъ ему подавали то спозаранку, то слишкомъ поздно, при чемъ прислуживалъ полупьяный лакей Прохоръ, который являлся къ столу въ запятнанномъ сюртукѣ и отъ котораго вѣчно воняло какою-то противною смѣсью рыбы и водки.

Тѣмъ не менѣе, Порфирій Владимірычъ ужъ и тому былъ радъ, что Евпраксеюшка оставляла его въ покоѣ. Онъ примирялся даже съ безпорядкомъ, лишь бы знать, что въ домѣ все-таки есть нѣкто, кто этотъ безпорядокъ держитъ въ своихъ рукахъ. Его страшила не столько безурядица, сколько мысль о необходимости личнаго вмѣшательства въ обстановку жизни. Съ ужасомъ представлялъ онъ себѣ, что можетъ наступить минута, когда ему самому придется распоряжаться, приказывать, надсматривать. Въ предвидѣніи этой минуты онъ старался подавить въ себѣ всякій протестъ, закрывалъ глаза на наступавшее въ домѣ безначаліе, ступевывался, молчалъ. А на барскомъ дворѣ, между тѣмъ, шла ежедневная открытая гульба. Съ наступленіемъ тепла головлевская усадьба, дотолѣ степенная и даже угрюмая, оживилась. Вечеромъ все населеніе дворовыхъ, и заштатные, и состоящіе на дѣйствительной службѣ, и старъ, и младъ — все высыпало на улицу. Пѣли пѣсни, играли на гармоникѣ, хохотали, взвизгивали, бѣгали въ горѣлки. На Игнатѣ-конторщикѣ появилась ярко-красная рубаха и какая-то неслаханно-узенькая жакетка, борты которой совсѣмъ не закрывали его молодецки-выпяченной груди; Архипъ-кучеръ самовольно завладѣлъ выѣздною шелковой рубашкой и плисовой безрукавкой и очевидно соперничалъ съ Игнатомъ въ планахъ насчетъ сердца Евпраксеюшки. Евпраксеюшка бѣгала между ними и, словно шальная, кидалась то къ одному, то къ другому. Порфирій Влади-

Digitized by Google

мірычъ боялся взглянуть въ окно, чтобъ не сдѣлаться свидѣтелемъ любовной сцены, но не слышать не могъ. По временамъ въ ушахъ его раздавался звукъ полновѣснаго удара: это кучеръ Архипушка всей пятерней далъ раза Евпраксеюшкѣ, гоняясь за нею въ горѣлкахъ (и она не разсердилась, а только присѣла слегка); по временамъ до него доносился разговоръ.

— Евпраксея Никитишна! а Евпраксея Никитишка! — взываетъ пьяненькій Прохоръ съ барскаго крыльца.

— Чего надобно?

— Ключъ отъ чаю пожалуйте, баринъ чаю просятъ!

— Подождетъ... кикимора!

Въ короткое время Порфирій Владимірычъ совсѣмъ одичалъ. Весь обычный ходъ его жизни былъ взбудораженъ и извращенъ, но онъ какъ-то уже пересталъ обращать на это вниманіе. Онъ ничего не требовалъ отъ жизни, кромѣ того, чтобъ его не тревожили въ его послѣднемъ убѣжищѣ — въ кабинетѣ. Насколько онъ прежде былъ придирчивъ и надоѣдливъ въ отношеніяхъ къ окружающимъ, настолько же теперь сдѣлался боязливъ и угрюмо-покоренъ. Казалось, всякое общеніе съ дѣйствительною жизнью прекратилось для него. Ничего бы не слышать, никого бы не видѣть — вотъ чего онъ желалъ. Евпраксеюшка могла цѣлыми днями не показываться въ домѣ; людишки могли сколько хотѣли вольничать и бездѣльничать на дворѣ — онъ ко всему относился безучастно, какъ будто ничего не было. Прежде, если-бъ конторщикъ позволилъ себѣ хотя малѣйшую неаккуратность въ доставленіи рапортичекъ о состояніи различныхъ отраслей хозяйственнаго управленія, онъ навѣрное истиранилъ бы его поученіями; теперь ему по цѣлымъ недѣлямъ приходилось сидѣть безъ рапортичекъ, и онъ только изрѣдка тяготился этимъ, а именно, когда ему нужна была цифра для подкрѣпленія какихъ-нибудь фантастическихъ расчетовъ. Зато, въ кабинетѣ, одинъ на одинъ съ самимъ собою, онъ чувствовалъ себя полнымъ хозяиномъ, имѣющимъ возможность праздномыслить сколько душѣ угодно. Подобно тому, какъ оба брата его умерли, одержимые запоемъ, такъ точно и онъ страдалъ тою же болѣзнью. Только это былъ запой иного рода — запой праздномыслія. Запершись въ кабинетѣ и засѣвши за письменный столъ, онъ съ утра до вечера изнывалъ надъ фантастической работой: строилъ всевозможныя

Digitized by Google

несбыточныя предположенія, учитывалъ самого себя, разговаривалъ съ воображаемыми собесѣдниками и создавалъ цѣлыя сцены, въ которыхъ первая случайно взбредшая на умъ личность являлась дѣйствующимъ лицомъ.

Въ этомъ омутѣ фантастическихъ дѣйствій и образовъ главную роль играла какая-то болѣзненная жажда стяжанія. Хотя Порфирій Владимірычъ и всегда вообще былъ мелоченъ и наклоненъ къ кляузѣ, но, благодаря его практической нелѣпости, никакихъ прямыхъ выгодъ лично для него отъ этихъ наклонностей не получалось. Онъ надоѣдалъ, томилъ, тиранилъ (преимущественно самыхъ беззащитныхъ людей, которые, такъ сказать, сами напрашивались на обиду), но и самъ чаще всего терялъ отъ своей затѣйливости. Теперь эти свойства всецѣло перенеслись на отвлеченную, фантастическую почву, гдѣ ужъ не имѣлось мѣста ни для отпора, ни для оправданій, гдѣ не было ни сильныхъ, ни слабыхъ, гдѣ не существовало ни полиціи, ни мировыхъ судовъ (или, лучше сказать, существовали, но единственно въ видахъ огражденія его, Іудушкиныхъ, интересовъ), и гдѣ, слѣдовательно, онъ могъ свободно опутывать цѣлый міръ сѣтью кляузъ, притѣсненій и обидъ.

Онъ любилъ мысленно вымучить, разорить, обездолить, высосать кровь. Перебиралъ одну за другой всѣ отрасли своего хозяйства: лѣсъ, скотный дворъ, хлѣбъ, луга и проч., и на каждой созидалъ узорчатое зданіе фантастическихъ притѣсненій, сопровождаемыхъ самыми сложными расчетами, куда входили и штрафы, и ростовщичество, и общія бѣдствія, и пріобрѣтеніе цѣнныхъ бумагъ—словомъ сказать, цѣлый запутанный міръ праздныхъ помѣщичьихъ идеаловъ. А такъ какъ тутъ все зависѣло отъ произвольно предполагаемыхъ переплатъ и недоплатъ, то каждая переплаченная или недоплаченная копейка служила поводомъ для передѣлки всего зданія, которое такимъ образомъ видоизмѣнялось до безконечности. Затѣмъ, когда утомленная мысль уже не въ силахъ была слѣдить съ должнымъ вниманіемъ за всѣми подробностями спутанныхъ выкладокъ по операціямъ стяженія, онъ переносилъ арену своей фантазіи на вымыслы болѣе растяжимые. Припоминалъ всѣ столкновенія и пререканія, какія случались у него съ людьми не только въ недавнее время, но и въ самой отдаленной молодости, и разрабатывалъ ихъ съ такимъ расчетомъ, что всегда изъ всякаго столкновенія выходилъ побѣдителемъ. Онъ мстилъ мысленно своимъ бывшимъ сослуживцемъ по депар-

Digitized by Google

таменту, которые опредѣлили его по службѣ и растравили его самолюбіе настолько, что заставили отказаться отъ служебной карьеры; мстилъ однокашникамъ по школѣ, которые нѣкогда пользовались своею физической силой, чтобъ дразнить и притѣснять его; мстилъ сосѣдямъ по имѣнію, которые давали отпоръ его притязаніямъ и отстаивали свои права; мстилъ слугамъ, которые когда-нибудь сказали ему грубое слово или просто не оказали достаточной почтительности; мстилъ маменькѣ Аринѣ Петровнѣ за то, что она просадила много денегъ на устройство Погорѣлки,—денегъ, которыя, «по всѣмъ правамъ», слѣдовали ему; мстилъ братцу Стёпкѣ-балбесу за то, что онъ прозвалъ его Іудушкой; мстилъ тетенькѣ Варварѣ Михайловны за то, что она, въ то время, когда ужъ никто этого не ждалъ, вдругъ народила дѣтей «съ бору да съ сосенки», вслѣдствіе чего сельцо Гаврюшкино навсегда ускользнуло изъ Головлевскаго рода. Мстилъ живымъ, мстилъ мертвымъ.

Фантазируя такимъ образомъ, онъ незамѣтно доходилъ до опьяненія: земля исчезала у него изъ-подъ ногъ, за спиной словно вырастали крылья. Глаза блестѣли, губы тряслись и покрывались пѣной, лицо блѣднѣло и принимало угрожающее выраженіе. И по мѣрѣ того, какъ росла фантазія, весь воздухъ кругомъ него населялся призраками, съ которыми онъ вступалъ въ воображаемую борьбу.

Существованіе его получило такую полноту и независимость, что ему ничего не оставалось желать. Весь міръ былъ у его ногъ,—разумѣется, тотъ немудреный міръ, который былъ доступенъ его скудному міросозерцанію. Каждый простѣйшій мотивъ онъ могъ варьировать безконечно, за каждый могъ по нѣскольку разъ приниматься сызнова, разрабатывая всякій разъ на новый манеръ. Это былъ своего рода экстазъ, ясновидѣніе, нѣчто подобное тому, что происходитъ на спиритическихъ сеансахъ. Ничѣмъ не ограничиваемое воображеніе создаетъ мнимую дѣйствительность, которая, вслѣдствіе постояннаго возбужденія умственныхъ силъ, претворяется въ конкретную, почти осязаемую. Это—не вѣра, не убѣжденіе, а именно умственное распутство, экстазъ. Люди обезчеловѣчиваются, ихъ лица искажаются, глаза горятъ, языкъ произноситъ непроизвольныя рѣчи, тѣло производитъ непроизвольныя движенія.

Порфирій Владимірычъ былъ счастливъ. Онъ плотно запиралъ окна и двери, чтобъ не слышать, спускалъ шторы, чтобъ не видѣть. Всѣ обычныя жизненныя отправленія, ко-

Digitized by Google

торыя прямо не соприкасались съ міромъ его фантазіи, онъ дѣлалъ на скорую руку, почти съ отвращеніемъ. Когда пьяненькій Прохоръ стучался въ дверь его комнаты, докладывая, что подано кушать, онъ нетерпѣливо вбѣгалъ въ столовую, наперекоръ всѣмъ прежнимъ привычкамъ, спѣша съѣдалъ свои три перемѣны кушанья и опять скрывался въ кабинетъ. Даже въ манерахъ у него, при столкновеніи съ живыми людьми, явилось что-то отчасти робкое, отчасти глупо насмѣшливое, какъ будто онъ, въ одно и то же время, и боялся, и вызывалъ. Утромъ онъ спѣшилъ встать какъ можно раньше, чтобы сейчасъ же приняться за работу. Молитвенное стояніе сократилъ; слова молитвы произносилъ безучастно, не вникая въ ихъ смыслъ; крестныя знаменія и воздѣянія рукъ творилъ машинально, неотчетливо. Даже представленіе объ адѣ и его мучительныхъ возмездіяхъ (за каждый грѣхъ—возмездіе особенное), повидимому, покинуло его.

А Евпраксеюшка, между тѣмъ, млѣла въ чаду плотскаго вожделѣнія. Гарцуя въ нерѣшимости между конторщикомъ Игнатомъ и кучеромъ Архипушкой, и въ то же время кося глазами на краснорожаго плотника Илюшу, который съ цѣлой артелью подрядился вывѣсить господскій погребъ, она ничего не замѣчала, что дѣлается въ барскомъ домѣ. Она думала, что баринъ какую-нибудь «новую комедію» разыгрываетъ, и не мало веселыхъ словъ было произнесено по этому поводу въ дружеской компаніи почувствовавшихъ себя на свободѣ людишекъ. Но однажды, какъ-то случайно, зашла она въ столовую въ то время, какъ Іудушка наскоро доѣдалъ кусокъ жаренаго гуся, и вдругъ ей сдѣлалось жутко.

Порфирій Владимірычъ сидѣлъ въ засаленномъ халатѣ, изъ котораго мѣстами выбивалась уже вата; онъ былъ блѣденъ, нечесанъ, обросъ какой-то щетиной вмѣсто бороды.

— Баринушка! Что такое? что случилось?—бросилась она къ нему въ испугѣ.

Но Порфирій Владимірычъ только глупо-язвительно улыбнулся въ отвѣтъ на ея восклицаніе, словно хотѣлъ сказать: а ну-ка, попробуй теперь меня чѣмъ-нибудь уязвить!

— Баринушка! да что такое? Говорите, что случилось?—повторила она.

Онъ всталъ, уставилъ въ нее исполненный ненависти взглядъ и съ разстановкой произнесъ:

— Если ты, дѣвка распутная, еще когда-нибудь... въ кабинетъ ко мнѣ... Убью!

Digitized by Google

Благодаря этой случайности, существованіе Порфирія Владимірыча съ внѣшней стороны измѣнилось къ лучшему. Не чувствуя никакихъ матеріальныхъ помѣхъ, онъ свободно отдался своему одиночеству, такъ что даже не видалъ, какъ прошло лѣто. Августъ ужъ перевалилъ на вторую половину; дни сократились; на дворѣ непрерывно сѣялъ мелкій дождь; земля взмокла; деревья стояли понуро, роняя на землю пожелтѣвшіе листья. На дворѣ и около людской царствовала невозмутимая тишина; дворовые ютились по своимъ угламъ, частью вслѣдствіе хмурой погоды, частью вслѣдствіе того, что догадались, что съ барономъ происходитъ что-то неладное. Евпраксеюшка окончательно очнулась, забыла и о шелковыхъ платьяхъ, и о милыхъ дружкахъ, и по цѣлымъ часамъ сидѣла въ дѣвичьей на ларѣ, не зная, какъ ей быть и что̀ предпринять. Пьяненькій Прохоръ дразнилъ ее, что она извела барина, опоила его, и что не миновать ей за это по владимірскѣ погулять.

А Іудушка, между тѣмъ, сидитъ, запершись, у себя въ кабинетѣ и мечтаетъ. Ему еще лучше, что на дворѣ свѣжѣе сдѣлалось: дождь, безъ устали дребезжащій въ окна его кабинета, наводитъ на него полудремоту, въ которой еще свободнѣе, шире развертывается его фантазія. Онъ представляетъ себя невидимкою и въ этомъ видѣ мысленно инспектируетъ свои владѣнія, въ сопровожденіи стараго Ильи, который еще при папенькѣ, Владимірѣ Михайловичѣ, старостой служилъ и давнымъ-давно на кладбищѣ схороненъ.

— Умный мужикъ Илья! Старинный слуга! Нынче такіе-то люди выводятся. Нынче что̀: поюлить да потарантить, а чуть до дѣла коснется—и нѣтъ никого!—разсуждаетъ самъ съ собой Порфирій Владимірычъ, очень довольный, что Илья изъ мертвыхъ воскресъ.

Не торопясь да Богу помолясь, никѣмъ невидимые, черезъ поля и овраги, черезъ долы и луга, пробираются они въ пустошь Уховщину—и долго не вѣрятъ глазамъ своимъ. Стоитъ передъ ними лѣсище стѣна-стѣной, стоитъ да только вершинами въ вышинѣ гудётъ. Деревья все одно къ одному, красныя — соснякъ, которыя въ два, а которыя и въ три обхвата; стволы у нихъ прямые, обнаженные, а вершины могучія, пушистыя: долго, значитъ, еще этому лѣсу стоять можно!

— Вотъ, братъ, такъ лѣсокъ!—въ восхищеніи восклицаетъ Іудушка.

— Заказничокъ!—объясняетъ старикъ Илья:—еще при

Digitized by Google

покойномъ дѣдушкѣ вашемъ, при Михайлѣ Васильевичѣ, съ образами обошли—вонъ онъ какой выросъ!

— Сколько, по-твоему, тутъ десятинъ будетъ?

— Да въ ту пору ровно семьдесять десятинъ мѣрили, ну, а нынче... тогда десятина-то хозяйственная была, противъ нынѣшней въ полтора раза побольше!

— Ну, а какъ ты думаешь, сколько на каждой десятинѣ, примѣрно, деревъ сидитъ?

— Кто ихъ знаетъ! у Бога они сосчитаны!

— А я такъ думаю, что непремѣнно шестьсотъ-семьсотъ на десятину будетъ. Да не на старую десятину, а на нынѣшнюю, на тридцатку. Постой! погоди! ежели по шестисотъ... ну, по шестисотъ по пятидесяти положить—сколько же на ста пяти десятинахъ деревъ будетъ?

Порфирій Владимірычъ беретъ листъ бумаги и умножаетъ 105 на 650: оказывается 68.250 деревъ.

— Теперича, ежели весь этотъ лѣсъ продать... по разнотѣ... какъ ты думаешь, можно по десяти рублей за дерево взять?

Старикъ Илья трясетъ головой.

— Мало!—говоритъ онъ:— вѣдь это такой лѣсъ! Изъ каждаго дерева два мельничныхъ вала выйдетъ, да еще строевое бревно, хоть въ какую угодно стройку, да семеричекъ, да товарничку, да сучья... По-вашему, мельничный-то валъ—сколько онъ стоитъ?

Порфирій Владимірычъ притворяется, что не знаетъ, хотя онъ давно ужъ все до послѣдней копейки опредѣлилъ и установилъ.

— По здѣшнему мѣсту одинъ валъ десяти рублей стоитъ, а кабы въ Москву, такъ и цѣны бы ему, кажется, не было! Вѣдь это—какой валъ! Его на тройкѣ только-только увезти! Да еще другой валъ, потоньше, да бревно, да семеричекъ, да дровъ, да сучьевъ... Анъ, дерево-то, бѣдно-бѣдно, въ двадцати рубляхъ пойдетъ.

Слушаетъ Порфирій Владимірычъ Ильины рѣчи и не наслушается ихъ. Умный, вѣрный мужикъ—этотъ Илья! Да и все вообще управленіе ему какъ-то необыкновенно удачно привелъ Богъ сладить! Въ помощникахъ у Ильи старый Вавило служитъ (тоже давно на кладбищѣ лежитъ)—вотъ, братъ, такъ крякъ! Въ конторщикахъ—маменькинъ земскій Филиппъ-перевезенецъ (изъ вологодскихъ деревень его, лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, перевезли); полѣсовщики все испытанные, неутомимые; псы у амбаровъ—злые! И люди,

Digitized by Google

и псы—всѣ готовы за барское добро хоть чорту горло перегрызть!

— А нутка, братъ, давай прикинемъ: сколько это будетъ, ежели всю пустошь по разнотѣ распродать?

Порфирій Владимірычъ снова разсчитываетъ мысленно, сколько стоитъ большой валъ, сколько валъ поменьше, сколько строевое бревно, семерикъ, дрова, сучья. Потомъ складываетъ, умножаетъ, въ иномъ мѣстѣ отсѣкаетъ дроби, въ въ другомъ прибавляетъ. Листъ бумаги наполняется столбцомъ цифръ.

— Натко, братъ, смотри, что вышло! — показываетъ Іудушка воображаемому Ильѣ какую-то совсѣмъ неслыханную цифру, такъ что даже Илья, который и со своей стороны не прочь отъ пріумноженія барскаго добра, и тотъ словно съёжился.

— Что-то какъ будто и многовато!—говорилъ онъ, въ раздумьи поводя лопатками.

Но Порфирій Владимірычъ уже откинулъ всѣ сомнѣнія и только веселенько хихикаетъ.

— Чудакъ, братецъ, ты! Это ужъ не я, а цифра говоритъ... Наука, братецъ, такая есть, ариѳметикой называется... ужъ она братъ, не солжетъ! Ну, хорошо, съ Уховщиной теперь покончили; пойдемъ-ка, братъ, въ Лисьи-Ямы, давно я тамъ не бывалъ! Сдается мнѣ, что мужики тамъ пошаливаютъ, ой, пошаливаютъ мужики! Да и Гаранька-сторожъ... Знаю, знаю! Хорошій Гаранька, усердный сторожъ, вѣрный—это что говорить! а все-таки... Маленько онъ какъ будто сшибаться сталъ!

Идутъ они неслышно, невидимо, сквозь чащу березовую едва пробираются и вдругъ останавливаются, притаивши дыханіе. На самой дороги лежитъ на боку мужицкій возъ, а мужикъ стоитъ и тужитъ, глядючи на сломанную ось. Потужилъ-потужилъ, выругалъ ось, да и себя кстати ругнулъ, вытянулъ лошадь кнутомъ по спинѣ («ишь, ворона»), однако, дѣлать что-нибудь надо—не стоять же на одномъ мѣстѣ до завтра! Озирается воръ-мужичонко, прислушивается: не ѣдетъ ли кто, потомъ выбираетъ подходящую березку, вынимаетъ топоръ... А Іудушка все стоитъ, не шелохнется... Дрогнула березка, зашаталася и вдругъ, словно снопъ, повалилась на-земь. Хочетъ мужикъ отрубить отъ комля, сколько на ось надобно, но Іудушка ужъ рѣшилъ, что настоящій моментъ наступилъ. Крадучись, подползаетъ онъ къ мужику и мигомъ выхватываетъ изъ рукъ его топоръ...

Digitized by Google

— Ахъ!—успѣваетъ только крикнуть застигнутый врасплохъ воръ.

— «Ахъ!» — передразниваетъ его Порфирій Владимірычъ: — а чужой лѣсъ воровать дозволяется? «Ахъ!»—а чью березку-то, свою, что ли, срубилъ?

— Простите, батюшка!

— Я, братецъ, давно всѣмъ простилъ! Самъ Богу грѣшенъ и другихъ осуждать не смѣю! Не я, а законъ осуждаетъ. Ось-то, которую ты срубилъ, на усадьбу привези, да и рубликъ штрафу кстати ужъ захвати; а покуда пускай топорикъ у меня полежитъ! Небось, братъ, сохранно будетъ!

Довольный тѣмъ, что успѣлъ на самомъ дѣлѣ доказать Ильѣ справедливость своего мнѣнія насчетъ Гараньки, Порфирій Владимірычъ съ мѣста преступленія заходитъ мысленно въ избу полѣсовщика и дѣлаетъ приличное поученіе. Потомъ онъ отправляется домой и по дорогѣ ловитъ въ господскомъ овсѣ трехъ крестьянскихъ куръ. Воротившись въ кабинетъ онъ опять принимается за работу, и цѣлая особенная хозяйственная система вдругъ зарождается въ его умѣ. Все растущее и прозябающее на его землѣ, сѣянное и несѣянное, обращается въ деньги по разнотѣ, и притомъ со штрафомъ. Всѣ люди вдругъ сдѣлались порубщиками и потравщиками. А Іудушка не только не скорбитъ объ этомъ, но, напротивъ, даже руки себѣ потираетъ отъ удовольствія.

— Травите, батюшки, рубите, мнѣ же лучше!—повторяетъ онъ, совершенно довольный.

И тутъ же беретъ новый листъ бумаги и принимается за выкладки и вычисленія.

Сколько на десятинѣ овса растетъ и сколько этотъ овесъ можетъ денегъ принести, ежели его куры мужицкія помнутъ и за все помятое штрафъ уплатятъ?

«А овесъ-то хоть и помятъ, анъ, послѣ дождичка и опять поправился!»—мысленно присовокупляетъ Іудушка.

Сколько въ Лисьихъ-Ямахъ березокъ растетъ и сколько за нихъ можно денегъ взять, ежели ихъ мужики воровскимъ манеромъ порубятъ и за все порубленное штрафъ заплатятъ?

«А березка-то, хоть она и срублена, ко мнѣ же въ домъ на протопленье пойдетъ; стало-быть, дровъ самому пилить не надо»,—опять присовокупляетъ Іудушка мысленно.

Громадныя колонны цифръ испещряютъ бумагу; сперва рубли, потомъ десятки, сотни, тысячи... Іудушка до того

Digitized by Google

устаетъ за работой и, главное, такъ волнуется ею, что весь въ поту встаетъ изъ-за стола и ложится отдыхать на диванъ. Но взбунтовавшееся воображеніе и тутъ не укрощаетъ своей дѣятельности, а только избираетъ другую, болѣе легкую тему.

— Умная женщина была маменька Арина Петровна,— фантазируетъ Порфирій Владимірычъ:—умѣла и спросить, да и приласкать умѣла—оттого и служили ей всѣ съ удовольствіемъ! Однако и за ней грѣшки водились! Ой, много было за покойницей блохъ!

Не успѣлъ Іудушка помянуть объ Аринѣ Петровнѣ, а она ужъ и тутъ какъ тутъ; словно чуетъ ея сердце, что она отвѣтъ должна дать: сама къ милому сыну изъ могилы явилась.

— Не знаю, мой другъ, не знаю, чѣмъ я передъ тобой провинилась!—какъ-то уныло говоритъ она.—Кажется, я...

— Те-те-те, голубушка! лучше ужъ не грѣшите!—безъ церемоніи обличаетъ ее Іудушка.—Коли на то пошло, такъ я все передъ вами сейчасъ выложу! Почему вы, напримѣръ, тетеньку Варвару Михайловну въ ту пору не остановили?

— Какъ же ее останавливать! Она и сама въ полныхъ лѣтахъ была, сама имѣла право распоряжаться собою!

— Ну, нѣтъ-съ, позвольте-съ! Мужъ-то какой у нея былъ? Старенькій да пьяненькій—ну, самый, самый, значитъ... безплодный! А между тѣмъ у нея четверо дѣтей проявилось... Откуда—спрашиваю я васъ—эти дѣти взялись?

— Что это, другъ мой, какъ ты странно говоришь! Какъ будто я въ этомъ причинна!

— Причинны не причинны, а все-таки повліять могли! Смѣшкомъ бы да шуточкой, «голубушка» да «душенька»—смотришь, она бы и посовѣстилась! А вы все напротивъ! На дыбы да съ кандачка! Варька да Варька, да подлая да безстыжая! Чуть не со всей округой ее перевѣнчали! Вотъ она и того... и она тоже на дыбы встала! Жаль! Горюшкино-то наше бы теперь было!

— Далось тебѣ это Горюшкино!—говоритъ Арина Петровна, очевидно становясь втупикъ передъ обвиненіемъ сына.

— Мнѣ что Горюшкино! Мнѣ, пожалуй, и ничего не надо! Было бы на свѣчку да на маслице—вотъ я и доволенъ! А вообще, по справедливости... Да, маменька, и радъ бы смолчать, а не сказать не могу: большой грѣхъ на вашей душѣ лежитъ, очень, очень большой!

Digitized by Google

Арина Петровна уже ничего не отвѣчаетъ, а только руками разводитъ, не то подавленная, не то недоумѣвающая.

— Или бы вотъ, напримѣръ, другое дѣло,—продолжаетъ, между прочимъ, Іудушка, любуясь смущеніемъ маменьки:— зачѣмъ вы для брата Степана въ ту пору домъ въ Москвѣ покупали?

— Надо было, мой другъ; надо же было и ему какой-нибудь кусокъ выбросить,—оправдывается Арина Петровна.

— А онъ взялъ да и промоталъ его! И добро бы вы его не знали: и буянъ-то онъ былъ, и сквернословъ, и непочтительный—нѣтъ-таки. Да еще папенькину вологодскую деревеньку хотѣли ему отдать! А деревенька-то какая! Вся въ одной межѣ: ни сосѣдей, ни черезполосицы; лѣсокъ хорошенькій, озерцо... стоитъ какъ облупленное яичко, Христосъ съ ней! Хорошо, что я въ то время случился да воспрепятствовалъ... Ахъ, маменька, маменька, и не грѣхъ это вамъ!

— Да вѣдь сынъ онъ... пойми, все-таки—сынъ!

— Знаю я, и даже очень хорошо понимаю! И все-таки не нужно было этого дѣлать, не слѣдовало! Домъ-то двѣнадцать тысячъ серебромъ заплаченъ—а гдѣ онѣ? Вотъ тутъ двѣнадцать тысячъ плакали, да Горюшкино тетеньки Варвары Михайловны, бѣдно-бѣдно, тысячъ на пятнадцать оцѣнить нужно... Анъ денегъ-то и многонько выйдетъ!

— Ну, ну, полно, ужъ перестань, не сердись, Христа ради!

— Я, маменька, не сержусь, я только по справедливости сужу... что̀ правда, то̀ правда—терпѣть не могу лжи! Съ правдой родился, съ правдой жилъ, съ правдой и умру! Правду и Богъ любитъ, да и намъ велитъ любить! Вотъ хоть бы про Погорѣлку—всегда скажу: много, ахъ, какъ много денегъ вы извели на устройство ея.

— Да вѣдь я сама въ ней жила...

Іудушка очень хорошо читаетъ на лицѣ маменьки слова: «кровопивецъ ты несуразный!»—но дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ ихъ.

— Нужды нѣтъ, что жили, а все-таки... Кіотка-то и до сихъ поръ въ Погорѣлкѣ стоитъ, а чья она? Лошадь маленькая—тоже; шкатулочка чайная... самъ собственными глазами еще при папенькѣ въ Головлевѣ ее видѣлъ! А вещичка-то хорошенькая!

— Ну, что̀ ужъ!

— Нѣтъ, маменька, не говорите! Онѣ, конечно, сразу не

Digitized by Google

видно, однако, какъ тутъ рубль, въ другомъ мѣстѣ—полтина, да въ третьемъ—четвертачокъ... Какъ посмотришь да поглядишь... А впрочемъ, позвольте, я лучше сейчасъ все на цифрахъ прикину! Цифра—святое дѣло; она ужъ не солжетъ.

Порфирій Владимірычъ опять устремляется къ столу, чтобъ привести, наконецъ, въ полную ясность, какіе убытки ему нанесла добрый другъ маменька. Онъ стучитъ на счетахъ, выводитъ на бумагѣ столбцы цифръ—словомъ, готовитъ все, чтобъ изобличить Арину Петровну. Но, къ счастью для послѣдней, колеблющаяся его мысль не можетъ долго удержаться на одномъ и томъ же предметѣ. Незамѣтно для него самого къ нему подкрадывается новый предметъ стяжанія и словно какимъ волшебствомъ даетъ его мысли совсѣмъ иное направленіе. Фигура Арины Петровны, еще за минуту передъ тѣмъ такъ живо мелькавшая у него въ глазахъ, вдругъ окунулась въ омутъ забвенія. Цифры смѣшались...

Давно ужъ собирался Порфирій Владимірычъ высчитать, что̀ можетъ принести ему полеводство, и вотъ теперь наступилъ самый удобный для этого моментъ. Онъ знаетъ, что мужикъ всегда нуждается, всегда ищетъ занять и всегда же отдаетъ безъ обмана, съ лихвой. Въ особенности щедръ мужикъ на свой трудъ, который «ничего не сто̀итъ», и на этомъ основаніи всегда при расчетахъ принимается ни во что̀, въ знакъ любви. Много-таки на Руси нуждающагося народа, ахъ, какъ много! Много людей, не могущихъ опредѣлить сегодня, что̀ ждетъ ихъ завтра; много такихъ, которые куда бы ни обратили тоскливые взоры—вездѣ видятъ только безнадежную пустоту, вездѣ слышатъ только одно слово: «отдай! отдай!» И вотъ вокругъ этихъ-то безнадежныхъ людей, около этой-то перекатной голи стелетъ Іудушка свою безконечную паутину, по временамъ переходя въ какую-то неистовую фантастическую оргію.

На дворѣ апрѣль, и мужику по обыкновенію нечего есть. «Проѣлись, голубчики, зиму-то пропраздновали, а къ веснѣ животы подвело!»—разсуждаетъ Порфирій Владимірычъ самъ съ собою, а онъ, какъ нарочно, только-только всѣ счеты по прошлогоднему полеводству въ ясность привелъ. Въ февралѣ были обломлены послѣднія скирды хлѣба, въ мартѣ зерно лежало ссыпанное въ закрома̀, а на-дняхъ вся наличность уже разнесена по книгамъ въ соотвѣтствующія графы. Іудушка стоитъ у окна и поджидаетъ. Вотъ вдали,

Digitized by Google

на мосту, показался въ телѣжкѣ мужикъ Фока. На поверткѣ въ Головлево онъ какъ-то торопливо задергалъ вожжами и, за неимѣніемъ кнута, пугнулъ рукой лошадь, еле передвигающую ноги.

— Сюда!—шепчетъ Іудушка.—Ишь у него лошадь-то, какъ только жива! А кормитъ ее съ мѣсяцъ-другой—ничего, животокъ будетъ! Рубликовъ двадцать пять, а не то и всѣ тридцать отдашь за нее.

Между тѣмъ Фока подъѣхалъ къ людской избѣ, привязалъ къ изгороди лошадь, подкинулъ ей охапку сѣнной трухи и черезъ минуту уже переминается съ ноги на ногу въ дѣвичьей, гдѣ Порфирій Владимірычъ имѣетъ обыкновеніе принимать подобныхъ просителей.

— Ну, другъ, что скажешь хорошенькаго?—начинаетъ Порфирій Владимірычъ.

— Да вотъ, сударь, ржицы бы...

— Что такъ! Свою-то, видно, ужъ съѣли? Ахъ, ахъ, грѣхъ какой! Вотъ кабы вы поменьше водки пили, да побольше трудились, да Богу молились, и землица-то чувствовала бы! Гдѣ нынче зерно—смотришь, анъ въ ту пору два или три получилось бы. Занимать-то бы и не надо!

Фока какъ-то нерѣшительно улыбается, вмѣсто отвѣта.

— Ты думаешь, Богъ-то далеко, такъ Онъ и не видитъ? — продолжаетъ морализировать Порфирій Владимірычъ.—Анъ Богъ-то—вотъ онъ-онъ. И тамъ, и тутъ, и вотъ съ нами, покуда мы съ тобой говоримъ—вездѣ Онъ! И все Онъ видитъ, все слышитъ, только дѣлаетъ видъ, будто не замѣчаетъ. Пускай, молъ, люди своимъ умомъ поживутъ; посмотримъ, будутъ ли они Меня помнить! А мы этимъ пользуемся, да вмѣсто того, чтобъ Богу на свѣчку изъ достатковъ своихъ удѣлить, мы въ кабакъ да въ кабакъ! Вотъ за это за самое и не подаетъ Богъ ржицы—такъ ли, другъ?

— Это ужъ что говорить! Это такъ точно!

— Ну, такъ вотъ видишь ли, и ты теперь понялъ. А почему понялъ? Потому что Богъ милость свою отъ тебя отвратилъ. Уродись у тебя ржица, ты бы и опять фордыбачить сталъ, а вотъ какъ Богъ-то...

— Справедливо это, и кабы еже ли мы...

— Постой, дай я скажу! И всегда такъ бываетъ, другъ, что Богъ забывающимъ Его напоминаетъ о себѣ. И роптать мы на это не должны, а должны понимать, что это для нашей же пользы дѣлается. Кабы мы Бога помнили,

Digitized by Google

и Онъ бы объ насъ не забывалъ. Всего бы намъ подалъ: и ржицы, и овсеца, и картофельцу—на, кушай! И за скотинкой бы за твоей наблюлъ—вишь, лошадь-то у тебя, въ чемъ только духъ держится! И птицѣ, ежели у тебя есть, и той бы настоящее направленіе далъ!

— И это вся ваша правда, Порфирій Владимірычъ.

— Бога чтить, это—первое, а потомъ старшихъ, которые отъ самихъ царей отличіе получили... помѣщиковъ, напримѣръ...

— Да мы, Порфирій Владимірычъ, и то, кажется...

— Тебѣ вотъ «кажется», а поразмысли да посуди—анъ, можетъ, и не такъ на повѣрку выйдетъ. Теперь, какъ ты за ржицей ко мнѣ пришелъ—грѣхъ сказать! очень ты ко мнѣ почтителенъ и ласковъ; а въ позапрошломъ году, помнишь, когда жнеи мнѣ понадобились, а я къ вамъ, къ мужичкамъ, на поклонъ пришелъ, помогите, молъ, братцы, вызвольте, вы что на мою просьбу отвѣтили? Самимъ, говорятъ, жать надо! Нынче, говорятъ, не прежнее время, чтобъ на господъ работать, нынче—воля! Воля, а ржицы нѣтъ!

Порфирій Владимірычъ учительно взглядываетъ на Фоку; но тотъ не шелохнется, словно оцѣпенѣлъ.

— Горды вы очень, отъ этого самаго вамъ и счастья нѣтъ. Вотъ я, напримѣръ: кажется, и Богъ меня благословилъ, и царь пожаловалъ, а я—не горжусь! Какъ я могу гордиться! Что я такое? червь! козявка! тьфу! А Богъ-то взялъ, да за смиренство за мое и благословилъ меня! И самъ милостію своею взыскалъ, да и царю внушилъ, чтобы меня пожаловалъ!

— Я такъ, Порфирій Владимірычъ, мекаю, что прежде, при помѣщикахъ, не въ примѣръ лучше было! — льститъ Фока.

— Да, братъ, было ваше времечко, попраздновали, пожили! Всего было у васъ: и ржицы, и сѣнца, и картофельцу! Ну, да что ужъ старое поминать, я не злопамятенъ: я, братъ, давно объ жнеяхъ позабылъ, только такъ, къ слову вспомнилось! Такъ же какъ ты говоришь: ржицы тебѣ понадобилось?

— Да, ржицы бы...

— Купить, что ли, собрался?

— Гдѣ купить! Въ одолженіе, значитъ, до новой!

— Ахти-хти! Ржица-то, другъ, нынче кусается! Не знаю ужъ, какъ и быть мнѣ съ тобой...

Digitized by Google

Порфирій Владимірычъ впадаетъ въ минутное раздумье, словно и дѣйствительно не знаетъ, какъ ему поступить: «и помочь человѣку хочется, да и ржица кусается»...

— Можно, мой другъ, можно и въ одолженіе ржицы дать,—наконецъ говоритъ онъ:—да, признаться сказать, и нѣтъ у меня продажной ржи: терпѣть не могу Божьимъ даромъ торговать! Вотъ въ одолженіе—это такъ, это я съ удовольствіемъ. Я, братъ, вѣдь помню: сегодня я тебя одолжу, а завтра—ты меня одолжишь! Сегодня у меня избытокъ—бери, одолжайся! Четверть хочешь взять—четверть бери! Осьминка понадобилась—осьминку отсыпай. А завтра, можетъ-быть, такъ дѣло повернетъ, что и мнѣ у тебя подъ окошкомъ постучать придется: одолжи, молъ, Фокушка, ржицы осьминку—ѣсть нечего!

— Гдѣ ужъ, пойдете ли, сударь, вы!..

— Я-то не пойду, а къ примѣру... И не такіе, другъ, повороты на свѣтѣ бываютъ! Вонъ въ газетахъ пишутъ: какой столбъ Наполеонъ былъ, да и тотъ прогадалъ, не потрафилъ. Такъ-то, братъ. Сколько же тебѣ требуется ржицы-то?

— Четвертцу бы, коли милость ваша будетъ.

— Можно и четвертцу. Только зараньше я тебѣ говорю: кусается, другъ, нынче рожь, куда какъ кусается! Такъ вотъ какъ мы съ тобой сдѣлаемъ: я тебѣ шесть четериковъ отмѣрить велю, а ты мнѣ черезъ восемь мѣсяцевъ два четеричка приполнцу отдашь—такъ оно четвертца въ аккуратъ и будетъ! Процентовъ я не беру, а отъ избытка ржицей...

У Фоки даже духъ занялся отъ Іудушкина предложенія; нѣкоторое время онъ ничего не говоритъ, только лопатками пошевеливаетъ.

— Не многовато ли будетъ, сударь?— наконецъ, произноситъ онъ, очевидно робѣя.

— А много — такъ къ другимъ обратись! Я, другъ, не неволю, а отъ души предлагаю. Не я за тобой посылалъ, самъ ты меня нашелъ. Ты — съ запросцемъ, я — съ отвѣтцемъ. Такъ-то, другъ!

— Такъ-то такъ, да словно бы приполнцу-то ужъ много?

— Ахъ-ахъ-ахъ! А я еще думалъ, что ты — справедливый мужикъ, степенный! Ну, а мнѣ-то, скажи, чѣмъ мнѣ-то жить прикажешь? Я-то откуда расходы свои долженъ удовлетворять? Вѣдь у меня сколько расходовъ — знаешь ли ты? Конца-краю, голубчикъ, расходамъ у меня

Digitized by Google

не видно. Я и тому дай, и другого удовлетвори, и третьему вынь да положь! Всѣмъ надо, всѣ Порфирія Владимірыча теребятъ, а Порфирій Владимірычъ отдувайся за всѣхъ! Опять и то: кабы я купцу рожь продалъ — я бы денежки сейчасъ на столъ получилъ. Деньги, братъ,—святое дѣло. Съ деньгами накуплю я себѣ билетовъ, положу въ вѣрное мѣсто и стану пользоваться процентами! Ни заботушки мнѣ, ни горюшка; отрѣзалъ купончикъ — пожалуйте денежки. А за рожью-то я еще походи, да похлопочи около нея, да постарайся! Сколько ея усохнетъ, сколько на розсыпь пойдетъ, сколько мышь съѣстъ! Нѣтъ, братъ, деньги — какъ можно! И давно бы мнѣ за умъ взяться пора, давно бы въ деньги все обратить, да и уѣхать отъ васъ!

— А вы съ нами, Порфирій Владимірычъ, поживите.

— И радъ бы, голубчикъ, да силъ моихъ нѣтъ. Кабы прежнія силы, конечно, еще пожилъ бы, повоевалъ бы. Нѣтъ, пора, пора на покой! Уѣду отсюда къ Троицѣ-Сергію, укроюсь подъ крылышко угоднику — никто и не услышитъ меня. А ужъ мнѣ-то какъ хорошо будетъ: мирно, честно, тихо, ни гвалту, ни свары, ни шума — точно на небеси!

Словомъ сказать, какъ ни вертится Фока, а дѣло слаживается, какъ хочется Парфирію Владимірычу. Но этого мало: въ самый моментъ, когда Фока ужъ согласился на условія займа, является на сцену какая-то Шелениха. Такъ, пустошонка ледящая, съ десятинку покосцу, да и то врядъ ли... Такъ вотъ бы...

— Я тебѣ одолженіе дѣлаю—и ты меня одолжи, говоритъ Порфирій Владимірычъ:— это ужъ не за проценты, а такъ, въ одолженіе! Богъ за всѣхъ, а мы другъ по дружкѣ! Ты десятинку-то шутя скосишь, а я тебя напредки попомню! Я, братъ, вѣдь простъ! Ты мнѣ на рубликъ послужишь, а я...

Порфирій Владимірычъ встаетъ и въ знакъ окончанія дѣла молится на церковь. Фока, слѣдуя его примѣру, тоже крестится.

Фока исчезъ. Порфирій Владимірычъ беретъ листъ бумаги, вооружается счетами, а костяшки такъ и прыгаютъ подъ его проворными руками... Мало-по-малу начинается цѣлая оргія цифръ. Весь міръ застилается въ глазахъ Іудушки словно дымкой: съ лихорадочною торопливостью переходитъ онъ отъ счетовъ къ бумагѣ, отъ бумаги къ счетамъ. Цифры растутъ, растутъ...

Digitized by Google

VII.—Расчетъ.

На дворѣ декабрь въ половинѣ; схваченная неоглядным снѣжнымъ саваномъ окрестность тихо цѣпенѣетъ, за ночь намело на дорогѣ столько сугробовъ, что крестьянскія лошади тяжко барахтаются въ снѣгу, вывозя пустыя дровнишки. А къ головлевской усадьбѣ и слѣда почти нѣтъ. Порфирій Владимірычъ до того отвыкъ отъ посѣщеній, что и главныя ворота, ведущія къ дому, и парадное крыльцо, съ наступленіемъ осени, наглухо заколотилъ, предоставивъ домочадцамъ сообщаться съ внѣшнимъ міромъ посредствомъ дѣвичьяго крыльца и боковыхъ воротъ.

Утро; бьетъ одиннадцать. Іудушка, одѣтый въ халатъ, стоитъ у окна и безцѣльно поглядываетъ впередъ. Спозаранку бродилъ онъ взадъ и впередъ по кабинету и все о чемъ-то думалъ и высчитывалъ воображаемые доходы, такъ что, наконецъ, запутался въ цифрахъ и усталъ. И плодовитый садъ, раскинутый противъ главнаго фасада господскаго дома, и поселокъ, пріютившійся на задахъ сада,—все утонуло въ снѣжныхъ сувояхъ. Послѣ вчерашней вьюги день выдался морозный, и снѣжная пелена сплошь блеститъ на солнцѣ милліонами искръ, такъ что Порфирій Владимірычъ невольно щуритъ глаза. На дворѣ пустынно и тихо; ни малѣйшаго движенія ни у людской, ни около скотнаго двора; даже крестьянскій поселокъ угомонился, словно умеръ. Только надъ поповымъ домомъ вьется сизый дымокъ и останавливаетъ на себѣ вниманіе Іудушки.

- Одиннадцать часовъ било, а попадья еще не отстряпалась,—думается ему:—вѣчно эти попы трескаютъ!

Выйдя изъ этого пункта, онъ начинаетъ соображать: будни или праздникъ сегодня, постный или скоромный день, и что̀ должна стряпать попадья—какъ вдругъ вниманіе его отвлекается въ сторону. На горькѣ, при самомъ выѣздѣ изъ деревни Нагловки, показывается черная точка, которая постепенно придвигается и растетъ. Порфирій Владимірычъ вглядывается и, разумѣется, прежде всего задается цѣлой массой праздныхъ вопросовъ. Кто ѣдетъ, мужикъ или другой кто? Другому, впрочемъ, некому—стало-быть, мужикъ... да, мужикъ и есть! Зачѣмъ ѣдетъ? Ежели за дровами, такъ вѣдь нагловскій лѣсъ по ту сторону деревни... навѣрное, шельма, въ барскій лѣсъ воровать собрался! Ежели на мельницу, такъ тоже, выѣхавши изъ Нагловки, надо взять вправо... Можетъ-быть, за попомъ? Кто-нибудь умираетъ

Digitized by Google

или ужъ умеръ?.. А можетъ-быть, и родился кто? Какая же это баба родила? Ненила по осени съ прибылью ходила, да той, кажется, еще рано... Ежели уродился мальчикъ, такъ въ ревизію со временемъ попадетъ-- сколько, бишь, въ Нагловкѣ, по послѣдней ревизіи, душъ?.. А ежели дѣвочка, такъ тѣхъ въ ревизію не записываютъ, да и вообще... А все-таки и безъ женскаго пола нельзя... тьфу!

Іудушка отплевывается и смотритъ на образъ, какъ бы ища у него защиты отъ лукаваго.

Очень вѣроятно, что онъ долго блуждалъ бы такимъ образомъ мыслью, если-бъ показавшаяся у Нагловки черная точка обыкновеннымъ порядкомъ помелькала и исчезла; но она все росла и, наконецъ, повернула на гать, ведущую къ церкви. Тогда Іудушка совершенно отчетливо увидѣлъ, что ѣдетъ небольшая рогоженная кибитка, запряженная парой гусемъ. Вотъ она поднялась на взлобокъ и поровнялась съ церковью («не благочинный ли? мелькнуло у него: то-то у попа не отстрянались о-сю пору!»), вотъ повернула вправо и направилась прямо къ усадьбѣ: «такъ и есть, сюда!» Порфирій Владимірычъ инстинктивно запахнулъ халатъ и отпрянулъ отъ окна, словно боясь, чтобъ проѣзжій не замѣтилъ его.

Онъ отгадалъ: повозка подъѣхала къ усадьбѣ и остановилась у боковыхъ воротъ. Изъ нея поспѣшно выскочила молодая женщина. Одѣта она была совсѣмъ не по сезону, въ городское ватное пальто, больше для вида, нежели для тепла, отороченное барашкомъ, и видимо закоченѣла. Особа эта, никѣмъ не встрѣченная, вприскочку побѣжала на дѣвичье крыльцо и черезъ нѣсколько секундъ ужъ слышно было, какъ хлопнула въ дѣвичьей дверь, а слѣдомъ за этимъ опять хлопнула другая дверь, а затѣмъ во всѣхъ ближайшихъ къ выходу комнатахъ началась ходьба, хлопанье и суета.

Порфирій Владимірычъ стоялъ у двери кабинета и прислушивался. Онъ такъ давно не видалъ никого посторонняго и вообще такъ отвыкъ отъ общества людей, что его взяла оторопь. Прошло съ четверть часа; ходьба и хлопанье дверью не перемежались, а ему все еще не докладывали. Это еще больше взволновало его. Ясно, что пріѣзжая принадлежала къ числу лицъ, которыя, въ качествѣ «присныхъ», не даютъ никакого повода сомнѣваться относительно своихъ правъ на гостепріимство. Кто же у него «присные»? Онъ началъ припоминать, но память какъ-то

Digitized by Google

тупо ему служила. Былъ у него сынъ Володька, да сынъ Петька, была маменька Арина Петровна... давно, ахъ, давно это было! Вотъ въ Горюшкинѣ, съ прошлой осени, поселилась Надька Галкина, покойной тетеньки Варвары Михайловны дочь—неужто же она? Да нѣтъ, та ужъ однажды пыталась ворваться въ головлевское капище, да шишъ съѣла! «Не смѣетъ она! не посмѣетъ!» —твердилъ Іудушка, приходя въ негодованіе при одной мысли о возможности пріѣзда Галкиной. Но кто же можетъ быть еще?

Покуда онъ такимъ образомъ припоминалъ, Евпраксеюшка осторожно подошла къ двери и доложила:

— Погорѣловская барышня, Анна Семеновна, пріѣхала.

Дѣйствительно, это была Аннинька. Но она до такой степени измѣнилась, что почти не было возможности узнать ее. Въ Головлево явилась на этотъ разъ уже не та красивая, бойкая и кипящая молодостью дѣвушка, съ румянымъ лицомъ, сѣрыми глазами на-выкатъ, съ высокой грудью и тяжелой пепельной косой на головѣ, которая пріѣзжала сюда вскорѣ послѣ смерти Арины Петровны, а какое-то слабое, тщедушное существо съ впалою грудью, вдавленными щеками, нездоровымъ румянцемъ, съ вялыми тѣлодвиженіями,—существо сутулое, почти сгорбленное. Даже великолѣпная ея коса выглядѣла какъ-то мизерно, и только глаза, вслѣдствіе общей худобы лица, казались еще больше, нежели прежде, и горѣли лихорадочнымъ блескомъ. Евпраксеюшка долгое время взглядывалась въ нее, какъ въ незнакомую, но наконецъ-таки узнала.

— Барышня! вы ли?—вскрикнула она, всплеснувъ руками.

— Я. А что?

Сказавши это, Аннинька тихо засмѣялась, точно хотѣла прибавить: да, вотъ какъ! отдѣлали-таки меня!

— Дядя здоровъ?—спросила она.

— Что дяденька! такъ ничто... Только слава, что живутъ, а то и не видимъ ихъ почесть никогда!

— Что же съ нимъ?

— Да такъ... отъ скуки, видно, съ ними сдѣлалось...

— Неужто и на бобахъ разводить пересталъ?

— Нынче они, барышня, молчатъ. Все говорили—и вдругъ замолчали. Слышимъ иногда, какъ промежду себя въ кабинетѣ что-то разговариваютъ, и даже смѣются будто, а выдутъ изъ комнаты—и опять замолчатъ. Сказываютъ, съ покойнымъ ихнимъ братцемъ, Степаномъ Владимірычемъ.

Digitized by Google

чемъ, то же было... Все были веселы —и вдругъ замолчали. Вы-то, барышня, все ли здоровы?

Аннинька только махнула рукою въ отвѣтъ.

— Сестрица все ли здорова?

— Ужъ цѣлый годъ, какъ въ Кречетовѣ при большой дорогѣ въ могилѣ лежитъ.

— Чтой-то, спаси Господи, ужъ и при дорогѣ!

— Извѣстно, какъ самоубійцъ хоронятъ.

— Господи! все барышни были—и вдругъ сами на себя ручку наложили... Какъ же это такъ?

— Да, сперва «были барышни», а потомъ отравились—только и всего. А я вотъ струсила, жить захотѣла, къ вамъ вотъ пріѣхала! Не надолго, не пугайтесь... умру!

Евпраксеюшка глядѣла на нее во всѣ глаза, словно не понимала.

— Что на меня глядите? хороша? Ну, какова есть... А впрочемъ, послѣ объ этомъ... послѣ... Теперь велите-ка ямщика разсчитать да дядю предупредите.

Говоря это, она вынула изъ кармана старенькій портмонэ и достала оттуда двѣ желтенькихъ бумажки.

— А вотъ и имущество мое!—прибавила она, указывая на жиденькій чемоданъ. — Тутъ все: и родовое, и благопріобрѣтенное! Иззябла я, Евпраксеюшка, очень иззябла! Вся я больна, ни одной косточки во мнѣ небольной нѣтъ, а тутъ, какъ нарочно, холодище... Ѣду, да объ одномъ только думаю: вотъ доберусь до Головлева, такъ хоть умру въ теплѣ! Водки бы мнѣ... Есть у васъ?

— Да вы бы, барышня, чайку лучше, самоваръ сейчасъ будетъ готовъ.

— Нѣтъ, чай потомъ, а теперь водки бы... Вы дядѣ, впрочемъ, не сказывайте о водкѣ-то покуда... Все само собой послѣ увидится.

Покамѣстъ въ столовой накрывали къ чаю, явился и Порфирій Владимірычъ. Въ свою очередь, и Аннинька съ изумленіемъ встрѣтилась съ нимъ: до такой степени онъ похудѣлъ, выцвѣлъ и задичалъ. Онъ обошелся съ Аннинькой какъ-то странно: не то чтобы холодно, а какъ будто ему до нея совсѣмъ дѣла нѣтъ. Говорилъ мало, вынужденно, точно актеръ, съ трудомъ припоминающій фразы изъ давнишнихъ ролей. Вообще, былъ разсѣянъ, какъ будто въ головѣ его въ это время шла совсѣмъ другая и очень важная работа, отъ которой его досаднымъ образомъ оторвали по пустякамъ.

Digitized by Google

— Ну, вотъ ты и пріѣхала! — сказалъ онъ.—Чего хочешь, чаю? кофею? Распорядись!

Въ прежнее время, при родственныхъ свиданіяхъ, роль чувствительнаго человѣка обыкновенно разыгрывалъ Іудушка, но на этотъ разъ расчувствовалась Аннинька, и расчувствовалась взаправду. Должно-быть, очень у нея наболѣло внутри, потому что она бросилась къ Порфирію Владимирычу на грудь и крѣпко его обняла.

— Дядя, я къ вамъ!—крикнула она и вдругъ залилась слезами.

— Ну, что-жъ, милости просимъ! Комнатъ у меня довольно—живи!

— Больна я, дяденька! Очень, очень больна!

— А больна, такъ Богу молиться надо! Я и самъ, когда боленъ—все молитвой лѣчусь!

— Умирать я пріѣхала къ вамъ, дядя!

Порфирій Владимирычъ испытующимъ окомъ взглянулъ на нее, и чуть замѣтная усмѣшка скользнула по его губамъ.

— Доигралась! — произнесъ онъ чуть слышно, почти про себя.

— Да, доигралась. Любинка—та «доигралась» и умерла, а я вотъ... живу!

При извѣстіи о смерти Любиньки Іудушка набожно перекрестился и молитвенно пошепталъ. Аннинька, между тѣмъ, сѣла къ столу, облокотилась и, смотря въ сторону церкви, продолжала горько плакать.

— Вотъ плакать и отчаиваться—это грѣхъ!—учительно замѣтилъ Порфирій Владимирычъ.—По-христіански знаешь ли какъ надо? Не плакать, а покоряться и уповать—вотъ какъ по-христіянски надлежитъ!

Но Аннинька откинулась на спинку стула и, тоскливо повѣсивъ руки, повторяла:

— Ахъ, ужъ и не знаю! Не знаю, не знаю, не знаю!

— Ежели ты объ сестрицѣ такъ убиваешься—такъ и это грѣхъ!—продолжалъ, между тѣмъ, поучать Іудушка.—Потому что хотя и похвально любить сестрицъ и братцевъ, однако, если Богу угодно одного изъ нихъ или даже и нѣсколькихъ призвать къ себѣ...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Вы, дядя, добрый? Добрый вы? Скажите!

Аннинька опять бросилась къ нему и обняла.

— Ну, добрый, добрый! Ну, говори, хочется чего-нибудь? Закусочки, чайку, кофейку? Требуй, распоряднсь!

Digitized by Google

Аннинькѣ вдругъ вспомнилось, какъ въ первый пріѣздъ ея въ Головлево дяденька спрашивалъ: «телятинки хочется? поросеночка? картофельцу?» — и она поняла, что никакого другого утѣшенія ей здѣсь не сыскать.

— Благодарю васъ, дядя,—сказала она, снова присаживаясь къ столу:—ничего особеннаго мнѣ не нужно. Я заранѣе увѣрена, что буду всѣмъ довольна.

— А будешь довольна, такъ и слава Богу! Въ Погорѣлку-то поѣдешь, что ли?

— Нѣтъ, дядя, я покамѣстъ у васъ поживу. Вѣдь вы ничего не имѣете противъ этого?

— Христосъ съ тобой, живи! Ежели я и спросилъ про Погорѣлку, такъ потому, что на случай поѣздки распоряженіе нужно сдѣлать: кибиточку, лошадушекъ.

— Нѣтъ, послѣ, послѣ!

— И прекрасно. Когда-нибудь послѣ съѣздишь, а покудова съ нами поживи. По хозяйству поможешь—я вѣдь одинъ! Краля-то эта,—Іудушка почти съ ненавистью указалъ на Евпраксеюшку, разливавшую чай: — все по людскимъ рыскаетъ, такъ иной разъ и не докличешься никого, весь домъ пустой! Ну, а покамѣстъ прощай. Я къ себѣ пойду. И помолюсь, и дѣломъ займусь, и опять помолюсь... Такъ-то, другъ! Давно ли Любинька-то скончалась?

— Да съ мѣсяцъ, дядя.

— Такъ мы завтра ранехонько къ обѣденкѣ сходимъ, да ксёвати и панихидку по новопреставьшейся рабѣ Божіей Любви отслужимъ... Такъ прощай покуда! Кушай-ко чай-то; а ежели закусочки захочется съ дорожки, и закусочки подать вели. А въ обѣдъ опять увидимся. Поговоримъ, побесѣдуемъ: коли нужно что распорядимся, а не нужно—и такъ посидимъ!

Такъ произошло это первое родственное свиданіе. Съ окончаніемъ его Аннинька вступила въ новую жизнь въ томъ самомъ постылomъ Головлевѣ, изъ котораго она ужъ дважды въ теченіе своей недолгой жизни не знала, какъ вырваться.

Аннинька пошла подъ гору очень быстро. Вызванное головлевской поѣздкой (послѣ смерти бабушки Арины Петровны) сознаніе, что она «барышня», что у нея есть свое гнѣздо и свои могилы, что не все въ ея жизни исчерпывается вонью и гвалтомъ гостиницъ и постоялыхъ дворовъ, что есть, наконецъ, убѣжище, въ которомъ ее не настигнутъ подлыя дыханья, зараженныя запахомъ вина и конюшни,

Digitized by Google

куда не ворвется тотъ «усатый», съ охрипшимъ отъ перепоя голосомъ, воспаленными глазами (ахъ, что онъ ей говорилъ! какіе жесты въ ея присутствіи дѣлалъ!),—это сознаніе улетучилось почти сейчасъ вслѣдъ за тѣмъ, какъ только пропало изъ вида Головлево.

Аннинька отправилась въ ту пору изъ Головлева прямо въ Москву и начала хлопотать, чтобъ ее и сестру приняли на казенную сцену. Съ этой цѣлью она обращалась и къ maman, директрисѣ института, въ которомъ она воспитывалась, и къ нѣкоторымъ институткимъ товаркамъ. Но вездѣ ее приняли какъ-то странно. Maman, отнесшаяся къ ней въ первую минуту довольно радушно, какъ только узнала, что она играетъ въ провинціальномъ театрѣ, вдругъ перемѣнила благосклонное выраженіе лица на важное и строгое, а товарки, бо́льшею частью замужнія женщины, взглянули на нее съ такимъ нахальнымъ изумленіемъ, что она просто-на-просто струсила. Только одна, болѣе добродушная, нежели другія, желая показать участіе, спросила:

— А скажи, душка, правда ли, что когда вы, актрисы, одѣваетесь въ уборныхъ, то вамъ стягиваютъ корсеты офицеры?

Однимъ словомъ, ея попытки утвердиться въ Москвѣ такъ и остались попытками. Надо, впрочемъ, сказать правду, что и настоящихъ задатковъ она для успѣха на столичной сценѣ не имѣла. И она, и Любинька принадлежали къ числу тѣхъ бойкихъ, но не особенно даровитыхъ актрисъ, которыя всю жизнь играютъ одну и ту же роль. Аннинькѣ удалась «Перикола», Любинькѣ — «Анютины глазки» и «Полковникъ старыхъ временъ». И затѣмъ, за что бы онѣ ни принимались вездѣ выходили «Периколы» и «Анютины глазки», а въ большинствѣ случаевъ, пожалуй, и совсѣмъ ничего не выходило. Приходилось Аннинькѣ играть и «Прекрасную Елену» (по обязанностямъ службы даже и часто); она накладывала на свои пепельные волосы совершенно огненный парикъ, дѣлала въ туникѣ разрѣзъ до самаго пояса, но за всѣмъ тѣмъ выходило посредственно, вяло, даже нецинично. Отъ «Елены» она перешла къ «Отрывкамъ изъ Герцогини Герольштейнской», и такъ какъ тутъ къ безцвѣтной игрѣ прибавилась еще совершенно безсмысленная постановка, то вышло уже что-то совсѣмъ глупое. Наконецъ, взялась играть Клеретту въ «Дочери рынка»; но здѣсь, стараясь наэлектризовать публику, до такой степени переиграла, что и неприхотливымъ провин-

Digitized by Google

ціальнымъ зрителямъ показалось, что по сценѣ мечется даже не актриса, желающая «угодить», а просто какая-то непристойная лохань. Вообще объ Аннинькѣ составилась репутація, что она актриса проворная, обладающая недурнымъ голосомъ, а такъ какъ при этомъ у нея была красивая внѣшность, то въ провинціи она могла, пожалуй, дѣлать сборы. Но и только. Заставить говорить о себѣ она не могла и никакой опредѣленной физіономіи не имѣла. Даже въ средѣ провинціальной публики ея партію составляли исключительно служители всѣхъ родовъ оружія, главная претензія которыхъ заключалась въ томъ, чтобы имѣть свободный входъ за кулисы. Въ столицѣ же она была мыслима не иначе, какъ навязанная очень сильнымъ покровительствомъ, но и за всѣмъ тѣмъ отъ публики она навѣрное заслужила бы только незавидное прозвище «арфистки».

Приходилось возвращаться въ провинцію. Въ Москвѣ Аннинька получила отъ Любиньки письмо, изъ котораго узнала, что ихъ труппа перекочевала изъ Кречетова въ губернскій городъ Самоварновъ, чему она, Любинька, очень рада, потому что подружилась съ однимъ самоварновскимъ земскимъ дѣятелемъ, который до того увлекся ею, что «готовъ, кажется, земскія деньги украсть», лишь бы выполнить все, что она ни пожелаетъ. И дѣйствительно, пріѣхавши въ Самоварновъ, Аннинька застала сестру среди роскошной сравнительно обстановки и легкомысленно рѣшившею бросить сцену. Въ минуту пріѣзда у Любиньки находился и «другъ» ея, земскій дѣятель Гаврило Степанычъ Люлькинъ. Это былъ отставной гусарскій штабсъ-ротмистръ, еще недавно bellhomme, но теперь уже слегка отяжелѣвшій. Лицо у него было благородное, манеры благородныя, образъ мыслей благородный, но въ то же время все вмѣстѣ взятое внушало увѣренность, что человѣкъ этотъ отнюдь не обратится въ бѣгство передъ земскимъ ящикомъ. Любинька приняла сестру съ распростертыми объятіями и объявила, что въ ея квартирѣ для нея приготовлена комната.

Но подъ вліяніемъ недавней поѣздки въ «свое мѣсто» Аннинька разсердилась. Между сестрами завязался горячій разговоръ, а потомъ произошла и размолвка. Невольно вспомнилось при этомъ Аннинькѣ, какъ воплинскій батюшка говорилъ, что трудно въ актерскомъ званіи «сокровище» соблюсти.

Аннинька поселилась въ гостинницѣ и прекратила всякія

Digitized by Google

сношенія съ сестрой. Прошла Святая; на Ѳоминой начались спектакли, и Аннинька узнала, что на мѣсто сестры уже выписана изъ Казани дѣвица Налимова, актриса неважная, но зато совершенно безпрепятственная въ смыслѣ тѣлодвиженій. По обыкновенію Аннинька вышла передъ публикой въ «Периколѣ» и привела самоварновскихъ обывателей въ восторгъ. Возвратившись въ гостиницу, она нашла въ своемъ номерѣ пакетъ, въ которомъ оказались сторублевая бумажка и коротенькая записка, гласившая: «А въ случаѣ чего, и еще столько же. Купецъ, торгующій модным товаромъ, Кукишевъ». Аннинька разсердилась и пошла жаловаться хозяину гостиницы; но хозяинъ объявилъ, что у Кукишева такое ужъ «обнаковеніе», чтобъ всѣхъ актрисъ съ пріѣздомъ поздравлять, а впрочемъ-де онъ человѣкъ смирный и обижаться на него не стоитъ. Слѣдуя этому совѣту, Аннинька запечатала въ конвертъ письмо и деньги и, возвративъ на другой день все по принадлежности, успокоилась.

Но Кукишевъ оказался болѣе упорнымъ, нежели какъ о немъ отозвался хозяинъ гостиницы. Онъ считалъ себя въ числѣ друзей Люлькина и находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ къ Любинькѣ. Человѣкъ онъ былъ состоятельный и, сверхъ того, подобно Люлькину, въ качествѣ члена городской управы, состоялъ въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ относительно городского ящика. И при семъ, подобно тому же Люлькину, обладалъ неустрашимостью. Наружность онъ имѣлъ, съ гостинодворской точки зрѣнія, обольстительную. А именно, напоминалъ того жука, котораго, по словамъ пѣсни, вмѣсто ягодъ, нашла въ полѣ Маша:

Жука чернаго съ усами
И съ курчавой головой,
Съ чернобурыми бровями—
Настоящій милый мой!

Затѣмъ, заручившись такою наружностью, онъ тѣмъ болѣе считалъ себя въ правѣ дерзать, что Любинька прямо обѣщала ему свое содѣйствіе.

Вообще Любинька, повидимому, окончательно сожгла свои корабли, и о ней ходили самыя непріятныя для сестрина самолюбія слухи. Говорили, что каждый вечеръ у нея собирается кутежная ватага, которая ужинаетъ съ полуночи до утра. Что Любинька предсѣдаетъ въ этой компаніи и, представляя изъ себя «цыганку», полураздѣтая (при этомъ

Digitized by Google

Люлькинъ, обращаясь къ пьянымъ друзьямъ, восклицалъ: «посмотрите, вотъ это такъ грудь!»), съ распущенными волосами и съ гитарой въ рукахъ, пѣлъ:

Ахъ, какъ было мнѣ пріятно
Съ этимъ милымъ усачомъ!

Аннинька слушала эти разсказы и волновалась. И что̀ всего болѣе изумляло ее—это то, что Любинька пѣлъ романсъ объ усачѣ на цыганскій манеръ; точь въ точь какъ московская Матреша! Аннинька всегда отдавала полную справедливость Любинькѣ, и если-бъ ей сказали, напримѣръ, что Любинька «неподражаемо» пѣлъ куплеты изъ «Полковника старыхъ временъ»—она, разумѣется, нашла бы это совершенно натуральнымъ и охотно повѣрила бы. Да этому нельзя было и не вѣрить, потому что и курская, и тамбовская, и пензенская публика до сихъ поръ помнитъ, съ какою неподражаемою наивностью Любинька своимъ маленькимъ голоскомъ заявляла о желаніи быть *под*полковникомъ... Но чтобы Любинька могла пѣть по-цыгански, на манеръ Матреши—это извините-съ! это—ложь-съ! Вотъ она, Аннинька, *можетъ* такъ пѣть—это несомнѣнно. Это ея жанръ, это ея амплуа, и весь Курскъ, видѣвшій ее въ пьесѣ «Русскіе романсы въ лицахъ», охотно засвидѣтельствуетъ, что она «можетъ».

И Аннинька брала въ руки гитару, перекидывала черезъ плечо полосатую перевязь, садилась на стулъ, клала ногу на ногу и начинала: «и-эхъ, и-ахъ!» И дѣйствительно, выходило именно, точка въ точку, такъ, какъ у цыганки Матреши.

Какъ бы то ни было, но Любинька роскошничала, а Люлькинъ, чтобы не омрачить картины хмельного блаженства какими-нибудь отказами, повидимому, уже приступилъ къ позаимствованіямъ изъ земскаго ящика. Не говоря о массѣ шампанскаго, которое всякую ночь выпивалось и выливалось на полъ въ квартирѣ Любиньки, она сама дѣлалась съ каждымъ днемъ капризнѣе и требовательнѣе. Явились на сцену сперва выписанныя изъ Москвы платья отъ m-me Минангуа, а потомъ и брильянты отъ Фульда. Любинька была расчетлива и не пренебрегала цѣнностями. Пьяная жизнь—сама по себѣ, а золото и камешки, въ особенности выигрышные билеты—сами по себѣ. Во всякомъ случаѣ, жилось не то чтобы весело, а буйно, безпардонно, изъ угара въ угаръ. Одно было непріятно: оказывалось нужнымъ заслуживать благосклонное вниманіе господина

Digitized by Google

полицеймейстера, который хотя и принадлежалъ къ числу друзей Люлькина, но иногда любилъ далъ почувствовать, что онъ въ нѣкоторомъ родѣ власть. Любинька всегда угадывала, когда полицеймейстеръ бывалъ недоволенъ ея угощеніемъ, потому что въ такихъ случаяхъ къ ней являлся на другой день утромъ частный приставъ и требовалъ паспортъ. И она покорялась: утромъ подавала частному приставу закуску и водку, а вечеромъ собственноручно дѣлала для господина полицеймейстера какой-то «шведскій» пуншъ, до котораго онъ былъ большой охотникъ.

Кукишевъ видѣлъ это разливное море и сгоралъ отъ зависти. Ему захотѣлось, во что бы ни стало, имѣть точно такой же выѣзжій домъ и точь въ точь такую же «крали». Тогда можно было бы и время разнообразнѣе проводить: сегодня ночь — у Люлькинской «крали», завтра ночь — у его, Кукишева, «крали». Это была его завѣтная мечта, мечта глупаго человѣка, который чѣмъ глупѣе, тѣмъ упорнѣе въ достиженіи своихъ цѣлей. И самою подходящею личностью для осуществленія этой мечты представлялась Аннинька.

Однакожъ, Аннинька не сдавалась. До сихъ поръ кровь еще не говорила въ ней, хотя она имѣла много поклонниковъ и не стѣснялась въ обращеніи съ ними. Была одна минута, когда ей казалось, что она готова полюбить мѣстнаго трагика, Милославскаго 10-го, который и въ свою очередь, повидимому, сгоралъ къ ней страстью. Но Милославскій 10-й былъ такъ глупъ и притомъ такъ упорно нетрезвъ, что ни разу ничего ей не высказалъ, а только таращилъ глаза и какъ-то нелѣпо икалъ, когда она проходила мимо. Такъ эта любовь и заглохла въ самомъ зачаткѣ. На всѣхъ же остальныхъ поклонниковъ Аннинька просто смотрѣла какъ на неизбѣжную обстановку, на которую провинціальная актриса осуждена самыми условіями своего ремесла. Она покорялась этимъ условіямъ, пользовалась тѣми маленькими льготами (рукоплесканія, букеты, катанья на тройкахъ, пикники и проч.), которыя они ей предоставляли, но дальше этого, такъ сказать, внѣшняго распутства не шла.

Такъ поступила она и теперь. Въ продолженіе цѣлаго лѣта она неуклонно пребывала на стези добродѣтели, ревниво ограждая свое «сокровище» и какъ бы желая заочно доказать воплинскому батюшкѣ, что и въ средѣ актрисъ встрѣчаются личности, которымъ не чуждо геройство.

Digitized by Google

Однажды она даже рѣшилась пожаловаться на Кукишева начальнику края, который благосклонно ее выслушалъ и за геройство похвалилъ, рекомендовавъ и на будущее время пребывать въ ономъ. Но вмѣстѣ съ нимъ, увидѣвъ въ ея жалобѣ лишь предлогъ для косвеннаго нападенія на его собственную, начальника края, персону, изволилъ присовокупить, что, истративъ силы въ борьбѣ съ внутренними врагами, не имѣетъ твердаго основанія полагать, чтобы онъ могъ быть въ требуемомъ смыслѣ полезнымъ. Выслушавъ это, Аннинька покраснѣла и ушла.

Между тѣмъ Кукишевъ дѣйствовалъ такъ ловко, что успѣлъ заинтересовать въ своихъ домогательствахъ и публику. Публика какъ-то вдругъ догадалась, что Кукишевъ правъ, и что дѣвица Погорѣльская 1-я (такъ она печаталась въ афишахъ) не Богъ вѣсть какая «фря», чтобы разыгрывать изъ себя недотрогу. Образовалась цѣлая партія, которая поставила себѣ задачей обуздать строптивую выскочку. Началось съ того, что закулисные завсегдатаи стали обѣгать ея уборную и свили себѣ гнѣздо по сосѣдству, въ уборной дѣвицы Налимовой. Потомъ—не высказывая, впрочемъ, прямо враждебныхъ дѣйствій — начали принимать дѣвицу Погорѣльскую, при ея выходахъ, съ такою убійственною воздержностью, какъ будто на сцену появился не первый сюжетъ, а какой-нибудь оглашенный статистъ. Наконецъ, настояли на томъ, чтобы антрепренеръ отобралъ у Аннинькн нѣкоторыя роли и отдалъ ихъ Налимовой. И что еще любопытнѣе—во всей этой подпольной интригѣ самое дѣятельное участіе принимала Любинька, у которой Налимова состояла на правахъ наперсницы.

Къ осени Аннинька съ изумленіемъ увидѣла, что ее заставляютъ играть Ореста въ «Прекрасной Еленѣ», и что изъ прежнихъ первыхъ ролей за ней оставлена только Периколa, да и то потому, что сама дѣвица Налимова не рѣшилась соперничать съ нею въ этой пьесѣ. Сверхъ того, антрепренеръ объявилъ ей, что, въ виду охлажденія къ ней публики, жалованье ея сокращается до 75 рублей въ мѣсяцъ съ однимъ полубенефисомъ въ теченіе года.

Аннинька струсила, потому что при такомъ жалованьи ей приходилось переходить изъ гостиницы на постоялый дворъ. Она написала письма къ двумъ-тремъ антрепренерамъ, предлагая свои услуги, но отовсюду получила отвѣтъ, что нынче и безъ того отъ Периколъ отбою нѣтъ, а такъ какъ, сверхъ того, изъ достовѣрныхъ источниковъ сдѣлалось

Digitized by Google

извѣстно объ ея строптивости, то и тѣмъ больше надеждъ на успѣхъ не предвидится.

Аннинька проживала послѣднія запасныя деньги. Еще недѣля—и ей не миновать было постоялаго двора, наравнѣ съ дѣвицей Хорошавиной, игравшей Парфенисъ и пользовавшейся покровительствомъ квартальнаго надзирателя. На нее начало находить что-то въ родѣ отчаянія, тѣмъ больше, что въ ея номеръ каждый день таинственная рука подбрасывала записку одного и того же содержанія: «Перикола, покорись! Твой Кукишевъ». И вотъ, въ эту тяжелую минуту къ ней совсѣмъ неожиданно ворвалась Любинька.

— Скажи на милость, для какого принца ты свое сокровище бережешь?—спросила она кратко.

Аннинька оторопѣла. Прежде всего ее поразило, что и воплинскій батюшка, и Любинька въ одинаковомъ смыслѣ употребляютъ слово «сокровище». Только батюшка видитъ въ сокровищѣ «основу», а Любинька смотритъ на него, какъ на пустое дѣло, отъ котораго, впрочемъ, «подлецы-мужчины» способны доходить до одурѣнія.

Затѣмъ она невольно спросила себя: что такое, въ самомъ дѣлѣ, это сокровище? дѣйствительно ли оно сокровище и стоитъ ли беречь его?—и увы!—не нашла на этотъ вопросъ удовлетворительнаго отвѣта. Съ одной стороны, какъ будто совѣстно остаться безъ сокровища, а съ другой... ахъ, чортъ побери! да неужели же весь смыслъ, вся заслуга жизни въ томъ только и должна выразиться, чтобы каждую минуту вести борьбу за сокровище?

— Я въ полгода успѣла тридцать выигрышныхъ билетовъ скопить,—продолжала, между тѣмъ, Любинька:—да вещей сколько... Посмотри, какое на мнѣ платье!

Любинька повернулась кругомъ, обернулась сперва спереди, потомъ сзади и дала себя осмотрѣть со всѣхъ сторонъ. Платье было дѣйствительно и дорогое, и изумительно сшитое: прямо отъ Минангуа изъ Москвы.

— Кукишевъ—добрый,—опять начала Любинька:—онъ тебя, какъ куколку, вырядитъ, да и денегъ дастъ. Театръ-то можно будетъ и по-боку... Достаточно!

— Никогда!—горячо вскрикнула Аннинька, которая еще не забыла словъ: «святое искусство!»

— Можно и остаться, если хочешь. Старшій окладъ опять получишь, впереди Налимовой пойдешь.

Аннинька молчала.

Digitized by Google

— Ну, прощай. Меня внизу ждутъ наши. И Кукишевъ тамъ. Ѣдемъ?

Но Аннинька продолжала молчать.

— Ну, подумай, коли есть надъ чѣмъ думать... А когда надумаешь—приходи. Прощай!

17-го сентября, въ день Любинькиныхъ именинъ, афиша самоварновскаго театра возвѣщала *экстраординарное* представленіе. Аннинька явилась вновь въ роли «Прекрасной Елены», и въ тотъ же вечеръ, «на сей только разъ», роль Ореста выполнила дѣвица Погорѣльская 2-я, то-есть Любинька. Къ довершенію торжества, и тоже «на сей только разъ», дѣвицу Налимову одѣли въ трико и коротенькую визитку, слегка тронули лицо сажей, вооружили желѣзнымъ листомъ и выпустили на сцену въ роли кузнеца Клеона. Въ впду всего этого и публика была какъ-то восторженно настроена. Едва показалась изъ-за кулисъ Аннинька, какъ ее встрѣтилъ такой гвалтъ, что она, совсѣмъ уже отвыкшая отъ овацій, почувствовала, что къ ея горлу подступаютъ рыданія. А когда, въ третьемъ актѣ, въ сценѣ ночного пробужденія, она встала съ кушетки почти обнаженная, то въ залѣ поднялся въ полномъ смыслѣ слова стонъ, такъ что одинъ черезчуръ наэлектризованный зритель крикнулъ появившемуся въ дверяхъ Менелаю: «Да уйди ты, постылый человѣкъ, вонъ!» Аннинька поняла, что публика простила ее. Съ своей стороны, Кукишевъ, во фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ и бѣлыхъ перчаткахъ, съ достоинствомъ заявлялъ о своемъ торжествѣ и въ антрактахъ поилъ въ буфетѣ шампанскимъ знакомыхъ и незнакомыхъ. Наконецъ, и антрепренеръ театра, преисполненный ликованія, явился въ уборную Аннинькп и, вставъ на колѣна, сказалъ:

— Ну, вотъ, барышня, теперь вы — паиька! И потому съ нынѣшняго же вечера, попрежнему, переводитесь на высшій окладъ съ соотвѣтствующимъ числомъ бенефисовъ-съ!

Однимъ словомъ, всѣ ее хвалили, всѣ поздравляли и заявляли о сочувствіи, такъ что она и сама, сначала робѣвшая и какъ бы не находившая мѣста отъ гнетущей тоски, совершенно неожиданно прониклась убѣжденіемъ, что она... выполнила свою миссію!

Послѣ спектакля всѣ отправились къ именинницѣ, и тутъ поздравленія усугубились. Въ квартирѣ Любиньки собралась такая толпа и сразу такъ надымила табакомъ, что трудно было дышать. Сейчасъ сѣли за ужинъ и полилось шампанское. Кукишевъ ни на шагъ не отходилъ отъ

Digitized by Google

Аннинькн, которая, повидимому, была слегка смущена, но въ то же время уже не тяготилась этимъ ухаживаніемъ. Ей казалось немножко смѣшно, но и лестно, что она такъ легко пріобрѣла себѣ этого рослаго и сильнаго купчину, который шутя можетъ подкову согнуть и разогнуть, и которому она можетъ все приказать, и что захочетъ, то съ нимъ и сдѣлаетъ. За ужиномъ началось общее веселье, то пьяное, безпорядочное веселье, въ которомъ не принимаютъ участія ни умъ, ни сердце и отъ котораго на другой день болитъ голова и ощущаются позывы на тошноту. Только одинъ изъ присутствующихъ, трагикъ Милославскій 10-й, глядѣлъ угрюмо и, уклоняясь отъ шампанскаго, рюмка за рюмкой хлопалъ водку-простецъ. Что касается до Аннинькн, то она нѣкоторое время воздерживалась отъ «упоенія»; но Кукишевъ былъ такъ настоятеленъ и такъ жалко умолялъ на колѣняхъ: «Анна Семеновна! за вами дюбѣтъ-съ (debet)! Позвольте просить-съ! За ваше блаженство-съ, совѣтъ да любовь-съ! Сдѣлайте ваше одолженіе-съ!»—что ей хотъ и досадно было видѣть его глупую фигуру и слушать его глупыя рѣчи, но она все-таки не могла отказаться, и не успѣла опомниться, какъ у нея закружилась голова. Любинька, съ своей стороны, была такъ великодушна, что сама предложила Аннинькѣ спѣть: «Ахъ, какъ было мнѣ пріятно съ этимъ милымъ усачомъ», что послѣдняя и выполнила съ такимъ совершенствомъ, что всѣ воскликнули: «Вотъ это такъ ужъ точно... по-Матрешиному!» Взамѣнъ того Любинька мастерски спѣла куплеты о томъ, какъ пріятно быть *под*полковникомъ, и всѣхъ сразу убѣдила, что это настоящій ея жанръ, въ которомъ у нея точно такъ же нѣтъ соперницъ, какъ у Аннинькн—въ пѣсняхъ съ цыганскимъ пошибомъ. Въ заключеніе Милославскій 10-й и дѣвица Налимова представили «сценку маскарадъ», въ которой трагикъ декламировалъ отрывки изъ «Уголино» («Уголино», трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, соч. Н. Полевого), а Налимова подавала ему реплики изъ неизданной трагедіи Баркова. Выходило нѣчто до такой степени неожиданное, что дѣвица Налимова чуть-чуть не затмила дѣвицъ Погорѣльскихъ и не сдѣлалась героинею вечера.

Было уже почти свѣтло, когда Кукишевъ, оставивши дорогую именинницу, усаживалъ Аннинькн въ коляску. Благочестивые мѣщане возвращались отъ заутрени и, глядя на расфранченную и слегка пошатывавшуюся дѣвицу Погорѣльскую 1-ю, угрюмо ворчали:

Digitized by Google

— Люди изъ церкви идутъ, а они вино жрутъ... пропасти на васъ нѣтъ!

Отъ сестры Аннинька отправилась уже не въ гостиницу, а на *свою* квартиру, маленькую, но уютную и очень мило отдѣланную. Туда же, слѣдомъ за ней, вошелъ и Кукишевъ.

Вся зима прошла въ какомъ-то неслыханномъ чаду. Аннинька окончательно закружилась, и ежели по временамъ вспоминала о «сокровищѣ», то только для того, чтобы сейчасъ же мысленно присовокупить: «какая я, однакожъ, была дура!» Кукишевъ подъ вліяніемъ гордаго сознанія, что его идея насчетъ «крали» равнаго достоинства съ Любинькой осуществилась, не только не жалѣлъ денегъ, но, подстрекаемый соревнованіемъ, выписывалъ непремѣнно два наряда, когда Люлькинъ выписывалъ только одинъ, и ставилъ двѣ дюжины шампанскаго, когда Люлькинъ ставилъ одну. Даже Любинька начала завидовать сестрѣ, потому что послѣдняя успѣла за зиму накопить сорокъ выигрышныхъ билетовъ, кромѣ порядочнаго количества золотыхъ бездѣлушекъ съ камешками и безъ камешковъ. Онѣ, впрочемъ, опять сдружились и рѣшили все накопленіе хранить сообща. При этомъ Аннинька все еще о чемъ-то мечтала и въ интимной бесѣдѣ съ сестрой говорила:

— Когда *все это* кончится, то мы поѣдемъ въ Погорѣлку. У насъ будутъ деньги, и мы начнемъ хозяйничать.

На что Любинька очень цинично возражала:

— А ты думаешь, что *это* когда-нибудь кончится... дура!

На несчастье Анниньки, у Кукишева явилась новая «идея», которую онъ началъ преслѣдовать съ обычнымъ упорствомъ. Какъ человѣку неразвитому и при томъ несомнѣнно неумному, ему казалось, что онъ очутился наверху блаженства, если его «краля» будетъ «дѣлать ему акомпаниментъ», т. е. вмѣстѣ съ нимъ станетъ пить водку.

— Хлопнемте-съ, вмѣстѣ-съ, по одной-съ! — приставалъ онъ къ ней безпрестанно (онъ всегда говорилъ Анниньке «вы», во-первыхъ, цѣня въ ней дворянское званіе, и, во-вторыхъ, желая показать, что и онъ не даромъ жилъ «въ мальчикахъ» въ московскомъ гостиномъ дворѣ).

Аннинька нѣкоторое время отнѣкивалась, ссылаясь на то, что и Люлькинъ никогда не заставлялъ Любиньку пить водку.

— Однакожъ, онѣ изъ любви къ господину Люлькину, все-таки, кушаютъ-съ! — возразилъ Кукишевъ. — Да и позвольте вамъ доложить, кралечка-съ, развѣ намъ господа

Digitized by Google

Люлькины образецъ-съ? Они — Люлькины-съ, а мы съ вами—Кукишевы-съ! Оттого мы и хлопнемъ по-нашему-съ, по-кукишевски-съ!

Однимъ словомъ, Кукишевъ настоялъ. Однажды Аннинька приняла изъ рукъ своего возлюбленнаго рюмку, наполненную зеленой жидкостью, и разомъ опрокинула ее въ горло. Разумѣется, не взвидѣла свѣта, поперхнулась, закашлялась, закружилась и этимъ привела Кукишева въ неистовый восторгъ.

— Позвольте вамъ доложить, кралечка, вы не такъ кушаете-съ! Вы слишкомъ ужъ скоро-съ! — поучалъ онъ ее, когда она немного успокоилась. — Пакальчикъ (такъ называлъ онъ рюмку) слѣдуетъ держать въ ручкахъ вотъ какъ-съ! Потомъ поднести къ устамъ и не торопясь: разъ, два, три... Господи благослови!

И онъ спокойно и серьезно опрокинулъ рюмку въ горло, точно вылилъ содержаніе ея въ лохань. Даже не поморщился, а только взялъ съ тарелки миніатюрный кусочекъ чернаго хлѣба, обмакнулъ въ солонку и пожевалъ.

Такимъ образомъ, Кукишевъ добился осуществленія и второй своей «идеи», и началъ ужъ помышлять о томъ, какую бы такую новую «идею» выдумать, чтобы господамъ Люлькинымъ въ носъ бросилось. И, разумѣется, выдумалъ.

— Знаете ли что-съ,—вдругъ объявилъ онъ:—ужо̀, какъ лѣто наступитъ, отправимтесь-ка мы съ господами Люлькиными за кампанію ко мнѣ на мельницу-съ, возьмемъ съ собой сакваяжъ-съ (такъ называлъ онъ коробокъ съ виномъ и закуской) и искупаемся въ рѣчкѣ-съ, съ обоюднаго промежду себя согласія-съ!

— Ну, ужъ этому-то никогда не бывать! возражала съ негодованіемъ Аннинька.

— Отчего такъ-съ? Сначала искупаемся-съ, потомъ чуточку хлопнемъ-съ, а потомъ немного проклаже и опять искупаемся-съ! Расчудесное будетъ дѣло-съ!

Неизвѣстно, осуществилась ли эта новая «идея» Кукишева, но извѣстно, что цѣлый годъ длился этотъ пьяный угаръ, и въ продолженіе этого времени ни городская управа, ни земская таковая-жъ не обнаружили ни малѣйшаго безпокойства относительно господъ Кукишева и Люлькина. Люлькинъ, впрочемъ, ѣздилъ, для вида, въ Москву и, воротившись, сказывалъ, что продалъ на срубъ лѣсъ; а когда ему напомнили, что онъ уже четыре года тому назадъ,

Digitized by Google

когда жилъ съ цыганкой Домашкой, продалъ лѣсъ, то онъ возражалъ, что тогда онъ сбылъ урочище Дрыгаловское, а теперь пустошь Дашкину-Стыдобышку. Причемъ, для приданія своему разсказу бо́льшаго вѣроятія, присовокупилъ, что проданная пустошь была такъ названа потому, что при крѣпостномъ правѣ въ этомъ лѣсу «застали» дѣвку Дашку и тутъ же на мѣстѣ наказывали за это розгами. Что касается Кукишева, то онъ, для отвода глазъ, распускалъ подъ рукой слухъ, что безпошлинно привезъ изъ-за границы въ карандашахъ партію кружевъ, и этою операціей нажилъ хорошій барышъ.

Тѣмъ не менѣе, въ сентябрѣ слѣдующаго года полицеймейстеръ попросилъ у Кукишева заимообразно тысячу рублей, и Кукишевъ имѣлъ неблагоразуміе отказать. Тогда полицеймейстеръ началъ о чемъ-то перешептываться съ товарищемъ прокурора («оба у меня шампанское каждый вечеръ лакали!»—показывалъ впослѣдствіи на судѣ Кукишевъ). И вотъ, 17-го сентября, въ годовщину Кукишевскихъ «любвей», когда онъ, вмѣстѣ съ прочими, вновь праздновалъ именины Любиньки, прибѣжалъ гласный изъ городской управы и объявилъ Кукишеву, что въ управѣ собралось присутствіе и составляется протоколъ.

— Стало-быть, «дюбе́тъ» нашли? — довольно развязно воскликнулъ Кукишевъ и безъ дальнихъ разговоровъ послѣдовалъ за посланнымъ въ управу, а оттуда въ острогъ.

На другой день всполошилась и земская управа. Собрались члены, послали въ казначейство за денежнымъ ящикомъ, считали, пересчитывали, но какъ ни хлопали на счетахъ, а въ концѣ концовъ оказалось, что и тутъ «дюбе́тъ». Люлькинъ присутствовалъ при ревизіи, блѣдный, угрюмый, но... благородный! Когда «дюбе́тъ» обнаружился вполнѣ осязательно и члены, каждый про себя, обсуждали, какое Дрыгаловское урочище придется каждому изъ нихъ продавать для пополненія растраты, Люлькинъ подошелъ къ окну, вынулъ изъ кармана револьверъ и тутъ же всадилъ себѣ пулю въ високъ.

Много говору надѣлало въ городѣ это происшествіе. Судили и сравнивали. Люлькина жалѣли, говорили: «По крайней мѣрѣ благородно покончилъ!» О Кукишевѣ отзывались: «Аршинникомъ родился, аршинникомъ и умретъ». А объ Аннинькѣ и Любинькѣ говорили прямо, что это — «опѣ», что это — «изъ-за нихъ», и что ихъ тоже не мѣшало бы

Digitized by Google

засадить въ острогъ, чтобы подобнымъ прощалыгамъ впредь неповадно было.

Слѣдователь, однакожъ, не засадилъ ихъ въ острогъ, но зато такъ настращалъ, что онѣ совсѣмъ растерялись. Нашлись, конечно, люди, которые пріятельски совѣтовали припрятать что̀ поцѣннѣе, но онѣ слушали и ничего не понимали. Благодаря этому, адвокатъ истцовъ (обѣ управы наняли одного и того же адвоката), отважный малый, въ видахъ обезпеченія исковъ, явился, въ сопровожденіи судебнаго пристава, къ сестрамъ, и все, что̀ нашелъ, описалъ и опечаталъ, оставивъ въ ихъ распоряженіи только платья и тѣ золотыя и серебряныя вещи, которыя, судя по выгравированнымъ надписямъ, оказывались приношеніями восхищенной публики. Любинька успѣла, однакожъ, при этомъ захватить пачку бумажекъ, подаренную ей наканунѣ, и спрятать за корсетъ. Въ этой пачкѣ оказалась тысяча рублей—все, чѣмъ сестры должны были неопредѣленное время существовать.

Въ ожиданіи суда ихъ держали въ Самоварномъ мѣсяца четыре. Затѣмъ начался судъ, на которомъ онѣ, а въ особенности Аннинька, выдержали цѣлую пытку. Кукишевъ былъ циниченъ до мерзости; даже надобности не было въ тѣхъ подробностяхъ, которыя онъ выложилъ; но онъ, очевидно, хотѣлъ порисоваться передъ самоварновскими дамами и излагалъ рѣшительно все. Прокуроръ и частный обвинитель, люди молодые и тоже желавшіе доставить самоварновскимъ дамамъ удовольствіе, воспользовались этимъ, чтобъ сообщить процессу игривый характеръ, въ чемъ, конечно, и успѣли. Аннинька нѣсколько разъ падала въ обморокъ, но частный обвинитель, озабочиваясь обезпеченіемъ иска, рѣшительно не обращалъ на это вниманія и ставилъ вопросы за вопросами. Наконецъ, слѣдствіе кончилось и предоставлено было слово заинтересованнымъ сторонамъ. Ужъ поздно ночью присяжные вынесли Кукишеву обвинительный приговоръ съ смягчающими, впрочемъ, обстоятельствами, вслѣдствіе чего онъ былъ тутъ же присужденъ къ ссылкѣ на житье въ западную Сибирь, въ мѣста не столь отдаленныя.

Съ окончаніемъ дѣла сестры получили возможность уѣхать изъ Самоварнаго. Да и время было, потому что спрятанная тысяча рублей подходила подъ исходъ. А сверхъ того и антрепренеръ кречетовскаго театра, съ которымъ онѣ предварительно сошлись, требовалъ, чтобы онѣ явились въ

Digitized by Google

Кречетовъ немедленно, грозя въ противномъ случаѣ прервать переговоры. О деньгахъ, вещахъ и бумагахъ, опечатанныхъ по требованію частнаго обвинителя, не было ни слуха, ни духа...

Таковы были послѣдствія небрежнаго обращенія съ «сокровищемъ». Измученныя, истерзанныя, подавленныя общимъ презрѣніемъ, сестры утратили всякую вѣру въ свои силы, всякую надежду на просвѣтъ въ будущемъ. Онѣ похудѣли, опустились, струсили. И къ довершенію всего, Аннинька, побывавши въ школѣ Кукишева, пріучилась пить.

Дальше пошло еще хуже. Въ Кречетовѣ, едва успѣли сестры выйти изъ вагона, какъ ихъ тотчасъ же разобрали по рукамъ. Любинку принялъ ротмистръ Папковъ, Аниньку—купецъ Забвенный. Но прежнихъ приволій уже не было. И Папковъ, и Забвенный были люди грубые, драчуны, но тратились умѣренно (Забвенный выражался: «глядя по товару»), а черезъ три-четыре мѣсяца и значительно охладѣли. Къ довершенію, рядомъ съ умѣренными любовными успѣхами, шли и черезчуръ умѣренные успѣхи сценическіе. Антрепренеръ, выписавшій сестеръ въ расчетѣ на скандалъ, произведенный ими въ Самоварновѣ, совсѣмъ неожиданно просчитался. На первомъ же представленіи, когда обѣ дѣвицы Погорѣльскія были на сценѣ, кто-то изъ райка крикнулъ: «Эхъ, вы, подсудимыя!» —и кличка эта такъ и осталась за сестрами, сразу рѣшивъ ихъ сценическую судьбу.

Потянулась вялая, глухая, лишенная всякаго умственнаго интереса жизнь. Публика была холодна, антрепренеръ дулся, покровители—не заступались. Забвенный, который, подобно Кукишеву, мечталъ, какъ онъ будетъ «понуждать» свою кралю прохаживаться съ нимъ по маленькой, какъ она будетъ сначала жеманиться, а потомъ мало-по-малу уступитъ, былъ очень обиженъ, когда увидѣлъ, что школа уже пройдена сполна, и что ему остается только одна утѣха: собирать пріятелей и смотрѣть, какъ Анютка «водку жретъ». Съ своей стороны и Папковъ былъ недоволенъ и находилъ, что Любинька похудѣла, или, какъ онъ выражался, «постервѣла».

— У тебя прежде тѣлеса были,—допрашивалъ онъ ее:— сказывай, куда ты ихъ дѣвала?

И вслѣдствіе этого не только не церемонился съ нею, но даже не разъ, подъ пьяную руку, бивалъ.

Digitized by Google

Къ концу зимы сестры не имѣли ни покровителей «настоящихъ», ни «постояннаго положенія». Онѣ еще держались кое-какъ около театра, но о «Периколахъ» и «Полковникахъ старыхъ временъ» не было ужъ и рѣчи. Любинька, впрочемъ, выглядѣла нѣсколько бодрѣе; Аннинька же, какъ болѣе нервная, совсѣмъ опустилась и, казалось, позабыла о прошломъ и не сознавала настоящаго. Сверхъ того, она начинала подозрительно кашлять: навстрѣчу ей, видимо, шелъ какой-то загадочный недугъ...

Слѣдующее лѣто было ужасно. Мало-по-малу сестеръ начали возить по гостиницамъ къ пріѣзжающимъ господамъ и на нихъ установилась умѣренная такса. Скандалы слѣдовали за скандалами, побоища за побоищами, но сестры были живучи, какъ кошки, и все льнули, все желали жить. Онѣ напоминали тѣхъ жалкихъ собачонокъ, которыя, несмотря на ошпариванія, израненныя, съ перешибленными ногами, все-таки лѣзутъ въ облюбованное мѣсто, визжатъ и лѣзутъ. Держать при театрѣ подобныхъ личностей оказалось неудобнымъ.

Въ эту мрачную годину только однажды лучъ свѣта ворвался въ существованіе Аннинькн. А именно: трагикъ Милославскій 10-й прислалъ изъ Самоварнова письмо, въ которомъ настоятельно предлагалъ ей руку и сердце. Аннинька прочла письмо и заплакала. Цѣлую ночь она металась, была, какъ говорится, сама не своя, но на утро послала короткій отвѣтъ: «Для чего? Для того, что ли, чтобъ вмѣстѣ водку пить?» Затѣмъ мракъ сгустился пуще прежняго и снова начался безконечный подлый угаръ.

Любинька первая очнулась, или, лучше сказать, не очнулась, а инстинктивно почувствовала, что жить довольно. Работы впереди уже не предвидѣлось: и молодость, и красота, и зачатки дарованія — все какъ-то вдругъ пропало. О томъ, что есть у нихъ пріютъ въ Погорѣлкѣ, ей ни разу даже не вспомнилось. Это было что-то далекое, смутное, совсѣмъ забытое. Если ихъ прежде не манило въ Погорѣлку, то теперь и подавно. Да, именно теперь, когда приходилось почти умирать съ голода, теперь-то меньше всего и манило туда. Съ какимъ лицомъ она явится? Съ лицомъ, на которомъ всевозможныя пьяныя дыханія выжгли тавро: «подлая!» Вездѣ они легли, эти проклятыя дыханія; вездѣ они чувствуются, на всякомъ мѣстѣ. И что всего ужаснѣе — и она, и Аннинька настолько освоились съ этими дыханіями, что незамѣтно сдѣлали ихъ неразрыв-

Digitized by Google

ною частью своего существованія. Имъ не омерзительны ни трактирная вонь, ни гвалтъ постоялыхъ дворовъ, ни цинизмъ пьяныхъ рѣчей, такъ что если-бъ онѣ ушли въ Погорѣлку, то имъ навѣрное всего этого будетъ недоставать. Но, кромѣ того, вѣдь и въ Погорѣлкѣ надо чѣмъ-нибудь существовать. Сколько ужъ лѣтъ онѣ мыкаются по бѣлу свѣту, а о доходахъ съ Погорѣлки что-то не слыхать. Не мнозъ ли она? не вымерли ли тамъ всѣ? Всѣ эти свидѣтели далекаго и вѣчно памятнаго дѣтства, когда ихъ, сиротокъ, бабенька Арина Петровна воспитывала на кисломъ молокѣ и попорченной солонинѣ... Ахъ, что это было за дѣтство! Что это за жизнь... вся вообще! Вся жизнь... вся, вся, вся жизнь!

Ясно, что надо умереть. Разъ эта мысль освѣтила совѣсть, она дѣлается ужъ неотвязною. Обѣ сестры нерѣдко пробуждались отъ угара; но у Аннинькн эти пробужденія сопровождались истериками, рыданіями, слезами и проходили быстрѣе. Любинька была холоднѣе по природѣ, а потому не плакала, не проклинала, а только упорно помнила, что она «подлая». Сверхъ того, Любинька была разсудительна и какъ-то совершенно ясно сообразила, что жить даже и расчета нѣтъ. Совсѣмъ ничего не видится впереди, кромѣ позора, нищеты и улицы. Позоръ — дѣло привычки, его можно перенести, но нищеты — никогда! Лучше покончить разомъ, со всѣмъ.

— Надо умереть, сказала она однажды Аннинькѣ тѣмъ же холодно-разсудительнымъ тономъ, которымъ, два года тому назадъ, спрашивала ее, для кого она бережетъ свое сокровище.

— Зачѣмъ? —какъ-то испуганно возразила Аннинька.

— Я тебѣ серьезно говорю: надо умереть! — повторила Любинька.—Пойми, очнись, постарайся!

— Что-жъ... умремъ! — согласилась Аннинька, едва ли, однакоже, сознавая то суровое значеніе, которое заключало въ себѣ это рѣшеніе.

Въ тотъ же день Любинька наломала головокъ отъ фосфорныхъ спичекъ и приготовила два стакана настоя. Одинъ изъ нихъ выпила сама, другой подала сестрѣ. Но Аннинька мгновенно струсила и не хотѣла пить.

— Пей... подлая! — кричала на нее Любинька: — Сестрица, милая, голубушка, пей!

Аннинька, почти обезумѣвъ отъ страха, кричала и ме-

Digitized by Google

талась по комнатѣ, и въ то же время инстинктивно хваталась руками за горло, словно пыталась задавиться.

— Шей, шей... подлая!

Артистическая карьера дѣвицъ Погорѣльскихъ кончилась. Въ тотъ же день вечеромъ Любинькинъ трупъ вывезли въ поле и зарыли. Аннинька осталась жива.

По пріѣздѣ въ Головлево, Аннинька очень быстро внесла въ старое Іудушкино гнѣздо атмосферу самаго безпардоннаго кочеванья. Вставала поздно; затѣмъ, неодѣтая, нечесанная, съ отяжелѣвшей головой, слонялась вплоть до обѣда изъ угла въ уголъ, и до того вымученно кашляла, что Порфирій Владимірычъ, сидя у себя въ кабинетѣ, всякій разъ пугался и вздрагивалъ. Комната ея вѣчно оставалась неприбранною; постель стояла въ безпорядкѣ; принадлежности бѣлья и туалета валялись разбросанныя по стульямъ и полу. Въ первое время она видѣлась съ дядей только во время обѣда и за вечернимъ чаемъ. Головлевскій владыка выходилъ изъ кабинета весь одѣтый въ черное, говорилъ мало и только попрежнему изнурительно-долго ѣлъ. Повидимому, онъ присматривался, и Аннинька, по скошеннымъ въ ея сторону глазамъ его, догадывалась, что онъ присматривался именно къ ней.

Вслѣдъ за обѣдомъ наступали раннія декабрьскія сумерки и начиналась тоскливая ходьба по длинной анфиладѣ парадныхъ комнатъ. Аннинька любила слѣдить, какъ постепенно потухаютъ мерцанія сѣраго зимняго дня, какъ меркнетъ окрестность и комнаты наполняются тѣнями и какъ потомъ вдругъ весь домъ окунется въ непроницаемую мглу. Она чувствовала себя легче среди этого мрака, и потому почти никогда не зажигала свѣчей. Только въ концѣ длинной залы стрекотала и оплывала дешевенькая пальмовая свѣчка, образуя своимъ пламенемъ небольшой свѣтящійся кругъ. Нѣкоторое время въ домѣ происходило обычное послѣобѣденное движеніе: слышалось лязганье перемываемой посуды, раздавался стукъ выдвигаемыхъ и задвигаемыхъ ящиковъ, но вскорѣ доносилось топанье удаляющихся шаговъ, и затѣмъ наступала мертвая тишина. Порфирій Владимірычъ ложился на послѣобѣденный отдыхъ. Евпраксеюшка зарывалась въ своей комнатѣ въ перину. Прохоръ уходилъ въ людскую, и Аннинька оставалась совершенно одна. Она ходила взадъ и впередъ, напѣвая въ полголоса и старалась утомить себя и, главное, ни о чемъ не думать. Идя по на-

Digitized by Google

правленію къ залѣ, вглядывалась въ свѣтящійся кругъ, образуемый пламенемъ свѣчи; возвращаясь назадъ, усиливалась различить какую-нибудь точку въ сгустившейся мглѣ. Но на зло усиліямъ, воспоминанія такъ и плыли ей навстрѣчу. Вотъ уборная, оклеенная дешевенькими обоями по дощатой перегородкѣ, съ неизбѣжнымъ трюмо и не менѣе неизбѣжнымъ букетомъ отъ подпоручика Панкова 2-го; вотъ сцена съ закопченными, захватанными и скользкими отъ сырости декораціями; вотъ и она сама вертится на сценѣ,—именно только вертится, воображая, что играетъ; вотъ театральный залъ, со сцены кажущійся такимъ нарядным, почти блестящимъ, а въ дѣйствительности убогій, темный, съ сборною мебелью и съ ложами, обитыми обшарпаннымъ малиновымъ плисомъ. И въ заключеніе — оберъ-офицеры, оберъ-офицеры, оберъ-офицеры безъ конца. Потомъ гостиница съ вонючимъ коридоромъ, слабо освѣщеннымъ коптящею керосиновой лампой; номеръ, въ который она, по окончаніи спектакля, впопыхахъ забѣгаетъ, чтобъ переодѣться для дальнѣйшихъ торжествъ, номеръ съ неприбранною съ утра постелью, съ умывальникомъ, наполненнымъ грязной водой, съ валяющеюся на полу простыней и забытыми на спинкѣ кресла кальсонами; потомъ общая зала, полная кухоннаго чада, съ накрытымъ посрединѣ столомъ; ужинъ, котлеты подъ горошкомъ, табачный дымъ, гвалтъ, толкотня, пьянство, разгулъ... И опять оберъ-офицеры, оберъ-офицеры, оберъ-офицеры безъ конца...

Таковы были воспоминанія, относившіяся къ тому времени, которое она когда-то называла временемъ своихъ успѣховъ, своихъ побѣдъ, своего благополучія...

За этими воспоминаніями начинался рядъ другихъ. Въ нихъ выдающуюся роль игралъ постоялый дворъ, уже совсѣмъ вонючій, съ промерзающими зимой стѣнами, съ колеблющимися полами, дощатою перегородкой, изъ щелей которой выглядывали глянцовитые животы клоповъ. Пьяныя и драчливыя ночи; проѣзжіе помѣщики торопливо вынимающіе изъ тощихъ бумажниковъ зелененькую; хваты-купцы, подбадривающіе «актерокъ» чуть не съ нагайкой въ рукахъ. А на утро — головная боль, тошнота и тоска, тоска безъ конца. Въ заключеніе—Головлево...

Головлево—это сама смерть, злобная, пустоутробная; это смерть, вѣчно подстерегающая новую жертву. Двое дядей тутъ умерли; двое двоюродныхъ братьевъ здѣсь получили «особенно тяжкія» раны, послѣдствіемъ которыхъ была

Digitized by Google

смерть; наконецъ и Любинька... Хоть и кажется, что она умерла гдѣ-то въ Кречетовѣ «по своимъ дѣламъ», но начало «особенно тяжкихъ» ранъ несомнѣнно положено здѣсь, въ Головлевѣ. Всѣ смерти, всѣ отравы, всѣ язвы — все идетъ отсюда. Здѣсь происходило кормленіе прогорклой солониной; здѣсь впервые раздались въ ушахъ сиротъ слова: постылые, нищіе, дармоѣды, ненасытныя утробы и проч.; здѣсь ничто не проходило имъ даромъ, ничто не укрывалось отъ проницательнаго взора черствой и блажной старухи: ни лишній кусокъ, ни изломанная грошовая кукла, ни изорванная тряпка, ни стоптанный башмакъ. Всякое правонарушеніе немедленно возстановлялось или укоризной, или шлепкомъ. И вотъ, когда онѣ получили возможность располагать собой и поняли, что можно бѣжать отъ этого паскудства, онѣ и бѣжали... *туда!* И никто не удержалъ ихъ отъ бѣгства, — да и нельзя было удержать, потому что хуже, постылѣе Головлева не предвидѣлось ничего.

Ахъ, если-бъ все это забыть, если-бъ можно было хоть въ мечтѣ создать что-нибудь иное, какой-нибудь волшебный міръ, который заслонилъ бы собою и прошедшее, и настоящее. Но,—увы!—дѣйствительность, которую она пережила, была одарена такою желѣзною живучестью, что подъ гнетомъ ея сами собой потухли всѣ проблески воображенія. Напрасно мечта усиливается создать ангельчиковъ съ серебряными крылышками—изъ-за этихъ ангельчиковъ неумолимо выглядываютъ Кукишевы, Люлькины, Забвенные, Пашковы... Господи! да неужто же все утрачено? неужто даже способность лгать, обманывать себя — и та потонула въ ночныхъ кутежахъ, въ винѣ и развратѣ? Надо, однакожъ, какъ-нибудь убить это прошлое, чтобъ оно не отравляло крови, не рвало на куски сердца! Надо, чтобъ налегло что-нибудь тяжелое, которое раздавило бы его, уничтожило бы совсѣмъ, до тла!

И какъ все это странно и жестоко сложилось! Нельзя даже вообразить себѣ, что возможно какое-нибудь будущее, что существуетъ дверь, черезъ которую можно какъ-нибудь выйти, что можетъ хоть что-нибудь случиться. Ничего случиться не можетъ. И что всего несноснѣе: въ сущности, она уже умерла, а между тѣмъ внѣшніе признаки жизни — на-лицо. Надо было *тогда* кончать, вмѣстѣ съ Любинькой, а она зачѣмъ-то осталась. Какъ не раздавила ее та масса срама, которая въ то время со всѣхъ сторонъ надвинулась на нее? И какимъ ничтожнымъ червемъ нужно

Digitized by Google

быть, чтобы выползти изъ-подъ такой груды разомъ налетѣвшихъ камней?

Вопросы эти заставляли ее стонать. Она бѣгала и кружилась по залѣ, стараясь угомонить взбудораженныя воспоминанія. А навстрѣчу такъ и плыли: и Герцогиня Герольштейнская, потрясающая гусарскимъ ментикомъ, и Клеретта Анго, въ подвѣнечномъ платьѣ, съ разрѣзомъ спереди до самаго пояса, и Прекрасная Елена, съ разрѣзами спереди, сзади и со всѣхъ боковъ... Ничего, кромѣ безстыдства и наготы... вотъ въ чемъ прошла вся жизнь. Неужели все это было?

Около семи часовъ домъ начиналъ вновь пробуждаться. Слышались приготовленія къ предстоящему чаю, а наконецъ раздавался и голосъ Порфирія Владимірыча. Дядя и племянница садились у чайнаго стола, размѣнивались замѣчаніями о проходящемъ днѣ; но такъ какъ содержаніе этого дня было скудное, то и разговоръ оказывался скудный же. Напившись чаю и выполнивъ обрядъ родственнаго цѣлованія на сонъ грядущій, Іудушка окончательно заползалъ въ свою нору, а Аннинька отправлялась въ комнату къ Евпраксеюшкѣ и играла съ ней въ мельники.

Съ 11-ти часовъ начинался разгулъ. Предварительно удостовѣрившись, что Порфирій Владимірычъ угомонился, Евпраксеюшка ставила на столъ разное деревенское соленье и графинъ съ водкой. Припоминались безсмысленныя и безстыжія пѣсни, раздавались звуки гитары, и въ промежуткахъ между пѣснями и подлымъ разговоромъ Аннинька выпивала. Пила она сначала «по-кукишевски», хладнокровно, «Господи баслави!», но потомъ постепенно переходила въ мрачный тонъ, начинала стонать, проклинать...

Евпраксеюшка смотрѣла на нее и «жалѣла».

— Посмотрю я на васъ, барышня, — говорила она: — и такъ мнѣ васъ жалко, такъ жалко!

— А вы выпейте вмѣстѣ — вотъ и не жалко будетъ! возражала Аннинька.

— Нѣтъ, мнѣ какъ возможно! Меня и то ужъ изъ-за дяденьки вашего чуть изъ духовнаго званія не исключили, а ежели да при этомъ...

— Ну, нечего, стало-быть, и разговаривать. Давайте-ка лучше я вамъ «Усача» спою.

Опять раздавалось брянчанье гитары, опять поднимался гикъ: «и-ахъ! и-охъ!» Далеко за-полночь на Аннинькѣ, словно камень, сваливался сонъ. Этотъ желанный камень

Digitized by Google

на нѣсколько часовъ убивалъ ея прошедшее и даже угомонялъ недугъ. А на другой день, разбитая, полуобезумѣвшая, она опять выползала изъ-подъ него и опять начинала жить.

И вотъ, въ одну изъ такихъ паскудныхъ ночей, когда Аннинька лихо распѣвала передъ Евпраксеюшкой репертуаръ своихъ паскудныхъ пѣсенъ, въ дверяхъ комнаты вдругъ показалась изнуренная, мертвенно-блѣдная фигура Іудушки. Губы его дрожали; глаза ввалились и при тусклом мерцаніи пальмовой свѣчи казались какъ бы незрящими впадинами; руки были сложены ладонями внутрь. Онъ постоялъ нѣсколько секундъ передъ обомлѣвшими женщинами и затѣмъ, медленно повернувшись, вышелъ.

Бываютъ семьи, надъ которыми тяготѣетъ какъ бы обязательное предопредѣленіе. Особливо это замѣчается въ средѣ той мелкой дворянской сошки, которая, безъ дѣла, безъ связи съ общею жизнью и безъ правящаго значенія, сначала ютилась, подъ защитой крѣпостного права, разсѣянная по лицу земли русской, а нынѣ, уже безъ всякой защиты, доживаетъ свой вѣкъ въ разрушающихся усадьбахъ. Въ жизни этихъ жалкихъ семей и удача, и неудача — все какъ-то слѣпо, не гадано, не думано.

Иногда надъ подобной семьей вдругъ прольется какъ бы струя счастья. У захудалыхъ корнета и корнетши, смирно хирѣющихъ въ деревенскомъ захолустьи, внезапно появляется цѣлый выводокъ молодыхъ людей, крѣпенькихъ, чистенькихъ, проворныхъ и чрезвычайно быстро усвояющихъ жизненную суть. Однимъ словомъ, «умницъ». Всѣ сплошь умницы — и юноши, и юницы. Юноши — отлично кончаютъ курсъ въ «заведеніяхъ» и уже на школьныхъ скамьяхъ устраиваютъ себѣ связи и покровительства. Во-время умѣютъ выказать себя скромными (j'aime cette modestie! — говорятъ про нихъ начальники) и во-время же — самостоятельными (j'aime cette indépendance!); чутко угадываютъ всякаго рода вѣянія, и ни съ однимъ изъ нихъ не порываютъ, не оставивъ назади надежной лазейки. Благодаря этому, они на всю жизнь обезпечиваютъ для себя возможность безъ скандала и во всякое время сбросить старую шкуру и облечься въ новую, а въ случаѣ чего и опять надѣть старую шкуру. Словомъ сказать, это истинные дѣлатели вѣка сего, которые всегда начинаютъ искательствомъ и *почти всегда* кончаютъ предательствомъ. Что

Digitized by Google

же касается до юницъ, то и онѣ, въ мѣрѣ своей спеціальности, содѣйствуютъ возрожденію семьи, т. е. удачно выходятъ замужъ, и затѣмъ обнаруживаютъ столько такта въ распоряженіи своими атурами, что безъ труда завоевываютъ видныя мѣста въ такъ-называемомъ обществѣ.

Благодаря этимъ случайно сложившимся условіямъ, удача такъ и плыветъ навстрѣчу захудалой семьи. Первые удачники, бодро выдержавши борьбу, въ свою очередь воспитываютъ новое чистенькое поколѣніе, которому живется уже легче, потому что главные пути не только намѣчены, но и проторены. За этимъ поколѣніемъ вырастутъ еще поколѣнія, покуда, наконецъ, семья естественнымъ путемъ не войдетъ въ число тѣхъ, которыя, ужъ безъ всякой предварительной борьбы, прямо считаютъ себя имѣющими прирожденное право на пожизненное ликованіе.

Въ послѣднее время, по случаю возникновенія запроса на такъ-называемыхъ «свѣжихъ людей»,—запроса, обусловленнаго постепеннымъ вырожденіемъ людей «не-свѣжихъ»,—примѣры подобныхъ удачливыхъ семей начали прорываться довольно часто. И прежде бывало, что отъ времени до времени на горизонтѣ появлялась звѣзда съ «косицей», но это случалось рѣдко, во-первыхъ, потому, что стѣна, окружавшая ту безпечальную область, на вратахъ которой написано: «здѣсь во всякое время ѣдятъ пироги съ начинкой», почти не представляла трещинъ, а во-вторыхъ, и потому, что для того, чтобы, въ сопровожденіи «косицы», проникнуть въ эту область, нужно было воистину имѣть за душой что-либо солидное. Ну, а нынче и трещинъ порядочно прибавилось, да и самое дѣло проникновенія упростилось, такъ какъ отъ пришельца солидныхъ качествъ не спрашивается, а требуется лишь «свѣжесть» и больше ничего.

Но на ряду съ удачливыми семьями существуетъ великое множество и такихъ, представителямъ которыхъ домашніе пенаты съ самой колыбели ничего, повидимому, не дарятъ, кромѣ безвыходнаго злополучія. Вдругъ, словно вша, нападаетъ на семью не то невзгода, не то порокъ, и начинаетъ со всѣхъ сторонъ ѣсть. Расползается по всему организму, прокрадывается въ самую сердцевину и точитъ поколѣніе за поколѣніемъ. Появляются коллекціи слабосильныхъ людишекъ, пьяницъ, мелкихъ развратниковъ, безсмысленныхъ праздношатцевъ и вообще неудачниковъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ мельче вырабатываются людишки, пока, наконецъ, на сцену не выходятъ худосочные зауморыши,

Digitized by Google

въ родѣ однажды уже изображенныхъ мною Головлятъ*),— зауморыши, которые при первомъ же натискѣ жизни не выдерживаютъ и гибнутъ.

Именно такого рода злополучный фатумъ тяготѣлъ надъ Головлевской семьей. Въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній три характеристическія черты проходили черезъ исторію этого семейства: праздность, непригодность къ какому бы то ни было дѣлу и запой. Первыя двѣ приводили за собой пустословіе, пустомысліе и пустоутробіе; послѣдній являлся какъ бы обязательнымъ заключеніемъ общей жизненной неурядицы. На глазахъ у Порфирія Владимірыча сгорѣло нѣсколько жертвъ этого фатума, а кромѣ того преданіе гласило еще о дѣдахъ и прадѣдахъ. Все это были озорливые, пустомысленные и никуда непригодные пьяницы, такъ что Головлевская семья навѣрное захудала бы окончательно, если бы посреди этой пьяной неурядицы случайнымъ метеоромъ не блеснула Арина Петровна. Эта женщина, благодаря своей личной энергіи, довела уровень благосостоянія семьи до высшей точки, но и за всѣмъ тѣмъ ея трудъ пропалъ даромъ, потому что она не только не передала своихъ качествъ никому изъ дѣтей, а, напротивъ, сама умерла, опутанная со всѣхъ сторонъ праздностью, пустословіемъ и пустоутробіемъ.

До сихъ поръ Порфирій Владимірычъ, однакожъ, крѣпился. Можетъ-быть, онъ сознательно оберегался пьянства, въ виду бывшихъ примѣровъ, но, можетъ-быть, его покуда еще удовлетворялъ запой пустомыслія. Однакожъ, окрестная молва не даромъ обрекала Іудушку заправскому, «пьяному» запою. Да онъ и самъ по временамъ какъ бы чувствовалъ, что въ существованіи его есть какой-то пробѣлъ, что пустомысліе даетъ многое, но не все. А именно: недостаетъ чего-то оглушающаго, остраго, которое окончательно упразднило бы представленіе о жизни и разъ навсегда выбросило бы его въ пустоту.

И вотъ вожделѣнный моментъ подвернулся самъ собою. Долгое время, съ самаго пріѣзда Анниньки, Порфирій Владимірычъ, запершись въ кабинетѣ, прислушивался къ смутному шуму, доносившемуся до него съ другого конца дома; долгое время онъ отгадывалъ и недоумѣвалъ... И наконецъ учуялъ.

На другой день Аннинька ожидала поученій, но тако-

*) См. «Семейные итоги».

Digitized by Google

выхъ не послѣдовало. По обычаю, Порфирій Владимірычъ цѣлое утро просидѣлъ, запершись въ кабинетѣ, но когда вышелъ къ обѣду, то вмѣсто одной рюмки водки (для себя) налилъ двѣ и молча, съ глуповатой улыбкой, указалъ рукой на одну изъ нихъ Аннинькѣ. Это было, такъ сказать, молчаливое приглашеніе, которому Аннинька и послѣдовала.

— Такъ ты говоришь, что Любинька умерла? спохватился Іудушка въ серединѣ обѣда.

— Умерла, дядя.

— Ну, царство небесное! Роптать — грѣхъ, а помянуть — слѣдуетъ. Помянемъ, что ли?

— Помянемте, дяди.

Выпили еще по одной, и затѣмъ Іудушка умолкъ: очевидно, онъ еще не вполнѣ оправился послѣ своей продолжительной одичалости. Только послѣ обѣда, когда Аннинька, выполняя родственный обрядъ, попла поблагодарить дяденьку поцѣлуемъ въ щеку, онъ въ свою очередь потрепалъ ее по щекѣ и вымолвилъ:

— Вотъ ты какая!

Вечеромъ въ тотъ же день, во время чая, который на сей разъ длился продолжительнѣе обыкновеннаго, Порфирій Владимірычъ нѣкоторое время съ той же загадочной улыбкой посматривалъ на Аннинькy, но, наконецъ, предложилъ:

— Закусочки, что ли, велѣть поставить?

— Что-жъ... велите!

— То-то; лучше ужъ у дяди на глазахъ, чѣмъ по закоулкамъ... По крайней мѣрѣ дядя...

Іудушка не договорилъ. Вѣроятно, онъ хотѣлъ сказать, что дядя по крайней мѣрѣ «удержитъ», но слово какъ-то не выговорилось.

Съ этихъ поръ каждый вечеръ въ столовой появлялась закуска. Наружныя ставни оконъ затворялись, прислуга удалялась спать, и племянница съ дядей оставались глазъ на глазъ. Первое время Іудушка какъ бы не поспѣвалъ, но достаточно было недолговременной практики, чтобъ онъ вполнѣ сравнялся съ Аннинькой. Оба сидѣли, не торопясь вышивали и между рюмками припоминали и бесѣдовали. Разговоръ, сначала безразличный и вялый, по мѣрѣ того, какъ головы разгорячались, становился живѣе и живѣе и, наконецъ, неизмѣнно переходилъ въ безпорядочную ссору, основу которой составляли воспоминанія о головлевскихъ умершихъ и увѣчіяхъ.

Digitized by Google

Зачинщицею этихъ ссоръ всегда являлась Аннинька. Она съ безпощадною назойливостью раскапывала головлевскій архивъ и въ особенности любила дразнить Іудушку, доказывая, что главная роль во всѣхъ увѣчіяхъ, на ряду съ покойной бабушкой, принадлежала ему. При этомъ каждое слово ея дышало такою циническою ненавистью, что трудно было себѣ представить, какимъ образомъ въ этомъ измученномъ, полупотухшемъ организмѣ могло еще сохраняться столько жизненнаго огня. Эти поддразниванія уязвляли Іудушку до безконечности; но онъ возражалъ слабо и больше сердился; а когда Аннинька, въ своемъ озорливомъ науськи-ваньи, заходила слишкомъ далеко, то кричалъ крикомъ и проклиналъ.

Такого рода сцены повторялись изо дня въ день, безъ измѣненія. Хотя всѣ подробности скорбнаго семейнаго синодика были исчерпаны очень быстро, но синодикъ этотъ до такой степени неотступно стоялъ передъ этими подавленными существами, что всѣ мыслительныя ихъ способности были какъ бы прикованы къ нему. Всякій эпизодъ, всякое воспоминаніе прошлаго растравляли какую-нибудь язву, и всякая язва напоминала о новой свитѣ головлевскихъ увѣчій. Какое-то горькое, мстительное наслажденіе чувствовалось въ разоблаченіи этихъ отравъ, въ ихъ расцѣнкѣ и даже въ преувеличеніяхъ. Ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ не оказывалось ни одного нравственнаго устоя, за который можно бы удержаться. Ничего, кромѣ жалкаго скопидомства съ одной стороны, и безсмысленнаго пустоутробія — съ другой. Вмѣсто хлѣба — камень, вмѣсто поученія — колотушка. И въ качествѣ варіанта — паскудное напоминаніе о дармоѣдствѣ, хлѣбогадствѣ, о милостынѣ, объ утаенныхъ кускахъ... Вотъ отвѣтъ, который получало молодое сердце, жаждавшее привѣта, тепла, любви. И что-жъ! по какой-то горькой насмѣшкѣ судьбы, въ результатѣ этой жестокой школы оказалось не суровое отношеніе къ жизни, а страстное желаніе насладиться ея отравами. Молодость сотворила чудо забвенія; она не дала сердцу окаменѣть, не дала сразу развиться въ немъ начаткамъ ненависти, а, напротивъ, опьянила его жаждой жизни. Отсюда безшабашный, закулисный угаръ, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не далъ придти въ себя и далеко отодвинулъ вглубь все головлевское. Только теперь, когда ужъ почуялся конецъ, въ сердцѣ вспыхнула сосущая боль; только теперь Аннинька настоящимъ образомъ по-

Digitized by Google

няла свое прошлое и начала настоящимъ образомъ ненавидѣть.

Хмельныя бесѣды продолжались далеко за полночь, и если-бъ ихъ не смягчала хмельная же безпорядочность мыслей и рѣчей, то онѣ на первыхъ же порахъ могли бы разрѣшиться чѣмъ-нибудь ужаснымъ. Но, къ счастью, ежели вино открывало неистощимые родники болей въ этихъ замученныхъ сердцахъ, то оно же и умиротворяло ихъ. Чѣмъ глубже надвигалась надъ собесѣдниками ночь, тѣмъ безсвязнѣе становились рѣчи и безсильнѣе обуревавшая ихъ ненависть. Подъ конецъ не только не чувствовалось боли, но вся насущная обстановка исчезала изъ глазъ и замѣнялась свѣтящеюся пустотой. Языки запутывались, глаза закрывались, тѣлодвиженія коснѣли. И дядя, и племянница тяжело поднимались съ мѣстъ и, пошатываясь, расходились по своимъ логовищамъ.

Само собой разумѣется, что въ домѣ эти ночныя похожденія не могли оставаться тайной. Напротивъ того, характеръ ихъ сразу опредѣлился настолько ясно, что никому не показалось страннымъ, когда кто-то изъ домочадцевъ, по поводу этихъ похожденій, произнесъ слово: «уголовщина». Головлевскія хоромы окончательно оцѣпенѣли; даже по утрамъ не видно было никакого движенія. Господа просыпались поздно, и затѣмъ до самаго обѣда изъ конца въ конецъ дома раздавался надрывающій душу кашель Анниньки, сопровождаемый непрерывными проклятіями. Іудушка со страхомъ прислушивался къ этимъ раздирающимъ звукамъ и угадывалъ, что и къ нему тоже идетъ навстрѣчу бѣда, которая окончательно раздавитъ его.

Отовсюду, изъ всѣхъ угловъ этого постылаго дома, казалось, выползали «умертвія». Куда ни пойдешь, въ какую сторону ни повернешься, вездѣ шевелятся сѣрые призраки. Вотъ папенька Владиміръ Михайловичъ, въ бѣломъ колпакѣ, дразнящійся языкомъ и цитирующій Баркова; вотъ братецъ Степка-балбесъ и рядомъ съ нимъ братецъ Пашка-тихоня; вотъ Любинька, а вотъ и послѣдніе отпрыски Головлевскаго рода: Володька и Петька... И все это хмельное, блудное, измученное, истекающее кровью... И надъ всѣми этими призраками витаетъ живой призракъ, и этотъ живой призракъ — не кто иной, какъ самъ онъ, Порфирій Владимірычъ Головлевъ, послѣдній представитель выморочнаго рода.

Въ концѣ концовъ, постоянныя припоминанія старыхъ

Digitized by Google

умертвій должны были оказать свое дѣйствіе. Прошлое до того выяснилось, что малѣйшее прикосновеніе къ нему производило боль. Естественнымъ послѣдствіемъ этого былъ не то испугъ, не то пробужденіе совѣсти, — скорѣе даже послѣднее, нежели первое. Къ удивленію, оказывалось, что совѣсть не вовсе отсутствовала, а только была загнана и какъ бы позабыта, и вслѣдствіе этого утратила ту дѣятельную чуткость, которая обязательно напоминаетъ человѣку о ея существованіи.

Такія пробужденія одичалой совѣсти бываютъ необыкновенно мучительны. Лишенная воспитательнаго ухода, не видя никакого просвѣта впереди, совѣсть не даетъ примиренія, не указываетъ на возможность новой жизни, а только безконечно и безплодно терзаетъ. Человѣкъ видитъ себя въ каменномъ мѣшкѣ, безжалостно отданнымъ въ жертву агоніи раскаянія, именно одной агоніи, безъ надежды на возвратъ къ жизни. И никакого иного средства утишить эту безплодно разъѣдающую боль, кромѣ шанса воспользоваться минутою мрачной рѣшимости, чтобы разбить себѣ голову о камни мѣшка...

Іудушка, въ теченіе долгой пустоутробной жизни, никогда даже въ мысляхъ не допускалъ, что тутъ же, о бокъ съ его существованіемъ, происходитъ процессъ умертвія. Онъ жилъ себѣ потихоньку, да помаленьку, не торопясь да Богу помолясь, и отнюдь не предполагалъ, что именно изъ этого-то и выходитъ болѣе или менѣе тяжелое увѣчье. А слѣдовательно тѣмъ меньше могъ допустить, что онъ самъ и есть виновникъ этихъ увѣчій.

И вдругъ ужасная правда освѣтила его совѣсть, но освѣтила поздно, безъ пользы, уже тогда, когда передъ глазами стоялъ лишь безповоротный и непоправимый фактъ. Вотъ онъ состарѣлся, одичалъ, одной ногой въ могилѣ стоитъ, а нѣтъ на свѣтѣ существа, которое приблизилось бы къ нему, «пожалѣло» бы его. Зачѣмъ онъ одинъ? зачѣмъ видитъ кругомъ не только равнодушіе, но и ненависть? отчего все, что ни прикасалось къ нему, все погибло? Вотъ тутъ въ этомъ самомъ Головлевѣ, было когда-то цѣлое человѣчье гнѣздо — какимъ образомъ случилось, что и пера не осталось отъ этого гнѣзда. Изъ всѣхъ вышѣстованныхъ въ немъ птенцовъ уцѣлѣла только племянница, но и та явилась, чтобъ надругаться надъ нимъ и доканать его. Даже Евпраксеюшка ужъ на что простодушна и та ненавидитъ. Она живетъ въ Головлевѣ, потому что отцу ея, пономарю, еже-

Digitized by Google

мѣсячно посылается отсюда домашній запасъ, но живетъ, несомнѣнно, ненавидя. И ей онъ, Іуда, нанесъ тягчайшее увѣчье, и у нея онъ сумѣлъ отнять свѣтъ жизни, отнявъ сына и бросивъ его въ какую-то безыменную яму. Къ чему привела вся его жизнь? Зачѣмъ онъ лгалъ, пустословилъ, притѣснялъ, скопидомствовалъ? Даже съ матеріальной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія «наслѣдства» — кто воспользуется результатами этой жизни? кто?

Повторяю: совѣсть проснулась, но безплодно. Іудушка стоналъ, злился, метался и съ лихорадочнымъ озлобленіемъ ждалъ вечера не для того только, чтобы бестіально упиться, а для того, чтобы утопить въ винѣ совѣсть. Онъ ненавидѣлъ «распутную дѣвку», которая съ такою холодною наглостью бередила его язвы, и въ то же время неудержимо влекся къ ней, какъ будто еще не все между ними было высказано, а оставались еще и еще язвы, которыя тоже необходимо было растравить. Каждый вечеръ онъ заставлялъ Аннинъку повторять разсказъ о Любинькиной смерти, и каждый вечеръ въ умѣ его больше созрѣвала идея о саморазрушеніи. Сначала эта мысль мелькнула случайно, но по мѣрѣ того, какъ процессъ умертвій выяснялся, она прокрадывалась глубже и глубже и, наконецъ, сдѣлалась единственною свѣтящеюся точкой во мглѣ будущаго.

Къ тому же и физическое его здоровье рѣзко пошатнулось. Онъ уже серьезно кашлялъ и по временамъ чувствовалъ невыносимые приступы удушья, которые, независимо отъ нравственныхъ терзаній, сами по себѣ въ состояніи наполнить жизнь сплошной агоніей. Всѣ внѣшніе признаки спеціальнаго головлевскаго отравленія были налицо, и въ ушахъ его уже раздавались стоны братца Павлушки-тихони, задохшагося на антресоляхъ дубровинскаго дома. Однакожъ, эта вялая, худая грудь, которая, казалось, ежеминутно готова была треснуть, оказывалась удивительно живучею. Съ каждымъ днемъ вмѣщала она все бо́льшую и бо́льшую массу физическихъ мукъ, а все-таки держалась, не уступала. Какъ будто и организмъ, своею неожиданною устойчивостью, мстилъ за старыя умертвія. «Неужто-жъ это не конецъ?»—каждый разъ съ надеждой говорилъ Іудушка, чувствуя приближеніе припадка; а конецъ все не приходилъ. Очевидно, требовалось насиліе, чтобы ускорить его.

Однимъ словомъ, съ какой стороны ни подойди, всѣ расчеты съ жизнью покончены. Жить и мучительно, и не

Digitized by Google

нужно; всего нужнѣе было бы умереть; но бѣда въ томъ, что смерть не идетъ. Есть что-то измѣнически-подлое въ этомъ озорливомъ замедленіи умиранія, когда смерть призывается всѣми силами души, а она только обольщаетъ и дразнитъ...

. . . . . .

Дѣло было въ исходѣ марта, и Страстная недѣля подходила къ концу. Какъ ни опустился въ послѣдніе годы Порфирій Владимірычъ, но установившееся еще съ дѣтства отношеніе къ святости этихъ дней подѣйствовало и на него. Мысли сами собой настраивались на серьезный ладъ; въ сердцѣ не чувствовалось никакого иного желанія, кромѣ жажды безусловной тишины. Согласно съ этимъ настроеніемъ, и вечера утратили свой безобразно-пьяный характеръ и проводились молчаливо, въ тоскливомъ воздержаніи.

Іудушка и Аннинька сидѣли вдвоемъ въ столовой. Не далѣе, какъ часъ тому назадъ, кончилась всенощная, сопровождаемая чтеніемъ двѣнадцати евангелій, и въ комнатѣ еще слышался сильный запахъ ладана. Часы пробили десять; домашніе разошлись по угламъ, и въ домѣ водворилось глубокое, сосредоточенное молчаніе. Аннинька, взявши голову въ обѣ руки, облокотилась на столъ и задумалась; Порфирій Владимірычъ сидѣлъ супротивъ, молчаливый и печальный.

На Анниньку эта служба всегда производила глубокопотрясающее впечатлѣніе. Еще будучи ребенкомъ, она горько плакала, когда батюшка произносилъ: «И сплетше вѣнецъ изъ тернія, возложиша на главу Его, и трость въ десницу Его», и всхлипывающимъ дискантикомъ подпѣвала дьячку: «Слава долготерпѣнію Твоему, Господи! слава Тебѣ!» А послѣ всенощной, вся взволнованная, прибѣгала въ дѣвичью, и тамъ, среди сгустившихся сумерекъ (Арина Петровна не давала въ дѣвичью свѣчей, когда не было работы), разсказывала рабынямъ «Страсти Господни». Лились тихія рабьи слезы, слышались глубокія рабьи воздыханія. Рабыни чуяли сердцами своего Господина и Искупителя, вѣрили, что Онъ воскреснетъ, воистину воскреснетъ. И Аннинька тоже чуяла и вѣрила. За глубокой ночью истязаній, подлыхъ издѣвокъ и покиваній — для всѣхъ этихъ нищихъ духомъ виднѣлось царство лучей и свободы. Сама старая барыня, Арина Петровна, обыкновенно грозная, дѣлалась въ эти дни тихою, не брюзжала, не попрекала Анниньку сиротствомъ, а гладила ее по го-

Digitized by Google

ловкѣ и уговаривала не волноваться. Но Аннинька даже въ постели долго не могла успокоиться, вздрагивала, металась по нѣсколько разъ въ теченіе ночи, вскакивала и разговаривала сама съ собой.

Потомъ наступили годы ученія, а затѣмъ и годы странствованія. Первые были безсодержательны, вторые—мучительно-пошлы. Но и тутъ, среди безобразій актерскаго кочевья, Аннинька ревниво выдѣляла «святые дни» и отыскивала въ душѣ отголоски прошлаго, которые помогали ей по-дѣтски умиляться и вздыхать. Теперь же, когда жизнь выяснялась вся, до послѣдней подробности, когда прошлое проклялось само собою, а въ будущемъ не предвидѣлось ни раскаянія, ни прощенія, когда изсякъ источникъ умиленія, а вмѣстѣ съ нимъ изсякли и слезы — впечатлѣніе, произведенное только что выслушаннымъ сказаніемъ о скорбномъ пути, было поистинѣ подавляющимъ. И тогда, въ дѣтствѣ, надъ нею тяготѣла глубокая ночь, но за тьмою, все-таки, предчувствовались лучи. Теперь—ничего не предчувствовалось, ничего не предвидѣлось: ночь, вѣчная, безсмѣнная ночь—и ничего больше. Аннинька не вздыхала, не волновалась и, кажется, даже ни о чемъ не думала, а только впала въ глубокое оцѣпенѣніе.

Съ своей стороны, и Порфирій Владимірычъ, съ неменьшею аккуратностью, съ молодыхъ ногтей чтилъ «святые дни», но чтилъ исключительно съ обрядной стороны, какъ истый идолопоклонникъ. Каждогодно, наканунѣ великой пятницы, онъ приглашалъ батюшку, выслушивалъ евангельское сказаніе, вздыхалъ, воздѣвалъ руки, стукался лбомъ въ землю, отмѣчалъ на свѣчѣ восковыми катышками число прочитанныхъ евангелій, и все-таки ровно ничего не понималъ. И только теперь, когда Аннинька разбудила въ немъ сознаніе «умертвій», онъ понялъ впервые, что въ этомъ сказаніи идетъ рѣчь о какой-то неслыханной неправдѣ, совершившей кровавый судъ надъ Истиной...

Конечно, было бы преувеличеніемъ сказать, что по поводу этого открытія въ душѣ его возникли какія-либо жизненныя сопоставленія, но несомнѣнно что въ ней произошла какая-то смута, почти граничащая съ отчаяніемъ. Эта смута была тѣмъ мучительнѣе, чѣмъ безсознательнѣе прожилось то прошлое, которое послужило ей источникомъ. Было что-то страшное въ этомъ прошломъ, а что именно—въ массѣ невозможно припомнить. Но и позабыть нельзя. Что-то громадное, которое до сихъ поръ неподвижно стояло,

Digitized by Google

прикрытое непроницаемою завѣсою, и только теперь двинулось навстрѣчу, каждоминутно угрожая раздавить. Если-бъ еще оно взаправду раздавило это было бы самое лучшее; но вѣдь онъ живучъ—пожалуй, и выползетъ. Нѣтъ, ждать развязки отъ естественнаго хода вещей — слишкомъ гадательно: надо самому создать развязку, чтобы покончить съ непосильною смутою. Есть такая развязка, есть. Онъ уже съ мѣсяцъ приглядывался къ ней, и теперь, кажется, не проминётъ. «Въ субботу пріобщаться будемъ надо на могилку къ покойной маменькѣ проститься сходить!»—вдругъ мелькнуло у него въ головѣ.

— Сходимъ, что ли? обратился онъ къ Аннинькѣ, сообщая ей велухъ о своемъ предположеніи.

— Пожалуй... съѣздимте...

— Нѣтъ, не съѣздимте, а... началъ-было Порфирій Владимірычъ и вдругъ оборвалъ, словно сообразилъ, что Аннинька можетъ помѣшать.

«А вѣдь я передъ покойницей-маменькой... вѣдь я ее замучилъ... я!»—бродило между тѣмъ, въ его мысляхъ, и жажда «проститься» съ каждой минутой сильнѣе и сильнѣе разгоралась въ его сердцѣ. Но «проститься» не такъ, какъ обыкновенно прощаются, а пасть на могилу и застыть въ воплях смертельной агоніи.

— Такъ ты говоришь, что Любинька сама отъ себя умерла?—вдругъ спросилъ онъ, видимо съ цѣлью подбодрить себя.

Сначала Аннинька словно не разслышала вопроса дяди, но, очевидно, онъ дошелъ до нея, потому что черезъ двѣ-три минуты она сама ощутила непреодолимую потребность возвратиться къ этой смерти, измучить себя ею.

— Такъ и сказала: «ней... подлая!»—переспросилъ онъ, когда она подробно повторила свой разсказъ.

— Да... сказала.

— А ты осталась?.. не выпила?

— Да... вотъ живу...

Онъ всталъ и нѣсколько разъ въ видимомъ волненіи прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ. Наконецъ, подошелъ къ Аннинькѣ и погладилъ ее по головѣ.

— Бѣдная ты, бѣдная ты моя! произнесъ онъ тихо.

При этомъ прикосновеніи въ ней произошло что-то неожиданное. Сначала она изумилась, но постепенно лицо ея начало искажаться, искажаться, и вдругъ цѣлый потокъ истерическихъ, ужасныхъ рыданій вырвался изъ ея груди.

Digitized by Google

— Дядя, вы добрый? Скажите, вы добрый? — почти крикомъ кричала она.

Прерывающимся голосомъ, среди слезъ и рыданій, твердила она свой вопросъ, тотъ самый, который она предложила еще въ тотъ день, когда, послѣ «странствія», окончательно воротилась для водворенія въ Головлевѣ, и на который онъ въ то время далъ такой нелѣпый отвѣтъ.

— Вы добрый? Скажите, отвѣтьте, вы добрый?

— Слышала ты, что за всенощной сегодня читали? — спросилъ онъ, когда она, наконецъ, затихла.— Ахъ, какія это были страданія! Вѣдь только этакими страданіями и можно... И простилъ, всѣхъ навсегда простилъ!

Онъ опять началъ большими шагами ходить по комнатѣ, убиваясь, страдая и не чувствуя, какъ лицо его покрывается каплями пота.

— Всѣхъ простилъ!—вслухъ говорилъ онъ самъ съ собою.—Не только тѣхъ, которые *тогда* напоили Его оцтомъ съ желчью, но и тѣхъ, которые и послѣ, вотъ теперь, и впредь, во вѣки вѣковъ, будутъ подносить къ Его губамъ оцтъ, смѣшанный съ желчью... Ужасно! ахъ, это ужасно!

И вдругъ, остановившись передъ ней, спросилъ:

— А ты... простила?

Вмѣсто отвѣта, она бросилась къ нему и крѣпко его обняла.

— Надо меня простить! — продолжалъ онъ. За всѣхъ... И за себя... и за тѣхъ, которыхъ ужъ нѣтъ... Что такое! что такое сдѣлалось!? — почти растерянно воскликнулъ онъ, озираясь кругомъ. — Гдѣ... *всѣ?..*

. . . . . .

Измученные, потрясенные, разошлись они по комнатамъ. Но Порфирію Владимірычу не спалось. Онъ ворочался съ боку на бокъ въ своей постели и все припоминалъ, какое еще обязательство лежитъ на немъ. И вдругъ въ его памяти совершенно отчетливо возстановились тѣ слова, которыя случайно мелькнули въ его головѣ часа за два передъ тѣмъ: «Надо на могилку къ покойницѣ-маменькѣ проститься сходить»... При этомъ напоминаніи ужасное, томительное безпокойство овладѣло всѣмъ существомъ его...

Наконецъ, онъ не выдержалъ, всталъ съ постели и надѣлъ халатъ. На дворѣ было еще темно, и ни откуда не доносилось ни малѣйшаго шороха. Порфирій Владимірычъ нѣкоторое время ходилъ по комнатѣ, останавливался передъ освѣщеннымъ лампадкой образомъ Искупителя въ терно-

Digitized by Google

вомъ вѣнцѣ и вглядывался въ него. Наконецъ, онъ рѣшился. Трудно сказать, насколько онъ самъ сознавалъ свое рѣшеніе, но черезъ нѣсколько минутъ онъ, крадучись, добрался до передней и щелкнулъ крючкомъ, замыкавшимъ входную дверь.

На дворѣ былъ вѣтеръ и крутилась мартовская мокрая метелица, посылая въ глаза цѣлые ливни талаго снѣга. Но Порфирій Владимірычъ шелъ по дорогѣ, шагая по лужамъ, не чувствуя ни снѣга, ни вѣтра и только инстинктивно запахивая полы халата.

На другой день, рано утромъ, изъ деревни, ближайшей къ погосту, на которомъ была схоронена Арина Петровна, прискакалъ верховой съ извѣстіемъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги найденъ закоченѣвшій трупъ головлевскаго барина. Бросились къ Аннинькѣ, но она лежала въ постели въ безсознательномъ положеніи со всѣми признаками горячки. Тогда снарядили новаго верхового и отправили его въ Горюшкино къ «сестрицѣ» Надеждѣ Ивановнѣ Галкиной (дочкѣ тетеньки Варвары Михайловны), которая уже съ прошлой осени зорко слѣдила за всѣмъ, происходившимъ въ Головлевѣ.

Digitized by Google

НЕВИННЫЕ РАЗСКАЗЫ.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.—Гегемоніевъ.

Молодой коллежскій регистраторъ Потанчиковъ получилъ мѣсто станового пристава. Произошло это радостное въ лѣтописяхъ русской администраціи событіе слѣдующимъ необычайнымъ образомъ.

Однажды, одѣвшись чистенько, явился онъ на дежурство къ его превосходительству, генералу Зубатову. Генералъ, кромѣ другихъ добродѣтелей имѣвшій даръ съ перваго взгляда угадывать людей, угадалъ и Потанчикова. Проходя мимо юнаго коллежскаго регистратора, онъ окинулъ его быстрымъ и проницательнымъ взоромъ, и тутъ же въ полголоса сказалъ сопровождавшему его вице-губернатору:

— А какъ вы думаете... этотъ молодой человѣкъ... вѣдь изъ него можетъ выйти молодецъ-становой?

— Мо... мо... — промычалъ-было вице-губернаторъ, желая, вѣроятно, высказать, что Потанчиковъ молодъ, но на первомъ же слогѣ запнулся, вспомнивъ, что ему отъ начальства строго-на-строго было наказано всего болѣе о томъ печись, чтобъ съ губернаторомъ жить въ ладу.

— А стань-ко, любезный, ближе къ свѣту,—продолжалъ его превосходительство, обращаясь къ Потанчикову.

Потанчиковъ повиновался. Генералъ, заложивъ руки за спину, снова окинулъ его испытующимъ взглядомъ, и, произведя довольно подробный наружный осмотръ, видимо остался доволенъ своею способностью угадывать людей.

— Гм!.. да, въ этомъ прокъ будетъ! — проговорилъ онъ.—Я, знаете, всю эту реформу въ исполненіе привесть хочу... чтобъ этихъ законопротивныхъ физіономій у меня не было... А ты желаешь въ становые, мой милый?

Потанчиковъ сначала помертвѣлъ, потомъ застыдился, потомъ опять помертвѣлъ. Горло у него пополамъ перехватило, и одна нога, неизвѣстно отчего, начала приседать.

Digitized by Google

— Ну, хорошо, хорошо... вижу!—сказалъ генералъ, любуясь смущеніемъ молодого человѣка, и, обращаясь къ вице-губернатору, прибавилъ: — Такъ потрудитесь сдѣлать распоряженіе.

Въ этотъ же достопамятный день, вечеромъ, новоиспеченный становой соорудилъ въ трактирѣ такую попойку, послѣ которой выборные люди отъ всѣхъ отдѣленій губернскаго правленія слонялись цѣлую недѣлю, словно влюбленные.

Тутъ были всѣ, отъ которыхъ болѣе или менѣе зависѣли будущія судьбы Потанчикова. Былъ и несокрушимый въ пунштахъ Псалмопѣвцевъ, и цѣломудренный Матоій Скорбященскій, были Подгоняйчиковъ и Трясучкинъ, было двое Воскресенскихъ, трое Богоявленскихъ и проч.

— Просто, братъ, волшебная панорама! — ораторствовалъ Потанчиковъ, повѣствуя объ утреннемъ происшествіи. — Показываетъ, это, показываетъ... Какъ только пережилъ!

— Да, братъ, изъ простыхъ рыбарей! — благодушно замѣтилъ Матоій Скорбященскій.

— Ужъ и не говори! Думалъ жизнь, по обычаю предковъ, въ званіи писца скончать...

— А теперь вотъ будешь вселенную перомъ уловлять! — прервалъ, вздохнувъ, одинъ изъ Богоявленскихъ.

— Нѣтъ, это что, это все пустое!—скороговоркой вступился Трясучкинъ.—А ты вовьми, станище-то, станище-то какой: сплавы, братъ, конокрады, раскольники... Вотъ ты что вообрази!

— Да, при умѣ статьи хорошія! — отозвался Псалмопѣвцевъ.

— Ты больше натискомъ... натискомъ больше дѣйствуй.

— Да въ губернію чаще навѣдывайся...

— Да ребятишекъ нашихъ не забывай...

— Ты, братъ, не оскорбись, коли иной разъ по моему столу тебѣ замѣчаніе будетъ... Я, братъ, тебѣ другъ — ты это знай!—изъяснялся Скорбященскій.

— Безъ замѣчанія иной разъ нельзя...

— Безъ замѣчаній какъ же можно!

— Иной разъ, братъ, самъ губернаторъ тово... да что тутъ говорить, отстоимъ!

— Такъ ты больше натискомъ... натискомъ больше дѣйствуй!—повторилъ Трясучкинъ.

— А по-моему, такъ прежде всего къ Зиновею Захарычу сходить слѣдуетъ,—отозвался Псалмопѣвцевъ.

Digitized by Google

— Сходи, братъ, не человѣкъ, а душа!

— Сходить, отчего не сходить, сходить можно! — отвѣчалъ Потанчиковъ, улыбаясь всѣмъ лицомъ отъ полноты внутренняго счастья.

— Нѣтъ, ты не говори: «сходить можно!» — наставительно замѣтилъ Псалмопѣвцевъ:—потому ты еще не понимаешь! Ты думаешь, въ чемъ существо веществъ состоитъ? Напримѣръ, назовемъ хоть часы, или вотъ стаканъ... Ты развѣ понимаешь?

— Да, братъ, именно надо у Зиновея Захарыча поучиться, надо!

— Или возьмемъ примѣромъ хоть то: развѣ ты можешь угадать, какое тебя впереди поношеніе ожидаетъ? Спрашиваю тебя, можешь ли угадать?

— Да я, Разумникъ Семенычъ, схожу-съ... я, Разумникъ Семенычъ, еще пунштику прикажу-съ...

— Можно. А Зиновей Захарычъ всему тебя научитъ и весь тебѣ кругъ дѣйствія совершитъ. Такъ ты къ нему сходи, да не легковѣрно, а со страхомъ и трепетомъ приступи! Вспомни ты это мое слово: въ отчаянности утѣшеніе найдешь, преткновенія разсѣешь и побѣдишь, въ дѣлахъ откровеніе получишь, коли заповѣдь его твердо хранить будешь!

Вѣрный данному слову, Потанчиковъ дѣйствительно отправился на другой день къ Зиновею Захарычу.

Зиновей Захарычъ былъ выгнанный изъ службы подьячій, видомъ худенькій, маленькій, весь изъѣденный желчью. Въ старину величали его весельчакомъ, и онъ дѣйствительно былъ всегда веселъ, но веселъ по-своему, съ какимъ-то мрачнымъ оттѣнкомъ, какъ будто радовался и увеселялся собственно тѣмъ, что удачно лишилъ жизни своего ближняго. Вся фигура его была каверзна и безобразна и до такой степени представляла собой образецъ ломаной линіи, что, при распространившихся въ послѣднее время понятіяхъ о линіи кривой, онъ не могъ быть терпимъ на службѣ даже въ земскомъ судѣ, гдѣ, какъ извѣстно, находится самое мѣсторожденіе ломаной линіи. Поэтому Зиновей Захарычъ долженъ былъ кончить земное свое странствіе, подобно фіалкѣ, въ тѣни того широковѣтвистаго древа, которое въ просторѣчіи именуется кляузой и ябедой.

— Отъ тебя, любезный, и на подчиненныхъ уныніе! — сказалъ ему генералъ Зубатовъ, первый изъ русскихъ адми-

Digitized by Google

нистраторовъ, который серьезно потребовалъ, чтобъ чиновники имѣли манеру благородную и видъ, при исполненіи обязанностей, безстрастный.—Нѣтъ, ты подай, непремѣнно подай въ отставку!

Но общественное мнѣніе рѣшительно приняло сторону Гегемоніева. Разсказывали истинныя происшествія о томъ, какъ гнуснаго вида офицеры оказывались впослѣдствіи прекрасными полковыми командирами и даже геніальными военачальниками. Говорили о премудрости Провидѣнія, которое одному даетъ въ удѣлъ красоту, другому богатство, третьему острый умъ, а четвертому ничего. Прорицали, что никакое несправедливое дѣйствіе не останется безъ возмездія въ будущемъ, и вообще на генерала негодовали, а Гегемоніева восхваляли. А все-таки Зиновей Захарычъ долженъ былъ повиноваться персту указующему...

Но въ особенности неслись къ Гегемоніеву сердца канцеляристовъ всѣхъ возможныхъ родовъ и видовъ. Они любили, въ часы досуга, внимать разсказамъ этого новаго Улисса и выслушивали ихъ въ веселіи сердца своего. И слава, которою пользовался Зиновей Захарычъ въ этомъ отношеніи, была вполнѣ имъ заслужена. Никто, конечно, не могъ подать столь благого совѣта, никто не могъ такъ утѣшить, обнадежить и умудрить, какъ дѣлалъ это Гегемоніевъ. Гонимые судьбой возвращались отъ него бодрыми, недугующіе — исцѣленными, печальные — радостными, слѣпые—прозрѣвшими, безнадежные—утѣшенными и просвѣтленными.

На бѣду Потанчикова, хозяйка квартиры, въ которой жилъ Гегемоніевъ, объявила ему, что Зиновей Захарычъ со вчерашняго дня слегъ въ постель и въ настоящую минуту находится чуть ли не при смерти.

— Въ подпитіи, конечно-съ? — робко замѣтилъ Потанчиковъ.

Но хозяйка положительно завѣрила, что баринъ цѣлыя сутки маковой росинки въ ротъ не бралъ и умираетъ безъ всякой аллегоріи. Потанчиковъ уже хотѣлъ удалиться, какъ изъ сосѣдней комнаты послышался дребезжащій голосъ самого Гегемоніева, призывавшій хозяйку.

— Пожалуйте!—сказала она, возвращаясь чрезъ минуту къ Потанчикову.

— Больны, Зиновей Захарычъ? спросилъ Потанчиковъ, садясь у изголовья Гегемоніева.

— Да... перепустилъ, видно... на именинахъ третьяго

Digitized by Google

дня у Разумника Семеныча былъ... ну, и поплясалъ тоже...

— Это пройдетъ, Зиновей Захарычъ; отъ радости худо не бываетъ-съ.

— Да, въ наше время это точно, что люди отъ веселья не хворывали, а нынче, братъ, и радость-то словно по на пользу: вездѣ ровно тѣмнетъ какая обстоитъ... Ты зачѣмъ?

— А вотъ-съ становымъ на всю жизнь осчастливили... желательно было бы отъ васъ позаимствоваться-съ...

— Спасибо, спасибо тебѣ, что меня, старика, вспомнилъ. Это точно, что я напутствовать могу, потому я произошелъ... я много, братъ, въ жизни произошелъ! Плохо вотъ только мнѣ; даже словно душитъ въ груди... однако, ничего, попробую...

«— Вертоградъ этотъ, — началъ Гегемоніевъ, по временамъ прерывая разсказъ свой удушливымъ кашлемъ:— вертоградъ, о которомъ мы будемъ бесѣдовать, весьма необыкновенный. Въ самое короткое время, съ небольшимъ въ какихъ-нибудь сто лѣтъ, разросся, пріумножился и изукрасился онъ преестественно.

«Говоришь ты мнѣ: «становымъ на всю жизнь осчастливленъ», а знаешь ли, что̀ есть «становой»? Думаешь ты, можетъ-быть, что становой есть Потанчиковъ, есть Овчинниковъ, есть Преображенскій? А я тебѣ скажу, что все это одна только видимость, что и Потанчиковъ, и Овчинниковъ тутъ только на прикладъ даны, въ существѣ же веществъ становой есть, ни мало, ни много, невещественныхъ отношеній вещественное изображеніе... Шутка!

«Скажу я тебѣ по этому самому случаю аллегорію.

«Въ младыхъ моихъ лѣтахъ, хаживалъ я, сударь, въ школу, и немало-таки розгачей и мученическихъ вѣнцовъ, просвѣщенія ради, принялъ. И сказывали намъ тогда, какъ въ старые годы отцы наши варяговъ изъ-за моря призывали, и какъ варяги порядокъ у насъ производили, и не обошлось тутъ безъ того, чтобъ гости хозяевъ легонько не постегали.

«И всему этому я, по невинности своей, въ ту пору вѣрилъ, и все это вышла, однакожъ, одна новѣйшаго произведенія аллегорія. Разберемъ это дѣло по пунктамъ.

«Ну, скажи ты мнѣ на милость, зачѣмъ было отцамъ нашимъ изъ-за моря варяговъ призывать, когда у насъ и

Digitized by Google

свои завсегда налицо? И скажи ты мнѣ еще, какимъ бы родомъ эти варяги, если бы это не была аллегорія, могли и доселѣ все въ томъ же видѣ остаться, безъ всякихъ въ нравахъ и обычаяхъ перемѣнъ? Это пунктъ первый.

«Второй пунктъ: «земля наша велика и обильна»... Если бы это не былъ вымыселъ, развѣ могъ бы лѣтописецъ такимъ образомъ выразиться? Развѣ не было ему извѣстно, что за тысячу-то лѣтъ всю матушку Русь на одну ладонку посадить, а другою прикрыть было можно? Что-жъ это значитъ? Не то ли, что нѣкто, взирая на нынѣшнее пространство Россіи, увлекся восторженностью своей до того, что даже забылъ, что пишетъ о временахъ давно прошедшихъ? Ясно?

«Третій пунктъ: «а порядку въ ней нѣтъ»... Что сей сонъ значитъ? А значитъ это, что вообще порядку нѣтъ и не можетъ быть, пока три брата въ надлежащую ясность дѣла не приведутъ. Стало-быть: «приходите княжить и володѣть нами»... Ну, и пришли. Пришли, сударь, три брата: первый-то братъ капитанъ-исправникъ, второй-то братъ стряпчій, а третій братецъ, маленькій да востренькій, — самъ мусье окружной!

«Они же бояхусь звѣринаго ихъ обычая и нрава»... Это значитъ, что точно спервоначалу было имъ будто робостно, а послѣ, однако, ничего: скинлись да начали володѣть и взаправду!

«Ну-съ, сударь мой, пришли, значитъ, три брата, а какъ земля наша велика и обильна, то и выходитъ, что имъ втроемъ управиться въ этомъ изобиліи стало совсѣмъ неспособно. И пошли у нихъ братцы меньшіе, примѣрно хоть ты или я: чѣмъ больше порядку, тѣмъ больше братцевъ, и до того, сударь, дошло, что, кромѣ порядка, ничего у хозяевъ-то и не осталось. Гдѣ было жито — тамъ порядокъ; гдѣ худоба всякая была — тамъ порядокъ; гдѣ даже рощицы росли—и тамъ завелся порядокъ. И стало, сударь мой, хозяевамъ куда какъ радостно: земля, говоритъ, наша хоть и не изобильна, да порядокъ въ ней есть... Резонъ!

«Вотъ и выходитъ, что вся эта исторія одно инословіе изображаетъ, и если примѣрно тебя опредѣляютъ теперь въ становые, то ты такъ и знай, что ты тотъ самый Труворъ и есть, о которомъ сказано, что для порядку призванъ.

«А порядокъ что такое? А порядокъ есть такое всѣхъ частей вертограда сего соотвѣтствіе, въ силу котораго всякому дѣйству человѣческому свой небуйственный ходъ за-

Digitized by Google

раньше опредѣляется. А небуйственность что? А небуйственность есть такое качество, въ силу котораго ты, человѣкъ простой, шагу безъ того сдѣлать не можешь, чтобъ *перметте* не сказать. Въ этомъ-то *перметте* и заключается вся сущность и сила, такъ какъ оно простираетъ свое домогательство ко всѣмъ дѣйствіямъ человѣческимъ безъ изъятія. И такъ какъ обладатели его мы, три брата: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, то и выходитъ, что жизнь человѣческая вся въ нашихъ рукахъ совершается.

«Въ былыя времена, когда я къ служебнымъ сладостямъ еще пріобщенъ былъ, дѣйствовали мы на этомъ полѣ очень удачно. Главное тутъ—воображеніе имѣть, чтобъ оно тебѣ на всякій часъ пищу для дѣйствія доставляло. Воображаю я, напримѣръ, что ты фальшивую монету дѣлаешь; воображаю я это не потому, чтобъ ты въ самомъ дѣлѣ монету дѣлалъ, а просто потому, что воображеніе у меня есть и никто для него предѣла не заказалъ. Хорошо. Вотъ беру я бѣлый листъ бумаги и изображаю на немъ тако: «По дошедшимъ слухамъ, имѣется подозрѣніе, что такой-то Потанчиковъ занимается якобы дѣланіемъ фальшивой монеты. Подтверждаются эти слухи частью необыкновеннымъ образомъ жизни, который ведетъ Потанчиковъ (ибо въ домѣ его по ночамъ весьма часто усматривается выходящій какъ бы изъ подполья тусклый свѣтъ), частью чрезвычайнымъ появленіемъ въ сей мѣстности фальшивыхъ денегъ, преимущественно же тѣмъ, что жена Потанчикова, будучи такого-то числа на базарѣ, купила бѣличій салопъ, причемъ похвалялась, говоря: скоро и не такой еще куплю! А потому и т. д.» Все это, сударь мой, это я себѣ вообразилъ, и никакого огня, ни фальшивыхъ денегъ не бывало. Однако, тебѣ, Потанчикову, отъ этого не легче. Призываю я меньшого своего братца, который хоть и весь въ меня, а считается будто твоимъ депутатомъ, и идемъ мы вмѣстѣ къ тебѣ съ обыскомъ. Супруга у тебя стонетъ, ребятушки зѣваютъ, собаки на дворѣ воютъ... ну, и одаряешь ты, сударь, насъ по силѣ-возможности: только, молъ, отвяжитесь, ради Христа!

«Ты, дружище, пойми это, что въ тебѣ и начало, и средина, и конецъ человѣческаго существованія заключается. Ты, сударь, истинную вѣру охраняешь, ты уваженіе къ властямъ посѣваешь, ты здравіе, благоденствіе и продовольствіе всюду распространяешь, ты отъ глада и града, отъ труса и наводненія, отъ мора и повѣтрія сирыхъ и

Digitized by Google

безпомощныхъ освобождаешь! И все ты одинъ, становой приставъ Никаноръ Перегриновъ Потанчиковъ, у котораго подъ началомъ единый писецъ состоитъ да десятка два-три сотскихъ! Мало того: потребуется начальству птицу Финикъ сыскать - ты и птицу сыщешь; потребуется статистику сочинить — ты и статистику сочинишь. Ты всѣми добродѣтелями и науками отъ Бога награжденъ долженъ быть; ты и хозяинъ добрый, и сыщикъ злохитрый, и химикъ изрядный, и статистикъ урожденный! А такъ какъ ты всего этого, по ограниченности природы человѣческой, исполнить не въ силахъ и такъ какъ про эту твою ограниченность и начальству, яко изъ человѣковъ же состоящему, не безызвѣстно, то какое изъ сего прямое слѣдствіе истекать должно? А то слѣдствіе, что ты если не дѣло дѣлать, такъ, по крайности, выгоды свои долженъ соблюсти!

«Это тебѣ философія, а вотъ и практика. Прежде всего помнить ты долженъ, что всякая статья должна, по силѣ-возможности, сокъ дать, чтобъ жажду твою утолить и гладнаго тебя накормить. По началу оно будто робостно, а по времени въ такой вкусъ и азартъ войдешь, что словно вотъ соловей: поешь и самъ себя даже не чувствуешь... Пробовалъ я тоже и зарокъ на себя класть: буду, молъ, сидѣть смирно,—такъ нѣтъ, никогда больше двухъ сутокъ воздержаться не могъ! Потому, во-первыхъ, что я своему тѣлу развѣ врагъ? А во-вторыхъ, и потому, что есть, сударь, въ нашемъ ремеслѣ притягательная сила, противъ которой, хоть будь ты семи пядей во лбу, не устоишь! И томитъ тебя, и душитъ, и подымаетъ всего... покуда свой натуральный кругъ дѣйствія не совершишь!

«Одно нашего брата губить — это питіе безмѣрное. Залѣзешь-это въ трущобу, театровъ нѣтъ, баловъ не имѣется, и пошелъ курить! Слоняешься иной разъ по дорогамъ и въ слякоть, и въ стыть; и въ глаза-то тебѣ хлещетъ, и сквозь-то тебя пронимаетъ, — ну, и воскликнешь: жажду! Иной разъ сутки цѣлыя слова путемъ не вымолвишь; все или молчишь, или ругаешься — ничего для души нѣтъ!.. Другіе, женившись, думаютъ себя соблюсти, такъ слушай ты меня: не вѣрь тѣмъ, кто тебя этимъ предметомъ соблазнять будетъ! Нашъ братъ, опричникъ, на все долженъ быть готовъ: и въ болотѣ увязнуть, и отъ меча погибнуть, и отъ пламени огненнаго сгорѣть. Стало-быть, зачѣмъ тутъ жена? Затѣмъ развѣ, чтобъ руки тебѣ связать да трусостью сердце твое обуять? Ты пойми это, что въ нашемъ

Digitized by Google

ремеслѣ ты осторожностью да выжиданіемъ ничего не возьмешь; а ты коли хочешь пользу имѣть, такъ жестъ у тебя долженъ быть вольный, широкій, чтобъ и вдоль забиралъ, и поперекъ захватывалъ, да и вглубь, и ввысь и рвалъ, и металъ... Зачѣмъ тутъ жена?

«А все-таки надо правду сказать: хоть ты бойся, хоть не бойся, а какъ придется концы съ концами сводить—въ результатѣ все ничего и очень мало выходитъ... Вотъ и я, напримѣръ... я ли, кажется, не поревновалъ, а все подъ старость голову приклонить негдѣ! Хоть и сказалъ въ ту пору его превосходительство, хлопнувши меня по животу, что тутъ, молъ, все курочки да гусочки хапанные сидятъ, а вѣдь, коли по совѣсти-то сказать, какія же это курочки? Наши, братъ, курочки русскія: худенькія, маленькія да жиденькія—въ силу ими насытиться. Вотъ тѣхъ бы индюшекъ попробовать, которыя къ его превосходительству на столъ отъ откупщика подаются, ну, тогда точно: вышли бы мы и тѣломъ побѣлѣе, и ростомъ поавантажнѣе... Такъ вотъ и смекай ты, какъ въ свѣтѣ жить, безпечальну быть!

«Однако, сытымъ быть можно. Главное, мнѣніе надо въ себѣ побѣдить, кичливость плотскую смиренномудріемъ духовному покорить, а пуще всего подъ судъ не попадать, потому что въ уголовную хоть и однажды попадешь, однако послѣ того всю жизнь будешь счастливъ, все равно какъ бы на затылкѣ тебѣ кожу вырѣзали, или на лбу клеймо напечатали. А нашъ братъ какъ дорвется до теплаго мѣстечка, такъ не то чтобъ смѣлостью, а больше озорствомъ дѣйствуетъ: я-ста да мы-ста,—ну, и разбросаетъ все зря: того ему не надо, то для него презрительно... А ты, коли хочешь невредимымъ быть, все бери, ничѣмъ не брезгай, да не плюй въ бороду-то, не плюй, а пуще ее погладь, потому что и жизнь-то твоя вся въ бородѣ заключается.

«И еще: его сивушество іерусалимскаго князя Полугарова паче звѣздъ уважай. Помни: онъ по всей землѣ, всѣхъ кабаковъ, выставокъ всерадостный обладатель и повелитель... кто-жъ ему равенъ?

«Итакъ, сударь, ты отъ меня напутствованъ. Иди же ты съ миромъ и не сомнѣвайся... А меня оставь... потому что я умирать хочу!»

II.—Зубатовъ.

Генералъ Зубатовъ, Богъ ему судья, не очень-таки до-

Digitized by Google

любливалъ меня. «У васъ, говоритъ, бывало, слишкомъ голова горяча, милостивый государь,—вы діалектикѣ, милостивый государь, предаетесь!.. Служба требуетъ дѣла, а не соображеній, милостивый государь!.. Она требуетъ фактовъ, фактовъ и фактовъ!»

И все этакъ строгимъ манеромъ.

И держалъ онъ меня, по случаю діалектики, въ великомъ загонѣ; пройти, бывало, по улицѣ совѣстно; словно и заборы-то улыбаются и шепчутъ тебѣ вслѣдъ: діалектикъ, діалектикъ, діалектикъ!

А подъ діалектикомъ разумѣлъ Семенъ Семенычъ отчасти такого человѣка, который перомъ побаловать любитъ, отчасти такого, который на какой-нибудь офиціальный вопросъ осмѣливается откликнуться: «не могу знать», а отчасти и такого, который не бѣжитъ сломя голову на всякій рожонъ, на который ему указываютъ.

Къ балующимъ перомъ Семенъ Семенычъ адресовался обыкновенно слѣдующимъ образомъ:

— Что вы мнѣ, милостивый государь, такъ разсказываете? Какія вы тамъ нашли еще препятствія? Развѣ вамъ велѣно вникать въ препятствія? Развѣ васъ объ этомъ спрашиваютъ? Я, милостивый государь, тридцать пять лѣтъ служу, и благодареніе Богу, никогда никакихъ препятствій не видалъ!

— Помилуйте, ваше превосходительство, вѣдь это все равно, что на камнѣ рожь сѣять...

— Ну, что же-съ... и посѣмъ-съ!..

— Да вѣдь рожь-то не вырастетъ!

— Вырастетъ-съ, а не вырастетъ, такъ будемъ камень сѣчь-съ!

— А она и отъ этого не вырастетъ!

— И опять будемъ сѣчь-съ! Намъ до этого дѣла нѣтъ, что можно и что нельзя... а мы будемъ сѣчь-съ!

Къ «немогузнайкамъ» Семенъ Семенычъ обращался такъ:

— Что вы мнѣ тамъ доносите и два, и три? Вы должны сказать мнѣ прямо: или два, или три... Служба не терпитъ этой неопредѣленности...

— Осмѣлюсь доложить вашему превосходительству, что...

— Знаю я это, милостивый государь, очень знаю... Но вѣдь мнѣ нужны не «или» ваши, а настоящая цифра, потому что я эту цифру долженъ въ вѣдомости показать, и итогъ... да, и итогъ, сударь, подвесть... Въ какую же силу я ваше «или» тутъ сосчитаю?..

Digitized by Google

Но всего болѣе антипатиченъ былъ для него третій сортъ діалектиковъ.

— Я вамъ приказалъ, сударь... почему вы не исполнили?—говорилъ онъ имъ, принимая самые суровые тоны.

— Такъ и такъ, ваше превосходительство, я былъ на мѣстѣ и убѣдился, что указываемый вами рожонъ совсѣмъ не рожонъ...

— А развѣ объ этомъ васъ спрашивали? А знаете ли вы, милостивый государь, что за подобныя разсужденія въ военные время разстрѣливаютъ?

И такъ далѣе, въ томъ же тонѣ и духѣ. Однимъ словомъ, генералъ любилъ, чтобъ чиновникъ смотрѣлъ у него весело, не разсуждалъ и тѣмъ менѣе противорѣчилъ, не сомнѣвался, не провидѣлъ и на ногу былъ легокъ.

И вдругъ, въ одно прекрасное утро, онъ задумался. Долго онъ думалъ и сначала, повидимому, скорбѣлъ и вздыхалъ, но, наконецъ, пріятная улыбка озарила уста его.

— А что-жъ,—сказалъ онъ:—въ самомъ дѣлѣ! Надо же и имъ дать вздохнуть... трудненько оно будетъ... правда... а впрочемъ, что за вздоръ—не боги же горшки обжигали!

Въ этотъ же день я былъ приглашенъ къ его превосходительству и удивленъ слѣдующею рѣчью:

— Вотъ, любезный другъ,—сказалъ онъ мнѣ ласково:—оказывается теперь, что мы съ вами до сихъ поръ спали, то-есть не то чтобъ совсѣмъ спали, а такъ, знаете, скользили по поверхности... составляли тамъ вѣдомости... наблюдали, чтобъ входящія и исходящія не были закапаны... Выходитъ, что все это было ненужно... Д-да!

— Д-да!—повторилъ я въ изумленіи.

— Выходитъ, что отъ этого у насъ и торговля не развивается... и фабрикъ нѣтъ... и богатство народное... тово...

Я видѣлъ по его лицу, какъ всѣ эти непривычныя выраженія мучительно зарождались въ его головѣ и еще мучительнѣе сходили съ языка.

— Выходитъ, намъ надо теперича заняться настоящимъ дѣломъ,—сказалъ онъ рѣшительно.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство!

— Да; теперь это нужно... теперь вотъ и Европа на насъ посматриваетъ... ну, да и время совсѣмъ не то! Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, какъ подумаешь, что̀ значитъ время-то!

Генералъ улыбнулся и началъ загонять ногою въ уголъ валявшуюся на полу бумажку.

— Вотъ хоть бы вчера,—продолжалъ онъ:—вѣдь какъ

Digitized by Google

казалось все гладко, все прекрасно... плыли мы, можно сказать, по океану и воды даже подъ собой не слышали... а нынче...

— Отчего же, однако, вашему превосходительству, кажется, что нынче все измѣнилось?

— Да нѣтъ! неужто-жъ вы этого не чувствуете? Вѣдь пора же, пора намъ, наконецъ, сбросить съ себя это скиѳство!.. Надо же и намъ когда-нибудь стать въ уровень съ Европой... Вѣдь этакъ мы того дождемся, что насъ помѣстятъ въ число пастушескихъ народовъ!.. И дождались бы!

Глаза Семена Семеныча сверкнули гнѣвомъ.

— Развѣ ваше превосходительство получили какія-нибудь извѣстія изъ Петербурга?—спросилъ я робко.

— Нѣтъ, вы меня не понимаете! Я просто убѣдился, что не можетъ это такъ оставаться, и потому на первый разъ призывалъ ужъ нынче частнаго пристава Рогулю и сказалъ ему, чтобъ онъ отнюдь не смѣлъ волю рукамъ давать... потому что вѣдь это, наконецъ, нальзя же: все въ рыло да въ рыло!

При этихъ словахъ я вспомнилъ, что дѣйствительно Рогуля еще утромъ пріѣзжалъ ко мнѣ весь встревоженный и объявилъ, что его превосходительство находится въ восторженномъ состояніи.

— А что?—спросилъ я.

— Да помилуйте,—отвѣчалъ онъ:—чуть свѣтъ меня поднялъ... Я думалъ, что какое-нибудь упущеніе или пожаръ... скачу, и что же-съ? «Я, говоритъ, за тѣмъ тебя призвалъ, чтобъ напомнить, чтобъ ты не дрался, а дѣйствовалъ кротостью и собственнымъ примѣромъ; если-жъ ты будешь драться, такъ я тебя, подлеца, самого такимъ образомъ откатаю, что ты три дня садиться не будешь»... Посудите сами, ваше высокоблагородіе!

Въ ту минуту я не разобралъ хорошенько этого обстоятельства и даже утѣшилъ Рогулю, что, должно-быть, его превосходительству во снѣ что-нибудь нехорошее привидѣлось; но теперь... теперь я самъ начиналъ догадываться, что тутъ дѣйствительно есть какой-то пунктикъ, который не далѣе какъ въ прошедшую ночь зародился въ головѣ его превосходительства, но къ утру выросъ и распространился вширь съ погибельною быстротой.

— Я и прежде всегда утверждалъ, — ораторствовалъ, между тѣмъ, его превосходительство:—что не нужно слиш-

Digitized by Google

комъ натягивать струны... потому что, вы понимаете, мы, наконецъ, отупѣли съ этимъ натягиваніемъ.

Семенъ Семенычъ взглянулъ на меня, какъ бы вызывая на размышленія; но я стоялъ сконфуженный и подавленный; мой носъ инстинктивно нюхалъ въ воздухѣ, глаза сами собой устремлялись на барометръ, какъ бы ища опоры для объясненія этой внезапной перемѣны.

— Такъ вы, пожалуйста, займитесь,—продолжалъ генералъ:—надо намъ... тово... идти рядомъ съ вѣкомъ...

— Что же прикажете, ваше превосходительство?

— Ну, да вы меня понимаете... я бы хотѣлъ, чтобъ этакъ тово... новенькое что-нибудь... Знаете ли что?—прибавилъ онъ весело, какъ бы озаренный внезапной мыслью:—устроимте-ка здѣсь биржу!

— То-есть, какъ-же биржу?

— Ну, да, биржу... какъ въ Петербургѣ или вотъ въ Москвѣ... Теперь у насъ все это въ младенчествѣ... они всѣ сдѣлки свои въ трактирѣ за парой чая дѣлаютъ... Ну, а если мы заведемъ биржу, торговля-то, знаете ли, какъ двинется впередъ!..

— А если купцы на биржу не станутъ ходить?

— Надобно, mon cher, на первое время сдѣлать для нихъ обязательнымъ, чтобъ ходили... потому что иначе какія же могутъ быть у насъ усовершенствованія?

— Это точно, ваше превосходительство!

— Ну, такъ вы, стало-быть, займетесь этимъ? Кстати! Анна Ивановна жалуется мнѣ, что васъ давно не видать у насъ... такъ приходите сегодня обѣдать... запросто!

Само собою разумѣется, что я не позабылъ о приглашеніи, и ровно въ три часа былъ въ гостиной Зубатовыхъ.

Но, къ величайшему моему удивленію, я нашелъ Анну Ивановну въ столь же восторженномъ настроеніи духа, какъ и Семена Семеныча. Въ то время, какъ я вошелъ въ гостиную, она вела оживленную бесѣду съ товарищемъ предсѣдателя уголовной палаты Семіоновичемъ.

— Согласитесь, однакожъ, со мной, что тутъ еще многое остается сдѣлать,—говорила она.—Мсьё Щедринъ! вы, я надѣюсь, поддержите меня...

— Но позвольте, Анна Ивановна,—вступился Семіоновичъ:—вы напрасно думаете, что я принадлежу къ числу отсталыхъ. Я полагаю, что намъ слѣдуетъ только объясниться, и всѣ недоразумѣнія устранятся сами собою...

— C'est inoui ce que nous avons souffert!—продолжала

Digitized by Google

Анна Ивановна, обращаясь ко мнѣ. — Изумительно даже, какъ могли мы дышать!

«Кроткая Annette! что съ тобой сдѣлалось! что съ тобой сдѣлалось! — подумалъ я, переходя отъ изумленія къ совершенному остолбенѣнію. — Ты, которая до сихъ поръ позволяла себѣ думать только о наслажденіяхъ предстоящей минуты, ты, которая смотрѣла на жизнь какъ на рядъ милыхъ и граціозныхъ сценъ, въ родѣ пословицъ Альфреда Мюссе, ты ожесточена, ты говоришь о какой-то духотѣ, о какихъ-то прошедшихъ страданіяхъ... Боже!»

— Вотъ это-то именно и есть единственный пунктъ, насчетъ котораго я нѣсколько расхожусь съ вами, Анна Ивановна,—возразилъ, между тѣмъ, Семіоновичъ.—Я нахожу, что страданіе—самая лучшая школа жизни... Не даромъ великій поэтъ сказалъ:

Но не хочу, о, други! умереть,
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать...

Стало-быть, страданіе не совсѣмъ-то дурная вещь... стало-быть, въ страданіи возможно даже своего рода наслажденіе, которое высоко цѣнится знатоками!..

— Не знаю; быть-можетъ, я не принадлежу къ числу знатоковъ, но, признаюсь вамъ, я не охотница до страданія... Мнѣ кажется такъ пріятно, такъ легко, когда меня никто не безпокоитъ, si l'on me laisse jouir en paix de mon existence... n'est-ce pas, мсьё Щедринъ?

— Нѣтъ сомнѣнія, что жить спокойно гораздо пріятнѣе, нежели пользоваться тревогами,—отвѣчалъ я.

— Но я и не утверждаю, что страданіе должно быть нормальнымъ состояніемъ человѣка, — возразилъ Семіоновичъ.—Я говорю только, что страданіе—школа, и надѣюсь, что самое это слово доказываетъ, что здѣсь идетъ о немъ рѣчь, какъ о мѣрѣ, про которую говоритъ поэтъ:

Вѣдь въ наши дни спасительно страданье...

— Я надѣюсь, что мы съ честью выйдемъ изъ этой школы, —сказала Анна Ивановна:—хотя, признаюсь вамъ, въ первый разъ это будетъ ужасно трудно... nous sommes encore si peu habitués de jouir des bienfaits de la civilisation... Я сегодня утромъ говорила съ мужемъ: это ужасъ, сколько надобно сдѣлать... il faut faire ceci et cela... Вездѣ, куда ни обернитесь, вездѣ надобно снова начинать...

— Да, это такъ, — отвѣчалъ Семіоновичъ задумчиво. — Не знаю... я какъ-то опасаюсь... мнѣ кажется... que nous

Digitized by Google

n'avons pas assez de forces... que nous succombrons à la tâche, en un mot!

— О, это опасеніе совершенно напрасное! Puisque au fond le peuple russe est avant tout un grand peuple... C'est une justice, que l'Europe entière se plait à lui rendre...

— А! здравствуйте! О чемъ это вы такъ горячо тутъ спорите?—прервалъ Семенъ Семенычъ, входя въ это время въ гостиную и подавая поочередно всѣмъ намъ руку, чего прежде никогда съ нимъ не случалось.

— Продолженіе давешняго разговора, ваше превосходительство,—отвѣчалъ я.

— А! это любопытно!

— Вотъ мсьё Семіоновичъ находитъ, что мы недостаточно созрѣли,—отозвалась Анна Ивановна.

— То-есть, для чего?—спросилъ генералъ.

Анна Ивановна затруднилась: она была вполнѣ увѣрена, qu'il s'agit d'une très bonne chose, но какъ называется эта chose—не знала. А впрочемъ, что̀ мудренаго: можетъ-быть, такъ она и называется... chose! Семіоновичъ, однакожъ, вывелъ ее изъ затрудненія.

— Мы не поняли другъ друга, Анна Ивановна! — сказалъ онъ нѣсколько обиженнымъ тономъ.—Мое воспитаніе... мое прошедшее, наконецъ... все это достаточно говоритъ въ мою пользу... Повѣрьте, я не принадлежу къ числу отсталыхъ!

— Ну, да, ну, да!—сказалъ Семенъ Семенычъ:—нынче ужъ оно и не ко времени!

— Я говорю только, что наше перерожденіе достанется намъ не безъ труда!

— О, насчетъ этого я совершенно съ вами согласенъ... Я, напримѣръ, придумалъ теперь одну штучку. Конечно, это будетъ очень полезно... однако и за всѣмъ тѣмъ не могу поручиться, чтобъ она принялась такъ, какъ было бы желательно!

— Позволено ли будетъ узнать, ваше превосходительство, въ чемъ заключается ваше намѣреніе? — спросилъ Семіоновичъ.

— Такъ... я хочу... биржу здѣсь устроить! — отвѣчалъ генералъ съ тою поспѣшностью и вмѣстѣ усиліемъ, которыми всегда сопровождается желаніе высказаться какъ-нибудь понебрежнѣе. При этомъ онъ, неизвѣстно отъ какихъ причинъ, застыдился и покраснѣлъ.

— Vous n'avez pas l'idée, comme ils nous trompent, ces

Digitized by Google

marchands! — вступилась Анна Ивановна. — А тогда мы будемъ все на биржѣ покупать.

— Ты мнѣ, мамаша, на биржѣ новую курточку купишь! — пролепеталъ маленькій сынокъ Анны Ивановны, прислушавшись къ разговору.

— Извините меня, Анна Ивановна, — замѣтилъ Семіоновичъ, пользуясь случаемъ, чтобъ отмстить генеральшѣ за предположеніе о его отсталости: — но мнѣ кажется, что вы не совсѣмъ вѣрно смотрите на значеніе биржи...

— Ну, да, ну, да, — сказалъ генералъ, снисходительно улыбаясь: — эти дамы только и думаютъ, что о нарядахъ... Онѣ даже на переворотъ готовы смотрѣть съ точки зрѣнія тряпокъ... Ха-ха!

— А впрочемъ, мысль Анны Ивановны объ устроеніи такого магазина, который представлялъ бы всѣ ручательства относительно добросовѣстности и дешевизны, тоже весьма счастливая мысль, — возразилъ Семіоновичъ, спѣша на помощь подломившейся на льду либерализма генеральшѣ и такимъ образомъ умѣряя язвительность великодушіемъ.

— Mais... n'est-ce pas! — сказала Анна Ивановна, отдыхая.

Извѣстіе, что готово кушать, прекратило на время разговоръ, но за обѣдомъ онъ возобновился съ новою силою. И генералъ, и генеральша такъ увлекательно доказывали необходимость оставить рутину и идти новыми, неизвѣданными доселѣ путями, что даже суровый Семіоновичъ согласился qu'au fait il y a quelque chose à faire. Я и самъ чувствовалъ, что въ воздухѣ была разлита какая-то непривычная теплота, что по временамъ моего обоняніе касались живительные ароматы, что кровь съ усиленною быстротой приливала къ головѣ и сердцу...

Но не могу не сознаться, что все это происходило какъ будто во снѣ и, что самые звуки говорившихъ кругомъ меня голосовъ ложились въ мой слухъ какъ-то смутно, неопредѣленно.

— Прежде всего надо позаботиться о торговлѣ, — говорилъ генералъ: — потому что торговля — это нервъ...

— Да... и желѣзныя дороги, — сказалъ Семіоновичъ: — вотъ гдѣ для насъ предметъ первой важности! Пространство насъ одолѣваетъ, ваше превосходительство, наша собственная карта насъ давитъ!

— Ну, съ этимъ какъ-нибудь справимся, съ Божьей помощью! — разсудилъ генералъ.

Digitized by Google

— Однакожъ... это ужасно... сколько приходится сдѣлать!—задумчиво продолжалъ Семіоновичъ, внезапно всѣмъ тѣломъ вздрогнувъ.

— Еще бы!—замѣтила генеральша.

— Вы забыли еще о грамотности,—отозвался генералъ и, обращаясь ко мнѣ, присовокупилъ: — Кстати, чтобъ не забыть! Не худо бы намъ съ вами и насчетъ этого что-нибудь... знаете, въ такомъ же родѣ...

— Позвольте, однакожъ, ваше превосходительство,—возразилъ Семіоновичъ: — мнѣ кажется, что грамотность... я думаю, что для этого у насъ еще почва недостаточно, такъ сказать, взрыхлена?

— Да, признаюсь вамъ, я и самъ такъ думалъ прежде... но теперь... я скорѣе склоняюсь въ пользу того мнѣнія, что тутъ совсѣмъ никакой почвы не надобно.

— Однакожъ, ваше превосходительство, спеціалисты на основаніи достовѣрныхъ фактовъ утверждаютъ, что на пятьсотъ грамотеевъ двѣсти непремѣнно оказываются негодяями... Какъ хотите, а эта пропорція...

— Мамаша! Я не хочу учиться... Я не хочу сдѣлаться негодяйкой! — неожиданно закричалъ сынокъ Семенъ Семеныча.

— Полно, душечка, это о мужичкахъ говорятъ!—утѣшала его Анна Ивановна.

— Коли хотите, и я въ душѣ съ вами согласенъ,—продолжалъ, между тѣмъ, Семенъ Семенычъ:—но...

Генералъ развелъ руками, какъ будто хотѣлъ сказать: que voulez-vous que je fasse!

Много и еще было говорено разныхъ умныхъ рѣчей, и всякій разъ, когда кому-либо изъ собесѣдниковъ приходила счастливая мысль, генералъ обращался ко мнѣ и говорилъ: «Кстати, чтобъ не забыть! Не мѣшаетъ и на это обратить серьезное вниманіе!»

Читателю, быть-можетъ, страннымъ и невѣроподобнымъ покажется, что большая часть моихъ героевъ словно во снѣ или въ туманѣ дѣйствуютъ. Въ справедливости этого замѣчанія долженъ сознаться я и самъ; но что же мнѣ дѣлать, если таково вообще свойство всѣхъ умирающихъ людей? Отъ умирающаго нельзя требовать ни послѣдовательности въ сужденіяхъ, ни даже совершенно округленныхъ періодовъ для выраженія послѣднихъ; всѣ ихъ мысли, всѣ ихъ чувства представляются въ видѣ какихъ-то клочковъ, въ видѣ ничѣмъ не связанныхъ отрывковъ, въ ко-

Digitized by Google

торыхъ мысль и чувство являются въ состояніи почти эмбріоническомъ. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать здѣсь, что міръ полонъ такого рода умирающихъ; между ними очень мало злыхъ и очень много недальновидныхъ. Вообще я убѣжденъ, что на свѣтѣ злые люди встрѣчаются лишь случайно; въ существѣ, они тѣ же добряки, только кожу у нихъ судьба-индѣйка стянула, рыло перекосила и губы помазала желчью. Да и то, по бо́льшей части, отъ своей собственной глупости люди дѣлаются злыми, потому что умный человѣкъ сразу пойметъ, что злиться не изъ чего да и не расчетъ. Что же касается до недальновидныхъ людей, то это точно, что ходятъ въ народѣ слухи, будто ихъ не мало по бѣлу свѣту шатается; однако, не могу скрыть, что я очень рѣдко встрѣчалъ такихъ, которые бы откровенно признавали себя дураками. Напротивъ того, обыкновенно случается такъ, что, напримѣръ, Петръ Иванычъ, встрѣтивши друга своего, Ивана Петровича, и поговоривъ съ нимъ немного, уже восклицаетъ мысленно: «Господи! да какъ же глупъ Иванъ Петровичъ!.. Неужто онъ этого не знаетъ!» А Иванъ Петровичъ въ это самое время, въ свою очередь, тоже мысленно восклицаетъ: «Господи! да какъ же глупъ Петръ Иванычъ... Неужто онъ этого не знаетъ!» И выходитъ тутъ въ нѣкоторомъ смыслѣ таинственно-духовный маскарадъ. Но, прося у читателя извиненія за такое отступленіе, спѣшу продолжать разсказъ мой.

На другой день я получилъ отъ Семена Семеныча записку. Очевидно, мысль о новомъ характерѣ, который должна была принять его дѣятельность, до такой степени жгла его, что онъ не могъ выносить даже малѣйшую медленность въ этомъ отношеніи. Казалось, онъ въ одну минуту хотѣлъ облагодѣтельствовать всѣхъ и каждаго и преисполнить край плодами цивилизаціи. Въ запискѣ было изображено:

«Виды и предположенія:

«1) Биржа. Правильность торговли. Огромные запросы и такъ далѣе. Развить.

«2) Грамотность. Смягченіе нравовъ. Уменьшеніе преступленій. Облегченіе обязанностей полиціи и т. д. Развить.

«3) Пути сообщенія, *а буде можно, то и желѣзныя дороги*. Сколько среднимъ числомъ провозится ежегодно товаровъ до Н. пристани? Развить.

«4) Фабрики и заводы. Польза отъ нихъ. Средства къ

Digitized by Google

достиженію сего: поощренія и награды. (Извѣстно, что русскіе купцы и т. д.). Развить.

«Весьма обяжете, ежели все сіе исполните въ возможно непродолжительномъ времени».

Прочитавъ эту записку, я струсилъ. Съ одной стороны, меня, конечно, соблазняла красивая сторона предпріятія; съ другой — я не могъ не испугаться его огромности. Но напрасны были мои опасенія. Генералъ былъ такъ добросовѣстенъ, что счелъ необходимымъ, предварительно принятія рѣшительныхъ мѣръ относительно развитія торговли и промышленности, посовѣтоваться объ этомъ съ почетнѣйшими лицами торгующаго сословія. Эта добросовѣстность испортила, однакожъ, все дѣло. При первомъ намекѣ на возможность учрежденія биржи, купцы попадали въ обморокъ, несмотря на то, что всѣ они были тѣлосложенія необыкновенно крѣпкаго и съ честью выдерживали самые побои.

— Что-о? — сказалъ Семенъ Семенычъ грозно. — Сталобыть, вы сопротивляться задумали?

— Помилуйте, ваша милость, ужъ очень это будетъ для насъ обидно,—отвѣчалъ одинъ изъ купцовъ, прежде всѣхъ очнувшійся.—Нельзя ли замѣсто биржи-то просто чѣмъ-нина-есть обложить насъ на общеполезное устройство?

— Что-о? Ты что за выскочка? И какъ ты смѣешь за всѣхъ говорить?.. Николай Иванычъ, запишите его фамилію!

Между торговцами воцарилось молчаніе; передняя шеренга держала руки по швамъ.

— Такъ вотъ, друзья мои, — продолжалъ Семенъ Семенычъ: — вы слышали мои слова, знаете мои желанія... остается, слѣдовательно, изыскать средства къ приведенію ихъ въ исполненіе... Конечно, нѣкоторые изъ васъ, какъ видно, еще не понимаютъ намѣреній, которыя клонятся единственно къ вашей же пользѣ, но само собой разумѣется, что это не должно останавливать ни меня въ моихъ предположеніяхъ, ни васъ въ содѣйствіи къ выполненію ихъ.

Сказавъ это, Семенъ Семенычъ удалился, и долгъ справедливости заставляетъ меня сказать, что онъ не только не дрался въ этомъ случаѣ, но даже и за бороду никого не вытрясъ.

Но дѣло не удалось. Купцы, оставленные на произволъ судебъ, безъ кормила и весла, объявили, что для нихъ затѣя Семена Семеныча слишкомъ обидна, чтобъ они рѣшились сами на себя руку наложить.

Digitized by Google

— Ну, что, какъ наше дѣло?—спросилъ меня генералъ, когда я, послѣ продолжительнаго совѣщанія съ обществомъ, явился къ нему съ отчетомъ.

— Не соглашаются, ваше превосходительство!

— Гм!..

Глубоко опечаленный генералъ сталъ лицомъ къ окну и долго безмолвствовалъ. По временамъ, до слуха моего долетали звуки, несомнѣнно доказывавшіе, что его превосходительство барабанилъ въ это время пальцами по стеклу.

— Напрасно, ваше превосходительство, совѣщались съ ними,—сказалъ я, сгорая желаніемъ утѣшить Семена Семеныча:—эти вещи надо дѣлать секретно отъ нихъ, такъ, чтобъ они не опомнились...

Семенъ Семенычъ повернулся ко мнѣ и съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку.

— Вы правы,—сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Они, ваше превосходительство, своей пользы понимать не могутъ, — продолжалъ я, увлекаясь преданностью къ особѣ моего начальника.

— Вы правы,—повторилъ генералъ.

— Такого рода предположенія всего удобнѣе приводить въ исполненіе посредствомъ полиціи,—снова началъ я.

— Вы правы... да, къ несчастію, вы совершенно правы!

— Если они не понимаютъ своихъ выгодъ, то весьма естественно, что нужно дѣлать имъ добро противъ ихъ желанія...

— Это совершенно справедливо... но... Къ сожалѣнію, я долженъ сказать вамъ, mon cher, что время нынче такое... велѣно все кротостью да благоразумными мѣрами распорядительности... Ахъ, другъ мой, ремесло администратора становится слишкомъ тяжело, и если бы я не любилъ мое отечество (Семенъ Семенычъ махнулъ рукой)... давно бы пора на покой старыя кости сложить!..

— Прикажете продолжать настаивать?—спросилъ я.

— Нѣтъ, ужъ зачѣмъ... оставимте ихъ въ покоѣ... пусть дѣлаютъ, какъ знаютъ!.. Горько, Николай Иванычъ!

Разговоръ на этотъ разъ прекратился, но не прекратилась благонамѣренная дѣятельность Семена Семеныча. Проекты слѣдовали за проектами, и въ нашей маленькой канцеляріи закипѣла непривычная и небывалая дотолѣ жизнь.

Но—увы!—ни проектъ о распространеніи грамотности, ни проектъ о путяхъ сообщенія—ничто не удавалось, не-

Digitized by Google

смотря на таинственность и тишину, среди которыхъ они вырабатывались. Проекты эти похожи были на тѣ объявленія о новоизобрѣтенныхъ средствахъ противъ моли и клоповъ, которыя (т. е. средства) такъ удачно дѣйствуютъ на бумагѣ, въ дѣйствительности же безсильны убить самаго тощаго и изможденнаго клопа.

Семенъ Семенычъ сдѣлался скученъ. Уныло ходилъ онъ цѣлые дни по кабинету, заложивъ руки за спину и грустно покачивая головой. Съ ужасомъ сознавалъ онъ, что мѣсяцъ тому назадъ онъ былъ совершенно бодръ и дѣятеленъ, былъ распорядителенъ и исполнителенъ въ одно и то же время, однимъ словомъ, способенъ и достоинъ, а теперь... теперь, когда наступило, повидимому, «благораствореніе воздуховъ и изобиліе плодовъ земныхъ», онъ вдругъ, безъ всякой видимой причины, оказывается чуть-чуть не алостнымъ банкротомъ... Ужасно! Все, что онъ ни придумаетъ, звучитъ пусто, словно лукошко, у котораго вышибли дно; все, за что онъ ни возьмется, отзывается мертвечиной. И ему внезапно стало такъ тошно и несносно жить на свѣтѣ, что не мила казалась Анна Ивановна, не радовалъ милый сынокъ Сережа, а меня не могъ онъ даже видѣть безъ нѣкотораго озлобленія, потому что я являлся хотя и неумышленнымъ, но, тѣмъ не менѣе, горькимъ и постояннымъ свидѣтелемъ его неудачъ.

Однажды утромъ я получилъ отъ Анны Ивановны приглашеніе пожаловать къ ней какъ можно скорѣе. Я засталъ ее заплаканною и разстроенную.

— Вы не знаете, какое насъ постигло несчастіе,—сказала она:—Simon! бѣдный Simon!

— Что такое, Анна Ивановна?—спросилъ я встревоженный.

— Ah! mais voyez plutôt vous-même, cher Николай Иванычъ!

Съ этимъ словомъ она отворила дверь въ кабинетъ Семена Семеныча, и странное зрѣлище представилось глазамъ нашимъ. Семенъ Семенычъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и чертилъ на бумагѣ чудовищный пароходъ; волосы его были растрепаны, въ глазахъ блуждалъ дикій огонь.

Я тотчасъ же понялъ ужасную истину: нѣтъ сомнѣнія... генералъ лишился разсудка!

— А!—воскликнулъ онъ, увидѣвъ меня:—ну, теперь, кажется, они не отвертятся отъ меня... Я все обдумалъ!

Digitized by Google

— Simon! успокойся, другъ мой!—убѣждала Анна Ивановна.

Семенъ Семенычъ сдѣлалъ рукой движеніе, какъ будто хотѣлъ отогнать докучную муху.

— Я надѣюсь, что начальство оцѣнитъ труды мои,— сказалъ онъ съ какой-то блаженной улыбкой:—скоро будетъ Святая, и тогда...

Онъ показалъ на лѣвую сторону груди.

— Это несомнѣнно, ваше превосходительство; въ настоящее время вамъ больше всего нуженъ отдыхъ,—замѣтилъ я.

— Убѣдите, убѣдите его, Николай Иванычъ! — умоляла Анна Ивановна:—Simon! тебѣ слѣдуетъ почивать!

Генералъ снова сдѣлалъ движеніе рукой.

— А не правда ли, что я много на свою долю потрудился?—сказалъ онъ.—Вы, Николай Иванычъ, видѣли, вы можете засвидѣтельствовать передъ всѣми, что я именно былъ неусыпенъ!

Анна Ивановна всхлипывала: Семенъ Семенычъ, глядя на нее, тоже не выдержалъ и залился цѣлымъ потокомъ слезъ. Положеніе мое было весьма тяжко.

— Друзья мои!— сказалъ генералъ, рыдая:— я умираю! Я умираю, потому что много трудился! Если-бъ я меньше заботился, а больше гулялъ, меньше вникалъ и больше кушалъ, я остался бы живъ!

III.—Пріѣздъ ревизора.

I.

Въ 18** году, декабря 9-го числа, статскій совѣтникъ Фурначевъ получилъ изъ Петербурга, отъ благопріятеля своего, столоначальника NN департамента, письмо слѣдующаго содержанія:

«Милостивый Государь!

«Семенъ Семенычъ!

«Поспѣшаю почтеннѣйше извѣстить васъ, что въ непродолжительномъ времени имѣетъ быть къ вамъ на губернію статскій совѣтникъ Максимъ Ѳедоровичъ Голынцевъ. Будетъ у васъ подъ предлогомъ освидѣтельствованія богоугодныхъ заведеній, въ дѣйствительности же для доскональныхъ разузнаній о нравственномъ состояніи служащихъ въ вашей губерніи чиновниковъ. Качества Максима

Digitized by Google

Ѳедоровича таковы: словоохотливъ и добросердеченъ; любитъ женскій полъ и тонкое вино; выпивши, откровененъ и шутливъ безъ мѣры; въ особенности уважаетъ людей, которые говорятъ по-французски, хотя бы то были даже молокососы; въ карты играетъ, но насчетъ рукъ и такъ далѣе—ни-ни! За симъ, ввѣряя себя и свое семейство вашему неоставленію, прошу васъ принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи уважающаго васъ

Филиппа Вертявкина.

«P'S. Милостивой государынѣ Настасьѣ Ивановнѣ отъ меня, отъ жены и отъ всѣхъ дѣтей нижайшее почтеніе.

«NB. Еще любитъ Г., чтобъ его называли «вашимъ превосходительствомъ». Чуть не забылъ».

— Однако, это скверно! — говоритъ статскій совѣтникъ Фурначевъ, прочитавши письмо. — Что бы такое значило: «насчетъ рукъ ни-ни»? Вѣдь это выходитъ, что онъ... ни-ни!

Семенъ Семенычъ въ волненіи ходитъ по комнатѣ и, наконецъ, кричитъ въ дверь:

— Настасья Ивановна! Настасья Ивановна!

Входитъ Настасья Ивановна, облаченная въ глубокій неглиже.

Глаза ея нѣсколько опухли и вообще выраженіе лица сердито, потому что она только что часокъ-другой соснула. Семенъ Семенычъ посмотрѣлъ на ея измятое лицо и съ досадою плюнулъ.

— Опять ты спала!—сказалъ онъ, глядя на нее съ глубокимъ омерзѣніемъ.—Хоть бы ты въ зеркало, сударыня, посмотрѣла, на что ты сдѣлалась похожа! И откуда только сонъ у тебя берется!

— Если вы только за тѣмъ меня позвали, чтобъ ругаться, такъ напрасно трудились!

Настасья Ивановна хочетъ удалиться.

— Да постой, постой же, сударыня! Получилъ я сегодня письмо... ѣдетъ къ намъ ревизоръ... и, какъ видно, неблагонамѣренный... потому что тово... ни-ни...

Семенъ Семенычъ топчется на мѣстѣ и не знаетъ, какъ выразиться. Онъ убѣжденъ, что ревизоръ человѣкъ неблагонамѣренный, но почему-то не умѣетъ сформулировать основаній, на которыхъ зиждется это убѣжденіе.

— Такъ вы тово... попріодѣньтесь немного! — продолжаетъ онъ, совсѣмъ спутавшись.

Digitized by Google

— Вотъ какъ вы испугались, что ужъ и Богъ знаетъ что говорите!—замѣчаетъ Настасья Ивановна, читая письмо Вертявкина. — Точно ужъ и пріѣхалъ вашъ ревизоръ! Однако, я по всему вижу, что онъ долженъ быть очень милый человѣкъ, этотъ ревизоръ, потому что любитъ дамское общество...

— Да, только не наше съ вами... Эй, человѣкъ, лошадь!

Семенъ Семенычъ отправляется къ генералу Голубовицкому и застаетъ его въ большомъ безпокойствѣ. До свѣдѣнія его превосходительства дошло, что одинъ изъ важнѣйшихъ въ городѣ чиновниковъ, будучи на собственномъ своемъ сговорѣ, происходившемъ по случаю предстоящаго бракосочетанія его съ дочерью потомственнаго гражданина Хрептюгина, внезапно вскочилъ изъ-за стола и началъ бить стекла въ окнахъ бѣломраморнаго зала нареченнаго тестя.

— Ты это что, ваше высокородіе, дѣлаешь? — спросилъ его изумленный хозяинъ. — «А вотъ я такимъ манеромъ всѣхъ противляющихся мнѣ сокрушаю!»—отвѣчалъ женихъ, и съ этими словами вышелъ изъ дома.

Встревоженный генералъ большими шагами ходитъ по комнатѣ. Онъ справедливо разсуждаетъ, что если высшіе сановники, эти, такъ сказать, административные дупель-шнепы, въ порывахъ горячности допускаютъ себя до подобнаго малодушества, то какимъ же образомъ должны поступать зуйки, поручейники, кулички и прочая мелкая болотная дичь?

— А мы еще какъ радовались за Павла Тимоѳеича, что они такую прекрасную партію дѣлаютъ! — замѣчаетъ стоящій въ углу маленькій чиновничекъ, занимающій должность довѣреннаго лица при особѣ его превосходительства.

— Что-жъ, пьянъ, что ли онъ былъ?

— Должно-быть, не безъ того-съ, ваше превосходительство; они, смѣю намъ доложить, довольно-таки этому привержены... только все больше въ одиночествѣ занимаются-съ и велятъ себя въ этихъ случаяхъ запирать... Ну, а тутъ и при народѣ случилось...

Генералъ продолжаетъ ходить и волноваться.

— И еще случай есть, ваше превосходительство,—робко говоритъ чиновникъ.

— Ну, что тамъ еще?

— Въ Песчанолѣсьѣ стряпчій съ городничимъ-съ... тоже на именинахъ дѣло было-съ...

Digitized by Google

— Нельзя ли докладывать скорѣе, безъ мазанья!

— И стряпчій городничему животъ укусилъ-съ!—оканчиваетъ скороговоркой чиновникъ.

— Господинъ Фурначевъ пріѣхали,—докладываетъ лакей.

— Ну, этого зачѣмъ еще чортъ принесъ!—восклицаетъ взволнованный генералъ.—Просить!

Семенъ Семенычъ входитъ и улыбается. Съ одной стороны, онъ очень радъ видѣть его превосходительство въ добромъ здоровьѣ; съ другой стороны — ему весьма прискорбно, что имѣетъ сообщить извѣстіе, котораго послѣдствій никто, даже самый проницательный человѣкъ, предугадать не въ силахъ.

— Да что же такое? Неужто еще кто-нибудь подрался? — спрашиваетъ генералъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство, но наша губернія... впрочемъ, можетъ-быть, это и къ лучшему-съ...

— Да говорите же! Что вы душу-то мнѣ тянете!

— Ревизоръ, ваше превосходительство, ревизоръ къ намъ въ скоромъ времени прибыть долженъ!

При словѣ «ревизоръ» съ генераломъ едва не дѣлается дурно.

— Кто сказалъ «ревизоръ»? какой ревизоръ? откуда ревизоръ?—спрашиваетъ онъ, вдругъ весь вспыхнувъ и уже застегивая машинально пальто на всѣ пуговицы.

— Успокойтесь, ваше превосходительство,—продолжаетъ Семенъ Семенычъ:—ревизоръ, сказываютъ, охотникъ больше до дамскаго общества...

— Гм!.. отъ кого же вы получили это извѣстіе?

— Есть въ Петербургѣ одинъ облагодѣтельствованный мною столоначальникъ-съ...

— Это непріятно! это тѣмъ болѣе непріятно, что тутъ же разомъ случились двѣ пасквильныя исторіи... Скажите, пожалуйста, вы были у Хрептюгина въ то время, какъ Павелъ Тимоѳеичъ стекла билъ?

— Какъ же-съ, я былъ въ числѣ приглашенныхъ...

— Что же такое съ нимъ сдѣлалось? Вотъ чего я понять не могу!

— Съ Павломъ Тимоѳеичемъ это нерѣдко бываетъ, ваше превосходительство, только онъ до сихъ поръ умѣлъ это скрыть-съ. Сидѣли мы цѣлый вечеръ, и все какъ будто ничего; и онъ тоже тутъ былъ — ну, и тоже ничего-съ... Только за ужиномъ, — должно-быть, не присмотрѣли за нимъ,—вотъ онъ сначала хереску-съ, потомъ мадерцы-съ,

Digitized by Google

да вдругъ и всталъ изъ-за стола: «Музыканты! комаринскую!» говоритъ. Я, видѣвши, что онъ ужъ внѣ себя, подозвалъ Хрептюгина и говорю ему: «Вѣдь Павла-то Тимоѳеича надобно убрать!» Не успѣлъ я это сказать, какъ ужъ и пошелъ по залѣ набатъ-съ... Впрочемъ, это еще, ваше превосходительство, уладится: Павелъ Тимоѳеичъ ужъ объяснился съ нареченнымъ тестемъ...

— Ну, а слышали вы другую исторію—это еще почище будетъ: въ Песчанолѣсьѣ стряпчій городничему животъ прокусилъ!

— Ахъ, страмъ какой!

— Разскажи-ка, братецъ, разскажи!— обращается генералъ къ довѣренному чиновнику.—Нечего сказать, хорошъ сюрпризъ для ревизора будетъ!

— Были они,—начинаетъ чиновникъ: — на именинномъ вечерѣ; только и началъ стряпчій хвастаться: «Я, говоритъ, здѣсь все могу сдѣлать!» Ну, городничему это будто обидно показалось; онъ возьми да и ударь стряпчаго по лицу: «что-то, молъ, ты противъ этого сдѣлаешь!» А стряпчій, какъ ростомъ противъ городничаго не вышелъ, вцѣпился ему зубами въ животъ-съ...

— Ахъ, страмъ какой!—повторяетъ господинъ Фурначевъ.

— И вотъ, послѣ этого милости просимъ тутъ пользу какую-нибудь для края принести! — говоритъ генералъ, разводя руками.

II.

Вѣсть объ ожидаемомъ пріѣздѣ ревизора мгновенно разнеслась по городу. У тѣхъ изъ чиновниковъ, у которыхъ всякое душевное волненіе выражается трясеніемъ поджилокъ, таковое совершилось благополучно. Городъ оживился, но это оживленіе было какое-то бездушное, похожее на ту суету, которая начинается во всякомъ губернскомъ городѣ съ утра каждаго высокоторжественнаго праздника и продолжается ни болѣе, ни менѣе, какъ до извѣстнаго, судьбой опредѣленнаго срока. Петръ Борисычъ Лепехинъ, охотникъ поиграть въ двухкопеечный преферансъ, внезапно вспомнилъ, что высшее начальство непоощрительно смотритъ на такое невинное препровожденіе времени и призадумался. Онъ почелъ долгомъ немедленно справиться объ этомъ въ Сводѣ Законовъ, и хотя ничего похожаго на угрозу тамъ не нашелъ, но на всякій случай, пришедши

Digitized by Google

вечеромъ въ клубъ, не только самъ не торопился составить партію, но даже отказался наотрѣзъ отъ карточки, которую предлагалъ ему Порфирій Петровичъ.

Ѳедоръ Герасимычъ Крестовоздвиженскій, пришедши въ присутствіе, потребовалъ немедленно къ себѣ какія-то четыре дѣла («знаете: тѣ дѣла, по которымъ...») и, обнюхавши ихъ, вдругъ пришелъ въ восторженность, замахалъ руками и закричалъ: «Завтра же! сегодня же! катать ихъ! подъ судъ ихъ!»

Иванъ Павлычъ Вологжанинъ неутомимо началъ разъѣзжать по всѣмъ знакомымъ и собирать полезныя свѣдѣнія о житьѣ-бытьѣ крутогорскихъ обывателей, дабы, въ случаѣ надобности, приподнесть этотъ букетъ господину ревизору и чрезъ то заявить свою дѣятельность и преданность.

Въ будку, которая съ самой постройки своей никогда не видала будочника и оставлена была безъ стеколъ, поставили перваго и вставили послѣднія.

Пожарныхъ лошадей выкормили, какъ индѣекъ Ивана Ивановича *).

Словомъ, всякій готовился къ принятію ревизора по-своему. Только частный приставъ Рогуля оказалъ при этомъ твердость духа, достойную лучшей участи. Когда ему сказали, что будетъ, дескать, ревизоръ, и не мѣшало бы, по этому случаю, поболѣе бодрствовать и поменьше спать, то онъ только поковырялъ въ носу, испилъ квасу, до котораго былъ большой охотникъ, и молвилъ:

— Знаемъ мы этихъ ревизоровъ! Не первый годъ на свѣтѣ живемъ!

Но самая хлопотливая и трудная часть дѣятельности выпала на долю генеральши Голубовицкой. Она кстати вспомнила, что бѣдные города Крутогорска что-то давно не получали никакого пособія, и что такое благодѣтельное дѣло всего приличнѣе могло быть устроено въ глазахъ ревизора. Поэтому на совѣтѣ, составленномъ изъ лицъ приближенныхъ и извѣстныхъ своею преданностью, было рѣшено: немедленно устроить благородный спектакль, а если окажется возможнымъ, то и живыя картины.

— Помилуйте, Дарья Михайловна, какія же могутъ быть у насъ живыя картины? Вы посмотрите на нашихъ дамъ!—

*) См. «Вечера на хуторѣ» Гоголя: «Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька» и т. д.

Digitized by Google

возражаетъ старинный нашъ знакомый, Леонидъ Сергѣичъ Разбитной *).

Но Дарья Михайловна, которая имѣетъ весьма развитой станъ и вообще удачно сложена, настаиваетъ на необходимости живыхъ картинъ. Выборъ останавливается на четырехъ картинахъ: «Рахиль, утоляющая жажду Іакова», «Любимая одалиска», «Молодой грекъ съ ружьемъ», «Донъ-Жуанъ и Гайдѣ».

— Я могу взять на себя фигуру Іакова!—говоритъ молодой товарищъ предсѣдателя уголовной палаты, Семіоновичъ, и поспѣшно прибавляетъ:—А если угодно, то и Донъ-Жуана...

Дарья Михайловна въ недоумѣніи. Семіоновичъ, безъ сомнѣнія, очень достойный молодой человѣкъ и отлично знаетъ уголовные законы, но, во-первыхъ, онъ имѣетъ привычку постоянно издавать носомъ какой-то непріятный свистъ, а во-вторыхъ, и фигура у него какая-то странная, угловатая... очень будетъ нехорошо! Дарьѣ Михайловнѣ хотѣлось бы отдать эти двѣ фигуры учителю гимназіи Линкину, который имѣетъ и всѣ нужныя для того качества и къ которому она чувствуетъ родъ тихой дружбы.

— Вы, мсьё Семіоновичъ, будете слишкомъ утомлены спектаклемъ,—говорила она.

— Это ничего,—отвѣчалъ Семіоновичъ:—я работаю скоро и легко...

— Ну, Гайдѣ, Одалиска и Рахиль—объ этихъ фигурахъ нечего и говорить! — вступается кругленькій помѣщикъ Загржембовичъ:—эти фигуры по праву принадлежатъ Дарьѣ Михайловнѣ; но кому отдать Ламбро?

— Архиваріусу губернскаго правленія!—предлагаетъ Разбитной.

— Вы всегда съ вашими шутками, мсьё Разбитной!—говоритъ Дарья Михайловна.—Messieurs, кто желаетъ взять на себя Ламбро?

— Я бы охотно ее взялъ,—вступается Семіоновичъ:—но у меня Донъ-Жуанъ!

— Такъ вы Донъ-Жуана уступите... хоть мсьё Линкину!

— Признаюсь вамъ, для меня положеніе Донъ-Жуана болѣе симпатично... тутъ есть страсть, есть жизнь.

---

*) О Разбитномъ можно справиться въ «Губернскихъ очеркахъ,» ч. 3-я: *Просите.ли.*

Digitized by Google

— Зато Ламбро можетъ одѣться въ красный плащъ,— замѣчаетъ весьма основательно Разбитной:—и тутъ можетъ быть великолѣпное effet de lumière.

— Итакъ, Донъ-Жуанъ—мсьё Линкинъ, Ламбро—мсьё Семіоновичъ,—говоритъ Загржембовичъ:—но здѣсь возникаетъ вопросъ. на счетъ какихъ суммъ сдѣлать костюмъ для Донъ-Жуана, потому что мсьё Линкинъ не имѣетъ даже достаточно бѣлья, чтобы ежедневно пользоваться чистою рубашкою?

— Можно какъ-нибудь изъ благотворительныхъ суммъ,— отвѣчаетъ Дарья Михайловна.

— Да кстати бы ужъ и рубашку ему чистую сшить,— прибавляетъ Разбитной, которому досадно, что Донъ-Жуаномъ будетъ не онъ, а Линкинъ.

— Вы опять съ вашими шутками!—сухо замѣчаетъ Дарья Михайловна.

— Ну-съ, хорошо-съ; эта статья устроена; теперь кто же будетъ «Молодой грекъ съ ружьемъ»?

Молодого грека должна взять на себя особа женскаго пола—это несомнѣнно; ружье можно достать изъ гарнизоннаго батальона—съ этой стороны тоже нѣтъ препятствія. Но кто же изъ крутогорскихъ дамъ согласится изобразить фигуру, которая, въ нѣкоторомъ смыслѣ, дѣлаетъ ущербъ общественной нравственности? Первое благо, которымъ долженъ обладать Молодой грекъ, заключается въ большомъ и остромъ носѣ—кто изъ дамъ таковымъ обладаетъ? Судили-судили, и наконецъ гласъ народный указалъ на коллежскую ассессоршу Катерину Осиповну Неміолковскую, которая, имѣя точь въ точь требуемый носъ, охотно согласится облачиться и въ противоестественный мужской костюмъ. Постановлено: отправить завтрашній день къ Катеринѣ Осиповнѣ депутацію и усерднѣйше просить ее пожертвовать собой на пользу общую.

— Стало-быть, живыя картины улажены... Что же касается до спектакля, messieurs,—говоритъ Дарья Михайловна:—то онъ будетъ составленъ изъ слѣдующихъ пьесъ:

ВЪ ЛЮДЯХЪ АНГЕЛЪ НЕ ЖЕНА,
ДОМА СЪ МУЖЕМЪ САТАНА.
комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ.

—

дѣйствующія лица:

Г. Славскій . . . Мечиславъ Владиславовичъ Семіоновичъ.
Г-жа Славская . . Аглаида Алексѣевна Размановская.

Digitized by Google

Г-жа Трефкина. .	Анфиса Петровна Луковицына.
Г-жа Небосклонова.	Анна Семеновна Симіасъ.
Размазня. . . .	Ѳедоръ Ѳедоровичъ Шомполовъ (самородный комикъ, процвѣтающій въ палатѣ государственныхъ имуществъ въ должности помощника чего-то или кого-то).
Прындикъ . . .	Леонидъ Сергѣичъ Разбитной.
Лакей 1-й . . .	Экзекуторъ губернскаго правленія Стуколкинъ.
Лакей 2-й . . .	

ЧИНОВНИКЪ.

КОМЕДІЯ ВЪ 1-МЪ ДѢЙСТВІИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Княгиня	Дарья Михайловна Голубовицкая.
Поляковникъ . . .	Леонидъ Сергѣичъ Разбитной.
Мисхоринъ . . .	Семенъ Семеновичъ Линкинъ.
Надиморъ . . .	Мечиславъ Владиславовичъ Семіоновичъ.
Дробинкинъ . . .	Ѳедоръ Ѳедоровичъ Шомполовъ.

— Кажется, messieurs, такимъ образомъ, будетъ хорошо?—прибавляетъ Дарья Михайловна, прочитавъ списокъ ролей.

Всѣ находятъ, что отлично.

— Теперь, господа,—вступается Семіоновичъ: — необходимо выбрать намъ режиссера... Я предлагаю возложить эту обязанность на Алоизія Целестиныча Загржембовича.

— Аксіосъ!—возглашаютъ преданные.

Алоизій Целестинычъ кланяется и благодаритъ за довѣріе. Онъ даетъ слово, что употребитъ всѣ усилія, чтобъ оправдать столь лестное порученіе.

— Алоизій Целестинычъ!—говоритъ Разбитной:—вы не забудьте, что для Шомполова необходимо, чтобъ на репетиціяхъ былъ ерофеичъ и колбаса.

Всѣ берутся за шляпы и намѣреваются разойтись.

— Господа! господа, — возглашаетъ Загржембовичъ: — какъ режиссеръ, я долженъ васъ остановить, потому что не рѣшенъ еще одинъ важный пунктъ: кто будетъ суфлеромъ?

— Мамаса! — говоритъ старшій сынокъ Дарьи Михайловны:—я хочу быть суфьёемъ.

— Нѣтъ, душечка, ты будешь казачкомъ.

— Я узъ бый казачкомъ, я хочу быть суфьёемъ!

— Ну, полно, душечка, ты будешь шоколадъ подавать!

— Я, господа, предлагаю выбрать суфлера изъ учени-

Digitized by Google

ковъ гимназіи: имъ часто приходится суфлировать другъ другу!

— Великолѣпная мысль! вы золотой человѣкъ, Алоизій Целестинычъ!

— L'incident est vidé!—воскликнулъ Разбитной.

Всѣ уходятъ, и Семіоновичъ, заранѣе предвкушая доставшуюся ему роль и искрививши судорожно ротъ, декламируетъ на лѣстницѣ: «И къ горю моего званія, я долженъ сказать, что я и обижаться не въ правѣ, пока у насъ будутъ взяточники». Въ швейцарской онъ уже полонъ негодованія. «Надо крикнуть на всю Россію, — превозглашаетъ онъ: — что пришла пора, и она дѣйствительно пришла, — искоренить зло съ корнями»,—и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ рукою жестъ, какъ будто дѣйствительно копается ею въ землѣ.

По всему видно, что Семіоновичу пришлась очень кстати роль Надимова. Онъ человѣкъ молодой и горячій, и потому надѣется помѣстить въ этой роли, какъ въ ломбардѣ, весь внутренній жаръ, безпредметно накипѣвшій въ его груди.

Что касается до Разбитного, то онъ хотя тоже не совсѣмъ равнодушенъ къ ожидающимъ его впереди сценическимъ тревогамъ, но выражаетъ свои чувства нѣсколько иначе, а именно: на каждой площадкѣ лѣстницы производитъ по одному въ высшей степени козлообразному антраша и отправляется откушать рюмку водки къ доброй знакомой своей, Вѣрѣ Готлибовнѣ Пройминой.

III.

Наступилъ, наконецъ, и день первой репетиціи. Въ провинціи благородные спектакли всегда составляютъ эпоху и на долгое время оставляютъ за собой отрадныя воспоминанія. Особливо любятъ ихъ дамы, для которыхъ эпоха спектакля какъ-то фаталистически совпадаетъ съ порою возрожденія и любви. Статистическія изслѣдованія съ послѣднею очевидностью доказываютъ, что потребность въ благородныхъ спектакляхъ обнаруживается преимущественно послѣ десятаго декабря, то-есть въ то время, когда солнце, какъ извѣстно, поворачивается на лѣто. Хотя на дворѣ и гвоздятъ еще крещенскіе морозы, но въ теплыхъ гостиныхъ уже чувствуются запахи весны; появляются цвѣточки на окнахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ начинаютъ расцвѣтать и сердца. И вотъ, мало-по-малу, въ четырехъ закопченыхъ стѣнахъ провинціальнаго театра полагается первоначальная закваска той интимной, крохотной драмы, которая потомъ

Digitized by Google

исчерпываетъ собою весь провинціальный карнавалъ. Сценическое искусство служитъ здѣсь только предлогомъ или, лучше сказать, кулисами, за которыми развиваются домашнія интриги, устраиваются свиданія, разыгрываются сцены ревности и т. д. Съ одной стороны, мечутся въ глаза, лица совершенно счастливыя и довольныя; съ другой, печально выступаютъ впередъ ипохондрики, снѣдаемыя завистью и злобой при взглядѣ на чужое счастье; съ одной стороны, слышится тотъ мягкій, какъ будто дѣтскій смѣхъ, который самое счастье озаряетъ еще новымъ и болѣе яркимъ свѣтомъ, и рядомъ съ нимъ раздаются болѣзненные вздохи, сосредоточенно вылетающіе изъ груди какого-нибудь отвергнутаго трезора. Здѣсь же, какъ будто бы для того, чтобъ лучше оттѣнить картину, явится передъ вами какой-нибудь Шомполовъ, который смотритъ на предстоящій спектакль, какъ на подвигъ всей своей жизни, и добродушная физіономія режиссера, который обыкновенно избирается изъ такъ-называемыхъ «мышиныхъ жеребчиковъ», обладающихъ любовнымъ жаромъ въ самой умѣренной степени, и потому способныхъ сохранять постоянный нейтралитетъ. Иногда картина разнообразится наѣздомъ слишкомъ ревнивыхъ мужей, желающихъ собственными глазами удостовѣриться, въ какомъ положеніи находится супружеская вѣрность; но и это какъ-то не огорчаетъ, а, напротивъ того, умиляетъ; потому что если ужъ признавать силу солнечнаго поворота на лѣто, то это признаніе должно быть равносильно и для мужей, и для женъ. Впрочемъ, наѣзды подобнаго рода весьма рѣдки, потому что провинціальные мужья — народъ вообще добродушный и, при объявленіи имъ о нарядѣ ихъ женъ для предстоящаго спектакля, высказываютъ досаду свою отрывисто и невинно головой. «Ну, пошла пильня въ ходъ!— говорятъ они.— Семь безъ козырей! Порфирій Петровичъ—вы что?»

Часы бьютъ семь, и Шомполовъ достаточно ужъ увлажилъ свои внутренности изъ графинчика, содержащаго въ себѣ настойку, извѣстную подъ именемъ ерофеича. Онъ ходитъ по сценѣ и груститъ, что случается съ нимъ всегда, когда Ерошка-маляръ намалюетъ баканомъ на лицѣ его итальянскій пейзажъ съ надписью: «изверженіе Везувія». Отъ нечего-дѣлать, онъ обращается къ сторожу.

— Меня, братъ Михенчъ, здѣсь понимать не могутъ!— говоритъ онъ уныло.—Здѣсь и люди-то, братъ, не люди, а такъ, какія-то сирены, только навыворотъ: хвостъ человѣ-

Digitized by Google

чій, а станъ рыбій... Ну, скажи ты самъ: какой же я комикъ: и сложеніе, и голосъ—все во мнѣ трагическое... Тутъ пахнетъ убійствомъ, братъ, злодѣяніями—вотъ что!

Михеичъ слушаетъ и искоса посматриваетъ на водку.

— Что, видно, водочки захотѣлось? Ну, выпьемъ, братъ, выпьемъ... я добрый!... Намеднись вотъ заставили меня Падчерицына играть... теперь Дробинкина! А Надимова небось не дали, а дали его Семіоновичу—онъ, дескать, товарищъ предсѣдателя! Гдѣ-жъ тутъ справедливость, Михеичъ? ну, какой я Падчерицынъ.

— Мое, сударь, дѣло занавѣсъ опустить, или вотъ садъ на мѣсто поставить,—отвѣчаетъ Михеичъ.

— Что-жъ это, наконецъ, будетъ! вѣдь я, наконецъ, къ публикѣ прибѣгну!.. я актеръ, я настоящій актеръ!.. Такъ вотъ нѣтъ же, Михеичъ! не могу, братъ, я къ публикѣ прибѣгнуть, руки у меня связаны: жена, братъ, шестеро дѣтей! Откажись я играть, такъ завтра и отъ должности, пожалуй, отрѣшатъ... Вотъ что горько-то!

Входятъ Загржембовичъ и Разбитной. Послѣдній въ весьма пріятномъ расположеніи духа, скачетъ вдругъ обѣими ногами на лѣстницу и мурлыкаетъ куплетцы изъ роли Прындика.

— Алоизій Целестинычъ! — обращается Шомоловъ къ Загржембовичу: — вы справедливый человѣкъ! За что они меня обидѣли? За что мнѣ Размазню дали, а Надимова отдали Семіоновичу?

— Вы пьяны, Шомоловъ,—замѣчаетъ Разбитной, живописно раскидываясь на диванѣ.

— Нѣтъ, я не пьянъ, Леонидъ Сергѣичъ! Я выпилъ, потому что обиженъ, а я не пьянъ! Нѣтъ, я далеко не пьянъ... Я хочу сказать, что я актеръ, настоящій актеръ, а не затычка!

— Ха-ха! «Затычка»! Нѣтъ, это безподобно: mais vous êtes impayable, mon cher Chompoloff!

— Кто меня затычкой зоветъ? — кричитъ Шомоловъ, уже забывъ, что онъ самъ наградилъ себя этимъ прозвищемъ.—Кто надо мной смѣяться смѣетъ?

— Ха-ха! impayable! impayable!

— Кто меня затычкой зоветъ? — продолжаетъ Шомоловъ.—Не хочу я играть Размазню... Я Гамлетъ, я Чацкій, я Надимовъ, а не Размазня!

Пріѣздъ Дарьи Михайловны и Аглаиды Алексѣевны Размановской полагаетъ конецъ спору.

Digitized by Google

— Ah, vous voilà messieurs! — говоритъ Дарья Михайловна и вмѣстѣ съ тѣмъ ищетъ чего-то глазами.

— Мсьё Линкина еще нѣтъ!—въ упоръ отвѣчаетъ Разбитной, и отвѣчаетъ съ ехидствомъ, потому что между нимъ и Линкинымъ есть яблоко раздора, и это яблоко — сама Дарья Михайловна.

Разбитной вообще считается «l'enfant chéri des dames», и потому очень оскорбляется, если кто-нибудь осмѣливается предпочитать ему другого.

— Мсьё Разбитной! вы должны сегодняшній вечеръ занимать меня—это такъ слѣдуетъ по пьесѣ!—говоритъ Аглаида Алексѣевна, садясь возлѣ Разбитного.

— Вотъ Шомполовъ говоритъ, что ему водки не даютъ!—начинаетъ «занимать» Разбитной.

— Фи, мсьё Шомполовъ, вы опять съ вашею противною водкой! Какъ это вы ее пьете!

— Помилуйте, Леонидъ Сергѣичъ, когда же я жаловался?

— Все равно; по вашему лицу видно, что вы грустите.

— А знаете что, мсьё Разбитной,—прерываетъ Аглаида Алексѣевна:—я одинъ разъ—разумѣется, украдкой отъ maman—попробовала выпить этой гадкой водки... и если бы вы знали, что со мной было!.. Вы, впрочемъ, не проболтайтесь... это секретъ!

Входятъ Катерина Осиповна Неміолковская (она же и Грекъ съ ружьемъ), сопровождаемая Линкинымъ.

— Вы всегда опаздываете, мсьё Линкинъ,—сухо замѣчаетъ Дарья Михайловна.

Но Линкинъ въ ту же минуту пристраивается къ Дарьѣ Михайловнѣ, и лицо ея проясняется.

— Начинать, господа, начинать! — кричитъ Загржембовичъ, хлопая въ ладоши.

— Господа! у насъ въ палатѣ сегодня вечернее засѣданіе было! извините, что опоздалъ! — кричитъ Семіоновичъ, влетая сломя голову.

Пріѣзжаетъ и Анфиса Петровна Луковицына съ дочерью своей, по мужѣ Симіасъ, дамой, обладающей лицомъ аквамаринового цвѣта. Прибытіе ихъ проходитъ, однакожъ, незамѣченнымъ.

На сцену выступаетъ Аглаида Алексѣевна и ужасно махаетъ руками, желая показать этимъ, что она обрываетъ звонки.

Разбитной, пользуясь этимъ случаемъ, въ одно мгновеніе

Digitized by Google

ока направляется въ тотъ темный уголокъ, въ которомъ расположилась Дарья Михайловна съ Линкинымъ.

— Сердце женщины—это цѣлая бездна! Вы странный человѣкъ, Линкинъ: вы хотите постигнуть то, что само себя иногда постигнуть не въ состояніи!—томно говоритъ Дарья Михайловна.

Линкинъ слушаетъ молча; онъ знаетъ, что Дарья Михайловна любитъ не только поговорить, но даже насладиться звуками своего собственнаго голоса, и потому не смѣетъ прерывать очаровательницу.

— Читали ли вы Гётевы «Wahlverwandtschaften»?—продолжаетъ Дарья Михайловна.

— Читалъ-съ.

— Помните ли вы ту минуту, когда Шарлоттѣ дѣлается вдругъ такъ совѣстно?.. Ну, я ручаюсь, что вы не поняли этого.

— Я признаюсь, не замѣтилъ этого мѣста.

— И не удивительно, что вы не замѣтили. Такую тонкую, почти неуловимую черту можетъ понять только женщина... Сегодня, кажется, вечеръ у Балтазаровыхъ?—продолжаетъ Дарья Михайловна, замѣтивъ приближеніе Разбитного.

— Кажется,—отвѣчаетъ Линкинъ.

— Вы съ ними знакомы?

— Нѣтъ.

Разбитной, хотя и достигъ своей цѣли, прервавъ интимный разговоръ, но чувствуетъ себя самого внезапно поглупѣвшимъ и не находитъ въ головѣ ни одного путнаго слова. Онъ топчется на одномъ мѣстѣ, то краснѣетъ, то блѣднѣетъ, нѣсколько разъ сряду разѣваетъ ротъ, чтобъ сказать что-нибудь острое, и не можетъ.

— Вамъ, кажется, начинать скоро, Дарья Михайловна,—говоритъ онъ, наконецъ, не безъ усилій.

Въ эту минуту на сценѣ раздается потрясающій вопль. Оказывается, что Шомоловъ ущипнулъ очень больно мадамъ Симіасъ.

— Господа! къ сожалѣнію, репетиція не можетъ продолжаться! — возглашаетъ Загржембовичъ:—мосьё Шомоловъ не совсѣмъ здоровъ.

— Кто нездоровъ? Какъ нездоровъ?—вступается Шомоловъ.—Она меня оскорбила! Она сказала мнѣ, что я пьянъ!

— Господа! репетиція кончилась!

Digitized by Google

IV.

Между тѣмъ статскій совѣтникъ Голынцевъ уже приближался къ Крутогорску. Ѣхалъ онъ довольно медленно, потому что на всякой станціи собиралъ подъ рукою, отъ станціонныхъ писарей и ямщиковъ, свѣдѣнія о генералѣ Голубовицкомъ. Свѣдѣнія оказывались, впрочемъ, весьма удовлетворительныя.

— Извѣстно, генералъ-съ! — отвѣчали писаря въ одно слово, будто сговорившись.—На то они и начальники, чтобъ взыскивать!

«Гм!.. стало-быть, строгъ и распорядителенъ — это хорошо!» — подумалъ Голынцевъ.

— Шибко ужъ оченно ѣздятъ,—отвѣчали, въ свою очередь, ямщики.

«Гм!.. стало-быть, дѣятеленъ—это похвально!» —зарубилъ себѣ на носъ Голынцевъ.

Наконецъ, декабря 20-го числа 18** года, въ восемь часовъ пополудни, возокъ Максима Ѳедорыча въѣхалъ въ Крутогорскъ. На заставѣ встрѣтилъ полицеймейстеръ.

— Ва... вашему пре-е-восходительству...

— Вы, должно-быть, озябли?—прервалъ Максимъ Ѳедорычъ, видя, что полицеймейстеръ, вмѣсто того, чтобъ рапортовать, только щелкаетъ зубами. — Вы можете простудиться, мой любезный!

Возокъ помчался на отводную квартиру, а полицеймейстеръ съ своей стороны поспѣшилъ доложить генералу, что Максимъ Ѳедорычъ не человѣкъ, а ангелъ.

Максимъ Ѳедорычъ, пріѣхавъ на квартиру, спросилъ самоваръ и позвалъ къ себѣ хозяина, потому что и тутъ, несмотря на утомленіе, первою его мыслью было не спать лечь, а, напротивъ того, узнать что-нибудь подъ рукою. Вообще, онъ понималъ свою обязанность весьма серьезно и зналъ, что осторожность въ полицейскомъ чиновникѣ есть мать всѣхъ добродѣтелей. Хозяинъ явился въ кругломъ фракѣ и оказался весьма милымъ негоціантомъ, чему Голынцевъ очень пріятно изумился и выразилъ при этомъ надежду, что и въ прочихъ городахъ Россіи со временемъ купцы послѣдуютъ примѣру этихъ aimables Krutogoriens.

— Ну, скажите, что вашъ добрый генералъ? — началъ испытывать Максимъ Ѳедорычъ стороною.

— Слава Богу-съ, ваше превосходительство!

Digitized by Google

«Ваше превосходительство» подѣйствовало на Максима Ѳедорыча успокоительно.

«Mais ils sont très bien élevées ici!» — подумалъ онъ и вслухъ прибавилъ:

— Да, да! онъ у васъ такой дѣятельный!

— Попеченіе большое имѣютъ, ваше превосходительство!

— Ну, и генеральша тоже, она вѣдь милая?

— Дарья Михайловна-съ?.. Смѣю доложить вашему превосходительству, что такихъ дамъ по нашему мѣсту-съ... наше мѣсто, сами изволите знать какое, ваше превосходительство!

— Гм!.. это хорошо! Ну, и веселятся у васъ: бываютъ собранія, театры, балы?

— Какъ же-съ, ваше превосходительство, благороднымъ манеромъ тоже собираются-съ... въ карты поиграть-съ, или въ клубѣ-съ... все больше Дарья Михайловна попеченіе имѣютъ...

— Это хорошо! Я такъ скажу, что это одинъ изъ главныхъ рычаговъ администраціи, чтобъ всѣмъ было весело! Если всѣмъ весело, значитъ всѣ довольны—это ясно, какъ дважды-два! Къ сожалѣнію, не всѣ администраторы обращаютъ на этотъ предметъ должное вниманіе!

— Ужъ, что же хорошаго будетъ, ваше превосходительство, какъ всѣ, насупившись, по угламъ сидѣть будутъ.

— Ну, да, ну, да, очень радъ, очень радъ познакомиться съ такимъ милымъ и образованнымъ негоціантомъ.

Максимъ Ѳедорычъ замѣтилъ, однако, что ужъ довольно поздно, и потому рѣшился отдохнуть. Но прежде чѣмъ отойти ко сну — до такой степени серьезенъ былъ его взглядъ на служебныя обязанности — онъ вынулъ свою записную книжку, въ которой уже были начертаны слова: «строгъ, но справедливъ», «дѣятеленъ, распорядителенъ», и собственноручно сдѣлалъ въ ней слѣдующую отмѣтку: «общежителенъ и заботится о соединеніи общества, въ чемъ не мало ему помогаетъ любезная его супруга, о которой существуютъ въ губерніи самые лестные отзывы».

V.

На другой день у генерала Голубовицкаго былъ обѣдъ. За обѣдомъ присутствовали: Змѣищевъ, Фурначевъ, Порфирьевъ, Крестовоздвиженскій и прочіе сильные міра; кушали также и нѣкоторые молодые люди, но исключительно изъ числа тѣхъ, отъ которыхъ ничѣмъ не пахнетъ, а

Digitized by Google

именно: Разбитной, Семёновичъ и Загржембовичъ. Изъ дамъ присутствовала одна хозяйка дома.

Еще наканунѣ Степанъ Степанычъ призвалъ къ себѣ повара и имѣлъ съ нимъ серьезное объясненіе.

— Завтра у меня гость обѣдать будетъ, ты пойми это!— сказалъ онъ повару.

— Это понять можно, ваше превосходительство; не въ первый разъ столы готовимъ!

— Ну, что же ты сдѣлаешь?

— Горячее супъ съ кнелью изготовить можно.

— Господи! просто, братецъ, воображенія у тебя никакого нѣтъ!..

— А то можно и уху сварить.

— Супъ съ кнелью да уха, только и словъ! Ну, чортъ съ тобой, дѣлай что хочешь!

Тѣмъ и кончилось совѣщаніе, но обѣдъ все-таки вышелъ хорошій. Подавали супъ съ кнелью (поваръ поставилъ-таки на своемъ), на холодное котлеты и ветчину съ горошкомъ, на соусъ фрикасе изъ мозговъ и мелкой дичи, въ которую воткнуты были оловянныя стрѣлы, потомъ пуншъ глясе, на жаркое индѣйку и въ заключеніе малиновое желе, въ видѣ развалинъ Колизея, внутри которыхъ горѣла стеариновая свѣчка, производя весьма пріятный эффектъ для глазъ.

Максимъ Ѳедорычъ, какъ дамскій поклонникъ, садится поближе къ Дарьѣ Михайловнѣ, и между ними завязывается очень живой разговоръ.

— И вы не скучаете? — спрашиваетъ Максимъ Ѳедорычъ.

— Иногда... а впрочемъ, нѣтъ! Я такъ всегда занята, что некогда и подумать о скукѣ!

— Ахъ, да, я и забылъ, что у васъ есть дѣти... chers petits anges! ils sont bien heureux d'avoir une mère comme vous, madame!

— Mais... oui! je les aime...

Дарья Михайловна треплетъ старшаго сына по щечкѣ.

— Ей, Максимъ Ѳедорычъ, скучать некогда: она даже и теперь устраиваетъ благородный спектакль,—отзывается съ другого конца генералъ, внимательно слѣдящій за всѣми движеніями Голынцева.

— Vraiment? mais savez-vous, мнѣ ужасно покровительствуетъ счастіе... я безъ ума отъ спектаклей, особенно отъ

Digitized by Google

благородныхъ... и я васъ заранѣе предупреждаю, что вы найдете во мнѣ самаго строгаго критика.

— Мы таки частенько здѣсь веселимся, — снова вступается генералъ.

— Это хорошо! Удовольствія, а особливо невинныя... это, я вамъ скажу, даже полезно: это нравы очищаетъ, не даетъ, знаете, имъ зачерствѣть...

— Это несомнѣнно!

— А позволено ли будетъ узнать, si ce n'est pas une indiscrétion toutefois, какія пьесы будутъ играть?

— «Чиновника»,—отвѣчаетъ Дарья Михайловна.

— Ah! c'est sérieux! c'est très sérieux! Только, я вамъ скажу, тутъ надо актеру... par ce que c'est très sérieux!

Дарья Михайловна рекомендуетъ Семіоновича.

— Вы, конечно, поняли эту роль? — спрашиваетъ его Максимъ Ѳедорычъ.—Вы извините меня, что я дѣлаю такой вопросъ: дѣло въ томъ, что это вѣдь очень серьезно!

Семіоновичъ вертитъ головою въ знакъ согласія.

— Я видѣлъ въ этой роли первоклассныхъ нашихъ актеровъ, и признаюсь, не совсѣмъ удовлетворенъ ими. Нѣтъ, знаете, этого жару, этого негодованія... ну, и манеры не тѣ... Вы вѣдь вообразите, что Надимовъ старинный дворянинъ, que c'est un homme de bonne famille, и вдругъ этотъ человѣкъ рѣшился не только принести себя въ жертву отечеству, но и разорвать всякую связь съ «стариннымъ русскимъ развратомъ»... Mais il est presque révolutionnaire, cet homme!

— Я именно такъ и понялъ это, ваше превосходительство!—отвѣчаетъ Семіоновичъ.

— Да, тутъ надо много, очень много жару, чтобъ передать эту роль... О княгинѣ я не спрашиваю: эта роль по всѣмъ правамъ должна принадлежать вамъ, — обращается Голынцевъ къ Дарьѣ Михайловнѣ.

— А еще будутъ играть комедію, гдѣ Аглинька звонки рветъ!—перебиваетъ старшій сынъ Голубовицкихъ.

— А я буду сакалядъ подавать, — продолжаетъ младшій сынъ.

— «Сакалядъ», душечка? Oh, le charmant enfant!.. Я понимаю, что вы не должны, не можете скучать, Дарья Михайловна!

Дарья Михайловна треплетъ по щечкѣ и младшаго сына.

— Мамаша, Сеничка хочетъ въ Аглинькинъ шоколадъ песку насыпать,—докладываетъ старшій сынъ.

Digitized by Google

— Фи, душечка!

— Oh, le charmant enfant .. quel âge a-t-il, madame?

— Sept ans.

— Mais savez-vous, madame, qu'il est très développé pour son âge? Тебѣ, душечка, куда хочется: въ военную или штатскую?

— Я хочу въ кьясномъ мундирѣ ходить!

Всѣ смѣются и съ нѣжностью смотрятъ на маленькаго пичугу, который уже желаетъ краснаго мундира.

— Нынѣшнее молодое поколѣніе удивительно какъ быстро развивается! — замѣчаетъ Голынцевъ. — Я увѣренъ, что Надимову всего какихъ-нибудь шестнадцать лѣтъ, въ то время, когда онъ вступаетъ на сцену... Notez bien cela,—прибавляетъ Голынцевъ, обращаясь къ Семіоновичу.

— Извините меня, ваше превосходительство,—возражаетъ Семіоновичъ:—но Надимовъ передъ этимъ путешествовалъ, былъ на Нилѣ...

— Это такъ, но развѣ онъ не могъ путешествовать съ своими родителями или съ гувернеромъ?

— Путешествовать—такъ, но быть на Нилѣ—согласитесь сами, что это довольно трудно!

— Можетъ-быть, можетъ-быть... Au fond, vous êtes peut-être, dans le vrai... но, все-таки, вопросъ заключается въ томъ, что молодые люди нынче чрезвычайно какъ быстро развиваются... qu'en pensez-vous, madame?

— Mais... je pense que oui...

— Я, впрочемъ, отнюдь не противъ этого... Конечно, опытность, l'expérience n'est pas à dédaigner, et nous autres, vieux galopins, nous en savons quelque chose...

— Опытность великая вещь, ваше превосходительство,— замѣчаетъ генералъ, который по временамъ тоже не прочь преждевременно произвести Максима Ѳедорыча въ слѣдующій чинъ.

Порфирій Петровичъ покрякиваетъ въ знакъ сочувствія.

— Я противъ этого не спорю, ваше превосходительство: есть вещи, противъ которыхъ нельзя спорить, потому что онѣ освящены исторіей... Но все-таки жаръ, энергія... все это такія вещи, которыхъ намъ съ вами недостаетъ... mais n'est-ce pas, madame?

Дарья Михайловна очень мило улыбается; присутствующіе также смѣются, и даже довольно шумно, но, тѣмъ не менѣе, благовоспитанно и добродушно, какъ будто хотятъ

Digitized by Google

сказать генералу: «А что, попались, ваше превосходительство!» Генералъ самъ признаетъ себя побѣжденнымъ и ставитъ себя въ уровень съ общимъ веселымъ настроеніемъ общества.

— Зачѣмъ же вы, однакожъ, себя включаете въ число стариковъ?—очень любезно замѣчаетъ Дарья Михайловна Голынцеву.

— Vous êtes bien aimable, madame, — отвѣчаетъ Максимъ Ѳедорычъ:—но—увы!—я долженъ сознаться, что время мое прошло!

— Должно-быть, тоже изволили развиваться быстро? — шутливо замѣчаетъ генералъ.

— А что вы думаете? Вѣдь это правда! Въ бывалые годы я тоже недурно проводилъ время... mais que voulez-vous! la jeunesse—c'est comme les vagues de l'océan: cela s'en va et ne se retourne plus!

Въ это время желе съ стеариновою свѣчкой отвлекаетъ общее вниманіе. Максимъ Ѳедорычъ съ любопытствомъ слѣдитъ за блюдомъ, пока обносятъ имъ всѣхъ гостей, и въ заключеніе находитъ que c'est joli. Встаютъ изъ-за стола и отправляются въ гостиную, гдѣ онять возобновляется живой и интересный разговоръ.

— Я никакъ не ожидалъ, чтобъ въ такомъ отдаленномъ городкѣ можно было такъ пріятно проводить время... Vraiment!—замѣчаетъ Максимъ Ѳедорычъ.

— Если бы вашему превосходительству угодно было удостоить меня посѣщеніемъ сегодня вечеромъ на чашку чаю...—говоритъ Порфирій Петровичъ, подходя къ Голынцеву и переминаясь съ ноги на ногу.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ... Вы меня извините, что я не былъ у васъ съ визитомъ...

— Помилуйте, ваше превосходительство!..

И Порфирій Петровичъ, сдѣлавъ полуоборотъ на одномъ каблучкѣ, кашлянувъ и нѣсколько покраснѣвъ, удаляется.

— Et demain, nous allons en piquenique; j'espère, que vous en serez?—спрашиваетъ Дарья Михайловна.

— Madame, vous pouvez disposer de mon temps et de ma personne selon votre bon vouloir...

— Въ такомъ случаѣ, я сама за вами заѣду,—любезно продолжаетъ генеральша.

— Ah, madame! vous êtes d'une bonté!

Наконецъ, всѣ начинаютъ чувствовать нѣкоторое обремененіе желудка и мало-по-малу раскланиваются съ хо-

Digitized by Google

зяевами. Голынцевъ замѣчаетъ это и также спѣшитъ отретироваться.

Всѣ очень довольны.

— Ахъ, какой пріятный человѣкъ!—говоритъ Порфирій Петровичъ, обращаясь къ Крестовоздвиженскому.

— Просто именно добрѣйшій человѣкъ, — отвѣчаетъ Крестовоздвиженскій и внезапно начинаетъ размахивать руками, какъ человѣкъ, который не въ состояніи овладѣть своими чувствами.

Семіоновичъ уходитъ, обдумывая замѣчанія Голынцева по поводу роли Надимова, и рѣшается припустить еще болѣе жару въ выраженіи того спасительнаго негодованія, которымъ проникнута эта роль. Леонидъ Сергѣевичъ Разбитной выражаетъ свое удовольствіе тѣмъ, что скачетъ съ одной ступеньки на другую обѣими ногами вдругъ, и на одной ступенькѣ говоритъ: «pique», а на другой: «nique».

VI.

На другой день, часу въ третьемъ пополудни, огромный поѣздъ останавливается передъ домомъ, въ которомъ имѣетъ резиденцію Максимъ Ѳедорычъ. Впереди всего поѣзда ѣдетъ полицеймейстеръ на лихой тройкѣ, подобранной волосъ въ волосъ изъ числа пожарныхъ лошадей. За полицеймейстеромъ слѣдуютъ четверомѣстныя сани, въ которыхъ обрѣтаются генералъ и генеральша Голубовицкіе и двое дѣтей. Тутъ же садится и Максимъ Ѳедорычъ.

Поѣздъ трогается; ямщикамъ приказано быть веселыми, вслѣдствіе чего они поютъ пѣсни и помахиваютъ кнутами. Максимъ Ѳедорычъ замѣчаетъ, что такого рода загородныя поѣздки, кромѣ того, что представляютъ много удовольствія, весьма полезны для здоровья.

— Et regardez, comme c'est joli! — обращается онъ къ Дарьѣ Михайловнѣ, указывая на длинную вереницу саней, растянувшуюся на полверсты.—Какъ это напоминаетъ запоздалыхъ путниковъ, которые спѣшатъ на ночлегъ!

И дѣйствительно, картина очень милая, потому что день ясный, и лучи солнца, упадая на бѣлую снѣговую равнину, обливаютъ ее сверкающимъ, почти нестерпимымъ блескомъ; сани быстро скользятъ по едва пробитой дорогѣ, а пристяжныя лошади, взрывая копытами снѣгъ, одѣваютъ экипажи серебристымъ облакомъ пыли, что̀ также очень недурно.

— У насъ удивительно здоровый климатъ, — говоритъ

Digitized by Google

генералъ:—повѣрите ли, ваше превосходительство, странно сказать, а даже въ простомъ народѣ никогда никакихъ болѣзней не происходитъ!

— Да? Стало-быть, состояніе народнаго здоровья можно назвать удовлетворительнымъ!

— Больше чѣмъ удовлетворительнымъ!

— Ну, а народная нравственность?

— Насчетъ народной нравственности тоже могу сказать, что довольно удовлетворительна... Конечно, бываютъ тамъ между ними... Ну, да это домашними средствами!

— Гм!.. это хорошо, это очень утѣшительно, что народная нравственность въ удовлетворительномъ состояніи... Потому что народъ, ваше превосходительство... это его, можно сказать, единственная забота, чтобъ быть нравственнымъ... Если ужъ и въ народѣ нѣтъ нравственности, что же такое будетъ?

— Это справедливо, ваше превосходительство... въ этомъ отношеніи, я могу сказать... я очень счастливъ... Народъ здѣсь очень нравственень! Одно только обстоятельство меня огорчаетъ; ябедниковъ здѣсь очень много.

— Д-да?

— Точно такъ-съ. Я, конечно, не сталъ бы жаловаться вамъ на это, если бы не имѣлъ удовольствія такъ близко познакомиться съ вами и не убѣдился вполнѣ, что вы не заподозрите меня... Но теперь могу сказать прямо: да, ябедничество слишкомъ укоренилось здѣсь!

— Скажите пожалуйста!.. Но чѣмъ же вы объясните такое явленіе? Вѣроятно, оно откуда-нибудь занесено сюда, потому что не можетъ же быть, чтобъ здѣсь были какія-нибудь причины жаловаться... Вездѣ, гдѣ я былъ, передо мной проходили все лица совершенно довольныя.

— Изъ Новгорода, Максимъ Ѳедорычъ, изъ Новгорода... Повѣрьте, что это все старая новгородская кляуза дѣйствуетъ!..

— Гм!.. стало-быть, здѣшній народъ стоитъ на довольно высокой степени развитія? — замѣчаетъ Голынцевъ, вспомнивъ о Марѳѣ Посадницѣ.

— О, да! съ этой стороны я могу почесть себя совершенно счастливымъ! Я могу сказать, что имѣю дѣло съ людьми развитыми, и если бы не ябедничество...

— Однакожъ, надо бы принять мѣры противъ распространенія этого зла, ваше превосходительство... Я, съ своей стороны, готовъ содѣйствовать!

Digitized by Google

— Я, съ своей стороны, полагаю, ваше превосходительство, что для уничтоженія этого зла необходимо между народомъ распространить «истинное просвѣщеніе»...

— То-есть, какъ это истинное просвѣщеніе... грамотность, хотите вы сказать?

— О, нѣтъ, упаси Боже! Грамотность-то именно и распространяетъ у насъ ябедниковъ...

— Гм!.. да! я понимаю васъ! Вы хотите сказать, что если бы не было грамотныхъ, то некому было бы просьбы писать? Такъ, кажется?

— Точно такъ, ваше превосходительство!

— А что вы думаете: вѣдь въ этомъ много правды! Несомнѣнно, что тогда административная машина упростилась бы чрезвычайно... Ну, и сокращеніе переписки... Однако, мнѣ весьма бы любопытно было знать, что вы разумѣете подъ «истиннымъ просвѣщеніемъ»?

Генералъ задумывается; онъ хочетъ выразиться какъ-нибудь аллегорически, упомянуть про невинность души, про довѣрчивость, про веселое и безгорестное выраженіе физіономіи и другіе несомнѣнные признаки «истиннаго просвѣщенія», но такъ какъ въ ораторскомъ искусствѣ онъ никогда не имѣлъ случая упражняться (потому что и вообще въ Россіи искусство это находится въ младенчествѣ), то весьма естественно, что мысли его путаются, и въ головѣ его поднимается такой сумбуръ, для приведенія котораго въ порядокъ необходимо было бы учредить цѣлое временное отдѣленіе съ тремя столами, изъ коихъ одинъ завѣдывалъ бы невинностью души, другой—довѣрчивостью и т. д. Дарья Михайловна замѣчаетъ это и спѣшитъ выручить супруга своего изъ бѣды.

— Ah, messieurs, vous aurez encore tout le temps de causer affaire!—замѣчаетъ она, очаровательно улыбаясь.

— Это правда. Мы, ваше превосходительство, были очень неучтивы передъ Дарьей Михайловной!—говоритъ Максимъ Ѳедорычъ и потомъ снова прибавляетъ, указывая на поѣздъ:—Mais regardez, comme c'est joli!

Однако, виднѣется уже и цѣль поѣздки: одноэтажный сѣренькій домикъ, въ которомъ устроено все нужное для принятія гостей. Неподалеку отъ дома генеральскую тройку обгоняютъ сани, въ которыхъ сидятъ Загржембовичъ, Семіоновичъ и Разбитной, т. е. сокъ крутогорской молодежи. Разбитной возсѣдаетъ на облучкѣ, и въ то время, какъ тройка равняется съ санями Дарьи Михайловны, онъ ста-

Digitized by Google

рается держать себя какъ можно лише и вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается смотрѣть по сторонамъ и разговариваетъ съ своими спутниками, чтобъ показать, что онъ лихой и все ему ни по чемъ.

Въ небольшой залѣ уже накрытъ столъ и батальонная музыка играетъ весьма усердно. Хотя это дѣло обыкновенное и всѣмъ давно извѣстно, что батальонъ, вмѣстѣ съ кузницей и швальной, непремѣнно обладаетъ и полнымъ бальнымъ оркестромъ музыки, но Максимъ Ѳедорычъ считаетъ долгомъ пріятно изумиться.

— Да у васъ тутъ цѣлый окрестръ! — говоритъ онъ Дарьѣ Михайловнѣ.—Mais... c'est très joli!

За обѣдомъ начинается тотъ же милый, летучій разговоръ, котораго образчики приведены въ предыдущей главѣ, съ тою разницею, что теперь онъ непринужденнѣе и вслѣдствіе этого еще милѣе. Дарья Михайловна ни на шагъ не отпускаетъ отъ себя дорогого гостя. За общимъ шумомъ и говоромъ между ними заводится интимная бесѣда, въ которой Дарья Михайловна открываетъ Максиму Ѳедорычу всѣ тайныя сокровища своего ума и сердца. Бесѣда, разумѣется, ведется на томъ миломъ французскомъ діалектѣ, о которомъ наши провинціальныя барыни такъ справедливо выражаются: «этотъ душка французскій языкъ».

— Если кто хочетъ найти доступъ къ сердцу женщины, тотъ долженъ постучаться въ двери ея воображенія,— утверждаетъ Максимъ Ѳедорычъ.

— Вы думаете?

— Я совершенно въ этомъ увѣренъ... Кто произноситъ при мнѣ слово «воображеніе», тотъ вмѣстѣ съ тѣмъ произноситъ и слово «женщина», и наоборотъ...

— А я думаю, что на бѣдныхъ женщинъ клевещутъ, говоря, что у нихъ воображеніе развито насчетъ сердца... Возьмите, напримѣръ, чувство матери!

— О, чувство матери — это такъ! C'est sublime, il n'y a rien à dire! Но я не о немъ и говорю... Мы возьмемъ женщину, свободную отъ всякихъ такого рода отношеній, женщину, созданную, такъ сказать, для того, чтобъ только любить... madame Beauséant *), напримѣръ?

— Но я вамъ могу указать противъ этого на Марту, на Лукрецію Флоріани **)...

— И все-таки я утверждаю, что всѣ эти героини именно

*) Героиня романовъ Бальзака.
**) Героини романовъ Ж. Санда.

Digitized by Google

потому и оказались слабы сердцемъ, что въ нихъ слишкомъ развито было воображеніе.

Дарья Михайловна задумывается.

— Нѣтъ, вы не знаете женщинъ! — говоритъ она положительно.

— Oh, mais je vous demande pardon, madame!..

— Нѣтъ, потому что вы отнимаете у женщины ея лучшее сокровище—сердце!.. А впрочемъ, я и забыла, что вы мужчина...

— А все-таки главное въ женщинѣ — это ея воображеніе...

— Вы странный человѣкъ, мсьё Голынцевъ: вы хотите увѣрить меня, что постигнули женщину... то-есть постигли то, что само себя иногда постигнуть не въ состояніи...

— Oh, quant à cela, vous avez parfaitement raison, madame!

— Читали ли вы Гётевы «Wahlverwandtschaften»?

— О, какъ же!

— Помните ли вы тамъ одно мѣсто... ту минуту, когда Шарлотта, отдаваясь своему мужу, вдругъ чувствуетъ... Скажите: сердце ли это, или воображеніе?

Максимъ Ѳедорычъ безмолвствуетъ, потому что, признаться сказать, онъ въ первый разъ слышитъ о Шарлоттѣ, да сверхъ того и вопросъ Дарьи Михайловны слишкомъ ужъ отзывается метафизикой.

— Вы потому ошибаетесь въ женщинѣ, — продолжаетъ Дарья Михайловна томно: — что ищете чувства въ одномъ ея сердцѣ... Но вѣдь оно вездѣ, это чувство, оно во всемъ ея существѣ!

Максимъ Ѳедорычъ рѣшительно побѣжденъ.

— О, если вы берете вопросъ съ этой точки зрѣнія, — говоритъ онъ:—то, конечно, противъ этого я ничего не имѣю сказать.

Такимъ образомъ побѣда остается за Дарьей Михайловной, но, какъ женщина умная, она очень хорошо понимаетъ, что одолжена своимъ торжествомъ не столько самой себѣ, сколько великодушію своего противника.

Послѣ обѣда время проводится очень пріятно; въ залѣ устраиваются танцы, въ сосѣдней комнатѣ раскладываются карточные столы. Слѣдовательно, и юность, увѣнчанная розами, и маститая старость, украшенная благолѣпными сѣдинами, равно находятъ удовлетвореніе своимъ законнымъ потребностямъ.

Digitized by Google

Максимъ Ѳедорычъ играетъ въ карты легко и чрезвычайно пріятно. Онъ не кряхтитъ, не подмигиваетъ, не говоритъ: «такъ-съ», и вообще не выказываетъ никакихъ признаковъ душевнаго волненія. Партію его составляютъ: генералъ Голубовицкій, Порфирій Петровичъ Порфирьевъ и Семенъ Семеновичъ Фурначевъ. Занятіе картами не мѣшаетъ Максиму Ѳедорычу вести вмѣстѣ съ тѣмъ весьма пріятный и оживленный разговоръ; во время сдачи онъ постоянно находитъ какую-нибудь новую тему и развиваетъ ее со свойственнымъ ему увлеченіемъ. Такъ, напримѣръ, онъ находитъ, что Англія сдѣлала въ послѣднее время на промышленномъ поприщѣ гигантскіе успѣхи, а что во Франціи, напротивъ того, l'ère des révolutions n'est pas close...

— Ахъ, какой пріятный человѣкъ!—замѣчаетъ Порфирій Петровичъ, когда Голынцевъ оставляетъ на минуту своихъ партнеровъ, чтобы посмотрѣть на танцующихъ.

— И, кажется, много начитанъ!—прибавляетъ отъ себя Семенъ Семенычъ.

Но вотъ начинается мазурка, и Максимъ Ѳедорычъ, по необходимости, долженъ кончить игру, потому что дамы единодушно сговорились выбирать его для фигуръ. Само собою разумѣется, что Максимъ Ѳедорычъ въ восторгѣ; онъ забываетъ почтенный свой возрастъ и рѣзвится, какъ дитя: хлопаетъ въ ладони во время шэновъ и рондовъ, придумываетъ новыя фигуры и съ необыкновенною граціею ловитъ платки, которые бросаются, впрочемъ, дамами именно въ сторону, гдѣ находится Голынцевъ.

Однимъ словомъ, день проходитъ незамѣтно и весело. Во время сборовъ въ обратный путь Максимъ Ѳедорычъ очень суетится и хлопочетъ. Онъ лично наблюдаетъ, чтобъ дамы закутывались теплѣе, и до тѣхъ поръ не успокаивается, покуда не убѣждается, что попечительныя его настоянія возымѣли надлежащее дѣйствіе.

VII.

Я не стану говорить объ обѣдахъ и вечеринкахъ, данныхъ по случаю пріѣзда Максима Ѳедорыча сильными міра сего; пройду даже молчаніемъ и великолѣпный балъ, устроенный въ залѣ клуба... Во все время своего пребыванія въ Крутогорскѣ Максимъ Ѳедорычъ былъ положительно разрываемъ на части, и за всѣмъ тѣмъ не только не показывалъ ни малѣйшаго утомленія или упадка душевныхъ силъ,

Digitized by Google

но, напротивъ того, въ каждомъ новомъ празднествѣ какъ бы почерпалъ новыя силы для совершенія дальнѣйшихъ подвиговъ на этомъ блестящемъ поприщѣ.

Перломъ всѣхъ этихъ увеселеній остался все-таки благородный спектакль, на которомъ я и намѣренъ остановить вниманіе читателя. Максимъ Ѳедорычъ самъ неусыпно слѣдилъ за ходомъ репетицій, вразумлялъ актеровъ, понуждалъ лѣнивыхъ, обуздывалъ слишкомъ ретивыхъ и даже убѣдилъ Шомполова въ томъ, что водка и искусство—двѣ вещи разныя, которыя легко могутъ обойтись другъ безъ друга.

Прежде всего шла пьеса: «Въ людяхъ ангелъ» и проч.. и всѣ единогласно сознались, что лучшаго исполненія желать было невозможно. Аделаида Алексѣевна Размановская играла рѣшительно comme une actrice consommée! Хотя въ особенности много неподдѣльнаго чувства было выражено въ послѣдней сценѣ примиренія, но и на балѣ у Размазни дѣло шло нисколько не хуже, если даже не лучше. Отлично также изобразила госпожа Симіасъ перезрѣлую дѣвицу Небосклонову, а пропѣтый ею куплетъ о Пушкинѣ произвелъ фуроръ. По Разбитной, по общему сознанію, превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія. Онъ какъ-то сюсюкалъ, безпрестанно вкладывалъ въ глаза стеклышко и во всемъ поступалъ именно такъ, какъ долженъ былъ поступить настоящій Прындикъ. Одинъ Семіоновичъ былъ неудовлетворителенъ. Онъ никакъ не могъ понять, что Славскій—дипломатъ, который подъ конецъ пьесы даже получаетъ назначеніе въ Константинополь, и велъ себя рѣшительно какъ товарищъ предсѣдателя. Даже Фурначевъ понялъ, что тутъ что-то не такъ, и сообщилъ свое заключеніе Порфирію Петровичу, который, однакожъ, не отвѣчалъ ни да, ни нѣтъ, а выразился только, что «съ насъ и этого будетъ!»

Начались и живыя картины. Максимъ Ѳедорычъ лично осмотрѣлъ Гайдѣ и нашелъ, что Дарья Михайловна была magnifique. Шомполовъ, бывшій въ это время за кулисами, увѣрялъ даже, будто Максимъ Ѳедорычъ прикоснулся губами къ обнаженному плечу Гайдѣ и при этомъ какъ-то странно всѣмъ тѣломъ дрогнулъ. Впрочемъ, надо сказать правду, и было отъ чего дрогнуть. Когда открылась картина и представилась глазамъ зрителей эта роскошная женщина, съ какой-то страстной нѣгой раскинувшаяся на турецкомъ диванѣ, взятомъ на подержаніе у совѣтника палаты государственныхъ имуществъ, то вся толпа зрителей

Digitized by Google

дико завопила: таково было потрясающее дѣйствіе обнаженнаго плеча Гайдѐ. Напрасно насупливался мрачный Ламбро, напрасно порывался впередъ миловидный Донъ-Жуанъ—публика не замѣчала ихъ полезныхъ усилій и всѣми чувствами стремилась къ Гайдѐ, къ одной Гайдѐ.

Вторая картина была также прелестна. Нѣсколько пріятныхъ молодыхъ дамъ и дѣвицъ, un essaim de jeunes beautés, въ костюмахъ одалискъ, и посреди нихъ Дарья Михайловна, съ гитарой въ рукахъ, произвели эффектъ поразительный.

Третью картину спасла рѣшительно Дарья Михайловна, потому, что Семіоновичъ (Іаковъ) не только ей не содѣйствовалъ, но даже совершенно неожиданно свиснулъ, разрушивъ вдругъ все очарованіе.

Грекъ съ ружьемъ прошелъ благополучно.

Но само собой разумѣется, что главный интересъ все-таки сосредоточивался на «Чиновникѣ». Въ публикѣ ходили насчетъ этой пьесы разные несообразные слухи. Многіе увѣряли, что будетъ всенародно представленъ становой приставъ, снимающій съ просителя даже исподнее платье; но другіе утверждали, что будетъ, напротивъ того, представленъ становой приставъ, снимающій рубашку съ самого себя и отдающій ее просителю. Послѣднее мнѣніе имѣло за себя всѣ преимущества со стороны благонамѣренности и правдоподобія, и потому весьма естественно, что въ общемъ направленіи оно оправдалось и на дѣлѣ. Максимъ Ѳедорычъ сильно струсилъ. Онъ видѣлъ, что Семіоновичъ не такъ понялъ свою роль.

— Mais veuillez comprendre, mon cher, —говорилъ онъ:— вѣдь Надимовъ человѣкъ новый, но вмѣстѣ съ тѣмъ и старый... то-есть, вотъ видите ли... душа у него новая, а тѣло, то-есть оболочка... старая!.. Здѣсь-то, въ этомъ безвыходномъ столкновеніи, и источникъ всей катастрофы... Vous comprenez?

Но Семіоновичъ не понималъ; онъ, напротивъ того, утверждалъ, что у Надимова душа старая, а тѣло новое... и что въ этомъ-то именно и заключается не катастрофа, а поучительная и вмѣстѣ съ тѣмъ успокаивающая цѣль пьесы: это, молъ, ничего, что ты тамъ языкомъ-то озорничаешь, мысли-то у тебя все-таки тѣ же, что и у насъ грѣшныхъ.

Максимъ Ѳедорычъ былъ въ отчаяніи и не скрывалъ даже чувствъ своихъ.

Digitized by Google

— Все идетъ отлично,—говорилъ онъ въ партерѣ окружавшимъ его губернскимъ аристократамъ:—но Надимовъ... признаюсь вамъ, я опасаюсь, я сильно опасаюсь за Надимова... Какая жалость!

И дѣйствительно, вмѣсто того, чтобъ представить человѣка по наружности холоднаго, насквозь проникнутаго безподобнѣйшимъ comme il faut и только въ глубинѣ души горящаго огнемъ безкорыстія, человѣка, собирающагося высказать свою тоску по безкорыстію на всю Россію, однакожъ, по чувству врожденной ему стыдливости, высказывающаго ее только княгинѣ, Мисхорину, полковнику и Дробинкину, Семіоновичъ выходилъ изъ себя, ралъ свои волосы и въ одномъ мѣстѣ дошелъ до того, что прибилъ себя по щекамъ. Даже крутогорская публика какъ-то странно охнула при такомъ явномъ нарушеніи законовъ естественныхъ и человѣческихъ, а Порфирій Петровичъ весь сгорѣлъ отъ стыда.

Наконецъ, представленіе кончилось. Слово «joli» слышалось во всѣхъ углахъ—только канцелярскіе чиновники, обитатели горнихъ и страшные зоилы, остались не совсѣмъ довольны, да и то потому, что ихъ завѣрили, что будетъ непремѣнно представленъ становой, да и не какой-нибудь другой становой, а именно второго стана Полорѣцкаго уѣзда—Благоволенскій.

На другой день въ губернскихъ вѣдомостяхъ была напечатана въ видѣ письма къ редактору слѣдующая статья:

«Позвольте и мнѣ, скромному обитателю нашего мирнаго города, поговорить о прекрасномъ торжествѣ, котораго мы были свидѣтелями. Извѣстно вамъ, милостивый государь, какое благодѣтельное вліяніе имѣютъ зрѣлища (а въ особенности благородныя) на нравственность народную. Съ одной стороны, примѣромъ наказаннаго порока смягчая преступныя наклонности, зрѣлища, съ другой стороны, несомнѣнно возвышаютъ въ человѣчествѣ эстетическое чувство; эстетическое же чувство, въ свою очередь, пройдя сквозь горнило нравственности, возвышаетъ сію послѣднюю, и черезъ то ставитъ ее на ту ступень, гдѣ она дѣлается основою всякаго благоустроеннаго гражданскаго общества. Съ этой точки зрѣнія намѣренъ я обозрѣть критически вчерашнее торжество.

«Первое, что представляется при этомъ моему умственному взору,—это цѣль, которой служили благородные жрецы искусства. Не одна слеза будетъ отерта, не одинъ вздохъ

Digitized by Google

благодарности вознесется, въ видѣ теплой молитвы, за благородныхъ благотворителей... Одинъ французскій ученый сказалъ, что дама, которая покупаетъ шаль, подаетъ съ тѣмъ вмѣстѣ милостыню бѣдному... Святая и глубокая истина! И наши добрые крутогорцы вполнѣ ее поняли. Но не стану больше распространяться объ этомъ предметѣ; я знаю, что скромность, и даже нѣкоторая стыдливость, есть нераздѣльная принадлежность всякаго благотворительнаго дѣянія, и потому... умолкну.

«Но не могу умолчать о благотворной мысли, присутствовавшей при выборѣ пьесъ. Въ настоящее время, когда умственное око Россіи должно быть обращено, по преимуществу, внутрь ея самой, наши добрые крутогорцы вполнѣ доказали, что они стоятъ въ уровень съ обстоятельствами. Выборъ такой пьесы, какъ «Чиновникъ», положительно доказываетъ это. Мы сами были свидѣтелями потрясающаго дѣйствія этой пьесы, которое, въ соединеніи съ истинно-пластической игрой исполнявшаго роль Надимова члена благороднаго крутогорскаго общества, останется навсегда незабвеннымъ на страницахъ нашей лѣтописи. Да! мы можемъ смѣло давать на нашей сценѣ «Чиновника»! мы можемъ безъ горечи выслушивать страстныя и благонамѣренныя филиппики г. Надимова! Эти укоры, эти филиппики не до насъ относятся! Благодареніе Богу, мы уже поняли свой долгъ относительно любезнаго нашего отечества и, положа руку на сердце, можемъ сказать: г. Надимовъ! въ вашихъ словахъ заключается горькая правда, но этой правдѣ нѣтъ мѣста въ Крутогорской губерніи!

«Скажу нѣсколько словъ и объ исполненіи, но, не желая оскорбить прекрасное чувство скромности, которымъ одушевлены наши благородные благотворители, вынужденъ умолчать о многомъ, что̀ накипѣло на днѣ благодарной души. Прежде всего, долженъ я упомянуть о трудахъ ея превосходительства Дарьи Михайловны, по мысли и наставленіямъ которой было устроено настоящее торжество. Затѣмъ всѣ исполнители, принявшіе участіе въ дѣлѣ благотворенія, были безукоризненны. Какъ хороша была княгиня! Какъ увлекательно-наивна была Славская! Какъ... но нѣтъ, я чувствую, что перо мое начинаетъ переходить само собою за предѣлы той скромности, о которой я говорилъ... Итакъ, умолкну!

«Мужайтесь, благородные труженики! Боритесь съ препятствіями и преодолѣвайте ихъ! Не смотрите на то, что

Digitized by Google

на пути вашемъ иногда растутъ не розы, а терніи—таковъ ужъ удѣлъ всѣхъ дѣйствій человѣческихъ! Помните всегда, что за вашими невинными занятіями стоятъ толпы иныхъ тружениковъ, которые посылаютъ къ небу горячія мольбы о ниспосланіи вамъ сугубыхъ силъ на новые подвиги!»

Сочинитель этой статьи, коллежскій секретарь Пѣснопѣвцевъ, удостоился въ этотъ же день чести быть приглашеннымъ къ обѣденному столу его превосходительства Семена Семеныча.

VIII.

Наконецъ, въ одно прекрасное утро, Максимъ Ѳедорычъ спохватился, что пора ужъ ѣхать, тѣмъ болѣе, что репертуаръ увеселеній начиналъ истощаться. Онъ собралъ свои воспоминанія, посовѣтовался съ записною книжкой и нашелъ, что матеріаловъ для будущаго донесенія предостаточно. О генералѣ Голубовицкомъ и преимущественно о генеральшѣ предположилъ онъ высказаться съ особенною теплотою. Въ пользу ихъ можно, пожалуй, даже пожертвовать двумя-тремя субъектами, чтобъ лучше и явственнѣе оттѣнить картину. Само собою разумѣется, что нельзя же всѣхъ чиновниковъ найти добродѣтельными: это невозможно, во-первыхъ, потому, что сама природа въ своихъ проявленіяхъ разнообразна до безконечности: а во-вторыхъ, потому, что и начальство не повѣритъ этой эпидеміи добродѣтели и, чего добраго, заподозритъ еще способности ревизора. Поэтому выбраны были въ жертву такъ-называемые перекатели и безпокойные, которыхъ и оказалось двое: совѣтникъ губернскаго правленія Евфратскій, и членъ приказа Семибашенный. Евфратскій жилъ весьма уединенно, ни къ кому не ѣздилъ, и вслѣдствіе того былъ заподозрѣнъ въ вольнодумствѣ и въ намѣреніи возстановить въ Россіи патріаршеское достоинство, о чемъ будто бы онъ и выражался стороною тамъ-то и тогда-то. Семибашенный же хотя и не мечталъ о возстановленіи патріаршескаго достоинства, но, взамѣнъ того, неоднократно предъявлялъ пагубную наклонность къ исламизму и даже публично называлъ турокъ счастливчиками, приводя въ основаніе такого мнѣнія лишь грубыя поползновенія своей чувственности. Само собою разумѣется, что такія лица не заслуживали ни малѣйшаго снисхожденія.

Прощаніе было очень трогательно. На обѣдѣ, данномъ

Digitized by Google

по этому случаю генераломъ Голубовицкимъ, было сказано много теплыхъ словъ и выпито не мало тостовъ за здоровье дорогого гостя.

— Скажу вамъ откровенно,—выразился при этомъ генералъ, съ чувствомъ пожимая руку Максима Ѳедорыча:— я давно, очень давно не имѣлъ такого пріятнаго гостя!

— Позвольте и мнѣ, въ свою очередь, удостовѣрить, ваше превосходительство, что давно, очень давно я не имѣлъ такихъ пріятныхъ минутъ, какія провелъ здѣсь, въ вашемъ любезномъ обществѣ,—отвѣчалъ Максимъ Ѳедорычъ взволнованный.

— Mais revenez nous voir, — любезно сказала Дарья Михайловна.

— Impossible, madame! Мы, люди службы, люди дѣятельности, не всегда можемъ слѣдовать влеченіямъ сердца...

Всѣ присутствовавшіе были растроганы. Когда же, послѣ обѣда, наступилъ часъ разставанія, и Максимъ Ѳедорычъ долго, въ какомъ-то безмолвіи, держалъ въ своихъ рукахъ руку Дарьи Михайловны, то его превосходительство Семенъ Семенычъ не могъ долѣе выдержать. Онъ какъ-то восторженно замахалъ руками и бросился обнимать Голынцева, а Семіоновичъ, стоя въ это время въ сторонѣ, шопотомъ декламировалъ:

When we two parted
In silence und tears...

Вечеромъ, часу въ десятомъ, ровно черезъ мѣсяцъ по пріѣздѣ въ Крутогорскъ, Максимъ Ѳедорычъ уже выѣзжалъ за заставу этого города. Частный приставъ Рогуля, сопровождавшій его превосходительство до городской черты, пожелалъ ему счастливаго пути и тутъ же, обратившись къ будочнику, сказалъ:

— Ну, вотъ и ревизоръ! что-жъ что ревизоръ! Нѣтъ, кабы вотъ Павла Трофимыча Перегоренскаго къ ревизіи допустили—этотъ, надо думать, обревизировалъ бы!

Въ эту же ночь послалъ Богъ снѣжку, который въ какихъ-нибудь два часа закрылъ самый слѣдъ повозки Максима Ѳедорыча.

Digitized by Google

IV.—Утро у Хрептюгина.

ДРАМАТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Иванъ Онуфричъ Хрептюгинъ, 55 лѣтъ, негоціантъ.
Дмитрій Ивановичъ, иначе Démétrius, сынъ его, 20 лѣтъ, служитъ при губернаторѣ.
Статскій совѣтникъ Семенъ Семеновичъ Фурначевъ, 50 лѣтъ, имѣетъ къ Хрептюгину начальственныя отношенія.
Маіоръ Станиславъ Ѳаддеичъ Понжперховскій, 40 лѣтъ, ремесломъ проходимецъ.
Иванъ Петровичъ Доброзраковъ, отставной штабъ-лѣкарь, 55 лѣтъ.
Леонидъ Сергѣичъ Разбитной, чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ, молодой человѣкъ.
Отставной подпоручикъ Живновскій, 50 лѣтъ.
Титулярная совѣтница Степанида Карповна Гнусова, 45 лѣтъ, экономка Хрептюгиныхъ.

Дѣйствіе происходитъ въ губернскомъ городѣ.

СЦЕНА I.

Театръ представляетъ богато-убранную гостиную въ домѣ Хрептюгина. Въ серединѣ и направо отъ зрителя двери. На столѣ передъ диваномъ поставлена закуска и водка.

Гнусова *(пожилая женщина, одѣтая въ черное шелковое платье; на плечахъ у нея желтая шаль, на головѣ чепецъ; при открытіи занавѣса она занимается приготовленіемъ закуски).*

Шутка сказать, скоро одиннадцатый часъ, а онъ еще дрыхнетъ! и не убьетъ же Богъ громомъ такого аспида! По естеству-то, ему бы теперь на босу ногу бѣгать да печки затоплять, а онъ, вотъ, валяется... Да и спать вѣдь не спитъ, а именно валяется, потому, дескать, что въ Питерѣ благородные люди такимъ манеромъ дѣлаютъ. *(Задумывается).* Вотъ я и благородная, и мужъ титулярнымъ совѣтникомъ былъ... такъ хоть бы за столъ съ собой посадили—и того нѣтъ!

СЦЕНА II.

Гнусова и Понжперховскій *(видный мужчина, въ военномъ сюртукѣ; усы нафабрены и тщательно завиты, волосы на головѣ приглажены; вертлявъ и занятъ собой; говоритъ съ сильнымъ акцентомъ).*

Понжперховскій. Иванъ Онуфричъ не вставали?
Гнусова. Гдѣ же ему встать, батюшка!

Digitized by Google

Понжперховскій. Это лучше-съ; я, признаюсь вамъ, даже не люблю, когда вашъ Онуфричъ передъ глазами торчитъ... Поговорить можно и безъ него, выпить и закусить тоже-съ...

Гнусова. Конечно, сударь!

Понжперховскій. Я вамъ доложу, почтеннѣйшая Степанида Карповна, что на этихъ людей нужно смотрѣть съ философической точки зрѣнія... Вотъ я, напримѣръ: люблю и въ карточки перекинуть, и хорошую сигару выкурить, и пообѣдать изящно, и побесѣдовать... все это у Хрептюгина я нахожу-съ. Слѣдственно, что-жъ мнѣ за дѣло до того, что онъ еще вчерашняго числа не-вѣсть въ какой родословной записанъ былъ? Возьмемъ хоть бы теперь: закуска, я вижу, на столѣ приготовлена, водка есть... ну, и ваша пріятная бесѣда тоже-съ... За ваше здоровье, Степанида Карповна! *(Пьетъ и закусываетъ).*

Гнусова. На здоровье, сударь. Оно точно, вы люди наѣзжіе... вамъ оно ничего, какъ онъ колобродитъ, да и колобродить-то при васъ онъ еще не больно осмѣлится...

Понжперховскій. Это всеконечно-съ... потому что мы иногда можемъ и до лица коснуться...

Гнусова. А каково-то намъ, грѣшнымъ? Бѣднякъ, сударь, что муха: гдѣ заборъ, тамъ дворъ; гдѣ щель, тамъ постель! Намеднись вотъ чуть со двора меня не согналъ: «хочу, говоритъ, чтобъ у меня нѣмка въ экономкахъ была!» Ну, разсудите вы сами, Станиславъ Ѳаддеичъ, хуже, что ли, я нѣмки-то!

Понжперховскій. Сс!.. да онъ долженъ былъ бы радоваться, что ему дворянка служитъ!

Гнусова. То же и я говорю... Насилу ужъ его Аксинья Ивановна уняла.

Понжперховскій. Д-да-съ... такъ вотъ видите: стало-быть, Аксинья-то Ивановна добрая!

Гнусова. И, сударь, не говорите! тоже озорница выросла!

Понжперховскій. Это можно измѣнить-съ... Будетъ не только шелковая, а даже бархатная: на это манера есть-съ... А вы исполнили порученьице-то, моя почтенная?

Гнусова. Говорила, сударь... только она все чтой-то мнется... сначала было-подалась, а потомъ и опять на попятную.

Понжперховскій. Да что же такое-съ

Гнусова. Да говоритъ, что ты больно по гостямъ шататься любишь, а я, говоритъ, желаю, чтобъ мужъ у меня безсмѣнно при мнѣ сидѣлъ...

Digitized by Google

Понжперховскій. Ну, скажите, пожалуйста! Вѣдь вотъ жадность какая! Да вы бы внушили ей, моя почтеннѣйшая, что и безъ того ей ужъ подъ-тридцать!

Гнусова. Говорила я, такъ она все свое: папаша, говоритъ, коли захочетъ, такъ для брака и изъ Петербурга генералы пріѣдутъ!

Понжперховскій. Д-да... а какъ хотите, это вѣдь правда, что дрянная-то кровь, какъ ты тамъ ее ни перегоняй сквозь кубъ, а все скажется... Мнѣ не ея-съ, а вотъ приложеній-то жалко!

Гнусова. Что и говорить, сударь!

СЦЕНА III.

Тѣ же и Доброзраковъ *(роста большого и нѣсколько при этомъ сутуловатъ; смотритъ угрюмо; въ военномъ сюртукѣ).*

Доброзраковъ *(становясь въ дверяхъ).* Пану полковнику здравія желаемъ! Чи добрже маешь, пане?

Понжперховскій. Что намъ дѣлается, докторъ! Отъ насъ вамъ пожива плохая.

Доброзраковъ. Ну, это еще бабушка на-двое сказала... объ этомъ будетъ у насъ въ то время разговоръ, какъ ноги, дружище, протягивать станешь! *(Устремляетъ взоръ на водку).* А! и водка на столѣ; это добрже! А ну, полковникъ, испытаемъ-ка цѣлебныя свойства этой жидкости! Мнѣ, я вамъ скажу, что-то сегодня не здоровится: стара стала, слаба стала... потуда и живъ, покуда внутри водкой сполоснешь! Да и та нынче измѣнять стала. *(Пьетъ).* Было, было и наше времечко! Выпьешь, бывало, сколько подымешь, а нынче... сколько глазомъ окинешь! *(Всѣ смѣются).*

Понжперховскій. А что вы думаете, докторъ: можетъ-быть, отъ этого-то всполаскиванія оно и не дѣйствуетъ. Вотъ въ нашихъ сторонахъ помѣщикъ былъ, тоже занимался этимъ, такъ, повѣрите ли, внутренности-то у него даже выгорѣли всѣ—такъ и скончался-съ!

Доброзраковъ. Вздоръ, сударь! *(Ударяетъ себя по животу).* Эта печка такого сорта, что какъ ее ни топи—все къ дальнѣйшей топкѣ достойна и способна... Я вотъ шестой десятокъ на свѣтѣ живу, и могу сказать—бывалатаки у насъ топка... да, изрядная! А все хоть сейчасъ въ походъ готовъ!.. *(Гнусовой).* Иванъ Онуфричъ всталъ?

Гнусова. Никакъ нѣтъ еще, Иванъ Петровичъ, какъ можно!

Доброзраковъ. То-есть, онъ и проснулся, пожалуй, да тотъ

Digitized by Google

еще часъ, видно, не пробилъ, въ который дуракамъ просыпаться прилично... Э-э-эхъ! то-то вотъ и есть: мужика сколько ни вари, все сыростью пахнетъ! Издали-то онъ ни то, ни сё, а что ближе, то гаже!

Гнусова *(иронически)*. Ну, какъ, сударь! Извѣстно, возвысилъ Богъ куликовъ родъ — какъ же и не покуражиться ему!

Доброзраковъ. Люблю за то, что по крайней мѣрѣ, не говоря худого слова, ноги на столъ задралъ! Повторимъ, полковникъ. *(Подноситъ Понжперховскому рюмку; оба пьютъ)*.

Понжперховскій. Это вы истинную правду, докторъ, сказали: человѣкъ, покуда въ дикомъ состояніи находится— ничего... даже можно сказать, что это именно почтенный человѣкъ-съ! Но коль скоро повезла ему фортуна или успѣлъ онъ, такъ сказать, надуть себѣ подобнаго, то это именно даже удивительно, какой вдругъ переворотъ въ немъ бываетъ!

Доброзраковъ. Какой тутъ переворотъ! Первымъ долгомъ— ноги на столъ... Этотъ переворотъ и хавронья сдѣлать можетъ!

Понжперховскій. Правда, докторъ! Я самъ иногда, глядя на него, думаю, зачѣмъ онъ, напримѣръ, бороду бритъ?

Доброзраковъ. Съ бородой-то, по-моему, еще лучше. Борода глазамъ замѣна: кто бы плюнулъ въ глаза—плюнетъ въ бороду! *(Всѣ смѣются)*.

Понжперховскій. Или, напримѣръ, зачѣмъ ему такой домъ? Онъ еще не знаетъ, какъ и ходить-то по паркету... Кабы этакія средства да человѣку образованному, сколько бы можно добра тутъ сдѣлать!

Доброзраковъ. Нѣтъ, вы лучше скажите, зачѣмъ ему годовой врачъ? Вотъ вы что скажите! Вѣдь у него, кромѣ прыщей на носу, и болѣзней-то никакихъ не бываетъ!

Гнусова *(иронически)*. Чтой-то ужъ и не бываетъ! Вы, Иванъ Петровичъ, ужъ, кажется, не въ мѣру его конфузите!

Доброзраковъ *(смотритъ на часы)*. Однако, надо ему сказать, что пора бы и перестать валяться-то... Ужъ и султанъ турецкій давно, поди, всталъ?

СЦЕНА IV.

Тѣ же и Дмитрій Иванычъ *(вбѣгаетъ стремительно; одѣтъ франтомъ и завитъ)*.

Дмитрій Иванычъ. Гдѣ папаша? гдѣ папаша? Двѣнадца

Digitized by Google

тый часъ, а онъ тамъ проклажается! Вы-то чего-жъ смотрите, Степанида Карповна!

Гнусова *(оскорбляясь)*. Помилуйте, Дмитрій Иванычъ, я вѣдь дама... развѣ могу я въ опочивальню къ вашему папашѣ входить?

Дмитрій Иванычъ *(останавливаясь въ изумленіи передъ Гнусовой)*. Дама?!.. А кто же вамъ сказалъ, что вы дама?

Гнусова. Все же, чай, не мужчина, сударь!

Дмитрій Иванычъ. Такъ вы говорите: «женщина», а то «дама»!

Доброзраковъ. Да что-жъ такое случилось, Дмитрій Иванычъ?

Дмитрій Иванычъ *(размахивая руками)*. Князь... князь... желаетъ узнать о папашиномъ здоровьи... Поняли, что ли? *(Гнусова, всплеснувъ руками, стремительно убѣгаетъ)*.

Доброзраковъ *(начиная застегиваться)*. Ахъ ты, Господи! самъ его сіятельство ѣдетъ!

Дмитрій Иванычъ. Кто вамъ говоритъ про его сіятельство! Поѣдетъ къ вамъ его сіятельство! Будетъ съ васъ и того, если и Леонида Сергѣича пришлетъ!

Доброзраковъ *(разстегиваясь)*. А! Разбитной! Ну, при этомъ и въ рубашкѣ быть предостаточно!

Дмитрій Иванычъ. Вы, докторъ, кажется, забываетесь! Вы не понимаете, въ какомъ домѣ находитесь!

Доброзраковъ *(озираясь кругомъ)*. А въ какомъ?—въ каменномъ!.. Ну, да полноте, Дмитрій Иванычъ, я вѣдь это такъ, шутки ради... Извѣстно ужъ, Леонидъ Сергѣичъ—особа не простая... гдѣ-жъ намъ противъ нихъ! Я вамъ такъ даже скажу, что я и купаться-то бы передъ нимъ въ одной рубашкѣ не осмѣлился, а такъ бы вотъ въ мундирѣ и полѣзъ въ воду...

Дмитрій Иванычъ. Вы все съ своими шутками!

Доброзраковъ. Старикъ вѣдь я, Дмитрій Иванычъ,—кому же и пошутить-то!

Понжперховскій. А мнѣ, видно, уйти покудова... не люблю я этого Разбитного!

Доброзраковъ. Что такъ?

Понжперховскій. Гордишка-съ!

СЦЕНА V.

Дмитрій Иванычъ и Доброзраковъ.

Дмитрій Иванычъ. Ну, скажите, докторъ, зачѣмъ, напримѣръ, этотъ выходецъ сюда таскается?

Digitized by Google

Доброзраковъ. А такъ вотъ, просто потому, что есть умокъ сладенько поѣсть... Вы ужъ очень строги, Дмитрій Иванычъ.

Дмитрій Иванычъ. Нѣтъ, я не строгъ, докторъ, я только желаю, чтобъ въ этомъ домѣ чистый воздухъ былъ... Понимаете? Знаете ли, какъ у меня здѣсь наболѣло, докторъ? *(Указываетъ на сердце).* Вѣдь на улицу выйти нельзя: свинья тамъ въ грязи валяется, такъ и та, чего добраго, тебѣ родственница!

Доброзраковъ. Да, это зрѣлище, тово... нельзя сказать, чтобъ пейзажъ живописенъ былъ!

Дмитрій Иванычъ. Нѣтъ, вы войдите въ мое положеніе, докторъ! Намеднись, вотъ, иду я въ хорошей компаніи мимо рядовъ: ну, и княжна тутъ... Только откуда ни возьмись — бабушкинъ братъ, весь въ кубовой краскѣ выпачканъ. «А это, говоритъ, кажется, нашъ Митюха съ барами-то ходитъ!» Вы поймите, что я тутъ долженъ былъ вытерпѣть!

Доброзраковъ. А вы бы, Дмитрій Иванычъ, дѣдушку-то подъ салазки! Знаете, и пословица гласитъ: Еремѣя потчуютъ умѣя, за воротъ да въ три шеи! Ну, и вы бы такъ-съ!

Дмитрій Иванычъ. Вы все шутите, докторъ, а мнѣ ужъ не до шутокъ, право! *(Подходитъ къ закускѣ).* Господи! даже закуски порядочной подать не могутъ: грибы, да рыжики, да ветчина! Эй, кто тутъ есть! *(Является горничная).* Да позови ты лакея, варвары вы этакіе! Вѣдь ты и при гостяхъ, пожалуй, сюда вломишься! Возьми подносъ, да вели приготовить закуску — генеральскую, слышишь? *(Горничная беретъ подносъ и уходитъ. За дверьми слышенъ шорохъ).* А! да вотъ, кажется, и папаша идетъ!

Доброзраковъ *(въ полголоса).* Раздайся грязь, навозъ ползетъ!

СЦЕНА VI.

Тѣ же и Хрептюгинъ *(въ пестрыхъ брюкахъ и коротенькомъ сюртукѣ; на шеѣ повязанъ неглиже желтый батистовый платочекъ; въ рукахъ трубка, изъ которой онъ полегоньку покуриваетъ; ходитъ съ маленькимъ развальцемъ и шаркаетъ ногами).*

Хрептюгинъ. А! Démétrius! видно, его сіятельство стосковался по насъ? Леонидъ Сергѣичъ, что ли, изволитъ жаловать? Ну, что-жъ, милости просимъ! Приготовленій не дѣлаемъ, а запросто—милости просимъ!

Доброзраковъ. Что вамъ, Иванъ Онуфричъ? Разумѣется

Digitized by Google

вы люди сильные, вамъ не въ диковинку высокихъ гостей принимать!

Хрептюгинъ. Какіе, братецъ, это гости! Между нами, просто шавера! Вотъ въ Петербургѣ... это точно... тамъ я на своемъ мѣстѣ...

Доброзраковъ. Что и говорить! Я вотъ насчетъ здоровья узнать пріѣхалъ...

Хрептюгинъ. Да что, братецъ! ни шатко, ни валко, ни на сторону! Желудокъ все... чуть, знаешь, съѣшь что-нибудь этакое... не совсѣмъ легкое... просто, братецъ, дѣло дрянь выходитъ!

Доброзраковъ. Да вы бы поберегли себя. Вѣдь ваше здоровье не то, что, напримѣръ, наше. Мы и помремъ, такъ никто не замѣтитъ: все равно что муха померла; ну, а вы совсѣмъ другое дѣло...

Хрептюгинъ. Знаю, братецъ, знаю, да что прикажешь дѣлать? Съ волками жить, по-волчьи выть — иногда и перепустишь!.. Démétrius! ты бы, дружокъ, закуску велѣлъ приготовить; скажи Гнусовой, что тамъ, на третьей полкѣ, жестянка непочатая стоитъ.

Дмитрій Иванычъ. Я ужъ сказалъ... Да что это у васъ, рара, съ утра до вечера точно кабакъ! Только и дѣлаютъ, что водку пьютъ... Вѣдь это свинство!

Доброзраковъ. Ахъ, Дмитрій Иванычъ! да вѣдь папенька вамъ сказывали, что съ волками жить, по-волчьи выть... ну, и водка, стало-быть, поставлена тутъ правильно!

СЦЕНА VII.

Тѣ же и Живновскій *(входитъ изъ среднихъ дверей).*

Живновскій. Благодѣтелю Ивану Онуфричу нижайше кланяюсь! Дмитрій Иванычъ! Иванъ Петровичъ!

Хрептюгинъ. Откуда Богъ принесъ?

Живновскій. Все хлопоталъ-съ... Кто что, а я все на пользу общую-съ... На вчерашнемъ пожарищѣ былъ-съ.

Хрептюгинъ. Потухъ, что ли?

Живновскій. Дымится, благодѣтель, дымится! По этому-то случаю я и былъ. Распорядиться, знаете, некому! Полицеймейстеришка дрянь, пожарные тоже-съ,—вотъ и пришлось за нихъ работать! Всю ночь провозились, да и утро такъ между пальцевъ ушло!

Доброзраковъ. Ишь тебя нелегкая носитъ: точно тебѣ тысячи за это даютъ!

Digitized by Google

Живновскій. Помилуйте, Иванъ Петровичъ! вѣдь человѣчество погибаетъ!

Доброзраковъ. А я такъ думаю, что пожаръ-то тебѣ замѣсто праздника?

Живновскій. Нельзя же-съ! *(Озираясь).* А водочка-то, видно, «ау» сказала?

Доброзраковъ. Ау, братъ!

Живновскій. Эхма! а не худо бы послѣ трудовъ выпить!

Хрептюгинъ. Ну, и подождешь—не умрешь. Разсказывай, кого же ты на пожарищѣ видѣлъ?

Живновскій. Сама княжна Анна Львовна тамъ была, и съ Леонидомъ Сергѣичемъ... Пожелали тоже о подробностяхъ узнать,—ну, я имъ все это въ живой картинѣ представилъ... Вдова, говорю, пятеро дѣтей... все это, знаете, въ необходимомъ лишь, по ночному времени, нашебномъ платьѣ. Да, не дай Богъ никому,—вотъ я какъ скажу! Бывалъ я, конечно, въ передѣлахъ: и тонулъ-съ, и со второго этажа прыгивалъ... ну, а отъ огня Богъ избавилъ! А впрочемъ, Леонидъ-то Сергѣичъ къ вамъ вѣдь ѣдетъ.

Хрептюгинъ. Развѣ говорили что-нибудь?

Живновскій. Говорили, благодѣтель, какъ не говорить! Какъ я, знаете, пересказалъ имъ все это, такъ княжна тутъ же къ Леониду Сергѣичу обратились: иль фо, говорятъ, Khreptioughine.

Дмитрій Иванычъ *(озабоченно).* Деньги при васъ, папаша?

Хрептюгинъ. Небось, вотъ у него *(показываетъ на Живновскаго)* взаймы попрошу... Ха-ха! А какъ ты думаешь, Иванъ Петровичъ, четвертной довольно?

Дмитрій Иванычъ. Что вы, что вы, папаша! да Леонидъ Сергѣичъ и не возьметъ! Нѣтъ, ужъ жертвовать, такъ жертвовать—меньше сторублевой нельзя!

Хрептюгинъ. Ну, можно и сторублевую... Конечно, и то сказать: у нихъ только и надежды, что на меня!

Доброзраковъ. Что и говорить, Иванъ Онуфричъ: на насъ, грѣшныхъ, какая же надежда! Мы люди простые: живемъ богато, со двора покато, чего ни хватись, за всѣмъ въ люди покатись!

Хрептюгинъ. Только, братецъ ты мой, одолѣли ужъ они меня очень—даже словно вотъ мухи: и въ глаза, и въ носъ, и въ уши такъ и лѣзутъ! Намеднись вотъ на пріютъ: отъ князя полиція пріѣзжала,—нельзя, говоритъ, меньше тысячи; черезъ часъ мѣста, предсѣдатель чиновника присылаетъ—ну,

Digitized by Google

пятьсотъ; потомъ управляющій... Какъ-то оно ужъ и надоѣло, братецъ!

Доброзраковъ. Зато честь большая, Иванъ Онуфричъ!

Хрептюгинъ. Ну, конечно...

Живновскій. Ужъ тамъ честь ли, не честь ли, а отдать все-таки придется... Такъ по-моему ужъ лучше честью...

Хрептюгинъ *(величественно).* Ну, ты что еще!

Дмитрій Иванычъ. Я удивляюсь, папаша, какъ вы говорите о такихъ пустякахъ... это все прежнее сквалыжничество въ васъ дѣйствуетъ! А вы вспомните, что князь въ надворные совѣтники васъ представилъ!

Хрептюгинъ. Ну, конечно... А впрочемъ, мы здѣсь промежду себя, такъ я вамъ могу по секрету сказать, что этотъ господинъ надворный совѣтникъ ужъ давно меня измаялъ! Можетъ, и желудокъ-то отъ этого безпокойства разстроился.

Живновскій. Это сущая правда, Иванъ Онуфричъ! Всякое огорченіе прежде всего на желудокъ кидается.

Хрептюгинъ *(Доброзракову).* Да, братъ, могу сказать, что я эти пожертвованія именно знаю! Еще княжой предмѣстникъ эту исторію-то поднялъ: «Пожертвуй да пожертвуй на общеполезное устройство!» Ну, и пожертвовалъ: въ саду бесѣдокъ на мои денежки настроили, рѣшетку чугунную вывели... ну, и прислали въ ту пору признательность...

Живновскій. Поди, чай, какъ сердцу-то прискорбно было!

Хрептюгинъ. Я къ его превосходительству: такъ, молъ, и такъ, говорю, что-жъ это за мода! А онъ мнѣ: «Ну, говоритъ, видно еще жертвовать приходится,—давай, говоритъ, плавучій мостъ черезъ рѣку строить!» Дѣлать нечего, позатянулся ужъ я въ это болото маленько, сталъ и мостъ строить!.. Ну, и прислали медаль... И что-жъ бы ты, сударь, думалъ: мнѣ же его превосходительство по этому случаю пиръ задать велѣлъ!

Дмитрій Иванычъ. Ахъ, папаша! право, васъ даже тошно слушать, что вы говорите!

Доброзраковъ. А что, Иванъ Онуфричъ, вѣдь коли по правдѣ-то сказать, въ ту пору и медаль-то для васъ, чай, куда лестно было получить: вѣдь вы тогда только-только развѣ не въ мужикахъ были!

Живновскій. Правильно.

Хрептюгинъ *(смущаясь, Живновскому).* Ну, ты чего еще!

Дмитрій Иванычъ *(смотря въ окно).* Ѣдетъ, ѣдетъ. Ахъ ты, Господи! А эта безтолковая Степанида Карповна и закуски не даетъ! Голова кругомъ идетъ!

Digitized by Google

СЦЕНА VIII.

Тѣ же и **Разбитной** *(входитъ гордо и даже съ нѣкоторою осмотрительностью).*

Разбитной. Здравствуйте, Иванъ Онуфричъ, здравствуйте! Ну, какъ ваше здоровье? *(Жметъ ему руку).*

Хрептюгинъ *(развязно).* Милости просимъ, Леонидъ Сергѣичъ... Слава Богу-съ... Очень благодаренъ его сіятельству.

Разбитной. Да, я отъ князя. Князь сегодня всталъ въ очень веселомъ расположеніи духа... Нѣчью, знаете, пожаръ этотъ былъ, и это очень старика развлекло. Князь поручилъ мнѣ освѣдомиться о вашемъ здоровьи, любезнѣйшій Иванъ Онуфричъ, — право! Сегодня, знаете, кушаетъ онъ чай и говоритъ мнѣ: «А не худо бы, mon cher, тебѣ провѣдать, какъ поживаетъ мой добрый Иванъ Онуфричъ».

Хрептюгинъ. Премного благодарны его сіятельству... Démétrius!

Дмитрій Иванычъ. Сейчасъ, папаша! *(Выходитъ на короткое время и потомъ возвращается).*

Разбитной. Онъ очень часто о васъ вспоминаетъ—такой, право, памятливый старикашка! Я вамъ скажу, что если бы этому человѣку руки развязать, онъ, я не знаю, что бы надѣлалъ!

Хрептюгинъ. Попеченіе имѣютъ большое; я сколько начальниковъ зналъ, а такихъ заботливыхъ именно не бывало у насъ!

Доброзраковъ. Взглядъ просвѣщенный, Иванъ Онуфричъ!

Разбитной. Д-да; онъ вѣдь у насъ въ молодости либераломъ былъ, какъ же! И теперь еще любитъ объ этомъ времени вспоминать: «Я, говоритъ, mon cher, смолоду-то сорви-голова былъ!» Преуморительный старикашка. *(Входитъ лакей во фракѣ съ подносомъ, на которомъ поставлены разныя закуски; въ дверяхъ показывается Гнусова; въ теченіе всей сцены она стоитъ за дверьми и по временамъ выглядываетъ).*

Хрептюгинъ. Милости просимъ, Леонидъ Сергѣичъ, закусить!

Разбитной. Э... я охотно съѣмъ этого страсбургскаго пирога. *(Подходитъ къ столу и ѣстъ).* Да вы гастрономъ, почтеннѣйшій Иванъ Онуфричъ!

Хрептюгинъ. Ужъ куда намъ, Леонидъ Сергѣичъ!.. Вотъ здоровье мое все плохо... все, знаете, желудокъ! Иной разъ

Digitized by Google

и готовъ бы просить его сіятельство сдѣлать мнѣ честь хлѣба-соли откушать...

Дмитрій Иванычъ. А что, въ самомъ дѣлѣ, папаша! Князь къ намъ такъ милостивъ, что съ нашей стороны даже свинство, что мы не покажемъ ему нашей признательности.

Хрептюгинъ. Если его сіятельству угодно, то я завсегда готовъ... Для насъ, Леонидъ Сергѣичъ, это большого счета не составляетъ.

Разбитной. Хорошо-съ... я скажу князю: онъ, вѣроятно, назначитъ вамъ день, когда вы можете принять его. Однако, пирогъ этотъ такъ хорошъ, что я рѣшаюсь съѣсть еще кусочекъ... Ma foi, tant pis pour le dîner du prince! А вы, докторъ?

Доброзраковъ. А вотъ сейчасъ-съ. Мы, признаться, ко всѣмъ этимъ тонкостямъ не привыкли; по-нашему, этакъ колбасы кусокъ, чтобъ, знаете, жевать было что.

Разбитной. Вы добрый, докторъ!

Доброзраковъ *(наливаетъ рюмку водки, кланяется).* За здоровье его сіятельства, князя Льва Михайлыча!

Живновскій. А мнѣ, видно, безъ потчиванья выпить! *(Подходитъ къ столу).*

Хрептюгинъ *(Доброзракову).* Что ты, что ты, Иванъ Петровичъ! кто-жъ пьетъ здоровье водкой... Démétrius, что-жъ?

Дмитрій Иванычъ. Сейчасъ, папаша! *(Убѣгаетъ).*

Разбитной *(вслѣдъ ему).* Mais dites, mon cher, qu'on donne des verres et que le champagne soit frappé! *(Хрептюгину).* Мы вашего сына-таки вышколимъ, Иванъ Онуфричъ. *(Лакей вноситъ подносъ съ стаканами и бутылку шампанскаго; Дмитрій Иванычъ наливаетъ всѣмъ, кромѣ Живновскаго).* За здоровье его сіятельства, князя Льва Михайлыча! *(Выпиваетъ).*

Дмитрій Иванычъ. Ура! *(Выпиваетъ).*

Доброзраковъ. Желаю здравствовать! *(Выпиваетъ).*

Живновскій. Что-жъ, и мнѣ, видно, выпить! Я, признаться, не охотникъ до виноградаго! Ну, ужъ для его сіятельства! *(Наливаетъ самъ себѣ стаканъ и пьетъ).*

Хрептюгинъ. Сто лѣтъ жить да богатѣть! Вотъ это я вино люблю, Леонидъ Сергѣичъ, потому что оно вино легкое... тонкое...

Разбитной. Господа! я требую слова!

Дмитрій Иванычъ. Шш!.. *(Всѣ умолкаютъ).*

Разбитной. Господа! мнѣ пріятно будетъ засвидѣтельствовать передъ княземъ о тѣхъ чувствахъ искренней предан-

Digitized by Google

ности, которыя я нашелъ въ васъ. Повѣрьте, господа, что для сердца начальника дороже всякихъ почестей, дороже всѣхъ богатствъ сердечное расположеніе подчиненныхъ. Нѣтъ сомнѣнія—и исторія намъ доказываетъ это съ послѣднею очевидностью, что всѣ сильныя государства до тѣхъ поръ держались, покуда въ сердцахъ подчиненныхъ жили чувства любви и преданности. Какъ скоро эти истинныя, основныя начала благоустроенныхъ обществъ исчезали, самыя общества переставали быть благоустроенными. Я говорю это, господа, здѣсь, въ этомъ домѣ, потому что нигдѣ въ другомъ мѣстѣ слова мои не могутъ имѣть такого смысла. Здѣсь я вижу почтеннаго отца семейства, жертвующаго всею жизнью на пользу общую *(указываетъ на Хрептюгина)*, вижу старыхъ воиновъ, принявшихъ грудью не одинъ ударъ во имя любви къ отечеству *(указываетъ на Доброзракова и Живновскаго; послѣдній крутитъ усы)*, и, наконецъ, вижу юношу, полнаго надеждъ и вѣры въ будущее... И всѣ эти лица: и маститая старость, и увѣнчанная розами юность соединяются въ одномъ общемъ чувствѣ преданности къ любимому начальнику... Господа! мнѣ пріятно отъ лица князя изъявить вамъ полную его признательность! Господа! я пью за здоровье любезнѣйшаго нашего хозяина! *(Подходитъ съ стаканомъ къ Хрептюгину и жметъ ему руку)*. Иванъ Онуфричъ! да продлитъ Богъ вашъ вѣкъ для того, чтобъ вы могли на долгія времена слѣдовать влеченію вашего добраго сердца и отирать слезы сирыхъ, лишенныхъ крова... *(Выпиваетъ)*.

Дмитрій Иванычъ. Ура! *(Пьетъ)*.

Доброзраковъ *(въ сторону)*. Ловко подпустилъ!..

Живновскій *(въ сторону)*. А по-русски это значитъ: пермете... ле бурсъ *(показываетъ руками)*. Молодецъ!

Хрептюгинъ. Очень, очень вамъ благодаренъ, Леонидъ Сергѣичъ! утѣшили вы меня... Именно это правда, что на пользу общую! Вчера былъ пожаръ, Леонидъ Сергѣичъ, остались тамъ вдовы... смѣю просить васъ принять отъ трудовъ моихъ двѣсти рублей на общественное устройство! *(Вынимаетъ изъ бумажника деньги и отдаетъ Разбитному)*.

Живновскій. Молодецъ Иванъ Онуфричъ!

Хрептюгинъ. Мало жертвовать, Леонидъ Сергѣичъ, не стоитъ-съ, такъ, по крайности, пущай хоть Богу за насъ помолятъ! А деньги что-съ—деньги дѣло наживное-съ!

Живновскій. Разумѣется, благодѣтель, разумѣется... Вотъ

Digitized by Google

въ вино вассервейнцу малую толику подпустите—анъ пожертвованіе-то въ тотъ же карманъ и возвратится.

Хрептюгинъ. Я, Леонидъ Сергѣичъ, люблю благодѣтельствовать... Я коли деньги имѣю, такъ желаю, чтобъ всякій, можно сказать, отъ лозы виноградной вкусилъ!

Разбитной *(кладя деньги въ карманъ).* Повѣрьте, Иванъ Онуфричъ, князь сумѣетъ оцѣнить...

СЦЕНА IX.

Тѣ же и Фурначевъ.

Фурначевъ *(останавливается въ дверяхъ и говоритъ за кулисы).* Скажи, братецъ, моему кучеру, чтобъ онъ ѣхалъ домой и доложилъ Настасьѣ Ивановнѣ, что я прибылъ въ домъ Ивана Онуфрича благополучно, да сейчасъ же чтобъ и воротился... Иванъ Онуфричъ! Леонидъ Сергѣичъ! Докторъ! *(Жметъ всѣмъ руки, кромѣ Живновскаго).* Вы, господа, кажется, съ утра за дѣломъ!..

Доброзраковъ. По благотворительной части, Семенъ Семенычъ!

Живновскій. Призираемъ этакъ вдовъ и сиротъ-съ... А больше насчетъ вдовъ-съ...

Хрептюгинъ. Да не угодно ли присѣсть вашему высокородію! *(Суетится около Фурначева).*

Фурначевъ. Не трудитесь, любезный, я сяду самъ!... Такъ вы, господа, по благотворительной части? Что-жъ, это хорошо! всякій изъ насъ долженъ удѣлять отъ избытковъ своихъ!

Разбитной. Скажите, пожалуйста, Семенъ Семенычъ, вы не были сегодня у князя?

Фурначевъ. Не былъ, Леонидъ Сергѣичъ, не былъ, потому что не имѣлъ чести быть приглашеннымъ.

Разбитной. Странно! а онъ хотѣлъ васъ просить!.. Знаете, вчера былъ пожаръ, погорѣла вдова съ дѣтьми... что-то много ихъ тамъ... княжна очень интересуется положеніемъ этихъ сиротъ.

Фурначевъ. Это нашъ долгъ, Леонидъ Сергѣичъ, отирать слезы вдовыхъ и сиротъ; это, можно сказать, наша священная обязанность... Я не о себѣ это говорю, Леонидъ Сергѣичъ, потому что у меня правая рука не знаетъ, что дѣлаетъ лѣвая, а вообще... *(Вносятъ стаканы съ шампанскимъ).*

Разбитной. Такъ вы заѣзжайте къ князю: ему будетъ

Digitized by Google

очень пріятно. *(Вертитъ стаканъ и намѣревается пить безъ тоста).*

Хрептюгинъ. Нѣтъ, Леонидъ Сергѣичъ, позвольте! *(Беретъ стаканъ).* Господа! за здоровье Леонида Сергѣича! *(Доброзраковъ дѣлаетъ Хрептюгину знаки, указывая на Фурначева; Хрептюгинъ спохватывается, подбѣгаетъ къ Фурначеву и говоритъ въ полголоса).* Извините, ваше высокородіе, обмолвился... мы ваше здоровье послѣ-съ... на прохладѣ выпьемъ.

Фурначевъ *(тоже въ полголоса).* Что разъ уже сдѣлано, того воротить нельзя, любезный! Все воротить можно, а сдѣланное воротить невозможно.

Разбитной. Господа! я не нахожу словъ выразить всю мою признательность! Почтенный хозяинъ, предложившій этотъ тостъ, почтилъ не меня самого, а въ лицѣ моемъ упорный трудъ и непоколебимое безкорыстіе на высокомъ поприщѣ общественнаго служенія. Господа! не подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, но подъ вліяніемъ благотворныхъ движеній моего сердца говорю я: девизомъ нашимъ долженъ быть трудъ скромный, но упорный трудъ, никѣмъ не замѣчаемый, но честный трудъ, сегодня оканчивающійся, а завтра снова начинающійся. Господа! настала для насъ пора обратить наше умственное око внутрь насъ самихъ, ознакомиться съ нашими собственными язвами и изыскать средства къ уврачеванію ихъ. Не блестящая эта участь, и не розами, но терніями усыпанъ путь безвѣстнаго труженика, въ потѣ лица воздѣлывающаго землю, плодами которой воспользуются потомки! Но благословимъ его скромный, невидный трудъ, пошлемъ ему во слѣдъ самыя искреннія пожеланія нашего сердца... Вспомнимъ, что только они могутъ освѣтить лучомъ радости безотрадную пустыню, предъ нимъ разстилающуюся,—вспомнимъ это и не пожалѣемъ ни добрыхъ словъ, ни теплаго участія, ни одобреній... Я сказалъ, господа! *(Пьетъ).*

Дмитрій Иванычъ. Ура! *(Пьетъ).*

Фурначевъ *(жметъ Разбитному руку).* Вы благородный человѣкъ, Леонидъ Сергѣичъ! *(Отпиваетъ немного и ставитъ стаканъ).*

Живновскій *(въ сторону).* И чортъ его знаетъ, гдѣ онъ говорить научился!

Хрептюгинъ *(Фурначеву).* Сдѣлайте ваше одолженіе, ваше высокородіе, опростайте стаканчикъ-то!

Фурначевъ. Не могу. Иванъ Онуфричъ, не могу. Здоровья

Digitized by Google

я пожелалъ Леониду Сергѣичу отъ глубины души, а пить не могу. Утромъ, знаете, натура не принимаетъ.

Разбитной. Господа! я не могу больше! Сердце мое совершенно переполнено... Будьте увѣрены, мой любезнѣйшій Иванъ Онуфричъ, что я со всею подробностью передамъ князю тѣ пріятныя впечатлѣнія, которыя доставило мнѣ утро, проведенное у васъ... Прощайте, господа! *(Уходитъ. Дмитрій Иванычъ провожаетъ его за двери).*

СЦЕНА X.

Тѣ же, кромѣ Разбитного.

Фурначевъ *(Хрептюгину).* А за что же ты, любезный, меня обидѣлъ?

Хрептюгинъ. Помилуйте, ваше высокородіе, извините!

Фурначевъ. Нѣтъ, ты скажи: кто статскій совѣтникъ и кто титулярный совѣтникъ?

Живиовскій *(въ сторону).* Да, братъ, далъ ты маху, Хрептюга!

Хрептюгинъ. Да ужъ помилуйте, ваше высокородіе! Языкъ просто сдуру, по теченію рѣчи, сказалъ.

Фурначевъ. А языкъ надо сдерживать... на то, братецъ, голова человѣку дана, чтобъ языкъ сдерживать!

Доброзраковъ. Это правда, Семенъ Семенычъ! только я вамъ именно доложу, что Иванъ Онуфричъ сневѣжничалъ больше отъ необразованности... не привыкъ еще, знаете, въ хорошемъ обществѣ жить... все ему и кажется, что кругомъ-то свиньи!

Живиовскій *(въ сторону).* Заступился!

Хрептюгинъ *(насильственно улыбаясь).* Все шутитъ... ахъ, Иванъ Петровичъ, Иванъ Петровичъ! *(Фурначеву).* Мы вашему высокородію за нашу провинность послѣ трикраты послужимъ!

Фурначевъ. То-то «послужимъ»! Ты смотри же, этого слова не забудь!

Дмитрій Иванычъ *(возвращаясь).* Нѣтъ, каково говоритъ-то Леонидъ Сергѣичъ, каково говоритъ! А еще удивляются, что княжна имъ интересуется! Да я вамъ скажу: будь я женщиной, да начни онъ меня убѣждать, такъ я и Богъ знаетъ чего бы ни сдѣлалъ.

Фурначевъ *(съ разстановкой).* Мягко стелетъ, но жестко спать.

Живиовскій. Это правильно!

Digitized by Google

Фурначевъ. Въ головѣ-то у него вѣтеръ ходитъ! Ему, конечно, еще незнакома наука жизни, а вѣдь куда корни ученія горьки!

Хрептюгинъ. Истинная правда, ваше высокородіе, истинная правда!

Фурначевъ. Тоже приглашаетъ къ пожертвованію! А почемъ онъ знаетъ: можетъ-быть, тотъ, котораго онъ, по легковѣрности своей, считаетъ Лазаремъ богатымъ, и есть тотъ самый убогій Лазарь, о которомъ въ Писаніи сказано! *(Краснѣетъ и на секунду умолкаетъ).* Въ чужомъ карманѣ денегъ никто не считалъ... Про то только Владыко Небесный можетъ знать, что у кого есть и чего нѣтъ! А если и подлинно деньги есть, такъ онѣ, быть-можетъ, чрезъ великій жизненный искусъ пріобрѣтены! *(Умолкаетъ. Наступаетъ нѣсколько минутъ тягостнаго безмолвія, въ продолженіе котораго Живновскій выпиваетъ двѣ рюмки водки).*

Хрептюгинъ *(осторожно возобновляя разговоръ).* Что новаго въ городу дѣлается, ваше высокородіе?

Фурначевъ. По палатѣ у насъ, слава Богу, благополучно. Вчерашняго числа совершился заподрядъ... Слава Всевышнему, благополучно!

Хрептюгинъ. По чемъ же за ведро-съ?

Фурначевъ. По пятидесяти пяти копеекъ. Цѣна настоящая.

Живновскій. Ну, и на нищую братію, чай, пришлось... Это правильно!

Хрептюгинъ. Молчи, сударь, молчи! Ваше высокородіе, прикажите его съ лѣстницы спустить!

Фурначевъ. Оставь!

Хрептюгинъ *(Живновскому).* Ничтожный ты человѣкъ! Вотъ какъ его высокородіе про тебя разумѣетъ!

Фурначевъ. Оставь! *(Вновь наступаетъ нѣсколько секундъ молчанія, въ продолженіе которыхъ Фурначевъ величественно барабанитъ объ ручку дивана, а Хрептюгинъ нѣсколько разъ порывается возобновить разговоръ, но не можетъ).*

Хрептюгинъ *(рѣшительно).* Не прикажете ли холодненькаго, ваше высокородіе?

Фурначевъ. Не нужно!

Хрептюгинъ. Или изъ закусокъ чего-нибудь?

Фурначевъ. Это... можно.

СЦЕНА XI.

Тѣ же и лакей.

Лакей *(подавая Хрептюгину письмо).* Съ почты-съ.

Digitized by Google

Хрептюгинъ *(разсматривая письмо)*. Отъ кого бы? А! отъ Антоніонаки! *(Къ Фурначеву)*. Позволите, ваше высокородіе?

Фурначевъ. Можешь.

Доброзраковъ. Ишь, вѣдь и знакомые-то у него какіе: все *аки* да *ндросы!*

Живновскій. Питейная часть-съ... греки, римляне, финикіяне... вавилонъ-съ! *(Фурначевъ снисходительно смѣется)*.

Хрептюгинъ *(читаетъ)*. «Спѣшу увѣдомить тебя, любезный другъ Иванъ Онуфричъ, что дѣло о твоемъ чинѣ приняло самую непріятную турнюру. Извѣстный тебѣ и облагодѣтельствованный тобой столоначальникъ оказался величайшимъ вертопрахомъ, ибо не только не употребилъ врученныхъ тобою денегъ по назначенію, но, напротивъ того, истратилъ ихъ всѣ сполна на покупку картинъ непристойнаго содержанія»... *(Останавливается совершенно растерянный)*. Гм!.. да... эта штука... могу сказать... ловкая, чортъ побери! *(Усмѣхается и вздрагиваетъ)*.

Дмитрій Иванычъ *(подбѣгая къ отцу)*. Ну, что-жъ за бѣда! надо еще жертвовать — вотъ и все! Есть отъ чего приходить въ отчаяніе!

Живновскій. Правильно! это значитъ только, что карьеръ нужно сызнова начинать!

Доброзраковъ. Можетъ, вы не доложили сколько-нибудь, Иванъ Онуфричъ?

Хрептюгинъ *(въ раздумьи)*. Нѣтъ, да что-жъ это такое? Жизни, что ли, они меня хотятъ лишить? *(Къ Фурначеву)*. Ваше высокородіе!..

Фурначевъ. Жаль мнѣ тебя, Иванъ Онуфричъ! Пострадалъ, братъ, ты... это именно, что пострадалъ! Однако, ты еще въ томъ можешь утѣшеніе для себя сыскать, что совѣсть у тебя спокойна... А много ли, скажи ты мнѣ, найдешь ты на свѣтѣ людей, которые съ чистымъ сердцемъ могутъ взирать на своего ближняго? Ты вотъ что въ соображеніе, другъ мой, возьми... и утѣшься!

Живновскій. Позвольте, благодѣтель, я стишки вамъ на этотъ случай скажу.... я вѣдь въ молодыхъ-то лѣтахъ на всѣ руки былъ, даже и стихи сочинялъ... *(Припоминаетъ)*. Какъ бишь? «Не унывай»... «Не унывай»... «Не унывай»... Эхъ, позабылъ, канальство! Ну, да все равно... главное-то «не унывай»... стало-быть, и вамъ унывать не слѣдуетъ.

Хрептюгинъ *(тоскливо)*. Господи! денегъ-то что изведено!

(Занавѣсъ опускается).

Digitized by Google

V.—Для дѣтскаго возраста.

Вечеръ. Юный поэтъ Кобыльниковъ (онъ же и столоначальникъ губернскаго правленія) корпитъ надъ мелко исписаннымъ листомъ бумаги въ убогой своей квартирѣ и съ неслыханнымъ озлобленіемъ грызетъ перо, и кусаетъ ногти. Уже седьмой часъ; еще часъ — и квартира совѣтника Лопатникова озарится веселыми огнями рождественской елки; еще часъ — и *она* выйдетъ въ залу, въ коротенькомъ бѣленькомъ платьицѣ (увы! ей еще только пятнадцать лѣтъ!), выйдетъ свѣженькая и улыбающаяся, выйдетъ вся благоухающая ароматомъ невинности.

— А что, мсьё Кобыльниковъ, вы исполнили свое обѣщаніе?—спроситъ она его.

При этой мысли Кобыльниковъ вскочилъ со стула, какъ ужаленный, и схватилъ себя за голову. Онъ началъ сознавать, что заложилъ слишкомъ большой фундаментъ своему стихотворенію. Ужъ двѣ строфы, каждая въ восемь стиховъ, готовы и переписаны, но, судя по развитію, которое принимала основная мысль, нельзя было даже приблизительно предвидѣть, какой будетъ исходъ ея. Онъ уже принесъ достаточную дань восторговъ возникающимъ красотамъ молодой дѣвочки; упомянулъ и о платьицѣ, и о шейкѣ лилейной, и о щекахъ «словно персикъ пушистыхъ»...

И о томъ, о чемъ хотѣлъ бы,
Да не смѣю говорить...

Теперь онъ задалъ себѣ вопросъ: кому суждено обладать всѣми этими сокровищами — старцу ли безсильному, или поэту чернокудрому? Ужъ онъ начерталъ два первыхъ стиха:

О, скажи-жъ, чей мощный образъ
Эту грудь воспламенитъ?
Эти перси...

Но тутъ воображеніе окончательно отказывалось служить. Риѳма на «образъ» рѣшительно не приходила; то-есть, коли хотите, и приходило кое-что въ голову, но все какая-то чушь: «вобразъ», «нобразъ» — чортъ знаетъ, какая дребедень!

— Нѣтъ, да каково же! каково же! — вопіялъ онъ въ отчаяніи:—каково это съ перваго же раза подлецомъ себя выставить!

А время, между тѣмъ, равнодушно смотрѣло на его го-

Digitized by Google

рость и подвигало да подвигало впередъ часовую стрѣлку. Кобыльниковъ тоскливо взглянулъ на часы и увидѣлъ, что до семи остается только пять минутъ.

— Нѣтъ, ни за что на свѣтѣ не поѣду! — воскликнулъ онъ, бросаясь въ изнеможеніи на стулъ. — Лучше одинъ просижу, лучше безъ ужина останусь, нежели подлецомъ себя выставлю!

«Нобразъ!» — насмѣшливо шептало, между тѣмъ, воображеніе.

— Фуй, мерзость! и прилѣзутъ же въ голову такія пошлости, что ни складу, ни ладу нѣтъ.

Кобыльниковъ плюнулъ съ досады.

— Ни за что не поѣду! — повторилъ онъ, но вслѣдъ за этимъ ни съ того, ни съ сего раздумался.

Молодость вдругъ заговорила въ немъ ласкающими голосами. Передъ глазами его рисуется залитая свѣтомъ зала; посреди ея стоитъ елка, вся изукрашенная разными лентами и фольгой; елка, которой вѣтви гнутся подъ бременемъ пастилы и другихъ соблазнительныхъ сластей. А вонъ и бѣленькое платьице, вонъ и головка, обрамленная темными кудрями! Господи! что за грація въ очертаніяхъ этой головки! что за свѣжесть, что за сокровища въ этой едва-едва начинающей развиваться груди! И что за веселые звуки пролетаютъ по комнатѣ, когда эта милая дѣвочка засмѣется! Точно вотъ солнышко выглянетъ изъ-за хмурыхъ тучъ, и все вдругъ кругомъ улыбнется: и рѣчка, которая до тѣхъ поръ лѣниво катила сѣрыя волны, и ближняя лужайка, скрывавшая свой цвѣтной коверъ отъ дождей и холодовъ угрюмаго ненастья, и статскій совѣтникъ Поплавковъ, который сидитъ за карточнымъ столомъ и двадцатый разъ сряду озлобленно произноситъ: «пассъ!». Вотъ она пошла танцовать — и все-то выходитъ у нея не такъ, какъ у другихъ. Посмотрите, напримѣръ, или, лучше сказать, прислушайтесь, какъ танцуютъ Настя Поплавкова, Нюта Смущенская! «Конь бѣжитъ, земля дрожитъ!» А она! Неслышно, почти незримо летаетъ она по крашеному полу, нимало не задѣвая крошечными ножками за землю и вся какъ будто уносясь и исчезая вверхъ!

Но, кромѣ того, и ужинъ не лишенъ своей прелести. Уже накрывается длинный столъ въ задней комнатѣ, и хотя руки дворового офиціанта Андрея не совсѣмъ чисты, но, судя по хлѣбосольнымъ привычкамъ хозяина, нельзя сомнѣваться, что на столѣ будетъ и свѣжая осетрина, и

Digitized by Google

жирный зажаренный лещъ, и все, однимъ словомъ, что̀ приличествуютъ кануну такого великаго праздника, какъ Рождество Христово.

— И надо же быть такому несчастію!—разсуждаетъ самъ съ собою Кобыльниковъ, но разсуждаетъ какъ-то вяло, безъ прежнихъ порывовъ. Вообще видно, что картины, которыя нарисовало ему воображеніе, произвели замѣтное разслабленіе во всемъ его организмѣ.

Въ это время часы прошипѣли семь. Кобыльниковъ машинально всталъ со стула и направился къ платяному шкапу.

«Нобрзъ! нобразъ!»—шепнулъ вдругъ враждебный голосъ и остановилъ его на половинѣ дороги.

Съ минуту еще длилась борьба его съ самимъ собою, но, наконецъ, молодость взяла-таки свое. Кобыльниковъ поспѣшно натянулъ на себя фракъ и, взглянувши на переписанныя двѣ строфы, покусился-было попытать счастья, нельзя ли сбыть ихъ съ рукъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были, но, по внимательномъ прочтеніи, стихотвореніе показалось ему еще болѣе недостаточнымъ, нежели когда-либо. Съ досадою отшвырнулъ онъ его отъ себя и выбѣжалъ изъ квартиры.

На дворѣ стояла ночь, та слѣпая, досадная ночь, которая можетъ случиться только въ далекомъ, провинціальномъ городкѣ, гдѣ откупщикъ еще не доведенъ кроткими мѣрами до сознанія своей обязанности жертвовать достаточное количество спирта для освѣщенія улицъ. Злой и рѣзкій вѣтеръ несся по улицѣ, поднимая и крутя въ воздухѣ цѣлые столбы снѣжной пыли, и взвизгивалъ, и завывалъ, ударяясь объ углы домовъ. Хорошо, что Кобыльникову предстояло пройти не болѣе тридцати шаговъ, а не то пришлось бы ему, бѣдному, воротиться въ квартиру и опять сѣсть за сочиненіе распроклятыхъ стиховъ.

«Нобразъ!» — взвизгнулъ вдругъ вѣтеръ въ самыя уши поэта.

— Фу, ты, чортъ! — пробормоталъ Кобыльниковъ и, плотнѣе завернувшись въ шинель, съ усиліемъ началъ карабкаться впередъ, утопая въ сугробахъ снѣга, завалившихъ тротуаръ.

Но вотъ ужъ брезжитъ свѣтъ сквозь снѣжный туманъ; сначала онъ мелькаетъ въ видѣ крошечнаго круга, но мало-по-малу кругъ разрастается, и освѣщенныя окна совѣтничьей квартиры представляются взору во всемъ ихъ заманчивомъ великолѣпіи. Издрогшій и измученный, вры-

Digitized by Google

вается Кобыльниковъ въ переднюю желаннаго дома и долгое время поправляетъ потерпѣвшія отъ снѣга части своего туалета.

— А! молодой человѣкъ! милости просимъ!—встрѣчаетъ его хозяинъ дома, Иванъ Кузьмичъ Лопатниковъ. — Ну, что, одолѣли Капустниковское дѣло?

— Кончилъ-съ, — отвѣчаетъ Кобыльниковъ и мысленно говоритъ самому себѣ: «что, если-бъ ты зналъ, что я, вмѣсто Капустниковскаго дѣла, цѣлые три часа корпѣлъ надъ сочиненіемъ стиховъ?»

— То-то, а не то насъ съ вами новый генералъ совсѣмъ съѣстъ!

Но, разговаривая съ хозяиномъ, Кобыльниковъ улучаетъ, однакожъ, минуту, чтобъ бросить взглядъ въ сторону, и съ удовольствіемъ примѣчаетъ, что точно такой же взглядъ выглядываетъ изъ-за ёлки и на него. Онъ спѣшитъ оставить гостепріимнаго хозяина и всѣми силами души устремляется туда, откуда блеснулъ ему теплый лучъ привѣта и дѣтской привязанности.

Читатель! не знаю, живали ли вы въ провинціи, но я, который благоденствовалъ въ Вяткѣ и процвѣталъ въ Перми, жуировалъ жизнью въ Рязани и наслаждался душевнымъ спокойствіемъ въ Твери, я смѣю васъ удостовѣрить, что воспоминанія о видѣнныхъ мною елкахъ навсегда останутся самыми свѣтлыми воспоминаніями пройденной жизни! Во-первыхъ, какая-то умиротворяющая, праздничная струя носится въ это время въ воздухѣ, какая-то свѣтлая, радостная мысль просится въ душу при видѣ этихъ зажженныхъ свѣчей, этихъ полныхъ, румяныхъ лицъ, при звукахъ этого говора и смѣха; а во-вторыхъ, что за прелестныя созданія эти дѣти, какъ пытливо озираются ихъ умненькіе глазки, и какъ мало похожи они на своихъ отцовъ, тутъ же предстоящихъ и съ томленіемъ выжидающихъ момента, когда можно засѣсть за зеленый столъ или пріударить по питейной части! Иной родитель расползся поперекъ себя толще, лицо у него на кругъ швейцарскаго сыру похоже, даже носа словно совсѣмъ нѣтъ, а сынокъ у него, смотришь, шустренькій, черномазенькій, глазки такъ и прыгаютъ, а носикъ римскій, тоненькій, словно выточенный; иной родитель похожъ на артиста, черноволосый, худощавый, блѣдный и вообще, что называется, интересный jeune homme, а сынокъ у него похожъ на губернатора, который, въ свою очередь, похожъ на копну. Вотъ и поди ты! Смо-

Digitized by Google

тришь, бывало, на этихъ улыбающихся, кудрявыхъ дѣтей, смотришь и думаешь: неужели Ваня будетъ когда-нибудь совѣтникомъ питейнаго отдѣленія? неужели эта рѣзвая, быстроглазая Ляля будетъ когда-нибудь вице-губернаторшей? И подумавши, взгрустнешь потихоньку.

Коля, мой другъ! не отплясывай такъ бойко казачка, ибо ты не будешь совѣтникомъ питейнаго отдѣленія! Скоро придетъ бука и всѣхъ совѣтниковъ оставитъ безъ пирожнаго!

Ляля, милый мой ребенокъ! Не скругляй такъ своихъ маленькихъ ручекъ, не склоняй такъ кокетливо головушку на правую сторонушку, не мани такъ мило Митю Прорѣхина, ибо Митя не будетъ вице-губернаторомъ! Скоро придетъ бука и всѣхъ вице-губернаторовъ упразднитъ за ненадобностью!

— Принесли? — спрашиваетъ, между тѣмъ, Наденька у Кобыльникова, который, пунцовый какъ вишня, стоитъ передъ нею, переминая въ рукахъ шляпу.

— Я-съ, Надежда Ивановна... я-съ... я началъ, но еще не окончилъ,—заикается Кобыльниковъ.

— А я такъ думаю, что вы только похвастались, что умѣете стихи писать!

И Наденька порхнула отъ него, какъ птичка.

— Я, Надежда Ивановна, много ужъ написалъ, — умолялъ вслѣдъ ей Кобыльниковъ.

Но Наденька была уже далеко и щебетала, окруженная своими подругами.

— Ахъ, дай поскорѣе!—умоляла Нюта Смущенская.

— Mesdames! мы уйдемъ читать въ спальную! — говорила Настя Поплавкова.

— Нечего читать, онъ только похвастался! онъ совсѣмъ и не умѣетъ писать стихи!—отвѣчала Наденька голосомъ, которому она усиливалась сообщить равнодушный тонъ, въ которомъ слышалась, однакожъ, досада.—Mesdames, мы его не будемъ принимать сегодня въ наше общество!

Въ это время Кобыльниковъ приблизился.

— Наденька!—сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ.

Наденька вскинула головку и взглянула на него такъ гордо, что бѣдный поэтъ внезапно почувствовалъ себя глупымъ.

— Вотъ еще новости! — сказала Наденька и при томъ такъ громко, что Кобыльниковъ осмотрѣлся во всѣ стороны и не на шутку струсилъ, чтобъ восклицанія этого не услышалъ папа Лопатниковъ.

Digitized by Google

Послѣ того вся юная компанія порхнула въ другую комнату, оставивъ Кобыльникова окончательно убитымъ.

— Какой онъ, однакожъ, жалкій!—замѣтила при этомъ Нюта Смущенская.

— Вотъ еще, жалкій! Хвастунъ — и больше ничего! — хладнокровно отвѣтила жестокосердая Наденька.

Кобыльниковъ стоялъ словно обданный холодной водой. На душѣ у него было смутно и пусто, и какъ на смѣхъ еще подвернулись тутъ два скверные и глупые стиха:

Ничто меня не утѣшаетъ,
Ничто меня не веселитъ...

которые такъ и жужжали, словно неотвязный комаръ, въ ушахъ его.

«Что за проклятый вечеръ! Сначала эта рнема подлѣйшая, а теперь вотъ и еще какая-то мерзость лѣзетъ!»— подумалъ Кобыльниковъ и даже сгорѣлъ весь отъ стыда.

А вечеръ, между тѣмъ, шелъ своимъ чередомъ.

Папа-Лопатниковъ безъ трехъ обремизилъ статскаго совѣтника Поплавкова, несчастіе котораго до такой степени поразило присутствующихъ, что всѣ, даже играющіе, какъ-то сжались и притихли, какъ бы свидѣтельствуя этимъ скорбнымъ молчаніемъ о своемъ сочувствіи къ великому горю угнетеннаго многочисленнымъ семействомъ мужа. Поплавковъ сидѣлъ красный, какъ ракъ, и какъ бы не понималъ, что вокругъ него происходитъ; даже ремиза не ставилъ, а безсознательно чертилъ пальцемъ по столу какую-то необыкновенную цифру. Супруга же его, заглянувъ въ комнату играющихъ, тотчасъ повернула налѣво кругомъ и сказала во всеуслышаніе:

— А мой дуракъ только и дѣла, что проигрываетъ.

Дѣти шумѣли и волновались: Митя Прорѣхинъ доказательно убѣждалъ Васю Затиркина отдать ему свою долю орѣховъ, приводя въ основаніе такой резонъ, что у того, кто кушаетъ много лакомства, дѣлаются со временемъ соломенныя ножки. Маня Кулагина упрашивала братца Сашу представить, какъ у нихъ на дворѣ индѣйскіе пѣтухи кричатъ: «здравіе желаемъ, ваше благородіе!» Сеня Порубинъ, мальчикъ горбатенькій и злющій, какъ бы провидя, что происходитъ въ душѣ Кобыльникова, подбѣгалъ къ нему и начиналъ задирать насчетъ отношеній его къ Наденькѣ, при чемъ позволялъ себѣ даже темные намеки относительно какихъ-то интимностей, будто бы существовавшихъ между Наденькой и первоклассникомъ-гимназистомъ Прохоровымъ,

Digitized by Google

который въ это самое время забился въ уголъ и, видимо, наслаждался, ковыряя въ носу. И Кобыльниковъ никакъ не могъ поймать Порубина, чтобъ надрать ему хорошенько уши, потому что скверный чертёнокъ, произведя ехидство, ускользалъ изъ рукъ его, какъ змѣя.

Наденька то и дѣло порхала по комнатѣ и, какъ нарочно, смѣялась и болтала съ особеннымъ увлеченіемъ именно въ то время, когда проходила мимо огорченнаго поэта. Злую мысль внушилъ Кобыльникову Сеня Порубинъ.

— Еще бы не быть веселой, когда душка-Прохоровъ здѣсь! — процѣдилъ онъ сквозь зубы въ одну изъ минутъ когда Наденька была близко отъ него.

Наденька вспыхнула и какъ будто оступилась.

— Вы это что говорите?—спросила она, останавливаясь передъ нимъ.

— Ничего; я говорю, что не мудрено, что нѣкоторымъ людямъ весело: душка-Прохоровъ здѣсь!—глупѣйшимъ образомъ настаивалъ Кобыльниковъ, поигрывая ключикомъ отъ часовъ.

— Я надѣюсь, однако, что отъ этой минуты между нами все кончено?—сказала Наденька и тотчасъ же удалилась.

— Это какъ вамъ угодно-съ,—говорилъ вслѣдъ Кобыльниковъ. — Конечно, со мной разстаться что же значитъ, когда есть въ запасѣ душка-Прохоровъ!

Обида эта глубоко уязвила крошечное сердце Наденьки, тѣмъ болѣе уязвила, что въ упрекѣ Кобыльникова была нѣкоторая доля правды. Дѣйствительно, былъ короткій промежутокъ времени, но очень, впрочемъ, короткій, когда Наденька увлекалась Прохоровымъ. Слишкомъ рано развитой ребенокъ, она уже мечтала о чемъ-то; она украшала Прохорова различными достоинствами и добродѣтелями, которыя создавало ея дѣтское воображеніе; она любила уединяться съ нимъ и съ большою важностью говорила ему: «Теперь, Прохоровъ, потолкуемте о вашемъ будущемъ!»

Но Прохоровъ любилъ только ковырять въ носу и говорилъ съ увлеченіемъ единственно о лакомствахъ, потому что въ душѣ былъ великій и страстный обжора. Увлеченіе Наденьки скоро прошло; она была даже убѣждена, что никто ничего не замѣтилъ... и вдругъ! Наденька бѣгала около ёлки, суетилась и болтала безъ умолку, но сердце ея работало. Среди начатой фразы, она вдругъ почувствовала, что нѣчто тѣснитъ ея грудь, что нѣчто жгучее подступаетъ къ ея глазамъ. Она вырвалась изъ толпы и убѣжала во внутреннія комнаты.

Digitized by Google

Кобыльниковъ все это видѣлъ, но ничего не понялъ. Онъ видѣлъ, что Наденька весела, и понялъ только то, что у Наденьки, должно-быть, башмачокъ развязался, если она такъ стремительно убѣжала.

А Наденька, между тѣмъ, уткнувшись въ подушку, обливала ее горячими слезами. И чѣмъ обильнѣе лились эти слезы, тѣмъ мягче и легче становилась самая обида, вызвавшая ихъ, тѣмъ назойливѣе смотрѣлось въ душу иное чувство, чувство, которое въ одно и то же время, и заставляло ныть ея бѣдное сердце, и проливало въ него цѣлые потоки радости и успокоенія.

— Гадкій Кобыльниковъ! — сказала она съ послѣднимъ всхлипываніемъ.—Бѣдный Митенька!—повторила она вслѣдъ затѣмъ, сладко задумавшись.

Елка, между тѣмъ, догорѣла; по данному знаку, дѣти кинулись на нее всей толпою и тотчасъ же повалили на землю; произошло всеобщее замѣшательство; слышался визгъ, смѣшанный съ кликами торжества; Сеня Порубинъ, несмотря на свою хилость и многочисленные изъяны, какъ-то такъ изловчился, что успѣлъ запихать въ свои карманы чуть не половину гостинцевъ. Прохоровъ тоже полѣзъ-было на фуражировку вмѣстѣ съ прочими, но ему не удалось достать ни одной палочки пастилы, потому что дѣти подкатывались ему подъ ноги и рѣшительно не давали приняться за дѣло какъ слѣдуетъ; да къ тому же и няня маленькихъ Поплавковыхъ безъ церемоніи поймала его за руку и вывела изъ толпы, сказавъ при этомъ строго: «Стыдись, сударь! такой большой выросъ, а съ дѣтьми баловаться хочешь! Еще Машенькѣ ручку отдавишь!»

Какъ было бы совѣстно Наденькѣ, если бы она видѣла эту сцену!

Но о ней вспомнили только тогда, когда елки уже не существовало. Папа-Лопатниковъ серьезно обезпокоился и собрался-было на поискъ за своею дѣвочкой, какъ она появилась сама въ дверяхъ залы.

Наденька была нѣсколько блѣдна, но на вопросъ папаши: «не болитъ ли головка?» отвѣчала: «не болитъ», а на вопросъ: «не болитъ ли животикъ?» отвѣчала: «ахъ, что вы, папаша!» и, вся вспыхнувши, спрятала свое личико на отцовской груди.

— Что же съ тобой, душенька?—допрашивалъ папаша.

— Ахъ, папаша, какой вы!—отвѣчала Наденька и порхнула отъ него въ сторону.

Digitized by Google

Во время этого допроса у Кобыльникова какъ-то все выше и выше поднималось сердце, и вдругъ сдѣлалось для него ясно, что онъ прескверную штуку сыгралъ, сказавши Наденькѣ такую пошлость. Со злобою, почти съ ненавистью взглянулъ онъ на Сеню Порубина и началъ-было показывать золоченый орѣхъ, чтобъ подманить его къ себѣ; но Сеня словно провидѣлъ, что дѣлается въ душѣ его, и, самъ показывая ему цѣлую кучу золоченыхъ орѣховъ, только смѣялся, а съ мѣста не трогался.

«Ну, чортъ съ тобой! когда-нибудь послѣ раздѣлаемся!»— подумалъ Кобыльниковъ и въ ту же самую минуту какъ бы инстинктивно взглянулъ въ ту сторону, гдѣ была Наденька. Оттуда глядѣли на него два сѣрыхъ глаза, и глядѣли съ тѣмъ же безграничнымъ простодушіемъ, съ тою же беззавѣтною нѣжностью, съ какою они привѣтствовали его изъ-за ёлки въ минуту прихода. Точно приросли къ нему эти глубокіе, большіе глаза, точно не въ силахъ были они смотрѣть никуда въ другую сторону. Кобыльникову почуялось, словно кровь брызнула у него изъ сердца и вотъ источается капля по каплѣ и наполняетъ грудь его. Горячо и бодро вдругъ стало ему.

— Посмотрите-ка, Надька-то!—шептала змѣище-Поплавкова горынчищу-Порубиной: — глазъ не можетъ отъ этого молокососа отвести, словно съѣсть его хочетъ!

— Влюблена, Анна Петровна, какъ кошка влюблена!— отвѣчала maman Порубина и какъ-то злобно дрогнула при этомъ плечами.

— Удивляюсь, однако, чего этотъ старый дуралей смотритъ!

— А чѣмъ же онъ не партія? Для безприданницы и такой хоть куда!

— Ну, да все же...

— Вы что же ко мнѣ не идете? — спрашивала, между тѣмъ, Наденька Кобыльникова тѣмъ полушопотомъ, въ который невольно переходитъ голосъ, когда идетъ рѣчь о дѣлѣ, затрагивающемъ всѣ живыя струны существа.

Кобыльниковъ не отвѣчалъ; онъ просто-на-просто задыхался.

— Вы что ко мнѣ не идете?—повторила Наденька.

Онъ продолжалъ молчать, хотя сердце въ немъ умирало отъ жажды высказаться. Онъ чувствовалъ, что если вымолвитъ хоть одно слово, то не въ силахъ будетъ выдержать. Можетъ-быть, онъ бросится къ Наденькѣ и стиснетъ

Digitized by Google

въ своихъ рукахъ это доброе, любящее созданіе; можетъ-быть, онъ не бросится, но зальется слезами и зарыдаетъ...

— Вы отчего мнѣ руки не даете?—настаивала Наденька.

— Наденька!— вырвалось изъ груди Кобыльникова.

— Вы зачѣмъ глупости говорите?

— Голубчикъ!— простоналъ Кобыльниковъ.

— А когда будутъ стихи?

Кобыльниковъ ужъ совсѣмъ было собрался отвѣчать, что стихи не мои, что стихи почти совсѣмъ готовы, что не только одно стихотвореніе, но десять, двадцать, сто стихотвореній готовъ онъ настрочить на прославленіе своей милой, безцѣнной Наденьки, какъ вдругъ скверный мальчишка Порубинъ испортилъ все дѣло.

— Вобразъ! — пискнулъ онъ, едва-едва не проскакивая между ногъ Кобыльникова.

Кобыльникову показалось, что самъ злой духъ говоритъ устами мальчишки.

— Ты почему знаешь? — сказалъ онъ, рванувшись въ погоню за мальчикомъ и поймавъ-таки его.—Нѣтъ, ты говори, почему ты знаешь?

— Мамаша, меня Кобыльниковъ деретъ!—завизжалъ во всю мочь Сеня.

При этомъ восклицаніи Кобыльниковъ невольно выпустилъ изъ рукъ свою добычу и даже началъ гладить Сеню по головѣ.

— Нечего, нечего гладить по головѣ! — шипѣлъ юный змѣёнышъ. — Мамаша! онъ меня деретъ за то, что я его поймалъ съ Наденькой!

Началось слѣдствіе.

— Позвольте узнать, Дмитрій Николаичъ, что вамъ сдѣлало невинное дитя? — допрашивала Кобыльникова оскорбленная maman Порубина.

— Вашъ сынъ мнѣ сказалъ дерзость!—отвѣчалъ совершенно растерявшійся Кобыльниковъ.

— Мамаша! Я ничего ему не говорилъ!—съ своей стороны жаловался Сеня, искусно всхлипывая.

— Вашъ сынъ сказалъ мнѣ: «вобразъ»!—внезапно брякнулъ Кобыльниковъ.

— «Вобразъ»! Что такое «вобразъ»? И чѣмъ же это слово для васъ обидно?

Говоря это, maman Порубина сомнительно покачивала головой и разводила руками.

Digitized by Google

— Ну, да! вобразъ, нобразъ, собразъ, побразъ!—дразнилъ обозлившійся Сеня, приплясывая передъ Кобыльниковымъ.

— Изволите видѣть?—сказалъ Кобыльниковъ.

— Вижу! все вижу! Стыдно вамъ, молодой человѣкъ! Сеня! отойди прочь отъ нихъ и не смѣй никогда съ ними разговаривать!

Порубина величественно удалилась, уводя за руку Сеню и безпрестанно оглядываясь, какъ бы въ опасеніи, что за ней бѣжитъ по пятамъ сама чума.

Кобыльникову сдѣлалось скверно; онъ вдругъ почувствовалъ, что не только скомпрометировалъ Наденьку, но и самъ сдѣлался смѣшнымъ въ ея глазахъ. Сколько онъ сдѣлалъ въ этотъ вечеръ глупостей! Онъ сдѣлалъ ихъ три: во-первыхъ, увлекся нелѣпой риѳмой, которая помѣшала ему кончить стихи, между тѣмъ какъ можно было бы одинъ стихъ и нериѳмованный вставить (самые лучшіе поэты это дѣлаютъ); во-вторыхъ, сказалъ Наденькѣ какую-то пошлость насчетъ ея отношеній къ Прохорову; въ-третьихъ, связался съ пакостнѣйшимъ мальчишкой, который навѣрно произведетъ скандалъ на весь городъ. Кобыльникову показалось, что всѣ глаза обращены на него, что всѣ лица проникнуты строгостью, и что даже служитель Андрей намѣривается взять въ руки метлу, чтобъ вымести ею изъ честнаго дома гнуснаго соблазнителя пятнадцатилѣтнихъ дѣвицъ. Кобыльникова бросило въ жаръ; чтобъ оправиться отъ своего смущенія, онъ поспѣшилъ юркнуть въ хозяйскій кабинетъ.

Тамъ за нѣсколькими столами шла игра. Игралъ въ ералашъ предсѣдатель казенной палаты съ губернскимъ прокуроромъ противъ совѣтника казенной палаты и батальоннаго командира. Предсѣдатель казенной палаты былъ не въ духѣ: къ нему пришло двѣнадцать пикъ безъ туза и двойка червей; онъ сходилъ съ двойки пикъ — тузъ оказался у партнера, который, однако, отвѣчать не могъ.

— Сижу на капиталахъ! — жаловался предсѣдатель. — Вѣдь это все франки, все франки!

Прокуроръ былъ смущенъ: онъ понялъ игру и старался только угадать, какая же у предсѣдателя тринадцатая карта. Предсѣдатель, какъ бы провидя его думу, поспѣшилъ разсѣять всѣ сомнѣнія и откровенно показалъ свою двойку червей, убѣждая только, чтобъ прокуроръ игралъ скорѣе.

Напротивъ того, къ совѣтнику валило: во всемъ у него

Digitized by Google

была и игра, и поддержка, но самое счастіе не радовало его, ибо онъ чувствовалъ, что оно огорчаетъ его начальника. Поэтому онъ всячески старался оправдаться; разбирая карты, пожималъ плечами, какъ бы говоря: «вѣдь лѣзетъ же такое дурацкое счастье!» Дѣлая ходъ, не клалъ карту на столъ, а какъ-то презрительно швырялъ ее, какъ бы говоря: «вотъ и еще сукинъ сынъ тузъ!» Но предсѣдатель не принималъ ничего въ уваженіе, а напротивъ того— взъѣлся на своего подчиненнаго.

— Вы зачѣмъ же игру-то свою раскрываете?—приставъ онъ къ нему.

Совѣтникъ сдѣлалъ ренонсъ.

— У васъ трефъ нѣтъ? — строго спросилъ батальонный командиръ.

— Нѣтъ-съ... есть-съ,—заикался совѣтникъ.

«И солгать-то не умѣлъ!»—подумалъ предсѣдатель.

А Кобыльниковъ смотрѣлъ на играющихъ и все думалъ, какъ бы чѣмъ-нибудь такимъ увѣнчать этотъ вечеръ, чтобъ за одинъ разъ искупить всѣ три глупости. Ему вдругъ сдѣлалось хорошо и весело; ему представилась большая, освѣщенная комната; посреди комнаты стоитъ Наденька въ бѣломъ тарлатановомъ платьицѣ, а подлѣ Наденьки стоитъ онъ; у нихъ въ рукахъ бокалы съ шампанскимъ; къ нимъ подходятъ гости, тоже съ бокалами въ рукахъ, и поздравляютъ.

— Иванъ Дементьичъ! — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, подходя, подъ вліяніемъ этихъ радужныхъ мечтаній, къ хозяину дома: — позвольте мнѣ нѣсколько словъ вамъ наединѣ сказать-съ...

Иванъ Дементьичъ посмотрѣлъ на него съ неудовольствіемъ, потому что это неожиданное вмѣшательство отвлекало его отъ игры. Однако, видя, что Кобыльниковъ весь дрожалъ, онъ встревожился.

— Что такое еще? Ужъ не затерялъ ли Капустниковскаго дѣла?—спросилъ онъ.

— Мнѣ-съ... наединѣ!—повторилъ Кобыльниковъ.

Иванъ Дементьичъ отошелъ съ нимъ въ сторону.

— Ну?—сказалъ онъ.

— Мнѣ-съ... я желаю...—заикался Кобыльниковъ, къ которому вдругъ возвратилась вся его робость.

— Да говори же, любезный, не мни!—съ досадой торопилъ Иванъ Дементьичъ.

— Я прошу руки Надежды Ивановны! — скороговоркой проговорилъ Кобыльниковъ.

Digitized by Google

Иванъ Дементьичъ повернулъ жениха къ свѣту и на одно мгновеніе посмотрѣлъ на него съ любопытствомъ. Потомъ тотчасъ же пошелъ на старое мѣсто, предварительно отмахнувшись, какъ будто хотѣлъ согнать сѣвшую на носъ муху. Кобыльниковъ остолбенѣлъ и разставилъ не только руки, но и ноги; въ глазахъ у него позеленѣло, комната ходила кругомъ. Онъ понималъ только одно, что эта глупость была четвертая и при томъ самая крупная. Вдругъ онъ почувствовалъ, что промежъ ногъ у него что-то копошится: то былъ Сеня Порубинъ.

— Анъ, это четвертая!—дразнился скверный мальчишка, очевидно схватывая на-лету интимную мысль, терзавшую бѣднаго Кобыльникова.

Кобыльниковъ даже не слыхалъ; онъ былъ уничтоженъ и опозоренъ, хотя папа-Лопатниковъ, возвратясь на мѣсто, точно такъ же равнодушно объявилъ семь въ червяхъ, какъ бы ничего и не случилось. А Порубинъ, между тѣмъ, все подплясываетъ да поддразниваетъ: «анъ, четвертая!» Кобыльниковъ крадется по стѣнкѣ, чтобъ какъ-нибудь незамѣтнымъ образомъ улизнуть въ переднюю. Сеня Порубинъ замѣчаетъ это и распускаетъ слухъ, что у бѣглеца животъ болитъ. Кобыльниковъ слышитъ эту клевету и останавливается: онъ бодро стоитъ у стѣны и бравируетъ; но, несмотря на это, уничтожить дѣйствіе клеветы уже невозможно. Между дѣвицами ходитъ шопотъ: «бѣдняжка!» Наденька краснѣетъ и отворачивается; очевидно, ей стыдно и больно до слезъ.

«Собразъ!»—подсказываетъ проклятая память, и Кобыльниковъ, словно ужаленный, бросается вонъ изъ комнаты, производя своимъ бѣгствомъ игривое шушуканье между дѣвицами . . . . . .

. . . . . .

И вотъ опять Кобыльниковъ сидитъ въ одинокой своей квартирѣ, сидитъ и горько плачетъ! Передъ нимъ лежитъ Капустниковское дѣло, а слезы такъ и текутъ на бумагу; передъ нимъ: *проситъ купецъ Капустниковъ, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты,*—а у него глаза заволокло туманомъ, у него сердце рвется, бѣдное, на части!

Сквозь эти слезы, сквозь эти рыданія сердца, ему мелькаетъ свѣтлый образъ милой дѣвочки, ему чудится ея свѣжее дыханье, ему слышится біеніе ея маленькаго сердца...

— Митенька?—говоритъ она, вся застыдившись и склоняя на его плечо свою кудрявую головку.

Digitized by Google

— Mesdames,—шепчутъ кругомъ дѣвицы:—mesdames! у Кобыльникова животъ болитъ!

Кобыльниковъ вскакиваетъ и начинаетъ ходить по комнатѣ, схватывая себя за голову и вообще дѣлая всѣ жесты, какіе приличны человѣку, пришедшему въ отчаяніе.

«Вобразъ!»—кричитъ вдругъ неотвязчивая память.

Кобыльниковъ закусываетъ себѣ въ кровь губу отъ злости: онъ опять садится къ столу и опять принимается за Капустниковское дѣло, въ надеждѣ заглушить въ себѣ воспоминанія вечера.

А за перегородкой возятся хозяева-мѣщане. Они тоже—по всему видно—воротились изъ гостей и собираются спать. Слышны вздохи, слышно вынманіе ящиковъ изъ комодовъ, слышенъ шелестъ какой-то, который всегда сопровождаетъ раздѣваніе и укладываніе. Наконецъ, все стихло.

— Дура ты или нѣтъ?—допрашиваетъ хозяинъ свою хозяйку:—дура ты или нѣтъ?

— Ты проснись, пьяница! Ты опомнись, какой завтра праздникъ-то!—усовѣщиваетъ хозяйка.

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи: дура ты или нѣтъ? — настаиваетъ хозяинъ.

За перегородкой слышится потрясающее зѣванье. Голова Кобыльникова мало-по-малу склоняется и, наконецъ, совсѣмъ упадаетъ на Капустниковское дѣло. Ему снится ёлка, ему снится, что онъ стоитъ посреди освѣщенной залы и что рядомъ съ нимъ, вмѣсто Наденьки, стоитъ купецъ Капустниковъ *и проситъ, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты...*

VI.—Миша и Ваня.

Забытая исторія.

Въ передней сидятъ два мальчика, Ваня и Миша, и ждутъ барыню изъ гостей. Скоро полночь, а барыня все не ѣдетъ; сальный огарокъ оплылъ и нагорѣлъ; тусклый и мелькающій свѣтъ его освѣщаетъ только лица двухъ собесѣдниковъ, да столъ, передъ которымъ они сидятъ; вверху и по угламъ темно. Въ домѣ тихо, словно въ гробу; горничныя дѣвки давно ужъ поужинали, воротились изъ кухни и улеглись спать, гдѣ попало, наказавши мальчикамъ разбудить ихъ, какъ только пріѣдетъ барыня. Въ окна, по временамъ, показывается что-то бѣлое: мелькнетъ-мелькнетъ и опять скроется; это сыплетъ снѣгъ, но мальчики думаютъ, что выглядываетъ голова мертвеца, и вздрагиваютъ.

Ваня мальчикъ крѣпкій, быстрый, черноволосый и черно-

Digitized by Google

глазый; онъ увѣряетъ Мишу, что ничего не боится, что однажды онъ видѣлъ настоящаго, заправскаго мертвеца — и того не струсилъ.

— Я ничего не боюсь, — говоритъ онъ, невольно, впрочемъ, блѣднѣя, когда морозъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, стукнетъ въ стѣны барскаго дома:—мнѣ только скучно, да и то съ тобой ничего!

— А ну, какъ мы сгоримъ?—робко спрашиваетъ Миша.

— Сгорѣть мы не можемъ,—отвѣчаетъ Ваня такимъ увѣреннымъ тономъ, что Миша тотчасъ же успокаивается.

Миша, въ противоположность Ванѣ, мальчикъ слабенькій, нервный, бѣленькій, съ бѣлокурою головкой и большими синими глазами. Онъ часто посматриваетъ на потолокъ и, увидѣвши, какой тамъ сгустился мракъ, вздрагиваетъ и пожимается.

Въ ту минуту, какъ мы съ ними знакомимся, они ведутъ оживленный, но нѣсколько странный разговоръ.

— Холоднымъ-то ножомъ, чай, больно? — спрашиваетъ Миша, пристально глядя Ванѣ въ глаза.

— Это только разъ больно, а потомъ ничего!—отвѣчаетъ Ваня и покровительственно гладитъ Мишу по головѣ.

— А помнишь, какъ поваръ Михей рѣзался! Тоже сначала все хвастался: зарѣжусь да зарѣжусь! а какъ полыснулъ ножомъ-то по горлу, да какъ потекла кровь-то...

— Ну, что-жъ, что поваръ Михей! Михейка и вышелъ дуракъ! Потомъ, небось, вылѣчился, а для чего вылѣчился? все одно наказали дурака; а мы ужъ такъ полыснемъ, чтобъ не вылѣчиться!

— Ты ножи-то приготовилъ ли, Ваня?

— Когда не приготовилъ! еще съ утра выточилъ! Только ты у меня смотри, чуръ, не отступаться!

Миша вздохнулъ потихоньку; глаза его остановились на нагорѣвшей свѣчкѣ.

— Что, развѣ снять со свѣчки... въ послѣдній разъ!— сказалъ онъ слегка взволнованнымъ голосомъ.

— Что съ нея снимать-то? А я тебѣ вотъ что скажу, Мишутка: коли мы это теперича сдѣлаемъ, такъ безпремѣнно въ рай попадемъ, потому теперь мы маленькіе и грѣховъ у насъ нѣтъ! А замѣсто насъ попадетъ въ адъ Катерина Аѳанасьевна!

— А Ивану Васильичу будетъ за насъ что-нибудь?

— Ну, Ивану Васильичу, можетъ, и проститъ Богъ, потому онъ не самъ собою дѣйствуетъ!

Digitized by Google

— Катерину-то Аѳанасьевну, стало-быть, мучить будутъ?

— Еще какъ, братъ, мучить-то, не роди ты, мать-земля! Первымъ дѣломъ на желѣзный крюкъ за ребро повѣсятъ, вторымъ дѣломъ заставятъ голыми ногами по горячей плитѣ ходить, потомъ сковороду раскаленную языкомъ лизать, потомъ желѣзными кнутьями по голой спинѣ бить... да столько, братъ, мученіевъ, что и сказать страсти!

— А вѣдь она не стерпитъ, Катерина-то Аѳанасьевна?

— Что ей, чорту экому, сдѣлается! стерпитъ! Да тамъ, братъ, Мишутка, на это не посмотрятъ! Тамъ, братъ, терпи! а не можешь терпѣть—все-таки терпи!

Разговоръ на минуту смолкъ. Вдругъ на улицѣ завыла собака, завыла жалобно и тоскливо, какъ умѣютъ выть только собаки.

— Ишь ты, это Трезорка покойника почуялъ!—сказалъ Миша измѣнившимся голосомъ.

— Ну, что-жъ что почуялъ! Извѣстно, почуялъ! А ты, небось, ужъ и трусу спраздновалъ!

— Нѣтъ, Ваня, я не боюсь, я такъ только... я только думаю, отчего это собака всегда покойника чувствуетъ?

— А оттого, что собака—другъ человѣка! Вотъ лошадь тоже другъ человѣка, только она понятія не имѣетъ, а собака—она все понимаетъ, оттого и покойника чувствуетъ!

— А что, Ваня, кабы утопнуть?—спросилъ вдругъ Миша.

— Чудакъ ты, Мишутка! Ты мнѣ разскажи сперва, какая нынче вода? Ты скажи, лѣто нынче, что ли?

— Да, нынче вода холодная... чай, въ воду-то бултыхнешься, такъ и не стерпишь!

— Вотъ то-то же и есть! Утопнуть-то—надо въ прорубь лѣзти, да еще барахтаться станешь, вылѣзешь, пожалуй; что однихъ мученіевъ тутъ примешь—пойми ты! А съ ножомъ ловко! ножомъ какъ полыснулъ себя разъ—тутъ тебѣ и конецъ! Разумѣется, надо крѣпче!

— И бить никто больше не будетъ!—прошепталъ Миша.

— И бить не будетъ! Возьмутъ твою душу ангелы и понесутъ къ престолу Божьему!

— А Богъ—ничего?

— А Богъ—спроситъ: зачѣмъ вы, рабы Божіи, предѣла не дождались? зачѣмъ, скажетъ, вы смертную муку безо времени приняли? А мы Ему все и скажемъ!

— Мы все скажемъ, какъ насъ Катерина Аѳанасьевна мучила, какъ намъ жить тошнёхонько стало, какъ насъ день-денской все били... все-то били, все-то тиранили!

Digitized by Google

Миша потупился; накипѣвшія на сердцѣ слезы горячимъ ключомъ хлынули изъ глазъ. И текли эти слезы, текли свободно, безъ усилій, безъ гримасъ, какъ течетъ созрѣвшій источникъ изъ переполненной груди земли-матери. Ваня сталъ утѣшать расплакавшагося.

— А мы ловко ее завтра надуемъ, Катерину-то Аѳанасьевну,—сказалъ онъ:— завтра гости у нея за столомъ соберутся, анъ служить-то будетъ и некому!

Миша вздохнулъ въ отвѣтъ.

— Я и ножи-то всѣ попряталъ,—продолжалъ Ваня:—и ѣсть-то нечѣмъ будетъ.

А Миша все-таки никакъ не могъ уняться; Ваня все возможное дѣлалъ, чтобъ какъ-нибудь развлечь его; сначала со свѣчи снялъ, потомъ глянулъ въ окно и сказалъ: «А сиверъ-то, сиверъ-то какой разыгрался! Ишь ты! ишь ты!»; наконецъ тоненькимъ голоскомъ запѣлъ: «Ахъ вы, ночки, ночки наши темныя!»—но Миша не только продолжалъ плакать, но при звукахъ пѣсни еще болѣе растужился.

— Нюня ты!—сказалъ Ваня съ нетерпѣніемъ.

Въ залѣ загудѣли часы. Заслышавши эти шипящіе звуки, Миша вздрогнулъ, въ послѣдній разъ глубоко вздохнулъ и пересталъ плакать.

— Скоро барыня пріѣдетъ,—робко сказалъ онъ, насчитавши двѣнадцать часовъ.

— Дожидайся—скоро!— отвѣчаетъ Ваня. — Эхъ, теперь бы вотъ соснуть лихо!

— Нѣтъ, ужъ ты не спи, Ваня, Христа-ради!

— Небось, боишься?

— Боюсь!—признался Миша и весь съёжился.

— Ну, дуракъ и есть! Сколько разъ я тебѣ говорилъ, что тамъ ничего нѣтъ!—поучалъ Ваня, указывая на двери, которыя вели въ неосвѣщенный коридоръ.—Хочешь, я сейчасъ туда пойду?

Однако, угрозы своей не исполнилъ. Водворилось молчаніе, а съ нимъ вмѣстѣ водворилась и тишина, тоскливая, надрывающая сердце тишина... Мальчики пристально вглядывались въ трепещущее пламя свѣчи; Ваня водилъ по столу большимъ пальцемъ, нажимая его, отчего палецъ сначала двигался плотно, а потомъ начиналъ подпрыгивать. На дворѣ опять завыла собака.

— Ишь ее! ишь ее!—вымолвилъ Ваня и вслѣдъ затѣмъ прибавилъ:—А что, Миша, гдѣ-то теперь Оля?

Оля была сестра Миши. Это была хорошенькая, бѣло-

Digitized by Google

курая и бѣленькая дѣвушка, очень похожая на своего брата; ей было осьмнадцать лѣтъ. Съ полгода тому назадъ она неизвѣстно куда пропала, и разсказовъ объ этомъ внезапномъ исчезновеніи ходило между дворней множество. Говорили, что она отъ дурного житья скрылась, но говорили также, что и отъ стыда. Достовѣрно было то, что однимъ утромъ она пошла на рѣчку стирать и не возвращалась; на берегу была найдена корзина съ невыстираннымъ бѣльемъ, но ни одежды прачки, ни даже тѣла ея нигдѣ найдено не было. Достовѣрно также, что за два дня передъ тѣмъ она была острижена и что по этому случаю плакала, рвалась и убивалась. Барыня клялась и надсаживала себѣ грудь, завѣряя, что поганка Ольгушка утопилась не отъ дурного обращенія, а для того, чтобъ скрыть свой стыдъ. Тѣмъ не менѣе, на всемъ этомъ происшествіи лежала какая-то горькая тайна, и неизвѣстно было даже, дѣйствительно ли утопилась Ольга, или только бѣжала. При слѣдствіи нѣкоторые дворовые люди показали-было, что житье Ольги было «нехорошее»; но исправникъ, производившій слѣдствіе (такъ какъ происшествіе случилось въ подгородней деревнѣ Катерины Аѳанасьевны), ничему этому не повѣрилъ.

— Ну, вы это все врете! Вы говорите правду, а не врите! — сказалъ онъ показателямъ и тутъ же приказалъ пригласить Катерину Аѳанасьевну.

Катерина Аѳанасьевна ахала и ссылалась на то, что у нея людей говядиной кормятъ. Позвали людей и спросили, дѣйствительно ли ихъ кормятъ говядиной; отвѣтъ былъ, что кормятъ. Исправникъ подумалъ, посопѣлъ и записалъ: «Помѣщики содержатъ людей хорошо и даже говядиной кормятъ».

— Что же вы, бестіи, врали? — обратился онъ къ дворовымъ.

Дворовые стояли блѣдные и переминаясь съ ноги на ногу; у нѣкоторыхъ искусаны были до крови губы. Катерина Аѳанасьевна замѣтила эту нераскаянность и сочла справедливымъ упасть въ обморокъ. Исправникъ бросился утѣшать ее, уславъ оторопѣвшаго Ивана Васильевича за спиртомъ. Результатомъ всего этого было краткое, но сильное объявленіе, написанное рукою самого исправника. Оно гласило:

«Утромъ 24-го сего іюня изъ сельца Полянокъ неизвѣстно куда скрылась принадлежащая отставному штабсъ-ротмистру Ивану Васильевичу Балящеву дѣвка Ольга Никандрова. При-

Digitized by Google

мѣтами та дѣвка: роста высокаго, бѣлокура, волосы стрижены, лицомъ бѣла, глаза синіе, носъ и ротъ умѣренные, особая примѣта: надъ лѣвой ноздрей небольшое родимое пятнышко; есть подозрѣніе въ беременности. Унесла съ собой данное ей помѣщикомъ пестрядинное платье, въ которое и была въ тотъ день одѣта. Полицейскія начальства, въ вѣдомствѣ коихъ та бѣглая дѣвка окажется, благоволятъ препроводить оную въ р—ій земскій судъ, для отдачи по принадлежности».

Тѣмъ это дѣло и закончилось. Катерина Ѳеанасьевна на нѣкоторое время присмирѣла, но мѣсяца черезъ два совсѣмъ забыла о происшествіи и начала жупровать жизнью попрежнему.

Катерина Ѳеанасьевна была глубоко развращенная женщина, но не знаю, имѣю ли я право называть ее злою. По крайней мѣрѣ, весь городъ къ ней ѣздилъ, и цѣлый день въ ея домѣ было, что называется, разливанное море; весь городъ зналъ, какіе она *фарсы* выдѣлываетъ надъ Машками и Ольгушками, и, тѣмъ не менѣе, никто не рѣшался отозваться объ этихъ фарсахъ не только строго, но даже и уклончиво. Напротивъ того, ее всѣ любили, потому что въ своемъ кругу она была барыня веселая и даже добрая, многимъ изъ своихъ друзей дѣлала разныя одолженія и всѣхъ равно отлично принимала и кормила.

— Сегодня у Катерины Ѳеанасьевны за обѣдомъ, въ супѣ, таракана подали, — говорили про нее въ городѣ: — что-же бы вы думали? Она преспокойно-себѣ позвала повара и приказала ему таракана съѣсть!

— Лихая баба!

— Бѣдовая!

Нѣкоторые, конечно, дѣлали изрѣдка предположеніе, «какъ бы, дескать, не попасться Катеринѣ Ѳеанасьевнѣ за эти *фарсы*», но очевидно, что въ этомъ случаѣ сомнѣніе заползало совсѣмъ не по поводу самыхъ *фарсовъ*, а по поводу глагола «попасться». Самые же фарсы служили какъ бы осѣлкомъ для обнаруженія своего рода остроумія, котораго кровавости никто не замѣчалъ, своего рода изобрѣтательности, которой ехидства никто не подозрѣвалъ.

— Сенька, поди, лизни печку!—говорили Сенькѣ.

Сенька лизалъ печку и обжигалъ языкъ; онъ возвращался весь красный, лицо его какъ-то неестественно напыживалось, изъ глазъ выжимались слезы.

— Ну, дуракъ, еще ревѣть вздумалъ!—говорили они.

Digitized by Google

— Рожа-то, рожа-то какая!—восклицали другіе.

И затѣмъ слѣдовалъ взрывъ общаго, веселаго хохота.

Хохотъ—и больше ничего...

Не ясно ли, что все это безъ злорадства дѣлалось, что при этомъ главный расчетъ совсѣмъ не въ томъ состоялъ, чтобъ причинить Сенькѣ мучительную боль, а въ томъ, чтобъ посмотрѣть, какую Сенька рожу уморительную скорчитъ, какъ онъ напыжится... Самые кроткіе люди молчали, когда Сеньку посылали лизать пылающую печь; самые кроткіе люди не могли слегка не фыркнуть, когда Сенька возвращался, по совершеніи своего подвига, весь красный и пыхтящій... Они молчали и фыркали не потому, чтобъ одобряли подобнаго рода увеселенія, но просто потому, что такое ужъ время юмористическое было.

Теперь все это какой-то тяжкій и страшный кошмаръ; это кошмаръ, отъ котораго освободило Россію прекрасное, великодушное слово царя-освободителя... Да, оно одно. Ибо кто же можетъ ручаться, не лизалъ ли бы — безъ этого слова — Сенька горячую печку и до сей минуты? Не ходила ли бы дѣвка Ольга Никандрова и до сей минуты стриженная и оплеванная гостями своей барыни? Гдѣ гарантіи противнаго? Въ нравахъ, что ли? Но развѣ не извѣстно, что славяне имѣютъ нравъ веселый, легкій и мало углубляющійся? Въ слезахъ, что ли? Но развѣ не извѣстно, что слезы, которыя при этомъ капаютъ, капаютъ внутрь, капаютъ кровавыми каплями на сердце и все накипаютъ, все накипаютъ тамъ, покуда не перекипятъ совершенно?

Никогда не бываетъ зло такъ сильно, какъ въ то время, когда оно не чувствуется, когда оно, такъ сказать, разлито въ воздухѣ.—«Что это за зло?— говорятъ тогда добросовѣстные изслѣдователи, которые имѣютъ привычку разсматривать предметы не съ одной, а со всѣхъ сторонъ:— это не зло, а просто порядокъ вещей!»—И на этомъ успокаиваются.

Кто же можетъ утверждать, что такому порядку вещей не суждено было продлиться и еще на многія лѣта, если бы сильная воля не вызвала насъ изъ тьмы кроваваго добродушія и бездны ехидной веселости?

Повторяю: это былъ тяжкій и страшный кошмаръ, въ которомъ и давящіе, и давимые были равно ужасны.

Напоминаніе о сестрѣ подѣйствовало на Мишу болѣзненно. Онъ вдругъ, словно подъ тяжестью какой, пригнулся; блѣдное его личико сдѣлалось бѣлѣе полотна и на необсохшихъ еще глазахъ опять сверкнуло слезообильное облако.

Digitized by Google

— А вѣдь она барынѣ являлась! —продолжалъ Ваня.

— Врешь ты!—всхлипывалъ Миша чуть слышно.

— Являлась—это вѣрно! Ключница Матрена сказывала, что барыня-то, словно мертвая, изъ спальни въ ту пору выскочила, ни кровинки въ лицѣ нѣтъ!

— Врешь ты, она жива!—настаивалъ Миша, совершенно захлебываясь слезами.

— Ну, братъ, нѣтъ, это погоди! Она утопла — это ужъ какъ дважды-два! Изъ-за чего-жъ бы ей тогда барынѣ являться, кабы она не утопла!

— Врешь ты! врешь все!—кричалъ Миша, съ которымъ чуть не сдѣлалась истерика.

— Ну, и опять-таки ты дуракъ! Изъ-за чего ты нюни-то распустилъ! Извѣстно, намъ одинъ конецъ!

Миша смолкъ; онъ, повидимому, что-то припоминалъ. Припоминалъ онъ, какъ Оля, проходя мимо него, наскоро трепала его по щекѣ и приговаривала: «Дурашка ты мой!»; припоминалъ онъ, какъ Оля однажды надѣвала на него чистенькую новенькую рубашечку и сказала при этомъ: «Ну, носи теперь на здоровье, Мишутка ты мой!»; припоминалъ онъ, какъ однажды Оля выбѣжала въ лакейскую вся блѣдная, и изъ глазъ ея ручьями текли слезы; припоминалъ онъ голосъ, молившій о пощадѣ, голосъ искаженный, вымученный, кричавшій: «Матушка, Катерина Ѳеанасьевна, не буду! батюшка, Иванъ Васильевичъ, не буду!»; припоминалъ онъ, какъ упала изъ-подъ ножницъ длинная русая коса Оленькина, какъ Оля билась и рвалась...

«Ахъ, не надо! не рѣжьте!»—раздавался въ ушахъ Миши знакомый молящій голосъ, раздавался съ такою ясностью и отчетливостью, что онъ вдругъ повѣрилъ... Онъ повѣрилъ, что Оля умерла дѣйствительно, и что это она, именно она является къ барынѣ и мучитъ ее по ночамъ. Ему показалось даже, что она и теперь съ ними, что она зоветъ его.

— Оля-то здѣсь вѣдь! — сказалъ онъ испуганнымъ голосомъ.

— Ну, вотъ это ты ужъ врешь! — отвѣтилъ Ваня, и между тѣмъ самъ вздрогнулъ и инстинктивно озирался кругомъ.

— Ей-Богу здѣсь!—настаивалъ Миша.

— Дуракъ ты! говорятъ тебѣ, нѣтъ никого! И изъ-за чего ей являться-то къ намъ? Ты пойми, зачѣмъ покойникъ является? Покойникъ является затѣмъ, чтобъ мучить; а

Digitized by Google

насъ за что̀ мучить она будетъ? Мы вѣдь Олю не трогали, Оля была добрая... да, она добрая была дѣвка!

— Оля была добрая! — машинально повторилъ Миша и ласково взглянулъ на своего товарища.

— Постой-ка, я по угламъ посмотрю!—продолжалъ Ваня, какъ будто съ единственною цѣлью успокоить Мишу; но очевидно было, что онъ и самого себя не прочь былъ успокоить.

Ваня всталъ съ лавки и сначала посмотрѣлъ подъ столъ; потомъ обошелъ всю комнату и въ углахъ, даже пошарилъ по стѣнѣ; потомъ заглянулъ въ дверь, ведущую въ коридоръ. Никакого видѣнья нигдѣ не оказалось.

— Ну, вотъ, и нѣтъ ничего!—сказалъ онъ, усаживаясь на старое мѣсто.

— Оля была добрая!—задумчиво повторилъ Миша.

— За доброту-то и въ дворнѣ ее всѣ любили! Помнишь, Степка какъ убивался, какъ она пропала-то? Степка-то, говорятъ, жениться на ней хотѣлъ!

— Стало, его за это въ ту пору въ часть посылали?

— За это, за самое... Степка-то барынѣ говоритъ: «Лучше, говоритъ, Катерина Аѳанасьевна, вы меня теперича въ солдаты отдайте, а служить, говоритъ, я вамъ не желаю!»

— Ишь ты!

— А барыня говоритъ: «Нѣтъ, говоритъ, Степушка, въ солдаты я тебя не отдамъ, а вотъ въ пастухахъ ты у меня сгніешь!» И гніетъ!

— И для чего только это она его въ солдаты не отдала!

— А потому, братецъ, такой у ней нравъ!

— А вѣдь въ солдатахъ, Ваня, хорошо?

— Ну... кто-жъ его знаетъ! Однако, все лучше, чѣмъ у насъ; у насъ ужъ какая жизнь!

Миша опять задумался; онъ хотѣлъ сказать Ванѣ, что лучше было бы въ солдаты пойти, чѣмъ... но на этомъ мысль его оборвалась; очевидно, онъ боялся разсердить Ваню и выставить себя въ глазахъ его трусомъ.

— А знаешь ли что, Мишутка?—вдругъ спросилъ Ваня.

— Что тебѣ?

— Пойдемъ-ка мы, обойдемъ комнаты... посмотримъ!

Мишѣ тотчасъ же мелькнуло: въ послѣдній разъ!

— Пойдемъ, Ваня,—сказалъ онъ.

Ваня снялъ со свѣчи и пошелъ впередъ.

— Вотъ это, братъ, зала!—сказалъ онъ, когда пришли въ первую комнату.

Digitized by Google

— Зала!—проговорилъ за нимъ Миша.

— Кланяйся, братъ, теперь на всѣ четыре стороны! — наставлялъ Ваня.

Миша поклонился на всѣ четыре стороны; Ваня исполнилъ вмѣстѣ съ нимъ то же самое.

Такимъ образомъ обошли они всѣ комнаты и вездѣ простились; дошли, наконецъ, до крайней комнаты, гдѣ стояла широкая двуспальная кровать.

— Ишь ихъ!—сказалъ Ваня и не только не поклонился на всѣ четыре стороны, но плюнулъ.

— Знаешь ли что, — продолжалъ онъ:— зажжемъ-ка теперь лиминацію! Вѣдь колдовка-то еще, чай, долго не пріѣдетъ!

— Зажжемъ! — согласился Миша, и на лицѣ его сверкнула дѣтски-радостная улыбка.

По всему видно было, что натура Миши была натура нѣжная, женственная, артистическая; онъ любилъ, когда въ комнатѣ бывало свѣтло и свѣжо, и, напротивъ того, куксился въ мракѣ и спертомъ воздухѣ передней. По всему видно также, что Ваня зналъ про это свойство Миши и желалъ чѣмъ-нибудь угодить ему.

Зажгли иллюминацію дѣйствительно блестящую; Миша пожелалъ быть хозяиномъ, Ваня изъявилъ согласіе быть гостемъ. Но едва успѣли хозяинъ и гость усѣсться съ ногами на диванъ, едва успѣлъ хозяинъ предложить своему гостю обычный вопросъ о здоровьѣ, какъ въ передней раздался сильнѣйшій трезвонъ. Хозяинъ и гость бросились тушить свѣчи, но впопыхахъ дѣло не спорилось; раздался еще трезвонъ, болѣе сильный и болѣе нетерпѣливый.

Наконецъ, свѣчи кое-какъ затушили и бросились въ переднюю. Черезъ дверь еще Ваня слышалъ, какъ барыня сердиться изволили.

— Это все мальчишки-мерзавцы! — говорила она въ величайшемъ гнѣвѣ.—Вотъ ужо погоди!

— Успокойся, душенька, — уговаривалъ Иванъ Васильичъ:—можетъ-быть, это братецъ Никаноръ Аоанасьичъ пріѣхалъ!

Въ это время Ваня отперъ наружную дверь.

— Братецъ Никаноръ Аоанасьичъ здѣсь?—былъ первый вопросъ барыни.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Кто же свѣчи въ залѣ зажигалъ?

— Никто не зажигалъ-съ.

Digitized by Google

— Мерзавецъ!

Сильный ударъ свалилъ Ваню съ ногъ.

— Кто зажигалъ свѣчи въ залѣ? — накинулась барыня на Мишу, который стоялъ ни живъ, ни мертвъ.

— Никакъ нѣтъ-съ,—едва-едва прошепталъ Миша.

— Долго ли вы мучить-то насъ будете?—какимъ-то неестественнымъ голосомъ закричалъ Ваня, вскочивъ съ полу, и не успѣлъ никто моргнуть глазомъ, какъ онъ уже впился ногтями въ ротъ и носъ Катерины Аѳанасьевны.

Катеринѣ Аѳанасьевнѣ сдѣлалось дурно; Ваню насилу отняли отъ нея, потому что онъ словно замеръ и закоченѣлъ весь. Катерину Аѳанасьевну повели подъ руки въ спальню, при чемъ Иванъ Васильичъ приговаривалъ: «И какъ это тебѣ, матушка, не стыдно безпокоить себя изъ-за этихъ хамовъ!» Ваню тоже увели на кухню; онъ не плакалъ, а только кричалъ; очевидно, что все существо его было глубоко и рѣшительно потрясено, что онъ не обладалъ собою, и этотъ рѣзкій неестественный крикъ вылеталъ изъ его груди помимо его воли. Вся дворня страшно переполошилась и сбѣжалась кругомъ Вани; начали его оттирать и насилу уняли. Когда крики унялись, Ваня мгновенно и крѣпко заснулъ.

Потому ли, что Катерина Аѳанасьевна дѣйствительно заболѣла, или потому, что дворовые доложили объ изступленіи, въ которомъ находился Ваня, но распоряженія насчетъ мальчиковъ въ ту ночь никакого сдѣлано не было. Сказано было только держать обоихъ въ кухнѣ. Миша легъ подлѣ Вани, но долго не могъ сомкнуть глазъ; завтрашній день представлялся его возбужденному воображенію со всѣми подробностями, со всѣми ужасающими истязаніями. Мерещились ему пуки розогъ, мерещилась ему Катерина Аѳанасьевна; лицо ея словно пылало, на головѣ словно змѣи вились, разѣвая рты, и высовывались оттуда огненныя жала. Ваня по временамъ стоналъ; дворовые кругомъ безмятежно спали; Мишѣ сдѣлалось страшно...

«Ахъ, не надо! ахъ, не рѣжьте!» — раздавалось у него въ ушахъ, и образъ сестры носился передъ его глазами, какъ живой, но не въ затрапезномъ, истасканномъ платьѣ, а весь бѣлый, прозрачный, весь словно озаренный чудеснымъ блескомъ...

Наконецъ, часовъ около трехъ онъ заснулъ.

Въ четыре часа Ваня разбудилъ его. Долго смотрѣлъ на

Digitized by Google

него Миша изумленными, слипающимися глазами, долго не могъ понять, гдѣ онъ и что съ нимъ...

— Пора!—шепталъ Ваня.

Миша вздрогнулъ, но все еще не понималъ.

— Вставай!—настаивалъ Ваня.

Миша машинально всталъ и машинально же одѣлся. Они вышли въ сѣни; холодный воздухъ охватилъ ихъ со всѣхъ сторонъ и нѣсколько отрезвилъ Мишу. Въ рукахъ у Вани были ножницы; онъ проворно скинулъ съ себя казакинъ и началъ рѣзать его на куски.

— Не доставайся никому!—шепталъ онъ какъ-то злобно и сосредоточенно.

Потомъ онъ снялъ съ себя сапоги и проткнулъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ головки.

Миша смотрѣлъ на это, и вдругъ въ немъ вспыхнула какая-то страстная жажда жизни. Онъ ухватилъ себя обѣими ручонками за горло, началъ метаться и заплакалъ.

— Нюня! ступай спать!—произнесъ Ваня.

— Нѣтъ, нѣтъ!—заикался Миша:—нѣтъ, нѣтъ!.. я пойду! я право, пойду!

— Что-жъ ты ревешь? Развѣ вчера не видѣлъ?

Они вышли на дворъ и перелѣзли черезъ заборъ. Улица была пуста, и непробудная тишина царствовала по всему городу. Дворовая собака Трезорка бросилась-было къ нимъ съ ласковымъ визгомъ, но Ваня показалъ ей кулакъ, вслѣдствіе чего она вильнула раза два хвостомъ и юркнула въ свою конуру. Утро было не столько холодное, сколько сырое и туманное; словно облако какое-то висѣло надъ улицей, словно мгла, наполненная иглистыми атомами, застилала воздухъ. Ваня былъ въ одной рубашкѣ; ему сдѣлалось холодно.

— Ну, братъ,—сказалъ онъ:—это я напрасно... Напрасно, значитъ, я теперича казакинъ свой изрѣзалъ!

Миша не отвѣчалъ ему: вообще онъ дѣйствовалъ какъ-то страдательно, словно горѣла, и упорно горѣла, въ немъ непорванная струя жизни, но не знала, какъ ей высказаться, какъ прорваться наружу.

И вотъ передъ ними оврагъ; въ этомъ оврагѣ условились они исполнить свое намѣреніе; Ваня разсчитывалъ, что тамъ никто имъ не помѣшаетъ, никто не можетъ придти скоро на помощь.

Ваня спустился и пошелъ впередъ; онъ былъ бодръ, а между тѣмъ манящіе, сладкіе голоса жизни говорили и въ немъ; онъ смѣялся, а между тѣмъ въ груди его закипала

Digitized by Google

какая-то страстная жажда; онъ шелъ и точилъ другъ объ друга ножи; но звукъ, который отъ этого происходилъ, былъ какой то невеселый, отрывистый звукъ; онъ чувствовалъ, что внутри его все горитъ, а между тѣмъ блѣдное, исхудалое тѣло ходенемъ ходило отъ проницающей сырости и холода... Миша шелъ за нимъ слѣдомъ и попрежнему былъ въ какомъ-то забытьи.

На свѣту, будочникъ, спокойно спавшій въ своей будкѣ, былъ разбуженъ проѣзжими мужиками. Мужики слышали стонъ въ оврагѣ и почтительно докладывали о томъ дремлющему блюстителю общественной тишины.

— Батюшки! помогите!—прозвенѣло въ эту самую минуту въ воздухѣ.

Спустились въ оврагъ и нашли двухъ мальчиковъ, изъ которыхъ одинъ былъ одѣтъ въ казакинѣ, другой—въ одной рубашкѣ. Ваня былъ бездыханенъ, но Миша еще былъ живъ. Невѣрная, трепещущая рука въ нѣсколько пріемовъ полоснула ножомъ по горлу, но робко и нерѣшительно.

Жажда жизни сказалась и восторжествовала.

VII.—Нашъ дружескій хламъ.

Когда мы, губернскіе аристократы, собираемся другъ у друга по вечерамъ, какого рода можетъ быть у насъ между собою бесѣда? Перемываемъ ли мы косточки своихъ ближнихъ, бесѣдуемъ ли о существѣ лежащихъ на насъ обязанностей, сообщаемъ ли другъ другу о нашихъ служебныхъ и сердечныхъ bonnes fortunes, о томъ, напримѣръ, что сегодня утромъ былъ у насъ подрядчикъ Скопищевъ, а завтра мы ждемъ заводчика Бѣлугина, и проч., и проч.?

На всѣ эти вопросы я съ гордостью могу отвѣчать, что обыденная, будничная жизнь не составляетъ и не можетъ составлять достойной канвы для нашихъ салонныхъ разговоровъ. Утромъ, запершись въ своихъ жилыхъ комнатахъ, мы можемъ, à la rigueur, переворачивать наше грязное бѣлье, бесѣдовать съ нашими секретарями и принимать различнаго рода антрепренеровъ; но съ той минуты, какъ мы покидаемъ жилыя комнаты и являемся въ наши салоны, всѣ эти непріятности мгновенно исчезаютъ, подобно тому, какъ исчезаютъ клопы и другія насѣкомыя, гонимыя свѣтомъ дня. Какъ люди благовоспитанные, мы являемся въ наши салоны не иначе, какъ во фракахъ, и очень хорошо понимаемъ, что, находясь въ обществѣ, не имѣемъ

Digitized by Google

права тревожить чье-либо обоняніе эманаціями нашего заднаго двора.

Да и какой интересъ могло бы представлять для насъ это переворачиванье домашняго хлама, когда намъ до такой степени извѣстны и перезвѣстны всѣ наши маленькія дѣлишки, наши карманныя скорби и любостяжательныя радости, что мы, какъ древніе авгуры, взглянуть другъ на друга безъ того не можемъ, чтобъ не расхохотаться?

Если я, напримѣръ, встрѣчаю на улицѣ его превосходительство Ивана Ѳомича и вижу, что въ очахъ его плаваетъ маслянистая влага, а самъ онъ, при встрѣчѣ со мной, покрывается пурпуромъ стыдливости и смотритъ на меня съ какимъ-то дѣтскимъ простодушіемъ, какъ будто хочетъ сказать: «посмотри, какъ я невиненъ! и посмотри, какъ хороша природа и какъ легка жизнь для чистыхъ сердцемъ!»—то я положительно знаю, что и этотъ пурпуръ, и эта ясность души происходятъ совсѣмъ не отъ того, что его превосходительство былъ на секретномъ любовномъ свиданіи, а отъ того, что въ томъ заведеніи, въ которомъ онъ состоитъ аристократомъ, происходили сего числа торги. И по степени влажности глазъ, и по бо̀льшей или мѣньшей невинности ихъ выраженія я безошибочно заключаю о степени успѣшности торговъ... Къ чему, скажите на милость, были бы тутъ вопросы, въ родѣ: «какъ поживаете, каково прижимаете?» Къ чему тутъ ласки, коварства и увѣренія, если я опредѣлительно вижу, что сей человѣкъ счастливъ, что душа его полна музыки и что весь онъ погруженъ въ какія-то сладкія, неземныя созерцанія? И дѣйствительно, встрѣчи наши происходятъ въ молчаніи; онъ посмотритъ на меня ласково и признательно, я взгляну на него симпатически; онъ скажетъ: «гм!» и я скажу: «гм!»... и мы расходимся каждый по своему дѣлу.

Или, напримѣръ, когда я вижу другого аристократа, генерала Голубчикова, пробирающагося, часовъ въ шесть пополудни, бочкомъ по темному переулку и робко при этомъ озирающагося, то положительно могу сказать, что генералъ пробирается не къ кому другому, а именно къ привилегированной бабкѣ Шарлоттѣ Ивановнѣ. Хотя же его превосходительство, замѣтивъ меня, и начинаетъ помахивать тросточкой, дѣлая видъ, что онъ гуляетъ, но я отнюдь не отважусь предложить ему пройтись вмѣстѣ со мною, потому что твердо знаю, что такого рода предложеніе въ концѣ уязвитъ его пылающее сердце. Руководясь этою мыслью, я

Digitized by Google

прикасаюсь слегка къ полямъ моей шляпы и говорю: «гм!». Генералъ, который въ другое время тоже отвѣтилъ бы мнѣ à la militaire, въ настоящемъ случаѣ считаетъ неизлишнимъ снять съ головы своей шляпу совершенно (не погуби. дескать), и тоже говоритъ: «гм!»... и мы расходимся. А между тѣмъ дорогой воображеніе уже рисуетъ передо мной образы. Съ одной стороны я вижу маленькаго генералика, совершенно пропадающаго въ объятіяхъ дебелой привилегированной бабки, а съ другой стороны—величественную и не менѣе дебелую генеральшу, спокойно предающуюся дома послѣобѣденному сну и вовсе не подозрѣвающую, что ея крошечный Юпитерикъ нашелъ въ захолустьи какую-то вольнаго поведенія Іо и воспитываетъ ее въ явный ущербъ своей Юнонѣ.

И еще, напримѣръ, если я вижу въ восемь часовъ утра извѣстнаго подрядчика Скопищева, стучащагося въ двери дома, занимаемаго капитаномъ Малаховичемъ, то отнюдь не думаю, что Скопищевъ очутился здѣсь ни свѣтъ ни заря затѣмъ только, чтобъ узнать о здоровьи супруги и дѣтей пана Малаховича, но съ полною достовѣрностью заключаю, что ранній визитъ этотъ имѣетъ тѣсную связь съ постройкой земляной дамбы въ городѣ ***. При этомъ въ умѣ моемъ естественно возникаетъ вопросъ: «если отъ пятнадцати тысячъ отдѣлить двадцать процентовъ, то какая составится изъ этого сумма?» И въ это самое время, поровнявшись съ капитанскою квартирой, я усматриваю въ одномъ изъ оконъ толстенькую фигуру, къ чему-то канальски прислушивающуюся. Замѣтивъ меня, капитанъ нѣсколько краснѣетъ (вѣроятно, оттого, что я увидѣлъ его въ утреннемъ неглиже), произноситъ: «гм!» и поспѣшно удаляется отъ окна.

— То-то «гм!»—произношу и я въ свою очередь, и продолжаю идти своею дорогой.

Скажите на милость: къ чему же было намъ бесѣдовать о томъ, для уразумѣнія чего достаточно одного движенія губъ, одной мимолетной искры въ глазахъ, одного помаванія головы?

И дѣйствительно, канвою для нашихъ разговоровъ служатъ предметы несравненно болѣе возвышенные. Надо вамъ сказать, благосклонный читатель, что хотя мы и называемся «губернскими аристократами», но, къ великому прискорбію, аристократичность наша довольно сомнительная. Мы, что называется, аристократы съ подлинцою. Отечествомъ бо́льшей части изъ насъ служили четвертые этажи

Digitized by Google

тѣхъ поражающихъ опрятностью казенныхъ зданій, которыя во множествѣ украшаютъ Петербургъ и въ которыхъ благополучно процвѣтаютъ всѣхъ возможныхъ видовъ и цвѣтовъ экзекуторы и экспедиторы. Тамъ мы увидѣли свѣтъ, тамъ возросли и воспитались, и если самъ Петербургъ способенъ производить только чиновниковъ и болотныя испаренія, то можно себѣ вообразить, на производство какого рода издѣлій способны упомянутые выше четвертые этажи? И дѣйствительно, мы вполнѣ прошли всю суровую школу безгласности и смиреномудрія; мы были по очереди и секретарями, и приказчиками у имѣющихъ власть людей, и поставщиками духовъ, собачекъ и румянъ у ихъ женъ, и забавою у ихъ гостей. Мы безмѣрно радовались и безобразію нашихъ носовъ, и геморроидальному цвѣту нашихъ лицъ, потому что все это составляло предметъ забавы и увеселенія для нашихъ благодѣтелей и вмѣстѣ съ тѣмъ заключало въ себѣ источникъ нашего будущаго благополучія—нашу фортуну и нашу карьеру! Наконецъ, послѣ долгихъ лѣтъ терпѣнія и томныхъ искательствъ, мы получили дипломы на званіе губернскихъ аристократовъ, съ правомъ володѣть сколько душѣ угодно. По началу свѣжій воздухъ провинціи сшибъ-было насъ съ ногъ; однако, свыкшись съ малолѣтства со всякаго рода огнепостоянностями, мы устояли и здѣсь, и мало того, что устояли, но даже озаботились устроить вокругъ себя ту самую атмосферу, которая всечасно напоминаетъ нашимъ носамъ переднія нашихъ благодѣтелей. Очевидно, что при такомъ направленіи умовъ всѣ наши симпатіи, всѣ вздохи и порыванія должны стремиться къ нему, къ этому милому Петербургу, гдѣ проведена была наша золотушная молодость и гдѣ у каждаго изъ насъ имѣется, по крайней мѣрѣ, по двадцати пяти штукъ пріятельски-знакомыхъ начальниковъ отдѣленія.

Дни прихода петербургской почты бываютъ въ нашемъ обществѣ днями какой-то тревожной и вмѣстѣ съ тѣмъ восторженной дѣятельности. Это и понятно, потому что въ эти дни мы получаемъ письма отъ нашихъ пріятелей—начальниковъ отдѣленія. Мы поспѣшаемъ другъ къ другу, чтобъ подѣлиться свѣжими вѣстями, и вотъ образуется между нами живая и интимная бесѣда.

— Ну, что, ваше превосходительство,—спрашиваю я у генерала Голубчикова:—получили что-нибудь изъ столицы?

— Какъ же-съ, какъ же-съ, ваше превосходительство!—отвѣчалъ генералъ, потирая руки:—графъ Петръ Васильe-

Digitized by Google

вичъ не оставляетъ-таки меня безъ пріятныхъ извѣстій о себѣ...

— Такъ вы получили письмо отъ самого графа?—спрашиваю я, нѣсколько подзадоренный.

— Мм... да,—отвѣчаетъ генералъ такимъ тономъ, какъ будто ему на все наплевать:—графъ частенько-таки изволитъ переписываться со мной!

— Мм... да,—произношу я и въ свою очередь, не желая уступить генералу Голубчикову, еще съ бо́льшимъ равнодушіемъ прибавляю:—а я такъ получилъ письмо отъ князя Николая Андреича... Каждую почту пишетъ! даже надоѣлъ старикъ!

И если при этомъ я положительно убѣжденъ, что генералъ Голубчиковъ совралъ постыднѣйшимъ образомъ, то генералъ, съ своей стороны, столь же положительно убѣжденъ, что и я совралъ не менѣе постыдно, что не мѣшаетъ намъ, однако, остаться совершенно довольными нашимъ разговоромъ.

— Скажите, пожалуйста! — удивляется въ другомъ углу его превосходительство Иванъ Ѳомичъ, слушающій чтеніе какого-то письма.

— «... внушили себѣ, будто на лбу ихнемъ фиговое дерево произрастаетъ, и никто сей горькой мысли изъ ума ихъ сіятельства изгнать не можетъ»,—раздается звучный голосъ статскаго совѣтника Генералова, читающаго вслухъ упомянутое письмо.

— Да правда ли это? Отъ кого вы получили это письмо?— сыплются съ разныхъ сторонъ вопросы.

— Отъ экзе... отъ директора, — скороговоркой поправляется статскій совѣтникъ Генераловъ, поспѣшно пряча письмо въ карманъ.

— А крѣпкій былъ старикъ!—говоритъ генералъ Голубчиковъ, котораго, какъ неслужащаго подъ начальствомъ таинственнаго «ихъ сіятельства», описанное выше происшествіе интересуетъ только съ психической точки зрѣнія.

— Н-да... крѣпкій...—въ раздумьи и словно машинально повторяетъ недавно опредѣленный молодой предсѣдатель Курилкинъ, при чтеніи письма какъ будто струсившій и поблѣднѣвшій.

— Я съ княземъ еще въ то время познакомился,—ораторствуетъ генералъ Голубчиковъ: — когда столоначальникомъ въ департаментѣ служилъ. И представьте себѣ, какой однажды со мной случай былъ...

Digitized by Google

— Н-да, случай!.. — повторяетъ Курилкинъ, у котораго уже помутились взоры отъ полученнаго извѣстія.

— Вы какъ будто нездоровы, Иванъ Павлычъ? — обращается съ участіемъ къ Курилкину Иванъ Ѳомичъ.

— Нѣтъ... я ничего, — скороговоркой отвѣчаетъ Курилкинъ:—au fait, что мнѣ князь?

— «Что онъ Гекубѣ, что она ему?» — раздается сзади шопотъ титулярнаго совѣтника Корепанова, принимаемаго, несмотря на свой чинъ, въ нашемъ маленькомъ аристократическомъ кружкѣ за comme il faut, но, къ сожалѣнію, разыгрывающаго непріятную роль какого-то губернскаго Мефистофеля.

— Да-съ, такъ вотъ какой у насъ съ княземъ случай былъ,—продолжаетъ генералъ Голубчиковъ:—вхожу я однажды въ пріемную къ князю, только вижу—сидитъ дежурный чиновникъ, а лицо незнакомое. Признаюсь, я еще въ то время подумалъ: «что это за чиновникъ такой? какъ будто бы дежурный, а лицо незнакомое?» Ну-съ, хорошо, подхожу я къ этому чиновнику и говорю: «Доложите ихъ сіятельству, что явился такой-то».—«Не принимаютъ, говоритъ, ихъ сіятельство нездоровы». Ну, а я съ графомъ былъ всегда въ короткихъ отношеніяхъ, слѣдственно для меня слово «не принимаютъ» не существовало... Вотъ и пришла мнѣ въ голову мысль: дай-ка, думаю, подтруню надъ молодымъ человѣкомъ, и, знаете, прессерьезно этакъ говорю ему: «Жаль, говорю, очень жаль, что не принимаютъ».—«Да-съ, говоритъ, не принимаютъ». Только, можете себѣ представить, въ это самое время распахивается дверь кабинета, и выходитъ оттуда камердинеръ князя, Павелъ Дороѳеичъ... Знаете Павла Дороѳеича?

— Знаемъ, знаемъ! Павла Дороѳеича цѣлый Петербургъ знаетъ!—кричимъ мы какъ-то особенно радостно.

— А изъ-за Павла Дороѳеича выглядываетъ и самъ князь. «А, говоритъ, это ты, Гаврилъ Петровичъ! а меня, братъ, сегодня «прохлады» совсѣмъ замучили (онъ «это» прохладами называлъ), такъ я не велѣлъ никого принимать... Ну, а тебя можно!..» Только, можете себѣ представить, какую изумленную физіономію скорчилъ при этомъ дежурный чиновникъ!

— Да, интересный случай! — замѣчаетъ статскій совѣтникъ Генераловъ, сладко вздыхая.

— Случай съ запахомъ,—перебиваетъ Корепановъ.

— Предобрый старикъ! — говоритъ его превосходитель-

Digitized by Google

ство Иванъ Ѳомичъ, поспѣшая заглушить своимъ голосомъ непріятную замѣтку Корепанова.

— Добрый, именно добрый!—не смущаясь, продолжаетъ генералъ Голубчиковъ: — и какое довѣріе ко мнѣ имѣлъ, такъ это даже непостижимо! Бывало, сидимъ мы съ глазу на глазъ: я бумаги докладываю, онъ слушаетъ. «А что, Гаврилъ Петровичъ, вдругъ скажетъ, прикажи-ка, братъ, мнѣ трубку подать!» Ну, я, разумѣется, сейчасъ брошусь: самъ все это сдѣлаю, самъ набью, самъ бумажку зажгу, самъ подамъ... И что-жъ вы думаете, господа, даже никакой я въ это время робости не чувствовалъ:—точно вотъ со своимъ братомъ, начальникомъ отдѣленія, бесѣдуешь! Онъ трубочку покуриваетъ, а я бумаги продолжаю докладывать... Просто какъ будто ничего не бывало!

— Жаль, очень жаль будетъ, если этакаго человѣка лишится отечество!—говоритъ Иванъ Ѳомичъ.

— Н-да... отечество! — повторяетъ Курилкинъ, повидимому возвратившійся къ прежнему раздумью.

— А еще говорятъ, что вельможи всѣ горды да неприступны!—продолжаетъ Иванъ Ѳомичъ.—Ничуть не бывало!

— Это говорятъ тѣ, ваше превосходительство, — весьма основательно замѣчаетъ генералъ Голубчиковъ: — которые настоящихъ-то вельможъ и въ глаза не видали. А вотъ какъ мы съ вами и въ халатикѣ съ ними посиживали, трубочки покуривали, такъ дѣйствительно можемъ удостовѣрить, что вся разница между вельможей и обыкновеннымъ человѣкомъ только въ томъ состоитъ, что у вельможи въ обхожденіи ароматъ какой-то есть...

— «Прохлады»!—ворчитъ сквозь зубы Корепановъ.

— Нашъ князь, — вступается статскій совѣтникъ Генераловъ: — такъ тотъ больше все лѣвой рукой дѣйствуетъ. И на стулъ лѣвой рукой указываетъ, и подаетъ все лѣвую руку.

— А что вы думаете?—говоритъ генералъ Голубчиковъ:— вѣдь это именно правда, что у вельможъ лѣвая рука всегда какъ-то болѣе развита!

— И полагаю, что въ этомъ свой расчетъ есть, — глубокомысленно замѣчаетъ Иванъ Ѳомичъ.

— То-есть не столько расчетъ, сколько грація,—возражаетъ Голубчиковъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство: не грація, а именно расчетъ-съ.

— Нѣтъ... зачѣмъ же непремѣнно «расчетъ»! Я, на-

Digitized by Google

противъ того, положительно убѣжденъ, что грація, — говоритъ Голубчиковъ, задѣтый за живое настойчивостью Ивана Ѳомича.

— А я, *напротивъ того, положительно убѣжденъ,* что расчетъ, я имѣю на это доказательства.

— Это очень любопытно!

— И именно я полагаю, что всякій вельможа хочетъ этимъ дать понять, что правая рука у него занята государственными соображеніями.

— Ну-съ... а лѣвая рука тутъ зачѣмъ-съ?

— А лѣвая рука, какъ свободная отъ занятій, предлагается посѣтителямъ-съ...

— Ну-съ... а дальше что-съ?

— Ну-съ, а дальше то же самое!

— Та-а-къ-съ!

Съ прискорбіемъ мы замѣчаемъ, что генералы наши не прочь посчитаться другъ съ другомъ. Извѣстно намъ, что между ними издревле существуетъ худо скрытая вражда, основаніемъ которой служитъ взаимное соперничество по части знакомства съ вельможами. Поэтому, хотя мы и питаемъ надежды на деликатность генерала Голубчикова, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуемъ, что еще одна маленькая капелька, и генеральское сердце безвозвратно преисполнится скорбью. Дѣйствительно, онъ взираетъ на Ивана Ѳомича съ кроткимъ, но горестнымъ изумленіемъ; Иванъ же Ѳомичъ не только не тронутъ этимъ, но, напротивъ того, устроилъ руки свои фертомъ, и въ этомъ положеніи какъ будто посмѣивается надъ всѣми громами и молніями. Положеніе дѣлается до такой степени натянутымъ, что статскій совѣтникъ Генераловъ считаетъ своею обязанностью немедленно вмѣшаться въ это дѣло.

— Я думаю, ваше превосходительство,— обращается онъ къ генералу Голубчикову:— что и въ самой граціи можетъ быть расчетъ, точно такъ же, какъ въ расчетѣ можетъ быть грація...

— Дѣло возможное!—отвѣчаетъ генералъ холодно, явно показывая, что онъ старый воробей, котораго никакими компромиссами не надуешь.

Разговоръ снова заминается, и всѣ мы чувствуемъ себя нѣсколько сконфуженными. Холодность генерала свинцовой тучей легла на наше общество, и нѣтъ, кажется, столь сильнаго солнечнаго луча, который могъ бы съ успѣхомъ разбить эту тучу. Мы всѣ знаемъ, что Голубчиковъ пре-

Digitized by Google

амбиціозный старикъ, и что едва ли онъ не единственный изъ нашихъ аристократовъ, о которомъ мы съ увѣренностью можемъ сказать, что онъ въ одинъ платокъ съ вельможами сморкается. Всѣ мы, прочіе, въ этихъ случаяхъ болѣе или менѣе прилыгаемъ, и если увѣряемъ иногда, что при такихъ-то обстоятельствахъ такой-то князь сказалъ намъ «ты» и назвалъ «любезнѣйшимъ», то этому можно вѣрить и не вѣрить. Но генералъ Голубчиковъ дѣйствительно вполнѣ чистъ въ этомъ отношеніи, и если ужъ скажетъ, напримѣръ, что однажды въ его присутствіи князь Петръ Алексѣичъ учинилъ декольтѐ, то никто не имѣетъ повода усомниться, что это именно такъ и было. «И для чего бы Ивану Ѳомичу не уступить! — думаемъ мы, внутренно соболѣзнуя о происшедшемъ. — Съ одной стороны, Ивану Ѳомичу слѣдовало бы сдѣлать небольшую уступочку, а съ другой, и генералу не мѣшало бы взглянуть на дѣло поснисходительнѣе... и все было бы ладно, все было бы смирно, и мирно, и очень хорошо — такъ-то! А то вотъ дернула нелегкая — ахти-хти-хти!» По покуда мы только разсуждаемъ, статскій совѣтникъ Генераловъ уже принимаетъ дѣйствительныя мѣры къ замиренію враждующихъ сторонъ. Онъ прежде всего начинаетъ заигрывать съ генераломъ Голубчиковымъ, какъ наиболѣе неподатливымъ.

— Не получили ли чего-нибудь отъ графа насчетъ «этого» (крестьянскаго) дѣла, ваше превосходительство?—спрашиваетъ онъ.

— Получилъ-съ, — упорствуетъ генералъ въ холодности.

— Ваше превосходительство всегда самыя вѣрныя свѣдѣнія имѣть изволите, — не менѣе упорно продолжаетъ заигрывать Генераловъ.

— Самъ по себѣ я никакихъ свѣдѣній не имѣю, но конечно... довѣріе его сіятельства... однимъ словомъ, могутаки въ нѣкоторыхъ дѣлахъ посодѣйствовать...

— Какъ же-съ, какъ же-съ, ваше превосходительство! Вѣдь вы съ графомъ-то даже нѣсколько «свои»?

— Даже и не нѣсколько, — отвѣчаетъ генералъ, постепенно смягчаясь:—потому что моя Анна Ѳедоровна положительнымъ образомъ приходится внучатной племянницей Прасковьѣ Ивановнѣ, а Прасковья Ивановна, какъ вамъ извѣстно...

— Да, если кто заслужить у графа желаетъ, такъ это именно что стоитъ только къ Прасковьѣ Ивановнѣ дорогу найти!—восклицаемъ мы хоромъ.

Digitized by Google

— И представьте, что я открылъ это родство совершенно случайно! Однажды прихожу къ Прасковьѣ Ивановнѣ по хозяйственнымъ ея дѣламъ, а ей вдругъ и приди на мысль спросить меня: «а что, говоритъ, ты женатъ или холостой?»— Женатъ, говорю, ваше сіятельство, на Грѣховой.— «Ахъ, говоритъ, да вѣдь жена-то твоя мнѣ внучатной племянницей приходится!» Начали мы тутъ разбирать да распутывать — анъ и открылось! А не приди ей на мысль спросить меня—такъ бы оно и осталось подъ спудомъ...

Хотя мы неоднократно уже слышали этотъ анекдотъ, но считаемъ долгомъ и на сей разъ выслушать его съ полнымъ благоговѣніемъ. Вообще, ничто такъ не услаждаетъ нашихъ досуговъ, какъ разборъ родства и свойства сильныхъ міра сего. Повидимому, это весьма мало до насъ касается, потому что собственно наши родственники суть экзекуторы и экспедиторы, но таково уже свойство людей происхожденія благороднаго, что они постоянно стремятся къ сферамъ возвышеннымъ, низменности же предоставляютъ низкому классу. Не радостно ли, напримѣръ, услышать, что графъ Алексѣй Николаичъ выдаетъ дочь свою замужъ за сына князя Льва Семеныча? Не интересно ли при этомъ сообразить, что за молодою княгинею дано въ приданое столько-то тысячъ душъ, да у молодого князя съ своей стороны столько-то тысячъ? Не знаю, какъ въ другихъ мѣстахъ, а въ нашемъ городѣ и въ нашемъ обществѣ всякая новая семейная радость нашихъ вельможъ поистинѣ составляетъ семейную радость каждаго изъ насъ.

— Да, господа, геральдика важная вещь!—продолжаетъ, между тѣмъ, Голубчиковъ:—и нельзя не сожалѣть, что въ нашемъ отечествѣ наука эта находится еще въ младенческомъ состояніи...

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ напоминаній, Иванъ Ѳомичъ, который доселѣ пребываетъ въ задумчивости, дѣлаетъ первый шагъ, чтобъ окончательно смягчить неудовольствіе генерала Голубчикова.

— И благопріятныя извѣстія изволили получить, ваше превосходительство? — вопрошаетъ онъ заискивающимъ голосомъ.

— Самыя благопріятныя-съ.

— То-есть, въ какомъ же родѣ?

— Въ самомъ благонадежномъ-съ. Короче сказать: опасеній никакихъ имѣть не слѣдуетъ.

Генералъ окидываетъ насъ торжествующимъ окомъ. Мы

Digitized by Google

всѣ легко и весело вздрагиваемъ; нѣкоторые изъ насъ произносятъ: «слава Богу!» и крестятся.

И не оттого совсѣмъ мы крестимся, чтобъ отъ «этого» дѣла былъ для насъ ущербъ или посрамленіе, а оттого единственно, что спокойствіе и порядокъ любимъ. Сами по себѣ мы не землевладѣльцы, и хотя у насъ имѣются нѣкоторыя благопріобрѣтенныя маетности, но онѣ заключаются преимущественно въ ломбардныхъ билетахъ, которые мы спѣшимъ въ настоящее время промѣнивать на пятипроцентные. Итакъ, не корысть и не холодный эгоизмъ руководятъ нашими дѣйствіями и побужденіями, а собственно, такъ сказать, патріотизмъ. Сей послѣдній въ различныхъ людяхъ производитъ различныя дѣйствія. Иныхъ побуждаетъ онъ лѣзть на стѣну, иныхъ стулья ломать... насъ же побуждаетъ стоять смирно. Согласитесь, что и это своего рода дѣйствіе. Мы до такой степени любимъ наше отечество въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало и существуетъ издревле (au naturel), что не смѣемъ даже вообразить себѣ, чтобъ могли потребоваться въ фигурѣ его какія-нибудь измѣненія. Конечно, мы не хуже другихъ понимаемъ, что нельзя иногда безъ того, чтобъ фестончикъ какой-нибудь не поправить... ну, тамъ помощника, что ли, къ становому прикинуть, или даже и цѣлый департаментикъ, для пользы общей, сочинить — слова нѣтъ! Но все это такъ, чтобъ величія-то древняго не нарушить, чтобъ гармонію-то прежнюю соблюсти, чтобъ всякое дыханіе Бога хвалило, чтобъ и травка—и та радовалась!

Такой образъ мыслей, по мнѣнію моему, есть самый благонадежный и основанный на истинномъ пониманіи вещей. Чтобъ сдѣлать мысль мою осязательнѣе, прибѣгну къ сравненію. Благоразумно ли было бы съ моей стороны, если бы я, напримѣръ, заявилъ желаніе, чтобъ у генерала Голубчикова былъ римскій носъ? Нѣтъ, неблагоразумно. Во-первыхъ, потому, что онъ и нынѣ состоящимъ у него на лицѣ учтиво вздернутымъ башмачкомъ приводитъ въ трепетъ сердца всѣхъ повивальныхъ бабокъ, а во-вторыхъ, потому, что мѣсторожденіе римскихъ носовъ — Римъ, а не Россія (самое названіе достаточно о томъ свидѣтельствуетъ). Другой вопросъ: благоразумно ли было бы, если бы я пожелалъ, чтобъ на скотномъ дворѣ пахло фіалкой, а не навозомъ? Нѣтъ, неблагоразумно, ибо запахъ фіалки приличествуетъ гостинымъ, а не скотнымъ дворамъ. Примѣровъ подобнаго рода безумныхъ желаній можно привести

Digitized by Google

множество, но и приведенныхъ двухъ, кажется, вполнѣ достаточно, чтобъ убѣдить всѣхъ и каждаго, что въ иныхъ случаяхъ желаніе нововведеній и какихъ-то тамъ перемѣнъ совершенно равносильно тому, какъ бы кто настаивалъ, чтобъ у отечества нашего выросъ римскій носъ.

— Итакъ, это дѣльце въ архивъ можно сдать? — говоритъ Иванъ Ѳомичъ, весело потирая руки.

— Какъ видно-съ.

— Да-съ; это, что называется...

— Всегда должно было ожидать.

— А вѣдь сначала-то оно было-пошло... тово...

— Да, бойко, бойко было-пошло.

— Политика—и больше ничего!

— Конечно, политика! Да оно и натурально, — продолжаетъ ораторствовать Голубчиковъ: — мы только тѣмъ и крѣпки, господа, что никогда никакихъ вредныхъ нововведеній не принимали, а жили, съ помощью Божіей, какъ завѣщали намъ предки.

— Однако, Петръ Великій, ваше превосходительство?..— учтиво замѣчаетъ Генераловъ.

— Ну, что-жъ... хоть и Петръ Великій! Бороды сбрить приказать изволилъ—и больше ничего!

— Регулярное войско завелъ-съ! — дикимъ голосомъ отзывается изъ отдаленнаго угла батальонный командиръ, который упорно молчалъ, покуда, по его мнѣнію, разговоръ касался гражданской части.

— Ужъ Петръ Михайловичъ не можетъ утерпѣть безъ того, чтобъ за свою часть не заступиться!— говоритъ Иванъ Ѳомичъ, ласково подмигивая.

— Въ гражданскую часть не вступаюсь-съ, а своего дѣла не упущу-съ!— какъ-то особенно исправно скандуетъ командиръ, какъ будто получаетъ за это благодарность по корпусу.

— Ну, что-жъ!.. хоть бы и регулярное войско!—не смущается Голубчиковъ:—это только для спокойствія—и больше ничего! Однако, никакихъ этакихъ машинъ, или, напримѣръ, чтобъ Иванъ назывался Матвѣемъ, а Матвѣй—Сидоромъ (какъ нынче)—ничего этого не бывало!

— А нынче это бываетъ?— любознательно спрашиваетъ Корепановъ.

— Бываетъ-съ,—холодно отвѣчаетъ Голубчиковъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что размышленія и соображенія насчетъ величественнаго хода нашей исторіи могли бы завлечь

Digitized by Google

насъ довольно далеко, но появленіе милой хозяйки дома весьма естественно прерываетъ тонкую нить нашихъ историческихъ разысканій. Анна Ѳедоровна издревле пользуется репутаціей любезности и неотразимой очаровательности. Еще въ Казани, въ домѣ своихъ родителей, она уже умѣла быть самою пріятною и самою занимательною изо всѣхъ туземныхъ дѣвицъ, несмотря на то, что въ этомъ городѣ, при помощи разныхъ учебныхъ заведеній, уровень любезности вообще стоитъ довольно высоко. Потомъ, принявъ къ себѣ въ компанію генерала Голубчикова, Анна Ѳедоровна сдѣлала съ нимъ не столько артистическое, сколько полезное путешествіе по Россіи, успѣла очаровать Пермь, оставила отрадное впечатлѣніе въ Рязани и овладѣла всѣми сердцами въ Симбирскѣ. Въ настоящее время она предсѣдательствуетъ въ нашемъ городѣ, и предсѣдательствуетъ съ тѣмъ тактомъ, который ясно свидѣтельствуетъ, что, и не выходя изъ министерства финансовъ, женщина можетъ оставаться обворожительною. Хотя она является въ нашемъ (мужскомъ) обществѣ на минуту, тѣмъ не менѣе, ни одного изъ насъ не оставитъ безъ того, чтобы не подарить какою-нибудь любезностью, доказывая тѣмъ осязательно, что для умной женщины минута имѣетъ не шестьдесятъ секундъ, а столько, сколько ей захочется. Мнѣ сказывали (не знаю, въ какой степени это достовѣрно), что она даже секретаря своей палаты не оставляетъ безъ вопроса о здоровьи жены и дѣтей его, въ то время, когда этотъ достойный мужъ, посидѣвъ съ утреннимъ визитомъ въ кабинетѣ его превосходительства, съ пустыми руками и красный, какъ ракъ, перебѣгаетъ черезъ залъ въ прихожую.

— Вы, конечно, серьезными дѣлами заняты, messieurs?— обращается она, окидывая всѣхъ насъ ласковымъ взоромъ.

— Нѣтъ, тряпками!—любезно отзывается генералъ, который между дамами нашего общества пользуется репутаціей милаго гроньяра.

— Однако, мужчины имѣютъ о бѣдныхъ женщинахъ самое обидное понятіе, какъ будто мы только и можемъ быть заняты, что тряпками...—говоритъ генеральша, слегка вздыхая.

И затѣмъ, сдѣлавъ каждому изъ насъ пріятный вопросъ («la santé de madame est toujours bonne?» или: «а у вашего Колечки уже прорѣзались зубки, Иванъ Ѳомичъ?»), она удаляется, увлекши за собой во внутренніе покои Корепанова, который, какъ человѣкъ молодой и холостой, мо-

Digitized by Google

жетъ, конечно, принести больше удовольствія ея demoiselles, нежели намъ.

Послѣ этого изъ внутреннихъ покоевъ къ намъ высылается превосходно сервированный чай, съ превкусными сдобными булками, причемъ генералъ весьма привѣтливо замѣчаетъ: «вотъ это такъ дамское дѣло... хозяйничать... чай разливать»...

— А вѣдь русскій народъ именно добрый народъ!— говоритъ Иванъ Ѳомичъ, который, какъ любитель отечественной старины (онъ въ свое время, служа въ департаментѣ, цѣлый архивъ въ порядокъ привелъ), сгораетъ нетерпѣніемъ навести разговоръ на прежнюю тему.

— Кроткій народъ! — подтверждаетъ генералъ Голубчиковъ.

— И терпѣливъ-съ!—отзывается командиръ.

— Н-да; этакой народъ стоитъ того, чтобъ о немъ позаботиться! — говоритъ генералъ, и въ глаза его внезапно закрадывается какое-то удивительное блаженство, чуть-чуть лишь подернутое меланхоліей, какъ будто онъ въ ту же минуту радъ-радёхонекъ былъ бы озаботиться, но это не отъ него зависитъ.

— Въ нынѣшнемъ году всѣ пайки простилъ-съ! — вмѣшивается командиръ.

— Всѣ?— спрашиваетъ Голубчиковъ, въ концѣ побѣжденный такимъ великодушіемъ.

— Рѣшительно всѣ-съ!

— Какая, однакожъ, похвальная черта!

— Желательно было бы, знаете, изучить его, — предлагаетъ Иванъ Ѳомичъ.

— То-есть, въ какомъ же это смыслѣ?

— Ну, тамъ... нужды... желанія...

— Гм!.. я, однакожъ, не думаю, чтобъ это могло принести ожидаемую пользу...

— Почему же, ваше превосходительство?

— А потому, ваше превосходительство, что тутъ нѣтъ именно того, что мы, люди образованные, привыкли разумѣть подъ именемъ нуждъ и желаній.

— Согласитесь, однакожъ, что нужды и желанія могутъ рождаться не только сами по себѣ, но и посредствомъ возбужденія, ваше превосходительство! Оставьте, напримѣръ, меня въ покоѣ—ну, я, конечно, не буду имѣть ни нуждъ, ни желаній, а предпиши-ка мнѣ кто-нибудь: «ты, любезный, обязанъ имѣть нужды и ощущать желанія»...

Digitized by Google

повѣрьте, ваше превосходительство, что тѣ и другія явятся непремѣнно!

— Все это очень можетъ быть, но позвольте одинъ нескромный вопросъ: лучше ли будетъ?

— Если, ваше превосходительство, изволите разсматривать вопросъ съ этой точки зрѣнія...

— Не видимъ ли мы примѣровъ, что желанія только отравляютъ жизнь человѣка?

— Этого, конечно, нельзя отрицать-съ...

— Не встрѣчаемъ ли мы на каждомъ шагу, что тѣ люди самые счастливые, у которыхъ желанія ограничены, а нужды не выходятъ изъ предѣловъ благоразумія?

— Это всеконечно-съ...

— Слѣдовательно, ваше превосходительство, на это дѣло надо взглянуть не съ одной, а съ различныхъ точекъ зрѣнія...

Иванъ Ѳомичъ соглашается безусловно, и разговоръ, повидимому, истощается. Сознаюсь откровенно, мы недовольны этимъ. Ужъ давно заглядываемся мы на зеленые столы, разставленные въ залѣ, а искренній пріятель мой, Никита Ѳедорычъ Птицынъ (званіемъ помѣщикъ), еще полчаса тому назадъ, предварительно толкнувъ меня въ бокъ, сказалъ мнѣ по секрету: «что за чушь несутъ наши генералы! давно бы пора за дѣло, а потомъ и водку пить!» И хотя я въ то время старался замять такой странный разговоръ, но внутренно—не смѣю въ томъ не покаяться!— не могъ не пожелать, чтобъ Иванъ Ѳомичъ какъ можно скорѣе согласился съ генераломъ и чтобъ всѣ эти серьезныя дѣла были отложены.

Но и на этотъ разъ надеждамъ нашимъ не суждено сбыться, потому что едва лишь генералъ открываетъ ротъ, чтобъ сказать: «а не пора ли, господа, и за дѣло?» какъ двери съ шумомъ отворяются, и въ комнату влетаетъ генералъ Рылоновъ (въ сущности, онъ не генералъ, но мы его въ шутку такъ прозвали), запыхавшійся и озабоченный.

— Слышали, ваше превосходительство?—обращается онъ къ хозяину дома.—Шалимовъ въ трубу вылетѣлъ!

— Съѣлъ Забулдыгинъ!—восклицаемъ мы хоромъ.

— Скажите, пожалуйста!—отдѣляется голосъ Голубчикова.—И такъ-таки безъ всякихъ онеровъ?

— Безо всего-съ; даже никуда не причисленъ-съ.

— Что называется, умеръ безъ покаянія!—справедливо замѣчаетъ Иванъ Ѳомичъ.

Пѣхотный командиръ дико гогочетъ. Голубчиковъ долго

Digitized by Google

не можетъ придти въ себя отъ удивленія и время отъ времени повторяетъ: «скажите, пожалуйста!»

— А вѣдь нельзя сказать, чтобъ глупый человѣкъ былъ!— говоритъ Генераловъ.

— Ничего особеннаго,—возражаетъ Рылоновъ.

— Все около свѣчки леталъ!

— А главное, то забавно, что свѣчку-то нашу сальную за солнце принималъ...

— Анъ, и обжогъ крылышки!

— Ахъ, господа, господа! Какъ знать, чего не знаешь! Какъ солнышка-то нѣтъ, такъ и сальную свѣчку поневолѣ за солнце примешь!—говоритъ Голубчиковъ, впадая, по случаю превратности судебъ, въ сугубую сентиментальность.

— Все, знаете, какого-то смысла искалъ...

— Даже въ нашей канцелярской работѣ...

— Смѣшно слушать!

— Всѣхъ столоначальниковъ съ ногъ смоталъ!

— И что, напримѣръ, за расчетъ былъ ссориться съ Забулдыгинымъ, — продолжаетъ Голубчиковъ:—рѣшительно не могу понять! Я самъ вотъ, какъ видите, не разъ ему говорилъ: «да плюньте вы на него, Николай Иванычъ!» Такъ нѣтъ, куда тебѣ. «Плюнуть-то, говоритъ, я на него, пожалуй, плюну, только вѣдь и растереть потомъ надо, ваше превосходительство!»

— Анъ, вонъ и растирай теперь!

— Грани теперь въ Питерѣ мостовую, покуда приличное мѣсто отыщешь...

— Это какъ по-нашему говорится: cherche!—замѣчаетъ командиръ.

— А плюнулъ бы, такъ и все бы ладно!

— Оно, конечно, ваше превосходительство, что лучше плюнуть, но вѣдь, съ другой стороны, и сердце иногда болитъ!—возражаетъ статскій совѣтникъ Генераловъ.

— И ой-ой, еще какъ болитъ!—развиваетъ Иванъ Ѳомичъ.

— И все-таки плюнуть! — упорствуетъ Голубчиковъ.— Да помилуйте, господа, что-жъ это за ребячество! Ну, вы представьте себѣ, напримѣръ, меня: ну, иду я по улицѣ и встрѣчаю на пути своемъ неприличную кучу... Неужели я стану огрызаться на нее за то, что она на пути моемъ легла? Нѣтъ, я плюну на нее и, плюнувши, осторожно обойду.

— Нѣтъ-съ, ваше превосходительство, я насчетъ этого не могу пристать къ вашему мнѣнію,—возражаетъ Иванъ

Digitized by Google

Ѳомичъ.—Конечно, на кучу, такъ сказать, неодушевленную и, слѣдовательно, не своимъ произволомъ накиданную, сердиться смѣшно, но въ оврагъ ее свалить все-таки слѣдуетъ-съ.

— А если оврагъ ужъ заваленъ.

— И, ваше превосходительство! въ губернскомъ городѣ чтобъ не нашлось мѣста для нечистотъ! Да это Боже упаси!

— А я все-таки продолжаю утверждать, что слѣдуетъ плюнуть и больше ничего!

— Нѣтъ, вы мнѣ объясните, за что они передрались?— спрашиваетъ Генераловъ.

— Да вѣрно ли это?

— Ты, генералъ, не совралъ ли?

— Вѣдь ты, ваше превосходительство, здоровъ врать-то!

— Помилуйте-съ, сейчасъ изъ клуба-съ; Забулдыгинъ самъ всѣмъ разсказываетъ!

— Чай, шампанское на радостяхъ лакаетъ?

— Не безъ того-съ.

— Ну, значитъ, крупно наябедничалъ!

— А жаль молодого человѣка. Еще намеднись говорилъ я ему: «плюньте Николай Иванычъ!» Такъ нѣтъ же!

Для объясненія этой сцены, считаю не излишнимъ сказать нѣсколько словъ о Шалимовѣ и Забулдыгинѣ.

Шалимова мы вообще не любили. Человѣкъ этотъ, будучи поставленъ природою въ равныя къ намъ отношенія, постоянно предъявлялъ наклонности странныя и даже отчасти подлыя. Дружелюбный съ низшимъ сортомъ людей, онъ былъ самонадѣянъ и даже заносчивъ съ равными и высшими. Къ красотамъ природы былъ равнодушенъ, а къ человѣческимъ слабостямъ предосудительно строгъ. Глумился надъ пристрастіемъ генерала Голубчикова къ женскому полу, хотя всякій благомыслящій гражданинъ долженъ понимать, что человѣкъ его лѣтъ (т. е. преклонныхъ) и при томъ имѣющій хорошія средства, не можетъ безъ сего обойтись. Дѣйствія Забулдыгина порицалъ открыто и (что всего важнѣе) позволялъ себѣ разныя колкости насчетъ его дѣйствительно несоотвѣтствующаго своему назначенію носа. Вообще же видѣлъ предметы какъ бы наизнанку и походилъ на человѣка, который, не воздвигнувъ еще новаго зданія, желаетъ подкопаться подъ старое. Желаніе тѣмъ болѣе пагубное, что въ послѣднее время уже неоднократно являлись примѣры исполненія его. Слѣ-

Digitized by Google

довательно, удаленіе такого человѣка должно было не огорчить, но обрадовать насъ. И думаю, что принесенное Рыловымъ извѣстіе произвело именно подобнаго рода дѣйствіе; хотя же генералъ Голубчиковъ и заявилъ при этомъ нѣкоторое сожалѣніе, но должно полагать, что это сдѣлано имъ единственно по чувству христіанскаго человѣколюбія.

Что же касается Забулдыгина, то человѣкъ этотъ представляетъ нѣкоторый психическій ребусъ, доселѣ остающійся неразгаданнымъ. Повидимому, и въ мнѣніяхъ о природѣ вещей онъ съ нами не разнствуетъ, и на откупа смотритъ съ разумной точки зрѣнія, и въ гражданскихъ доблестяхъ никому не уступитъ; тѣмъ не менѣе, есть въ немъ нѣчто такое, что заставляетъ насъ избѣгать искреннихъ къ нему отношеній. Это «нѣчто» есть странный нѣкій административный лай, который, какъ бы независимо отъ него самого, природою въ него вложенъ. Иной разъ онъ видимо приласкать человѣка хочетъ, но вдругъ какъ бы чѣмъ-либо поперхнется и, вмѣсто ласки, подниметъ столь озлобленный лай, что даже вчужѣ слышать больно. Такіе люди бываютъ. Иной даже свой собственный носъ въ зеркалѣ увидитъ и тутъ уже думаетъ: «а славно было бы, кабы этотъ поганый носъ откусить или отрѣзать! Но если онъ о своемъ носѣ такъ помышляетъ, то какъ мало долженъ пещись о носахъ, ему не принадлежащихъ! Очевидно, сіи послѣдніе не могутъ озабочивать его нисколько. Многіе полагаютъ, что озлобленіе Забулдыгина происходитъ частью отъ причинъ гастрическихъ (пьянства и обжорства), частью же отъ огорченія, ибо, надо сказать правду, Забулдыгинъ не мало-таки потасовокъ въ жизни претерпѣлъ. Но намъ отъ этого не легче, потому что лай Забулдыгина не только на Шалимова съ компаніей, но и на всѣхъ насъ безъ различія простирается, хотя съ нашей стороны, кромѣ уваженія къ отеческимъ преданіямъ и соблюденія издревле установленныхъ въ палатахъ обрядовъ, ничего противоестественнаго или пасквильнаго не допускается. А потому, въ семъ отношеніи, поступки Забулдыгина я ни съ чѣмъ другимъ сравнить не умѣю, кромѣ злобы ограниченной отъ природы шавки, лающей на собственный свой хвостъ, въ которомъ, отъ ея же неопрятности, завелись различныя насѣкомыя.

Пора, однакожъ, кончить съ Шалимовымъ и Забулдыгинымъ, воспоминаніе о которыхъ отравляетъ пріятные часы

Digitized by Google

нашего существованія. Уже давно ждутъ насъ гостепріимные зеленые столы, и генералъ Голубчиковъ съ любезной улыбкой останавливается передъ каждымъ изъ насъ, предлагая по карточкѣ. Въ продолженіе послѣдующихъ двухъ часовъ со всѣхъ сторонъ раздаются лишь веселые возгласы, и могу сказать смѣло, что даже проигрышъ денегъ, обыкновенно располагающій человѣка къ скорби и унынію, не нарушаетъ общаго пріятнаго настроенія духа.

Въ особенности отличается пѣхотный командиръ, который за картами хочетъ вознаградить себя за нѣсколько часовъ тягостнаго молчанія, наложеннаго имъ на себя въ продолженіе вечера.

— Греческій человѣкъ Трефандосъ!—восклицаетъ онъ, выходя съ трефъ.

Мы всѣ хохочемъ, хотя Трефандосъ этотъ является на сцену аккуратно каждый разъ, какъ мы садимся играть въ карты, а это случается едва ли не всякій вечеръ.

— Фики!—продолжаетъ командиръ, выходя изъ пиковой масти.

— Ой, да перестань же, пострѣлъ!—говоритъ генералъ Голубчиковъ, покатываясь со смѣху.—Вѣдь этакъ я всю игру съ тобой перепутаю.

Такимъ образомъ мы пріятно проводимъ остальную часть вечера, вплоть до самаго ужина.

Кто что ни говори, а карты для служащаго человѣка вещь совершенно необходимая. День-то-деньской слоняясь по правленіямъ да по палатамъ, поневолѣ умаешься и захочешь отдохнуть. А какое отдохновеніе можетъ быть приличнѣе картъ для служащаго человѣка? Вино пить—непристойно; книжки читать—скучно, да и пишутъ нынче все какія-то безнравственности; разговоромъ постоянно заниматься—и нельзя, да и матерію не скоро отыщешь; съ дамами любезничать — для этого въ наши лѣта просторъ требуется; на молодыхъ утѣшаться—утѣшенья-то мало видишь, а все больше озорство одно... Словомъ сказать, вездѣ какъ будто пустыни. А карты—святое дѣло. За картами и время скорѣе уходитъ, и сердцу волю даешь, да и не проболтаешься. Иной разъ и чешется языкъ что-нибудь лишнее сказать, анъ тутъ десять безъ козырей сосѣду придетъ — ну, и промолчишь поневолѣ. Нѣтъ, карты именно благодѣтельная для общества вещь—это я не одинъ скажу.

Но вотъ и ужинъ. Кушанья подаются не роскошныя, но сытныя и здоровыя. Подкрѣпивши себя рюмкой водки, мы

Digitized by Google

весело садимся за столъ и съ новою силой возобновляемъ прерванную преферансомъ бесѣду. Вспоминается милое старое время, вспоминаются молодые годы и сопровождавшія ихъ канцелярскія проказы, вспоминаются добрые начальники, охранители нашей юности и благодѣтели нашей старости, и быстро летятъ часы и минуты подъ наплывомъ этихъ веселыхъ воспоминаній!

Такъ проводимъ мы свободные отъ служебныхъ занятій часы, и могу сказать по совѣсти, что наступающій затѣмъ сумракъ ночи не вызываетъ за собой никакихъ видѣній, которыя могли бы возмутить нашъ душевный покой. И въ самомъ дѣлѣ, перелистывая книгу моей жизни (книгу для многихъ столь горькую), я нахожу въ ней лишь слѣдующее:

Такого-то числа, всталъ, умылся, помолился Богу, былъ въ палатѣ, гдѣ пользовался правами и преимуществами, предоставленными мнѣ закономъ и древними обычаями родины; обѣдалъ, послѣ обѣда отдыхалъ, вечеръ же провелъ въ безобидныхъ для ближняго разговорахъ и увеселеніяхъ.

Такого-то числа, всталъ, умылся, помолился Богу, былъ въ палатѣ и т. д., т. е. одно и то же ровно столько разъ, сколько, по благости Провидѣнія, суждено будетъ прожить мнѣ дней въ земной сей юдоли.

VIII.—Деревенская тишь.

Утро. Кондратій Трифонычъ Сидоровъ спалъ ночь скверно и въ величайшей тоскѣ слоняется по опустѣлымъ комнатамъ деревенскаго своего дома. Комнатъ цѣлый длинный рядъ, и слоняться есть гдѣ; нѣкогда онъ гордился этимъ рядомъ залъ, гостиныхъ, диванныхъ и проч., и даже называлъ ихъ анфиладою, произнося *н* нѣсколько въ носъ; теперь онъ относится къ анфиладѣ иронически и, принимая гостей, говоритъ просто: «а вотъ и сараи мои!»

На дворѣ зима и стужа; въ комнатахъ свѣжо, окна слегка запушило снѣгомъ, видъ изъ этихъ оконъ неудовлетворительный: земля покрыта бѣлой пеленою, рѣчка скована, людскія избы занесло сугробами, деревня представляется издали какою-то безобразною кучею почернѣвшей соломы... Бѣло, голо и скучно!

Походитъ-походитъ Кондратій Трифонычъ и остановится. Иногда потретъ себѣ ладонью по животу и слегка постонетъ; иногда подойдетъ къ окну и побарабанитъ въ стекло. Вонъ по дорогѣ ѣдутъ въ одиночку сани, въ саняхъ зава-

Digitized by Google

лился мужикъ; проѣзжаетъ мимо барскаго дома и шапки не ломаетъ.

«Ладно!»—думаетъ Кондратій Трифонычъ.

И опять начинаетъ ходить по своимъ «сараямъ», и опять остановится. Посмотритъ на сапоги, просторно ли они сидятъ на ногѣ, вытянетъ ногу, чтобъ удостовѣриться, крѣпко ли штрипки пришиты и не морщатъ ли брюки.

— Ванька, квасу!—кричитъ Кондратій Трифонычъ.

Ванька бѣжитъ изъ лакейской и подаетъ на подносѣ стаканъ съ пѣнящимся квасомъ. Но Кондратію Трифонычу кажется, что онъ не подаетъ, а суетъ.

— Что ты суешь? что ты мнѣ суешь? — вскидывается онъ на Ваньку.

— Ничего я не сую!—отвѣчаетъ Ванька.

«Ладно!»—думаетъ Кондратій Трифонычъ.

И опять начинается ходьба. Кондратій Трифонычъ останавливается передъ стѣнными часами и пристально смотритъ на циферблатъ; посрединѣ циферблата крупными буквами изображено: London, а внизу болѣе мелкимъ: Nossoff à Moscou. Все это онъ сто разъ видѣлъ, надъ всѣмъ этимъ сто разъ острилъ, но онъ все-таки смотритъ, какъ будто хочетъ выжать изъ надписи какую-то новую, неслыханную еще остроту. Часы стучатъ мѣрно и однообразно: тикъ-такъ, тикъ-такъ; Кондратій Трифонычъ вторитъ имъ: «тикё-такё, тикё-такё», притопывая въ тактъ ногою. Наконецъ, и это прискучиваетъ; онъ снова подходитъ къ окну и начинаетъ вглядываться въ деревню. Оттуда не слышно ни единаго звука; только сѣрые дымки вьются надъ хижинами добрыхъ поселянъ. Кондратію Трифонычу, неизвѣстно съ чего, приходитъ на мысль слово «антагонизмъ», и онъ начинаетъ пѣть: «антагонизмъ! антагонизмъ!» выговаривая букву *н* въ носъ. Все это заканчивается свистомъ, на который опять вбѣгаетъ Ванька.

— Ты что на меня глаза вытаращилъ? — напускается на него Кондратій Трифонычъ.

— Ничего я не вытаращилъ!—отвѣчаетъ Ванька.

— Ладно! — говоритъ Кондратій Трифонычъ: — пошелъ, позови Агашку!

Черезъ минуту является Ванька и докладываетъ, что Агашка не идетъ.

— Почему-жъ она не идетъ?

— Говоритъ: «не пойду!»

— Только и говоритъ?

Digitized by Google

— Только и говоритъ!

— Ладно!

Въ головѣ Кондратія Трифоныча зрѣетъ мысль: онъ рѣшается все терпѣть, все выносить до пріѣзда станового. Поэтому, хотя внутри у него и кипитъ, но онъ этого не выражаетъ; онъ даже никому не возражаетъ, только думаетъ про себя: «ладно!» и помалчиваетъ... до пріѣзда станового.

Не дальше какъ вчера на ночь Ванька снималъ съ него сапоги и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, прыснулъ.

— Ты чему, шельма, смѣешься? — полюбопытствовалъ Кондратій Трифонычъ.

— Ничего я не смѣюсь!—отвѣчалъ Ванька.

— Этакая бестія! смѣется, да тутъ же въ глаза еще запирается!

— Чего мнѣ запираться? Кабы смѣялся, такъ бы и сказалъ, что смѣялся!—упорствовалъ Ванька.

— Ладно!

Съ этихъ поръ въ немъ засѣла мысль, съ этихъ поръ онъ рѣшился терпѣть. Одно только смущаетъ его: всѣ свои грубости Ванька производитъ наединѣ, то-есть тогда, когда находится съ Кондратьемъ Трифонычемъ съ глазу на глазъ. Выйдетъ Кондратій Трифонычъ на улицу—Ванька бѣжитъ впереди, снѣгъ разгребаетъ, спрашиваетъ, не озябли ли ножки; придетъ къ Кондратію Трифонычу староста—Ванька то и дѣло просовываетъ въ дверь свою голову и спрашиваетъ, не угодно ли квасу.

— Услуга-парень!—замѣчаетъ староста.

— Гм!.. да... услуга!—бормочетъ Кондратій Трифонычъ и обдумываетъ какой-то планъ.

Онъ считаетъ обиды, понесенныя имъ отъ Ваньки, и думаетъ, какъ бы такимъ образомъ его уличить, чтобъ и отвертѣться было нельзя. Намеднись, напримѣръ, Ванька, подавая барину чаю, скорчилъ рожу; если бы можно было устроить, чтобъ эта рожа такъ и застыла до пріѣзда станового, тогда было бы неоспоримо, что Ванька грубилъ. Въ другой разъ, на вопросъ барина, какова на дворѣ погода, Ванька отвѣчалъ: «сиверко-съ», но отвѣчалъ это такимъ тономъ, что если бы можно было, чтобъ тонъ этотъ застылъ въ воздухѣ до пріѣзда станового, то, конечно, никто бы не усомнился, что Ванька грубилъ. И еще разъ, когда баринъ однажды дѣлалъ Ванькѣ репримандъ по поводу нерачительно вычищенныхъ сапоговъ, то Ванька, ничего не отвѣчая, отставилъ ногу; если бы можно было

Digitized by Google

чтобъ онъ такъ и застылъ въ этой позѣ до пріѣзда станового, тогда, разумѣется...

— Нѣтъ, хитеръ, бестія, ничего съ нимъ не подѣлаешь! — восклицаетъ Кондратій Трифонычъ, и ходитъ, и ходитъ по своимъ «сараямъ», ходитъ до того, что и полъ-то словно жалуется и стонетъ подъ ногами его: да сядь же ты, ради Христа!

Онъ уже давно замѣтилъ, что между нимъ и Ванькой поселилась какая-то холодность, какая-то натянутость отношеній. Услышавши, что объ этомъ предметѣ весьма подробно объясняется въ книжкѣ, называемой «Русскій Вѣстникъ», онъ съѣздилъ къ сосѣду, взялъ у него книжку и узналъ, что подобная натянутость отношеній называется «сословнымъ антагонизмомъ».

— Ну, а дальше что?—допрашивалъ Кондратій Трифонычъ; но книжка говорила только, что объ этомъ предметѣ подробнѣе объясняется въ другой такой же книжкѣ.

— Оно, конечно,—разсуждалъ по этому поводу Кондратій Трифонычъ: — оно, конечно... Ванька сапоги чиститъ, а я ихъ надѣваю; Ванька печки топитъ, а я около нихъ грѣюсь... Ну, да, это оно!

И съ тѣхъ поръ словцо «антагонизмъ» до такой степени врѣзалось въ его память, что онъ не только положилъ его на музыку, но даже употребляетъ для выраженія всякаго рода чувствъ и мыслей.

И ходитъ Кондратій Трифонычъ по своимъ опустѣлымъ «сараямъ», ходитъ и останавливается, ходитъ и мечтаетъ. Мало-по-малу, мысль его оставляетъ Ваньку-подлеца и обращается къ другимъ предметамъ. Онъ думаетъ о томъ, что вдругъ будущимъ лѣтомъ во всѣхъ окрестныхъ имѣніяхъ засуха, а у него у одного все дожди, все дожди; что окрестные помѣщики не соберутъ и на сѣмена, а онъ все самъ-десятъ, все самъ-десятъ. Онъ думаетъ о томъ, что кругомъ все тихо, а у него въ имѣніи вдругъ землетрясеніе, слышится подземный шумъ, люди въ смятеніи, животныя въ ужасѣ... Вдругъ—вв!.. зз!.. жж!.. и—о! радость!—на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ у него росъ паршивый кустарникъ, въ одну минуту вырастаетъ высокій и частый лѣсъ, за который ему съ перваго слова даютъ по двѣсти рублей за десятину. Онъ думаетъ о томъ, что мужики его расторговались, что они помнятъ его благодѣянія и подносятъ ему соболью шубу въ пятнадцать тысячъ рублей серебромъ. Онъ думаетъ о томъ, что въ Москвѣ сгорѣло все сѣно,

Digitized by Google

сгорѣли всѣ дрова и неизвѣстно куда дѣвался весь хлѣбъ, что у него, напротивъ того, вслѣдствіе собственной благоразумной экономіи, а также вслѣдствіе различныхъ поощреній природы, всего этого накопилось множество, что онъ возитъ и продаетъ, возитъ и продаетъ... Онъ думаетъ о томъ, что вышло повелѣніе ни у кого ничего не покупать, кромѣ какъ у него, Сидорова, за то, что онъ, Сидоровъ, въ какую-то достопамятную годину пожертвовалъ изъ крестьянскаго запаснаго магазина столько-то четвертей, да потомъ еще столько-то четвертей, и тѣмъ показалъ ревность безпримѣрную и чувствительность подражанія достойную... Онъ думаетъ о томъ, что въ домѣ его собрались окрестные помѣщики и что онъ имъ толкуетъ о превосходствѣ вольнонаемнаго труда надъ крѣпостнымъ. «Конечно, господа,— говоритъ онъ имъ:—въ настоящее время помѣщикъ не можетъ получать дохода, сидя на мѣстѣ сложа руки, какъ это бывало прежде; конечно, онъ прежде всего долженъ употребить свой личный трудъ, свою личную, такъ сказать, распорядительность»...

Но вотъ мысли его, отъ усиленной работы, начинаютъ мѣшаться. Передъ глазами его, отъ безпрерывнаго коловратнаго движенія, показываются зеленые круги; бѣлая колокольня, стоящая передъ барскимъ домомъ, начинаетъ словно подплясывать; дворовая баба, проходящая по двору, словно не идетъ, а на одномъ мѣстѣ пошатывается и что-то у ней подъ фартукомъ, что-то у ней подъ фартукомъ...

— Ѣсть, что ли, мнѣ хочется?—спрашиваетъ самъ себя Кондратій Трифонычъ и съ злобою замѣчаетъ, что часовая стрѣлка показываетъ только десять.

— А вѣдь у ней подъ фартукомъ что-то есть,—продолжаетъ онъ, но не даетъ своимъ предположеніямъ дальнѣйшаго развитія, а только прибавляетъ:—Ладно!

Надоѣло ходить, надоѣло мыслить... Кондратій Трифонычъ садится на диванъ и примѣчаетъ, что пыль со стола не сметена. Въ былое время, т. е. до «антагонизма», онъ вскипѣлъ бы при видѣ такого безпорядка, онъ кликнулъ бы Ваньку и тутъ же задалъ бы ему трёпку. Теперь этотъ безпорядокъ приноситъ ему болѣе удовольствія, нежели огорченія, ибо онъ видитъ въ немъ улику.

— Ванька!—кричитъ Кондратій Трифонычъ, и въ голосѣ его слышится уже торжество побѣды:—это что?

— Столъ-съ,—отвѣчаетъ Ванька съ самымъ невозмутимымъ хладнокровіемъ.

Digitized by Google

— А на столѣ что?
— Пыль-съ.
— Ну?
Ванька молчитъ.

— Ладно! — говоритъ Кондратій Трифонычъ и черезъ минуту имѣетъ удовольствіе слышать, какъ Ванька хихикаетъ съ кѣмъ-то въ передней.

Кондратій Трифонычъ снова предается мечтаніямъ. Онъ мечтаетъ о томъ, какъ было бы хорошо, если бы онъ былъ живописцемъ; тогда онъ срисовалъ бы нахальную Ванькину рожу въ тотъ моментъ, когда отвѣчаетъ: «пыль-съ», и представилъ бы эту картинку становому. Но съ другой стороны, гдѣ же ручательство, что становой не приметъ этой картинки за вымышленное произведеніе собственной его, Кондратія Трифоныча, фантазіи? гдѣ свидѣтели, которые подтверждали бы, что Ванька, отвѣчая: «пыль-съ», имѣлъ именно такое, а не иное выраженіе лица?

— О, чортъ побери! Эти приказные вѣчно съ своими канцелярскими заковычками!—восклицаетъ Кондратій Трифонычъ и начинаетъ выискивать мечтаній болѣе практическихъ.

Онъ мечтаетъ о томъ, какъ было бы хорошо, если бы становой вдругъ, въ эту самую минуту, выросъ изъ земли такъ, чтобъ Ванька не опомнился и никакъ не успѣлъ стереть пыль со стола. Представляетъ онъ себѣ изумленную, ополоумѣвшую морду Ваньки и невольно и сладко хихикаетъ.

— «Пыль-съ»,—дразнитъ онъ Ваньку, почти подплясывая на мѣстѣ.

— Это что?—грозно спрашиваетъ Ваньку воображаемый становой.

— «Пыль-съ»,—опять дразнится Кондратій Трифонычъ и опять подплясываетъ на мѣстѣ.

Становой, наконецъ, убѣждается; онъ приказываетъ срубить цѣлую березу и вручаетъ ее десятскимъ. Ваньку уводятъ... На другое утро Ванька является шелковый; цѣлый день все что-то чиститъ и стираетъ; цѣлый день мететъ полъ и оправляетъ баринову постель, цѣлый день ставитъ самовары и мѣшаетъ въ печкахъ дрова...

Но, съ другой стороны (о, чортъ возьми!), гдѣ же ручательство, что становой именно велитъ березу срубить? Гдѣ ручательство, что онъ не отвѣтитъ Кондратью Трифонычу, что онъ и самъ могъ бы стереть пыль со стола?

Digitized by Google

— О, чортъ побери! Эти приказные вѣчно съ своими канцелярскими заковычками!—восклицаетъ Кондратій Трифонычъ и начинаетъ выискивать мечтаній еще болѣе практическихъ.

Онъ мечтаетъ, что никакихъ заковычекъ больше нѣтъ, что онъ призываетъ станового (который нарочно тутъ и стоитъ, чтобъ заковычекъ не было) и говоритъ ему:—«Ванька мнѣ мину сдѣлалъ!»

— Сейчасъ-съ, — говоритъ становой и летитъ во весь духъ распорядиться.

Потомъ онъ опять призываетъ станового и говоритъ ему:—«Ванька пыли со стола не стеръ!»

— Сейчасъ-съ, — говоритъ становой и летитъ распорядиться.

Но вотъ и опять мысли мѣшаются, опять ооразуются зеленые круги, опять подплясываетъ бѣлая длинная колокольня. Надоѣло сидѣть, надоѣло мыслить...

— Чортъ знаетъ, ѣсть, что ли, мнѣ хочется?—опять спрашиваетъ себя Кондратій Трифонычъ и съ тоскою взглядываетъ на часы. Тоска обращается въ ненависть, потому что часовая стрѣлка показываетъ половину одиннадцатаго.

— За поповымъ братомъ, что ли, спосылать?—разсуждаетъ самъ съ собой Кондратій Трифонычъ и тутъ же рѣшаетъ, что спосылать необходимо.

Кондратій Трифонычъ малый не злой и даже покладистый для своихъ домочадцевъ, но съ нѣкотораго времени нравъ у него страннымъ образомъ перемѣнился. Ванька, съ свойственною ему легкомысленностью, отзывался объ этой перемѣнѣ, что Кондратій Трифонычъ спятилъ; ключница Мавра выражалась скромнѣе и говорила, что баринъ задумывается, что на него находитъ. Какъ бы то ни было, но перемѣна существовала и произошла едва ли не въ ту самую минуту, какъ онъ прочиталъ, что есть на свѣтѣ какой-то сословный антагонизмъ. Съ тѣхъ самыхъ поръ онъ вообразилъ себѣ, что онъ—одна сторона, а Ванька—другая сторона, и что они должны бороться. Ванька представлялъ собою интересы всѣхъ чистящихъ сапоги и топящихъ печки Кондратій Трифонычъ—интересы всѣхъ носящихъ сапоги и грѣющихся около истопленныхъ печей. Ясно, что стороны эти не могутъ понимать другъ друга и что изъ этого долженъ произойти антагонизмъ. И вотъ онъ борется утромъ, борется за обѣдомъ, борется до поздней ночи. Но Ванька не понимаетъ, что такое антагонизмъ, и очевидно укло-

Digitized by Google

няется отъ борьбы. Онъ исправляетъ свои обязанности попрежнему, то-есть попрежнему не стираетъ пыли со столовъ, попрежнему забываетъ закрыть трубы въ печахъ, а Кондратій Трифонычъ видитъ во всемъ грубыя мины, злостныя позы à la неглижé съ отвагой и старается Ваньку изобличить. Изъ этого выходитъ, что Ванька, какъ только забьется въ переднюю, первымъ дѣломъ начинаетъ хихикать и представляетъ, какъ баринъ къ нему пристаетъ. Кондратій Трифонычъ слышитъ это и говоритъ: «ишь, шельма, смѣется!» а того никакъ понять не хочетъ, что Ванька даже и не подозрѣваетъ, что ему, Кондратію Трифонычу, хочется борьбы. И такимъ образомъ, умаявшись къ вечеру, оба засыпаютъ. Кондратій Трифонычъ видитъ во снѣ, что онъ сдѣлался медвѣдемъ, что онъ смялъ Ваньку подъ себя и торжествуетъ; Ванька видитъ во снѣ, что онъ третьи сутки все чиститъ одинъ и тотъ же сапогъ и никакъ-таки вычистить не можетъ.

— Что за чудо!—кричитъ онъ во снѣ и, какъ оглашенный, вскакиваетъ съ одра своего.

«Ишь вѣдь, каналья, даже во снѣ не оставляетъ въ покоѣ!»—думаетъ въ это время Кондратій Трифонычъ, пробужденный неестественнымъ крикомъ Ваньки.

И такимъ образомъ проходятъ дни за днями. Выигрываетъ отъ этого положительно одинъ Кондратій Трифонычъ, потому что такое препровожденіе времени, по крайней мѣрѣ, наполняетъ пустые дни его. Съ тѣхъ поръ, какъ завелось «превосходство вольнонаемнаго труда надъ обязательнымъ», съ тѣхъ поръ, какъ, съ другой стороны, опекунскій совѣтъ закрылъ гостепріимныя свои двери, глуповскія веси уныли и запустѣли. Заниматься рѣшительно нечѣмъ да и не для чего: все равно ничего не выйдетъ. Говорятъ, будто это отъ того происходитъ, что кредиту нѣтъ и что Сидоровымъ подняться нечѣмъ; можетъ-быть, жалоба эта и справедлива, однако, до Сидоровыхъ ни въ какомъ случаѣ относиться не можетъ. Недостатокъ кредита не губитъ, а спасаетъ ихъ, потому что, будь у нихъ деньги, они накупили бы себѣ собакъ, а не то чтобъ что-нибудь для души полезное сдѣлать. А то еще подниматься! Повторяю: веси пріуныли и запустѣли, въ весяхъ дѣлать нечего, потому что, все равно, ничего не выйдетъ. То, что оживляло ихъ въ бывалыя времена, какъ-то: взаимные банкеты и угощенія, а также распоряженія на конюшнѣ, то въ настоящее время не можетъ уже имѣть мѣста: первые—

Digitized by Google

по причинѣ недостатка кредита, вторыя — потому что не дозволены. Какимъ же образомъ убить, какъ издержать распроклятые дни свои? Поневолѣ ухватишься за антагонизмъ, хотя въ сущности никакого антагонизма нѣтъ и не бывало, а было и есть одно: «вы наши кормильцы, а мы ваши дѣти!» Вотъ и Кондратій Трифонычъ ухватился за антагонизмъ, и хотя онъ не сознается въ этомъ, но все-таки жизнь его съ тѣхъ поръ потекла какъ-то полнѣе. По крайней мѣрѣ, теперь у него есть политическій интересъ, есть политическій врагъ, Ванька, противъ котораго онъ направляетъ всю дѣятельность своихъ умственныхъ способностей. Смотришь, анъ день-то и канулъ незамѣтнымъ образомъ въ вѣчность, а тамъ и другой наступилъ, и другой канулъ...

Но вотъ и батюшкинъ братъ пришелъ; Кондратій Трифонычъ слышитъ, какъ онъ сморкается и откапливается въ передней, и въ нетерпѣніи ворчитъ:

— О, чтобъ!.. сморкаться еще выдумалъ!..

Батюшкинъ братъ—человѣкъ маленькій, рыхленькій; онъ уже лѣтъ семь какъ состоитъ въ ожиданіи вакансіи, но по какому-то несчастному случаю мѣста не получаетъ; лицо имѣетъ благостное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и угрожающее, какъ будто оно говоритъ: «а вотъ погоди, скажу я тебѣ ужо проповѣдь!» Ходитъ батюшкинъ братъ, словно лебедь плыветъ, рукой дѣйствуетъ размашисто, говоритъ размазисто. Носъ у него, вслѣдствіе внезапнаго перехода со стужи въ тепло, влаженъ; на усахъ висятъ ледяныя сосульки.

— Скука, отче! — говоритъ Кондратій Трифонычъ послѣ взаимныхъ привѣтствій.

— Можно молитвою развлечься,—отвѣчаетъ батюшкинъ братъ, и при этомъ лицо его осклабляется.

— Ну, васъ!

Молчатъ.

— Сидѣлъ-сидѣлъ, молчалъ-молчалъ, — начинаетъ Кондратій Трифонычъ: — индо дурость взяла! Чортъ знаетъ, чего не передумалъ! Хоть бы ты, что ли, отче, паству-то вразумилъ!

— Развѣ предосудительное что замѣтить изволили?— отвѣчаетъ батюшкинъ братъ, и лицо его выражаетъ жалость, смѣшанную съ испугомъ.

— Да что! грубятъ-себѣ поголовно, да и шабашъ!

— Непохвально!

— Просто житья отъ хамовъ нѣтъ!

Digitized by Google

— Въ комъ же вы наиболѣе такое настроеніе замѣчать изволили, Кондратій Трифонычъ?

— Во всѣхъ! Отъ мала до велика — всѣ грубятъ! Да какъ еще грубитъ-то выучились! Ни слова тебѣ не говоритъ—а грубитъ! служитъ тебѣ, каналья, стаканъ воды подаетъ—а грубитъ!

Батюшкинъ братъ тоскливо помоталъ головой и крякнулъ.

— И во многихъ такое настроеніе замѣчаете? — бряк-нулъ онъ, позабывъ, что повторяетъ свой прежній вопросъ.

— Да говорятъ же тебѣ: во всѣхъ! во всѣхъ! Ну, слы-шишь ли ты: во всѣхъ! во всѣхъ!

Батюшкинъ братъ слегка привскакнулъ и откинулся на-задъ, какъ будто обжогся. Опять молчатъ.

— Что-жъ это за скука такая!—начинаетъ Кондратій Трифонычъ.—Закуску, что ли, велѣть подать?

— Во благовременіи и пища невредительна бываетъ.

— А не во благовременіи какъ?

Батюшкинъ братъ опять привскокиваетъ и откидывается назадъ.

— Ну, и сиди не ѣвши: зачѣмъ пустяки говоришь!

Молчатъ.

— Не люблю я, когда ты пустяки мелешь!

Молчатъ.

— И кого ты этими пустяками удивить хочешь?

Батюшкинъ братъ краснѣетъ. Кондратій Трифонычъ тяжко вздыхаетъ и произноситъ:

— Охъ, скука-то, скука-то какая!

— Время неблагопотребное,—рискуетъ батюшкинъ братъ, но тутъ же обнаруживаетъ безпокойство, потому что Кон-дратій Трифонычъ смотритъ на него сурово.

— И откуда ты этакимъ глупымъ словамъ выучился! Говорилъ бы просто: непотребное время! И не надоѣло тебѣ языкъ-то ломать!—строго говоритъ Кондратій Трифонычъ.

Опять водворяется молчаніе, изрѣдко прерываемое глу-бокими вздохами Кондратія Трифоныча. Батюшкинъ братъ вынимаетъ платокъ изъ кармана и начинаетъ вытирать имъ между пальцами.

— Что это я все вздыхаю! что это я все вздыхаю!— произноситъ Кондратій Трифонычъ.

— О грѣсѣхъ...—началъ-было батюшкинъ братъ, но не окончилъ, а только пискнулъ.

— Тьфу ты!

Молчатъ.

Digitized by Google

— А ты слышалъ, что Скуракинъ на-дняхъ такого же вотъ, какъ ты, поповскаго брата высѣкъ?—спрашиваетъ внезапно Кондратій Трифонычъ.

— Сс... стало-быть, слѣдствіе наряжено?

— Да, братъ, тоже вотъ все говорилъ: «о грѣсѣхъ» да «благоутробно»—ну, и высѣкъ!

Всю эту исторію Кондратій Трифонычъ сейчасъ только что выдумалъ и никакого поповскаго брата Скуракинъ не сѣкъ. Но ему такъ понравилась его выдумка, что онъ даже повеселѣлъ.

— Да, братъ, права наши еще не кончились! Вотъ вздумалъ высѣчь—и высѣкъ! Ищи на немъ!

— Однако, позвольте, Кондратій Трифонычъ, осмѣливаюсь я думать, что господинъ Скуракинъ поступилъ не по закону!

— Ну, по какому тамъ еще закону! Извѣстно, сѣкутъ не по закону, а по обычаю!

— Позвольте, Кондратій Трифонычъ, я все-таки осмѣливаюсь полагать, что господинъ Скуракинъ не имѣлъ никакого права!

— Высѣкъ—и все тутъ!

— Высѣчь недолго-съ.

— Ну, да... и долго, не недолго... а высѣкъ!

Батюшкинъ братъ крякнулъ; онъ видимо былъ обиженъ. Что-жъ это такое въ самомъ дѣлѣ? И съ какой стати Кондратій Трифонычъ завелъ такую пустую матерію? И не заключаютъ ли слова его фигуры иносказанія?

— Стало-быть, этакъ всѣхъ высѣчь можно?—произнесъ онъ съ видимымъ волненіемъ.

— Всѣхъ!

— Стало-быть, и...—батюшкинъ братъ не договорилъ.

— Стало-быть, и...

Батюшкинъ братъ обидѣлся окончательно. Мало-по-малу, онъ такъ разревновался, что даже всталъ и началъ прощаться.

— Ужъ я, Кондратій Трифонычъ, лучше въ другой разъ приду, когда улучится болѣе благопріятная минута,—сказалъ онъ.

— Ну, да постой! куда ты? Это вѣдь я пошутилъ.

— Неблагообразно шутить изволите!

— Фу, чортъ! опять ты съ своимъ благоутробіемъ! Да говорятъ тебѣ: пошутилъ!

— Нѣтъ, Кондратій Трифонычъ!

Digitized by Google

— Слышь, говорятъ: пошутилъ!

— Нѣтъ-съ, Кондратій Трифонычъ!

— Ну, и ступай! ну, и пропадай! Только ты у меня смотри: ни всенощныхъ, не молебновъ... ни-ни!

— И не надо-съ! Собственную же свою душу не соблюдете.

Батюшкинъ братъ ушелъ; въ передней опять послышалось откашливаніе и сморканіе; Кондратій Трифонычъ опять почувствовалъ приливъ тоски.

— Эй! воротить его!—крикнулъ онъ.

Ванька побѣжалъ, но воротился съ отвѣтомъ, что батюшкинъ братъ не идетъ...

— Сказать ему, что я умираю!

Батюшкинъ братъ воротился, но сталъ у самой двери.

— Что вамъ, сударь, угодно?—спросилъ онъ съ достоинствомъ.

— Да садись же ты!

— Нѣтъ-съ, и дома посижу!

— Ну, да полно! Благопрости ты меня, поблагобесѣдуй ты со мной! Ну, видишь!

Батюшкинъ братъ колебался.

— А не то, давай почавкаемъ что-нибудь! А если и это не нравится, такъ поблаготрапезуемъ!

Батюшкинъ братъ плавными шагами приблизился къ стулу и сѣлъ. Но онъ все-таки еще не совсѣмъ оправился, потому что опять вынулъ изъ кармана платокъ и началъ вытирать имъ между пальцевъ.

Приносятъ водку; Кондратій Трифонычъ наливаетъ рюмку и подноситъ батюшкину брату; но въ ту минуту, когда батюшкинъ братъ ужъ почти касается рукою рюмки, Кондратій Трифонычъ дѣлаетъ быстрый маневръ и мгновенно выпиваетъ водку самъ. Батюшкинъ братъ крякаетъ и опять косится на шапку. Однако, на этотъ разъ все устраивается благополучно.

— Я думаю на будущій годъ молотилку выписать,— говоритъ Кондратій Трифонычъ, а самъ въ то же время думаетъ: «кукишъ съ масломъ! на какія-то деньги ты выпишешь!»

— Это полезно,—отвѣчаетъ батюшкинъ братъ:—и крестьяне отъ васъ позаняться могутъ.

— Я и сѣноворошилку куплю,—упорствуетъ Кондратій Трифонычъ:—да вотъ еще сѣялка такая есть...

— Со...—произноситъ батюшкинъ братъ.

Молчатъ. Выпили по другой.

Digitized by Google

— У меня имѣніе хорошее!—говоритъ Кондратій Трифонычъ.

Батюшкинъ братъ, неизвѣстно съ чего, вдругъ распростираетъ руки, какъ будто хочетъ обнять необъятное.

— Ну, да! Это надо сказать правду, что хорошее, нужно только руки приложить!—продолжаетъ Кондратій Трифонычъ.—Вотъ я съ будущаго года молоко въ Москву возить стану!

— Экипажцы, стало-быть, такіе сдѣлаете

— Ну, да! Положимъ, напримѣръ, что корова даетъ... ну, хоть ведро въ день!

Батюшкинъ братъ крякаетъ и откидывается назадъ.

— Ну, да... ну, хоть ведро въ день! Положимъ, хоть по восьми гривенъ за ведро... сколько это будетъ?

Кондратій Трифонычъ задумывается и въ разсѣянности выпиваетъ третью рюмку. Батюшкинъ братъ съѣдаетъ грибокъ.

— Одного торфу сколько у меня!—вдругъ восклицаетъ Кондратій Трифонычъ.

— Стало-быть, торфомъ торговать будете?—спрашиваетъ батюшкинъ братъ и, приложивъ руку къ сердцу (дабы не распахнулась ряска), крадется къ столу, чтобъ отрѣзать кусочекъ ветчинки.

— Всѣмъ буду торговать: и молокомъ буду торговать, и торфъ буду продавать, и ягоды въ Москву буду возить! Нопче, братъ, глядѣть-то нечего! нонче, братъ, дворянскую-то спѣсь надо по-боку!

— Сс...—удивляется батюшкинъ братъ.—Стало-быть, изволите находить, что непредосудительно?

Вмѣсто отвѣта Кондратій Трифонычъ выпиваетъ четвертую и въ то же время указываетъ на графинъ батюшкину брату, который немедленно слѣдуетъ его примѣру.

— А позвольте узнать,—спрашиваетъ батюшкинъ братъ:—какъ же теперь купцы, мѣщане... стало-быть, имъ возбранено будетъ торговать!

— А мнѣ что за дѣло!

— Стало-быть, это ужъ не будетъ, чтобъ всякому, то-есть, званію предѣлъ былъ положенъ?

— Не будетъ, а что?

— Ничего-съ: конечно, по Писанію, оно не то, чтобъ... потому, есть купующіе, есть и куплю дѣющіе, есть воздѣлывающіе землю, есть и поядающіе...

— Ну, такъ что-жъ?

— Ничего-съ... я къ примѣру-съ...

Digitized by Google

— И кого только ты этими глупостями удивить хочешь!

Молчатъ.

— А то вотъ еще искусственнымъ разведеніемъ рыбъ заняться можно!—вдругъ изобрѣтаетъ Кондратій Трифонычъ.

— Сс... стало-быть, всякую рыбицу у себя завести можно?

— Всякую!

— Сс... подумаешь, какую, однако, власть надъ собой человѣкъ взялъ!

— Да, братъ, власть!

— Только тверди и звѣздъ небесныхъ еще содѣлать не можетъ.

— А рыбу можетъ всякую!

— И небезвыгодно?

— Какое, къ чорту, безвыгодно! Ты пойми, сколько въ Москвѣ стерлядь-то стоитъ!

— Что-жъ, это дѣло хорошее! Можетъ, и крестьяне около васъ позаймутся.

Молчатъ.

Кондратій Трифонычъ слегка зѣваетъ.

— Я нонче все буду самъ: лѣсъ рубить буду самъ, молоко въ Москву возить—самъ, торфъ продавать—самъ!—говоритъ онъ, приходя внезапно въ восторгъ.

— Доброе, сударь, дѣло!—отвѣчаетъ батюшкинъ братъ.

— Нонче, братъ, не то, что прежде! Нѣтъ, братъ, шалишь! Нонче вездѣ все самъ: и посмотри самъ, и свѣсь самъ, и съѣзди вездѣ самъ, и опять посмотри, и опять свѣсь!

Кондратій Трифонычъ, говоря это, суетится и тыкаетъ руками, какъ будто онъ въ самую эту минуту и смотритъ, и вѣситъ, и куда-то ѣдетъ.

— Это точно; и предки наши говаривали: «свой глазокъ-смотрокъ!»

— Предки-то наши говаривали, а сами одну навозницу соблюдали!

Батюшкинъ братъ снисходительно улыбается. Водворяется молчаніе.

— Хорошо бы машину какую-нибудь выдумать!—говоритъ Кондратій Трифонычъ.

— Про какую-такую машину говорить изволите?

— Ну, да какую-нибудь... чтобъ и жала, и косила, и лѣсъ бы рубила, и масло бы пахтала... и вездѣ бы одинъ приводъ дѣйствовалъ!

— Слышно, англичане много всякихъ машинъ выдумываютъ!

Digitized by Google

— Сидѣлъ бы я себѣ дома, да дѣлалъ бы, да дѣлалъ бы машины, а потомъ въ Москву продавать возилъ бы.

— Вотъ Богъ англичанамъ на этотъ счетъ большую остроту ума далъ!—настаиваетъ батюшкинъ братъ.

— А нашимъ не далъ!

— Зато нашъ народъ благочестіемъ и благоугодною къ церкви преданностью одарилъ!

— Ну, и опять тебѣ говорю: кого ты своими благоглупостями удивить хочешь?

Батюшкинъ братъ окончательно конфузится и закусываетъ губы. Напротивъ того, Кондратій Трифонычъ воспламеняется и постепенно входитъ въ хозяйственный азартъ. Онъ объясняетъ, что можно налима съ лещомъ совокупить и что изъ этого должна произойти рыба, у которой будутъ печонки и молоки налимьи, а тешка лещиная; онъ объясняетъ, что примѣры подобнаго совокупленія случались и въ природѣ: стерлядь совокупилась съ осетромъ и вышла рыба *шипъ*, которую онъ ѣлъ на обѣдѣ у губернатора.

— Не у теперешняго, — прибавляетъ онъ: — теперь у насъ какой-то гордишка, аристократишка какой-то, а вотъ у прежняго, у генерала Слабомыслова.

Онъ объясняетъ батюшкину брату, какую онъ машину выпишетъ: и дрова таскать будетъ, и пахать будетъ, и воду носить будетъ, и топить ее будетъ не дровами, а землей,—все землей!

— Работниковъ, братъ, мнѣ съ этой машиной совсѣмъ не надо!—прибавляетъ онъ.

Онъ объясняетъ, наконецъ, какихъ онъ коровъ изъ Англіи выпишетъ: костей у нихъ совсѣмъ нѣтъ, а все одно мясо да молоко, все молоко, все молоко!

Онъ объясняетъ, наконецъ, что выстроитъ новую колокольню, такую колокольню: одинъ этажъ каменный, другой деревянный, потомъ опять каменный и опять деревянный.

— Жертва Богу угодная!—замѣчаетъ батюшкинъ братъ:— жертва, сударь, все равно, что кадило благовонное!

— А ты думалъ какъ?

— Впрочемъ, колокольня у насъ еще постоитъ... вотъ насчетъ трапезы, Кондратій Трифонычъ!

— Ужъ ты молчи, я все сдѣлаю: и колокольню сломаю, и трапезу сломаю, я все сломаю! — объясняетъ Кондратій Трифонычъ.

И разговаривая такимъ манеромъ, выпиваетъ рюмку за рюмкой, рюмку за рюмкой!

Digitized by Google

Батюшкинъ братъ, въ свою очередь, выпиваетъ, и вслѣдствіе этого безпрестанно поправляетъ пальцами глаза, какъ будто хочетъ ихъ разодрать, чтобъ лучше видѣть. Въ то же время онъ радуется, что въ одно утро пріобрѣлъ столько разнообразныхъ свѣдѣній.

— Это вы благополезное дѣло затѣяли, Кондратій Трифонычъ!—говоритъ онъ.

— Тьфу ты!

Наконецъ, изолгавшись въ конецъ и, вѣроятно, найдя, что машины всѣ до одной изобрѣтены, коровы всѣ выписаны, Кондратій Трифонычъ впадаетъ въ истощеніе. Часы бьютъ два.

— Обѣдать! — кричитъ Кондратій Трифонычъ. — Ты со мной, что ли, отче?

— Ужъ очень занятно вы разсказываете, Кондратій Трифонычъ, послушалъ бы и еще-съ.

— Ну, а коли послушалъ бы, такъ оставайся!

Подаютъ обѣдать; но геній хозяйственной распорядительности уже отлетѣлъ отъ Кондратія Трифоныча. Онъ не то чтобъ спитъ, но слегка совѣетъ и только изрѣдка подмигиваетъ батюшкину брату на Ваньку (дескать, посмотри, какъ суетъ!), который, въ свою очередь, не стѣсняясь присутствіемъ этого послѣдняго, показываетъ барину сзади языкъ. Такимъ образомъ, антагонизмъ, о которомъ такъ много говоритъ Кондратій Трифонычъ, представляется батюшкину брату въ лицахъ на самомъ дѣйствіи.

— Ты для чего же рыжиковъ къ жаркому не подалъ?— невѣрнымъ, нѣсколько путающимся языкомъ допрашиваетъ Ваньку Кондратій Трифонычъ.

— А для того и не подалъ, что огурцы есть,—тоже путающимся языкомъ отвѣчаетъ Ванька.

— Ишь ты! дразнится, шельма! — замѣчаетъ Кондратій Трифонычъ и подмигиваетъ батюшкину брату, какъ бы приглашая его быть свидѣтелемъ Ванькиной грубости.

Наконецъ, и сумерки упали. Батюшкинъ братъ давно ушелъ; Кондратій Трифонычъ спитъ и даже во снѣ ничего не видитъ. Какъ повалился онъ на постель, такъ ему голову словно заложило чѣмъ. Въ передней вторитъ ему Ванька.

Въ шесть часовъ Кондратій Трифонычъ уже шагаетъ по своимъ сараямъ и проситъ квасу. Въ средней комнатѣ уныло мерцаетъ стеариновая свѣча; прочія комнаты окутаны мракомъ. Кондратій Трифонычъ шагаетъ и думаетъ, что бы ему сдѣлать такое, чтобы...

Digitized by Google

— Чтобы что?—спрашиваетъ его внутренній голосъ.

— Господи, какая тоска!—восклицаетъ Кондратій Трифонычъ, не разрѣшая вопроса.

И опять ходитъ, и все о чемъ-то думаетъ, все чего-то ждетъ. Думаетъ о томъ, что завтра, быть-можетъ, будетъ снѣгъ, а быть-можетъ, будетъ и вьюга; ждетъ, что къ Николину дню будутъ морозы.

— О, чортъ побери!—восклицаетъ онъ.

И опять ходитъ, и опять ждетъ—скоро ли чай подадутъ?..

— Ванька! да пошли ты, разбойникъ, Агашку ко мнѣ!—кричитъ онъ отчаяннымъ голосомъ.

Агашка на этотъ разъ является. Это дѣвушка кругленькая, полненькая, бѣлокуренькая, съ измятымъ, но весьма пріятнымъ личикомъ.

— Что вы, Агашенька, ко мнѣ не ходите? — спрашиваетъ ее Кондратій Трифонычъ, сѣменя кругомъ нея ножками, какъ дѣлаютъ влюбленные пѣтухи.

— Вы развѣ спрашивали меня?—отзывается Агашенька, повертываясь на своей оси по тому же направленію, по какому ходитъ Кондратій Трифонычъ.

— Я за вами десять разъ Ваньку посылалъ-съ!

— Ванька ни разу мнѣ не говорилъ!

— Этакой скотъ, подлецъ! А отчего же вы сами никогда ко мнѣ не зайдете-съ?

Агашенька не отвѣчаетъ; она слегка зардѣлась.

— Ну-съ, Агашенька-съ?

— Я, Кондратій Трифонычъ, я-съ... — начинаетъ Агашенька и никакъ не можетъ кончить.

— Ну-съ, что же вы-съ?

— Я-съ... позвольте мнѣ, Кондратій Трифонычъ, замужъ идти-съ! — скороговоркой произноситъ Агашенька и умолкаетъ, словно сама испугалась словъ своихъ. А щечки у нея такъ и пылаютъ, такъ и рдѣютъ отъ стыда и испуга!

Кондратій Трифонычъ озадаченъ; онъ думаетъ, какъ ему поступить, и, разумѣется, какъ всѣ люди, которыхъ самолюбіе неожиданно уязвлено, на первыхъ порахъ надумываетъ глупѣйшую штуку. Онъ какъ-то надувается и устраиваетъ оскорбленную мину; онъ поднимаетъ плечи и, отступя нѣсколько шаговъ назадъ, указываетъ Агашѣ руками на двери.

— Скатертью дорога-съ!—говоритъ онъ.—Ну, такъ что же-съ, и съ Богомъ-съ!

— Душенька! Кондратій Трифонычъ! Ей-Богу, я не

Digitized by Google

могу!—говоритъ Агашенька и въ то же время стыдится и рдѣетъ, едва выговаривая отъ волненія слова.

— А коли не можете, такъ и съ Богомъ! — отвѣчаетъ Кондратій Трифонычъ, попрежнему глупымъ образомъ уставляя руки по направленію къ двери.

Агашенька закрываетъ лицо платкомъ и быстро выбѣгаетъ.

Кондратій Трифонычъ остается одинъ и опять принимается за ходьбу. Но онъ чувствуетъ, что у него начинаетъ щемить сердце; онъ чувствуетъ, что къ глазамъ что-то подступаетъ.

— Ладно, это ладно!—говоритъ онъ самому себѣ.

— Что «ладно»-то?—спрашиваетъ внутренній голосъ.

«Ну, чортъ съ нею!—думаетъ онъ:—поѣду въ Москву и найду себѣ... А вѣдь она, чай, за повара?»

И опять начинаетъ сосать сердце, и опять начинаетъ что-то подступать къ глазамъ.

— Ваня! позови Агашу! — говоритъ онъ словно измѣнившимся голосомъ, просовывая голову въ переднюю.

Черезъ минуту Ванька возвращается и докладываетъ, что Агашка не идетъ.

— Да ты поди, ты скажи ей, что я... такъ.

Ванька скрывается.

— Вы меня спрашивали, Кондратій Трифонычъ? — раздается въ темнотѣ знакомый голосъ.

— Вы за кого-жъ замужъ выходите, Агашенька-съ? — спрашиваетъ Кондратій Трифонычъ.

— Я-съ... за повара... за Степана-съ!

— Гм!.. за Степана! А въ дѣвушкахъ остаться не хотите?

— Ужъ позвольте, Кондратій Трифонычъ!

— Ну, Богъ съ вами! Кто же у васъ посаженымъ отцомъ будетъ?

Агашенька перебираетъ пальцами концы большого платка, который накинутъ у нея на шею.

— Хочешь, я посаженымъ отцомъ буду?

— Ахъ, нѣтъ... нѣтъ... ужъ оставьте это, Кондратій Трифонычъ!

— Что-жъ, и въ посаженые-то ужъ взять не хотите?

Агашенька видимо тяготится разговоромъ; она переминается съ ноги на ногу; ей хочется уйти. Кондратію Трифонычу кажется, что она неблагодарная.

— Ну, съ Богомъ! Что-жъ... если я... если я... ну, и съ Богомъ!

Digitized by Google

Кондратій Трифонычъ давится и, чтобъ скрыть охватившее его волненіе, кашляетъ; но въ ту минуту, когда онъ поднимаетъ голову, Агаши ужъ нѣтъ...

— Хоть жить-то у меня останетесь ли? — кричитъ онъ вслѣдъ и, не получивши отвѣта, ворчитъ: — Ишь! даже отвѣта не даетъ! а вѣдь я два года еще право имѣю... Ладно!

Между тѣмъ на дворѣ разыгрывается вьюга; она несетъ снопы снѣга съ рѣки и укладываетъ ихъ буграми и грядками около барскаго дома; она наполняетъ воздухъ какою-то сумятицей и застилаетъ огоньки, которые свѣтятся въ людскихъ избахъ и въ тихую погоду бываютъ видны изъ господскаго дома; она визжитъ и воетъ; она стучится въ стѣны и въ окна, словно просится со стужи въ тепло.

— Нѣтъ тебѣ ни правой, ни лѣвой, нѣтъ тебѣ ни правой, ни лѣвой,—слышится Кондратію Трифонычу въ этомъ заунывномъ голошеніи вьюги.

Дѣлать рѣшительно нечего; что было дѣла—все передѣлалъ, что было мыслей — всѣ передумалъ. Часы тоскливо стучатъ: тикъ-такъ, тикъ-такъ, и Кондратій Трифонычъ чувствуетъ, какъ взмахи маятника, одинъ за другимъ, уносятъ его надежды. Онъ чувствуетъ, что съ каждой минутой все больше и больше дряхлѣетъ, что дерево жизни подточено, что листья одинъ за однимъ все падаютъ, все падаютъ...

— Что-жъ это онъ чаю, подлецъ, не даетъ! — вскрикиваетъ онъ, какъ уязвленный, удостовѣрившись, что часовая стрѣлка стоитъ на половинѣ восьмого.—Ванька! чаю, чаю-то что-жъ не даешь! Не стою я, что ли?

Ванька хочетъ уйти.

— Нѣтъ, ты мнѣ говори: не стою, что ли, я чаю, что ты меня до сихъ поръ моришь?

— Я думалъ, что не надо!—огрызается Ванька.

— Ты думалъ! онъ думалъ! милости просимъ! онъ думалъ! А ты знаешь ли, какъ вашего брата за думанье-то! Онъ думалъ!.. ты!.. ахъ, ты! Ну, ступай... ладно!

Кондратій Трифонычъ опять пересчитываетъ свои обиды: тогда-то пыли не стеръ, тогда-то рожу состроилъ, тогда-то прыснулъ въ самое лицо барину, тогда-то безъ чаю намѣревался оставить.

— Агашку взбаламутилъ,—говоритъ онъ, инстинктивно склоняя голову на бокъ, какъ будто сообщаетъ это по секрету становому на ухо.

Digitized by Google

Но вотъ и чай выпитъ; Кондратій Трифонычъ беретъ засаленныя карты и начинаетъ раскладывать гранъ-пасьянсъ. Онъ гадаетъ, уродится ли у него рожь самъ-десятъ—не выходитъ; онъ гадаетъ, останется ли Агаша жить у него—не выходитъ; онъ гадаетъ, избавится ли его имѣніе отъ продажи съ публичнаго торга—не выходитъ.

— Нѣтъ тебѣ ни правой, ни лѣвой, нѣтъ тебѣ ни правой, ни лѣвой!—злится на дворѣ вьюга.

. . . . . .

Кондратій Трифонычъ спитъ; въ комнатѣ жарко и душно; онъ разметался; одна рука свѣсилась съ кровати, другая легла на лѣвую сторону груди, какъ будто хочетъ сдержать учащенное біеніе сердца. Онъ видитъ во снѣ, что послѣдовало какое-то новое распоряженіе. Въ чемъ заключается это распоряженіе—сонъ не объясняетъ, но самое слово «распоряженіе» уже вызываетъ капли холоднаго пота на лицо Кондратія Трифоныча. Онъ стонетъ и захлебывается.

По утру, часовъ въ восемь, чуть брезжится, а ужъ его будитъ Ванька.

— Что такое? что такое?—спрашиваетъ онъ, глядя на Ваньку мутными глазами.

— Становой пріѣхалъ!

— А!.. лладно!—произноситъ Кондратій Трифонычъ, и лицо его принимаетъ ироническое выраженіе, которое очень не нравится Ванькѣ.

— Имѣніе описывать пріѣхалъ-съ!—говоритъ Ванька въ самый упоръ, какъ бы желая сразу окатить Кондратія Трифоныча холодной водой.

Занавѣсъ опускается.

IX.—Святочный разсказъ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ чиновника).

I.

Въ 18** году, и именно въ ночь на Рождество Христово, пришлось мнѣ ѣхать по большому коммерческому тракту, ведущему отъ города Срывнаго къ Усть-Дёминской пристани. «Завтра или, лучше сказать, даже сегодня—большой праздникъ,—думалъ я:—нѣтъ того человѣка въ цѣломъ православномъ мірѣ, который бы на этотъ день не успокоился и не предался всѣмъ отрадамъ семейнаго очага; нѣтъ той убогой хижины, которая не освѣтилась бы привѣтнымъ лучомъ радости; нѣтъ того нищаго, бездомнаго и увѣчнаго,

Digitized by Google

который не испыталъ бы на себѣ благотворное дѣйство великаго праздника! Я одинъ, горькимъ насильствомъ судьбы, вынужденъ ѣхать въ эту зимнюю, морозную ночь, между тѣмъ какъ всѣ мысли такъ естественно и такъ неудержимо стремятся къ теплому углу, ѣхать Богъ вѣсть куда и Богъ вѣсть зачѣмъ, перестать жить и самому мѣшать жить другимъ?» Мысли эти неотступно осаждали мою голову и дѣлали положеніе мое, и безъ того непріятное, почти невыносимымъ. Всѣ воспоминанія дѣтства, съ ихъ безмятежными, озареннымъ мягкимъ свѣтомъ картинами, всѣ лучшіе часы и даже мгновенія моего прошлаго, какъ нарочно, возставали передо мной самыми симпатическими, ласкающими своими сторонами. «Какъ было тогда хорошо!—отзывался тихій голосъ гдѣ-то далеко, въ самой глубинѣ моей души,—и какъ, напротивъ того, все теперь непріятно и безучастно вокругъ!»

Кибитка, между тѣмъ, быстро катилась, однообразно и мѣрно постукивая передкомъ объ уступы, выбитые копытами возовыхъ лошадей. Дорога узенькою снѣговой лентой бѣжала все вдаль и вдаль; колокольцы, привязанные къ низенькой дугѣ коренника, будили оцѣпенѣвшую окрестность то яснымъ и отчетливымъ звономъ, когда лошади бѣжали рысью, то какимъ-то безпорядочнымъ гуломъ, когда онѣ пускались вскачь; по временамъ этотъ звонъ и гулъ смѣшивался съ визгомъ полозьевъ, когда они врѣзывались въ полосу рыхлаго снѣга, нанесенную внезапнымъ вихремъ; по временамъ впереди кибитки поднималось и нѣсколько мгновеній стояло недвижно въ воздухѣ облако морозной пыли, застилая собой всю окрестность... Горы, рѣчки, овраги—все какъ будто замерло, все сдѣлалось безразличнымъ подъ пушистою пеленою снѣга.

«Зачѣмъ я ѣду?—безпрестанно повторялъ я самъ себѣ, ежимаясь отъ проникавшаго меня холода:—затѣмъ ли, чтобъ безполезно и произвольно впадать въ жизнь и спокойствіе себѣ подобныхъ? затѣмъ ли, чтобъ удовлетворить извѣстной потребности времени или общества? затѣмъ ли, наконецъ, чтобъ преслѣдовать свои личныя цѣли?»

И разныя странныя, противорѣчивыя мысли, одна за другой, отвѣчали мнѣ на этотъ вопросъ. То думалось, что вотъ пріѣду я въ указанную мнѣ мѣстность, пріучусь, съ горемъ пополамъ, въ курной избѣ, буду по цѣлымъ днямъ шататься, плутать въ непроходимыхъ лѣсахъ и искать... «Чего-жъ искать, однако-жъ?»—мелькнула вдругъ въ головѣ

Digitized by Google

мысль, но, не останавливаясь на этомъ вопросѣ, продолжала прерванную работу. И вотъ я опять среди снѣговъ, среди сувоевъ, среди лѣсной чащи; я хлопочу, я выбиваюсь изъ силъ... и, наконецъ, мое усердіе, то усердіе, которое все превозмогаетъ, увѣнчивается полнымъ успѣхомъ, и я получаю возможность насладиться плодами моего трудолюбія... въ видѣ трехъ-четырехъ бабъ, полуглухихъ, полуслѣпыхъ, полубезногихъ, изъ которыхъ младшей не менѣе семидесяти лѣтъ!.. «Господи! а ну, какъ да онѣ прослышали какъ-нибудь?—шепчетъ мнѣ тотъ же враждебный голосъ, который, очевидно, считаетъ обязанностью всѣ мои мечты отравлять сомнѣніями:—что если Евангія... Е-ван-ги-я!.. куда-нибудь скрылась?» Но съ другой стороны... зачѣмъ мнѣ Евангія? зачѣмъ мнѣ всѣ эти бабы? и кому онѣ нужны, кому отъ того убытокъ, что онѣ ушли куда-то въ глушь, сложить тамъ свои старыя кости? А все-таки хорошо бы, кабы Евангію на мѣстѣ застать!.. Привели бы ее ко мнѣ: «ага, голубушка, тебя-то мнѣ и нужно!»—сказалъ бы я. «Позвольте, ваше высокоблагородіе!—шепнулъ бы мнѣ въ это время становой приставъ (тотъ самый, который изловилъ Евангію, покуда я сидѣлъ въ курной избѣ и отъ скуки посвистывалъ):—позвольте-съ; я дознался, что въ такой-то мѣстности еще столько-то безногихъ старухъ секретно проживаетъ?»—О, Боже! да это просто подарокъ!—восклицаю я (не потому, чтобъ у меня было злое сердце, а просто потому, что я ужъ зарвался въ порывѣ усердія), и снова спѣшу, и задыхаюсь, и открываю... Господи! что я открываю!.. Что-жъ, однако-жъ, изъ этого, къ какому результату ведутъ эти усилія? Къ тому ли, чтобъ перевернуть вверхъ дномъ жизнь десятка полуистлѣвшихъ старухъ?.. Нѣтъ, видно, въ самой мыслительной моей способности имѣется какой-нибудь порокъ, что я даже не могу найти приличнаго отвѣта на вопросъ, безъ того, чтобъ снова, дѣйствіемъ какого-то досаднаго волшебства, не возвратиться все къ тому же вопросу, изъ котораго первоначально вышелъ.

Между тѣмъ повозка начала все чаще и чаще постукивать передкомъ; полозья, по временамъ раскатываясь, скользили по обледенѣлому черепу дороги; все это составляло несомнѣнный признакъ жилья, и дѣйствительно, высунувшись изъ кибитки, я увидѣлъ, что мы въѣхали въ большое село.

— Вотъ и до мѣста доѣхали!—молвилъ ямщикъ, поворачиваясь ко мнѣ.

Digitized by Google

Заиндевѣвшая его борода и жалкій бѣлый понитокъ, составлявшій, вмѣстѣ съ дырявымъ и совершенно вытертымъ полушубкомъ, единственную его защиту отъ лютаго мороза, бросились мнѣ въ глаза. Странное ощущеніе испыталъ я въ эту минуту! Хотя и обледенѣлыя бороды, и худые бѣлые понитки до того примелькались мнѣ во время моихъ частыхъ скитаній по дорогамъ, что я почти пересталъ обращать на нихъ вниманіе, но тутъ я совершенно невольнымъ и естественнымъ путемъ поставленъ былъ въ невозможность обойти ихъ.

«Какъ-то придется тебѣ встрѣтить Христовъ праздникъ!—подумалъ я и тутъ же, по какому-то озорному сопряженію идей, прибавилъ:—А я вотъ ѣду въ теплой шубѣ, а не въ пониткѣ... ты сидишь на облучкѣ и безпрестанно вскакиваешь, чтобъ попугать кнутомъ переднюю лошадь, а я сижу себѣ, развалившись, и занимаюсь мечтаніями... ты долженъ будешь, какъ пріѣдешь на станцію, прежде всего лошадей на морозѣ распрячь, а я *велю* ввести себя прямо въ тепло, *велю* поставить самоваръ, *велю* напоить себя чаемъ, *велю* собрать походную кровать и засну сномъ невинныхъ»...

Въ селѣ было пусто; былъ шестой часъ утра, а въ это время, какъ извѣстно, по большимъ праздникамъ, идетъ уже обѣдня въ тѣхъ селахъ, гдѣ нѣтъ помѣщиковъ и гдѣ массу прихожанъ составляетъ сѣрый народъ. И дѣйствительно, хотя мы почти мгновенно промчались мимо церкви, но я успѣлъ, сквозь отворенную ея дверь, разсмотрѣть, что она полна народомъ, что глубина ея горитъ огнями по-праздничному и что густой паръ стоитъ надъ толпою, одѣвая туманомъ и богомольцевъ, и ярко освѣщенный иконостасъ.

Наконецъ, лошади остановились у просторной избы. Это была станція, но не почтовая, гдѣ, хоть съ грѣхомъ пополамъ, путешественникъ можетъ пріютить свою голову безъ опасенія быть ежеминутно встревоженнымъ шумомъ и говоромъ людей, хлопаніемъ дверей и незасыпающею дѣятельностью дня; это была простая изба, назначенная по отводу для отдыха проѣзжающихъ по казенной надобности чиновниковъ, покуда сбираютъ для нихъ свѣжихъ обывательскихъ лошадей. Сверхъ моего ожиданія, горница, въ которую меня ввели, оказалась просторною, теплою и даже чистою; полъ и вдѣланныя по стѣнамъ лавки были наканунѣ выскоблены и вымыты; передъ образами весело теплилась лампадка; четыреугольный столъ, за которымъ обыкновенно трапезуютъ крестьяне, былъ накрытъ чистымъ бѣлымъ не-

Digitized by Google

реборомъ, а въ ближайшемъ ко входу углу, около огромной русской печи, возилась баба-денщица, очевидно спѣша окончить свою стряпню къ приходу семейныхъ отъ обѣдни. На одной изъ лавокъ, возлѣ передняго угла, сидѣлъ слѣпой и ветхій дѣдушка, въ родѣ тѣхъ, которыми почти фаталистически снабжается всякая сколько-нибудь многочисленная крестьянская семья, и держалъ въ рукѣ деревянную палку, которою задумчиво чертилъ по полу. Онъ дѣлалъ это дѣло съ необычайнымъ терпѣніемъ, какъ будто оно составляло послѣднюю задачу его жизни, и, нащупавъ палкою какую-нибудь неровность, сердился и ворчалъ.

Пріѣздъ мой не произвелъ, однако-жъ, особеннаго впечатлѣнія, такъ какъ, по случаю отвода избы подъ станцію, хозяева ея скоро свыкаются съ общимъ видомъ чиновника, котораго появленіе составляетъ въ кругу ихъ фактъ почти ежедневный. Денщица,—которая, по разсмотрѣніи, оказалась молодухой,—продолжала усердно дѣлать свое дѣло, а дѣдушка попрежнему водилъ палкой по полу и ворчалъ про себя. На палатяхъ возились и потягивались ребятишки.

— Далеко отсюда становой живетъ?—спросилъ я.

— Да верстъ, чай, съ восемь будетъ,—отвѣчала денщица, дѣйствуя въ то же время ухватомъ, которымъ отправляла въ печь горшокъ съ похлебкой.

— А ты говори дѣло, а не «чай»!—вступился мой спутникъ и камердинеръ Гриша, во всякое другое время очень добрый малый, но теперь сильно озлобившійся вслѣдствіе мороза и другихъ дорожныхъ непріятностей.

— А вотъ мужики придутъ—они тебѣ дѣло и скажутъ... Ишь, больно строгъ: съ бабы спрашиваетъ!

— Эхъ ты! баба такъ баба и есть!—отозвался Гриша, но съ такимъ глубокимъ презрѣніемъ, что я сразу сознялъ глубокую разницу, существующую между привилегированнымъ поломъ и непривилегированнымъ.

— Никакъ кто пришелъ? Съ кѣмъ это ты, Татьяна, разговариваешь?—откликнулся дѣдушка.

— Становой далеко отсюда живетъ?—спросилъ я, обращаясь къ старику.

— Ась?

— Ишь ты! глухіе да глупые—вотъ и жди отъ нихъ толку!—злобно замѣтилъ Гриша.

— Баринъ пріѣхалъ... чиновникъ, дѣдушко! — кричала, между тѣмъ, Татьяна, наклонясь къ самому уху старика.— Спрашиваютъ, далече ли до станового будетъ?

Digitized by Google

— Да версть пятокъ-поболѣ будетъ,—прошамкалъ старикъ.—Выѣдешь ты, сударь, за околицу и поѣзжай все вправо... тамъ три сосенки такія будутъ... древнія, сударь, еще дѣдушко мой ихъ помнилъ—вѣ какія сосны!.. Отъ нихъ повертывай прямо направо, будетъ тебѣ тамъ озеро, и поѣзжай ты черезъ него все прямо, все прямо... Лѣтомъ-то, сударь, здѣся-ко не проѣдешь, а надо кругомъ; такъ въ ту пору вмѣсто пяти-то верстъ и пятнадцать поди будетъ!.. Ну, а за озеромъ прямо и представится тебѣ господинъ становой... Такъ-то.

— Такъ нельзя ли лошадей поскорѣй заложить?—спросилъ я.

— А у насъ и робятъ-то никого нѣтъ, всѣ въ церкву ушли,—отвѣчала молодуха.—Видно, ужъ тебѣ, баринъ, обождать придется!

— Дѣдунька! какъ бы лошадей заложить?—снова спросилъ я, наклоняясь къ дѣдушкѣ.

— А что-жъ, сударь, для че не заложить! Кони нонѣ дома, мигомъ заложатъ! Татьяна, сбѣгай по мужа-то, скажи, молъ, чиновникъ наѣхалъ!

Но покуда Татьяна сбиралась, семейные ужъ возвратились изъ церкви и гурьбой ввалились въ избу. Прежде всѣхъ, какъ водится, влетѣлъ никѣмъ не прошенный клубъ морознаго воздуха и мигомъ наполнилъ комнату бѣлесоватымъ туманомъ; за нимъ вошелъ старшій сынъ дѣдушки, мужичокъ лѣтъ пятидесяти слишкомъ, очень сановитой и бодрой наружности, одѣтый, по-праздничному, въ синюю сибирку.

— Съ праздникомъ, батюшка!—сказалъ онъ, помолившись напередъ образамъ:—Богъ милости прислалъ!

— Ну, слава Богу, слава Богу!—прошамкалъ старикъ, привставая съ лавки.—Вотъ и опять мы съ праздникомъ! Съ вами, что ли, некрутъ-то?

— Здѣсь, дѣдушко, будь здоровъ!—молвилъ, выступая впередъ молодой парень.

Я вспомнилъ, что по случаю военныхъ обстоятельствъ объявленъ былъ въ то время чрезвычайный наборъ, и невольно полюбопытствовалъ взглянуть на рекрута. Физіономія его была чрезвычайно симпатична: хотя гладко выстриженные волосы нѣсколько портили его лицо, тѣмъ не менѣе, общее его выраженіе было весьма пріятно; то было одно изъ тѣхъ мягкихъ, полустыдливыхъ, полузастѣнчивыхъ выраженій, которыя составляютъ почти общую принадлеж-

Digitized by Google

ность нашего народнаго типа. Смирно стоялъ онъ передъ старикомъ-дѣдушкой въ своемъ коротенькомъ рекрутскомъ полушубкѣ, засунувъ руку за пазуху и слегка понуривъ голову; въ голубыхъ его глазахъ не видно было огня строптивости или затаеннаго чувства ропота; напротивъ того, вся его любящая, безпредѣльно кроткая душа свѣтилась въ этомъ задумчивомъ и разсѣянно-блуждавшемъ взорѣ, какъ бы свидѣтельствуя о его вѣчной и безпрекословной готовности идти всюду, куда укажетъ судьба.

— Ну, дай Богъ здоровья начальникамъ... отпустили тебя, Петруня... и насъ сдѣлали съ праздникомъ,—сказалъ старикъ.

Покуда старикъ говорилъ, сзади, у печки, послышались сначала вздохи, а потомъ и довольно громкія всхлипыванія. Петруня какъ-то болѣзненно весь сжался, услышавъ ихъ.

— Ну, вотъ, пошла баба голосить! Уйми ты ее, Иванъ!— обратился старикъ къ старшему сыну.—Нѣшто лучше бы было, кабы не отпустили сына-то!.. Такъ ты бы радовалась, не-чѣмъ горевать!

— Такъ неужто-жъ и пожалѣть нельзя! — отозвалась изъ угла баба. — Собирались нонѣ женить въ мясоѣдъ парня, анъ, замѣстъ того, вонъ онъ куда угодилъ... и не чаяли!

Петруня, казалось, еще болѣе сжался при послѣднихъ словахъ матери.

— Ничего, съ Богомъ... не на грѣхъ идетъ! Чай, еще не сколько мученья-то принялъ, Петруня? — спросилъ дѣдушка.

— Мученьевъ, дѣдушко, нѣтъ; а вотъ унтеръ сказывалъ, что черезъ десять дѣнъ въ походъ идти велѣно,—отвѣчалъ Петруня тихо и дрожащимъ голосомъ.

— Ну, что-жъ, и въ походъ пойдешь, коли велѣно! Да ты слушай, голова! И я вѣдь молоденекъ бывалъ, тоже чуть-чуть въ некруты въ ту пору не угодилъ... ужъ и что хлопотъ-то у насъ въ тѣ поры съ батюшкой вышло!

— То-то «чуть-чуть»! — въ сердцахъ ворчала мать:— вотъ не сдали же! А тутъ какъ есть одинъ сынъ, да и тотъ не въ домъ, а изъ дому вонъ бѣжитъ!

— А кто-жъ тебѣ не велѣлъ другого припасти! — сказалъ дѣдушка полушутливо, полудосадливо. — То-то вотъ баба: замѣстъ того, чтобъ потѣшить сыночка о праздникѣ, а она еще пуще его въ разстрой приводитъ! Ты пойми, глупая, что онъ у тебя въ гостяхъ здѣсь! Вотъ ужъ вели

Digitized by Google

коней въ саночки запрячь... погуляй покуда, Петруня, съ робятками-то, погуляй, милой!

Иванъ, однако, не принималъ никакого участія въ разговорѣ. Онъ спокойно раздѣвался въ это время и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалъ обычныя распоряженія по дому. Но это равнодушіе было только кажущееся, а въ сущности онъ не менѣе жены печалился участью сына. Вообще, нашего крестьянина трудно чѣмъ-нибудь растревелить, удивить или душевно растрогать. Ежеминутно имѣя прямое отношеніе лишь къ самой незамысловатой и неизукрашенной дѣйствительности, ежеминутно встрѣчая лицомъ къ лицу свою насущную жизнь, которая часто представляетъ для него одну безконечную невзгоду и во всякомъ случаѣ многаго никогда ему не даетъ, онъ привыкаетъ смѣло смотрѣть въ глаза этой суровой мачехѣ, которая по временамъ еще осмѣливается заговаривать льстивыми голосами и называть себя родною матерью. Поэтому всякая потеря, всякая неудача, всякое безвременье составляютъ для крестьянина такой простой фактъ, передъ которымъ нечего и задумываться, а только слѣдуетъ терпѣливо и бодро снести. Даже смерть наиболѣе любимаго и почитаемаго лица не подавляетъ его и не производитъ особеннаго переполоха въ душѣ; мало того: я не одинъ разъ видалъ на своемъ вѣку умирающихъ крестьянъ, и всегда (кромѣ, впрочемъ, очень молодыхъ парней, которымъ труднѣе было разставаться съ жизнью) замѣчалъ въ нихъ какое-то твердое и вмѣстѣ съ тѣмъ почти младенческое спокойствіе, которое многіе, конечно, не затруднились бы назвать геройствомъ, если бы оно не выражалось столь просто и неизысканно. Всѣ страданія, всѣ душевныя тревоги крестьянинъ привыкъ сосредоточивать въ самомъ себѣ, и если изъ этого правила имѣются исключенія, то они составляютъ предметъ хотя добродушныхъ, но всегда общихъ насмѣшекъ. Такихъ людей называютъ нюнями, бабами, стрекозами, и никогда разсудливый мужикъ не станетъ говорить съ ними о дѣлѣ. Правда, дрогнетъ иногда у крестьянина голосъ, если обстоятельства уже слишкомъ круто повернутъ его, измѣнится и какъ будто перекосится на мигъ лицо, насупятся брови— и только; но жалоба, суетливость и безплодное аханье никогда не найдутъ мѣста въ его груди. Повторяю: невзгода представляется для крестьянина столь обычнымъ фактомъ, что онъ не только не обороняется отъ него, но даже и не готовится къ принятію удара, ибо и безъ того всегда

Digitized by Google

къ нему готовъ. Всю чувствительность, всѣ жалобы онъ, кажется, предоставилъ въ удѣлъ бабамъ, которыя и въ крестьянскомъ быту, какъ и вездѣ, по самой природѣ, болѣе склонны представлять себѣ жизнь въ розовомъ цвѣтѣ, и потому не такъ легко примиряются съ ея неудачами.

— Рекрутъ, что ли, у васъ?—спросилъ я Ивана.

— Рекрутъ, сударь, сыномъ мнѣ-ка приходится.

— А велика ли у васъ семья?

— Семья, нечего Бога гнѣвить, большая; четверо насъ братовей, сударь, да дѣтки въ законъ еще не вышли... вотъ Петрунька одинъ и вышелъ.

— Тяжело, чай, разставаться-то?

Иванъ съ изумленіемъ взглянулъ на меня, и я, не безъ внутренней досады, долженъ былъ сознаться, что сдѣланный мною вопросъ совершенно праздный и ни къ чему не ведущій.

— Божья власть, сударь!—отвѣчалъ онъ и, обращаясь къ старику, прибавилъ:—Обѣдать, что ли, собирать, батюшка?

— Вели сбирать! Иванушко, пора! чай, и свѣтъ скоро будетъ!.. Да за конями-то пошли, что ли!

— Давно Васютку услалъ, приведутъ сейчасъ.

Петруня, между тѣмъ, незамѣтно скрылся за дверь. Несмотря на то, что изба была довольно просторная, воздухъ въ ней, отъ множества собравшагося народа, былъ до того спертъ, что непривычному трудно было дышать въ немъ. Кромѣ сыновей стараго дѣдушки съ ихъ женами, тутъ находилось цѣлое поколѣніе подростковъ и малолѣтковъ, которые немилосердно возились и болтали, поѣдая пичкая себя хлѣбомъ и сдобными лепешками.

— Кто-то вотъ насъ кормить на старости лѣтъ будетъ?—промолвила, между тѣмъ, хозяйка Ивана, попрежнему стоя въ углу пригорюнившись.

— Чай, братовья тоже есть, семья не маленькая!—отвѣчалъ дѣдушка, съ трудомъ скрывая досаду.

— Да, дожидайся, пока они накормятъ... чай, по тѣхъ поръ ихъ и видѣли, поколь ты живъ.

— Не дѣло, Марья, говоришь!—замѣтилъ второй братъ Ивана.

— Ее не переслушаешь!—отозвался третій братъ.

Окончанія разговора я не дослушалъ, потому что не могъ долѣе выносить этого спертаго, насыщеннаго парами разныхъ похлебокъ воздуха, и вышелъ въ сѣнцы. Тамъ было совершенно темно. Глухо доносились до меня голоса ямщиковъ, суетившихся около повозки, и дребезжащее

Digitized by Google

позвякиваніе колокольцовъ, накрѣпко привязанныхъ къ дугѣ, и еще какіе-то смутные звуки, которые непремѣнно услышишь на каждомъ крестьянскомъ дворѣ, гдѣ хозяинъ живетъ мало-мальски запасливо.

— Какъ же быть-то? — сказалъ неподалеку отъ меня милый и чрезвычайно мягкій женскій голосъ.

— Какъ быть! — повторилъ, повидимому, совершенно безсознательно другой голосъ, который я скоро призналъ за голосъ Петруни.

— Скоро, чай, и сряжаться станете? — снова началъ женскій голосъ послѣ непродолжительнаго молчанія.

Петруня не промолвилъ ни слова и только вздохнулъ.

— Нортяночки-то у тебя теплыя есть ли?—вновь заговорилъ женскій голосъ.

— Есть.

— Ахъ, не близкая, чай, дорога!

Снова наступило молчаніе, въ продолженіе котораго я слышалъ только учащенные вздохи разговаривающихъ.

— Ужъ и какъ тяжко-то мнѣ, Петруня, кабы ты только зналъ!—сказалъ женскій голосъ.

— Чего тяжко, чай, замужъ выдешь!— молвилъ Петруня дрожащимъ голосомъ.

— А что станешь дѣлать... и выду!

— То-то... чай, за стараго... за вдовца дѣтнаго...

— За стараго-то лучше бы... по крайности, хоть любить бы не стала, Петруня!

— А молодого, небось, полюбила бы!.. То-то вотъ вы: потоль у васъ и милъ, поколь въ глазахъ! — сказалъ Петруня, котораго загодя мучила ревность.

— Ой, ужъ не говори ты лучше!.. умерла бы я, нечѣмъ съ тобой разставаться—вотъ сколь мнѣ тебя жалко!

— А меня, небось, въ сраженіяхъ убьютъ, покуда ты здѣсь замужъ выходить будешь... дѣтей, чай, народишь... Вотъ унтеръ намеднись сказывалъ, что въ сраженьи какъ есть ни одинъ человѣкъ цѣлъ не будетъ—всѣхъ побьютъ!

Вмѣсто отвѣта, мнѣ послышались тихія, словно дѣтскія, всхлипыванія.

— Ну, что-жъ, и пущай бьютъ!—продолжалъ Петруня, находя какое-то горькое удовольствіе въ страданіяхъ своей собесѣдницы.

Всхлипыванія послышались горче прежняго.

— Ахъ, пропадай моя голова... хочешь, сбѣгу, Мавруша?—внезапно спросилъ Петруня.

Digitized by Google

— Что ты, что ты, Петруня! что-жъ это будетъ!—отвѣчала Мавруша голосомъ, въ которомъ слышался испугъ.

— Убѣгу да и все тутъ,—продолжалъ Петруня. — Уйду въ лѣса къ старцамъ... Ищи, лови тогда!

— Стариковъ-то твоихъ, чай, въ ту пору такъ и засудятъ!—робко замѣтила Мавруша.

Петруня молчалъ.

— Въ разоренье-поди приведутъ!—продолжала Мавруша, какъ бы разсуждая сама съ собой.

То же молчаніе.

— Нѣтъ, ты ужъ лучше не бѣгай, Петруня, какъ-нибудь, Богъ дастъ, и свидимся.

— То-то «свидимся»! Замужъ, чай, хочется, а не «свидимся»! Ты бы напрямки такъ и говорила... а то «свидимся»! Такъ бѣжать, что ли?

— Куда-жъ бѣжать? Коли для меня ты хочешь бѣжать, такъ я за тобой вѣдь бѣжать не могу!

Петруня заплакалъ.

— Петруня! желанный ты мой!—прошептала Мавруша.

Петруня заплакалъ пуще прежняго.

— Охъ, да хоть бы не плакалъ ты!—сказала Мавруша какимъ-то утомленнымъ, замученнымъ голосомъ.

— Вотъ каково дѣло, что и пособить нечѣмъ!—говорилъ Петруня, обрываясь почти на каждомъ словѣ.—Куда я теперь дѣнусь? Охъ, да подумай же ты, Мавруша, какъ бы намъ хорошо-то было!.. жили бы мы теперь съ тобой... и мясоѣдъ вотъ на дворѣ... И все-то вѣдь прахомъ пошло... точно ничего и не было! Намеднись вотъ унтеръ сказывалъ, верстъ тысячи за двѣ поведутъ... такъ когда же тутъ свидѣться!

— Петруня! гдѣ же ты запропалъ?—раздался сзади меня голосъ женщины.

— Здѣсь! обѣдать, что ли?—откликнулся Петруня.

— Обѣдать дѣдушко зоветъ.

— Сейчасъ. Прощай, Мавруша! нонѣ къ ночи надо опять въ городъ ѣхать... прощай! Можетъ, ужъ и не свидимся!

— Развѣ на село-то не пойдете съ партіей? Хошь бы посмотрѣла я на тебя!

— Нѣтъ, по почтовой пойдемъ; вотъ развѣ что: ужо дѣдушка коней посулилъ... погуляемъ, что ли?

— Не пустятъ, Петруня,—тихо отвѣчала Мавруша:—а ужъ какъ бы не погулять! Старики-то нонѣ у меня больно зорки стали: поди, и теперь, чай, ищутъ меня!

Digitized by Google

— Ну, такъ инъ Богъ съ тобой! Прощай же, Мавруша!

Голоса стихли; но Петруня нѣсколько времени еще не приходилъ въ избу; минуты съ двѣ слышались мнѣ и глубокіе вздохи, и неясный шопотъ, прерываемый рыданіями, и стало мнѣ самому такъ обидно, тяжко и больно, какъ будто внезапно лишили меня всего, что было дорого моему сердцу. «Вотъ,—думалъ я,—простая, кажется, съ виду штука, а поди-ка переживи ее!» И должно сознаться, что до тѣхъ поръ никогда эта мысль не заходила мнѣ въ голову.

— Иди, что ли! — снова раздался сзади меня голосъ денщицы.

— Иду, иду!—отвѣчалъ Петруня.—Прощай, Мавруша!—продолжалъ онъ какимъ-то гортаннымъ, задыхающимся голосомъ:—прощай же, касатка!

И вслѣдъ за тѣмъ онъ бѣгомъ вбѣжалъ на лѣстницу и направился быстрыми шагами въ избу.

Когда я, черезъ четверть часа, снова вошелъ въ избу, вся семья обѣдала, но общій ея видъ былъ нерадошенъ. Какое-то принужденіе носилось надъ ней, и хотя дѣдушка старался завести обычную бесѣду, но усилія его не имѣли успѣха. Иванъ молчалъ и смотрѣлъ угрюмо; Марья потихоньку всхлипывала; Петруня сидѣлъ съ заплаканными глазами и ничего не ѣлъ; прочіе члены семьи, хотя и менѣе заинтересованные въ этомъ дѣлѣ, невольно слѣдовали, однакожъ, за общимъ настроеніемъ чувствъ; даже малолѣтки, обыкновенно столь неугомонные, какъ-то притихли и сжались. Однимъ словомъ, тутъ только и было праздничнаго, что кушанья, которыхъ было перемѣнъ шесть и которыя однообразно слѣдовали одно за другимъ, ни въ комъ не возбуждая веселья. Я тоже невольно задумался, глядя на эту семью... и о чемъ задумался?

«Что-то дѣлается,—думалъ я,—въ томъ далекомъ-далекомъ городѣ, который, какъ червь неусыпающій, никогда не знаетъ ни усталости, ни покоя? Радуются ли, нѣтъ ли тамъ Божьему празднику? и кто радуется? и какъ радуется? Не подпалъ ли тамъ праздникъ подъ общее тлетворное владычество простой обрядности, безъ всякаго внутренняго смысла? не сдѣлался ли онъ тамъ днемъ, къ которому надо особеннымъ образомъ искривить ротъ въ видѣ улыбки, къ которому надо накупить много конфетъ, много нарядовъ, въ который, по условному обычаю, слѣдуетъ призвать въ гостиную дѣтей съ тѣмъ, чтобъ вдоволь натѣшиться ихъ благоприличными манерами и затѣмъ вновь отослать ихъ

Digitized by Google

въ дѣтскую, считая всѣ обязанности въ отношеніи къ нимъ уже исполненными до слѣдующаго праздника? Сохранилъ ли тамъ праздникъ свое христіанское, братское значеніе, въ-силу котораго сама собой обновляется душа человѣка, сами собой отверзаются его объятія, само собой раскрывается его сердце? Вѣдь праздникъ есть такая же потребность человѣческой жизни, какъ радость—потребность человѣческаго сердца: это потребность успокоенія и отдыха, потребность хоть на время сбросить съ себя тяжесть жизненныхъ узъ, съ тѣмъ, чтобъ безусловно предаться одному ликованію!»

И передо мной незамѣтно раскрылся знакомый рядъ картинъ, свидѣтелей моего прошедшаго, картинъ, въ которыхъ много было движенія, много суеты, много даже какихъ-то неясныхъ очертаній и смутныхъ намековъ на жизнь, радость и наслажденіе... Но была ли это радость дѣйствительная, было ли это то чистое наслажденіе, которое не оставляетъ послѣ себя въ сердцѣ никакого осадка горечи? Вотъ онъ, этотъ громадный городъ, въ которомъ воздухъ кажется спертымъ отъ множества людскихъ дыханій; вотъ онъ, городъ скорбей и никогда неудовлетворяемыхъ желаній; городъ желчныхъ честолюбій и ревнивыхъ, завистливыхъ надеждъ; городъ гнусно-искривленныхъ улыбокъ и заражающихъ воздухъ признательностей! Какъ волшебенъ онъ теперь при свѣтѣ своихъ милліоновъ огней, какая страшная струя смерти совершаетъ свой безконечный, разъѣдающій оборотъ среди этого вѣчнаго тумана, среди міазмовъ, безпощадно врывающихся со всѣхъ сторонъ! Сколько мученій, сколько никѣмъ незнаемыхъ и никѣмъ нераздѣленныхъ надеждъ, сколько горькихъ разочарованій, и вновь надеждъ, и вновь разочарованій!

«Господи! надо же было надъ Петруней такой бѣдѣ стрястись! Кабы не это, сидѣлъ бы онъ здѣсь беззаботный и радостный; весело бесѣдовало бы теперь за трапезой честное потомство слѣпенькаго дѣдушки... И надо же было слѣпому случаю пройти безпощаднымъ своимъ плугомъ по этому прекрасному зеленому лугу, чтобъ взбуровить его ровную поверхность и исполосать ее черными, безобразными бороздами!»

Размышленія эти были прерваны докладомъ о томъ, что лошади готовы. Горько мнѣ было садиться одному въ сани, горько было разставаться съ людьми, особливо въ этотъ праздникъ, когда, и вслѣдствіе воспоминаній прошедшаго,

Digitized by Google

и вслѣдствіе всего склада жизни, необходимость общества людей какъ-то особенно живо чувствуется. Казалось бы, что общаго между мной и этою случайно встрѣченною мною семьею, какое тайное звено можетъ соединить насъ другъ съ другомъ? И между тѣмъ я несомнѣнно сознавалъ присутствіе этой связи, я несомнѣнно ощущалъ, что въ сердцѣ моемъ таится невидимая, но горячая струя, которая, безъ вѣдома для меня самого, пріобщаетъ меня къ первоначальнымъ и вѣчно бьющимъ источникамъ народной жизни.

II.

На дворѣ было еще темно, хотя свѣтъ, очевидно, готовился уже вступить въ права свои; морозъ сдѣлался какъ будто еще лютѣе прежняго; крѣпкій верховой вѣтеръ сильно буровилъ здѣсь и тамъ снѣжную равнину и, поднявъ бѣлые столбы снѣга, направлялъ свой путь далѣе, съ тѣмъ, чтобъ опять черезъ минуту вернуться и, поднявъ новые снѣжные столбы, опять нестись куда-то далеко-далеко. Холодъ и вѣтеръ тѣмъ болѣе были для меня ощутительны, что я ѣхалъ въ открытыхъ саняхъ, потому что долженъ былъ, послѣ необходимыхъ объясненій съ становымъ приставомъ, опять вернуться на станцію, гдѣ, вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній, я и заблагоразсудилъ оставить свою повозку.

Вотъ и тѣ три сосенки, о которыхъ толковалъ мнѣ старикъ; сквозь мутное облако частаго, тонкаго снѣга я видѣлъ только очертанія ихъ, но, вѣроятно, душа моя была слишкомъ особеннымъ образомъ настроена, что за плавнымъ покачиваніемъ широкихъ ихъ вершинъ мнѣ именно слышалось, будто онѣ жалуются и говорятъ о томъ, какъ надоѣла имъ эта долгая, почти безконечная жизнь, какъ устали онѣ отъ этихъ отовсюду вторгающихся вѣтровъ, которые безпрепятственно и безнаказанно оскорбляютъ ихъ, то обламывая самые крѣпкіе ихъ побѣги, то разбрасывая мохнатыя ихъ вѣтви въ какой-то тоскливой безпорядочности. Вотъ и озеро, которое подало мнѣ о себѣ вѣсть особенностью звука, издаваемаго копытами лошадей, и вѣшками, которыя часто натыканы здѣсь по обѣимъ сторонамъ дороги... Я глянулъ въ даль, и не знаю почему — тамъ, на самомъ концѣ ея, представился мнѣ становой приставъ, въ видѣ страшнаго, лохматаго чудовища, съ семью головами, съ длинными желѣзными когтями и долгимъ

Digitized by Google

огненнымъ языкомъ. И такъ ясно и отчетливо мелькало передо мной это странное и, къ счастію, совершенно невѣроятное видѣніе, что мнѣ стало жутко, и я поспѣшилъ плотнѣе закутаться въ шубу, чтобъ не видать его кривляній.

Черезъ полчаса я въѣзжалъ въ огромное торговое село, въ которомъ было много домовъ совершенно городской постройки. Въ одномъ изъ нихъ помѣщалась квартира станового пристава, и я еще издали могъ налюбоваться на множество огней, которые, очевидно, были зажжены на дѣтской елкѣ. Огни горѣли весело и, проходя сквозь обледенѣлыя стекла оконъ, принимали самые измѣнчивые и разнообразные цвѣта.

Становой или, какъ его обыкновенно зовутъ крестьяне, «баринъ», былъ дома. Звали его Ермолаемъ Петровичемъ, по фамиліи Бондыревымъ; по наружности же былъ онъ мужчина дюжій, и вслѣдствіе того постоянно отдувался и дышалъ тяжело, словно запаленная лошадь. Лицо его, пухлое и отеклое, было покрыто слоемъ жирнаго вещества, который придавалъ его кожѣ лоскъ почти зеркальный; огромная его лысина, по общему отзыву сослуживцевъ, имѣла свойство испускать изъ себя облако тумана въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ: во время губернаторской ревизіи, когда, какъ извѣстно, сердечныя движенія въ уѣздномъ чиновникѣ дѣлаются особенно сильны и остры, и по выпитіи двадцать-пятой рюмки очищенной. Голосъ у него былъ сильный, густой басъ, сопровождаемый легкою хрипотой, и выходилъ изъ гортани какъ бы коломъ. Къ величайшему моему удивленію, это несоразмѣрное преобладаніе матеріи нимало не тяготило его; вообще онъ былъ на службѣ легокъ, какъ пухъ, и когда исполненіе служебныхъ обязанностей требовало съ его стороны уже слишкомъ усиленной дѣятельности, то вся его досада проявлялась въ томъ только, что онъ пыхтѣлъ и ругался пуще обыкновеннаго. Впрочемъ, онъ былъ, въ сущности, малый добродушный, и когда принималъ благодарность, то всегда говорилъ спасибо, и этимъ весьма льстилъ самолюбію доброхотныхъ дателей.

— Милости просимъ побесѣдовать въ комнату, ваше высокоблагородіе! — сказалъ онъ, встрѣтивъ меня въ прихожей. — У меня нынче праздникъ, дѣтки вотъ развозились...

— А мнѣ надо бы скорѣе ѣхать, — отвѣчалъ я не со-

Digitized by Google

всѣмъ впопадъ, все еще находясь подъ вліяніемъ лохматаго чудовища.

— Что же такъ-съ? Часомъ раньше, часомъ позже — дѣло не волкъ, въ лѣсъ не уйдетъ-съ. Заодно ужъ у насъ покушаете, а послѣ обѣда и въ путь-съ. Мнѣ вѣдь тоже съ вами надо будетъ отправляться, такъ если сейчасъ же и ѣхать—не будетъ ли ужъ очень это обидно? Вѣдь праздникъ-съ...

Я остался и отчасти былъ даже доволенъ этой задержкой, потому что очень усталъ съ дороги. Въ комнатѣ, въ которую ввелъ меня Бондыревъ, было все его семейство и сверхъ того еще нѣсколько постороннихъ лицъ, съ которыми онъ, однакожъ, не заблагоразсудилъ меня познакомить. Онъ только указалъ мнѣ рукой на дѣтей, сказавъ: «а вотъ и потроха мои!» и затѣмъ насильственно усадилъ меня на диванъ. Изъ семейныхъ были тутъ: жена Ермолая Петровича, бабочка лѣтъ двадцати пяти, которая была бы недурна собой, если бы не такъ усердно мазалась свинцовыми бѣлилами и не носила столь туго накрахмаленныхъ юбокъ; мать ея, худенькая, повязанная платкомъ старуха съ фіолетовымъ носомъ, которую Бондыревъ, неизвѣстно почему, величалъ «вашимъ превосходительствомъ», и четверо дѣтей, которыя основательностью своего тѣлосложенія напоминали Ермолая Петровича, и чуть ли даже, подобно ему, не похрипывали.

— Не угодно ли чаю съ дороги?—спросила меня жена.

— Что̀ чай! вотъ мы его высокоблагородіе водочкой попросимъ, — отозвался Бондыревъ. — Я, ваше высокоблагородіе, этой китайской травы въ ротъ не беру — оттого и здоровъ-съ.

— Вы изъ «губерніи» изволите ѣхать? — обратилась ко мнѣ старуха-теща.

— Да, я недавно оттуда.

— Такъ-съ. А какъ, я думаю, тамъ теперича хорошо должно быть! Предсѣдательствующіе, по случаю праздника, въ соборѣ въ мундирахъ стоятъ... самъ генералъ, чай, насупившись...

— Ну, пошла, ваше превосходительство, огородъ городить!—замѣтилъ Бондыревъ.—Ну, скажите на милость, зачѣмъ генералу насупившись стоять! Чай, для праздника-то Христова и имъ бровки свои пораздвинуть можно!

— Ахъ, батюшка мой! насупившись стоитъ по той причинѣ, что озабоченъ очень!.. Обуза вѣдь не маленькая!

Digitized by Google

— А мнѣ, такъ всего лучше пѣвчіе... Это восхитительно!—вступилась жена.—При слабости нервъ, даже слушать почти невозможно!

— Нѣтъ, вотъ на моей памяти бывали въ соборѣ пѣвчіе—такъ это именно, что всѣхъ въ слезы приводили!—перебила теща.—Ужъ на что былъ въ ту пору губернаторъ суровый человѣкъ, а и тотъ воздержаться никакъ не въ силахъ былъ! Особливо былъ тутъ одинъ черноватенькій: запоетъ, бывало, сначала тихонько-тихонько, а потомъ и переливается, и переливается... даже словно журчитъ весь! Авдотья Степановна, второго діакона жена, сказывала, что ему по два дня ѣсть ничего не давывали, чтобъ голосъ чище былъ!

— Вотъ распроклятая-то жизнь!—молвилъ Ермолай Петровичъ, подмигнувъ мнѣ лѣвымъ глазомъ, и потомъ, обращаясь къ тещѣ, прибавилъ:—А какъ посмотрю я на ваше превосходительство, такъ все-то у васъ однѣ глупости да малодушества на умѣ.

Но ея превосходительство, должно-быть, ужъ привыкла къ подобнымъ апострофамъ, потому что, нимало не конфузясь, продолжала:

— Ужъ я, бывало, такъ и не дышу, словно туманъ у меня въ глазахъ, какъ они-это выводить-то зачнутъ! Да, такой ужъ у меня характеръ: коли передъ глазами у меня что-нибудь божественное, такъ я, можно сказать, сама себя не помню... такъ это все тамъ и колышится!

Мадамъ Бондырева глубоко и сосредоточенно вздохнула.

— Да, въ деревнѣ ничего этого не увидишь!—сказала она.

— Гдѣ увидать!—одни выходы у его превосходительства чего стоятъ! Всѣ чиновники, бывало, въ мундирахъ стоятъ, и каждому его превосходительство свой репримандъ сдѣлаетъ! И пойдутъ это потомъ каждый день закуски да обѣды—однѣхъ свиней для колбасъ сколько въ батальонѣ, при солдатской кухнѣ, откармливали!

— Ну, это-то заведенье и доднесь, пожалуй, осталось—скорбѣть объ этомъ нечего!—флегматически объяснилъ Ермолай Петровичъ.—А что, ваше высокоблагородіе, не угодно ли будетъ повторить отъ скуки? Водка у насъ, осмѣлюсь вамъ доложить, отличная: сразу, что называется, ожжетъ, а потомъ и пойдетъ ползкомъ по суставчикамъ... каждый изноетъ-съ!

— Вотъ у моего покойника,—снова обратилась ко мнѣ теща: — хорошую водку на столъ подавали. Онъ только и

Digitized by Google

говоритъ, бывало: «лучше ничѣмъ меня откупщикъ не почти, а водкой почти!»

— Ну, это опять неосновательно,—замѣтилъ Бондыревъ:— пословица гласитъ: пей, да ума не пропей—стало-быть, зачѣмъ же я изъ-за водки другія статьи буду неглижировать?

— Да вѣдь и онъ, сударь, не неглижировалъ, а такъ только къ слову это говаривалъ. Онъ водку-то черезъ кубъ, для крѣпости, переганивалъ...

— Ну, а ваши какъ дѣла?—спросилъ я Бондырева.

— Слава Богу, ваше высокоблагородіе, слава Богу! дай Богъ здоровья добрымъ начальникамъ, милостями не оставляютъ... нынѣ вотъ подъ судъ отдали!

— Какъ такъ?

— Да просто-съ. Чтой-то ужъ, ваше высокоблагородіе, будто и не знаете? Чай, и вы тутъ ручку приложили!

— Въ первый разъ слышу.

— Что-жъ-съ, и тутъ мудренаго нѣтъ! Извѣстно, не читать же вашимъ высокоблагородіямъ всего, что подписывать изволите!

— Скажите, по крайней мѣрѣ, за что вы отданы подъ судъ?

— А неизвѣстно-съ. Оно, конечно, довольно тутъ на справку вывели, и жизнь-то, кажется, наизнанку всю выворотили... однѣхъ неисполнительностей штукъ до полсотни подыскали—даже подивился я, откуда весь этотъ соръ выгребли. Да-съ; тяженька-таки наша служба; губернское-то правленіе не то чтобъ, какъ мать, по-родительски тебѣ спустило, а пуще считаетъ тебя, какъ бы сказать, за подкидыша: ты, дескать, такой-сякой, все за-разъ сдѣлать долженъ!

— По пословицѣ, Ермолай Петровичъ, по пословицѣ!— «Свекровь снохѣ говорила: сношенька, будетъ молоть; отдохни—потолки!»

Послѣднія слова произнесъ неизвѣстный мнѣ старикъ, стоявшій до сихъ поръ въ углу и не принимавшій никакого участія въ разговорѣ. По всему было видно, что этотъ новый собесѣдникъ принадлежалъ къ числу тѣхъ жалкихъ жертвъ провинціальнаго бюрократизма, которыя преждевременно утрачиваютъ душевныя свои силы, вслѣдствіе неумѣреннаго употребленія водки, и затѣмъ на всю жизнь дѣлаются неспособными ни къ какому дѣлу или занятію, требующему умственныхъ соображеній. Онъ былъ одѣтъ въ вицъ-мундиръ стариннаго покроя съ узенькими фалдочками и до такой степени порыжѣлый, что даже самый опытный

Digitized by Google

глазъ не могъ бы угадать здѣсь признаковъ первобытнаго зеленаго цвѣта. Но всего замѣчательнѣе въ этомъ человѣкѣ былъ необыкновенный, грибовидный его носъ, на которомъ, какъ на палитрѣ, сочетались всевозможные цвѣта, начиная отъ чисто-тѣлеснаго и кончая самымъ темнымъ яхонтовымъ. Носъ этотъ, какъ послѣ оказалось, былъ источникомъ горькихъ несчастій и глубокихъ разочарованій для своего обладателя.

— Это жаль, однакожъ,—сказалъ я Бондыреву, ощущая невольное угрызеніе совѣсти при видѣ человѣка, котораго погибели я самъ нѣкоторымъ образомъ содѣйствовалъ.

— Ничего, ваше высокоблагородіе! мы въ уголовной-то словно въ банькѣ выпаримся... еще бодрѣй послѣ того будемъ!

— Это истинно такъ!—пояснилъ обладатель носа.

— А что, видно, и тебѣ горловину-то прочистить хочется?—обратился къ нему Бондыревъ.—Ваше высокоблагородіе! позвольте представить: Егоръ Павлычъ Абессаломовъ, служитъ у меня въ вольнонаемныхъ; проку-то отъ него, признаться, мало, такъ больше вотъ для забавы, для домашнихъ-съ держу.. Театровъ у насъ нѣтъ, такъ по крайности хоть онъ развлечетъ.

— Ну, ужъ, нашли какую замѣну!—презрительно процѣдила жена.

— А что-жъ! по деревнѣ, лучше и быть не надо!—продолжалъ Ермолай Петровичъ.—Объ ину пору онъ насъ, ваше высокоблагородіе, до слезъ мимикой своей смѣшитъ!

— Если его высокоблагородію не гнусно, такъ я и теперь свое представленіе сдѣлать могу!—отрекомендовался Абессаломовъ, выпрямляясь какъ бы передъ наитіемъ вдохновенія.

— Прикажите, ваше высокоблагородіе! Не-чѣмъ такъ-то сидѣть, такъ хоть на диковинки наши посмотрите... Катай, Абессаломовъ.

— «Іюля пятаго числа»...—началъ Абессаломовъ.

— Нѣтъ, стой, не такъ разсказываешь!—прервалъ его Ермолай Петровичъ.—А ты коли охотишься разсказывать, такъ разсказывай дѣломъ: и въ позицію стань, и начало сдѣлай! Развозовъ! маршъ сюда и ты!

Послѣднія слова относились къ молодому человѣку, служившему письмоводителемъ у Бондырева. Какъ оказалось впослѣдствіи, онъ долженъ былъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подавать Абессаломову реплику, чрезъ что представленію сообщалась особенная живость и вмѣстѣ съ тѣмъ усугуб-

Digitized by Google

лялся комизмъ. Очевидно, что кто-то (чуть ли даже не самъ Бондыревъ) съ любовью работалъ надъ этой потѣхой, чтобъ возвести ее отъ простого разсказа до степени драматической пьесы.

Абессаломовъ сталъ въ позицію, то-есть выдвинулъ впередъ одну ногу, правую руку отставилъ наотмашь и, выпрямившись всѣмъ корпусомъ, голову закинулъ назадъ. Всѣ присутствующіе улыбались, а нѣкоторые даже откровенно фыркали, заранѣе предвкушая предстоящее имъ наслажденіе. Абессаломовъ началъ.

НЕВЫГОДНЫЙ НОСЪ.

(Интермедія въ лицахъ).

«Милостивые господа и госпожи! имѣю доложить вамъ о происшествіи, котораго удивительность равняется лишь его необыкновенности! *(Смѣхъ въ аудиторіи).*

«Источникомъ какъ сего происшествія, такъ и другихъ многихъ отъ него золъ текущихъ, есть сей самый носъ *(теребитъ себя за носъ),* который здѣ предстоитъ предъ вами! А въ чемъ сіе происшествіе, тому слѣдуютъ пункты. *(«Ишь ты! по пунктамъ!» раздастся въ аудиторіи. Смѣхъ усиливается).*

«Іюля пятаго числа 18** года, въ девять часовъ утра, слѣдовалъ я, по издревле принятому еще предками нашими обычаю, на службу. Необходимо, однако, предварительно доложить вашимъ благородіямъ, что съ самаго съ Петра и Павла, неизвѣстно отъ какихъ причинъ, подвергнулся я необыкновенной тоскѣ. То-есть, тоска не тоска, а тянетъ-вотъ, тянетъ тебя цѣлый день, да и вся недолга. Даже жена удивлялась. «Чтой-то, говоритъ, душечка (она у меня въ пансіонѣ французскому языку обучалась, такъ нѣжное-то обращеніе знаетъ!),—чтой-то, говоритъ, душечка! на тебя даже смотрѣть словно тошно—ты бы хоть водочки выпилъ!»—Худо, говорю я, худо это, Прасковья Петровна; это большое несчастіе обозначаетъ!.. Однакожъ, выпилъ въ ту пору маленько водочки—оно и поотлегло.

«Вотъ только наступило это пятое число. Не успѣлъ я выйти на улицу, какъ идетъ мнѣ встрѣчу нѣкоторый озорникъ, идетъ и очи на меня пучитъ. «Вотъ, говоритъ, носъ! для двухъ росъ, а одному достался!» *(Взрывъ хохота въ аудиторіи).* Однако, я ничего, пошелъ своей дорогой и даже подумалъ про себя: «погоди, братъ! не больно прытко;

Digitized by Google

можетъ, у тебя и рыло-то все наизнанку выворотить». Не успѣлъ я это, государи мои, подумать, какъ встрѣчается со мной другой озорникъ. «А позвольте, говоритъ, милостивый государь! извѣстно ли вамъ, что у васъ на лицѣ состоитъ феноменъ?» И все это, знаете, съ усмѣшкой, и рожа-то у него поганымъ манеромъ отъ смѣху перекосилась...—Милостивый государь!—сказалъ я, начиная обижаться. — «Да нѣтъ, говоритъ, вы и сами не понимаете, какимъ обладаете сокровищемъ... да господа англичане милліонъ рублей вамъ дадутъ, ежели вы позволите имъ отрѣзать... вашъ носъ!»

«**Развозовъ.** А что-жъ, это вѣдь правда: носъ-то у тебя именно феноменъ!

«**Абессаломовъ.** Отстань ты... дай говорить!.. Ну-съ, отвязался онъ отъ меня коё-какъ, и пришлось мнѣ послѣ того мимо резиденціи ихъ превосходительства идти. А ихъ превосходительство, какъ на грѣхъ, на ту пору чай на балконѣ кушали... Ну, занятіевъ у нихъ никакихъ тогда не случилось, смотрѣли, значитъ, больше по сторонамъ, да смотрѣвши и узрѣли меня, многогрѣшнаго. Вскипѣли. «Что это, говорятъ, за чиновникъ? Какой у него противный носъ!» Не спорю я... не прекословлю! Точно, что носъ мой въ присутственномъ мѣстѣ терпимъ быть не можетъ! Однако, терпѣли же меня двадцать пять лѣтъ, да и ихъ превосходительство, можетъ, отъ праздности только замѣтили... а вышло совсѣмъ наоборотъ-съ. Пересказали, должно-быть, эти слова мои завистники; только сижу я въ этотъ самый день въ присутствіи, приходитъ нашъ предсѣдательствующій, и часа черезъ два—что бы вы думали, я слышу? *(съ разстановкой)*—что о моемъ, государи мои, увольненіи ужъ и постановленіе состоялось!

«**Развозовъ.** Однако, живо же они тебя обработали.

«**Абессаломовъ.** Спѣшнымъ журналомъ-съ! Даже закономъ предписанныхъ формъ не соблюли, потому что въ законахъ именно строжайше повелѣно никакихъ штрафовъ не налагать, а кольми паче насильственному умертвію не предавать, не истребовавъ предварительно объясненія!

«**Развозовъ.** Въ чемъ же, однако, объясненія отъ тебя требовать?

«**Абессаломовъ.** Все же-съ! А если не въ чемъ мнѣ объясняться, такъ тѣмъ паче-съ! Вѣдь это обидно... я не одинъ... тутъ все потомство мое, можно сказать, изъ-за носа страждетъ! Въ законахъ именно сказано, чтобъ на лицо не взирать!

Digitized by Google

«**Развозовъ.** Ты это оставь. Это не наша инстанція. Такъ даже скажу: если и напредки тебѣ на этотъ счетъ языкомъ побаловать захочется, такъ ты вспомни пословицу: *языкъ мой—врагъ мой*, и вспомнивши плюнь. Я тридцать пять лѣтъ служу *(Развозову было всего лѣтъ двадцать пять)*, и то все кругомъ да около хожу, а въ центру ни въ жизнь еще не попадалъ!

«**Абессаломовъ.** Вотъ-съ, прихожу я послѣ того домой. Человѣкъ я дѣтный, жена у меня золотушная, такъ каждый годъ все либо дочку, либо сынка подаритъ...

«**Развозовъ.** И все, чай, съ такими же носами?

«**Абессаломовъ.** Какъ можно—сохрани Богъ! Старшенькая у меня дочь, Наташенька, совсѣмъ даже схожаго со мной ничего не имѣетъ... красавица!.. Такъ прихожу я-это домой!—Ну, говорю, жена! Богъ милости прислалъ!—«А что такъ?»—Да такъ, говорю, ѣздилъ въ пиръ Кирило, да подаренъ тамъ въ рыло... уволенъ, братъ, въ чистую! *(Общій хохотъ; Абессаломовъ, въ волненіи, не можетъ нѣкоторое время продолжать)*. И вотъ-съ, стали мы послѣ того жить да поживать, да добра наживать; живемъ, нечего сказать, богато, со двора покато, за что ни хватись, за всѣмъ въ люди покатись; запасовъ всякихъ многое множество, а пуще всего всякаго нѣта запасено съ самаго съ лѣта. Жена скоро покойницей стала, бо для насъ время гладно настало, а дочекъ-красотокъ люди пріютили, бо родители имъ продовольствіе прекратили, а затѣмъ остаюсь, безъ дальнѣйшихъ словъ, покорный вашъ слуга Егоръ Павловъ Абессаломовъ». *(Общія рукоплесканія; жена станового презрительно усмѣхается)*.

Окончивъ представленіе, Абессаломовъ немедленно подошелъ къ подносу съ закуской и сряду выпилъ три рюмки водки; послѣ того онъ удалился въ уголъ и, сѣвъ на стулъ, почти мгновенно заснулъ.

— А что, ваше высокоблагородіе!—обратился ко мнѣ Бондыревъ:—вотъ вы и въ столицахъ изволили быть, а этакаго въ своемъ родѣ дарованія и тамъ, чай, со свѣчкой поищешь!

Но я не отвѣчалъ ни слова на этотъ вопросъ, потому что впечатлѣніе, произведенное на меня этимъ страннымъ существомъ и его разсказомъ, было изъ самыхъ тяжелыхъ. Несмотря на грубо-комическій колоритъ разсказа, видно было, что весь тонъ его фальшивый, и что за нимъ слышится нѣчто до того похожее на страданіе, что невозможно

Digitized by Google

и непозволительно было увлечься этою мнимою веселостью. Вообще, если Ермолай Петровичъ разсчитывалъ на то, чтобъ позабавить меня, то далеко не достигъ своей цѣли, и день мой былъ окончательно испорченъ этимъ представленіемъ. Я ѣхалъ сюда измученный моимъ одиночествомъ; все существо мое было настроено къ принятію тѣхъ благодатныхъ, свѣтлыхъ впечатлѣній, которыя, Богъ вѣсть почему, въ извѣстные дни и эпохи неотразимо и неизмѣнно носятся надъ душой, но странное «представленіе» мигомъ разрушило это свѣтлое, гармоническое настроеніе. Такъ иногда случается, что въ правильное и совершенно плавное теченіе жизни вдругъ врѣзывается обстоятельство въ полномъ смыслѣ слова ей постороннее, и врѣзывается съ такой силой, что не только заставляетъ принять себя, но и деспотически подчиняетъ себѣ весь строй этой жизни.

III.

Начинало уже смеркаться, когда мы пріѣхали на станцію. По селу, и тамъ, и сямъ, бродили группы подгулявшихъ крестьянъ, а передъ станціоннымъ домомъ стояла даже цѣлая толпа народу.

— Вѣрно, что-нибудь случилось!—еще издали замѣтилъ мнѣ Бондыревъ, указывая на толпу.

И дѣйствительно, толпа, казалось, тревожно выжидала нашего пріѣзда. Едва успѣли мы выйти изъ саней, какъ все это вдругъ заговорило и безпорядочно замахало руками. Изъ избы долетали до насъ звуки того унылаго голошенья, услышавъ которое даже самый опытный наблюдатель не въ состояніи бываетъ опредѣлить, что̀ скрывается за этими взвизгиваніями и завываньями; искреннее ли чувство, или простой формализмъ.

— Что̀ случилось?—спросилъ Бондыревъ.

— Петруха... Петруха...—раздалось въ толпѣ.

Сердце мое болѣзненно дрогнуло.

— Племянникъ у насъ бѣжалъ, ваше благородіе!—отвѣчалъ, выступая впередъ, одинъ изъ сыновей дѣдушки.

— Рекрутъ, что ли?

— Рекрутъ, ваше благородіе.

— Ахъ, шельмы вы этакія! И снисхожденія-то вамъ сдѣлать нельзя!

— Имаютъ его, ваше благородіе! Самъ отецъ пошелъ,— робко проговорилъ дядя Петруни.

— Да, изымаютъ, держи карманъ! А не было ли у него

Digitized by Google

на селѣ любезной?—спросилъ Бондыревъ, чутьемъ угадывая истину.

— Маврушка Савельева, чай, знаетъ!—молвилъ кто-то въ толпѣ.

— Что ты, перекрестись!—почти завопилъ, протискиваясь сквозь толпу, сѣдой старикъ, должно-быть, отецъ Маврушки.—Ничѣмъ моя Маврушка тутотка непричастна, ваше благородіе.

— Ишь ты какое дѣло случилось!—снова началъ дядя Петруни.—Ничѣмъ, мы, кажется, его не изобидѣли, а онъ вотъ что съ нами сдѣлалъ.

— А вотъ мы это послѣ разберемъ!—отвѣчалъ Бондыревъ и, обращаясь къ толпѣ, промолвилъ:—Чтобъ былъ у меня рекрутъ найденъ! Всѣ маршъ въ лѣсъ искать!

И сказавъ это, величественнымъ шагомъ потекъ въ избу порасправить въ теплѣ свое бѣлое тѣло.

X.—Развеселое житье.

Разсказъ.

„Станетъ царь-государь меня спрашивати:
Ты скажи, дѣтинушка, крестьянской сынъ!
Ужъ ты съ кѣмъ воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ?"

Бурлацкая пѣсня.

«Развеселое, братъ, это житье! Ни передъ тобой, ни надъ тобой, ни кругомъ, ни около никакого начальства нѣтъ; никто, значитъ, глаза тебѣ не мозолитъ, никто съ тебя не спрашиваетъ, а при случаѣ всякъ самъ же тебѣ отвѣтъ долженъ дать.

«Такъ скажу: коли нѣтъ у тебя роду-племени, или обидѣлъ-заѣлъ кто ни-на-есть, или сердце въ тебѣ стосковалося,—кинь ты жизнь эту нуждную, кинь заботу эту черную, поклонись ты лѣсу дремучему: «лѣсъ, молъ, государь, дремучій боръ! ты прими меня страннаго, ты прими безчастнаго-безталаннаго. Разутѣшь ты, государь, душу мою горькую, разнеси тоску мою по свѣту вольному! Чтобъ зналъ вольный свѣтъ, какова есть жизнь распрелютая, чтобъ вѣдали люди прохожіе-проѣзжіе, какъ сиротское сердце въ груди встосковалося, въ вольномъ воздухѣ душа разыгралася».

«Народу у насъ предовольно. И изъ Рязани, и изъ Казани, и изъ-подъ самаго Саратова, есть и казенные, есть и барскіе, однако, больше барскіе... Бываютъ и кавалеры: эти больше отъ «зеленыхъ луговъ» въ лѣсу спасаются.

Digitized by Google

Народъ все тёртый: и въ водѣ тонулъ, и въ огнѣ горѣлъ; стало-быть, какъ зачнетъ тебѣ сказы сказывать—заслушаешься. Иной, братецъ, головы два разъ лишался, а все голова на плечахъ болтается; иной кавалеръ и за отечествіе ровно ужъ слишкомъ отличку показалъ, и въ парахъ претерпѣніе видѣлъ, а все въ живыхъ стоитъ. Никто какъ Богъ. Одинъ кавалеръ рапортовалъ: пуля ему въ самый лобъ треснула, разлетѣлась-это голова врозь, посинѣли руки-ноги, ну и языкъ тоже: буде врать, говоритъ... Что-жъ, сударь? къ дохтуру—не помогъ; къ командиру—не помогъ; самъ брихадный былъ—не помогъ; а Смоленская помогла! Значитъ—сила!

«Такимъ родомъ живучи, на людяхъ и сиротство свое забываешь. Ну, и другое еще: свычка. Это значитъ: коли къ чему человѣкъ привыкнетъ, лучше съ жизнью ему разстаться, нежели привычку свою покинуть. Сказывалъ одинъ кавалеръ, что по времени и къ палкѣ привычку сдѣлать можно. Ну, это, должно-быть, ужъ слишнимъ, а съ хорошимъ житьемъ точно-что можно слюбиться.

«Да и хорошо вѣдь у насъ въ лѣсу бываетъ. Лѣтомъ какъ сойдетъ-это снѣгъ, ровно все кругомъ тебя заговоритъ. Зацвѣтутъ-это цвѣты-цвѣтики, прилетитъ птичка-малиновочка, застучитъ дятелъ, закукуетъ кукушечка, муравьи въ землѣ закопошутся—и не вышелъ бы! Травка малая подъ сосной зябетъ,—и та словно родная тебѣ. А почнетъ эта лѣсъ гудѣть, особливо объ ночь; и вѣтру не чуть, и верхи не больно чтобъ шатались,—а гудетъ! Такъ гудетъ, что даже земля многіе десятки верстъ ровно стонетъ! Столь это хорошо, что даже сердце въ тебѣ взыграетъ!

«Бываютъ, однако, и напасти на насъ, а главная напасть—зима. Первое дѣло—работы совсѣмъ нѣтъ: стужа-то не свой братъ, не сядешь ждать на дорогѣ, какъ слезы изъ глазъ морозомъ вышибаетъ; второе дѣло—всякій въ ту пору въ лѣсъ наѣзжаетъ: кому бревешко срубить, кому дровецъ надобно,—ну, и неспособно въ лѣсу жить. Значитъ, въ зимнее время все больше по чужимъ людямъ. аки Іуда. шманаемся: гдѣ хлѣбца подадутъ, а гдѣ и пирожка укусишь. Только чудной, право, нашъ народъ: хлѣбца тебѣ Христовымъ именемъ подастъ, даже убоинкой объ ину пору удовлетворитъ, а въ избу погрѣться не пуститъ: ни-ни, проваливай мимо! Такимъ родомъ, все по гумнамъ и имѣемъ ночлегъ. Иной разъ разнеможешься,—просто смерть! Спину словно перешибетъ, въ головѣ звенитъ, глаза затекутъ,

Digitized by Google

ноги ровно бревна сдѣлаются,—а все ходи! Еще гдѣ до свѣту, запоютъ-это пѣтухи, потянешь носомъ дымокъ,—ну, и вставай, значитъ, покидай свое логово! А не уйдешь, такъ тебя, раба Божія, силой изъ-подъ соломы выволокутъ, да на сусѣднее поле и положатъ: отдыхай, молъ, тутъ, сколько тебѣ хочется! Звѣрь-народъ!

«Однако, братъ, штука это жизнь! Иной разъ даже тошнехонько, и на свѣтъ бы не глядѣлъ, и руки бы на себя наложилъ—анъ нѣтъ, словно нарочно все такъ подстроится, чтобы быть тебѣ живу,—живъ и есть. Ровно она сама къ себѣ пристаетъ, жизнь-то: живи, молъ, восчувствуй! Ну, и восчувствуешь: пойдешь это въ кабакъ, хватишь косушку разомъ, и простынетъ въ тебѣ зло, благо сердце у насъ отходчиво.

«Случилась однажды со мной оказія. Иду я по Доробину, а на дворѣ стала ночь; только иду я, идучи будто думаю; и холодно-то мнѣ, и голодно-то, и нѣтъ у меня роду-племени, нѣту батюшки, нѣту матушки, и все, знашь, какъ-то на фартуну свою жалуюсь, что ужъ оченно, значитъ, горько мнѣ привелось. Только вижу, у Мысея въ избѣ огонь горитъ. Полюбопытствовалъ я и гляжу въ окошко; ну, извѣстно, что въ избѣ дѣлается. Посередь горницы молодуха прядетъ, въ углу молодякъ за станомъ сидитъ, на земли ребятки валяются, старый лапти на лавкѣ ковыряетъ... то-есть видалъ и перевидалъ я все это. Однако, тутъ, Богъ-е-знаетъ, что со мной сталось: растопилось это во мнѣ сердце, даже затрясся весь. Взошелъ въ избу: «Богъ въ помочь, говорю, господа хозяева! не пустите ли страннаго обогрѣться?»

«—А ты отколь?—спрашиваетъ Мысей и смотритъ на меня старикъ зорко. Ну, самъ, чай, знаешь трудно ли тутъ соврать? Сказалъ, что изъ Гай либо изъ Лыкошева,—и дѣло съ концомъ! Анъ, вотъ те Христосъ, не посмѣлъ солгать, языкъ даже не повернулся; стою да молчу.—Инъ, дай ему, Марьюшка, хлѣбца, Христа-ради!—говоритъ Мысей-то:—а ты, говоритъ, странный, ступай,—Богъ съ тобой!

«Ну, и пошелъ я; только всю эту ночь я промаялся. Горе, что ли, меня больно задавило, а это точно, что глазъ сомкнуть не могъ. Все это будто сквозь туманъ либо Мысей представляется, либо робятки малые, либо молодуха... и ровно рай у нихъ въ избѣ-то!

«Вторая наша напасть—полиція; однако, съ нею больше на деньгахъ дѣло имѣемъ.

Digitized by Google

«Вздумалъ этта становой насъ ловить, однако мамонѣ спраздновалъ. Вотъ какъ дѣло было. Призвалъ онъ къ себѣ отъ «Разбалуя» цѣловальника:—Ты, говоритъ, всему этому дѣлу голова: ты, стало-быть, и ловить должонъ.

«— Помилуйте, ваше благородіе!—говоритъ Михей Митричъ:—у насъ въ заведеніи, окромѣ какъ тихимъ манеромъ выпить, никакихъ другихъ дѣловъ не бываетъ; одно слово, говоритъ, монастырь... сосновый-съ!—Однако, становой на него затопалъ:—Знать, говоритъ, ничего не хочу!—Ну, Михей Митричъ за Батыгой: такъ и такъ молъ, утекайте пока до бѣды. Затосковалъ Батыга, денно и нощно горькую пилъ, а изъ бѣды-таки выручилъ. Зарядивши себя такимъ родомъ, пошелъ онъ... какъ бы ты думалъ, куда? Къ самому, то-есть, къ становому!

«— Я, говоритъ, есть тотъ самый Батыга, объ которомъ ваше благородіе узнавать изволили...—Такъ становой-то даже обезпамятѣлъ весь отъ злости. Подлетѣлъ это къ нему, вцѣпился смаху въ бороду, и ну волочить. Даже говорить ничего не говоритъ, а только ротъ разѣваетъ да дышитъ. Только Батыга все претерпѣлъ, ни въ чемъ не перечилъ, а какъ увидѣлъ, однако, что его благородію маленько будто полегчило, повелъ и онъ свою рѣчь.—А я, молъ, къ вашему благородію съ лаской, говоритъ.—Ну, и опять обезпамятѣлъ становой:—Сотскихъ!—кричитъ:—кандалы сюда!—И все-таки въ кандалы не заковалъ, а порѣшили наше дѣло промежъ себя полюбовно: отъ насъ ему въ мѣсяцъ пятьдесятъ цѣлковыхъ, а намъ воровать съ осторожностью.

«А по прочему по всему житье намъ хорошее.

«Попалъ я на эту линію постепенно. Человѣкъ я Божій, обшитъ кожей. попросту, по-русски сказать, дворовый господина Ивана Кондратьича Семерикова, на золотѣ не ѣдалъ, медовой сытой не запивалъ, ходилъ больше въ нанкѣ да въ пеструшкѣ, хлебалъ щи, а пилъ воду. На этомъ, братъ, коштѣ не разжирѣешь, а если и разжирѣешь, такъ, значитъ, не отъ себя и не отъ господъ, а никто какъ Богъ. Поступилъ я сперва-на-перво въ барскій домъ въ мальчишки. Должность эта небольшая: на погребъ за квасомъ слетай, въ обѣдъ за стуломъ съ тарелкой постой, ножи вычисти, тарелки перемой, да изъ чулка урокъ свяжи,—только и всего... Такъ-то я и росъ. Помню даже теперь, какъ, бывало, облизываешься, глядя на господъ, какъ они кушать изволятъ. Иной разъ такъ забудешься, что и ротъ по-ихнему разѣвать начнешь,—ну, и сѣчь сейчасъ, потому

Digitized by Google

что ты лакей и, стало-быть, долженъ за стуломъ стоять смирно.

«Хоть баринъ у насъ и богатый, однако ихній тятенька, еще у всѣхъ дворовыхъ на памяти, въ ближнемъ кабакѣ Михей Митричемъ сидѣлъ... По этому самому случаю, а больше, можетъ, и для того, чтобъ себя передъ благородствомъ оправдать, Иванъ нашъ Кондратьичъ свою честь держалъ очень строго. Не то чтобъ къ кабаку, какъ къ истинному своему отечествію, льнуть, а все наровитъ, бывало, какъ бы въ большія хоромы вгрызться. А съ нашимъ братомъ—никакого я разговору не было.

«Наши дворовые были Иванъ Кондратьичемъ недовольны. Особливо обижался имъ буфетчикъ Петръ Филатовъ. Прежде-то были мы, слышь ты, княжіе (Овчинина князя Сергѣй Ѳедорыча, можетъ, слыхалъ?). Ну, стало-быть, Петру-то Филатычу и точно-что будто обидненько было послѣ князя какой-нибудь, съ позволенія сказать, мрази служить.

«А пріятный для слуги господинъ какой долженъ быть? Тотъ господинъ для слуги пріятенъ, который его слушаетъ, который обиходъ съ нимъ имѣетъ и на совѣтъ слугу своего безпремѣнно зоветъ. Въ старые годы, сказываютъ, на этотъ счетъ просто было: господа съ слугами въ шашки игрывали и завсегда съ ними компанію важивали. Онъ же, Петръ Филатовъ, сказывалъ, что, бывало, господа другъ съ дружкой бесѣду ведутъ, а слуги у дверей сберутся да временемъ и свое словечко въ господскую рѣчь пустятъ. Ну, конечно, что этакъ-то будто лучше, а впрочемъ, это не мое, а Петра Филатова разсужденіе, потому какъ я на это дѣло давно уже плюнулъ и ногой, братецъ ты мой, его растеръ.

«Пречудный былъ этотъ старикъ. Начнетъ, бывало, про князя разсказывать—что твой соловей заливается,—и не заткнешь ничемъ; а вспомнитъ, что вотъ на старости лѣтъ Семерику служить привелось, а пойдетъ-это губами шамкать, даже весь посинѣетъ отъ злости. Такая ужъ, видно, линія на роду человѣку написана.

«На четырнадцатомъ году свезли меня въ Москву къ повару-французу въ ученье; жилъ я въ поваренкахъ четыре года и, хвастать нечего, свѣту большого изъ-за плиты не видалъ. Потомъ, однако, пустили господа по оброку, чтобъ еще больше, значитъ, въ наукѣ своей произойти.

«Про Москву такъ долженъ сказать: множество видѣлъ я городовъ, а супротивъ Москвы не сыщется. Въ Москвѣ всякій въ свое удовольствіе живетъ, господа въ гости другъ

Digitized by Google

къ дружкѣ ѣздятъ, а простой народъ въ заведеніяхъ—блаженство! Возьмемъ, примѣрно, трактиры одни, чего тамъ нѣтъ? И чай, и водка, и закуски... и все, значитъ, тамъ. Машина «Вѣтерокъ» тебѣ сыграетъ, приказный отъ Иверскихъ воротъ въ-присядку отпляшетъ; въ одномъ углу тысячныя дѣла промежъ себя рѣшатъ, въ другомъ просьбицу строчатъ, въ третьемъ обнимаются, въ четвертомъ слезы проливаютъ... Жизнь! Къ этакому-то житью какъ попривыкнешь, ни на что другое и не смотрѣлъ бы! Такъ тебя и тянетъ съ утра ранняго все въ трактиръ да въ трактиръ.

«Баринъ, къ которому я нанялся (а нанялся я къ нему въ лакеи, а не въ повара), очень меня полюбилъ; смирный, добрый былъ этотъ баринъ, не ругатель и не озорникъ, а къ простому народу особливо былъ жалостливъ. Служить онъ нигдѣ не служилъ и занимался, по своей охотѣ, все больше книжками, а по вечерамъ господа молодые къ нему собирались.

«Однакожъ, недолго я у него жилъ. Въ скорости этотъ баринъ незнамо куда запропалъ, да въ скорости же пришелъ и ко мнѣ отъ нашего бурмистра приказъ въ деревню явиться.

«Ужъ какъ мнѣ эта деревня тошна послѣ Москвы показалась—даже разсказать нельзя! Первое дѣло, призываетъ меня къ себѣ Семерикъ и приказываетъ при конюшнѣ находиться. Снялъ и свое платье московское, нарядился въ старый армякъ.

«Ну, армякъ, такъ армякъ,—и на томъ спасибо.

«Второе дѣло, содержаніе въ деревнѣ больно ужъ безобразное. Настанетъ, бывало, время обѣдать идти, такъ даже сердце въ тебѣ все воротитъ. Щи пустыя, молоко кислое,—только слава одна, что ѣшь, а настоящаго совсѣмъ нѣтъ.

«Однако, хоть и всячески я себя перемогалъ, а по времени невмоготу стало. И сдѣлалось со мною тутъ словно чудо какое. Отъ думы, что ли, или оттого, что, въ Москвѣ живши, себя ужъ очень изнѣжилъ, только сталъ я мучиться да тосковать, даже ровно страхъ на меня отъ всѣхъ этихъ мученьевъ напалъ. «Господи! думаю, бывало, неужто-жъ и взаправду мнѣ въ этой трущобѣ, какъ червю, гнить придется?» А сердце вотъ такъ и рветъ, такъ и ноетъ въ груди.

«Даже работать совсѣмъ пересталъ. Знаю и самъ, что худо это, что другіе, можетъ, и лучше тебя, за тебя работаютъ, однако, принужденія себѣ сдѣлать не въ силахъ. Ну, и давай Богъ нашимъ здоровья—пожалѣли меня, до барина этого не довели.

Digitized by Google

«Вотъ только одинъ разъ по вечеру господа наши въ гости уѣхали; пошелъ я во дворъ поглядѣть, какъ наши сѣнныя дѣвушки въ горѣлки бѣгаютъ. Только бѣгаютъ-это дѣвки, а во флигелѣ на крылечкѣ какая-то барыня на нихъ смотритъ. Ну, и наши всѣ тутъ въ кучу собрались; идетъ промежъ нихъ хохотъ да балагурство; увидѣли меня, на смѣхъ тоже подняли: — Что, пришелъ, или, молъ, смирился?—Анъ, нѣтъ, говоритъ Филатовъ, онъ къ Марьѣ Сергѣвнѣ на поклонъ явился!—Тутъ только я и узналъ, что эта барыня сама Марья Сергѣвна и есть.

«А Марья Сергѣвна у нашего барина въ родѣ какъ экономка жила. Была она просто-на-просто пастуха нашего дочь; только Семерикъ и въ паневѣ ее облюбовалъ, и по этому самому отца-то изъ пастуховъ въ дальнюю деревню въ старосты произвелъ, а ее въ горницу къ себѣ опредѣлилъ. Ну, взяли сердечную, вымыли, вычесали, въ платье нѣмецкое одѣли и къ Семерику представили; барыня наша сказываютъ, много объ этомъ въ ту пору стужалася.

«Однако, любопытно мнѣ стало поглядѣть на нее. Самъ знаешь, баринова сударка—стало-быть, сила. Коли не настоящее, значитъ, тебѣ начальство, такъ еще хуже того; какъ же тутъ утерпѣть, не посмотрѣть? Подошелъ я къ крылечку и гляжу на нее.

«И вотъ, братецъ ты мой, даже до сей минуты вспомнить я о ней не могу: такъ-это и закипитъ, задрожитъ все во мнѣ! Ровно подняло во мнѣ все нутро, ровно сердце въ груди даже заиграло, какъ взглянула она на меня! И нельзя даже сказать, чтобъ ужъ очень изъ себя пышна или красива была, а такой-это былъ у нея взглядъ мягкій да ласковый, что всякому около нея тепло и радошно становилося. Ну, и усмѣшечка эта на губахъ тихонькая... ровно вотъ зоренька утренняя сквозь облачка поигрываетъ.

«Много видѣлъ я барынь красивыхъ, и изъ нашего званія тоже хороши дѣвушки изъ себя бываютъ, а все-таки Маши другой не встрѣчалъ. Доброта въ ней большая была; а потому, можетъ, самому краса ея силу имѣла, что душа у ней на лицѣ всякому объявлялась. Такъ скажу: не знай я теперя, что давно она въ могилу пошла, жизни бы не пожалѣлъ, въ кабалу бы себя опять отдалъ, только бы на лицо ея насмотрѣться, только бы голоса ея милаго наслушаться!

«Ну, и она, увидѣвши меня будто въ первый разъ, тоже полюбопытствовала.

Digitized by Google

«— Не вы ли, говоритъ, новый поваръ, что̀ изъ Москвы онамеднись выслали?

«— Я, говорю.

«— Отчего-жъ, говоритъ, вы въ такомъ платьѣ ходите?

«— А оттого, молъ, что на это есть барская воля.

«— Такъ вы барина попросили бы... онъ вѣдь только гордъ очень, а добрый!

«— Нѣтъ, говорю, я просить не буду, потому что впередъ знаю, что если стану съ бариномъ говорить, такъ ужъ это безпремѣнно, что ему нагрублю.

«— Что-жъ такъ?

«— Да такъ, Марья Сергѣвна... за что̀, примѣрно, онъ меня платья моего лишилъ?

«— Вотъ вы какіе! пожили въ Москвѣ, да и стали ужъ слишкомъ спѣсивы! А вы бы глядя на другихъ дѣлали.

«Ну, я противъ этихъ ея словъ ничего сказать не рѣшился: стою да молчу.

«— А хорошее, говоритъ, въ Москвѣ житье?

«И сама, знаешь, тяжеленько этакъ вздыхаетъ.

«— И вездѣ, говорю, хорошо, гдѣ, то-есть, жить намъ мило.

«— А гдѣ, по-вашему, мило?—спрашиваетъ.

«— А тамъ, говорю, мило, гдѣ у насъ милый другъ находится...

«Сказалъ это, да и смотрю на нее, и даже чувствую, какъ меня всего знобитъ. И она со словъ моихъ словно зардѣлась вся, опустила это голо̀воньку и задумалась.

«— Вамъ, можетъ, желательно, чтобъ я за васъ барина попросила, говоритъ.

«— Коли ваше желаніе на то есть, говорю, такъ отъ васъ я принять милость не откажусь.

«Больше въ тотъ вечеръ я съ ней не говорилъ. Только стало мнѣ съ той минуты словно легко и незаботно на свѣтѣ жить. Пошелъ я къ себѣ на сѣновалъ спать, и всю-то ночь вмѣсто спанья только пѣсни пропѣлъ.

«Да и ночь-то на ту пору такая случилась: теплая да звѣздная, ровно даже горитъ-это наверху отъ множества звѣздъ! И все-это кругомъ тебя спитъ; только и слышишь, какъ лошадь около яслей на мякину фыркнула, или въ денникѣ жеребенокъ въ соломѣ спросоньевъ закопошился.

«На утрѣ позвали меня къ барину. Не могу о себѣ сказать, чтобъ изъ робкихъ былъ; однако, на ту пору такъ сробѣлъ, что даже сердце во мнѣ упало. Баринъ принялъ меня въ лакейской предъ всѣми людьми и очень что-то грозно.

Digitized by Google

«— Ну, что, говоритъ, прочухался?

«Я молчу.

«— Что-жъ ты не отвѣчаешь, звѣрь?

«Я опять молчу. Только слышу, что по-за-дверью ровно зашуршало что. Задрожалъ, затрясся я весь.

«— Виноватъ, говорю.

«— То-то, молъ, виноватъ!

«Ну, и простилъ онъ меня, въ кухню опредѣлить велѣлъ.

. . . . . .

«Стали мы послѣ этого чаще видаться, только больше все при людяхъ. Иной разъ и встрѣтишься гдѣ-нибудь одинъ на одинъ, однако, смѣшаешься, оробѣешь,—ну, ничего и не скажешь. Объ одномъ только и въ мысляхъ, бывало, держишь, какъ бы съ ней встрѣтиться, или бы шорохъ отъ платья ея услышать, или бы вотъ хоть издалки на нее полюбоваться. Ну, и она словно замѣтила, что усмѣшечка ея шибко мнѣ нравится: какъ ни пройдетъ мимо меня, всякій разъ безпремѣнно усмѣхнется... Такъ и протянулось наше дѣло до осени.

«По осени, такъ, около Введеньева дня, стали наши господа въ Москву сбираться. Пошелъ-это по дому трескъ да шумъ; возы съ поклажей сряжаютъ, экипажи дорожные излаживаютъ,—ну, какъ у большихъ господъ обыкновенно водится. Слышу я, что и Маша съ господами уѣзжаетъ, а мнѣ приказу ѣхать не объявляютъ. Сталъ я стороной отъ людей узнавать: кто говоритъ—Павлу-повару ѣхать, кто говоритъ—мнѣ ѣхать, а настоящаго нѣту. Времени, межъ тѣмъ, все меньше остается,—смерть, да и полно!

«Порѣшилъ я подъ конецъ, чтобъ мнѣ самому съ Машей объ этомъ переговорить. Выбралъ время, какъ ей изъ дому во флигель на ночь идти, сталъ и жду у крылечка. Только вижу, что вдали огонекъ забрезжилъ и прямо-таки къ флигелю бѣжитъ, словно вотъ искорка, откуда ни взялась, одна, сама собой въ воздухѣ летаетъ.

«— Вы, говорю, Марья Сергѣвна?

«Спервоначалу она было-испугалась, даже оступилась и упала, однако, голосу не дала. Я ее бережненько поднялъ, посадилъ на крылечко и фонарь затушилъ.

«— Вы, я говорю, не опасайтесь меня, Марья Сергѣвна!.. Я съ тѣмъ нарочно и пришелъ, чтобъ васъ видѣть. Мочи моей больше нѣтъ; все у меня сердце отъ тоски изорвалось!

«Подошелъ я поближе къ ней, взялъ ее за рученьку и слышу, что она словно листъ вся трясется.

Digitized by Google

«— Вы вотъ съ господами въ Москву собираетесь, говорю, стало-быть, разставанье будетъ намъ долгое... Поэтому я такъ теперь о себѣ понимаю, что самый я безъ васъ буду несчастный человѣкъ, и, стало-быть, ничего мнѣ другого желать не надо, какъ только руки на себя наложить или въ лѣса отъ такихъ мученьевъ бѣжать...

«— Да вѣдь и вы, чай, съ нами въ Москву поѣдете? Чтой-то, ужъ и бѣжать собрались... словно и разуму своего вы лишились!

«— Нѣтъ, говорю, въ Москву я съ вами не поѣду; да и вы, коли меня жалѣете, барина отъ этого намѣренія отклоните. Потому, первое, что въ Москвѣ я надежды на себя не имѣю. А второе дѣло, мнѣ и здѣсь на ваше житье смотрѣть совсѣмъ непереносно стало.

«Какъ выговорилъ я ей это, она словно даже ручьемъ залилась.

«— Такъ, вотъ, говоритъ, чѣмъ вы меня попрекасте, точно сами не знаете, какова моя здѣсь жизнь!

«— Я, говорю, не съ тѣмъ это сказалъ, чтобъ васъ попрекать, а съ тѣмъ, что при моихъ къ вамъ чувствахъ смотрѣть мнѣ на эти дѣла не приходится.

«Только она еще пуще на это заплакала, а меня ровно тутъ духъ какой обуялъ! Бросился я къ ней, поднялъ-это ее къ себѣ на руки... И жалко-то мнѣ ее, и душу-то я бы за нее отдалъ, и злость, однако, за сердце словно вотъ клещами хватаетъ: пропадай, молъ, все, не доставайся она ни мнѣ, ни ему! Даже закоченѣлъ весь, даже не слышу ничего, мну да тиранію ее, сердечную, въ рукахъ, будто задушить хочу... А она только потихоньку стонетъ, а рваться отъ меня не рвется.

«— Ваня! говоритъ, что ты надо мною сдѣлать хочешь?

«Опамятовался я подъ конецъ, выпустилъ ее изъ рукъ. Тяжко мнѣ тутъ сдѣлалось, такъ тяжко, что и сказать нельзя. Смотрю-это на барскій дворъ, и самъ Богъ знаетъ что думаю; смотрю тоже и на большую дорогу, и на лѣсъ дальній,—и все это будто перемѣшалось во мнѣ; точно не самъ я, а именно лукавый во мнѣ думаетъ.

«И такова была въ ней душа ангельская, что она не токма-что тиранства моего не попомнила, а меня же, звѣря лютаго, утѣшать бросилась.

«— Ваня, говоритъ, голубчикъ ты мой! ахъ, да посмотри же, посмотри же ты на меня! пожалѣй ты меня! Легче бы мнѣ въ пропасть теперь сгинуть, чѣмъ сердце твое на себѣ видѣть!

Digitized by Google

«И вотъ, братецъ ты мой, хоть зима на дворѣ стояла: значитъ и тѣмнеть, и свиръ, и снѣгъ, однако, краше для меня эта ночь самой теплой лѣтней ночи показалась! Всѣ эти звѣзды, что̀ на небѣ горятъ, словно въ сердцѣ у меня загорѣлися!

«На утро прикинулась къ ней горячка. Доложили объ этомъ барину и послали за дохтуромъ. Дохтуръ обозрилъ ее и сказалъ, что въ Москву ѣхать никакъ нельзя. Сокрушился Семерикъ; однако, такую къ Машѣ привычку взялъ, что даже поѣздку въ Москву хотѣлъ отложить. Только тутъ ихняя супруга, дай Богъ ей здоровья, за наше счастіе вступилася. Семерикъ говоритъ: «не поѣду!» Семеричиха кричитъ: «врешь, поѣдешь!» И опять Семерикъ свое долбитъ, а Семеричиха такъ на него и заливается: «и безъ того я отъ тебя не-вѣсть-что безобразіевъ терплю, чтобъ смѣлъ ты меня на всю жизнь въ деревню запереть!» Много у насъ тутъ сраму на весь домъ было. Однако, Семеричиха, какъ была генеральская дочь, одолѣла. Сталъ сбираться; вышелъ и мнѣ приказъ быть готовымъ.

«Ну, нѣтъ, думаю, это, видно, подождать придется! И удумалъ я тутъ штуку. Явился къ Семерику и, какъ ни воротило мнѣ сердце, палъ къ нему въ ноги взаправду.

«— Позвольте, говорю, въ деревнѣ остаться!

«— Это еще что̀ за штуки?—говоритъ:—и какъ ты смѣлъ прямо на глаза мои показываться?

«— Я, говорю, по слабости моей, въ Москвѣ надежды на себя не имѣю, потому какъ тамъ и знакомство у насъ большое, и случаевъ больше есть, а въ деревнѣ все одно, что въ монастырѣ...

«Понравилось это Семерику. А пуще всего то̀ по̀-сердцу пришлось, что вотъ, молъ, лютаго звѣря въ смиреніе привелъ.

«— Ну, говоритъ, коли есть твое желаніе, чтобъ въ исправленіи своемъ укрѣпиться, такъ я препятствовать этому не могу... Взять въ Москву Павлушку!

«Уѣхали.

«Остались мы съ Машей въ домѣ почесть-что одни. Молодыхъ всѣхъ господа еще съ обозомъ въ Москву угнали, а въ деревнѣ оставили только стариковъ да конюховъ. Къ Машѣ старуху Матрену Ивановну приставили — золотая это была душа! Стало-быть, очень намъ было свободно! По началу она еще слабость въ себѣ чувствовала, а недѣльки черезъ двѣ и поправляться стала. А Семерикъ то и дѣло, что изъ Москвы гонца за гонцомъ шлетъ, да строго-на-

Digitized by Google

строго наказываетъ, чтобъ Машу къ нему въ самой скорой скорости выслать. Однако, нѣтъ.

«И словно рай промежъ насъ тогда поселился. По времени, даже смѣлость такая у насъ проявилась, что и людей совсѣмъ опасаться перестали. Заложишь, бывало, объ вечеръ жеребца съ барской конюшни въ охотницкія саночки, укутаешь ее, голубушку, въ шубку, и пошелъ по полянкамъ гулять, — даже духъ занимается! А ночи-то, братъ, лунныя да морозныя, и снѣгомъ-то кругомъ тебя обдаетъ, и вѣтромъ-то жжетъ... Жизнь! У Маши, бывало, даже глазенки заискрятся, столь это хорошо!

«Ну, и домой тоже пріѣдешь, отогрѣвать ее станешь. на рукахъ, словно ребеночка, баюкаешь...

«Да, братъ,—какъ подумаешь да погадаешь, что все это жило да сплыло, да быльемъ поросло, и что всему этому житью Семерикъ на всякъ часъ поперекъ можетъ стать,— даже страхъ тебя какой-то беретъ!

«И скажи ты мнѣ на милость, отчего бы, напримѣръ. мнѣ счастливымъ не быть? И отчего, напримѣръ, вздумалъ я разъ въ жизни радость свою имѣть, и тутъ вышло, что радость та не моя, а чужая? Отъ этой, братъ, думы и ушелъ я въ лѣса, чтобъ больше она меня не тревожила.

«Провѣдалъ, однако, прозналъ онъ—какъ ужъ, не знаю— про нашу любовь. Бурмистръ, что ли, ему отписалъ,—этого доказать не могу; только разъ пріѣзжаемъ мы вечеромъ съ поля, анъ въ барскомъ домѣ огни горятъ. Маша моя такъ и ахнула... Ну, и я тоже маленько будто посумнился.

«— Что, говорю, Машенька! гаркнуть развѣ, и поминай какъ звали?

«Только говорю я это, а самъ вижу, что она ни жива. ни мертва въ саночкахъ сидитъ. «Ну, думаю, плохо, значитъ, наше дѣло, — пришлось въ раздѣлку идти!»... Надѣялся-было я на первыхъ порахъ во флигелѣ ее схоронить, анъ и тотъ запертъ.

«Привели насъ къ Семерику... Ну... кончилось тѣмъ, что Машу черезъ два дня въ деревню за вдовца за дѣтнаго замужъ отдали, а меня приказали въ солдаты сдать...

«Въ эту ночь много я отъ холоду вытерпѣлъ, а пуще того отъ думы да отъ тоски сокрушился. То будто зима-зимская морозная передъ глазами носится, и полянки эти дальныя, и саночки малыя, и Маша, разлюбушка моя, тутъ... И словно свѣтъ голубой мнѣ въ глаза бьетъ, и въ

Digitized by Google

этомъ свѣтѣ голубомъ она, моя голубушка, ровно въ воздухѣ, дрожитъ и колышится... Залило меня горе всего!

«Порѣшилъ я, однако, бѣжать. Не то чтобъ солдатства крѣпко боялся, а словно дѣло это для насъ необычное, да и съ Машей разстаться жалко; все думаешь: не закопаютъ же ее живую въ могилу,—авось можно свидѣться какъ-нибудь.

«Вотъ на другой день подняли меня ранымъ-ранёхонько. Вывели, всего обшарили. На дворѣ подвода стоитъ, и отдатчикъ съ подводчикомъ наготовѣ ожидаютъ. Пришли родные, пришла дворня вся: бабы воютъ да стонутъ, особливо матушка. Измаяли они меня.

«Привелось намъ мимо скотныхъ дворовъ ѣхать. Не утерпѣлъ я—и сталъ проситься, какъ бы Машу мнѣ повидать. Извѣстно, отдатчикъ, вмѣсто отвѣта, велѣлъ лошадь стегать; однако, я вскочилъ и зачалъ его за горло душить:—Мнѣ, говорю, за одно терпѣть, а тебѣ не быть живу, варвары вы этакіе!—Ну, испугался, пустилъ. Вошелъ я въ избу: избенка-эта темная и смрадная, словно хлѣвъ коровій.

«— Много лѣтъ здравствовать, Марья Сергѣвна!—говорю.

«Только услыхала она мой голосъ, бросилась-это ко мнѣ, уцѣпилась за полушубокъ... даже ровно замерла тутъ.

«— Погубилъ я тебя, Машенька, говорю, не будетъ мнѣ за это счастія въ сей землѣ!

«— Жить... нѣтъ... нѣтъ!—говоритъ, а сама такъ и дрожитъ, такъ и трясется вся, и въ лицѣ ни единой кровиночки нѣтъ.

«Сѣлъ я на лавку, положилъ ее на колѣни къ себѣ и сталъ-это цѣловать да миловать. Только чую, будто слезы у меня горятъ, да и сердце въ груди ровно ширится. Ну, думаю, плакать, такъ плакать... въ остатній разъ! Плачу я-это, даже духъ у меня отъ слезъ словно захлестываетъ... только и могу выговорить: Машенька! Машенька!.. ахъ, да каково-жъ это больше не свидѣться!—А она даже и не отвѣчаетъ ничего; завернулась, голубка, подъ полушубокъ ко мнѣ, да только рукавами обѣими меня удерживаетъ... И сладко-то, и тоскливо-то мнѣ!

«Только, видно, дали во дворъ знать, что двоимъ со мной не сладить; прибѣжало еще человѣкъ съ пять на подмогу. Стали ее отымать отъ меня; ну, и она по началу ровно не поняла, что съ ней дѣлается, даже взять себя допустила... Однако, какъ началъ я скотницѣ Аграфенѣ въ ноги кланяться, чтобъ она ее, сиротку, пригрѣла да приголубила, вдругъ она словно разразилася: взвизгнула-это,

Digitized by Google

застонала и зачала изъ ихъ рукъ рваться... даже я самъ поскорѣй изъ избы выбѣжалъ.

«Ѣду я дорогой да все думаю: «Уйду я отъ нихъ, безпремѣнно уйду!» Гляжу-это на поле дальнее; вонъ въ сторонѣ вихорикъ закружился, вонъ пеленку снѣжную взбуровилъ... уйду, молъ, отъ нихъ, безпремѣнно уйду! Вонъ мостикъ ветхонькій черезъ рѣчку лежитъ; по краямъ у рѣчки ледокъ, словно хрусталь чистый, скипѣлся, а серединка плещется, ровно живая журчитъ... уйду я отъ нихъ, безпремѣнно уйду!.. Вонъ лѣсокъ впереди засинѣлся: ишь ты, какой лѣсъ частый да береженый!.. вонъ и въ деревню въѣхали... пошли саночки по ступенямъ тукъ-тукъ... Ахъ, да уйду я отъ нихъ, безпремѣнно уйду!

«— Пусти, Потапъ!—говорю отдатчику.

«— Что ты, говоритъ, чай, я не о двухъ головахъ!

«— Пусти, Потапъ! въ могилу за тебя живой лягу, души не пожалѣю... пусти!

«Не пустилъ... Да уйду же я отъ тебя, безпремѣнно уйду!

«Пріѣхали мы на постоялый дворъ ночевать. Сѣли ужинать, а я все одно думаю: «уйду, да уйду». Положили они меня для вѣрности промежъ себя спать, даже полушубокъ съ меня сняли, да подъ головы себѣ сунули. Однако, я не сплю и все въ умѣ одно держу: «уйду, молъ, я отъ нихъ, безпремѣнно уйду!» Вотъ только слышу я—загудѣло мужичьё; были тутъ, кромѣ насъ, извозчики; наѣдятся они на ночь, такъ ровно начнетъ ихъ коробить во снѣ-то. Иной знаешь, не своимъ голосомъ во снѣ зарычитъ, другой даже вскочитъ спросоньевъ, посидитъ-посидитъ словно полоумный, перекрестится, да и опять спать. Ну, и я попытать ихъ сначала хотѣлъ: вскочилъ что есть мочи, не шелохнется ли, молъ, кто?... Однако, никто голосу не далъ; только Потапъ спросоньевъ сталъ около себя шарить, да не на ту сторону, сердечный, попалъ и нащупалъ проѣзжаго извозчика. Только я ползкомъ да ползкомъ... чу! сверчокъ за печкой затрещалъ... чу!—вздохнулъ кто-то,—не Потапъ ли? Чу, кого-то словно душитъ во снѣ... И всего-то до двери пять шаговъ, а сколько я тутъ отъ одной думы измаялся, что лучше бы, кажется, пять верстъ на своихъ ногахъ сдѣлать... А все-таки доползъ подъ конецъ! Тутъ на лавкѣ чей-то полушубокъ порожній обозрилъ, и его про запасъ смахнулъ.

«Вышелъ я на задворки, и вѣришь ты?—кажется, не долго мученія мои тянули—и всего-то съ сутки!—а словно

Digitized by Google

я тутъ впервой воздухомъ свѣжимъ дохнулъ! Даже ослабъ весь, и ноги подкашиваются, и грудь будто расшаталася... Вышелъ я на задворки; однако, какъ началъ дѣломъ смекать: «плохо, думаю, это я сдѣлалъ; такимъ манеромъ они меня какъ разъ по слѣду накроютъ; лучше на большую дорогу пойти». Вышелъ, да не думая, словно изъ лука стрѣла, пустился въ обратный бѣжать.

«Бѣжалъ я безъ отдыху версты съ три, даже грудь начало саднить. А ночь-то мѣсячная да свѣтлая, и поле кругомъ чистое да ровное,—версты за двѣ человѣка видно! Вижу я: коли дальше идти, первое дѣло—изъ силъ выбьюсь, а второе дѣло—хватиться могутъ, и кто-жъ ихъ знаетъ, въ какую сторону ихъ лѣшій повернетъ! Показалась въ сторонѣ деревушечка, я и повернулъ въ проселокъ. Только она, распроклятая, точно дразнитъ меня: вотъ, кажется, рукой подать, такъ и вертится передъ глазами: однако, за ихними мужицкими ваивлонами, добрыхъ я съ полчаса маялся, доколѣ дошелъ.

«Тутъ я впервой позналъ, что такое бѣглый человѣкъ значитъ. Пришелъ въ деревню, смотрю около себя, а куда идти—не смыслю. Словно ужъ судьба сама за меня промышляла да въ овинъ привела; зарылся я въ солому, да два дня оттоль и не выходилъ,—такъ не ѣвши и лежалъ... Послѣ сказывали мнѣ наши, что и въ этой деревнишкѣ меня отыскивали, однако, стало-быть, не постарались.

«Черезъ два дня вышелъ. Ну, прежде всего ѣсть до смерти хочется. На дворѣ еще тѣмнеть была, только кой-гдѣ огни въ избахъ виднѣлись: значитъ, исправная баба ужъ печку затопила. Подошелъ я къ одной избѣ, вышибъ кулакомъ подворотню, подлѣзъ скрозь нее и прямо въ избу къ бабѣ.

«— Подавай хлѣба! говорю.

«Только она—какъ была съ ухватомъ въ рукахъ, такъ тутъ на мѣстѣ и обмерла. Я къ столу; досталъ хлѣба, взялъ кстати и ножикъ.

«— Только ты пикни у меня, говорю; не понѣ, такъ завтра—такъ дойму, что на вѣкъ языка лишишься!

«И точно, дай Богъ ей здоровья,—не пикнула.

«Наѣлся и опять въ солому залегъ—сумерекъ дожидаться. Теперь, думаю, хорошо: и сытъ, да и ножикъ при мнѣ есть. И все-то меня къ дому да къ дому тянетъ.

«Вотъ въ сумерки всталъ отъ своего логова и пошелъ-таки прямо въ деревню. Вижу еще издалеча, что въ кучерской у насъ свѣтъ горитъ. Не думавши долго, прямо туда.

Digitized by Google

«— Ребята! говорю, кто изъ васъ противъ меня измѣнщикомъ хочетъ быть?

«Только они сидятъ да помалчиваютъ, да промежъ себя переглядываются.

«— Если кто меня выдать хочетъ, говорю, такъ я тутъ весь; а не желаете выдать, такъ обогрѣйте да накормите меня!

«Никто, однако, противъ своего брата измѣнщикомъ быть не согласился. Тутъ я узналъ, что въ тотъ самый день Машу на деревню что-ни-на-есть за гадючаго мужика отдали замужъ; а Семерикъ, какъ ни въ чемъ не бывало, сейчасъ послѣ свадьбы въ Москву укатилъ.

«Загорѣлось во мнѣ: хочу да хочу Машу видѣть! даже ѣсть не могу; такъ всего и поднимаетъ меня.

«Пошелъ на деревню, вижу—стоитъ на краю избенка развалившая; подошелъ къ окошку—думаю, нѣтъ ли гульбы у нихъ? Однако, видно, бѣдность шибко мужика одолѣла, либо совѣсть на народѣ зазрила, только не чуть въ избѣ ишкого, кромѣ хозяевъ. Горитъ-это посередь горницы лучина, и ровно чадъ да дымъ отъ нея идетъ, а свѣту почесть ничего-таки нѣтъ; въ углу на полу ребята въ-повалку спятъ... ну, одно слово, и голодно-то, и холодно-то въ этой избѣ, совсѣмъ, кажется, и жить-то нельзя. Одно мнѣ чудно показалось, что они ровно какъ вмѣстѣ жили,— сидятъ около свѣтца. Маша бѣлишко кой-какое дѣткамъ починиваетъ, а Трофимъ сапоги на продажу тачаетъ. Долго я такъ смотрѣлъ на нихъ, все думаю: взойти или не взойти? Однако, Маша будто почуяла что: встала съ мѣста и слушаетъ; ну, и Трофимъ къ окошку побрелъ.

«— Это я, говорю, Трофимъ Петровичъ! я, молъ, бѣглый Иванъ! Пустишь, что ли?

«Услышавши меня, онъ по-началу даже отъ окна отшатнулся, однако вскорѣ опять поправился.

«— Пустить, что ли Марьюшка?—спрашиваетъ.

«Только она ровно испугалася: побѣжала-это отъ свѣтца прочь и за печку спряталась.

«— Пусти, говорю, Петровичъ! Вотъ тебѣ Богъ, что только проститься хочу; одной минуты не пробуду больше!

«Взошелъ я въ избу, помолился Богу, сѣлъ на лавку.

«— Богъ въ помочь! говорю.

«Только она вышла ко мнѣ, мертвая-размертвая. Однако, идетъ твердо.

«— Прости меня, Иванушка, говоритъ.

«Я заплакалъ; сижу-это на лавкѣ и, словно баба, мало-

Digitized by Google

душествую. Господи! какъ мнѣ горько-то, горько-то въ ту пору было! Словно темь кругомъ меня облегла, словно страхъ да ужасъ на меня напалъ, словно тянетъ, сосетъ все мнѣ сердце!

«— Прощай, Иванушка!— опять говоритъ она, а у самой слезиночка въ голосѣ дрожитъ.

«Вскочилъ я; хотѣлъ въ охапку ее схватить, однако, вижу—въ углу Трофимъ стоитъ и словно у него зубъ на зубъ не попадаетъ. И она тоже руки впередъ протянула, будто какъ застыдилася. Ну, думаю, стало-быть, нашему дѣлу и взаправду окончанье пришло!

«— Прощай, говорю, Маша! прощай и ты, Трофимъ!

«Молчатъ оба.

«— Видно, молъ, не свидѣться намъ?

«— Да, видно, не свидѣться!—молвилъ Трофимъ.

«Словно ожгло меня это слово.

«— Звѣрь ты! говорю.

«— Нѣтъ, говоритъ, не я звѣрь... Ты, говоритъ, рукой махнулъ да въ лѣса бѣжалъ, а ей весь вѣкъ со мной въ голодѣ да въ нуждѣ горе мыкать приходится... Такъ инъ лучше не замай ты насъ!

«Смотрю я на нее; все думаю: не скажется ли въ ней хоть на минуточку наше прежнее разлюбовное время-времечко?..

«Ну, и нѣтъ, какъ нѣтъ; стоитъ она какъ безъ чувствъ совсѣмъ, глазами въ землю смотритъ, только верхняя губа будто дрожитъ легонько.

«— Ну, говорю, инъ и взаправду, Маша, прощай! Однако, все-таки, на разстаняхъ, чай, поцѣловаться надо...

«... Такъ наше дѣло и кончилось. Вышелъ я отъ нихъ какъ безъ памяти. Отхваталъ я, братъ, въ эту ночь верстъ тридцать съ лишнимъ. Иду да иду впередъ, а куда иду—даже понятіе потерялъ. Снѣгъ мокрый глаза залѣпляетъ, вѣтеръ въ лицо дуетъ, ноги въ сугрубахъ тонутъ, а я все иду, и все о чемъ-то думаю, хоть истинной думы и нѣтъ во мнѣ. Все это какъ во снѣ—отъ одного къ другому переходитъ: и Маша-то тутъ, и не ѣдалъ-то я, и сѣна вонъ стогъ въ полѣ стоитъ, и ночь-то была въ-пору холодная да темная. Останови да спроси: о чемъ, молъ, сейчасъ думалъ?—ни въ свѣтѣ отвѣта не дашь!

«Однако, на утрѣ уморился, и понятіе это ко мнѣ изморомъ воротилось. Тутъ только догадался я, что замѣсто того, чтобъ къ нашимъ на конный дворъ вернуться, я верстъ тридцать въ сторону шагнулъ. Ну, не судьба, значитъ!

Digitized by Google

«Вижу, навстрѣчу мнѣ мужичокъ съ дровами ѣдетъ. Мужичоночко этакой худенькой да мозглявенькой; «ну, на что такому мозглецу топоръ?» думаю. Подошелъ къ нему.

«— Продай, молъ, топоръ, дяденька!

«Онъ перепугался.

«— Христосъ, говоритъ, съ тобой, молодецъ! топоръ-отъ, чай, мой!

«— Извѣстно, говорю, что твой; только и для насъ онъ словно надобенъ!

«Ну, онъ столько учтивъ былъ, что больше со мной не разговаривалъ.

«Такимъ манеромъ прошло больше мѣсяца, что̀ я все дальше пробирался.

«Вѣришь ли, даже не обогрѣлся ни разу порядкомъ, ни разу путемъ не поѣлъ. Привычки-то къ ночному рукомеслу еще не было, да и шелъ я все глухимъ мѣстомъ да проселкомъ,—такъ и въ питейный-то зайти не съ чѣмъ. И страхъ тоже одолѣлъ, потому что зима для бѣглаго человѣка—самое некорыстное время: кругомъ-это суметы, ни бѣжать, ни схорониться некуда: того гляди—какъ зайца изымаютъ.

«Однако, около Благовѣщенія, словно потеплило, а въ деревняхъ въ это время на пригревѣ объ ину пору даже жарко бываетъ. Тутъ, братецъ мой, только я восчувствовалъ, какова на свѣтѣ жизнь хороша есть. Сядешь, бывало, въ сторонкѣ около стожка; солнышко прямо въ лицо тебѣ поглядываетъ; вѣтерки, словно бархатные, кругомъ поигрываютъ; въ сторонѣ, чу! вода русло себѣ просасываетъ; наверху всякая птица кишмемъ-кишитъ, и не видать ея въ вышинѣ, а словно стонъ сверху внизъ стелется. Журчитъ-это, шумитъ все, точно и не одинъ ты въ свѣтѣ, точно завсегда кто-ни-на-есть съ тобой присутствуетъ... Самое развеселое это время!

«Тутъ и поживишка у меня порядочная случилась. Иду я разъ сумерками своимъ трактомъ и вижу, что посередь самой большой дороги кибитка стоитъ; лошади, пара, сзади привязаны, ямщика нѣтъ. Подхожу я къ кибиткѣ, слышу—разговоръ тамъ идетъ; одинъ сѣдокъ, должно-быть, заслышалъ меня, всталъ и смотритъ черезъ кибитку... Купецъ.

«— Много лѣтъ здравствовать, господа хозяева! говорю.

«Только онъ думаетъ, что меня, значитъ, ямщикъ помогать имъ прислалъ.

«— Скоро ли же ямщикъ-то вернется? — спрашиваетъ.

Digitized by Google

«Пошелъ я впередъ, будто кибитку осматриваю, а самъ примѣчаю, какъ бы за дѣло мнѣ половчѣй взяться. Вижу— впереди зажора, у кибитки одна оглобля напрочь отломлена; значитъ, ни взадъ, ни впередъ нѣтъ возможности.

— Да ты что за человѣкъ?—спрашиваетъ купецъ.

«А другой его товарищъ, даже не видѣвши еще ничего, забился вглубь, да только знай-стонетъ. Вижу я, что они ребята ласковые, и въ разговоръ съ ними взошелъ.

«— Вы, говорю, хозяева, просто, что-ль, ѣдете?

«— Нѣтъ, говоритъ, безъ топора тоже не ѣздимъ.

«Ну, и топоръ показываетъ.

«— А коли есть топоръ, такъ дайте, значитъ, пять цѣлковыхъ,—и Богъ съ вами! А не то будемъ силу пробовать!

«Заартачился-было купецъ, да товарищъ его, спасибо, на выручку мнѣ подоспѣлъ. Застоналъ-это, заревѣлъ пуще прежняго: «отдай да отдай пять цѣлковыхъ!»

«Разсчитались.

«Пошелъ я послѣ того въ кабакъ, да тамъ и забылся. Объ ину пору хорошо это бываетъ. Придетъ-это тошно да смутно такъ; назади некорыстно, да и вернуться туда ужъ нельзя, а впереди словно туманъ да тѣмнеть виситъ... куда идти? Думаешь-думаешь, даже головой о стѣну шарахнешься. Косушка вина много тутъ помощи дѣлаетъ. Выпьешь одну — въ сердце словно радуга просіяетъ; выпьешь другую—словно по морю по окіяну плывешь; выпьешь третью— ни земли, ни воды подъ тобой нѣтъ, да и люди—ровно точки въ глазахъ мерещатся...

«Въ кабакѣ я человѣка встрѣтилъ. Показалось мнѣ, что онъ на меня съ перваго раза слишкомъ зорко посмотрѣлъ, да и съ цѣловальникомъ словно перемигнулся. Вотъ, выпилъ я свою чарку и сѣлъ въ углу на лавку, будто какъ благодушествую, а у самого даже муравьи по-за-кожей заползали! Все, знаешь, по новости своей думаю, что на лазутчика попалъ. Тогда они промежъ себѣ разговоръ ведутъ съ цѣловальникомъ.

«— Худо, Савва Дементьичъ!—говоритъ человѣкъ:—развѣ вотъ лѣтомъ поправимся, а не то, видно, совсѣмъ отсель откочевывать придется.

«— Что-жъ такъ?

«— Да ровно ужъ слишкомъ много порядковъ здѣсь завелось. Намеднись Сидорку на гумнѣ изловили, отпустить-то отпустили, да ужъ и выкупъ больно несообразный заломили. Надоѣло... Только бы товарищей такихъ подыскать.

Digitized by Google

чтобъ и въ огонь, и въ воду охочи были идти, такъ, кажется, ни на минуту бы здѣсь не остался.

«— И Дарьюшку ништо не жалко?

«— Что Дарьюшка! только связался я съ ней, а то давно бы намъ это дѣло покинуть надо! Намеднись-вотъ мужъ: «ты, говоритъ, меня въ окаянство ввелъ, ты меня воромъ сдѣлалъ, да и жену теперь отнимаешь!» Какъ будто я задаромъ его воромъ-то сдѣлалъ! И что еще, такъ-это остервенѣлъ, что ухватилъ ножъ да съ ножомъ зря впередъ и лѣзетъ. Даже смотрѣть на него глупо.

«Цѣловальникъ захохоталъ.

«— Однако, надо правду-истину сказать, говоритъ, и ты въ его добрѣ ровно слишкомъ хозяйствуешь!

«— Чего хозяйствовать! Съ ней, братъ, всякій хозяйствовать можетъ,—была бы охота! Намеднись-вотъ офицеръ проѣзжій ночевать у нихъ остановился, такъ мнѣ даже тошно стало, какъ она передъ нимъ привередничала...

«— Такъ вотъ она какова!

«— Да ужъ такъ-то «такова», что опять-таки говорю: найдись у меня теперь товарищъ хорошій, чтобъ вмѣстѣ бѣжать отсель, ни на минуту бы даже не задумался.

«А самъ говоритъ это да на меня поглядываетъ. Однако, я молчу и все это думаю, что онъ меня испытать хочетъ. Долго ли, коротко ли они промежъ себя побесѣдовали, только онъ не утерпѣлъ, подошелъ ко мнѣ.

«— Да ты что, говоритъ, землякъ, въ землю глазами уткнулся да нюни распустить?

«— А такъ, молъ.

«— Что такать-то, а ты говори дѣло. Отколь бредешь?

«— Прохожій, молъ; шелъ да зашелъ,—и все тутъ!

«— Прохожій Иванъ стащилъ на селѣ кафтанъ, идетъ на большую дорогу за шубой... Такъ, что ли?

«— Хоть бы и такъ, тебѣ что за дѣло?

«— Больно ты, братъ, гордъ, либо трусливъ ужъ не въ мѣру. Тебя же жалѣючи спрашиваютъ.

«— Да ты самъ-то кто таковъ?

«— А я, говоритъ, человѣкъ небольшой, по прозванію сторожъ ночной; неподалечку бекетъ здѣсь содержимъ да проѣзжающихъ въ страхѣ Божіемъ держимъ!

«Цѣловальникъ засмѣялся.

«— Да и уму-разуму наставляемъ ихъ, потому какъ безъ нашей науки они безпремѣнно забылись бы... Вотъ еще онамеднись углицкіе купцы тутъ ѣхали; ну, я точно-

Digitized by Google

что малую толику отъ нихъ попользовался; однако, за это и притчу имъ сказалъ: «Который, молъ, звѣрь всѣхъ звѣрей лютѣе?—левъ. Кто льва лютѣе?—человѣкъ; потому—человѣкъ человѣка погубляетъ, а левъ льва никогда. Кто человѣковъ лютѣе?—разбойникъ!.. Такъ вы, говорю, ваши здоровья, въ этомъ мѣстѣ поздно ночью не ѣздите, потому—тутъ шалятъ»... Такъ хочешь, что ли, съ нами молодецъ?

«Посумнился я тутъ съ крошечку. Хоть и вижу, что кончанье для меня одно впереди, однако съ непривычки все будто робостно.

«— Что задумался? Или, братъ, по пословицѣ: собака волка деретъ, и драть не умѣетъ, и отстать не смѣетъ? А ты, коли въ тебѣ живая душа есть, говори прямо: хочешь другомъ быть?

«— Ты бы ему поднесъ для куражу, Миронычъ,—говоритъ цѣловальникъ:—а то вишь онъ какъ отъ дороги осовѣлъ!

«Стали мы тутъ пить и бражничали такимъ родомъ дня съ три. На четвертый день такіе ли други-пріятели сдѣлались, словно вотъ вѣкъ только другъ о дружкѣ и сокрушался. Такъ и рѣшилась судьба моя въ кабакѣ.

«Привелъ онъ меня къ своей любезной. Мужъ у нея тутотка на большой дорогѣ въѣзжій дворъ держалъ... такъ, небольно чтобъ очень корыстный. Мѣсто это самое глухое да непріятное; и стоялъ ихній дворъ, словно торчокъ, одинъ-одинёхонокъ; кругомъ верстъ на двѣнадцать лѣсъ дремучій, по дорогѣ песокъ по колѣни; ни воды, ни лужаечки нѣтъ,—такъ, дичь одна. Какъ ѣдетъ, бывало, кто по дорогѣ, такъ издалеча еще слышно, какъ по лѣсу словно щелканье пойдетъ. Стало-быть, польза отъ постояльцевъ была самая пустая; развѣ ужъ больно кто обночуетъ, или кони въ пескахъ шибко замаются, такъ къ Ѳедоту Карпову на часокъ завернетъ, а прочіе норовятъ, бывало, мимо поскорѣй проѣхать. Да и жили они какъ-то сумнительно; у другихъ хозяевъ и работникъ, и работница путные есть, а у нихъ и всего-то одна работница, да и та нѣмая да дурочка была. Ну, для проѣзжихъ господъ оно и неприглядно; который и остановится случаемъ, такъ все по сторонамъ озирается, не хотятъ ли, молъ, рѣзать его.

«А Ѳедотъ Карповъ самый изъ себя паренекъ мизирный да нескладный былъ. Махонькой да тощой такой, борода-это клинушкомъ, глазки маленькіе да врозь разбѣгаются,—даже смотрѣть гнусно. И все-то, бывало, или на палатяхъ проклажается, либо въ окошко сонной глядитъ

Digitized by Google

а начнетъ-это работать, такъ и не глядѣлъ бы на него: только въ навозѣ, словно боровъ, копошится... А со всѣмъ этимъ такой жадàй былъ, что какъ увидитъ монету—даже словно обезпамятѣетъ весь: этимъ только и держалъ его Корней въ увдѣ.

«Зато на Дарьюшку точно-что можно залюбоваться было. И высокая-то, и полная-то, и глаза большіе на выкатѣ, а тѣло бѣлое да разбѣлое, словно вотъ пѣна молочная скипѣлася. Одно слово, отдай все да и мало. Пойдетъ-это по горницѣ или даже на мѣстѣ шевельнется,—такъ вся тебѣ кровь въ голову вдругъ и кинется... Пѣсни тоже пѣть мастерица была: что̀ хочетъ надъ тобой своимъ голосомъ сдѣлаетъ! И тоской-то тебя всего зальетъ, и удалью да молодечествомъ сердце разутѣшитъ,—словно вся человѣческая душа въ рукахъ у ней была. Жила, вишь, она прежде у одного молодого купчика, однако, вышелъ ему срокъ жениться,—онъ и выдалъ ее за Ѳедота. Отъ него и пѣсни-то пѣть она выучилась.

«Пришли мы къ нимъ около полдень; смотримъ, Дарьюшка у воротъ сидитъ, на солнышкѣ грѣется. Поздоровались.

«— Жить, что ли, у насъ будете?—спрашиваетъ Дарьюшка, а все на меня исподлобья посматриваетъ.

«— Да,—говоритъ Корней:—покудова до тепла надобно будетъ прожить.

«— А послѣ куда?

«— А куда путь лежать будетъ... Вѣрнаго еще ничего сказать теперь не могу.

«Только она на эти его слова ровно усмѣхнулася; только такъ-то нехорошо да обидно, что разомъ мнѣ Корнеевы слова вспомнились, которыя онъ цѣловальнику въ кабакѣ говорилъ.

«— Чего смѣешься? правду говорю, что остатніе дни у васъ здѣсь валандаюсь!—говоритъ Корней.

«— Ну, и съ Богомъ!—отвѣчаетъ Дарьюшка, а сама все на меня да на меня поглядываетъ.

«Словно помертвѣлъ Корней.

«— Ишь ты, подлая!—говоритъ.

«Однако, она ничего; сидитъ-себѣ, да знай полегонечку посмѣивается.

«— Такъ неужто-жъ, молъ, мнѣ всѣмъ твоимъ прихотямъ подражать?—говоритъ.—Хочешь идти, такъ иди... плакать по тебѣ, что ли?

«— И уйду; только такъ я тебя на прощаньи приголублю, что вѣкъ ты меня не забудешь... Змѣя ты!

Digitized by Google

«Чудно мнѣ это показалось. «Будь, думаю, я на Корнеевскомъ мѣстѣ, не посмотрѣлъ бы на косы твои русыя!» Однако, онъ смолчалъ; только все у него нутро, словно у звѣря лѣсного, зарычало.

«Въ тотъ же вечеръ у нихъ съ Ѳедотомъ Карповымъ дѣло чуть не до убивства дошло, и все опять эта Дарьюшка на озорство завела.

«— Слышалъ, говоритъ, Ѳедотъ Карпычъ, что Корней Миронычъ отъ насъ въ дальны стороны сбирается?

«Какъ сказала она это, Ѳедотъ Карповъ даже помертвѣлъ весь. Ну, и Корней словно потупился. А она вмѣсто того, чтобъ смирять ихъ, только пуще другъ на дружку натравливаетъ.

«— Сказываютъ, какъ это тамъ хорошо да привольно, и рѣки-то, слышь, молочныя, и берега-то кисельные, и воруютъ-то всѣ безданно-безпошлинно... инъ и тебѣ за нимъ ужъ бѣжать, Ѳедотъ Карпычъ?

«Слушаетъ это Ѳедотъ, а у самого даже бороденка словно листъ трясется.

«— Правду, что ли, баба лаетъ?—говоритъ.

«Ну, солгать бы тутъ Корнею: пошутилъ, молъ, и вся недолга; однако, онъ или посовѣстился, или не нашелся съ перваго разу: пробормоталъ что-то невнятно въ отвѣтъ и замолчалъ.

«— Анъ, врешь ты!—говоритъ Ѳедотъ.—Не посмѣешь отсель уйти!

«А самъ и заикается-то, и по столу-то кулакомъ бьетъ...

«— Али любъ тебѣ сталъ?—говоритъ Корней.

«— Любъ не любъ, а у меня съ тобой счеты есть... Въ кабалу ты ко мнѣ шелъ!

«Ну, лѣзетъ на Корнея, да и шабашъ, даже на мѣстѣ словно скачетъ; и кулачишкомъ-то, и головой-то ему въ брюхо норовитъ... Удивленіе да и только!

«— Ты, говоритъ, женой у меня завладалъ; такъ задаромъ, что ли, я тебѣ ее отдалъ?

«— Ишь, тебя больно спрашивались...

«А Ѳедотъ все одно:

«— Издохнешь, говоритъ, мнѣ служивши! Убью я тебя и въ отвѣтѣ не буду!.. Потому—ты воръ... Да, говоритъ, воръ, воръ, воръ... разбойникъ ты!

«Корней только знай рукой отмахивается, какъ онъ слишкомъ на него наскакивать начнетъ.

«А Дарьюшка, сдѣлавши свое дѣло, ушла за перегоро-

Digitized by Google

дочку, словно горя ей мало; только и слышно, какъ она тамъ позѣвываетъ да потягивается.

«— Часто этакъ-то у васъ бываетъ?—спрашиваю я ее.

«— А кто ихъ знаетъ! Каждый день все ссору да драку заводятъ... Что на нихъ смотрѣть-то? Да неужто взаправду Корней на чужую сторону сбирается?

«— Да, взаправду.

«— Куда?

«— А куда глаза глядятъ.

«— Ну, и Богъ съ нимъ!

«— Будто тебѣ его не жалко?

«Такъ она, братецъ мой, не то чтобъ поскучать или хоть бы задуматься—все же чужой человѣкъ передъ ней—даже засмѣялась въ отвѣтъ.

«— Ты, говоритъ, съ Корнеемъ, что ли?

«— Съ Корнеемъ.

«— Напрасно... кабы ты съ нами остался, и Ѳедотъ бы Карпычъ Корнея отпустилъ.

«Говоритъ это, да такъ-таки прямо въ глаза мнѣ и смотритъ.

«— А намеднись, говоритъ, офицеръ проѣзжій у насъ становился, такъ раза съ четыре ворочался: все бѣжать съ собою меня сманивалъ! И опять пріѣхать обѣщался...

«— А Корней чего смотрѣлъ?

«— Что Корней! Извѣстно, въ хлѣву злобствовалъ! Развѣ его въ горницу пущаютъ, когда пріѣзжіе господа есть?

«— Видно, ты-таки охоча гулять-то!

«— А для че не гулять, когда гулять можно... весело гулять! Вотъ у меня баринъ былъ миленькій,—ужъ то-то мы съ нимъ погуливали!.. Хочешь, что ли, пѣсню тебѣ спою?

«Сняла со стѣны гитару, да словно разлилась тутъ вся:

«Ахъ, гдѣ, жена, была-была, гдѣ, сударыня, была?
Я была, сударь, была, у попа въ гостяхъ»...

«И поетъ-то, и плечьми-то подергиваетъ, и каблучками-то пристукиваетъ... всякая словно жилка въ ней вдругъ заговорила!

«А грудь-то бѣлая да полная, тяжеленько-это подъ гитарой мечется; ровно моченьки у ней нѣтъ, ровно истомило ее всю, измаяло! Такъ оно хорошо да сладко, что и Корней съ Ѳедотомъ лаяться перестали, а у меня даже свѣтъ въ глазахъ помутился!.. Какъ легли мы послѣ того съ Корнеемъ на сѣнницѣ спать, долго она мнѣ сквозь сонъ все мерещилась!

Digitized by Google

«Жили мы у нихъ съ мѣсяцъ-мѣста, ничего не дѣлавши; однако, я укрѣпился, противъ товарища подлецомъ сдѣлаться не хотѣлъ. Подивился я тутъ на Корнея! Ужъ на что, кажется, крѣпкій человѣкъ былъ, а передъ этимъ Ѳедоткой словно овца смирялся: что хотѣли изъ него дѣлали. Она, бывало, и за водой его посылаетъ, и кушанье стрянать велитъ—все справлялъ!

«По времени, и совсѣмъ тепло установилось. Сталъ Ѳедотъ Карповъ намъ докучать, что мы только руки склавши сидимъ да чужой хлѣбъ ѣдимъ. Началъ и я Корнею вспоминать, что не затѣмъ въ товарищи къ нему пошелъ, чтобъ у бабы подъ юбкой прятаться...

«Вотъ вышли мы со двора поздно вечеромъ, на самый Егорьевъ день. За десять верстъ отъ двора и мѣсто у насъ было такое назначено, чтобъ съ товарищами сойтись. Только идемъ мы опушкой, а у меня словно сердце въ груди измираетъ: то, знаешь, робость непереносная всего обхватываетъ, то вдругъ такую въ себѣ силу и мочь почувствуешь, что, кажется, не шелъ, а летѣлъ бы впередъ да впередъ. И чего-чего тутъ не передумаешь: и стоны-то загодя тебѣ слышатся, и кровь будто передъ глазами проливается...

«И ничего-таки этого не бываетъ, и все, братецъ ты мой, это одинъ разговоръ! Настоящій разбойникъ никогда не убиваетъ; убиваетъ больше мелкій воришка, который съ предметомъ своимъ совладать не можетъ. А у насъ всякое дѣло миромъ кончается: одна часть тебѣ, другая часть намъ,—и ступай на всѣ на четыре стороны! Случается, правда, что бабы отъ страха пищатъ,—ну, и Христосъ съ ними, пускай пищатъ!

«Потому, какая для насъ корысть человѣка жизни лишать? Первое дѣло—грѣхъ занапрасно на душу возьмешь, а второе дѣло—слѣдъ безпремѣнно оставишь. Иной, свою часть вручивши, погорюетъ—да и броситъ дѣло такъ, потому дорожному человѣку съ полицейскими связываться тоже не приходится. Ну, а какъ убьешь-то его, онъ волей-неволей на тебя пожалуется; пойдутъ-это шарить да сыскивать, и хоть ничего настоящаго не найдутъ, однако на цѣлый мѣсяцъ все дѣло тебѣ перепакостятъ.

«Въ эту ночь мы барина остановили. Молоденькій такой да нѣженькій, а трясется, сердечный, одинъ на телѣжечкѣ. Шибко онъ насъ испугался, даже смѣшался совсѣмъ.

«— Что-жъ ты не везешь, каналья ты этакая!—кричитъ ямщику, а самъ почти плачетъ. Ну, денегъ у него мы не

Digitized by Google

густо нашли, потому—домой на побывку налегкѣ ѣхалъ, а взяли... у него, чемоданишко, часы золотые да перстенекъ съ руки. Больно мнѣ его жалко было. И то говорилъ Корнею:—что, молъ, младость обижать?—Однако, онъ не послушалъ...

«Въ другую ночь видимъ—цѣлый рыдванъ по дорогѣ шестерикомъ ползетъ. Ну, такъ и мерещится мнѣ, что Семериковъ это рыдванъ.

«— Братцы, говорю, голубчики, никакъ это *мой* ѣдетъ!

«Однако, вышелъ не онъ, а баринъ какой-то большой. Растянулся-себѣ на подушкахъ баринъ любезный, спитъ во всю ивановскую, а у самого крестъ на манишкѣ болтается. Ну, мы его разбудили.

«— Ваше благородіе,—говоритъ Корней:—извольте вставать, на станцію пріѣхали!

«Только онъ по-началу высоко было-взялъ.

«— Какъ вы смѣете, говоритъ, да вы знаете ли, говоритъ, что я васъ туда упеку, куда Макаръ телятъ не гоняетъ!..

«Потомъ, однако-жъ, урезонился маленько... Много онъ намъ ласковыхъ словъ говорилъ: что и воровать-то стыдно, что и братья-то мы всѣ, что обижать намъ другъ дружку, стало-быть, не приходится; однако, какъ наше дѣло къ спѣху было, мы вслушаться въ его рѣчи настоящимъ манеромъ не могли, и такъ-таки въ-чистую его обобрали, что даже лошади послѣ того отъ легкости рысцой побѣжали.

«Стащили мы нашу добычу въ лѣсъ, въ самую трущобу, и хворостомъ тамъ ее завалили. Только въ лѣсу долго оставаться еще неспособно было. И по дорогѣ, и въ полѣ ужъ сухо, а въ лѣсу еще земля словно не весь паръ отдала. Приклонишься къ низу, даже видишь, какъ земля на глазахъ твоихъ отходить начинаетъ, а въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ поглуше, словно вотъ легкая-легонькая пеленочка еще лежитъ,—ледокъ, значитъ. А изъ-подо льду ужъ и травка зелененькая выбивается.

«Воротились мы на постоялый раннимъ утромъ, чуть еще солнышко показалось. Въ горницѣ, видно, еще спали; только нѣмая работница за ворота вышла, позѣвываетъ да на восходъ крестится; да и та, увидѣвши насъ, словно испугалась, и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, въ ворота шарахнулась... Что за чудо! Однако, Корней, должно-быть, чутьемъ бѣду свою почуялъ и самъ за ней слѣдомъ ударился...

Digitized by Google

«Только я ужъ засталъ, какъ онъ Ѳедота допрашивалъ. Вижу, на немъ и званія лица нѣтъ, а Ѳедотъ стоитъ у стѣны въ одной рубашкѣ, волосы-это растрепаны, рожа немытая; стоитъ да подъ рукой его, ровно комаръ, топорщится.

«— Куда убѣгла? Сказывай!—говоритъ Корней.

«И не то чтобъ шибко выкрикиваетъ, однако даже мнѣ отъ его голосу жутко стало.

«Ну, и Ѳедоткѣ, видно, не до разговоровъ пришлось: лепечетъ что-то про себя, да руками разводитъ.

«— Продалъ ты, что-ль, ее?—опять говоритъ Корней.— Сказывай, сказывай же ты мнѣ, аспидъ ты этакой!

«Собралъ онъ его, братецъ ты мой, въ охапку и грянулъ объ полъ. Ужъ топталъ онъ, топталъ, ужъ возилъ онъ его по полу-то, возилъ!.. Давно и душонка-то его смрадная, чай, въ тартарары пошла, а онъ все сытости не чувствуетъ... Возьметъ-это, подниметъ его съ полу, и опять объ земь—какъ шваркнетъ!

«Ну, подъ конецъ и самъ измаялся: грянулся-это на лавку, да какъ завопитъ да застонетъ, ажъ вчужѣ меня холодный потъ прошибъ!

«Часа черезъ два мы этотъ проклятый постоялый дворъ со всѣхъ четырехъ угловъ зажгли. Такъ и сгорѣлъ со всѣми пожитками; даже нѣмая, по глупости своей, выбѣжать не успѣла...

«И пошли мы послѣ того во путь, во дороженьку, отрекшись отъ міра прелестнаго, поклонившися бору дремучему, и живемъ, нече сказать, ни худо, ни красно, а хлѣбъ жуемъ не напрасно.

«Странствуемъ мы съ нимъ по русскому царству, православному государству, странствуемъ по горамъ, по доламъ, по лѣсамъ, по полямъ, по зеленымъ лузямъ, а больше около большой дороги держимся.

«Весело, братъ! это ужъ говорить нечего... т. е. просто у насъ житье-пережитье!.. Однако, идешь-это иной разъ по опушечкѣ, и вдругъ на тебя дурость найдетъ... Растужишься-разгорюешься, и падешь гдѣ-нибудь подъ елочкой, тяжеленько вздыхаючи, горьки слезы роняючи, свою жизнь проклинаючи... И елочка-это словно тебя понимаетъ: такъ-то плавно да заунывно лапами своими надъ тобой помаваетъ: вздохни, молъ, замученный! вздохни, безталанный, безчастный! вздохни, сирота, сиротскій сынъ!

Digitized by Google

«Видѣлъ я сонъ: прихожу будто я въ градъ нѣкій, и прихожу не одинъ, а съ товарищами: такіе пріятели есть, сотскими прозываются. Подхожу-это къ палатамъ пространнымъ: съ четырехъ концовъ башни высятся, спереду стоятъ батюшки-солдатушки; стоятъ солдатушки, ружьемъ честь отдаютъ, за бѣлы руки меня принимаютъ, принимаючи разутѣшными рѣчами ублажаютъ: «ты войди, молъ, къ намъ, воръ-разбойничекъ! душегубчишка ты окаянненькій! Отдохни ты у насъ въ острогѣ каменномъ, за затворами крѣпкими желѣзными!»

«И еще видѣлъ я сонъ: стою я на мѣстѣ высокіимъ и къ столбу у меня крѣпко-на-крѣпко руки привязаны. Собралось тутъ народу видимо-невидимо; все на меня позѣвать-поглазѣть, на меня, на шельмецкаго-шельмеца, на разбойника!

«И молился я тутъ Спасову образу,
И на всѣ стороны низко кланялся:
Вы простите меня, люди Божіи,
Помолитеся за мои грѣхи,
За мои ли грѣхи тяжкіе!
Не успѣлъ я на народъ возрити,
Какъ отсѣкли мою буйну голову,
Что по самыя плечи могучія...

«Ну, этотъ сонъ нельзя сказать, чтобъ пригожъ былъ... Однако, не лучше ли намъ это бросить—позабыть...

«Ахъ, въ горѣ жить, некручинну быть!
А и горе-горе, горевaньице!
Ахъ, въ горѣ жить, некручинну быть,
Нагому ходить—не стыдится!»

XI.—Послѣ обѣда въ гостяхъ.

Удивительное дѣло, какъ все это было пригнано, какая во всемъ сказывалась система и гармонія! Потомство рѣшительно не повѣритъ. Поговоримъ хоть о губернскомъ надзорѣ. Всякій согласится, что безъ надзора нельзя: во-первыхъ, обывателямъ некому будетъ жаловаться, во-вторыхъ — куда же дѣнутся всѣ эти лица, которымъ ввѣренъ надзоръ? въ-третьихъ... ну, да вообще какъ-то неловко безъ контроля! Что могли бы сказать о насъ иностранцы, если бы у насъ не было контроля? Могли бы сказать: у нихъ царствуетъ произволъ, потому контроля нѣтъ! Могли бы сказать: удивительно, какъ это люди живутъ въ такой странѣ, въ которой контроля нѣтъ! А теперь, какъ контроль есть, то иностранцы должны молчать, и ничего больше.

Digitized by Google

Главное дѣло, чтобъ контроль былъ безобидный и шелъ, такъ сказать, въ видѣ непрерывнаго перекрестнаго огня. Объяснимъ это примѣромъ. Если меня будетъ контролировать мужикъ, что̀ можетъ изъ этого выйти? Разумѣется, ничего путнаго, потому что и онъ меня не понимаетъ, и я его не понимаю, и станемъ мы цѣлый день разговаривать, я по-русски, онъ по-татарски. Совсѣмъ другое дѣло, когда сойдутся люди просвѣщенные и скажутъ другъ другу: ты надзирай за мной, а я буду надзирать за тобой. Ясно, что здѣсь не можетъ случиться ни раздоровъ, ни недоумѣній; ясно, что просвѣщенные люди поймутъ другъ друга и будутъ объясняться единственно по-русски. Такимъ образомъ, подозрѣніе о произволѣ устраняется; обыватели на каждомъ шагу встрѣчаютъ лицо, которому могутъ принести жалобу; приличія соблюдены, всѣ довольны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и раздоровъ никакихъ...

Возьмемъ другой примѣръ, болѣе осязательный.

Нашъ почтенный начальникъ края постоянно находится подъ контролемъ весьма не легкимъ; за нимъ надзираетъ и губернскій штабъ-офицеръ, и губернскій прокуроръ,—а между тѣмъ, спросите его по совѣсти, чувствуетъ ли онъ это? Нѣтъ, онъ не чувствуетъ, ибо, съ другой стороны, штабъ-офицеръ и прокуроръ находятся и подъ его контролемъ. Слѣдовательно, сойдутся вмѣстѣ, переговорятъ между собой ладкомъ, анъ, смотришь, и прекратятся разомъ всѣ недоумѣнія, смотришь—и пошли опять козырять, какъ ни въ чемъ не бывало.

Нашъ добрый и милый пріятель, Семенъ Михайлычъ Балановскій, былъ именно такого мнѣнія о контролѣ. Во-первыхъ, онъ вообще одобрялъ всю систему, а во-вторыхъ, хвалилъ въ особенности то, что контроль именно порученъ ему, а не кому другому. «Это,—говаривалъ онъ:—именно величественное зданіе, въ которомъ всякій находится при томъ кругѣ, гдѣ кому по способностямъ быть слѣдуетъ».

Я знаю, что въ послѣднее время развелось много неблагонамѣренныхъ людей, которые утверждаютъ, будто бы не предстоитъ никакой надобности ни въ штабъ-офицерахъ, ни въ прокурорахъ, ни даже... въ начальникахъ края! Для управленія обывателями, говорятъ они, достаточно однихъ законовъ! Конечно, если разсуждать съ точки зрѣнія теоретической, то нельзя не сознаться, что законы въ своемъ родѣ тоже представляютъ величественное зданіе; но, съ другой стороны, бываютъ случаи, когда они говорить не

Digitized by Google

могутъ и когда личное искусное вмѣшательство одно можетъ предотвратить величайшія бѣдствія. Въ особенности удобно и необременительно сіе средство въ дѣлахъ свойства, такъ сказать, домашняго (ибо въ нашемъ любезномъ отечествѣ еще встрѣчаются дѣла сего свойства). Приходитъ, напримѣръ, ко мнѣ жена и жалуется, что мужъ ея поступаетъ съ ней не какъ супругъ, а какъ человѣкъ посторонній. Что сдѣлалъ бы законъ? Законъ, во-первыхъ, сказалъ бы: «сударыня, докажите!» Во-вторыхъ, если бы и послѣдовало доказательство, то законъ отвѣчалъ бы: «это, сударыня, не мое дѣло». Напротивъ того, что сдѣлаю я? Во-первыхъ, я призову мужа и скажу ему: «какъ же тебѣ, любезный, не стыдно! Посмотри, какая у тебя жена хорошенькая!» Во-вторыхъ, если онъ этимъ не убѣдится, я пригрожу ему закономъ: «да, скажу, любезный, у насъ на этотъ счетъ и законъ есть!» А такъ какъ онъ законовъ не знаетъ, то и убѣдится навѣрное. Смотришь — анъ дѣло-то и покончено къ общему удовольствію! Другой примѣръ: приходитъ ко мнѣ работникъ и жалуется, что хозяинъ жалованья ему не платитъ. Натурально, я за хозяиномъ: «зачѣмъ ты, любезный другъ, денегъ не платишь?» Ну, онъ мнѣ: такъ и такъ. Отъ хозяина я опять къ работнику: «развѣ ты не можешь, любезный другъ, подождать?» Смотришь — анъ дѣло-то и покончено къ общему удовольствію!

Но важнѣе всего то, что мы, россіяне, отъ рожденія нашего питаемъ къ судамъ нелюбовь. Одаренные отъ природы воображеніемъ впечатлительнымъ и характеромъ живымъ, даже строптивымъ, мы требуемъ, чтобъ дѣла рѣшались немедленно, а желанія наши удовлетворялись безпрепятственно. Что бы это такое было, если бы существовали одни суды и не существовало начальства? Страшно подумать, но предугадать не трудно. Во-первыхъ, обыватели пришли бы въ уныніе; во-вторыхъ, въ дѣлахъ произошелъ бы застой. Результатъ же всего этого—хаосъ, среди котораго люди стремились бы не къ тому, чтобъ сдѣлать себѣ одолженіе, но къ тому, чтобъ поѣдать другъ друга.

Повторяю, нашъ милый Семенъ Михайлычъ вполнѣ раздѣлялъ эти убѣжденія. Онъ находилъ, что въ особенности полезенъ надзоръ негласный, который благодѣтельствуетъ, такъ сказать, въ тишинѣ уединенія. Въ такомъ видѣ, по мнѣнію его, онъ уподобляется Провидѣнію, всегда намъ присутствующему. Обиженный не имѣетъ основанія унывать, ибо знаетъ, что есть рука, которая защититъ его и

Digitized by Google

покараетъ злодѣя. При такой увѣренности не можетъ не житься легко, ибо жизнь, такъ сказать, сама выноситъ обывателя на крылахъ своихъ. Въ этомъ же, быть-можетъ, заключается и дѣйствительная причина того, что въ государствахъ, гдѣ подобный контроль устроенъ, лица обывателей принимаютъ видъ откровенный и беззаботный, не говоря уже о томъ, какъ это пріятно начальству.

Вообще, Семенъ Михайлычъ чудный малый и слыветъ въ губерніи завиднымъ женихомъ. Онъ очень мило изъясняется по-французски, а благородной изысканности его манеръ удивляются всѣ помѣщики. Онъ нѣсколько сухощавъ и вообще сложенъ, если позволено такъ выразиться, меланхолически; при этомъ строенъ и имѣетъ черты лица не только выразительныя, но даже язвительныя. Правильности его носа еще не такъ давно удивлялась купеческая жена Барабошкина, а пристальнаго взгляда его сѣрыхъ глазъ не могъ вынести самъ губернскій предводитель дворянства, когда его, по поводу ущерба какому-то казенному интересу, велѣно было келейнымъ образомъ допросить. Но человѣкъ чистый и невинный могъ смотрѣть ему въ глаза смѣло и съ увѣренностью всегда встрѣтитъ въ нихъ теплое участіе. Ко всему этому (какъ бы въ довершеніе общаго очарованія), онъ употребляетъ какіе-то анаѳемскіе духи, которыми умащаетъ себѣ усы и тѣло и отъ которыхъ такъ и разитъ чѣмъ-то таинственнымъ.

Семенъ Михайлычъ человѣкъ холостой, но не прочь жениться. Если онъ до сихъ поръ не принесъ себя въ жертву гименею, то это произошло совсѣмъ не отъ того, чтобъ нашихъ дѣвицъ не плѣняла его обольстительная наружность, но отъ того, что онъ желаетъ сдѣлать партію во всѣхъ отношеніяхъ блестящую. Ему мало того, что дѣвица, на которую онъ обращаетъ свои взоры, пышка, ему надо, чтобъ и отецъ ея былъ пышка, т. е. снабженъ надлежащими капиталами. «Жена должна принести мужу деньги и протекцію», — говоритъ онъ и, совершенно довольный собой, мечетъ жгучіе взоры на сонмище тающихъ дѣвицъ.

Живетъ онъ просто, но мило, въ домѣ той самой купчихи Барабошкиной, которая такъ восхищалась правильностью его носа. Говорятъ, будто бы онъ не платитъ за квартиру, но если это и правда, то, во всякомъ случаѣ, онъ обдѣлываетъ свои дѣла такъ скромно, что никто уличить его ни въ чемъ не можетъ. Въ какое бы время вы ни

Digitized by Google

зашли къ нему — всегда можете найти добрый привѣтъ, добрую сигару и добрый стаканъ вина.

Семенъ Михайлычъ очень пріятный собесѣдникъ; онъ проницательный политикъ и умѣренный, но глубокомысленный философъ. Трудно повѣрить, но при всѣхъ своихъ многочисленныхъ занятіяхъ онъ находитъ время даже слѣдить за теченіемъ планетъ и, руководствуясь Брюсовымъ календаремъ, охотно объясняетъ обычнымъ своимъ собесѣдникамъ тайное ихъ значеніе. Такъ, напримѣръ, не далѣе, какъ прошлой зимой, онъ по теченію планетъ очень вѣрно предсказалъ, что въ персидской странѣ произойдутъ козни тайныхъ враговъ, стремящихся огорчить любезное отечество, но что козни эти будутъ открыты нѣкоторымъ царедворцемъ Олоферномъ, который и посрамитъ кознедѣйцевъ. Все точно такъ и сбылось: черезъ двѣ недѣли мы уже читали въ газетахъ, что Олофернъ поймалъ и обличилъ злодѣевъ, которые были посажены въ мѣшокъ и ввержены въ море. Есть у него и библіотека, составленная исключительно изъ книгъ, трактующихъ о разныхъ видахъ любви къ отечеству. По мнѣнію его, только такія книги и могутъ услаждать душу государственнаго человѣка, да еще сочиненія эротическаго содержанія; но сіи послѣднія должны быть читаемы съ умѣренностью и втайнѣ, дабы не породить соблазна въ народѣ, который, по простодушію своему, можетъ, чего добраго, принять преподанныя тамъ правила за руководство въ жизни.

Однимъ словомъ, такіе люди, какъ Семенъ Михайлычъ, составляютъ истинное украшеніе городовъ, въ которыхъ поселяются; а такъ какъ въ Россіи нѣтъ губернскаго города, въ которомъ не было бы своего Семена Михайлыча, то и оказывается, что всѣ они изукрашены въ этомъ отношеніи преестественно.

Имѣя въ виду впереди балъ у губернатора и потомъ ночную пирушку у откупщика, я зашелъ къ Семену Михайлычу, чтобы отвести душу въ умѣренно-либерально-политико-философской бесѣдѣ.

Я засталъ его за чтеніемъ новаго обширнаго трактата о любви къ отечеству; неподалеку, на случай отдохновенія, валялся новый романъ Поль-де-Кока.

Прежде всего мы, разумѣется, разговорились о различныхъ благодѣтельныхъ реформахъ, ожидающихъ наше любезное отечество, потомъ о дѣйствіи, которое онѣ оказываютъ на обывателей. Оказалось, что это дѣйствіе, пока-

Digitized by Google

мѣстъ, ограничилось тѣмъ, что генералъ Голубчиковъ сошелъ съ ума въ ожиданіи уничтоженія откуповъ, да предсѣдатель уголовной палаты запилъ мертвую въ ожиданіи судебной реформы. Мы, разумѣется, погоревали.

— Удивляться тутъ нечего,—сказалъ мнѣ Семенъ Михайлычъ по поводу непріятнаго происшествія съ генераломъ Голубчиковымъ:—такая вѣсть можетъ поразить и болѣе крѣпкіе организмы.

— Какой, однако, ударъ для всего семейства!

Семенъ Михайлычъ только махнулъ рукой, какъ бы говоря: погоди, то ли еще будетъ!

— Странно одно,—продолжалъ онъ:—какъ это Иванъ Николаичъ до сихъ поръ не приготовился! Посмотрите на меня: я ужъ давнымъ-давно ко всему готовъ!

— Что, развѣ получили что-нибудь?

— Не получилъ, но получу!

Семенъ Михайлычъ сказалъ это съ такимъ дрожаніемъ въ голосѣ, что я не сомнѣвался, что онъ получилъ нѣчто, но до поры до времени скрываетъ. Любопытство задѣло меня за живое.

— Вотъ вы говорите, что генералъ не приготовился,—сказалъ я, желая увлечь его въ откровенную бесѣду:—да помилуйте, какъ же тутъ и приготовиться-то! Вѣдь онъ еще нынче утромъ получилъ радостное для себя извѣстіе.

— И все-таки надо было приготовиться!

— Да какъ же это, однакожъ?

— Повѣрьте мнѣ, что ничего нѣтъ лучше. Нужно только соображеніе и христіанское смиреніе!—возразилъ Семенъ Михайлычъ и, немного помолчавъ, прибавилъ:—Да, главное все-таки христіанское смиреніе, какъ тамъ кто ни говори!—Семенъ Михайлычъ, который курилъ въ это время трубку, сталъ дуть въ нее съ такою силой, что искры цѣлымъ облакомъ посыпались на коверъ.—Я былъ сегодня у обѣдни и молился,—продолжалъ онъ таинственнымъ голосомъ:—только, когда пропѣли херувимскую, я вдругъ почувствовалъ, какъ будто что-то кольнуло меня въ самое сердце... Я, знаете, впалъ въ забвеніе, стою и молюсь, стою и молюсь... Ахъ, что я видѣлъ въ эту сладкую минуту! ахъ, что я видѣлъ! Скажу одно: съ этого мгновенія бремя жизни скатилось съ души моей! съ этого мгновенія я... готовъ!

«Чортъ возьми! а вѣдь дѣло плохо, коль скоро Семену Михайлычу видѣнія являются!»—подумалъ я, невольно при-

Digitized by Google

помнивъ катастрофу, приключившуюся съ генераломъ Голубчиковымъ.

— И представьте себѣ, другъ мой, едва я возвратился изъ церкви, какъ мнѣ подаютъ письмо отъ одного петербургскаго пріятеля...

— И это письмо?...

— Вотъ, не угодно ли полюбоваться!

Онъ подалъ мнѣ дрожащей рукою письмо, въ которомъ я прочиталъ слѣдующее:

«Мы провалились, любезный другъ Simon, и ты можешь укладывать свои чемоданы, не опасаясь на этотъ разъ быть введеннымъ въ ошибку. На-дняхъ все покончено: насъ не будетъ! Мы должны перестать существовать, превратиться въ дымъ—мы и дѣла наши! Первою мыслью моею было, разумѣется, подумать о тебѣ, и знаешь ли, что я придумалъ? На-дняхъ наши финансисты скомпоновали какой-то невинный проектъ по винной части: не удрать ли намъ съ тобой штуку, пристроившись по части хересовъ и розничной продажи сивухи? Говорятъ, такой состряпали проектецъ, что пальчики оближемъ; слѣдовательно, надежда есть. А я, къ тому же, коротко знакомъ съ самимъ его сивушествомъ княземъ цѣловальниковымъ, слѣдовательно и тутъ надежда есть! Вспомни, дружище, стишки:

«Надежда, кроткая посланница небесъ»...

и еще: «надежда утѣшаетъ царя на тронѣ»—дальше, хоть убей, не помню!—и валяй въ Питеръ! А не то и еще имѣется въ виду убѣжище: поговариваютъ, что учреждается серьезный надзоръ надъ пристанищами праздности и разврата, и что по этому случаю также потребуется много дѣятелей. Что-жъ, можно махнуть и по части клубнички! Конечно, дѣятельность не очень почетная, но нашъ братъ, опричникъ, за толчкомъ не погонится: видали виды! Со мной, дружище, даже на-дняхъ случилось происшествіе въ этомъ родѣ... и т. д.

«Ожидающій тебя съ нетерпѣніемъ
«Никифоръ Малявка».

— Однако, вамъ еще не измѣнила надежда!—сказалъ я, прочитавши письмо.

— Не измѣнила-то не измѣнила, а все-таки больно.

Семенъ Михайлычъ размахнулся и ударилъ чубукомъ объ стѣну.

— Больно, Николай Иванычъ! Больно въ особенности съ

Digitized by Google

точки зрѣнія благороднаго человѣка!—сказалъ онъ, останавливаясь предо мною.—Поймите, вѣдь наша служба была сама благородная! Вѣдь мы были почти... масоны!

— Ссс...

— Да, масоны! Это я берусь доказать, хоть и знаю, что въ нашемъ отечествѣ масоны не допускаются. Но мы масоны очищенные, мы масоны, у которыхъ, кромѣ любви къ отечеству, ничего въ предметѣ не осталось!

— Да скажите мнѣ, ради Бога, полковникъ: что такое были эти масоны?

— Масоны были и будутъ существовать, покуда стоитъ міръ; масоны—это просто благонамѣренные люди, изъ которыхъ нѣкоторые заблуждаются, а нѣкоторые не заблуждаются!

— Гм!.. это, конечно... всякой вещи бываетъ въ мірѣ по два сорта...

— Заблуждающіеся масоны имѣли между собой разные таинственные знаки, безъ дозволенія начальства называли другъ друга вымышленными именами: Никифора Петромъ, Петра Степаномъ, и тому подобное... Согласитесь, что въ государствѣ этого допустить невозможно?

— Да, оно конечно... какъ-то подозрительно...

— Ну, и вся эта принадлежность перешла отъ масоновъ къ намъ. Мы тѣ же масоны, но масоны очищенные.

— Если я васъ понялъ, любезный Семенъ Михайлычъ, то, стало-быть, цѣль этихъ масоновъ заключается въ томъ, чтобъ покровительствовать несчастнымъ.

— Совершенно такъ. Видишь, напримѣръ, утопающаго, ну, подойдешь, подашь ему руку—и онъ опять пошелъ себѣ жить да поживать. Или, напримѣръ, обыграли васъ въ карты; вы приходите, объясняете... Я съ своей стороны призываю лицо, воспользовавшееся вашею довѣрчивостью, и говорю ему: «отдай деньги, потому что иначе тебѣ можетъ быть худо!»

— Знаете ли что, Семенъ Михайлычъ? Чѣмъ больше думаешь, тѣмъ больше убѣждаешься, что такого рода учрежденіе—истинное благодѣяніе для человѣчества. Тихо, смирно, миролюбиво, безъ разговоровъ—сколько тутъ одного сокращенія переписки!

— Да еще то ли мы дѣлывали! Вѣдь на насъ, можно сказать, лежало благоденствіе и спокойствіе цѣлаго отечества—поймите это! Вѣдь, можно сказать, ни одной мысли въ головѣ не зарождалось безъ того, чтобъ эта мысль не была намъ предварительно извѣстна... Вѣдь это цѣлый романъ!

Digitized by Google

— На вашемъ мѣстѣ, Семенъ Михайлычъ, я непремѣнно писалъ бы свои мемуары.

— Я думалъ объ этомъ.

Семенъ Михайлычъ задумался и улыбнулся. Видно было, что надъ мыслями его пролетали воспоминанія, и что воспоминанія эти улыбались ему.

— Да, были дѣла!—сказалъ онъ, щипля свой надушенный усъ:—были дѣла!

Я зналъ отчасти эти дѣла. То были дѣла чудодѣйственной ловкости, то были дѣла нечаяннѣйшихъ сюпризовъ и таинственнѣйшихъ похищеній. Семенъ Михайлычъ цѣлую жизнь все ловилъ и хваталъ и, наконецъ, доловился и дохватался до настоящаго скорбнаго положенія. Согласитесь, что это сразитъ хоть кого.

— Не то больно,—сказалъ онъ:—что жалованья тамъ какого-нибудь на время лишусь,—то, больно, что практики-то этой не будетъ!

— Да, привычка—великое дѣло!

— Грудью, вотъ этою самою грудью жертвовалъ! И что-жъ въ результатѣ?—абшидъ!

Семенъ Михайлычъ видимо впадалъ въ лиризмъ, потому что колотилъ себя въ грудь самымъ неестественнымъ образомъ.

— Что мнѣ нужно?—декламировалъ онъ, ставъ въ позицію, какъ это обыкновенно дѣлаютъ благородные, но огорченные люди:—что мнѣ нужно? Добрую сигару и стаканъ добраго вина!

«Добрую сигару я отдамъ пріятелю; стаканъ вина раздѣлю съ нимъ же!

«Теперь у меня нѣтъ ни того, ни другого! Послѣднюю сигару я выкурилъ вчера; послѣдній стаканъ вина выпилъ каналья-денщикъ сегодня, въ то время, какъ я молился Богу!

«Новыхъ я купить не въ состояніи. Я не знаю даже, буду ли въ состояніи сшить себѣ новые сапоги!

«Это горько! это неблагодарно!»

— Яшка!—прибавилъ онъ совершенно неожиданно, кликая денщика:—ступай, подлецъ, къ Барабошкиной и спроси, не осталось ли у нея хоть одной бутылки моего любимаго вина?

Послѣдній возгласъ оживилъ меня нѣсколько. Нѣтъ ничего несноснѣе, какъ присутствовать при посторонней горести. Конечно, эта горесть не могла назваться и для меня совсѣмъ постороннею: ибо и я, наравнѣ съ другими, могъ погибнуть въ стремнинѣ политическаго переворота, но все-таки я страшныхъ писемъ еще не получалъ, слѣдовательно

Digitized by Google

гибель моя представлялась еще отдаленною, и мысль о ней не портила еще моего аппетита въ такой степени, въ какой портила аппетитъ другихъ моихъ сотрудниковъ по вертограду администраціи. Однимъ словомъ, отъ этихъ унылыхъ стоновъ мною начинало уже овладѣвать нетерпѣніе, и я имѣлъ основаніе думать, что появленіе бутылки вина хоть нѣсколько измѣнитъ направленіе разговора.

— Тутъ была цѣлая система,—приставалъ, между тѣмъ, Семенъ Михайлычъ:—система, могу сказать, строго соображенная во всѣхъ своихъ частяхъ и подробностяхъ. Мы связаны между собой вотъ какъ!

Семенъ Михайлычъ соединилъ обѣ руки и просунулъ пальцы одной изъ нихъ между пальцевъ другой.

— Спрашиваю я васъ теперь: можно ли оставаться безъ системы?—добивался онъ.

— Знаете ли что?—отвѣчалъ я, какъ бы озаренный свыше вдохновеніемъ:—вѣдь я думаю, что безъ системы оставаться рѣшительно никакъ невозможно!

— Стало-быть, можно, коли оно такъ есть: взгляните и судите!—иронически замѣтилъ онъ.

Такого рода разговоры обыкновенно продолжаются до безконечности. Источникомъ имъ служатъ раны человѣческаго сердца, а раны эти, какъ извѣстно, сочатся до тѣхъ поръ, покуда не изсочатъ изъ себя всего гноя обидъ и оскорбленій, въ нихъ накопившихся. Нашъ разговоръ былъ прерванъ появленіемъ подлеца-Яшки, который доложилъ, что купчиха Барабошкина съ дерзостью отозвалась, что у нея никакой бутылки вина для полковника нѣтъ и не было.

— Вотъ видите, даже Барабошкина—и та отвѣчаетъ!—сказалъ мой амфитріонъ, окончательно сраженный.—Подлая! пронюхала, должно-быть!

Семенъ Михайлычъ неистово зашагалъ по комнатѣ.

— Любопытно, любопытно это будетъ, какъ-то они безъ насъ обойдутся! Повѣрите ли, Николай Иванычъ, когда мнѣ въ первый разъ сказали, что насъ не будетъ,—я думалъ, что это насмѣшка; я даже не далекъ былъ отъ мысли, что насмѣшка эта прямо относится къ высшему начальству...

— Да, оно похоже на то.

— Нѣтъ-съ, это была не насмѣшка. Намеднись пріѣзжаю я въ Москву, являюсь къ своему старику, и первое слово, которое отъ него слышу: «а мы, братъ, съ тобой въ трубу вылетѣли!»—Кто же теперь слѣдить будетъ?—спра-

Digitized by Google

шиваю я его:—кто слѣдить будетъ, ваше превосходительство?—И знаете, стою этакъ передъ нимъ, весь внѣ себя отъ изумленія. Только что-жъ бы, вы думали, онъ мнѣ въ отвѣтъ? «Я, братецъ, говоритъ, въ пенсію все свое содержаніе получаю, такъ мнѣ до этого дѣла нѣтъ!!!» Такъ-то вотъ, ни въ комъ, просто ни въ комъ сочувствія нѣтъ!

— Скажите на милость!

— А намеднись, вотъ, у Пеструшкиныхъ на балѣ, мальчишка Шалимовскій, гимназистъ, подходитъ ко мнѣ, мерзавецъ, и говоритъ: «а вы, говоритъ, знаете, Семенъ Михайлычъ, что васъ уничтожаютъ?» Спрашиваю я васъ, каково мнѣ эти плюхи-то ѣсть?

— Даже мальчишки, и тѣ!

— Да въ мальчишкахъ-то и сила вся! Откровенно скажу, что если бы не мальчишки, мы и до сихъ поръ благоденствовали бы! Это они своимъ тявканьемъ это отъ нихъ все загорѣлось. Господи! жили-жили, и вдругъ напасть!

— Да и старики-то, Семенъ Михайлычъ, хороши!

— И мальчишки, и старики, и Барабошка, и весь міръ заодно!

— Однакожъ, вѣдь вамъ недавно мундиръ перемѣнили: повидимому, это должно бы поощрить!

— Да, и перемѣнили, и поощрили! Ну, да, и перемѣнили, и поощрили! Что-жъ, и поощрили!

— Какъ же это, однако?

— Вотъ видите, Николай Иванычъ, я цѣлый мѣсяцъ объ этомъ знаю... Вы понимаете, что у меня должно *тутъ* происходить!

Онъ указалъ на грудь.

— Все это время я думалъ... все думалъ...

— И что же?

— Я просто пришелъ къ заключенію, что все это не болѣе, какъ страшный сонъ!

— Тсс...

— Да, это страшный сонъ, потому что этого не можетъ быть!

— Однако, вы имѣете письма?

— Имѣю дѣйствительно, но въ то же время питаю увѣренность... что мы возродимся!

— То-есть, какъ же это?.. Вы думаете, значитъ, что вамъ опять дадутъ новый мундиръ!

— Да нѣтъ, не то, не въ мундирѣ тутъ сила: духъ времени не таковъ! Но что мы возродимся—это вѣрно. По-

Digitized by Google

тому, ненатурально! Опять-таки спрашиваю я васъ, возможно ли существовать безъ системы?

— Нѣтъ, я положительно убѣжденъ, что безъ системы и одного дня пробыть невозможно.

— Ну, а какого же тутъ чорта систему выдумаешь! Слѣдовательно, мы возродимся: въ мундирахъ ли, безъ мундировъ ли, но мы возродимся—это вѣрно! Конечно, сначала все это будетъ какъ будто подъ пепломъ, а потомъ оно потеплится-потеплится да и воспрянетъ настоящимъ манеромъ!

— Да вы-то? вы-то? что съ вами будетъ?

— Что обо мнѣ говорить! Я... я могу найти для себя убѣжище въ одномъ изъ новыхъ учрежденій, о которомъ пишетъ Малявка... Но это все равно! Главное все-таки въ томъ, что мы возродимся!

Семенъ Михайлычъ былъ великъ: я понялъ это и позавидовалъ ему. Мнѣ думалось о томъ, какъ сладко и велико должно быть гражданское чувство, въ силу котораго человѣкъ забываетъ о себѣ, чтобъ всѣмъ существомъ своимъ устремиться къ одному предмету—любезному отечеству!

Мы разстались утѣшенные и облегченные. Всю дорогу я твердилъ себѣ:

— Мы возродимся, ибо безъ системы существовать нельзя!

XII.—Запутанное дѣло.

Случай.

I.

«Будь ласковъ со старшими, невысокомѣренъ съ подчиненными, не прекословь, не спорь, смиряйся—и будешь ты вознесенъ премного: ибо ласковое теля двѣ матки сосетъ».

Такого рода напутственный завѣтъ былъ произнесенъ Самойломъ Петровичемъ Мичулинымъ двадцатилѣтнему его дѣтищу, отправлявшемуся изъ дому родительскаго на службу въ Петербургъ.

Самойло Петровичъ, бѣдный мелкопомѣстный дворянинъ, въ простотѣ души своей былъ совершенно увѣренъ, что, снабженный подобными практическими наставленіями, Ваничка его, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ принятъ въ столицѣ съ распростертыми объятіями. На всякій случай, старикъ, однакожъ, кромѣ душеспасительнаго слова, вручилъ сыну тысячу рублей денегъ, съ приличнымъ наставленіемъ

Digitized by Google

носить ихъ всегда при себѣ, не мотать, не мытарствовать, а тратить себѣ помаленьку.

«Дитя оно молодое,—думалъ добродѣтельный старикъ:— и повеселиться, и пожуировать жизнью захочетъ—Богъ съ нимъ! Да при томъ же и объятія-то... кто его знаетъ! прижимистъ, сухосердъ нынче сталъ человѣкъ».

И вотъ уже около года живетъ юноша въ Петербургѣ: около года онъ добронравенъ, не прекословитъ, смиряется и на практикѣ во всей подробности осуществляетъ отцовскій кодексъ житейской мудрости—и не только двухъ, но и одной матки не сосетъ ласковое теля!

А между тѣмъ, онъ ли не уклонялся, онъ ли не угождалъ, онъ ли не нагибался! Кротче сердцемъ, смиреннѣе душою, кажется, въ цѣломъ мірѣ нельзя было сыскать человѣка! И все-таки отъ всей фигуры фортуны видѣлъ онъ одинъ только задъ... Пренепріятное дѣло!

Сунулся-было Иванъ Самойлычъ къ нужному человѣку мѣстечка попросить, да нужный человѣкъ наотрѣзъ сказалъ, что мѣста всѣ заняты; сунулся онъ-было и по коммерческой части, въ контору купеческую, а тамъ все цифры да цифры, въ глазахъ рябитъ, голову ломитъ; пробовалъ-было и стихи писать—да остроумія нѣтъ! Отъ природы ли голова его была такъ скупо устроена, или обстоятельства кой-какія ее сплюснули и стиснули, но оказывалось, что одна только сфера дѣятельности и была для него возможною—сфера механическаго переписыванія, перебѣливанія, да и тамъ ужъ народъ кишмя-кишитъ, яблоку упасть некуда, все занято, все отдано и всякій зубами за свое держится...

Словомъ, вся жизнь господина Мичулина, съ самаго его въѣзда въ Петербургъ, была рядомъ мучительныхъ попытокъ и исканій, и все безъ результата... А отцовскія деньги все уходили да уходили, а желудокъ просилъ ѣсть попрежнему, да и кровь-то еще молода и тепла въ жилахъ... Просто, ни на что не похоже!

Поникнувъ головою, тихимъ шагомъ возвращался Иванъ Самойлычъ домой послѣ одной изъ ежедневныхъ и неудачныхъ своихъ экспедицій.

Дѣло шло ужъ къ десяти часамъ вечера. Печальное и непріятное зрѣлище представляетъ Петербургъ въ десять часовъ вечера и при томъ осенью, глубокою, темною осенью. Разумѣется, если смотрѣть на міръ съ точки зрѣнія кареты, запряженной рьяною четверкою лошадей, съ быстро-

Digitized by Google

тою молніи мчащихъ его по гладкой, какъ паркетъ, мостовой Невскаго проспекта, то и дождливый осенній вечеръ можетъ имѣть не только сносную, но даже привлекательную физіономію.

Въ самомъ дѣлѣ, и туманъ, который, какъ удушливое бремя, давитъ городъ своею свинцовою тяжестью, и маленькая, острая жидкость—не то дождь, не то снѣгъ,—докучливо и рѣзко дребезжащая въ запертыя окна кареты, и вѣтеръ, который жалобно стонетъ и завываетъ, тщетно силясь вторгнуться въ щегольской экипажъ, чтобъ оскорбить нескромнымъ дуновеніемъ своимъ полныя и самодовольно лоснящіяся щеки сидящаго въ немъ сытаго господина, и гусиныя лапки зажженнаго газа, тамъ и сямъ прорывающіяся сквозь густой слой дождя и тумана, и звонкое, но, тѣмъ не менѣе, какъ смутное эхо долетающее «пади» зоркаго, какъ кошка, форейтора—все это, вмѣстѣ взятое, даетъ городу какую-то поэтически-улетучивающуюся физіономію, какой-то обманчивый колоритъ, дѣлая всѣ окружающіе предметы подобными тѣмъ страннымъ, безразличнымъ существамъ, которыя такъ часто забавляли насъ въ дни нашей юности въ заманчивыхъ картинахъ волшебнаго фонаря.

И покачивается-себѣ сытый господинъ, самодовольно развалившійся на мягкихъ подушкахъ, и сладко жмуритъ глаза, одолѣваемый неопредѣленною, но, тѣмъ не менѣе, мягкою дремотою, необыкновенно вкрадчивымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и необыкновенно сладкимъ полузабытьемъ... И напоминаетъ ему оно, это волшебное полузабытье, то блаженное состояніе, которое каждый изъ насъ болѣе или менѣе ощущалъ въ дѣтствѣ, слушая долгимъ зимнимъ вечеромъ безконечно-однообразные и между тѣмъ никогда не утомляющіе, давнымъ-давно прослушанные и между тѣмъ всегда возбуждающіе судорожное любопытство разсказы старой няни о Бабѣ-Ягѣ-костяной-ногѣ, объ избушкѣ на курьихъ ножкахъ и т. п.

Притаились дѣти вокругъ стола въ узкой и низенькой дѣтской; молчатъ они и не пошевельнутся; нѣтъ улыбки на розовыхъ губахъ ихъ; не слышно свѣжаго, звучнаго смѣха, за минуту передъ тѣмъ оглашавшаго комнату; всѣ мускулы на этихъ полныхъ жизни личикахъ выразили какое-то напряженное вниманіе; тусклый и трепещущій свѣтъ разливаетъ кругомъ давно забытая и страшно нагорѣвшая свѣтильня сальной свѣчи; обычно-тихо и мѣрно дрожитъ древній голосъ древней няни, повторяющей старую сказку

Digitized by Google

о Змѣѣ-Горынычѣ... Люблю я это морщинистое лицо старой няни, люблю ея желтыя, костлявыя руки, люблю ея увѣренность, будто она дѣйствительно вяжетъ чулокъ, между тѣмъ какъ на дѣлѣ только спускаетъ одну петлю за другою; люблю ея воодушевленіе, ея сочувствіе къ высокой добродѣтели Полкана-богатыря, Бовы-королевича; люблю ея движеніе, когда она, внезапно помолодѣвъ и озаренная какою-то юною силою, стучитъ дряхлымъ кулакомъ по столу, приговаривая: «Дернетъ Полканъ-богатырь за руку—рука прочь, схватитъ за голову—голова прочь»...

И сжимается дѣтское сердце страхомъ великимъ, и сочувствуетъ Ильѣ-Муромцу, слѣдитъ за борьбой его съ страшнымъ Соловьемъ-разбойникомъ, и робко вглядываются зоркіе глазки въ темный уголъ комнаты, высматривая, нѣтъ ли тамъ Бабы-Яги, не затаился ли гдѣ-нибудь ехидный Змѣй-Горынычъ, и весело смѣются и хлопаютъ дѣти въ ладоши, когда няня неопровержимыми доводами доказываетъ имъ, что Змѣй-Горынычъ давно околѣлъ и издохъ, гадина, стараніями добродѣтельныхъ витязей... И сладко засыпаютъ они, рѣзвыя дѣти, и самыя розовыя мечты убаюкиваютъ юныя воображенія ихъ, точно такъ же, какъ убаюкиваютъ онѣ и того господина, который сквозь туманъ и вѣтеръ ѣдетъ-себѣ въ уютной каретѣ своей, между прочимъ, твердо увѣренный, что ни туманъ, ни вѣтеръ не огорчатъ пухлыхъ и благовоспитанныхъ щекъ его.

Но не въ каретѣ ѣхалъ, а шелъ-себѣ скромно пѣшкомъ Иванъ Самойлычъ, и потому весьма естественно, что петербургскій осенній вечеръ утрачивалъ въ его глазахъ свой благонамѣренный характеръ. Холодный и рѣзкій вѣтеръ, дувшій ему въ самое лицо, не навѣвалъ на него сладостной дремоты, не убаюкивалъ его воспоминаніями дѣтства, а жалобно и тоскливо стоналъ около него, нагло набрасывалъ ему на глаза капюшонъ его шинели и съ видимымъ недоброжелательствомъ насвистывалъ въ уши одинъ и тотъ же знакомый припѣвъ: «озябъ, бѣдный человѣкъ! хорошо бы бѣдному человѣку у огня, да въ теплой комнатѣ! да нѣтъ у него ни огня, ни теплой комнаты! озябъ, озя-ябъ, бѣдный человѣкъ!»

Конечно, и въ ступающемъ по грязи человѣчествѣ рождались кой-какія мысли по поводу дождя, вѣтра, слякоти и другихъ непріятностей; но это были скорѣе мысли черныя и неблагонамѣренныя, вращавшіяся большею частью около того пункта, что есть, дескать, въ мірѣ и даже въ

Digitized by Google

самомъ Петербургѣ, люди сытые, которые ѣдутъ теперь въ каретахъ, которые сидятъ-себѣ покойно въ театрахъ или просто дома, одинъ на одинъ съ нѣжною подругою; но что этотъ господинъ, ѣдущій въ каретѣ, мигающій изъ креселъ смазливенькой и затѣйливо поднимающей ножку актрисѣ, сидящій одинъ на одинъ съ миловидной подругой и прочая—вовсе не оно, странствующее во мракѣ грязи и невѣжества человѣчество, а совсѣмъ иной, совершенно ему незнакомый господинъ...

«Что же за доля моя горькая!—думалъ Иванъ Самойлычъ, всходя по грязной и темной лѣстницѣ въ четвертый этажъ:—ни въ чемъ-то мнѣ счастія нѣтъ... Право, лучше бы не ѣхать сюда, оставаться бы въ деревнѣ! А то и голодно-то, и холодно»...

Въ дверяхъ его встрѣтила хозяйка квартиры, Шарлотта Готлибовна Гётлихъ, у которой онъ нанималъ весьма маленькую комнату съ подслѣповатымъ окномъ, выходившимъ на самую помойную яму. Шарлотта Готлибовна взглянула на него недовѣрчиво и покачала головой; въ первой комнатѣ раздавались шумные голоса собравшихся нахлѣбниковъ; голоса эти непріятно поразили слухъ Ивана Самойлыча. Съ нѣкотораго времени онъ сталъ какъ-то задумчивъ, сдѣлался мизантропомъ, убѣгалъ всякой компаніи и вообще велъ себя довольно странно.

И нынче, какъ всегда, пробрался онъ потихоньку въ свою комнату, молча выпилъ поданный ему стаканъ чая, безсознательно выкурилъ обычную трубку вакштафа и началъ думать... На этотъ разъ мыслей оказалось нестерпимомного, и все такія чудныя, одна другой страннѣе.

Въ сущности, дѣло было чрезвычайно просто и немногосложно. Обстоятельства Ивана Самойлыча были такъ плохи, такъ плохи, что, просто, хоть въ воду. Россія—государство обширное, обильное и богатое, да человѣкъ-то глупъ, мретъ-себѣ съ голоду въ обильномъ государствѣ!

А тутъ, кромѣ безденежья, еще и другія горести завязались и окончательно сбили съ толку героя нашего. Припоминая все, что сдѣлалъ онъ, со времени отбытія изъ дома родительскаго, въ обезпеченіе своего голоднаго желудка, господинъ Мичулинъ впервые усумнился, дѣйствительно ли поступалъ онъ въ этомъ дѣлѣ какъ слѣдуетъ, и не обманывалъ ли себя насчетъ покорности, уклоненія, добронравія и другихъ полезныхъ добродѣтелей.

Впервые, какъ будто бы сквозь сонъ, мелькнуло у него

Digitized by Google

въ мозгу, что отцовскій кодексъ житейской мудрости требовалъ безотлагательнаго и радикальнаго исправленія, и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ скорѣе нуженъ наскокъ и напоръ, нежели безмолвное склоненіе головы.

Но малый-то онъ былъ по преимуществу скромный и безотвѣтный, да при томъ же и оробѣлъ ужасно. Пріѣхалъ онъ въ Петербургъ изъ провинціи; жизнь казалась въ розовомъ цвѣтѣ; люди смотрѣли умильно и добродѣтельно, скидали другъ передъ другомъ шляпы чрезвычайно учтиво, жали другъ другу руки съ большимъ чувствомъ... И вдругъ оказалось, что люди-то они все-таки себѣ на умѣ, такіе люди, что въ ротъ пальца имъ не клади! Ну, куда же тутъ соваться съ системою смиренномудрія, терпѣнія и любви!

И куда ни обернется онъ, за что ни схватится—все вокругъ него глядитъ какъ будто самостоятельно. Шелъ онъ, напримѣръ, давеча по Невскому—навстрѣчу начальникъ отдѣленія идетъ, и крестъ на шеѣ, и видъ такой привлекательный... А вѣдь еще молодой человѣкъ! Конечно, онъ ужъ и полноватъ, и съ брюшкомъ, а все-таки молодой человѣкъ. Вотъ и онъ тоже молодой человѣкъ, а не начальникъ отдѣленія... Что за притча такая!

Встрѣтилъ онъ также щегольскія дрожки: лошади отличныя, пристяжная такъ и подкидываетъ, въ дрожкахъ ѣдетъ господинъ съ орлинымъ носомъ и проницательными глазами смотритъ на міръ, какъ будто взоромъ хочетъ провертѣть дыру во вселенной.

— Смотрите-ка,—говорятъ кругомъ:—это В*** ѣдетъ! Пройдоха, кулакъ, бестія! А вѣдь что за голь, что за голь-то была! Просто, съ позволенія сказать, въ одной рубашкѣ хаживалъ.

И между тѣмъ В*** еще молодой человѣкъ, да вѣдь и онъ, Мичулинъ, молодой человѣкъ, а не ѣздитъ же въ щегольскихъ дрожкахъ!

А вонъ и еще молодой человѣкъ,—этотъ даже совсѣмъ розовый молодой человѣкъ, а вѣдь на немъ одно пальто рублей шестьсотъ стоитъ; онъ и веселъ, и безпеченъ, всѣ движенія его живы и непринужденны, смѣхъ его звонокъ и свободенъ, глаза бодры и свѣтлы, на щекахъ здоровье ключомъ бьетъ. Актриса ли мимо проѣдетъ—улыбнется ему, да и онъ актрисѣ улыбнется; важный человѣкъ встрѣтится—руку ему жметъ, шутитъ съ нимъ, смѣется!..

— Этотъ молодой человѣкъ—князь С***,—говорятъ всѣ кругомъ... Да вѣдь и Иванъ Самойлычъ молодой человѣкъ,

Digitized by Google

а онъ ужъ и хилъ, и желтъ, и согнутъ, да и актриса ему не улыбается...

Да ужъ что тутъ далеко ходить, въ отвлеченности пускаться! Въ одинаковой съ нимъ сферѣ, подлѣ него, всѣ нахлѣбники пользуются хоть какою-нибудь ролью, какимъ-нибудь значеніемъ, однимъ словомъ, дѣйствуютъ какъ люди взрослые и самостоятельные... Иванъ Макарычъ Пережига, напримѣръ, былъ нѣкогда мирнымъ деревенскимъ жителемъ и затравилъ на своемъ вѣку не одну сотню зайцевъ. Конечно, и зайцы, и деревня—все это было ужъ очень давно; конечно, въ настоящую минуту Иванъ Макарычъ пользовался нѣсколько двусмысленною репутаціей насчетъ способовъ жизни, да вѣдь въ этомъ виновна ужъ собственная его блудная натура, да при томъ хоть какъ-нибудь, а доставалъ-таки онъ себѣ кусокъ хлѣба. Жилъ тутъ же и Вольфгангъ Антонычъ Бообахтеръ, философіи кандидатъ; этотъ служилъ, а въ свободное отъ занятій время игралъ на гитарѣ различныя бравурныя аріи. Вмѣстѣ съ нимъ проживалъ еще Алексисъ Звонскій, чрезвычайно свѣдущій и ученый молодой человѣкъ; этотъ писалъ стихи, ставилъ фельетонъ въ газету. Наконецъ, рядомъ съ Иваномъ Самойлычемъ обитала Наденька Ручкина: и она была дѣвица свѣдущая, хотя только по своей части...

Мысль эта давно ужъ воромъ кралась въ сердце Ивана Самойлыча, и вдругъ зависть, глубокая, но безсильная и робкая, закипѣла въ груди его. Всѣ, рѣшительно всѣ оказывались съ хлѣбомъ, всѣ при мѣстѣ, всѣ увѣрены въ своемъ завтра; одинъ онъ былъ будто лишній на свѣтѣ; никто его не хочетъ, никто въ немъ не нуждается.

— Да что же я въ самомъ дѣлѣ такое?—говорилъ онъ, прогуливаясь мелкимъ шагомъ по комнатѣ.—Отчего же на меня, именно на меня, обрушиваются всѣ несчастія? отчего другіе живутъ, другіе дышатъ, а я и жить, и дышать не смѣю? Какая же моя роль, какое мое назначеніе?..

— Жизнь—лотерея!—началъ-было по привычкѣ отцовскій кодексъ житейской мудрости:—смиряйся и терпи!

— Оно такъ,—подзыкалъ, между тѣмъ, какой-то недоброжелательный голосъ:—да почему же она лотерея, почему-жъ бы не быть ей просто жизнью?

Иванъ Самойлычъ задумался.

«Вѣдь хоть бы этотъ князь,—думалъ онъ:—вотъ, онъ и счастливъ, и веселъ... Отчего-жъ именно онъ, а не я? Отчего бы не мнѣ уродиться княземъ?»

Digitized by Google

И мысли все росли и росли и принимали самыя странныя формы.

— Да что же я, что же я такое?—повторялъ онъ, съ безсильною злобой ломая себѣ руки.—Вѣдь годенъ же я на что-нибудь, есть же гдѣ-нибудь для меня мѣсто! Гдѣ-жъ это мѣсто: гдѣ оно?

Такъ вотъ какая странная струна задребезжала вдругъ въ сердцѣ Ивана Самойлыча, и задребезжала такъ назойливо и бойко, что онъ уже и самъ, по обычной своей робости, не радъ былъ, что вызвалъ ее.

И всѣ предметы вокругъ него смотрѣли какъ-то подозрительно и странно, принимали такую настойчивую, вопрошающую физіономію, какъ будто тащили его за воротникъ, душили за горло и, приставивъ къ его лбу холодное дуло пистолета, сиплымъ басомъ допрашивали его: отвѣчай же намъ, что же ты въ самомъ дѣлѣ такое?!

Блѣдный, испуганный, упалъ онъ на кресло, закрылъ руками лицо и горько заплакалъ...

Въ головѣ его внезапно отчетливо нарисовался деревенскій его домъ, родитель въ вязанной изъ шерсти ермолкѣ, мать, вѣчно болѣющая зубами и съ вѣчно подвязанною щекою, отецъ-дьяконъ съ дьяконицею, отецъ-іерей съ попадьею... Какъ все тамъ просто, какъ дышитъ все деревенскою, буколическою тишиною, какъ зоветъ все къ отдохновенію и успокоенію!.. И зачѣмъ было оставлять все это? Зачѣмъ было мѣнять извѣстное, полное самыхъ пріятныхъ и вкусныхъ ощущеній, на неизвѣстное, чреватое горестями, огорченіями и другимъ дрязгомъ? Зачѣмъ было соваться съ кротостью и смиреніемъ туда, гдѣ нужны дерзость и упрямое преслѣдованіе цѣли?

А между тѣмъ въ сосѣдней комнатѣ раздался знакомый Ивану Самойлычу голосокъ, напѣвавшій извѣстную арію изъ «Русалки»:

Прійди въ чертогъ ко мнѣ златой,
Прійди, о, князь мой дорогой!..

Голосокъ былъ небольшой, но необыкновенно мягкій и свѣжій. Господинъ Мичулинъ невольно началъ прислушиваться къ пѣнію и задумался... И думалъ онъ много и сладко думалъ, потому что въ знакомомъ маленькомъ голосѣ было что-то юное, какъ будто дающее крылья его утомленному воображенію.

Странное дѣйствіе производятъ на насъ иногда самыя ничтожныя, повидимому, явленія! Часто самаго пустого обстоя-

Digitized by Google

тельства, просто звуковъ какой-нибудь нелѣпой шарманки или голоса разносчика, тоскливо и протяжно вопіющаго: «игрушки дѣтскія, игрушки продать!» достаточно для того, чтобъ разстроить всю умственную систему какого-нибудь важнаго господина, разбить въ прахъ всѣ эти штуки и экивоки, которыя на пагубу человѣчества въ головѣ его строятся...

Такъ точно было и съ пѣсенкой, вылетавшей изъ сосѣдней комнаты. Пѣсенка была самая простая, лилась-себѣ ровно и безъ претензій, и вдругъ поразила слуховой органъ Ивана Самойлыча, и, сама не зная какъ, совершенно разстроила всѣ его соображенія о смыслѣ и значеніи жизни, о конечныхъ причинахъ, и такъ далѣе. И сталъ-было господинъ Мичулинъ самъ подпѣвать и звать къ себѣ дрожащимъ голосомъ дорогого князя, сталъ бить ногою тактъ и улыбаться и покачивать головой... Но вотъ тихо-тихо замеръ послѣдній звукъ пѣсенки, еще разъ, и ужъ въ послѣдній разъ, стукнула въ тактъ нога Самойлыча, еще разъ ускоренно стукнуло его сердце, и вдругъ ничего не стало слышно, и прежняя темнота опустилась на его душу, прежній холодъ охватилъ сердце...

Потому что не онъ, а другой былъ тотъ дорогой князь, котораго звала пѣсенка въ золотые чертоги; потому что ему наотрѣзъ было сказано, «что ужъ чему не быть, такъ ужъ не бывать, и безпокоиться о томъ не извольте»...

Съ горя, чтобъ хоть сколько-нибудь разсѣять печальныя мысли свои, рѣшился онъ отправиться въ общую комнату.

II.

Тамъ, въ облакахъ табачнаго дыма, бесѣдовала вся обычная компанія Шарлотты Готлибовны.

На первомъ планѣ плотно сидѣлъ Иванъ Макарычъ Пережига. Онъ былъ въ венгеркѣ весьма лихого покроя и въ настоящую минуту курилъ табакъ изъ саженнаго черешневаго чубука. Исторія господина Пережиги весьма проста. Жилъ онъ нѣкогда въ малороссійской своей деревнѣ, травилъ зайцевъ, и вдругъ—кто его знаетъ!—запилъ ли онъ, проигрался ли въ пухъ, или просто другія какія-нибудь, независящія обстоятельства приключились—только въ одно прекрасное утро и зайцы, и деревня какъ-то исчезли, и онъ принужденъ былъ отправиться искать счастія въ Петербургъ. Малый былъ онъ видный, сильный и плотный, несмотря на свои сорокъ лѣтъ, и потому не остался долго

Digitized by Google

безъ занятія... Вообще, съ тѣхъ поръ, какъ онъ поселился у Шарлотты Готлибовны, благодарная нѣмка стала какъ-то благопріятнѣе смотрѣть на міръ, чаще улыбалась и несравненно больше послабленій и льготъ оказывала пахлѣбникамъ.

Жизнь Иванъ Макарычъ велъ беззаботную и веселую. Вставалъ онъ рано; утромъ ходилъ обыкновенно въ ближайшій трактиръ, выпивалъ рюмку горьчайшей, сыгрывалъ, не переставая, партій двадцать въ бильярдъ, къ которому съ малолѣтства питалъ весьма нѣжную страсть; иногда онъ давалъ и десять, и пятнадцать впередъ, иногда ему давали впередъ пятнадцать и десять...

Доканавъ такимъ образомъ утро, онъ уходилъ домой обѣдать, а вечеромъ обыкновенно передавалъ слушателямъ эпизоды изъ своего безвозвратно минувшаго благоденствія; разсказывалъ разные любопытные случаи, бывшіе съ нимъ во времена его ожесточенныхъ войнъ противъ волковъ, зайцевъ и другихъ животныхъ, которыхъ онъ называлъ общимъ, но нѣсколько темнымъ именемъ «скотовъ» и «подлецовъ».

Изъ этого видно, что жизнь Ивана Макарыча какъ нельзя лучше содѣйствовала его растительнымъ и воспроизводительнымъ силамъ.

Характеръ имѣлъ онъ отъ природы веселый, но не лишенный легкаго сардоническаго оттѣнка. Онъ охотно любилъ подшутить надъ учеными и не пропускалъ никогда случая сказать бѣлокурому Алексису, который въ наукахъ, что называется, собаку съѣлъ и читалъ-таки на своемъ вѣку и Бруно Бауера и Фейербаха:

— Ну, а что, Бинбахеръ-то все на своемъ стоитъ? все говоритъ, что того-то нѣтъ... главнаго-то, набольшаго-то и нѣтъ? Бестія, бестія этотъ Бинбахеръ! Ужъ эти мнѣ нѣмцы!.. Вотъ тутъ они, тутъ у меня сидятъ!

Иванъ Макарычъ ударяетъ себя при этомъ плашмя ладонью по горлу, желая этимъ выразить, что зарѣзали, дескать, его нѣмцы, и не безъ лукавства посматривалъ на Шарлотту Готлибовну, которая и краснѣла, и улыбалась въ одно и то же время, и съ дѣтски-наивнымъ простодушіемъ отвѣчала:

— О, ви очень любезни кавалиръ, Иванъ Макарвичъ!

Но при этомъ оставалось покрытымъ непроницаемою тайной, кого именно разумѣлъ господинъ Пережига подъ неблагозвучнымъ именемъ Бинбахера—Фейербаха или Бруно Бауера.

По лѣвую сторону отъ Пережиги рисовалась сама хо-

Digitized by Google

зяйка квартиры. Это была длинная, прямая и тощая фигура, какъ будто бы сейчасъ проглотившая аршинъ. Движенія благородной нѣмки отличались какою-то особенною апатичностью и дубоватостью, непріятно поражавшею взоръ. Какъ будто всѣ ея мысли, весь ея организмъ устремились въ одну сторону—къ любезному ея другу, Ивану Макарычу. Она съ нѣмымъ подобострастіемъ смотрѣла ему въ глаза, съ самодовольною улыбкою прислушивалась къ звукамъ его богатырскаго голоса, какъ будто хотѣла всѣмъ и каждому на стѣнѣ зарубить, что это, дескать, все мое; все, что вы тутъ ни видите—принадлежитъ мнѣ, мнѣ безъ раздѣла.

Лицо ея было худощаво и покрыто красными пятнами; глаза маленькіе, выражавшіе какое-то ненасытное нахальство; углы губъ опущены и желудокъ выдавался несоразмѣрно впередъ.

Едва раскрылъ Иванъ Макарычъ ротъ, чтобъ сказать слово, какъ и она, въ свою очередь, спѣшила показать рядъ острыхъ и кривыхъ зубовъ, и начинала улыбаться, смотрѣла ему томно въ глаза и, по окончаніи его рѣчи, гордо окидывала взоромъ все общество.

По всему было видно, что она оставалась совершенно довольна своей судьбою и въ особенности не могла достаточно нахвалиться Пережигою.

Кромѣ хозяйки и Пережиги, въ комнатѣ находились еще два лица: кандидатъ философіи Вольфгангъ Антонычъ Беобахтеръ и недоросль изъ дворянъ Алексисъ Звонскій.

Беобахтеръ, маленькій и приземистый, быстрыми, но мелкими шагами ходилъ по комнатѣ, бормоталъ себѣ подъ носъ какія-то заклинанія, и при этомъ безпрестанно дѣлалъ рукою самое крошечное движеніе сверху внизъ, твердо намѣревался изобразить имъ паденіе какой-то фантастической и чудовищно-колоссальной карательной машины.

Алексисъ, вытянутый и сухой, сидѣлъ около стола и, устремивъ влажные глаза въ потолокъ, обрѣтался въ совершенномъ оптимизмѣ. Молодой человѣкъ размышлялъ въ эту минуту о любви къ человѣчеству и по этому случаю сильно облизывалъ себѣ губы, какъ будто послѣ вкуснаго жирнаго обѣда.

По обыкновенію, дѣло шло о вещахъ, вызывающихъ на размышленіе, и таинственный Бинбахеръ оказывался совершеннымъ подлецомъ.

— Я вамъ говорю, все они врутъ, бестіи!—кричалъ Пережига:—ужъ какъ же тутъ безъ «него» обойдешься! Это

Digitized by Google

въ ихней землѣ—ну, тамъ точно... тамъ оно можно! А у насъ... да вы только сообразите, вы только подумайте!

— О, какъ это правда, о какъ это очень правда!—воскликнула Шарлотта Готлибовна, подобострастно глядя въ самое лицо своему другу и такъ близко наклонившись къ нему, какъ будто хотѣла положить ему въ ротъ длинный и сухой носъ свой.

Господинъ Бсобахтеръ самымъ мягкимъ теноромъ посѣшилъ объявить, что, несмотря на это, онъ «все-таки надѣется», и тутъ же почелъ за долгъ съ необычайной граціей отмахнуть голову какому-то фантастическому, но, тѣмъ не менѣе, закоренѣлому врагу преобразованій,—преобразованій таинственныхъ, но уже заранѣе во всей подробности нарисовавшихся въ его воображеніи.

— Вы матеріалистъ, Иванъ Макарычъ!—отозвался Алексисъ:—вы не понимаете, какая сладость заключается въ словѣ «надежда»! Безъ надежды холодно, сухо, безотрадно! Однимъ словомъ, безъ надежды нѣтъ любви—вотъ искреннее убѣжденіе моего сердца!

Надо сказать разъ навсегда, что Алексисъ въ стихахъ своихъ постоянно изображалъ груди, вспаханныя страданіемъ, чела, взборонённыя горькою мыслью, и щеки, вскопанныя тоскою, но о чемъ были эти «страданіе, горе и тоска»—тайна эта была глубоко скрыта во мракѣ его мозгового вещества.

— Пожалуй-себѣ надѣйся! Вотъ и онъ надѣется,—прервалъ Пережига, указывая на Ивана Самойлыча:—да вѣдь яйцо выѣденное развѣ получитъ!

Всѣ взоры обратились на Мичулина. Онъ стоялъ у печки блѣдный и задумчивый, какъ будто бы самъ глубоко чувствовалъ свое ничтожество. Сначала онъ сталъ-было прислушиваться къ общему разговору, хотѣлъ-было и свое словечко какъ-нибудь ввернуть; но разговоръ былъ сухой и ученый, да при томъ же къ нему и не обращался никто, какъ будто всѣ молчаливо согласились между собой, что для ученаго разговора онъ не годится.

— Ну, что, какъ дѣвишки?—обратился къ нему Иванъ Макарычъ.

Мичулинъ не отвѣчалъ, но еще унылѣе прежняго окинулъ взоромъ компанію.

— Говорилъ я тебѣ, душа ты горькая,—продолжалъ Пережига:—говорилъ тебѣ: поѣзжай въ деревню! ужъ гдѣ тебѣ тутъ! Сирота-сиротой выглядишь, а туда же лѣзешь!

Digitized by Google

Шарлотта Готлибовна никакъ не упустила случая, чтобъ тутъ же не удивиться высокой справедливости замѣчаній своего любезнаго друга, а Беобахтеръ все сильнѣе и сильнѣе наяривалъ ручонкою завѣтное движеніе сверху внизъ.

— А по-моему, вы очень хорошо сдѣлали, что остались здѣсь,—сказалъ онъ, быстро остановившись передъ Мичулинымъ и пристально смотря ему въ глаза.

Постоявъ съ полминуты, онъ приложилъ палецъ къ губамъ и самымъ вкрадчивымъ теноромъ продолжалъ:

— Вѣдь въ наши дни спасительно страданіе!

— Страданіе есть удѣлъ человѣка на землѣ,—началъ было Алексисъ:—страдать и любить....

Беобахтеръ сдѣлалъ отрицательный жестъ головою, давая тѣмъ знать, что Алексисъ совершенно не въ ту сторону перетолковывалъ слова его.

— Страданіе тѣмъ пріятно,—говорилъ онъ такимъ равнодушнымъ тономъ, какъ будто дѣло шло о чрезвычайно вкусномъ обѣдѣ:—тѣмъ пріятно, что вотъ, какъ тутъ прихлопнетъ, да тамъ притиснетъ, да въ другомъ мѣстѣ, тогда...

И онъ съ особеннымъ наслажденіемъ напиралъ на слова «прихлопнетъ» и «притиснетъ».

— Нѣтъ, я съ тобой никакъ не могу согласиться,—возразилъ Алексисъ, вовсе не стараясь доискиваться, что будетъ послѣ таинственнаго «тогда».

Иванъ Самойлычъ рѣшительно не зналъ, къ чьей партіи ему пристать: къ Беобахтеру ли, доказывавшему несомнѣнную полезность страданія, къ Алексису ли, тоже прописывавшему страданіе, какъ лѣкарство отъ всего, но по какому-то странному обстоятельству никакъ не соглашавшемуся съ кандидатомъ философіи, или, наконецъ, къ Пережигѣ, увѣрявшему по чести, что все это вздоръ, а вотъ, дескать, у него спросите, такъ онъ знаетъ.

— Любовь хорошо, отчего-жъ и не любовь?—говорилъ между тѣмъ Беобахтеръ, какъ будто бы обращаясь единственно къ Ивану Самойлычу, а на самомъ дѣлѣ видимо желая уязвить Алексиса:—да любовь послѣ, а прежде-то... Вы меня понимаете?—продолжалъ онъ, еще пристальнѣе смотря въ глаза Ивану Самойлычу.

— Догадываюсь,—отвѣчалъ робко Мичулинъ.

— Отчего же *послѣ* любовь?—приставалъ Алексисъ.—И теперь любовь, и потомъ любовь! Зачѣмъ этотъ ригоризмъ!

И умолкъ, какъ будто бы словомъ «ригоризмъ» онъ насквозь проткнулъ своего противника.

Digitized by Google

Иванъ Самойлычъ, между тѣмъ, собрался съ мыслями и замѣтилъ компаніи, что, конечно, можетъ-быть, любовь и страданіе—вещи полезныя и спасительныя, да обстоятельства-то его изъ рукъ вонъ плохи, имъ-то какъ помочь? Страданіе, дескать, хлѣба не дастъ, любовь тоже не кормитъ... Такъ нельзя ли ужъ что-нибудь такое придумать, что бы онъ могъ примѣнить къ дѣлу.

На это Бообахтеръ забормоталъ что-то объ индивидуализмѣ; говорилъ, что думать о собѣ подло; что если онъ и погибнетъ, то это ничего не значитъ, и даже въ нѣкоторомъ отношеніи принесетъ несомнѣнную пользу для будущаго, какъ реактивъ.

— Да, какъ ррреактивъ! — повторилъ онъ, метая изъ крошечныхъ глазъ молніи.

Вообще, кандидатъ философіи въ этомъ случаѣ совершенно не пощадилъ личности Ивана Самойлыча; но такъ какъ Алексисъ остался такимъ объясненіемъ совершенно доволенъ, то Бообахтеръ счелъ за нужное тутъ же присовокупить, что все-таки любовь *потомъ*, а прежде...

— Да что ты ихъ слушаешь!—вступился Иванъ Макарычъ.—Нѣтъ, видно, вы и Бинбахера-то только такъ говорите, что читали! По-моему, ты просто ступай въ деревню, да храпи себѣ на боку! Право славное будетъ житье! Такъ, что ли?

Иванъ Самойлычъ робко усмѣхнулся; его самого ужъ давно ласкала эта лакомая перспектива.

— А то, братъ, пропадешь, ей-Богу, пропадешь! — продолжалъ Пережига:—или запьешь съ горя—ужъ я знаю!

Послѣдовало нѣсколько минутъ молчанія.

— Оно, конечно, водка,—снова началъ Пережига:— отчего бы и не выпить: и въ глазахъ свѣтлѣе, и на людей веселѣе смотрѣть, да и горя не чувствуешь... Да вѣдь она водка-то, воръ! она познаніе есть зла и добра!

Мичулинъ стоялъ у печки блѣднѣе прежняго; Бообахтеръ искоса поглядывалъ на него, какъ Бертрамъ на Роберта, и весьма затѣйливо улыбался; Алексисъ не слушалъ: онъ закатилъ глаза подъ лобъ и бесѣдовалъ съ человѣчествомъ.

— Вотъ и у насъ въ трактиръ отставной чиновникъ ходитъ,—продолжалъ Пережига:—весь трясется, такой оборванный да ощипанный, и глаза гноятся, и руки дрожатъ: кажется, въ чемъ душа держится, а все пристаетъ: поднеси, дескать, Емелѣ водочки... Да хоть бы польза какая была, а то отъ водки-то только коробитъ его да жжетъ...

Digitized by Google

Снова минута напряженнаго молчанія.

— А вотъ вѣдь и чиновникъ былъ, въ службѣ служилъ, мундиръ носилъ, да и не Емелей, а Даниломъ Александрычемъ прозывался, а ужъ Емелей-то это такъ послѣ, трактирные прозвали! Да вотъ выгнанъ былъ изъ казеннаго мѣста, выгналъ его хозяинъ за неплатежъ на улицу — ну, онъ съ горя рюмочку, потомъ другую, а тамъ и пошелъ... Познаніе есть зла и добра!

Послѣдовало опять нѣсколько секундъ тягостнаго молчанія.

— А впрочемъ, по мнѣ, какъ знаешь!—продолжалъ Пережига, обращаясь къ Мичулину.—Оно, конечно, коли хочешь, онъ и счастливъ: дали ему водки — онъ и забылъ, что въ разодранныхъ сапогахъ ходитъ... Право, такъ!

И внезапно, по какому-то непостижимому сцѣпленію идей, на Пережигу напалъ припадокъ сентиментальности, и онъ сталъ восторгаться тѣмъ, что за минуту выставлялъ въ глазахъ Ивана Самойлыча какъ вещь, которой должно всячески остерегаться. Шарлотта Готлибовна тоже круто перемѣнила образъ мыслей и заранѣе глубоко вздохнула.

— Да ещё какъ счастливъ-то,—говорилъ Иванъ Макарычъ:— пуще князя всякаго счастливъ! подитка ты, чай, какіе ему сны видятся! не надо ему ни дворцовъ, ни палатъ! Вотъ она, школа жизни-то, вотъ! А то что вы тутъ съ Бинбахеромъ! въ Сибирь его, Бинбахера, на каторгу его!

Долго еще Иванъ Макарычъ не могъ успокоить своего филантропическаго потока, долго сидѣлъ онъ, покачивая головой и приговаривая: «право, не надобно ему ни дворцовъ, ни бархату; каждая слеза его»...

Наконецъ, всѣ какъ будто бы притихли. Беобахтеръ попрежнему граціозно двигалъ рукою сверху внизъ, но уже скорѣе безсознательно, нежели съ намѣреніемъ; Алексисъ еще болѣе облизывалъ себѣ губы, бесѣдуя съ человѣчествомъ; Иванъ Самойлычъ конфузился и выводилъ кой-какія заключенія изъ видѣннаго и слышаннаго.

Въ это время часы уныло зазвенѣли одиннадцать. Но и часы били на этотъ разъ какъ-то особенно злонамѣренно. Ивану Самойлычу показалось, будто каждое біеніе часового колокольчика заключало въ себѣ глубокій смыслъ и съ упрекомъ говорило ему: «каждая дуга, которую описываетъ маятникъ, означаетъ канувшую въ вѣчность минуту твоей жизни... Да жизнь-то эту на что ты употребилъ, и что такое все существованіе твое?»

Отчего же прежде никогда не говорилъ ему этого бой

Digitized by Google

часовъ? отчего прежде окружавшіе его предметы не смотрѣли на него съ такимъ вопросительнымъ, испытующимъ видомъ?

И едва начиналъ онъ въ умѣ своемъ развивать движеніе руки Беобахтера, какъ въ мозгу его зарождалась другая мысль, совершенно въ pendant къ этому движенію— мысль страшная, давно не дававшая ему покоя, и которая была не что иное, какъ извѣстное уже читателю изъ первой главы: «Кто ты таковъ? Какая твоя роль? Жизнь—лотерея» и проч.

И потомъ все это исчезало, и на сцену являлся полусгнившій, дрожащій старикъ и, указывая на водку, говорилъ: «познаніе есть зла и добра».

— Да вѣдь и не Емеля былъ онъ совсѣмъ, а, слышь ты, Данила Александрычъ, и служилъ нѣкогда, и молодъ былъ нѣкогда, да вотъ выгнали же его изъ службы — и сталъ онъ Емелей, по милости добрыхъ людей.

Съ ужасомъ и содроганіемъ вспоминалъ Иванъ Самойлычъ этотъ странный анекдотъ; въ головѣ его вдругъ пробѣжала мысль: «а ну, какъ и я Емеля?» да тутъ же и примерзла къ мозгу — до такой степени эта мысль испугала его...

Въ такомъ именно настроеніи духа подошелъ онъ къ своей комнатѣ, какъ вдругъ за сосѣднею дверью, ведшей въ уединенное жилище дѣвицы Ручкиной, послышался шорохъ. Сердце его забилось; чудная пѣсенка назойливѣе прежняго зазвучала въ ушахъ, и все звала, все звала... дорогого князя...

«Идти, или не идти?»—думалъ Иванъ Самойлычъ.

А между тѣмъ ужъ стучался.

— Кто тамъ?—раздался за дверью знакомый свѣженькій голосокъ.

— Это я... вы не почиваете, Надежда Николаевна?

— Нѣтъ, не сплю... войдите.

Иванъ Самойлычъ вошелъ; передъ нимъ стояло маленькое, уютное существо, но до того живое и вертлявое, что въ одно и то же время видѣлось во всѣхъ углахъ комнаты; существо, розовое и свѣжее, облеченное только большимъ подъ кашемиръ платкомъ, плохо скрывавшимъ пріятную нѣжность ея формъ и безпрестанно распахивавшимся по причинѣ неимовѣрной живости движеній маленькаго существа.

«У, какая игривая!»—была первая и совершенно есте-

Digitized by Google

ственная мысль Ивана Самойлыча, но мысль, подобно молніи, промелькнувшая минутно и скрывшаяся, какъ въ тучѣ, въ мозговомъ лабиринтѣ своего владѣльца.

— Что это вы сегодня такъ долго засидѣлись, Иванъ Самойлычъ?—отозвалось, между тѣмъ, маленькое существо, переходя отъ одного комода къ другому, отъ стула къ кровати, подбирая съ полу разныя ниточки, бумажки и все прибирая къ сторонкѣ, чтобы ничего не пропало втунѣ, потому что впередъ на черный день пригодится.

— Да я такъ-съ... я насчетъ того-съ...—бормоталъ сконфуженный Мичулинъ.

— То-есть, какъ же насчетъ того? Ужъ опять не насчетъ ли прежняго? И-и-и не думайте, Иванъ Самойлычъ!

Мичулинъ молчалъ, хотъ внутренно и скорбѣлъ, быть-можетъ, о томъ, что ему даже и думать было запрещено.

— А я въ театрѣ была... сегодня «Уголино» давали... до страсти люблю трагедіи... А вы?

Иванъ Самойлычъ съ любовью смотрѣлъ на Наденьку и какъ будто бы соображалъ, какимъ образомъ это кропечное, совершенно водевильное тѣльце могло до такой степени пристраститься къ трагедіи.

— Господинъ Каратыгинъ игралъ... ужъ я плакала-плакала... И какой видный мужчина! Я до смерти люблю плакать...

Господинъ Мичулинъ даже хихикнулъ отъ умиленія.

— Такъ вы весело провели вечеръ? — спросилъ онъ, а глаза его, между тѣмъ, все сильнѣе и сильнѣе разгорались.

— Очень весело! Я вамъ говорю, я ужасти какъ плакала... особливо, когда эта душка Вероника...

— Съ вами былъ кто-нибудь?

— Да, кавалеръ... онъ, видите, былъ прежде мой женихъ, когда я еще у родителей жила... сватался за меня... Такой тоже видный изъ себя мужчина, яблокъ намъ купилъ... Да я все плакала, мнѣ не до яблокъ было...

Мичулинъ вздохнулъ.

— Что вы сегодня такіе скучные?—спросила Наденька.

— Да я такъ-съ...—отвѣчалъ онъ, снова запинаясь:—я ничего-съ...

Но Наденька все-таки поняла, въ чемъ дѣло; она тотчасъ же, по свойственной ей подозрительности, догадалась, что все это по тому дѣлу, по прежнему.

— Нѣтъ, нѣтъ, и не думайте, Иванъ Самойлычъ!—сказала она, волнуясь и махая руками.—Никогда, ни въ жизнь

Digitized by Google

свою не получите!.. Ужъ я что сказала, такъ ужъ сказала, мое слово свято: и не думайте!

И попрежнему съ невозмутимымъ равнодушіемъ маленькая женщина подбирала съ полу бумажки, перевѣшивала съ одной вѣшалки на другую разныя платья и юбки, безъ всякой, впрочемъ, совершенно надобности, а единственно изъ удовлетворенія живости и бойкости характера.

— Гм! въ жизни!.. А что такое *жизнь*? — соображалъ, между тѣмъ, господинъ Мичулинъ. — Вотъ въ томъ-то и штука, Надежда Николаевна, что такое *жизнь*?.. Не есть ли это обманъ, мечтаніе пустое?

Наденька на минуту перестала суетиться и въ изумленіи остановилась посреди комнаты.

Передъ нею стоялъ все тотъ же ординарный господинъ Мичулинъ, котораго она аккуратно видала каждое утро и каждый вечеръ; все такъ же геморроидаленъ былъ цвѣтъ его испещреннаго рябинами лица, только на губахъ едва замѣтно играла не лишенная ѣдкости и самодовольствія улыбка, какъ будто бы говорила эта улыбка: «а что, задалъ я тебѣ, голубушка, загвоздку: на-тка, поди, раскуси ее!»

— То-есть, какъ же обманъ?—въ свою очередь, робко и нерѣшительно спросила Наденька, думая, что Иванъ Самойлычъ потому, *вѣроятно,* заговорилъ объ обманахъ, что самъ намѣренъ употребить въ отношеніи къ ней какое-нибудь злостное ухищреніе.

— Да такъ-съ, обманъ, просто обманъ! Посудите сами: вѣдь если бы я въ самомъ дѣлѣ жилъ, я бы занималъ какое-нибудь мѣсто, игралъ бы какую-нибудь роль!

Наденька ужъ совершенно разувѣрилась и обдумывала, что бы ей такое поднять съ полу.

— Такъ вы думаете, — сказала она съ разстановкою:— что тотъ только и живетъ, кто играетъ какія-нибудь роли?

Иванъ Самойлычъ понялъ, что подъ словомъ «роли» Наденька разумѣла исключительно тѣ, которыя играетъ господинъ Каратыгинъ, и поэтому не нашелся, что отвѣчать.

— Гм!—сказала дѣвица Ручкина.

— Такъ я все вотъ насчетъ этого дѣла,—снова началъ Мичулинъ.

— То-есть, насчетъ чего же, Иванъ Самойлычъ? Если насчетъ того, то будьте совершенно покойны: ужъ я что сказала, такъ ужъ сказала; а если насчетъ чего другого, извольте, я съ удовольствіемъ.

Digitized by Google

Иванъ Самойлычъ не отвѣчалъ; сердце его надрывалось; слова замирали на губахъ, и даже что-то похожее на слезу сверкнуло въ глазахъ его... Въ который разъ получалъ онъ этотъ черствый отказъ!

— Оно не то, Надежда Николаевна,—говорилъ онъ дрожащимъ голосомъ: — все бы еще снести можно! Да вѣдь *другіе!*.. Вѣдь другіе-то пьютъ, другіе ѣдятъ, другіе веселятся! Отчего же другіе?

Дѣйствительно ли несчастіе его происходило отъ того, что другіе живутъ, другіе веселы, или просто присутствіе маленькаго существа, къ которому самъ питаешь маленькую слабость, еще горчѣе дѣлаетъ наше горе—какъ бы то ни было, но герою нашему дѣйствительно сдѣлалось тяжко и обидно.

А между тѣмъ Наденька тоже задумалась; она, конечно, замѣтила эту слезу, но все еще какъ-то думалось ей, что Иванъ Самойлычъ хитритъ, что все это онъ насчетъ того дѣла, насчетъ прежняго, а назначеніе и роль были тутъ только предлогомъ, чтобъ пустить ей пыль въ глаза, и, пользуясь ея ослѣпленіемъ, поставить-таки на своемъ.

— Да, оно, конечно, обидно,—сказала она тонко и деликатно, дѣлая видъ, какъ будто не замѣчаетъ, куда клонится рѣчь господина Мичулина: — да знаете ли, Иванъ Самойлычъ, ужъ не пойти ли вамъ спать?

Иванъ Самойлычъ сознался, что дѣйствительно ужъ поздно и что спать пора.

Лежа на одинокой постели своей, долго не могъ заснуть Иванъ Самойлычъ. Все ему чудилось живое, полненькое личико Наденьки, и свѣтло и роскошно рисовалась и суетилась передъ его глазами эта миніатюрная, уютная фигурка, вѣчно хлопочущая, вѣчно бѣгущая... И мерещится ему во мракѣ его комнаты, что вотъ сверкнула ея грудь, вотъ промелькнула около самыхъ его губъ крошечная ножка... и ловитъ онъ ее взглядомъ, и усиливается высмотрѣть въ густой темнотѣ это дорогое, мимолетное видѣніе, но тщетно! Во мглѣ тонетъ взоръ его, во мглѣ, въ глубокой, непроницаемой мглѣ, и не успѣваетъ онъ опомниться, какъ передъ нимъ стоитъ длинный и тощій вопросъ — вопросъ насмѣшливый и недоброжелательный, составляющій все несчастіе и гибель его бѣдной жизни.

И скорѣе закрылъ онъ глаза, чтобъ не видѣть этого больного, изнеможеннаго вопроса, и началъ думать о томъ, какъ бы бы пріятно, если бы Наденька... О, если бы

Digitized by Google

Наденька!.. если бы она знала, какъ бьется сердце бѣднаго Ивана Самойлыча, несчастнаго Ивана Самойлыча, каждый разъ, какъ долетаетъ до него ея маленькій, незатѣйливый голосокъ, поющій маленькую, незатѣйливую пѣсенку!.. Если бы она видѣла, другими глазами видѣла, какъ судорожно и трепетно сжимается это сердце, какъ прислушивается это ухо, какъ притопываетъ эта нога, какъ преображается и озаряется внезапнымъ свѣтомъ и теплотою все это такъ долго зябнувшее на стужѣ и непогодѣ существо! Если бы она видѣла все это! И какъ смѣла и бойка была его мысль, какое будущее готовилъ онъ ей, этой дорогой, вѣчно незабвенной Наденькѣ! Не то чреватое горестями и лишеніями будущее, которое на самомъ дѣлѣ ждало ее, а будущее ровное и спокойное, гдѣ все такъ удобно и ловко слагалось, гдѣ всякое желаніе дѣлалось правомъ, всякая мысль становилась дѣломъ... Если бы знала она!

Но не видала, не знала она ничего! Обидна и груба казалась ей привязанность господина Мичулина, и тщетно раскрывалось сердце скромнаго юноши, тщетно играло воображеніе его: ему предстояла вѣчная и холодная, холодная мгла!

III.

Ужъ мозговое вещество Ивана Самойлыча подернулось пеленою, сначала мягкою и полупрозрачною, потомъ все болѣе и болѣе плотною и мутною; ужъ слуховой его органъ наполнился тѣмъ однообразнымъ и протяжнымъ дрожаніемъ, составляющимъ нѣчто среднее между отдаленнымъ звучаніемъ колокольчика и неотвязнымъ жужжаніемъ комара; ужъ мимо глазъ пронесся огромный, неохватимый взоромъ городъ, съ своими тысячами куполовъ, съ своими дворцами и съѣзжими дворами, съ своими шпицами, горделиво врѣзывающимися въ самыя облака, съ своею вѣчно шумною, вѣчно хлопочущею и суетящеюся толпою. Но вдругъ городъ смѣнился деревнею съ длиннымъ рядомъ покачнувшихся въ сторону избъ, съ сѣрымъ небомъ, сѣрою грязью и бревенчатою мостовой... Потомъ всѣ эти образы, сначала опредѣленные и различные, смѣшались: деревня украсилась дворцами, городъ обезобразился почернѣвшими бревенчатыми избами; у храмовъ привольно разрослись репейникъ и крапива; на улицахъ и площадяхъ толпились волки, голодные и кровожадные волки... и пожирали другъ друга.

Digitized by Google

Но вотъ и городъ исчезъ въ туманѣ, и деревня утонула въ синемъ, неизглядномъ озерѣ, и волки скрылись далеко-далеко въ густые лѣса фантазіи Ивана Самойлыча... Но что же вдругъ такъ сладко поразило слухъ его, что защекотало вдругъ, зашевелило бѣдное его сердце? Съ тоскою и трепетомъ вслушивается онъ въ эти вѣчно милые, вѣчно желанные звуки, съ томленіемъ и грустью впиваетъ въ себя чудную гармонію простенькой пѣсенки, ласкающей слухъ его...

— Наденька, Наденька! — молящимъ голосомъ говоритъ Иванъ Самойлычъ.

Но гордо и съ обиднымъ презрѣніемъ смотритъ на него, униженнаго и умоляющаго, маленькая женщина. Крошечная ироническая улыбка мелькаетъ на розовыхъ губкахъ; ея миніатюрное негодованьице слегка приподняло ея тонкія ноздри и окрасило нѣжнымъ пурпуромъ упругія щеки...

— Наденька! — говоритъ онъ задыхающимся отъ волненія голосомъ: — я не виноватъ, что люблю васъ... Что же мнѣ дѣлать, если это выше силъ моихъ!..

И онъ съ трепетомъ ждетъ ея слова: онъ не замѣчаетъ, что возлѣ нея стоитъ другое лицо — лицо, принадлежащее ученому другу ея, бѣлокурому Алексису; не замѣчаетъ, какъ томно опирается она на руку юноши, какіе полные нѣги и томленія взоры отъ времени до времени обращаетъ къ нему...

Но вотъ и на него взглянула она, но какъ-то сурово и съ недоумѣніемъ. Обиженнымъ тономъ отвѣчаетъ она ему, что удивляется, какимъ образомъ могъ онъ даже подумать сдѣлать ей такое странное предложеніе; что, конечно, онъ человѣкъ неглупый и даже начитанный человѣкъ, но что и она, съ своей стороны, дѣвушка честная, и хотя не дворянка, но не хуже иной дворянки сумѣетъ подать карету не только ему, Ивану Самойлычу, но и всякому другому, даже получше и почище его, кто осмѣлится подъѣхать къ ней съ подобнымъ предложеніемъ.

И снова все исчезаетъ въ безразличномъ туманѣ: и бѣлокурое, но нѣсколько апатичное лицо Алексиса, и миніатюрная, вѣчно тревожная фигурка Наденьки, и тоскливо звучитъ вдали знакомая пѣсенка о дорогомъ князѣ и золотыхъ чертогахъ...

— Что же я въ самомъ дѣлѣ такое? — спрашиваетъ себя господинъ Мичулинъ: — какое мое назначеніе, какая судьба моя?

Digitized by Google

Толпами собираются около него блѣдные призраки и насмѣшливо кричатъ ему: «охъ, усталъ, усталъ ты, бѣдный человѣкъ! разломило тебѣ всю голову!»

Блѣдный, трепещущій падаетъ онъ на колѣни, прося пощадить его, объяснить ему это страшное дѣло, не дающее ему ни днемъ, ни ночью покою, но падаетъ такъ неловко и неожиданно, что блѣдные призраки мгновенно исчезаютъ.

Въ комнатѣ темно; старинная кукушка жалобно прокуковала два раза и замолкла.

«Чортъ знаетъ что̀ за дрянь въ голову лѣзетъ! — подумалъ Иванъ Самойлычъ: — а вотъ еще философы утверждаютъ»...

И онъ было-намѣревался, не пускаясь въ дальнѣйшія разсужденія, во снѣ узнать, что̀ утверждаютъ философы, какъ вдругъ за тонкою перегородкою, которая одна отдѣляла его постель отъ завѣтной комнатки, послышались голоса.

Иванъ Самойлычъ началъ прислушиваться.

— Ужъ я вижу, сударь, — щебеталъ знакомый ему голосъ: — ужъ пожалуйста, не приводите мнѣ своихъ резоновъ, ужъ пожалуйста... Я все, все насквозь вижу...

— Нѣтъ, Наденька! ты ошибаешься, другъ мой, ошибаешься, милый ты человѣкъ! — отвѣчалъ Алексисъ, стараясь придать голосу своему льстивый тонъ.

— Ужъ пожалуйста, въ чемъ другомъ, а въ этомъ не ошибусь... Стыдитесь, сударь!

— Да помилуй же, Наденька! право, я нигдѣ не былъ...

— Я вамъ говорю, что все насквозь вижу, всѣ ваши хитрости вижу, Алексѣй Петровичъ! Ужъ какъ вы тамъ меня ни называйте—образованная ли я, или необразованная—а ужъ я все-таки вижу!

Алексисъ молчалъ.

— Зачѣмъ же притворство и коварство? — продолжала, между тѣмъ, Наденька. — Ужъ скажите мнѣ лучше прямо, что я несчастнѣйшая изъ женщинъ!.. Я дѣвушка прямая, Алексѣй Петровичъ; я честная дѣвушка, Алексѣй Петровичъ, и не люблю ходить вокругъ да около... Ужъ скажите мнѣ просто, что я въ слезахъ должна проводить жизнь!

— Отчего же въ слезахъ, Наденька? — отвѣчалъ лаконически Алексисъ и потомъ прибавилъ: — Отчего же въ слезахъ, милый, хорошій ты человѣкъ?

И опять все смолкло вокругъ Ивана Самойлыча, но не въ головѣ его: тамъ, напротивъ, началась страшная дѣя-

Digitized by Google

тельность, начался шумъ и стукотня; мысли бѣгали по мозговымъ его нервамъ, перебивали другъ у друга дорогу, и вдругъ накопилось ихъ такое множество, что онъ ужъ и самъ не радъ былъ, что проснулся и, какъ глупая тварь, поддался грубому и животненному инстинкту любопытства...

Не успѣлъ еще онъ хорошенько сообразить, какъ бы этакъ воспользоваться недоразумѣніемъ, хитро вырыть ближнему яму, какъ ужъ и дѣйствительно какимъ-то образомъ подкопался подъ Алексиса. Въ судьбѣ его внезапно произошла совершенная и неожиданная перемѣна; въ одно мгновеніе ока онъ сдѣлался рѣшительно баловнемъ фортуны; онъ ходитъ по Невскому подъ руку съ молодою женой, въ бекешѣ съ сѣдымъ бобровымъ воротникомъ; на лбу красуется глубокій шрамъ, полученный въ битвѣ за отечество, а на фракѣ—огромная испанская звѣзда съ безчисленнымъ множествомъ угловъ. Онъ мѣняется пріятною улыбкою и поклономъ съ значительными господами; онъ совершенно доволенъ своею судьбою и безпрестанно вынимаетъ изъ кармана необыкновенно массивный хронометръ, какъ будто бы для того, чтобъ узнать, который часъ, а въ самомъ дѣлѣ для того только, чтобъ показать народу: пусть-де видитъ онъ, какіе на свѣтѣ бываютъ удивительные часы и цѣпочки.

Съ презрѣніемъ и иронически улыбаясь, смотритъ онъ на проходящаго мимо и дрожащаго отъ холода, въ изношенномъ до-нельзя темно-вишневомъ съ искрою пальто, Алексиса, и дѣлаетъ видъ, будто не замѣчаетъ его. Но Алексисъ издалека завидѣлъ знакомую ему маленькую фигурку; онъ ужъ спѣшитъ къ ней съ обыкновеннымъ привѣтствіемъ: «здравствуй, Наденька, здравствуй, хорошій ты, милый человѣкъ!»—но вдругъ у самыхъ ушей его раздается грозный голосъ: «Милостивый государь, вы забываете...» и Алексисъ, поджавъ хвостъ, удаляется поспѣшными шагами во-свояси.

Но вотъ и четыре бьетъ на каланчѣ думы: Иванъ Самойлычъ по привычкѣ уже чувствуетъ въ желудкѣ пріятную тоску.

— Не прикажешь ли, душа моя, зайти въ магазинъ купить чего-нибудь къ обѣду?—говоритъ онъ, обращаясь къ Наденькѣ.

— Отчего же и не зайти! — отвѣчаетъ она съ такимъ философскимъ равнодушіемъ, какъ будто бы дѣйствительно такъ и быть должно.

Digitized by Google

И въ самомъ дѣлѣ, люди богатые—отчего же и не зайти. Ужъ съ четверть часа стоятъ они въ великолѣпномъ магазинѣ.

Наденька, какъ существо живое и по преимуществу прожорливое, бѣгаетъ изъ одного угла въ другой, переходитъ отъ винограда къ великолѣпнымъ бонкретьснамъ, отъ превосходныхъ, подернутыхъ легкимъ пухомъ персиковъ къ не менѣе превосходному ананасу, всего отвѣдываетъ, всего откладываетъ въ свой ридикюль... Но все это въ порядкѣ вещей, все такъ и быть должно; одно только нѣсколько страннымъ кажется Ивану Самойлычу: сѣдой и строгій приказчикъ какъ будто подозрительно, какъ будто исподлобья смотритъ на всѣ эти заборы. Онъ мысленно негодуетъ на такую неумѣстную недовѣрчивость; уже рука его протянута, чтобъ разстегнуть великолѣпное пальто и показать негодяю-корыстолюбцу многоугольную испанскую звѣзду, какъ вдругъ... Но тутъ его руки опускаются, холодный потъ градомъ катитъ съ благороднаго чела; онъ блѣднѣетъ, осматривается, щупаетъ себя... Боже! нѣтъ никакого сомнѣнія, все это было самообольщеніе: и испанская звѣзда, и пальто съ удивительно теплымъ воротникомъ, и одутловатыя щеки, и гордый видъ... все, рѣшительно все исчезло, какъ по волшебному мановенію! Какъ и въ бывалое время, виситъ на немъ, какъ на подлой вѣшалкѣ, его старая и вытертая шинелька, болѣе похожая на капотъ, нежели на шинель; попрежнему желты и изрыты рябинами его щеки; попрежнему согнута его спина и униженъ и скареденъ его видъ.

Тщетно толкаетъ онъ исподтишка неосторожную Наденьку, тщетно мучитъ онъ мозгъ свой, стараясь выжать изъ него что-нибудь похожее на изобрѣтательность: Наденька, нисколько не конфузясь, услаждаетъ свое нёбо дарами юга, и, тоже не конфузясь, спитъ мозгъ Ивана Самойлыча, тупо и равнодушно смотря на неимовѣрныя старанія его выпутаться изъ бѣды и какъ будто посмѣиваясь надъ собственнымъ своимъ безсиліемъ...

— Десять рубликовъ и семь гривенокъ-съ!—звучитъ ему, между тѣмъ, въ самыя уши страшный голосъ приказчика.

— Серебромъ?—шепчетъ въ отвѣтъ, заикаясь и совершенно растерявшись, Иванъ Самойлычъ.

— Да, серебромъ... неужто мѣдными?—рѣшительно и вовсе непоощрительно отвѣчаетъ тотъ же самый досадный голосъ.

Digitized by Google

Мичулинъ конфузится еще пуще.

— Такъ-съ; серебромъ-съ... — говоритъ онъ, блѣднѣя и, между тѣмъ ощупывая карманы, какъ будто отыскивая бывшія въ нихъ, неизвѣстно куда завалившіяся деньги.— Отчего же-съ, я съ удовольствіемъ... я человѣкъ достаточный... Скажите, пожалуйста, а я и не замѣтилъ!.. Представьте себѣ, мой милый, я и не замѣтилъ, что у меня въ карманѣ дыра, и какая большая—скажите!..

Но приказчикъ только покачиваетъ головой.

— А вѣдь можете себѣ представить,—продолжаетъ Иванъ Самойлычъ тономъ соболѣзнованія:—и пальто совсѣмъ новенькое, только что съ иголочки! Ужасно какъ непрочно шьютъ эти портные! Да и не удивительно! Французы, я вамъ скажу, французы! Ну, а французъ, извѣстно, вѣтромъ подбитъ! ужъ это нація такая... Не то что нашъ братъ русскій: тотъ ужъ за что примется, такъ все на славу сдѣлаетъ—нѣтъ, далеко не то!.. Скажите, пожалуйста, и давно вы торгъ ведете?

— Торгъ-то мы ведемъ давно,—отвѣчаетъ угрюмый приказчикъ:—а деньги вы все-таки отдайте...

— Ахъ, Боже мой! право, какой скверный народъ эти французы! право, только что съ иголочки! О, премошенники эти портные!

— Видно, братъ, мошенникъ-то ты!—неумолимо и рѣзко отвѣчаетъ угрюмый приказчикъ:—знаемъ мы васъ! у васъ у всѣхъ карманы-то съ дырьями, какъ къ расплатѣ приходится! Иванъ Терентьичъ! а сходи-ко, братъ, за Ѳедосѣемъ Лукьянычемъ! Онъ, кажется, тутъ поблизости!

Услышавъ знакомое ему имя Ѳедосѣя Лукьяныча, Иванъ Самойлычъ совершенно упалъ духомъ. Со слезами на глазахъ и униженно кланяясь, показываетъ онъ сѣдому приказчику дырявые карманы своего пальто, тщетно доказывая, что не виноватъ же онъ, что за минуту передъ тѣмъ имѣлъ и бобровый воротникъ, и испанскую звѣзду, и одутловатыя щеки, и что все это, по ухищреніямъ одной злобной волшебницы, которая давно ужъ денно и нощно его преслѣдуетъ, вдругъ пропало, и остался онъ дрянь-дрянью, что называется, голъ какъ соколъ, пушистъ какъ лягушка.

— Мамону-то послужить умѣешь!—говоритъ ему безстрастный голосъ сѣдого приказчика:—тельцу-то поклонишься, чреву угождаешь! А что въ священномъ Писаніи сказано, забылъ? Грѣхъ, братъ, тебѣ! стыдно, любезный!

— Послужилъ, почтеннѣйшій, попуталъ лукавый, точно,

Digitized by Google

попуталъ!—отвѣчаетъ жалобнымъ голосомъ Иванъ Самойлычъ.—Да вѣдь это въ первый разъ; вѣдь другіе ѣдятъ же...

— Да другіе-то почище! Мало ли что дѣлаютъ другіе! У другихъ въ карманахъ-то не дырья!

И сѣдой приказчикъ строго покачиваетъ головой, приговаривая:

— Ишь, съ чѣмъ подъѣхалъ, анаѳемскій сынъ! ишь ты: и испанская звѣзда у него была! Знаемъ, братъ, васъ, знаемъ, чревоугодники, идолопоклонники!

А между тѣмъ Мичулинъ робко посматриваетъ на Наденьку. Дерзко и съ презрѣніемъ глядитъ она на него, какъ будто хочетъ окончательно доканать и уничтожить несчастнаго.

— Такъ вы вотъ какъ, Иванъ Самойлычъ! — говоритъ она ему, быстро размахивая руками. — Такъ вы изволите на хитростяхъ! вы хотѣли воспользоваться моею къ вамъ откровенностью! Ужъ сдѣлайте одолженіе, я все понимаю! Можетъ-быть, я и не образованная, и не читала книгъ... Ужъ, пожалуйста, не отпирайтесь: я все вижу, все понимаю, очень хорошо понимаю... всѣ ваши коварства... Сдѣлайте одолженіе!

— Да что же я въ самомъ дѣлѣ такое? — бормочетъ, между тѣмъ, Иванъ Самойлычъ, очень кстати вспомнивъ, что затрудненіе именно въ томъ и состоитъ, что онъ до сихъ поръ не можетъ себѣ опредѣлить, что онъ такое:— да чѣмъ же я хуже другихъ!

— Извѣстно чѣмъ!— лаконически отвѣчаетъ сѣдой приказчикъ: — извѣстно чѣмъ! У другихъ-то въ карманахъ-то нѣтъ дырьевъ.

— Другіе ѣдятъ, другіе пьютъ... да я-то что-жъ?

— Извѣстно что!— звучитъ тотъ же самый жесткій голосъ: можете смотрѣть, какъ другіе кушаютъ!—но такъ иронически звучитъ, какъ будто бы хочетъ сказать недоумѣвающему Мичулину: фу, какой же ты, право, глупый, не можешь никакъ понять самой пустой и обыкновенной вещи!

Иванъ Самойлычъ ужъ-было и смекнулъ, въ чѣмъ дѣло, и началъ-было углубляться въ подробное разсмотрѣніе отвѣта приказчика, какъ вдругъ слухъ его поражаетъ другой, еще страшнѣйшій голосъ—голосъ Ѳедосѣя Лукьяныча.

Важно и не мигнувши, слушаетъ Ѳедосѣй Лукьянычъ жалобу стараго приказчика о томъ, что вотъ, дескать, такіе-то мошенники и пріѣдалы перерыли всю лавку, наѣли на десять рубликовъ и семь гривенокъ, и теперь показываютъ только карманы съ дырьями...

Digitized by Google

— Гм!—мычитъ Ѳедосѣй Лукьянычъ, оттопыривъ губы и обращаясь всѣмъ корпусомъ къ Мичулину:—ты?

— Да я, тово,—бормочетъ Иванъ Самойлычъ: —я шелъ и усталъ... освѣжиться захотѣлось... Вотъ я и зашелъ!

— Гм! ты не оправдывайся, а отвѣчай!—основательно возражаетъ Ѳедосѣй Лукьянычъ, окидывая взоромъ всѣхъ присутствующихъ, вѣроятно, для того, чтобъ удостовѣриться, какой эффектъ производитъ на нихъ его соломоновъ судъ.

— За дѣло ему, за дѣло!—кричитъ съ своей стороны Наденька:—осрамить меня хотѣлъ!.. Ужъ, пожалуйста, подальше съ своими резонами! Я очень хорошо все знаю и вижу!

— Фамилія?—отрывисто вопрошаетъ суровый голосъ Ѳедосѣя Лукьяныча, снова обращаясь къ нашему герою.

— Мичулинъ,—отвѣчаетъ Иванъ Самойлычъ, но такъ робко, какъ будто бы и самъ не увѣренъ, точно ли это такъ, и не есть ли это такое же созданіе блуднаго его воображенія, какъ и теплое пальто, испанская звѣзда, одутловатыя щеки и проч.

— Имя?—снова вопрошаетъ Ѳедосѣй Лукьянычъ, весьма, впрочемъ, довольный, что произвелъ робость и страхъ на истязуемомъ субъектѣ.

— Иванъ Самойловъ,—еще тише и робче отвѣчаетъ герой нашъ.

— Эй, любезный, взять его!

Послѣднія слова, очевидно, относились къ одному рослому мужчинѣ, какъ-то случайно тутъ же прогуливавшемуся.

И вотъ уже берутъ Ивана Самойлыча подъ руки, вотъ открываются передъ нимъ двери ада...

— Пощадите! батюшки, пощадите!—кричитъ онъ, задыхаясь отъ трепета.

— Да что это, съ ума, что ли, вы сошли Иванъ Самойлычъ?—раздается вдругъ у самаго его уха знакомый голосъ.—Совсѣмъ спать не даете добрымъ людямъ! Вѣдь я очень хорошо понимаю, къ чему все это клонится, да ужъ не бывать этому! Сказано, такъ ужъ сказано, и напрасно вы безпокоитесь и изъ себя выходите!

Иванъ Самойлычъ открылъ глаза: передъ нимъ, въ заманчивомъ неглиже, стояла миловидная Наденька, та самая Наденька, которая и проч.

IV.

— А, это ты, Наденька! — бормочетъ сквозь сонъ Иванъ Самойлычъ: — что-жъ это ты не спишь, душень-

Digitized by Google

ка? А можешь себѣ представить, мнѣ привидѣлось, будто Ѳе-до...

Наденька покачала головкой и ушла.

А между тѣмъ Лета, эта услужливая рѣка, снова заливаетъ волнами своими воображеніе господина Мичулина, снова начинаетъ она шумѣть въ ушахъ его, снова бѣснуется и выходитъ изъ береговъ своихъ.

И вдругъ онъ опять очутился на улицѣ; но на немъ уже не прежнее щеголеватое пальто, а обыкновенная истертая его шинелька; не благовидна и не горда его осанка, какъ будто скоробился, сморщился онъ весь, какъ будто всѣ члены ему свело отъ холода и голода...

Не заглядываетъ онъ въ окна кондитерскихъ, булочныхъ и фруктовыхъ лавокъ. Сколько соблазновъ лежитъ передъ нимъ въ красиво и симметрически расположенныхъ кучкахъ и заперто подъ замкомъ! И все это заперто, все подъ ключомъ! На все это *можете глядѣть*! какъ выразился недавно съ убійственнымъ хладнокровіемъ строгій приказчикъ...

А дома ждетъ его зрѣлище, полное жгучаго, непереносимаго отчаянія. Въ холодной комнатѣ, въ изорванномъ платьѣ, на изломанномъ стулѣ, сидитъ его жена; около нея, блѣдный, истомленный, стоитъ его сынъ... И все это проситъ хлѣба, но такъ тоскливо, такъ назойливо проситъ...

— Папа, я ѣсть хочу,—стонетъ ребенокъ:—дай хлѣба!..

— Потерпи, дружокъ, — говоритъ мать: — потерпи до завтра, — завтра будетъ! Пынче на рынкѣ все голодные волки поѣли! много волковъ, много волковъ, душенька!

Но какъ говоритъ она это! Твой ли это голосъ, милая маленькая Надя? тотъ ли это мелодическій, сладкій голосокъ, распѣвавшій-себѣ беззаботно нехитрую пѣсенку, звавшій князя въ золотые чертоги? Гдѣ твой князь, Надя? Гдѣ твои золотые чертоги? Отчего твой голосокъ сдѣлался жестокъ, отчего въ немъ пробивается какая-то ѣдкая, несвойственная ему желчь? Надя! что сдѣлалось, что сталось съ тобой, граціозное созданіе? гдѣ веселый румянецъ твой? гдѣ беззаботный твой смѣхъ? гдѣ хлопотливость твоя? гдѣ твоя наивная подозрительность? гдѣ ты, прежняя, ненаглядная, миленькая Наденька?

Отчего глаза твои впали? отчего грудь твоя высохла? отчего въ голосѣ твоемъ дрожитъ тайная злоба? отчего сынъ твой не вѣритъ твоимъ словамъ... отчего это?

— Да вѣдь и вчера говорили мнѣ,—отвѣчаетъ ребе-

Digitized by Google

вокъ:—что все голодные волки поѣли; да вонъ другія же дѣти сыты, другія дѣти играютъ... я ѣсть хочу, мама!

— Это дѣти голодныхъ волковъ играютъ, это они сыты!— отвѣчаешь ты, поникнувъ головою и не зная, какъ увернуться отъ вопросовъ ребенка.

Но напрасно стараешься ты, напрасно хочешь успокоить его: онъ не вѣритъ тебѣ, потому что ему хлѣба, а не словъ надобно.

— Ахъ, отчего же я не сынъ голоднаго волка! — стонетъ дитя:—мама, пусти меня къ волкамъ... я ѣсть хочу!

И ты молчишь, подавленная и уничтоженная! Ты вдвойнѣ несчастна Надя! Ты сама голодна и подлѣ тебя стонетъ еще другое существо, стонетъ сынъ твой, плоть отъ плоти твоей, кость отъ костей твоихъ, который тоже проситъ хлѣба.

Бѣдная Наденька! что же не идетъ онъ, что не спѣшитъ онъ на помощь къ тебѣ, этотъ давно желанный, дорогой князь твоего воображенія? что не зоветъ онъ тебя въ золотой чертогъ свой?

Съ томленіемъ и непереносною тоскою смотритъ Иванъ Самойлычъ на эту сцену, и тоже увѣряетъ маленькаго Сашу, что завтра все будетъ, что сегодня все голодные волки поѣли. Что ему дѣлать? какъ помочь?...

И ты тоже знаешь, бѣдная Наденька, что нечѣмъ ему помочь; ты понимаешь, что онъ ни на волосъ не виноватъ во всемъ этомъ; но ты голодна, подлѣ тебя стонетъ любимое дитя твое, и ты упрекаешь мужа, ты дѣлаешься несправедливою...

— Зачѣмъ же вы женились?—говоришь ты ему жестокимъ и оскорбительнымъ голосомъ:—зачѣмъ же вы связали себя другими, когда и себѣ не въ состояніи добыть кусокъ хлѣба? Безъ васъ я была счастлива, безъ васъ я была беззаботна... я была сыта... Стыдно!

Въ свою очередь подавленный и уничтоженный, стоитъ Иванъ Самойлычъ. Онъ чувствуетъ, что въ словахъ Нади страшная правда, что онъ *долженъ былъ* подумать, и много подумать о томъ, прилично ли бѣдному человѣку любовь водить, достаточно ли будетъ на троихъ его скуднаго куска... И неутомимо, неутомимо преслѣдуетъ его это страшное «стыдно!»

А между тѣмъ въ комнатѣ все холоднѣе и холоднѣе; на дворѣ дѣлается темно; ребенокъ все такъ же стонетъ, все такъ же жалобно проситъ хлѣба! Боже! да чѣмъ же все

Digitized by Google

Это кончится? куда же поведетъ это? Хоть бы поскорѣе пришелъ завтрашній день! А завтра что?..

Но ребенокъ ужъ не стонетъ; онъ тихо склонился головкой къ груди матери, но все еще дышитъ!..

— Тише!—едва слышно говоритъ Наденька:—тише! Саша уснулъ...

Но что же за мысль гнѣздится въ головкѣ твоей, Наденька? Зачѣмъ же ты улыбаешься, зачѣмъ въ этой улыбкѣ вдругъ сверкнуло отчаяніе и злобная покорность судьбѣ? Зачѣмъ ты бережно сажаешь ребенка на стулъ и, не говоря ни слова, отворяешь дверь бѣдной комнаты?

— Наденька, Наденька, куда ты идешь! Что хочешь ты дѣлать?

Ты сходишь нѣсколько ступеней и останавливаешься... ты колеблешься, милое дитя! Въ тебѣ вдругъ забилось это маленькое, доброе сердце, забилось быстро и неровно... Но время летитъ... тамъ, въ холодной комнатѣ, въ отчаяніи ломаетъ руки голодный мужъ твой, тамъ умираетъ твой сынъ! И ты не колеблешься, въ отчаяніи ты махнула рукой; ты не сходишь—бѣжишь внизъ по лѣстницѣ... ты въ бэль-этажѣ... ты дернула за звонокъ... Страшно, страшно за тебя, Надя!

А онъ ужъ ждетъ тебя, дряхлый, безсильный волокита; онъ знаетъ, что ты придешь, что ты *должна* придти, и самодовольно потираетъ себѣ руки, и самодовольно улыбается, поглядывая на часы... О, онъ въ подробности изучилъ натуру человѣка и смѣло можетъ разсчитывать на голодъ!

— Я рѣшилась!—говоришь ты ему, и голосъ твой спокоенъ...

Да, спокоенъ, не дрогнулъ твой голосъ, а все-таки спокойствіе-то его какъ будто мертвое, могильное...

И старикъ улыбается, глядя на тебя; онъ ласково треплетъ тебя по щекѣ и дрожащею рукой привлекаетъ къ дряхлой груди своей юный станъ твой...

— Да какъ же ты блѣдна, душенька!—говоритъ онъ ласково:—видно, тебѣ очень кушать хочется...

Э! да онъ просто шутникъ! онъ превеселый малый, этотъ маленькій старичокъ, охотникъ до миленькихъ, молоденькихъ женщинъ!

— Да, я хочу ѣсть!—отвѣчаешь ты.—Мнѣ нужно денегъ.

И ты протягиваешь руку... Стало-быть, ты еще хороша, несмотря на твое страданіе; стало-быть, есть еще въ тебѣ,

Digitized by Google

несмотря на гнетущую нищету твою, нѣчто зовущее, возбуждающее застывшія силы шутливаго старика, потому что онъ, не считая, кладетъ тебѣ въ руку деньги; онъ не торгуется, хотя и знаетъ, что можетъ купить тебя за самую ничтожную плату...

— Ѣшьте! говоришь ты мужу и сыну, бросая на столъ купленный ужинъ, а сама садишься въ уголъ.

— Это жадные волки дали, мама?—спрашиваетъ тебя ребенокъ, съ жадностью поглощая ужинъ.

— Да, это волкъ прислалъ,—отвѣчаешь ты разсѣянно и задумчиво.

— Мама! когда же убьютъ голодныхъ волковъ?—снова спрашиваетъ ребенокъ.

— Скоро, дружокъ, скоро...

— Всѣхъ убьютъ, мама, ни одного не останется?

— Всѣхъ, душенька, всѣхъ до одного, ни одного не останется...

— И мы будемъ сыты? у насъ будетъ ужинъ?

— Да, скоро мы будемъ сыты, скоро намъ будетъ весело... очень весело, другъ мой!

А между тѣмъ Иванъ Самойлычъ молчитъ, потупивъ голову, съ тайнымъ, но неотступно гложущимъ угрызеніемъ въ сердцѣ, ѣстъ онъ свою долю ужина, и не осмѣливается взглянуть на тебя, боясь увидѣть во взорѣ твоемъ безвозвратное осужденіе свое.

Но онъ ѣстъ, потому что и его мучитъ голодъ, потому что и онъ человѣкъ.

Но онъ думаетъ, горько думаетъ, бѣдный мужъ твой! Страшная мысль жжетъ его мозгъ, неотступное горе сосетъ его груды! Онъ думаетъ: «сегодня мы сыты, сегодня у насъ есть кусокъ хлѣба, а завтра? а потомъ?..» вотъ о чемъ думаетъ онъ! Вѣдь и завтра ты будешь *должна*... а тамъ опять...

Вотъ эта страшная, гложущая мысль! Наденька, Наденька! правда ли, что ты будешь *должна*?..

Ивану Самойлычу дѣлается душно; глухое рыданіе заливаетъ грудь его; голова его горитъ, глаза открыты и неподвижно устремлены на Наденьку...

— Наденька! Наденька!—стонетъ онъ, собравъ послѣднія силы.

— Да что-жъ это, въ самомъ дѣлѣ, за срамъ такой!—слышится ему знакомый голосъ.—Здѣсь я, здѣсь, сударь! что вамъ угодно? что вы кричите? Цѣлую ночь глазъ со-

Digitized by Google

мкнуть не давали! Вы думаете, что я не понимаю, вы думаете, что я не вижу... Крѣпостная я ваша, что ли, что вы на меня такъ грозно смотрите?

Иванъ Самойлычъ открылъ глаза; въ комнатѣ было свѣтло; у кровати его стояла Наденька въ совершеннѣйшемъ утреннемъ дезабилье.

— Такъ это... былъ сонъ!—сказалъ онъ, едва очнувшись.—Такъ ты, того... не ходила къ старику, Наденька?

Дѣвица Ручкина взглянула на него въ недоумѣніи. Но вскорѣ все сдѣлалось для нее яснымъ, какъ на ладони; ее вдругъ осѣнила свѣтлая мысль, что все это не спроста и что старикъ-то именно не кто иной, какъ самъ Иванъ Самойлычъ, но ужъ если она разъ сказала: не бывать!—такъ уже и не бывать тому, какъ ни хитри и не изворачивайся волокита.

— Нѣтъ, чортъ возьми! должно же это кончиться!—сказалъ про себя Иванъ Самойлычъ, когда Наденька вышла изъ комнаты: — вѣдь этакъ просто ни за грошъ пропадешь!

Господинъ Мичулинъ взглянулъ въ зеркало и нашелъ въ себѣ большую перемѣну. Щеки его опали и пожелтѣли пуще прежняго, лицо осунулось, глаза сдѣлались мутны; весь онъ сгорбился и изогнулся, какъ олицетворенный вопросительный знакъ.

А между тѣмъ нужно идти, нужно просить, потому что, дѣйствительно, пожалуй, ни за грошъ пропадешь...

Да полно, идти ли, просить ли?

Сколько времени ходилъ ты, сколько разъ просилъ и кланялся—выслушалъ ли кто тебя? Ой, ѣхать бы тебѣ въ деревню къ отцу въ колпакѣ, къ матери съ обвязанной щекой!..

Но, съ другой стороны, тутъ же рядомъ возникаетъ вопросъ, требующій безотлагательнаго объясненія.

«Что же ты такое?— говоритъ этотъ навязчивый вопросъ:—неужели для того только и созданъ ты, чтобъ видѣть передъ собой глупый колпакъ, глупую щеку, солить грибы и пробовать домашнія наливки?»

И среди всего этого хаоса противорѣчащихъ мыслей внезапно возстаетъ въ воображеніи Ивана Самойлыча образъ злосчастнаго Емели... Этотъ образъ такъ ясно и отчетливо рисуется передъ глазами его, какъ будто дѣйствительно стоитъ передъ нимъ согнутый и трясущійся старикъ, и можетъ онъ его ощупать и осязать руками. Все туловище

Digitized by Google

Емели какъ будто разлѣзается въ разныя стороны, всѣ члены будто развинчены и вывихнуты; въ глазахъ слезы гноятся и голова трясется...

Жалобно протягиваетъ онъ явнеможенную руку, дрожащимъ голосомъ выманиваетъ хоть десять копеечекъ и потомъ указываетъ на штофъ съ водкой и приговариваетъ: «познаніе есть зла и добра!»

Иванъ Самойлычъ стоитъ какъ въ чаду; онъ хочетъ освободиться отъ страшнаго кошмара и не можетъ...

Фигура Емели преслѣдуетъ его, давитъ ему грудь, стѣсняетъ ему дыханіе... Наконецъ, онъ дѣлаетъ надъ собою сверхъестественное усиліе, хватаетъ шляпу и опрометью бѣжитъ изъ комнаты.

Но на порогѣ его останавливаетъ Беобахтеръ.

— Вы поняли, что я говорилъ вамъ вчера? — спрашиваетъ онъ съ таинственнымъ видомъ.

— То-есть... догадываюсь,—отвѣчаетъ Иванъ Самойлычъ, совершенно смущенный.

— Разумѣется, это были только нѣкоторые намеки, — снова начинаетъ кандидатъ философіи: — вѣдь это дѣло сложное, очень сложное, всего и не перескажешь!

Минутное молчаніе.

— Вотъ, возьмите это,—прерываетъ Беобахтеръ, подавая Мичулину крохотную книжонку, изъ тѣхъ, которыя въ Парижѣ, какъ грибы въ дождливое лѣто, нарождаются тысячами и продаются чуть ли не по одному сантиму.

Иванъ Самойлычъ въ недоумѣніи беретъ книжку, рѣшительно не зная, что съ нею дѣлать.

— Прочтите, — говоритъ Беобахтеръ торжественно, но все-таки чрезвычайно мягко и вкрадчиво:—прочтите и увидите... тутъ все!.. Понимаете?

Съ этими словами онъ удаляется, оставивъ господина Мичулина въ совершенномъ изумленіи.

V.

Погода на дворѣ стояла сырая и мутная; какъ и наканунѣ, сыпалось съ облаковъ какое-то неизвѣстное вещество; какъ и тогда, мѣсили по улицамъ грязь ноги усталыхъ пѣшеходовъ; какъ и тогда, ѣхалъ въ каретѣ закутанный въ шубу господинъ съ одутловатыми щеками, и ѣхалъ въ калошахъ другой господинъ, которому насвистывалъ въ-догонку вѣтеръ: «озябъ, озябъ, озя-я-ябъ, бѣдненькій человѣкъ!» Словомъ, все попрежнему, съ тѣмъ не-

Digitized by Google

значительнымъ прибавленіемъ, что всю эту неблаговидную картину обливалъ какой-то блѣдный, мутный свѣтъ.

Навстрѣчу Ивану Самойлычу ѣхала очень удобная и покойная карета, придуманная въ пользу бѣдныхъ людей, въ которой, какъ извѣстно, за гривенникъ можно полъ-Петербурга объѣхать.

Иванъ Самойлычъ сѣлъ. Въ другое время, «при семъ удобномъ случаѣ», онъ подумалъ бы, можетъ-быть, о промышленномъ направленіи вѣка, и выразился бы одобрительно насчетъ этого обстоятельства, но въ настоящую минуту голова его была полна самыхъ странныхъ и черныхъ мыслей.

Поэтому кондукторъ не получилъ отъ него ни улыбки, ни поощренія—ничего, чѣмъ такъ щедро любятъ надѣлять иные охотники до чужихъ дѣлъ.

А между тѣмъ въ карету набираются другіе господа; сперва вошла какая-то скромная дѣвушка, потупивъ глазки; вслѣдъ за нею впрыгнулъ бѣлокурый студентъ весьма пріятной наружности и сѣлъ прямо противъ нея.

— Здравія желаемъ-съ! — сказалъ бѣлокурый студентъ, обратясь къ дѣвушкѣ.

Но дѣвушка не отвѣчаетъ, а, посмотрѣвъ исподлобья на юношу, подноситъ ко рту платокъ и отворачиваетъ къ окну свое личико, изрѣдка испуская изъ-подъ платка скромное «ги-ги-ги!»

— Наше почтеніе-съ!—началъ снова студентъ, обращаясь къ веселой дѣвушкѣ.

Но отвѣта и на этотъ разъ не послѣдовало; только скромное «ги-ги-ги!» выразилось какъ-то рѣзче и смѣлѣе.

— А что вы скажете насчетъ этого нововведенія? — ласково спросилъ Ивана Самойлыча очень опрятно одѣтый господинъ съ портфелемъ подъ мышкою.

Господинъ Мичулинъ махнулъ головой въ знакъ согласія.

— Не правда ли, какъ дешево и экономически?—снова и еще ласковѣе обратился портфель, въ особенности нѣжно, хотя и безъ энергіи, напирая на слово: «экономически».

— Да-съ, выгодная спекуляція, — отвѣчалъ Иванъ Самойлычъ, усиливаясь, въ свою очередь, поощрительно улыбнуться.

— О, очень выгодно, очень экономически!—отозвался въ другомъ углу господинъ съ надвинутыми бровями и мыслящей физіономіей.—Ваше замѣчаніе совершенно справедливо, ваше замѣчаніе выхвачено изъ натуры!

Digitized by Google

— Впрочемъ, это смотря по тому, съ какой точки зрѣнія смотрѣть на предметъ,— глубокомысленно замѣтилъ господинъ съ огромными черными усами, и тутъ же физіономія его приняла такой таинственный видъ, какъ будто спѣшила сказать всякому: знаемъ мы, видали мы!..

— Батюшки, пустите! Да отворяй же, лакей! Батюшки! Вспотѣлъ, измучился!.. Ну, ужъ городъ! Экъ его угораздило!

Разговоръ, принимавшій нѣсколько назидательное направленіе, вдругъ прервался, и взоры всѣхъ пассажировъ обратились на толстаго господина, въ какой-то странной, лиловаго цвѣта, венгеркѣ, который, пыхтя и кряхтя, влѣзъ бокомъ въ карету.

— Ну, ужъ городъ!—говорила венгерка:—истинно вамъ скажу, Божеское наказаніе! Я, изволите видѣть, здѣсь по своему дѣлу—такъ повѣрите ли, просто, то-есть, измучили проклятые! Душу тянутъ, вздохнуть не даютъ! И все этакъ въ бѣлыхъ перчаткахъ: на красную, подлецъ, и смотрѣть не хочетъ—за кого, дескать, вы насъ принимаете, да правосудіе у насъ не продажное! А вотъ какъ сто рублевъ... Эка бестія, эка бестія! Повѣрите ли, даже вспотѣлъ весь!

И венгерка снова начала кряхтѣть и пыхтѣть, со всѣхъ сторонъ обмахиваясь платкомъ, что возбуждало немалую веселость въ скромной дѣвушкѣ, и чуть слышныя «ги-ги-ги!» снова начали вылетать изъ-подъ платка, закрывавшаго ротъ ея.

— То-есть, что же вы разумѣете подъ точкой зрѣнія?— прервалъ портфель, котораго, видимо, конфузилъ санфасонъ лиловой венгерки.—Если вы хотите сказать то, что французы такъ удачно называютъ: поэнь де вю, кудѣль...

— Знаемъ мы! Пожили мы! И французовъ видали, да и нѣмцевъ тоже! — отвѣчали усы, и потомъ, наклонясь съ таинственнымъ видомъ и оглядываясь во всѣ стороны, прошептали въ полголоса:

— Что-то скажутъ объ этомъ извозчики... Вотъ что!

Присутствующіе вздрогнули; дѣйствительно, никому изъ нихъ до тѣхъ поръ и въ голову не приходило, что-то скажутъ о томъ извозчики, а теперь около нихъ, и сзади, и спереди, и по бокамъ, вдругъ заговорили тысячи извозчичьихъ голосовъ, кивали тысячи извозчичьихъ головъ, весь міръ покрылся сплошною массою воображаемыхъ извозчиковъ, тамъ и сямъ прерываемою... опустѣлыми извозчичьими колодами.

— Да; если имѣть такого рода консидерацію,—прошепталъ портфель.

Digitized by Google

— Да ужъ что тутъ! — говорили, между тѣмъ, усы еще таинственнѣе и ударяя себя при этомъ кулаками въ грудь:— ужъ я знаю, ужъ вы *меня* спросите! Мнѣ это дѣло, какъ своя ладонь, извѣстно!

И усы, дѣйствительно, показали немелкаго разбора голую ладонь и, еще болѣе наклонившись и предварительно оглянувшись на всѣ стороны, въ полголоса приговаривали:

— Ужъ мнѣ это дѣло ближе извѣстно... я служу *тамъ*...

— Такъ вы тоже *бюрократъ*?—спросилъ портфель, оправившись отъ перваго ошеломленія и какъ въ каменную стѣну упираясь въ слово: «бюрократъ».

— Да вѣдь это опять-таки съ какой точки зрѣнія посмотрѣть на предметъ!—лаконически отвѣчали усы.

— А я вамъ скажу, господа, что все это вздоръ! Совершенный вздоръ!—загремѣла венгерка.

По сосѣдству чуть слышно раздалось знакомое «ги-ги-ги!» веселой дѣвушки.

— Истинно такъ! — продолжала гремѣть венгерка: — истинно такъ! Что это за народъ, хоть бы извозчики?— дрянь, осмѣлюсь вамъ доложить, просто слякоть!.. Вотъ кабы вы у насъ, въ нашей сторонѣ, побывали — вотъ народъ! Тотъ такъ ужъ, дѣйствительно, усахаритъ! Вотъ природа, такъ природа! Это ужъ, истинно вамъ говорю, смотрѣть въ свое удовольствіе можно! А то что это за народъ у насъ, взглянуть не на что! Просто—дрянь, слякоть!

И венгерка тоскливо покачивала головою.

— Да; это если смотрѣть на предметъ съ одной точки,— сказалъ, между тѣмъ, портфель, улыбаясь и не обращая вниманія на пессимистское возраженіе венгерки:—но если взглянуть на дѣло, напримѣръ, со стороны эманципаціи животныхъ...

Усы жалобно замычали.

— Да вѣдь это все пуфъ:—сказали они:—это все французы привезли! Извозчики—вотъ главное дѣло! Извозчики—вотъ корень причины! Извозчики, извозчики, извозчики!

И снова въ глазахъ всѣхъ присутствующихъ замелькали извозчики, извозчики, извозчики!

— Вотъ оно дѣло-то!—продолжали усы:—вотъ онъ сытъ, наѣлся—его и коломъ съ печи не своротишь! А вотъ какъ хлѣбца-то нѣтъ — онъ и пошелъ, и пошелъ... а ужъ какъ пошелъ, такъ, извѣстно, что будетъ!.. Знаемъ мы! Видали мы!

— О, ваше замѣчаніе совѣмъ справедливо! Ваше замѣчаніе выхвачено изъ природы! — отозвались брови. — Го-

Digitized by Google

лодъ, голодъ и голодъ—вотъ моя система! Вотъ мой образъ мыслей!

— Такъ вотъ съ какой точки зрѣнія должно смотрѣть на предметъ,—таинственно повторили усы:—а ужъ что тутъ животное! Животное, извѣстно, скотина!

— Однакожъ, читали ли вы въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» артикль?—возразилъ портфель, съ необыкновеннымъ усиліемъ напирая на слово: «артикль».

— Знаемъ мы! Читали мы! Вздоръ все это, надуванція! Гога и магога!

— Однакожъ съ большимъ увлеченіемъ написанъ...

— Увлеченіе?—загремѣла венгерка.—Ужъ позвольте, насчетъ увлеченія...

— Ги-ги-ги!—отозвалось по сосѣдству.

— Такъ вотъ, изволите видѣть, я все насчетъ увлеченія-то!—продолжала венгерка.—Да вотъ барышенькѣ все что-то смѣшно... веселая барышенька!.. Такъ вотъ насчетъ того-то... У меня, смѣю вамъ доложить, покойникъ-батюшка, царство ему небесное, предводителемъ былъ, такъ вотъ это увлеченіе! Какъ замахаетъ, бывало, руками... у! Отстаивалъ, нечего сказать! Умѣлъ-таки постоять за своихъ, покойникъ! Нѣтъ, нынче такіе люди повывелись! Съ фонаремъ такихъ не отыщешь! Нынче все разбираютъ: можетъ, дескать, и правъ!.. О-о-хъ, времена тугія пришли!.. А барышенька-то все смѣется!.. Веселая барышенька!

— Когда же можно васъ видѣть?—говорилъ, между тѣмъ, исподтишка студентъ.

— Ахъ, какіе вы, право, странные!—отвѣчала веселая барышенька, еще пуще закрываясь платкомъ.

— Вы находите?—снова началъ студентъ.

— Разумѣется! Ги-ги-ги!

— Отчего же разумѣется?

— Да какъ же это можно?

— Да отчего же это не можно?

— Да нельзя!

— Странно!—сказалъ студентъ, хотя, повидимому, не отчаивался еще въ успѣхѣ своего предпріятія.

— Главное дѣло въ томъ,—соображали вслухъ усы:—чтобъ человѣку цѣль была дана, чтобъ видѣлъ человѣкъ, зачѣмъ онъ существуетъ... Вотъ главное—а прочее все пустяки!

Иванъ Самойлычъ началъ прислушиваться.

— То-есть, вы разумѣете подъ этимъ-то, что у французовъ

Digitized by Google

зовется проблемою жизни?—спросилъ портфель, сильно напирая на слово: «проблемою».

— Что французы! что нѣмцы! — лаконически отвѣчали усы.—Ужъ повѣрьте моей опытности, ужъ мнѣ лучше знать это дѣло, ужъ я *тамъ* и служу... все это надуванція, все гога и магога! Это дѣло мнѣ вотъ какъ извѣстно!

И снова усы показали обнаженную ладонь чрезвычайно почтеннаго размѣра.

— Однакожъ, согласитесь со мной, вѣдь и французская нація имѣетъ свои неотъемлемыя достоинства... Конечно, это народъ вѣтреный, народъ малодушный — кто же противъ этого споритъ?.. Но, съ другой стороны, гдѣ же найдете столько самоотверженія, того, что они сами такъ удачно назвали—разиньясьйонъ? А вѣдь это, я вамъ скажу...

— Знаемъ мы! Видали мы и французовъ, и нѣмцевъ! Пожили-таки на своемъ вѣку! — говорили безчувственные усы.—Все это вздоръ! Главное дѣло — чтобъ человѣкъ видѣлъ, что онъ человѣкъ, зналъ бы цѣль!.. Цѣль-то, цѣль—вотъ она штука, а прочее—что? Вздоръ! Все вздоръ!.. Ужъ повѣрьте моей опытности...

— Вотъ вы изволили выразиться насчетъ цѣли нашего существованія, — скромно прервалъ Иванъ Самойлычъ. — Изволите видѣть, я самъ много занимался насчетъ этого предмета, и любопытно бы узнать ваши мысли...

Усы задумались; Мичулинъ ожидалъ съ трепетомъ и волненіемъ разрѣшенія загадки.

— Лакей! Что-жъ ты, братецъ, не остановишь? Воронъ считаешь, тунеядецъ! — загремѣла венгерка.

— Такъ и я выйду,—меланхолически сказали усы.

— А какъ же ваши мысли насчетъ этого обстоятельства?—робко замѣтилъ Иванъ Самойлычъ.

— Все зависитъ отъ того, съ какой точки взглянуть на предметъ!—разомъ сообразили усы.

— О, это совершенно справедливо! Ваше замѣчаніе выхвачено изъ натуры!—отозвались надвинутыя брови.—Все, рѣшительно все, зависитъ отъ точки зрѣнія...

Усы и брови вышли изъ кареты. Медленно и неповоротливо поплелся снова экономическій экипажъ по гладкой мостовой.

— Когда же васъ можно видѣть?—попрежнему спрашивалъ студентъ у веселой барышеньки.

— Ахъ, какіе вы странные! — попрежнему отозвалась барышенька, закрывая ротъ платкомъ.

Digitized by Google

— Отчего же странный?—приставалъ студентъ.

— Да какъ же это возможно?

— Да отчего же это невозможно?

— Да оттого, что нельзя!

— А я такъ думаю совсѣмъ напротивъ,—отвѣчалъ студентъ и дернулъ за шнурокъ.

— Пойдемте!—снова сказалъ юноша.

— Ги-ги-ги!

Карета остановилась; студентъ вышелъ; барышенька немножко подумала, и все-таки пошла за нимъ, сказавъ, однакожъ: «Ахъ, право, какіе вы странные! Ужъ чего не вздумаютъ эти мужчины!» — но сказала она это рѣшительно только для очищенія совѣсти, потому что студентъ ужъ вышелъ и ждалъ ее на улицѣ.

Наконецъ, и Ивану Самойлычу пришлось выходить. На улицѣ, по обыкновенію, сновала взадъ и впередъ толпа, какъ будто искала чего-то, хлопотала о чемъ-то, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ равнодушно сновала, какъ будто сама не сознавала хорошенько, чего ищетъ и изъ чего бьется.

И герой нашъ отправлялся искать и хлопотать, какъ и всѣ прочіе.

Но и на этотъ разъ фортуна, съ обыкновенною своею настойчивостью, продолжала показывать ему нисколько не благовидный задъ свой.

Какъ нарочно, нужный человѣкъ, къ которому ужъ въ несчетный разъ пришелъ Иванъ Самойлычъ просить себѣ мѣста, провелъ цѣлое утро на воздухѣ, по случаю какого-то торжества. Нужный человѣкъ былъ не въ духѣ, безпрестанно дралъ и маралъ находившіяся предъ нимъ бумаги, скрежеталъ зубами и въ сотый разъ обѣщалъ согнуть въ бараній рогъ и упечь «куда еще ты и не думалъ» стоявшаго предъ нимъ въ стрункѣ маленькаго человѣка съ весьма лихо вздернутымъ сѣденькимъ хохолкомъ на головѣ. Лицо нужнаго человѣка было сине отъ свѣжаго еще ощущенія холода и застарѣлой досады, плечи вздернуты, голосъ хрипълъ.

Иванъ Самойлычъ робко вошелъ въ кабинетъ и совершенно растерялся.

— Ну, что еще? — спросилъ нужный человѣкъ отрывистымъ и промерзлымъ голосомъ.—Вѣдь вамъ сказано?

Иванъ Самойлычъ робко приблизился къ столу, убѣдительнымъ и мягкимъ голосомъ сталъ разсказывать стѣсненныя свои обстоятельства; просилъ хоть что-нибудь, хоть какое-нибудь, хоть крошечное мѣстечко.

Digitized by Google

— Я бы не осмѣлился,—говорилъ онъ, заикаясь и робѣя все болѣе и болѣе:—да вѣдь посудите сами, послѣднее издержалъ, ѣсть нечего, войдите въ мое положеніе!

— Ѣсть нечего!—возразилъ нужный человѣкъ, возвышая голосъ: — да развѣ виноватъ я, что вамъ ѣсть нечего? Да что вы ко мнѣ пристасте? Богадѣльня у меня, что ли, что я долженъ съ улицы подбирать всѣхъ оборвышей!.. Ѣсть нечего! Вѣдь какъ пахально говорить! Изволите видѣть, я виноватъ, что ему ѣсть хочется...

Сѣденькій старичокъ съ хохолкомъ тоже не мало удивился.

— Да вѣдь и я не виноватъ въ этомъ, посудите сами, будьте снисходительны,—замѣтилъ Иванъ Самойлычъ.

— Не виноватъ! Вотъ какъ отвѣчаетъ! На отвѣты-то, братъ, всѣ вы мастера... Не виноватъ! Ну, да, положимъ, что вы не виноваты, да я-то тутъ при чемъ?

Нужный человѣкъ въ волненіи заходилъ по комнатѣ.

— Ну, что же вы стоите? — сказалъ онъ, подступая къ господину Мичулину и какъ будто намѣреваясь принять его въ потасовку.—Слышали?

— Да я все насчетъ мѣста, — возразилъ Иванъ Самойлычъ, нѣсколько твердымъ голосомъ, какъ бы рѣшившись во что бы то ни стало добиться своего.

— Говорятъ вамъ, что мѣста нѣтъ! Слышите? Русскимъ языкомъ вамъ говорятъ: нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!.. Поняли вы меня?

— Понять-то я понялъ,—глухимъ голосомъ отвѣчалъ Мичулинъ:—да вѣдь ѣсть-то все-таки нужно!

— Да что вы ко мнѣ привязались? Да вы знаете ли, что я васъ, какъ неблагонамѣреннаго и назойливаго, туда упеку, куда вы и не думаете! Слышите,—ѣсть нужно! Точно я его крѣпостной! Ну, въ богадѣльню, любезный, идите, въ услуженіе идите... хоть къ чорту идите, только не приставайте вы ко мнѣ съ вашимъ «ѣсть нечего»!

И нужный человѣкъ снова началъ разминать по комнатѣ окоченѣвшіе члены.

— Тутъ цѣлое утро на холоду да на сырости... орешь, кричишь на нихъ, на бестій, а они еще и дома покоя не даютъ...

— Да вѣдь я не виноватъ, — снова возразилъ Иванъ Самойлычъ дрожащимъ голосомъ, худо скрывая накипѣвшую въ груди его злобу:—я не виноватъ, что цѣлое утро на холоду да на сырости...

— А я виноватъ?!— съ запальчивостью закричалъ нужный человѣкъ, топнувъ ногою и сильно пошевеливая плечами.—Виноватъ? а? Да ну, отвѣчайте же!

Digitized by Google

Иванъ Самойлычъ молчалъ.

— Что-жъ вы привязываетесь? Да нѣтъ, вы скажите, что-жъ вы пристаете-то? Виноватъ я, что ли, что вамъ ѣсть нечего? Виноватъ? а?

— Стыдно будетъ, если на улицѣ подымутъ,—замѣтилъ Иванъ Самойлычъ тихо.

— Отвяжитесь вы отъ меня!—вскричалъ нужный человѣкъ, теряя терпѣніе.—Ну, пусть подымутъ на улицѣ! Я вамъ говорю: нѣтъ мѣста, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ.

Иванъ Самойлычъ вспыхнулъ.

— Такъ нѣтъ мѣста!—закричалъ онъ внѣ себя, подступая къ нужному человѣку: — такъ пусть на улицѣ подымутъ! Такъ вотъ вы каковы, а другимъ, небойсь, есть мѣсто, другіе, небойсь, ѣдятъ, другіе пьютъ, а мнѣ и мѣста нѣтъ!..

Но вдругъ онъ помертвѣлъ; малый-то былъ онъ смирный и безотвѣтный, и робкая его натура вдругъ всплыла наружу. Руки его опустились; сердце упало въ груди, колѣни подгибались.

— Но погубите! — говорилъ онъ шопотомъ. — Виноватъ я! Я одинъ во всемъ виноватъ! Пощадите!

Нужный человѣкъ стоялъ какъ оцѣпенѣлый; съ безсознательнымъ изумленіемъ смотрѣлъ онъ на Ивана Самойлыча, какъ будто не догадываясь еще хорошенько, въ чемъ тутъ дѣло.

— Вонъ! — закричалъ онъ, наконецъ, оправившись отъ изумленія: — вонъ отсюда! И если еще разъ осмѣлитесь... понимаете?

Нужный человѣкъ погрозилъ, сверкнулъ глазами и вышелъ изъ комнаты.

VI.

Иванъ Самойлычъ былъ окончательно уничтоженъ. Въ ушахъ его тоскливо и назойливо раздавались страшныя слова нужнаго человѣка:

— Нѣтъ мѣста! нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

— Да отчего же нѣтъ мѣста? Да гдѣ же, наконецъ, мое мѣсто? Боже мой, гдѣ это мѣсто?

И всѣ прохожіе смотрѣли на Ивана Самойлыча, какъ будто исподлобья и иронически подпѣвали ему: «да гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, это мѣсто? Вѣдь кто-же-нибудь да виноватъ, что нѣтъ его—мѣста-то!»

Мичулинъ рѣшился немедленно обратиться съ этимъ вопросомъ къ людямъ знающимъ, тѣмъ болѣе, что его мучили

Digitized by Google

ужъ не одни матеріальныя лишенія, не одна надежда умереть съ голода, но и самая душа его требовала успокоенія и отдыха отъ безпрестанныхъ вопросовъ и сомнѣній, ее осаждавшихъ.

Знающіе люди были не кто иные, какъ извѣстные ужъ читателю Вольфгангъ Антонычъ Беобахтеръ, философіи кандидатъ, и Алексисъ Звонскій, недоросль изъ дворянъ.

Оба друга только что пообѣдали и, сидя на диванѣ, покуривали себѣ папироски. У Вольфганга Антоныча была въ рукахъ гитара, на которой онъ самымъ сладкозвучнымъ образомъ тренькалъ какую-то страшную бравуру; у Алексиса плавала въ глазахъ какая-то мутная влага, на которую онъ безпрестанно и горько жаловался, говоря, что она мѣшаетъ ему прямо и бодро взглянуть въ самые глаза *холодной, безстрастной* и *безотрадной* дѣйствительности. Друзья, казалось, были въ хорошемъ расположеніи духа, потому что говорили о будущихъ судьбахъ человѣчества и объ эстетическомъ чувствѣ.

Оба друга равно стояли грудью за страждущее и угнетенное человѣчество; разница состояла только въ томъ, что Беобахтеръ, какъ кандидатъ философіи, непремѣнно требовалъ «ррразрррушенія», а Алексисъ, напротивъ того, готовъ былъ положить голову на плаху, чтобъ доказать, что періодъ разрушенія миновался и что теперь нужно *создавать, создавать* и *создавать*...

— Ну, клади!—говорилъ Беобахтеръ самымъ равнодушнымъ голосомъ, дѣлая при этомъ обычное движеніе разжатою рукою сверху внизъ и ужъ совсѣмъ приготовившись отмахнуть Алексису его легковѣсную голову.

Но Алексисъ головы не клалъ.

— Ужъ ты не коварствуй!—возглашалъ Беобахтеръ мелодическимъ голосомъ въ ту минуту, когда вошелъ Иванъ Самойлычъ: — ты не уклоняйся, а говори прямо: любишь или не любишь? Любишь—такъ прочь ихъ, съ лица земли ихъ—вотъ что! А иначе; не любишь!

— Однакожъ, за что-жъ ихъ съ лица земли?—замѣтилъ съ своей стороны Алексисъ.—Я право никакъ не могу понять этого ригоризма...

И дѣйствительно, по лицу Алексиса можно было угадать, что онъ точно никакъ не могъ понять.

Кандидатъ философіи крошечнымъ сжатымъ кулачкомъ описалъ самую незамѣтную дугу.

— И знать ничего не хочу, и видѣть ничего не хочу!—

Digitized by Google

говорилъ онъ медовымъ своимъ голоскомъ:—и не представляй ты мнѣ своихъ резоновъ! Все это софизмы, любезный другъ! Не любишь, говорю тебѣ, не любишь—и все тутъ! Такъ бы и сказалъ съ перваго слова! Разрушить, говорю тебѣ, ррразрушить—вотъ что нужно! А прочее все вздоръ!

И господинъ Беобахтеръ сдѣлалъ нѣсколько аккордовъ на гитарѣ и запѣлъ совершенно особенную и крайне затѣйливую бравуру, но запѣлъ такимъ голосомъ, какъ будто гладилъ кого-нибудь по головкѣ, приговаривая: «паинька, душенька! умница, миленькій!»

— Странно, однакожъ!.. — замѣтилъ послѣ нѣкотораго молчанія, собравшись съ мыслями, Алексисъ.

Беобахтеръ сдѣлалъ совершенно незамѣтное движеніе плечами.

Буква *р* снова посыпалась въ страшномъ изобиліи.

— Странно, однакожъ! — не переставалъ возражать съ своей стороны Алексисъ, всякій разъ все болѣе и болѣе собираясь съ мыслями.

— Ужъ я тебя, подлеца, насквозь знаю!—говорилъ Беобахтеръ.—Вѣдь ты «буржуазія», я тебя знаю...

На это Алексисъ отвѣчалъ, что, ей-Богу, онъ не «буржуазія», и что, напротивъ того, для человѣчества готовъ всѣмъ на свѣтѣ пожертвовать, и что если ужъ на то пошло, то, пожалуй, хоть сейчасъ же, среди бѣлаго дня, пойдетъ по Невскому подъ руку съ мужикомъ.

— Ну, ужъ это будетъ не эстетически!—замѣтилъ господинъ Беобахтеръ.

— Нѣтъ, я не думаю, — отвѣчалъ Алексисъ, еще разъ собравшись съ мыслями.

— Что такое эстетическое чувство?—спросилъ господинъ Беобахтеръ, видимо намѣреваясь дать своимъ доказательствамъ вопросительную форму, столь часто употребляемую самыми знаменитыми ораторами.

Алексисъ задумался.

— Эстетическое чувство, — сказалъ онъ, собравшись съ мыслями: — есть то чувство, которымъ въ высшей степени обладаетъ художникъ.

— Что такое художникъ?—столь же отрывисто спросилъ кандидатъ философіи.

Алексисъ снова задумался.

— Художникъ,—сказалъ онъ, въ послѣдній разъ собравшись съ мыслями:—есть тотъ смертный, который въ высшей степени обладаетъ эстетическимъ чувствомъ...

Digitized by Google

— Гм! — замѣтилъ господинъ Бообахтеръ: — прочь ихъ! съ лица земли ихъ! Нѣтъ имъ пощады!.. Я тебя знаю, всю твою душу насквозь вижу: ты подлецъ, ренегатъ...

— Странно, однакожъ!—замѣтилъ Алексисъ.

Но Вольфгангъ Антонычъ не слушалъ; онъ сдѣлалъ аккордъ на гитарѣ и сладкимъ теноромъ запѣлъ извѣстную: *Разгулена, сѣтила и любовна,* всячески стараясь выразить что-нибудь удалое, отколоть какое-нибудь отчаянное колѣнцо, но рѣшительно безъ всякаго успѣха, потому что колѣнцо оказывалось самымъ смирнымъ и снисходительнымъ.

— А я къ вамъ, господа, насчетъ одного дѣльца,—приступилъ Иванъ Самойлычъ.

Бообахтеръ и Алексисъ начали вслушиваться.

Мичулинъ вкратцѣ изложилъ имъ свои утреннія похожденія, разсказалъ, какъ онъ былъ у нужнаго человѣка, какъ просилъ о мѣстечкѣ, и какъ нужный человѣкъ отвѣчалъ, что мѣста ему нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ... Затѣмъ Иванъ Самойлычъ уныло поникъ головой, какъ бы ожидая рѣшенія знающихъ людей.

Но Бообахтеръ и Алексисъ упорно молчали: первый — потому, что не вдругъ могъ отыскать въ головѣ своей неизвѣстно куда завалившуюся сильную мысль, которую онъ давно уже припасъ и которая могла однимъ разомъ сшибить съ ногъ вопрошавшаго; второй — потому, что имѣлъ благородную привычку всегда выждать мнѣніе кандидата философіи, чтобъ тутъ же приличнымъ образомъ возразить ему:

— Да вѣдь мнѣ ѣсть нужно,—началъ снова Иванъ Самойлычъ.

— Гм!—сказалъ Бообахтеръ.

Алексисъ началъ собираться съ мыслями.

— Конечно, онъ не виноватъ въ этомъ, — продолжалъ Мичулинъ, съ горечью вспомнивъ полученный утромъ отъ «нужнаго человѣка» жесткій отказъ: — конечно, жизнь лотерея, да въ томъ-то и штука, что вотъ она лотерея, да въ лотереѣ-то этой билета мнѣ нѣтъ...

Бообахтеръ положилъ въ сторону гитару и посмотрѣлъ ему пристально въ глаза.

— Такъ вы меня не поняли?—сказалъ онъ съ укоромъ.— А прочли вы книжку?

Иванъ Самойлычъ отвѣчалъ, что не имѣлъ еще времени. Бообахтеръ грустно покачалъ головой.

— Вы ее прочтите,—убѣждалъ онъ самымъ меланхоли-

Digitized by Google

ческимъ тономъ: — тамъ вы все узнаете, тамъ обо всемъ говорится... Все, что я вамъ ни говорилъ, — все это только предварительныя понятія, намеки; тамъ все полнѣе объяснено... Но ужъ повѣрьте, тутъ иначе и быть не можетъ! Или любишь, или не любишь; тутъ нѣтъ средины, я вамъ говорю!

— Однакожъ, это странно!—тотчасъ же возразилъ Алексисъ, хотя и не развивалъ далѣе своей мысли.

— Такъ вы думаете?—перебилъ Иванъ Самойлычъ.

— Прочь ихъ! съ лица земли ихъ! Вотъ мое мнѣніе! Рррр...

— А вы какъ насчетъ этого дѣла? — спросилъ Мичулинъ, обращаясь къ Алексису.

— Моя грудь равно для всѣхъ отверзта! — отвѣчалъ Алексисъ совершенно невинно.

За симъ водворилось глубокое молчаніе.

— Извините, что обезпокоилъ васъ, господа, — сказалъ Иванъ Самойлычъ, намѣреваясь удалиться во-свояси.

На это пріятели отвѣчали, что это ничего, что, *напротивъ*, они очень рады, и что если впередъ случится какая-нибудь нужда, то смѣло обращался бы прямо къ нимъ. При этомъ съ немалымъ также искусствомъ дано было ему замѣтить, что если между ними и существуетъ нѣкоторое разногласіе, то это только въ подробностяхъ, что въ главномъ они оба держатся однихъ и тѣхъ же принциповъ, что, впрочемъ, и самый прогрессъ есть не что иное, какъ дочь разногласія, и если ихъ мнѣнія не безусловно вѣрны, то, по крайней мѣрѣ, о нихъ можно спорить.

Со всѣмъ этимъ Мичулинъ, конечно, не могъ не согласиться, хотя, съ другой стороны, не могъ и не сознаться внутренно, что все это, однакожъ, чрезвычайно мало подвигало его впередъ.

На столѣ у себя онъ нашелъ тщательно сложенную записку. Записка была слѣдующаго содержанія:

«Иванъ Макарычъ Пережига, *свидѣтельствуя свое совершенное почтеніе* его высокоблагородію Ивану Самойлычу, честь имѣетъ покорнѣйше просить его высокоблагородіе, по случаю дня тезоименитства, пожаловать завтрашній день, въ три часа пополудни, откушать обѣденный столъ».

Съ досадою отбросилъ онъ отъ себя затѣйливую записку и легъ спать на кровать.

Но ему не спалось: кровь его волновалась; злоба кипѣла въ груди, и все нашептывалъ тайный голосъ какую-то вкрадчивую и вмѣстѣ съ тѣмъ страшную легенду.

Digitized by Google

Вокругъ все тихо; ни шороха не слышно въ комнатѣ сосѣдки. Мичулинъ всталъ съ постели и началъ ходить по комнатѣ—средство, къ которому прибѣгалъ онъ всякій разъ, когда что-нибудь его сильно тревожило.

А между тѣмъ вѣтеръ все шумитъ на улицѣ, все стучится въ окно къ Ивану Самойлычу и совершенно вразумительно свиститъ ему въ самыя уши: «озябъ, бѣдный вѣтеръ! пусти его, добрый человѣкъ! Богъ наградитъ тебя за это!»

И герой нашъ рѣшительно не знаетъ, кому отвѣчать: продрогшувшему ли вѣтру, или комоду подъ красное дерево и картинѣ, изображавшей, въ противорѣчіе свидѣтельству всей исторіи, погребеніе кота мышами, и ужъ не висѣвшей, а какъ будто бѣгавшей по стѣнѣ, потому что и комодъ и картина тоже, въ свою очередь, допекали ужасно и насмѣшливо спрашивали: «а отвѣчай намъ, отчего она потерся? какое твое назначеніе?»

А Наденька, между тѣмъ, вкушала въ сосѣдней комнатѣ, въ маленькой своей кроваткѣ, то удивительное кушанье, полное разныхъ дессертокъ и неимовѣрно воздушныхъ пирожныхъ, которое называется сномъ. Въ ея позѣ было нѣчто необыкновенно граціозное и дѣвственное; маленькій уютный ротикъ былъ полуоткрытъ; булавочное ея сердечко быстро и усиленно билось въ миніатюрной темницѣ своей.

Но она не обращала вниманія ни на страстное буйство вѣтра, который, смотря на нее изъ окошка, злился и завывалъ, ни на полный томленія взоръ молодого мѣсяца, только что скинувшаго съ себя черную эпанчу изъ тучъ, которая, на досаду, не давала ему до тѣхъ поръ пощеголять передъ людьми своею молодостью и удальствомъ. Она спокойно спала-себѣ, какъ и всякая другая смертная, и надо же какому-то злому недругу безпокоить и будить ее въ эту сладкую минуту; надо же, чтобъ какая-то безобразная бѣлая фигура дернула ее за руку въ самый патетическій моментъ сна!..

Открывъ заспанные глаза, Наденька не мало струхнула. Въ околоткѣ давно уже носились слухи насчетъ какой-то странной болѣзни, которая ходила будто бы изъ дома въ домъ въ самыхъ странныхъ формахъ, проникала въ самые сокровенные закоулки квартиръ и, наконецъ, очень равнодушно приглашала на тотъ свѣтъ.

Сообразивъ всѣ эти обстоятельства, Наденька сильно встревожилась, потому что была крайне животолюбива и

Digitized by Google

ни за что въ свѣтѣ не согласилась бы умереть. А привидѣніе, между тѣмъ, не шевелилось и молча устремило на нее глаза свои. Наденька заключила, что дѣло-то плохо, и что конецъ ея пришелъ невозвратно, и потому, простившись мысленно съ ученымъ своимъ другомъ и поручивъ, кому слѣдуетъ, свою крошечную душу, обдумала ужъ, какой дастъ *тамъ* отвѣтъ въ своемъ бренномъ и нѣсколько легкомъ земномъ странствіи, какъ вдругъ молодой и щеголеватый мѣсяцъ взглянулъ прямо въ лицо привидѣнію.

— Такъ вы такъ-то! — вскричала Наденька, оправившись внезапно отъ своего испуга и быстро вскочивъ съ постели, несмотря на очевидную легкость своего костюма:— такъ вы вотъ какъ! Вы не удовлетворяетесь тѣмъ, что по цѣлымъ ночамъ стонете и не даете мнѣ спать, — вы еще подсматривать вздумали! Вы думаете, что я не благородная, не мадамъ, такъ со мною все, дескать, можно! Ошиблись, сударь, очень ошиблись! Конечно, я простая дѣвица; конечно, я русская, да не хуже иной барыни, не хуже нѣмки; вотъ что-съ!

И маленькіе глазки ея горѣли; маленькія ноздри раздувались; маленькія губы дрожали отъ гнѣва и негодованія... Но привидѣніе, которое было не что иное, какъ самъ Иванъ Самойлычъ, вмѣсто отвѣта, издало чрезвычайно простой и односложный звукъ, болѣе похожій на мычанье, нежели на вразумительный отвѣтъ.

— Я все понимаю! — бойко сыпала, между тѣмъ, Наденька: — все понимаю не хуже всякой другой... Безстыдникъ, сударь, срамникъ!

Иванъ Самойлычъ отвѣчалъ, но какъ-то отрывисто и несвязно; и при томъ звукъ его голоса былъ такъ сухъ и беззвучно-безстрастенъ, какъ будто ему и не шутя было больно и тошно жить на свѣтѣ.

Говорилъ онъ все прежнюю исторію, что вотъ, дескать, другіе ѣдятъ, другіе пьютъ... все другіе...

Наденька слушала его въ страхѣ и трепетѣ; никогда она не видѣла его столь рѣшительнымъ; сердце ея упало; голосъ замеръ въ груди; она хотѣла звать на помощь и не могла; умоляя, простирала она свои маленькія ручонки къ лукавому нарушителю ея спокойствія; жалобенъ и безмолвно-краснорѣчивъ былъ ея взоръ, взывавшій о пощадѣ... Привидѣніе остановилось.

— Такъ вамъ очень гадко со мною?...—сказало оно го-

Digitized by Google

хосомъ, заглушаемымъ накипѣвшими въ груди рыданіями:— такъ я очень противенъ?..

— Оставьте меня!—едва слышно шептала Наденька.

Привидѣніе не трогалось; молча стояло оно у завѣтнаго изголовья, и невольныя слезы непризнанной горести, слезы оскорбленнаго самолюбія крались по впалымъ и блѣднымъ, какъ смерть, щекамъ его.

— Богъ съ вами!—сказало оно шопотомъ и медленно направило къ двери шаги свои.

Наденька вздохнула свободно. Сгоряча, она хотѣла-было закричать и объявить всѣмъ и каждому, что вотъ, дескать, такъ и такъ; но—странное дѣло!—ни съ того, ни съ сего почувствовала она, какъ будто въ груди ея вдругъ зашевелилось что-то такое, что, съ одной стороны, очень и очень намекало на совѣсть, а съ другой—могло назваться, пожалуй, и жалостью. Грустно взглянула она вслѣдъ удаляющемуся Ивану Самойлычу и даже чуть-чуть не рѣшилась позвать его назадъ, чтобъ объяснить ему, что не виновата же и она, что дѣло такой оборотъ приняло... И все-таки ничего не сказала, а просто посмотрѣла, какъ онъ вышелъ изъ комнаты, заперла плотнѣе дверь, покачала головой, прибрала съ полу двѣ или три завалявшіяся бумажки и снова легла почивать.

VII.

Именинный обѣденный столъ былъ устроенъ на славу. Шарлотта Готлибовна не пожалѣла ни трудовъ, ни надержекъ, чтобъ угодить своему любезному кавалеру. Она истоптала себѣ всѣ ноги, но къ тремъ часамъ все уже было готово. Даже она, сухопарая и продолговатая хозяйка, приличнымъ образомъ подкрасившись, рисовалась въ столовой, производя пріятный для слуха шумъ накрахмаленною, какъ картонъ, юбкою.

Когда Иванъ Самойлычъ явился въ столовую, вся компанія была ужъ на-лицо. Впереди всѣхъ торчали черные, какъ смоль, усы дорогого именинника; тутъ же, въ видѣ неизбѣжнаго приложенія, подвернулась и сухощавая и прямая, какъ палка, фигурка Шарлотты Готлибовны; по сторонамъ стояли извѣстные читателю: кандидатъ философіи Бообактеръ и обольстительный, но нѣсколько апатическій недоросль Алексисъ, подъ руку съ дѣвицей Ручкиной.

Казалось, Наденька было совершенно довольна своею судьбой, потому что очень любила порядочную компанію

Digitized by Google

и вообще чувствовала нѣкоторый недугъ къ людямъ, которые не принадлежали къ такъ-называемой швали—мастеровымъ, лакеямъ, кучерамъ и далѣе до безконечности.

Конечно, разсуждая строго, происхожденіе Шарлотты Готлибовны было покрыто весьма густымъ мракомъ неизвѣстности, но Наденька смотрѣла на этотъ предметъ снисходительно. Она, разумѣется, не могла не допустить, что Шарлотта Готлибовна, дѣйствительно, не-русская...

И теперь, какъ и всегда, Иванъ Макарычъ шутилъ надъ ученымъ Алексисомъ, приговаривая:

— А подлецъ Бинбахеръ-то! Знать ничего не хочетъ! Ничего, говоритъ, не надо, все уничтожу, все съ глазъ долой! Ахъ, эти нѣмцы!

И по обыкновенію, Шарлотта Готлибовна, потупивъ глаза, отвѣчала: «О, ви очень любезни кавалиръ, Иванъ Макарычъ!» И по обыкновенію, осталось покрыто мракомъ неизвѣстности, кого именно разумѣлъ господинъ Пережига подъ словомъ: «Бинбахеръ».

— А не выпить ли намъ водочки, надамъ?—вопросилъ именинникъ, обращаясь къ Шарлоттѣ Готлибовнѣ.—Вѣдь нынче времена-то опасныя? Слышь ты, холера по свѣту бродитъ! А вотъ мы ее, холеру, вотъ мы ее, по-свойски-то, по-нашему!

И дѣйствительно, холера, вѣроятно, сильно поморщилась, когда господинъ Пережига вытянулъ однимъ глоткомъ отроянную рюмку, которую онъ не безъ ѣдкости называлъ стаканчикомъ на ножкѣ.

За обѣдомъ было очень весело: лица всѣхъ смотрѣли какъ-то благопріятно и одобрительно. Алексисъ безпрестанно, и кстати, и некстати, улыбался; Бинбахеръ тоже не дѣлалъ обычнаго движенія рукою сверху внизъ; Пережига же всѣхъ по чести увѣрялъ, что Бинбахеръ ничего не знаетъ, потому что нѣмецъ, а вотъ у него спросите, такъ онъ русскій и знаетъ, да еще такъ знаетъ, что у Шарлотты Готлибовны отъ одной этой мысли закатывались подъ лобъ глаза.

— У, какъ я былъ на своей-то сторонѣ!—гремѣлъ онъ, съ самодовольнымъ видомъ покручивая усы.—У меня былъ дворъ... то-есть, что всѣ эти здѣшніе дворы,—просто дрянь! Однихъ егерей было человѣкъ пятьдесятъ! Музыканты свои были! Театръ домашній былъ! Плясуньи были, комедіи представляли! Вотъ оно, какое житье-то было,—любезное житье!

Конечно, Иванъ Макарычъ большую половину прихваст-

Digitized by Google

нулъ, но присутствующіе изъ учтивости почли долгомъ не возражать ему, а Шарлотта Готлибовна даже совершенно была увѣрена въ истинѣ словъ своего любезнаго кавалера и съ непритворнымъ участіемъ вмѣшалась въ разговоръ, сказавъ въ скобкахъ:

— О, это, должно-быть, ужасно чудесно было!

— Ужъ такъ чудесно, что просто невозможно! Ужъ я вамъ скажу, такіе были актеры—просто на славу! Вся губернія съѣзжалась смотрѣть—истинно вамъ говорю!

По поводу актеровъ господина Пережиги разговоръ перешелъ вообще къ оцѣнкѣ эстетическихъ и другихъ способностей человѣка, и при этомъ развивались гостями самыя мудрыя и затѣйливыя мысли.

Беобахтеръ, махая ручонкою сверху внизъ, говорилъ самымъ пріятнымъ и вкрадчивымъ тенеромъ, что оно, конечно, ничего, жить можно, а все-таки недурно и даже полезно, если «прихлопнетъ» да «притиснетъ». Буква *р*, по обыкновенію, играла и тутъ весьма немаловажную роль.

Алексисъ болталъ во рту языкомъ и безотчетливо размахивалъ во всѣ стороны руками.

Шарлотта Готлибовна утверждала насчетъ этого предмета что-то столь жестокое и обидное, что Наденька почла за долгъ вступиться и тутъ же колко дать ей почувствовать, что она хотя и благородная нѣмка (о! никто въ этомъ не сомнѣвается!) и хотя «всѣмъ, конечно, извѣстно», что въ *ихней* землѣ водятся дворяне, но вѣдь и въ другихъ земляхъ отнюдь не всѣ же мастеровые или чумички какіе-нибудь... О, нѣтъ, далеко не всѣ!

Весь этотъ шумъ покрывается густымъ басомъ Пережиги, который смѣло утверждалъ, что все это вздоръ, что тутъ, «иначе» быть нельзя, и что у него, дескать, спросите, такъ онъ знаетъ и мигомъ все объяснитъ.

— А скажите, пожалуйста,—началъ, между тѣмъ, Иванъ Самойлычъ, очевидно, стараясь исподволь дать разговору интересующій его оборотъ:—вотъ ты, Иванъ Макарычъ, вы человѣкъ опытный, бывалый... Вотъ хоть бы у васъ: вѣдь, я думаю, у каждаго изъ нихъ было свое особенное назначеніе, своя особенная, такъ сказать, роль въ жизни?..

— Разумѣется, было; чего на свѣтѣ не бываетъ!—отвѣчалъ Иванъ Макарычъ, отъ частыхъ возліяній одобрительно кивая на всѣ стороны головой.—Извѣстно—одинъ псарь, другой егерь, третій, просто, чумичка! Какъ не быть!

И опять пошли толки о трудности отыскать человѣку въ

Digitized by Google

бренной его жизни назначеніе. Пережига отзывался, что тутъ вообще «поломаешь-таки себѣ голову», и дѣйствительно, въ то же время началъ съ такимъ рвеніемъ ломать себѣ голову при видѣ безпрестанно возрастающихъ и вновь отвсюду возстающихъ затрудненій, что непремѣнно погибъ бы въ этой борьбѣ, если бы не спасъ его извѣстный стаканчикъ на ножкѣ, которому онъ не переставалъ свидѣтельствовать свое почтеніе.

— Мое тутъ мнѣніе вотъ какое,—вмѣшался господинъ Беобахтеръ:—все это вздоръ, а нужно—вотъ...

И махнулъ рукою сверху внизъ.

Хотя послѣднія слова были сказаны особенно мелодическимъ теноромъ, но Алексисъ не преминулъ возразить своему ученому противнику, сказавъ, что онъ не видитъ, почему непремѣнно—«вотъ», и что гораздо лучше, если для всѣхъ равно отверзты объятія. При этомъ Алексисъ размахивалъ руками и дѣйствительно для всѣхъ отверзалъ объятія.

— Такъ вотъ вы изволили замѣтить,—снова обратился Мичулинъ къ Пережигѣ: — что одинъ чумичка, другой егерь... Ну, это понятно: они ужъ люди такіе—ну, и роли по нихъ... А вообще-то какъ вы понимаете? То-есть, вообще-то человѣку какая роль предстоитъ въ жизни? Вотъ хоть бы мнѣ, напримѣръ?—прибавилъ онъ въ видѣ предположенія.

И умолкъ.

И всѣ гости тоже сурово молчали, какъ будто никто и не предвидѣлъ со стороны господина Мичулина подобнаго философическаго вопроса...

— Мое мнѣніе вотъ какое,—разразился, наконецъ, сладкозвучный Беобахтеръ:—прочь все—вотъ!...

И на этотъ разъ Алексисъ, по обыкновенію, отозвался, что *никакъ не можетъ понять этого риторизма,* и что гораздо лучше, если для всѣхъ равно отверзты объятія.

Но сомнѣніе все-таки осталось сомнѣніемъ, запутанное дѣло ни на шагъ не подвинулось впередъ.

— Такъ какъ же вы думаете, Иванъ Макарычъ?—снова навязывался Мичулинъ.

— Это ужъ вы вотъ у нихъ спросите,—лаконически отвѣчалъ Пережига, закрывая глаза отъ излишества возліяній.—Это имъ будетъ лучше извѣстно!

Съ этимъ словомъ Иванъ Макарычъ, а за нимъ и всѣ гости вышли изъ-за стола.

Но именинникъ сильно ошибался, если въ числѣ таинственныхъ «ихъ» разумѣлъ и ученаго Алексиса.

Digitized by Google

Алексисъ, казалось, такъ сильно желалъ всякаго счастія дорогому имениннику, что отъ полноты чувства едва могъ болтать во рту языкомъ.

— Ты не горюй, другъ,—говорилъ онъ, обращаясь къ Ивану Самойлычу:—ты другъ! я тебя знаю! ты смиренный и кроткій — вотъ!.. Вотъ онъ такъ буйный; я знаю, чего онъ хочетъ! Да вотъ не дадутъ же тебѣ ничего! да! Вотъ же, на зло тебѣ, для всѣхъ отверзты объ-я-тія!... да... о-б-ъ-я-т-і-я...

Надонька сѣла возлѣ него, начала усовѣщивать, уговаривала, чтобъ онъ былъ хоть мало-мальски поумнѣе, но Алексисъ ничѣмъ не трогался, потому что въ нетрезвомъ видѣ непремѣнно считалъ долгомъ пускаться въ конфиденціи и обнажать до-гола свою крохотную душу.

— Ты оставь, ты отойди отъ меня, хорошій, милый ты человѣкъ!—говорилъ онъ, вертя головою.—Вѣдь я знаю, что ты про меня думаешь! что и онъ... вотъ тотъ, что отъ философіи-то... Я все знаю, да плевать я... Я самъ знаю, что глупъ, самъ это чувствую, милый ты человѣкъ, самъ вижу... Ну, что-жъ! глупъ такъ глупъ... ужъ такая, видно, слабая моя голова.

И захохоталъ, какъ будто бы и самъ отъ всей души поздравлялъ себя съ тѣмъ, что глупъ и слаборолов.

Бесбахтеръ съ своей стороны не возражалъ ничего, потому что самъ чувствовалъ въ сердцѣ пріятную веселость и махалъ рукою ужъ не сверху внизъ, а снизу вверхъ.

— Да ужъ ты не скрывайся... ты! философъ!—продолжалъ, между тѣмъ, Алексисъ:—вѣдь я вижу... я вижу, что ты меня презираешь... ну, презирай! Вѣдь я самъ чувствую, что достоинъ презрѣнія... др-у-угъ! Да вѣдь что-жъ дѣлать, коли голова-то слаба! Голова-то, голова, вотъ что!..

— Ну, нализался же ты, братъ!—лаконически замѣтилъ Иванъ Макарычъ.

— А еще баринъ! туда же бариномъ зовется!—подхватила дѣвица Ручкина.

— Ужъ какой же баринъ!—жаловался въ отвѣтъ Алексисъ:—баринъ!.. Самому иногда ѣсть нечего—баринъ! Сапоговъ нѣтъ—баринъ! Пальто на плечишкахъ изорванное—баринъ!.. Вотъ те и баринъ! Да ужъ я вижу, что ты меня презираешь!.. ты! философъ!

И снова воображеніе Алексиса начало рисовать ему самыя горестныя картины, и снова пуще прежняго началъ онъ жаловаться на свою слабую голову, на судьбу, на одного

Digitized by Google

таинственнаго незнакомца, обсчитывавшаго его по литературной части, и ко всему прибавлялъ:—баринъ!

Наконецъ, дѣвица Ручкина почла долгомъ увести его въ свою комнату.

Уныло посмотрѣлъ Иванъ Самойлычъ вслѣдъ расходящимся гостямъ. Онъ видѣлъ, какъ Иванъ Макарычъ пошелъ подъ руку съ Шарлоттой Готлибовной, какъ Алексисъ, съ своей стороны, пошелъ съ Наденькой—тоже подъ руку... Да и философіи кандидатъ Вольфгангъ Антонычъ Беобахтеръ поспѣшно надѣлъ шинель и отправился на улицу, вѣроятно, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ пройтись съ кѣмъ-нибудь—тоже подъ руку!..

И онъ тоже шелъ подъ руку, но не съ Наденькой и даже не съ Шарлоттой Готлибовной, а съ какимъ-то безтѣлеснымъ и чрезвычайно длиннымъ существомъ, называющимся: «что ты такое? какое твое назначеніе?» и такъ далѣе,—существомъ уродливымъ, которое, несмотря на видимую свою безплотность, страшно оттянуло ему обѣ руки.

VIII.

Разгоряченный виномъ и горькими мыслями, вышелъ Иванъ Самойлычъ на улицу. На дворѣ стоялъ трескучій морозъ, который въ Петербургѣ весьма часто слѣдуетъ за самою несносною слякотью; извозчики, съёжившись въ клубокъ, проминались по укатанной дорогѣ и хлопали въ ладоши. Въ окнахъ высокихъ домовъ мелькали огни... Огни эти такъ гостепріимно манили къ себѣ прозябнувшаго и посинѣвшаго на стужѣ странника, извозчики такъ тоскливо и вмѣстѣ недовѣрчиво смотрѣли на него... Оборванному и оголоданному всегда кажется, что огонекъ какъ будто бы именно *на него* съ особенною привѣтливостью глядитъ изъ окна..

Но Иванъ Самойлычъ не думалъ ни объ огняхъ, ни объ извозчикахъ. Машинально шелъ онъ-себѣ въ легкой шинелишкѣ своей, какъ будто бы вовсе и не чувствовалъ холода; въ головѣ его было совсѣмъ пусто; одна только мысль чудовищно раскинулась въ его воображеніи—та мысль, что у него всего-на-все остался въ карманѣ одинъ цѣлковый, а, между тѣмъ, надо жить, надо ѣсть, надо за квартиру платить.

Но холодъ все-таки дѣлалъ свое дѣло. Какъ ни закованъ былъ Иванъ Самойлычъ въ тройную броню неудачъ и лишеній, но не могъ не почувствовать покалываній и

Digitized by Google

пощипываній своего привычнаго друга. Очнувшись невольно, онъ увидѣлъ передъ собою огромное снѣговое пространство; болѣе похожее на поле, чѣмъ на городскую площадь. Посрединѣ поля возвышалось великолѣпно освѣщенное каменное зданіе; у подъѣздовъ суетились кареты, сани, возки, кричали кучера и лакеи; тамъ и сямъ подъ навѣсами пылали зажженные костры. А холодъ, между тѣмъ, щипалъ лицо, ломилъ черепъ, рѣзалъ глаза; шинелька защищала плохо и скудно...

Видъ залитаго свѣтомъ зданія сильно расшаталъ вожделѣніе въ окоченѣвшемъ тѣлѣ Ивана Самойлыча; онъ вспомнилъ про цѣлковый, бывшій у него въ карманѣ, и потомъ, по какому-то безотчетному побужденію, взглянулъ на разложенные костры... Костры пылали краснымъ пламенемъ и далеко по площади разстилали густой и ѣдкій дымъ...

«Что-жъ... можно и тутъ обогрѣться!»—подумалъ Иванъ Самойлычъ.

Но странная, искусительная мысль блеснула вдругъ въ головѣ его: секунду, не болѣе какъ секунду, стоялъ онъ въ раздумьи; потомъ вынулъ изъ кармана цѣлковый, съ ожесточеніемъ взглянулъ на него, и въ одно мгновеніе ока былъ уже у кассы театра и покупалъ себѣ билетъ въ пятомъ ярусѣ.

Какъ нарочно, въ этотъ день давали какую-то героическую оперу. Въ театрѣ народу была куча; съ шумомъ растворялись и запирались двери ложъ; смутный и густой говоръ носился по огромной залѣ отъ партера и до райка.

Иванъ Самойлычъ очутился посрединѣ между однимъ бравымъ офицеромъ и какою-то довольно красивою, но сильно намазанною дѣвицей.

Съ злобой смотрѣлъ онъ внизъ, на безпрестанно наполнявшіяся ложи, на дамъ въ кокетливыхъ нарядахъ, которыя влетали въ нихъ подобно легкимъ и призрачнымъ видѣніямъ...

Но вотъ и говоръ утихъ. Посреди всеобщаго безмолвія вдругъ послышался отдаленный горный рожокъ; въ какомъ-то полуснѣ началъ прислушиваться Иванъ Самойлычъ къ простой и жалобной мелодіи его. Въ памяти его вдругъ воскресли давнишніе годы его дѣтства, необозримыя и ровныя поляны, густой сосновый лѣсъ, синее озеро, лѣниво расплескивавшее свои волны, и посреди всего этого самая беззвучная, глубокая тишина, и только рожокъ, именно рожокъ, назойливо звучитъ въ самое ухо и именно ту же самую простую и трезвую мелодію. Но вотъ рожку начи-

Digitized by Google

наетъ вторить флейточка, къ флейточкѣ нерѣшительно присоединяется скрипка, и вдругъ звуки начинаютъ расти, расти, и, наконецъ, цѣлые потоки ихъ вырвались съ шумомъ изъ оркестра и заходили по залѣ.

Загудѣли контрабасы; тоскливо жаловались нѣжныя флейточки; назойливо рвали душу скрипки; отрывисто и сухо командовалъ барабанъ.

Герой нашъ ожилъ; блѣдный, притаивъ дыханіе, упивался онъ жалобнымъ стономъ флейты, отчаяннымъ воплемъ скрипки; всѣ нервы его были въ какомъ-то болѣзненномъ, небываломъ напряженіи, голова горѣла, губы и глаза были сухи, во всемъ существѣ его разыгралась такая же буря, какая происходила въ оркестрѣ.

— Вотъ это такъ хорошо! такъ ихъ! руби ихъ! мо-шенни-ки, хри-сто-про-давцы!—шепталъ онъ, самъ хорошенько не сознавая, почему бравурная музыка напоминала ему мошенниковъ и христопродавцевъ.

— Что-жъ, хлопайте! выражайте же свое удовольствіе!—замѣтилъ на ухо Мичулину сидѣвшій сзади какой-то сынъ природы съ огромными усами и бородой.

Занавѣсъ былъ поднятъ; на сценѣ, неизвѣстно о чемъ, но очень складно, толковала густая толпа; потомъ толпа разступилась, и какой-то господинъ началъ что-то пѣть. У Ивана Самойлыча не было ни либретто, ни обязательнаго сосѣда, поэтому онъ очень немного понялъ изъ всего этого. Однако-жъ, по всему было видно, что господинъ былъ доволенъ собою и не мало сочувствовалъ восходящему солнцу, потому что сильно разводилъ руками.

— Фразы, братъ! вздоръ все это! знаемъ мы!—говорилъ господинъ Мичулинъ, на котораго видимо началъ дѣйствовать образъ мыслей Беобахтера.—Знаемъ мы эту природу! Ты намъ давай барабановъ—вотъ что!

И барабанъ не заставилъ себя ждать; музыка снова загремѣла полнымъ оркестромъ, и снова громъ заходилъ и заколыхался волнами по залѣ.

— Выражайте же свое удовольствіе!—приставалъ упомянутый выше сынъ природы.

Ощущеніе, произведенное этой громкой, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко-стройной музыкой, было какъ-то странно и ново для Ивана Самойлыча. Онъ никакъ не ожидалъ, чтобъ за звуками могла ему слышаться толпа—да и какая еще толпа!—вовсе не та, которую онъ ежедневно привыкъ видѣть на Сѣнной или на Конной, а такая, какой еще онъ не ви-

Digitized by Google

дывалъ,—и что всего страннѣе—возможность которой онъ вдругъ началъ весьма ясно и отчетливо сознавать.

«Да, дѣло-то было бы лучше!—думалъ онъ, прогуливаясь въ антрактѣ по коридору.—Тогда бы, можетъ-быть, и я»...

И онъ не оканчивалъ своей фразы, потому что и безъ дальнѣйшаго объясненія очень хорошо и отчетливо постигалъ, что было бы тогда.

Но вотъ оркестръ снова заигралъ. Сначала происходили неизбѣжныя объясненія любовниковъ; какая-то тощая госпожа преизрядно передавала смирному и безотвѣтному клеврету свои чувства; клевретъ слушалъ совершенно равнодушно и только ждалъ случая, чтобы дать тягу за кулисы. Потомъ вприпрыжку выбѣжалъ изъ-за кустовъ какъ будто нарочно тутъ же очутившійся господинъ въ бархатной кацавейкѣ...

Мичулинъ все время отрицательно кивалъ головой, находя, повидимому, что все это фразы...

Но вотъ на сцену спустилась ночь; красноватая луна горѣла на холстинномъ небѣ; озеро синѣло вдали; всѣ деревья будто притихли и притаились въ ожиданіи чего-то страшнаго, необыкновеннаго; нигдѣ ни шороха, ни шелеста...

И вдругъ, посреди безмолвія, раздается окликъ, и снова все стихло; вотъ и еще окликъ, и еще, и еще... Деревья какъ будто оживились и выпрямили сонныя верхушки свои; озеро заходило холстинными волнами; луна горитъ все краснѣе и краснѣе...

Снова цѣлый громъ на сценѣ, снова все волнуется и колышится, и слышатся Ивану Самойлычу и выстрѣлы, и стукъ сабель, и чуется ему дымъ...

Съ волненіемъ смотритъ онъ во всѣ глаза на сцену; съ судорожнымъ вниманіемъ слѣдитъ за каждымъ движеніемъ толпы; ему и въ самомъ дѣлѣ кажется, что вотъ, наконецъ, все кончится; онъ хочетъ самъ бѣжать за толпою и понюхать заодно съ нею обаятельнаго дыма... Съ особенною нѣжностью смотритъ онъ на молодого человѣка, раздирающимъ голосомъ молящаго оставить ему его любовь и наивныя мечтанія... Онъ такъ юнъ, такъ свѣжъ еще, молодой человѣкъ! Ему такъ жалко вдругъ разстаться съ своими обаятельными кумирами; ему хотѣлось бы еще долго обманывать свое сердце и убаюкивать себя золотою мечтой. Но тщетны всѣ его усилія: истина на-лицо; она трезво и безъ страха снимаетъ съ души его лишніе покровы... И грустно повторяетъ горное эхо вопль юноши, послѣдній вопль . .

Digitized by Google

. . . . . .

Вотъ что говорили звуки душѣ Ивана Самойлыча.

Но барабаны и выпитое за обѣдомъ вино порядочно-таки расшатали его воображеніе. Быстрыми шагами шелъ онъ по улицѣ, напѣвая какой-то вовсе недвусмысленный мотивъ и сильно стараясь поддѣлаться подъ барабанъ. Рядомъ съ нимъ очутился и сынъ природы, который сидѣлъ сзади него въ театрѣ. Съ сыномъ природы шелъ еще какой-то господинъ, который безпрестанно кивалъ утвердительно головой и улыбался.

— Ну, что, какъ вамъ понравилась опера?—приступилъ сынъ природы къ Ивану Самойлычу.—Вѣдь съ перчикомъ опера-то? а? Какъ вы насчетъ этого?

— Да; я думаю, что если бы...—процѣдилъ Иванъ Самойлычъ сквозь зубы.

— Ужъ и не говорите! Я самъ объ этомъ много думалъ, а вотъ насъ-то мало... Вотъ что! А я ужъ думалъ объ этомъ, какъ не думать! Спросите вонъ хоть у него. Антоша! ну, скажи, вѣдь думалъ я объ этомъ?

Антоша поспѣшно закивалъ головой и выставилъ рядъ острыхъ и длинныхъ зубовъ.

— Рекомендую вамъ его!—продолжалъ сынъ природы, подводя къ Ивану Самойлычу Антошу.—Благороднѣйшій человѣкъ! Я вамъ скажу, мы много съ нимъ думаемъ, чортъ возьми! Чудеснѣйшая душа, и какъ сострадаетъ! Право, никто такъ не сострадаетъ! Антоша! другъ! пріятель!

Антоша осклабился.

— Очень радъ!—пробормоталъ Иванъ Самойлычъ, совершенно сконфуженный такою безцеремонностью.

— Вамъ, можетъ-быть, странна такая откровенность?—говорилъ, между тѣмъ, господинъ съ усами и бородой.—Я вамъ скажу, вы не удивляйтесь. Вѣдь я замѣчалъ за вами въ театрѣ-то; я видѣлъ, что подлѣ меня человѣкъ страдаетъ.

Молчаніе.

— Такъ какъ вы думаете, не соединиться ли намъ въ одни общія объятія? а? Вѣдь какъ заживемъ-то! лихо, ей-Богу, лихо заживемъ... Братство—канальство! братство—вотъ моя метода! больше знать ничего не хочу! То-есть, отнимите у меня братство—просто, ничего не останется, просто, дрянь-дрянью сдѣлаюсь!.. Такъ, что ли? братство, что ли? Эхъ, канальство, да отвѣчай же, ракалья, забулдыга ты этакой!

И едва началъ Иванъ Самойлычъ соображать, какимъ

Digitized by Google

образомъ могъ онъ вдругъ возбудить въ постороннемъ человѣкѣ столько симпатіи къ себѣ, какъ ужъ сынъ природы тискалъ его въ своихъ объятіяхъ и словно жесткою щеткою далъ ему щеки своими усами и бородою, безпрестанно приговаривая: «вотъ такъ люблю! разомъ тебя понялъ! разомъ увидѣлъ, что ты такое! У, да надѣлаемъ же мы имъ теперь вмѣстѣ дѣла!»

— Да ну, полѣзай же!—говорилъ онъ, обращаясь къ пріятелю Антошѣ и сталкивая его съ Иваномъ Самойлычемъ.

Антоша всѣмъ тѣломъ кинулся въ объятія оторопѣвшаго героя нашего.

Путники очутились около одного дома, котораго окна были ярко освѣщены. Сынъ природы остановился.

— А не запечатлѣть ли намъ?—спросилъ онъ съ такимъ видомъ, какъ будто у него вдругъ родилась чрезвычайно свѣтлая и благотворная мысль.—Антоша! пріятель! другъ! запечатлѣть? а?

И онъ мигалъ глазами вычурной вывѣскѣ, на которой въ живописномъ безпорядкѣ красовались бильярдъ, чашки, окорокъ ветчины съ воткнутою въ него вилкою и графины съ водкой.

Антоша три раза улыбнулся и шесть разъ кивнулъ головой.

— Ну, а ты?—обратился сынъ природы къ Ивану Самойлычу.

— Я не знаю,— бормоталъ Мичулинъ:—я забылъ... я бы съ радостью, да вотъ забылъ...

— Антоша! другъ! про что это онъ говоритъ? а? Вѣдь про деньги, кажется, говоритъ, измѣнникъ, прредатель!

— Ка...—заговорилъ Антоша и не кончилъ, а только клюнулъ кончикомъ носа въ стѣну.

Сынъ природы сталъ передъ Иваномъ Самойлычемъ, разставилъ ноги, уперся руками въ бока наподобіе ферта, взглянулъ ему въ глаза съ видомъ горько-уязвленной дружбы и съ упрекомъ замоталъ головой.

— А, такъ вотъ ты каковъ, предатель! Деньги! Развѣ я спрашивалъ у тебя денегъ? спрашивалъ? а? Такъ вотъ я же тебя—деньги! Антоша, другъ!

И оба друга мгновенно взяли Ивана Самойлыча подъ руки и быстро потащили его вверхъ по тускло-освѣщенной лѣстницѣ.

Мичулинъ совсѣмъ растерялся. Онъ еще въ первый разъ видѣлъ къ себѣ столько сочувствія, столько горячей симпатіи. И въ комъ?—въ людяхъ совершенно ему чужихъ, въ лю-

Digitized by Google

дяхъ, которыхъ ему довелось разъ только видѣть, и то мимоходомъ.

Половые засуетились. Машина заиграла.

— Эй, малый!—кричалъ сынъ природы:—да что это она, братецъ, тамъ у васъ размазню какую-то играетъ! Ты намъ давай барабановъ—вотъ что! Э? съ барабанами есть?

— Никакъ нѣтъ-съ, — отвѣчалъ половой, бодро потряхивая кудрями.

— Отчего-жъ нѣтъ?

— Да не требуется,—отвѣчалъ половой.

— Не требуется? Э, братъ, видно, къ вамъ народъ-то такой, людишки-то все такіе — размазня—ходятъ! Нѣтъ, братъ, мы вотъ втроемъ, мы души крѣпкія, закаленныя... Антоша, а, Антоша! другъ! закаленныя души, а?

— О-о-охъ!—жаловался сынъ природы, покручивая усы:—времена-то наши еще не пришли, а то бы чего-чего мы втроемъ ни надѣлали. Слышь ты, оселъ! слышишь, олухъ?—продолжалъ онъ, обращаясь къ половому.—Вотъ мы втроемъ какіе люди! Такъ ты давай намъ барабановъ, бравуру давай—вотъ что, понимаешь? Ну, проваливай, да неси скорѣе, что тамъ у васъ есть!

Черезъ минуту столъ былъ уставленъ бутылками, графинами и стаканами. Въ сторонѣ скромно стояла закуска.

— Ужъ я таковъ есть!—говорилъ сынъ природы, наливая стаканы.—Я вотъ весь тутъ на ладони, что хочешь со мною дѣлай! Любишь—другъ! не любишь—Богъ съ тобою! А я ужъ тутъ весь, какъ есть сынъ природы! Ни лукавства, ни хитрости!

Иванъ Самойлычъ выпилъ—горько.

— Да ну, пей же! она, водка, откровенная! Вотъ и я откровенный! Вотъ и постегали меня разъ, а я все-таки откровенный — не могу, нельзя мнѣ иначе! Антоша, Антоша!—продолжалъ онъ съ укоромъ:—и ты другъ послѣ этого? и тебѣ не стыдно, а? Даръ природы стоитъ передъ тобою, и тебѣ не совѣстно? Ай-да другъ! Ну, осрамилъ, братъ!

Антоша выпилъ однимъ разомъ...

И пили они много и долго пили. Иванъ Самойлычъ и не помнилъ счета; едва опоражнивалъ онъ стаканъ, какъ передъ нимъ выросталъ новый и совершенно полный. Смутно, какъ будто во снѣ, мерещились ему тосты, предлагаемые зычнымъ голосомъ сына природы.

Иванъ Самойлычъ потерялъ всякое чувство. Онъ видѣлъ, правда, что сынъ природы какъ будто собрался куда-то

Digitized by Google

выйти съ Антошей и что-то указывалъ на него половому, но ничего не понялъ изъ всѣхъ этихъ жестовъ и разговоровъ.

Когда онъ проснулся, на дворѣ было ужъ свѣтло. На столѣ лежали объѣдки вчерашней закуски, стояли графины съ недопитой водкой. Въ головѣ его было тяжело; руки и ноги дрожали.

Онъ началъ припоминать себѣ происшедшее, искалъ глазами своихъ товарищей, но въ комнатѣ не было никого. Внезапно въ душу его закралось тревожное сомнѣніе. «Что, если это мошенники! — подумалъ онъ: — что, если они завели меня, чтобъ поужинать, да потомъ, напоивши, и оставили меня подъ залогъ?»

Эта мысль мучила его; на цыпочкахъ подошелъ онъ къ двери и приложилъ ухо къ замочной скажинѣ. Въ сосѣдней комнатѣ слышались ругающіеся голоса заспанныхъ половыхъ. Онъ вышелъ изъ засады и спросилъ шинель.

Начали искать шинель—шинели не оказалось; Ивана Самойлыча точно варомъ обдало. Половые засуетились; поднялась бѣготня, но ничто не помогало: шинель никакъ не отыскивалась.

— Да вы съ кѣмъ приходили?—спросилъ буфетчикъ.

— Я не знаю; я въ первый разъ ихъ видѣлъ.

— Мошенники! Лизуны какіе-нибудь!

— Да какъ же я безъ шинели?

— Не знаю,—отвѣчалъ буфетчикъ съ разстановкой:— ужъ, видно, такъ, безъ шинели, придется... ночью-то отгепило... Да вотъ еще счетецъ не заплатили...

Языкъ Ивана Самойлыча прилипъ къ нёбу.

«Сонъ въ руку!»—подумалъ онъ и всѣмъ тѣломъ затрясся.

— Такъ прощайте... я ужъ такъ,—сказалъ онъ, направляясь за двери.

— А какъ же счетецъ-то?—возразилъ буфетчикъ.

— Да я не знаю... это они!—бормоталъ Иванъ Самойлычъ и все шелъ къ двери.

Но его не пустили; Мичулинъ вздумалъ-было силой прорваться на лѣстницу, но два дюжіе парня крѣпко держали его за руки и не хотѣли никакъ выпустить. Началась борьба; отчаяніе, казалось, удесятеряло его силы; онъ уже заносилъ ногу за порогъ, онъ былъ ужъ на лѣстницѣ, какъ вдругъ у самаго его носа, неизвѣстно откуда, выросъ удивительнаго размѣра городовой, а въ ушахъ непріятно зазвучало: «а куда ты, шарамыга, лѣзешь?»

Digitized by Google

На такую апострофу Иванъ Самойлычъ почелъ за нужное отвѣчать, что онъ вовсе не шарамыга, а привыкъ, дескать, къ обращенію деликатному и тонкому; но городовой, повидимому, и знать не хотѣлъ деликатнаго обращенія. Ему вдругъ очень ясно представилось, что шарамыга-то вѣдь грубитъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ Иванъ Самойлычъ только оправдывался и объяснялъ, что вотъ, дескать, такъ и такъ и больше ничего...

— А! ты еще грубить, ты еще разсуждать! Эй, кто тамъ! Взять его и распорядиться!

Не успѣлъ господинъ Мичулинъ оглянуться, какъ подлѣ него очутилось три помощника, хотя и гораздо меньшихъ размѣровъ, нежели городовой. Всѣ четверо схватили его и повели на улицу.

Тщетно умолялъ Иванъ Самойлычъ городового отпустить, тщетно соблазнялъ онъ его, показывая въ рукѣ уцѣлѣвшіе у него два двугривенныхъ... тщетно! Городовой безстрастно шелъ возлѣ, и не только понуждалъ его за рукавъ, но даже для того, чтобъ публично выразить свое безкорыстіе, оралъ во все горло:

— И, что ты! Богъ съ тобой! Да я тебя за сто рублевъ не выпущу! Ты, братъ, знай свои порядки! ты, братъ, слушайся, коли начальство приказываетъ—вотъ что!

А народу собралась цѣлая толпа, а въ толпѣ-то смѣхъ, въ толпѣ-то весенье: взяли, дескать, барина въ нѣмецкомъ платьѣ!

— Эвося!—говоритъ бородатый молодецъ, уже поднявшій было полу своего бараньяго тулупа, чтобъ утереть носъ, и оставшійся въ положеніи совершеннаго изумленія:—глянь-ка, братъ, Ванюха, глянь-ка,—кургузаго ведутъ!..

— Что, видно, ваша милость прогуливаться изволите?—подхватываетъ другой, тоже, повидимому, очень бойкій молодецъ.

— Ги-ги-ги! — отозвался извѣстный Ивану Самойличу голосъ дѣвушки, жившей своими трудами.

— Наше вамъ почтеніе!—подхватилъ близъ стоявшій бѣлокурый студентъ.

— Ха-ха-ха!—раздалось въ толпѣ.

Мичулинъ былъ ни живъ, ни мертвъ. Что скажутъ о немъ знакомые? А знакомые непремѣнно всѣ тутъ, стоятъ-себѣ рядомъ и смотрятъ ему прямо въ лицо... Что скажетъ Наденька? А Наденька непремѣнно здѣсь, и ужъ навѣрное думаетъ, что онъ, позабывшись, сходилъ за платкомъ, вмѣсто

Digitized by Google

своего, въ чужой карманъ... О! это очень горестно!.. И онъ снова вынималъ изъ кармана завѣтные двугривенные, снова перевертывалъ ихъ въ глазахъ городового, стараясь, чтобъ на нихъ ударилъ какъ-нибудь солнечный лучъ и сообщилъ имъ ослѣпительный, неотразимый блескъ.

Наконецъ, его втолкнули въ какую-то темную, преисполненную тараканами каморку; но и тутъ заклятые гонители не оставили его.

— Отпустите меня!—жалобнымъ голосомъ вопіялъ Иванъ Самойлычъ одному изъ приставниковъ своихъ, называвшемуся Мазулей:—голубчикъ! почтеннѣйшій! отпустите меня! Ужъ я послѣ отблагодарю вамъ, почтеннѣйшій! Вѣчно, всю жизнь буду вамъ благодаренъ, голубчикъ!.. Посудите сами: вѣдь я не какой-нибудь...

— Ахъ, другъ ты, право, дру-угъ!—отвѣчалъ Мазуля тономъ, впрочемъ, довольно мягкимъ:—ну, чего ты просишь, душа ты безпардонная! Порядковъ ты не знаешь, дру-угъ! Ты сади-ись! ты на народъ посмотри! Вѣдь тебя потреплютъ-потреплютъ—да и маршъ! Вотъ что, дру-угъ! то-то, другъ ты! душа безпардонная! А вѣдь мнѣ...

И сердобольный наставникъ обратился къ окошку.

— Бородàукинъ! а Бородàукинъ — кричалъ онъ стоявшему снаружи товарищу:—куда, братъ, рожокъ-то спряталъ? Смерть хочется—носъ совсѣмъ свело! То-то, дру-угъ, порядковъ-то ты не знаешь! Ахти-хти!

Дверь отворилась, и просунутая дружелюбною рукой Бородавкина тавлинка открыла дары свои охотнику до сильныхъ ощущеній Мазулѣ.

— Да чѣмъ же все это кончится?—спрашивалъ сквозь слезы Иванъ Самойлычъ.

— Извѣстно чѣмъ!—отвѣтилъ Мазуля флегматически:—извѣстно чѣмъ! Нàбольшій разъ-два стукнетъ, да и отпуститъ—вотъ чѣмъ!

Наступило молчаніе.

— А можетъ, и три стукнетъ, какъ ему вздумается!—сказалъ наставникъ, подумавъ немного.

Новое молчаніе.

Иванъ Самойлычъ былъ въ самомъ мучительномъ положеніи. Что же онъ въ самомъ дѣлѣ такое, что его судьба такъ неумолимо преслѣдуетъ? Ужъ не принцъ ли онъ какой-нибудь, свергнутый съ престола посредствомъ крамолы властолюбиваго царедворца и скитающійся теперь инкогнито? Но въ такомъ случаѣ онъ былъ готовъ сейчасъ же, и за себя,

Digitized by Google

и за своихъ наслѣдниковъ, отказаться отъ всякихъ претензій на всевозможныя блага, только оставили бы его въ покоѣ въ эту минуту.

А между тѣмъ вошелъ и Бородавкинъ. О, какъ жестокъ онъ былъ съ Иваномъ Самойлычемъ! какъ презрительно и обидно обращался онъ съ нимъ! И первымъ оскорбленіемъ было то, что онъ, безъ всякихъ церемоній, сталъ скидать передъ нимъ свое платье, и въ сотый разъ не узналъ своей шинели, хотя въ сотый разъ ужъ держалъ ее у себя въ рукахъ; въ сотый разъ оглядывалъ и перевертывалъ ее на всѣ стороны—и все-таки никакъ не могъ узнать, и снова искалъ, и снова не находилъ.

— Да гдѣ же она?—спрашивалъ онъ самъ себя, прибавивъ къ этому нѣсколько рѣзкое выраженіе:—да куда-жъ она подѣвалась, распроклятая?

— Да она у васъ въ рукахъ!—осмѣлился замѣтить Иванъ Самойлычъ, но осмѣлился чрезвычайно робко и мягко, какъ будто бы дѣлалъ страшное преступленіе.

— Въ рукахъ,—ворчалъ Бородавкинъ себѣ подъ носъ, какъ будто и не слыхалъ, что замѣчаніе исходило со стороны Ивана Самойлыча:—а кто ее знаетъ, можетъ, и въ рукахъ! Вотъ какъ не нужно ее, распроклятую,—такъ и лѣзетъ, такъ и лѣзетъ, глаза колетъ! А какъ нужда—тутъ ее и нѣтъ! Право! такъ! Хитеръ, лукавъ нынче сдѣлался народъ! Ну, полѣзай! да полѣзай же, тебѣ говорятъ!

— Да когда же все это кончится?—спросилъ Мичулинъ.

Бородавкинъ пристально взглянулъ на него и отвернулся.

— Чѣмъ же я виноватъ? Посудите сами! Вѣдь я ничего, право, ничего...

Бородавкинъ не отвѣчалъ.

— Да чѣмъ же все это кончится?—снова вопіялъ Иванъ Самойлычъ.

— Ты садись! — проговорилъ Бородавкинъ лаконически.

— Посудите сами, почтеннѣйшій! Вѣдь я, просто, такъ... за что-жъ?

— Ты, братъ, совсѣмъ какъ малый ребенокъ! — возразилъ Бородавкинъ: — ничего ты не понимаешь, никакого порядка! Ну, чего ты хнычешь? Садись!

— Да посудите же сами, голубчикъ... вѣдь я человѣкъ образованный...

— Образованный! ну, какой же ты образованный, коли порядковъ не знаешь, начальству согрубилъ? А образо-

Digitized by Google

ванный! Да ты садись, а я съ тобой и говорить-то не буду, и слушать-то тебя не хочу!

И Бородавкинъ погрузился въ размышленія.

— Вѣдь мнѣ, братъ, — вотъ что! — сказалъ онъ подобно Мавулѣ, подумавъ нѣсколько времени.

Наконецъ, Ивана Самойлыча повели; проводники снова шли по сторонамъ. Вели его что-то долго, очень долго, и на дорогѣ встрѣчались разныя лица, которыя оборачивались и насмѣшливо поглядывали на блѣднаго и чуть живого отъ стыда героя этой повѣсти.

— Должно-быть — мошенникъ! — говорилъ франтъ въ коричневомъ пальто и съ столь же коричневымъ носомъ.

— А можетъ-быть и государственный преступникъ, — отвѣчалъ господинъ съ подозрительной физіономіей, безпрестанно оглядывавшійся назадъ.

— Мошенникъ, я вамъ говорю — мошенникъ! — возразило съ жаромъ коричневое пальто. — Просто, платки воровалъ! Посмотрите, что за рожа! За ничто, изъ одного удовольствія, готовъ зарѣзать человѣка...

Но подозрительный господинъ не угомонился и все-таки стоялъ на своемъ, что это долженъ быть важный государственный преступникъ.

Много мудрыхъ рѣчей слыхалъ Иванъ Самойлычъ во время немного странствія своего; много полезныхъ житейскихъ совѣтовъ прошло черезъ слуховой его органъ; но, поистинѣ, ничего подобнаго не могло даже и представить себѣ не совсѣмъ бойкое его воображеніе тому, что изрекли уста набольшаго. Рѣчь его была проста и безыскусственна, какъ сама истина, а между тѣмъ не лишена и нѣкоторой соли, и съ этой стороны походила на вымыселъ, такъ что представляла собою одинъ величественный синтезъ, соединеніе истины и басни, простоты и украшеннаго блестками поэзіи вымысла.

— Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ! — говорилъ набольшій: — ты подумай, что ты сдѣлалъ! Ты вникни въ свой поступокъ, да не по поверхности скользи, а сойди въ самую глубину своей совѣсти! Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ!

И дѣйствительно, Иванъ Самойлычъ вникнулъ, и какъ-то вдругъ ему представилось, что онъ и въ самомъ дѣлѣ сдѣлалъ ужасно гнусное преступленіе.

— Да ужъ что-жъ дѣлать! — отвѣчалъ онъ, внезапно подавленный могучею силою угрызеній совѣсти: — ужъ это

Digitized by Google

грѣхъ такой случился! ужъ вы меня простите великодушно! право, простите!

Но набольшій быстрыми шагами заходилъ по комнатѣ, вѣроятно придумывая, какъ бы этакъ вновь еще болѣе убѣдить своего подсудимаго и окончательно вызвать въ немъ пробужденіе закоснѣвшей совѣсти.

— Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ! — сказалъ онъ, спустя нѣсколько минутъ.

И снова зашагалъ по комнатѣ.

— Вы извольте сами милостиво разсудить, — началъ, между тѣмъ, Иванъ Самойлычъ: — вѣдь я человѣкъ благовоспитанный и одѣтъ, кажется, какъ слѣдуетъ благовоспитанному человѣку, а не то чтобъ какой-нибудь мужикъ!

— Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ! — возразилъ набольшій таинственнымъ голосомъ и покачивая головой, какъ будто въ одно и то же время и удивлялся неопытности Мичулина, и хотѣлъ ему сообщить что-то чрезвычайно секретное. — То-то вотъ неопытность! Да вы не знаете, какія дѣла на свѣтѣ дѣлаются! да иной съ бобромъ, сударь, ходитъ, по-французски, по-нѣмецки и чортъ его знаетъ еще по-каковски — а плутъ, мошенникъ, сударь! естественнѣйшій мошенникъ! Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ!

Иванъ Самойлычъ снова понуриль голову, и снова набольшій зашагалъ по комнатѣ.

— Что же мнѣ съ вами дѣлать? — спросилъ набольшій послѣ краткаго размышленія.

— Да ужъ будьте великодушны, простите! — замѣтилъ Иванъ Самойлычъ.

— Право, не знаю: истинно вамъ говорю — въ презатруднительное поставили вы меня положеніе! Съ одной стороны, и васъ жаль: думаешь, ни за грошъ пропадетъ, по неопытности своей, молодой человѣкъ! А съ другой стороны — примѣръ нуженъ, долгъ повелѣваетъ... нанга обязанность... О, вы не знаете, что такое наша обязанность!

Мичулинъ согласился, что обязанность, дѣйствительно, отвѣтственная, но все-таки просилъ великодушно отпустить его.

— Ужъ развѣ для такого дня? — сказалъ набольшій въ видѣ предположенія (день былъ, повидимому, торжественный).

— Да, ужъ хоть для дня-то!

— Право, не знаю... дѣло-то оно такое затруднительное...

Digitized by Google

И нàбольшій снова началъ шагать, все обдумывая, какъ бы ему выйти изъ затруднительнаго положенія.

— Ну, да ужъ Богъ съ вами — была не была, отвѣчу передъ Богомъ; ужъ, видно, дѣлать нечего—нравъ у меня такой... то-есть, повѣрите ли, послѣднюю рубашку готовъ съ себя снять, а ближняго безъ рубашки не оставлю... Нѣтъ!

Иванъ Самойлычъ, съ своей стороны, отвѣчалъ, что и онъ готовъ снять съ себя послѣднюю рубашку, чтобъ выразить господину нàбольшему свою чувствительнѣйшую благодарность, но что ужъ помнить оказанное благодѣяніе станетъ по гробъ, будьте въ томъ увѣрены!

— Что̀ мнѣ ваша память!—отвѣчалъ нàбольшій со вздохомъ:—что̀ мнѣ благодарность ваша! Спокойствіе совѣсти— вотъ гдѣ награда! Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ!

IX.

Незамѣченный никѣмъ пробрался Иванъ Самойлычъ въ свою уединенную комнату. Не сказавъ никому ни слова о случившемся съ нимъ происшествіи, заперъ онъ дверь и задумался, горько задумался... Происшествіе окончательно доканало его. А тутъ еще и лихорадка бьетъ, и мысли такія въ голову лѣзутъ... Тяжко, совсѣмъ тяжко жить на свѣтѣ!.. А лихорадка все бьетъ! а мысли все лѣзутъ, все лѣзутъ!

И Мичулинъ думалъ, думалъ... пока не пришелъ къ нему рыжій, плечистый мужикъ съ огненною бородою, и не сталъ настоятельно требовать удовлетворенія; за мужикомъ кидалась на него, показывая самые страшные и длинные когти, Наденька и тоже искала удовлетворенія... Иванъ Самойлычъ совсѣмъ растерялся, тѣмъ болѣе, что надъ всѣмъ этимъ хаосомъ возвышалось безконечное на безконечно-маленькихъ ножкахъ, совершенно подгибавшихся подъ огромною, подавлявшею ихъ тяжестью. Но всего обиднѣе то, что, вглядываясь въ это страшное, всепоглощающее безконечное, онъ ясно увидѣлъ, что оно не что̀ иное, какъ воплощеніе того же самаго страшнаго вопроса, который такъ мучительно и настойчиво пыталъ его горькую участь.

И въ самомъ дѣлѣ, безконечное такъ странно и двусмысленно улыбалось, глядя на это конечное существо, которое, подъ фирмою «Иванъ Самойлычъ Мичулинъ» пресмыкалось у ногъ его, что бѣдный человѣкъ оробѣлъ и потерялся вконецъ...

— Погоди же, сыграю я съ тобой штуку! — говорило безконечное, подпрыгивая на упругихъ ножкахъ своихъ:—

Digitized by Google

ты хочешь знать, что̀ ты такое? Изволь: я подниму завѣсу, скрывающую отъ тебя таинственную дѣйствительность, — смотри и любуйся!

И дѣйствительно, разомъ очутился Иванъ Самойлычъ въ пространствѣ и во времени, въ совершенно неизвѣстномъ ему государствѣ, въ совершенно неизвѣстную эпоху, окруженный густымъ и непроницаемымъ туманомъ. Вглядываясь, однакожъ, пристальнѣе, онъ не безъ удивленія замѣтилъ, что изъ тумана вдругъ начинаетъ отдѣляться безчисленное множество колоннъ, и что колонны эти, принимая кверху все болѣе и болѣе наклонное положеніе, соединяются, наконецъ, въ одной общей вершинѣ и составляютъ совершенно правильную пирамиду. Но каково же было изумленіе бѣднаго смертнаго, когда онъ, подойдя къ этому странному зданію, увидѣлъ, что образующія его колонны сдѣланы вовсе не изъ гранита или какого-нибудь подобнаго минерала, а всѣ составлены изъ такихъ же людей, какъ и онъ, только различныхъ цвѣтовъ и формъ, что̀, впрочемъ, сообщало всей пирамидѣ пріятный для глазъ характеръ разнообразія.

И вдругъ замелькали ему въ глаза различныя знакомыя лица: вотъ и Беобахтеръ, философіи кандидатъ, съ гитарою въ рукахъ, вращающійся безсознательно въ одной изъ колоннъ; вонъ и занимающійся литературою Ваня Мараевъ, мужчина статный и красивый, но съ нѣсколько пьяными глазами; и всѣ эти знакомыя лица такъ низко стоятъ, такъ безсознательно, безлично улыбаются, завидѣвъ Ивана Самойлыча, что ему стало совѣстно и за нихъ, и даже за самого себя, что могъ онъ водить знакомство съ такими ничтожными, не сто̀ящими плевка людьми.

«А что̀, если и я...»,—подумалъ онъ, да и не додумалъ, потому что мысль его замерла на половинѣ пути: такъ испугался онъ, вдругъ вспомнивъ, что этакъ и себя можетъ, пожалуй, увидѣть въ несовсѣмъ затѣйливомъ положеніи...

И какъ нарочно, огромная пирамида, до тѣхъ поръ показывавшая ему, одну за другою, всѣ свои стороны, вдругъ остановилась. Кровь несчастнаго застыла въ жилахъ, дыханіе занялось въ груди, голова закружилась, когда онъ увидѣлъ, въ самомъ низу необыкновенно объемистаго столба, такого же Ивана Самойлыча, какъ и онъ самъ, но въ такомъ бѣдственномъ и странномъ положеніи, что глазамъ не хотѣлось вѣрить. И дѣйствительно, стоявшая передъ нимъ масса представляла любопытное зрѣлище; она вся была со-

Digitized by Google

ставлена изъ безчисленнаго множества людей, одинъ на другого насаженныхъ, такъ что голова Ивана Самойлыча была такъ изуродована тяготѣвшею надъ нею тяжестью, что лишилась даже признаковъ своего человѣческаго характера, а часть, называемая черепомъ, даже обратилась въ совершенное ничтожество и была окончательно выписана изъ наличности. Вообще, во всей фигурѣ этого страннаго, миѳическаго Мичулина выражался такой умственный науперизмъ, такое нравственное нищенство, что настоящему, издали наблюдающему Мичулину сдѣлалось и тѣсно, и тяжко, и онъ съ силою устремился, чтобъ вырвать своего страждущаго двойника изъ-подъ гнетущей его тяжести. Но какая-то страшная сила приковала его къ одному мѣсту, и онъ со слезами на глазахъ и гложущею тоскою въ сердцѣ обратилъ взоръ свой выше.

И чѣмъ выше забирался этотъ взоръ, тѣмъ окончаннѣе казались Ивану Самойлычу люди . . . . . .

. . . . . .

Онъ самъ теперь чувствовалъ, какъ страшная тяжесть давила его голову; онъ чувствовалъ, какъ, одно за другимъ, пропадали тѣ качества, которыя дѣлали изъ него человѣческій образъ... Холодный потъ обливалъ его тѣло; дыханіе замерло въ груди; волосы, одинъ за другимъ, шевелились и вставали; весь организмъ трепеталъ въ паническомъ ожиданіи чего-то неслыханнаго... Онъ сдѣлалъ отчаянное, непомѣрное усиліе и проснулся.

Вокругъ постели его, въ глубокомысленномъ безмолвіи, стояли всѣ жильцы Шарлотты Готлибовны. Первымъ предметомъ, особенно поразившимъ его отяжелѣвшіе отъ сна глаза, была Наденька Ручкина, та самая гордая и непоколебимая Наденька, которая столько разъ говорила ему, что ужъ если она что сказала,—такъ ужъ сказала, и слова своего не перемѣнитъ ни въ жизнь, и которая въ настоящую минуту сидѣла на его постели и заботливо укутывала ему ноги. Это отрадное явленіе въ одну минуту такъ поглотило все его вниманіе, что онъ забылъ все окружающее; въ душѣ его вдругъ мелькнуло нѣчто похожее на миражъ, и въ воображеніи незамѣтно начала рисоваться тихая, но полная счастья семейная жизнь съ любящей и любимою женою, съ ненаглядными дѣтьми... Онъ ужъ хотѣлъ-было весело и бодро вскочить съ постели, чтобъ поцѣловать эти розовыя губки, самыя розовыя, какія только возможно встрѣтить на цѣлой поверхности земного шара,

Digitized by Google

и потомъ, ловко подмигнувъ однимъ глазомъ и посмотрѣвъ подъ постель сперва съ одной, а потомъ и съ другой стороны, тутъ же сказать, какъ и подобаетъ ласковому отцу семейства: «а куда спрятался этотъ плутъ-мальчикъ Коко или хитрая дѣвочка Варенька?..»; все это уже мелькнуло было въ душѣ Ивана Самойлыча, какъ вдругъ глазамъ его представилась дѣйствительность — дѣйствительность самая нагая и безотрадная, какую только можно было себѣ вообразить; однимъ словомъ, дѣйствительность, составленная изъ Шарлотты Готлибовны, Ивана Макарыча, господина Беобахтера и Алексиса Звонскаго.

— А мы было-думали, что тебѣ ужъ того... карачунъ пришелъ!—заревѣлъ, какъ изъ бочки, сиплый басъ друга и пріятеля Ивана Макарыча надъ самымъ ухомъ Мичулина.

— Да, именно ми думаль, што вамъ ужъ совсѣмъ карачунъ,—отозвалась тощая фигура Шарлотты Готлибовны, томно опираясь на мощное плечо Пережиги.

— Смотря на васъ въ эту минуту, я понялъ, наконецъ, загадку жизни! Я видѣлъ блѣдную смерть, махающую неумолимымъ лезвеемъ косы своей... О, это страшная, торжественная минута! Мнѣ представлялась эта блѣдная смерть... pallida mors... Вы читали Горація, Иванъ Самойлычъ?

Такъ проговорилъ свое привѣтствіе господинъ Беобахтеръ, но проговорилъ его такимъ сладкимъ и пріятнымъ голосомъ, какъ будто бы дѣло шло о вещи самой обыкновенной.

— Да, мы думали, что вы ужъ совсѣмъ умерли! — отозвался, съ своей стороны, апатически-лаконическій Алексисъ.

Иванъ Самойлычъ благодарилъ сосѣдей за участіе, говорилъ имъ, что онъ еще совершенно живъ, въ доказательство чего и начиналъ-было подниматься съ постели. Но онъ не могъ; голова его горѣла, въ глазахъ было мутно, силы ослабли, и какъ ни старался онъ казаться бодрымъ и свѣжимъ, а поневолѣ долженъ былъ снова опуститься на подушку.

— Благодари, братъ, Бога, что ты еще не околѣлъ и что тутъ не было квартальнаго надзирателя! — заревѣлъ снова Иванъ Макарычъ и протянулъ ужъ руку, чтобъ ударить больного, въ знакъ сочувствія, по плечу, и непремѣнно ударилъ бы, если бы не удержала его Наденька.

— Квартальный надзиратель? — прошепталъ Иванъ Самойлычъ едва внятнымъ голосомъ. — А что, развѣ я что-нибудь... того?

Digitized by Google

— Да, братъ, ужъ извѣстно... того.

— О, ви очень вольна мисль дѣлалъ! — прервала Шарлотта Готлибовна.

— То-есть, просто, донеси я или кто-нибудь другой, просто, найдись какая-нибудь этакая шельма, христопродавецъ — озолотятъ, ей-Богу, озолотятъ. Не будь я Иванъ Пережига!.. Ну, а тебя, извѣстно, на казенную квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ... Ха-ха-ха! Такъ ли, Шарлотта Готлибовна?

— О, ви очень любезни кавалиръ, Иванъ Макарвичъ!

— Да, это ужасно! Быть закованнымъ въ тяжелыя цѣпи, осужденнымъ на вѣчную тьму, вѣчно видѣть одно и то же сухое и прозаическое лицо темничнаго стража, слышать, какъ капля по каплѣ вытекаетъ жизнь!.. О, это ужасно!.. — сказалъ господинъ Беобахтеръ, особенно нѣжно напирая на слова: «капля по каплѣ».

— Ужъ какъ пошелъ, братъ, по мечтанію, — снова замѣтилъ Иванъ Макарычъ:—да началъ вывертывать въ головѣ разныя этакія штуки, такъ тутъ ужъ, братъ, адье монъ плезиръ, пиши пропало!.. Вотъ я про себя скажу: я въ жизнь свою никогда не мечталъ, а поди-тко, поищи другого такого молодца...

Шарлотта Готлибовна зардѣлась.

— Ну, такъ что-жъ ты не встаешь?—продолжалъ онъ, обращаясь къ Мичулину и сильно тряся его за руку.—Не спать же въ самомъ дѣлѣ цѣлый день! Небойсь, раскисъ, укачали тебя домовые-то? Эка баба! Просто, даже смотрѣть на тебя противно.

Но Иванъ Самойлычъ молчалъ; блѣдный, какъ полотно, лежалъ онъ безъ всякаго движенія на постели: пульсъ его бился слабо и медленно; во всемъ существѣ своемъ ощущалъ онъ какую-то небывалую, болѣзненную слабость.

Наденька Ручкина наклонилась къ нему и, взявъ его за руку, спросила, не нужно ли ему чего-нибудь, что онъ чувствуетъ, и такъ далѣе, какъ обыкновенно спрашиваютъ сердобольныя молодыя дѣвушки.

— Я не знаю... мнѣ больно, — чуть слышно отвѣчалъ Иванъ Самойлычъ:—мнѣ очень больно...

— А! небойсь, и языкъ развязался! — ревѣлъ, между тѣмъ, Пережига:—небойсь, расшевелился, какъ женскій-то полъ подошелъ!

— Оставьте меня... я боленъ!—шепталъ Иванъ Самойлычъ умоляющимъ голосомъ.

Digitized by Google

— Да и въ самомъ дѣлѣ, пусть его тутъ бабится! Милости просимъ, господа, ко мнѣ.

Иванъ Самойлычъ остался одинъ на одинъ съ Наденькой; глаза его неподвижно были устремлены на нее; блѣдное, худое лицо выражало непереносное страданіе; медленно взялъ онъ ея руку и долго-долго прижималъ къ губамъ своимъ.

— Наденька, добрая!—сказалъ онъ прерывающимся голосомъ:—поцѣлуй меня... въ первый и въ послѣдній разъ!..

Наденька изумилась. По свойственной ей подозрительности, она начала ужъ было смекать, что все это не даромъ, что все это штука, что онъ хочетъ только усыпить ея бдительность; но когда она взглянула на это изможденное лицо, на эти глаза, обращенные къ ней съ мольбою и ожиданіемъ, ей вдругъ стало какъ-то совѣстно своихъ подозрѣній; маленькому сердцу ея сдѣлалось и тѣсно, и неловко, а при томъ и слеза, самая миньятюрная, крохотная слеза, какъ-то совершенно нечаянно навернулась на глаза и упала съ ея глазъ на раскрытую грудь Мичулина. Дѣлать нечего. Наденька отерла слезу, наклонилась и поцѣловала больного. Лицо Ивана Самойлыча улыбнулось.

— Что это съ вами, Иванъ Самойлычъ?—спросила Наденька:—вѣрно вы простудились?

— Охъ, нѣтъ, это все то... все по тому дѣлу... помните, по которому я къ вамъ приходилъ?

— А что, развѣ оно важное какое-нибудь дѣло, что такъ разстроило васъ?

— Да; оно знаете... дѣло капитальное!.. А какъ мнѣ больно-то, больно-то, если бы вы знали!

Наденька покачала головой.

— Не послать ли за лѣкаремъ, Иванъ Самойлычъ?

— За лѣкаремъ?.. Да, оно бы не худо! Можетъ, что-нибудь и прописалъ бы... А впрочемъ, зачѣмъ? Вѣдь дѣла-то онъ мнѣ все-таки не объяснитъ!.. Нѣтъ, не нужно лѣкаря!

— Да, по крайней мѣрѣ, онъ помогъ бы вамъ, Иванъ Самойлычъ!

— Нѣтъ, ужъ это пустое дѣло, Наденька, самое пустое! Я вамъ говорю, я знаю... Онъ, можетъ статься, и поможетъ, да толку-то въ этомъ что будетъ! Ну, выздоровлю... а потомъ-то?.. Нѣтъ, не надо лѣкаря...

Наденька молчала.

— Да, къ тому же, лѣкарю-то вѣдь нужно денегъ; къ

Digitized by Google

бѣдному хорошій-то и пойти не захочетъ... вотъ оно что! А какой попадется-то — Христосъ съ нимъ — только измучитъ... лучше ужъ такъ умереть!

Въ это время дверь съ шумомъ отворилась и въ комнату ввалилась дебелая фигура Пережиги со штофомъ въ одной и рюмкою въ другой рукѣ.

— А вотъ, хвати-ко, друже, бальзамчику!—ревѣлъ знакомый Ивану Самойлычу голосъ:—это, братъ, знаешь, какъ душу отведетъ, ей-Богу, отведетъ!.. А умрешь, такъ, видно, такъ ужъ оно быть должно; видно, такъ ужъ и Богу угодно! Ну-ка, выпей. Да не морщись же, баба!

И Мичулинъ съ ужасомъ видѣлъ, какъ дрожащая и невѣрная отъ частыхъ жертвъ Бахусу рука Пережиги наполняла рюмку жгучимъ, какъ огонь, составомъ, заключавшимся въ графинѣ. Онъ началъ-было отказываться, говорилъ, что ему легче, что онъ слава Богу, но тщетно: рюмка была уже налита, да при томъ же и Наденька своимъ мягкимъ голоскомъ убѣждала его попробовать, авось, дескать, отъ этого немного и полегчитъ ему. Не переводя духу, выпилъ Иванъ Самойлычъ поданную водку и почти безъ чувствъ упалъ на постель.

— Эка водка! эка воръ-водка! — говорилъ, между тѣмъ, другъ и пріятель Иванъ Макарычъ, глядя на искаженное конвульсіями лицо Мичулина.—Экъ ее забираетъ, экъ забираетъ! У, бестіанская водка! еще какъ онъ не захлебнулся! Право, такъ живучъ, живучъ! А вѣдь въ чемъ душа держится!

И Пережига съ самодовольною улыбкою любовался изнеможеніемъ и страданіями Ивана Самойлыча, какъ будто хотѣлъ сказать ему: — «а что, братъ! задалъ я тебѣ задачу? Посмотримъ, какъ-то ты изъ нея выпутаешься... А живучъ! живучъ!»

Дѣйствительно, выпутаться было ужъ довольно трудно. Наденька побѣжала за докторомъ и вскорѣ привела какого-то нѣмца нѣсколько навеселѣ, безпрестанно нюхавшаго табакъ и плевавшаго во всѣ стороны. Лѣкарь подошелъ къ больному, долго и съ напряженіемъ щупалъ ему пульсъ, какъ будто хотѣлъ провертѣть у него въ рукѣ дыру, и покачалъ головой; велѣлъ высунуть языкъ, осмотрѣлъ и тоже покачалъ головой; потомъ понюхалъ табаку, снова пощупалъ пульсъ и пристально осмотрѣлъ языкъ.

— Schlecht,—сказалъ докторъ въ раздумьи.

Digitized by Google

— Что-жъ, есть ли какая-нибудь надежда? — спросила Наденька.

— О, никакой, не полагайте! А впрочемъ, поднимите паціенту голову...

Голову подняли.

— Гм! никакой надежды! ужъ вы повѣрьте! я ужъ знаю!.. Вы давали ему что-нибудь?

— Да, Иванъ Макарычъ давалъ ему водки.

— Водки? Schlecht, sehr schlecht... А есть у васъ водка?

— Не знаю; спрошу у Ивана Макарыча.

— Нѣтъ, не нужно; я такъ, болѣе изъ любопытства... А впрочемъ, ужъ если есть, такъ отчего и не выпить?

Наденька вышла и минуты черезъ пять воротилась съ графинчикомъ.

— Водка очень часто здорово, а очень часто и вредно,— глубокомысленно замѣтилъ медикъ.

— Что-жъ, умретъ, что ли, надобно? — робко и едва слышно спросилъ Иванъ Самойлычъ.

— Да, ужъ это будьте покойны, умрете, непремѣнно умрете!

— А скоро?—снова спросилъ больной.

— Да этакъ часа черезъ два, черезъ три надо будетъ... Прощайте, почтеннѣйшій: желаю вамъ покойной ночи!

Однако, ночь была неспокойна. По временамъ, больной, дѣйствительно, засыпалъ, но потомъ внезапно вскакивалъ съ постели, хваталъ себя за голову и жалобнымъ голосомъ спрашивалъ у Наденьки, куда дѣвался его мозгъ, зачѣмъ сдавили у него душу, и проч. На это Наденька отвѣчала, что головка его цѣла, слава Богу, а вотъ, молъ, не хочется ли ему выпить ромашки—такъ ромашка есть. И онъ бралъ чашку въ руку и безпрекословно выпивалъ ромашку.

На другой день, къ обѣду, ему сдѣлалось какъ будто и полегче: онъ былъ спокоенъ и хотя очень слабъ, но могъ, однакожъ, говорить. Онъ бралъ у Наденьки руки, прижималъ ихъ къ сердцу, цѣловалъ ихъ, прижималъ къ глазамъ, ко лбу и плакалъ... тихими, сладкими слезами плакалъ.

И Наденькѣ, съ своей стороны, было тоже жаль его. Впервые она какъ будто поняла, что въ ея глазахъ умираетъ человѣкъ, что этотъ человѣкъ любилъ ее, а она жестоко и непріязненно оттолкнула его отъ себя. Кто знаетъ, что причиною этой смерти? Кто знаетъ, можетъ-быть, онъ былъ бы и здоровъ, и веселъ, если бы... О, если бы ты

Digitized by Google

взглянуло, доброе, чудное существо, взглянуло глазами состраданія и сочувствія на это обращенное къ тебѣ лицо! Если бы ты могло уронить хоть одинъ лучъ любви на эту бѣдную, истерзанную горемъ и нуждою душу! О, если бы это было возможно!

— Пѳслушайте!—говорилъ, между тѣмъ, Иванъ Самойлычъ, взявъ ее за руку:—вы забудьте, что я надоѣдалъ вамъ, что я оскорблялъ васъ... Оно, конечно, я много и много виноватъ, да вѣдь что-жъ дѣлать? Вѣдь я одинъ, Наденька, совсѣмъ одинъ... Вѣдь я же не виноватъ, что некрасивъ и неученъ,—что же мнѣ съ этимъ дѣлать? Разумѣется, и вы не виноваты, что не могли любить меня...

Больной съ трудомъ перевелъ дыханіе; грустно посмотрѣлъ онъ въ лицо Наденьки, но Наденька молчала и, опустивъ глаза, смотрѣла въ землю.

— Думается мнѣ, однакожъ,—снова началъ Иванъ Самойлычъ слабымъ голосомъ:—что если бы съ дѣтства... въ то время, когда и кровь-то въ насъ тепла, если бы въ то время не положили меня подъ прессъ да не заковали, такъ, можетъ, и вышло бы что-нибудь изъ меня... Воспитали-то меня такъ, что ни къ чему негоденъ я сдѣлался... съ дѣтства такъ вели, какъ будто и цѣлый вѣкъ долженъ былъ малоумнымъ остаться да на помочахъ ходить... Вотъ какъ пришлось трудомъ кусокъ себѣ добыть—и негдѣ, и нечѣмъ... Да и тутъ, право не знаю, винить ли мнѣ кого-нибудь... Отецъ мой человѣкъ стараго вѣка и необразованный, мать—тоже: они не виноваты, что не вѣдали...

— А можетъ-быть, я и самъ во всемъ виноватъ,—продолжалъ онъ черезъ минуту:—потому что вѣдь Богъ далъ мнѣ волю, а я дѣйствовалъ какъ грубое животное!.. Да, я виноватъ, да и не передъ собою однимъ виноватъ, а еще и Богу отвѣтъ дамъ, что допустилъ такъ насмѣяться надъ собою... А впрочемъ, и тутъ опять-таки еще Богъ знаетъ, могъ ли бы я что-нибудь сдѣлать одинъ.

И снова умолкъ Иванъ Самойлычъ, и снова, потупивъ глазки, ничего не отвѣчала Наденька.

— Такъ вотъ такъ-то, Наденька! — продолжалъ больной:—часто мы и сами во всемъ виноваты, а другихъ винимъ!. . . . . .

. . . . . .

Вотъ это-то дѣло, оно-то и сгубило меня, Наденька, въ чемъ-то именно и смерть моя, а совсѣмъ не въ томъ, будто бы я простудился... Простудиться можетъ тѣло, про-

Digitized by Google

студу можно вылѣчить, а вотъ какъ душа-то больна, какъ сердце-то ноетъ да стонетъ, вотъ тогда-то страшно, Наденька! не дай Богъ какъ страшно!..

Онъ замолчалъ: Наденька задумчиво опустила голову и долго о чемъ-то размышляла. Думалось ли ей, что, дѣйствительно, самъ виноватъ Иванъ Самойлычъ въ томъ, что дозволилъ обстоятельствамъ до такой степени лишить себя всякой бодрости, или она оправдывала его тѣмъ, что обстоятельства все-таки обстоятельства, какъ ни борись противъ нихъ... Это ли, другое ли ей думалось, — дѣло въ томъ, что какъ-то грустно, необычайно грустно сдѣлалось бѣдной дѣвушкѣ. Можетъ-быть, къ этимъ мыслямъ присоединилась другая, не менѣе горькая и безвыходная мысль— мысль ея собственнаго безотраднаго, чреватаго лишеніями и трудомъ будущаго, та мысль, что и она находится въ подобномъ же положеніи, и она должна бороться... вѣчно и упорно бороться!.. И она забыла и объ Иванѣ Самойлычѣ, и объ апатически-лаконическомъ Алексисѣ; въ воспоминаніи ея вдругъ мелькнула деревенская избушка, старый господскій домъ, запущенный садъ съ поросшими травою дорожками; рѣка, вяло и какъ будто нехотя катившая свои сонныя волны въ какое-то далекое, невѣдомое государство; стая утокъ, апатически полоскавшаяся въ водѣ; толпа грязныхъ и оборванныхъ ребятишекъ, столь же апатически копавшаяся въ грязи и навозѣ... Но все это такъ живо, такъ быстро воскресло въ ея памяти, такъ быстро одинъ за другими смѣнялись—и сосновый, синѣющій вдали лѣсъ, и вспаханныя борозды полей, и старая деревянная церковь... Лучше ли ей было тогда? лучше ли, чище ли сама она была въ то время?... Лучше ли было бы, если бы вдругъ, по какому-нибудь волшебному случаю, ей снова пришлось воротиться къ этой давно прошедшей, давно ужъ изгладившейся изъ памяти жизни?..

А между тѣмъ на дворѣ ужъ и смерклось; въ комнатѣ тихо, ни шороха, ни звука; Наденька подумала, что Иванъ Самойлычъ заснулъ, и вознамѣрилась идти въ свою комнату. Но передъ уходомъ, чтобы ближе удостовѣриться, дѣйствительно ли спитъ больной, она наклонилась къ нему и начала прислушиваться къ дыханію. Но дыханія не было слышно... Она взяла его за руку — рука была холодна... Наденькѣ сдѣлалось страшно. Въ первый разъ въ жизни была она одинъ на одинъ съ мертвымъ человѣкомъ... а при томъ неподвижные глаза покойника такъ и смотрѣли,

Digitized by Google

такъ и смотрѣли на нее, какъ будто хотѣли сконфузить бѣдную, будто упрекали ее за какое-то страшное преступленіе... Съ невольнымъ чувствомъ содроганія набросила она поскорѣе на лицо усопшаго одѣяло и выбѣжала изъ комнаты.

Черезъ пять минутъ всѣ нахлѣбники Шарлотты Готлибовны, и въ числѣ ихъ сама она подъ руку съ Иваномъ Макарычемъ, явились на поклонъ къ покойнику. Толковъ было много: нѣкоторые даже сомнѣвались, точно ли умеръ Иванъ Самойлычъ. А Иванъ Макарычъ даже рѣшительно утверждалъ, что это все вздоръ, что господинъ Мичулинъ не можетъ умереть, потому что вчера еще далъ онъ ему такого лѣкарства, отъ котораго и мертвый изъ гроба встанетъ.

— Надо вамъ сказать, господа, — говорилъ онъ, обращаясь къ присутствующимъ:—что на свѣтѣ иногда чудныя бываютъ штуки! Спьяна, что ли, это дѣлается, а вдругъ человѣкъ не пошевельнется, ни моргнетъ, а между тѣмъ живъ и все слышитъ, что вокругъ него дѣлается!.. Я вамъ говорю, господа, что бывали даже примѣры, что и въ землю зарывали живыхъ...

Но для того, чтобъ окончательно убѣдиться, точно ли умеръ Иванъ Самойлычъ, и имѣть право развивать свои познанія насчетъ заживо погребенныхъ, любознательный Пережига подошелъ къ нему поближе, потрясъ его за носъ — носъ былъ холодный, приложилъ руку ко рту — дыханія не оказалось.

— А кто его знаетъ, можетъ-быть и въ самомъ дѣлѣ умеръ!—сказалъ онъ съ убійственнымъ равнодушіемъ, отходя отъ бездушнаго трупа.—И водка не спасла тебя, бабья душа! И хорошо, братъ, сдѣлалъ, что умеръ!

Однакожъ, такъ какъ Мичулинъ не имѣлъ совершенно никакихъ родственниковъ, ни знакомыхъ, то Шарлотта Готлибовна почла нужнымъ послать за полицейскимъ чиновникомъ, напередъ пересмотрѣть вещи, не имѣется ли чего цѣннаго. Но цѣннаго оказалось всего только поношенный сюртукъ да изъ бѣлья кое-что. Вслѣдствіе такой бѣдности капиталовъ, всѣ нахлѣбники тутъ же рѣшились сдѣлать складчину, чтобъ приличнымъ христіанину образомъ похоронить своего собрата.

Полицейскій чиновникъ не заставилъ долго ждать себя. Малый онъ былъ крава веселаго и вообще любилъ при удобномъ случаѣ пошутить, не выходя, впрочемъ, изъ предѣловъ благопристойности... О, ни-ни, какъ это возможно!

Digitized by Google

— Скажите, пожалуйста!—началъ онъ, когда объяснили ему причину его призыва:—такъ вотъ-съ какое странное надъ вами стряслось дѣло! Ну-съ, дѣлать нечего, приступимъ къ освидѣтельствованію: посмотримъ, не окажется ли какихъ боевыхъ и насильственныхъ знаковъ!

Шарлотта Готлибовна знала, что господинъ чиновникъ изволилъ шутить: поэтому нисколько не смутилась, а только сказала ему съ самою очаровательною улыбкою:

— О, ви очень любезный кавалиръ, Деметрій Осипычъ!

— Да-съ! ужъ этого, извольте видѣть, и законъ требуетъ, а я орудіе, ничего, какъ ничтожное орудіе... Да-съ, посмотримъ, посмотримъ... а можетъ-быть его и отравили?.. Ха-ха-ха! Можетъ-быть, у него и деньги были, мильонщикъ былъ... Ха-ха-ха!

И веселый Дмитрій Осипычъ заливался добродушнымъ и звонкимъ хохотомъ.

Осмотрѣвъ тѣло Ивана Самойлыча и удостовѣрившись, что отравы или удаленія тутъ нѣтъ никакихъ, добродушный Дмитрій Осипычъ изъявилъ желаніе освѣдомиться объ имуществѣ покойнаго.

— Ну, давайте же намъ ихъ сюда, давайте намъ мильоны-то!—говорилъ онъ съ обычною своею веселостью. — Вѣдь неравно наслѣдники будутъ, ха-ха-ха!.. Э, — продолжалъ онъ, перебирая пожитки умершаго: — да у него цѣлыхъ шесть рубахъ было, и фуфайка теплая... а умеръ!

— Скажите же, пожалуйста, господа, обратился онъ къ присутствующимъ: — что-жъ бы это за причина была такая, что вотъ жилъ-жилъ человѣкъ, да вдругъ и умеръ?..

— То-есть, вы хотите узнать философію смерти?—замѣтилъ Беобахтеръ.

— Да-съ, я, знаете, люблю иногда вечеркомъ позаняться этакими разными мыслями, и, признаюсь, есть вещи, которыя сильно интригуютъ меня: напримѣръ, вотъ хоть и это— жилъ-жилъ человѣкъ, да вдругъ и умеръ!... Странное, очень странное дѣло!

— О, это не легко объяснить себѣ! Тутъ цѣлая наука!— отвѣчалъ господинъ Беобахтеръ.—Надъ этимъ многіе философы не мало трудились... Да, это трудно, очень трудно!.. Тутъ безконечное!

— Что тутъ трудно! прервалъ Пережига: — трудно, трудно! А дѣло-то очень просто объясняется! Извольте видѣть, ужъ какъ пошелъ человѣкъ по мечтанію, какъ пошло въ его головѣ разныя штуки да закорючки выкидывать

Digitized by Google

такъ ужъ извѣстно—плохо дѣло! Вотъ и смерть приключилась!.. Какое же тутъ безконечное? что̀ за философія? То-то, братъ, все съ своими вымозгами лѣзешь? Ужъ я говорю: растянуться и тебѣ, какъ ему! Право такъ, помяни мое слово!

— То-есть, что̀ же вы разумѣете подъ словами: «пошелъ по мечтанію?»—спросилъ Дмитрій Осипычъ.

— Ну, да ужъ извѣстно что̀: скепцизмъ, батюшка, скепцизмъ одолѣлъ! Вотъ что̀!

— Гм! скепцизмъ,—соображалъ Дмитрій Осипычъ:—скепцизмъ? То-есть, что же вы подъ этимъ разумѣете?

— А вотъ, примѣрно, человѣкъ съ собакой идетъ: ну, мы съ вами просто такъ и говоримъ, что вотъ, молъ, человѣкъ идетъ и за нимъ собака бѣжитъ, а скепцистъ: нѣтъ, говоритъ, это, изволите видѣть, собака идетъ и человѣка ведетъ.

— Тсс, скажите! Такъ, стало-быть, покойникъ былъ странный человѣкъ?—спросилъ Дмитрій Осипычъ и тутъ же съ упрекомъ покачалъ головою на Ивана Самойлыча.

— Я вамъ говорю: по мечтанію пошелъ! Ужъ какую онъ въ послѣднее время ахинею городилъ, такъ хоть святыхъ вонъ понеси: и то нехорошо, и то дурно...

— Тсс, скажите, пожалуйста!—продолжалъ Дмитрій Осипычъ, строго покачавъ головою: — а вѣдь чѣмъ была не жизнь человѣку: и сытъ былъ, и одѣтъ былъ, званіе, сударь ты мой, имѣлъ, и вотъ не усомнился же возроптать на Создателя своего!.. Честью вамъ доложу, ужъ нѣтъ въ мірѣ животнаго неблагодарнѣе человѣка. Пригрѣй его, накорми его—укуситъ, непремѣнно укуситъ. Ужъ такая, видно, его натура, господа!

Digitized by Google

Оглавленіе

I ТОМА.

стр.

Матеріалы для біографіи М. Е. Салтыкова. *К. К. Арсеньева.* . 5

Господа Головлевы.

I. Семейный судъ 85
II. По-родственному 139
III. Семейные итоги. 183
IV. Племяннушка. 230
V. Недозволенныя семейныя радости 276
VI. Выморочный 305
VII. Расчетъ 336

Невинные разсказы.

I. Гегемоніевъ 377
II. Зубатовъ 385
III. Пріѣздъ ревизора 398
IV. Утро у Хрептюгина. Драматическій очеркъ 430
V. Для дѣтскаго возраста 447
VI. Миша и Ваня. Забытая исторія 460
VII. Нашъ дружескій хламъ. 472
VIII. Деревенская тишь. 491
IX. Святочный разсказъ. Изъ путевыхъ замѣтокъ чиновника . 510
X. Развеселое житье. Разсказъ 533
XI. Послѣ обѣда въ гостяхъ 560
XII. Запутанное дѣло. Случай 571

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

М. Е. САЛТЫКОВА

[Н. ЩЕДРИНА].

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ.

Съ «Матеріалами для біографіи М. Е. Салтыкова», К. К. Арсеньева, и съ двумя портретами М. Е. Салтыкова.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1905 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1905.

Digitized by Google

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Намайловскій просп., № 29.

Digitized by Google

ПОМПАДУРЫ И ПОМПАДУРШИ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Отъ автора.

Молодые наши помпадуры очень часто обращаются ко мнѣ за разъясненіями, какъ въ томъ или въ другомъ случаѣ слѣдуетъ поступить. Обращенія эти ставятъ меня въ большое затрудненіе, ибо у меня нѣтъ ни секретарей, ни канцеляріи, вслѣдствіе чего бо̀льшую часть писемъ я бываю вынужденъ оставлять безъ отвѣта. Между тѣмъ никто лучше меня не понимаетъ, что единообразіе въ дѣйствіяхъ по вопросамъ внутренней политики не только полезно, но и необходимо. Поэтому я рѣшился разъяснить хотя тѣ основные пункты помпадурской дѣятельности, которые настолько необходимы для начинающаго помпадура, чтобы онъ, пріѣзжая на мѣсто, являлся не съ пустыми руками. Таковы, напримѣръ: проводы, встрѣчи, отношеніе помпадуровъ къ подчиненнымъ, къ обывателямъ и къ закону, выборъ помпадуршъ и т. д. Я выбралъ форму разсказовъ, потому что она понятнѣе. Сухія, отвлеченныя разсужденія едва ли доступны молодымъ людямъ, получившимъ воспитаніе въ заведеніи искусственныхъ минеральныхъ водъ,—и во всякомъ случаѣ должны показаться имъ несносными. Разсказы же они прочтутъ и даже, быть-можетъ, усвоятъ. Знаю, что я далеко не исчерпалъ всѣхъ случаевъ помпадурской дѣятельности, но меня утѣшаетъ то, что я первый сдѣлалъ починъ въ этомъ смыслѣ. Быть-можетъ, другіе послѣдуютъ

Digitized by Google

по указанному мною пути и внесутъ въ это дѣло болѣе ясности и болѣе таланта. Я же льщу себя надеждой, что господа помпадуры пріобрѣтутъ мою книгу, хотя бы для того только, чтобы поощрить мою попытку пролить нѣкоторый свѣтъ въ эту своеобразную сферу жизненной дѣятельности, въ которой до сихъ поръ все было такъ темно и неопредѣленно.

Digitized by Google

I.—„Прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою!“

Очень ужъ нынче часто приходится намъ съ начальниками прощаться. Пріѣдетъ начальникъ, не успѣетъ еще распорядительности показать — глядь, его ужъ смѣнили. новаго шлютъ! Поэтому мостовая въ Вислоуховскомъ переулкѣ и доднесь не докончена, а проектъ о распространеніи въ народѣ надлежащихъ чувствъ такъ и лежитъ въ канцеляріи не переписанный на-бѣло. Одинъ начальникъ, какъ пріѣхалъ, такъ первымъ дѣломъ приступилъ къ сломкѣ пола въ губернаторскомъ кабинетѣ—и что же? сломать-то сломалъ, а новаго на его мѣсто построить не успѣлъ! «Много,—говорилъ онъ потомъ, когда прощался съ нами:—много намѣревался для пользы сдѣлать, да, видно, Богу, друзья мои, не угодно!» И дѣйствительно, пріѣхалъ на мѣсто его новый генералъ, и тотчасъ же разсудилъ, что полъ надо было ломать не въ кабинетѣ, а въ гостиной, и соотвѣтственно съ этимъ сдѣлалъ надлежащее распоряженіе. Слѣдовательно, если и этого генерала скоро смѣстятъ, то другой генералъ, пожалуй, найдетъ, что надо ломать полъ въ столовой, и такимъ образомъ весь губернаторскій домъ постепенно перепакостятъ, а надлежащей распорядительности, все-таки, не покажутъ.

Говорятъ, будто это такъ нужно. Говорятъ, что прежде можно было допускать засиживаться на одномъ мѣстѣ, потому что тогда ничего больше отъ администратора не требовалось, кромѣ того, чтобъ онъ былъ администраторомъ; нынче же, будто бы, требуется, чтобъ онъ, кромѣ того, какую-то «суть» понималъ. Я полагаю, однакожъ, что все это одна пустая фанаберія, ибо, по мнѣнію моему, всякій человѣкъ всякую «суть» всегда понимать способенъ: стоитъ только внушить. Возражаютъ противъ этого, что иногда такая «суть» бываетъ, которую, будто бы, внушить совѣстно:

Digitized by Google

но это возраженіе, очевидно, неосновательное, потому что человѣкъ надежный и благонравный отъ самой природы одаренъ такою внутреннею закваскою, которая заключаетъ въ себѣ матеріалъ для всякаго рода «сути»; слѣдственно, тутъ даже и внушеній прямыхъ не нужно, а достаточно только крючокъ запустить: непремѣнно какую-нибудь бирюльку да вытащишь!

Скажу, напримѣръ, про себя: сдѣлайте меня губернаторомъ—я буду губернаторомъ; сдѣлайте цензоромъ—я буду цензоромъ. Въ первомъ случаѣ: сломаю на губернаторскомъ домѣ крышу, распространю больницу, выбѣлю въ присутственныхъ мѣстахъ потолки и соберу старыя недоимки; если, кромѣ этого, надобно будетъ еще «суть» какую-нибудь сдѣлать, и «суть» сдѣлаю; останетесь довольны. Во второмъ случаѣ: многія сочиненія совсѣмъ забракую, многія ощиплю, многія украшу изреченіями моего собственнаго вымысла; если же, кромѣ этого, потребуется, чтобы я сдѣлалъ «суть», то и «суть» сдѣлаю. Всѣмъ быть могу; могу даже быть командиромъ фрегата «Паллада», и если Богъ мнѣ поможетъ, то, чего добраго, выиграю морское сраженіе. Повторяю: если иногда намъ кажется, что кто-либо изъ нашихъ подчиненныхъ дѣйствуетъ не вполнѣ согласно съ нашими видами, что онъ не понимаетъ «сути» и недостаточно дѣлаетъ распоряженій, то это кажется намъ ошибочно; не нужно только торопиться, а просто призвать такого подчиненнаго и сказать ему: «милостивый государь! неужто вы не понимаете?» Вѣрьте, что онъ пойметъ тотчасъ же и почнетъ такія чудеса отчеканивать, что вы даже залюбуетесь, на него глядя. Это все равно, какъ видѣлъ я однажды на желѣзодѣлательномъ заводѣ молотъ плющильный; молотъ этотъ однимъ ударомъ разбивалъ и сплющивалъ цѣлыя кувалды чугунныя, которыя въ силу было поднять двумъ человѣкамъ, и тотъ же самый молотъ, когда ему было внушаемо о правилахъ учтивости, разбивалъ кедровый орѣшекъ, положенный на стекло карманныхъ часовъ, и притомъ разбивалъ такъ ласково, что стекла нисколько не повреждалъ. Стало-быть, дѣло совсѣмъ не въ томъ, какой молотъ, большой или малый, а въ томъ, какое сдѣлано ему свыше внушеніе...

Но—будетъ философствовать; разскажу о томъ, какъ мы на-дняхъ лишились своего начальника. Но прежде считаю не лишнимъ познакомить читателя съ моей собственной особой.

Digitized by Google

Я человѣкъ преданный; всѣ начальники знаютъ это и смотрятъ на меня одинаково; я, съ своей стороны, тоже смотрю на всѣхъ начальниковъ одинаково, потому что всѣ они — начальники. Растолковать это какъ слѣдуетъ я не могу, но полагаю, что читатель пойметъ меня и безъ объясненій. Всѣхъ начальниковъ я одинаково жалѣю, всѣмъ— одинаково радуюсь. Знаю, что если начальникъ безъ причины вспылитъ на меня, то онъ же, когда будетъ нужно, и проститъ меня. Знаю, что я виноватъ; если не виноватъ въ дѣйствительности, то виноватъ тѣмъ, что сунулся на глаза начальнику не во-время; потому что вѣдь и онъ тоже человѣкъ, и по временамъ имѣетъ надобность въ уединеніи. Начальство, съ своей стороны, снисходительно, и хотя знаетъ, что я виноватъ, но видитъ, что и я это очень чувствую, и потому прощаетъ мнѣ. Въ этихъ мысляхъ я воспиталъ жену свою и надѣюсь воспитать все семейство. Весь городъ за это насъ уважаетъ, и когда случается провожать стараго или встрѣчать новаго начальника, то я всегда при этомъ играю видную роль.

«Встрѣчать»—дѣло не трудное; тутъ чѣмъ больше радушія, чѣмъ больше привѣтствій, тѣмъ лучше: начальники это любятъ. Возражаютъ иные, что и здѣсь излишествомъ можно пересолить, потому что начальникъ еще не заслужилъ; но начальникъ никогда такъ не думаетъ, а думаетъ, что онъ ужъ тѣмъ заслужилъ, что начальникъ. Но «прощанья» своего рода политики требуютъ. Тутъ надобно такъ устроить, чтобы новый начальникъ не обидѣлся излишними похвалами, отбывающему воздаваемыми, а думалъ бы только, что «и тебѣ то же со временемъ будетъ». Слѣдовательно, необходимо прежде всего, чтобъ торжество прощанья имѣло исключительно характеръ преданности. А потому, если отбывающій начальникъ учинилъ что-нибудь очень великое, какъ, напримѣръ: воздвигнулъ монументъ, неплодоносныя земли обратилъ въ плодоносныя, безлюдныя пустыни населилъ, изъ сплавной рѣки сдѣлалъ судоходную, промышленность поощрилъ, торговлю развилъ или пріобрѣлъ новый шрифтъ для губернской типографіи и т. п., то о такихъ дѣлахъ должно упомянуть съ осторожностью, ибо сіе не всякому доступно, и новый начальникъ самое упоминовеніе о нихъ можетъ принять за преждевременное ему напоминаніе: и ты, дескать, дѣлай то же. Но если отбывающій дѣлалъ дѣла среднія, какъ, напримѣръ: тогда-то усмирилъ, тогда-то изловилъ, тогда-то къ наградѣ за отлично-

Digitized by Google

усердную службу представилъ, то о такихъ дѣлахъ можно говорить со всею пространностью, ибо они всякому уму доступны, а слѣдовательно и новый начальникъ будетъ ихъ непремѣнно совершать. Все это опытный устроитель прощальныхъ торжествъ долженъ имѣть въ виду. Въ особенности же надлежитъ быть мудрымъ въ такихъ случаяхъ, когда оба начальника—и выбывающій, и вновь назначенный—налицо. Тутъ надобно быть осторожнымъ не только въ рѣчахъ, но и въ кушаньяхъ, и въ винахъ.

Итакъ, мы лишились нашего начальника. Уже за нѣсколько дней передъ тѣмъ я начиналъ ощущать жалость во всемъ тѣлѣ, а въ ночь наканунѣ самаго происшествія даже жена моя—и та безпокойно металась на постели и все говорила: «другъ мой, я чувствую, что съ его превосходительствомъ что-нибудь непріятное сдѣлается!» Дѣти тоже находились въ жару и плакали; даже собаки на дворѣ выли.

Генералъ нашъ былъ старикъ добрый, но еще годный. Назначенъ онъ былъ къ намъ еще при прежнемъ главноначальствующемъ, но не долго повластвовалъ. Несправедливость явная, потому что старикъ мнѣ самъ по секрету не разъ впослѣдствіи говорилъ: «не знаю, подлинно не знаю, за что отъ общенія отметаюсь! Если новое начальство новые виды имѣетъ, то стоило только приказать—я готовъ!» И если при этомъ вспомнить, сколько этотъ человѣкъ претерпѣлъ прежде, нежели мѣсто свое получилъ, то именно можно сказать: великій былъ страстотерпецъ! Прежде всего у начальника отдѣленія въ послушаніи былъ, да еще не у одного, а у нѣсколькихъ; по воскресеньямъ съ праздникомъ поздравлять ѣздилъ, по буднямъ между тремя и четырьмя часами въ департаментъ анекдоты разсказывать ходилъ! А въ брюхѣ-то щелкъ, а на умѣ-то только и есть одна мысль: «Господи! вскую!» Потомъ попалъ въ передѣлъ къ директору; ну, тутъ тоже сноровку надо имѣть! Ждетъ, бывало, сердечный, у двери кабинета, и не для того совсѣмъ, чтобъ что-нибудь сообщить, а только чтобы показать, что готовъ, молъ... хоть на куски! Ну, и пройдетъ директоръ, улыбнется: «что, старикъ, готовъ?»—Хоть въ Астрахань, ваше превосходительство!—«Гм!.. въ Астрахань! Туда Шарлотта Ѳедоровна тоже объ одномъ старичкѣ просила!» скажетъ директоръ и пройдетъ мимо. Даже въ кабинетъ къ себѣ не допуститъ, выплакаться-то не дастъ. «Господи! вскую!» только и твердилъ, бывало, нашъ старикъ, покуда не подобрался, наконецъ, къ Шарлоттѣ Ѳедоровнѣ.

Digitized by Google

Понравился онъ ей, впрочемъ, не чѣмъ другимъ, а именно только строгостью правилъ. И такъ пришелся по душѣ, что вмѣсто Архангельска угодилъ къ намъ! Каково же, послѣ этакого-то искуса, нѣсколько лишь мѣсяцевъ провластвовать, и вдругъ— хлопъ!

Первое извѣстіе о постигшемъ насъ ударѣ я получилъ отъ вице-губернатора. Еще невѣжественный, пріѣхалъ я утромъ къ нему и засталъ его расхаживающимъ взадъ и впередъ по кабинету; по всей вѣроятности, онъ обдумывалъ, какая участь должна постигнуть нашу губернію. Нашъ вице-губернаторъ человѣкъ нравовъ придворныхъ, и потому чувствительности большой не имѣетъ, но и онъ былъ тронутъ.

— А знаете ли вы, что нашего-то уволили?—спросилъ онъ меня съ перваго же слова.

Въ груди у меня словно оборвалось что-то. Не смѣя, съ одной стороны, предполагать, чтобы господинъ вице-губернаторъ отважился, безъ достаточнаго основанія, распускать такой серьезный слухъ, а съ другой стороны зная, что онъ любитъ иногда пошутить (терпѣть не могу этихъ шутокъ, въ которыхъ нельзя понять, шутка ли это, или испытаніе!), я принялъ его слова со свойственною мнѣ осмотрительностью.

— Про кого это, ваше превосходительство, говорить изволите?—спросилъ я, по силѣ возможности мягкостью тона умѣряя рѣзкость моего вопроса.

— Про кого? извѣстно, про кого: про Шарлотты Ѳедоровны выкормка!

Сердце въ груди моей окончательно упало. Но не прошло минуты, какъ ужъ въ головѣ моей созрѣлъ вопросъ:

— А извѣстно вашему превосходительству, кого на мѣсто ихъ назначаютъ?

При этомъ вопросѣ сердце мое мало-по-малу поднималось: я начиналъ предчувствовать, что не буду оставленъ безъ начальника.

— А назначаютъ Ударъ-Ерыгина.

— Генерала-съ?

— Генерала-съ.

Сердце мое окончательно уставилось на своемъ мѣстѣ, ибо я получилъ увѣренность, что предчувствіе мое сбылось.

— Изъ какихъ-съ они?—спросилъ я нѣсколько смѣлѣе.

— Изъ млекопитающихъ-съ!—отвѣтилъ вице-губернаторъ (онъ вообще ужаснѣйшій циникъ).

Digitized by Google

Мы оба задумались и стали въ молчаніи ходить по кабинету (въ первый разъ въ жизни я шелъ *рядомъ* съ начальникомъ, а не слѣдовалъ за нимъ «игѣтушкомъ»: несчастіе уравниваетъ всѣ ранги).

— Я думаю, нужно будетъ старому начальнику прощальный обѣдъ устроить?—первый прервалъ я молчаніе.

— Гм!.. да... знаю я этого Ударъ-Ерыгина... знаю!

— Я думаю, ваше превосходительство, что можно и купцовъ пригласить какую-нибудь демонстрацію сдѣлать!

— Гм!.. купцовъ... Однажды призываетъ меня этотъ Ударъ-Ерыгинъ къ себѣ и говоритъ: «я, говоритъ, по утрамъ занятъ, такъ вы ко мнѣ въ это время не ходите, а приходите каждый день обѣдать»...

— Такъ они и гостепріимные?

— Гм!.. да... гостепріименъ... «Только, говоритъ, такъ какъ я за обѣдомъ отъ трудовъ отдыхаю, такъ люблю, чтобъ у меня было весело».

— Преданность всякое испытаніе, ваше превосходительство, превозмочь можетъ!—прервалъ я, невольно потупляя глаза.

— Да-съ, но вѣдь веселье веселью рознь-съ: бываютъ веселья ужасныя-съ... «Такъ вы, говоритъ, съ этимъ соображайтесь»...

— И сообразовались, ваше превосходительство?

— И сообразовался-съ.

Мы опять умолкли: я чувствовалъ, что на душѣ у меня смутно и что сердце опять начинаетъ падать въ груди, несмотря на то, что сожалѣніе о смѣнѣ любимаго начальника умѣрялось надеждою на присылку другого любимаго начальника.

— Только этимъ и замѣчателенъ новый начальникъ?— вновь прервалъ я молчаніе.

— Только этимъ и замѣчателенъ-съ.

— Но, быть-можетъ, они снисходительны?

— Для тѣхъ, кто веселиться умѣетъ...

— Стало-быть, ваше превосходительство...

— Находимся съ его превосходительствомъ въ наилучшихъ отношеніяхъ. Кстати, однакожъ: вѣдь прощальный-то обѣдъ, все-таки, устроить слѣдуетъ...

— Это, ваше превосходительство, и для новаго начальника будетъ поощреніемъ...

— Ну, да; будетъ, по крайности, видѣть, что мы втуне не оставляемъ...

Digitized by Google

Я вышелъ на улицу и просто даже удивился. Представьте себѣ, что все стояло на своемъ мѣстѣ, какъ будто ничего и не случилось; какъ будто бы добрый нашъ старикъ не подвергнулся превратностямъ судебъ; какъ будто бы въ прошлую ночь не проросъ сквозь него и не процвѣлъ совершенно новый и вовсе нами не жданный начальникъ! Попрежнему на парѣ бойкихъ саврасенькихъ спѣшилъ съ утреннимъ рапортомъ полицеймейстеръ («вотъ-то вытянется у тебя физіономія, какъ узнаешь!»—подумалъ я); попрежнему, сломя голову, летѣлъ Сеня Бирюковъ за какой-то помадой для Матрены Ивановны и издали привѣтливо махалъ мнѣ шляпой; попрежнему проклятые мужичонки во все горло галдѣли и торговались изъ-за копейки на базарной площади. Даже воздухъ былъ совершенно такой же, какъ вчера. Все это какъ-то странно подѣйствовало на мои нервы, а ожесточенье безчувственнаго мужичья до того меня озлобило, что я почелъ за нужное даже вмѣшаться.

— Что вы тутъ горло дерете! базаръ, что ли, здѣсь!—крикнулъ я, подходя къ одной кучкѣ.

— А не базаръ нешто?—отвѣчалъ мнѣ одинъ голосъ.

Я смутился, ибо сообразилъ, что и въ самомъ дѣлѣ стою на базарѣ.

— А знаете ли вы, мужичье проклятое, что у насъ нынче ночью на всю губернію несчастье случилось?

Мужики глядѣли на меня съ недоумѣніемъ.

— Знаете ли вы, что его превосходительство, Анфима Евстратича, отъ должности уволили?

— О! де...

Но не успѣлъ дерзкій договорить, какъ уже рука моя исполняла свою обязанность.

— Да вѣдь, поди, новый на мѣсто его будетъ! новый будетъ!—кричалъ провинившійся.

Сначала я не слыхалъ его объясненія и продолжалъ дѣлать свое дѣло; но, признаюсь, когда слова: «новый будетъ! новый будетъ!» явственно коснулись моего слуха, то рука моя невольно опустилась. И въ самомъ дѣлѣ, разсудилъ я, если нѣтъ стараго, то это значитъ, что есть новый—и ничего больше! Изъ-за чего же тутъ мѣняться воздуху? Изъ-за чего предметамъ, уже установившимся и, могу сказать, вросшимъ въ землю, перескакивать съ мѣста на мѣсто? Вчерашняя смерть не содержитъ ли въ себѣ зерна сегодняшняго возрожденія? Вчерашнее помраченіе не воз-

Digitized by Google

награждается ли сегодняшнимъ просвѣтлѣніемъ? Однимъ словомъ, я вынужденъ былъ дать гривенникъ напрасно обиженному мной поселянину и, успокоивши себя разными солидными размышленіями, отправился съ визитомъ къ закатившейся нашей звѣздѣ.

Въ пріемной я засталъ правителя канцеляріи и полицеймейстера; оба стояли понуривши головы и размышляли. Первый думалъ о томъ, какъ его сошлютъ на покой въ губернское правленіе; второй даже и о ссылкѣ не думалъ, а просто во-очію видѣлъ себя съѣденнымъ.

— Вы читали бумагу?—спросилъ я правителя канцеляріи.

— Читалъ,—отвѣчалъ онъ грустно.

— Но что же за причина?

— Да никакой причины не приписывается. Напротивъ того, даже похвалы нашему генералу примѣчаются... Преклонность лѣтъ!

— Какая преклонность лѣтъ! И всего-то по формуляру семьдесятъ пять лѣтъ значится! Въ самой еще порѣ!

— Только бы управлять еще старику!

Въ это время къ намъ вышелъ самъ закатившійся старикъ нашъ. Лицо его было подобно лицу Печорина: губы улыбались, но глаза смотрѣли мрачно; повидимому, онъ весело потиралъ руками, но въ этомъ потираньи замѣчалось что-то такое, что, вотъ, казалось, такъ и сдеретъ съ себя человѣкъ кожу съ живого.

— Наконецъ, давнишнее желаніе моего сердца свершилось!—сказалъ онъ, обращаясь къ намъ.

— Весь городъ, ваше превосходительство... — началъ было я.

— Наконецъ, давнишнее желаніе моего сердца свершилось!—повторилъ онъ и остановился, чтобы перевести духъ.

Я понялъ, что старикъ играетъ роль, но что роль эту онъ выучилъ довольно твердо.

— Намъ остается утѣшаться, что новый нашъ начальникъ будетъ столь же распорядителенъ, какъ и ваше превосходительство!—сказалъ я, пользуясь паузой.

Къ удивленію, генералъ былъ какъ будто сконфуженъ моею фразой. Очевидно, она не входила въ его расчеты. На прочихъ свидѣтелей этой сцены она подѣйствовала различно. Правитель канцеляріи, казалось, понялъ меня и досадовалъ только на то, что не онъ первый ее высказалъ. Но полицеймейстеръ, какъ человѣкъ, повидимому, покончившій всѣ расчеты съ жизнью, далъ дѣлу совершенно иной оборотъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, ужъ позвольте! *такого* начальника у насъ не было и не будетъ!—сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ, выступая впередъ.

— Благодарю!—сказалъ генералъ.

— Ваше превосходительство!—продолжалъ полицеймейстеръ, уже красный какъ ракъ отъ душившаго его чувства преданности.

— Благодарю!

Полицеймейстеръ ловилъ генеральскую руку, которую генералъ очень искусно пряталъ; правитель канцеляріи молчалъ и думалъ, что если его сошлютъ въ судное отдѣленіе, то штука будетъ еще не совсѣмъ плохая; я стоялъ какъ на иголкахъ, ибо видѣлъ, что намѣренія мои совсѣмъ не такъ поняты.

— Я хотѣлъ только выразить,—пояснилъ я, наконецъ:— что должности вашихъ превосходительствъ никогда не прекращаются, и что Провидѣніе...

— Вѣрю-съ!

— Что Провидѣніе, осчастлививши насъ однажды правителемъ, подобнымъ вашему превосходительству, конечно, озаботится и на будущее время.

— Вѣрю-съ!

Сказавши это, его превосходительство удалился во внутреннія комнаты; за нимъ послѣдовали полицеймейстеръ и правитель канцеляріи; я же долженъ былъ съ носомъ отправиться въ переднюю.

Въ передней швейцаръ улыбался и спрашивалъ: «когда будетъ новый генералъ?» Часы, пріобрѣтенные для генеральскаго дома за пять генераловъ передъ симъ, стучали «тикъ-такъ, тикъ-такъ!»—какъ будто бы говорили: «мы видѣли пять генераловъ! мы видѣли пять генераловъ! мы видѣли пять генераловъ!»

Оставалось, слѣдовательно, отдать нашему генералу послѣдній долгъ. Избранъ былъ комитетъ изъ самыхъ опытныхъ по этой части обывателей; комитетъ, въ свою очередь, избралъ распорядителями торжества меня и Сеню Бирюкова. Для меня это дѣло привычное, потому что я не разъ ужъ въ своей жизни катафалки-то эти устраивалъ; но Сеня такъ возгордился сдѣланнымъ ему довѣріемъ, что даже шею выгнулъ, словно конь сѣдлистый, да въ этакомъ видѣ и носился съ утра до вечера по городу. Когда вопросъ о кушаньяхъ былъ подвергнутъ зрѣлому обсужденію,

Digitized by Google

тогда самъ собою возникъ вопросъ о тостахъ и рѣчахъ. Но это такой важный предметъ, что я считаю необходимымъ сказать о немъ нѣсколько лишнихъ словъ.

Въ прежнія времена разрѣшеніе этого вопроса не представляло никакихъ затрудненій, ибо въ прежнія времена всѣ говорили вдругъ. Одинъ изъ распорядителей выступалъ на средину, провозглашалъ тостъ: «за здоровье его превосходительства!» — и всѣ дружно подхватывали: «прощайте, ваше превосходительство!» «ура, ваше превосходительство!» Его превосходительство, въ свою очередь, обходилъ кругомъ стола и говорилъ: «нижайше вамъ кланяюсь, господа!» «усерднѣйше васъ благодарю, почтенные мои сослуживцы!» И, смотря по степени воодушевленія, или плакалъ, или просто только утиралъ глаза. И такимъ образомъ, за общимъ шумомъ, ничего понять было нельзя. Конечно, эта форма изъявленія чувствъ была не совсѣмъ правильная, но зато она была трогательна и искренна. Но нынче и этому дѣлу дали совершенно иной оборотъ. Скажу вамъ по секрету, что у насъ разнеслись недавно слухи о какомъ-то конституціонномъ началѣ, которое въ томъ, будто бы, состоитъ, что одинъ кто-нибудь говоритъ, а другіе молчатъ; и когда одинъ кончитъ говорить, то начинаетъ говорить другой, а прочіе опять молчатъ, и такимъ образомъ идетъ это дѣло съ самаго начала обѣда и до тѣхъ поръ, пока присутствующіе не сдѣлаются достаточно веселы. Тутъ-то собственно и начинается настоящая конституція, ибо все, что происходитъ прежде, считается только предварительнымъ къ ней приготовленіемъ. Повидимому, самое лучшее было бы прямо начать съ настоящей конституціи; однако, этого сдѣлать нельзя, во-первыхъ, потому, что надобно, чтобъ все происходило по порядку, а во-вторыхъ, потому, что предварительныя дѣйствія освѣщаютъ путь для предстоящей веселой конституціи и служатъ для нея руководящею нитью. Понятно, что при такихъ условіяхъ встрѣчается необходимость въ людяхъ, которые умѣли бы говорить даже въ такое время, когда другіе молчатъ; но понятно также, что это положеніе совершенно проклятое и что люди скромные принимаютъ его весьма неохотно. Это почти то же, что въ-одиночку публично производить какое-нибудь предосудительное отправленіе, когда никто кругомъ никакихъ предосудительныхъ отправленій не производитъ. А потому выборъ людей для произношенія тостовъ и спичей всегда сопрягается съ затрудненіями очень серьезными, и обязан-

Digitized by Google

ность эта представляется такою повинностью, нарядъ на которую почти равносиленъ наряду на барщину.

На этотъ разъ ораторами выбраны были: вице-губернаторъ — отъ лица чиновъ пятаго класса, совѣтникъ губернскаго правленія Звенигородцевъ—отъ лица всѣхъ прочихъ чиновъ, Сеня Бирюковъ — отъ лица молодого поколѣнія и, наконецъ, командиръ гарнизоннаго батальона - - отъ имени воинскаго сословія. Полицеймейстеръ до того разревновался, что вызвался сказать сверхштатную рѣчь отъ лица полиціи. Разумѣется, всѣ они тотчасъ же отправились домой и занялись чтеніемъ «Московскихъ Вѣдомостей», дабы ближе ознакомиться съ политическимъ положеніемъ Россіи и усвоить себѣ нѣкоторые, необходимые въ краснорѣчіи, обороты.

Но главнымъ украшеніемъ прощальнаго обѣда долженъ былъ служить столѣтній старецъ, Максимъ Гаврилычъ Крестовоздвиженскій, который еще въ семьсотъ-восемьдесятъ-девятомъ году служилъ въ нашей губерніи писцомъ въ намѣстнической канцеляріи. Идея пригласить къ участію въ праздникѣ эту живую лѣтопись нашего города, этого свидѣтеля его величія и славы, была весьма замѣчательна и, какъ увидимъ ниже, имѣла совершенный и полный успѣхъ.

Я не стану описывать дѣйствій депутаціи, на которую возложено было приглашеніе генерала къ прощальному обѣду. Ничего замѣчательнаго при этомъ не произошло, кромѣ того, что отъѣзжающій прослезился и завѣрилъ депутацію, что будетъ непремѣнно. Приступлю прямо къ описанію торжественныхъ минутъ прощанья.

Въ три часа пополудни мы собрались въ нарочно приготовленной для того залѣ. Нѣкоторые тотчасъ же выпили водки. Всѣ вообще, повидимому, уже освоились съ мыслью о предстоящей разлукѣ и потому держали себя совсѣмъ не такъ, какъ бы торжество прощанья того требовало, а такъ, какъ бы просто собрались выпить и закусить; одинъ правитель канцеляріи по временамъ еще вздрагивалъ. Въ четыре часа отъѣзжающій прибылъ въ залъ, сопровождаемый двумя ассистентами, и всѣ присутствующіе тотчасъ же сгруппировались вокругъ него. Начались пожатія рукъ, причемъ, впопыхахъ, генералъ удостоилъ пожатія даже клубнаго лакея Ѳедора, и тутъ же очень мило самъ разсмѣялся своей ошибкѣ.

За столомъ всѣ размѣстились по старшинству безъ особенныхъ затрудненій; только операторъ врачебной управы

Digitized by Google

(нѣсколько уже выпившій) заупрямился сѣсть на конецъ стола, на томъ основаніи, что, будто бы, ему будутъ доставаться плохіе куски, но и это недоразумѣніе было улажено положительнымъ удостовѣреніемъ, что кушанья наготовлено слишкомъ достаточно, чтобы могли имѣть мѣсто подобнаго рода опасенія. Генералъ держалъ себя съ твердостью и достоинствомъ, но когда подали супъ, то невольная слеза канула изъ его глазъ въ тарелку. Послѣ супа слѣдовалъ первый тостъ. Вице-губернаторъ всталъ и, когда все умолкло, произнесъ:

«Ваше превосходительство! одинъ древній сказалъ: Timeo Danaos et dona ferentes! Это значитъ: опасаюсь данайцевъ даже тогда, когда они приходятъ съ дарами»...

Кругомъ раздается одобрительный шопотъ; совѣтникъ Звенигородцевъ блѣднѣетъ, потому что «Timeo Danaos» было включено и въ его рѣчь; онъ обдумываетъ, какъ бы вмѣсто этой цитаты помѣстить туда другую: «sit venia verbo»; операторъ врачебной управы вполголоса объясняетъ своему сосѣду:—«Timeo—боюсь, а не опасаюсь; et dona ferentes—и дары приносящихъ, а не «даже тогда, когда они приходятъ съ дарами»; слѣдовательно, «боюсь данайцевъ и дары приносящихъ» — вотъ какъ по-настоящему перевести слѣдуетъ». — Но вице-губернаторъ не слышитъ этого зловреднаго объясненія и, ободряемый общимъ вниманіемъ, продолжаетъ:

...«съ дарами. Но здѣсь ваше превосходительство, вы изволите видѣть не «данайцевъ», приходящихъ къ вамъ съ дарами, а преданныхъ вамъ подчиненныхъ, приносящихъ вамъ — и не тѣ дары, о которыхъ говоритъ древній, — а дары своего сердца».

— Отлично! великолѣпно!—раздается кругомъ; отъѣзжающій тронутъ, ораторъ куражится.

...«своего сердца. Въ особенности скажу я это о тѣхъ, отъ имени которыхъ обращаю къ вашему превосходительству прощальное слово! (Ораторъ окидываетъ взоромъ небольшое пространство стола, усѣянное чинами пятаго класса; отъѣзжающій кланяется и жметъ руки сосѣдямъ; управляющій удѣльной конторой лѣзетъ цѣловаться. Картина). Эти дары, ваше превосходительство, можете принять съ полною увѣренностью, что въ нихъ нѣтъ ни орсиніевскихъ гранатъ, ни другихъ разрывающихъ составовъ. Я принялъ на себя сладкую, но трудную обязанность, ваше превосходительство! Я принялъ обязанность въ устномъ словѣ

Digitized by Google

изобразить передъ вашимъ превосходительствомъ эти скромные, но горячіе дары, которые безмолвно, но краснорѣчиво пламенѣютъ въ нашихъ сердцахъ. Я не боюсь упрековъ; зоилы и свистуны стоятъ ниже меня»...

— Браво! браво! урра!—раздается кругомъ.

...«зоилы и свистуны стоятъ ниже меня. Но во всякомъ случаѣ, ваше превосходительство, не заподозрите меня, если я скажу: дары, которые приносятся здѣсь вашему превосходительству, суть дары сердца, а не тѣ дары, о которыхъ говорилъ «древній». Ура!»

Вице-губернаторъ умолкъ; на средину залы вывели подъ руки «столѣтняго старца», который заплакалъ. Отъѣзжающій былъ такъ тронутъ, что могъ сказать только:

— Успокойте старика! успокойте старика!

Столѣтняго старца увели; подали ростбифъ; Звенигородцевъ, чувствуя приближеніе минуты, дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Наконецъ, онъ всталъ, съ бокаломъ въ рукѣ, противъ виновника торжества и произнесъ:

«Ваше превосходительство! Еще недавно ваше превосходительство; не изволивъ утвердить журналъ губернскаго правленія о преданіи за противозаконныя дѣйствія суду зарѣченскаго земскаго исправника, изволили сказать слѣдующее: «пусть лучше говорятъ про меня, что я баба, но не хочу, чтобъ кто-нибудь могъ сказать, что я жестокій человѣкъ!» Какимъ чувствомъ была преисполнена грудь земскаго исправника при извѣстіи, что онъ отъ суда и слѣдствія учиненъ свободнымъ — это понять не трудно. Гораздо труднѣе понять чувства, волновавшія при этомъ насъ, подписавшихъ упомянутый выше журналъ. Нечего и говорить о томъ, что мы приняли рѣшеніе вашего превосходительства къ непремѣнному исполненію; этого мало: предоставленные самимъ себѣ, мы думали, что этого человѣка мало повѣсить за его злодѣянія; но, узнавши о вашихъ начальническихъ словахъ, мы вдругъ постигли всю шаткость человѣческихъ умозаключеній и внутренно почувствовали себя просвѣтленными»...

— Браво! прекрасно! вотъ истинныя отношенія подчиненныхъ къ начальникамъ!

«Мы поняли, что истинное искусство управлять заключается не въ строгости, а въ томъ благодушіи, которое, въ соединеніи съ прямодушіемъ, извлекаетъ дань благодарности изъ самыхъ черствыхъ и непреклонныхъ, повидимому, сердецъ. Эта невольная дань несется къ вашему

Digitized by Google

превосходительству не только отъ лицъ, здѣсь присутствующихъ, но и отъ всей губерніи. Да, не одно благодарное сердце бьется въ настоящую минуту въ безвѣстности! не одинъ выспренній умъ содрогается при мысли о предстоящей разлукѣ! Но для того, чтобы доказать справедливость моихъ словъ, считаю не лишнимъ изложить здѣсь вкратцѣ прохожденіе службы вашего превосходительства».

Ораторъ на мгновеніе останавливается, чтобы перевести духъ, и затѣмъ продолжаетъ:

«Умолчу о трудахъ, понесенныхъ вашимъ превосходительствомъ въ теченіе слишкомъ тридцатипятилѣтней службы въ различныхъ вѣдомствахъ, которыя были осчастливлены вашимъ содѣйствіемъ. Начертать такую перспективу было бы подвигомъ, далеко превышающимъ мои слабыя силы. А потому позволяю себѣ застигнуть ваше превосходительство въ тотъ моментъ, когда наша губернія, въ свою очередь, была, такъ сказать, застигнута вашимъ превосходительствомъ. У насъ прохожденіе вашей службы было всего шесть мѣсяцевъ и пять дней, но и этого краткаго періода времени было достаточно, чтобы дать почувствовать, что нами руководитъ опытная рука».

При этихъ словахъ раздается громъ рукоплесканій, и восторженное «ура!» потрясаетъ стѣны залы. Даже лакеи взволновались. Управляющій удѣльной конторой опять идетъ цѣловаться. Ораторъ продолжаетъ:

«Прибывши къ намъ, ваше превосходительство не посѣтили ли городовъ нашей губерніи? Посѣтивши города, не обревизовали ли во всей подробности наши присутственныя мѣста? Предложеніе объ этомъ предметѣ вашего превосходительства, по которому губернскимъ правленіемъ въ свое время уже сдѣлано надлежащее распоряженіе, не останется ли вѣчнымъ памятникомъ вашей распорядительности и вашей проницательности? Отеческимъ сердцемъ вы изволили отнестись ко всѣмъ нашимъ недугамъ и слабостямъ; отъ взора вашего не укрылось ни то, что наши земскіе суды не пользуются соотвѣтствующими помѣщеніями, ни то, что города наши до сихъ поръ остаются незамощенными. Все это вы поставили губернскому правленію на видъ и все это должно на будущее время служить этому высшему въ губерніи присутственному мѣсту (вице-губернаторъ охорашивается, прочіе предсѣдатели завистливо, но сомнительно улыбаются) путеводной звѣздой, къ которой имѣютъ устремляться его административныя усилія. За все

Digitized by Google

это—дань благодарности вашему превосходительству! Дань благодарности отъ всѣхъ неиспорченныхъ сердецъ, той благодарности, о которой сейчасъ такъ краснорѣчиво выразился мой достойный начальникъ (вице-губернаторъ) и которую ваше превосходительство можете принять безъ всякихъ опасеній, ибо здѣсь нельзя (крики кругомъ: «да, нельзя! нельзя!») даже сказать подобно «древнему»: timeo Danaos et dona ferentes. Ура!»

Смута, произведенная этою рѣчью, была такъ велика, что никто даже не обратилъ вниманія, какъ «столѣтній старецъ» вышелъ на середину залы и прослезился. Всѣхъ поразила мысль: вотъ человѣкъ, который слишкомъ тридцать шесть лѣтъ благополучно служилъ въ разныхъ вѣдомствахъ—и въ какіе-нибудь шесть мѣсяцевъ невинно погибъ! Этимъ же смятеніемъ воспользовался и полицеймейстеръ, чтобы наскоро сказать свою рѣчь безъ очереди.

— Ваше превосходительство!—сказалъ онъ:—я не умѣю говорить, но всегда скажу: вы заставили уважать полицію!

Волненіе насилу стихло; очевидно, что приближалась торжественная минута «настоящей конституціи». Подали и съѣли огромнѣйшую рыбу. На сцену выступилъ Сеня Бирюковъ, въ сопровожденіи всей нашей блестящей молодежи, съ отличіемъ занимающей мѣста чиновниковъ особыхъ порученій, мировыхъ посредниковъ и судебныхъ слѣдователей. Однимъ словомъ, все наше «воинство возрожденія» было тутъ налицо.

— Ваше превосходительство! — началъ Сеня: — я не ораторъ...

— Я коллежскій регистраторъ!—очень явственно прошипѣлъ операторъ врачебной управы, бывшій ужъ очень близко къ «конституціи».

— Шш!.. — пронеслось по залѣ.

«Я не ораторъ, но не могу не сказать нѣсколькихъ словъ о тепломъ участіи, которое вы принимали въ благодѣтельныхъ учрежденіяхъ послѣдняго времени. На вашихъ глазахъ совершился ужаснѣйшій переворотъ, которому когда-либо былъ свидѣтелемъ изумленный міръ. Передъ вашимъ превосходительствомъ были двѣ стороны, но вы не склонились ни на ту, ни на другую. Передъ вашимъ превосходительствомъ были двѣ дороги, но вы не пошли ни по той, ни по другой. Результаты дѣятельности вашего превосходительства еще не видны, но они будутъ. Привѣтствуя васъ отъ лица нашего молодого поколѣнія, я могу приба-

Digitized by Google

вить одно: привѣтствіе это есть дань сердца, которую ваше превосходительство можете принять со всею безопасностью. Какъ выразились мои уважаемые предшественники, вы не имѣете даже повода сказать въ этомъ случаѣ: *timeo Danaos et dona ferentes*, потому что здѣсь всякій приноситъ дары свои отъ чистаго сердца. Ура!»

— Ура! ура! ура!—дружно грянуло молодое поколѣніе, потрясая бокалами.

Генералъ потупился; онъ скромно сознавалъ въ эту минуту, что успѣлъ угодить всѣмъ. Но настроеніе умовъ постепенно принимало направленіе къ веселости: на многихъ пунктахъ стола громко раздавались требованія, чтобы оркестръ сыгралъ что-нибудь русское; совѣтникъ казенной палаты Храниловъ лилъ на столъ красное вино и посыпалъ залитое пространство солью, доказывая, что при этой предосторожности всякая прачка можетъ легко вывести изъ скатерти какія угодно пятна; правитель канцеляріи уже не вздрагивалъ, но весь покрылся фіолетовыми пятнами—явный признакъ, что онъ былъ близокъ къ буйству. Однимъ словомъ, во избѣжаніе неожиданностей, я, какъ распорядитель, долженъ былъ просить батальоннаго командира, чтобъ онъ сказалъ свою рѣчь какъ можно скорѣе и какъ можно короче, что онъ, къ общему удовольствію, и исполнилъ.

— Ваше превосходительство!—сказалъ онъ:—буду кратокъ, чтобъ не задерживать драгоцѣнные ваши часы. Я не краснорѣчивъ, но знаю, что когда понадобилось отвести для батальона огороды—вы отвели ихъ; когда приказано было варить для нижнихъ чиновъ пищу изъ общаго котла—вы приказали пріобрѣсти эти котлы въ лучшемъ видѣ. Ввѣренный мнѣ батальонъ имѣетъ честь благодарить за это ваше превосходительство. Ура!

Этою рѣчью заключалась первая часть нашего торжества. Затѣмъ уже началась такъ-называемая конституція, которую я не стану описывать, потому что, по мнѣнію моему, всѣ проявленія, имѣющія либеральный характеръ, какъ бы преданны они ни были, заключаютъ въ себѣ одно лишь безобразіе...

На другой день я посѣтилъ помѣщеніе, въ которомъ происходило прощальное торжество. На полу валялись объѣдки, скатерть пестрѣла пятнами, цѣлая масса прогорклаго дыма висѣла надъ столами. Сердце мое сжалось...

Digitized by Google

II.—Старый котъ на покоѣ.

I.

Новый начальникъ либеральничаетъ, новый начальникъ политиканитъ, новый начальникъ стоитъ на стражѣ. Онъ устраиваетъ союзы, объявляетъ войны и заключаетъ миръ. Одно допускаетъ, другое устраняетъ. Принимая въ соображеніе одно, не упускаетъ изъ вида и другое, при чемъ не лишнимъ считаетъ обратить вниманіе и на третье. Въ отношеніи однихъ дѣйствуетъ мѣрами благоразумной кротости; въ отношеніи другихъ употребляетъ строгость. Онъ пишетъ обширнѣйшіе циркуляры, въ которыхъ призываетъ, поощряетъ, убѣждаетъ, надѣется, а въ *случаѣ нужды*— даже требуетъ и угрожаетъ. Однимъ словомъ, создаетъ новую эру.

Въ согласность съ нимъ настраивается и подначальный людъ. Несутся сердца, задаются пиры и банкеты въ честь виновника торжества; языки безъ всякаго опасенія предаются благодѣтельной гласности; произносятся спичи и тосты; указываются новые невредные источники народнаго благосостоянія, процвѣтанія и развитія; выражаются ожиданія, упованія и надежды, которыя, при помощи шампанскаго, изъ области упованій crescendo переходятъ въ твердую и непоколебимую увѣренность.

Даже дамы не остаются праздными: онѣ наперерывъ устраиваютъ для новаго начальника спектакли, шарады и живыя картины; интригуютъ его въ маскарадахъ, выбираютъ въ мазуркѣ, и при этомъ выказываютъ такое высокое чувство гражданственности, что ни одному разогорченному супругу даже на мысль не приходитъ произнести слово: «безстыдница» или «срамница».

Среди этого всеобщаго гвалта, среди этого ливня мѣропріятій съ одной стороны и восторговъ съ другой, никто не замѣчаетъ, что тутъ же, у насъ подъ бокомъ, увядаетъ существо, которое тоже (и какъ недавно!) испускало изъ себя всевозможныя мѣропріятія и тоже было предметомъ всякаго рода сердценесеній, упованій, переходящихъ въ увѣренность, и увѣренностей, покоящихся на упованіяхъ.

Да, онъ не оставилъ насъ, нашъ добрый старый начальникъ; онъ поселился тутъ же, вмѣстѣ съ достойною своею супругой Анной Ивановной, въ подгородномъ своемъ имѣніи, и тамъ, на лонѣ природы-матери, употребляетъ всѣ

Digitized by Google

усилія, чтобы блаженствовать. Конечно, злые языки распускаютъ, будто внутри у него образовалась цѣлая урна слезъ, будто слезы эти горячими каплями льются на сердце старика и вызываютъ на его лицо горькія улыбки и судорожныя подергиванья; но я имѣю всѣ данныя утверждать, что слухи эти неосновательны. Я самъ посѣтилъ его въ благопріобрѣтенномъ селѣ Обираловѣ (и даже не скрылъ этого отъ новаго начальника) и собственными глазами убѣдился, что онъ точно блаженствуетъ. Онъ съ безпечнымъ видомъ ходитъ по полямъ и лугамъ; онъ рветъ цвѣточки и плететъ изъ нихъ вѣнки: онъ питается исключительно молочными скопами; онъ вступаетъ въ непринужденный разговоръ съ добродушными поселянами и поголовно называетъ ихъ друзьями... Какихъ доказательствъ блаженства еще надо?

Коли хотите, въ немъ дѣйствительно произошла нѣкоторая перемѣна: глаза не мещутъ, носъ не угрожаетъ, уста не изрыгаютъ, длани не устремляются. Коли хотите, нѣтъ недостатка и въ подергиваньяхъ, и въ горькихъ улыбкахъ... Но, по мнѣнію моему, эта перемѣна произошла совсѣмъ не вслѣдствіе унынія, а оттого единственно, что добрый старикъ, вышедши въ отставку, пріобрѣлъ опасную привычку слишкомъ часто поднимать завѣсу будущаго. При такомъ безпрерывномъ подниманіи довольно трудно обойтись безъ подергиваній (я зналъ одного мудреца, который даже зажималъ носъ, какъ только приходилось поднимать завѣсу будущаго). Самъ старикъ въ этомъ сознается и даже довольно картинно выражаетъ плоды своихъ наблюденій по этому предмету.

— Да-съ,—говоритъ онъ:—я озабоченъ-съ. Посмотришь въ эту закрытую для многихъ книгу—увидишь тамъ все такое несообразное. Кружатся-съ, рвутъ другъ друга, скалятъ зубы-съ. Неутѣшительно-съ.

Итакъ, вотъ единственное облако, которое омрачаетъ тихій вечеръ отставного администратора; во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ онъ блаженствуетъ. Онъ охотно смѣшиваетъ либерализмъ съ сокращеніемъ переписки, и когда однажды у насъ зашла рѣчь о постепенномъ шествіи впередъ на пути гражданственности и устности:

— Это еще при мнѣ началось, — сказалъ онъ: — въ то время я осмѣлился подать слѣдующій совѣтъ: если позволительно такъ думать, сказалъ я, то предоставьте все усмотрѣнію главныхъ начальниковъ!

Digitized by Google

— А что вы думаете? Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ это значительно сократило бы переписку!—замѣтилъ я.

— Значительно-съ, — отвѣчалъ онъ съ одушевленіемъ, очевидно намѣреваясь сообщить дальнѣйшее развитіе этой замѣчательной темѣ, но вдругъ замолкъ, какъ бы опасаясь проронить государственную тайну.

Вообще о дѣлахъ внутренней и внѣшней политики старикъ отзывается сдержанно и загадочно. Не то одобряетъ, не то порицаетъ, не забывая, однакожъ, при каждомъ случаѣ прибавить: «это еще при мнѣ началось», или: «я въ то время осмѣлился подать такой-то совѣтъ».

— Отчего же мнѣніе вашества не было принято въ уваженіе?—иногда спрашиваютъ его веселые собесѣдники.

— А оттого-съ, что нынче старыхъ слугъ не уважаютъ,— отвѣчаетъ онъ съ нѣкоторою скорбью, но вслѣдъ затѣмъ веселенько прибавляетъ:—Да, пора, давно пора было мнѣ отдохнуть!

О новомъ начальникѣ старикъ или вовсе умалчиваетъ, или выражается иносказательно, то-есть начинаетъ, по поводу его, разговоръ о древнемъ языческомъ богѣ Меркуріи, прославившемся не столько дѣлами доблести, сколько двусмысленнымъ своимъ поведеніемъ, и затѣмъ старается замять щекотливый разговоръ и обращаетъ вниманіе собесѣдниковъ на молочные скопы и другіе предметы сельскаго хозяйства.

Однажды зашла рѣчь о пожарахъ, и нѣкоторый веселый собесѣдникъ выразилъ предположеніе, что новый начальникъ, судя по его дѣйствіямъ, долженъ быть, по малой мѣрѣ, скрытный членъ народоваго жонда.

— Не отрицаю-съ,—скромно замѣтилъ благодушный старикъ:—но не смѣю и утверждать-съ. Скажу вамъ по этому случаю анекдотъ-съ. Однажды, когда князь Петръ Антонычъ требовалъ, чтобы я высказалъ ему мое мнѣніе насчетъ сокращенія въ одномъ вѣдомствѣ фалдъ, то я откровенно отвѣчалъ: «Ваше сіятельство, и фалды сокращенныя. и фалды удлиненныя — мы все примемъ съ благодарностью!»—«Дипломатъ!» выразился по этому случаю князь и изволилъ милостиво погрозить мнѣ пальцемъ. Такъ-то-съ.

Даже противъ реформъ, или—какъ онъ ихъ называлъ—«катастрофъ», старикъ не огрызался; напротивъ того, всякое новое мѣропріятіе находило въ немъ мудраго толкователя. Самыя земскія учрежденія, и тѣ не смутили его. Конечно, онъ сначала испугался, но потомъ вникъ, взвѣсилъ, разсудилъ... и простилъ!

Digitized by Google

— Такъ, вашество, одобряете? — спрашиваютъ его иногда собесѣдники.

— Одобряю-съ,—отвѣчалъ онъ.—Сначала, конечно... опасался-съ; но теперь... одобряю-съ!

— Чего же собственно, вашество, опасаться изволили?

— Упраздненія власти-съ!

— А теперь одобряете?

— Теперь одобряю-съ. На этотъ счетъ доложу вамъ вотъ что-съ. Съ блаженной памяти государя Петра Алексѣевича исторія русской цивилизаціи принимаетъ характеръ, такъ сказать, піонерный. Являются, знаете, одни за другими піонеры. Расчищаютъ, пролагаютъ, прорубаютъ, строятъ, ломаютъ и опять строятъ... однимъ словомъ, ведутъ жизнь дѣятельную. Сперва губернаторы, прокуроры, экономіи директоры, капитанъ-исправники—это, такъ сказать, піонеры первобытные. Потомъ-съ: окружные начальники, воспитанники училища правовѣдѣнія, акцизные чиновники, контрольные чиновники, мировые посредники—это уже піонеры второй формаціи, піонеры съ утонченными чувствами и деликатными манерами. Наконецъ, земство-съ.

— Стало-быть, и Василій Петровичъ, и Николай Дмитричъ—все это піонеры?

— Піонеры-съ, и больше ничего!

Послѣ такого толкованія слушателямъ не оставалось ничего болѣе, какъ оставить всякія опасенія и надѣяться, что не далеко то время, когда Русская земля процивилизуется, наконецъ, вплотную. Вотъ что значитъ опытность старика, пріобрѣвшаго, по выходѣ въ отставку, привычку поднимать завѣсу будущаго!

Такимъ образомъ, тихо и неслышно текутъ дни благодушнаго старца, еще недавно удивлявшаго міръ своею распорядительностью. Въ обхожденіи онъ кротокъ и какъ-то задумчиво-сдержанъ: на исправника глядитъ благосклонно, какъ будто говоритъ: «это еще при мнѣ началось!» съ мировымъ судьей холодно-учтивъ, какъ будто говоритъ: «по этому предмету я осмѣлился подать такой-то совѣтъ!» Въ одеждѣ своей онъ не придерживается никакихъ формальностей и предпочитаетъ бѣлый цвѣтъ всякому другому, потому что это цвѣтъ угнетенной невинности. Однажды даже онъ отпустилъ себѣ бороду, въ знакъ того, что и ему не чуждо «сокращеніе переписки», но скоро оставилъ эту затѣю, потому что князь Петръ Антонычъ, встрѣтивши его въ этомъ видѣ, сказалъ: «Эге, братъ, да и ты, кажется, въ

Digitized by Google

нигилисты попалъ!» Вообще онъ счастливъ и увѣряетъ всѣхъ и каждаго, что никогда такъ не блаженствовалъ, какъ находясь въ отставкѣ.

II.

Каждый день утромъ къ старику пріѣзжаетъ изъ города бывшій правитель его канцеляріи, Павелъ Трофимычъ Кошельковъ, старинный соратникъ и соархистратигъ, вмѣстѣ съ нимъ нѣкогда возжегшій административный свѣтильникъ и съ нимъ же вмѣстѣ погасившій его. Это гость всегда дорогой и всегда желанный; отъ него узнаются всѣ городскія новости и, что̀ всего важнѣе, онъ же, изо-дня въ-день, повѣдываетъ почтенному старцу трогательную повѣсть подвиговъ и дѣяній того, кто хотя и замѣнилъ незамѣнимаго, но не могъ заставить его забыть.

Утро; старикъ сидитъ за чайнымъ столомъ и кушаетъ чай со сдобными булками; Анна Ивановна усердно намазываетъ масломъ тартинки, которыя незабвенный проглатываетъ тѣмъ съ бо̀льшею готовностью, что, со времени выхода въ отставку, онъ совершенно утратилъ инстинктъ плотоядности. Но мысль его блуждаетъ индѣ; глаза, обращенные къ окошкамъ, прилежно испытуютъ пространство, не покажется ли вдали пара саврасокъ, влекущая стариннаго друга и собесѣдника. Наконецъ, старецъ оживляется, на̀скоро выпиваетъ остатки молока и бѣжитъ къ дверямъ.

— Ну-съ, что̀ новенькаго?—спрашиваетъ онъ послѣ первыхъ взаимныхъ привѣтствій.

— Моститъ базарную площадь-съ.

— Какъ? кто?

— Новый-съ.

Извѣстіе это поражаетъ изумленіемъ. Старикъ многое предвидѣлъ, многое предсказалъ; но этого ни предвидѣть, ни предсказать не могъ.

— Признаюсь!—произноситъ онъ не безъ смущенія:— признаюсь!

— Да и мы таки-подивились!—поддакиваетъ Павелъ Трофимычъ.

Не то чтобы идея о замощеніи базарной площади была для старика новостью; нѣтъ, и его воображеніе когда-то плѣнялось ею, но онъ оставилъ эту затѣю (и не безъ сожалѣнія оставилъ!), потому что изъ устныхъ и письменныхъ преданій убѣдился, что до него уже семь губернаторовъ погибли жертвою этой ужасной идеи.

Digitized by Google

— Но предвидѣлъ ли онъ, этотъ безразсудный молодой человѣкъ, тѣ непреодолимыя трудности, даже опасности, съ которыми связано подобное предпріятіе?

— Сказывали-съ; Яковъ Астафьичъ даже примѣры представляли-съ...

— Ну?

— Остался непреклоненъ-съ.

Начинаются сѣтованія и соболѣзнованія; разсказывается исторія о погибшихъ губернаторахъ, и въ особенности приводится въ примѣръ нѣкоторый Иванъ Петровичъ, который все совершилъ, что смертному совершить доступно, то-есть недоимки собралъ, безпокойныхъ укротилъ, нравственность водворилъ и даже однажды высѣкъ совсѣмъ неподлежаще одного обывателя, но по вопросу о мостовыхъ сломился, былъ отрѣшенъ отъ должности и умеръ въ отставкѣ, не выслуживъ пенсіона.

— А я такъ вотъ выслужилъ!—прибавляетъ благодушный старецъ.

— Раненько, вашество, тяготы-то съ себя снять изволили!—льститъ Павелъ Трофимычъ.

— Я?.. Что-жъ?.. Я послужить готовъ!.. Я, мой любезный Павелъ Трофимычъ... Меня этими мостовыми не удивишь! Я не только передъ мостовыми, но даже передъ тротуарами не дрогну! Только надо къ этому предмету осторожно, мой милый... Ой, какъ осторожно надо подступить!

— Что говорить, вашество, съ осторожностью и гору просверлить можно!

— Это такъ. Потому, сегодня стукнешь—ямочка, завтра стукнешь—анъ она глубже, послѣзавтра—и еще глубже. Такъ-то, мой любезный!

Въ такихъ разговорахъ незамѣтно летитъ время до обѣда, послѣ чего Кошельковъ отправляется обратно въ городъ за свѣжимъ запасомъ новостей.

На другой день та же обстановка и тотъ же дорогой гость. Оказывается, что «новый» переломалъ въ губернаторскомъ домѣ полы и потолки.

Старикъ дѣлается серьезенъ, почти строгъ.

— А знаетъ ли онъ, этотъ безразсудный молодой человѣкъ,—говоритъ онъ:—что въ этомъ домѣ до него жили тридцать три губернатора, и жили, благодареніе Богу, въ изобиліи!

На третій день Павелъ Трофимычъ повѣствуетъ, что «новый», прибывъ въ нѣкоторое присутственное мѣсто, спро-

Digitized by Google

силъ книгу, подложилъ ее подъ себя и затѣмъ, бія себя въ грудь, сказалъ предстоявшимъ:

— Я вамъ книга, милостивые государи! Я — книга, и больше никакихъ книгъ вамъ знать не нужно!

Старикъ начинаетъ колебаться. Онъ начинаетъ подозрѣвать, что въ «безразсудномъ молодомъ человѣкѣ» не все сплошь безразсудства, но по временамъ являются и признаки мудрости.

— Дай Богъ!—говоритъ онъ:—дай Богъ! Но, все-таки, скажу: осторожность, мой любезный! Ой, какъ нужна осторожность!

На четвертый день—опять то же посѣщеніе; оказывается, что «новый» выбралъ себѣ въ «помпадурши» жену квартальнаго Толоконникова.

Чело старика проясняется; въ головѣ его шевелятся веселыя мысли.

— А что ты думаешь, любезный,—говоритъ онъ:—вѣдь онъ... тово! вѣдь онъ бабенку-то... тово!

— Толоконниковъ ужъ и шинель съ бобрами себѣ построилъ-съ!

— Въ знакъ удовлетворенія... это такъ! Я полагаю даже, что онъ его куда-нибудь въ совѣтники... Потому, мой любезный, что это, такъ сказать, общая наша слабость, и... долженъ признаться... пріятнѣйшая, братъ, эта слабость!

— Ужъ чего же, вашество, лучше!

— То-то, любезный другъ, ты пойми! Насчетъ этого нельзя такъ легко говорить! Ужъ на что я къ Аннѣ Ивановнѣ привязанъ, а тоже, бывало, завидишь этакую помпадуршу—чай, помнишь?..

— Какъ не помнить-съ! Только раненько, вашество, тяготы-то эти сбросить съ себя изволили!

— Что-жъ, я послужить готовъ!.. А онъ... тово! Онъ, я тебѣ скажу, эту бабенку... Это—вѣрно!

Наконецъ, въ одно прекрасное утро пріѣзжаетъ Павелъ Трофимычъ и смотритъ не то загадочно, не то торжественно.

— Ну-съ, что еще напроказили?—спрашиваетъ старикъ по обыкновенію.

— Недоимки собираетъ!

— Самъ собираетъ?

— Самъ-съ.

— И сѣчетъ?

— И сѣчетъ-съ! (Кошельковъ, очевидно, вретъ, но дѣ-

Digitized by Google

лаетъ это въ тѣхъ видахъ, чтобы извѣстіе подѣйствовало на старика какъ можно живительнѣе).

При этомъ извѣстіи съ отставнымъ начальникомъ совершается нѣчто необыкновенное. Онъ какъ бы впадаетъ въ восторженное забытье; ему мнится, что онъ куда-то въѣзжаетъ на бѣломъ конѣ, что онъ облаченъ въ свѣтозарныя одежды; что сзади него миріада исправниковъ, сотскихъ, десятскихъ, а передъ нимъ...

— Даже бабъ сѣчетъ-съ!—окончательно прилыгаетъ Павелъ Трофимычъ, видя успѣхъ своей стратагемы.

— Бацъ! бацъ! — ни съ того, ни съ сего, вдругъ восклицаетъ старикъ.—Такъ ты говоришь, и бабъ?

— Точно такъ, вашество, потому что бабы...

— Бацъ! бацъ!

Старикъ быстрыми шагами ходитъ по комнатѣ, дѣлая движеніе рукой сверху внизъ.

— А знаешь ли, что я тебѣ скажу!—говоритъ онъ, останавливаясь съ размаху передъ своимъ собесѣдникомъ.

— Что, вашество, приказать изволите?

— Онъ... молодецъ!

III.

По вечерамъ старецъ пишетъ свои мемуары или, какъ онъ называетъ, «воспоминанія о бывшемъ, небывшемъ и грядущемъ». Онъ занимается этимъ въ величайшемъ секретѣ, такъ что только Анна Ивановна, Павелъ Трофимычъ да я знаемъ, чему посвящаетъ свои досуги бывшій глубокомысленный администраторъ.

— Я, мой милый, фрондеръ! — такъ всегда начинаетъ онъ, когда рѣшается прочитать намъ какой-нибудь отрывокъ изъ своихъ мемуаровъ.—По выраженію старика Державина,—

Я истину царямъ съ улыбкой говорилъ...

Ну, и почтенъ былъ за это въ свое время... А нынче, друзья мои, этого не любятъ! Нынче нашего брата, фрондера, за ушко да на солнышко... за истину-то! Вотъ, когда я умру... тогда отдайте все Каткову! Никому, кромѣ Каткова! Хочу лечь рядомъ съ старикомъ Вигелемъ!

Нѣкоторыя выдержки изъ этихъ мемуаровъ столь любопытны, что я не могу воздержаться, чтобы не подѣлиться ими съ любезнымъ читателемъ. Вотъ, напримѣръ, какъ описываетъ благодушный старецъ свое назначеніе въ помпадуры:

Digitized by Google

«Въ 18... году, іюля 9-го дня, поздно вечеромъ, сидѣли мы съ Анной Ивановной въ грустномъ унынiи на квартирѣ (жили мы тогда въ приходѣ Пантелеймона, близъ Соляного Городка, на хлѣбахъ у одной почтенной нѣмки, платя за все по 50 рублей на ассигнаціи въ мѣсяцъ—такова была въ то время дешевизна въ Петербургѣ, но и та, въ сравненіи съ московскою, называлась дороговизною) и громко сѣтовали на неблагосклонность судьбы. Какъ вдругъ раздается у дверей громкій и продолжительный звонокъ, и слышимъ, что кѣмъ-то произносится мое имя и чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника (тогда ужъ я былъ онымъ). Предчувствуя въ судьбѣ своей счастливую перемѣну, наскоро запахиваю халатъ, выбѣгаю и вижу курьера, который говоритъ мнѣ: «Ради Христа, ваше превосходительство, поскорѣе поспѣшите къ его сіятельству, ибо васъ сдѣлали помпадуромъ!» Забывъ на минуту разстояніе, раздѣлявшее меня отъ сего добраго вѣстника, я нѣсколько разъ искренно облобызалъ его и, поручивъ доброй сопутницѣ моей жизни угостить его хорошимъ стакаиомъ вина (съ придачею красной бумажки), не поѣхалъ, а скорѣе полетѣлъ къ князю. И дѣйствительно, былъ принятъ отъ его сіятельства съ отмѣнною ласкою. Поздравивъ меня съ высокимъ саномъ и дозволивъ поцѣловать себя въ плечо (при чемъ я, вслѣдствіе волненія чувствъ, такъ крѣпко нажималъ губами, что даже князь это замѣтилъ), онъ сказалъ: «Я знаю, старикъ (я и тогда уже былъ онымъ), что ты смиренномудренъ и преданъ, но, главное, объ чемъ я тебя прошу и даже приказываю,—это: обрати вниманіе на возрастающіе успѣхи вольномыслія!» Съ тѣхъ поръ слова сіи столь глубоко запечатлѣлись въ моемъ сердцѣ, что я и нынѣ, какъ живого, представляю себѣ этого сановника, высокаго и статнаго мужчину, серьезно и важно предостерегающаго меня противъ вольномыслія! Нечего и говорить, въ какомъ я вышелъ отъ князя настроеніи; дождливая и довольно темная ночь показалась мнѣ свѣтлѣе радостнаго утра, а Невскій проспектъ, черезъ который пришлось мнѣ проходить—эдемомъ, въ коемъ все приглашало меня къ наслажденію. И дѣйствительно, я зашелъ въ кофейную Амбіеля (въ домѣ армянской церкви) и на двугривенный пріобрѣлъ сладкихъ пирожковъ (тогда двугривенный стоилъ въ Петербургѣ восемьдесятъ копеекъ на ассигнаціи, въ Москвѣ же цѣнность его доходила до рубля) и раздѣлилъ ихъ съ доброю своею подругой. На

Digitized by Google

другой день явился къ намъ откупщикъ и предложилъ свои услуги. И такимъ образомъ наше грустное уныніе превратилось въ веселую и невинную радость. Такъ совершился сей достопримѣчательнѣйшій въ жизни моей фактъ, коего подробности и доднесь запечатлѣны въ моей памяти. Сначала я былъ назначенъ въ Вятку, потомъ, постепенно возвышаясь, достигъ, наконецъ, Саратова, гдѣ нахожусь и нынѣ, пребывая хотя и въ отставкѣ, но съ полнымъ пенсіономъ».

Или вотъ еще эпизодъ, изображающій собственно административную дѣятельность благодушнаго старца:

«Нерѣдко случалось мнѣ слышать отъ постороннихъ людей исторію о томъ, какъ мы съ генераломъ Горячкинымъ ловили червей въ Нерехотскомъ уѣздѣ; но всегда исторія эта передавалась въ извращенномъ видѣ. Дѣло было такъ. Въ 18... году, въ сентябрѣ, будучи уже костромскимъ помпадуромъ, получилъ я отъ исправника донесеніе, что въ Нерехотскомъ уѣздѣ появился необыкновенной величины червякъ, который поѣдаетъ озимь, сію надежду будущаго урожая, и что, несмотря на принятыя полицейскія мѣры, сей червь, какъ бы посмѣиваясь надъ оными, продолжаетъ свое истребительное дѣло. Дѣлать нечего: какъ ни жаль было разставаться съ доброй спутницей жизни и теплымъ гнѣздомъ, однако отправился. Пріѣзжаю на мѣсто, требую, чтобы мнѣ показали образцы зловреднаго насѣкомаго — и что же вижу? Огромной величины травоядное, съ виду точь-въ-точь похожее на солитера! Подивившись, тутъ же составили планъ кампаніи и легли спать. На другой день, едва лишь встало солнце, какъ вдругъ мнѣ докладываютъ, что на границѣ сосѣдней губерніи ожидаетъ меня генералъ Горячкинъ, для совокупныхъ дѣйствій по сему же дѣлу, такъ какъ вредный тотъ червь производилъ свои опустошенія и въ смежности. Наскоро умываюсь, выхожу и вижу генерала, гарцующаго на бѣломъ конѣ близъ самой границы, но черезъ оную не переступающаго. Тогда, пригласивъ любезно добраго сосѣдушку въ свою убогую хижину и заказавъ себѣ уху изъ волжскихъ стерлядей, начали мы толковать о предстоящихъ мѣрахъ. Но какъ ночь была проведена почти безъ сна, по случаю безпрерывныхъ трудовъ и совѣщаній, то вскорѣ мы заснули. Каково же было наше удивленіе, когда, проснувшись, вдругъ узнали, что червь, какъ бы по мановенію волшебства, вдругъ исчезъ! Тогда, поѣвши ухи и наскоро наказавъ обывате-

Digitized by Google

лямъ, дабы они всячески озаботились, чтобы яйца червя остались безъ оплодотворенія, мы разстались: я—въ одну сторону, а ярославскій сосѣдушка мой—въ другую. Такимъ образомъ происходило сіе достопамятное дѣло, стоившее мнѣ немалыхъ трудовъ и безпокойствъ».

Или вотъ, наконецъ, третій и послѣдній отрывокъ:

«Однажды одинъ предсѣдатель, слывшій въ обществѣ остроумцемъ (я въ то время служилъ уже симбирскимъ помпадуромъ), сказалъ въ одномъ публичномъ мѣстѣ: «ежели бы я былъ помпадуромъ, то всегда ходилъ бы въ колпакѣ!» Узнавъ о семъ черезъ преданныхъ людей и улучивъ удобную минуту, я, въ свою очередь, при многолюдномъ собраніи, сказалъ неосторожному остроумцу (весьма, впрочемъ, заботившемуся о соблюденіи казеннаго интереса): ежели бы я былъ колпакомъ, то, навѣрно, вмѣщалъ бы въ себѣ голову предсѣдателя!» Онъ тотчасъ же понялъ, въ кого направлена стрѣла, и закусилъ языкъ. Но съ тѣхъ поръ уже не повторялъ своей дерзкой замашки, и дружба наша болѣе не прерывалась».

Кромѣ того, мнѣ извѣстно, что, независимо отъ мемуаровъ, благодушный старикъ имѣетъ и другія, еще болѣе серьезныя занятія, которымъ посвящаетъ вечерніе досуги свои. А именно, онъ пишетъ различныя административныя руководства, порою же разрабатываетъ и посторонніе философическіе вопросы.

Изъ административныхъ его руководствъ мнѣ извѣстны слѣдующія: «Три лекціи о строгости» (планъ сего сочиненія задуманъ и даже отчасти въ исполненіе приведенъ былъ еще во время административной дѣятельности старца, и вступительная (первая) лекція была читана въ полномъ собраніи гг. исправниковъ и городничихъ; но за сіе-то именно и былъ уволенъ нашъ добрый начальникъ отъ должности!!!): «О необходимости административнаго единогласія. какъ противоядія таковому-жъ многогласію», «Краткое разсужденіе объ усмиреніяхъ, съ примѣрами», «О скорой губернаторской ѣздѣ на почтовыхъ», «О вредѣ, производимомъ вице-губернаторами, «О способахъ административнаго усмотрѣнія» и, наконецъ, «О благовидной администратора наружности».

Изъ сочиненій философическаго содержанія мнѣ извѣстны слѣдующія: «О солнечныхъ и лунныхъ затменіяхъ и о преимуществѣ первыхъ надъ послѣдними», «Что, ежели бы я жилъ на необитаемомъ островѣ и имѣлъ собесѣдникомъ

Digitized by Google

лишь правителя канцеляріи?» и, наконецъ, третье: «О непримѣтномъ для глазъ теченіи времени».

Мы съ Павломъ Трофимычемъ не разъ приступали къ доброму старику, чтобы позволилъ опубликовать хоть одинъ изъ этихъ трактатовъ, въ которыхъ философическая мудрость до такой степени сплетена съ мудростью житейскою, что невозможно ничего разобрать; но всегда встрѣчали упорный отказъ.

— Нѣтъ, друзья, — отвѣчалъ намъ незабвенный: — вотъ когда я умру — тащите все къ Каткову! Никому, кромѣ Каткова! Хочу лечь рядомъ со старикомъ Вигелемъ!

Тѣмъ не менѣе (несмотря на строгость и горечь этого отказа), я и до сихъ поръ не могу безъ благороднаго умиленія вспомнить о тѣхъ сладостныхъ вечерахъ, которые мы проводили, слушая мастерское и одушевленное чтеніе нашего добраго, хотя и отставного начальника. Сидимъ мы, бывало, вчетверомъ: онъ, Анна Ивановна, Павелъ Трофимычъ и я, въ любимой его угловой комнатѣ; въ каминѣ пріятно тлѣютъ дрова; въ сторонѣ, на столѣ шипитъ самоваръ, желтѣетъ только-что сбитое сливочное масло и радуютъ взоры румяныя булки, а онъ звучнымъ, отчетливымъ голосомъ читаетъ:

«Необходимо, чтобы администраторъ имѣлъ наружность благородную. Онъ долженъ быть не тученъ и не скареденъ, роста былъ не огромнаго и не излишне-малаго, долженъ сохранять пропорціональность въ частяхъ тѣла и лицо имѣть чистое, не обезображенное ни бородавками, ни тѣмъ болѣе злокачественными сыпями. Сверхъ того, долженъ имѣть мундиръ».

Или:

«Прежде всего замѣчу, что истинный администраторъ никогда не долженъ дѣйствовать иначе, какъ чрезъ посредство мѣропріятій. Всякое его дѣйствіе не есть дѣйствіе, а есть мѣропріятіе. Привѣтливый видъ, благосклонный взглядъ суть такія же мѣры внутренней политики, какъ и экзекуція. Обыватель всегда въ чемъ-нибудь виноватъ»...

— Не хотите ли простокваши съ сахаромъ?—прерветъ, бывало, милая Анна Ивановна, при чемъ больше всего имѣетъ въ виду дать доброму старику время передохнуть.

«Обыватель *всегда* въ чемъ-нибудь виноватъ, и потому всегда надлежитъ на порочную его волю воздѣйствовать»,— продолжаетъ старикъ, и вдругъ, прекращая чтеніе и отирая навернувшіяся на глазахъ слезы (съ нѣкотораго времени,

Digitized by Google

и именно съ выхода въ отставку, онъ пріобрѣлъ такъ-называемый «слезный даръ»), прибавляетъ: — Друзья, отложимте чтеніе до завтра! Сегодня я... взволнованъ!

О, сладкія минуты! о, милыя, гостепріимныя тѣни! гдѣ вы?

IV.

Однако, старикъ не утерпѣлъ. Въ одинъ праздничный день стояли мы всѣ въ соборѣ, какъ вдругъ онъ появился среди насъ. Вошелъ онъ безъ помпы, однакожъ и безъ ложной скромности, и направилъ шаги свои къ лѣвому клиросу, такъ какъ у праваго стоялъ «новый». Легкій трепетъ прошелъ по толпѣ. Мы молча любовались изящною картиной противопоставленія сихъ двухъ административныхъ свѣтилъ, изъ коихъ одно представляло полный жизни восходъ, а другое — прекрасный, тихо потухающій закатъ; но многіе замѣтили, что «новый», при появленіи благодушнаго старца, вздрогнулъ. Вѣроятно, воображенію его, по этому поводу, представлялись тѣ затрудненія, которыя могли возникнуть во время прикладыванья ко кресту; вѣроятно, онъ опасался, что заматерѣлый старый администраторъ, по прежней привычкѣ, подойдетъ первымъ, и при этой мысли правая нога его уже сдѣлала машинально шагъ впередъ, чтобы отнюдь не допустить столь явнаго умаленія власти. Но тонкій старикъ, появившись столь неожиданно среди насъ, очевидно имѣлъ иныя цѣли, и потому, дабы достигнуть желаемаго безпрепятственно и вмѣстѣ съ тѣмъ не поставить въ затрудненіе преосвященнаго, великодушно разрѣшилъ всѣ сомнѣнія, добровольно удалившись изъ церкви за минуту до окончанія богослуженія.

Оказалось, что цѣлью пріѣзда старика было благо и счастіе той самой страны, на пользу которой онъ въ свое время такъ много поревновалъ. Надо сказать правду: въ послѣднее время въ немъ произошелъ значительный нравственный переворотъ; въ особенности же спасительно въ этомъ отношеніи повліяли дѣйствія «новаго» по взысканію недоимокъ (а отчасти и по выбору помпадурши). Легко можетъ быть даже, что въ виду этихъ мѣропріятій нашъ незабвенный рѣшился, не предупредивъ никого, сдѣлать послѣдній шагъ, чтобы окончательно укрѣпить и наставить того, который въ нашемъ интимномъ обществѣ продолжалъ еще слыть подъ именемъ «безразсуднаго молодого человѣка». И дѣйствительно, немедленно послѣ обѣдни, цѣлый городъ былъ свидѣтелемъ, какъ «старый» направился съ визитомъ къ «новому».

Digitized by Google

Что происходило во время этого свиданія, длившагося слишкомъ два часа, — осталось для всѣхъ тайной. Несомнѣнно, однакожъ, что тутъ обсуждались интересы и мѣропріятія немногимъ легковѣснѣе тѣхъ, о коихъ была рѣчь во время свиданія на границѣ двухъ губерній по случаю избіенія вредоносныхъ червей. Очевидцы, стоявшіе въ это время въ пріемной комнатѣ, утверждаютъ одно: совѣщаніе происходило тихо и на какомъ-то никому не вѣдомомъ языкѣ, при чемъ восклицанія перемежались вздохами, вздохи же перемежались восклицаніями. Сверхъ того, нерѣдко слышались слова: «ваше превосходительство!» Очевидно, что обѣимъ сторонамъ было равно тяжко. Наконецъ, администраторы разомъ вышли изъ кабинета, красные и до крайности взволнованные. Нѣкоторое время они безмолвно стояли, взирая другъ другу въ глаза и пожимая руки; наконецъ, «новый» стремительно обратился къ своему правителю канцеляріи и сказалъ:

— Сейчасъ же, мой любезный, пойдите и скажите, чтобы мостовую базарной площади немедленно прекратили! Прикажите также, чтобы полы и потолки въ губернаторскомъ домѣ настилали попрежнему!

Затѣмъ, взаимно и любезно облобызавшись, оба свѣтила разстались.

Вечеромъ того же дня старикъ былъ счастливъ необыкновенно. Онъ радовался, что ему опять удалось сдѣлать доброе дѣло въ пользу страны, которую онъ привыкъ въ душѣ считать родною, и, въ ознаменованіе этой радости, ѣлъ необыкновенно много. Съ своей стороны, Анна Ивановна не могла не замѣтить этого чрезвычайнаго аппетита, и хотя не была скупа отъ природы, но сказала:

— Ахъ, Nicolas! ты сегодня такъ много кушаешь, что у тебя непремѣнно заболитъ животъ!

На что незабвенный отвѣтилъ:

— Другъ мой, не смущай моей радости! Сегодня я убѣдился, что наше дѣло находится въ добрыхъ и надежныхъ рукахъ!

Въ этотъ же вечеръ добрый старикъ прочиталъ намъ нѣсколько отрывковъ изъ вновь написаннаго имъ сочиненія подъ названіемъ: «Увѣтъ молодому администратору», въ коихъ меня особенно поразили слѣдующія истинно-вѣщія слова: «Юный! ежели ты думаешь, что наука сія легка — разувѣрься въ томъ! Самонадѣянный! ежели ты мечтаешь все совершить съ помощью одной необдуманности—оставь

Digitized by Google

сіи мечты и склони свое неопытное ухо увѣту старости и опытности! Перо сіе, быть-можетъ, въ послѣдній разъ»...

Когда онъ читалъ сіи строки, мы заливались слезами.

Кто могъ думать, что этотъ веселый вечеръ будетъ послѣднимъ проблескомъ нашего счастія!

V.

Вдругъ старикъ началъ хирѣть. Многіе увѣряютъ, что хворость эта началась съ того дня, какъ онъ посѣтилъ «новаго», такъ какъ прямымъ послѣдствіемъ этого посѣщенія была неумѣренность въ пищѣ, вслѣдствіе которой сначала заболѣлъ животъ, а затѣмъ... Но не стану упреждать событій и скажу только, что подобное толкованіе кажется мнѣ поверхностнымъ уже по тому одному, что невозможно допустить, чтобы опытные администраторы лишались жизни вслѣдствіе разстройства желудка. Я объясняю себѣ эту болѣзнь иначе, а именно: тѣмъ нравственнымъ переворотомъ, о которомъ говорено выше и который произошелъ въ старикѣ въ послѣднее время.

Надо сказать правду: старикъ долго не одобрялъ дѣйствій «новаго». Всѣ эти распоряженія и мѣропріятія (таковы, напримѣръ: замощеніе базарной площади, приказъ о подвязываніи колокольчиковъ при въѣздѣ въ городъ и т. п.), которымъ съ такою нерасчетливою горячностью предался на первыхъ порахъ безразсудный молодой человѣкъ, казались ревнивому старику направленными лично противъ него. Онъ хмурился, нерѣдко ропталъ, и хотя деликатность не позволяла ему стать во главѣ недовольныхъ, тѣмъ не менѣе, никто не могъ сомнѣваться насчетъ его истинныхъ чувствъ. Въ этомъ недовольствѣ уже заключалось извѣстное положеніе, прямое и даже независимое, дававшее отставному администратору право критически относиться къ дѣйствіямъ новой администраціи, право негодовать, упрекать въ неблагодарности и проч. Въ скоромъ времени это грустное право обратилось даже въ привычку и, незамѣтно для своего обладателя, поддерживало и питало его существованіе. Старикъ увидѣлъ себя центромъ, къ которому устремились скептики и недовольные. Испытавъ на себѣ всѣ послѣдствія преждевременной отставки, онъ, какъ древле Коріоланъ, съ горькою веселостью видѣлъ, какъ въ любезномъ ему отечествѣ, на развалинахъ заведеннаго имъ порядка, воцаряется анархія, то-есть безначаліе. И ежели бы у него подъ руками были вольски, то онъ, быть-можетъ, не

Digitized by Google

усомнился бы даже прибѣгнуть къ ихъ помощи, лишь бы предписать условіе новому Риму, утопающему въ развратѣ и гордости. Однимъ словомъ, это была своего рода пища, пища не вполнѣ здоровая, но не лишенная извѣстной доли пріятности и возбудительности. И вдругъ... рухнуло разомъ все это зданіе недовольства, упрековъ, критиканствъ и негодованій; вдругъ оказалось, что новый Римъ вовсе не утопаетъ въ развратѣ безначалія и что даже Рима совсѣмъ никакого нѣтъ... Извѣстія слѣдуютъ за извѣстіями съ быстротою молніи, и все извѣстія самыя благонадежныя, самыя благонамѣренныя! Вѣсть объ избраніи помпадурши была первою въ этомъ смыслѣ: съ нея старикъ задумался, и слово «молодецъ» впервые сорвалось съ его языка въ примѣненіи къ «новому». Затѣмъ извѣстіе о сборѣ недоимокъ потрясло еще болѣе; тутъ онъ положительно убѣдился, что «новый» совсѣмъ не тотъ фанфаронъ, какимъ его произвольно создало его воображеніе, но что это администраторъ дѣйствительный, употребляющій, гдѣ нужно, мѣры кротости, но не пренебрегающій и мѣрами строгости. Наконецъ, великодушная уступка, сдѣланная по вопросу о мостовыхъ, докончила начатое и поразила старика до того, что онъ тотчасъ же объѣлся, и вотъ въ этомъ (но только въ этомъ!) смыслѣ можетъ быть признано справедливымъ мнѣніе, что неумѣренность въ пищѣ послужила косвенною причиной тѣхъ бѣдственныхъ происшествій, которыя случились впослѣдствіи.

На другой день послѣ описаннаго выше свиданія старецъ еще бродилъ по комнатѣ, но уже не снималъ халата. Онъ особенно охотно бесѣдовалъ въ тотъ вечеръ о сокращеніи переписки, доказывая, что всѣ позднѣйшія «катастрофы» ведутъ свое начало изъ этого зловреднаго источника.

— Сокращеніе переписки, — говорилъ онъ: — отняло у администраціи ея жизненные соки. Лишенная радужной одежды, которая, въ теченіе многихъ вѣковъ, скрывала ея формы отъ глазъ нескромной толпы, администрація прибѣгла къ «катастрофамъ», какъ къ послѣднему средству, чтобы опериться. Правда, новая одежда явилась, но она оказалась съ прорѣхами.

— Но неужели же, вашество, нѣтъ средствъ починить ее?—взывали мы съ Павломъ Трофимычемъ.

— Есть-съ; средство это—вырвать корень со всѣми его послѣдствіями; но,—прибавилъ онъ, вздохнувши:—для такого подвига нынче слугъ нѣтъ!

Digitized by Google

— Раненько, вашество, тяготы-то эти съ себя снять изволили!—заикнулся-было Павелъ Трофимычъ.

— Что-жъ! Я послужить готовъ!—отвѣчалъ онъ и даже пріободрился, но тутъ же почувствовалъ новый припадокъ въ желудкѣ и вышелъ.

Въ этотъ вечеръ онъ даже не писалъ мемуаровъ. Видя его въ такомъ положеніи, мы упросили его прочитать еще нѣсколько отрывковъ изъ сочиненія «О благовидной администратора наружности»; но едва онъ успѣлъ прочесть: «Я зналъ одного тучнаго администратора, который, притомъ, отлично зналъ законы, но успѣха не имѣлъ, потому что отъ тука, во множествѣ скопленнаго въ его внутренностяхъ, задыхался»... какъ почувствовалъ новый припадокъ въ желудкѣ, и уже въ тотъ вечеръ не возвращался.

На слѣдующій день онъ казался нѣсколько бодрѣе, какъ вдругъ пріѣхалъ Павелъ Трофимычъ и сообщилъ, что вчерашняго числа «новый» высѣкъ на пожарѣ купца (съ горестью я долженъ сказать здѣсь, что эта новость была ложная, выдуманная съ цѣлью потѣшить больного). При этомъ извѣстіи благодушный старецъ вытянулся во весь ростъ.

— Моло...—проговорилъ онъ, и вдругъ ослабѣлъ и упалъ на диванъ.

На третій день онъ лежалъ въ постели и бредилъ. Организмъ его, потрясенный предшествовавшими событіями, очевидно, не могъ вынести послѣдняго удара. Но и въ бреду онъ продолжалъ быть гражданиномъ; онъ поднималъ руки, онъ къ кому-то обращался и молилъ спасти «нашу общую, бѣдную»... Въ рѣдкія минуты, когда воспитательное состояніе утихало, онъ разсуждалъ объ анархіи.

— Пуще всего, друзья,—обращался онъ къ намъ:—опасайтесь анархіи: то-есть, безначалія. Какъ, съ одной стороны, чинобоязненность и начальстволюбіе есть то естественное основаніе, изъ котораго со временемъ прозябнетъ для вкушающаго сладкій плодъ, такъ, съ другой стороны, безначаліе, какъ и самое сіе слово о томъ свидѣтельствуетъ, есть не что иное, какъ зловонный тукъ, изъ котораго имѣютъ произрасти одни зловредные волчцы. Посему, ежели кто вамъ скажетъ: «идемъ и построимъ башню, касающуюся облакъ», то вы того человѣка бойтесь и даже представьте въ полицію; ежели же кто скажетъ: «идемъ, преклонимъ колѣна», то вы, того человѣка облобызавъ, за нимъ послѣдуйте. Небоящіеся чиновъ оными награждены не будутъ; боящемуся же все дастся, и даже...

Digitized by Google

Въ одну изъ такихъ свѣтлыхъ минутъ доложили, что пріѣхалъ «новый». Старикъ вдругъ вспрянулъ и потребовалъ чистаго бѣлья. «Новый» вошелъ, потрясая плечами и гремя саблею. Онъ дружески подалъ больному руку, объявилъ, что сейчасъ лишь вернулся съ усмиренія, и заявилъ надежду, что здоровье почтеннѣйшаго старца не только поправится, но, съ Божьею помощью, получитъ дальнѣйшее развитіе. Старикъ былъ видимо тронутъ и пожелалъ остаться съ «новымъ» наединѣ.

Что происходило на этой второй и послѣдней конференціи двухъ административныхъ свѣтилъ—осталось тайною. Какъ ни прикладывали мы съ Павломъ Трофимычемъ глаза и уши къ замочной скважинѣ, но могли разобрать только одно: что старикъ увѣщавалъ «новаго» быть твердымъ и не взирать. На этомъ моментѣ насъ поймала Анна Ивановна и крѣпко-таки пожурила за нашу нескромность.

Черезъ полчаса «молодой человѣкъ» вышелъ изъ спальной съ красными отъ слезъ глазами; онъ чувствовалъ, что лишился друга и совѣтника. Что же касается старика, то мы нашли его въ такой степени спокойнымъ, что онъ могъ безъ помѣхъ продолжать свои наставленія объ анархіи.

Увы! на другой день страшная вѣсть поразила весь городъ...

Такъ потухъ этотъ административный свѣточъ, столь долго удивлявшій міръ своею распорядительностью! Такъ закатилось это свѣтило, не успѣвшее совершить и половину предначертаннаго ему круга!

Склонился долу спѣлый гроздій! склонился подъ бременемъ собственныхъ доблестныхъ подвиговъ и дѣяній! Палъ старый безстрашный боецъ! палъ... жертвою сокращенія переписки!

III.—Старая помпадурша.

I.

Ни для кого внезапная отставка стараго помпадура не была такъ обильна горькими послѣдствіями, ни въ чьемъ существованіи не оставила она такой пустоты, какъ въ существованіи Надежды Петровны Бламанжѐ. Квартальные, секретари и другіе подьячіе, въ ожиданіи новаго помпадура, все-таки продолжали именоваться квартальными, секретарями и подьячими; она одна, въ одно мгновеніе и навсегда, утратила и славу, и почести, и величіе...

Digitized by Google

Были минуты, когда ей казалось, что она даже утратила свой полъ.

— Главное, ma chère, несите свой крестъ съ достоинствомъ!—говоритъ пріятельница ея, Ольга Семеновна Проходимцева, которая когда-то черезъ нее пристроила своего мужа куда-то секретаремъ:—не забывайте, что на васъ обращены глаза цѣлаго города!

Надежда Петровна вздрогнула и мысленно сравнивала себя съ Изабеллой Испанскою. Что ей теперь «глаза цѣлаго города»! что въ нихъ, когда они устремлялись на нее лишь для измѣренія глубины ея горести! Утративши своего помпадура, она утратила все... даже способность быть патріоткою...

Послѣднія минуты разставанія были особенно тяжелы для нея. По обыкновенію, прощаніе происходило на первой отъ города станціи, куда собрались самые преданные, чтобы проводить въ дальнѣйшій путь добрѣйшаго изъ помпадуровъ. Закусили, выпили, поплакали; секретарь Проходимцевъ даже до того обмочился слезами, что старый помпадуръ только махнулъ рукою и сказалъ:

— Уведите! уведите его... онъ добрый!

Однако, Надежда Петровна была сдержанна и даже довольно искусно притворилась веселою. Ее попросили спѣть что-нибудь—она не отказалась; взяла гитару и пропѣла любимую помпадурову пѣсню:

Шли три онѣ...

И только въ ту минуту, когда пришлось выводить:

Ты, Матрена!
Ты, Матрена!
Не подвертывайся!

голосъ ея какъ будто дрогнулъ...

Но когда доложили, что лошади поданы, когда старый помпадуръ началъ укутываться и уже заносилъ руки, чтобы положить въ уши канатъ, Надежда Петровна не выдержала. Она быстро сдернула съ своихъ плечъ пуховую косынку и, обвернувъ ею шею помпадура, вскрикнула... Отъ этого крика проснулось эхо сосѣднихъ лѣсовъ.

— Nadine a été sublime d'abnégation!—говорила потомъ одна изъ присутствовавшихъ на проводахъ дамъ.—Представьте себѣ, она всю дорогу ѣхала съ открытой шеей и даже не хотѣла запахнуть салопа.

— Et ce cri!—прибавила другая дама:—се cri! Это было какое-то вдохновеніе! Это было просто что-то такое...

Digitized by Google

Какъ бы то ни было, но старый помпадуръ уѣхалъ, до такой степени уѣхалъ, что самый слѣдъ его экипажа въ ту же ночь занесло снѣгомъ. Надежда Петровна съ ужасомъ помышляла о томъ, что ее съ завтрашняго же дня начнутъ называть «старой помпадуршей».

Ничто такъ болѣзненно не дѣйствуетъ на впечатлительныя души, какъ перемѣны и утраты. Бываетъ, что даже просто стулъ вынесутъ изъ комнаты, и то ищешь глазами, чувствуешь, что чего-то недостаетъ; представьте же себѣ, какое нравственное потрясеніе должно было произойти во всемъ организмѣ Надежды Петровны, когда она убѣдилась что у нея вынесли изъ квартиры цѣлаго помпадура! Долгое время она не могла освоиться съ этою мыслью; долгое время ее какъ будто подманивало и подмывало. Руки ея машинально поднимались, чтобъ ущипнуть или потрепать кого-то по щекѣ; голова и весь корпусъ томно склонялись, чтобъ отдохнуть на чьей-то груди. Въ ушахъ явственно раздавался чей-то голосъ; талія вздрагивала отъ мнимаго прикосновенія чьей-то руки; грудь волновалась и трепетала; губы полуоткрывались, дыханіе становилось прерывистымъ и жгло. Однимъ словомъ, въ ней какъ будто самъ собой еще совершался тотъ процессъ вчерашней жизни, когда счастье полнымъ ключомъ било въ ея жилахъ, когда не было ни одного дыханія, которое не интересовалось бы ею, не удивлялось бы ей, когда вокругъ нея толпились необозримыя стада робкихъ поклонниковъ, когда она, чтобъ сдерживать ихъ почтительныя представленія и заявленія, была вынуждаема съ томнымъ самоотверженіемъ говорить: «Нѣтъ, вы объ этомъ не думайте! Это все не мое! Это все и на вѣкъ принадлежитъ моему милому помпадуру!..»

— Душенька, не мучь ты себя! Утри свои глазки!— успокаивалъ Надежду Петровну мужъ ея, надворный совѣтникъ Бламанжѣ, стоя передъ ней на колѣняхъ.—Повѣрь, такія испытанія никогда безъ цѣли не посылаются! Со временемъ...

— Что «со временемъ»? Ужъ не вы ли думаете замѣнить мнѣ *его*?—съ негодованіемъ прервала его Надежда Петровна.

— Другъ мой! голубчикъ! полно! куда мнѣ! Я говорю: со временемъ...

— Отстаньте! вы мерзки!

Бламанжѣ удалялся въ другую комнату и оттуда робко вслушивался, какъ вздыхала Надежда Петровна.

Digitized by Google

Бламанжѐ былъ малый кроткій и несъ названіе «помпадуршина мужа» безъ нахальства и безъ особенной развязности, а такъ только, какъ будто былъ имъ чрезвычайно обрадованъ. Онъ успѣлъ снискать себѣ всеобщее уваженіе въ городѣ тѣмъ, что не задиралъ носа и не гордился. Другой на его мѣстѣ непремѣнно сталъ бы и обрывать, и козырять, и финты-фанты выкидывать; онъ же не только ничего не выкидывалъ, но постоянно велъ себя такъ, какъ бы его поздравляли съ праздникомъ.

— Какъ здоровье Надежды Петровны?—спрашивали его знакомые, встрѣтившись на улицѣ.

— Благодарю васъ,—отвѣчалъ онъ любезно:—въ ту минуту, какъ я оставилъ ее, у нея сидѣлъ...

И потомъ, вдругъ скорчивъ таинственную мину, онъ прибавлялъ своему собесѣднику на ухо:

— Опять повздорили!—или:—опять помирились!—смотря по тому, было ли извѣстно собесѣднику, что передъ этимъ между помпадурами произошла любовная размолвка или любовное соглашеніе.

Обыватели не только цѣнили такую ровность характера, но даже усматривали въ ней признаки доблести; да и нельзя было не цѣнить, потому что у всѣхъ былъ еще въ свѣжей памяти мужъ предшествовавшей помпадурши, корнетъ Отлетаевъ, который не только разбивалъ по ночамъ винные погреба, но однажды голый и съ штандартомъ въ рукахъ проскакалъ верхомъ черезъ весь городъ.

Поэтому, когда уѣхалъ старый помпадуръ, Бламанжѐ огорчился этимъ едва ли не болѣе, нежели сама Надежда Петровна. Онъ чувствовалъ, что и въ его существованіи образовался какой-то пропускъ; что ему хочется кому-то поклониться—и поклониться некому; хочется во-время уйти изъ квартиры—и уйти не для чего; хочется сказать: «какъ прикажете?»—и сказать нѣтъ повода. Просто, не стало резона производить тѣ дѣйствія, говорить тѣ рѣчи, которыя производились и говорились въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду и совокупность которыхъ сама собою составляла такую естественную и со всѣхъ сторонъ защищенную обстановку, что и жилось въ ней какъ-то уютнѣе, и спалось словно мягче и безмятежнѣе.

Съ своей стороны, и Надежда Петровна, за все время своего помпадурствованія, вела себя до такой степени умно и осторожно, что не только не повредила себѣ во мнѣніи общества, но даже значительно выиграла. Правда, она гор-

Digitized by Google

дилась своимъ положеніемъ, но гордилась только въ томъ смыслѣ, что она по совѣсти выполняетъ ту роль благодѣтельной феи, которая выпала на ея долю по волѣ судьбы. Ни одинъ подьячій не уходилъ отъ нея безъ утѣшенія, ни одинъ частный приставъ не миновалъ того, чтобъ не придти въ восторгъ отъ ея ласковаго обращенія.

— Вотъ ужъ именно можно сказать: мухѣ зла не сдѣлала!—восклицали хоромъ эти ревностные исполнители начальственныхъ предначертаній.

Всякому она какъ будто говорила: «посмотри, какая я мягкая, славная, сочная, добрая! И какъ долженъ быть счастливъ со мною твой начальникъ!» Всякому она сумѣла сдѣлать что-нибудь пріятное. У одного крестила дочь или сына, у другого была посаженою матерью; у безплодныхъ ѣла пироги. Не сердилась даже, когда у нея цѣловали ручки и заводили при этомъ разслабляющій чувства разговоръ. Она сама не прочь была поврать; но всякій разъ, когда вранье начинало принимать двусмысленный оборотъ, она, безъ всякой, впрочемъ, строптивости, прерывала разговоръ словами: «Нѣтъ! объ этомъ вы, пожалуйста, ужъ забудьте! Это не мое! Это все принадлежитъ моему милому помпадуру!» Однимъ словомъ, стояла на стражѣ помпадурова добра.

Очень понятно, что обыватели и это сумѣли оцѣнить по достоинству. Вспоминали прежнихъ помпадуршъ, какія онѣ были халды и притязательныя, какъ наушничали, сплетничали и даже истязали; какъ онѣ увольняли и опредѣляли, какъ отягощали налогами и экзекуціями... Передавали другъ другу разсказы о корнетшѣ Отлетаевой, которая однажды въ своего помпадура апельсиномъ на званомъ обѣдѣ пустила, и даже не извинилась потомъ,—и, сравнивая этотъ порывистый образъ дѣйствія съ благосклонно-мягкими, почти неслышными движеніями Надежды Петровны, всѣ въ одинъ голосъ вопіяли:

— Мухи не обидѣла! Самому послѣднему приказному—и тому не сдѣлала зла!

Однимъ словомъ, по мѣрѣ того, какъ она утѣшала своего помпадура, общественное уваженіе къ ней возрастало все больше и больше. Поэтому выходъ ея изъ помпадуршъ былъ не только сносный, но даже блестящій. Обыкновенно бываетъ, что старую помпадуршу немедленно же начинаютъ рвать на куски, т. е. начинаютъ не узнавать ея, дѣлать въ ея присутствіи нѣкоторыя несовмѣстныя тѣло-

Digitized by Google

движенія, называть «душенькой», подсылать къ ней извозчиковъ; тутъ же, напротивъ, все обошлось какъ нельзя приличнѣе. Цѣлый городъ понялъ великость понесенной ею потери, и когда нѣкоторый остроумецъ, увидѣвъ на другой день Надежду Петровну, одѣтую съ ногъ до головы въ черное, стоящею въ церкви на колѣняхъ и сдержанно, но пламенно молящеюся, вздумалъ-было сдѣлать рукой какой-то вольный жестъ, то все общество протестовало противъ этого поступка тѣмъ, что тотчасъ же послѣ обѣдни отправилось къ ней съ визитомъ.

— Jamais, au grand jamais! même dans ses plus beaux jours, elle n'a été fêtée de la sorte! — говорила статская совѣтница Глумова, вспоминая объ этомъ торжествѣ невинности.

— Просто даже какъ будто она не Бламанжѐ, а какая-нибудь принцесса! — прибавлялъ отъ себя дѣйствительный статскій совѣтникъ Балбесовъ.

Даже кучера долгое время вспоминали, какъ господа ѣздили «Бламанжейшино горе утолять»—такъ великъ былъ въ этотъ день съѣздъ экипажей передъ ея домомъ.

— Вы, пожалуйста, душечка, къ намъ попрежнему! — убѣждала Надежду Петровну предводительша Веденѣева.

— Вы знаете, какъ мы были привязаны къ тому, что̀ для васъ такъ дорого!—прибавляла госпожа Прохвостова.

— Вы знаете, какъ мы цѣнимъ, какъ мы понимаемъ!—перебивала статская совѣтница Глумова.

— Mais venez donc dîner, chère... sans cérémonies! — благосклонно упрашивала дѣйствительная статская совѣтница Балбесова.

— И чѣмъ чаще-съ, тѣмъ лучше-съ! — присовокуплялъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Балбесовъ, поглядывая на помпадуршу масляными глазами.—Горе ваше, Надежда Петровна, большое-съ; но, смѣю думать, не безъ надежды на увраченіе-съ.

Не мало способствовало такому благополучному исходу еще и то, что старый помпадуръ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые зажигаютъ неугасимые огни въ благодарныхъ сердцахъ обывателей тѣмъ, что принимаютъ по табельнымъ днямъ, не манкируютъ званыхъ обѣдовъ и вечеровъ и съ ангельскимъ терпѣніемъ подписываютъ подаваемыя имъ бумаги. Припоминали, какъ предшествовавшіе помпадуры швыряли и даже топтали ногами бумаги, какъ они слонялись по городу, съ пѣной у рта, какъ хлопали кварт-

Digitized by Google

тальныхъ по животу, прибавляя: «что, много тутъ погребено всякихъ курочекъ да поросяточекъ!» какъ невѣжничали на званыхъ обѣдахъ... и не могли не удивляться кротости и обходительности новаго (увы! теперь уже отставного!) помпадура. А такъ какъ и онъ, по началу, оказывалъ нѣкоторыя топтательныя поползновенія, и однажды даже, разсердившись на городническое правленіе, приказалъ всѣмъ членамъ его умереть, то не безъ основанія догадывались, что перемѣна, въ немъ совершившаяся, произошла единственно благодаря благодѣтельному вліянію Надежды Петровны.

— Нѣтъ, вы подумайте, сколько надо было самоотверженія, чтобы укротить такого звѣря!—говорили одни.

— Вѣдь она, можно сказать, всякую его выходку на своемъ тѣлѣ приняла!—утверждали другіе.

— Да-съ, это искусство не маленькое! Быть ввержену въ одну клѣтку съ звѣремъ—и не проштрафиться! — прибавляли третьи.

И такимъ образомъ, и старый помпадуръ, и сама Надежда Петровна, и даже надворный совѣтникъ Бламанжѐ—все дѣйствовало заодно, все способствовало, чтобы привязать къ ней сердца обывателей. Такъ что когда старый помпадуръ уѣхалъ, то она очутилась совсѣмъ не въ томъ ложномъ положеніи, какое обыкновенно становится удѣломъ всѣхъ вообще уволенныхъ отъ должности помпадуршъ, а просто явилась интересною жертвою жестокой административной необходимости. Одно только казалось ей страннымъ: что въ ея существованіи вдругъ какъ будто нѣкто провелъ черту и сказалъ при этомъ: «отнынѣ быть тебѣ, попрежнему, дѣвицей!»

Однако, какъ ни велика была всеобщая симпатія, Надежда Петровна не могла не припоминать. Прошедшее вставало передъ нею, осязательное, живое и ясное; оно шло за ней по пятамъ, жгло ея щеки, тѣснило грудь, закипало въ крови. Она не могла взглянуть на себя въ зеркало безъ того, чтобы вездѣ... вездѣ не увидѣть слѣдовъ стараго помпадура!

— Противный ты, помпадурушка! нашалилъ и уѣхалъ!—говорила она, томно опускаясь на кушетку, а слезы такъ и сыпались крупными алмазами на пылающія щеки.

Надворный совѣтникъ Бламанжѐ обыкновенно ловилъ такія минуты на лету и неслышно, словно у него были бархатныя ноги, подползалъ къ кушеткѣ.

Digitized by Google

— Другъ мой, — начиналъ онъ: — Богъ милостивъ! Со временемъ...

— Отстаньте! вы мнѣ мерзки! Все противно, все мерзко, все отвратительно!— кричала она на него и нерѣдко даже разбивала при этомъ какую-нибудь бездѣлицу.

Прежде всего ей припоминались первые, медовые дни ихъ знакомства. Что она плѣнила его—въ томъ ничего не было удивительнаго. Это была одна изъ тѣхъ роскошныхъ женщинъ, мимо которыхъ ни одинъ человѣкъ, на заставахъ команду имѣющій, не можетъ пройти безъ содроганія. Въ особенности же раздражительно дѣйствовала ея походка, и когда она, неся поясницу на отлетѣ, не шла, а словно устремлялась по улицѣ, то помпадуръ, самъ того не замѣчая, начиналъ подпрыгивать. Многіе пробовали устоять противъ одуряющаго дѣйствія этой походки, но не устоялъ никто. Однажды окружной акцизный даже пари подержалъ, что устоитъ, но какъ только поровнялся съ очаровательницей, то вдругъ до такой степени взвизгнулъ, что жившій неподалеку мѣщанинъ Полотебновъ сказалъ женѣ: «а что, Мариша, никакъ въ лѣсу заяцъ пѣсню запѣлъ!» Въ этомъ положеніи засталъ его старый помпадуръ.

— Вы, государь мой, въ такихъ лѣтахъ, что можете, кажется, сами понимать, что визжать на улицѣ не прилично!—сказалъ онъ ему строго.

Но акцизный даже не извинился, а продолжалъ лопотать языкомъ что-то непонятное и указывалъ рукой на удаляющуюся Надежду Петровну.

Съ тѣхъ поръ все пошло у нихъ какъ по маслу.

Помпадуръ началъ съ того, что обласкалъ надворнаго совѣтника Бламанжѣ. Потомъ сталъ безпрерывно прохаживаться подъ окнами дома, въ которомъ жила Надежда Петровна, и напѣвать: «Jeune fille aux yeux noirs». Напѣвалъ онъ этотъ романсъ то грустнымъ фальцетомъ, то подражая звуку трубы, при чемъ фальшивилъ неупустительно. Весь городъ замѣтилъ нелѣпое помпадурово шатанье и съ тревожнымъ волненіемъ ожидалъ, чѣмъ оно кончится. Надежда Петровна тоже что-то предчувствовала и, завидѣвъ изъ окна влюбленнаго помпадура, смѣялась тѣмъ тихимъ, счастливымъ смѣхомъ, какимъ смѣются маленькія дѣти, когда у нихъ слегка пощекотятъ животикъ. Наконецъ, въ этомъ дѣлѣ приняла участіе Ольга Семеновна Проходимцева...

Провинція на этотъ счетъ очень услужлива. Когда за-

Digitized by Google

мѣтитъ, что помпадуръ на охотѣ, то сейчасъ же со всѣхъ сторонъ такъ и посыплются на него всякія благодатныя случайности: и нечаянныя прогулки въ загородномъ саду, и нечаянныя встрѣчи въ домѣ какой-нибудь гостепріимной хозяйки, и нечаянныя столкновенія за кулисами во время благороднаго спектакля. Однимъ словомъ, нѣтъ такого живого дыханія, которое не подѣйствовало бы какимъ-нибудь омерзительнымъ движеніемъ успѣху сего омерзительнаго предпріятія.

Такъ было и тутъ. Помпадуръ встрѣчался съ Надеждой Петровной у Проходимцевой, и встрѣчался всегда случайно. Сначала онъ все пѣлъ: «Jeune fille aux yeux noirs», и объяснялъ, что музыка этого романса была любимымъ церемоніальнымъ маршемъ въ его полку. Иногда, впрочемъ, для перемѣны, принимался разсматривать лежавшія на столѣ картинки и бормоталъ себѣ, по-дурацки, подъ носъ:

— Неприступная!

— Про кого вы тамъ еще шепчете? — спрашивала его Надежда Петровна.

— Небожительница!

О, ежели бы у него былъ хвостъ, она навѣрное увидѣла бы, какъ онъ вилялъ имъ въ это время!

Долго, однакожъ, она не поддавалась обаянію его любезности; по временамъ случалось даже такъ, что онъ затянетъ:

— Des chevaliers ainsi m'ont exprimé leur flamme...

А она въ отвѣтъ:

— Et moi, j'ai refusé l'offre des chevaliers...

И съ такой усмѣшкой посмотритъ на него, что онъ вдругъ, словно обожженный, перемѣнитъ матерію и затянетъ: «T'en souviens-tu?»

— Что это вы вдругъ какую похоронную? — спроситъ Ольга Семеновна.

— Что-жъ дѣлать-съ! Вотъ Надеждѣ Петровнѣ не имѣемъ счастья нравиться!—отвѣтитъ онъ, и какъ-то такъ уморительно надуетъ губы, что Надеждѣ Петровнѣ такъ вотъ и хочется попробовать, какой онѣ издадутъ звукъ, если нечаянно хлопнуть по нимъ пальчикомъ.

Но такъ какъ никто своей судьбы не избѣжитъ, то и для нихъ настала рѣшительная минута.

Однажды—это было осеннимъ вечеромъ—помпадуръ, по обыкновенію, пришелъ къ Проходимцевой и, по обыкнове-

Digitized by Google

нію же, засталъ тамъ Надежду Петровну. Въ этотъ разъ нервы у нея были какъ-то особенно впечатлительны.

— Jeune fille aux yeux noirs! tu règnes sur mon âme!— затянулъ помпадуръ. Надежда Петровна вполголоса ему вторила:

— Et moi, j'ai refusé...

— Ахъ, нѣтъ! ахъ, нѣтъ! не пойте этого! не смѣйте пѣть!—какъ-то нервически вскрикнула Надежда Петровна, какъ будто хотѣла заплакать.

— Вы... ты...

Сердца ихъ зажглись.

Вспоминала объ этомъ Надежда Петровна въ теперешнемъ своемъ уединеніи,—вспоминала, какъ послѣ этого она пріѣхала домой, безъ всякой причины бѣгала и кружилась по комнатамъ, какъ Бламанжѐ ползалъ по полу и цѣловалъ ея руки; вспоминала... и сердце ея вотще зажигалось, и по щекамъ текли горькія-горькія слезы...

— Какой онъ, однакожъ, тогда глупенькій былъ!—говорила она:—и какъ онъ смѣшно глазами вертѣлъ! какъ онъ старался рулады выдѣлывать, какъ будто я и безъ того не понимала, къ чему эти рулады клонятся!

Отъ одного воспоминанія мысль ея невольно переходила къ другому.

Однажды у Проходимцевой состоялись живыя картины. Были только *свои*. *Онъ* представлялъ Іакова, она—Рахиль. Она держала въ рукахъ наклоненную амфору; складки ея туники спускались на груди и какъ-то случайно разстроились... *Онъ* протягивалъ губы («и какъ онъ уморительно ихъ протягивалъ... глупушка мой!»—думалось ей).

— Эхъ, Надежда Петровна! кабы вы меня такимъ манеромъ попоили!—сказалъ ей тогда дѣйствительный статскій совѣтникъ Балбесовъ; но она сдѣлала видъ, что не слышитъ, и даже не пожаловалась *ему*.

Почему она не пожаловалась? А потому, что онъ однажды сказалъ ей:

— Ты, Наденька, если будутъ къ тебѣ приставать, только скажи! Я сейчасъ его на телѣжку—и фюить!

Она же не только не добивалась ничего подобнаго, но желала одного: чтобы всѣ на нее смотрѣли и радовались.

Потомъ, однажды—было ужъ очень-очень поздно—*онъ* расшалился и вдругъ сказалъ ей:

— Наденька! какое, однакожъ, у тебя тѣло: такъ и таетъ!

Потомъ... они были однажды въ командировкѣ... *онъ* —

Digitized by Google

по дѣламъ, она—случайно... Ихъ пригласилъ предводитель обѣдать... Бесѣдка... садъ... поетъ соловей... вдали ходитъ письмоводитель и куритъ сигару.

Все это такъ и металось въ глаза, такъ и вставало передъ ней какъ живое! И что всего важнѣе,—по мѣрѣ того, какъ она утѣшала своего друга, уваженіе къ ней все болѣе и болѣе возрастало! Никто даже не завидовалъ! Всѣ знали, что это такъ и есть, такъ и быть должно... А теперь? Что она такое теперь? *Старая* помпадурша! Развѣ это положеніе? развѣ это постъ?

— Ахъ, гдѣ-то онъ теперь, глупушка мой?!

Надежда Петровна томилась и изнывала. Она видѣла, что общество благосклонно къ ней попрежнему, что и квартальные нимало не утратили своей предупредительности; но это ее не радовало и даже какъ будто огорчало. Всякій новый зовъ на обѣдъ или вечеръ напоминалъ ей о прошедшемъ, когда приглашенія приходили естественно, а не изъ сожалѣнія или какой-то искусственно-вызванной благосклонности. Правда, у нея былъ другъ—Ольга Семеновна Проходимцева...

Съ этимъ другомъ она запиралась одинъ-на-одинъ и вспоминала. Она даже сама удивлялась, какой неисчерпаемый источникъ подробностей открывался передъ нею всякій разъ, какъ она принималась припоминать.

— Вотъ какой этотъ помпадурушка глупенькій! Сколько онъ нашалилъ!—говорила она Ольгѣ Семеновнѣ, и вновь отыскивала какую-нибудь еще неразсказанную подробность и повѣствовала о ней своему другу.

Отъ остальныхъ знакомыхъ она почти отказалась, а дѣйствительному статскому совѣтнику Балбесову даже напрямки сказала, чтобы онъ и не думалъ, и что хотя помпадуръ уѣхалъ, но она попрежнему принадлежитъ одному *ему*, или, лучше сказать, благодарному воспоминанію о *немъ*. Это до такой степени ожесточило Балбесова, что онъ прозвалъ Надежду Петровну «ходячею панихидой по помпадурѣ»; но и за всѣмъ тѣмъ успѣха не имѣлъ.

— Вѣдь вотъ, сударь, какое этому помпадуру счастье,—говорилъ онъ:—вѣдь, кажется, только и хорошаго въ немъ было, что на обезьяну похожъ, а такую привязанность къ себѣ внушилъ!

Большую часть времени она сидѣла передъ портретомъ стараго помпадура и все вспоминала, все вспоминала. Случалось иногда, что люди, особенно преданные, успѣвали-

Digitized by Google

таки проникать въ ея уединеніе и уговаривали ее принять участіе въ какомъ-нибудь увеселеніи. Но она на всѣ эти уговоры отвѣчала презрительной улыбкой. Наконецъ, это сочтено было даже опаснымъ. Попробовали призвать на совѣтъ надворнаго совѣтника Бламанжѐ и заставили его еще разъ стать передъ ней на колѣни...

— Голубчикъ! не отъ себя, а отъ имени цѣлаго общества...—умолялъ злосчастный Бламанжѐ, ползая по полу.

— Вы съ ума сошли! Вы, кажется, забыли, *кто* меня любилъ!—отвѣчала она, величественно указывая на портретъ стараго помпадура.

А помпадуръ, словно живой, выглядывалъ изъ рамокъ и, казалось, одобрялъ ея рѣшеніе.

И вотъ, однажды утромъ, Надежда Петровна едва успѣла встать съ постельки, какъ увидала, что на улицѣ происходитъ какое-то необыкновенное смятеніе. Какъ ни поглощена была ея мысль воспоминаніями прошлаго, но сердце ея невольно вздрогнуло и заколотилось въ груди.

— Поздравляю, душенька! новый помпадуръ пріѣхалъ!—весело сказалъ вошедшій въ это время надворный совѣтникъ Бламанжѐ.

II.

Между тѣмъ уваженіе къ Надеждѣ Петровнѣ все росло и росло. Купцы открыто говорили, что «если бы не она, наша матушка, *онъ* бы, какъ святъ Богъ, и насъ всѣхъ, да и прахъ-то нашъ по вѣтру развѣялъ!» Дворяне и чиновники выводили ее чуть не по прямой линіи отъ князя Олега. Полицеймейстеръ настолько встревожился этими слухами, что, несмотря на то, что былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ единственно Надеждѣ Петровнѣ, счелъ долгомъ доложить о нихъ новому помпадуру.

— Скажите бабѣ, чтобы она унялась, а не то... фюить!—отвѣчалъ новый помпадуръ и какъ-то самонадѣянно-лихо щелкнулъ при этомъ пальцами.

Новый помпадуръ былъ малый молодой и совсѣмъ отчаянный. Онъ не зналъ ни наукъ, ни искусствъ и до такой степени мало уважалъ такъ-называемыхъ идеологовъ, что даже изъ Поль-де-Кока и прочихъ классиковъ прочиталъ только избраннѣйшія мѣста. Любимѣйшія его выраженія были: «фюить!» и «куда Макаръ телятъ не гонялъ!»

Тѣмъ не менѣе, когда онъ объѣхалъ мѣстную интеллигенцію, то, несмотря на свою безнадежность, понялъ, что

Digitized by Google

Надежда Петровна составляетъ своего рода силу, съ которою не считаться было бы неблагоразумно.

— Повѣрьте, mon cher,—открывался онъ одному изъ своихъ приближенныхъ:—эта Бламанжé.. это своего рода московская пресса! Столь же податлива... и столь же тверда. Но что она, во всякомъ случаѣ, волнуетъ общественное мнѣніе—это такъ же вѣрно, какъ дважды-два!

Но что всего болѣе волновало его, такъ это то, что онъ еще ничѣмъ не успѣлъ провиниться, какъ уже встрѣтилъ противодѣйствіе.

— Помилуйте! я пріѣхалъ сюда... и, кромѣ открытаго сердца... клянусь Богомъ, ничего! — говорилъ онъ. — И что-жъ!.. на первыхъ же порахъ...

Однако, мало-по-малу, любопытство взяло верхъ, и однажды, когда полицеймейстеръ явился утромъ, по обыкновенію, то новый помпадуръ не выдержалъ.

— А что... эта старая... какова?—спросилъ онъ.

— Птичка-съ!

— Гм!.. вы понимаете... я... Но...

— Точно такъ-съ.

— Ну, да!

У полицеймейстера сперло въ зобу дыханіе отъ радости. Онъ прежде всего былъ человѣкъ доброжелательный и не могъ не болѣть сердцемъ при видѣ какихъ бы то ни было междоусобій и неустройствъ. Поэтому онъ немедленно отъ помпадура поскакалъ къ Надеждѣ Петровнѣ и засталъ ее сидящею въ унынiи передъ портретомъ стараго помпадура. У ногъ ея ползалъ Бламанжé.

— Гдѣ-то ты теперь, глупушка?! Нашалилъ—и уѣхалъ!—разсуждала она сама съ собою.

Однако, когда въ передней послышалось звяканье полицейской шпаги, она не могла не вздрогнуть. Такъ вздрагиваетъ старый боевой конь, заслышавъ призывный звукъ трубы. Надо сказать, впрочемъ, что къ Надеждѣ Петровнѣ всякій и во всякое время могъ входить безъ доклада и требовать себѣ водки и закуски.

— Принеси ты мнѣ, Семенъ, этой рыбки—знаешь?—скомандовалъ полицеймейстеръ въ передней.—А вы, Надежда Петровна, все еще въ слезахъ! Матушка! голубушка! да что-жъ это такое?—продолжалъ онъ, входя въ комнату.—Ну, поплакали, ну, и будетъ!—Глазки-то, глазки-то зачѣмъ же портить?

— Да-съ, вотъ не могу убѣдить!—вступился Бламанжé.

Digitized by Google

— До тѣхъ поръ, покуда...—сказала Надежда Петровна, и голосъ ея оборвался.

— Ну, да, есть резонъ, а вы бы, сударыня, и объ насъ, грѣшныхъ, тоже подумали!

— Что-жъ я могу сдѣлать! теперь моя роль...

Надежда Петровна поникла головой.

— А я вотъ что вамъ доложу, сударыня,—настойчиво продолжалъ полицеймейстеръ:—вмѣсто того, чтобы передъ этимъ, прости Господи, идоломъ унывать, вамъ бы, сударыня, бразды-съ... вотъ что, сударыня!

Но Надежда Петровна попрежнему смотрѣла въ упоръ на стараго помпадура.

— Я, сударыня, еще сегодня имѣлъ счастье докладывать...

Полицеймейстеръ вздохнулъ.

— Что же?—вступился Бламанжѐ.

— А что-жъ, говорятъ, коли они хотятъ противодѣйствовать, такъ и пускай!.. Не хорошо это, Надежда Петровна! Богъ съ васъ за это спроситъ! Такъ-то-съ!

Но она все молчала и, казалось, въ глазахъ смотрящаго на нее помпадура почерпала все бо́льшую и бо́льшую душевную твердость.

«Нашалилъ — и уѣхалъ!» — думалось ей.

— Вотъ то́-то оно и есть-съ!—продолжалъ полицеймейстеръ, какъ бы предвосхищая ея мысль.—Они-то уѣхали, а мы вотъ тутъ отдувайся-съ!

— Я постоянно ей это твержу, — оправдывался Бламанжѐ: — и не я одинъ — все общество!

Но Надежда Петровна уже не слушала болѣе. Она вскочила съ мѣста и, какъ раненая тигрица, устремилась на полицеймейстера.

— Такъ вы забыли, кто меня любилъ?—вскрикнула она на него.—А я... я помню, я все помню!

И съ этимъ словомъ она величественно удалилась изъ комнаты.

Попытки, однако, этимъ не ограничились. Чаще и чаще начали навѣщать Надежду Петровну городскія дамы, и всякая непремѣнно заводила рѣчь о новомъ помпадурѣ. Нѣкоторыя говорили даже, что онъ начинаетъ пріударять.

— Какъ жаль, что около него нѣтъ... vous savez?—прибавляла при этомъ какая-нибудь сердобольная дамочка.

— Нѣтъ, не знаю! — отвѣчала Надежда Петровна съ изумительнымъ равнодушіемъ.

— Ну, этого... какъ это лучше выразить... руководящаго. .

Digitized by Google

— А!

Наступила эпоха обѣдовъ и баловъ. Надежда Петровна все крѣпилась и не спускала глазъ съ портрета стараго помпадура. Въ городѣ стали разсказывать другъ другу по секрету, что она надѣла на себя вериги.

— Mais, enfin, cela commence à devenir ridicule, ma chère!— говорили ей подруги, приглашая принять участіе въ общественныхъ торжествахъ.

— Вы не знаете, mesdames, *кто* меня любилъ, — былъ ея обыкновенный отвѣтъ на эти приставанья: — а я... я знаю! О! я очень, очень много знаю!

— Все это такъ... c'est sublime, il n'y a rien à dire! но все же... всему есть, наконецъ, мѣра!

— Вотъ такъ-то я съ ней каждый Божій день бьюсь! — вступался при этомъ надворный совѣтникъ Бламанжѐ, который въ послѣднее время истаялъ какъ свѣчка.

Въ сущности, однакожъ, сердце ея мало-по-малу подавалось. Она начинала уже анализировать физіономію стараго помпадура и находила, что у него носъ...

— Ахъ, ma chère, посмотрите, какой у него уморительный носъ!—говорила она Ольгѣ Семеновнѣ.

— Я удивляюсь, какъ вы прежде этого не замѣтили,— отвѣчала госпожа Проходимцева, которая и съ своей стороны употребляла всѣ усилія, чтобы заставить Надежду Петровну позабыть о прошедшемъ.—Да и губы-то не больно мудрящія.

И вотъ, однажды, она рискнула даже взглянуть въ окошко... О, ужасъ, она увидѣла новаго помпадура, который шелъ по улицѣ, мурлыкая себѣ подъ носъ:

L'amour—qu'est que c'est que ça, mamselle?
L'amour—qu'est que c'est que ça?

Онъ былъ такъ хорошъ, что она невольно заглядѣлась. Брюнетъ, небольшого роста, но чрезвычайно пропорціонально сложенный, онъ, казалось, былъ созданъ для того, чтобы повелѣвать и очаровывать. На лѣвой щекѣ его была брошена небольшая бородавка (она все замѣтила!), а надъ губой прихотливо вился темный усъ, который онъ по временамъ прикусывалъ. Красота его была совсѣмъ другого рода, нежели красота стараго помпадура. У того и носъ, и губы были такіе мягкіе, такіе уморительные, что такъ и позывало какъ-нибудь ихъ скомкать, смять, а потомъ, пожалуй, и поцѣловать. Но не за красоту поцѣловать, а именно за уморительность. У этого, напротивъ, все было

Digitized by Google

крѣпко, все говорило о неуклонности, неупустительности и натискѣ.

Но вотъ онъ приближается больше и больше; вотъ онъ уже поровнялся съ домомъ Надежды Петровны; походка его колеблется, колеблется... вотъ онъ остановился... онъ взялся за ручку звонка... Надежда Петровна, вся смущенная и трепещущая, устремилась подъ защиту портрета стараго помпадура. Бламанжѐ еще разъ оказалъ свою понятливость, стремглавъ бросившись вонъ изъ дома.

— Вы меня извините, милая Надежда Петровна,—говорилъ «онъ» черезъ минуту своимъ вкрадчивымъ голосомъ:— я до такой степени уважалъ вашу горесть, что не смѣлъ даже подумать потревожить васъ раньше своимъ посѣщеніемъ. Но прошу васъ вѣрить, что мое нетерпѣніе... тѣ лестные отзывы... если-бъ я могъ слушаться только голоса моего сердца...

Но у Надежды Петровны стучало въ ушахъ. Она уставилась глазами въ портретъ, и ей показалось, что старый помпадуръ сверкалъ на нее оттуда глазами!

— Повѣрьте, — продолжалъ звучать тотъ же медоточивый голосъ: — что я, тѣмъ не менѣе, отнюдь не оставался безучастнымъ зрителемъ вашего горя. Господинъ полицеймейстеръ, конечно, не откажется удостовѣрить васъ, что я неоднократно приказывалъ и даже настаивалъ, чтобы вамъ предоставлены были всѣ способы... словомъ, все, что находится въ моей власти...

Надежда Петровна сидѣла попрежнему, не шевелясь, словно съ ней происходилъ какой-то кошмаръ.

— Однако, мнѣ очень обидно, — гудѣлъ помпадуръ: — скажу больше... мнѣ даже больно, что вы... какъ будто изъ-за меня... лишаете общество, такъ сказать, лучшаго его украшенія! Конечно, я... мои достоинства... Я не могу похвалиться опытностью...

— Нѣтъ, васъ хвалятъ!—промолвила Надежда Петровна, почти не сознавая сама, что говоритъ.

— Общество слишкомъ ко мнѣ снисходительно! Конечно, все, что отъ меня зависитъ... я готовъ жертвовать жизнью... но, во всякомъ случаѣ, милая Надежда Петровна, вы мнѣ позвольте уйти съ пріятною мыслью... или, лучше сказать, съ надеждою... что вы не захотите меня огорчить, лишая общество, такъ сказать, его лучшаго украшенія!

— Я-съ... если прикажете-съ!—отвѣчала она съ прежнею безсознательностью.

Digitized by Google

— Не приказываю-съ, но прошу!

Онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ.

— Это, кажется, портретъ моего предмѣстника? — спросилъ онъ.

— Да-съ; это онъ-съ.

— Какъ счастливъ онъ былъ въ своихъ привязанностяхъ, и какъ много, какъ много утратилъ съ отъѣздомъ отсюда!

Глаза помпадура становились масляными, рѣчи принимали тенденціозный оттѣнокъ; но Надежда Петровна все еще не выходила изъ своего оцѣпенѣнія.

— Да-съ, онъ былъ счастливъ-съ,—промолвила она, сама удивляясь, отчего языкъ ея говоритъ только однѣ глупости.

— Извините, я больше не смѣю утруждать васъ своимъ присутствіемъ, но позволяю себѣ думать, что уношу съ собою пріятную надежду, что отнынѣ всѣ недоразумѣнія между нами кончены, и вы... вы не лишите общество его... такъ сказать, лучшаго украшенія!—сказалъ онъ, наконецъ, поднимаясь съ дивана и вновь цѣлуя ручку хозяйки.

По уходѣ его Надежда Петровна нѣкоторое время стояла въ остолбенѣніи. Ей казалось, что она выслушала какую-то неуклюжую канцелярскую бумагу, которой смыслъ былъ для нея еще не совсѣмъ ясенъ, но на которую необходимо, во что бы ни стало, дать объясненіе. Наконецъ, когда она очнулась, то первымъ ея движеніемъ было схватить портретъ стараго помпадура.

— Помпадурушка! глупушка мой! Куда-жъ ты уѣхалъ! Что ты со мной сдѣлалъ!—вскрикнула она, какъ бы предчувствуя, что въ судьбѣ стараго помпадура долженъ произойти рѣшительный переворотъ.

III.

Дни шли за днями. Въ головѣ Надежды Петровны все такъ перепуталось, что она не могла уже отличить «jeune fille aux yeux noirs» отъ «l'amour qu'est que c'est que ça». Она знала навѣрное, что то и другое пѣлъ какой-то помпадуръ, но какой именно—доподлинно опредѣлить не могла. Съ своей стороны, помпадуръ горячился, тосковалъ и впадалъ въ административныя ошибки.

Мало-по-малу затворническая жизнь прискучила, и Надежда Петровна начала выѣзжать. Тѣмъ не менѣе, портретъ стараго помпадура все еще стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, и когда она уѣзжала на балъ, то всякій разъ останавливалась передъ нимъ на нѣсколько минутъ, во всемъ сіяніи

Digitized by Google

бальнаго туалета и красоты, чтобы, какъ она выражалась, «не уѣхать, не показавшись своему глупушкѣ». Балы слѣдовали за балами, обѣды за обѣдами, и на каждомъ изъ нихъ она неизбѣжно встрѣчала новаго помпадура, который такъ и пожиралъ ее глазами. Наконецъ, она стала замѣчать, что между нимъ и его предмѣстникомъ существуетъ какое-то странное сходство. Долго она не могла опредѣлить, въ чемъ состоитъ это сходство, пока, наконецъ, не догадалась, что они оба «глупушки». Съ тѣхъ поръ «показываніе» себя передъ портретомъ стараго помпадура сдѣлалось уже пустою формальностью.

Гдѣ бы она ни была, куда бы ни пріѣхала, съ кѣмъ бы ни заговорила — вездѣ и отъ всѣхъ слышала только одно: хвалу новому помпадуру. Полицеймейстеръ хвалилъ въ немъ благородство души, секретарь—мудрость, прокуроръ—стремительность и натискъ.

— Вы, Надежда Петровна, что̀ думаете?—говорилъ прокуроръ.—Вы, можетъ-быть, думаете, что онъ тамъ на балахъ или на обѣдахъ... что онъ пустяками какими-нибудь занимается?.. на плечи нашихъ барынь облизывается?.. Нѣтъ-съ, онъ мѣропріятіе обдумываетъ! Онъ ужъ у насъ такой! Онъ шагу не можетъ ступить, чтобы чего-нибудь не рѣшить!

— Такъ-то такъ, — задумчиво отвѣчала Надежда Петровна:—да боюсь я...

— Чего же вы боитесь? Вы, можетъ-быть, думаете, что онъ на руку тяжелъ? Напрасно-съ! Онъ у насъ вотъ какъ: мухѣ зла не сдѣлаетъ; вотъ онъ у насъ каковъ!

Заволновалась и добрая старушка Проходимцева, про которую въ городѣ говорили, что она минуты не можетъ прожить, чтобы не услужить.

Но помпадуръ былъ робокъ, что̀, впрочемъ, отчасти объяснялось уже тѣмъ, что въ самомъ формулярѣ его было отмѣчено, что онъ не былъ въ походахъ. Онъ легко обдумывалъ мѣропріятія, но чуть только выходилъ на арену практической дѣятельности—оказывался слабымъ и вялымъ. Всѣ его дѣйствія относительно Надежды Петровны были нерѣшительны и даже просто глупы. Такъ, напримѣръ, однажды, на какомъ-то званомъ обѣдѣ, онъ, въ ея глазахъ, похитилъ со стола грушу, положилъ въ карманъ и послѣ обѣда, подавая ее Надеждѣ Петровнѣ, какимъ-то отчаяннымъ голосомъ сказалъ:

— Кушайте!

Digitized by Google

— На что мнѣ?—изумилась Надежда Петровна.

— Такъ... это такъ!—почти закричалъ онъ, какъ будто воровство груши терзало его сердце, и вслѣдъ затѣмъ какъ-то такъ глупо заржалъ, что старая помпадурша не могла не подумать:

«Господи! да какой же онъ, однако, глупушка!»

Въ другой разъ, на балу, онъ долгое время стоялъ молча подлѣ нея и вдругъ проглаголалъ:

— Какъ бы я желалъ, чтобы въ вашемъ домѣ случился пожаръ!

— На что-жъ это вамъ?—изумилась Надежда Петровна.

— Такъ! Я бы... я бы собственноручно васъ вынесъ изъ пламени!

Въ третій разъ онъ ее спросилъ:

— Вы когда-нибудь цѣлуете вашего Бламанжѐ?

— Зачѣмъ вамъ?

— Хочу знать!

— Не слишкомъ ли вы любопытны?

— Хочу знать!

— Н-нѣ... иногда...

— Отлично! А знаете ли вы, что вашъ Бламанжѐ на скорохода похожъ?

Въ четвертый разъ онъ накинулся на Бламанжѐ и началъ его цѣловать.

— Что вы дѣлаете?—испугалась Надежда Петровна.

— Цѣлую!

— Да перестаньте же! Развѣ не видите, что онъ весь посинѣлъ?

— Цѣлую! — повторялъ онъ, обнаруживая какое-то неестественное ожесточеніе.

Вообще дѣйствія его были не только не рѣшительны, но и загадочны. Иногда онъ возьметъ Надежду Петровну за руку, держитъ ее, гладитъ и вдругъ какъ-то такъ нелѣпо рванетъ, что она даже вскрикнетъ; иногда вскочитъ со стула, словно ужаленный, схватитъ фуражку и, не говоря ни слова, удеретъ домой. Однимъ словомъ, были всѣ признаки; недоставало одного: словесности.

Надеждѣ Петровнѣ показалось, что его стѣсняетъ портретъ стараго помпадура. Его сняли со стола и повѣсили на стѣну. Но и оттуда онъ какъ будто бы примѣчалъ. Тогда надворный совѣтникъ Бламанжѐ предложилъ перенести его, какъ личнаго своего друга, въ свою комнату. Надежда Петровна задумалась, вздохнула... и согласилась.

Digitized by Google

Не надо думать, однако, чтобы новый помпадуръ былъ человѣкъ холостой; нѣтъ, онъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей; но жена его только и дѣлала, что съ утра до вечера ѣла печатные пряники. Это зрѣлище до такой степени истерзало его, что онъ, съ горя, чуть-чуть не погрузился въ чтеніе недоимочныхъ реестровъ. Но и это занятіе представляло слишкомъ мало пищи для ума и сердца, чтобы наполнить помпадурову жизнь. Онъ сталъ ходить въ губернское правленіе и тосковать.

Между тѣмъ, зимній сезонъ окончился; наступилъ постъ; пахнуло весной. Надежда Петровна чувствовала, какъ грудь ея млѣла и закипала. Чтобы угомонить наплывъ жизни, она по цѣлымъ часамъ выстаивала передъ открытою форточкой, вдыхая влажный воздухъ, и выхаживала десятки верстъ, безстрашно проникая въ самые глухіе закоулки города. Усталая, полуразбитая возвращалась она домой, опускалась на кушетку и закрывала глаза. Тяжелая, безпокойная дремота на короткое время оковывала ея члены, и цѣлыя сотни помпадуровъ вереницею проходили передъ ея умственными взорами. Тутъ были всякіе: и съ усами, и безъ усовъ, и бѣлокурые, и брюнеты, и съ бородавками, и безъ бородавокъ, и высокоствольные, и низкоствольные; но,—увы!—между ними не было одного—не было новаго помпадура! Что-то странное произошло съ нимъ: онъ не только пересталъ прохаживаться подъ ея окнами, но даже какъ будто избѣгалъ встрѣчи съ нею. Такъ-таки вдругъ и оборвалъ. «Неужто-жъ онъ только того и добивался, чтобъ расцѣловать этого противнаго Бламанжѐ?»—думалось иногда Надеждѣ Петровнѣ.

Дѣло состояло въ томъ, что помпадуръ отчасти боролся съ своею робостью, отчасти кокетничалъ. Онъ не меньше всякаго другого ощущалъ на себѣ вліяніе весны, но, какъ всѣ люди робкіе и въ то же время своевольные, хотѣлъ, чтобы Надежда Петровна сама повинилась передъ нимъ. Въ ожиданіи этой минуты, онъ до такой степени усилилъ нѣжность къ женѣ, что даже сталъ вмѣстѣ съ нею ѣсть печатные пряники. Такимъ образомъ, дни проходили за днями; Надежда Петровна тщетно ломала себѣ голову; публика ожидала въ недоумѣніи.

Публика эта раздѣлилась на два лагеря. Часть ея, имѣя во главѣ полицеймейстера, рѣшительно во всемъ обвиняла Надежду Петровну.

— Я все ей прощу,—гремѣлъ въ клубѣ глава недоволь-

Digitized by Google

ныхъ:—но одного простить не могу: зачѣмъ она истерзала благороднѣйшее въ мірѣ сердце!

Другая часть, напротивъ, оправдывала ее. Утверждали, что помпадуръ самъ во всемъ виноватъ, что онъ сначала завлекъ благороднѣйшую въ мірѣ женщину, а потомъ своею непростительною медлительностью поставилъ ее въ фальшивое положеніе.

— Чѣмъ въ правленіе-то шататься да пустяки на бобахъ разводить, лучше бы дѣло дѣлать!—говорили защитники.

Какъ бы то ни было, но Надежда Петровна стала удостовѣряться, что уваженіе къ ней съ каждымъ днемъ умаляется. То вдругъ, на какомъ-нибудь благотворительномъ концертѣ, угонятъ ея карету за тридевять земель; то кучера совсѣмъ напрасно въ части высѣкутъ; то Бламанжѐ скажутъ въ глаза язвительнѣйшую колкость. Никогда ничего подобнаго прежде не бывало, и всѣ эти маленькія непріятности тѣмъ сильнѣе язвили ея сердце, что старый помпадуръ избаловалъ ее въ этомъ отношеніи до послѣдней степени.

Наконецъ, посинѣли и разлились рѣки; въ полѣ показалась первая молодая травка; въ сосѣднемъ пруду затрещали лягушки, въ сосѣдней рощѣ защелкалъ соловей. До Надежды Петровны стали доходить слухи, что у нея явилась соперница, какая-то татарская княгиня Уланбекова, которую недовольная партія нарочно выписала изъ Казанской губерніи.

«Изъ-за чего же онъ со мной эту комедію игралъ?»—спрашивала она себя, бѣгая въ отчаяньи по комнатамъ и вымещая на Бламанжѐ свою досаду.

Однажды она, по обыкновенію, утомляла себя ходьбою по городскимъ улицамъ, какъ вдругъ, на углу одной изъ нихъ, столкнулась лицомъ къ лицу съ самимъ помпадуромъ. Онъ былъ обаятеленъ попрежнему, хотя на его лицѣ вскочило нѣсколько прыщей.

— Вы что-жъ это перестали ко мнѣ ходить?—спросила она его голосомъ, въ которомъ слышались и укоръ, и строгость.

Помпадуръ растерялся и началъ разводить на бобахъ какую-то канцелярскую чепуху.

— Какъ вы смѣете не ходить ко мнѣ?—наступала она на него, не слушая возраженій.

Она была въ неописанномъ волненіи; голосъ ея дрожалъ; на глазахъ блистали слезы. Эта женщина, всегда столь скромная, мягкая и даже слабая, вдругъ дошла до такого

Digitized by Google

вступленія, что помпадуръ началъ опасаться, чтобъ съ ней не сдѣлалась на улицѣ истерика.

— Знаю я; знаю я все, что̀ вы дѣлаете!—продолжала она, не помня себя отъ волненія.—Вы около этой мерзкой татарки ухаживаете! Только смѣйте у меня не придти сегодня къ Ольгѣ Семеновнѣ!

Помпадуръ не сопротивлялся. Онъ понялъ, что участь его рѣшена.

IV.

Сердца ихъ зажглись...

Но, какъ правдивый историкъ, я не могу скрыть, что новое помпадурство Надежды Петровны далеко не имѣло того кроткаго характера, какъ первое. Напротивъ того, оно ознаменовалось нѣсколькими жестокостями, которыя, по мнѣнію моему, были, по малой мѣрѣ, безполезны.

Во-первыхъ, татарскую княгиню Уланбекову немедленно—фюить! и водворили въ городѣ Свіяжскѣ, при сліяніи рѣки Свіяги съ Волгою.

Во-вторыхъ, полицеймейстера удалили отъ должности, а прочихъ недовольныхъ разослали въ заточеніе.

Въ-третьихъ, помпадурову жену лишили послѣдняго утѣшенія: запретили ѣсть печатные пряники.

Въ-четвертыхъ, съ Бламанжѐ поступили до того скверно, что даже невозможно сказать...

IV.—«Здравствуй, милая, хорошая моя!»

Кому изъ петербургскихъ обывателей не извѣстенъ Дмитрій Павлычъ Козелковъ? Товарищи и сверстники звали его Митей, Митенькой, Козликомъ и Козленкомъ; старшіе при видѣ его какъ-то особенно благодушно улыбались. Должность у Козелкова была не мудреная: выйти въ двѣнадцать часовъ изъ дому въ департаментъ, тамъ потерться около столовъ и разсказать пару скандалезныхъ анекдотовъ, отъ трехъ до пяти погранить мостовую на Невскомъ, потомъ обѣдать въ долгъ у Дюссо, потомъ въ Михайловскій театръ, потомъ... всюду, куда ни потянетъ Сережу, Сережку, Левушку, Петьку и прочихъ шалуновъ возрождающейся Россіи. Вотъ и все. Козелковъ прожилъ такимъ образомъ съ самаго выхода изъ школы до тридцати лѣтъ и все продолжалъ быть Козленкомъ и Митенькой, несмотря на то, что по чину ужъ глядѣлъ въ превосходительные. Старшіе все такъ же благодушно улыбались при его появленіи, а сверстники

Digitized by Google

подмигивали и на ходу спрашивали: «Что, Козликъ, сегодня хватимъ?»—«Хватимъ», отвѣчалъ Козликъ и продолжалъ гранить тротуары на Невскомъ проспектѣ, покуда не наступалъ часъ обѣдать въ долгъ у Дюссо.

Но въ тридцать лѣтъ Козелкова вдругъ обуяла тоска. Пересталъ онъ разсказывать скандальные анекдоты, началъ обижаться даваемыми ему въ носъ щелчками и аккуратнѣе прежняго пустился ловить взоры начальниковъ. Однимъ словомъ, обнаружилъ признаки нѣкоторой гражданственной зрѣлости.

— Митенька! да что съ тобой, милый человѣкъ?—спрашивали его сверстники.

— Mon cher, мнѣ ужъ все надоѣло!

— Что надоѣло-то?

— Всѣ эти Мальвины... Дюссо... однимъ словомъ, эта жизнь безъ цѣли, въ которой тратятся лучшія наши силы!

— Повтори, повтори! какъ ты это сказалъ?

И т. д., и т. д. Но Козликъ былъ себѣ-на-умѣ и началъ все чаще и чаще похаживать къ своей тетушкѣ, княжнѣ Чепчеулидзевой-Уланбековой, несмотря на то, что она жила гдѣ-то на Пескахъ и питалась одною кашицей. «Ma tante» Чепчеулидзева была фрейлиной въ 1778 году, но, по старости, до такой степени перезабыла русскую исторію, что даже однажды, начитавшись анекдотовъ г. Семевскаго, увѣряла, будто бы она, еще маленькую, носила на рукахъ блаженныя памяти императрицу Елизавету Петровну.

— Красавица была!—шамкала старая дѣвственница.— И бойкая какая! Однажды призываетъ графа Аракчеева,— или нѣтъ... кто, бишь, Митя, при ней Аракчеевымъ-то былъ?

— Le général Münich, ma tante,—отвѣчалъ Митя наудачу.

— Ну, все равно. Призываетъ она его и говоритъ: «графъ Петръ Андреичъ!»...

Но, высказавши эти нѣсколько словъ, старуха уже утомлялась и засыпала. Потомъ, черезъ нѣсколько минутъ, опять просыпалась и начинала разсказывать:

— Вѣдь этотъ Данилычъ-то изъ простыхъ былъ! Ну, да: покойница бабушка разсказывала, что она сама разъ видѣла, какъ онъ къ покойной великой княгинѣ Софьѣ Алексѣевнѣ... А какъ Хованскій-то былъ хорошъ! Покойница царица Тамара сама говорила мнѣ, что однажды на балу у Матрены Балкъ...

Однимъ словомъ, это была старуха безтолковая, къ кото-

Digitized by Google

рой собственно и не стоило бы ѣздить, если-бъ у нея не было друга въ лицѣ князя Оболдуй-Тараканова. Князь былъ камергеромъ въ то же самое время, когда княжна была фрейлиной; годами онъ былъ даже старше ея, но могъ еще съ грѣхомъ пополамъ ходить и называлъ княжну: «ma chère enfant». Въ то время, когда Козлику исполнилось тридцать лѣтъ, князь еще не совсѣмъ былъ сданъ въ архивъ, и потому, при помощи старыхъ связей, могъ, въ случаѣ надобности, оказать и протекцію.

Однажды вечеромъ, когда старики уже досыта наговорились, Козликъ не безъ волненія приступилъ къ дѣйствительной цѣли своихъ посѣщеній.

— Ma tante,—сказалъ онъ:—я хотѣлъ бы пристроиться.

— Что-жъ, мой другъ, это доброе дѣло! Вотъ если-бъ жива была покойница Машенька Гамильтонъ..

— Mais comme il l'a traitée, le barbare!—вставилъ отъ себя словцо старикъ-князь.

— Pardon, ma tante, я не объ этомъ говорю... Мнѣ хотѣлось бы пристроиться, то-есть мѣсто найти.

— Такъ что-жъ, мой другъ! Я могу объ этомъ государю написать! Козелковы всегда были въ силѣ: это, мой другъ, старинный дворянскій домъ! Однажды, блаженныя памяти императрица Анна Леопольдовна...

— Ma tante, il ne s'agit pas de cela! Нынче ужъ даже совсѣмъ не тотъ государь царствуетъ, о которомъ вы говорите!

— Le gamin a raison! Мы съ вами увлеклись, chère enfant!—произнесъ князь.

— Я хотѣлъ, ma tante, просить васъ, чтобы вы замолвили за меня словечко князю,—опять началъ Козелковъ.

— Для Козелковыхъ, мой другъ, всѣ дороги открыты! Я помню еще покойный князь Григорій Григорьевичъ говаривалъ...

— Извините меня, ma tante: все это было очень давно, а теперь хоть я и Козелковъ, но долженъ хлопотать!

— Le gamin a raison!—повторилъ князь.

— Если-бъ вы взяли, князь, на себя трудъ сказать нѣсколько словъ вашему внуку...

— Вамъ, молодой человѣкъ, при дворѣ хочется мѣсто получить?

— Нѣтъ, я хотѣлъ бы въ губернію...

— Гм!.. А въ мое время молодые люди все больше при дворѣ заискивали... Въ мое время молодые люди при дворѣ монимаску танцовали... Вы помните, chère enfant?

Digitized by Google

Однимъ словомъ, съ помощью ли ходатайства стараго князя, или цѣною собственныхъ усилій, но Козелковъ, наконецъ, назначенъ былъ въ Семиозерскую губернію. Извѣстіе это произвело шумную радость въ рядахъ его сверстниковъ.

— Такъ это правда, милый человѣкъ, что тебя въ Семиозерскую губернію назначили?—спрашивалъ одинъ.

— А, ну, представь-ка намъ, какъ ты чиновниковъ принимать будешь.—приставалъ другой.

И т. д., и т. д.

А Митенька слушалъ эти привѣтствія и втихомолку старался придать себѣ сколько возможно болѣе степенную физіономію. Онъ пріучилъ себя говорить басомъ, началъ диспутировать объ отвлеченныхъ вопросахъ, каждый день ходилъ по департаментамъ и съ большимъ прилежаніемъ справлялся о томъ, какіе слѣдуетъ имѣть principes въ различныхъ случаяхъ губернской административной дѣятельности.

Черезъ нѣсколько дней онъ появился въ кругу своихъ товарищей уже совершенно обновленный.

— Mon cher, il faut avoir des principes pour administrer!—серьезно убѣждалъ онъ Левушку Погонина.

— Да что-жъ ты будешь администрировать-то, душка ты этакой?!

— Однако, mon cher, согласись самъ, что есть вопросы, въ которыхъ можно идти и такъ, и этакъ!

— Ну, ты и иди и такъ, и этакъ!

— Я, съ своей стороны, принялъ себѣ за правило: быть справедливымъ—и больше ничего!

Разумѣется, Митенька счелъ священнымъ долгомъ явиться и къ ma tante; но при этомъ видъ его уже до того блисталъ красотою, что старуха совсѣмъ не узнала его.

— Господи! да никакъ это камеръ-юнкеръ Монсъ пришелъ!—сказала она и чуть-чуть не отправилась на тотъ свѣтъ отъ страха.

Старикъ-князь тоже принялъ его благосклонно и даже почтилъ наставленіемъ.

— Въ наше время, молодой человѣкъ,—сказалъ онъ:—когда назначали на такіе посты, то назначаемые преимущественно старались о соединеніи общества и потомъ ужъ вникали въ дѣла...

— Я, князь, постараюсь.

— Я вами доволенъ, молодой человѣкъ, но не могу не сказать: прежде всего вы должны выбрать себѣ правителя

Digitized by Google

канцеляріи. Я помню: покойникъ Маркъ Константинычъ никогда бумагъ не читалъ, но у него былъ правитель канцеляріи... une célebrité! Вся губернія знала его comme un coquin fieffé... но дѣла шли отлично!

На семіозерскій міръ назначеніе Козелкова подѣйствовало какимъ-то ошеломляющимъ образомъ. Чиновники спрашивали себя, кто этотъ Козелковъ, и могли дать отвѣтъ, что это Козелковъ, Дмитрій Павлычъ—и больше ничего. Два совѣтника казенной палаты чуть не поссорились между собою, разсуждая о томъ, будетъ ли Козелковъ дерзокъ на языкъ, или же будетъ «мягко стлать, да жестко спать». Наконецъ, однакожъ, губернскій прокуроръ получилъ изъ Петербурга письмо, въ которомъ писалось, что ѣдетъ, дескать, къ вамъ «Козелковъ—малый удивленія достойный». Прокуроръ до того разозлился на своего корреспондента за такое непростительно-неясное опредѣленіе, что тутъ же разорвалъ его письмо въ клочки.

Но, въ сущности, корреспондентъ былъ правъ, ибо Козелковъ былъ именно «малый удивленія достойный»—и ничего больше.

Тотъ, кто зналъ Козелкова въ Петербургѣ,—Козелкова, съ мучительнымъ безпокойствомъ размышлявшаго о томъ, что Дюссо во всякую минуту жизни можетъ прекратить ему кредитъ,—тотъ, конечно, изумился бы, встрѣтивши его въ Семіозерскѣ на первыхъ порахъ административной его дѣятельности. Во-первыхъ, тамъ никто не называлъ его ни Митей, ни Митенькой, ни Козликомъ, ни Козленкомъ, а звали всѣ вашествомъ; и только немногіе аристократы позволяли себѣ употреблять въ разговорѣ его имя и отчество во-вторыхъ, въ его наружности появилась сановитость и какая-то глянцовитая непроходимость; въ-третьихъ, въ головѣ его завелось цѣлое гнѣздо принциповъ.

Тѣмъ не менѣе, первое знакомство его съ семіозерской публикой произвело на послѣднюю самое благопріятное впечатлѣніе. Одинъ почтенный старецъ выразился о немъ, что онъ «достолюбезный сынъ церкви»; жена губернскаго предводителя сказала: «ничего, онъ очень милъ, но, кажется, слишкомъ серьезенъ»; вице-губернаторъ промычалъ что-то невнятное; градской голова удивился, что онъ «въ такихъ младыхъ лѣтахъ, а поди-ткось!» Одинъ губернскій прокуроръ, какъ человѣкъ желчный, отозвался: «а что это нашъ Дмитрій-то Павлычъ какъ будто на Митьку похожъ!» Од-

Digitized by Google

нимъ словомъ, всѣ, за исключеніемъ прокурора, нашли, что это молодой администраторъ вникательный и, кажется, съ направленіемъ.

Съ своей стороны, Митенька дѣлалъ все, чтобы очаровать семиозерскихъ сановниковъ и расположить общественное мнѣніе въ свою пользу. Онъ съ каждымъ губернскимъ тузомъ побесѣдовалъ отдѣльно, каждаго разспросилъ о подробностяхъ ввѣренной ему части и каждому любезно присовокупилъ, что онъ долженъ еще учиться, и очень счастливъ, что нашелъ такихъ опытныхъ и достойныхъ руководителей.

Разумѣется, дѣло началось съ губернскаго предводителя, и, надо сказать правду, это было дѣло самое щекотливое. Предводитель былъ малый суровый и безцеремонный, и на всѣхъ вообще «сатраповъ» смотрѣлъ безразлично, то-есть какъ на лицъ, мѣшавшихъ дворянству развиваться безпрепятственно. Онъ постоянно былъ въ контрѣ со всѣми губернаторами, и когда ему замѣчали, что всѣ эти лица—точно такіе же дворяне, какъ и онъ самъ, онъ неизмѣнно отвѣчалъ:

— Чтобъ дворянинъ пошелъ продавать себя за двугривенный—да это Боже упаси! Значитъ, вы, сударь, не знаете, что русскій дворянинъ служитъ своему государю даромъ, что дворянское, сударь, дѣло—не кляузничать, а служить!

Повторяю: это былъ малый суровый и несообразительный. Но за эту-то несообразительность онъ и держался нѣсколько трехлѣтій сряду на своемъ посту, потому что мы, русскіе, очень охотно смѣшиваемъ это качество съ твердостью характера и неподкупностью убѣжденія. Митенька зналъ это качество, и, признаться, немножко-таки потрухивалъ.

— Я надѣюсь, Платонъ Иванычъ, что вы не оставите меня вашими совѣтами,—началъ онъ.

— Радъ-съ. Только у насъ, вашество, такая чепуха идетъ, что никакъ этого дѣла перемѣнить нельзя... Въ губернскомъ правленіи, въ строительной комиссіи—просто денной грабежъ!

— Тсс... такъ вы полагаете?..

— Ничего я не полагаю, а навѣрное говорю, что въ губернскомъ правленіи денной грабежъ. Мнѣ что! я въ чужія дѣла не вмѣшиваюсь, а сказать—всегда скажу!

— Какая же причина, однакожъ?

— А та и причина, что до вашества у насъ на этомъ мѣстѣ сряду десять фофановъ сидѣло... ну, и насидѣли!

Митеньку нѣсколько покоробило.

Digitized by Google

— Я всѣмъ говорилъ правду, — продолжалъ предводитель: — и вамъ буду правду говорить! Хотите меня слушать—слушайте! Не хотите—мнѣ что за дѣло!

— Я, Платонъ Иванычъ, пріѣхалъ сюда учиться...

— Ну, ужъ гдѣ намъ ученыхъ учить!

— Нѣтъ, увѣряю васъ! Я очень счастливъ, что нахожу такого опытнаго и достойнаго руководителя!

— Очень радъ-съ, очень радъ-съ! Милости просимъ ко мнѣ хлѣба-соли откушать.

— Благодарю васъ. Повторяю вамъ, что я счастливъ, я совершенно счастливъ, встрѣчая такого опытнаго и достойнаго руководителя!

Такимъ образомъ, дѣло сошло съ рукъ благополучно. Съ остальными тузами и чиновниками оно пошло еще лучше. Вице-губернатора Митенька принялъ вмѣстѣ съ прочими членами губернскаго правленія. Всѣ обладали темно-оливковыми физіономіями, напоминавшими собой изображенія эѳіоповъ. Принимая ихъ, Митенька имѣлъ видъ довольно строгій, потому что ему предстояло сдѣлать внушеніе.

— Господа! правда ли, что до свѣдѣнія моего дошло: будто вы ссоритесь между собою? — спросилъ онъ совершенно серьезно.

Члены злобно взглянули другъ на друга.

— Мы не ссоримся, а по дѣламъ диспуты имѣемъ,— выступилъ впередъ старшій совѣтникъ Штановскій.

— Вотъ изволите, вашество, видѣть!—подстрекнулъ и въ то же время сфискалилъ вице-губернаторъ.

— Господинъ Штановскій, ваша рѣчь впереди!—замѣтилъ Митенька, слегка возвышая голосъ.—Господа! я желаю, чтобъ у меня этихъ диспутовъ не было!

— Во второмъ томѣ свода законовъ, статья...—заикнулся было Штановскій.

— Господинъ Штановскій, я имѣлъ честь замѣтить вамъ, что ваша рѣчь впереди! Господа! Я увѣренъ, что, имѣя такого опытнаго и достойнаго руководителя, какъ Садокъ Сосѳеновичъ (пожатіе руки вице-губернатору), вы ничего не придумаете лучшаго, какъ слѣдовать его совѣтамъ! Ну-съ, а теперь поговоримъ собственно о дѣлахъ. Въ какомъ, напримѣръ, положеніи у васъ недоимки?

— Тысячъ пятьсотъ, а може и поболѣ буде,—отозвался на этотъ вопросъ совѣтникъ Валяй-Бурляй.

— Вотъ онъ всегда такъ, вашество, отвѣчаетъ! — опять сфискалилъ вице-губернаторъ и, обращаясь къ Валяй-

Digitized by Google

Бурляю, прибавилъ: — А вы скажите, сколько поболѣ-то будетъ?

— Самы кажыты!

— Господинъ Валяй-Бурляй! извините меня, но я долженъ сказать, что вы совсѣмъ не такъ говорите съ своимъ прямымъ начальникомъ, какъ слѣдуетъ говорить подчиненному! Господа! обращаю ваше вниманіе на недоимки и, въ виду этого предмета, убѣждаю прекратить ваши раздоры! Недоимка — это, такъ сказать, государственный нервъ... Надѣюсь, что мнѣ больше не придется вамъ это повторять.

Митенька простился и пожелалъ остаться наединѣ съ вице-губернаторомъ. Но когда совѣтники были уже у дверей, онъ что-то вспомнилъ.

— Господинъ Мерзопупіосъ!—сказалъ онъ, клича третьяго совѣтника:—не знаю, правда ли, что̀ до свѣдѣнія моего дошло: будто бы здѣсь собственность совершенно не уважается?

Мерзопупіосъ вильнулъ всѣмъ тѣломъ.

— Собственность есть священнѣйшее изъ правъ человѣка,—продолжалъ Митя:—и взысканія по безспорнымъ обязательствамъ...

Митенька запнулся, потому что вспомнилъ, что самъ не заплатилъ еще своего долга Дюссо.

— Я надѣюсь, что вы не заставите меня повторять это,— продолжалъ онъ и взглядомъ отпустилъ Мерзопупіоса.

Я не буду описывать дальнѣйшихъ представленій. У управляющаго палатой государственныхъ имуществъ Митенька спросилъ, въ какомъ состояніи находится скотоводство въ губерніи; у предсѣдателя казенной палаты—до какой цифры простирается питейный доходъ и т. д. Всѣмъ вообще сказалъ, что очень радъ найти въ нихъ достойныхъ и опытныхъ руководителей.

Не могу умолчать и о разговорѣ съ губернскимъ полковникомъ. Впустивши его въ кабинетъ, Митенька даже счелъ за надобное притворить за нимъ дверь поплотнѣе и вообще, кажется, предположилъ себѣ власть отвести душу бесѣдой съ этимъ сановникомъ.

— Что̀ вы скажете, полковникъ, насчетъ здѣшняго образа мыслей?—спросилъ онъ, значительно понизивши голосъ.

— Образъ мыслей здѣсь самый, вашество, благородный,— отвѣчалъ полковникъ:—и если-бъ только начальство уважило мое ходатайство о высылкѣ отставного поручика Шишкина, то смѣло могу сказать...

Digitized by Google

— Кто этотъ Шишкинъ?—прервалъ Митенька, нѣсколько встревожившись.

— Отставной поручикъ-съ. Вы не можете вообразить себѣ, вашество, что̀ это за ужаснѣйшій человѣкъ! Намеднись, можете себѣ представить, ухитрялся пролѣзть подъ водою въ женскую купальню!

— И много тамъ дамъ было?

— Въ самый, вашество, разъ попалъ! И представьте, вашество, что̀ говоритъ въ свое оправданіе: «я, говоритъ, съ купчихой Берендеевой хотѣлъ свиданіе имѣть!»—Да развѣ вамъ нѣтъ, сударь, другихъ мѣстъ для свиданій? Развѣ вы простолюдинъ какой-нибудь, что не можете благороднымъ манеромъ свиданіе получить?

— Однако, у него губа не дура, у этого Шишкина!

— Просто, вашество, весь женскій полъ цѣлую недѣлю въ смятеніи былъ.

— Гм!.. объ этомъ нужно подумать! Ну, а политическаго ничего нѣтъ?

— Политическаго, вашество, рѣшительно ничего въ нашей губерніи нѣтъ.

— А молодые люди есть?

— Есть, вашество, но это именно прекраснѣйшіе молодые люди, изъ которыхъ со временемъ образуются прекраснѣйшіе сановники.

— Что̀ читаютъ?

— «Московскія Вѣдомости», вашество, но и то—какъ бы сказать?—одно литературное прибавленіе, а не политику.

Собесѣдники на минуту смолкли.

— Знаете ли что̀,—первый прервалъ молчаніе Митенька:—я думаю преимущественно обратить вниманіе на общественную безопасность... А?

— Конечно, вашество, это самая главная вещь въ губерніи. Вотъ если-бъ, вашество, Шишкина...

— Потому что—вы меня понимаете?—если общественная безопасность обезпечена, то, значитъ, и собственность ограждена, и всякимъ удовольствіямъ мирные граждане могутъ предаваться съ полною непринужденностью...

— Ужъ на что̀ же лучше? Только бы, вашество, Шишкина... право, вашество, это не человѣкъ, а зараза!

— Объ Шишкинѣ, полковникъ, не заботьтесь! Я ручаюсь вамъ, что сдѣлаю изъ него полезнаго члена общества! А еще я полагаю посмотрѣть здѣшній гостиный дворъ и установить равновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ!

Digitized by Google

Полковникъ потупился, потому что не понималъ.

— Я вижу, что это для васъ ново. «Спросъ»—это во обще... требованіе товара; «предложеніе»—это... предложеніе товара же. Понимаете? Теперь, значитъ, если спросъ великъ, а предложеніе слабо, то цѣна на товаръ возвышается, и бѣдные отъ этого страдаютъ...

— Это, вашество, будетъ для города такая польза... такое, можно сказать, благодѣяніе...

— Я хочу, чтобъ у меня каждый могъ имѣть все, что ему нужно, за самую умѣренную цѣну,—продолжалъ Митенька, и даже самъ выпучилъ глаза, вспомнивъ, что почти такую же штуку вымолвилъ въ свое время Генрихъ IV.

Собесѣдники опять смолкли, потому что полковникъ окончательно раскисъ.

— Ну-съ, очень радъ; очень счастливъ, что нахожу такого опытнаго и достойнаго руководителя,—заключилъ Митенька и разстался съ полковникомъ.

Въ это же утро Митенька посѣтилъ острогъ; ѣлъ тамъ щи съ говядиной и гречневую кашу съ масломъ, выпилъ кружку квасу и велѣлъ покурить въ коридорѣ. Затѣмъ посѣтилъ городскую больницу, ѣлъ габеръ-супъ, молочную кашицу и велѣлъ покурить въ палатахъ.

— A thea chinensis частенько прописываете?—любезно спросилъ онъ ординатора, который слѣдовалъ за нимъ какъ тѣнь.

Ординаторъ понялъ шутку и улыбнулся.

— Нѣтъ, кромѣ шутокъ,—прибавилъ Митенька:—я нахожу, что здѣсь хоть куда! Только, пожалуйста, курите почаще! Я особенно объ этомъ прошу!

Затѣмъ, такъ какъ ужъ болѣе не съ кѣмъ было бесѣдовать и нечего осматривать, то Митенька отправился домой и вплоть до обѣда размышлялъ о томъ, какого рода произвелъ онъ впечатлѣніе и не уронилъ ли какъ-нибудь своего достоинства. Оказалось по повѣркѣ, что онъ, несмотря на свою неопытность, дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ отнюдь не хуже, какъ и всѣ вообще подобные ему помпадуры: Чебылкины, Зубатовы, Слабомысловы, Бенескриптовы и Фютяевы.

Митенька очень хорошо запомнилъ совѣтъ Оболдуй-Тараканова, заповѣдавшаго ему прежде всего обратить вниманіе на соединеніе общества. Совѣтъ этотъ отлично гармонировалъ съ его собственными сибаритскими наклонно-

Digitized by Google

стями (genre Oeil de Bocuf). «Что такое общество?» задалъ онъ себѣ вопросъ, и тотчасъ безъ запинки отвѣчалъ, что общество составляютъ les dames et les messieurs. «Что нужно, чтобы общество жило въ единеніи?»—нужно удалить отъ него такія мысли, которыя могутъ служить поводомъ для раздоровъ и пререканій. Вотъ Мерзопупіосъ и Штановскій засѣли тамъ въ своей мурьѣ и грызутся, разбирая по косточкамъ вопросъ о подсудности—это понятно, потому что они именно ничего, кромѣ этой мурьи, и не видятъ; но общество должно жить не такъ; оно должно имѣть идеи легкія. Les messieurs et les dames обязаны забывать обо всемъ, кромѣ взаимныхъ другъ къ другу отношеній. Поэтому города, въ которыхъ господствуетъ легкое поведеніе, процвѣтаютъ и отличаются веселостью; города же, въ которыхъ les messieurs вносятъ служебные свои дрязги даже въ частную жизнь, отличаются унынiемъ, и les dames, вслѣдствіе того, пріобрѣтаютъ тамъ скверную привычку ложиться спать вмѣстѣ съ курами.

Во время утреннихъ своихъ слоняній съ визитами по Семиозерску Митенька, какъ знатокъ по части клубнички, не могъ не замѣтить, что городъ обладаетъ въ изобиліи самыми разнообразными «charmants minois», которыя, однакожъ, вслѣдствіе неряшества и домосѣдства, кажутся заспанными и словно беременными. Въ домахъ онъ замѣтилъ какой-то странный, почти необъяснимый запахъ («чортъ его знаетъ! словно дѣтьми или морскими травами пахнетъ!») и чуть-чуть было не распорядился, чтобъ покурили. «А все это оттого, что мастера нѣтъ, который вдохнулъ бы душу въ эти хорошенькіе матеріалы... Нѣтъ, надо ихъ подтянуть!»

Эта идея до того ему понравилась, что онъ рѣшился провести ее во что бы то ни стало, и для достиженія цѣли дѣйствовать преимущественно на дамъ. Для начала, обѣдъ у губернскаго предводителя представлялъ прекраснѣйшій случай. Тамъ можно было побесѣдовать и о spectacles de société, и о лотереѣ-аллегри, этихъ двухъ неизмѣнныхъ и неотразимыхъ административныхъ средствахъ сближенія общества.

Въ этихъ видахъ онъ отправился на обѣдъ нѣсколько пораньше («кстати, ужъ и за предводительшей пріударить!»—подумалъ онъ); но оказалось, что на этотъ разъ весь губернскій людъ словно сговорился и собрался ранѣе обыкновеннаго. Оставалось покориться.

Digitized by Google

Предводительша, пикантная брюнетка, взглянула на него довольно пронзительно и указала мѣсто подлѣ себя. Кругомъ тоже сидѣли дамы, въ числѣ которыхъ было нѣсколько дѣйствительно хорошенькихъ.

— Да избавьте вы насъ, Дмитрій Павлычъ, ради Бога, отъ этого разбойника Мухоярова, который заодно съ губернскимъ правленіемъ по дорогамъ грабитъ!—совершенно некстати забасилъ хозяинъ.

— Pardon, cher Платонъ Иванычъ, позвольте мнѣ на этотъ разъ не слушать васъ! Я, конечно, сдѣлаю все, что вамъ угодно будетъ мнѣ приказать, но здѣсь я исключительно въ распоряженіи дамъ,—отвѣчалъ Митенька, очень граціозно поматывая головкой.

Дамы просіяли и инстинктивно оправили свои платья.

— Бываютъ у васъ здѣсь спектакли?—обратился Митенька къ хозяйкѣ.

— Да... зимою пріѣзжаютъ какіе-то актеры, но *мы* ихъ никогда не видимъ,—отвѣчала хозяйка и опять взглянула на Митеньку.

«Такъ бы я тебя и съѣлъ!»—подумалъ Митенька, пожирая ее глазами, но вслухъ продолжалъ:—Нѣтъ, я, конечно, не объ городскихъ спектакляхъ говорю... Я говорю о такъ-называемыхъ spectacles de société...

Изъ дамъ нѣкоторыя перешепнулись, другія перемигнулись, какъ будто говорили другъ другу: а вотъ, погоди, заставитъ онъ насъ всѣхъ пѣть водевильные куплеты и изображать «рѣзвящихся русалокъ»!

— Нѣтъ, здѣсь этимъ некому было заняться.

— Но вы, Татьяна Михайловна?

— Я?.. а почему вы предполагаете, что именно *я* могу этимъ заняться?

Митенька сконфузился; онъ, конечно, былъ въ состояніи очень хорошо объяснить, почему онъ такъ думаетъ, но такое объясненіе могло бы обидѣть прочихъ дамъ, изъ которыхъ каждая, безъ сомнѣнія, мнила себя царицей общества. Поэтому онъ только мялъ въ отвѣтъ губами. Къ счастію, на этой скользкой стезѣ онъ былъ вырученъ вошедшимъ офиціантомъ, который провозгласилъ, что подано кушать. Татьяна Михайловна подала Митенькѣ руку. Процессія двинулась.

— Давайте вашу руку, но за обѣдомъ вы мнѣ непремѣнно должны объяснить, почему вы считаете, что именно

Digitized by Google

я должна принять на себя устройство спектакля? — полушопотомъ сказала хозяйка дорогой.

— Стоитъ только взглянуть на васъ, чтобы... — началъ Митенька, и не кончилъ.

— А!—не то насмѣшливо, не то сочувственно произнесла Татьяна Михайловна.

За столомъ размѣстились по-парно, то-есть мужчины вперемежку съ дамами. Излишекъ мужчинъ (преимущественно старцы, уже совсѣмъ непотребные) сгруппировался на другомъ концѣ стола, поближе къ хозяину.

— Ну-съ, «чтобы»?.. — начала опять Татьяна Михайловна, очевидно кокетничая. Она кушала при этомъ супъ съ такою граціей, какъ будто играла ложкой.

— Чтобы убѣдиться, что вы — единственная женщина, которая можетъ привлечь...

— Публику?

— Вы жестоки, Татьяна Михайловна!..

— Вашество! рекомендую вамъ пирожки, у меня для нихъ особенный поваръ есть, въ Новотроицкомъ учился!— приглашалъ съ другого конца хозяинъ дома.

— Ѣмъ-съ, Платонъ Иванычъ; пирожки, дѣйствительно, безподобны!

— Шесть лѣтъ въ ученьи былъ,—продолжалъ хозяинъ, но Митенька уже не слушалъ его. Онъ дѣлалъ всевозможныя усилія, чтобъ соблюсти приличіе и заговорить съ своею сосѣдкой по лѣвую сторону; но разговоръ рѣшительно не вязался, хотя и эта сосѣдка была тоже очень и очень увлекательная блондинка. Онъ спрашивалъ ее, часто ли она гуляетъ, ѣздитъ ли по зимамъ въ Москву, но далѣе этого, такъ сказать, полицейскаго допроса идти не могъ. И мысли, и взоры его невольно обращались къ хорошенькой предводительшѣ.

— Кушайте же пирожки; ихъ шесть лѣтъ учились готовить,—насмѣшливо говорила, между тѣмъ, хозяйка.

Митенька ободрился.

— Такъ вы согласны будете взять на себя трудъ устроить spectacle de société?—спросилъ онъ.

— Да, если вы будете внимательны къ нашимъ дамамъ... Mesdames! Дмитрій Павлычъ проситъ, чтобы вы приняли участіе въ предполагаемомъ имъ спектаклѣ! Но вы и сами непремѣнно должны принять въ немъ участіе,—продолжала она, обращаясь къ Митенькѣ:—вы должны быть нашимъ premier amoureux...

Digitized by Google

— Да, да! непремѣнно! непремѣнно!—вторили дамы.

— Увы! для меня это недоступно! Печальная необходимость... мой постъ... Но я могу, если угодно, быть вашимъ режиссеромъ, mesdames, и тогда—прошу меня слушаться, потому что вѣдь я очень строгъ!

— Будто вы строги!—мимоходомъ замѣтила предводительша, взглядывая на него исподлобья.

— Увы!.. боюсь, что нѣтъ!

— Это вы, вашество, ихъ спектакль устроить приглашаете?—вступился опять хозяинъ.—Напрасно стараетесь! Эта штука у насъ пробована и перепробована!

— Mon mari va dire quelque bêtise,—шепнула предводительша про себя, но такъ, что Митенька слышалъ.

— А что же?—спросилъ онъ предводителя.

— Да наши барыни, какъ соберутся, такъ и передерутся!—отвѣтилъ хозяинъ, отнюдь не церемонясь.

— Fi, mon ami, какія ты вещи говоришь! — обидѣлась супруга его.

— Ну, ужъ извини меня, Татьяна Михайловна, а что правда, то правда!

— Какія же пьесы мы будемъ играть? — молвила блондинка, сидѣвшая по лѣвую сторону.

— Позвольте... я знаю, напримѣръ, водевиль... онъ называется: «Азъ и Фертъ»... le titre est bizarre, mesdames, но пьеса, право, очень, очень миленькая! Есть въ ней этакое brio...

— Я однажды въ Москвѣ у князя Сергія Борисыча «Полковника старыхъ временъ» играла, — пискнула-было вице-губернаторша, но на нее никто не обратилъ вниманія.

— Есть еще, вашество, пьеса: «Несчастія красавца»,— откликнулся хозяинъ, можетъ-быть съ намѣреніемъ, а можетъ-быть и безъ намѣренія; но Митенька почувствовалъ, что его въ это время словно ударило чѣмъ въ спину.

— Да, и такая пьеса есть, но, признаюсь, я болѣе люблю живыя картины. Je suis pour les tableaux vivants, moi!

На минуту всѣ смолкли; слышенъ былъ только стукъ ножей и вилокъ.

— Дуракъ родился!—сказалъ хозяинъ.

Всѣ засмѣялись.

— Но, Платонъ Иванычъ, позвольте вамъ замѣтить, что если всегда въ подобныя минуты долженъ непремѣнно родиться дуракъ, то, такимъ образомъ, ихъ должно бы быть ужъ черезчуръ много на свѣтѣ!—замѣтилъ Митенька.

Digitized by Google

— А вашество развѣ думали, что ихъ мало?

Митенькѣ сдѣлалось положительно неловко, потому что хозяинъ, очевидно, начиналъ придираться.

— Mon mari est jaloux!—шепнула опять-таки про себя предводительша, очень мило обгладывая крылышко цыпленка.

Начали подавать шампанское. Начались поздравленія и пожеланія. Предводительша мило чокнулась и сказала:—«Je désire que vous nous restiez le plus longtemps possible!»—А еще что?—процѣдилъ сквозь зубы Митенька.—«Nous verrons»,—тоже процѣдила хозяйка.

— Вашество, извините! тоста не провозглашаю, а за здоровье ваше выпью съ удовольствіемъ,—говорилъ, между тѣмъ, предводитель.

«Ишь вѣдь, оболтусъ, и у себя-то не хочетъ почтенія сдѣлать!»—подумалъ Митенька.

— Вотъ у меня письмоводитель въ посреднической комиссіи есть, такъ тотъ мастеръ за обѣдами предики эти говорить,—продолжалъ хозяинъ.—Вотъ онъ!

Тутъ только Митенька замѣтилъ, что въ темномъ углу комнаты, около стѣны, былъ накрытъ еще столъ, за которымъ сидѣли какія-то три личности. Одна изъ нихъ встала.

— Я отъ хлѣба-соли никому не отказываю, потому—народъ бѣдный, оборванцы!—ораторствовалъ хозяинъ.—Прикажете ему, вашество, привѣтствіе сказать?

— Отчего же... я съ удовольствіемъ!

— Катай, Анпетовъ!

— Ахъ, mon ami, какія у тебя выраженія!

— Ну, ужъ, Татьяна Михайловна, не взыщи! каковъ есть, таковъ и есть! что правда, то правда!

Анпетовъ вышелъ къ серединѣ стола и произнесъ:

«Почтеннѣйшія госпожи и милостивые господа!

«Если солнцу восходящу всякая тварь радуется и всякая птица трепещетъ отъ живительнаго луча его, то значитъ, что въ самой природѣ Всеблагой Промыслъ установилъ такой законъ, или, лучше сказать, предопредѣленіе, въ силу котораго тварь обязывается о восходящемъ лучѣ радоваться и трепетать, а о заходящемъ печалиться и недоумѣвать.

«Здѣсь вижу я, благородныя слушательницы и почтеннѣйшіе слушатели, собраніе гостей именитыхъ, въ цѣломъ краѣ славныхъ, и между ними нѣкоего, который именно тотъ восходящій солнца лучъ прообразуетъ, о коемъ ска-

Digitized by Google

зано: онъ еще младъ, но умудренъ знаніями, глава его не убѣлена сѣдинами, но умъ обогащенъ наукой. Не дерзостный и не гордостный, но благостный и душепріятный пришелъ ты къ намъ! Дерзнемъ ли же мы пренебречь тѣмъ закономъ, который сама природа всещедрая вложила въ сердца наши? Дерзнемъ ли печалиться и недоумѣвать въ такія минуты, когда надлежитъ трепетать и радоваться?

«Нѣтъ, не дерзнемъ, но воскликнемъ убо: за здравіе и долгоденствіе его вашества Дмитрія Павловича Козелкова! Ура!»

— Благодарю васъ!—отвѣчалъ Митенька и, обратившись къ дамамъ, прибавилъ:—Mais il a le don de la parole!

— Приходи ужò, водки дамъ!—сказалъ хозяинъ.

Наконецъ, обѣдъ кончился. Провожая свою даму въ гостиную, Митенька дерзнулъ даже пожать ей локоть, и хотя ему не отвѣчали тѣмъ же, однакоже и мины непріятной не сдѣлали. Митеньку это ободрило.

— Такъ судьба нашихъ спектаклей въ вашихъ рукахъ?—сказалъ онъ.

— Да, я постараюсь... если Платонъ Иванычъ позволитъ...

— О, мы нападемъ на него всѣмъ обществомъ! Но вы представьте себѣ, какъ это будетъ пріятно! Можно будетъ видѣться... говорить!

Предводительша легонько вздохнула.

— Репетиціи... трепетное мерцаніе лампы... — началъ было фантазировать Митенька.

— Вашество, милости просимъ въ кабинетъ! Господа, милости просимъ!—приглашалъ гостепріимный хозяинъ.

Митенька долженъ былъ покориться печальной необходимости, но онъ утѣшался дорòгой, что первый толчокъ соединенію общества ужъ данъ, и что, кажется, дѣло это, съ Божьею помощью, должно пойти на ладъ.

Былъ уже девятый часъ вечера, когда Митенька возвращался отъ предводителя домой. Дрожки его поровнялись съ ярко-освѣщеннымъ домомъ, сквозь окна котораго Митенька усмотрѣлъ Штановскаго, Валяй-Бурляя и Мерзопупіоса, рѣзавшихся въ преферансъ. На столикѣ у стѣны была поставлена закуска и водка. По комнатѣ шныряли дѣти. Какая-то дама оливковаго цвѣта сидѣла около Мерзопупіоса и заглядывала въ его карты.

— Чей это домъ?—спросилъ Митенька кучера.

— Совѣтника Мерзопупіоса.

«Га! помирились-таки!—подумалъ Митенька:—ну, и здѣсь, съ Божьею помощью, дѣло, кажется, пойдетъ на ладъ!»

Digitized by Google

Возвратившись домой, Митенька долгое время мечталъ. «Кажется, что дѣло не дурно устраивается,—думалъ онъ:—кажется, что ужъ я успѣлъ дать ему нѣкоторое направленіе!»

Онъ подошелъ къ зеркалу, поставилъ на столъ двѣ свѣчи и посмотрѣлся:—ничего, хорошъ!

— Что же, когда Дюсѣ деньги-то посылать будете?—спросилъ старикъ-камердинеръ Гаврила, снимая съ него сапоги. Митенька молчалъ и притворился погруженнымъ въ глубокія соображенія.

— Вѣдь Дюса-то Никиту маркела передъ отъѣздомъ ко мнѣ присылалъ. «Ты смотри, говоритъ, какъ у барина первыя деньги будутъ, такъ безпремѣнно чтобы къ намъ посылалъ!»

Митенька все молчалъ.

— Что-жъ вы молчите! Нешто я у Дюсы-то ѣлъ!

— Молчать, скотина!

— Какъ я могу молчать? Я дѣло завсегда говорить долженъ!

— Цыцъ, каналья!

Митенька легъ спать и видѣлъ во снѣ Дюссо и хорошенькую предводительшу.

V.—«На зарѣ ты ее не буди».

I.

Къ несчастію для Митеньки, въ Семіозерскѣ случились выборы—и онъ совсѣмъ растерялся. Ужъ и безъ того Козелковъ замѣтилъ, что предводитель, для пріобрѣтенія популярности, сталъ грубить ему болѣе обыкновеннаго, а тутъ пошли по городу какія-то шушуканья, стали наѣзжать изъ уѣздовъ и изъ столицъ старые и молодые помѣщики; въ квартирѣ извѣстнаго либерала, Коли Собачкина, начались таинственныя совѣщанія; даже самые, что-называется, «сивые»—и тѣ собирались по вечерамъ въ клубѣ и о чемъ-то безпорядочно толковали... Дмитрій Павлычъ смотритъ изъ окна своего дома на квартиру Собачкина и, видя, какъ къ крыльцу ея безпрерывно подъѣзжаетъ цвѣтъ россійскаго либерализма, негодуетъ и волнуется.

— И за что они мнѣ не довѣряютъ! за что они мнѣ не довѣряютъ!—восклицаетъ онъ, обращаясь къ правителю канцеляріи, стоящему поодаль съ портфелью подъ-мышкой.

— Чувствъ, вашество, нѣтъ-съ...

— Если имъ либеральныхъ идей хочется, то надѣюсь...

Digitized by Google

— Ужъ чего же, вашество, больше!

— Потому что хотя я и служу... однако не вижу, что же тутъ... предосудительнаго?

И Дмитрій Павлычъ, съ грустью въ сердцѣ, удаляется къ себѣ въ кабинетъ подписывать бумаги.

— Спустите, пожалуйста, шторы,—обращается онъ къ правителю канцеляріи:—этотъ Собачкинъ... я просто даже квартиры его выносить не могу!

Но и при спущенныхъ шторахъ дѣло спорится плохо. Козелковъ подписываетъ бумаги зря и все подумываетъ о томъ, какъ бы ему «овладѣть движеніемъ». Планъ за планомъ, одинъ другого безпутнѣе, мѣняются въ его головѣ. То онъ воображаетъ себѣ, что стоитъ передъ рядами и говоритъ: «messieurs, вы видите эти твердыни? Хотите, я *самъ* поведу васъ на нихъ?» — и этою рѣчью приводитъ всѣхъ въ восторгъ; то мнитъ, что задаетъ какой-то чудовищный обѣдъ и, по окончаніи, принимаетъ отъ благодарныхъ гостей обязательство въ томъ, что они никогда ничего противъ него злоумышлять не будутъ; то представляется ему, что онъ, истощивъ всѣ кроткія мѣры, влетаетъ во главѣ эскадрона въ залу...

И видится ему, что, по исполненіи всѣхъ этихъ подвиговъ, онъ мчится по ухабамъ и сугробамъ въ Петербургъ и думаетъ дорогой завѣтную думу...

«Стани...», шепчетъ эта завѣтная дума, но не дошептываетъ, потому что ухабъ заставляетъ его прикусить языкъ.

«Слава! слава! слава!»—подзвякиваетъ въ это время колокольчикъ, и экипажъ мчится да мчится себѣ впередъ...

— А знаете ли что?—говоритъ Дмитрій Павлычъ вслухъ правителю канцеляріи:—я полагаю, что это будетъ очень не дурно, если я, такъ сказать, овладѣю движеніемъ...

Правитель канцеляріи не понимаетъ, но дѣлаетъ видъ, что понимаетъ.

— «Овладѣть движеніемъ» — это значитъ: стать во главѣ его,—толкуетъ Козелковъ.—Я очень хорошо помню, что когда у насъ, въ Петербургѣ, буянили нигилисты, то я еще тогда сказалъ моему пріятелю, капитану Реброву: что вы смотрите, капитанъ! Овладѣйте движеніемъ—и все будетъ кончено!

Дмитрій Павлычъ опять задумался, и опять въ ушахъ его загудѣлъ колокольчикъ, позвякивая: «слава! слава! слава!»

— Просто, пойду сейчасъ къ Собачкину, — заговорилъ

Digitized by Google

онъ:—н скажу: «messieurs! за что вы мнѣ не довѣряете? Повѣрьте, что хотя я и служу, но чувства мои, messieurs... я полагаю»...

— Это точно-съ,—ввернулъ свое слово правитель канцеляріи.

— Потому что, въ сущности, чего они желаютъ? Они желаютъ, чтобы всѣмъ было хорошо? Прекрасно. Теперь спросимъ: чего я желаю? Я тоже желаю, чтобъ всѣмъ было хорошо! Слѣдовательно, и я, и они желаемъ, въ сущности, одного и того же. «Unitibus rebus vires cresca parvunt!» какъ сказалъ нашъ почтеннѣйшій Михаилъ Никифоровичъ въ одной изъ своихъ передовыхъ статей.

Правитель канцеляріи, услышавъ эту неслыханную цитату, чуть не захлебнулся.

— А какъ поступалъ мой предмѣстникъ въ подобныхъ случаяхъ?—спросилъ его Дмитрій Павлычъ.

— Просто-съ. Они, вашество, больше такъ поступали: сначала однихъ позовутъ—имъ репримандъ сдѣлаютъ, потомъ другихъ позовутъ—и имъ репримандъ сдѣлаютъ. А иногда случалось, что и стравятъ-съ...

— То-есть, какъ же это—стравятъ?

— А такъ-съ, однихъ посредствомъ другихъ уничтожали-съ... У нихъ вѣдь, вашество, тоже безобразіе-съ! Начнутъ это другъ дружкѣ докладывать: «ты тарелки лизалъ!» — «анъ ты тарелки лизалъ!»—и пойдетъ-съ! А тѣмъ временемъ и дѣло къ концу подойдетъ-съ... и скрутятъ ихъ въ ту пору живымъ манеромъ!

— Гм!.. это недурно!—молвилъ Козелковъ и насупилъ брови.—Только какъ же это? Надобно какой-нибудь предлогъ!

— А вы, вашество, вотъ что-съ. Позовите кого постарше-съ, да и дайте этакъ почувствовать: кабы, молъ, не болтали молодые, такъ никакихъ бы реформъ не было; а потомъ попросите изъ молодыхъ кого, да и имъ тоже внушите: кабы, молъ, не безобразничали старики, не рѣзали бы дѣвкамъ косы, да руками не озорничали, такъ никакихъ бы, молъ, реформъ не было. Они на это пойдутъ-съ.

— Вы полагаете?

— Вѣрно-съ. И почнутъ они промежду себя считаться... А дня этакъ за два до срока, вашество, и напомните, что скоро, дескать, и по домамъ пора... Шары въ руки—и дѣло съ концомъ-съ!

— Гм!.. это недурно. Благодарю.

Правитель канцеляріи давно уже ушелъ, а Козелковъ

Digitized by Google

все ходитъ по комнатамъ и все о чемъ-то думаетъ, а по временамъ посматриваетъ на окна либерала Сабачкина, за которыми виднѣются курящія и закусывающія фигуры.

Предложенная правителемъ канцеляріи программа понравилась ему. Мало-по-малу онъ до того вошелъ во вкусъ ея, что даже заподозрилъ, что онъ совсѣмъ не Козелковъ, а Меттернихъ. «Что такое дипломація?—спрашиваетъ онъ себя по этому случаю, и тутъ же сгоряча отвѣчаетъ:—дипломація — это, братъ, такое исскуство, за которое тебѣ треуховъ надавать могутъ!» Однако и на этой горестной мысли онъ долго не останавливается, но спѣшитъ къ другой и, въ концѣ концовъ, даже приходитъ въ восторженность. «Дипломація,—говоритъ онъ:—это все равно, что тонкая, чуть-чуть примѣтная паутина: паукъ стелетъ себѣ да стелетъ паутину, а мухи въ нее попадаютъ да попадаютъ—вотъ и «дипломація»!

— A nous deux maintenant!—воскликнулъ онъ, весело потирая руки и обращаясь къ какому-то воображаемому врагу:—посмотримъ, посмотримъ, messieurs, чья дипломація одержитъ побѣду!

А messieurs совсѣмъ и не воображали, что Дмитрій Павлычъ строитъ противъ нихъ ковы. Они въ это время закусывали, прохаживались по «простячкамъ», приготовлялись публично «проэкзаменовать» мировыхъ посредниковъ за ихъ продерзостные поступки и вообще шутили обычныя шутки.

Уже начинали спускаться сумерки и на улицахъ показалось еще больше усиленное движеніе, нежели утромъ. По такъ-называемой Губернаторской улицѣ протянулась цѣлая вереница разнообразнѣйшихъ экипажей; тутъ были и пошевни, запряженныя лихими тройками, украшенными лентами и бубенчиками съ малиновымъ звономъ, и простыя городскія сани, и уродливые, нелѣпо-тяжелые возки, и охотницкія сани, везомыя сильными, едва сдерживаемыми рысаками. Въ пошевняхъ блистали наѣзжія львицы, жены мѣстныхъ аристократовъ; охотницкими санями и рысаками щеголяли молодые наѣзжіе львы. По временамъ какая-нибудь тройка выѣзжала изъ ряда и стремглавъ неслась по самой серединѣ улицы, подымая цѣлыя облака снѣжной пыли; за нею вдогонку летѣло нѣсколько охотницкихъ саней, перегоняя другъ друга; слышался смѣхъ и визгъ; нарумяненныя морозомъ молодыя женскія лица суетливо оборачивались назадъ и въ то же время нетерпѣливо понукали

Digitized by Google

кучера; тройка неслась сильнѣе и сильнѣе; догоняющіе сзади наѣздники приходили въ азартъ и ничего не видѣли. Тутъ былъ и Коля Собачкинъ на своемъ сѣромъ, сильномъ рысакѣ; онъ ѣхалъ о-бокъ съ предводительскими санями и, повидимому, говорилъ нѣчто очень острое, потому что пикантная предводительша хохотала и грозила ему пальчикомъ; тутъ была и томная мадамъ Первагина, и величественная баронесса фонъ-Цанарцтъ, урожденная княжна Абдулъ-Рахметова, которой что-то напѣвалъ въ уши Сережа Свайкинъ. Однимъ словомъ, это была цѣлая выставка, на которую губернія прислала лучшіе свои цвѣты, и которая могла бы назваться вполнѣ изящною, если бы не портили общаго впечатлѣнія дѣвицы Лоботрясовы, дѣвицы пожилыя и скаредныя, выѣхавшія на гулянье въ какомъ-то лохматомъ возкѣ, запряженномъ тройкой лохматыхъ же клячъ.

Козелковъ смотрѣлъ изъ окошка на эту суматоху и думалъ: «Господи! зачѣмъ я уродился сановникомъ? зачѣмъ я не Сережа Свайкинъ? зачѣмъ я не Собачкинъ?» Въ эту минуту ему хотѣлось побѣгать. Въ особенности привлекала его великолѣпная баронесса фонъ-Цанарцтъ. «Такъ бы я тамъ...» говорилъ онъ, и не договаривалъ, потому что у него духъ занимался отъ одного воображенія.

И въ самомъ дѣлѣ онъ ничего подобнаго представить себѣ не могъ. Цѣлый букетъ разомъ! Букетъ, въ которомъ каждый цвѣтокъ такъ и прыщетъ свѣжестью, такъ и обдаетъ ароматомъ! Сами губернскія дамы понимали это и на все время выборовъ скромно, хотя и не безъ секретнаго негодованія, стушовывались въ сторонку.

Это и понятно, потому что губернскія дамы, за немногими исключеніями, все-таки были не болѣе какъ чиновницы, какія-нибудь предсѣдательши, командирши и совѣтницы, родившіяся и воспитывавшіяся въ четвертыхъ этажахъ петербургскихъ казенныхъ домовъ и только недавно, очень недавно, получившія понятіе о комфортѣ и о томъ, что такое значитъ «ни въ чемъ себѣ не отказывать». Напротивъ того, наѣзжія барыни представляли собою такъ-называемую «породу»; онѣ являлись свѣжія, окруженныя блескомъ и роскошью; въ рѣчахъ ихъ слышались настоящія слова; ихъ жесты были настоящими жестами; онѣ не жались и не сторонились ни передъ кѣмъ, но бодро смотрѣли всѣмъ въ глаза и были въ губернскомъ городѣ какъ у себя дома. Понятно, что всѣ сердца къ нимъ неслись, и что какой-нибудь Гриша Трясучкинъ, еще вчера очень усердно

Digitized by Google

пріударявшій за батальонной командиршей, вдругъ начиналъ находить ее худосочною, обтрепанною и полинявшею. Понятно, что и Козелковъ сильнѣе, нежели когда-либо, почувствовалъ всю тяжесть, всю тоску своего административнаго одиночества.

Между тѣмъ, ужъ совсѣмъ стемнѣло; улица вдругъ опустѣла, во всѣхъ окнахъ замелькали огни. Козелкову представилось, что въ этихъ домахъ теперь обѣдаютъ; что тамъ шумнымъ потокомъ льется бесѣда, что тамъ кто-нибудь что-нибудь нашептываетъ, и кто-нибудь эти нашептыванья выслушиваетъ...

Въ столовой его уже ожидалъ чиновникъ особыхъ порученій, французикъ Фавори, котораго Козелковъ опредѣлилъ на эту должность собственно за то, что онъ былъ ужъ очень вертлявъ и казался готовымъ на всевозможныя услуги.

Французикъ Фавори какъ-то замалодушничалъ всѣми оконечностями, какъ только на порогѣ столовой появилась фигура Козелкова. Онъ сразу догадался, что начальство пасмурно и что нужно его развеселить.

— А я намѣреваюсь дать вамъ дипломатическое порученіе, Фавори!—молвилъ Митенька, принимаясь за супъ.

Фавори весь превратился въ преданность; тѣло его словно пополамъ распалось: верхняя часть выдалась впередъ и застыла въ неподвижности, нижняя—отпятилась назадъ и судорожно виляла. Фавори былъ убѣжденъ, что Козелковъ пошлетъ его узнать о здоровьи Марьи Петровны, и потому ухмыльнулся всѣмъ своимъ поганымъ лицомъ.

— Нѣтъ, не то!—сказалъ Козелковъ, какъ бы отгадывая его мысли:—порученіе, которое я намѣренъ на васъ возложить, весьма серьезно.

Митенька выговорилъ эти слова очень строго; но, должно-быть, важный видъ былъ не къ лицу ему, потому что лакей Степанъ, принимавшій въ эту минуту тарелку у Фавори, не выдержалъ и поспѣшилъ поскорѣе уйти.

— Дѣло въ томъ,—продолжалъ Козелковъ:—что я нахожусь въ величайшемъ затрудненіи. Теперь у меня здѣсь цѣлое скопище, а я рѣшительно не знаю, что у нихъ дѣлается. Никто мнѣ не докладываетъ.

— Вашество...

— Я поручаю вамъ каждодневно докладывать мнѣ обо всемъ! Вы должны знать обо всемъ! Вы должны проникать всюду! Вы должны быть вездѣ—и нигдѣ!

Козелковъ до того разревновался, что даже жестами

Digitized by Google

показывалъ Фавори, какъ онъ долженъ быть вездѣ и нигдѣ.

— Повѣрьте, вашество...

— Знаю. Вы должны будете говорить старикамъ: «это все молодые своей болтовней надѣлали!» Съ другой стороны, молодымъ людямъ должно внушать, что все произошло благодаря безобразію стариковъ. Однимъ словомъ, вы обязаны употребить всѣ усилія, чтобы поселить спасительное междоусобіе!

Козелковъ остановился и зорко посмотрѣлъ на своего собесѣдника, какъ бы желая узнать, готовъ ли онъ. Но Фавори былъ готовъ, такъ сказать, отъ самаго рожденія, и потому не удивительно, что Митенька остался доволенъ своимъ осмотромъ.

— Я долженъ раскрыть передъ вами свои виды вполнѣ,— сказалъ онъ.—Я долженъ сказать вамъ, что смотрю на администрацію преимущественно, *и даже исключительно,* съ дипломатической точки зрѣнія. По моему мнѣнію, администрація есть борьба, а наука не показываетъ ли намъ, что борьба безъ дипломаціи не мыслима?

Сказавши это, Дмитрій Павлычъ самъ разинулъ ротъ отъ удивленія. Фавори внималъ и благоговѣлъ.

— Исходя изъ этого принципа, я нахожу, что мы, администраторы, должны преимущественно, и *даже исключительно,* заботиться о томъ, чтобы выиграть время. Объясню вамъ это примѣромъ...

Козелковъ задумался: какой отыскать примѣръ? Но примѣра на этотъ разъ не отыскалось.

— Все равно, вы меня понимаете. Но, выигрывая время, мы достигаемъ разомъ двухъ результатовъ: во-первыхъ, мы отклоняемъ то, что своею преждевременностью могло бы, такъ сказать, возмутить обычное гармоническое теченіе жизни; во-вторыхъ...

Козелковъ опять задумался, ибо второй результатъ рѣшительно не приходилъ ему въ голову. Онъ зналъ, что всякая вещь непремѣнно должна имѣть два и даже три результата, и сгоряча сболтнулъ это, но теперь долженъ былъ убѣдиться, что есть въ мірѣ вещи, которыя могутъ имѣть только одинъ, а даже, пожалуй, и вовсе не имѣть ни одного результата.

— Исполню, вашество!—возразилъ Фавори, чтобы вывести изъ затрудненія обожаемаго начальника.

— Я надѣюсь на вашу расторопность, а главное—на

Digitized by Google

вашу преданность. Помните, Фавори, что я не умѣю быть неблагодарнымъ.

Сказавши это, Митенька всталъ изъ-за стола, а Фавори поспѣшилъ отправиться для исполненія возложеннаго порученія. Козелковъ опять взглянулъ на окна либерала Собачкина и увидѣлъ, что въ квартирѣ его темно.

«Гдѣ-то они каверзы свои теперь сочиняютъ?»—невольно шевельнулось въ его головѣ.

II.

А въ городѣ, между тѣмъ, происходили толкотня и суета невообразимыя. Не только гостинницы, но и постоялые дворы были биткомъ-набиты; владѣльцы домовъ и квартиранты очищали лучшія комнаты своихъ квартиръ и отдавали ихъ подъ постой, а сами на время кое-какъ размѣщались на заднихъ половинахъ, чуть-чуть не въ чуланахъ. Цѣлые обозы мелкопомѣстныхъ дворянъ ежедневно прибывали въ городъ и удивляли обывателей своими новенькими полушубками и затѣйливыми мѣховыми шапками. Предводитель только пыхтѣлъ и отдувался, потому что весь этотъ людъ ему надобно было размѣстить, обогрѣть и накормить. Мелкопомѣстные понимали, что въ нихъ имѣется нужда, знали, что случаи такого рода повторяются не часто (разъ въ три года), и спѣшили воспользоваться своими правами широкою рукой. На улицахъ все чаще и чаще встрѣчался тотъ крѣпкій, сельскимъ хлѣбомъ выкормленный народъ, при видѣ котораго у замореннаго городского жителя уходитъ душа въ пятки. Румяныя щеки, жирные кадыки, круглые и обширные затылки, диковинныя шапки—вотъ спектакль, который представляли городскія улицы съ утра до вечера. Въ клубѣ шло почти-что столпотвореніе.

Предводитель пыхтитъ и отдувается. Выборы положительно живого его обжигаютъ. «Вы, батюшка, то сообразите, — жалѣючи объясняетъ мелкопомѣстный Сила Терентьичъ:—что у него каждый день, по крайности, сотни полторы человѣкъ перебываетъ,—ну, хоть по двѣ рюмки на каждаго: сколько одного этого винища вылакаютъ!» И точно, въ предводительскомъ домѣ съ самаго утра, что-называется, труба нетолченая. Туда всякій идетъ какъ въ трактиръ, всякій не только ѣстъ и пьетъ, но требуетъ, чтобы его обласкали. Каждый день предводитель устраиваетъ у себя обѣды на 40—50 персонъ и угощаетъ «вліятельныхъ»; но этого мало: онъ не смѣетъ забыть и про такъ-называемую

Digitized by Google

мелюзгу. Онъ шутитъ съ ними, называетъ ихъ Иванычами; онъ пожимаетъ имъ руки и вліятельнѣйшимъ изъ нихъ посылаетъ даже бламанже («Татьяна Михайловна кланяться приказали и велѣли доложить, что сами на тарелку накладывать изволили»). Одна мысль денно и нощно преслѣдуетъ его: «а ну, какъ прокатятъ на вороныхъ!»

Супруга Платона Иваныча очень усердно ему содѣйствуетъ. Она устраиваетъ спектакли и лотереи въ пользу дѣтей бѣдныхъ мелкопомѣстныхъ, хлопочетъ о стипендіяхъ въ мѣстной гимназіи и въ то же время успѣваетъ бросать обворожающіе взгляды на молодыхъ семиозерскихъ аристократовъ и не прочь пококетничать съ старымъ графомъ Козельскимъ, который уже три трехлѣтія сряду безуспѣшно добивается чести быть представителемъ «интересовъ земства» и, какъ достовѣрно извѣстно, не отказывается отъ этого домогательства и теперь. Митенька забытъ и заброшенъ; его не приглашаютъ даже распоряжаться на репетиціяхъ, чтобы не дать ни малѣйшаго повода подумать, что между «земствомъ» и «бюрократіей» существуетъ какая-нибудь связь. Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ усилія предводителя достигнуть единодушія, общество видимо раздѣлилось на партіи. Главныхъ партій, по обыкновенію, двѣ: партія «консерваторовъ» и партія «красныхъ». Въ первой господствуютъ старцы и тѣ молодые люди, о которыхъ говорятъ, что они со старыми стары, а съ молодыми молоды; во второй бушуетъ молодежь, къ которой пристало нѣсколько живчиковъ изъ стариковъ. «Консерваторы» говорятъ: «шествуй впередъ, но по временамъ мужайся и отдыхай!» «Красные» возражаютъ: «отдыхай, но по временамъ мужайся и шествуй впередъ!» Разногласіе, очевидно, не весьма глубокое, и дѣло, конечно, разъяснилось бы само собой, если-бъ не мѣшали тѣ внутреннія развѣтвленія, на которыя подраздѣлялась каждая партія въ особенности и которыя значительно затемняли вопросъ о шествованіи впередъ.

Такихъ развѣтвленій было очень много. «Консерваторы» насчитывали ихъ три. Была, прежде всего, партія «маркизовъ», во главѣ которой стоялъ графъ Козельскій и которая утверждала, что главное достоинство предводителя должно состоять въ томъ, чтобы онъ обладалъ «грасами». Самъ графъ былъ ветхій старикашка, почти совершенно выжившій изъ ума, но съ помощью парика, вставныхъ зубовъ и корсета казался еще молодцомъ: онъ очень мило сюсюкалъ,

Digitized by Google

называлъ семиозерскихъ красавицъ «belles dames» и любилъ играть маркизовъ на домашнихъ спектакляхъ. Партія эта была многочисленна, и сколько ни старался графъ попасть въ предводители, но успѣха не имѣлъ, и, вмѣсто предводительства, всякій разъ былъ избираемъ въ попечители губернской гимназіи. Другая партія (партія «крѣпкоголовыхъ»), во главѣ которой стоялъ Платонъ Иванычъ, утверждала, что для предводителя нужно только одно: чтобъ онъ шелъ неуклонно. Сторонники ея были многочисленны и славились дикою непреклонностью убѣжденій, вмѣстимостью желудковъ, исполинскими размѣрами затылковъ, необычайною громадностью кулаковъ и способностью производить всякаго рода шумныя манифестаціи, т. е. подносить шары на блюдѣ, кричать «ура!» и зыкомъ наводить трепетъ на противниковъ. Самые отважные люди другихъ партій приходили въ смущеніе передъ свирѣпыми взглядами этихъ допотопныхъ, и въ собраніяхъ они всегда безъ труда овладѣвали всякимъ дѣломъ. Платонъ Иванычъ зналъ это, и потому ревниво слѣдилъ, чтобъ никто другой, кромѣ его, не присвоилъ права прикармливать этихъ новыхъ эѳіоповъ. Наконецъ, третья партія называлась партіей «дикихъ», и также была довольно многочисленна. Члены ея были люди безъ всякихъ убѣжденій, пріѣзжали на выборы съ тѣмъ, чтобы попить и поѣсть на чужой счетъ, цѣлые дни шатались по трактирамъ и удивляли половыхъ силою клопштосовъ и умѣньемъ съ трескомъ всадить желтаго въ среднюю лузу. Многіе изъ нихъ были женаты и обладали многочисленными семействами, но всѣ сплошь смотрѣли холостыми, дома почти не жили, никогда путнымъ образомъ не обѣдали, а все словно перехватывали на скорую руку. Къ общественнымъ дѣламъ они были холодны и шары всегда и всѣмъ клали направо. Что касается до партіи «красныхъ», то и она раздѣлялась на три отдѣла: на такъ-называемыхъ «стригуновъ», на такъ-называемыхъ «скворцовъ» и на такъ-называемыхъ «плаксъ или канюкъ». Къ «стригунамъ» принадлежали сливки семиозерской молодежи, люди съ самоновѣйшими убѣжденіями и наилучшимъ образомъ одѣтые. «Стригуны» мечтали о возрожденіи, и въ этихъ видахъ очень много толковали о principes. На Россію они взирали съ сострадательнымъ сожалѣніемъ, а въ крестьянской реформѣ, подобно г. Н. Безобразову, видѣли «попытку... прекрасную», но въ то же время утверждали, что если-бъ отъ нихъ зависѣло, то, конечно, дѣло

Digitized by Google

устроилось бы гораздо прочнѣе. «Скворцы» собственныхъ убѣжденій не имѣли, но удачно передразнивали «стригуновъ», около которыхъ преимущественно и терлись. Это были веселые и совершенно пустые малые, которые выходили изъ себя только тогда, когда ихъ называли «скворушками». Они сразу полюбили Козелкова, и Козелковъ тоже полюбилъ ихъ сразу, и, конечно, между ними непремѣнно установилось бы entente cordiale, если-бъ политическія теоріи «стригуновъ» о самоуправленіи, о прерогативахъ земства и бюрократическомъ невмѣшательствѣ не держали «скворцовъ» въ постоянномъ страхѣ. «Это бюрократъ!»—говорили «скворушки», съ нѣкоторымъ смущеніемъ указывая на Митеньку... Что же касается до «плаксъ или канюкъ», то партія эта была не многочисленна и почти исключительно состояла изъ мировыхъ посредниковъ.

Таковы были эти «великія партіи», лицомъ къ лицу съ которыми очутился Дмитрій Павлычъ Козелковъ. Мудрено ли, что, съ непривычки, онъ почувствовалъ себя въ этомъ обществѣ и маленькимъ, и слабенькимъ.

Тѣмъ не менѣе, онъ все-таки рѣшился попытать счастья и съ этою цѣлью отправился вечеромъ въ клубъ.

Въ клубѣ преимущественно собирались консерваторы и лишь тѣ немногіе изъ «скворцовъ», которымъ ужъ рѣшительно некуда было дѣваться. «Маркизы» собирались въ такъ-называемой «уборной», бесѣдовали о «грасахъ», разсказывали скромные анекдоты и играли въ лото. «Крѣпкоголовые» занимали центръ, играли въ карты, шевелили усами и прерывали угрюмое молчаніе для того только, чтобы царапнуть водки. «Дикіе» толпились въ бильярдной; «скворцы» порхали во всѣхъ комнатахъ понемножку, но всего болѣе въ «уборной», ибо не только чувствовали естественное влеченіе къ «маркизамъ», но даже навѣрное знали, что сами современемъ ими сдѣлаются.

Козелковъ вошелъ въ уборную. «Скворцы», будучи внѣ надзора «стригуновъ», такъ со всѣхъ сторонъ и облѣпили его («однакожъ, я любимъ!» — съ чувствомъ подумалъ Митенька). «Маркизы» толковали о какой-то Марьѣ Петровнѣ, о какомъ-то родимомъ пятнышкѣ, — толковали, вздыхали и хихикали.

— А, вашество!—привѣтствовалъ его графъ.—А я сейчасъ разсказывалъ à ces messieurs про нашу бывшую предводительшу! Представьте себѣ...

Digitized by Google

Козелковъ сочувственно хихикнулъ въ отвѣтъ. Маркизы и скворцы облизнулись.

— Le bon vieux temps!—вздохнулъ графъ.—Тогда, вашество, старшихъ уважали!—внезапно прибавилъ онъ, многозначительно и строго посмотрѣвъ на «скворцовъ» и даже на самого Дмитрія Павлыча.

Козелковъ нѣсколько застыдился; ему и самому словно совѣстно сдѣлалось, что онъ какимъ-то чудомъ попалъ въ «сановники». Онъ уже хотѣлъ и съ своей стороны сказать нѣсколько острыхъ словъ насчетъ непочтительности и опрометчивости нынѣшняго молодого поколѣнія, хотѣлъ даже молвить, что это «отъ ихъ, именно отъ ихъ болтовни все и дѣло пошло», но убоялся «скворцовъ», которые такъ и кружились, такъ и лепетали около него. Поэтому онъ вознамѣрился благоразумно пройти по серединкѣ.

— Я полагаю, графъ, что это только недоразумѣніе, — сказалъ онъ: — и я, конечно... употреблю зависящія отъ меня мѣры...

Онъ не кончилъ и, по привычкѣ, самъ разинулъ ротъ, услышавши свое собственное изреченіе. «Маркизы» тоже выпучили на него глаза, какъ бы спрашивая, что онъ вознамѣрился надъ ними учинить.

— Но каковъ у васъ посредникъ, графъ? — спросилъ Козелковъ, чтобы прекратить общее изумленіе.

Графа даже передернуло всего.

— Позвольте мнѣ, вашество, не отвѣчать на этотъ вопросъ,—сказалъ онъ, величественно выпрямляясь и строго озирая Митеньку.

— Но отчего же, графъ?

— А оттого-съ, что есть вещи, объ которыхъ въ обществѣ благовоспитанныхъ людей говорить нельзя-съ, — продолжалъ графъ, и потомъ, къ великому изумленію Козелкова, прибавилъ: — Я, вашество, маркиза въ «Le jeu du hasard et de l'amour» игралъ!

— Я самъ, графъ, игралъ нѣкогда въ «Le sécretaire et le cuisinier»,—съ гордостью отвѣтилъ Митенька.

— Да, Скрибъ тоже имѣетъ свои достоинства, но все это не Мариво? Замѣтьте, вашество, что въ насъ эта грація почти врожденная была. А какъ я лакея представлялъ! Покойница Лизавета Степановна (она «маркизу» играла) просто въ себя придти не могла.

Графъ поникъ головой на минуту и потомъ, махнувъ рукою, прибавилъ:

Digitized by Google

— А теперь у насъ даже въ предводители какихъ-то жокрисовъ выбираютъ!..

— Богъ дастъ, любезный графъ, дворянство откроетъ глаза, и твои достоинства будутъ оцѣнены! — прошамкалъ одинъ изъ «маркизовъ».

— Не вѣрю!

— Но не можетъ же быть, чтобъ передовое сословіе...

— Не вѣрю!

— Я, графъ, съ своей стороны, готовъ... — шепнулъ было Митенька, но тотчасъ же и умолкъ, потому что графъ окинулъ его величественнымъ взоромъ съ ногъ до головы.

— Мы, вашество, не понимаемъ другъ друга; я о содѣйствіи не прошу!—холодно сказалъ онъ и усѣлся за лото.

Козелкову оставалось только покраснѣть и удалиться.

— Бюрократъ!—прошипѣлъ ему вслѣдъ одинъ изъ «маркизовъ».

Черезъ минуту стукъ креселъ, шарканье ногъ и смѣшанный гулъ голосовъ извѣстили «маркизовъ», что Козелкова привѣтствуютъ «крѣпкоголовые».

Между «крѣпкоголовыми» самыми замѣтными личностями были Созонтъ Потапычъ Праведный и Яковъ Филиппычъ Гремикинъ. Праведный происходилъ изъ приказныхъ; это былъ мозглявый старичишка, весь словно изъѣденный желчью, весь сведенный непрерывною судорогой, которая, какъ молнія въ грозныхъ облакахъ, такъ и вилась во всемъ его бренномъ тѣлѣ. Но репутацію этотъ человѣкъ имѣлъ ужаснѣйшую. Говорили, что во время процвѣтанія крѣпостного права у него былъ цѣлый гаремъ; говорили, что онъ по ночамъ ходилъ къ своимъ крестьянамъ съ обыскомъ, и что ни одинъ мужикъ не могъ укрыть ничего цѣннаго отъ зоркаго его глаза. Весь околотокъ трепеталъ его; крестьяне, не только его собственные, но и чужіе, блѣднѣли при одномъ его имени; даже помѣщики — и тѣ пожимались, когда заходила о немъ рѣчь. Пять губернаторовъ сряду порывались «упечь» его, и ни одинъ ничего не могъ сдѣлать, потому что Праведнаго защищала цѣлая неприступная стѣна, состоявшая изъ тѣхъ самыхъ людей, которые, будучи въ своемъ кругу, гадливо пожимались при его имени. Зато, какъ только пронеслась въ воздухѣ вѣсть о скорой кончинѣ крѣпостного права, Праведный, не мѣшкая много, заколотилъ свой господскій домъ, распустилъ гаремъ и уѣхалъ навсегда изъ деревни въ городъ. Здѣсь онъ занялся въ обширныхъ размѣрахъ ростов-

Digitized by Google

щичествомъ, ежедневно посѣщалъ клубъ, но въ карты не игралъ, а поджидалъ, не угоститъ ли его кто-нибудь изъ должниковъ чаемъ. Въ партіи «крѣпкоголовыхъ» онъ представлялъ начало письменности и ехидства; говорилъ плавно, мягко, словно змѣй ползъ; голосъ имѣлъ дѣтскій; когда злился, то злобу свою обнаруживалъ чѣмъ-то въ родѣ хныканья, отъ котораго вчужѣ морозъ подиралъ по кожѣ. Словомъ сказать, это былъ человѣкъ мысли. Напротивъ того, Гремикинъ былъ человѣкъ дѣла. Здоровенный, высокій, широкій въ кости и одаренный пространнымъ и жирнымъ затылкомъ, онъ рыкомъ своимъ поражалъ, какъ Юпитеръ громомъ. Онъ былъ не рѣчистъ и даже угрюмъ; враги даже говорили, что онъ, въ то же время, былъ глупъ и золъ, но, разумѣется, говорили это по секрету и шопотомъ, потому что Гремикинъ шутить не любилъ. Употреблялся онъ преимущественно для производства скандаловъ, и въ особенности былъ прелестенъ, когда, заложивъ одну руку за жилетъ, а другою слегка подбоченившись, молча становился передъ какимъ-нибудь крикливымъ господиномъ и взорами своихъ оловянныхъ глазъ какъ бы приглашалъ его продолжать разговоръ. «Крѣпкоголовые» хихикали и надрывали животики, видя, какъ крикливый господинъ (особливо, если онъ былъ изъ новичковъ) вдругъ прикусывалъ язычокъ и превращался изъ гордаго пѣтуха въ мокрую курицу. «Стригуны», «скворцы» и «плаксы» ненавидѣли и боялись его; Козелковъ тоже провидѣлъ въ немъ что-то таинственное, и потому всячески его избѣгалъ. И его тоже трепетали мужики, и свои, и чужіе; но онъ и не подумалъ бѣжать изъ деревни, когда крѣпостное право было уничтожено, а, напротивъ, очень спокойно и въ краткихъ словахъ объявилъ, что «другіе какъ хотятъ, а у меня будетъ попрежнему». И до него тоже добирались пять губернаторовъ, но тоже ничего не доспѣли, потому что Гремикинъ сразу отучилъ полицію ѣздить въ свое имѣніе. «Нѣтъ тебѣ ко мнѣ въѣзду», сказалъ онъ исправнику, и исправникъ понялъ, что въѣзду дѣйствительно нѣтъ и не можетъ быть. Два раза онъ былъ присужденъ на покаяніе въ монастырь за нечаянное смертоубійство, но оба раза приговоръ остался неисполненнымъ, потому что полиція даже не пыталась, а просто наизусть доносила, что «отставной корнетъ Яковъ Филипповъ Гремикинъ находился въ тягчайшей болѣзни». Когда онъ игралъ въ преферансъ, то никто ему вистовать не отваживался, какую бы сумасшедшую игру

Digitized by Google

онъ ни объявилъ. Понятно, что для «крѣпкоголовыхъ» такой человѣкъ былъ сущій кладъ и что они ревниво окружали его всевозможными предупредительностями.

Козелковъ очень любезно поздоровался съ Праведнымъ и боязливо взглянулъ на Гремикина, который, въ свою очередь, бросилъ на него исподлобья воспаленный взоръ. Онъ угрюмо объявилъ десять безъ козырей.

— Ну-съ, какъ дѣла въ собраніи, почтеннѣйшій Созонтъ Потапычъ?—любезно вопросилъ Козелковъ.

— Посредниковъ, вашество, экзаменуемъ, — отвѣчалъ Праведный своимъ дѣтскимъ голосомъ, и такъ веселенько хихикнулъ, что Дмитрій Павлычъ ощутилъ, какъ будто наступилъ на что-то очень противное и ослизлое.

— Десять безъ козырей,—снова объявилъ Гремикинъ.

— Однако, мой приходъ, кажется, счастье вамъ принесъ, Яковъ Филиппычъ?—подольстился Козелковъ.

— Я иногда... всегда!..—отвѣчалъ колоссъ, даже не поворачивая головы.—Скорѣе такимъ манеромъ ремизы списываются...

— Съ Яковомъ Филиппычемъ это, вашество, бываетъ-съ,— вступился одинъ изъ партнеровъ, очевидно, смущенный.— А ну-те, я повистую!

— Не совѣтую! — мрачно цыркнулъ колоссъ и тутъ же смѣшалъ карты.

— Такъ вы говорите, Созонтъ Потапычъ, что у васъ посредники...—обратился Козелковъ къ Праведному, чтобъ разсѣять овладѣвшее имъ смущеніе.

— Изъ поджигателей-съ! — кротко молвилъ Праведный и хныкнулъ.

— Скажите, однако!

— Всѣхъ на одну осину!—сквозь зубы произнесъ Гремикинъ.

— Проэкзаменуемъ-съ, — еще кротче продолжалъ Праведный.

— На осину—и баста! и экзаменовать нечего!

— Нѣтъ-съ, зачѣмъ же-съ! По формѣ, Яковъ Филиппычъ, по формѣ-съ все сдѣлаемъ-съ... Позовемъ, этакъ, къ столу-съ, и каждый свою лепту-съ...

— Но, скажите, пожалуйста... можетъ-быть, я... Если-бъ вамъ угодно было сообщить мнѣ ваши соображенія... я могъ бы...

— Нѣтъ-съ, вашество, этакъ-то лучше-съ... Вотъ мы ихъ

Digitized by Google

ужѣ позовемъ-съ, кроткимъ манеромъ побесѣдуемъ-съ, а потомъ и попросимъ-съ...

— Но ежели они не согласятся?

Праведный опять хныкнулъ.

— Ну, ужъ объ этомъ спросите, вашество, у Якова Филиппыча!—молвилъ онъ какъ-то особенно мягко.

Козелковъ взглянулъ на Гремикина и увидѣлъ, что тотъ уже смотритъ на него во всю ширину своихъ воспаленныхъ глазъ.

— Мы, вашество, «доходить» не любимъ!—продолжалъ, между тѣмъ, Праведный:—потому что судиться, вашество, еще не всякій дарованіе это имѣетъ! Пожалуй, вашество, еще доказательствъ потребуете, а какія же тутъ доказательства представить можно-съ?

— Повѣрьте, почтеннѣйшій Созонтъ Потапычъ, что я всегда готовъ!—горячо вступился Козелковъ.—Я просто по одному слову благороднаго человѣка...

— Знаемъ, вашество, и видимъ это! Это точно, что у вашества чувства самыя благородныя...

— Слѣдовательно, отчего-жъ вамъ не обратиться ко мнѣ? Обратитесь съ полною откровенностью, довѣрьтесь мнѣ... откройтесь, наконецъ, передо мной!—затолковалъ Дмитрій Павлычъ, и въ самомъ дѣлѣ ощутилъ, что и въ груди его дѣлается какъ будто приливъ родительскихъ чувствъ.

— Дожидайся! — прошипѣлъ Гремикинъ, но такъ ясно, что шипъ его проникнулъ во всѣ углы комнаты.

— Нѣтъ-съ ужъ, вашество, зачѣмъ вамъ безпокоиться! Мы это сами-съ... сперва одинъ къ нему подойдетъ, потомъ другой подойдетъ, потомъ третій-съ... и все, знаете, въ лицо-съ!..

— «Поджаривать» это, по-нашему, называется, — отозвался изъ угла чей-то голосъ.

— Это такъ-съ, это точно-съ. Потому онъ тутъ, вашество, словно вьюнъ живой на сковородкѣ: и на одинъ бокъ прыгнетъ, и на другой бокъ перевернется—и вездѣ жарко-съ!

Праведный вздохнулъ и умолкъ, прочіе присутствующіе тоже молчали. Гремикинъ смотрѣлъ на Козелкова такъ пристально, что послѣднему сдѣлалось совсѣмъ неловко.

— А нельзя ли, голубчикъ, стаканчикъ чайку мнѣ? — обратился Праведный къ лакею.—Да жиденькаго мнѣ, миленькій, жиденькаго!

Митенька вздрогнулъ при звукахъ этого голоса; ему серьезно померещилось, что кто-то словно высасываетъ изъ него

Digitized by Google

кровь. Снова водворилось молчаніе: только карты хляскали по столамъ, да по временамъ раздавались восклицанія игроковъ: «пасъ!» — «а ну, гдѣ наше не пропадало!» и т. д., или краткіе разговоры въ родѣ слѣдующихъ:

— Опять-таки ты, Семенъ Ивановичъ, характеръ не выдержалъ! Вѣдь тебѣ говорено было, что сдавать тебѣ не позволимъ!

— Клянусь...

— Нечего «клянусь»! Самъ своими глазами видѣлъ. Король-то бубенъ кому слѣдовалъ? Мнѣ слѣдовалъ! А къ кому онъ попалъ? къ кому онъ попалъ?

— Да что съ нимъ толковать! Сдавайте за него, Терентій Петровичъ, да и все тутъ!

— Нѣтъ, братъ, играть съ тобой еще можно, но позволять тебѣ карты сдавать—ни-ни! и не проси впередъ!

Или:

— Ужъ я, братъ, ему рожу-то салилъ-салилъ, такъ онъ даже обалдѣлъ подъ конецъ!

— Неужто?

— Право, глядитъ это во всѣ глаза и не понимаетъ, ни гдѣ онъ, ни что съ нимъ... только перевертывается!

— Ха-ха-ха!

Козелковъ потихоньку всталъ съ своего мѣста и направилъ шаги въ бильярдную.

— Бюрократъ!—пустилъ ему вслѣдъ Гремикинъ.

«Отчего они меня такъ называютъ? отчего они не хотятъ мнѣ довѣриться?» — мучительно подумалъ Козелковъ, услышавъ долетѣвшее до него восклицаніе.

Но въ бильярдной происходила цѣлая исторія.

— Кто смѣетъ Олимпіаду Фавстовну здѣсь упоминать!— гремѣлъ чей-то голосъ.

— Да ужъ это такъ! Была бы здѣсь Олимпіада Фавстовна, она бы не позволила тебѣ рыло-то мочить!—отвѣчалъ другой, не менѣе рѣшительный голосъ.

— Какъ ты смѣлъ самое имя моей жены въ этомъ кабакѣ произносить?—настаивалъ первый голосъ.

— Да ужъ это такъ! часто ужъ очень, братъ, къ водкѣ прикладываешься!

Митенька не рѣшился проникать далѣе и полегоньку началъ отступать къ дверямъ. Ему даже показалось, что кто-то задушевнымъ голосомъ крикнулъ: «караулъ», но онъ рѣшился игнорировать это обстоятельство и только спросилъ у швейцара, суетившагося около него съ шинелью:

Digitized by Google

— Каждый день у васъ такъ бываетъ?

— Кажный, вашество, день!

Какъ-то легко и хорошо почувствовалъ себя Дмитрій Павлычъ, когда очутился на улицѣ и его со всѣхъ сторонъ охватило свѣжимъ, морознымъ воздухомъ. Кругомъ было пустынно и тихо, только кучера дремали на козлахъ у подъѣздовъ, да изрѣдка бойко пробѣгалъ по тротуарамъ какой-нибудь казачокъ, поспѣшая въ погребокъ за виномъ. Козелковъ хотѣлъ вывести какое-нибудь заключеніе изъ того, что онъ видѣлъ въ тотъ вечеръ, но не могъ ничего сообразить. Съ одной стороны, онъ понималъ, что не выполнилъ ни одной іоты изъ программы, начертанной правителемъ канцеляріи; съ другой стороны, ему казалось, что программа эта должна выполниться сама собой, безъ всякаго его содѣйствія.

«Съ Божьею помощью»...—подумалъ онъ, и въ это самое время поровнялся съ квартирою Коли Собачкина.

Квартира Собачкина была великолѣпно освѣщена и полна народу. Повидимому, тутъ было настоящее сходбище, потому что всѣ «стригуны» и даже бо́льшая часть «скворцовъ» состояли налицо. Митеньку такъ и тянуло туда, даже сердце его расширялось. Онъ живо вообразилъ себѣ, какъ бы онъ сѣлъ тамъ на канапѣ и началъ бы рѣчь о principes: кругомъ внимали бы ему «стригуны» и лепетали бы безпечные «скворцы», а онъ все бы говорилъ, все бы говорилъ...

— Итакъ, messieurs, если на предстоящее намъ дѣло взглянуть съ точки зрѣнія вѣчной идеи права... — заговорилъ-было Козелковъ вслухъ, но оглянулся и увидѣлъ себя одного среди пустынной улицы.

III.

А у Коли Собачкина было дѣйствительно цѣлое сходбище. Тутъ присутствовалъ именно весь цвѣтъ семиозерской молодежи: былъ и Сережа Свайкинъ, и маленькій виконтикъ де-Сакрекокенъ, и длинный баронъ фонъ-Цанарцтъ, былъ и князекъ Соломенныя Ножки. Изъ «не-нашихъ» допущенъ былъ одинъ Родивонъ Петровъ Храмолобовъ, но и тотъ преимущественно въ видахъ увеселенія. Тутъ же забрался и Фавори, но говорилъ мало, а все больше слушалъ.

Собрались, усѣлись въ кружокъ противъ камелька и начали говорить о principes. Юные семиозерцы были въ большомъ затрудненіи, ибо очень хорошо сознавали, что если

Digitized by Google

не придумаютъ себѣ какихъ-нибудь principes, то имъ въ самомъ непродолжительномъ времени носу нельзя будетъ никуда показать.

— Позвольте, messieurs,—сказалъ, наконецъ, Коля Собачкинъ:—по моему мнѣнію, вы излишне затрудняетесь! Я нахожу, что principes можно изъ всего сдѣлать... даже изъ регулярнаго хожденія въ баню!

Присутствующіе нѣсколько изумились.

— Во всякомъ случаѣ, это не будутъ крестовые походы!—скромно замѣтилъ князекъ Соломенныя Ножки.

— Не прерывай, князекъ, и вы, господа, не изумляйтесь, потому что тутъ совсѣмъ нѣтъ никакого парадокса. Что такое principe?—спрашиваю я васъ. Principe—это вообще такая суть вещи, которая принадлежитъ или отдѣльному лицу, или цѣлой корпораціи въ исключительную собственность; это, если можно такъ выразиться, девизъ, клеймо, которое имѣетъ право носить Иванъ и не имѣетъ права носить Петръ. Слѣдовательно, если вы пріобрѣтете себѣ исключительное право ходить въ баню, то ясно, что этимъ самымъ пріобрѣтаете и исключительное право опрятности; ясно, что на васъ будутъ указывать и говорить: «вотъ люди, которые имѣютъ право ходить въ баню, тогда какъ прочіе ихъ соотечественники вынуждены соскабливать съ себя грязь ножомъ или стекломъ!» Ясно, что у васъ будетъ принципъ! Ясно?

«Стригуны» молчали; они понимали, что слова Собачкина очень послѣдовательны и что со стороны логики подъ нихъ нельзя иголки подточить; но въ то же время чувствовали, что въ нихъ есть что-то такое неловкое, какъ будто похожее на парадоксъ. Это всегда такъ бываетъ, когда дѣло идетъ о великихъ principes, и, напротивъ того, никогда не бываетъ, когда идетъ рѣчь о предметахъ низкихъ и обыкновенныхъ. Такъ, напримѣръ, когда я вижу столъ, то никакъ не могу сказать, чтобы тутъ скрывался какой-нибудь парадоксъ; когда же вижу передъ собой нѣчто невѣсомое, какъ, напримѣръ: геройство, расторопность, самоотверженность, либеральныя стремленія и проч., то въ сердце мое всегда заползаетъ червь сомнѣнія и формулируется въ видѣ вопроса: «вѣдь это кому какъ?» Для чего это такъ устроено — я хорошенько объяснить не могу, но думаю, что для того, чтобы порядочные люди всегда имѣли такія sujets de conversation, по поводу которыхъ одни могли бы ораторствовать утвердительно, а другіе—оратор-

Digitized by Google

ствовать отрицательно, а въ результатѣ du choc des opinions jaillit la vérité! Такъ точно было и въ настоящемъ случаѣ. «Стригуны» сознавали, что Собачкинъ правъ, но въ то же время ехидныя слова князька: «а все-таки крестовыхъ походовъ изъ этого не выйдетъ!» невольно отдавались въ ушахъ. Собачкинъ угадалъ молчаніе, послѣдовавшее за его словами.

— Я понимаю,—сказалъ онъ:—васъ сбиваютъ съ толку крестовые походы... Mais entendons-nous, messieurs! Я совсѣмъ не изъ тѣхъ, которые отрицаютъ важность такого историческаго précédent; однако, позвольте вамъ замѣтить, что вѣдь въ крестовыхъ походахъ участвовали цѣлыя толпы, но развѣ всѣ участвовавшіе получили право ссылаться на нихъ? Нѣтъ, это право получили только les preux chevaliers! Вы слышите... вы чувствуете, что и здѣсь сила совсѣмъ не въ фактѣ участія, а въ правѣ ссылаться на него... Ясно?

Собачкинъ окинулъ присутствующихъ торжествующимъ взоромъ; «стригуны» поколебались и начали что-то понимать.

— Пропинаціонное право... — задумчиво пробормоталъ длинноногій фонъ-Цанарцтъ.

— Mais vous concevez, mon cher, что право хожденія въ баню я привелъ вовсе не съ точки зрѣнія какой-нибудь драгоцѣнности!

— Пропинаціонное право полезно было бы получить...— еще разъ и задумчивѣе прежняго повторилъ Цанарцтъ.

— Господа! въ шестисотыхъ годахъ, въ Малороссіи, жиды имѣли право...—заикнулся князекъ.

— Такъ то жиды!—отвѣчалъ Собачкинъ и бросилъ такой леденящій взоръ, что князекъ даже присѣлъ.

— Messieurs! расшибемъ князенку голову!—вдругъ воскликнулъ кто-то, какъ бы озаренный сверху вдохновеніемъ.

— Браво! браво! расшибемъ князенку голову!—повторили «скворцы» хоромъ.

— Chut, messieurs! Ваша выходка напоминаетъ каннибальское времяпровожденіе нашего старичья! Я увѣренъ, что они даже въ настоящую минуту дуютъ водку и занимаются расшибаніемъ кому-нибудь головы въ клубѣ — неужели вы хотите идти по стопамъ ихъ? Ахъ, messieurs, messieurs, неужели же и дѣйствительно такова наша участь, что мы никогда не будемъ въ состояніи ни до чего договориться?

Тонъ, которымъ были сказаны Собачкинымъ эти послѣднія слова, звучалъ такою грустью, что «стригуны» невольно

Digitized by Google

задумались. Вся обстановка была какая-то унылая; отъ камелька разливался во всѣ стороны синеватый, трепещущій свѣтъ; съ улицы доносилось какое-то гудѣніе: не то вѣтеръ порхалъ властелиномъ по опустѣлой улицѣ, не то «старичье» хмельными ватагами разъѣзжалось по домамъ; частый, мерзлый снѣжокъ дребезжалъ въ окна, наполняя комнату словно жужжаніемъ безчисленнаго множества комаровъ...

— Господа! необходимо, однакожъ, чѣмъ-нибудь рѣшить наше дѣло! — первый прервалъ молчаніе тотъ же Собачкинъ.—Мнѣ кажется, что если мы и на этотъ разъ не покажемъ себя самостоятельными, то утратимъ право быть твердыми безвозвратно и на вѣки-вѣковъ!

Фавори, до сихъ поръ смирненько сидѣвшій въ уголку и перелистывавшій какой-то кипсекъ, навострилъ уши.

— Новгородцы такали-такали, да и протакали!—меланхолически замѣтилъ князекъ.

— «Les novogorodiens disaient: oui, disaient: oui, — et perdirent leur liberté»; «Die Novogorodien sagten: ja, und sagten: ja,—und verloren ihre Freiheit»,—вдругъ отозвались голоса изъ разныхъ угловъ комнаты. Лица на минуту изъ хмурыхъ опять сдѣлались веселыми.

— Я все-таки полагаю, что узелъ вопроса заключается въ пропинаціонномъ правѣ, — глубокомысленно отрубилъ Цанарцтъ. — Вино, messieurs, — это такой продуктъ, относительно котораго всѣ руки развязаны. Съ одной стороны, употребленіе его возбраняется законами нравственности, и, слѣдовательно, ограниченіе его производства не противорѣчитъ требованіямъ самыхъ строгихъ моралистъ; съ другой стороны — это продуктъ не только необходимый, но и вполнѣ соотвѣтствующій требованіямъ народнаго духа. Слѣдовательно, правильный и изобильный истокъ его обезпеченъ на долгія времена! Вотъ, messieurs, тѣ данныя, которыя заставляютъ меня особенно настаивать на этомъ предметѣ.

Однакожъ, эта рѣчь произвела дѣйствіе не столь благопріятное, какъ можно было ожидать, потому что всякій очень хорошо понималъ, что для того, чтобъ сообщить пропинаціонному праву тотъ пользительный характеръ, о которомъ упоминалъ Цанарцтъ, необходимо было обладать достаточными капиталами. Но капиталовъ этихъ ни у кого, кромѣ Цанарцта, не оказывалось, по той простой причинѣ, что они давнымъ-давно были просвистаны достославными предками на разныя головоушибательныя увеселенія. По-

Digitized by Google

этому, если и чувствовалась надобность въ какомъ-либо исключительномъ правѣ, то отнюдь не въ видѣ пропинаціоннаго, а въ такомъ, которое имѣло бы основаніе преимущественно нравственное и философическое («вотъ кабы въ зубы безпрекословно трескать можно было!»—секретно думалъ князекъ, но мысли своей, однако, не высказалъ). Мысль эту въ совершенствѣ усвоилъ себѣ Коля Собачкинъ.

— Я вполнѣ согласенъ съ доводами Цанарцта насчетъ пропинаціонной привилегіи, — сказалъ онъ:—но могу допустить ее только на второмъ планѣ и, такъ сказать, между прочимъ. Это право носитъ на себѣ слишкомъ явную печать эгоистическихъ цѣлей, чтобы можно было прямо начать съ него. По мнѣнію моему, мы обязаны прежде всего показать себя безкорыстными и великодушными; мы должны дать чувствовать, что въ насъ заключается начало цивилизующее. Я знаю, что и знаменитѣйшій изъ публицистовъ нашего времени не отвергаетъ важности пропинаціоннаго права, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ указываетъ и на нѣчто другое, на что преимущественно должны быть устремлены наши взоры. Это нѣчто, эта драгоцѣнная панацея, отъ которой мы должны ожидать уврачеванія всѣхъ золъ... есть selfgovernment, въ томъ благонадежномъ смыслѣ, въ которомъ его понимаютъ лучшіе люди либерально-консервативной партіи!

Фавори навострилъ уши сугубо. Общій одобрительный шопотъ пронесся по комнатѣ, хотя, по правдѣ сказать, очень немногіе усвоили себѣ истинный смыслъ рѣчи Собачкина.

— Потому что главная цѣль, къ которой мы должны стремиться, — продолжалъ Собачкинъ: — это пріобрѣсти въ свою собственность принципъ, такъ сказать, нравственный! А затѣмъ...

Ораторъ остановился на минуту, какъ бы смакуя ту сладость, которую онъ намѣревался выпустить въ свѣтъ.

— А затѣмъ и всѣ прочіе принципы естественнымъ порядкомъ перейдутъ къ намъ же! — договорилъ онъ вполголоса.

«Скворцы» встрепенулись и, считая предметъ исчерпаннымъ, вознамѣрились-было, по обыкновенію, шутки шутить, но Собачкинъ призвалъ ихъ къ порядку и продолжалъ:

— Въ этомъ смыслѣ,—сказалъ онъ:—мы должны начать дѣйствовать съ завтрашняго же дня, и притомъ дѣйствовать рѣшительно и единодушно!

— А старики?—произнесъ кто-то изъ присутствующихъ.

Digitized by Google

«А старики?» — пронеслось надъ душою каждаго. Начались толки; предложенія слѣдовали одни за другими. Одни говорили, что ежели привлечь на свою сторону Гремикина, то дѣло будетъ выиграно навѣрное; другіе говорили, что надобно ближе сойтись съ «маркизами» и ополчиться противъ деспотизма «крѣпкоголовыхъ»; одинъ голосъ даже предложилъ подать руку примиренія «плаксамъ», но противъ этой мысли вооружились рѣшительно всѣ.

— Да вспомните же, господа, кто у насъ у шаровъ-то стоитъ!—горячился князь Соломенныя Ножки.—Вѣдь Гремикинъ стоитъ! Гремикинъ! Поймите вы это!

— Гремикина, Гремикина, messieurs, надо пріобрѣсти!— кричали «скворцы».

— Вотъ вы увидите, что мы и теперь накидаемъ только шаровъ, да и разъѣдемся, ничего не сдѣлавши!

— Ну, нѣтъ, это дудки!

— Messieurs! да позвольте же мнѣ высказать свое мнѣніе!

— Messieurs! выслушайте, ради Христа!

Поднялся шумъ и гамъ, столь родственный русскому сердцу; когда же лакей доложилъ, что подано кушать, то всѣ principes окончательно забылись. Фавори только этого и дожидался, потому что зналъ, что настоящее его торжество начнется за ужиномъ. Онъ мастерски пѣлъ гривуазныя пѣсни и при этомъ какъ-то лихо вертѣлъ направо и налѣво головою и шевелилъ плечами. Все это очень нравилось искателямъ принциповъ, которые все-таки канканъ цѣнили выше всего на свѣтѣ. И дѣйствительно, какъ только подали ужинать, Фавори мало-по-малу началъ вступать въ свои права. Уже за первымъ блюдомъ онъ очень шикарно спѣлъ «Un soir à la barrière», а за вторымъ — до того расходился, что вышелъ изъ-за стола и представилъ, какъ, по его мнѣнію, Гремикинъ долженъ канканъ танцовать. Но, сдѣлавши это, онъ струсилъ и впалъ въ уныніе, потому что очень живо вообразилъ себѣ, что сдѣлаетъ съ нимъ Гремикинъ, если узнаетъ объ его продерзости. Но такъ какъ впечатлѣнія проходили по его французской душѣ быстро, то и это мгновенное уныніе скоро уступило главному, всесильно имъ овладѣвшему чувству—чувству доказать всѣмъ и каждому, что онъ славный малый и что для общаго увеселенія готовъ во всякое время сглонуть живьемъ своего собственнаго отца. Даже Козелкову досталось въ этихъ юмористическихъ упражненіяхъ, хотя и тутъ Фавори не преминулъ слегка потрепетать. Подъ конецъ онъ

Digitized by Google

даже притворился пьянымъ, чтобы окончательно отнять у своихъ амфитріоновъ поводъ женироваться съ нимъ и въ то же время пріобрѣсти для себя нѣкоторое оправданіе въ будущемъ.

— А что вы скажете насчетъ Марьи Петровны?—приставали къ нему «скворцы».

— Марья Петровна, messieurs... это я вамъ скажу... у ней... — болталъ Фавори, и выбалтывалъ такую мерзость, отъ которой у «скворцовъ» и у «стригуновъ» захватывало духъ отъ наслажденія.

IV.

Время шло да шло, а въ собраніи все «экзаменовали» посредниковъ. Напрасно вопіяли «стригуны», что въ настоящія «торжественныя минуты» не до дрязговъ, а надо, дескать, подумать о спасеніи принципа и дать хорошій отпоръ бюрократіи — никто не убѣждался и не унимался. Платонъ Иванычъ, которому пуще всего хотѣлось посидѣть на своемъ мѣстѣ еще трехлѣтіе, очень основательно разсудилъ, что чѣмъ больше господа дворяне проводятъ такъ время, тѣмъ лучше для него, потому что на этой почвѣ онъ всегда будетъ имъ пріятенъ, тогда какъ на почвѣ болѣе серьезной, пожалуй, найдутся и другіе выскочки, которые могутъ пустить въ глаза пыль. Поэтому онъ всячески разжигалъ рьяныхъ экзаменаторовъ, число которыхъ росло не по днямъ, а по часамъ. Большинство до того увлеклось «экзаменами», что даже возвышалось нѣкоторымъ образомъ до художественности, придавало своимъ запросамъ разнообразныя литературныя формы, изображало ихъ въ лицахъ и т. п.

— *Вы* вынудили меня, милостивый государь, прибѣгнуть къ ручной расправѣ! — ораторствовалъ одинъ. — Я отроду, государь мой! — слышите ли? — отроду пальцемъ никого не тронулъ, а, по милости вашей, долженъ былъ— понимаете ли? — вынужденъ былъ «легко» потрепать *его* за бороду!

— Вы сдѣлали меня воромъ!—вопіялъ другой.

— Каково мнѣ эти плюхи-то ѣсть?—вопрошалъ третій.

— Нѣтъ, вы представьте себѣ, что онъ со мной сдѣлалъ!— докладывалъ четвертый. — Сидитъ этакъ онъ, этакъ я, а этакъ стоитъ Катька-мерзавка... Хорошо. Только, слышу я, говоритъ онъ ей: «вы тоже, голубушка, можете сѣсть»... Это Катькѣ-то! Хорошо. Только я, знаете, смотрю на него, да и Катька тоже смотритъ: не помстилось ли ему! Ни-

Digitized by Google

чуть не бывало! Сидитъ сѣбѣ да бородку пощипываетъ: «Садитесь, говоритъ, садитесь!» Это Катькѣ-то!

— Какъ вы оправдываете такой поступокъ?—сурово произноситъ предводитель.

— Позвольте, господа, заявить мнѣ здѣсь жалобу отъ имени доброй, больной жены моей!—начинаетъ пятый.

Однимъ словомъ, жалобамъ и протестамъ не предвидится конца. Посредники пыхтятъ и дѣлаютъ презрительныя мины, но внутренно обливаются слезами. Изрѣдка Праведный пуститъ шипъ по-змѣиному: «поджигатели!»—и посмотритъ не то на окошко, не то на экзаменуемаго посредника; отъ шипа этого виноватаго покоробитъ, какъ бересту на огнѣ, но привязаться онъ не можетъ, потому что Праведный сейчасъ и въ кусты: «это я такъ, на окошко вотъ посмотрѣлъ, такъ вспомнилось!» И опять обольется сердце посредника кровью. Словомъ сказать, такое положеніе—хоть не кажи морды!

— И на что мы сюда притащились! — толкуютъ между собою «плаксы».

— Всѣхъ на одну осину повѣсить—и баста!—цыркаетъ во все горло проходящій мимо Гремикинъ и *нечаянно* задѣваетъ одного изъ плаксъ локтемъ.

Въ эту минуту голосъ Платона Ивановича покрываетъ общій шумъ.

— Господа!—говоритъ онъ:—баллотируется предложеніе объ исключеніи господина Курилкина изъ собранія! Не угодно ли брать шары?

Курилкинъ обращается къ прокурору и проситъ разъяснить законъ; прокуроръ встаетъ и разъясняетъ. Происходитъ общая суматоха; «крѣпкоголовые» не вѣрятъ, «стригуны» презрительно улыбаются, «плаксы» временно торжествуютъ.

Козелковъ слѣдитъ изъ своего кабинета за этою суматохой и весело потираетъ руки.

— А вѣдь я ловко-таки продернулъ ихъ!—говоритъ онъ правителю канцеляріи.

— Я, вашество, докладывалъ-съ...

— Да; это вы хорошо дѣлаете, что излагаете передо мной ваши мысли, но, конечно, я бы и самъ...

Однимъ словомъ, такъ развеселился нашъ Дмитрій Павлычъ, что даже похорошѣлъ. Онъ видѣлъ, что надобность искать броду уже миновалась, и потому не избѣгалъ даже Гремикина; напротивъ того, заигрывалъ съ нимъ и потомъ

Digitized by Google

увѣрялъ всѣхъ и каждаго, что «если съ нимъ (Гремикинымъ) хорошенько сойтись, то онъ совсѣмъ даже и не страшенъ, а просто добрый малый».

Мало того: онъ почувствовалъ потребность выкинуть какую-нибудь штуку. Это бываетъ. Когда человѣка начинаетъ со всѣхъ сторонъ одолѣвать счастье, когда у него на лопаткахъ словно крылья какія-то вырастаютъ, которыя такъ и взмываютъ, такъ и взмываютъ его на воздухъ, то въ сердцѣ у него все-таки нѣчто сосетъ и зудитъ, точно вотъ такъ и говоритъ: «да сооруди же, братецъ, ты такое дѣло разлюбезное, чтобы такой-то сударь Иванычъ не усидѣлъ, не устоялъ!» И до тѣхъ поръ не успокоится бѣдное сердце, покуда дѣйствительно не исполнитъ человѣкъ всего своего предѣла.

Козелкову давно ужъ не нравился Платонъ Иванычъ. Не то чтобы они не сходились между собой въ воззрѣніяхъ—воззрѣній ни у того, ни у другого никакихъ ни на что не было, — но Дмитрію Павлычу почему-то постоянно казалось, что Платонъ Иванычъ словно грубитъ ему. Козелкову собственно хотѣлось чего? — ему хотѣлось, чтобы Платонъ Иванычъ былъ ему другомъ, чтобы Платонъ Иванычъ его уважалъ и объяснялся передъ нимъ въ любви, чтобы Платонъ Иванычъ пріѣзжалъ къ нему совѣтоваться: «вотъ, вашество, въ какое я затрудненіе поставленъ»... А вмѣсто того Платонъ Иванычъ смотрѣлъ сурово, и постоянно, ни къ селу, ни къ городу, упоминалъ о какихъ-то «фофанахъ». Каждое изъ этихъ упоминаній растопленнымъ оловомъ капало на сердце Козелкова, и, несмотря на врожденное его расположеніе къ веселости, дѣло доходило иногда до того, что онъ готовъ былъ растерзать своего врага. Конечно, растерзать онъ не растерзалъ, но зло таки-порядочно укоренилось въ немъ и ждало только удобнаго случая, чтобъ устроить свое маленькое дѣльце.

Настоящая минута казалась благопріятною. Опасенія миновались, затрудненій не предвидѣлось, и Козелковъ могъ дерзать безъ риска. До срока ужъ оставалось только два дня; завтра должны состояться уѣздные выборы, на послѣзавтра назначалось самое настоящее, генеральное сраженіе.

Козелковъ имѣлъ по этому случаю совѣщаніе.

— Платошка этотъ... претитъ! — сказалъ онъ и впился глазами въ правителя канцеляріи.

— Человѣкъ необрѣзанный-съ.

Digitized by Google

— Я, знаете, думаю даже, что онъ много общимъ интересамъ вредитъ!

— Ужъ на что же, вашество, хуже-съ!

— Потому что возьмите хоть меня! Я—человѣкъ расположенный! Я прямо говорю: я — человѣкъ расположенный! Но за всѣмъ тѣмъ... когда я имѣю дѣло съ этимъ грубіяномъ... я не знаю... я не могу!

— А вы, вашество, сюрпризъ имъ сдѣлайте-съ!

— Ну, да, я объ этомъ и подумываю!

— Вы, вашество, вотъ что-съ: завтра, какъ уѣздные-то выборы кончатся, вы вечеромъ на балу и подойдите къ нимъ, да такъ при всѣхъ и скажите-съ: «благодарю, молъ, васъ, Платонъ Иванычъ, что вы согласно съ моими видами въ этомъ важномъ дѣлѣ дѣйствовали». Господа дворяне на это пойдутъ-съ.

— А что вы думаете, въ самомъ дѣлѣ!

— Это вѣрно-съ. Они на этотъ счетъ просты-съ.

Козелковъ повеселѣлъ еще больше. Онъ весь этотъ день, а также утро другого дня употребилъ на дѣланіе визитовъ и вездѣ говорилъ, какъ онъ доволенъ «почтеннѣйшимъ» Платономъ Иванычемъ и какъ желалъ бы, чтобъ этотъ достойный человѣкъ и на будущее трехлѣтіе удержалъ за собой высокое довѣріе дворянства.

— Согласитесь сами,—говорилъ онъ:—вотъ теперь у насъ выборы—ну, гдѣ же бы мнѣ, при моихъ занятіяхъ, управить такимъ обширнымъ дѣломъ? А такъ какъ я знаю, что тамъ у меня вѣрный человѣкъ, то я спокоенъ! Я увѣренъ, что тамъ ничего такого не сдѣлается, что было бы противно моимъ интересамъ!

Козелковъ говорилъ такимъ образомъ преимущественно барынямъ, такъ какъ мужей никогда нельзя было найти дома. Барыни, разумѣется, тотчасъ же пересказали мужьямъ и, разумѣется же, такъ перепутали слова Козелкова, что нельзя было даже разобрать, кто о комъ говорилъ: Козелковъ ли о Платонѣ Иванычѣ, или Платонъ Иванычъ о Козелковѣ. Но обстоятельство это не только не повредило дѣлу, а, напротивъ того, содѣйствовало его успѣху, ибо оно раздражило любопытство мужской половины, сдѣлало сердца ихъ готовыми къ воспріятію сплетни, но самую сплетню, до поры до времени, еще скрыло. Наконецъ, наступилъ и вечеръ, во время котораго все сіе должно было совершиться.

Digitized by Google

Просторная зала клуба вся залита свѣтомъ. Отъ огромнаго количества зажженныхъ свѣчъ и множества народа атмосфера душна и влажна. Около дамъ, замѣчательныхъ либо красотою, либо развязностью манеръ, живо образовались цѣлые кружки молодежи. Демуазельки прохаживаются по залу вереницами, очень часто убѣгаютъ въ уборную и, возвратившись оттуда, о чемъ-то шепчутся и хихикаютъ. Баронесса фонъ-Цанарцтъ, высокая, стройная, роскошная, рѣшительно привлекаетъ всѣ сердца; она одѣта въ великолѣпное желтое платье, которое очень идетъ къ ея смуглому и рѣзко-выразительному лицу; около нея такъ и жужжитъ цѣлый рой вздыхающихъ и пламенѣющихъ «стригуновъ». Въ одномъ изъ угловъ сидитъ томная мадамъ Первагина и какъ-то знойно дышитъ подъ вліяніемъ рѣчей и взглядовъ Сережи Свайкина; она счастлива и, быть-можетъ, одна изъ всѣхъ наличныхъ дамъ не завидуетъ баронессѣ. «Крѣпкоголовыхъ» не видать никого; они изрѣдка выглядываютъ изъ внутреннихъ комнатъ въ залу, постоятъ минуту около дверей, зѣвнутъ, подумаютъ: «а вѣдь это все наши!»— и исчезнутъ въ ту зіяющую пропасть, которая зовется собственно клубомъ. «Маркизы» всѣ налицо въ залѣ и показываютъ публикѣ свои грасы. Музыка слаживается и ждетъ только сигнала, чтобы наполнить залу цѣлыми потоками посредственнаго достоинства гарнизонной гармоніи. Господа офицеры натягиваютъ перчатки.

И вдругъ весь этотъ людъ закружился, а съ нимъ вмѣстѣ заколыхался и горячій воздухъ. «Стригуны» вальсируютъ солидно; «скворцы» прыгаютъ и изгибаются; князекъ Соломенныя Ножки, при маломъ своемъ ростѣ, представляется безплодно стремящимся достать до плеча своей дамы; Свайкинъ до того перегнулся, что издали кажется совершеннымъ складнымъ ножикомъ; Цанарцтъ выбралъ какого-то подростка изъ демуазелекъ и мнется съ нимъ на одномъ мѣстѣ, словно говоритъ: «а ну, душенька, вотъ такъ ножкой! ну, и еще такъ!» Мадамъ Первагина не вальсируетъ, а, такъ сказать, млѣетъ.

— Приходите завтра утромъ,—шепчетъ она своему кавалеру, Свайкину.—Я вамъ покажу картинки...

Но вотъ и опять музыка смолкла; демуазельки тотчасъ же ринулись въ уборную, и вслѣдъ затѣмъ оттуда послышалось невинное хихиканье. Баронесса опять стояла среди залы, окруженная цѣлой толпой, и по временамъ взглядывала на входную дверь, какъ будто ждала кого-то. Читатель,—увы!—

Digitized by Google

я долженъ сознаться, что она ждала Козелкова! Да; въ теченіе какихъ-нибудь семи-восьми дней успѣло многое измѣниться, и баронесса не устояла-таки противъ обаяній, которыя тонкою струей источаетъ изъ себя соблазнъ. Отъ нея одной Козелковъ не утаилъ своихъ намѣреній и даже успѣлъ сдѣлать изъ нея вѣрную союзницу, очень ловко намекнувъ, что баронъ слишкомъ ужъ скроменъ, что отъ него зависѣло бы, и т. д. При этомъ Козелковъ такими жадными глазами смотрѣлъ на баронессу, что ей дѣлалось, въ одно и то же время, и жутко, и сладко. Цѣлая цѣпь губернскихъ торжествъ и поклоненій въ одно мгновеніе пронеслась въ ея воображеніи; цѣлое облако острыхъ губернскихъ ѳиміамовъ разомъ нахлынуло на нее и отуманило ея голову. И какъ ни упирался скаредный сынъ Эстляндіи противъ искушеній жены, какъ ни доказывалъ, что винокуренная операція требуетъ неотлучнаго пребыванія его въ деревнѣ, лукавая дочь Евы успѣла-таки продолбить его твердый черепъ и съ помощью обмороковъ, спазмовъ и другихъ всесильныхъ женскихъ обольщеній заставила мужа положить оружіе.

Наконецъ, Козелковъ явился весь радостный и словно даже свѣтящійся. Онъ прямо направилъ стопы къ баронессѣ, и такъ какъ въ это время оркестръ заигралъ ритурнель кадрили, то они сѣли въ парѣ. Визави у нихъ былъ графъ Козельскій и пикантная предводительша.

— Прикажете, вашество, начинать? — вдругъ грянулъ надъ самымъ его ухомъ батальонный командиръ, который въ то же время былъ и распорядителемъ танцевъ.

Козелковъ вздрогнулъ и граціозно склонился къ баронессѣ, которая, въ свою очередь, бросила на усерднаго командира не то насмѣшливый, не то утвердительный взглядъ. Командиръ махнулъ платкомъ, и пары заколыхались.

— Онъ согласенъ,—сказала баронесса Козелкову.

— Стало-быть, вамъ остается быть только любезной нынѣшній вечеръ съ молодыми людьми и графомъ.

— А вы?

— Я свое дѣло сдѣлаю... Но, баронесса...

Митенька вздохнулъ такъ, какъ будто бы ему было очень жарко.

— Что еще? — спросила баронесса и, обернувшись къ нему, улыбнулась всѣмъ своимъ прекраснымъ лицомъ.

Но онъ не отвѣчалъ и все продолжалъ вздыхать.

— Какой вы еще мальчикъ, однакожъ!

Digitized by Google

— Баронесса!—чуть-чуть простоналъ Козелковъ.

— Молчите! Вы смотрите на меня съ такимъ ужаснымъ краснорѣчіемъ, что даже самые непонятливые—и тѣ могутъ легко убѣдиться. Давайте лучше говорить de choses indifférentes и потомъ оставьте меня на цѣлый вечеръ.

— Я, баронесса, уѣду домой.

— Это жаль; но если нужно... Впрочемъ, я сама думаю, что такъ будетъ лучше...

Въ это время Платонъ Иванычъ, конечно, всего менѣе ожидалъ какихъ-либо нападеній или подвоховъ и преспокойно стоялъ-себѣ въ одной изъ карточныхъ залъ, окруженный приверженцами и заранѣе предвкушая завтрашнее свое торжество. Онъ даже слегка разсуждалъ о принципахъ и въ «шутливомъ русскомъ тонѣ» проходился насчетъ бюрократіи, и хотя разсужденія его были отмѣнно-глупы, но они удовлетворяли «крѣпкоголовыхъ», которые, въ отвѣтъ ему, ласково сопѣли. Однимъ словомъ, Платонъ Иванычъ торжествовалъ, а въ городѣ носились уже слухи насчетъ какого-то чудовищнаго обжорства, которое готовилъ предводитель въ заключеніе выборовъ.

Въ такую-то минуту въ эту самую комнату вошелъ Дмитрій Павлычъ Козелковъ и прямо подошелъ къ Платону Иванычу.

— Господа! — сказалъ онъ голосомъ, нѣсколько дрожавшимъ отъ волненія:—пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы передъ лицомъ вашимъ засвидѣтельствовать мою искреннюю признательность достойнѣйшему Платону Иванычу! Платонъ Иванычъ! мнѣ пріятно сознаться, что въ такомъ важномъ дѣлѣ, каково настоящее собраніе гг. дворянъ, вы вполнѣ оправдали мое довѣріе! Вы не только дѣйствовали совершенно согласно съ моими видами и предначертаніями, но, такъ сказать, даже благосклонно предупреждали ихъ. Еще разъ благодарю!

Платонъ Иванычъ сгоряча ничего не понялъ и съ чувствомъ пожалъ протянутую ему Козелковымъ руку. Окружающіе, бо́льшею частью, были умилены, но нѣкоторыхъ уже нѣчто кольнуло. Сказавши свою рѣчь, Козелковъ рысцой поспѣшилъ оставить клубъ.

Гремикинъ, какъ говорится, взвился...

На другой день, съ самаго утра, по городу уже ходилъ слухъ о кандидатурѣ барона фонъ-Цанарцта, какъ о такой, которая имѣетъ всего болѣе шансовъ на успѣхъ. И дѣй-

Digitized by Google

ствительно, къ четыремъ часамъ пополудни эти слухи получили полное осуществленіе. Платона Иваныча, по обыкновенію, окружили и просили еще разъ пожертвовать собой на пользу сословія; но когда онъ изъявилъ готовность баллотироваться (и при этомъ даже заплакалъ), то, противъ обыкновенія, его прокатили на вороныхъ. Графа Козельскаго вновь, и огромнымъ большинствомъ, выбрали въ попечители губернской гимназіи.

Нахожу излишнимъ прибавлять здѣсь, что чудовищное обжорство, задуманное Платономъ Иванычемъ, не состоялось, и городъ, дня черезъ два, принялъ свою будничную, пустынную физіономію.

Я охотно изобразилъ бы, въ заключеніе, какъ Козелковъ окончательно увѣрился въ томъ, что онъ—Меттернихъ, какъ онъ собирался въ Петербургъ, какъ онъ поѣхалъ туда и о чемъ дорогой думалъ, и какъ, наконецъ, пріѣхалъ; я охотно остановился бы даже на томъ, что онъ говорилъ о своихъ подвигахъ въ вагонѣ на желѣзной дорогѣ (до такой степени все въ жизни этого «героя нашего времени» кажется мнѣ замѣчательнымъ), но предпочитаю воздержаться.

VI.—«Она еще едва умѣетъ лепетать»...

I.

Побывавши въ Петербургѣ, Козелковъ окончательно убѣдился, что для того, чтобы хорошо вести дѣла, нужно только всѣхъ удовлетворить. А для того, чтобы всѣхъ удовлетворить, нужно всѣхъ очаровать; а для того, чтобы всѣхъ очаровать, нужно—не то чтобы лгать, а такъ объясняться, чтобы никто ничего не понималъ, а всякій бы облизывался. Онъ припомнилъ, что всякій предметъ имѣетъ нѣсколько сторонъ: съ одной стороны—то-то, съ другой стороны — то-то, между тѣмъ — то-то, а если принять въ соображеніе то и то—то-то, и наконецъ, въ заключеніе—то-то. Да, пожалуй, въ крайнемъ случаѣ, можно обойтись и безъ «заключенія», и «очарованіе» не только отъ этого не терпитъ, но даже дѣйствуетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе открывается всякаго рода сторонъ и чѣмъ меньше выводится изъ нихъ заключеній. Ибо такимъ образомъ слушатель постоянно держится, такъ сказать, на привязи, постоянно чего-то ждетъ, постоянно что-то, какъ будто, получаетъ и въ то же время никакимъ родомъ это получаемое ухватить не можетъ.

Digitized by Google

Козелковъ даже и говорить сталъ какъ-то иначе. Прежде онъ совѣстился; скажетъ, бывало, чепуху—сейчасъ же самъ и ротъ разинетъ. Теперь же онъ словно даже и не говорилъ, а гудѣлъ; гудѣлъ изобильно, плавно и мѣрно, точно муха, не повышающая и не понижающая тона, гудѣлъ неустанно и часъ, и два, смотря по тому, сколько требовалось времени, чтобы очаровать,—гудѣлъ самоувѣренно и, такъ сказать, резонно, какъ человѣкъ, который до тонкости понимаетъ, о чемъ онъ гудитъ. И при этомъ не давалъ слушателю никакой возможности сдѣлать возраженіе; а если послѣдній ухитрялся какъ-нибудь ввернуть свое словечко, то Митенька не смущался и этимъ: выслушавъ возраженіе, соглашался съ нимъ и вновь начиналъ гудѣть, какъ ни въ чемъ не бывало. И дѣйствительно, внимая ему, слушатель, съ теченіемъ времени, мало-по-малу впадалъ какъ бы въ магнетическій сонъ и начиналъ ощущать признаки разслабленія, сопровождаемаго одновременнымъ пораженіемъ всѣхъ умственныхъ способностей. Снилось ему, что онъ куда-то плыветъ, что его что-то поднимаетъ, что впереди у него мелькаетъ свѣтъ—не свѣтъ, а какое-то тайное пріятство, которое потому именно и хорошо, что оно тайное, и что его слѣдуетъ прямо вкушать, а не анализировать.

Самая фигура Митеньки измѣнилась. Былъ онъ въ первобытномъ состояніи невысокъ ростомъ и нѣсколько сутуловатъ, а теперь сдѣлался, что называется, бель-омомъ и даже излишне выпрямился; прежде было въ лицѣ его что-то до такой степени уморительное, что всякій такъ и порывался взять его за цацы; теперь и это исчезло, а взамѣнъ того явилось какое-то задумчивое, скорбное, почти-что гражданственное выраженіе. Точно онъ вотъ-вотъ сейчасъ о чемъ-то думалъ и пришелъ къ безрадостному заключенію, что надо и еще думать, все думать... думать безъ конца. Манеры онъ пріобрѣлъ благосклонныя, но сдержанныя, и хотя всѣмъ безъ исключенія протягивалъ руку, но актъ этотъ совершалъ съ такою щепетильною осмотрительностью, что лицу, до котораго онъ относился, оставалось или благоговѣть, или же прыснуть со смѣху.

Къ нововведеніямъ Митенька сталъ относиться критически. Находилъ, что многаго еще остается желать и что хотя, конечно, всего вдругъ нельзя, однако, не мѣшало бы кое-что и поприкинуть. Но и въ этомъ случаѣ онъ надѣялся, что практика значительно поправитъ теорію, а подъ практикою разумѣлъ себя и другихъ Козелковыхъ, разсѣянныхъ

Digitized by Google

по лицу Россійской имперіи. «Вся суть, mon cher, заключается въ исполнителяхъ,—развивалъ онъ по этому случаю *свою* теорію:—если исполнители хороши, и главное (s'est le mot) если они *съ направленіемъ*, то всякій законъ»...

Уже съ самой минуты вшествія своего въ вагонъ желѣзной дороги онъ началъ поражать всѣхъ своимъ глубокомысліемъ, зрѣлостью сужденій и, такъ сказать, преданнымъ фондерствомъ. Во-первыхъ, онъ встрѣтился тамъ съ Петей Боковымъ, своимъ другомъ, сослуживцемъ и однокашникомъ, который тоже ѣхалъ по направленію къ Москвѣ. Разумѣется, образовался обмѣнъ мыслей.

— Ты къ себѣ?—спросилъ Митя.

— Да; а ты тоже къ себѣ?—въ свою очередь, спросилъ Петя.

— Да. Пора. Надо дѣло дѣлать.

Оба друга умолкли и уставились глазами въ землю, какъ будто застыдились. Спутники ихъ переглянулись; одни, которые понеопытнѣе, заключили, что съ ними путешествуютъ инкогнито два среднихъ лѣтъ чимпандзе *), возвращающіеся къ стадамъ своимъ; другіе же, которые поопытнѣе и преимущественно изъ помѣщиковъ, тотчасъ догадались, въ чемъ дѣло, и, взирая то на Митеньку, то на Петеньку, думали: «а что, вѣдь это, кажется, нашъ?»

— Знаешь ли, что я полагаю? Я полагаю, что обязанности, подобныя моимъ, совершенно ни съ чѣмъ не сообразны!—продолжалъ, между тѣмъ, Митенька, вдругъ переставъ стыдиться.

Петенька гамкнулъ что-то въ отвѣтъ. Спутники опять переглянулись; опытные сказали себѣ: «ну, да, это онъ! это нашъ!» Неопытные: «эге! какъ нынче чимпандзе-то выравниваться начали!»

— Я полагаю, что на моемъ мѣстѣ надобно заниматься, такъ сказать, одною внутреннею политикой, — продолжалъ умствовать Митенька.—А то представьте себѣ, напримѣръ, мое положеніе: однажды мнѣ случилось—à la lettre вѣдь это такъ!—разрѣшать вопросъ о выдачѣ вдовьяго паспорта какой-то ратничихѣ!

— Я тебѣ лучше скажу,—вступился Петенька: — предмѣстникъ мой завелъ, чтобы всѣ низшія присутственныя мѣста представляли ему на утвержденіе дѣла о покупкѣ

*) *Чимпандзе* — особый видъ изъ семейства человѣкоподобныхъ обезьянъ, послѣ *горилы* наиболѣе подходящій своею физическою организаціею къ человѣку.

Digitized by Google

нерьевъ, нитокъ и прочей канцелярской дряни! Разумѣется, я это уничтожилъ, но спрашиваю тебя: каковъ гусь мой предшѣстникъ?!

— Я говорилъ и повторяю: если вы желаете, чтобъ мы дѣло дѣлали, развяжите намъ руки! Развяжите намъ руки! повторяю я, потому что странно, наконецъ, и требовать отъ человѣка со связанными руками, чтобы онъ дѣйствовалъ!

Въ этомъ духѣ бесѣдовалъ Козелковъ довольно продолжительное время; въ заключеніе же объявилъ себя рѣшительно противъ излишней, изсушающей соки централизаціи, и угрожалъ, что если эта система продолжится, то «нѣкогда плодоносныя равнины Россіи въ самомъ скоромъ времени обратятся въ пустыню».

— Намъ надо дать возможность дѣйствовать, — прибавилъ онъ:—надо, чтобы каждый изъ насъ былъ хозяиномъ у себя дома и свободенъ въ своихъ движеніяхъ. Наполеонъ это понялъ. Онъ понялъ, что страсти тогда только умолкнутъ, когда префекты получатъ полную свободу укрощать ихъ.

— Я совершенно съ тобою согласенъ,—отозвался съ чувствомъ Петенька.

Я не знаю, согласились ли съ Козелковымъ прочіе пассажиры, но съ своей стороны спѣшу заявить, что никакихъ препятствій къ приведенію въ исполненіе его преднамѣреній не встрѣчаю.

Только пріѣздъ въ Москву остановилъ потоки козелковскаго краснорѣчія, но и тутъ, выходя изъ вагона, онъ во всеуслышаніе сказалъ другу своему Петенькѣ:

— Я полагаю, mon cher, что намъ не мѣшало бы вступить въ соглашеніе съ здѣшними публицистами!

Однакожъ, къ публицистамъ не поѣхалъ, а отправился обѣдать къ «ma tante» Селижаровой, и за обѣдомъ до такой степени очаровалъ всѣхъ умнымъ разговоромъ о необходимости децентрализаціи и о томъ, что децентрализація не есть сепаратизмъ, что молоденькая и хорошенькая кузина Вѣра не выдержала и въ глаза сказала ему:

— Какой вы, однакожъ, Митенька, сдѣлались умный!

II.

Пріѣхавши «къ себѣ», Митенька былъ встрѣченъ гурьбою «преданныхъ». Еще до отъѣзда своего въ Петербургъ, онъ постепенно образовалъ около себя цѣлое поколѣніе молодыхъ бюрократовъ, которые отличались тѣмъ, что ходили въ щегольскихъ пиджакахъ, цѣлые дни шатались съ визи-

Digitized by Google

тами, очаровывали дамъ отличнымъ знаніемъ французскаго діалекта и немилосерднѣйшимъ образомъ лгали. Во главѣ этой камарильи стоялъ правитель канцеляріи, который хотя былъ малый на возрастѣ и происходилъ изъ семинаристовъ, однако, какъ человѣкъ сообразительный, вынужденъ былъ слѣдовать за общимъ потокомъ. Митенька гордился этою молодежью и называлъ ее своею гвардіею.

Нынче довольно много развелось такихъ бюрократовъ. Начальники неутомимо стараются о томъ, чтобы окружить себя молодыми людьми, которые бы имѣли отчетливое понятіе объ англійскомъ проборѣ и показывали въ пріемахъ грацію. Это, по мнѣнію ихъ, возвышаетъ администрацію, сообщая ей извѣстнаго рода шикъ. Нѣкоторые даже снимаютъ съ себя фотографическіе портреты въ такомъ видѣ: посрединѣ сидитъ молодой начальникъ, по бокамъ—молодые подчиненные—и, право, группы выходятъ хоть куда! Начальникъ обыкновенно представляется нѣчто разъясняющимъ, подчиненные—понимающими. Что разъясняетъ начальникъ и что понимаютъ подчиненные — объ этомъ до сихъ поръ не могъ дать отчета ни одинъ фотографъ; однако, я никакъ не позволю себѣ предположить, чтобы это былъ съ ихъ стороны наглый обманъ.

Итакъ, «преданные» гурьбой встрѣтили Митеньку. Произошла сцена. Въ былыя времена администраторъ ограничился бы тѣмъ, что прослезился; но Митенька, какъ человѣкъ современный, произнесъ рѣчь.

— Въ настоящую минуту, господа,—сказалъ онъ:—мнѣ болѣе, нежели когда-нибудь, необходимо ваше усердіе. Прежде я многое предугадывалъ, теперь—убѣдился. Виды выяснились совершенно. Намъ предстоитъ только условиться насчетъ плана будущей кампаніи—о планѣ этомъ вы будете въ свое время поставлены мною въ извѣстность—и затѣмъ дружно направить свои усилія къ единой общей цѣли. Не обѣщаю вамъ, что трудъ будетъ легкій; напротивъ того, не скрою, что онъ даже будетъ очень и очень тяжелъ, но надѣюсь, что, съ Божьею помощью, мы преодолѣемъ препятствія и уничтожимъ преграды. Главное, messieurs,—быть всегда на стражѣ. Вы поставлены, такъ сказать, у кормила общественнаго спокойствія; а съ общественнымъ спокойствіемъ — по крайней мѣрѣ, таково мое мнѣніе—въ сильной степени связано общественное благосостояніе. Съ одной стороны, ничто такъ не обезпечиваетъ благонамѣренный человѣческій трудъ, какъ общая тишина;

Digitized by Google

съ другой стороны, что же можетъ намъ гарантировать тишину, какъ не благонамѣренный человѣческій трудъ? Эти двѣ великія общественныя силы неразрывны (Митенька соединилъ при этомъ пальцы обѣихъ рукъ и сдѣлалъ видъ, что не можетъ ихъ растащить), и если мы взглянемъ на дѣло глазами проницательными, то поймемъ, что въ тѣсномъ ихъ единеніи лежитъ залогъ нашего славнаго будущаго. Тѣмъ не менѣе, взирая на предметъ безпристрастно, я не могу не сказать, что намъ еще многаго кой-чего въ этомъ смыслѣ недостаетъ; а если принять въ соображеніе, съ одной стороны, славянскую распущенность, а съ другой стороны, что время никогда терять не слѣдуетъ, то мы естественно придемъ къ заключенію, что дѣло не ждетъ и что необходимо приступить къ нему немедленно. Eheu, Posthume, Posthume! — такъ предостерегаетъ насъ древній поэтъ, и мы не имѣемъ права не воспользоваться его совѣтомъ. Итакъ, господа, бодрость и смѣлость! Будемъ вмѣстѣ работать и вмѣстѣ надѣяться. Съ своей стороны, я всегда, какъ вы знаете, готовъ ходатайствовать передъ высшимъ начальствомъ за достойнѣйшихъ.

Такова была, въ первый разъ по возобновленіи, вступительная рѣчь Митеньки. Правитель канцеляріи сейчасъ же опредѣлилъ ея достоинство, сказавъ, что эта рѣчь безъ подлежащаго, безъ сказуемаго и безъ связки, но «преданные» поняли. Съ своей стороны, хотя я и согласенъ съ мнѣніемъ правителя канцеляріи, но нахожу, что такого рода краснорѣчіе составляетъ истинное благополучіе и положительный рессурсъ при нашей бѣдности. Съ помощью его можно администрировать, можно издавать журналы, можно даже написать цѣлый ученый трактатъ. И будетъ хорошо.

Разумѣется, если бы у насъ были другія средства, если бы мы, по крайней мѣрѣ, впрямь желали что-нибудь сказать — тогда дѣло другое; а то вѣдь и сказать-то мы ничего не хотимъ, а только такъ, зря выбрасываемъ слова изъ гортани, потому что на языкѣ болона выросла. Стало-быть, тутъ рѣчи безъ подлежащаго, сказуемаго и связки приходятся именно какъ разъ въ пору. Во-первыхъ, обиліе словотеченія можетъ обмануть слушателя; во-вторыхъ, ежели слушатель и не обманется, то что же онъ сдѣлаетъ?—плюнетъ и отойдетъ прочь, и ничего больше.

Сказавъ свое слово, Козелковъ не устыдился, какъ дѣлывалъ это прежде, но зажмурилъ глаза и представился утомленнымъ.

Digitized by Google

— Безъ вашества къ намъ «земскія учрежденія» пришли-съ,—робко молвилъ правитель канцеляріи.

— Будемъ орудовать-съ.

— Прикажете, вашество, распоряженіе сдѣлать?

— Будемъ распоряжаться-съ.

Присутствующіе думали, что Козелковъ вновь вступаетъ въ состояніе единословія, однако ошиблись. Дѣйствительно, онъ нѣсколько минутъ простоялъ, словно отуманенный, но такъ какъ закваска была положена, то не успѣли слушатели оглянуться, какъ уже толчея была въ исправности и попрежнему толкла безостановочно.

— «Земскія учрежденія», messieurs, — сказалъ онъ: — вотъ часть той перспективы, которая виднѣется передъ нами въ будущемъ. Всѣ картины, messieurs, пишутся по частямъ и постепенно, и ни одна изъ нихъ никогда еще не являлась на свѣтъ вдругъ, готовою во всѣхъ своихъ частяхъ. Начатая съ извѣстнаго пункта, картина растетъ, растетъ, развивается, развивается, все дальше и дальше, покуда, наконецъ, художникъ не почувствуетъ потребности довершить начатое, освѣтивъ дѣло рукъ своихъ лучами солнца. И все въ мірѣ слѣдуетъ этому мудрому закону постепенности. Все живетъ, все работаетъ, все дѣлаетъ свое дѣло потихоньку и не спѣша. Все смотритъ впередъ, messieurs. И я почитаю себя счастливымъ, что могу быть передъ вами истолкователемъ тѣхъ чувствъ, которыми болѣе или менѣе всякій изъ васъ волнуется. Да; еще въ школахъ насъ заставляли заучивать мудрое изреченіе: «надежда утѣшаетъ царя на тронѣ, земледѣльца за сохою, страждущаго на одрѣ смерти», и еще:

Надежда, кроткая посланница небесъ!

И я нахожу, что незабвенные наши педагоги очень хорошо поступали, что упражняли наши молодые умы подобными изреченіями. Итакъ, повторяю: картина еще не нарисована, но она будетъ нарисована—въ этомъ порукой вамъ... я! Я многое могъ бы сказать вамъ по этому поводу, о многомъ желалъ бы условиться, объясниться, посовѣтоваться (я человѣкъ, messieurs, и, какъ человѣкъ, могу ошибаться), но нахожу полезнѣйшимъ оставить этотъ предметъ до времени. А покамѣстъ, messieurs, подумайте, и ежели встрѣтите какія-либо сомнѣнія, обращайтесь ко мнѣ съ полною откровенностью. Подумайте, messieurs!

Единодушное «ура!» было отвѣтомъ на эту новую дику обожаемаго начальника. Но Козелковъ уже утомился

Digitized by Google

и только махнулъ рукой на шумныя заявленія «преданныхъ».

Дѣло было вечеромъ, и Митенька основательно разсудилъ, что самое лучшее, что онъ можетъ теперь сдѣлать— это лечь спать. Отходя на сонъ грядущій, онъ старался дать себѣ отчетъ въ томъ, что онъ дѣлалъ и говорилъ въ теченіе дня, — и не могъ. Во снѣ тоже ничего не видалъ. Тѣмъ не менѣе, далъ себѣ слово и впредь поступать точно такимъ же образомъ.

III.

А на дворѣ, между тѣмъ, не на шутку разыгралась весна. Крыши домовъ ужъ сухи; на обнаженныхъ отъ льдяного черепа улицахъ стоятъ лужи; солнце на пригрѣвѣ печетъ совершенно по-лѣтнему. Прилетѣли съ юга птицы и стали вить гнѣзда; жаворонокъ кружится и заливается въ вышинѣ колокольчикомъ. Поползли червяки; гдѣ-то въ вскрывшемся прудѣ сладострастно квакнула лягушка. Огнемъ залило все тѣло молодой купчихи Безселендѣевой.

— Не могу я ноченьки спать! все тебя, ненагляднаго, вижу!—говоритъ она старому, дряхлому мужу своему.

— Спи! — рычитъ старый мужъ и, перекрестивши ротъ, перевертывается на другой бокъ.

Словомъ, все, всѣ улицы города Семиозерска переполнены какою-то особенною, горячею атмосферой.

Митенька тоже ощущаетъ на себѣ признаки всемогущей весны. Во-первыхъ, на лицѣ у него появилось безчисленное множество прыщей, что очень къ нему не идетъ. Каждый разъ, вечеромъ, передъ сномъ, онъ садится передъ зеркаломъ и спрашиваетъ камердинера своего Ивана:

— А что, братъ, кажется, ужъ и въ самомъ дѣлѣ весна?

— Сами видите!—угрюмо отвѣчалъ Иванъ.

— Много?

— Не есть числа!

— Дай пудру!

Во-вторыхъ, онъ каждый день, около сумерекъ, пробирается окольными переулками къ дому, занимаемому баронессой фонъ-Цанарцтъ. Въ отдаленіи, на почтенномъ разстояніи, рѣютъ квартальные.

Но административныя заботы парализуютъ все, даже порывы любви. Нѣтъ той силы, нѣтъ той страсти, которая могла бы изъ головы Митеньки земскія учрежденія. «Что такое земскія учрежденія?» — спрашиваетъ онъ себя сто

Digitized by Google

разъ на дню, и хотя объяснить не можетъ, но понимаетъ, чувствуетъ, что понимаетъ. И такимъ образомъ вліяніе весны уничтожается само собою и выражается въ однихъ прыщахъ. Напрасно хочетъ онъ забыть свои преждевременныя опасенія, напрасно хочетъ упиться виномъ любви: въ ту самую минуту, когда уста его уже отваживаются прикоснуться къ чашѣ, вдругъ что-то словно кольнетъ его въ бокъ: «а про земскія-то учрежденія и забылъ?»

— Вы не повѣрите, Marie, какъ я озабоченъ,—говоритъ онъ баронессѣ, которая смотритъ на него отчасти съ досадой, отчасти иронически.—Эти земскія учрежденія... я начинаю, наконецъ, думать о нигилизмѣ!

— Такъ вы... нигилистъ?—произноситъ баронесса и смотритъ еще насмѣшливѣе, какъ будто хочетъ сказать:—Базаровъ никогда не позволилъ бы себѣ поступать такимъ нелѣпымъ образомъ съ хорошенькой женщиной...

— Скажу вамъ, Marie, по секрету: мы всѣ, сколько насъ ни есть, мы всѣ немножко нигилисты... Да! Разумѣется, мы обязаны, покамѣстъ, держать это подъ спудомъ, но вѣдь шила въ мѣшкѣ не утаишь, и истина, bon gré, mal gré, должна же когда-нибудь открыться!

Баронесса съ изумленіемъ слушаетъ это новаго рода признаніе, но оно начинаетъ интересовать ее.

— Au fait, что такое нигилизмъ?—продолжаетъ ораторствовать Митенька.—Откиньте уродливыя крайности, урезоньте стриженыхъ дѣвицъ... и, спрашиваю я васъ, что вы получите въ результатѣ? Вы получите: vanitas vanitatum et omnia vanitas — и больше ничего! Но развѣ это не правда? развѣ всѣ мы, начиная съ того древняго философа, который въ первый разъ выразилъ эту мысль, не согласны насчетъ этого?

Митенька наклоняется очень близко къ плечу баронессы и заискивающими глазами смотритъ ей въ лицо.

— Не нужно только бунтовать,—прибавляетъ онъ нѣжно.

— Но надѣюсь, что вы бунтовать не будете?

— Конечно, противъ васъ, Marie, какой же бунтъ съ моей стороны возможенъ?

— Вы меня не знаете, Marie,—говоритъ онъ таинственно:—я совсѣмъ не таковъ, какимъ кажусь съ перваго взгляда. Конечно, я служу... но вѣдь я честолюбивъ! Marie! поймите, вѣдь я честолюбивъ! Откиньте это, вглядитесь въ меня пристальнѣе — и вы увидите, что административная оболочка далеко не исчерпываетъ всего моего содержанія!

Digitized by Google

— Итакъ... вы повстанецъ?

— Я не говорю этого, баронесса, опять-таки, зачѣмъ впадать въ крайности? Но я могу... я, во всякомъ случаѣ, могу сохранить свою независимость! Этого, я надѣюсь, никто отъ меня не отниметъ!

Митенька чувствуетъ, что онъ все болѣе и болѣе запутывается, но приходъ барона очень кстати выводитъ его изъ неловкаго положенія.

— А знаешь ли, Шарль, вѣдь Дмитрій Павлычъ хочетъ идти... какъ еще это въ газетахъ пишутъ... «до лясу», кажется?—продолжаетъ приставать баронесса.

— Что-жъ, вашество, въ городской лѣсъ уединиться изволите?—любезно шутитъ баронъ.

— Баронесса меня просто сегодня преслѣдуетъ... Но, серьезно, у меня есть много кой-о-чемъ переговорить съ вами, баронъ!

— Къ вашимъ услугамъ, вашество.

— Во-первыхъ, баронъ, какъ хотите, а эти земскія учрежденія ужасно заботятъ меня...

— Что же въ особенности внушаетъ вашеству опасенія?

— Нѣтъ, не опасенія собственно, но... какъ хотите, а это предметъ такой важности, что прежде, нежели приступить къ нему, необходимо, по моему мнѣнію, обсудить его внимательно и со всѣхъ сторонъ.

— Я, съ своей стороны, полагаю, вашество, что намъ предстоитъ только исполнить...

— Исполнить—это такъ; но, съ другой стороны, нельзя не принять во вниманіе и того, что и при самомъ исполненіи необходимо принять мѣры къ обезпеченію нѣкоторой свободы совѣсти...

Баронъ кусаетъ губы; баронесса просто хохочетъ.

— Нѣтъ, мьсё Козелковъ, я вижу, что вы и въ самомъ дѣлѣ помышляете «до лясу»!—говоритъ она.

— Вы смѣетесь, баронесса, а между тѣмъ тутъ дѣйствительно идетъ дѣло о предметѣ первой важности.

Митенька окончательно начинаетъ гнѣваться, и разговоръ упадаетъ самъ собою. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ удаляется, сопровождаемый насмѣшливыми взглядами баронессы. Въ отдаленіи рѣютъ квартальные.

На другой день губернскіе остроумцы развозятъ по городу извѣстіе, что Козелковъ скрылся «до лясу» и что его даже видѣли въ городскомъ лѣсу токующимъ съ тетеревами.

Digitized by Google

IV.

Дни проходятъ за днями; Митенька все болтаетъ.

— Вы поймите мою мысль,—твердитъ онъ каждый день правителю канцеляріи:—я чего желаю? Я желаю, чтобы у меня процвѣтала промышленность, чтобы священное право собственности было вполнѣ обезпечено, чтобы порядокъ ни подъ какимъ видомъ нарушенъ не былъ и, наконецъ, чтобы вездѣ и на всемъ видна была рука! Вы понимаете: «рука»! Вотъ программа, съ которою я выступаю на административное поприще; и натурально, что покуда я не осуществлю всѣхъ своихъ предположеній, покуда, такъ сказать, не увѣнчаю зданія, я не буду въ состояніи успокоиться. Не претендуйте же на меня, почтеннѣйшій Разумникъ Семенычъ, что я частенько-таки буду повторять вамъ: впередъ! впередъ! впередъ! Есть вещи, о которыхъ никогда нельзя достаточно наговориться, и къ числу ихъ принадлежатъ именно тѣ цѣли, о которыхъ я вамъ говорю и которыхъ достиженіе составляетъ всю задачу моей администраціи. Повторяю: покуда мы съ вами не достигнемъ ихъ, покуда я не приду къ убѣжденію, что, гдѣ бы я ни былъ, рука моя, все-таки, вездѣ будетъ давать себя чувствовать необременительнымъ, но, тѣмъ не менѣе, равномѣрнымъ давленіемъ,— до тѣхъ поръ, говорю, я не положу оружія. А теперь будемъ подписывать бумаги.

Рѣчи эти, ежедневно и регулярно повторяемыя, до такой степени остервенили правителя канцеляріи, что онъ, несмотря на всю свою сдержанность и терпкость, нѣсколько разъ покушался крикнуть: «молчать!» И дѣйствительно, надо было войти въ кожу этого человѣка, чтобы понять весь трагизмъ его положенія. Каждый день, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, быть обязательнымъ слушателемъ длинноухихъ рѣчей и не имѣть права заткнуть уши, убѣжать, плюнуть или инымъ образомъ выразить свои чувства—какъ хотите, а такое положеніе можетъ навести на мысль о самоубійствѣ. Во время этихъ рѣчей почтеннѣйшій Разумникъ Семенычъ блѣднѣлъ и краснѣлъ, и ощущалъ въ рукахъ судорогу и даже чуть ли не колики въ желудкѣ. А Митенька, между тѣмъ, подписывалъ бумаги одна за другой, и все болталъ, все болталъ.

— Я бы желалъ,—ораторствовалъ онъ:—чтобы всѣ, начиная отъ самаго приближеннаго ко мнѣ лица и до самаго послѣдняго субалтернъ-офицера, поняли мою мысль такъ

Digitized by Google

же точно, какъ я ее самъ понимаю. Я желалъ бы собрать всю губернію, соединить, такъ сказать, на одно мгновеніе всѣ административные рычаги въ одинъ пунктъ и сказать имъ: «Господа! вотъ моя мысль! вотъ моя программа! Поймите, господа, что я вамъ говорю, и сообразуйтесь!» Да-съ, почтеннѣйшій Разумникъ Семенычъ, я былъ бы совершенно счастливымъ начальникомъ, если бы это оказалось возможнымъ!

— Что-жъ, вашество, это не трудно-съ; можно завтра же оповѣстить-съ,—отвѣчалъ правитель канцеляріи, заранѣе обольщаясь мыслью, что часть лежащей на немъ тяжести обрушится на другихъ.

— Вы полагаете оповѣстить здѣшнихъ?

— Точно такъ, здѣшнихъ-съ.

— Да, это недурно; но все же это не то. Я желалъ бы, чтобы вся губернія—понимаете, *вся* губернія?—присутствовала при этой моей, такъ сказать, внутренней исповѣди. Вы читали Карамзина?

— Такъ точно-съ.

— Помните тамъ одно мѣсто, когда Іоаннъ Грозный, убѣжденный добродѣтельнымъ Сильвестромъ, рѣшается... Это можетъ вамъ дать нѣкоторую идею о томъ, чего бы именно я желалъ!

— Осмѣлюсь, вашество, доложить, что царь Иванъ Васильевичъ не долженъ былъ испрашивать разрѣшенія высшаго начальства, чтобы устроить подобное торжество, а вашество...

Митенька закручинился.

— Да,—сказалъ онъ:—вѣдь я забываю объ этихъ подробностяхъ. Да, Разумникъ Семенычъ, вся жизнь наша—подробности, и притомъ жалкія, несносныя подробности! Желалъ бы парить, желалъ бы летѣть—анъ, смотришь, крылья вдоль и поперекъ связаны!

— Такъ прикажете, вашество, здѣшнихъ покамѣстъ оповѣстить?

— Да, покамѣстъ... а впослѣдствіи надѣюсь постепенно, съ Божьею помощью, и прочихъ пріобщить къ осуществленію моихъ плановъ!

Разумѣется, правитель канцеляріи поспѣшилъ исполнить данное приказаніе, но исполнилъ его такимъ образомъ, что по городу сейчасъ же разнеслись цѣлыя легенды.

Послѣдствіемъ этого было, что на другой день мѣстные гранды сказались больными (такъ что всѣ присутственныя мѣста въ Семиозерскѣ были въ этотъ день закрыты), а

Digitized by Google

исправникъ, какъ только прослышалъ о предстоящей исповѣди, ту-жъ минуту отправился въ уѣздъ. Явился только городской голова съ гласными да бургомистръ съ ратманами, но Митенька и тутъ нашелся.

— Много званыхъ, но мало избранныхъ,—такъ началъ онъ рѣчь свою.—Очень радъ, господа, что имѣю дѣло съ почтенными представителями одного изъ почтеннѣйшихъ сословій нашего любимаго отечества, нашей дорогой сердцу Россіи! Милостивые государи! нѣтъ сомнѣнія, что трудъ есть то оживляющее начало, которое въ каждомъ благоустроенномъ обществѣ представляетъ собой главный государственный нервъ. Трудящійся человѣкъ тихъ, скроменъ, покоренъ начальству и заботится объ исправномъ платежѣ податей и повинностей. Трудящійся человѣкъ спѣшитъ на защиту отечества въ минуту опасности, ибо знаетъ, что опасность эта угрожаетъ и его труду. Лѣнивый, напротивъ того, безпокоенъ, строптивъ, къ начальству непочтителенъ и къ уплатѣ податей равнодушенъ. Лѣнивый на самую опасность отечества взираетъ беззаботно и на защиту его не спѣшитъ. Таково, милостивые государи, значеніе труда въ общей государственной системѣ, и я совершенно счастливъ, что имѣю честь объяснить это передъ вами, какъ передъ естественными его представителями.

Дмитрій Павлычъ остановился, чтобы перевести духъ и въ то же время дать возможность почтеннымъ представителямъ сказать свое слово. Но послѣдніе стояли выпучивши на него глаза и тяжко вздыхали. Городской голова понималъ, однакожъ, что надобно что-нибудь сказать, и даже нѣсколько разъ раскрывалъ ротъ, но какъ-то ничего у него, кромѣ: «мы, вашество, всѣ силы-мѣры», не выходило. Такимъ образомъ Митенька вынужденъ былъ одинъ нести на себѣ всѣ тяжести предпринятаго имъ словеснаго подвига.

— Я желалъ бы, чтобы вы поняли мою мысль, господа!—продолжаетъ онъ.—Чего я хочу, къ чему я стремлюсь? Отвѣтъ на это очень простой. Я хочу, чтобы всѣ, по возможности, были довольны, чтобы никто не былъ обиженъ, чтобы всякій могъ беззавѣтно пользоваться плодами рукъ своихъ. Я стремлюсь къ тому, чтобы у меня процвѣтала промышленность, чтобы священное право собственности было для всѣхъ обезпечено и чтобы порядокъ ни подъ какимъ видомъ нарушенъ не былъ. Надѣюсь, почтенные представители, что въ этихъ желаніяхъ и стремленіяхъ нѣтъ ничего такого, чему бы вы не сочувствовали. (Представители еще

Digitized by Google

болѣе пялятъ глаза на Митеньку; нѣкоторые, однакожъ, кланяются; городской голова шепчетъ: «мы, вашество, всѣ силы-мѣры!»). Не сомнѣваюсь, друзья мои, не сомнѣваюсь! Знаю и вижу. Но, съ другой стороны, ежели я буду желать и стремиться одинъ, ежели я буду усиливаться, а почтенные представители отечественной гражданственности и общественности не будутъ оказывать мнѣ содѣйствія («мы, вашество, всѣ силы-мѣры!»—озлобленно сопитъ голова), то спрашиваю я васъ: что изъ этого можетъ произойти? А вотъ что, друзья мои: я могу уподобиться форрейтору, который, не замѣчая, что постромки, привязывавшія къ экипажу выносныхъ лошадей, оборвались, все мчится впередъ и впередъ, между тѣмъ какъ экипажъ давно остановился и погрязъ въ болотѣ...

Вымолвивши такую штуку, Митенька окончательно сталъ втупикъ и даже раскрылъ ротъ. Проходитъ нѣсколько томительныхъ минутъ, покуда Митенька, наконецъ, убѣждается, что кончить какъ-нибудь, все-таки, надобно. На сей разъ онъ рѣшается «завершить зданіе» посредствомъ фигуры воззванія, поощренія или возбужденія.

— Итакъ, господа, впередъ! Бодрость и смѣлость! Вы знаете мою мысль, я знаю вашу готовность! Если мы соединимъ то и другое, а главное если дадимъ нашимъ усиліямъ надлежащее направленіе, то будьте увѣрены, ни зависть, ни неблагонамѣренность не осмѣлятся уязвить насъ своимъ жаломъ; я же, съ своей стороны, во всякое время готовъ буду ходатайствовать о достойнѣйшихъ предъ высшимъ начальствомъ. Прощайте, господа! не смѣю удерживать васъ посреди вашихъ полезныхъ занятій. До свиданія!

Митенька сдѣлалъ прощальный знакъ рукою и вышелъ. Но почтенные представители долго еще не могли придти въ себя отъ удивленія. Все мнилось имъ, что это не даромъ, и что хотя Митенька ни слова не упомянулъ о пожертвованіи, но пожертвованіе потребуется. Городской голова до такой степени былъ убѣжденъ въ этомъ, что, сходя съ крыльца Митенькиной квартиры, обратился къ своимъ сотоварищамъ и молвилъ:

— Что-жъ, православные, по мѣрѣ силы - возможности каждаго есть долгъ и обязанность! А нутко, Господи благослови! ура!

V.

Дни идутъ за днями, а Митенька все болтаетъ.

Digitized by Google

— Знаете ли что?—говоритъ онъ однажды правителю канцеляріи.

При этомъ вступленіи Разумникъ Семенычъ зеленѣетъ, запускаетъ подъ жилетъ руку и всею пятерней до крови скребетъ себѣ грудь.

— Я желалъ бы имѣть въ своемъ распоряженіи публициста!—продолжаетъ, между тѣмъ, Митенька съ невозмутимѣйшимъ хладнокровіемъ.

«Лгунище ты необузданный!»—шипитъ про себя Разумникъ Семенычъ, но вслухъ говоритъ:

— То-есть, какъ же это, вашество, публициста?

— Подъ публицистомъ я разумѣю такого механика, которому я могъ бы подать мысль, намекнуть, а онъ бы сейчасъ привелъ все это въ порядокъ!

— Если вашеству угодно что-нибудь приказать, то, кажется, мы завсегда...

— Нѣтъ, это не то! Я вижу, что вы меня не понимаете! Вы исполняете свои обязанности, а публицистъ долженъ исполнять свои! Въ Петербургѣ это ведется такъ: чиновники пишутъ свое, публицисты—свое. Ежели начальникъ желаетъ распорядиться келейно, то приказываетъ чиновнику; ежели онъ желаетъ выразить свою мысль въ приличной формѣ, то призываетъ публициста! Вы меня поняли?

— Понялъ-съ.

— Слѣдственно, вы должны понять и то, что человѣкъ, который бы могъ быть готовымъ во всякое время слѣдовать каждому моему указанію, который былъ бы въ состояніи не только понять и уловить мою мысль, но и дать ей приличныя формы, что такой человѣкъ, повторяю я, мнѣ рѣшительно необходимъ. Въ настоящее время я безъ рукъ: ибо, спрашиваю я васъ, въ чемъ собственно заключается моя обязанность? Моя обязанность заключается въ томъ, чтобы подать мысль, начертить, сдѣлать наметку... но сплотить все это, собрать въ одно цѣлое, сообщить моимъ намѣреніямъ гармонію и стройность—все это, согласитесь, находится уже, такъ сказать, внѣ круга моихъ обязанностей, на все это я долженъ имѣть особаго человѣка! Вы меня поняли? Вы поняли, что я хочу вамъ сказать?

— Но какія же, вашество, будутъ занятія у этого публициста?

— Выслушайте меня. Вы уже знаете изъ объясненій со мной, что на мнѣ собственно лежитъ, такъ сказать, внутренняя политика—и ничего больше. Всѣ эти бумаги: до-

Digitized by Google

несенія, предписанія, подтвержденія—все это только печальная необходимость, которой я подчиняюсь единственно потому, что покуда это такъ требуется. Но главное—все-таки, политика. Что такое «политика»? Политика, почтеннѣйшій Разумникъ Семенычъ,—это такое обширное понятіе, которое въ немногихъ словахъ объяснить довольно трудно. Политика—это все. Достаточно будетъ, если я на первый разъ скажу вамъ, что политика можетъ быть разныхъ родовъ; можетъ быть политика здравая и можетъ быть политика гибельная; можетъ быть политика, ведущая къ наилучшему концу, и можетъ быть политика, которая ни къ чему, кромѣ разстройства, не приводитъ. Но для того, чтобы мысль моя была для васъ еще яснѣе, очерчу въ легкомъ абрисѣ мою собственную политику. Я желаю, во-первыхъ, чтобы у меня процвѣтала торговля; во-вторыхъ, чтобы священное право собственности было вполнѣ обезпечено, и, въ-третьихъ, наконецъ, чтобы порядокъ ни подъ какимъ видомъ нарушенъ не былъ. Вотъ моя внутренняя политика. Но будемъ продолжать нить нашего разсужденія. Имѣя, такимъ образомъ, опредѣленную внутреннюю политику, я, съ одной стороны, долженъ быть весьма озабоченъ ею; съ другой же стороны, эта самая озабоченность должна на каждомъ шагу возбуждать во мнѣ самыя разнообразныя мысли. При настоящемъ моемъ, такъ сказать, изолированномъ положеніи, что дѣлается съ моими мыслями? Хотъ и горько, но я долженъ сознаться, что большая ихъ часть забывается и исчезаетъ безслѣдно. Я мыслю, и въ то же время не мыслю, потому что не имѣю въ распоряженіи своемъ человѣка, который слѣдилъ бы за моими мыслями, могъ бы уловить ихъ, такъ сказать, на лету и, въ концѣ концовъ, изложить въ приличныхъ формахъ. Вотъ здѣсь-то, почтеннѣйшій Разумникъ Семенычъ, именно и нуженъ мнѣ публицистъ, то-есть такой механикъ, которому я могъ бы во всякое время сказать: «вотъ, милостивый государь, моя мысль! Теперь не угодно ли вамъ привести ее въ надлежащій видъ!» Вы меня поняли?

— Понимаю, вашество, и осмѣлюсь, съ своей стороны, доложить...

— Знаю, почтеннѣйшій Разумникъ Семенычъ, знаю, и ко всему мною уже высказанному могу прибавить одно: вы меня знаете, и слѣдственно можете быть увѣрены, что я всегда готовъ ходатайствовать передъ высшимъ начальствомъ за достойнѣйшихъ!

Digitized by Google

Въ тотъ же день публицистъ былъ отысканъ. Это былъ нѣкто Златоустовъ, учитель словесности въ семиозерской гимназіи, homo scribendi peritus, уже нѣсколько разъ помѣщавшій въ мѣстной газетѣ статейки о предполагаемыхъ водопроводахъ и о преимуществѣ спиртового освѣщенія передъ масляным. Вечеромъ онъ уже имѣлъ съ Митенькой продолжительное совѣщаніе, во время котораго держалъ себя очень ловко, то-есть смотрѣлъ своему амфитріону въ глаза, улыбался и по временамъ нетерпѣливо поворачивался въ креслѣ, словно конь, готовый по первому знаку заржать и пуститься въ атаку. Однимъ словомъ, показалъ видъ, что сочувствуетъ и понимаетъ. А въ слѣдующемъ же нумерѣ губернскихъ вѣдомостей былъ напечатанъ слѣдующій leading къ читателямъ:

«НАШИ ЖЕЛАНІЯ».

«Читатель! тебѣ покажется страннымъ, что мы чего-нибудь желаемъ. Тебѣ все еще сдается, что мы не созрѣли, не имѣемъ права желать, и что за насъ долженъ желать кто-то другой... Разувѣрься! Посмотри кругомъ себя и вложи пальцы въ язвы. Что ты видишь окрестъ? Ты видишь просвѣщенное начальство, которое, съ своей стороны, ничего такъ страстно не жаждетъ, какъ того, чтобы ты желалъ, и не только желалъ, но и выражалъ свои желанія устно и письменно. Что такое «начальство»? спросишь ты меня.—Начальство, отвѣчаю я тебѣ, есть то зиждущее, всепроникающее начало, которое непрестанно бдитъ и изыскиваетъ. О чемъ бдитъ? что изыскиваетъ? Вотъ тѣ вопросы, надъ которыми тебѣ предстоитъ задуматься, читатель, и надъ которыми ты несомнѣнно задумаешься, если дашь себѣ трудъ вникнуть въ смыслъ моихъ словъ. Я же, съ своей стороны, продолжаю.

«Итакъ, несмотря на кажущуюся странность подобной претензіи, мы желаемъ. Чего мы желаемъ? Мы желаемъ, во-первыхъ, чтобы промышленность въ нашемъ краю процвѣтала; во-вторыхъ, чтобы священное право собственности повсюду и для всѣхъ было обезпечено, и, въ-третьихъ, наконецъ, чтобы порядокъ ни въ какомъ случаѣ нарушенъ не былъ. Желанія, повидимому, очень скромныя; да они и не «повидимому» только скромны, но и въ самомъ существѣ своемъ. Ибо кто же изъ васъ, читатели, желалъ бы, чтобы рынки наши представляли картину запустѣнія, чтобы собственность наша была отнята или поругана, или чтобы

Digitized by Google

міръ потрясался громами революцій? Конечно, врядъ ли найдется такой чудакъ, а это несомнѣнно доказываетъ, что стремленія, нами высказанныя, не только скромны, но и вполнѣ осуществимы. Однако, на дѣлѣ оно выходитъ не совсѣмъ такъ.

«Что такое промышленность? спрашиваемъ мы самихъ себя.—Промышленность (industrie), отвѣчаютъ намъ экономисты, есть совокупность тѣхъ плодовъ, которые составляютъ необходимый результатъ занятія рукъ человѣческихъ. Слѣдственно, гдѣ руки человѣческія не праздны, тамъ есть занятіе; гдѣ есть занятіе—тамъ въ результатѣ плоды, то-есть промышленность. То ли мы видимъ у насъ? На это позволимъ себѣ отвѣчать фактомъ, котораго мы, къ несчастію, были очевидцами. На-дняхъ, отправившись для прогулки въ загородный садъ, мы шли мимо заведенія, надъ дверьми котораго нахально красуется вывѣска: «и дешево, и сердито». И въ самомъ заведеніи, и около него толпилось простонародье, хотя день былъ не праздничный, погода стояла ясная и теплая и все, казалось, приглашало къ животворящему труду. Насъ это изумило; мы обратились къ одному изъ стоявшихъ у дверей съ вопросомъ: какая причина такого многочисленнаго сборища?—и получили отвѣтъ: «извѣстно, зачѣмъ въ кабакъ ходятъ!» Не удовлетворившись этимъ, мы вновь спросили: «но отчего же вы не работаете, друзья?» Но на этотъ вопросъ, вмѣсто отвѣта, послѣдовалъ наглый, возмущающій душу смѣхъ! Вотъ наша промышленность!

«Затѣмъ, что такое собственность и въ чемъ должно заключаться ея обезпеченіе? Тѣ же экономисты отвѣчаютъ намъ: собственность есть прямое и законное продолженіе промышленности, это есть промышленность, такъ сказать, консолидированная. Изъ такого опредѣленія не въ правѣ ли мы будемъ вывести слѣдующій силлогизмъ: гдѣ человѣческія руки не праздны, тамъ есть занятіе; гдѣ есть занятіе, тамъ въ результатѣ есть плодъ, а гдѣ есть плодъ, тамъ неминуемо должна быть и собственность (proprietas)? Tout s'enchaîne, tout se lie dans ce monde, говоритъ одинъ знаменитый писатель, и ежели мы признаемъ законность этой связи (а не признать ея невозможно), то, само собой разумѣется, должны будемъ признать и законность того явленія, которое изъ нея выходитъ. Но то ли мы видимъ у насъ? На это, опять-таки, позволимъ себѣ отвѣтить разсказомъ объ одномъ происшествіи, котораго мы были на-

Digitized by Google

дняхъ не только очевидцами, но и жертвою. Не далѣе, какъ 7-го сего мѣсяца, ночью, въ квартиру нашу вошли воры. Мы спали. Только на другой день утромъ уже удостовѣрились мы, что были самымъ наглымъ образомъ лишены наиболѣе цѣннаго имущества. Разумѣется, мы тотчасъ же обратились въ полицію -- и что же встрѣтили? Вмѣсто того, чтобы немедленно броситься по горячимъ слѣдамъ и отыскать преступниковъ, полиція къ намъ же обратилась съ вопросами: гдѣ мы во время происшествія были, что дѣлали и не вымышленъ ли нами самый фактъ съ какими-либо противозаконными цѣлями!!! Вотъ наши понятія о собственности!

«Все это прямо приводитъ насъ къ вопросу объ обезпеченіи. Ежели собственность есть явленіе законное, то само собой разумѣется, что она должна быть обезпечена и что пользованіе ею должно считаться неприкосновеннымъ правомъ того, кому она путемъ наслѣдованія или купли принадлежитъ. Но что больше и дѣйствительнѣе всего можетъ обезпечить спокойное обладаніе собственностью? Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ третьемъ и главномъ нашемъ желаніи—въ томъ, *чтобы порядокъ ни въ какомъ случаѣ нарушенъ не былъ.*

«И дѣйствительно, разсматривая «порядокъ» съ точки зрѣнія полнаго и гармоническаго соотвѣтствія всѣхъ частей цѣлаго, мы безъ труда найдемъ, что въ немъ одномъ заключается зиждительная государственная сила. Онъ даетъ намъ обезпеченіе и ограду; съ одной стороны, онъ успокаиваетъ и проливаетъ утѣшеніе въ сердце труженика; съ другой—устрашаетъ и полагаетъ препону тунеядцу, ищущему безъ труда воспользоваться плодами рукъ своего ближняго; онъ поощряетъ гражданина скромнаго, вѣрнаго и преданнаго, и угрожаетъ карой гражданину наглому, безпокойному и преданному анархическимъ стремленіямъ.

«Итакъ, мы всѣ желаемъ порядка—это несомнѣнно; но для того, чтобы достигнуть этой дорогой для насъ цѣли, что должны мы сдѣлать, читатель? И на это есть отвѣтъ очень простой: мы должны всѣ вообще и соединенными силами содѣйствовать просвѣщенному начальству въ его благихъ стремленіяхъ къ прекращенію безпорядковъ. Знаемъ, что вошло въ обычай и даже сдѣлалось какъ бы модой обвинять начальство въ тѣхъ неустройствахъ, которыхъ мы, къ сожалѣнію, нерѣдко бываемъ свидѣтелями. Но справедливо ли это? Сойдемте въ глубину нашей совѣсти, испо-

Digitized by Google

вѣдуемте самихъ себя: исполняемъ ли мы, общество, какъ слѣдуетъ, наши обязанности въ отношеніи къ начальству? Мы, конечно, могли бы въ отвѣтъ на это привести великое множество фактовъ, очень знаменательныхъ, но... на сей разъ умолкаемъ.

«Однакоже, умолкаемъ лишь на время. А покуда попросимъ читателя поразмыслить надъ нашимъ настоящимъ обращеніемъ: быть-можетъ, ему удастся разрѣшить кое-что и безъ нашей помощи».

Когда Митенькѣ принесли нумеръ вѣдомостей, въ которомъ была напечатана эта статья, то онъ, не развертывая, подалъ его правителю канцеляріи и сказалъ:

— Вотъ мой публицистъ!

VI.

Дни идутъ за днями, а Митенька все болтаетъ.

Всѣ его оставили, всѣ избѣгаютъ. Баронесса ощущаетъ нервные припадки при одномъ его имени; супругъ ея говоритъ: «этотъ человѣкъ испортилъ мою Marie!» и безъ церемоніи называетъ Митеньку наѣзжею слякотью; обыватели, завидѣвши его на улицѣ, поспѣшно перебѣгаютъ на другую сторону; долго крѣпился правитель канцеляріи, но и тотъ, наконецъ, не выдержалъ и подалъ въ отставку.

— Я васъ рѣшительно не понимаю, Разумникъ Семенычъ!—сказалъ ему Козелковъ, когда тотъ объяснилъ предметъ своего прошенія.

— Имѣю желаніе отдохнуть-съ.

— Помилуйте! теперь такое время... съ одной стороны, земскія учрежденія, съ другой стороны, внѣшнія и внутреннія неурядицы...

— Не въ мѣру, вашество, притѣснять меня изволите!

— Я васъ притѣсняю? я?

— Предика эта... каждый день-съ!

Правитель канцеляріи даже побагровѣлъ отъ изступленія при этомъ воспоминаніи.

— Но, согласитесь сами, долженъ же я убѣдиться, что вы поняли мою мысль!

— Имѣю желаніе отдохнуть-съ!

— Странно!

Митенька съ горечью швырнулъ прошеніе на столъ.

— Будетъ сдѣлано распоряженіе-съ,—сказалъ онъ сухо и расшаркнулся.

Digitized by Google

Когда правитель канцеляріи вышелъ, Митенька раздумался.

«Вотъ, — думалъ онъ: — человѣкъ, который отчасти уже понялъ мою мысль—и вдругъ онъ оставляетъ меня, и когда оставляетъ? — въ самую рѣшительную минуту! Въ ту минуту, когда у меня все созрѣло, когда планъ кампаніи былъ уже начертанъ, и только оставалось, такъ сказать, со всѣхъ сторонъ ринуться, чтобъ овладѣть!»

Митенька въ одну минуту одѣлся и полетѣлъ въ губернское правленіе съ секретною цѣлью застать членовъ врасплохъ и сразу обдать ихъ потокомъ своего краснорѣчія. Тѣ такъ и ахнули.

— Господа! — сказалъ онъ, засѣвши въ кресло: — я желалъ бы, чтобы вы поняли мою мысль. Покуда мы будемъ тянуть въ разныя стороны: я въ одну, а вы въ другую— до тѣхъ поръ, говорю я, управленіе у насъ идти не можетъ! Быть-можетъ, вы захотите знать, чего я желаю? — въ такомъ случаѣ, прошу разъ навсегда, выслушайте меня внимательно и запомните, что я вамъ скажу. Желанія мои болѣе нежели скромны; я желаю, чтобы у меня процвѣтала промышленность, чтобы священное право собственности было вполнѣ обезпечено и чтобы порядокъ, ни подъ какимъ видомъ, нарушенъ не былъ. Вотъ программа, съ которою я вступилъ на поприще административной дѣятельности. Конечно, программа эта обширна, даже, смѣю сказать, слишкомъ обширна; конечно, она обнимаетъ собой всѣ, такъ сказать, нервы общественнаго благоустройства; но, съ другой стороны, развѣ вы не имѣете во мнѣ совѣтника, всегда готоваго разрѣшить всѣ ваши недоумѣнія? развѣ вы не имѣете во мнѣ всегда вѣрную и надежную опору? Господа! я ничего болѣе не желаю, кромѣ того, чтобы вы поняли мысль мою и приняли ее къ соображенію. Все остальное я беру на себя. Излишнимъ считаю повторять вамъ, что я, съ своей стороны, всегда готовъ ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ за достойнѣйшихъ. Вы знаете, что въ этомъ отношеніи я твердо держу свое слово. Прощайте.

Это было послѣднее словесное торжество Митеньки. Онъ изнемогъ подъ бременемъ собственнаго своего краснорѣчія и вечеромъ почувствовалъ себя дурно, а къ ночи уже бредилъ.

— Доврался-таки! — говорилъ Иванъ съ укоризною, когда Митенька, весь въ огнѣ, показывалъ уже признаки горячечнаго состоянія.

Digitized by Google

— Ты пойми мою мысль, болванъ! — отвѣчалъ ему Митенька. — Я чего желаю? Я желаю, чтобы у меня процвѣтала промышленность, чтобы поля были тщательно удобрены, но чтобы въ то же время порядокъ ни подъ какимъ видомъ нарушенъ не былъ!

И вдругъ, среди самаго, повидимому, мирнаго настроенія мысли, онъ вскочилъ, какъ озаренный, и не своимъ голосомъ закричалъ:

— Раззорю!

VII.—Сомнѣвающійся.

«Онъ» началъ задумываться почти внезапно.

Видъ задумывающагося человѣка вообще производитъ тягостное впечатлѣніе; но когда видишь задумывающагося помпадура, то дѣлается не только тяжело, но даже неловко. И тутъ, и тамъ — тайна; но въ первомъ случаѣ — тайна, отъ которой никому ни тепло, ни холодно; во второмъ — тайна, къ которой всякій невольнымъ образомъ чувствуетъ себя прикосновеннымъ. Эта послѣдняя тайна очень мучительна, ибо неизвѣстно, что̀ именно она означаетъ: сомнѣніе или рѣшимость?

Если задумчивость имѣетъ источникомъ сомнѣніе, то она для обывателей выгодна. Сомнѣніе (на помпадурскомъ языкѣ) — это не что иное, какъ разбродъ мыслей. Мысли бродятъ, какъ въ лѣтнее время мухи по столу: побродятъ-побродятъ и улетятъ. Сомнѣвающійся помпадуръ — это простой смертный, предпринявшій ревизію своей души; а такъ какъ мѣстопребываніе послѣдней неизвѣстно, то и выходитъ пустое дѣло.

Совсѣмъ другого рода задумчивость, предшествующая рѣшимости: это задумчивость полная содержанія, но содержанія неизвѣстнаго, угрожающаго. А такъ какъ исторія слишкомъ рѣдко представляетъ примѣры помпадуровъ сомнѣвающихся, то и обыватели охотнѣе истолковываютъ помпадурскую задумчивость рѣшимостью, нежели сомнѣніемъ. Задумался — значитъ вознамѣрился нѣчто предпринять. Что̀ именно?

На этотъ разъ, однакожъ, содержаніе задумчивости составляло сомнѣніе. Вчера еще онъ былъ полонъ силы и вѣры—и вдругъ усомнился.

Изъ объясненій съ правителемъ канцеляріи онъ совершенно случайно узналъ, что существуетъ законъ, который въ извѣстныхъ случаяхъ разрѣшаетъ, въ другихъ — свя-

Digitized by Google

зываетъ. И до того времени ему, конечно, было небезызвѣстно, что законъ есть, но онъ представлялъ его себѣ въ видѣ переплетенныхъ книгъ, стоящихъ въ шкапу. Когда эти книги валялись по столамъ и имѣли разорванный и замасленный видъ, то онъ называлъ это безпорядкомъ; когда онѣ стояли чинно на полкѣ, онъ былъ убѣжденъ, что порядокъ у него въ лучшемъ видѣ. Но разрѣшающей или связывающей силы закона онъ не зналъ, и даже скорѣе предполагалъ, что законъ есть не что иное, какъ дивирамбъ, сочиненный на пользу и въ поощреніе помпадурамъ. И такъ какъ онъ былъ человѣкъ скромный и всегда краснѣлъ, когда его въ глаза хвалили, то понятно, что онъ не особенно любилъ заглядывать въ законы.

И вотъ, въ одно прекрасное утро, когда онъ предположилъ окончательно размахнуться, правитель канцеляріи объявилъ ему о существованіи закона, который маханію руками поставляетъ извѣстные предѣлы.

— Возьмемъ хоть бы лозу, — сказалъ онъ: — есть случаи, въ которыхъ дѣйствіе ея признается полезнымъ, и есть другіе, въ которыхъ дѣйствіе сіе совсѣмъ не допущается-съ.

— Что-жъ, вы, что ли, будете указывать мнѣ, когда можно и когда нельзя? — спросилъ «онъ» нѣсколько иронически.

— Не я-съ, а законъ-съ.

— Весьма любопытно.

На этотъ разъ разговоръ исчерпался; но въ то же утро, придя въ губернское правленіе и проходя мимо шкапа съ законами, помпадуръ почувствовалъ, что его нѣчто какъ бы обожгло. Подозрѣніе, что въ шкапу скрывается змій, уже запало въ его душу и породило какое-то странное любопытство.

Что заключается въ этихъ томахъ, глядящихъ корешками наружу? Какимъ слогомъ написано то, что тамъ заключается? Употребляются ли слова, въ родѣ: «закатить», «влѣпить», которыя онъ считалъ совершенно достаточными для отправленія своего несложнаго правосудія? Или, быть-можетъ, тамъ стоятъ совершенно другія слова? И точно ли тамъ заключается это странное слово «нельзя», которое, съ самой минуты своего вступленія въ помпадуры, онъ считалъ упраздненнымъ, и о которомъ такъ не въ пору напомнилъ ему правитель канцеляріи?

Все это было до такой степени любопытно, что, не-

Digitized by Google

смотря на то, что онъ всячески старался не выказать своего безпокойства, но подъ конецъ не выдержалъ-таки и, какъ-то боязливо улыбаясь, обратился къ правителю канцеляріи:

— А ну-те-съ: желаю я, напримѣръ, подвергнуть тѣлесному наказанію мѣщанина Прохорова... какъ-съ, разрѣшите вы мнѣ или нѣтъ?

— Мнѣ что же-съ! Не я, а законъ-съ?

— Ну, положимъ, хоть бы и законъ-съ?

Правитель канцеляріи направился-было къ шкапу, но на полдорогѣ остановился.

— Келейно высѣчь-съ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не келейно, а какъ слѣдуетъ... по закону-съ!

Правитель канцеляріи раскрылъ томъ и показалъ статью о лицахъ, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія.

«Онъ» прочиталъ однажды; потомъ какъ-то механически повторилъ прочитанное по складамъ. На него вдругъ пахнуло чѣмъ-то совершенно новымъ и неожиданнымъ.

— А въ указѣ, который по сему предмету изданъ былъ, даже прямо истолковано,—объяснялъ, между тѣмъ, правитель канцеляріи:—что мѣщане потому отъ тѣлеснаго наказанія изъемлются, что они, какъ образованные, имѣютъ больше чувствительности...

— А въ какомъ университетѣ Прохоровъ образованіе получилъ?

— Какое образованіе-съ!.. просто дикій человѣкъ-съ!

— Влѣпить ему!

Никогда «онъ» не былъ въ такомъ возбужденномъ состояніи духа. Опасность, казалось, придала ему крылья и превратила предназначенную Прохорову казнь въ какую-то личную противъ него месть. При обыкновенномъ ходѣ вещей Прохоровъ, быть-можетъ, былъ бы отпущенъ съ однимъ внушеніемъ; теперь же онъ представлялъ собою врага, на которомъ должна была найти себѣ примѣненіе первая изъ помпадурскихъ доблестей: презрѣніе къ опасностямъ. До сихъ поръ, не сомнѣваясь въ диѳирамбическомъ содержаніи закона, помпадуръ руководился исключительно инстинктомъ и потому размахивался лишь въ такихъ случаяхъ, когда того требовала его широкая натура. Теперь эта самая широкая натура, разожженная непредвидѣннымъ препятствіемъ, выступила разомъ со всѣми своими правами и какъ бы подсказывала ему: да докажи ты ему, милый человѣкъ, каково-таково существуетъ въ пользу его изъятіе!

Digitized by Google

— Не позволите ли келейно-съ?—докладывалъ встревоженный правитель канцеляріи.—Все одно свою порцію получитъ-съ!

Но «онъ» уже не слушалъ, а съ какою-то дурной ироніей повторялъ:

— Нѣтъ, по закону-съ! Я—по закону-съ! Не отступая-съ... ни на шагъ-съ... ни на волосъ-съ!

И затѣмъ приготовился выйти изъ присутствія, но въ дверяхъ, какъ бы вспомнивъ нѣчто, опять повернулся всѣмъ корпусомъ и твердымъ голосомъ произнесъ:

— Влѣпить-съ!

Очевидно было, однакожъ, что это былъ послѣдній, почти насильственный взрывъ темперамента, не вѣдавшаго узды. Мысль была ужъ возбуждена, и ежели не осадила человѣка сразу, то въ ближайшемъ будущемъ должна была выйти побѣдительницей.

Мучимый любопытствомъ, онъ напрасно старался подавить тревожное чувство, овладѣвшее всѣмъ существомъ его. Онъ дурно обѣдалъ, дурно спалъ послѣ обѣда. Работа разложенія дѣлала свое дѣло, и прежнее прочное и цѣльное міросозерцаніе терпѣло видимые ущербы. До сихъ поръ онъ относился къ встрѣчающимся въ природѣ разновидностямъ почти безсознательно, какъ къ созданію своего внутренняго *я*. И вдругъ оказывается, что разновидности существуютъ въ природѣ вполнѣ независимо отъ личныхъ его вкусовъ и даже предъявляютъ претензію на обязательное ихъ признаніе.

«Изъ сего изъемлются»... Эти слова онъ видѣлъ самъ, собственными глазами, и чѣмъ больше вдумывался въ нихъ, тѣмъ больше они его поражали. Первая степень изумленія формулировалась такъ: «отчего же я этого не зналъ?» Во второй степени формула уже усложнялась и представлялась въ такомъ видѣ: «отчего же, несмотря на несомнѣнность изъятій, я всегда дѣйствовалъ такъ, какъ бы ихъ не существовало, и никакого ущерба отъ того для себя не получалъ?»

Это былъ вопросъ настолько для него существенный, что онъ даже предложилъ его правителю канцеляріи.

— До поры, до времени-съ, — уклончиво отвѣчалъ послѣдній:—вотъ и Филиппъ Филиппычъ (предмѣстникъ помпадура) тоже блаженствовали, да пріѣхалъ ревизоръ-съ...

— Позвольте! не объ этомъ васъ спрашиваютъ. Ревизоръ—это само собою. Это—коли и я захочу: пріѣду и пре-

Digitized by Google

кращу. Но вѣдь вы говорите, что они, эти изъятія-то, всегда существуютъ и существовали?

— Всегда-съ.

— Не въ ревизорѣ, а въ законѣ... вотъ здѣсь, у васъ въ шкапу?

— Точно такъ-съ.

— Почему же?!

Онъ выпрямился во весь ростъ, какъ бы говоря: ты видишь, однако, что я до сихъ поръ живёхонекъ!

— То-то, все до поры, до времени-съ.

Отвѣтъ этотъ, однакожъ, не удовлетворилъ его, потому что правитель канцеляріи только представлялъ центръ тяжести: отъ помпадура къ ревизору. А ему хотѣлось знать, какимъ образомъ этотъ центръ тяжести, будучи первоначально заключенъ въ шкапу съ законами, вдругъ оттуда исчезъ, а теперь, въ роли непомнящаго родства, перебѣгаетъ отъ помпадура къ ревизору, а отъ ревизора опять къ помпадуру.

— Дуракъ!—сказалъ онъ рѣзко.

Правитель слегка зарумянился и уткнулся въ бумагу.

Онъ это замѣтилъ и поспѣшилъ поправиться.

— Извините, пожалуйста, я погорячился. Постараемтесь привести это дѣло въ ясность. Итакъ, вы утверждаете, что изъятія существуютъ?

— Существуютъ-съ.

— Что они не могутъ быть ни отмѣнены, ни измѣнены? Что и я, и ревизоръ, и чортъ, и дьяволъ—всѣ одинаково обязаны имѣть ихъ въ виду и соображаться съ ними? Такъ, что ли?

— Точно такъ-съ.

— Почему-жъ?!

Онъ опять выпрямился во весь ростъ, какъ бы спрашивая: да почему-жъ я до сихъ поръ живъ-живёхонекъ?

— Все до поры до времени-съ...

— Садитесь!

Загадка не давалась, какъ кладъ. На всѣ лады переворачивалъ онъ ее, и все оказывалось, что онъ кружится какъ бѣлка въ колесѣ. Съ одной стороны складывалось такъ: ежели эти изъятія, о которыхъ говоритъ правитель канцеляріи,—изъятія солидныя, то, стало-быть, мнѣ матъ. Съ другой стороны выходило и такъ: ежели я никакихъ изъятій никогда не зналъ и не знаю, и за всѣмъ тѣмъ чувствую себя совершенно хорошо, то, стало-быть, матъ изъятіямъ.

Digitized by Google

Что правитель смѣшалъ тутъ два предмета совершенно разнородныхъ: ревизора и шкапъ съ законами—это было для него ясно. Что̀ такое ревизоръ? Это человѣкъ, сложенный изъ такого же матеріала, какъ и онъ, помпадуръ. Это—помпадуръ въ квадратѣ,—и ничего больше. Онъ приступаетъ къ дѣлу съ такими же голыми руками, какъ и самый послѣдній изъ помпадуровъ. Онъ можетъ знать, что̀ происходитъ въ шкапу съ законами, но можетъ и не знать—дѣло отъ того отнюдь не пострадаетъ. Онъ тоже ограниченъ словами: «до поры, до времени» и, стало-быть, въ свою очередь, долженъ состоять въ непрерывномъ опасеніи другого ревизора. Этотъ послѣдній будетъ уже помпадуръ въ кубѣ, но, все-таки, не болѣе какъ помпадуръ, имѣющій въ виду грядущаго вдали помпадура четвертой степени. Какое же отношеніе ко всему этому можетъ имѣть шкапъ съ законами?

Но, быть-можетъ, въ этомъ шкапу заключался не самый источникъ «поры» и «времени», а только тотъ матеріалъ, который давалъ возможность въ удобный, по усмотрѣнію, моментъ опредѣлить «пору» и «время»? Это ли хотѣлъ сказать правитель канцеляріи?

Вѣроятнѣе всего, послѣдній именно такъ и разумѣлъ это дѣло. Онъ былъ слишкомъ опытенъ въ обращеніи съ шкапами, чтобы видѣть въ нихъ что-нибудь больше, нежели простые шкапы. За бытность его въ этой должности, передъ глазами его преемственно прошло до десятка помпадуровъ, и всѣ они исчезли какъ дымъ, именно въ силу правила: до поры, до времени. Въ этомъ правилѣ заключалась, по мнѣнію его, вся жизнь. Онъ распространялъ его не только на помпадуровъ, но и на всю природу, на все окружающее. Видѣлъ ли онъ беззавѣтное ликованіе, или осторожность, доходящую до трепета, онъ говорилъ: «до поры, до времени», и всегда оказывался пророкомъ. На ликующаго человѣка набѣгалъ помпадуръ и съ словами: «ты что̀ горло-то распустилъ?»—приказывалъ взять его въ часть. Тотъ же помпадуръ набѣгалъ и на осторожнаго человѣка, и съ словами: «прятаться, что ли, ты отъ меня хочешь?»—тоже приказывалъ взять его въ часть. Даже и самого себя правитель канцеляріи не исключалъ изъ этого правила, и зналъ, что и для него придетъ пора и время.

Но здѣсь онъ былъ непослѣдователенъ и вмѣсто того, чтобы ждать бодро и твердо наступленія своего часа, уклонялся, лавировалъ и всячески старался объ его отдаленіи.

Digitized by Google

Инстинктъ самосохраненія былъ слишкомъ силенъ, именно тотъ инстинктъ, который заставляетъ осужденнаго на казнь питать надежды, которымъ никогда не суждено сбыться. Подстрекаемый этимъ инстинктомъ, онъ обращалъ тоскливые взоры къ шкапу съ законами и какъ бы выжидалъ отъ него защиты. Онъ зналъ, что ожиданія его тщетны,—и, все-таки, ждалъ. Это была слабая сторона его философіи, почти отрицаніе ея, и нельзя сказать, чтобъ онъ не понималъ этого. Иногда огораживаніе себя отъ преждевременнаго наступленія «часа» требовало отъ него такихъ усилій, что онъ даже помышлялъ бросить это дѣло. «Брошусь, да и поплыву по всему раздолью, какъ прочіе!»—раздумывалъ онъ; но инстинктъ самосохраненія такъ и зудилъ, такъ и нашептывалъ: «погоди, можетъ-быть, и завтра живъ будешь!» И такимъ образомъ онъ жилъ, питая, съ одной стороны, твердое упованіе, что «часъ» неизбѣженъ, съ другой—ободряя себя смутною надеждою, не придетъ ли къ нему въ этотъ страшный моментъ на выручку шкапъ съ законами.

Помпадуръ понялъ это противорѣчіе, и для начала призналъ безусловно-вѣрною только первую половину письмоводителевой философіи, то-есть, что на свѣтѣ нѣтъ ничего безусловно-обезпеченнаго, ничего такого, что не подчинялось бы закону поры и времени. Онъ обнялъ совокупность явленій, лежавшихъ въ районѣ его духовнаго ока, и вынужденъ былъ согласиться, что весь міръ стоитъ на этомъ краеугольномъ камнѣ. «Все тутъ-съ». Придя къ этому заключенію и примѣняя его спеціально къ обывателю, онъ даже расчувствовался.

— Вѣдь вотъ,—говорилъ онъ самъ съ собою:—у него даже минуты нѣтъ... совсѣмъ безопасной! Возьмемъ, напримѣръ, хоть меня. Ну, ревизоръ, ну, тамъ чортъ-дьяволъ... конечно, это въ своемъ родѣ моментъ! Но вѣдь не свалится же онъ ко мнѣ какъ камень на голову. Все же предупредятъ какъ-нибудь; цидулочку, по секрету, добрый человѣкъ напишетъ: ѣдетъ, молъ. Ну, вотъ тогда хоть бы этого самаго Прохорова на время и убрать можно, чтобы ревизору въ глаза не кинулся. Да и самый ревизоръ — вѣдь онъ тоже помпадуръ! Развѣ ему эти чувства не извѣстны? Стало-быть, можно и разговоръ съ ними повести. А обыватель? кто его предупредитъ? и что онъ предпринять можетъ? Для него всегда «пора» и всегда «время». Завсегда онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ. Онъ думаетъ кусокъ до рта донести, анъ тутъ пришла «пора»—и полетѣлъ кусокъ на полъ. Вотъ-съ.

Digitized by Google

Богъ-вѣсть, куда привело бы его это грустное настроеніе мыслей, если-бъ онъ не сознавалъ, что вопросъ долженъ быть разрѣшенъ, помимо сентиментальныхъ соображеній, лично для него самого. И онъ приступилъ къ этому разрѣшенію прямо, безъ колебаній.

— Если пора и время неизбѣжны,—размышлялъ онъ:— то, стало-быть, нечего объ нихъ и думать. Существованіе ихъ равняется несуществованію, ибо необезпеченность, возведенная въ принципъ, вполнѣ равняется обезпеченности. Omnia mea mecum porto—что съ меня возьмешь! Если я совсѣмъ-совсѣмъ не обезпеченъ, то это значитъ, что я обезпеченъ вполнѣ. *Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ*,— и ничего больше. Сегодня я помпадуръ, стою прямо и бодро; завтра явился помпадуръ въ квадратѣ—прилетѣлъ и переломилъ. *Гдѣ пиршествъ раздавались крики, надгробные тамъ воютъ лики*,—вотъ и все.

— Да-съ, все-съ,—повторилъ онъ уже вслухъ, и это теченіе мыслей было бы крайне для него благопріятно, если-бъ оно не было разстроено однимъ совершенно случайнымъ обстоятельствомъ.

Дѣло въ томъ, что, разгуливая безпокойно по комнатѣ, онъ какъ разъ налетѣлъ на шкапъ съ законами.

— Вотъ гдѣ «пора» и «время»!—шепнулъ ему какой-то таинственный голосъ.

— Вздоръ-съ!—заревѣлъ онъ во все горло въ отвѣтъ этому предостереженію, но тутъ же сконфузился и поблѣднѣлъ.

Инстинктъ самосохраненія, уже испортившій цѣльность міросозерцанія письмоводителя, вспыхнулъ и въ немъ.

Онъ судорожно схватилъ въ руки томъ и началъ его перелистывать. Что онъ тамъ увидѣлъ! Боже! что онъ увидѣлъ!

Онъ увидѣлъ, что вся жизнь человѣческая предусмотрѣна и опредѣлена. Все, начиная съ питанія и кончая просвѣщеніемъ и обязанностью устраивать фабрики и заводы и содержать въ исправности мосты и перевозы. На все—подробное правило, и за неисполненіе каждаго правила—угроза. Ему, ему... угроза! Да, и ему. И его жизнь предусмотрѣна и опредѣлена, и она обставлена многосложнѣйшими обязанностями и отношеніями. Онъ былъ центромъ, около котораго группировались: и обывательское продовольствіе, и обывательская нравственность, и просвѣщеніе, и торговля. И всему этому присвоялось названіе «обязан-

Digitized by Google

ностей», но отнюдь не «правъ». Правда, что для выполненія этихъ обязанностей онъ былъ вооруженъ угрозою, но размѣры этой угрозы также были опредѣлены заранѣе и выходить изъ этихъ размѣровъ представлялось не безопаснымъ.

«Воспрещается», «вмѣняется въ обязанность»—вотъ выраженія, съ которыми онъ совершенно неожиданно вынужденъ былъ познакомиться. Ни «закатить», ни «влѣпить»—ничего подобнаго. Прохоровъ же былъ «изъятъ» несомнѣнно.

Онъ былъ подавленъ, уничтоженъ. Тѣмъ не менѣе, капризная мысль его и тутъ не измѣнила своему обычному характеру. Онъ не сказалъ себѣ:—вотъ какое бремя лежитъ на мнѣ, безвѣстномъ кадетѣ, выбравшемся въ помпадуры! вотъ съ чѣмъ надлежало мнѣ познакомиться, прежде чѣмъ расточать направо и налѣво: «влѣпить» да «закатить»!—но вскочилъ, какъ ужаленный, и съ какимъ-то горькимъ, нервнымъ смѣхомъ воскликнулъ:

— Послѣ этого... послѣ этого... зачѣмъ же мы, помпадуры, нужны?!

«Нужны ли помпадуры»? Неотразимая ясность этого вопроса оскорбляла нашего помпадура до крови. И всего больнѣе при этомъ было то, что оскорбленіе шло изнутри, что онъ самъ, своею неумѣренною пытливостью, вызвалъ его.

Съ этой минуты горькое чувство окрасило все его существованіе. Прямого врага не было, но чувствовалось по всему, что врагъ этотъ существуетъ, что онъ невидимо сопутствуетъ всюду, во всякое время. Явилась страстная потребность полемизировать; но когда полемика воспріяла начало, то оказалось, что она имѣетъ характеръ косвенный, робкій. Въ ея ироніи не сказывалось свободы; ея дерзость проявлялась порывами и свидѣтельствовала о напряженномъ состояніи душевныхъ силъ. Проходя мимо шкапа, онъ улыбался и дѣлалъ головой ироническій жестъ, но даже мало-проницательный человѣкъ могъ догадаться, что и улыбкой, и жестомъ онъ только обманываетъ самого себя. Съ такою неувѣренностью улыбается человѣкъ передъ врагомъ, котораго онъ имѣетъ причины опасаться, но передъ которымъ считаетъ, однакожъ, нужнымъ слегка похорохориться. Какъ-то сойдетъ ему съ рукъ эта улыбка? Пройдетъ ли врагъ мимо, не замѣтивъ ея, или же замѣтитъ и тутъ же за нее покараетъ?

Онъ начиналъ полемизировать съ утра. Когда онъ при-

Digitized by Google

ходилъ въ правленіе, первое лицо, съ которымъ онъ встрѣчался въ передней, былъ неизмѣнный мѣщанинъ Прохоровъ, подобранный въ безчувственномъ видѣ на улицѣ и посаженный въ часть. Въ прежнее время свиданіе это имѣло, въ глазахъ помпадура, характеръ обычая и заканчивалось словомъ: «влѣпить!» Теперь на первый планъ выступила полемика, то-есть терзаніе, отражающееся не столько на Прохоровѣ, сколько на самомъ помпадурѣ.

— Ну-съ, господинъ Прохоровъ, что скажете?—начинаетъ онъ, останавливаясь передъ безобразнымъ малымъ съ отекшимъ лицомъ и налитыми кровью глазами.

— Виноватъ, ваше благородіе!

Горькая улыбка появляется на лицѣ помпадура.

— Что же-съ... съ Богомъ! Будто вы не знаете, что вы изъятые!.. Да-съ, изъятые. Это не я говорю, а законъ-съ. По случаю вашей образованности-съ...

— Ваше высокоблагородіе! помилосердствуйте! Съ нынѣшняго дня даже зарокъ себѣ положилъ.

— Зачѣмъ же зарокъ-съ, кушайте! Въ прежнее время я васъ за это по спинѣ глаживалъ, а теперь... законъ-съ! Да что же вы стоите, образованный молодой человѣкъ? Стулъ господину Прохорову! По крайности, посмотрю я, какъ ты, к-к-каналья, сидѣть передо мной будешь!

Онъ не выдерживаетъ роли и, хлопнувъ дверью, весь кипящій и колышущійся, входитъ въ канцелярскую камору. Но тамъ ожидаютъ его новые поводы для полемики: журналы, исходящія бумаги, нераспечатанная почта и проч.

— Зачѣмъ вы всю эту чепуху на столъ ко мнѣ навалили?—обращается онъ къ правителю, указывая на ворохъ.

— Бумаги-съ...

— Знаю, что бумаги. Да вѣдь вы говорили, что есть законъ?

— Точно такъ-съ.

— Слѣдственно, и докладывайте ихъ господину закону, а меня отъ каверзъ увольте!

Правитель безпокойно слѣдитъ за его тѣлодвиженіями.

— Я теперь такъ поступать буду,—продолжалъ ораторствовать помпадуръ:—что бы тамъ ни случилось—законъ. Пѣшкомъ человѣкъ идетъ—покажи законъ! въ телѣгѣ ѣдетъ—законъ! Я васъ дойму, милостивый государь, этимъ закономъ! Вонъ онъ! вонъ онъ!—восклицаетъ онъ, завидѣвъ изъ окна мужика, ѣдущаго на базаръ.—Съ огурцами на базаръ ѣдетъ! гдѣ законъ? Остановить его!

Digitized by Google

— Не возбраняется-съ.

— Гдѣ сказано: «не возбраняется»? Покажите!

Правитель краснѣетъ и извивается, какъ вьюнъ на сковородѣ. Къ счастью, помпадуръ, исчерпавъ одинъ предметъ, уже чувствуетъ потребность перейти къ другому.

— Вонъ у меня на пожарномъ дворѣ всѣ рукава у трубъ ссохлись,—говоритъ онъ:—посмотримъ, какъ-то починитъ ихъ господинъ законъ!

Водворяется временное молчаніе. Правитель канцеляріи садится на мѣсто и тихо поскрипываетъ перомъ. Самъ помпадуръ, нѣсколько успокоенный, останавливается передъ зерцаломъ и вглядывается въ вклеенные по бокамъ его указы. Но, увы! онъ не только не извлекаетъ изъ нихъ никакихъ поученій, но, напротивъ того, съ какимъ-то безконечно-горькимъ упрекомъ произноситъ:

— Ты!!

Бумаги, однакожъ, не ждутъ. Какъ ни постылы кажутся ему онѣ въ настоящую минуту, но онъ, волей-неволей, садится къ столу и начинаетъ съ ожесточеніемъ распечатывать одинъ пакетъ за другимъ.

— И зачѣмъ они мнѣ предписываютъ! — восклицаетъ онъ.—Знаютъ, что есть законъ—ну, и предписывали бы закону! Анъ нѣтъ—все ко мнѣ да ко мнѣ!

Слышится шелестъ бумаги и бормотаніе: «предписывается вамъ», «велѣть ему, помпадуру», «неотложно», «немедленно», «подъ опасеніемъ взысканія по законамъ»...

— Я вамъ говорю!—придирается онъ къ правителю канцеляріи.

— Что изволите приказать-съ?

— Я не приказываю, а говорю. Приказываетъ законъ, а я только говорю. Я спрашиваю васъ: зачѣмъ они мнѣ предписываютъ, коли законъ есть?

— Потому собственно...—оправдывается правитель, но оправданіе его выходитъ неловкое, спутанное.

Правитель канцеляріи самъ чувствуетъ эту неловкость. Случайно заѣхавши кутерьму, онъ сталъ втупикъ при видѣ бездны противорѣчій, въ которую ввергло его совмѣстное существованіе закона и помпадура.

— Садитесь.

Помпадуръ подмахиваетъ одну бумагу за другой, но однажды начатая работа мысли уже не покидаетъ его. Онъ смутно сознаетъ, что объясненія ему ждать неоткуда. По крайней мѣрѣ, онъ найдетъ его не здѣсь, не въ стѣнахъ

Digitized by Google

канцелярской каморы. Эти стѣны положительно начинаютъ давить его. Пространство, окруженное ими, кажется ему заколдованнымъ кругомъ, въ который не можетъ пробраться ни одинъ простой и ясный отвѣтъ. Здѣсь все заколочено наглухо, все смотритъ упрекомъ, все допрашиваетъ, язвитъ, загадываетъ загадки и тутъ же бросаетъ эти загадки безъ всякой попытки къ ихъ разрѣшенію. Гдѣ взять это разрѣшеніе? гдѣ искать его?

Онъ еще въ кадетскомъ корпусѣ слышалъ, что есть на свѣтѣ явленіе, именующееся «борьбою съ закономъ». Что многіе боролись успѣшно, но многіе же и изнемогали въ этой борьбѣ. Такъ, напримѣръ, одинъ губернаторъ болѣе двухъ десятилѣтій боролся, и даже чуть-было не побѣдилъ, но пріѣхалъ ревизоръ и сразу заставилъ побѣдителя положить оружіе. Минута этого плѣненія губернаторскаго была страшною минутой для многихъ. Помпадуры гибли десятками; зеркальная поверхность административнаго моря возмутилась почти мгновенно; униженные и оскорбленные подняли голову, ликующіе и творящіе расправу опустили ее долу; такъ-называемые ябедники выползли изъ своихъ норъ и продерзостно называли себя представителями общественной совѣсти. Крушеніе было общее.

Роль борющагося съ законами человѣка имѣла свою привлекательность, и очень можетъ быть, что въ другое время онъ охотно остановился бы на ней. Но, во-первыхъ, онъ понималъ, что бороться (успѣшно или неуспѣшно) могутъ только очень сильные люди, и что ему, безвѣстному помпадуру Богъ-вѣсть которой степени, предоставлена въ этомъ случаѣ лишь мелкая полемика, которая ни къ чему другому не можетъ привести, кромѣ изнуренія. Во-вторыхъ, онъ зашелъ уже слишкомъ вглубь вопроса, чтобы увлечься какою-нибудь эпизодическою подробностью, какъ бы блестяща она ни была. Его занимало совсѣмъ не то, что борьба возможна, а то, *въ силу чего она возможна,* и почему для однихъ она оканчивается лаврами, а для другихъ—постыднымъ бѣгствомъ въ отставку и даже подъ судъ. Что-нибудь изъ двухъ: либо законъ, либо онъ, помпадуръ. Такъ, по крайней мѣрѣ, представлялось это дѣло его пониманію. Если законъ можетъ умиротворить мѣщанина Прохорова—пускай и умиротворитъ; если законъ можетъ исправить ссохшіеся рукава у пожарныхъ трубъ—пускай и исправитъ!

— Пускай-съ!—восклицаетъ онъ мысленно.

Digitized by Google

Но если законъ не можетъ не исправить, ни умиротворить, то пусть же онъ и не мѣшаетъ ему, помпадуру, пусть не становится поперекъ его предначертаній.

Неуязвимость этой логики была ясна какъ день.

Но вотъ нить его размышленій прерывается криками, несущимися съ пожарнаго двора. То бунтуетъ Прохоровъ, гребуя, чтобы его рѣшили немедленно. Полемика возобновляется.

— Какъ прикажете?—спрашиваетъ письмоводитель.

— Зачѣмъ вы спрашиваете? Вѣдь вы знаете, что я ничего не могу! Что теперь—*Законъ!* Какъ тамъ написано, такъ тому и быть. Ежели написано: господину Прохорову награду дать—я радъ-съ; ежели написано: влѣпить!—я и противъ этого возраженій не имѣю!

Въ такихъ безрезультатныхъ рѣшеніяхъ проходитъ все утро. Наконецъ, присутственные часы истекаютъ: бумаги и журналы подписаны и сданы; дѣло Прохорова разрѣшается само собою, то-есть изморомъ. Но даже въ этотъ вожделѣнный моментъ, когда вся природа свидѣтельствуетъ о наступленіи адмиральскаго часа, чело его не разглаживается. Въ былое время онъ зашелъ бы передъ обѣдомъ на пожарный дворъ, осмотрѣлъ бы рукава, ящики, насосы; при своихъ глазахъ велѣлъ бы все зачинить и заклепать... Теперь онъ думаетъ: «пускай все это сдѣлаетъ законъ».

Онъ положительно озлобленъ и даже домой идетъ какою-то нервною, оскорбленною походкой.

Къ обѣду является стряпчій, бездомный малый, давно ужъ пріобрѣвшій привычку питаться на счетъ помпадура. Но разговоръ какъ-то не клеится. Первое кушанье съѣдается молча; передъ вторымъ помпадуръ рѣшается пустить въ ходъ мучащую его загадку.

— Давеча мнѣ письмоводитель цѣлую предику насчетъ законовъ прочиталъ,—произноситъ онъ.

— Что же такое?

— Да все насчетъ этой... обязательной силы, что ли...

Стряпчій выпиваетъ рюмку водки и совершенно флегматично отвѣчаетъ:

— Давненько ужъ эти слухи-то ходятъ!

— А по-твоему какъ?

— По-моему, все до поры, до времени.

— Фу! опять это слово! Да пойми же, братецъ, что ежели есть законъ и можетъ этотъ законъ все сдѣлать, такъ при чемъ же я-то въ помпадурахъ состою?

Digitized by Google

— Надоѣло, видно, тебѣ жалованье-то получать!

Помпадуръ пробуетъ продолжать споръ, но оказывается, что почва, на которой стоитъ стряпчій, та самая, на которой держится и письмоводитель, что, слѣдовательно, тутъ можно найти только обходъ и отнюдь не рѣшеніе вопроса по существу. «Либо законъ, либо я», — вотъ какую дилемму поставилъ себѣ помпадуръ, и требовалъ, чтобъ она разрѣшена была прямо, не норовя ни въ ту, ни въ другую сторону.

«Нѣтъ, это все не то!—думалось ему.—Если бы я собственными глазами не видѣлъ: «законъ»—ну, тогда точно! И я бы могъ жалованье получать, и законъ бы своимъ порядкомъ въ шкапу стоялъ. Но теперь вѣдь я видѣлъ, стало-быть, знаю; стало-быть, даже невѣдѣніемъ оттовариваться не могу. Какъ ни поверни, а соблюдать долженъ. А попробуй-ка я соблюдать—да тутъ одинъ Прохоровъ такую задачу задастъ, что ногъ не унесешь!»

Въ такихъ колебаніяхъ и сомнѣніяхъ проходятъ дни за днями. Очень возможно, что онъ и совсѣмъ не добился бы отвѣта на мучившіе его вопросы, если бы внезапно не осѣнила его героическая рѣшимость, которую онъ и привелъ немедленно въ исполненіе.

Рѣшимость эта заключалась въ томъ, чтобы изслѣдовать въ самомъ источникѣ, узнать отъ чистыхъ сердцемъ и нищихъ духомъ (сіи суть столпы), нужны ли помпадуры. Въ какихъ отношеніяхъ находится къ этому источнику практика помпадурская и въ какихъ — практика законовъ? которая изъ нихъ имѣетъ перевѣсъ? въ какомъ смыслѣ — въ смыслѣ ли творческомъ, или просто въ смыслѣ реактива, производящаго баламутъ?

Чтобы осуществить эту мысль, онъ прибѣгнулъ къ самому первоначальному способу, то-есть переодѣлся въ партикулярное платье, и въ первый воскресный день incognito отправился на базарную площадь.

День былъ веселый и базаръ многолюдный; площадь была загромождена возами съ осенними продуктами; говоръ несся отовсюду. Въ воздухѣ пахло капустой, грибами и овощами. Звякали мѣдные гроши, слышалось хлопанье по рукамъ, пробное щелканье глиняной посуды, ржаніе лошадей. Въ одномъ мѣстѣ пѣли пѣсни, въ другомъ ругались; тамъ и сямъ кричали: «караулъ!» Бабы торговались съ такой энергіей, что, казалось, готовы были перервать

Digitized by Google

другъ другу горло. Были и случаи неповиновенія властямъ: будочникъ просилъ у торговки пять грибовъ на щи, а она давала два, и будочникъ качалъ головой, какъ бы обдумывая, не разстрѣлять ли бабу за упорство...

Но помпадуръ ничего не замѣчалъ. Онъ былъ отъ природы не сентименталенъ, и потому вопросъ, счастливы ли подвѣдомственные ему обыватели, интересовалъ его мало. Быть-можетъ, онъ даже думалъ, что они не смѣютъ не быть счастливыми. Поэтому проявленія народной жизни, проходившія передъ его глазами, казались не болѣе какъ фантасмагоріей, ключъ къ объясненію которой, быть-можетъ, когда-то существовалъ, но уже въ давнее время однимъ изъ наѣзжихъ помпадуровъ былъ закинутъ въ колодецъ, и съ тѣхъ поръ никто оттуда достать его не можетъ.

Тѣмъ не менѣе, кое-что изъ происходившаго даже ему бросилось въ глаза.

Прежде всего его поразило слѣдующее обстоятельство. Какъ только онъ сбросилъ съ себя помпадурскій образъ, такъ тотчасъ же всѣ перестали оказывать ему знаки уваженія. Стало-быть, того особаго помпадурскаго вещества, которымъ онъ предполагалъ себя пропитаннымъ, вовсе не существовало; а если и можно было указать на что-нибудь въ этомъ родѣ, то, очевидно, что это «что-нибудь» скорѣе принадлежало мундиру помпадура, нежели ему самому.

Второе поразившее его обстоятельство было такого рода. Шелъ по базару полицейскій унтеръ-офицеръ (даже не квартальный),—и всѣ передъ нимъ разступались, снимали шапки. Вскорѣ, вслѣдъ за унтеръ-офицеромъ, прошелъ по тому же базару такъ-называемый ябедникъ съ томомъ законовъ подъ мышкой, — и никто передъ нимъ даже пальцемъ не пошевелилъ. Стало-быть, и въ законѣ нѣтъ того особливаго вещества, которое заставляетъ держать руки по швамъ; ибо если бы это вещество было, то оно, конечно, дало бы почувствовать себя и подъ мышкой у ябедника.

Стало-быть, вещество заключено собственно въ мундирѣ; взятые же независимо отъ мундира, и онъ, помпадуръ, и законъ—равны.

Заключеніе это вскорѣ было самымъ блистательнымъ образомъ подтверждено и другими изслѣдованіями.

Какъ ни старательно онъ прислушивался къ говору толпы, но слова: «помпадуръ», «законъ» — ни разу не долетѣли до его слуха. Либо эти люди были счастливы сами по себѣ, либо они просто дикіе, не имѣющіе даже элементарныхъ

Digitized by Google

понятій о томъ, что во всемъ образованномъ мірѣ извѣстно подъ именемъ общественнаго благоустройства и благочинія. Долго онъ не рѣшался заговорить съ кѣмъ-нибудь, но, наконецъ, замѣтилъ довольно благообразнаго старика, стоявшаго у воза съ кожами, и подошелъ къ нему.

— Вотъ что, почтеннѣйшій, — началъ онъ: — человѣкъ я пріѣзжій, и нужно мнѣ до вашего градоначальника дойти. Каковъ онъ у васъ?

— Это какой же начальникъ?

— Да вонъ тотъ... главный... что на пожарномъ дворѣ живетъ.

— А кто его знаетъ! надобности намъ въ немъ не видится.

Помпадура даже передернуло при этомъ отвѣтѣ.

— Какъ же это, почтеннѣйшій, до градоначальника — да надобности нѣтъ? А ну, ежели, напримѣръ... что бы, напримѣръ...

Онъ сталъ отыскивать подходящій примѣръ, но какъ ни усиливался — могъ отыскать только слѣдующій:

— А ну, напримѣръ, ежели въ часть попадешь?

— До сихъ поръ Богъ миловалъ. А ежели когда попадемъ, тогда и узнаемъ.

— Но, можетъ-быть, слухи какіе-нибудь ходятъ... Вѣдь это градоначальникъ, почтеннѣйшій! говорятъ же о немъ что-нибудь!

— И слуховъ не знаемъ. Потому ничего намъ этого не надобно.

— Гм!.. Стало-быть, такъ и живете? и ничего не опасаетесь?

— Опасаться какъ не опасаться, завсегда опасаемся, потому что все до поры, до времени.

— Можетъ, закона боишься?

— Говорю тебѣ: до поры, до времени. Выѣдешь это изъ дому хоть бы на базаръ, а воротишься ли домой — впередъ сказать не можешь. Вотъ тебѣ и сказъ. Можетъ-быть, законъ тебѣ пропишутъ, али бы что...

— Странно это. Если ты ведешь себя хорошо, если ты ничего не дѣлаешь... я надѣюсь, что господинъ градоначальникъ настолько справедливъ...

— Ты и надѣйся, а мы надежды не имѣемъ. Никакихъ мы ни градоначальниковъ, ни законовъ твоихъ не знаемъ, а знаемъ, что у каждаго человѣка своя планида. И ежели, примѣрно, сидѣть тебѣ, милый человѣкъ, сегодня въ части,

Digitized by Google

такъ ты хоть за сто верстъ отъ нея убѣги—все къ ней же воротишься!

Таково было содержаніе перваго разговора. Покончивъ съ кожевенникомъ, помпадуръ устремился къ старичку-мѣщанину, стоявшему у палатки, увѣшанной лубочными картинками. Старикъ былъ обритъ и одѣтъ въ нѣмецкое платье и сквозь круглые очки читалъ одну изъ книгъ московскаго издѣлія, которыми тоже, повидимому, производилъ торгъ.

— Почтеннѣйшій!—обратился онъ къ мѣщанину.—Я человѣкъ пріѣзжій и имѣю надобность до вашего градоначальника. Каковъ онъ?

— А какъ вамъ, сударь, сказать. Нужды мы до сихъ поръ въ господинѣ градоначальникѣ не видѣли?

— Однакожъ?

— Такъ точно-съ. Отъ съѣзжей покуда Богъ миловалъ, а о прочемъ о чемъ же намъ съ господиномъ градоначальникомъ разговоръ имѣть?

— Стало-быть, такъ живете, что опасаться вамъ нѣчего?

— Ну, тоже не безъ опаски живемъ. И въ Писаніи сказано: блюдите да опасно ходите. По нашему званію, каждую минуту опасаться должно.

— Чего же вы боитесь? О градоначальникѣ, какъ вы сами сейчасъ сказали, даже понятія не имѣете, — законъ, что ли, вамъ страшенъ?

— И о законѣ доложу вамъ, сударь: законъ для вельможъ да для дворянъ дѣйствіе имѣетъ, а простой народъ ему не подверженъ.

— Не понимаю.

— Да и не легко понять-съ, а только дѣйствительно оно такъ точно. Потому народъ — онъ больше натуральными правами руководствуется. Повѣрите ли, сударь, даже податей понять не можетъ!

— Однако, чего же-нибудь да боитесь вы?

— Планиды-съ. Все до поры, до времени. У всякаго своя планида, все равно, какъ камень съ неба. Выйдешь утромъ изъ дому, а воротишься ли — не знаешь. Въ темномъ страхѣ такъ и проводишь всю жизнь.

— Но я надѣюсь, что господинъ градоначальникъ настолько справедливъ, что ежели вы ничего не сдѣлали...

Въ это время къ бесѣдующимъ подошелъ сельскій священникъ и дружески поздоровался съ продавцомъ картинъ.

— Вотъ, отецъ Трофимъ, господинъ пріѣзжій свѣдѣніе о господинѣ градоначальникѣ получить желаютъ.

Digitized by Google

— Надобность имѣете?—спросилъ отецъ Трофимъ.

— Да-съ, надобность.

— Личнаго знакомства съ господиномъ градоначальникомъ не имѣю, да и надобности до сихъ поръ, признаться, не видѣлось, но, по слухамъ, рекомендовать могу. Къ храму Божьему прилеженъ и мзду пріемлетъ безъ затрудненія... Только вотъ съ закономъ, повидимому, въ ссорѣ находится.

— А они вотъ и насчетъ законовъ тоже разговорились,— вставилъ свое слово продавецъ картинъ: — спрашиваютъ, боится ли простой народъ закона?

— Законъ, я вамъ доложу, наверху начертанъ. Все равно, какъ планета...

Но онъ уже не слушалъ дальше. Завидѣвъ пошатывающагося вдали, съ гармоніей въ рукахъ, мастерового, онъ правильно заключилъ, что этотъ человѣкъ несомнѣнно сиживалъ на съѣзжей, а слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, имѣетъ понятіе о степени и предѣлахъ власти градоначальника.

— Эй, почтенный, слышь!

Но не успѣлъ онъ формулировать свой вопросъ, какъ мастеровой сразу огорошилъ его восклицаніемъ:

— Вашему благородію, господину пррахвостову!

Онъ шарахнулся, какъ обожженный, и скрылся въ толпу. Тамъ, чтобы не быть узнаннымъ, подсѣлъ онъ на скамеечку къ торговкѣ, продававшей сусло и гречневики.

— А позвольте, голубушка, узнать,—сказалъ онъ:—каковъ таковъ здѣшній градоначальникъ?

Но торговка даже не взглянула на него, а просто сказала краткое, но сильное слово:

— А что, видно, давно ты на съѣзжей не сиживалъ?

Онъ былъ удовлетворенъ и уже хотѣлъ возвратиться во-свояси, но по дорогѣ завидѣлъ юродивую Устюшу и не вытерпѣлъ, чтобы не подойти къ ней.

— Устюша, скажи ты мнѣ, сдѣлай милость...

Но блаженная, не давъ ему кончить, не своимъ голосомъ закричала:

— Воняетъ! воняетъ!

Въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, очевидно, не предстояло никакой надобности.

Результатъ перешелъ за предѣлы его ожиданій. Ни помпадуры, ни законъ—ничто не настигаетъ полудикую массу. Ее настигаетъ только «планида»,—и дорого бы онъ далъ въ эту минуту, чтобы имѣть эту «планиду» въ своихъ рукахъ.

Digitized by Google

Что̀ такое «законъ», что̀ такое «помпадуръ» въ глазахъ толпы? — это не что̀ иное, какъ страдательные агенты «планиды», и притомъ не *всей* «планиды», а только той ея части, которая осуществляетъ собою карательный элементъ. Они не могутъ ни оплодотворять земли, ни послать дождь или ведро̀, ни предотвратить наводненіе — однимъ словомъ, не могутъ принять творческаго участія во всемъ томъ кругѣ явленій, среди которыхъ движется толпа и вліяніе которыхъ она исключительно на себѣ ощущаетъ. Они могутъ воспрепятствовать, возбранить, покарать; но творчество никогда имъ принадлежать не будетъ, а будетъ принадлежать «планидѣ». Даже самая кара ихъ имѣетъ свойство далеко не «планидное», ибо, настигая однихъ, она не замѣчаетъ, что тутъ же рядомъ стоятъ десятки и сотни другихъ, которыхъ тоже не мѣшаетъ подобрать и посадить на съѣзжую. А потому толпа даже и въ карѣ видитъ не кару, а несчастіе.

Въ хаотическомъ видѣ всѣ эти мысли мелькали въ головѣ помпадура. Одну минуту ему даже померещилось, что онъ какъ будто совсѣмъ лишній человѣкъ, въ родѣ пятаго колеса въ колесницѣ; но въ слѣдующее затѣмъ мгновеніе эта мысль представилась ему до того обидною и дикою, что онъ даже весь покраснѣлъ отъ негодованія. А такъ какъ онъ вообще не могъ порядкомъ разобраться съ своими мыслями, то выходили какія-то душевныя сумерки, въ которыхъ свѣтъ хотя и борется съ тьмою, но въ концѣ концовъ тьма все-таки должна остаться побѣдительницею.

Впрочемъ, во всемъ этомъ была и утѣшительная для его самолюбія сторона, та именно, что ни помпадуру, ни закону никакихъ преимуществъ другъ передъ другомъ не отдавалось. Эту сторону онъ понялъ сразу и ухватился за нее съ жадностью. Конечно, изслѣдованіе раскрыло ему не одно это, а гораздо больше: оно доказало, что онъ не что иное, какъ микроскопическій агентъ великой силы, называемой «планидою», и что, затѣмъ, самая полезность его существованія вовсе не такъ несомнѣнна, какъ это казалось ему самому. Но онъ поспѣшилъ скомкать этотъ главный результатъ и проглотить заключавшуюся въ немъ обиду, сдѣлавъ видъ, что не замѣчаетъ ея. Зато тѣмъ съ бо̀льшимъ жаромъ онъ привязался къ другому, частному результату, гласившему объ упраздненіи привилегій и преимуществъ, приписываемыхъ закону. Онъ даже шелъ дальше этого результ-

Digitized by Google

тата; онъ провидѣлъ перспективы и надѣялся оттягать частичку въ свою пользу.

— Да-съ; мы еще потягаемся!—бормоталъ онъ въ забвеніи чувствъ:—посмотримъ еще, кто кого!

Но первоначальный толчокъ, возбудившій потребность изслѣдованія, былъ такъ силенъ, что собственными средствами отдѣлаться отъ него было невозможно. Такъ какъ вопросъ пришелъ извнѣ (отъ письмоводителя), то надобно было, чтобы и найденное теперь рѣшеніе вопроса было провѣрено въ горнилѣ чьего-нибудь посторонняго убѣжденія.

Съ этою цѣлью онъ отправился вечеромъ въ клубъ, это надежнѣйшее и вѣрнѣйшее горнило, въ которомъ провѣряются и крѣпнутъ всевозможныя помпадурскія убѣжденія. Обычная картина высшаго провинціальнаго увеселительнаго учрежденія представилась глазамъ его. Кухонный чадъ, смѣшанный съ табачнымъ дымомъ, облаками ходилъ по комнатамъ; помѣщики сидѣли за карточными столами; въ столовой предводитель одолѣвалъ ростбифъ; издали доносилось щелканье бильярдныхъ шаровъ; стряпчій стоялъ у буфета и, какъ онъ выражался, принималъ внутрь.

— А я, братъ, пятнадцатую!—зазѣвалъ онъ, увидѣвъ приближающагося помпадура.—Примемъ, что ли?

Но помпадуръ былъ серьезенъ и не хотѣлъ, чтобы, по милости водки, плоды его давнишнихъ изнуреній пропали даромъ.

— Ты вотъ пятнадцатую пропускаешь,—сказалъ онъ:—а я, между тѣмъ, успокоиться не могу!

— Что такое?

— Да все по поводу того разговора... за обѣдомъ; помнишь?

— Брось!

— Куда тутъ бросишь! законъ, братецъ!

— Ну, и пущай его! законъ въ шкапу стоитъ, а ты напирай!

— Но вѣдь ты же самъ говорилъ: до поры до времени?

— А это именно и значитъ: напирай плотнѣе!

— Чудакъ! а подъ судъ?

— Вотъ потому-то и напирай!

Стряпчій выпилъ шестнадцатую, поморщился и прибавилъ:

— А законъ пущай въ шкапу стоитъ!

Очень возможно, что помпадуръ удовлетворился бы этимъ подтвержденіемъ, потому что оно соотвѣтствовало напра-

Digitized by Google

вленію его собственныхъ мыслей. Но «шестнадцатая» смутила его, и онъ рѣшился продолжать провѣрку. Съ этою цѣлью онъ подсѣлъ къ предводителю, который въ это время уже побѣдилъ ростбифъ и, хлопая глазами, обдумывалъ планъ кампаніи противъ осетра.

Но настоящимъ образомъ онъ могъ изложить только введеніе; ибо едва онъ выговорилъ слово: «законъ», какъ предводитель вскричалъ:

— Брось!

— Законъ-съ...—повторилъ помпадуръ.

— Оставь!

Въ тотъ же вечеръ, за ужиномъ, стряпчій, подъ веселую руку, разсказывалъ посѣтителямъ клуба о необыкновенномъ казусѣ, случившемся съ помпадуромъ. Помпадуръ сидѣлъ тутъ же, краснѣлъ и изрѣдка бормоталъ: «законъ-съ».

— Брось!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Напирай плотнѣе!

На другой день, утромъ, помпадуръ, по обыкновенію, пришелъ въ правленіе. По обыкновенію же, въ передней первое лицо, съ которымъ онъ встрѣтился, былъ Прохоровъ.

Но время полемики уже миновало.

— Влѣпить!—сказалъ онъ твердымъ и яснымъ голосомъ, и съ этимъ словомъ благополучно прослѣдовалъ въ канцелярскую камору.

VIII.—Онъ!!

Lui!.. toujours lui!!

Victor Hugo.

Совершенно неожиданно, вслѣдствіе какихъ-то «новыхъ вѣяній времени», въ нашемъ городѣ сдѣлалось праздднымъ мѣсто помпадура. Само собой, въ ожиданіи назначенія новаго помпадура, провинція всецѣло предалась ажитаціи. Загадывали и на того, и на другого, и на третьяго, и, какъ всегда, въ этихъ загадываніяхъ первое мѣсто принадлежало личнымъ качествамъ тѣхъ, на которыхъ могъ пасть жребій уловлять вселенную. При отсутствіи руководства, которое давало бы опредѣленный отвѣтъ на вопросъ: что такое помпадуръ? — всякій чувствовалъ себя какъ бы отданнымъ на поруганіе, и ни къ чему другому не могъ пріурочить колеблющуюся мысль, кромѣ тѣхъ смутныхъ данныхъ, которыя давали свѣдѣнія о темпераментѣ, вкусахъ, привычкахъ и степени благовоспитанности

Digitized by Google

той или другой изъ предполагаемыхъ личностей. Про одного говорили «строгонекъ!»; про другого: «этотъ подтянетъ!»; про третьяго: «всѣмъ былъ бы хорошъ, да жена у него анаѳема!»; про четвертаго: «вы не смотрите, что онъ ротъ распахня ходитъ, а онъ бѣдовый!»; про пятаго прямо разсказывали, какъ онъ, не обнаруживъ ни малѣйшаго колебанія, пришелъ въ какое-то присутственное мѣсто и прямо сѣлъ на тотъ самый законъ, который, такъ сказать, регулировалъ самое существованіе того мѣста. И никому не приходило въ голову сказать себѣ: что же мнѣ за дѣло до того, каковъ будетъ новый помпадуръ, хорошъ собой или дуренъ, добрая у него жена или анаѳема? Какъ будто всякій, сознательно или безсознательно, чувствовалъ, что въ этой-то комбинаціи личнаго темперамента и внѣшней обстановки именно и замыкается разгадка будущаго...

Какъ сказано выше, старый нашъ помпадуръ упразднился совершенно неожиданно. Мы жили съ нимъ въ самыхъ дружелюбныхъ отношеніяхъ. Ни онъ насъ не трогалъ, ни мы его не обижали. Хотя нравственныя и умственныя его качества всего ближе опредѣлялись пословицей: «не лыкомъ шитъ»; но такъ какъ вопросъ о томъ, насколько полезны щегольской работы помпадуры, еще не рѣшенъ, то мы довольствовались и тѣмъ, что у насъ хоть плохенькій, да зато дешевенькій. Мы не страдаемъ шовинизмомъ; намъ не нужно ни блестящихъ усмиреній, ни смѣлыхъ переходовъ черезъ валдайскія горы. Нашъ помпадуръ сидѣлъ смирно,—и этого было съ насъ достаточно. Бывало, какъ ни послышишь,—кругомъ насъ вездѣ война. Бьютъ въ барабаны, въ трубы играютъ. Въ одномъ мѣстѣ помпадуръ цѣлое присутствіе на голову разбилъ; въ другомъ—разсѣялъ цѣлый легіонъ прохожихъ людей, при чемъ многихъ услалъ въ заточеніе; въ третьемъ—въ двухъ словахъ изъяснилъ столько, сколько другому не изъяснить въ цѣлой сотнѣ округленныхъ періодовъ. А у насъ—благодать. О внѣшнихъ и внутреннихъ врагахъ—нѣтъ слуха; походовъ—не предвидится даже въ отдаленномъ будущемъ; ни барабаннаго боя, ни трубныхъ звуковъ, которые свидѣтельствовали бы о свѣтопреставленіи — ничего! Даже междоусобія — и тѣ исключительно нашли себѣ убѣжище въ мѣстномъ клубѣ и были такого сорта, что никто не рѣшался сказать, дѣйствительно ли это междоусобія, или просто драки. Именно съ этой точки зрѣнія относился къ этому явленію и нашъ старый, почтенный помпадуръ.

Digitized by Google

— Я знаю, — говорилъ онъ: — что въ нашемъ клубѣ междоусобія не рѣдки; вѣроятно, они не менѣе часты и въ клубахъ другихъ городовъ. Но я рѣшительно отказываюсь понять, почему столь обыкновенное въ нашемъ обществѣ явленіе можетъ тревожить моихъ сопомпадуровъ! Не понимаю-съ. Возьмите, напримѣръ, хоть послѣднее наше междоусобіе: князю Балаболкину, за неправильно сдѣланный въ карты вольтъ, вымазали горячей котлеткой лицо. Поступокъ прискорбный—это такъ, но чтобы въ немъ крылось распространеніе вредныхъ мыслей или поползновеніе къ умаленію чьей-нибудь власти—съ этимъ я никогда не могу согласиться! Никогда-съ.

Поэтому, въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ этого помпадурства, мы порядочно-таки отдохнули. Освобожденный отъ необходимости на каждомъ шагу доказывать свою независимость, всякій дѣлалъ свое дѣло спокойно, безъ раздраженія. Земство облагало себя сборами, суды карали и миловали, чиновники акцизнаго вѣдомства дѣлили дивиденды, а контрольная палата до того осмѣлилась, что даже на самого помпадура сдѣлала начетъ въ 1 р. 43 коп. И помпадуръ—ничего, даже не поморщился. Ни криковъ, ни возванія къ оружію, ни революцій,—ничего при этомъ не было. Просто взялъ и вынулъ изъ кармана 1 р. 43 к., которые и теперь хранятся въ казнѣ, яко живое свидѣтельство покорности законамъ со стороны того, который не токмо былъ въ правѣ утверждать, что для него законъ не писанъ, но могъ еще и накричать при этомъ на цѣлыхъ 7 копеекъ, такъ чтобы вышло ужъ ровно полтора рубля.

Тѣмъ болѣе должно было изумить насъ извѣстіе, что нашъ добрый помпадуръ вынужденъ навсегда прекратить административный свой бѣгъ. Всѣ оглядывались, всѣ спрашивали себя: почему, за что? — и никакихъ отвѣтовъ не обрѣтали, кромѣ отрывочныхъ фразъ, въ родѣ: «распустилъ» и «не удовлетворяетъ новымъ вѣяніямъ времени» (въ старину это, кажется, означало: не подтягиваетъ). Но почему же не удовлетворяетъ? развѣ мы—заговорщики, бунтовщики? развѣ мы безъ ума бѣжимъ впередъ, рискуя самимъ себѣ сломать голову? развѣ мы не всецѣло отдали самихъ себя и всѣ помышленія наши тому среднему дѣлу, которое, казалось бы, должно отстранить отъ насъ всякое подозрѣніе въ превыспренности?

Но, разсуждая такимъ образомъ, мы, очевидно, забывали завѣщанную преданіемъ мудрость, въ силу которой «новыя

Digitized by Google

вѣянія времени» всегда приходили на сцену отнюдь не въ качествѣ поправки того или другого уклоненія отъ историческаго теченія жизни, а прямо какъ одинъ изъ основныхъ элементовъ этой жизни. Вѣяніе прорывалось естественно, само собой; необходимость его жила во всѣхъ умахъ, не нуждаясь ни въ какихъ обусловливающихъ побужденіяхъ. Не бунтовской вопросъ «за что?» служилъ для него исходною точкой, а совершенно ясное и положительное правило: «будь готовъ». Будь готовъ, то-есть ходи весело, ходи грустно, ходи прямо, ходи вкось, ходи вкривь. Тебѣ ничего не приказываютъ, ни отъ чего не предостерегаютъ; тебѣ говорятъ только: будь готовъ. Не къ тому будь готовъ, чтобъ исполнять то или другое; а къ тому, чтобы претерпѣть. Ты спрашиваешь: что долженъ ты сдѣлать, чтобы избѣжать «претерпѣнія»; но развѣ кто-нибудь знаетъ это? Не чувствуешь ли ты, что даже самый вопросъ твой является въ ту минуту, когда уже все рѣшено и подписано, и когда ничего другого не остается, какъ претерпѣть? Слѣдовательно, это вопросъ запоздалый, ненужный. Ты идешь прямо, а полчаса тому назадъ ты шелъ вкось— тутъ-то вотъ я и налетаю на тебя. Ни ты, ни я, мы оба не можемъ себѣ объяснить, почему нужно, чтобы дѣло происходило наоборотъ, то-есть, чтобы полчаса тому назадъ ты шелъ прямо, а теперь вкось. Мы чувствуемъ только, что мы столкнулись и ни подъ какимъ видомъ разминуться не можемъ. Но если ни ты, ни я не въ состояніи угадать, что будетъ происходить въ моей головѣ въ предстоящій моментъ, то ясно, что единственный практическій выходъ изъ этого лабиринта—это «претерпѣть». И это совсѣмъ не капризъ съ моей стороны, совсѣмъ не преднамѣренное желаніе уязвить тебя; это «порядокъ», съ которымъ я безразлично отношусь и къ тебѣ, и ко всякому другому; это— «вѣяніе времени»...

Словомъ сказать, общее недоумѣніе, возбужденное полученнымъ извѣстіемъ, было таково, что даже воинскій начальникъ, человѣкъ крутой и бывалый, — и тотъ сказалъ:

— Ангелъ-съ! Ангелы Богу нужны-съ!

Само собою разумѣется, что недѣля, предшествовавшая отъѣзду стараго помпадура, была рядомъ цѣлодневныхъ празднествъ, которыми наше общество считало долгомъ выразить свою признательность и сочувствіе отъѣзжающему. Это былъ очень яркій и сильный протестъ, въ основаніи

Digitized by Google

котораго лежала благоразумная мысль: авось, не повѣсятъ! Всѣ лица сохраняли трогательное и въ то же время сконфуженное выраженіе; но всѣхъ болѣе сконфуженнымъ казался самъ виновникъ торжества. Полный мысли о бренности всего земного, онъ наклонялся къ тарелкѣ и роняль невольную слезу въ стерляжью уху. Затѣмъ, хотя, въ продолженіе дальнѣйшихъ перемѣнъ, онъ и успѣвалъ придать своему лицу спокойное выраженіе, но съ первымъ же тостомъ эта напускная твердость исчезала, глаза вновь наполнялись слезами, а голосъ, отвѣчавшій на напутственныя пожеланія, звучалъ безконечною тоскою, почти напоминавшею предсмертную агонію.

Безчисленныя картины непріятнаго, сѣренькаго будущаго проносились въ эти мгновенія въ его воображеніи. То, что происходило передъ нимъ въ эту минуту, несомнѣнно происходило *въ послѣдній разъ*, ибо не было примѣровъ, чтобы помпадуръ, однажды увядшій, вновь расцвѣталъ въ качествѣ помпадура. Все милое сердцу оставлялъ онъ, и оставлялъ не для того, чтобъ украсить собой одну изъ залъ величественнаго зданія, выходящаго окнами на Сенатскую площадь, а для того, чтобы примкнуть въ ряды рощущихъ и безплодно чающихъ, которыми въ послѣднее время какъ-то особенно переполнены стогны Петербурга. «Бѣдный!» читалъ онъ на всѣхъ лицахъ, во всѣхъ глазахъ, и это тѣмъ болѣе усугубляло его страданія, что никто глубже его самого не сознавалъ всю наготу будущаго, въ которое судьба, съ обычною безсознательности жестокостью, погружала его. Да, все, что онъ теперь ѣстъ—онъ ѣстъ *въ послѣдній разъ*; все, что онъ теперь видитъ и слышитъ—онъ видитъ и слышитъ *въ послѣдній разъ*. Сегодня, послѣ обѣда, онъ *въ послѣдній разъ* будетъ играть въ ералашъ по три копейки (въ будущемъ эта игра ему уже не по средствамъ); сегодня, *въ послѣдній разъ*, полицеймейстеръ молодцомъ подлетитъ къ нему съ рапортомъ, что по городу все обстоитъ благополучно; сегодня частные пристава въ послѣдній разъ сдѣлаютъ подъ козырекъ, когда онъ поѣдетъ съ прощальнымъ визитомъ къ архіерею. И вотъ онъ съ какимъ-то испугомъ осматривается кругомъ. Все обстоитъ здѣсь попрежнему и на прежнихъ мѣстахъ, но ему кажется, что и люди, и предметы, и даже стѣны—все сошло съ мѣстъ и уходитъ куда-то вдаль. Онъ уподобляетъ себя свѣточу; вчера еще этотъ свѣточъ горѣлъ свѣтлымъ и яркимъ огнемъ; сегодня онъ потушенъ и ужъ начинаетъ чадить; завтра онъ будетъ

Digitized by Google

окончательно затоптанъ и выброшенъ на улицу вмѣстѣ съ прочею никуда не нужною ветошью...

Увы! въ человѣческомъ сердцѣ нѣтъ неизгладимыхъ воспоминаній, а воспоминанія о помпадурахъ меньше, нежели всякія другія, выдерживаютъ клеймо неизгладимости. Всѣ эти люди, которые сегодня такъ тепло чувствуютъ его, завтра ни единымъ словомъ, ни единымъ жестомъ не помянутъ о немъ. И какъ нарочно, въ послѣднее время все такимъ образомъ устроилось, чтобы какъ можно скорѣе изглаживать помпадурскіе слѣды. Прежде, бывало, помпадуръ, возвращаясь съ своего помпадурства вспять, все-таки сутки и болѣше ѣдетъ въ предѣлахъ этого помпадурства. Слѣдовательно, прошедшее оставляетъ его не вдругъ. На каждой станціи онъ слышитъ сѣтованія и пожеланія: смотритель ахаетъ, ямщикъ старается прокатить на славу... *въ послѣдній разъ!..* «Добрый я, добрый! — мечталь, бывало, помпадуръ подъ звонъ почтоваго колокольчика:—всѣ-то сословія жалѣютъ обо мнѣ!» И затѣмъ, не торопясь, станція за станціей, погружался въ бездны будущаго. А нынче упраздненному помпадуру предстоитъ только пріѣхать на станцію желѣзной дороги (благо, она тутъ же подъ бокомъ), наскоро всѣхъ расцѣловать, затѣмъ свистнулъ паровозъ — и нѣтъ его! До такой степени нѣтъ, что не успѣлъ еще скрыться поѣздъ за горой, какъ поѣзжане, покончивъ съ проводами, уже предаются злобѣ дня и заводятъ разговоры о предстоящей «встрѣчѣ». Кто тотъ разнузданный романтикъ, который, въ виду этого упрощенія проводовъ и встрѣчъ, пребудетъ настолько закоснѣлъ, чтобы, подъ впечатлѣніемъ проводовъ какого-нибудь помпадура, оглашать стогны города кликами: «нѣтъ Агатона! нѣтъ моего друга!»?..

Но это былъ еще только одинъ уголъ картины, которая проносилась въ воображеніи помпадура въ то время, когда онъ взволнованнымъ голосомъ благодарилъ за участіе и пожеланія. Дальше картина развертывалась мрачнѣе и мрачнѣе и уже прямо ставила его лицомъ къ лицу съ самимъ таинственнымъ будущимъ.

Нѣтъ Агатона! Мѣсто, на которомъ онъ сидѣлъ, сейчасъ же простыло, и губернскій архиваріусъ тщетно отыскивалъ на полкахъ архива дѣло объ административныхъ намѣреніяхъ помпадура Агатона 2-го. Такого дѣла не было заведено, потому что не было самыхъ «намѣреній». У Агатона могъ быть благосклонный (или нетерпящій возраженій) жестъ; у него могла быть благодушная (или огрызающаяся) улыбка;

Digitized by Google

у него могло быть привѣтливое (или ругательное) слово; но административныхъ намѣреній у него не было. Онъ, подобно актеру, могъ нравиться или не нравиться очевидцамъ-современникамъ; но для потомства (которое для него наступаетъ съ какою-то особенной быстротою) онъ—мертвая буква, ничего никому не говорящая, ни о чемъ никому не напоминающая...

Нѣтъ Агатона! Онъ мчится на всѣхъ парахъ въ Петербургъ и уже съ первой минуты чувствуетъ себя угнетеннымъ. Онъ *ровенъ всѣмъ*; здѣсь, въ этомъ вагонѣ, онъ находится точно въ такихъ же условіяхъ, какъ и *всѣ*. *Въ послѣдній разъ* онъ путешествуетъ во II-мъ классѣ, и уже не слышитъ того таинственнаго шопота: «это онъ! это помпадуръ!»—который встрѣчалъ его появленіе въ прежнія времена.

И вотъ, въ то время, какъ паровозъ, свистя и пыхтя, все больше и больше отдаляетъ его отъ милыхъ сердцу, къ нему подсаживается совершенно посторонній человѣкъ и сразу, самъ того не зная, бередитъ дымящуюся рану его сердца.

— Вы изволите ѣхать изъ N?—спрашиваетъ его незнакомецъ.

Съ какимъ самоувѣреннымъ видомъ, съ какимъ ликованіемъ въ голосѣ отвѣтилъ бы онъ въ былое время: «да... я тамошній помпадуръ! Я ѣду въ Петербургъ представить о нуждахъ своихъ подчиненныхъ! я полагаю, что первая обязанность помпадура—это заботиться, чтобъ законныя требованія его подчиненныхъ были удовлетворены!» и т. д. Теперь, напротивъ того, онъ чувствуетъ, что отвѣтъ словно путается у него на языкѣ, и что гораздо было бы лучше, если-бъ ему совсѣмъ-совсѣмъ ничего не приходилось отвѣчать.

— Да... то-есть, я... конечно, я ѣду изъ N...—смущенно произноситъ онъ, наконецъ.

— Вы тамошній?—продолжаетъ нескромно приставать спутникъ.

— Да... то-есть, не совсѣмъ... я служу... то-есть служилъ...

Онъ старается замять всякій разговоръ; онъ даже избѣгаетъ всѣхъ взоровъ... И только, быть-можетъ, черезъ сутки, уже на послѣднихъ станціяхъ къ Петербургу, онъ разгуляется настолько, чтобъ открыть свое дѣйствительное положеніе и повѣдать печальную исторію своей отставки. Тогда съ души его спадетъ бремя, его тяготившее, и изъ устъ его впервые вырвется ропотъ. Этотъ ропотъ начнетъ

Digitized by Google

новую эпоху его жизни; онъ наполнитъ все его будущее и проведетъ въ его существованіи черту, которая рѣзко отдѣлитъ его прошедшее отъ настоящаго и грядущаго.

Нѣтъ Агатона! Въ первое время, непосредственно слѣдующее за отставкой, онъ, впрочемъ, еще бодрится и старается водиться съ такъ-называемыми «людьми». Какъ бывшій помпадуръ и какъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, онъ легко вторгается въ домъ къ финансисту Фалелею Губошлепову и даже исполняетъ разныя мелкія его порученія. Встрѣчаетъ гостей, которые попроще, и занимаетъ ихъ, представляя лицо хозяина; ѣздитъ въ гостиный дворъ за игрушками для Губошлеповскихъ дѣтей; показываетъ Губошлепову, какъ надѣваютъ на шею орденъ св. Анны; бѣгаетъ на кухню поторопить француза-повара; предшествуетъ Фалелею въ ресторанахъ въ тѣ дни, когда устраиваются тонкіе обѣды для лицъ, почему-либо не желающихъ показываться въ Фалелеевскихъ салонахъ; по вечерамъ, вмѣстѣ съ другими двумя дѣйствительными статскими совѣтниками, составляетъ партію въ вистъ для мадамъ Губошлеповой, и проч., и проч. За всѣ эти послуги онъ имѣетъ готовый столъ и возможность съ утра до вечера оставаться въ хорошо натопленныхъ и роскошно убранныхъ салонахъ своего патрона и, сверхъ того, отъ времени до времени, пользуется небольшими подачками, которыя онъ, впрочемъ, принимаетъ съ большимъ чувствомъ собственнаго достоинства. Среди этого изобилія онъ какъ будто даже повеселѣлъ. Узналъ толкъ въ винахъ и сигарахъ, вѣрно угадывалъ цѣну каждаго фрукта, прямо запускалъ лапу туда, гдѣ раки зимуютъ, отпустилъ брюшко, сшилъ себѣ легкій костюмчикъ, ѣлъ такъ смачно и аппетитно, что губы у него припухли и покрылись глянцемъ... Но поэтъ сказалъ правду:

...на счастье прочно
Всякъ надежду кинь...

И правдѣ этой пришлось осуществиться на Агатонѣ самымъ жестокимъ образомъ. Не успѣлъ еще онъ пустить корни въ домѣ Губошлепова, какъ послѣдній ужъ подыскалъ себѣ какого-то бывшаго полководца. Съ этихъ поръ патронъ уже видимо охладѣваетъ къ Агатону. Являются на сцену столкновенія и пререканія. Вопросъ о томъ, кому изъ двухъ соперниковъ владѣть сердцемъ Губошлепова, съ каждымъ днемъ дѣлается больше и больше назойливымъ и, конечно, долженъ разрѣшиться въ ущербъ Агатону. Начинается съ того, что однажды Агатонъ ужъ совсѣмъ-было запустилъ

Digitized by Google

лапу въ ящикъ съ сигарами какой-то неслыханной красоты, какъ вдругъ почувствовалъ, что его обожгло.

— Вотъ эти... поменьше... онѣ скуснѣе будутъ! — сразу озадачилъ его Губошлеповъ, указывая взглядомъ на другой ящикъ съ менѣе цѣнными сигарами.

Услышавъ эту апострофу, Агатонъ поблѣднѣлъ, но смолчалъ. Онъ какъ-то смѣшно заторопился, досталъ маленькую сигарку и усѣлся противъ бывшаго полководца, попыхивая дымкомъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Но дальше—хуже. На другой день, какъ нарочно, назначается тонкій обѣдецъ у Донона, и распорядителемъ его, какъ-то совершенно неожиданно, оказывается бывшій полководецъ, а Агатонъ вынуждается обѣдать дома, съ мадамъ Губошлеповой и дѣтьми.

На третій день Агатонъ, по порученію Губошлепова, купилъ какой-то совершенно новый сыръ, и только-что вознамѣрился похвастаться своей находкой, какъ вдругъ пріѣхалъ бывшій полководецъ и привезъ кусокъ точно такого же сыра. Разумѣется, сыръ полководца оказался «много превосходнѣе»...

Тогда Агатонъ не выдержалъ и пустился въ объясненія. Выдержи онъ, стерпи — онъ, можетъ-быть, и теперь покуривалъ бы прекраснѣйшія (хоть и не первой красоты) сигарки, попивалъ бы отличнѣйшее бордо, ѣлъ бы сочную дюшессу и проч. Но онъ возропталъ, заплакалъ—и тѣмъ окончательно выказалъ свой безпокойный характеръ.

— Это все въ тебѣ зависть плачетъ, — сразу осадилъ его Губошлеповъ: — а ты бы лучше на себя посмотрѣлъ! Какая у тебя звѣзда (у Агатона была всего одна звѣзда, и то самая маленькая)? А у него ихъ три! Да и человѣкъ онъ безстрашный: сколько однѣхъ областей завоевалъ — а ты! На печи лежа, безъ пороху палилъ! И хоть бы ты то подумалъ, что этакихъ-то, какъ ты—какая орава у меня! По одной рублевой цыгаркѣ каждому дай—сколько денегъ-то будетъ! А ты лѣзешь! И легъ ты, и всталъ у меня, и все тебѣ мало!

Агатонъ обидѣлся...

Нѣтъ Агатона! Онъ поселился въ четвертомъ этажѣ, во дворѣ того самаго дома, гдѣ живетъ и бывшій его патронъ, и прозябаетъ подъ командой у выборгской шведки Лотты, которая, въ одно и то же время, готовитъ ему кушанье, чиститъ сапоги и исполняетъ другія неприхотливыя его требованія. Лотта безобразна, рѣдковолоса, лишена бровей и рѣсницъ, и за всѣмъ тѣмъ съ ожесточеніемъ упрекаетъ

Digitized by Google

его въ томъ, что онъ загубилъ ея молодость. Чтобъ загладить этотъ поступокъ, онъ старается исполнить малѣйшій ея капризъ. Сначала она варила ему кофе, пока онъ нѣжился на постели, теперь — онъ самъ варитъ кофе, пока она, неопрятная и сонная, барахтается въ пуховикѣ. Чтобъ быть ей пріятнымъ, онъ даже выучился говорить «поейному», и такъ чисто произноситъ: «анна-мина-нуси», что Лотта не можетъ удержаться, чтобъ не дать ему за это пинка. По воскресеньямъ къ Лоттѣ ходитъ «ейный» двоюродный братъ, и тогда Агатонъ на цѣлый день уходитъ изъ дома, сначала въ греческую кухмистерскую, потомъ на ералашъ (по 1/10 копейки за пунктъ) къ кому-нибудь изъ бывшихъ помпадуровъ, который еще настолько богатъ средствами, чтобъ на сонъ грядущій побаловать своихъ гостей рюмкой очищенной и кускомъ селедки. Тамъ, въ интервалахъ сдачъ, ропщущіе эксъ-помпадуры разсказываютъ другъ другу о бывшемъ привольномъ житьѣ, о стерляжьей ухѣ, о цѣнѣ на рябчиковъ и индюковъ, о любопытнѣйшихъ сенатскихъ указахъ, о столкновеніяхъ, пререканіяхъ и проч. Затѣмъ, проглотивъ по рюмкѣ живительной, всѣ расходятся, а на утро опять наступаетъ понедѣльникъ, опять «анна-мина-нуси», обѣдъ цѣною не свыше тридцати копеекъ, послѣ обѣда спанье, гранъ-пасьянсъ, вечерній чай и опять спанье. И такъ вся недѣля...

Нѣтъ Агатона! Онъ до такой степени самъ сознаетъ это, что въ знакъ покорности велѣніямъ судебъ отпустилъ бороду и усы. Худой и выцвѣтшій, въ поношенномъ пальто съ сильно порыжѣлымъ бобровымъ воротникомъ, онъ перваго числа каждаго мѣсяца сидитъ на площадкѣ лѣстницы главнаго казначейства и, въ ожиданіи своей очереди для полученія пенсіи, бесѣдуетъ со «старушкой». «Старушка» съ ридикюлемъ въ рукахъ — это непремѣнная принадлежность главнаго казначейства. Съ костылями или безъ костылей, въ капорѣ или въ драдедамовомъ платкѣ, въ старомъ бѣличьемъ салопѣ или въ ватномъ поношенномъ пальто, она всегда тутъ, сидитъ на площадкѣ, твердою рукою держитъ ридикюль, терпѣливо выжидаетъ выслуженную и выстраданную зелененькую кредитку и слезящимися глазами слѣдитъ за проходящими франтами, уносящими уймы денегъ въ видѣ арендъ, вспомоществованій и болѣе или менѣе значительныхъ пенсій.

Сказать ли правду? Взирая на нее, помпадуръ чувствуетъ себя какъ-то бодрѣе. Не онъ одинъ забитъ, не онъ

Digitized by Google

одинъ погуженъ въ бездну. Есть на свѣтѣ существо и еще забитѣе, еще подавленнѣе. И онъ безъ умолку готовъ болтать со «старушкой», ибо отнынѣ только такого рода бесѣда и можетъ влить въ его сердце возстановляющій бальзамъ. Да, онъ былъ имъ! онъ несомнѣнно былъ помпадуромъ! И если напоминаніе объ его помпадурствѣ не возбуждаетъ въ людяхъ счастливыхъ и довольныхъ ничего кромѣ обиднаго равнодушія, то пусть хоть эта «старушка» услышитъ объ этомъ и позавидуетъ ему!

— Всей-то моей пенсіи,—говоритъ «старушка»:—никакъ двѣнадцать рублей сорокъ три копеечки въ мѣсяцъ будетъ. На себя, значитъ, семь рублей получаю, да на внучекъ—сынъ у меня на службѣ померъ—такъ вотъ на нихъ пять рублей сорокъ три копеечки пожаловали!

— Не много, сударыня!

— Четыре зелененькихъ, сударь; тутъ и въ пиръ, и въ міръ. Вотъ старшей-то внучкѣ скоро года выходятъ, такъ, сказываютъ, два рубля семь гривенъ вычету будетъ!

— И живете-съ?

— Живемъ, сударь. Только, надо сказать, житье наше такое: и жить-то бы не надо, да и умирать не хочется. Не разберешь. А тоже вотъ хоть бы и я: такое ли прежде мое житье было! Домъ-то полная чаша былъ, хоть кто приходи—не стыдно! И мы въ гости—и къ намъ гости! Ну, а теперь—не прогнѣвайся! Одинъ день съ квасомъ, а другой и такъ, въ сухомятку поѣдимъ! Ну, а вы, сударь, чай, много суммы-то получаете?

— Да въ мѣсяцъ восемьдесятъ одинъ рубль шестьдесятъ копеекъ. Не развернешься тоже, сударыня!

— И! что вы! Да кабы намъ такія деньги... Вы, стало-быть, большую службу-то несли?

— Да... я... помпадуромъ былъ,—не безъ фатовства отвѣчаетъ Агатонъ, и видимо наслаждается, замѣчая, какъ «старушку» беретъ оторопь при этомъ признаніи.

Эта оторопь есть цѣль всѣхъ его разговоровъ. Достигнувъ ея, помпадуръ счастливъ; онъ чувствуетъ, что онъ не весь еще погасъ и что есть на свѣтѣ существо, которое можетъ позаимствоваться отъ него свѣтомъ.

— Былъ, сударыня, былъ-съ!—продолжаетъ онъ съ увлеченіемъ и вытягиваясь во весь ростъ. — Встрѣчали-съ! Провожали-съ! Шагу по улицѣ не дѣлалъ, чтобы квартальный впереди народъ не разгонялъ-съ! Безъ стерляжьей ухи за столъ не саживался-съ! А что насчетъ этихъ помпадуршъ-съ...

Digitized by Google

Агатонъ махаетъ рукой и направляется къ стойкѣ, за которою производится раздача пенсій. Защемивъ въ руку пачку красненькихъ кредитокъ, онъ проходитъ назадъ мимо «старушки» и такъ дружелюбно киваетъ головой на ея почтительный поклонъ, что оставляетъ ее въ совершенномъ недоумѣніи, дѣйствительно ли съ ней говорилъ одинъ изъ тѣхъ помпадуровъ, о которыхъ въ газетахъ пишутъ: и пріидутъ во градъ, и имутъ младенцевъ, и разбіютъ ихъ о камни?!..

Нѣтъ Агатона! до такой степени нѣтъ, что никому изъ N-скихъ обывателей, пріѣзжающихъ въ Петербургъ понюхать, чѣмъ пахнетъ, не приходило даже на мысль провѣдать, гдѣ онъ и какъ ему живется. Сначала ему такъ и казалось, что вотъ-вотъ ему сейчасъ доложатъ: «корнетъ Берендѣевъ пріѣхалъ, прапорщикъ Солонина желаютъ васъ видѣть!» Однако, проходятъ дни, недѣли, мѣсяцы, годы, но ни Берендѣевъ, ни Солонина и ухомъ не ведутъ. Помпадуръ долгое время не можетъ освоиться съ мыслью, что онъ забытъ. Слыша, что Берендѣевъ и Солонина ужъ не одинъ разъ наѣзжали въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы во всѣхъ домахъ терпимости отрекомендовать себя какъ непоколебимѣйшихъ консерваторовъ, онъ не хочетъ вѣрить ушамъ своимъ. «Да тѣ ли это? «его» ли это Берендѣевъ и Солонина?» — назойливо допрашиваетъ онъ очевидцевъ консерваторскихъ подвиговъ этихъ людей, и только тогда уже, когда нѣтъ больше мѣста сомнѣніямъ, разражается цѣлымъ ливнемъ безсильныхъ жалобъ противъ людской неблагодарности. «По цѣлымъ часамъ въ пріемной у меня коптѣлъ! у притолоки стоялъ! за честь себѣ считалъ, когда я не то что рукой—мизинцемъ его поманю!»—восклицаетъ онъ, весь дрожа и захлебываясь отъ негодованія. Дай волю своему языку, онъ навѣрное присовокупилъ бы: «а вотъ погоди! я васъ ужо въ бараній рогъ согну!» — но нелѣпость этой угрозы столь очевидна, что самое возникновеніе ея въ разгоряченномъ мозгу уже производитъ въ немъ реакцію въ совершенно обратномъ смыслѣ. Все кончено, все пусто, все голо, все дышитъ холодомъ, все исполнено мрака и безцѣльной, щемящей тоски... Впереди нѣтъ мѣста ни для угрозъ, ни для осаживаній, ни для ошеломленій. Кому какое дѣло, привѣтливая или огрызающаяся улыбка играетъ у него на устахъ? Кому надобность знать, благосклонный или нетерпящій возраженій у него жестъ? Все это имѣло значеніе прежде, а теперь...

Digitized by Google

— Ну, и чортъ съ ними! Имъ до меня нѣтъ дѣла, и мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ!—принимаетъ онъ, наконецъ, героическое рѣшеніе, и, остановившись на немъ, все больше и больше погрязаетъ подъ ферулой у выборгской шведки Лотты...

Эта картина не послѣдняя. Не вся перспектива исчерпана; вслѣдъ за описанными выше, проносятся новыя картины наготы и бѣдности, проносятся съ быстротою молніи, до тѣхъ поръ, пока отуманенный взоръ окончательно не отказывается различать въ этой мрачной, зіяющей безднѣ будущаго.

«О, если-бъ помпадуры знали, если-бъ они могли знать!—мысленно обращается онъ къ самому себѣ:—сколь многаго бы они не совершали, что безъ труда могли бы не совершить! И если даже меня, который ничего или почти ничего не совершилъ, ждетъ въ будущемъ возмездіе, то что же должно ожидать тѣхъ, коихъ вся жизнь была непрерывнымъ служеніемъ мятежу и сквернословію?»

. . . . . .

— Господа! предлагаю тостъ за нашего дорогого, многолюбимаго отъѣзжающаго!—прерываетъ на этомъ мѣстѣ мучительныя мечты помпадура голосъ того самаго Берендѣева, который въ этихъ мечтахъ игралъ такую незавидную роль.—Вашество! позвольте мнѣ, какъ хозяину дома, которому вы сдѣлали честь... однимъ словомъ, удовольствіе... или, лучше сказать, удовольствіе и честь... Вашество! языкъ мой нѣмѣетъ! Но позвольте... отъ полноты души... въ этомъ домѣ... Господа! поднимемъ наши бокалы! Урра!

При этомъ возгласѣ картины будущаго оставляютъ на время помпадура и онъ возвращается къ чувству дѣйствительности, то-есть чокается и благодаритъ.

— Благодарю васъ, господа!—говоритъ онъ:—хотя, признаться, я бы желалъ, чтобы все здѣсь происходящее было сномъ! Пусть это былъ бы пріятный, сладкій сонъ, доставившій вамъ случай выразить мнѣ сочувствіе, а мнѣ—лучшую награду, которой только можетъ желать честолюбивѣйшій изъ помпадуровъ... Но все-таки пусть бы это былъ сонъ!

— А ужъ мы-то, вашество, какъ бы мы-то!—шипитъ по-змѣиному будущій Іуда-Берендѣевъ.

Однако, это былъ не сонъ, и какъ мы ни ухитрялись отдалить минуту помпадурскаго отъѣзда, но, наконецъ, все-таки были вынуждены заколоть тельца, чтобы *въ послѣдній разъ* упитать достойнаго юбиляра.

Прекрасно и умилительно было это послѣднее торжество.

Digitized by Google

Распоряжалась имъ цѣлая комиссія изъ чиновниковъ особыхъ порученій, подъ высшимъ наблюденіемъ губернскаго предводителя дворянства. Въ четыре часа пополудни прибылъ почтенный юбиляръ и подъ звуки военнаго марша, словно гонимый сквозь строй, вступилъ въ залу собранія въ сопровожденіи двухъ ассистентовъ. На особомъ столѣ была сервирована роскошнѣйшая закуска, но взволнованный помпадуръ почти не прикоснулся къ ней, а только оросилъ слезою великолѣпный страсбургскій паштетъ. За обѣдомъ подавали стерляжью уху и soupe à la reine (къ нимъ: растегаи и семь или восемь сортовъ пирожковъ), затѣмъ: громаднѣйшій ростбифъ, salade de homards et de foie de lotte, épigramme de chevreuil, punch glacé, жареные фазаны и перепела, fonds d'artichauts à la lyonnaise и, въ заключеніе, три или четыре сорта пирожныхъ. Тосты предлагались въ безчисленномъ количествѣ, ибо не только начальники отдѣльныхъ частей, но даже совѣтники и ревизоры пожелали чѣмъ-нибудь порадовать отъѣзжающаго на прощаніе. Предсѣдатель суда сказалъ: «Никогда бы нашъ гласный, правый и скорый судъ не всталъ такой прочной ногою, если-бъ вашество не удостоили его вашимъ истинно просвѣщеннымъ сочувствіемъ». Предсѣдатель земской управы сказалъ: «Никогда земство не привилось бы такъ счастливо въ нашемъ краю, если-бъ вашество, съ первыхъ же шаговъ, не ободрили его вашимъ благосклоннымъ содѣйствіемъ!» Управляющій казенной палатой сказалъ: «Никогда выкупные платежи не поступали въ такомъ изобиліи!» Управляющій акцизными сборами сказалъ: «Никогда акцизъ съ вина, а равно и питейный сборъ съ мѣстъ оптовой и розничной распродажи питей всѣхъ наименованій не достигали такихъ размѣровъ!» Управляющій контрольной палатой сказалъ: «Никогда въ нашемъ краю законность не процвѣтала; вашество первый подали примѣръ благосклонной покорности законамъ, внеся 1 руб. 43 коп., начтенные на васъ контрольной палатой. Фактъ этотъ навсегда останется незабвеннымъ въ сердцахъ всѣхъ чиновъ ввѣренной мнѣ палаты, начиная съ меня и кончая сторожемъ!» Совѣтники и ревизоры, каждый порознь, сказали «Позвольте, вашество, и намъ! Никогда законность не процвѣтала въ нашемъ краю! Никогда!» И такъ далѣе. Одни предводители не говорили рѣчей, а только кричали: «уррра!» Наконецъ, выступилъ и самъ юбиляръ съ отвѣтнымъ прощальнымъ тостомъ.

Digitized by Google

— Господа!—сказалъ онъ.—Я знаю, что я ничего не совершилъ! Но именно потому-то я и позволяю себѣ на прощаньи пожелать вамъ одного. Я отъ души желаю вамъ... я желаю... чтобъ и другой... чтобъ и тотъ, кто замѣнитъ вамъ меня (крики: «никто не замѣнитъ, никто!..»), чтобы и онъ тоже... ничего, подобно мнѣ, не совершилъ! Смѣю думать... да, я именно такъ позволяю себѣ думать... что это самое лучшее... что это самое пріятное пожеланіе, какое я могу сдѣлать вамъ въ эту торжественную минуту.

— Урра!—стономъ застонала въ отвѣтъ вся зала.

Въ семь часовъ вечера помпадуръ, усталый и измученный, оставилъ насъ, чтобы заѣхать въ свою квартиру и переодѣться. Въ 9 мы собрались на станціи желѣзной дороги въ ожиданіи поѣзда. Въ 9½ помпадуръ наскоро перецѣловалъ насъ, выпилъ прощальный бокалъ и усѣлся въ вагонъ. Черезъ минуту паровозъ свистнулъ, и помпадуръ вмѣстѣ со всѣмъ поѣздомъ потонулъ во мракѣ!..

«Его ужъ нѣтъ!»—запѣлъ кто-то въ толпѣ, и этимъ простымъ восклицаніемъ сразу возвратилъ насъ къ дѣйствительности.

Дѣйствительность, которая предстояла впереди, для многихъ изъ насъ была болѣе нежели серьезна.

Какъ я объяснилъ выше, главную черту стараго помпадура составляла кроткая покорность закону и законности. Окруженный ореоломъ власти и пользуясь всѣми ея благами, онъ не былъ, однакожъ, опьяненъ ими, но любилъ соединять величіе съ привѣтливостью и даже допускалъ, что самыя заблужденія людей не всегда должны имѣть непремѣннымъ послѣдствіемъ разстрѣляніе. Устраняясь лично отъ преній по предметамъ внутренней политики, онъ, тѣмъ не менѣе, не находилъ противнымъ человѣческому естеству, если кто-либо изъ его подчиненныхъ, въ приличныхъ формахъ, позволялъ себѣ оспаривать пользу и цѣлесообразность того или другого мѣропріятія. Онъ даже съ удовольствіемъ вслушивался, какъ люди разговариваютъ, какъ изъ устъ ихъ по временамъ вылетаютъ умныя слова и какъ по поводу какого-нибудь непонятнаго для него выраженія вдругъ возникаетъ горячій, но скромный споръ. Какъ будто онъ догадывался, что ни этотъ споръ, ни возбудившія его непонятныя слова не заключаютъ въ себѣ ничего угрожающаго общественному спокойствію, и что дѣло кончится, все-таки, тѣмъ, что оппоненты, поспоривъ другъ съ другомъ, возьмутся за шапки и разбредутся по домамъ.

Digitized by Google

Такое благодушное настроеніе помпадура сообщало нашему обществу, или, по крайней мѣрѣ, просвѣщенному его меньшинству, совершенно особенный, такъ сказать, скромно-либеральный характеръ. Мы составляли единую дружественную семью, которая днемъ насаждала древо гражданственности въ присутственныхъ мѣстахъ, а по вечерамъ собиралась въ томъ или другомъ домѣ, тоже для насажденія древа гражданственности. Коли хотите, эти собранія были немножко скучны, но зато вполнѣ благонадежны. Мы читали передовыя статьи «Старѣйшей Россійской Пѣнкоснимательницы» и удивлялись благонамѣренной ихъ дерзости. Затѣмъ мы обсуждали казусы, возникавшіе во время утреннихъ засѣданій въ присутственныхъ мѣстахъ, и общимъ совѣтомъ рѣшали вопросы объ истинныхъ свойствахъ ассигновки, подлежащей удовлетворенію, объ единокровіи и единоутробіи, о границахъ, далѣе которыхъ усышка не должна быть допускаема, о томъ, слѣдуетъ ли вынутіе изъ пробоя затычки признавать признакомъ взлома, и т. д. Въ заключеніе, мы предавались радости, что всѣ мы—такіе усердные, нелицепріятные, преданные интересамъ казны, и, закончивши свой день этимъ, такъ сказать, актомъ самообліобованія, несуетливо расходились во-свояси.

Повторяю: каждый изъ насъ былъ искренно преданъ своему скромному, среднему дѣлу, и ежели въ этой преданности можно было отыскать что-нибудь предосудительное, то развѣ только то, что мы не шутя были убѣждены, что наше «дѣло» можетъ развиваться полегоньку, безъ трубныхъ звуковъ, безъ оглашеній, а тѣмъ болѣе безъ сквернословія. «Наше время—не время широкихъ задачъ!»—восклицали мы, и съ непреоборимою серьезностью корпѣли надъ рапортами, вѣдомостями, рѣшеніями и предписаніями. Предсѣдатель суда, конечно, соболѣзновалъ, когда присяжные засѣдатели слишкомъ охотно оправдывали обвиняемыхъ, но въ то же время никогда не позволилъ бы себѣ утверждать, что институтъ присяжныхъ долженъ быть подвергнутъ за это посрамленію. Предсѣдатель казенной палаты всѣмъ сердцемъ желалъ, чтобы подати поступали въ казну бездоимочно, но былъ бы глубоко огорченъ, если-бъ это поступленіе сопровождалось взломомъ головъ у плательщиковъ. Предсѣдатель земской управы страстно лелѣялъ въ душѣ своей идеалъ переложенія дорожной повинности изъ натуральной въ денежную, но первый отступилъ бы въ ужасѣ, если-бъ ему сказали, что для достиженія этого не-

Digitized by Google

обходимо ту или другую мѣстность объявить въ осадномъ положеніи. Управляющій акцизными сборами охотно принималъ участіе въ дѣлежѣ дивиденда, но при этомъ всегда уповалъ, что наступитъ время, когда количество дивиденда будетъ зависѣть не столько отъ увеличенія арміи пьяницъ, сколько отъ болѣе правильнаго распредѣленія напитка между желающими пользоваться имъ. И такъ далѣе. Но при всемъ либерализмѣ мы не только не отрицали необходимости помпадура, но даже прямо говорили, что безъ помпадура мы пропадемъ, какъ шведы подъ Полтавой. Въ безграничномъ нашемъ усердіи мы желали отъ помпадура только одного: чтобъ онъ не отвлекалъ насъ отъ рапортовъ, предписаній и вѣдомостей, чтобъ не истощалъ казны черезчуръ блестящими предпріятіями и простилъ бы, если-бъ кто-нибудь изъ насъ, по разсѣянности, выказалъ *простую* теплоту чувствъ въ такую минуту, когда принято выказывать теплоту чувствъ *особенную*.

Такимъ образомъ мы жили и, надо сказать правду, не видя ни откуда притѣсненій, даже возгордились. Стали въ глаза говорить другъ другу комплименты, называть другъ друга «гражданами», увѣрять, что другой такой губерніи днемъ съ огнемъ поискать, устраивать по подпискѣ обѣды въ честь чьего-нибудь пятилѣтія или десятилѣтія, а иногда и просто въ ознаменованіе безпримѣрнаго дотолѣ увеличенія дохода съ питей или бездоимочнаго поступленія выкупныхъ платежей.

Понятно поэтому, какое горькое впечатлѣніе произвело на насъ косвенное извѣстіе о какомъ-то «вѣяніи времени», которое должно было немедленно насъ сократить.

Многіе изъ насъ думали: какъ, однакожъ, постыдно, какъ глубоко оскорбительно положеніе человѣка, который постоянно долженъ задавать себѣ вопросъ: за что?—и не находить другого отвѣта, кромѣ: будь готовъ! Я, напримѣръ сижу за столомъ и весь углубленъ въ провѣрку вѣдомостей. Никакой вины за собой я не чувствую. Цифры шеренгами и столбцами мелькаютъ въ моихъ глазахъ; мнѣ тошно отъ нихъ, я радъ бы бѣжать, куда глаза глядятъ, чтобъ только не видѣть ихъ; однако, я преодолѣваю свою тошноту и пѣлымъ рядомъ героическихъ насилій надъ собою достигаю, наконецъ, итога, не только понятнаго для меня самого, но такого, который,—я положительно въ томъ увѣренъ—поймутъ и мое начальство. И вдругъ въ самомъ разгарѣ торжества моего усердія, мнѣ приходятъ сказать: «Ты пре-

Digitized by Google

ступенъ! Ты преступенъ потому, что когда-то, въ какомъ-то мѣстѣ, не выказалъ *достаточной* теплоты чувствъ!»—Помилуйте,—говорю я:—я вотъ этими вѣдомостями, я числомъ входящихъ и исходящихъ нумеровъ—вотъ чѣмъ доказываю я теплоту своихъ чувствъ!—«Вздоръ!—отвѣчаютъ мнѣ:—наплевать намъ на твои вѣдомости! Пусть будутъ всѣ итоги перевраны, пусть будутъ исходящія бумаги исполнены безсмыслицы—подавай намъ не *эту*, а настоящую теплоту чувствъ!»—Позвольте, однако: стало-быть, у васъ есть термометръ, съ помощью котораго вы...—«Ба! ты еще остришь! Живо! Faites vos bagages, messieurs! faites vos bagages! Фюить!»

И вотъ я, преданнѣйшій изъ либераловъ, я, который всю жизнь мечталъ: какъ бы славно, если-бъ крестьянинъ вносилъ выкупные платежи полностью, и притомъ не по принужденію, а съ сладкимъ сознаніемъ выполненнаго долга,—я долженъ, не оглядываясь, бѣжать «отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ», бѣжать безъ прогоновъ, съ опасной кличкой человѣка, не выказавшаго *достаточной* теплоты чувствъ! За что?!

Поймите меня. Если я желалъ, чтобъ выкупные платежи вносили бездоимочно, то вѣдь я желалъ этого не для себя, не для пріобрѣтенія себѣ эфемерной популярности, а для того, что сердце мое обливалось кровью при одной мысли, что государственное казначейство можетъ быть поставлено въ затрудненіе. Какой еще нужно теплоты чувствъ? А если я, сверхъ того, желалъ, чтобъ эти взносы дѣлались не по принужденію, то, опять-таки, не затѣмъ, чтобъ дать поблажку непросвѣщенной и грубой черни, а затѣмъ, что если однажды, въ видахъ скорѣйшаго полученія денегъ, проломить плательщику голову, то онъ умретъ, и въ другой разъ казнѣ уже не съ кого будетъ взыскивать. Ужели и это не теплота чувствъ?!

Теплота чувствъ! О, вы, которые такъ много говорите о ней, объясните, по крайней мѣрѣ, въ чемъ должны заключаться ея признаки? Но, увы! никто даже не даетъ себѣ труда отвѣтить на этотъ вопросъ. Напротивъ того, вопросъ мой возбуждаетъ негодованіе, почти ужасъ. Какъ! ты даже этого, врожденнаго всякому человѣку, понятія не имѣешь! ты *этого* не понимаешь! *Этого!!* Брысь!

Въ тоскѣ, я обращаюсь къ моему сердцу. Сердце-вѣщунъ!—говорю я:—ты, которое, десятки лѣтъ состоя на казенной службѣ, должно знать всѣ формы и степени ка-

Digitized by Google

зенной теплоты! Повѣдай мнѣ, въ чемъ прегрѣшаю я противъ нихъ?

И вотъ сердце отвѣчаетъ мнѣ: тогда-то, спѣша по улицѣ въ присутствіе, ты забылъ сдѣлать подъ козырекъ! тогда-то, гуляя въ публичномъ саду, ты разсуждалъ съ управляющимъ контрольной палаты на тему о безполезности писать законы, коль скоро ихъ не исполнять, между тѣмъ какъ, *по-настоящему,* ты долженъ былъ стоять въ это время смирно и распѣвать: «громъ побѣды раздавайся!»

О, ужасъ! я припоминаю! Да... это такъ... это дѣйствительно было! Дѣйствительно, я и подъ козырекъ не сдѣлалъ, и не распѣвалъ... Но почему же, о, сердце, ты не предупредило меня?! Ты, которое знаешь, какъ охотно я дѣлаю подъ козырекъ и съ какимъ увлеченіемъ я всегда и на всякомъ мѣстѣ готовъ повторить:

О, россъ! о, родъ непобѣдимый!
О, твердокаменная грудь!

Положимъ, однакожъ, что я преступенъ; но развѣ нѣтъ для меня смягчающихъ вину обстоятельствъ? Та поспѣшность, съ которою я устремился въ присутствіе и которая была причиной, что я не сдѣлалъ подъ козырекъ—развѣ это не ѳиміамъ въ своемъ родѣ? Тотъ восторженный разговоръ, который я велъ о необходимости покоряться законамъ даже въ томъ случаѣ, если мы признаемъ, что законъ для насъ не писанъ—развѣ это не перифраза того же самаго «громъ побѣды раздавайся», за нераспѣваніе котораго я такъ незаслуженно оскорбленъ названіемъ преступника?

Но никто не внимаетъ мнѣ; никто не хочетъ признать за мной даже смягчающихъ обстоятельствъ! Faites vos bagages, messieurs! faites vos bagages!

Въ ожиданіи такихъ перспективъ очень естественно, что мы и не замѣтили, какъ простылъ слѣдъ нашего добраго стараго помпадура. Намъ было не до того. Не неблагодарность руководила нами, а простое чувство самосохраненія. Въ тоскливой суетѣ сообщали мы другъ другу различныя предчувствія и предположенія; но всѣ эти предчувствія блѣднѣли и меркли передъ однимъ капитальнымъ и, такъ сказать, немеркнущимъ вопросомъ:

Кто... ОНЪ?

Кто онъ? Кто тотъ благовѣстникъ самоновѣйшаго духа времени, которому суждено и на насъ распространить его вѣянія, или, лучше сказать, вывести насъ въ нѣкоторое пустынное и ни откуда не защищенное мѣсто, гдѣ всевоз-

Digitized by Google

можные вихри будутъ нещадно трепать насъ и сзади, и спереди, и съ боковъ?

Въ чемъ состоятъ «вѣянія» времени?

Que les méchants tremblent! que les bons se rassurent! Все это прекрасно, но кто же тѣ «злые», которые обязываются трепетать? кто тѣ «добрые», которые могутъ съ довѣріемъ взирать въ глаза прекрасному будущему?

Надо сказать правду, что, предложивъ себѣ эти вопросы, мы отвѣтили на нихъ довольно рутиннымъ образомъ. По прежнимъ примѣрамъ, а можетъ-быть и не по примѣрамъ, а просто на основаніи давно упраздненныхъ афоризмовъ административной азбуки, мы думали, что подъ «злыми» слѣдуетъ разумѣть, во-первыхъ, взяточниковъ, во-вторыхъ, такъ-называемыхъ дантистовъ и, въ-третьихъ, всякаго рода шалопаевъ и «шлющихся людей. Нѣкоторые изъ насъ (либералы, но уже съ значительнымъ консервативнымъ оттѣнкомъ) прибавляли къ этимъ тремъ категоріямъ еще четвертую, подъ наименованіемъ «людей» политически неблагонадежныхъ». Но, во всякомъ случаѣ, такъ какъ мы ни къ одной изъ этихъ категорій (даже къ четвертой) себя не причисляли, то многіе чуть-было тутъ же не начали взирать съ довѣріемъ въ глаза прекрасному будущему. Однакожъ, болѣе пристальное разсмотрѣніе дѣла дало намъ почувствовать, что тутъ есть ошибка, и притомъ довольно грубая.

Начать хоть со взяточниковъ—могутъ ли быть они названы «злыми» въ новѣйшемъ значеніи этого слова?

Извѣстно, что въ концѣ пятидесятыхъ годовъ воздвигнуто было на взяточниковъ очень сильное гоненіе. Съ понятіемъ о «взяточничествѣ» сопрягалось тогда представленіе о какой-то язвѣ, которая якобы разъѣдаетъ русское чиновничество и служитъ немалой помѣхой въ дѣлѣ народнаго преуспѣянія. Казалось, что ежели уничтожить взятку и населить міръ неумытными становыми приставами, то вдругъ потекутъ рѣки млека и меда, а къ нимъ на придачу водворится и правда. Такъ понимало «взятку» тогдашнее общество; такъ объясняли это слово и составители толковыхъ словарей. Но съ тѣхъ поръ понятія наши значительно расширились, и мы не только не указываемъ на взяточничество какъ на язву, но даже не интересуемся знать, прекратилось оно или существуетъ. Утративши прежнія наглыя формы, оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, утратило и права на наше вниманіе. Прежнія страстныя преслѣдованія этого

Digitized by Google

гнуснаго порока утихли или, лучше сказать, замѣнились иными преслѣдованіями иныхъ пороковъ... пороковъ, порожденныхъ новыми вѣяніями времени. Словомъ сказать, вопросъ о взяточничествѣ, нѣкогда столь славный, является въ настоящее время до такой степени забытымъ, что самое напоминаніе о немъ кажется ребяческою назойливостью.

Такъ бываетъ всегда, когда общественное развитіе идетъ слишкомъ быстро и когда общество, въ своемъ нетерпѣніи, отъ копеечной взятки прямо переходитъ къ тысячной, десятитысячной и т. д. Филологи, не успѣвая слѣдить за измѣненіями, которыя вноситъ жизнь въ извѣстныя выраженія, впадаютъ въ невольныя ошибки и продолжаютъ звать «взяткой то, чему уже слѣдуетъ, по всей справедливости, присвоить наименованіе «куша». Отсюда—путаница понятій. Содержаніе «взятки» измѣнилось, границы ея получили совсѣмъ другія очертанія; притягательныя ея силы пріобрѣли особливый полётъ и изумительнѣйшее, дотолѣ неслыханное развитіе, а составители толковыхъ словарей упорствуютъ утверждать, что «взятка» есть то самое, что въ древности собиралъ становой приставъ въ формѣ куръ и яицъ и лишь по временамъ находилъ, въ видѣ полуимперіала, во внутренностяхъ какого-нибудь вонючаго распотрошеннаго трупа. Къ счастью, однакожъ, жизнь не вѣритъ этимъ объясненіямъ и утверждаетъ прямо, что «взятка» окончательно умерла и на ея мѣсто народился «кушъ».

Но понятно, что «кушъ» уже совсѣмъ другого рода дѣло, и что для разъясненія, въ какой мѣрѣ этотъ новый экономическій дѣятель препятствуетъ или способствуетъ народному преуспѣянію, потребно не мало времени. До сихъ поръ, и то лишь на этихъ дняхъ, только прусскій депутатъ Ласкеръ возбудилъ объ этомъ вопросъ, неосторожно назвавъ «взяткою» двадцатитысячный «кушъ», полученный нѣкіимъ тайнымъ совѣтникомъ за содѣйствіе при выдачѣ желѣзнодорожной концессіи. Разумѣется, газетчики обрадовались этому обличенію и увидѣли въ немъ фактъ, свидѣтельствующій о прусской испорченности. Но вотъ выскивается австрійскій журналистъ, который по поводу этого же самаго происшествія совершенно наивно восклицаетъ: «О! если бы намъ, австрійцамъ, Богъ послалъ такую же испорченность, какая существуетъ въ Пруссіи, какъ были бы мы счастливы!» Какъ хотите, а это восклицаніе проли-

Digitized by Google

ваетъ на дѣло совершенно новый свѣтъ, ибо кто же можетъ поручиться, что вслѣдъ за австрійскимъ журналистомъ не выищется журналистъ турецкій, который пожелаетъ для себя австрійской испорченности, а потомъ нубійскій или кокандскій журналистъ, который будетъ сгорать завистью уже по поводу испорченности турецкой? Очевидно, что разногласія этого не могло бы существовать, если-бъ строгимъ опредѣленіемъ понятія о «кушѣ» была сразу устранена возможность заслонить одну громадную мерзость посредствомъ другой, еще болѣе громадной. Но вотъ этого-то именно и нѣтъ. А покуда не будетъ достигнуто это устраненіе, много пройдетъ времени въ спорахъ, какая степень испорченности желательна, какая терпима и какая, наконецъ, и не желательна, и не терпима.

До тѣхъ поръ мы будемъ имѣть основаніе сказать только одно: да, если взятка еще не умерла, то она существуетъ въ такой облагороженной формѣ, что лучше всего дѣлать видъ, что не примѣчаешь ея. Но, кромѣ того, имѣются и высшія соображенія, которыя не дозволяютъ считать взяточниковъ въ числѣ «злыхъ». Новѣйшія вѣянія времени учатъ все болѣе цѣнить въ человѣкѣ не геройство и способность претерпѣвать лишенія, сопряженныя съ ограниченнымъ казеннымъ содержаніемъ, а покладистость, уживчивость и готовность. Но что же можетъ быть покладистѣе, уживчивѣе и готовнѣе хорошаго, добраго взяточника? Ради возможности стянуть лишнюю копеечку, онъ готовъ ужиться съ какою угодно внутренней политикой, увѣровать въ какого угодно бога. Сегодня, напяливъ мундиръ, онъ отправляется въ соборъ поклониться Богу истинному, а завтра—только прикажите!—въ томъ же мундирѣ выйдетъ на лобное мѣсто и будетъ кричать: «распни! распни Его!»

Ясно, что «новѣйшія вѣянія времени» къ нимъ относиться не должны...

Другая категорія людей, которая, на основаніи азбучныхъ опредѣленій, заслуживала бы наименованія «злыхъ», состоитъ изъ тѣхъ нервно-разстроенныхъ людей, которые въ оглушеніяхъ и заушеніяхъ ищутъ успокоенія для своей разстроенности. Должны ли они трепетать? Нѣкоторые изъ насъ отвѣчали на этотъ вопросъ утвердительно; другіе говорили прямо: нѣтъ, не должны. Но аргументы первыхъ до того страдали риторическою амплификаціей, что невольно напоминали знаменитое и, какъ извѣстно, окончившееся полнѣйшимъ фіаско выраженіе: «въ наше время,

Digitized by Google

когда»... Напротивъ того, аргументы вторыхъ такъ плотно стояли на реальной почвѣ, что своею осязаемостью поражали слушателя въ самое сердце. «Помилуйте!—говорили послѣдніе:—что же такое оглушенія и заушенія, какъ не самое яркое выраженіе новѣйшихъ вѣяній времени, какъ не роскошный плодъ, въ которомъ они находятъ свое осуществленіе?»

И точно, знаменитѣйшіе изъ нашихъ оглушителей:—маіоръ Зуботычкинъ и капитанъ Рылобейщиковъ, присутствуя при нашихъ спорахъ, здоровымъ и цвѣтущимъ своимъ видомъ выражали не только отсутствіе всякихъ опасеній, но и полнѣйшее довѣріе къ будущему. И при этомъ оба такъ простодушно удостовѣряли: «какъ хотите, а съ простымъ народомъ безъ того нельзя-съ», что даже несомнѣнные противники системы оглушенія—и тѣ становились втупикъ: слѣдуетъ ли ставить въ вину такіе подвиги, которые служатъ лишь выраженіемъ самыхъ завѣтныхъ и искреннихъ убѣжденій? Что могъ почувствовать при видѣ ихъ помпадуръ, который самъ являлся вѣстникомъ «вѣяній времени»? Какъ могъ онъ поступить относительно ихъ? Очевидно, онъ долженъ былъ призвать къ себѣ Зуботычина и Рылобейщикова и сказать имъ: «вы—избранники моего сердца! идите, сѣйте зубы, сокрушайте челюсти и превращайте вселенную въ пустыню! Я съ удовольствіемъ буду слѣдить за вашими успѣхами!»

Ясно, стало-быть, что и «даптисты» стоятъ внѣ того круга, которому угрожаетъ опасность...

Третья категорія «злыхъ»—шалопаи и разнаго рода «шлющіеся» люди. Но относительно ихъ современныя воззрѣнія до того уже выяснились, что мы сами тотчасъ же поняли неумѣстность этой категоріи. Когда Петръ Великій билъ «шлющихся людей» палкой и приказывалъ брить имъ лбы и записывать на службу—это было понятно. Для преобразованія Россіи нужно было, чтобъ шалопаи были на глазахъ, чтобъ они не гадили втихомолку, а дѣлали это, буде хватитъ смѣлости, въ виду всей публики. Но впослѣдствіи мы пріобрѣли такъ много всякаго рода свободъ, что между ними совершенно незамѣтно проскользнула и свобода шалопайствовать. Шалопаи проникли всюду, появились на всѣхъ ступеняхъ общества и постепенно образовали такое компактное ядро, что, за неимѣніемъ другого, болѣе доброкачественнаго, многіе усомнились, не тутъ ли именно и находится та несокрушимая крѣпость, изъ которой

Digitized by Google

новыя вѣянія времени могутъ производить смѣлѣйшіе набѣги свои. Въ какой степени основательно или неосновательно такое предположеніе—это предстоитъ разрѣшить времени; но до тѣхъ поръ, пока разрѣшенія не послѣдовало, ясно, что «плющіеся люди», равно какъ взяточники и дантисты, должны стоять внѣ всякихъ угрозъ.

Оставалась, стало-быть, четвертая и послѣдняя категорія «злыхъ», категорія людей «политически-неблагонадежныхъ». Но едва мы приступили къ опредѣленію признаковъ этой категоріи; какъ съ нами вдругъ, ни съ того, ни съ сего, приключился ознобъ. Ознобъ этотъ еще болѣе усилился, когда мы встрѣтились съ прикованными къ намъ взорами нашихъ консерваторовъ. Эти взоры дышали злорадствомъ и ироніей и сопровождались улыбками самаго загадочнаго свойства...

Боже! ужели же мы, всегда считавшіе себя «добрыми», мы, носители идеаловъ о начетахъ не свыше 1 р. 43 к., мы, преданное среднему дѣлу меньшинство, мы, «граждане»—ужели именно мы-то и обязываемся «трепетать»?!

Да! Это жестоко, но это такъ! Это можно было угадать уже по тому конфузу, который овладѣлъ самими нами, какъ только произнесены были слова: политическая неблагонадежность. Скажу по секрету: мы уже давно очень хорошо поняли, что рѣчь пойдетъ не о комъ другомъ, а именно о насъ, и лишь по малодушію скрывали это не только отъ другихъ, но и отъ самихъ себя. Все какъ-то думалось, не совершится ли чудо, не сознаются ли консерваторы, что къ нимъ всего больше подходитъ та кличка политически-неблагонадежныхъ людей, которую такъ удачно создало вѣяніе времени? Не снимутъ ли они на себя тяготѣющій на насъ оговоръ? Но консерваторы не сознавались, а потому пришлось сознаваться намъ самимъ.

Какимъ образомъ случилось, что мы хоть косвенно, но сами признавали себя въ числѣ тѣхъ, противъ которыхъ вѣяніе времени должно было прежде всего направить свои стрѣлы—объяснить это довольно легко. Въ послѣднее время нашъ клубъ былъ ареною такихъ безпрерывныхъ и раздражительныхъ междоусобій, что мы, носители идеала о начстахъ не свыше 1 руб. 43 коп., лишь благодаря благосклонному содѣйствію стараго помпадура, одерживали въ нихъ слабый верхъ. Но даже и при существованіи этого могущественнаго прикрытія мы никогда не могли предотвратить, чтобы наши политическіе противники не напо-

Digitized by Google

минали намъ, съ едва скрываемою дерзостью, кто мы и изъ какихъ мы принциповъ выходимъ. Повторяю: принципы эти были очень просты и заключались въ томъ, чтобы взятокъ не брать, къ рылобитію не прибѣгать и съ самоотверженіемъ корпѣть надъ рапортами и вѣдомостями. Но консерваторамъ и это казалось ужаснымъ. Что бы мы ни предпринимали, какое бы сужденіе ни высказывали, мы совершенно явственно слышали, какъ тутъ же, о-бокъ съ нами, раздавался ехиднѣйшій шопотъ, который произносилъ: «красные!» Это восклицаніе преслѣдовало насъ всюду: въ клубѣ, на улицѣ, въ присутственномъ мѣстѣ. Да, и въ присутственномъ мѣстѣ, потому что даже просьбы на гербовой бумагѣ, которыя приходилось намъ разбирать,—и тѣ были насквозь пропитаны ядомъ этого выраженія. Вотъ почему это слово не было для насъ новостью и вотъ почему, какъ только оно было произнесено, мы тотчасъ же поняли, что «красные»—это мы. Прежде мы могли относиться къ этой кличкѣ равнодушно и даже шутливо; но теперь, когда мы сознавали себя предоставленными лишь собственнымъ силамъ, она предстала передъ нами во всей наготѣ. Могли ли мы примѣнить ее къ кому бы то ни было, кромѣ самихъ себя? Могли ли мы утверждать, что намъ и на умъ никогда не приходило называть себя «красными», а тѣмъ менѣе быть оными? Увы! улики были налицо, улики страшныя, подавляющія! Такія улики, что начотъ въ 1 руб. 43 коп. сразу выступилъ въ видѣ холодныхъ капель пота на лбу у управляющаго контрольной палатой, какъ только онъ вспомнилъ о немъ!

Это была неправда, это была вопіющая клевета. Но, тѣмъ не менѣе, какъ ни обдумывали мы свое положеніе, никакого другого выхода не находили, кромѣ одного: да, мы, именно мы одни обязываемся «трепетать»! Мы—«злые», лишь по недоразумѣнію восхитившіе наименованіе «добрыхъ». Мы—волки въ овечьей шкурѣ. Мы—«красные». На насъ прежде всего должно обрушиться вѣяніе времени, а затѣмъ, быть-можетъ, задѣть на ходу и другихъ.

Уныніе овладѣло нами. Одни изъ насъ дребезжащимъ голосомъ разучивали «Громъ побѣды раздавайся!» Другіе выстаивали по цѣлымъ часамъ, дѣлая рукою подъ козырекъ. Нѣкоторые замышляли измѣну дорогимъ убѣжденіямъ...

Но всѣ средства оказались не практичными и не цѣлесообразными. Не то слѣдуетъ доказать, умѣешь ли ты дѣлать подъ козырекъ, а то, возведено ли въ тебѣ это дѣланіе на

Digitized by Google

степень врожденной идеи. Но о томъ рѣчь, твердо ли ты заучилъ романсъ «Громъ побѣды раздавайся», а о томъ, составляетъ ли онъ операціонный базисъ твоихъ мыслей и дѣйствій. Измѣна же хотя и казалась наиболѣе практическимъ выходомъ, но вѣдь и ее прежде надобно доказать или, по малой мѣрѣ, доложить объ ней, а это тоже почти невозможно, потому что «вѣянія времени» обращаютъ человѣка въ пепелъ, прежде нежели онъ успѣетъ разинуть ротъ...

Однимъ словомъ, оставалось только ждать.

Въ этомъ ожиданіи прошло нѣсколько томительныхъ недѣль, въ продолженіе которыхъ только одинъ вопросъ представлялся намъ съ полною ясностью:

За что?

Мы ничего не имѣли въ мысляхъ, кромѣ интересовъ казны; мы ничего не желали, кромѣ благополучнаго разрѣшенія благихъ начинаній; мы трудились, усердствовали, лѣзли изъ кожи и въ свободное отъ усердія время мечтали: о, если бы и волки были сыты, и овцы цѣлы!.. Словомъ сказать, мы день и ночь хлопотали о насажденіи древа гражданственности. И вотъ теперь намъ говорятъ: «вы должны претерпѣть!»

За что?!

Да пересмотрите же наши вѣдомости! Загляните въ наши предписанія, донесенія, журнальныя постановленія! Сличите, какой сумбуръ царствовалъ до насъ и какъ рѣшительно двинули мы впередъ многосложное и трудное дѣло сличенія вѣдомостей, поправки кассовыхъ журналовъ, бухгалтерскихъ книгъ, и проч., и проч.

Отвѣтъ: быть-можетъ, это все такъ, но вы *должны* претерпѣть.

Примите, по крайней мѣрѣ, во вниманіе, что ежели мы и провинились, то безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія, по разсѣянности, недоразумѣнію, неопытности, глупости и т. д.

Вы должны претерпѣть!

За что?!

Наконецъ, ОНЪ пріѣхалъ...

По внѣшнему виду въ немъ не было ничего ужаснаго, но внутри его скрывалась молнія.

Какъ только онъ почуялъ, что передъ нимъ стоятъ люди, которые хотя и затаили дыханіе, но все-таки дышатъ,— такъ тотчасъ же вознегодовалъ.

Digitized by Google

Но онъ былъ логиченъ. Онъ не вошелъ даже въ разбирательство, кто передъ нимъ: консерваторы или либералы.

И вотъ онъ раскрылъ ротъ. Едва онъ сдѣлалъ это, какъ молнія, въ немъ скрывавшаяся, мгновенно вылетѣла и, не тронувъ насъ, прямо зажгла древо гражданственности, которое было насаждено въ душахъ нашихъ...

Случайность эта спасла насъ. При кликахъ всеобщей суматохи онъ далъ каждому изъ насъ по нѣсколько щипковъ и затѣмъ всецѣло предался внутреннему ликованію.

Но по мѣрѣ того, какъ онъ щипалъ насъ, мы чувствовали, какъ догораетъ наше милое, дорогое древо гражданственности.

— О, древо!—уныло восклицали мы:—съ какими усиліями мы возрастили тебя и, возрастивъ, съ какимъ торжествомъ публиковали о томъ всему міру! И что-жъ! пришелъ нѣкто—и въ одну минуту испепелилъ всѣ наши насажденія!

Мы уцѣлѣли—но ужъ безъ древа гражданственности. Мы не собираемся вокругъ него и не щебечемъ. Мы не знаемъ даже, надолго ли «онъ» оставилъ намъ жизнь... Но, соображаясь съ вѣяніями времени, твердо уповаемъ, что жизнь возможна для насъ лишь подъ однимъ условіемъ: подъ условіемъ, что мы обязываемся сжемгновенно и неукоснительно трепетать.

IX.—Помпадуръ борьбы

или

ПРОКАЗЫ БУДУЩАГО.

Я съ дѣтскихъ лѣтъ знаю Ѳеденьку Кротикова. Въ школѣ это былъ отличный товарищъ, готовый и въ форточку покурить, и прокатиться въ воскресенье на лихачѣ, и кутнуть гдѣ-нибудь въ заднихъ комнатахъ ресторанчика. По выходѣ изъ школы, продолжая оставаться отличнымъ товарищемъ, онъ въ какихъ-нибудь три-четыре года напилъ и наѣлъ у Дюссо на десять тысячъ рублей и задолжалъ нѣсколько тысячъ за ложу на Минерашкахъ, изъ которой имѣлъ удовольствіе аплодировать m-lle Blanche Gandon. Это заставило его взглянуть на свое положеніе серьезнѣе. Роль добраго товарища обходилась слишкомъ дорого; надо было остепениться и избрать себѣ карьеру. И вотъ, не прошло четырехъ лѣтъ—слышимъ, что онъ прямо изъ-подъ ферулы Дюссо вдругъ выказалъ необыкновенный администр-

Digitized by Google

стративный блескъ. Еще немного — и Ѳеденька былъ уже помпадуромъ въ городѣ Навозномъ...

Какимъ образомъ все это случилось—никто не могъ дать себѣ отчета. Всѣ видѣли, что Ѳеденька сидитъ у Дюссо, но никто не подозрѣвалъ, что онъ сидитъ не спроста, а изучаетъ духъ времени. У Дюссо же, кстати, собираются наѣзжіе помпадуры и за бутылкой добраго вина развиваютъ виды и предположенія, какіе кому Богъ на душу пошлетъ, а слѣдовательно для молодыхъ кандидатовъ въ администраторы лучшей школы не можетъ быть. И Ѳеденька воспользовался ею вполнѣ, то-есть, прислушивался и смекалъ. И вотъ, когда онъ понялъ, что для современнаго администратора ничего больше не требуется, кромѣ свободныхъ манеръ, то тотчасъ же сообразилъ, что и онъ въ этомъ отношеніи не лыкомъ шитъ. Проникнувъ въ извѣстныя сферы, изъ которыхъ, какъ изъ нѣкоего водохранилища, изливается на Россію многоводная рѣка помпадурства, Ѳеденька, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, сболтнулъ хлесткую фразу, въ родѣ того, что Россію губитъ излишняя централизація; что необходимо децентрализовать, то-есть эмансипировать помпадуровъ, усиливъ ихъ власть, что высшая администрація слишкомъ погружена въ подробности и мелочи; что мелочи отвлекаютъ ее отъ главныхъ задачъ, то-есть отъ внутренней политики, и т. д. Однимъ словомъ, высказалъ все, что говорится у Дюссо за стаканомъ добраго вина наѣзжими и жаждущими эмансипироваться помпадурами. Сболтнулъ—и понравился; понравился — и былъ признанъ способнымъ уловлять вселенную...

И первый порадовался возвышенію Ѳеденьки. Во-первыхъ, я зналъ, что у него доброе сердце, а, по моему мнѣнію, въ помпадурѣ это главное. Если помпадуръ настолько простодушенъ, что ничѣмъ другимъ, кромѣ внутренней политики, заниматься не можетъ, и если при этомъ онъ еще золъ, то очевидно, что онъ не сумѣетъ дать другого употребленія своему досугу, кромѣ угнетенія обывателя. Злая праздность подозрительна и ревнива. Лишенная знанія и тѣхъ ограниченій, которыя она приноситъ съ собой, она замѣняетъ его простымъ нахальствомъ, и потому всюду вмѣшивается, во всемъ сознаетъ себя компетентною, всѣмъ мѣшаетъ, вездѣ видитъ посягательство, покушеніе, оскорбленіе. Она съ утра до вечера хлопаетъ глазами и все ищетъ, какъ бы кого истребить, скрутить, согнуть въ ба-

Digitized by Google

раній рогъ. Клянусь, ничего тутъ хорошаго нѣтъ. Напротивъ того, праздность невѣжественная, но соединенная съ добродушіемъ, не только не вредитъ, но даже представляетъ нѣкоторыя выгоды. Добрый помпадуръ застѣнчивъ; онъ никому не мѣшаетъ и даже избѣгаетъ лишнихъ объясненій, потому что боится сболтнуть что-нибудь несообразное и выказать несостоятельность. Сознавая себя осужденнымъ исключительно на внутреннюю политику, онъ все значеніе послѣдней полагаетъ въ томъ, чтобы не препятствовать другимъ. Онъ посѣщаетъ клубъ—и всѣхъ призываетъ къ согласію. Онъ ѣздитъ на пироги, обѣды и ужины — и всѣмъ желаетъ благополучія. Хороши добрые, невѣжественные помпадуры! При нихъ обыватель съ довѣріемъ смотритъ въ глаза завтрашнему дню, зная, что онъ встрѣтитъ его въ своей постели, а не на съѣзжей, и что никто не перевернетъ вверхъ дномъ его существованія по обвиненію въ недостаточной теплотѣ чувствъ. И вотъ этого именно, этой незлобивой невѣжественности, соединенной съ доброжелательнымъ отношеніемъ къ обывателю, вдалъ я и отъ Ѳеденьки.

Во-вторыхъ, мнѣ было извѣстно, что Ѳеденька имѣетъ и другое драгоцѣнное качество: — что онъ либералъ. Это было время либерализма почти повальнаго, то время, когда вдругъ всѣмъ сдѣлалось тошно и душно. Ѳеденька отлично выразилъ это чувство въ особенной докладной запискѣ, представленной имъ по этому случаю. «Воспрещеніе курить на улицахъ,—писалъ онъ въ этой запискѣ:—ограниченія относительно покроя одежды, въ особенности же истинно-деоклитіановскія гоненія противу лицъ, носящихъ бороды и длинные волосы, — все это, вмѣстѣ взятое, не могло не оказать пагубнаго воздѣйствія на общественную самодѣятельность. Чувствуя себя на каждомъ шагу подъ угрозой мѣропріятій, бо́льшею частью направленныхъ противу невиннѣйшихъ поползновеній человѣческаго естества, общество утратило вѣру въ свои творческія силы и поникло подъ игомъ постыднаго равнодушія къ собственнымъ интересамъ. Посему и въ видахъ поднятія народнаго духа, я полагалъ бы необходимымъ всенародно объявить: 1) что занятіе куреніемъ табака свободно вездѣ, за нижеслѣдующими исключеніями (слѣдовалъ 81 п. исключеній); 2) что выборъ покроя одежды предоставляется личному усмотрѣнію каждаго, съ таковымъ, однакожъ, изъятіемъ, что появленіе на улицахъ и въ публичныхъ мѣстахъ въ обна-

Digitized by Google

женномъ видѣ, попрежнему, остается недозволительнымъ, и 3) что преслѣдованіе за ношеніе бороды и длинныхъ волосъ прекращается, а всѣ начатыя по сему предмету дѣла предаются забвенію, за исключеніемъ лишь нижеслѣдующихъ случаевъ (поименовано 33 исключенія)». Какъ хотите, а человѣкъ, начинавшій свой административный бѣгъ съ такими смѣлыми задатками, не могъ не заслуживать нѣкотораго довѣрія. Притомъ же, излагая столь ясно свои либеральныя убѣжденія, онъ вѣдь и рисковалъ. Онъ ставилъ на карту все свое административное будущее, ибо ежели смѣлость его могла понравиться, то она же могла и не понравиться и, слѣдовательно, надѣлать ему хлопотъ. Мало того, онъ могъ прослыть опаснымъ мечтателемъ. Къ счастію, онъ попалъ въ такую минуту, когда смѣлыя начинанія нравились...

Какъ бы то ни было, но Ѳеденька достигъ предмета своихъ вожделѣній. Напутствуемый всевозможными пожеланіями, онъ отправился въ Навозный край, я же остался у Дюссо. Съ тѣхъ поръ мы видѣлись рѣдко, урывками, во время наѣздовъ его въ Петербургъ. И я съ сожалѣніемъ долженъ сознаться, что мои надежды на его добросердечіе и либерализмъ очень скоро разрушились.

Первое время административныхъ подвиговъ Ѳеденьки было лучшимъ его временемъ. Это было время либерализма безусловнаго, которому не только не служило помѣхой отсутствіе мудрости, но, напротивъ того, сообщало какой-то ликующій характеръ. Ѳеденька рвался впередъ, нимало не думая о томъ, какія послѣдствія будетъ имѣть его рвеніе. Онъ писалъ циркуляры о необходимости заведенія фабрикъ, о возможности, при добромъ желаніи, населить и оплодотворить пустыни, о пользѣ развитія путей сообщенія, промысловъ, судоходства, торговли, и изъявилъ надежду, что земледѣліе, споспѣшествуемое, съ одной стороны, садоводствомъ, а съ другой — разведеніемъ улучшенныхъ породъ скота, принесетъ желаемые плоды и, такимъ образомъ, оправдаетъ возлагаемыя на него надежды. Онъ призывалъ къ себѣ для совѣщанія купцовъ и доказывалъ имъ неотложность учрежденій кожевенныхъ и мыловаренныхъ заводовъ, при чемъ говорилъ: «прошу васъ, господа, а въ случаѣ надобности, даже требую». Онъ приглашалъ дворянъ и говорилъ, что дворянское сословіе всегда было опорою, а потому и теперь должно первое подать примѣръ. Въ ожиданіи же результатовъ этой судорожной дѣятельности,

Digitized by Google

онъ дѣлалъ внезапныя вылазки на пожарный дворъ, осматривалъ лавки, въ которыхъ продавались съѣстные припасы, требовалъ исправнаго содержанія мостовыхъ, пробовалъ похлебку, изготовленную въ тюремномъ замкѣ для арестантовъ, прекращалъ чуму, холеру, оспу и сибирскую язву, собиралъ деньги на учрежденіе дѣтскаго пріюта, городского театра и публичной библіотеки, предупреждалъ и пресѣкалъ бунты и въ особенности выказывалъ страстные порывы при взысканіи недоимокъ.

Но, увы! изъ всѣхъ этихъ либеральныхъ затѣй Ѳеденька достигъ относительнаго успѣха лишь по части пресѣченія бунтовъ и взысканія недоимокъ. Ко всѣмъ прочимъ его запросамъ общество отнеслось тупо, почти безучастно. Фабрики не учреждались, холера не прекращалась, судоходство не развивалось, купцы продолжали коснѣть въ невѣжествѣ, а земледѣліе, споспѣшествуемое сибирскою язвою, давало въ результатѣ болѣе лебеды, нежели истиннаго хлѣба. Это тѣмъ болѣе озадачило Ѳеденьку, что онъ, какъ вообще всѣ администраторы, кончившіе курсъ наукъ въ ресторанѣ Дюссо, не имѣлъ надлежащей выдержки и былъ скорѣе способенъ являть сердечную пылкость, нежели упорство въ преслѣдованіи административныхъ цѣлей.

Тогда наступилъ второй періодъ кротиковскаго либерализма,—либерализма меланхолическаго, жалующагося, укоряющаго. Хотя Ѳеденька еще не пришелъ къ отрицанію самого либерализма, но онъ уже разочаровался въ *либералахъ* и довольно громко выражалъ это разочарованіе.

— Любезный другъ! — говорилъ онъ мнѣ въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Петербургъ. — Я просилъ бы тебя ясно представить себѣ мое положеніе. Я пріѣзжаю въ Навозный и вижу, что торговля у меня въ застоѣ, что ремесленность упала до того, что à la lettre некому пришить пуговицу къ сюртуку, что земледѣліе, эта опора нашего отечества, не приноситъ ничего, кромѣ лебеды... J'espère que c'est assez navrant, ça? hein! qu'en diras-tu?

— Mais oui... le tableau n'est pas des plus agréables...

— Eh bien, я вижу все это — и, разумѣется, принимаю мѣры. Я пишу, предлагаю, настаиваю—и что-жъ! Хоть бы одна каналья откликнулась на мой голосъ! Ничего, кромѣ какого-то подлаго сопѣнія, которое раздается изо всѣхъ угловъ! Вотъ они! вотъ эти либералы, на которыхъ мы возлагали столько надеждъ! Вотъ тотъ либеральный духъ, ко-

Digitized by Google

торый, по отзывамъ газетъ, «охватилъ всю Россію»! Чорта съ два! Охватилъ!

Тѣмъ не менѣе, Ѳеденька не сразу унылъ духомъ; напротивъ того, онъ сдѣлалъ надъ собой новое либеральное усиліе и по всѣмъ полиціямъ разослалъ жалостный циркуляръ, въ которомъ подробно изложилъ свои огорченія и разочарованія.

«Неоднократно замѣчено было мною, — писалъ онъ въ этомъ циркулярѣ: — что въ нашемъ обществѣ совершенно отсутствуетъ тотъ духъ иниціативы, съ помощью котораго великіе народы совершаютъ великія дѣла. Не разъ указывалъ я, что путей сообщенія у насъ, можно сказать, не существуетъ; что судоходство наше представляетъ зрѣлище въ высшей степени прискорбное для сердца всякаго истиннаго патріота; что въ торговлѣ главнымъ двигателемъ является не благородная и вполнѣ согласная съ предписаніями политико-экономической науки потребность быть посредникомъ между потребителемъ и производителемъ, а гнусное желаніе наживы; что земледѣліе, этотъ главный источникъ благосостоянія странъ, именующихъ себя земледѣльческими, не радуетъ земледѣльца, а землевладѣльцу даже приноситъ чувствительное огорченіе. Указывая на все вышеизложенное, я питалъ надежду, что голосъ мой будетъ услышанъ и что здоровыя силы страны воспрянутъ отъ многолѣтняго безмятежнаго сна, дабы воспользоваться плодами онаго. Скажу болѣе: я былъ увѣренъ, что отечество наше, искони превосходя государства Западной Европы безпрекословнымъ исполненіемъ начальственныхъ предписаній и непреоборимымъ благочестіемъ, станетъ на ряду съ ними и съ точки зрѣнія промышленности и полезныхъ изобрѣтеній. И тогда, думалось мнѣ, то-есть если-бъ все сіе осуществилось, не имѣли ли бы мы полное основаніе воскликнуть: съ нами Богъ—кто же на ны?!

«Но, къ великому и душевному моему огорченію, я усматриваю, что наше общество продолжаетъ коснѣть все въ томъ же бездѣйствіи, въ какомъ я засталъ его въ первое время по пріѣздѣ моемъ въ Навозный край. А именно: путей сообщенія не существуетъ, судоходство въ упадкѣ, торговля преслѣдуетъ цѣли низкія и неблагородныя, а при взглядѣ на земледѣліе единственная мысль, которая приходитъ въ голову, есть слѣдующая: всуе труждаются зиждущіе! Къ сему, съ теченіемъ времени, присоединились: процвѣтаніе кабаковъ и необыкновенный успѣхъ сибирской

Digitized by Google

язвы. Спрашивается: при всемъ предыдущемъ и при дѣятельномъ пособничествѣ послѣдующаго, какое имѣемъ мы основаніе восклицать: кто же на ны?!

«Уже умственному моему взору безъ труда представляется удручающая сердце картина будущаго. Край пустыненъ; полезныя и кроткія породы птицъ и звѣрей уничтожились, а вмѣсто оныхъ господствуютъ породы хищныя и не полезныя; благочестіе упразднилось, а вмѣсто онаго царствуетъ пьянство и развратъ! Какое сердце патріота не содрогнется при видѣ столь ужаснаго зрѣлища, даже если бы оное было лишь плодомъ моей предусмотрительной фантазіи?!

«А между тѣмъ изъ архивныхъ дѣлъ достовѣрно усматривается, что нѣкогда нашъ край процвѣталъ. Онъ изобиловалъ туками (какъ это явствуетъ изъ самаго названія «Навозный»); туки же, въ свою очередь, способствовали произрастанію разнородныхъ злаковъ. А отъ сего процвѣтало сельское хозяйство. Помѣщики наперерывъ стремились пріобрѣтать здѣсь имѣнія, не пугаясь отдаленностью края, но думая открыть и дѣйствительно открывая золотое дно. Теперь—нѣтъ ни туковъ, ни злаковъ, ни золотого дна. Какая же причина такого прискорбнаго оскудѣнія?

«Я знаю, что упраздненіе крѣпостного права многія надежды оставило безъ осуществленія, а прочія и совсѣмъ прекратило; я вмѣстѣ съ другими оплакиваю сей фактъ, но и за всѣмъ тѣмъ спрашиваю себя: имѣется ли законное основаніе, дабы впадать, по случаю онаго, въ уныніе или малодушіе?

«Тѣмъ не менѣе, я не вхожу въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса, ибо разсмотрѣніе привело бы меня къ разслѣдованію, которое, въ свою очередь, повлекло бы за собою полемику, которой въ моемъ положеніи я всячески долженъ избѣгать. Ограничиваюсь лишь слѣдующимъ краткимъ замѣчаніемъ. Помѣщики, подъ вліяніемъ досады, возбужденной въ нихъ упраздненіемъ крѣпостного права, бросились вырубать принадлежащіе имъ лѣса и продавать оные за безцѣнокъ. Къ сожалѣнію, ощутительной выгоды отъ сего они не получили никакой, а странѣ, между тѣмъ, причинили несомнѣннѣйшій ущербъ. Съ истребленіемъ лѣсовъ надолго, если не навсегда, утвердилось господство изсушающихъ вѣтровъ, которые, не встрѣчая преградъ въ своемъ вѣяніи, повсюду производятъ пагубнѣйшее дѣйствіе. Обмелѣніе рѣкъ уже возымѣло начало, а въ близкомъ буду-

Digitized by Google

щемъ предвидится и недостатокъ влажности въ воздухѣ. Поля угрожаютъ хроническимъ безплодіемъ, а человѣческія легкія будутъ лишены возможности вдыхать животворную влажность воздуха. Въ какомъ же положеніи, среди всего сего, нахожусь я, на котораго довѣріе начальства возложило заботы по обезпеченію народнаго продовольствія, равно какъ и по охраненію народнаго здравія?!

«Въ виду всего вышеизложеннаго, я вновь, и въ послѣдній разъ, предлагаю принять рѣшительныя мѣры (не прибѣгая, однакожъ, до времени, къ экзекуціямъ) къ поднятію общественнаго духа и возбужденію въ ономъ наклонности къ дѣяніямъ смѣлымъ и великимъ. Съ этой цѣлью имѣете вы непрестанно увѣщавать купцовъ, разночинцевъ и мѣщанъ; помѣщикамъ же и прочимъ благороднымъ людямъ кратко, но убѣдительно доказывать, что временныя лишенія должны быть переносимы безропотно, съ надеждой на милость Божію въ будущемъ. Всѣмъ же вообще внушать за достовѣрное, что я, съ своей стороны, готовъ вездѣ и во всякое время оказывать дѣятельнѣйшее содѣйствіе всякому благому начинанію.

«Объ успѣхѣ вашихъ увѣщаній, внушеній и собесѣдованій обязываетесь сообщать мнѣ черезъ каждыя двѣ недѣли всенепремѣнно и неупустительно».

Одинъ экземпляръ этого циркуляра Ѳеденька прислалъ мнѣ при письмѣ, въ которомъ говорилъ: «Ты видишь, душа моя, что я еще бодрюсь; но если и за симъ наше судоходство останется въ прежнемъ жалкомъ положеніи, тогда—ma foi—я не остановлюсь даже передъ экзекуціей». На что я съ первой же почтой отвѣтилъ: «Мы всѣ удивляемся экспрессіи твоего циркуляра; это своего рода chef d'oeuvre. Ахъ! если-бъ ты жилъ во времена великой французской революціи! Теорія, отыскивающая въ помѣщичьей мстительности причину происхожденія вѣтровъ и обмелѣнія рѣкъ, смѣла и нова. Но не слишкомъ ли, однакожъ, смѣла? Подумалъ ли ты объ этомъ, мой другъ? Смотри, чтобы не было запроса!»

Увы! это былъ послѣдній пароксизмъ Ѳеденькина либерализма. Вскорѣ послѣ этого я на долгое время уѣхалъ за границу и совершенно потерялъ Ѳеденьку изъ виду. Затѣмъ, по возвращеніи въ Петербургъ, встрѣтившись съ однимъ пріѣзжимъ изъ Навознаго (то былъ Рудинъ, котораго Ѳеденька взялъ къ себѣ въ чиновники для особыхъ порученій, несмотря на его крайній образъ мыслей), я

Digitized by Google

услышалъ отъ него слѣдующую краткую, но выразительную аттестацію о Кротиковѣ: «поретъ дичь». Это вдвойнѣ меня огорчило: во-первыхъ, потому, что я искренно любилъ Ѳеденьку и мнѣ всегда казалось, что онъ можетъ сдѣлать свою карьеру только на либеральной почвѣ, а во-вторыхъ и потому, что меня въ это время уже сильно начали смущать будущія судьбы русскаго либерализма. Одновременно съ Кротиковымъ стезю свободомыслія покинули: Иванъ Хлестаковъ, Иванъ Тряпичкинъ и Кузьма Прутковъ. Все это было тѣмъ болѣе горько, что и до этого времени нашъ либерализмъ существовалъ лишь благодаря благосклонному попустительству нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ лицъ.

И вотъ теперь—еще однимъ просвѣщеннымъ попустителемъ меньше!

Подъ вліяніемъ этого горькаго чувства я не выдержалъ и написалъ къ Кротикову письмо, исполненное укоризнъ. А черезъ два мѣсяца получилъ слѣдующій сухой отвѣтъ:

«Извини, что не скоро отвѣтилъ, да и теперь пишу лишь нѣсколько строкъ: въ моемъ положеніи, право, не до переписки съ бывшими товарищами и друзьями. На вопросы твои, впрочемъ, считаю долгомъ объяснить, что, кромѣ либеральныхъ идей, о которыхъ ты такъ много и краснорѣчиво написалъ, есть еще идеи консервативныя, о которыхъ ты вовсе умалчиваешь. Вотъ что ты упустилъ изъ вида и что я не лишнимъ считаю тебѣ напомнить. Какимъ образомъ я пришелъ къ убѣжденію, что либеральныя идеи скрываютъ въ себѣ пагубное заблужденіе—здѣсь объяснять не мѣсто. Надѣюсь, однакожъ, что ты безъ труда поймешь, что въ моемъ положеніи заблуждаться не только неприлично, но и непозволительно. Изъ всѣхъ золъ, которыя до сихъ поръ извѣстны, нѣтъ зла болѣе ужаснаго, какъ заблуждающійся помпадуръ, ибо съ его заблужденіемъ неизмѣнно связывается заблужденіе цѣлаго края. Я думаю, это довольно ясно и прибавлять къ этому нечего. Затѣмъ, моля Подателя всѣхъ благъ, дабы Онъ просвѣтилъ тебя, остаюсь не раздѣляющій твоихъ заблужденій, но все еще любящій тебя, *Ѳедоръ Кротиковъ*».

Однако, я не только не возмутился этимъ наставленіемъ, но, возгорѣвъ вящшею ревностью по либерализмѣ, попытался вразумить самого Ѳеденьку.

«Ѳеденька!—писалъ я ему:—когда ты былъ либераломъ, какъ резюмировалась твоя политическая программа? Она резюмировалась слѣдующимъ образомъ: учрежденіе фабрикъ

Digitized by Google

и заводовъ, устройство путей сообщенія, развитіе торговли, процвѣтаніе земледѣлія, неустанная разработка нѣдръ земли, устность, гласность и т. д. Теперь, когда ты сдѣлался консерваторомъ, какая возможна для тебя программа? Очевидно, отсутствіе фабрикъ и заводовъ, разстройство путей сообщенія, застой въ торговлѣ, упадокъ земледѣлія, господство изсушающихъ вѣтровъ, обмелѣніе рѣкъ и т. д. Ибо ты желаешь сохранить то, что есть, а есть именно то, что сейчасъ мною исчислено. Или, быть-можетъ, ты надѣешься на кабаки и сибирскую язву? Но въ такомъ случаѣ выразись прямо. Вмѣсто прежнихъ блестящихъ циркуляровъ издай новый, въ которомъ категорически объяви, что впредь воспрещается какое бы то ни было развитіе, кромѣ развитія сибирской язвы».

Отвѣта на это письмо не послѣдовало.

Послѣ того я имѣлъ о Кротиковѣ лишь смутныя свѣдѣнія. Я слышалъ, что первымъ поводомъ къ отреченію его отъ либерализма было появленіе гласныхъ судовъ и земскихъ управъ. Это навело его на мысль, что существуютъ какіе-то корни и нити, которые надобно разыскать и истребить, ибо въ противномъ случаѣ ему, Кротикову, не будетъ житья. Затѣмъ наступили извѣстныя событія въ Западной Европѣ: интернаціоналка, франко-прусская война, парижская коммуна и т. д., и все это сильно заботило его, потому что онъ видѣлъ въ этихъ событіяхъ связь съ новыми судами и земскими учрежденіями. Онъ внимательно слѣдилъ за газетами, предполагая, сообразно съ тѣмъ или другимъ исходомъ событій, дать и своей внутренней политикѣ болѣе рѣшительное направленіе. Въ ожиданіи же того, какія идеи восторжествуютъ, здравыя или такъ-называемыя сюбверсивныя, онъ волновался и угрожалъ.

— Если восторжествуютъ здравыя идеи,—говорилъ онъ:— я, конечно, буду очень радъ. Да-съ, очень радъ-съ. Но, признаюсь откровенно, съ политической точки зрѣнія, я былъ бы не недоволенъ, если-бъ восторжествовала и революція... разумѣется, временно... По крайней мѣрѣ мы, безъ всякой опасности для себя, могли бы узнать, кто наши внутренніе враги, кто эти сочувствователи, которые поднимаютъ голову при всякомъ успѣхѣ превратныхъ идей, какъ велика ихъ сила и до чего можетъ дойти ихъ дерзость. Et alors, messieurs...

Ѳеденька умолкалъ и загадочно грозился въ ту сторону,

Digitized by Google

гдѣ помѣщались земская управа, окружной судъ и акцизное управленіе.

Но здравыя идеи восторжествовали; Франція подписала унизительный миръ, а затѣмъ пала и парижская коммуна. Ѳеденька, который съ минуты на минуту ждалъ взрыва, какъ-то опѣшилъ. Ни земская управа, ни окружной судъ даже не шевельнулись. Это до того сконфузило его, что онъ бродилъ по улицамъ и придирался ко всякому встрѣчному, испытывая, обладаетъ ли онъ надлежащею теплотою чувствъ. Однако, чувства были у всѣхъ не только въ исправности, но, повидимому, послѣднія событія даже поддали имъ жару...

Ѳеденька недоумѣвалъ. Онъ былъ убѣжденъ, что тутъ есть какая-то интрига, но въ чемъ она состоитъ—объяснить себѣ не умѣлъ. Бѣдный! Онъ, видимо, слѣдовалъ старой рутинѣ и все искалъ какихъ-то фактовъ, которые дали бы ему поводъ объявить походъ. Онъ не подозрѣвалъ, что система фактовъ есть система устарѣлая, что нарождается и уже народилась совершенно иная система, которая позволяетъ безъ всякаго повода, безъ малѣйшаго факта бить тревогу и ходить войною вдоль и поперекъ, приводя въ трепетъ оторопѣлыхъ обывателей...

И вотъ, какъ бы для того, чтобы вывести его изъ недоразумѣнія, въ газетахъ появилось извѣстіе, что въ версальскомъ національномъ собраніи образовалась партія, которая на развалинахъ любезнаго отечества водрузила знамя «борьбы»...

Слово это было для Ѳеденьки цѣлымъ откровеніемъ. Да, это оно, это то самое слово, до котораго онъ столько лѣтъ такъ тщетно додумывался. Все, что безсвязно копошилось въ немъ съ той самой минуты, когда онъ внезапно объявилъ себя консерваторомъ, все, къ чему онъ порывался и къ пріобрѣтенію чего дѣлалъ тщетныя попытки, — все нашло для себя осуществленіе въ словѣ: «борьба». Не то чтобы онъ понялъ смыслъ этого слова, но онъ достигъ результата еще болѣе существеннаго: онъ понялъ, что ему нѣтъ надобности что-нибудь понимать. До сихъ поръ онъ отыскивалъ корни и нити; теперь онъ убѣдился, что ни въ чемъ подобномъ нѣтъ надобности и что на будущее время онъ окончательно освобожденъ отъ труда что-нибудь отыскивать.

Это было очень удобно, ибо давало возможность объявить походъ, не уяснивъ себѣ даже цѣли его. Отсутствіе ясно

Digitized by Google

сознанной цѣли—вотъ Ахиллесова пята всѣхъ администраторовъ, получившихъ воспитаніе у Дюссо и въ заведеніи искусственныхъ минеральныхъ водъ. И Ѳеденька почувствовалъ себя какъ-то необыкновенно легко и свободно, когда убѣдился, что ему не нужно ни фактовъ, ни цѣлей, а нуженъ только «духъ», «направленіе», «превратныя толкованія»—и ничего больше. Что̀ означаютъ эти слова—это до него не касается; онъ радъ уже и тому, что есть такія слова, которыя хоть и чортъ знаетъ что̀ означаютъ, но даютъ исходную точку для борьбы. Борьба, сама себѣ дающая начало, сама себя питающая и сама себя имѣющая пожрать (Ѳеденька, впрочемъ, не разсчитывалъ на эту послѣднюю особенность), борьба противъ привидѣній прошлаго, настоящаго и будущаго, борьба необъяснимая въ своихъ источникахъ и неуловимая въ своихъ послѣдствіяхъ—вотъ программа, которую предстояло ему разрабатывать въ будущемъ. Она страдаетъ отсутствіемъ содержанія, но зато легче ея ничего нельзя вообразить. Не нужно ни ума, ни изобрѣтательности, ни предусмотрительности; нуженъ только темпераментъ да еще кой-какой внѣшній церемоніалъ, который помогъ бы скрыть безсодержательность системы и отсутствіе цѣлей.

Темпераментомъ Ѳеденька обладалъ въ изобиліи; но хотя этого одного было вполнѣ достаточно для совершенія великаго дѣла борьбы, однако, онъ почему-то рѣшилъ, что нужно прибавить кой-что и еще. Задача, предстоявшая ему, была слишкомъ нова, чтобъ приступить къ ней съ-плеча, подобно тому, какъ приступили къ разрѣшенію *своихъ* задачъ его предшественники-помпадуры. Всѣ бывшія до него помпадурства заимствовали свои опредѣленія отъ котораго-нибудь изъ семи смертныхъ грѣховъ; его же помпадурство должно быть исключительно помпадурствомъ борьбы. «Да-съ, это не то, что брать хапанцы или бить по зубамъ-съ; эта штучка будетъ пограндіознѣе-съ»,—хвастался Ѳеденька, и, весь исполненный жажды славныхъ дѣлъ, рѣшился прежде всего поразить воображеніе обывателей Навознаго.

Церемоніалъ, который придумалъ по этому случаю Ѳеденька, былъ очень сложенъ. Онъ перебралъ въ своей памяти весь курсъ исторіи Смарагдова, весь репертуаръ театра Буффъ и всѣ газетныя извѣстія о чудесахъ въ рѣшетѣ, происходящихъ въ современной Франціи. Образовалось нѣчто волшебное. Крестовые походы, Іоанна д'Аркъ, храбрый рыцарь Дюнуа, лурдскія богомолья, отреченіе отъ

Digitized by Google

сатаны въ Парэ-ле-Моніалѣ — все нашло себѣ мѣсто въ этомъ громадномъ планѣ. Въ виду предстоящаго нравственнаго возрожденія Навознаго онъ не щадилъ ничего. Пусть завистники утверждаютъ, что его планъ «борьбы» напоминаетъ оперетту Лекока: «Le beau chevalier Dunois» и не имѣетъ никакого отношенія къ Навозному; онъ знаетъ, что въ Навозномъ уже давно прорываются факты, свидѣтельствующіе, что ядъ, погубившій Францію, проникъ и туда, и что, слѣдовательно, именно теперь планъ его какъ нельзя болѣе умѣстенъ и своевременъ. Не дальше какъ вчера предсѣдатель земской управы въ клубѣ публично разсуждалъ о какой-то независимости и утверждалъ, что онъ самъ по себѣ, а Ѳеденька—самъ по себѣ. Вотъ фактъ. — Скажутъ, что въ этомъ фактѣ еще нѣтъ настоящихъ корней и нитей—допустимъ, что это и такъ! Нѣтъ корней и нитей, но есть ядъ! «понимаете ли: ядъ-съ!» И надо этотъ ядъ истребить. «Да-съ».

Душою задуманнаго заговора будетъ, конечно, онъ самъ. Онъ—рыцарь безъ страха и упрека; онъ—Баяръ изъ исторіи Смарагдова и Дюнуа изъ театра Буффъ. Пособниками у него будутъ: правитель канцеляріи, два чиновника особыхъ порученій, отрекшіеся отъ либерализма, и всѣ частные пристава. Для бо́льшаго эффекта можно будетъ еще прихватить Ноздрева, Тараса Скотинина и Держиморду. Ассистенты: предводитель и командиръ гарнизоннаго батальона. По окончаніи похода, городской голова, въ мундирѣ, поднесетъ ему хлѣбъ-соль. А дабы сообщить предстоящему походу вполнѣ волшебный характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить его успѣхъ, предстояло еще отыскать что-нибудь въ родѣ Іоанны д'Аркъ (безъ нея немыслимо чудесное возрожденіе Навознаго), очистить администрацію отъ плевелъ и торжественно отречься отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его. Тогда «борьба» пойдетъ какъ по маслу.

Іоанну д'Аркъ онъ имѣлъ уже въ виду. То была дѣвица Анна Григорьевна Волшебнова, дочь начальника одной изъ мѣстныхъ командъ, съ которою Ѳеденька находился въ открытой любовной связи, но которая и за всѣмъ тѣмъ упорно продолжала именовать себя дѣвицею.

Положеніе m-lle Волшебновой было очень фальшивое. Ѳеденька увлекъ ее обѣщаніемъ жениться, но впослѣдствіи не только забылъ о своихъ клятвахъ, но даже прямо объявилъ, что званіе помпадурши и само по себѣ достаточно почтенно. Вѣроломство Кротикова не обошлось, одна-

Digitized by Google

кожъ, безъ скандала, ибо штабсъ-капитанъ Волшебновъ счелъ долгомъ протестовать. Чтобъ усмирить его, Ѳеденька былъ вынужденъ утвердить какія-то неслыханныя цѣны на провіантъ и фуражъ, и только этимъ актомъ великодушія достигъ того, что оскорбленный отецъ явился къ нему съ повинною и объявилъ, что отнынѣ и навсегда всѣ недоразумѣнія между ними покончены.

Обзаведясь помпадуршей, Ѳеденька предназначалъ ей очень блестящую роль. Онъ желалъ, чтобъ она блистала на балахъ и имѣла салонъ, который служилъ бы средоточіемъ внутренней политики и въ которомъ она царила бы, окруженная толпою почтительныхъ поклонниковъ и плѣняя всѣхъ остроуміемъ, любезностью и граціей. Но Анна Григорьевна была простая и робкая дѣвушка, которая очень серьезно привязалась къ своему помпадуру и въ то же время никакъ не могла освоиться съ такимъ положеніемъ, въ которомъ было слишкомъ много блеска. При всей ея миловидности и граціи, ей было далеко до настоящей, заправской помпадурши. Природа не дала ей ни величественнаго роста, ни роскошнаго бюста, передъ которымъ бы въ умиленіи останавливался прохожій. Не блистала она и нарядами, и какъ-то наивно краснѣла, когда навозные Севинье и Рекамье заводили при ней разговоръ на тему о мужчинѣ и его свойствахъ. Самое возвышеніе ея произошло совершенно неожиданно, такъ что предводительши и совѣтницы, съ нетерпѣніемъ ждавшія, на комъ остановится Ѳеденькинъ выборъ, были изумлены и сконфужены такимъ страннымъ исходомъ дѣла.

Ѳеденька очень хорошо видѣлъ недостатки Анны Григорьевны и даже скорбѣлъ о нихъ. Но нѣкоторое время онъ все еще не терялъ надежды и почти насильно навязывалъ ей политическую роль.

— Vous devez être à la hauteur de votre position, ma chère! — безпрерывно твердилъ онъ ей и, чтобъ не слышать никакихъ оттоворокъ, выписалъ для нея на свой счетъ нѣсколько дорогихъ нарядовъ отъ Минангуа изъ Москвы.

Но какъ ни была она малоопытна, однакожъ поняла, что два-три хорошихъ наряда (Ѳеденька не былъ въ состояніи дать больше) въ такомъ обществѣ, гдѣ проматывались тысячи и десятки тысячъ, съ единственною цѣлью быть какъ можно болѣе декольте—все равно, что капля въ морѣ. Въ угоду ему она сдѣлала, однакожъ, нѣсколько по-

Digitized by Google

пытокъ, но—Боже!—сколько изобрѣтательности нужно ей было имѣть, чтобъ тутъ принять новый бантъ, тамъ перемѣнить тюникъ — и все для того, чтобъ отвести глаза публикѣ и убѣдить, что она является въ общество не въ «мундирѣ», какъ какая-нибудь асессорша, а всегда въ новомъ и свѣжемъ нарядѣ! И какъ безплодны были эти усилія! Какъ быстро разлетались они передъ проницательностью этихъ дамъ, съ перваго же взгляда безъ ошибки угадывавшихъ однажды видѣнное платье, подъ какими бы сложными комбинаціями оно ни являлось на сцену во второй разъ!

Ей было почти страшно, когда она въ первый разъ шла съ предводителемъ во второй парѣ въ польскомъ (въ первой парѣ шелъ *онъ* съ предводительшей). Она видѣла, что кругомъ дебелыя дамы шушукаются, что ей даютъ мѣсто съ какой-то нахальной торжественностью, что самъ предводитель, ведя ее за руку, чуть не напрямки высказываетъ, что онъ никогда не снизошелъ бы до дочери штабсъ-капитана Волшебнова, если-бъ не требованія внутренней политики. Но вотъ польскій кончился; не успѣла она занять свое мѣсто, какъ музыка заиграла вальсъ; къ ней подлетаетъ пріѣхавшій въ отпускъ гусаръ и съ утонченною любезностью, въ которой она, однакожъ, угадываетъ худо скрываемую развязность, приглашаетъ ее на туръ. Затѣмъ, точно въ сновидѣніи, одни за другими слѣдуютъ: кадриль, полька, опять кадриль, опять вальсъ и, наконецъ, мазурка. И все время, съ упорствомъ, достойнымъ лучшаго дѣла, слѣдитъ за нею Ѳеденька и какъ-то невыразимо страдаетъ, когда она съ добросовѣстностью недавней институтки выдѣлываетъ шассе́-круазе́.

— Ma chère! vous êtes par trop La Valière! — шепчетъ онъ, подходя къ ней въ одинъ изъ танцовальныхъ промежутковъ.—Я желалъ бы, чтобъ вы взяли себѣ за образецъ m-me de Maintenon!

И вотъ, опять-таки въ угоду ему, она рѣшается сказать нѣсколько словъ объ усиленіи власти и о томъ, что на помпадурахъ долженъ лежать лишь высшій надзоръ, а не подробности; но она дѣлаетъ это такъ нерѣшительно и съ такимъ множествомъ оговорокъ, что Ѳеденька чувствуетъ свою власть не только не усиленною этимъ наивнымъ вмѣшательствомъ, но даже значительно умаленною.

Къ счастію, всѣ эти промахи имѣли мѣсто въ самый разгаръ Ѳеденькина либерализма и потому сошли Аннѣ

Digitized by Google

Григорьевнѣ съ рукъ довольно легко. Испытавъ неудачу въ своихъ предположеніяхъ относительно блестящаго салона, въ которомъ онъ могъ бы съ полною искренностью развивать свои виды и предположенія, Ѳеденька далъ своей фантазіи болѣе буржуазное направленіе. Небольшая, уютная гостиная, тѣсный кружокъ друзей-либераловъ, скромная бесѣда о томъ, что Россія быстрыми шагами стремится на пути къ преуспѣянію и, наконецъ, безпредѣльно-любящее сердце женщины—ужели это недостаточно завидная обстановка даже для наиболѣе взыскательнаго помпадура? Ѳеденька рѣшилъ, что въ крайнемъ случаѣ это еще будетъ очень недурно, а пожалуй даже лучше, нежели тщетный блескъ, который требуетъ значительныхъ денежныхъ издержекъ и, сверхъ того, почти всегда сопровождается скандалами...

Когда она узнала объ этомъ рѣшеніи, то радости ея не было предѣловъ. Двѣ вещи она ненавидѣла: представительность и внутреннюю политику — и вотъ онъ, ея roi-soleil, навсегда освобождаетъ ее отъ нихъ. Отнынѣ она будетъ имѣть возможность безъ помѣхи удовлетворять своимъ нетребовательнымъ вкусамъ: своей набожности и любви къ домашнему очагу.

Она еще въ институтѣ была набожна (законоучитель, указывая на нее, говорилъ: «вотъ истинная дщерь церкви»), а теперь эта наклонность еще болѣе усилилась, ибо у нея есть предметъ для молитвъ. Она молится за *него;* она проситъ у Неба успѣха его благимъ начинаніямъ и прощенія невольнымъ его прегрѣшеніямъ. Скромно одѣтая въ темненькое платье, она становится у клироса въ женскомъ монастырѣ, и съ ея появленіемъ дѣлается словно свѣтлѣе и пріютнѣе среди этихъ темныхъ стѣнъ. Молодыя монахини юрче перебѣгаютъ отъ клироса къ клиросу и на-бѣгу съ добродушнымъ лукавствомъ привѣтствуютъ ее. Сама мать-игуменья, при видѣ ея, смягчаетъ постоянно строгое выраженіе своего лица. Всѣ ее любятъ здѣсь, всѣ готовы оказать ласку и привѣтъ, не справляясь, согласно или не согласно это будетъ съ видами внутренней политики. Когда она подаетъ любимой своей крылошанкѣ бархатную поминальную книжку, монашка не даетъ ей даже сказать, кого слѣдуетъ помянуть.

— Знаю, сударыня, знаю, за кого молитесь! — говоритъ она съ выраженіемъ добродушнаго себѣ-на-умѣ и почти бѣгомъ бѣжитъ сообщить на ухо отцу протоіерею имя раба Божія Ѳеодора.

Digitized by Google

Какъ хорошо, какъ спокойно ей здѣсь, подъ сѣнію этихъ мирныхъ стѣнъ! Какое прекрасное варенье подаютъ у матери-игуменьи, какой вкусный квасъ! Она готова по цѣлымъ днямъ болтать съ молодыми монашками; у нея есть между ними фаворитки, которыя даже вступаютъ съ нею въ разговоръ о *немъ*, и она нимало не чувствуетъ себя при этомъ сконфуженною. Всѣ хвалятъ *его* умъ, всѣ утверждаютъ, что никогда не бывало такого помпадура въ Навозномъ. Даже въ тѣ горькія минуты, когда она убѣждалась, что Ѳеденька измѣняетъ ей (а это случалось нерѣдко, потому что онъ далеко не былъ равнодушенъ къ сверкающимъ плечамъ и бюстамъ навозныхъ львицъ), она спѣшила сюда, чтобъ излить свое горе на груди одной изъ юныхъ затворницъ. Она была увѣрена, что услышитъ здѣсь не насмѣшку и злорадство, а слова ободренія и надежды. Въ этихъ случаяхъ она молилась еще усерднѣе и пламеннѣе, и все кругомъ, казалось, молилось вмѣстѣ съ нею о просвѣщеніи раба Божія Ѳеодора свѣтомъ истины. И когда, успокоенная и умиротворенная, она возвращалась домой и встрѣчала тамъ раскаявшагося Ѳеденьку, то ни единымъ движеніемъ не давала ему знать, что замѣчаетъ его продѣлки, а только говорила:

— Théodore! помните, что нигдѣ вы не найдете той преданности, той беззавѣтной любви, какую нашли здѣсь, въ этомъ сердцѣ! И потому, когда вамъ наскучатъ дурныя наслажденія, когда вы убѣдитесь, что за ними таятся коварство и обманъ — возвратитесь ко мнѣ и отдохните на этой груди!

Дома она чувствовала себя счастливою. Она любила стряпню и предпочитала блузу всякому другому платью. Днемъ, покуда «онъ» распоряжался по службѣ, она хлопотала по хозяйству и всю изобрѣтательность своего ума употребляла на то, чтобъ Ѳеденька нашелъ у нея любимое блюдо и сладкій кусокъ. Вечеромъ, управившись съ дѣлами, онъ являлся къ ней, окруженный блестящей плеядой навозныхъ свободныхъ мыслителей, и читалъ свои циркуляры.

Онъ былъ либераленъ, и она была либеральна. Оба выписали изъ Петербурга двухъ товарокъ ея по институту, ходившихъ съ остриженными волосами и отрицавшихъ авторитеты, и ѣздили съ ними въ открытыхъ экипажахъ по городу. Оба страстно желали, чтобъ торговля развивалась, а судоходство оправдывало надежды начальства. Оба вѣ-

Digitized by Google

рили, что кредитъ возродитъ земледѣліе и дастъ толчокъ нашей заснувшей промышленности. И въ ожиданіи всего этого оба сладко вздыхали...

Иногда на интимныхъ вечернихъ собраніяхъ присутствовалъ и папà Волшебновъ, и тогда вечеръ принималъ окончательно семейный характеръ. Анна Григорьевна ласкалась то къ отцу, то къ Ѳеденькѣ, то у одного, то у другого спрашивала, достаточно ли сладокъ чай. Читали статьи В. П. Безобразова и удивлялись, что такая плодотворная вещь, какъ кредитъ, не только не оплодотворяетъ Навознаго, но даже служитъ какъ бы къ запустѣнію. Упивались передовыми статьями «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», въ которыхъ доказывалось, что нѣтъ ничего легче, какъ отрицать и глумиться надъ прогрессомъ, и что, напротивъ того, нѣтъ задачи болѣе достойной истиннаго либерала, какъ съ довѣріемъ ожидать дальнѣйшихъ разъясненій.

И пока въ гостиной шли либеральные разговоры, папà Волшебновъ хлопоталъ около закуски и, залучивъ подъ шумокъ чиновника особыхъ порученій Веретьева, выкушивалъ съ нимъ по «предварительной».

Но вдругъ чортъ двинулъ Ѳеденьку сдѣлаться консерваторомъ, и онъ сразу оборвалъ съ своими прежними сподвижниками по либерализму. Не стало интимныхъ вечеровъ, замолкли либеральные разговоры, на сцену опять выступила внутренняя политика, сопровождаемая сибирскою язвою и греческимъ языкомъ. Ѳеденька отыскивалъ корни и нити и, не находя ихъ, былъ безпокоенъ и золъ.

Перемѣна эта до того озадачила Анну Григорьевну, что она по началу даже сдѣлала нѣсколько либеральныхъ промаховъ. Ей казалось страннымъ, что чиновники особыхъ порученій, Рудинъ и Волоховъ, еще такъ недавно проповѣдывавшіе въ ея квартирѣ теорію возрожденія Россіи посредствомъ соціализма, проводимаго мощною рукою администраціи, вдругъ стушевались, прекратили свои посѣщенія и уступили мѣсто какимъ-то двужильнымъ ретроградамъ, которые бóльшую часть времени проводили въ каморкѣ у папà Волшебнова и прежде, нежели настоящимъ образомъ приступить къ закускѣ, выпивали отъ пяти до десяти «предварительныхъ». Но вскорѣ Ѳеденька раскрылъ передъ нею загадочность своего поведенія. Онъ объяснилъ ей, что общество въ опасности, что покуда остается неразореннымъ очагъ революцій, до тѣхъ поръ Европа не мо-

Digitized by Google

жетъ наслаждаться спокойствіемъ, что въ самомъ Навозномъ существуетъ громадный наплывъ неблагонадежныхъ элементовъ, которые, благодаря интригѣ, всюду распространяютъ корни и нити, и что онъ, Ѳеденька, поставилъ себѣ священнѣйшею задачей объявить имъ войну, начавъ съ акцизнаго вѣдомства и кончая судебными земскими учрежденіями.

— Je ferai une guerre à outrance! — гремѣлъ онъ, потрясая кулаками:—une guerre sans merci... oui, c'est ça!

— Однако, какой ты строгій, Théodore!

— Нельзя, ma chère! Вспомни, сколько времени они насъ морочили! вспомни этихъ двухъ нигилистокъ, которыхъ мы возили по городу! Га! я никогда имъ не прощу этого!

— Но онѣ были миленькія, Théodore!

— Миленькія! Vous perdez la tête, ma chère! Des gueuses! des pétroleuses! des filles sans foi ni loi! Дѣвчонки, которыя не признавали авторитетовъ, которыя мнѣ... мнѣ... прямо въ глаза говорили, что я порю дичь!.. Нѣтъ, дальнѣйшая слабость была бы ужъ преступленіемъ! Миленькія! D'un seul coup elles vous demandent cent milles têtes à couper! Excusez du peu!

И онъ метался изъ стороны въ сторону, отыскивая хоть какой-нибудь фактъ, который далъ бы ему поводъ приступить къ разслѣдованію корней и нитей. Но фактовъ не было. Никогда еще съ такимъ рвеніемъ не снимали передъ нимъ шляпы акцизные чиновники; никогда окружной судъ не обнаруживалъ бо́льшей строгости относительно лицъ, дозволявшихъ себѣ взломъ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ воспользоваться чужимъ пятакомъ; никогда земская управа съ бо́льшею страстностью не пріобрѣтала для мѣстной больницы новыхъ умывальниковъ и плевальницъ, взамѣнъ таковыхъ же, пришедшихъ въ ветхость. Все какъ бы сговорилось усердіемъ и прилежаніемъ радовать сердце опечаленнаго помпадура...

Это было самое тяжелое время для Анны Григорьевны. Ѳеденька ходилъ сумрачный и громко выражался, что онъ—жертва интриги. Дни проходили за днями; съ каждымъ новымъ днемъ онъ съ бо́льшимъ и бо́льшимъ усиліемъ искалъ фактовъ, и ничего не находилъ.

— A la fin ça devient monstrueux!—говорилъ онъ ей.— Вездѣ есть факты; даже Петька Толстолобовъ, соломенный помпадуръ, — и тотъ нашелъ фактъ! И вдругъ у одного меня---пенни! Кто-жъ этому повѣритъ!

Digitized by Google

Дошло до того, что онъ даже ее однажды упрекнулъ въ тайномъ содѣйствіи интригѣ. Ее, которая... Ахъ! это была такая несправедливость, что она могла только заплакать въ отвѣтъ на обвиненіе. Но и тутъ она не упрекнула его, а только усерднѣе стала молиться, прося у неба о ниспосланіи Ѳеденькѣ фактовъ.

И вотъ, въ ту самую минуту, когда Ѳеденька уже думалъ погибнуть, онъ прочелъ въ газетахъ слово «борьба». Онъ понялъ, что ему ничего не нужно понимать, что не нужно ни фактовъ, ни корней, ни нитей, что можно съ пустыми руками, съ одной доброй волей, начать дѣло нравственнаго возрожденія Навознаго, сопровождаемое борьбою à grand spectacle, съ истребленіями, разореніями, расточеніями и другими принадлежностями возрождающейся власти. Невольнымъ образомъ мысль его обратилась къ Аннѣ Григорьевнѣ, и тутъ только онъ сообразилъ, какъ хорошо, что она не сдѣлалась Ментеноншей, какъ онъ когда-то настаивалъ, а осталась простою и скромною Лавальершей.

— Elle sera ma Jeanne d'Arc! — воскликнулъ онъ и, какъ озаренный, побѣжалъ къ ней.

А она уже ждала его, какъ будто знала, что ему нужна ея помощь.

— Ah! ça! vous serez ma Jeanne d'Arc! — сказалъ онъ ей, простирая руки.—Я всегда видѣлъ, что роль, которую вы до сихъ поръ играли, не по васъ! Наконецъ, ваша роль нашлась. Но, конечно, вы знаете, кто была Jeanne d'Arc!

Она безъ запинки прочла ему то мѣсто изъ исторіи Смарагдова, гдѣ говорится о Іоаннѣ д'Аркъ и ея подвигѣ.

— Oui, c'est cela même! Въ случаѣ надобности, вы сядете на коня... знаете, какъ изображаютъ ее на картинахъ... и тогда... gare à vous, messieurs les communalistes de la zemsskaïa ouprava!

Ѳеденька сдѣлался веселѣе и забавнѣе—ужъ и это былъ выигрышъ для Анны Григорьевны. Покончивши съ Іоанной д'Аркъ, онъ необыкновенно дѣятельно принялся за осуществленіе другихъ частей церемоніала борьбы.

Прежде всего онъ бросился очищать персоналъ своей собственной администраціи. Покуда онъ былъ только консерваторомъ, въ дѣйствіяхъ его замѣчалась нѣкоторая осторожность. Онъ еще какъ бы стыдился. Онъ выказывалъ холодность въ обращеніи съ бывшими сподвижниками по

Digitized by Google

либерализму, избѣгалъ имѣть съ ними дѣло, но открыто преслѣдовать ихъ не рѣшался. Съ своей стороны, либералы хотя и замѣтили перемѣну въ образѣ мыслей Ѳеденьки, но не только не приняли ее къ руководству, а, напротивъ того, какъ бы въ пику ему, даже усугубили свое рвеніе къ интересамъ казны. И такимъ образомъ дѣло продолжало идти, какъ говорится, ни шатко, ни валко, ни на сторону. Но теперь онъ разомъ потерялъ всякій стыдъ. Онъ былъ не просто консерваторъ, а представитель принципа нравственнаго возрожденія, и потому долѣе терпѣть не могъ. Начавъ съ своихъ приближенныхъ, онъ выказалъ при этомъ такую рѣшимость, что многіе тутъ же раскаялись—и только этимъ успѣли избѣгнуть заслуженной кары. Первымъ принесъ покаяніе правитель канцеляріи Лаврецкій и увлекъ за собой чиновниковъ особыхъ порученій, Райскаго и Веретьева. Лаврецкій въ это время уже являлъ собой только жалкое подобіе прежняго Лаврецкаго. Онъ до того ожирѣлъ, что лишь съ трудомъ понималъ, какія идеи — либеральныя и какія—консервативныя. Притомъ же, имѣя большое семейство и мотовку-жену, онъ не могъ пренебрегать и жалованьемъ, тѣмъ больше, что Дворянское Гнѣздо, приносившее при крѣпостномъ правѣ прекрасный доходъ, теперь ровно ничего не давало. Поэтому, когда Ѳеденька объявилъ ему, что отнынѣ имъ предстоитъ борьба, то онъ какъ-то апатически пожевалъ губами и, сказавъ: «что-жъ... по мнѣ, пожалуй», отправился въ канцелярію писать циркуляръ о благополучномъ вступленіи Ѳеденьки въ новый фазисъ административной проказливости. Что же касается до Райскаго и Веретьева, то первый изъ нихъ не рѣшался выйти въ отставку, потому что боялся огорчить бабушку, которая надѣялась видѣть его камеръ-юнкеромъ; второй же и прежде, собственно говоря, никогда не былъ либералъ, а любилъ только пить водку съ либералами, какового времяпровожденія, въ обществѣ консерваторовъ, предстояло ему, пожалуй, еще больше. Изъ остальныхъ либераловъ Маркъ Волоховъ отнесся къ Ѳеденькинымъ проказамъ какъ-то загадочно, сказавъ, что ему кто ни попъ, тотъ батька, и что такихъ курицыныхъ дѣтей, какъ обыватели Навознаго, всяко возрождать можно. Затѣмъ остался Рудинъ, который, подобравъ небольшую шайку «вѣрныхъ», на скорую руку устроилъ комитетъ общественнаго спасенія и въ полномъ его составѣ отправился агитировать страну въ тотъ край, гдѣ помпадурствовалъ Петька Толстолобовъ.

Digitized by Google

Но такъ какъ административная машина не имѣла права останавливаться, то всѣхъ выбывшихъ изъ строя либераловъ Ѳеденька немедленно замѣнилъ шалопаями, опредѣливъ множество таковыхъ и сверхъ штата, на случай, если-бъ Лаврецкій и другіе раскаявшіеся, подвергшись угрызеніямъ, снова сдѣлались либералами. Тутъ прежде всего фигурировали: Ноздревъ, Тарасъ Скотининъ и Держиморда (разыскивали и Сквозника-Дмухановскаго, но оказалось, что онъ умеръ, состоя подъ судомъ), которые и сдѣлались главными исполнителями всѣхъ Ѳеденькиныхъ предначертаній. Шалопаи сновали по улицамъ, насупивши брови, фыркая во всѣ стороны и не произнося ни единаго звука, кромѣ: «го-го-го!» Видъ ихъ навелъ въ либеральномъ лагерѣ такую панику, что даже либералы постороннихъ вѣдомствъ («независимые», какъ они сами себя называли)—и тѣ трусили. Уныло бродили они по улицамъ, коптя вздохами твердь небесную, не рѣшаясь оставить ни службы, ни либерализма, путаясь между зависимостью и независимостью и ежемгновенно терзаясь надеждой, что ихъ простятъ. Но шалопаи не прощали. Съ зоркостью коршуна намѣчали они скрывающагося въ кустахъ либерала и тотчасъ же ощипывали его, испуская при этомъ злорадно-ироническое цырканье. Ряды либераловъ страннымъ образомъ порѣдѣли и затѣмъ въ теченіе какого-нибудь мѣсяца погибли всѣ молодыя насажденія либерализма. Земская управа прекратила покупку плевальницъ, ибо Ѳеденька по каждой покупкѣ входилъ въ пререканія; присяжные выносили какіе-то загадочные приговоры, въ родѣ: «нѣтъ, не виновенъ, но не заслуживаетъ снисхожденія», потому что Ѳеденька всякій оправдательный или обвинительный (все равно) приговоръ, если онъ былъ выраженъ ясно, считалъ внушеннымъ сочувствіемъ къ коммунизму и галдѣлъ объ этомъ по всему городу, зажигая восторги въ сердцахъ предводителей и предводительшъ. Вдали показывался грозный призракъ сибирской язвы.

Ѳеденька зналъ это, и по временамъ ему даже казалось, что шалопаи, въ дикомъ усердіи своемъ, извращаютъ его мысль. Какъ ни скромно держала себя Анна Григорьевна, но и ее устрашила перспектива сибирской язвы. Маркъ Волоховъ подмѣтилъ въ ней этотъ спасительный страхъ (увы! она противъ воли чувствовала какое-то неопредѣленное влеченіе къ этому змію-искусителю, уже успѣвшему погубить родственницу Райскаго) и всячески старался эксплоатировать его.

Digitized by Google

— Съѣдятъ они и васъ, и вашего помпадура, и водку всю у васъ вылакаютъ!—угрожалъ онъ ей.—Это, сударыня, сила! Берегитесь, да и помпадура-то поберегите! Мнѣ что! Я уложилъ чемоданъ — и былъ таковъ! А мнѣ васъ жалко! Васъ я жалѣючи говорю—вотъ что, красавица вы наша!

— Ахъ, нѣтъ! ужъ вы пожалуйста! Пожалуйста, хоть вы не оставляйте Ѳеденьку!—всполошилась она и однажды, преодолѣвъ природную робость, очень настоятельно стала доказывать Ѳеденькѣ, что нельзя жить безъ плевальницъ, безъ приговоровъ, съ одною только сибирскою язвою.

— Шалопаи погубятъ васъ, Théodore,—сказала она:— а вмѣстѣ съ вами погубятъ и меня! Pensez y, mon ange, прогоните ихъ; покуда еще есть время! Возвратите Рудина (il était si amusant, le cher homme!) и прикажите Лаврецкому, Райскому и Веретьеву быть, попрежнему, либералами.

Ѳеденька на минутку задумался: въ немъ шевельнулись проблески недавняго либерализма и чуть-чуть даже не одержали верхъ. Но фатумъ ужъ тяготѣлъ надъ нимъ.

— Que voulez-vous, ma chère!—отвѣтилъ онъ какъ-то безнадежно: — мнѣ мерзавцы необходимы! Превратныя толкованія взяли такую силу, что дольше медлить невозможно. Послѣ... быть-можетъ... когда я достигну извѣстныхъ результатовъ... тогда, конечно... Но въ настоящее время, кромѣ мерзавцевъ, я не вижу даже людей, которые бы съ пользою могли мнѣ содѣйствовать!

— Какъ хотите, мой другъ! Вы знаете: что бы съ вами ни случилось, я всегда раздѣлю вашу участь! Но все-таки... отчего бы не обратиться вамъ, напримѣръ, къ Волохову? Я не знаю... мнѣ кажется, что онъ преданный!

— Я знаю это, и не разъ объ этомъ думалъ, душа моя! Но Волоховъ еще такъ недавно сдѣлался консерваторомъ, что не успѣлъ заслужить полнаго довѣрія. Не моего, конечно—я искренно вѣрю его раскаянію!—но довѣрія общества... C'est un conservateur du lendemain, ma chère, tandis que les autres... les chénapans... sont des vrais conservateurs de la veille! Вотъ что для меня важно. Что же касается до сибирской язвы, то ты можешь быть на этотъ счетъ спокойна: ни меня, ни тебя она коснуться не посмѣетъ.

Однимъ словомъ, умопомраченіе, по обыкновенію, восторжествовало. То злое и проказливое умопомраченіе, которое находитъ для себя смягчающія вину обстоятельства лишь въ невмѣняемости помрачившихся.

Digitized by Google

Къ этому времени какъ разъ подоспѣло извѣстіе о публичномъ отреченіи отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его, происшедшемъ во Франціи въ Парэ-ле-Моніалѣ. Прочитавъ объ этомъ въ газетахъ, Ѳеденька сообразилъ, что необходимо устроить нѣчто подобное и въ Навозномъ. А дабы облечь свое намѣреніе надлежащею торжественностью, онъ отправился за совѣтомъ къ Пустыннику.

Въ Навозномъ, среди мірского круговорота, спасался Пустынникъ. Несмотря на свое званіе и преклонныя лѣта, это былъ мужчина веселый, краснощекій, кровь съ молокомъ. Любилъ онъ въ мѣру поѣсть и въ мѣру же выпить, а еще болѣе любилъ другихъ угостить. Любилъ пѣть духовные и свѣтскіе стихи (послѣдніе всегда старые, сочиненные до «Прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою») и терпѣть не могъ уединенія. Почему онъ назывался Пустынникомъ—этого никто, и всего меньше онъ самъ, не могъ объяснить; извѣстно было только, что ни у кого не пекутся такіе вкусные рыбные пироги, ни у кого не подается такой ядреный квасъ, такія вкусныя наливки, соленья и варенья, какъ у него. Все лучшее въ губерніи по части провизіи стекалось у него и ставилось на столъ на радость и утѣшеніе посѣщавшимъ его гостямъ.

— Люблю радоваться!—говаривалъ онъ:—и самъ себѣ радуюсь, а еще больше радуюсь, когда другіе радуются! Нѣтъ мѣста для скорби въ сердцѣ моемъ. Вси пріидите! вси насладитеся!—вотъ какихъ, сударь, правиловъ я держусь! Что толку кукситься да исподлобья на всѣхъ смотрѣть! И самому тоска, да и на другихъ тоску нагонишь!

Ѳеденька засталъ Пустынника въ обществѣ цѣлаго хора домашнихъ пѣвчихъ, которые пѣли:

Но дивитеся, друзья,
Что не разъ
Между васъ
На пиру веселомъ я
Призадумывался!

— «Призадумывался!»—вздохнулъ Пустынникъ, грузно поднимаясь съ дивана и идя навстрѣчу Ѳеденькѣ.—До здѣ задумывались, а днесь возвеселимся! Мы было пирогъ рушить собирались, да я думаю: кого, молъ, это недостаетъ—анъ ты и вотъ онъ! Накрывать на столъ—живо! Да веселую! Что встали? «Ахъ вы, сѣни мои, сѣни!»

Но Ѳеденька охладилъ порывы Пустынника, сказавъ, что имѣетъ сообщить нѣчто важное.

Digitized by Google

— Вы, гражданскіе, вѣчно съ дѣлами! А посмотришь, дѣла-то ваши всѣ вмѣстѣ выѣденнаго яйца не стоятъ! Ну, сказывай, что еще накуролесилъ?

— Слышали ли вы, Пустынникъ, что во Франціи дѣлается?

Пустынникъ удивленно взглянулъ на Ѳеденьку.

— Не любопытенъ я; а впрочемъ, почтмейстеръ заѣзжаетъ—сказываетъ.

— О томъ, что почти вся палата, въ полномъ составѣ, ѣздила въ городъ Парэ-ле-Моніаль и отъ сатаны отреклась—слышали?

— Что-жъ, пусть лучше Богу молятся, не-чѣмъ шалберничать!

— Не въ томъ дѣло, Пустынникъ, а каковъ фактъ!

— Хоть иновѣрцы, а тоже по-своему Бога почитаютъ. Ничего это. Да скажи ты мнѣ на милость, къ чему ты эту канитель завелъ? Мнѣ что-то даже скучно стало.

— А къ тому, что я эту самую церемонію хочу здѣсь устроить!

Это было до того удивительно, что Пустынникъ ничего не нашелся отвѣтить, а только хлопнулъ Ѳеденьку по ляжкѣ и сказалъ:

— Закусимъ!

— Нѣтъ, Пустынникъ, я безъ шутокъ хочу это здѣсь устроить.

— Да ты опомнись, сударь! Вѣдь мы здѣсь, въ Навозномъ, даже вѣдать не вѣдаемъ, кто таковъ онъ есть, сатана-то!

— Ну, нѣтъ-съ! вы не знаете! вы здѣсь сидите, а о томъ и не знаете, какія вездѣ пошли превратныя толкованія!

— Чего не знаю, о томъ и говорить не могу!

— А я такъ знаю. Свобода-съ! несмѣняемость-съ! независимость-съ! Вотъ оно куда пошло!

— Слыхалъ, сударь.

— Надо все это истребить!

— Сдѣлай милость, закусимъ!

Ѳеденька, наконецъ, обидѣлся.

— Я думалъ, что вы содѣйствіе окажете, а вы съ закуской!

— Да какое же я тебѣ содѣйствіе оказать могу? Зависимые вы или независимые, смѣняемые или несмѣняемые—это ваше, гражданское дѣло! Вотъ свобода—это точно что ядъ! Это и я скажу!

Digitized by Google

— Я вотъ что придумалъ, слушайте. На этихъ дняхъ, какъ только будетъ хорошая погода, я, во главѣ благонамѣренныхъ, отправляюсь въ подгородную слободу и произношу обѣтъ...

— Убѣдительнѣйше тебя прошу: закусимъ!

— Отстаньте вы съ вашей закуской! Говорите: можете ли вы разсуждать или нѣтъ?

— Ну, давай разсуждать натощакъ!

— Итакъ, я иду въ подгородную слободу и произношу обѣтъ...

— По примѣру, значитъ?

— Ну, да, по примѣру. Оттого мы, благонамѣренные, и слабы, что всѣ врозь идемъ. Нѣтъ чтобы хорошему примѣру подражать, а все какъ бы на смѣхъ другъ друга поднять норовимъ!

— Не смѣяться-то нельзя!

— Что же тутъ, однако, смѣшного?

— Ну, какъ же не смѣшно—посуди ты самъ. Идешь ты нѣ вѣсть куда, съ сатаной полемику вести хочешь! А я такъ думаю, что изъ всего этого пикникъ у васъ, у благонамѣренныхъ, выйдетъ! Дѣлать тебѣ нечего—вотъ что!

Ѳеденька даже вспыхнулъ весь.

— Это о комъ-нибудь другомъ можно сказать, что дѣлать нечего, только не обо мнѣ!—произнесъ онъ ироническ.—Я не закусываю, какъ другіе, а съ утра до вечера точно въ котлѣ киплю!

— Если ты это на мой счетъ сказалъ, что нѣкто закусываетъ—такъ что-жъ! Нечего мнѣ дѣлать—это я и самъ скажу! Сижу, пѣсни пою, закушу малость—конечно, не Богъ знаетъ какое государственное это дѣло, однако, и вреда отъ него никому нѣтъ. А ты, извини ты меня, завистливъ очень. Своего-то у тебя дѣла нѣтъ, такъ ты другимъ помѣшать норовишь. Анъ вотъ и вредъ. Изволь, спрошу я тебя: управа ли, судъ ли—чѣмъ они тебѣ поперекъ горла встали? пошто ты на всякъ часъ ихъ клянешь? Дѣло свое они дѣлаютъ—достовѣрно знаю, что дѣлаютъ, тебя не замаютъ—чего еще нужно? Да и люди отмѣнные! Заговорятъ—заслушаешься; ровно на гусляхъ играютъ! Скажи ты мнѣ, Христа ради, какую такую строптивость ты въ нихъ замѣтилъ?

— Ну, Пустынникъ, съ вами говорить—пожалуй, и до ссоры не далеко. Скажите-ка лучше прямо: съ нами вы или нѣтъ?

Digitized by Google

— Это на пикникъ-то?—нѣтъ, ужъ меня уволь: у меня плоть немощна.

— А еще Пустынникомъ называетесь!

— А почему ты знаешь, какъ я въ Пустынники-то попалъ! Можетъ, мнѣ петля была! Можетъ, по естеству-то, мнѣ вотъ такъ же, какъ и тебѣ, по пикникамъ бы ѣздить хорошо! А я сижу да сохну.

— Ну-съ, такъ прощайте-съ.

— Да закуси ты, сдѣлай милость! Авось, у тебя сердце-то отойдетъ!

— Нѣтъ ужъ, увольте.

— Ну, не хочешь, какъ хочешь. А то закусилъ бы инъ! Это все у тебя отъ думы. Брось! пущай другіе думаютъ! Эку сухоту себѣ нашелъ: завидно, что другіе дѣлами занимаются—зачѣмъ не къ нему всѣ дѣла приписаны! Ну, да ужъ прощай, прощай! Вижу, что сердишься! Увидишься съ сатаной—плюнь ему отъ меня въ глаза! Только врядъ ли увидишь ты его. Потому, живемъ мы здѣсь въ благочестіи и во всякомъ благомъ поспѣшеніи, властямъ предержащимъ повинуемся, старшихъ почитаемъ—неповадно ему у насъ!

Ѳеденька вышелъ отъ Пустынника опечаленный, почти раздраженный. Это была первая его неудача на поприщѣ борьбы. Онъ думалъ окружить свое вступленіе въ борьбу невозможною помпой—и вдругъ нѣтъ главнаго украшенія помпы, нѣтъ Пустынника. Пустынникъ, съ своей стороны, вышелъ на балконъ и долго слѣдилъ глазами за удаляющимся экипажемъ Ѳеденьки. Сѣдые волосы его развѣвались по вѣтру, и лицо казалось какъ бы закутаннымъ въ облако. Онъ тоже былъ раздраженъ и чувствовалъ, что нелѣпое объясненіе съ Ѳеденькой разстроило весь его день.

— И чортъ тебя баламутитъ!—бормоталъ онъ, тряся головой.—Именно онъ, духъ праздности, унынія и любоначалія, вселился въ тебя!

Несмотря на неудачу съ Пустынникомъ, Ѳеденька не оставилъ своей затѣи. На другой же день (благо время случилось красное), онъ, въ сопровожденіи правителя канцеляріи, чиновниковъ особыхъ порученій и частныхъ приставовъ, съ ранняго утра двинулся въ подгородную слободу. Шествіе открывалъ Ноздревъ, а замыкалъ Держиморда; Тарасъ же Скотининъ шелъ рядомъ съ Ѳеденькой и излагалъ программу будущаго. Лаврецкій съ прочими раскаявшимися разсѣялись по сторонамъ и притворились,

Digitized by Google

что рвутъ цвѣты. Придя въ подгородную слободу, Ѳеденька выбралъ пустопорожнее пространство, гдѣ было не такъ загажено, какъ въ прочихъ мѣстахъ, велѣлъ удалить куръ и поросятъ и подвергнулъ себя двухчасовому воздержанію. Затѣмъ всталъ и предъ лицомъ неба проклялъ свои прежнія заблужденія, а дабы запечатлѣть эту клятву самымъ дѣломъ, тутъ же подписалъ заранѣе изготовленный Лаврецкимъ циркуляръ. Въ циркулярѣ этомъ описывался церемоніалъ проклятія и выражалась надежда, что всѣ подчиненные поспѣшатъ послѣдовать этому примѣру. Кромѣ того, излагалось, что наука есть оружіе обоюдоострое, съ которымъ необходимо обращаться, по возможности, осторожно. Что посему, ежели господа частные пристава не надѣются отъ распространенія наукъ достигнуть благонадежныхъ результатовъ, то лучше совсѣмъ оныя истребить, нежели допустить превратныя толкованія, за которыя многія тысячи людей могутъ въ сей жизни получить законное возмездіе, а въ будущей—лишиться спасенія...

Исполнивъ все это, Ѳеденька громко возопилъ: «сатана! покажись!» Но, какъ это и предвидѣлъ Пустынникъ, сатана явиться не посмѣлъ. Обрядъ былъ конченъ; оставалось только возвратиться въ Навозный; но тутъ сюрпризомъ пріѣхала Іоанна д'Аркъ во главѣ цѣлой кавалькады дамъ. Привезли корзины съ провизіей и виномъ, послали въ городъ за музыкой, и покаянный день кончился премиленькимъ пикникомъ, подъ конецъ котораго домы поднесли Ѳеденькѣ бѣлое атласное знамя съ вышитыми на немъ словами: БОРЬБА.

Такимъ образомъ исполнилось и другое предсказаніе Пустынника относительно пикника...

Я знаю: прочитавъ мой разсказъ, читатель упрекнетъ меня въ преувеличеніи. Помилуйте!—скажетъ онъ:—развѣ мы не достаточно знаемъ Ѳедора Павлыча Кротикова? Никто, конечно, не станетъ отрицать, что это—малый забавный, а отчасти даже и волшебный, но вѣдь и волшебность имѣетъ свои предѣлы, которые даже самый безпардонный человѣкъ не въ силахъ переступить. Ну, съ какой стати Ѳеденька будетъ отрекаться отъ сатаны? Не пожелаетъ ли онъ скорѣе познакомиться съ нимъ? Съ какой стати придетъ ему въ голову возводить дѣвицу Волшебнову въ санъ Іоанны д'Аркъ? Зачѣмъ ему Іоанна д'Аркъ? Не поспѣшитъ ли онъ, наоборотъ, и настоящую-то Іоанну д'Аркъ, если-бъ

Digitized by Google

таковая попала ему подъ руку, поскорѣе произвести въ санъ дѣвицы Волшебновой?

Какъ ни вѣски могутъ показаться эти возраженія, но я позволяю себѣ думать, что они не больше, какъ плодъ недоразумѣнія. Очевидно, что читатель ставитъ на первый планъ форму разсказа, а не сущность его, что онъ называетъ преувеличеніемъ то, что, въ сущности, есть только иносказаніе, что, наконецъ, гоняясь за дѣйствительностью обыденною, осязаемою, онъ теряетъ изъ вида другую, столь же реальную дѣйствительность, которая хотя и рѣдко выбивается наружу, но имѣетъ не меньше правъ на признаніе, какъ и самая грубая, бьющая въ глаза конкретность.

Литературному изслѣдованію подлежатъ не тѣ только поступки, которые человѣкъ безпрепятственно совершаетъ, но и тѣ, которые онъ совершилъ бы, если-бъ умѣлъ или смѣлъ. И не тѣ однѣ рѣчи, которыя человѣкъ говоритъ, но и тѣ, которыя онъ не выговариваетъ, но думаетъ. Развяжите человѣку руки, дайте ему свободу высказать *всю* свою мысль—и передъ вами уже встанетъ не совсѣмъ тотъ человѣкъ, котораго вы знали въ обыденной жизни, а нѣсколько иной, въ которомъ отсутствіе стѣсненій, налагаемыхъ лицемѣріемъ и другими жизненными условностями, съ необычайною яркостью вызоветъ наружу свойства, остававшіяся дотолѣ незамѣченными, и, напротивъ, отброситъ на задній планъ то, что на поверхностный взглядъ составляло главное опредѣленіе человѣка. Но это будетъ не преувеличеніе и не искаженіе дѣйствительности, а только разоблаченіе той *другой* дѣйствительности, которая любитъ прятаться за обыденнымъ фактомъ и доступна лишь очень и очень пристальному наблюденію. Безъ этого разоблаченія невозможно воспроизведеніе *всего* человѣка, невозможенъ правдивый судъ надъ нимъ. Необходимо коснуться всѣхъ готовностей, которыя кроются въ немъ, и испытать, насколько живуче въ немъ стремленіе совершать такіе поступки, отъ которыхъ онъ въ обыденной жизни поневолѣ отказывается. Вы скажете: какое намъ дѣло до того, волею или неволею воздерживается извѣстный субъектъ отъ извѣстныхъ дѣйствій? для насъ достаточно и того, что онъ не совершаетъ ихъ... Но берегитесь! *сегодня* онъ дѣйствительно воздерживается, но завтра обстоятельства поблагопріятствуютъ ему, и онъ *непремѣнно* совершитъ все, что когда-нибудь лелѣяла тайная его мысль. И совершитъ тѣмъ

Digitized by Google

съ бо́льшею безпощадностью, чѣмъ бо́льшій гнетъ сдавливалъ это думанное и лелѣянное.

Я согласенъ, что въ дѣйствительности Ѳеденька многаго не дѣлалъ и не говорилъ изъ того, что́ я заставилъ его дѣлать и говорить; но я утверждаю, что онъ *несомнѣнно все это думалъ*, и, слѣдовательно, сдѣлалъ бы или сказалъ бы, если-бъ умѣлъ или смѣлъ. Этого для меня вполнѣ достаточно, чтобъ признать за моимъ разсказомъ полную реальность, совершенно чуждую всякой фантастичности.

Многое потому только кажется намъ преувеличеніемъ, что мы безъ должнаго вниманія относимся къ тому, что́ дѣлается вокругъ насъ. Дѣйствительность слишкомъ примелькалась намъ, да и мы сами какъ-то отвыкли отдавать себѣ отчетъ даже въ тѣхъ наблюденіяхъ, которыя мы несомнѣнно дѣлаемъ. Поэтому, когда литература называетъ вещи не совсѣмъ тѣми именами, съ которыми мы привыкли встрѣчаться въ обыденной жизни, намъ думается уже, что это—небывальщина.

Но на самомъ дѣлѣ небывальщина гораздо чаще встрѣчается въ дѣйствительности, нежели въ литературѣ. Литературѣ слишкомъ присуще чувство мѣры и приличія, чтобъ она могла взять на себя задачу съ точностью воспроизвести карикатуру дѣйствительности. Напрасно усиливалась бы она опошлять и искажать дѣйствительность—въ послѣдней всегда останется нѣчто, передъ чѣмъ отступитъ самая смѣлая способность къ искаженіямъ. «Исказители, карикатуристы!»—возглашаютъ близорукіе люди. Но пускай же они укажутъ предѣлы глупаго и пошлаго, до которыхъ не доходила бы дѣйствительность; пусть хоть разъ въ жизни сумѣютъ понять и оцѣнить то, что на каждомъ шагу слышитъ ихъ ухо и видитъ ихъ взоръ!

Если-бъ я разсказалъ жизнь Ѳеденьки въ формѣ обнаженной лѣтописи выдающихся фактовъ его дѣятельности, я думаю, что читатель былъ бы болѣе въ правѣ упрекнуть меня въ искаженіи, хотя бы въ моемъ разсказѣ не было на горчичное зерно вымысла. Нѣтъ ничего несогласнѣе съ истиной, какъ истина въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее понимаетъ большинство людей. Ежели судить по разсказамъ лѣтописцевъ, передающихъ только голые факты, то Ѳеденьку пришлось бы, пожалуй, назвать злодѣемъ. Такова истина большинства. Но это уже по тому одному неправда, что если-бъ Ѳеденька былъ заправскій злодѣй, то обывателю Навознаго невозможно было бы существовать. Сверхъ

Digitized by Google

того: злодѣй имѣетъ систему, а у Ѳеденьки въ распоряженіи находится лишь яичница; злодѣй не выступитъ на арену, не подготовившись заранѣе, не прозондировавъ тѣ мѣста, гдѣ удобнѣе класть отраву; Ѳеденька же не только ни къ чему не подготовленъ, но имѣетъ всѣ свойства молодого жеребчика, вырвавшагося на волю изъ стойла. Онъ гогочетъ и роетъ землю, самъ не зная зачѣмъ. Поэтому, присматриваясь къ нему, я убѣждаюсь, что главное его качество есть простодушіе, усугубленное неразвитостью, и что вслѣдствіе этого голова его полна бредней, которыя, смотря по обстоятельствамъ, принимаютъ благопріятный или неблагопріятный для обывателя характеръ. Многія изъ этихъ бредней до того фантастичны, что онъ самъ старается скрыть ихъ, но я ловлю его на полусловѣ, я пользуюсь всякимъ темнымъ намекомъ, всякимъ минутнымъ изліяніемъ, и съ помощью ряда усилій вступаю твердой ногой въ храмину той другой, не обыденной, а скрытой дѣйствительности, которая одна и представляетъ вѣрное мѣрило для всесторонней оцѣнки человѣка. Не знаю, въ какой степени усилія мои увѣнчаются успѣхомъ, но убѣжденъ, что пріемъ мой, во всякомъ случаѣ, долженъ быть признанъ правильнымъ.

Говорятъ о карикатурѣ и преувеличеніяхъ,—но нужно только осмотрѣться кругомъ, чтобъ обвиненіе это упало само собою.

Чего стоитъ борьба съ привидѣніями, на которую такъ легко рѣшается даже простодушнѣйшій изъ помпадуровъ!

Чего стоитъ мысль, что обыватель есть не что иное, какъ административный объектъ, всѣ притязанія котораго могутъ быть разомъ разсѣчены тремя словами: не твое дѣло!

Это ли не карикатура?

Но кто же пишетъ эту карикатуру? не сама ли дѣйствительность? не она ли на каждомъ шагу обличаетъ самоё себя въ преувеличеніяхъ?

«Изъ Егорьевска пишутъ»... «изъ Белебея пишутъ»... «изъ Пронска пишутъ»... Умѣйте же, наконецъ, читать, господа!

Возьмите для себя исходнымъ пунктомъ хоть извѣстіе: «изъ Пронска пишутъ: вчера нашъ помпадуръ, будучи на охотѣ, устроенной въ честь его однимъ изъ подгородныхъ землевладѣльцевъ, переломилъ пастуху ребро»... и идите дальше. Ежели сегодня оказывается возможнымъ и безна-

Digitized by Google

казаннымъ такое-то, очевидно, волшебное дѣйствіе, то спросите себя: какіе размѣры приметъ это волшебство завтра? Не останавливайтесь на настоящей минутѣ, но прозрѣвайте въ будущее. Тогда вы получите цѣлую картину волшебствъ, которыхъ, *быть-можетъ*, еще нѣтъ въ дѣйствительности, но который несомнѣнно придутъ...

Какъ бы то ни было, но повторяю: карикатуры нѣтъ... кромѣ той, которую представляетъ сама дѣйствительность.

Если смотрѣть на дѣло съ разумной точки зрѣнія, то можно было ожидать, что, совершивъ все вышеизложенное, Ѳеденька кончитъ тѣмъ, что станетъ втупикъ. Однакожъ, къ удивленію, ничего подобнаго не случилось.

Водрузивъ знамя борьбы, онъ почувствовалъ, что у него словно гора съ плечъ свалилась. Никогда ему не было такъ легко и привольно. Онъ весь устремился куда-то въ даль, а на прошедшее взглянулъ какъ на дурной бредъ, который пересталъ быть для него обязательнымъ. Отнынѣ нѣтъ ни устности, ни гласности, ни постройки умывальниковъ при посредствѣ принципа самоуправленія—все это будетъ замѣнено однимъ словомъ: «фюить». Даже несомнѣнно-консервативные «корни и нити», которыми онъ еще такъ недавно щеголялъ, показались ему мелкими и презрѣнными. Все это пустая и лишняя процедура. Ему нужно совсѣмъ не то; ему нуженъ не фактъ, а «духъ».

— Я этотъ «духъ» уничтожу!—вопіялъ онъ на всѣхъ перекресткахъ и распутіяхъ.—Я этотъ «духъ» изъ нихъ выбью!

И вслѣдъ затѣмъ давалъ Ноздреву порученіе поднюхать, чѣмъ пахнетъ.

Но ни онъ, ни Тарасъ Скотининъ не могли опредѣлить, въ чемъ состоитъ тотъ «духъ», который они поставили себѣ задачею сокрушить. На вопросы по этому предмету Ѳеденька мялся и отвѣчалъ: «mais comment ne comprenez-vous pas cela?» Скотининъ же даже не отвѣчалъ ничего, а только усиленно вращалъ зрачками. Поэтому оба, въ концѣ концовъ, разсудили за благо употреблять это слово, какъ нѣчто не требующее толкованій, но вполнѣ ясное и твердое.

Скотининъ до того очаровалъ Ѳеденьку, что совершенно оттѣснилъ Лаврецкаго. Онъ всякое утро представлялъ Кротикову докладъ, подъ которымъ, за неумѣніемъ его грамотѣ, подписывался Кутейкинъ. Въ докладѣ никакихъ дру-

Digitized by Google

гихъ фразъ не было, кромѣ: «а дабы сей пагубный духъ истребить» и: «а дабы обуздать злокозненный оный духъ». Въ заключеніе предлагалась *мѣра:* фюить! Ѳеденька выслушивалъ эту длинную іереміаду, безъ умолку болтая всякій вздоръ и лишь изрѣдка, ради приличія, дѣлая попытку что-нибудь возразить. Но обыкновенно заключенія доклада принимались всецѣло и тутъ же передавались Ноздреву и Держиморду, которые со всѣхъ ногъ бросались исполнять ихъ.

Вообще Ѳеденька сдѣлался необыкновенно бодръ и дѣятеленъ. Вставалъ онъ чрезвычайно рано и тотчасъ же принималъ Скотинина, Ноздрева и Держиморду, которые, въ ожиданіи его призыва, сидѣли въ передней, бесѣдуя съ камердинеромъ Яшкою. Отдавши нужныя приказанія по части истребленія «духа», онъ призывалъ Веретьева (единственнаго изъ прежнихъ сподвижниковъ, къ которому онъ сохранилъ довѣріе) и заставлялъ его представлять, какъ жужжитъ муха, комаръ, пчела и т. п. Если и затѣмъ оставалось свободное время, то приглашался Митрофанъ Простаковъ, на которомъ Ѳеденька изучалъ, каковъ долженъ быть натуральный, неиспорченный человѣкъ. Такимъ образомъ незамѣтно летѣли часы за часами. Передъ обѣдомъ онъ отправлялся гулять по улицамъ и тутъ дѣлалъ такъ-называемыя личныя распоряженія, то-есть таращилъ глаза, гоготалъ и набрасывался на проходящихъ.

— Что ты? да какъ ты? да зачѣмъ ты?—задыхался онъ.— Я изъ тебя этотъ «духъ» выбью! Я этотъ «духъ» уничтожу! Ого-го!

Затѣмъ, сдѣлавъ всѣ «распоряженія» и завершивъ ихъ словомъ: «фюить!»—Ѳеденька возвращался домой и садился за обѣдъ.

— J'espère que j'ai bien gagné mon dîner,—говорилъ онъ Веретьеву.—Надѣюсь, что я могу потребовать для себя хоть одной минуты спокойствія!

И онъ, дѣйствительно, имѣлъ основаніе спокойно ѣсть свой обѣдъ, потому что Скотининъ въ это время уже обдумывалъ свой завтрашній докладъ, а Ноздревъ и Держиморда неутомимо блюли, чтобъ сегодняшнія скотининскія предначертанія были выполнены неукоснительно. Въ продолженіе цѣлаго дня они врывались въ частныя жилища, дѣлали выемки, хватали, ловили, расточали и къ ночи являлись къ Скотинину съ цѣлыми ворохами захваченныхъ книгъ и бумагъ, которыя Кутейкинъ принималъ для дальнѣйшаго разсмотрѣнія. Ноздревъ, по свойственной ему пы-

Digitized by Google

кости нрава, не разъ порывался взять взятку, но Держиморда постоянно его удерживалъ.

— Рано!—увѣщавалъ онъ:—надобно сначала хорошенько себя зарекомендовать! Потомъ наверстаемъ!

А Ѳеденька, видя, что у него день и ночь кипитъ дѣятельность, утѣшался этимъ и говорилъ:

— On me dit que ce sont des chénapans—et ce que j'en doute! Mais ils font à merveille mes affaires, et c'est tout ce qu'il me faut!

Да и Анна Григорьевна, по мѣрѣ силъ, усердствовала. Съ тѣхъ поръ какъ она побывала на покаянномъ пикникѣ, съ ней совершилось словно перерожденіе. Она не только вошла въ роль Іоанны д'Аркъ, но, такъ сказать, отождествилась съ этою личностью. Глаза у нея разгорѣлись, ноздри расширились, дыханіе сдѣлалось знойное, волосы были постоянно распущены. Въ этомъ видѣ, сидя на ворономъ конѣ, она передъ началомъ каждой церковной службы галопировала по улицамъ, призывая всѣхъ къ покаянію и къ войнѣ противъ матеріализма. Нельзя, впрочемъ, умолчать, что успѣху ея проповѣди не мало содѣйствовали частные пристава, которые употребляли всѣ мѣры кротости, дабы обыватели Навознаго не погрязали въ матеріализмѣ, но наполняли храмы Божіи. Учтиво брали они прохожаго за шиворотъ и говорили ему:

— Ну, сдѣлай ты хоть примѣръ! ну, не молись, а только примѣръ сдѣлай!

И прохожіе, видя, что ихъ «просятъ честью», съ удовольствіемъ бросали дѣла и устремлялись въ храмы.

Ѳеденька не только выполнилъ программу, изложенную имъ въ покаянномъ циркулярѣ, но даже пошелъ дальше. «Лучше совсѣмъ истребить науки, нежели допустить превратныя толкованія»,—писалъ онъ въ циркулярѣ; а Скотининъ, какъ дважды-два—четыре, доказалъ ему, что всякое усиліе, дѣлаемое человѣкомъ съ цѣлью оградить себя отъ какихъ-либо случайностей, есть бунтъ противъ неисповѣдимыхъ путей. А посему: не слѣдуетъ ни пожаровъ тушить, ни принимать какія-либо мѣры противъ голода или повальныхъ болѣзней. Все это посылается не безъ цѣли, но или въ видахъ наказанія, или въ видахъ испытанія. Слѣдовательно, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ не требуется ничего, кромѣ покорности и твердости въ перенесеніи бѣдствій.

— Я, вашество, самъ на себѣ испыталъ такой случай,—

Digitized by Google

говорилъ Тарасъ.—Были у меня въ имѣніи скотскіе падежи почти ежегодно. Только я, знаете, сначала тоже мудровалъ: и ветеринаровъ приглашалъ, и знахарямъ чортову пропасть денегъ просадилъ, и попа въ Егорьевъ день по полю каталъ—все, знаете, чтобъ польза была. Хоть ты что хочешь! Наконецъ, я рѣшился-съ. Бросилъ все, пересѣкъ скотницъ и положилъ праздновать Ильинскую пятницу. И что-жъ, сударь! Съ тѣхъ поръ—какъ отрѣзало. Вездѣ кругомъ скотина, какъ мухи, мретъ, а меня Богъ милуетъ!

Доктрина эта пришлась Ѳеденькѣ очень по нраву. Во-первыхъ, въ ней было что-то возвышенное, а во-вторыхъ, она освобождала его отъ многихъ обязанностей, которыя мѣшали исключительно предаться дѣлу истребленія ненавистнаго ему «духа». Не дерзость ли предотвращать болѣзни, голодъ, пожары, когда все это посылается свыше, по заслугамъ людей? Чаша нечестій до того переполнилась, что самое лучшее средство спасти это гнѣздилище неключимостей (такъ называлъ Ѳеденька Навозный)—это погубить его. Пусть голодъ, холера и огонь дѣлаютъ свое губительное дѣло; пусть истребляютъ виновныхъ, невинныхъ же подвергаютъ испытанію. Ѳеденька безъ сожалѣнія оставитъ этотъ новый Содомъ и готовъ промѣнять его даже на пустыню. При словѣ «пустыня» воображеніе Ѳеденьки, и безъ того уже экзальтированное, пріобрѣтало такой полетъ, что онъ, не въ силахъ будучи управлять имъ, началъ очень серьезно входить въ роль погубителя Навознаго. Ангелъ смерти, казалось ему, паритъ надъ нечестивымъ городомъ; пожаръ истребилъ всѣ дома, по улицамъ валяются распухшіе трупы людей и распространяютъ смрадъ. А онъ, Ѳеденька, одѣтый по-дорожному (поодаль виднѣется заложенный дормезъ, изъ окна котораго выглядываетъ Іоанна д'Аркъ), стоитъ на базарной площади и провозглашаетъ грандіозный походъ въ пустыню. Послушные его голосу, со всѣхъ сторонъ стекаются уцѣлѣвшіе обыватели, посыпаютъ свои головы пепломъ и, разодравъ на себѣ одежды, двигаются, подъ его покровительствомъ, въ степь Сахару (Ѳеденька такъ давно учился географіи, что полагалъ Сахару на границѣ Тамбовской и Саратовской губерній). Пришедши туда, онъ предложитъ обывателямъ приносить покаяніе, валяться на голой землѣ и питаться дикимъ медомъ и акридами, самъ же разобьетъ шатеръ, выпишетъ Дорота въ качествѣ метрдотеля и, въ обществѣ Іоанны д'Аркъ, предводительшъ и предводителей, будетъ вкушать изысканныя

Digitized by Google

яства. По вечерамъ избранники будутъ играть въ карты, танцовать и говорить дамамъ amabilités...

— Мнѣ и въ пустынѣ будетъ хорошо-съ!—говорилъ Ѳеденька.—Меня хоть на край свѣта ушлите—я и тамъ отлично устроюсь-съ!

— Еще какъ, вашество, устроимся-то!—прибавлялъ, съ своей стороны, Скотининъ.—Возьмемъ съ собою Еремѣевну да Вральмана, заставимъ сказки сказывать, или вотъ Митрофанушкѣ велимъ голубей гонять—и театровъ не надо.

— Le brave homme!—въ умиленіи восклицалъ Ѳеденька и, трепля Скотинина по плечу, присовокуплялъ:—Возьмемъ, старикъ, всѣхъ возьмемъ! Уложимъ чемоданы, захватимъ Еремѣевну и Митрофанушку и поѣдемъ на обывательскихъ, куда глаза глядятъ!

Итакъ, новый фазисъ административной проказливости, въ который вступилъ Ѳеденька, не только не принесъ ему никакихъ затрудненій, но даже произвелъ въ немъ довольно пріятную экзальтацію. И прежняя жизнь его была бредомъ, и теперь она продолжала быть бредомъ, съ тою лишь разницею, что прежній бредъ имѣлъ сначала либеральный, потомъ консервативный характеръ, а теперь онъ принялъ форму бреда борьбы. Но эта послѣдняя форма была даже пріятнѣе двухъ первыхъ, потому что не признавала никакихъ границъ и, слѣдовательно, легко наполнялась всякаго рода содержаніемъ.

Но не столько было замѣчательно то, что Ѳеденька не почувствовалъ въ своемъ положеніи никакой противъ прежняго перемѣны, сколько то, что самый объектъ его административныхъ воздѣйствій нимало не измѣнилъ своей физіономіи. Казалось, что Навозный даже не замѣтилъ, что Кротиковъ, вмѣсто Рудина и Волохова, приблизилъ къ себѣ Скотинина и Ноздрева, что, переставъ писать циркуляры о необходимости учрежденія заводовъ, онъ ударился въ административный мистицизмъ. Обыватели не знали ничего ни о недавнемъ либерализмѣ Ѳеденьки, ни о настоящемъ его умоизступленіи. Они, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжали ѣсть пироги (а въ случаѣ ненаѣнія таковыхъ, довольствовались и хлѣбомъ изъ лебеды), платить дани, жениться и посягать. Это было до такой степени необыкновенно, что даже Волоховъ удивился,—онъ, который нѣкогда выразился, что такихъ курицыныхъ дѣтей, какъ обыватели Навознаго, всяко возрождать можно. Ясно было, что большинство находится въ томъ завидномъ положеніи, когда

Digitized by Google

оно ни въ какомъ случаѣ ни отъ какихъ перемѣнъ ни выиграть, ни проиграть ничего не можетъ.

Собственно говоря, отъ легкомыслія Ѳеденьки пострадали только навозные либералы. Изъ нихъ многіе подверглись расточенію, а многіе распороли себѣ животы, предпочтя напрасную смерть постыдному «фюить!», которое раздавалось въ ихъ ушахъ, безпрерывно угрожая ихъ существованію. Но, во-первыхъ, въ глазахъ большинства это были единичныя жертвы, отъ исчезновенія которыхъ городу было ни тепло, ни холодно; а во-вторыхъ, Ѳеденька старался своимъ преслѣдованіямъ придать характеръ борьбы съ безвѣріемъ и непризнаніемъ властей. А такъ какъ обыватели Навознаго искони боялись вольнодумства пуще огня, то они не только не обращали вниманія на вопли жертвъ, но, напротивъ, хвалили Ѳеденьку и подстрекали его къ новымъ подвигамъ.

Казалось, однакожъ, что было одно обстоятельство, которое не могло не тронуть навозенцевъ. Какъ сказано выше, Ѳеденька возвелъ теорію фатализма до такой крайности, что не хотѣлъ ни пожаровъ тушить, ни принимать мѣры противъ голода и повальныхъ болѣзней. Это ужъ слишкомъ близко касалось навозныхъ животовъ, чтобы не произвести въ нихъ нѣкотораго переполоха. Но на дѣлѣ оказалось, что теорія, до которой Ѳеденька додумался лишь труднымъ процессомъ либеральныхъ разочарованій, была во всѣ времена основаніемъ всѣхъ вѣрованій обывателей, всей ихъ жизни. Изстари они безропотно помирали, исповѣдуя, что противъ бѣды да попущенія, какъ ни мудрствуй, ничего не подѣлаешь. Изстари повелось у нихъ такъ, что сегодня человѣкъ пироги съ начинкой ѣстъ, а завтра онъ же подъ окнами у сосѣдей куски выпрашиваетъ. При всемъ своемъ простодушіи, Ѳеденька отлично постигъ это свойство навозенцевъ. Онъ понялъ, что если край будетъ и въ конецъ разоренъ, вслѣдствіе набѣговъ Ноздрева и Держиморды, то у него все-таки останется мужицкая спина, которая имѣетъ свойство обрастать гуще и пушистѣе, по мѣрѣ того, какъ ее оголяютъ.

Итакъ, и Ѳеденька, и Навозный край зажили на славу, проклиная либераловъ за то, что они своимъ буйствомъ накликали на край различныя бѣдствія. Сложилась даже легенда, что бѣдствія не прекратятся, покуда въ городѣ существуетъ хоть одинъ либералъ, и что только тогда, когда Ѳеденька окончательно разоритъ гнѣздо нечестія, можно

Digitized by Google

будетъ не страховать имуществъ, не удобрять полей, не сѣять, не пахать, не жать, а только наполнять житницы...

X.—Зиждитель.

Первые дни великаго поста. Городъ словно въ траурѣ. На дворѣ оттепель, туманъ, слякоть, капель. Афишъ нѣтъ.

Куда идти? что дѣлать? Сходилъ бы въ департаментъ потолковать о назначеніяхъ, перемѣщеніяхъ и увольненіяхъ, но знаю, что послѣ бѣшеныхъ дней масленицы чиновники сидятъ на столахъ, болтаютъ ногами, курятъ папиросы и на лицахъ ихъ ничего не написано, кромѣ: «было бы болото, а черти будутъ». Сходилъ бы въ редакцію «нашей уважаемой газеты» покалякать, какія стоятъ на очереди реформы, но не дальше, какъ часъ тому назадъ, получилъ отъ редактора записку: «приходить не зачѣмъ; реформъ нѣтъ и не будетъ; калякать не объ чемъ». Сходилъ бы, наконецъ, въ домъ бывшаго откупщика, а нынѣ желѣзнодорожнаго дѣятеля, у котораго каждодневно, съ утра до ночи, жируютъ упраздненные полководцы и губернаторы, посмотрѣлъ бы, какъ они поглощаютъ предоставленную имъ гостепріимнымъ хозяиномъ провизію, послушалъ бы, какъ они костятъ современныхъ реформаторовъ, но постъ и на этотъ храмъ утѣхъ наложилъ свою руку. По крайней мѣрѣ, давеча, совершая утреннюю прогулку, я встрѣтилъ одного изъ «упраздненныхъ», который, поспѣшая въ церковь къ часамъ, на ходу скороговоркой сказалъ мнѣ:

— Сегодня къ Моисею Соломоновичу—ни-ни! Говѣетъ. Кромѣ чесноку и фасоли—ничего! Въ этакомъ-то домѣ!

Идти, стало-быть, некуда. Дома тоже оставаться не зачѣмъ. Читать—нечего, писать—не о чемъ. Весь организмъ пораженъ усталостью и тупымъ безучастіемъ ко всему происходящему. Спать бы лечь хорошо, но даже и спать не хочется.

Сажусь, однако, беру первую попавшуюся подъ руку газету и приступаю къ чтенію передовой статьи. Начала нѣтъ; вмѣсто него, «мы не разъ говорили». Конца нѣтъ; вмѣсто него: «объ этомъ поговоримъ въ другой разъ». Средина есть. Она написана пространно, просмакована, даже не лишена гражданской меланхоліи, но, хоть убей, я ничего не понимаю. Сколько лѣтъ ужъ я читаю это: «поговоримъ въ другой разъ!» Да ну же поговори!—такъ и хочется крикнуть...

Я съ дѣтскихъ лѣтъ имѣю вкусъ къ русской литературѣ.

Digitized by Google

Всегда былъ усерднымъ читателемъ, и, могу сказать по совѣсти, даже въ то время, когда цензоръ одну половину фразы вымарывалъ, а въ остальную половину, въ видахъ округленія, вставлялъ: «о, ты, пространствомъ безконечный!»—даже и въ то время я понималъ. Отсѣку, бывало, одно слово, другое отъ себя прибавлю—и понимаю. Но именно нынче возникъ у насъ особенный отдѣлъ печатнаго слова, который рѣшительно ничего не возбуждаетъ во мнѣ, кромѣ ропота на Провидѣніе. Это—отдѣлъ передовыхъ газетныхъ статей. Читаю-читаю—и ничего ухватить не могу. Только-что за что-нибудь ухвачусь — глядь, ужъ пропало. Точно сквозь сито—такъ и льется, такъ и исчезаетъ...

Прежде у насъ не было ни гласныхъ судовъ, ни земскихъ учрежденій, но была цензура. При содѣйствіи цензуры, литература была вынуждаема отсутствіе своихъ собственныхъ политическихъ и общественныхъ интересовъ вымещать на Луи-Филиппѣ, на Гизо, на французской буржуазіи и т. д. Несмотря на это, писали не только понятно, но даже занятно. Какъ ни слаба была связь между мной и Луи-Филиппомъ, но мнѣ было лестно, что русская журналистика не одобряетъ его внутренней политики. Въ внушеніяхъ, дѣлаемыхъ Гизо, я видѣлъ извѣстное міросозерцаніе; я толковалъ себѣ ихъ такъ: ужъ если Гизо такъ проштрафился, то что же должно сказать о дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ Держимордѣ? И вотъ, вмѣстѣ съ устроителями февральскихъ банкетовъ, я кричалъ: à bas Louis-Philippe! à bas Guizot! кричалъ искренно и горячо, хотя лично ничего отъ того не выигрывалъ, что Луи-Филиппъ былъ 24-го февраля 1848 года уволенъ безъ прошенія въ отставку. Выигрывалъ не я, а мое міросозерцаніе, выигрывали тѣ политическіе и общественные идеалы, къ которымъ я себя пріурочивалъ.

Теперь у насъ существуютъ всевозможные политическіе и общественные интересы. Все дано намъ: и гласный судъ, и земскія учрежденія, а сверхъ того многое оставлено и изъ прежняго. Тутъ-то бы и поговорить. По поводу одного—порадоваться, по поводу другого—излить гражданскую скорбь. Вѣдь дѣло идетъ ужъ не о дотаціи герцога Немурскаго (напѣли мы за нее порядкомъ Луи-Филиппу въ свое время!), а о собственной нашей дотаціи въ формѣ гласностей, устностей и т. п. А между тѣмъ никто ничему не радуется, никто ни о чемъ не печалится! Какъ будто бы никакихъ дотацій и не бывало. Спохватился было г. Головачовъ, издалъ книгу:

Digitized by Google

«Десять лѣтъ реформъ»... цѣлыхъ десять лѣтъ! Но и онъ никого не утѣшилъ и не опечалилъ, а многихъ даже удивилъ.

— Видѣли—подъ стекломъ «Десять лѣтъ реформъ» стоятъ?—изумляясь, спрашивали одни.

— Какія «Десять лѣтъ реформъ»? когда? зачѣмъ?—изумлялись въ отвѣтъ другіе.

И только.

Словомъ сказать, вкусъ къ французской буржуазіи пропалъ, а надежда проникнуть, при содѣйствіи крестьянской реформы, въ какую-то таинственную суть—не выгорѣла. И остался русскій человѣкъ ни при чемъ и не на комъ ему свое сердце сорвать. Въ результатѣ—всеобщая адская скука, находящая себѣ выраженіе въ небываломъ обиліи безформенныхъ общихъ фразъ. Ничего, кромѣ азбуки, въ самомъ пошломъ, казенномъ значеніи этого слова. Менандръ проводитъ мысль, что надо жить въ ожиданіи дальнѣйшихъ разъясненій. Агатонъ выражаетъ, что жить въ ожиданіи разъясненій не штука, а вотъ штука—прожить безъ всякихъ разъясненій. А бѣдный дворянинъ Никаноръ идетъ еще дальше и лѣзетъ изъ кожи, доказывая, что въ такомъ обширномъ государствѣ, какъ Россія, не должно быть рѣчи не только о «разъясненіяхъ», но даже о «неразъясненіяхъ», и что всякому вѣрному сыну отечества надлежитъ жить да поживать, да дѣтей наживать. И все это говорится съ сонливою серьезностью, говорится отъ имени какихъ-то «великихъ партій», которыя стоятъ-де за «нами» и никакъ не могутъ подѣлить между собою выѣденнаго яйца.

Скучное время, скучная литература, скучная жизнь. Прежде хоть «рабьи рѣчи» слышались, страстныя «рабьи рѣчи», иносказательныя, но понятныя; нынче и «рабьихъ рѣчей» не слыхать.

Я не говорю, чтобъ не было движенія—движеніе есть,—но движеніе докучное, напоминающее дерганье изъ стороны въ сторону.

Представьте себѣ человѣка, который сидитъ въ наглухо запертомъ экипажѣ и дремлетъ. Сквозь дремоту онъ чувствуетъ, что и не ѣдетъ, и на мѣстѣ путемъ не стоитъ,—но что есть какое-то дерганье, которое поминутно безпокоитъ его. До него доносится говоръ, людскіе шаги, постукиванье, позвякиванье, и все это смутно, все попеременно то смолкаетъ, то опять возобновляется. Вотъ и опять что-то дернуло, и опять, и опять. Вотъ и дремота, наконецъ,

Digitized by Google

соскакиваетъ съ путника—зачѣмъ? Вѣдь и придя въ себя, онъ становится лицомъ къ лицу, все-таки, не съ дѣйствительностью, а съ загадкою. Что случилось? что означаетъ дерганье? Предвѣщаетъ ли оно движеніе или безсрочную остановку на мѣстѣ? Пріѣхали ли куда-нибудь? Хоть не туда, куда ѣхали, а туда, откуда выѣхали?

Всѣ эти вопросы остаются безъ отвѣта, потому что кругомъ темнота, а впереди ничего, кромѣ загадки. Въ такомъ безнадежномъ положеніи можно волноваться вопросами только сгоряча, но разъ убѣдившись, что никакія волненія ни къ чему не ведутъ, остается только утихнуть, сложить руки и думать о томъ, какъ бы такъ примоститься, чтобы дерганье какъ можно меньше нарушало покой. Разумѣется, существуютъ люди, которые и въ подобныхъ положеніяхъ не могутъ не обольщаться, что вотъ-вотъ сейчасъ разбудятъ и скажутъ: пріѣхали! Но спрашивается: что же тутъ хорошаго? Ну, пріѣхали! Куда пріѣхали?—вѣдь навѣрное куда-нибудь въ чуланъ, въ которомъ царствуютъ сумерки и среди этихъ сумерекъ безтолково мятется людской сбродъ. Въ движеніяхъ этого сброда замѣчается суета, на лицахъ написано непонятіе. Толкутся, дерутся, рвутъ другъ у друга куски... сами не знаютъ, зачѣмъ рвутъ. Нѣтъ, какъ хотите, а лучше замереть: можетъ-быть, какъ-нибудь оно и пройдетъ, проползетъ это странное время.

До того смякла, понизилась жизнь, что даже административное творчество покинуло насъ. То творчество, которое обязательно переходитъ черезъ весь петербургскій періодъ русской исторіи. По крайней мѣрѣ, послѣ лучезарнаго появленія на аренѣ административной дѣятельности контрольныхъ чиновниковъ, удостовѣрявшихъ, что такъ-называемая «современная ревизія отчетностей» должна удовлетворить самыхъ требовательныхъ русскихъ конституціоналистовъ, я просто ни на какихъ новыхъ административныхъ піонеровъ указать не могу.

Вспомните прежнихъ финансистовъ, статистиковъ, судей! Какою бездной талантливости должны были обладать эти люди! Вѣдь они являлись на арену дѣятельности не только безъ всякихъ приготовленій, но просто въ чемъ мать на свѣтъ родила, однако и за всѣмъ тѣмъ, все-таки, умѣли нѣчто понимать, нѣчто сказать, разсуждать, выслушивать, говорить. Вспомните, наконецъ, прежнихъ помпадуровъ! Пріѣдетъ, бывало, помпадуръ въ предоставленный ему край и непремѣнно что-нибудь да сдѣлаетъ: либо дороги аллеями

Digitized by Google

обсадитъ, либо пожарную трубу выпишетъ, либо предпишетъ разводить картофель...

Была пытливость, была потребность игры ума. Не знанія, а именно игры ума. Сверхъ того, была потребность воспрославить свое имя... хоть покупкою шрифта для губернской типографіи.

Теперь ни игры ума, ни жажды славы — ничего нѣтъ. Ничѣмъ не подкупишь человѣка, ибо все въ немъ умерло, все замѣнено словомъ «фюить!» Но развѣ это слово? Вѣдь это безсмысленный звукъ, который можетъ заставить только вздрогнуть.

Или опять другое модное слово: «не твое дѣло!»—развѣ можно такъ говорить? Можетъ ли быть что-нибудь предосудительнѣе этой безнадежной фразы? Не она ли изсушила въ конецъ наше пресловутое творчество? не она ли положила начало той адской апатіи, которая съѣдаетъ современное общество и современную русскую жизнь?

Между тѣмъ какъ я такимъ образомъ унывалъ, мнѣ подали карточку, на которой я прочиталъ: le comte Serge de Bystrizinn, conseiller d'état, président de la Société Economique de Tchoukloma, etc., etc.

Сережа Быстрицынъ принадлежалъ къ той блестящей плеядѣ монхъ однокашниковъ, изъ которой потомъ вышли: Ѳедя Кротиковъ, Митя Козелковъ, Петька Толстолобовъ и другіе помпадуры, съ которыми я уже имѣлъ случай познакомить читателя. Но онъ былъ совсѣмъ въ другомъ родѣ. Въ немъ не было ни блеска, которымъ отличался Кротиковъ, ни дипломатической ловкости, которая составляла характеристическую черту дѣятельности Козелкова. Еще на школьной скамьѣ это былъ ребенокъ скромный, чистенькій, хозяйственный и солидный. Сидитъ, бывало, на своемъ мѣстѣ и все надъ чѣмъ-то копается. Или кораблика изъ бумаги дѣлаетъ, или домикъ вырѣзываетъ, или строгаетъ что-нибудь. Спросишь его:

— Зачѣмъ ты, Сережа, все кораблики дѣлаешь?

Онъ солидно и разсудительно отвѣтитъ:

— А можетъ-быть и понадобятся!

Такимъ образомъ надѣлалъ онъ этихъ корабликовъ видимо-невидимо, и мы, легкомысленныя дѣти, признаться, даже подшучивали надъ нимъ, что это онъ новый флотъ на мѣсто черноморскаго строитъ. Но воспитатели наши уже тогда угадывали въ немъ будущаго хозяина и организатора.

Digitized by Google

— Oh, celui-là ne perdra pas la tête, comme vous autres, têtes remplies de foin!—говаривалъ, бывало, мосьё Багатель:—faites le passer par toutes les réformes que vous voudrez, il en sortira à son avantage!

И дѣйствительно, по выходѣ изъ школы, онъ не устремился, подобно прочимъ товарищамъ, на поискъ медленной карьеры, но удалился въ свою чухломскую деревню, и тамъ, чтобы не терять права на полученіе чиновъ, пристроился къ мѣсту почетнаго смотрителя уѣзднаго училища. Здѣсь тихими, но вѣрными шагами онъ достигалъ того, что̀ другими было достигнуто быстро, при помощи цѣлованія плечиковъ, посѣщенія Дюссо и заведенія искусственныхъ минеральныхъ водъ. Я не знаю, что̀ собственно дѣлалъ Сережа, сидя въ деревнѣ, но думаю, что онъ, по обыкновенію своему, клеилъ, вырѣзывалъ и строгалъ, потому что крестьянская реформа не только не застигла его врасплохъ, какъ другихъ, но, напротивъ того, онъ встрѣтилъ ее во всеоружіи и сразу сумѣлъ поставить свое хозяйство на новую ногу. Этого мало: примѣромъ своимъ онъ заразилъ нѣсколькихъ молодыхъ чухломцевъ и успѣлъ организовать изъ нихъ общество, имѣвшее цѣлью возрожденіе чухломскаго хозяйства. Этого было достаточно, чтобы составить ему и его уѣзду какую-то полуфантастическую хозяйственно-организаторскую репутацію. Чухломцы были замѣчены. Нѣкоторые изъ нихъ скоро вынырнули изъ чухломскихъ болотъ и успѣли занять хорошія административныя положенія. Поговаривали о школѣ чухломскихъ администраторовъ, которая съ удобствомъ должна была замѣнить другую школу администраторовъ, не имѣвшую за душой ничего, кромѣ «фюить». «Чухломцы все сдѣлаютъ!—говорилось въ петербургскихъ гостиныхъ:—они и земледѣліе возродятъ, и торговлю разовьютъ, и новыя породы скота разведутъ, и общественное спокойствіе спасутъ!» Но Сережа, этотъ прототипъ чухломца-организатора, все еще упорно сидѣлъ въ Чухломѣ и нимало даже не завидовалъ болѣе прыткимъ чухломцамъ, которые спѣшили ковать желѣзо, пока оно горячо. Онъ ждалъ съ терпѣніемъ, ибо зналъ, что чаша сія не минетъ его. И дѣствительно, по мѣрѣ того, какъ прочіе организаторы-чухломцы, разсѣянные по лицу земли и недостаточно выдержанные, постепенно изнемогали въ борьбѣ съ недоимками, Сережа все прочнѣе и прочнѣе устраивалъ свое положеніе. Наконецъ, слава его достигла такихъ размѣровъ, что нельзя ужъ было больше терпѣть. Что-нибудь одно:

Digitized by Google

или услать его туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ, или призвать и сказать: на, возрождай!

Это было что-то невѣроятное, фантастическое. Говорили, будто, занимаясь рыбоводствомъ, онъ дошелъ до того, что скрестилъ налима съ лещомъ, и что отъ этого произошла рыба, соединявшая маслянистую тешку леща съ налимьею печонкою. Потомъ началъ ходить слухъ, что онъ утилизировалъ крапиву, началъ выдѣлывать изъ нея поташъ, который и разсылаетъ теперь во всѣ страны свѣта. Въ довершеніе всего, пришло достовѣрное извѣстіе, что у него на скотномъ дворѣ существуетъ быкъ, который, по усмотрѣнію своего владѣльца, можетъ быть родоначальникомъ и молочной, и мясной породы. Эти скромныя, но полезныя для человѣчества дѣянія до такой степени выгодно выдѣлялись изъ цѣлой цѣпи дѣяній легкомысленныхъ и безплодно возмутительныхъ, что не обратить на нихъ вниманія было невозможно.

— Слышали: Быстрицынъ?..

— Изумительно!

— Да, батюшка, это... организаторъ! Это не свистунъ! Это настоящій, дѣйствительный помпадуръ-хозяинъ! Такой помпадуръ, какихъ именно въ настоящее время требуетъ Россія!

И онъ былъ призванъ...

Пріѣхавши въ Петербургъ, онъ мнѣ первому сообщилъ о сдѣланныхъ ему предложеніяхъ, но сообщилъ застѣнчиво и даже съ оттѣнкомъ опасенія, что у него недостанетъ силъ, чтобъ оправдать столько надеждъ. Какъ истинный чухломецъ, онъ былъ не только скроменъ, но даже немножко дикъ («un peu farouche», какъ говоритъ Федра объ Ипполитѣ), и мнѣ стоило большого труда ободрить его.

— Посмотри на Кротикова, на Толстолобова,—говорилъ я ему:—вѣдь это развѣ люди!

— Кротиковъ и Толстолобовъ,—отвѣчалъ онъ:—это администраторы по призванію. Это герои минуты. Ихъ совѣсть можетъ оставаться спокойною, если у нихъ даже ничего за душою нѣтъ, кромѣ «фюить». Но я, понимаешь ты, я—хозяинъ! Я долженъ, ты понимаешь—*долженъ* создать, организовать, устроить. Наши чухломцы уже сдѣлали нѣчто въ этомъ смыслѣ, но, признаюсь, я не совсѣмъ доволенъ ими. Они еще недостаточно освободились изъ-подъ гнета недоимокъ. Но я... я не могу ограничиться тѣмъ, что взыскалъ столько-то тысячъ недоимокъ! Я могу хвалиться только

Digitized by Google

тѣмъ, что ничего не взыскалъ... потому что у меня никакихъ недоимокъ нѣтъ и не можетъ быть!

Тѣмъ не менѣе, онъ уступилъ моимъ настояніямъ, то-есть хотя и поломался немного, но принялъ. И справедливость требуетъ сказать, что скромность не только не повредила ему, но даже еще рельефнѣе выставила его организаторскія способности. Не имѣя за себя ни громкихъ воспоминаній о совмѣстномъ посѣщеніи заведенія искусственныхъ минеральныхъ водъ, ни недавнихъ впечатлѣній совмѣстнаго собутыльничества у Дюссо, безъ малѣйшаго посредничества Камиль-де-Ліонъ, Лотаръ или Бланшъ Вилэнъ, просто, естественно явился онъ на судъ—и сейчасъ же сдѣлался героемъ дня. Всѣ стремились видѣть его, всѣ разспрашивали, какимъ образомъ онъ сумѣлъ достигнуть такихъ изумительныхъ результатовъ; всѣ поняли, что даже тѣ бойкіе чухломцы, которыхъ организаторскимъ способностямъ еще такъ недавно удивлялись,—и тѣ, въ сравненіи съ нимъ, не больше, какъ ученики и провозвѣстники. Что настоящій, заправскій чухломецъ—это онъ, это графъ Сергѣй Васильевичъ Быстрицынъ!

. . . . . .

Онъ вошелъ ко мнѣ во всей формѣ, взволнованный. Губы его были сухи, глаза какъ-то особенно блестѣли, все лицо сіяло восторженностью. Онъ былъ очень милъ въ эту минуту.

— Все кончено!—сказалъ онъ, пожимая мнѣ руки:—чаша, которой я такъ избѣгалъ... я уже чувствую прикосновеніе ея краевъ къ губамъ моимъ!

— Куда?

— Въ Паскудскъ!

— Исправляющимъ?

— Нѣтъ, настоящимъ. И съ производствомъ въ дѣйствительные.

Онъ сжалъ губы, какъ будто хотѣлъ овладѣть полнотою своихъ чувствъ.

— Поздравляю! Это шагъ!

— Богъ, Который видитъ мою совѣсть, Онъ знаетъ, какъ я не желалъ этого шага, какъ страшили меня эти почести... все это мишурное величіе!

Онъ опять сжалъ губы, но, противъ воли, глаза его затуманились. Повторяю: онъ очень былъ милъ!

— Что же дѣлать, мой другъ!—утѣшалъ я.—Провидѣніе, надо покориться Его волѣ! Тяжелъ твой вѣнецъ—я со-

Digitized by Google

гласенъ, но падобно нести его! Неси, братецъ, неси! Ты пострадаешь, зато Паскудскъ будетъ счастливъ!

— Je le jure!—воскликнулъ онъ, простирая руку.

Я принялъ его клятву и, разумѣется, счелъ за долгъ прочитать приличную этому торжеству предику.

— Помни эту клятву, мой другъ!—сказалъ я:—помни, что говорится про клятвы: разъ солгалъ, въ другой солгалъ, въ третій никто ужъ и не повѣритъ! Ты поклялся, что Паскудскъ будетъ счастливъ—такъ и гони эту линію! «Фюить»-то да «не твое дѣло» бросить надобно!

— Какія дрянныя, безсмысленныя выраженія!

— Да, душа моя, надоѣли они, до смерти надоѣли! Лучше совсѣмъ ничего не дѣлать, нежели вращать глазами да сквернословить! Испугать обывателя, конечно, не трудно, но каково-то его въ чувство потомъ привести! Дай же мнѣ слово, что ты никогда не будешь ни зрачками вертѣть, ни сквернословить... никогда!

— Je le jure!

Мы взялись за руки и нѣсколько минутъ стояли, смотрясь другъ другу въ глаза, какъ влюбленные.

— Ну, очень радъ. И радъ не столько за тебя, сколько за Паскудскъ!—сказалъ я, наконецъ.—Теперь тебѣ надобно только великими образцами напитаться. Надѣюсь, однакожъ, что ты будешь искать этихъ образцовъ не въ ближайшихъ своихъ предмѣстникахъ?

— Jamais!

— Но въ древности бывали помпадуры, достойные подражанія. Я самъ зналъ одного, который, въ теченіе семи лѣтъ помпадурства, два новыхъ шрифта для губернской типографіи пріобрѣлъ!

— Mon cher! я ужъ думалъ объ этомъ! Но все это частности... положимъ, полезныя... а все-таки частности! Увы! въ исторіи нашихъ помпадурствъ нѣтъ образцовъ, которыми мы могли бы руководиться! Даже въ самыхъ лучшихъ помпадурахъ творчество имѣетъ характеръ случайности. Это не зиждители, а заплатныхъ дѣлъ мастера. Одинъ сѣетъ картофель, а о путяхъ сообщенія не думаетъ; другой обсаживаетъ дороги березками, а не думаетъ о томъ, что дороги тогда только полезны, когда есть что возить по нимъ. Читая лѣтопись этихъ дѣяній, нельзя не отдавать имъ справедливости, но, въ то же время, нельзя не чувствовать, что все это опыты, дѣлавшіеся, такъ сказать, ощупью. Никто не смотритъ вглубь, никто не видитъ корня. Многіе,

Digitized by Google

напримѣръ, прославились тѣмъ, что взыскали цѣлую массу недоимокъ...

— Взыскали массу недоимокъ! Какъ ты, однакожъ, легко объ этомъ говоришь!

— Да, но прежде нежели удивляться этому подвигу, спроси себя: что такое недоимки и откуда онѣ? Недоимки и благоустроенное хозяйство—развѣ это понятія совмѣстимыя? Развѣ слово «недоимки» можетъ быть допущено въ сколько-нибудь приличномъ административномъ лексиконѣ! Россія—и недоимки! Эта безконечная карта, на неизмѣримомъ пространствѣ которой человѣкъ на каждомъ шагу попираетъ неисчерпаемыя богатства—и какой-нибудь милліонъ, два милліона, три милліона недоимокъ! Quelle misère! Какое горькое, оскорбительное сопоставленіе!

Я зналъ, что это основной тезисъ чухломской школы. Развитіе творческихъ силъ народа съ цѣлью столь безпрепятственнаго взысканія податей и сборовъ, которое исключало бы самое понятіе о «недоимкѣ»; изысканіе новыхъ источниковъ производительности, въ видахъ воспособленія государственному казначейству, и, наконецъ, упраздненіе военныхъ экзекуцій, какъ средства, не всегда достигающаго цѣли и, притомъ, сопряженнаго съ издержками для казны—вотъ вся сущность чухломской конституціи. Но никогда я не слыхалъ ее высказанною съ такою безповоротною опредѣленностью!

— Если-бъ начальство могло слышать тебя, Serge, какъ бы оно порадовалось!—сказалъ я.

— Все это я ужъ объяснилъ кому слѣдуетъ. И что всего удивительнѣе, всѣ слушали меня, какъ будто я разсказываю какія-то чудеса!

— Какъ же не чудеса! Помилуй! Жизнь безъ недоимокъ! отсутствіе экзекуцій! новые источники! Какихъ еще больше чудесъ!

— Никакихъ чудесъ нѣтъ. Нужно только терпѣніе... и, конечно, немного умѣнья...

— Avec beaucoup de patience et... знаю! Но вѣдь, говорятъ, ты въ имѣніи своемъ, дѣйствительно, устроилъ что-то необыкновенное?

— Ничего необыкновеннаго. Никакихъ чудесъ. Я работалъ, и былъ такъ счастливъ, что нѣкоторые изъ моихъ опытовъ дали результаты... поразительные! Вотъ и все.

— Напримѣръ, помѣсь налима и леща... parlez-moi de ça!

— Ну, да, это такъ. Это опытъ удачный. Но самъ по

Digitized by Google

себѣ онъ не имѣетъ еще большого значенія. Онъ важенъ... онъ дѣйствительно важенъ... но лишь въ связи съ другими подобными же опытами, долженствующими дать совершенно новыя основанія нашей сельской жизни. Рыбоводство, скотоводство, свиноводство, садоводство—tout se lie, tout s'enchaîne dans ce monde! А моя система—это именно цѣлый міръ!

— Рыбоводство, скотоводство... и тутъ же рядомъ, такъ сказать, во главѣ всего... помпадурство! Какъ ты соединишь это? Какимъ образомъ устроишь ты такъ, чтобъ помпадурство не препятствовало скотоводству, и наоборотъ?

— Ничего нѣтъ проще. Стоитъ только сказать самому себѣ: надо дѣлать совершенно противоположное тому, что дѣлаютъ всѣ прочіе помпадуры,—и результаты получатся громадные. Пойми меня, душа моя. Большинство помпадуровъ главною цѣлью своей дѣятельности поставило такъ-называемую внутреннюю политику. Они ничего другого не признаютъ, кромѣ войны, ничѣмъ другимъ не занимаются, кромѣ пререканій съ обывателями. Вслѣдствіе этого они предпринимаютъ болѣе или менѣе отдаленные походы, производятъ экзекуціи, расточаютъ, разгоняютъ и въ довершеніе всего безпокоятъ начальство донесеніями. Понятно, что при такихъ условіяхъ скотоводство не можетъ процвѣтать. Я же, напротивъ того, прежде всего говорю себѣ: никакой внутренней политики нѣтъ и не должно быть! Все это вздоръ, потому что не существуетъ даже предмета, противъ котораго эта политика могла бы быть направлена.

— Ну, это ты, кажется, ужъ черезъ край хватилъ!

— Напротивъ того, и если ты послѣдуешь за мной въ развитіи моей мысли, ты, конечно, согласишься со мной. Итакъ, raisonnons. Обозрѣвая à vol d'oiseau населеніе какого бы то ни было края, что мы видимъ? Во-первыхъ, мы видимъ сотни, тысячи, сотни тысячъ, милліоны, цѣлое море мужиковъ. Спрашиваю тебя: если я буду истреблять, посредствомъ внутренней политики, мужиковъ—кто будетъ платить подати? кто будетъ производить то, безъ чего я, какъ человѣкъ извѣстныхъ привычекъ, не могу обойтись? кто, наконецъ, доставитъ матеріалъ для цѣлой статистической рубрики подъ названіемъ: «движеніе народонаселенія»? Но этого мало: скажу тебѣ по секрету, что нашъ мужикъ даже не боится внутренней политики, потому просто, что не понимаетъ ея. Какъ ты его ни донимай, онъ,

Digitized by Google

все-таки, будетъ думать, что это не «внутренняя политика», а просто Божеское попущеніе, въ родѣ мора, голода, наводненія, съ тою лишь разницею, что на этотъ разъ воплощеніемъ этого попущенія является помпадуръ. Нужно ли, чтобъ онъ понималъ, что̀ такое внутренняя политика?—на этотъ счетъ мнѣнія могутъ быть различны; но я, съ одной стороны, говорю прямо: берегитесь, господа! потому что какъ только мужикъ пойметъ, что̀ такое внутренняя политика—n,i=ni, c'est fini!

— Гм!.. да... пожалуй, что это и такъ. Сказываютъ, и шахъ персидскій тоже такое мнѣніе высказалъ. Говорятъ, что когда его въ Парижѣ спросили, какая страна ему больше понравилась, то онъ отвѣтилъ: «Moi... Russie... politique jamais!.. hourra toujours... et puis айда!» И такъ это, сказываютъ, Макъ-Магонши понравилось, что она тутъ же выразилась: «и у насъ, говоритъ, ваше величество, къ будущему пріѣзду вашему то же будетъ!»

— Ну, вотъ видишь ли! Но продолжаю. Во-вторыхъ, среди моря мужиковъ, я вижу небольшую группу дворянъ и еще меньшую группу купцовъ. Если я направлю внутреннюю политику противъ дворянъ—кто же будетъ исправлять должность опоры? съ кѣмъ буду я проводить время, играть въ ералашъ, танцовать на балахъ? Ежели я расточу купцовъ — у кого я буду ѣсть пироги? Остается, стало-быть, только одно четвертое сословіе, которое могло бы быть предметомъ внутренней политики, — это сословіе нигилистовъ.

— Итакъ, ты совершенно отвергаешь внутреннюю политику?

— Да, совершенно. Это исходный пунктъ моей программы. Изсушать и уничтожать только болота, а прочее все оплодотворять. Это, коли хочешь, тоже своего рода внутренняя политика, но политика созидающая, а не расточающая. Затѣмъ я приступаю ко второй половинѣ моей программы и начинаю съ того, что приготовляю почву, необходимую для будущаго сѣянія, то-есть устраняю вредные элементы, которые могутъ представлять неожиданныя препятствія для моего дѣла. Такихъ элементовъ я, главнѣйшимъ образомъ, усматриваю три: пьянство, крестьянскіе семейные раздѣлы и общинное владѣніе землей. Вотъ три гидры, которыя мнѣ предстоитъ побѣдить. Прежде всего, разумѣется, — пьянство, какъ противникъ, пользующійся особенной популярностью. Но ты позволишь мнѣ

Digitized by Google

вмѣсто дальнѣйшихъ объясненій прочитать уже заготовленный мною по этому предмету циркуляръ.

Быстрицынъ порылся въ карманѣ своего мундира и вытащилъ изъ него бумажку, которую онъ, очевидно, показывалъ ужъ не мнѣ первому.

«Въ виду постоянно развивающагося пьянства, я считаю долгомъ изложить вамъ мой взглядъ на сей важный предметъ,—началъ онъ.—Но прежде всего я чувствую потребность надлежащимъ образомъ установить точку зрѣнія, на которой вы должны стоять при чтеніи настоящаго циркуляра. Я отнюдь не намѣренъ настаивать на полномъ изъятіи водки изъ народнаго употребленія. Кромѣ того, что эта задача мнѣ непосильная, я очень хорошо понимаю, что въ нашемъ суровомъ климатѣ совершенно обойтись безъ водки столь же трудно, какъ, напримѣръ, жителю пламенной Италіи трудно обойтись безъ макаронъ и безъ живительныхъ лучей солнца, а обитателю болѣе умѣренной полосы, нѣмцу — безъ кружки пива и колбасы. Водка полезна во многихъ случаяхъ — я это знаю. Во-первыхъ, при согрѣтіи окоченѣвшихъ на холодѣ членовъ; во-вторыхъ,—при угощеніи друга; въ-третьихъ,—при болѣзняхъ. Кто не знаетъ цѣлительныхъ свойствъ рижскаго бальзама и водокъ, на манеръ онаго выдѣлываемыхъ? Кому не извѣстны водки: полынная, желудочная, анисовая, перцовая и, наконецъ, архіерейскій настой?! Рюмка, выпитая передъ обѣдомъ, помогаетъ пищеваренію; точно такъ же рюмка и даже двѣ, выпитыя въ обществѣ хорошихъ знакомыхъ, ободряютъ духъ человѣка, дѣлаютъ его наклоннымъ къ дружеству и къ веселому изліянію чувствъ. Общежитіе безъ водки немыслимо. И, конечно, тотъ можетъ почесть себя истинно счастливымъ, кто знаетъ, на какой рюмкѣ ему остановиться, или, лучше сказать, кто рядомъ прозорливыхъ надъ собой наблюденій сумѣлъ въ точности опредѣлить, послѣ какой счетомъ рюмки онъ становится пьянъ. Но, къ сожалѣнію, свойственная человѣку самонадѣянность не всякому дозволяетъ достигнуть сего желательнаго для преуспѣянія народной нравственности результата.

«Вотъ объ этой-то послѣдней, *пьяной*, рюмкѣ и намѣренъ я бесѣдовать съ вами.

«Гдѣ, въ какомъ притонѣ, въ какомъ товариществѣ человѣкъ находитъ сію пагубную для него рюмку? Дома онъ не найдетъ ея, ибо здѣсь его остановитъ заботливая рука жены, умоляющіе взоры воспитанныхъ въ страхѣ Божіемъ

Digitized by Google

дѣтей и, наконецъ, благожелательный совѣтъ друга. Въ гостяхъ онъ тоже не найдетъ ея, ибо тутъ его остановитъ простое чувство приличія. Очевидно, стало-быть, что онъ найдетъ ее въ такомъ убѣжищѣ, за порогомъ котораго оставляется не только чувство приличія, но и воспоминаніе о семейномъ очагѣ и его радостяхъ. Это мрачное убѣжище—долженъ ли я называть его? — это кабакъ! Здѣсь отецъ семейства, выпивъ пагубную рюмку, потребуетъ еще пагубнѣйшей, и затѣмъ, заложивъ сперва сапоги, потомъ шубу, незамѣтно утратитъ уваженіе къ самому себѣ. Здѣсь мать семейства, выведенная изъ терпѣнія безобразнымъ видомъ упившагося мужа, начинаетъ собственноручно расправляться съ нимъ въ виду плачущихъ и недоумѣвающихъ дѣтей. Здѣсь едва вышедшій изъ колыбели ребенокъ уже притворяется пьянымъ и ломается въ угоду развратной толпѣ.

«Вотъ мрачная картина пьянства и тѣхъ безобразныхъ вертеповъ, въ которыхъ оно производится. Надѣюсь, что ея достаточно, чтобъ возбудить въ людяхъ благонамѣренныхъ отвращеніе и даже тошноту. А потому, и имѣя въ виду, что пьянство, сверхъ всего вышеизложеннаго, есть главная причина недоимокъ»...

— Ну, тамъ — какъ обыкновенно: слѣдить, наблюдать, увѣщавать и т. д. Ну, какъ по-твоему? убѣдительно?

— Превосходно! Особливо объ этой рюмкѣ... Я, братъ, самъ это на себѣ испыталъ! Пьешь-пьешь иногда — и все ничего; и вдругъ — эта рюмка! Такъ вотъ словно и скоситъ тебя! Только я, признаться, думаю, что не въ одномъ кабакѣ можно эту рюмку найти. Вотъ я, напримѣръ, въ кабакѣ не бывалъ, а эту рюмку знаю!

— Еще бы! а я-то?! Но вѣдь мы... на насъ вѣдь недоимокъ нѣтъ; да и время у насъ свободное — кому до насъ надобность! Ну, а мужикъ—c'est autre chose!

— Да, братъ, мужикъ—это точно, что autre chose. Ему нельзя эту рюмку знать, потому что, кромѣ того, что рюмка сама по себѣ денегъ стоитъ, она еще и расчеты его всѣ запутываетъ. Ему, напримѣръ, чѣмъ-свѣтъ встать надо, рожь на базаръ везти, а у него голова трещитъ. Ему санишки изладить нужно, а у него руки дрожатъ, онъ вмѣсто полоза-то—по рукѣ себя топоромъ тяпнулъ!.. Да, мужикъ—это именно autre chose! За нимъ еще какъ за ребенкомъ ходить надобно, чтобъ онъ, значитъ, въ непре-

Digitized by Google

станныхъ физическихъ трудахъ находился... тогда, и только тогда, онъ объ одной рюмкѣ забудетъ!

— Вотъ это-то именно я и желаю внушить своимъ подчиненнымъ!

— И прекрасно. Ну-съ, а теперь далѣе.

— Далѣе я поведу войну съ семейными раздѣлами и общиннымъ владѣніемъ. Циркуляры по этимъ предметамъ еще не готовы, но они у меня ужъ здѣсь (онъ ткнулъ себя указательнымъ пальцемъ въ лобъ). Теперь же я могу сказать тебѣ только одно: въ моей системѣ это явленія еще болѣе вредныя, нежели пьянство; а потому я буду преслѣдовать ихъ съ бо́льшею энергіей, нежели даже та, о которой ты получилъ понятіе изъ сейчасъ прочитаннаго мной документа.

Въ его голосѣ звучало такое искреннее убѣжденіе, такая несомнѣнная рѣшимость, что мнѣ невольно пришло на мысль: да, если этотъ человѣкъ не попадетъ подъ судъ, то онъ покажетъ, гдѣ раки зимуютъ!

— Послушай, однакожъ, мой другъ, вѣдь все это: и семейные раздѣлы, и община, и круговая порука — все это находится подъ защитой закона! Стало-быть, ты хочешь сдѣлаться паскудскимъ законодателемъ? Но безопасно ли это?

— Pas de malsaines théories! restons dans la pratique! Практика въ этомъ случаѣ — самый лучшій отвѣтъ. Начнемъ хоть съ тебя. Ты, вотъ, сидишь теперь у себя въ квартирѣ и ужъ, конечно, чувствуешь себя подъ защитой закона. И вдругъ—фюить! — et vous êtes à mille verstes de votre chez-soi, de vos habitudes, de vos amis, de la civilisation... que sais-je enfin! Вѣдь это возможно, спрашиваю я тебя?

— Конечно, оно не невозможно, но...

— Никакихъ «но»! фюить — и больше ничего! Теперь спрашиваю тебя: ежели я, какъ помпадуръ, имѣю возможность обойти законъ ради какого-то «фюить», то неужели же я поцеремонюсь сдѣлать то же самое, имѣя въ виду совершить нѣчто дѣйствительно полезное и плодотворное?

— Да, это такъ. То-есть, коли хочешь, оно и не «такъ», но ужъ если допустить въ принципѣ, что можно дѣлать все, что̀ хочешь, то лучше свиней разводить, нежели вращать зрачками. Итакъ, это рѣшено. Ты исполнилъ первую половину своей программы, ты разорилъ кабаки, положилъ предѣлъ семейнымъ раздѣламъ, упразднилъ общину... затѣмъ?

Digitized by Google

— Затѣмъ начинается собственно положительная часть моего предпріятія. Оплодотвореніе, орошеніе, разведеніе улучшенныхъ породъ скота, указаніе лучшихъ способовъ воздѣлыванія земли и проч. Тутъ я ужъ какъ у себя дома.

— То-есть, какъ въ своемъ собственномъ чухломскомъ хозяйствѣ?

— Да, это будетъ продолженіемъ моего чухломскаго хозяйства. Но ты не можешь себѣ представить, какіе поразительные результаты я иногда получалъ! Вотъ тебѣ одинъ примѣръ изъ множества: въ 1869 году я пріобрѣлъ себѣ ютландскаго борова и ютландскую свинью — какъ ты думаешь, сколько у меня въ настоящую минуту свиней?

— Любопытно!

— Слушай же. Въ 1870 году свинья, въ два раза, принесла мнѣ двадцать поросятъ; въ числѣ ихъ пять боровковъ, изъ которыхъ я трехъ съѣлъ...

— Вкусные?

— Масло. Нѣжность, манность, таяніе... rien de plus exquis! У васъ, въ Петербургѣ, не имѣютъ объ этомъ ни малѣйшаго понятія! Осталось пятнадцать свинокъ и два боровка. Въ 1871 году та же свинья дала еще двадцать поросятъ, изъ которыхъ семь боровковъ; пять я съѣлъ. Въ 1872 году у меня было налицо, кромѣ родичей, двадцать восемь свинокъ и четыре боровка. Въ 1872 году весь первый приплодъ былъ пущенъ на племя; старую свинью откормили и зарѣзали на ветчину; съ старымъ боровомъ слѣдовало бы поступить такъ же, но жаль стало: какъ производитель, онъ неоцѣнимъ. Я оставилъ его, comme qui dirait, для усиленія департамента, какъ оставляютъ старыхъ, опытныхъ чиновниковъ. Пятнадцать молодыхъ свиней, подобно матери своей, поросились по два раза и принесли... триста поросятъ! Изъ нихъ я съѣлъ тридцать пять боровковъ. Къ 1873 году числилось: пятнадцать свиней приплода 1870 года и тринадцать — приплода 1871 года и четыре борова (стараго борова зарѣзали) — все это было пущено на племя. Сверхъ того, на скотномъ дворѣ бѣгало двѣсти тридцать свинокъ и тридцать пять боровковъ. Въ 1873 году результатъ полученъ неслыханный: двадцать восемь свиней принесли... шестьсотъ поросятъ! Изъ нихъ продано и зарѣзано: двадцать свиней и двѣсти поросятъ. Къ 1874 году числилось налицо: четыреста поросятъ и, сверхъ того, двѣсти тридцать восемь свиней и тридцать

Digitized by Google

одинъ боровъ, которые всѣ пущены на племя. Что будетъ въ 1874 году — не знаю!

— Душа моя! — испугался я: — но вѣдь такимъ образомъ можно весь шаръ земной покрыть свиньями!

— И можно бы, если-бъ этому не препятствовалъ ножъ и человѣческая плотоядность! Но представь себѣ этотъ результатъ въ примѣненіи къ народному хозяйству! Представь себѣ его какъ одно изъ многочисленныхъ административныхъ средствъ, находящихся въ моихъ рукахъ... Какой могущественный рычагъ!

Онъ умолкъ, но лицо его говорило краснорѣчивѣе словъ. Все оно сіяло мягкимъ, благожелательнымъ сіяніемъ, все было озарено мыслью: это по части свиней; затѣмъ пойдутъ коровы, овцы, лошади, куры, гуси, утки! Я, съ своей стороны, тоже молчалъ, потому что мною всецѣло овладѣла мысль: сколько-то будетъ свиней у Быстрицына въ 1900 году? Съ какимъ свинымъ багажомъ онъ закончитъ XIX-е и вступитъ въ XX-е столѣтіе нашей эры?

— И какой навозъ, — продолжалъ онъ вдохновенно: — почти солдатскій! Вѣдь это осуществленіе той мечты, которая не даетъ спать истинному хозяину!

— Итакъ, ты начнешь свою дѣятельность въ Паскудскѣ съ разведенія свиней?

— Желалъ бы; но, къ сожалѣнію, долженъ сознаться, что эта мѣра слишкомъ радикальная. Ça prête trop au calembour. Поэтому я начну съ племенныхъ быковъ. На первый разъ я брошу въ обращеніе по одному на каждую волость: это немного, но ты увидишь, какія они надѣлаютъ чудеса! Да, мой другъ! Міръ экономическій — это міръ чудесъ по преимуществу. Пусти въ народное обращеніе какого-нибудь симентальскаго быка — и черезъ десять лѣтъ ты не узнаешь мѣстности. Природа, люди — все будетъ другое. На мѣсто болотъ — цвѣтущіе луга, на мѣсто обнаженныхъ полей — обильныя пажити...

— Изумительно!

— Говорю тебѣ: это цѣлый міръ волшебствъ!

— Но на чьи же деньги пріобрѣтешь ты симентальскихъ быковъ?

— Га! Это ужъ они сами! Мой долгъ подать совѣтъ и наблюсти, чтобъ онъ былъ выполненъ, а деньги — это они сами.

— Разумѣется! Твой долгъ — указать, ихъ долгъ — исполнить!

Digitized by Google

— Добровольно, mon cher, добровольно! Моя система не требуетъ принужденій! Я являюсь на сходъ лично и объясняю...

— Ты! помпадуръ! на сходѣ... и лично!

— Да, душа моя, лично! Я забываю все это мишурное величіе и на время представляю себѣ, что я — простой, добрый деревенскій староста. Итакъ, я являюсь на сходъ и объясняю. Затѣмъ, ежели я вижу, что меня не достаточно поняли, я поручаю продолжать дѣло разъясненія исправнику. И вотъ, когда исправникъ объяснитъ окончательно— тогда, по его указанію, составляется приговоръ и прикладываются печати... И новая хозяйственная эра началась!

— Прелесть! Мнѣ остается удивляться только одному: какъ это до сихъ поръ тебя проглядѣли! Какъ дозволили тебѣ хоть одну лишнюю минуту прозябать въ Чухломѣ!

Въ отвѣтъ на это Быстрицынъ усмѣхнулся и посмотрѣлъ на меня такъ мило и такъ любовно, что я не удержался и обнялъ его. Обнявшись, мы долго ходили по комнатамъ моей квартиры и все мечтали. Мечтали о всеобщемъ возрожденіи, о золотомъ вѣкѣ, о «куричѣ въ супѣ» Генриха IV, и, кажется, дошли даже до того, что по секрету шепнули другъ другу фразу: à chacun selon ses besoins.

— А начальство? развивалъ ли ты передъ нимъ свои мысли?—спросилъ я, когда мы вдоволь намечтались.

— Въ восхищеніи!

— Ну, и слава Богу!

. . . . . .

Словомъ сказать, я такъ пріятно провелъ время, какъ будто присутствовалъ на первомъ представленіи «La Belle Hélène». Согласитесь, что для первой недѣли великаго поста это очень и очень не дурно!

Но другъ мой Глумовъ сумѣлъ-таки разрушить мое очарованіе.

По обыкновенію, онъ вошелъ ко мнѣ мрачный. Мимоходомъ пожалъ мнѣ руку, бросилъ на столъ картузъ, усѣлся на диванъ и угрюмо закурилъ папиросу.

— А у меня сейчасъ Быстрицынъ былъ,—сказалъ я:— онъ въ Паскудскъ помпадуромъ ѣдетъ!

— Скатертью дорога!

— Послушай! Вѣдь ты знаешь, что онъ послѣдователь или, лучше сказать, основатель той чухломской школы помпадуровъ-зиждителей, которая...

Digitized by Google

— Знаю.

— Ну, такъ онъ разсказывалъ мнѣ свой планъ дѣйствій. Ахъ, это очень серьезно, очень, очень серьезно, что онъ задумалъ!

— Напримѣръ?

— Вообрази себѣ, прежде всего онъ хочетъ уничтожить пьянство; потомъ онъ положитъ предѣлъ крестьянскимъ семейнымъ раздѣламъ и, наконецъ, упразднитъ сельскую общину... Словомъ сказать, онъ предполагаетъ дѣйствовать à la Pierre le Grand... Изумительно, не правда ли?

— То-есть, упразднять и уничтожать à la Pierre le Grand; а что же онъ, вмѣсто всего этого, à la Pierre le Grand заведетъ?

— Полеводство, птицеводство, скотоводство... mais tout un système! Все это они въ Чухломѣ надумали. Вообрази, онъ въ 1869 году пріобрѣлъ для себя ютландскаго борова и ютландскую свинью, и какъ ты думаешь, сколько у него теперь свиней?

— Почемъ мнѣ знать!

— Въ 1874 году его свиное стадо заключало въ себѣ двѣсти тридцать восемь свиней, тридцать одного борова и четыреста поросятъ. Это въ пять лѣтъ — отъ одной пары родичей! И замѣть, что стадо было бы вдвое многочисленнѣе, если-бъ онъ отчасти самъ не ѣлъ, а отчасти не продавалъ лишнихъ поросятъ. Каковъ результатъ!

— Ничего,- результатъ важнецкій... хоть бы Коробочкѣ! Только вѣдь Коробочка à la Pierre le Grand не дѣйствовала, съ сводомъ законовъ не воевала, общинъ не упраздняла, а плодила и прикапливала, не выходя изъ той сферы, которая вполнѣ соотвѣтствовала ея разумѣнію!

Удивительный человѣкъ этотъ Глумовъ! Такое иногда сопоставленіе вклеитъ, что просто всякую нить разговора потеряешь съ нимъ. Вотъ хоть бы теперь: ему о Pierre le Grand говоришь, а онъ, ни съ того, ни съ сего, Коробочку приплелъ. И это онъ называетъ «вводить предметъ диспута въ его естественныя границы»! Сколько разъ убѣждалъ я его оставить эту манеру, которая не столько убѣждаетъ, сколько злитъ — и все не въ прокъ.

«Мнѣ, говоритъ, дѣла нѣтъ до того, что дуракъ обижается, когда вещи по именамъ называютъ! Да и какой прокъ отъ лганья? Вотъ навозъ испоконъ вѣка принято называть «золотомъ», а развѣ отъ этого онъ сдѣлался дѣйствительнымъ золотомъ?» И замѣтьте, это — человѣкъ служащій, то-есть

Digitized by Google

докладывающій, представляющій на усмотрѣніе, дающій объясненія, получающій чины и кресты, и т. д. Какъ онъ справляется тамъ съ своими сопоставленіями? Правда, онъ иногда говаривалъ мнѣ: «на службѣ, братъ, я всѣ пять чувствъ теряю»,—но все-таки какъ-то подозрительно! Какъ ни зажимай носъ, а очутишься съ начальствомъ лицомъ къ лицу — волей-неволей обонять придется!

— Ну, съ какой стати ты Коробочку привелъ?—упрекнулъ я его. — Я сказалъ, что Быстрицынъ намѣревается дѣйствовать à la Pierre le Grand... Положимъ, что я употребилъ выраженіе несвойственное, даже преувеличенное, но все-таки...

— Нимало не преувеличенное. У насъ нынче куда ни обернись — все Пьеръ-ле-Граны! дешевле не берутъ и не отдаютъ. Любой помпадуръ ни о чемъ иномъ не думаетъ, кромѣ того, какъ бы руку на что-нибудь наложить или какой-нибудь монументъ на воздухъ взорвать. И все а-ля Пьеръ-ле-Гранъ. Летитъ, братецъ, онъ туда, въ «свое мѣсто», словно буря, «тьма отъ чела, съ посвиста пыль», летитъ и все одну думу думаетъ: разорю! на законъ наступлю! А-ля Пьеръ-ле-Гранъ, значитъ. А загляни-ка ты ему въ душу: для какой-такой, молъ, причины, ты, милый человѣкъ, на законъ наступить хочешь?—анъ у него тамъ ничего нѣтъ, кромѣ «фюить» или шального «проекта всероссійскаго возрожденія, посредствомъ распространенія улучшенныхъ породъ поросятъ»!

— Душа моя! у тебя натура художественная, и потому ты слишкомъ охотно преувеличиваешь! Ты даже самъ не замѣчаешь этого, а, право, преувеличиваешь! Къ чему это странное уподобленіе бурѣ? Къ чему эти выраженія: «разорю! на законъ наступлю»? И это—въ примѣненіи къ Быстрицыну! Къ Быстрицыну, который, не далѣе какъ полчаса тому назадъ, клялся мнѣ, что вся его система держится на убѣжденіи и добровольномъ соглашеніи! Къ Быстрицыну, который лично — понимаешь! онъ, помпадуръ, и *лично!* — намѣренъ посѣщать крестьянскіе сходы! Гдѣ же тутъ «разорю»?

— Опомнись! Да вѣдь ты сейчасъ же самъ говорилъ, что онъ сельскую общину упразднить хочетъ, что онъ намѣренъ семейные раздѣлы прекратить!

— Да, но согласитесь, что, съ экономической точки зрѣнія, это вѣдь вещи дѣйствительно вредныя; что при существованіи ихъ человѣкъ, который намѣревается положить начало

Digitized by Google

новой сельскохозяйственной эрѣ, не можетъ же не чувствовать себя связаннымъ по рукамъ и ногамъ!

Фраза эта вылилась у меня совершенно нечаянно, но, признаюсь, очень мнѣ понравилась. Я даже вознамѣрился, пользуясь симъ случаемъ, прочесть Глумову краткую экономическую предику, въ которой изъяснить, что съ одной стороны несомнѣнно доказано, а съ другой стороны опытъ народовъ свидѣтельствуетъ... Но, къ удивленію моему, Глумовъ не только не увлекся моимъ краснорѣчіемъ, но даже разсердился. Онъ вскочилъ съ дивана и нѣкоторое время не говорилъ, а только разѣвалъ ротъ, какъ человѣкъ, находящійся подъ впечатлѣніемъ сильнѣйшаго гнѣва.

— Да кто же тебѣ сказалъ!—разразился онъ, наконецъ, но, къ удовольствію моему, тотчасъ же сдержалъ себя, и уже спокойнымъ, хотя все же строгимъ голосомъ продолжалъ:—Слушай! дѣло не въ томъ, вредны или полезны тѣ явленія, которыя Быстрицынъ намѣревается сокрушить, въ видахъ безпрепятственнаго разведенія поросятъ, а въ томъ, имѣетъ ли онъ право дѣйствовать à la Pierre le Grand относительно того, что̀ находится подъ защитой дѣйствующаго закона?

— Представь себѣ, я вѣдь самъ сдѣлалъ ему именно это возраженіе!

— Ну?

— И знаешь, что̀ онъ отвѣтилъ мнѣ? Онъ отвѣтилъ: «если можно обойти законъ для того, чтобы безпрепятственно произносить «фюить», то неужели же нельзя его обойти въ видахъ возрожденія?» И я вынужденъ былъ согласиться съ нимъ!

— И ты «вынужденъ былъ согласиться съ нимъ»!—передразнивалъ меня Глумовъ.

— Да, потому что если можно дѣлать все, что̀ хочешь, то, конечно, лучше дѣлать что-нибудь полезное, нежели вредное!

Я такъ искусно игралъ силлогизмомъ: «полезная вещь полезна; Быстрицынъ задумалъ вещь полезную; слѣдовательно задуманное имъ полезно», что Глумовъ даже вытаращилъ глаза. Однако, онъ и на этотъ разъ сдержалъ себя.

— Ну, хорошо,—сказалъ онъ:—ну, Быстрицынъ упразднитъ общину и разведетъ поросятъ.

— Не однихъ поросятъ! Это только одинъ примѣръ изъ множества! Тутъ цѣлая система: скотоводство, птицеводство, пчеловодство, табаководство...

Digitized by Google

— И даже хрѣноводство, горчицеводство... пусть такъ. Допускаю даже, что все пойдетъ у него отлично. Но представь себѣ теперь слѣдующее: сосѣдъ Быстрицына, Петенька Толстолобовъ, тоже пожелаетъ быть реформаторомъ а-ля Пьеръ-ле-Гранъ. Видитъ онъ, что штука эта идетъ на рынкѣ бойко и думаетъ: семъ-ка, я удеру штуку, прекращу празднованіе воскресныхъ дней, а вмѣсто того заведу клоповодство!

— И опять-таки преувеличеніе! Клоповодство! Преувеличеніе, душа моя, а не возраженіе!

— Хорошо; уступаю и въ этомъ. Ну, не клоповодствомъ займется Толстолобовъ, а устройствомъ... положимъ, хоть фаланстеровъ. Вѣдь Толстолобовъ — парень рѣшительный: ему всякая штука въ голову можетъ придти! А на него глядя, и Ѳеденька Кротиковъ возопіетъ: а нутко я насчетъ собственности пройдусь! И тутъ же, не говоря худого слова, декретируетъ: жить всѣмъ, какъ во времена апостольскія живали! Какъ ты думаешь, ладно такъ-то будетъ?

Увы! я даже не могъ отвѣтить на вопросъ Глумова. Я страдалъ. Я такъ жаждалъ «отрадныхъ явленій», я такъ твердо былъ увѣренъ въ томъ, что не дальше, какъ черезъ два-три мѣсяца прочту въ «нашей уважаемой газетѣ» корреспонденцію изъ Паскудска, въ которой будетъ изображено: «Съ нѣкотораго времени нашъ край поистинѣ сдѣлался ареной отрадныхъ явленій. Давно ли со всѣхъ сторонъ стекались мірскіе приговоры объ уничтоженіи кабаковъ, какъ развратителей нашего добраго, простодушнаго народа,—и вотъ снова отовсюду притекаютъ новые приговоры, изъ коихъ явствуетъ, что сельская община въ сознаніи самихъ крестьянъ является единственнымъ препятствіемъ къ пышному и всестороннему развитію нашей производительности!» Да, я ждалъ всего, я надѣялся, я предвкушалъ! И вдругъ — картина! Клоповодство, фаланстеры, возвращеніе апостольскихъ временъ! И что всего грустнѣе— я не могъ даже сказать Глумову: ты преувеличиваешь! ты говоришь неправду! Увы! я слишкомъ хорошо зналъ Толстолобова, чтобы позволить себѣ подобное обличеніе. Да, онъ ни передъ чѣмъ не остановится, этотъ жестоковыйный человѣкъ! Онъ покроетъ міръ фаланстерами, онъ разрѣжетъ грошъ на милліонъ равныхъ частей, онъ засѣетъ всѣ поля персидской ромашкой! И при этомъ будетъ, какъ вихрь, летать изъ края въ край, возглашая: га-га-га, го-го-го! Сколько онъ перековеркаетъ, сколько людей перекалѣчитъ,

Digitized by Google

сколько добра погадитъ, покамѣстъ самъ, наконецъ, попадетъ подъ судъ! А вмѣсто него другой придетъ и начнетъ перековерканное расковеркивать и опять возглашать: га-га-га, го-го-го! Вѣдь были же картофельныя войны, были попытки фаланстеровъ въ формѣ военныхъ поселеній, были импровизированные, декораціонные селенія, дороги, города? Что осталось отъ этихъ явленій! И что стоило ихъ коверканье и расковерканье!

— А я бы на твоемъ мѣстѣ,—продолжалъ, между тѣмъ, Глумовъ:—обратился къ Быстрицыну съ слѣдующею рѣчью: Быстрицынъ! ты безспорно хорошій и одушевленный добрыми намѣреніями человѣкъ, но ты берешься за такое дѣло, которое ни въ какомъ случаѣ тебѣ не принадлежитъ. Хороша ли сельская община, или дурна, препятствуетъ ли она развитію производительности, или не препятствуетъ—это вопросъ спорный, рѣшеніе котораго (и въ особенности рѣшеніе практическое) вовсе до тебя не относится. Предоставь это рѣшеніе тѣмъ, кто прямо заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ; самъ же не мудрствуй, не смущай умовъ и на законъ не наступай! Помни, что ты — помпадуръ, и что твое дѣло не созидать, а слѣдить за цѣлостью созданнаго. Созданы, напримѣръ, гласные суды—ты, какъ левъ, стремись на защиту ихъ! Созданы земства — смотри, чтобы даже вѣтеръ не смѣлъ вѣнуть на нихъ! Тогда ты будешь почтенъ и даже при жизни удостоишься монумента. Творчество же оставь и затѣмъ—гряди съ миромъ.

— Но что же, наконецъ, дѣлать?—воскликнулъ я съ тоскою.—Что дѣлать, ежели, съ одной стороны, для административнаго творчества нѣтъ арены, ежели, съ другой стороны, суды препятствуютъ, земства препятствуютъ, начальники отдѣльныхъ частей препятствуютъ, и ежели, за всѣмъ тѣмъ, помпадуръ обладаетъ энергіей, которую надобно же какъ-нибудь помѣстить?.. Гдѣ же исходъ?

— А ежели человѣкъ ужъ черезъ край изобилуетъ энергіей, то существуетъ прелестное слово: «фюить», которое даже самаго жестоковыйнаго человѣка по горло удовлетворить можетъ!

— Фюить! помилуй! Да это, наконецъ, постыдно!

— Постыдно, даже глупо, но до извѣстной степени отвѣчаетъ потребностямъ минуты. Во-первыхъ, нечего больше говорить. Во-вторыхъ, это звукъ, который, какъ я уже сказалъ, представляетъ очень удобное помѣщеніе для энергіи. Въ-третьихъ, это звукъ краткій и потому затрогивающій

Digitized by Google

только единичныя явленія. Тогда какъ пресловутое зиждительство разомъ коверкаетъ цѣлый жизненный строй...

XI.—Единственный.

УТОПІЯ.

Это былъ несомнѣнно самый простодушный помпадуръ въ цѣломъ мірѣ.

Природа создала его въ одну изъ тѣхъ минутъ благодатной тишины, когда изъ материнскаго ея лона на всѣхъ льется миръ и благоволеніе. Въ эти краткія мгновенія во множествѣ рождаются на свѣтъ люди не весьма прозорливые, но скромные и добрые; рождаются и, къ сожалѣнію, во множествѣ же и умираютъ... Но умныя муниципіи подстерегаютъ уцѣлѣвшихъ и, по достиженіи ими законнаго возраста, ходатайствуютъ о нихъ передъ начальствомъ. И современемъ пользуются плодами своей прозорливости, то-есть бываютъ счастливы.

Увы! съ каждымъ днемъ подобныя минуты становятся все болѣе и болѣе рѣдкими. Нынче и природа дѣлается словно озлобленною, и все творитъ помпадуровъ не умныхъ, но злыхъ. Злые и неумные, они мечутся изъ угла въ уголъ и въ безумной рѣзвости скачутъ по доламъ и по горамъ, воздымая прахъ земли и наполняя имъ вселенную. Съ чего рѣзвятся? надъ кѣмъ и надъ чѣмъ празднуютъ побѣду?

Но этотъ помпадуръ, даже среди необыкновенныхъ, былъ самый необыкновенный. Начальственнаго любомудрія не было въ немъ нисколько. Во время прогулокъ, когда прохожіе снимали передъ нимъ шапки, онъ краснѣлъ; когда же усматривалъ, что часовой на тюремной гауптвахтѣ, завидѣвъ его, готовится дернуть за звонокъ, то мысленно желалъ провалиться сквозь землю и немедленно сворачивалъ куда-нибудь въ сторону.

— Не люблю я этихъ выбѣганій!—говорилъ онъ.—Прибѣгутъ, какъ шальные, выпучатъ глаза, ружьями кидать начнутъ—что хорошаго!

Даже съ квартальными онъ дозволялъ себѣ быть простодушнымъ. Не допускалъ, чтобы квартальный ожесточалъ обывателя, не скорбѣлъ, когда и обыватель забывалъ о квартальномъ.

— Квартальный,—говорилъ онъ:—*всенепремѣнно* долженъ быть сытъ, одѣтъ и обутъ; обыватель же все сіе воленъ исполнить по мѣрѣ возможности. Ежели онъ и не очень сытъ, то съ него не взыщется!

Digitized by Google

Ни наукъ, ни искусствъ онъ не зналъ; но если попадалась подъ руку книжка съ картинками, то разсматривалъ ее съ удовольствіемъ. Въ особенности нравилась ему повѣсть о похожденіяхъ Робинзона Крузое на необитаемомъ островѣ (къ счастью, изданная съ картинками).

— Эту книгу,— выражался онъ: — всякій русскій человѣкъ въ настоящее время у себя на столѣ безсмѣнно держать долженъ. Потому, кто можетъ зараньше опредѣлить, на какой онъ островъ попасть можетъ? И сколько, теперича, есть въ нашемъ отечествѣ городовъ, гдѣ ни хлѣба испечь не умѣютъ, ни супу сварить не изъ чего! А ежели кто эту книгу основательно знаетъ, тотъ самъ все сіе и испечетъ, и сваритъ, а по времени, быть-можетъ, даже и другихъ къ употребленію подлинной пищи приспособитъ!

Въ администраціи онъ былъ философъ, и былъ убѣжденъ, что самая лучшая администрація заключается въ отсутствіи таковой.

— Ежели я живу смирно и лишняго не выдумываю, — внушалъ онъ своему письмоводителю: — то и всѣ прочіе будутъ смирно жить. Ежели я буду выдумывать, а тѣмъ паче писать, то непремѣнно что-нибудь выдумаю: либо утѣсненіе, либо просто глупость. А тогда и прочіе начнутъ выдумывать, и выйдетъ у насъ смятеніе, то-есть кавардакъ.

Этого мало: онъ даже полагалъ (и, быть-можетъ, не безъ основанія), что въ каждой занумерованной и писанной на бланкѣ бумагѣ непремѣнно заключается чья-нибудь погибель, а потому принялъ себѣ за правило изъ десяти подаваемыхъ ему къ подписи бумагъ подписывать только одну.

— Вы ко мнѣ съ бумагами какъ можно рѣже ходите,— говорилъ онъ письмоводителю:—потому что я не разорять пріѣхалъ, а созидать-съ. Погубить человѣка не трудно-съ. Черкнулъ: «Помпадуръ 4-й», и нѣтъ его. Только я совсѣмъ не того хочу. Я и самъ хочу быть живъ, и другимъ того же желаю. Чтобъ всѣ были живы: и я, и вы, и прочіе-съ! А ежели вамъ невтерпёжъ бумаги писать, то можете для своего удовольствія строчить сколько угодно, я же подписывать не согласенъ.

Иногда онъ развивалъ свои административныя теоріи очень подробно.

— Всякій,—говорилъ онъ:—кого ни спросите, что онъ больше любитъ, будни или праздникъ,—навѣрное отвѣтитъ: праздникъ. Почему-съ? А потому, государь мой, что въ праздникъ начальники бездѣйствуютъ, а слѣдовательно нѣтъ

Digitized by Google

ни бунтовъ, ни соотвѣтствующихъ имъ экзекуцій. Я же хочу, чтобъ у меня всякій день праздникъ былъ, а чтобы будни, въ которые бунты бываютъ, даже изъ памяти у всѣхъ истребились!

Или:

— До сихъ поръ такъ было, что обыватель тогда только считалъ себя благополучнымъ, когда начальникъ находился въ отсутствіи. Сіи дни праздновали и, въ ознаменованіе общей радости, ѣли пироги. Почему, спрашиваю я васъ, все сіе именно такъ происходило? А потому, государь мой, что съ отъѣздомъ начальника наставала тишина. Никто не скакалъ, не кричалъ, не спѣшилъ, а слѣдовательно и не сквернословилъ-съ. Я же хочу, чтобы на будущее время у меня такъ было: если я даже присутствую, пускай всякій полагаетъ, что я нахожусь въ отсутствіи!

Но что болѣе всего привлекало къ нему сердца — это административная стыдливость, доходившая до того, что онъ не могъ произнести слово «сѣчь», чтобъ не сгорѣть при этомъ со стыда.

Когда онъ прибылъ въ городъ, то прежде всего, разумѣется, пожелалъ ознакомиться съ дѣлами. Письмоводитель сразу вынесъ ему цѣлый ворохъ. Но когда онъ развернулъ одно изъ нихъ, то первая попавшаяся ему на глаза фраза была слѣдующая:

«... когда же начали ихъ сѣчь...»

Онъ покраснѣлъ и поспѣшно обратился къ другому дѣлу. Но тамъ тоже было написано:

«... а потому начали ихъ сѣчь вновь...»

Тогда онъ покраснѣлъ еще больше, и съ этой минуты рѣшился разъ навсегда никакихъ дѣлъ не читать.

— Всѣ дѣла въ такомъ родѣ?—застѣнчиво обратился онъ къ письмоводителю.

— Послабленій не допускается-съ.

— Какая, однакожъ, печальная необходимость!—задумчиво воскликнулъ онъ, и затѣмъ шопотомъ продолжалъ:— И часто бываютъ у васъ революціи?

— Одна въ годъ—это какъ калачъ испечь, а то такъ и двѣ.

— Грустно! И зачѣмъ это люди дѣлаютъ революціи—не постигаю! Не лучше ли жить смирно, аккуратно и быть счастливыми... безъ революцій?

— Осмѣлюсь доложить, это все умники-съ. А глядя на нихъ, и дураки заимствуются-съ.

Помпадуръ задумался.

Digitized by Google

— А знаете ли, — сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія:—какая мнѣ вдругъ мысль въ голову пришла?

— Не могу знать-съ.

— Что революцій собственно никакихъ нѣтъ и не бывало-съ!

Письмоводитель даже глаза выпучилъ: до того неумѣстною показалась ему подобная выходка со стороны человѣка, называющаго себя помпадуромъ.

— Какъ это возможно-съ?—бормоталъ онъ.—Всѣ квартальные въ одинъ голосъ доносятъ-съ!

Но помпадуръ уже не слушалъ возраженій и, ходя въ волненіи по комнатѣ, убѣжденнымъ голосомъ говорилъ:

— Да-съ; нѣтъ революцій, и не бывало! Вы думаете, что было во Франціи въ 1789 году? революція-съ? Отнюдь-съ! Просто-напросто умные люди объ умныхъ предметахъ промежду себя разговоръ хотѣли имѣть, а господамъ французскимъ квартальнымъ показалось, что какія-то революціи затѣваются-съ!

Эта мысль была для него какъ бы откровеніемъ. Заручившись ею, онъ вдругъ совершенно ясно созналъ все, что̀ дотолѣ лишь смутно мелькало на днѣ его доброй души.

— Да-съ,—продолжалъ онъ развивать свой взглядъ:—если-бъ господа квартальные поостереглись, многихъ бы непріятностей можно было избѣжать! Да и что за радость отыскивать революціи—не постигаю! Если-бъ даже допо̀длинно таковыя въ зародышѣ существовали, зачѣмъ оныя преждевременно пробуждать и накликать-съ? Не лучше ли тихимъ манеромъ это дѣло обдѣлать, чтобы оно, такъ сказать, изморомъ изныло, чѣмъ во всеуслышаніе объявлять: вотъ, молъ, мы каковы! каждый годъ по революціи дѣлаемъ! А ежели ужъ нельзя это паскудство скрыть, то все же предварительно увѣщавать, а не сѣчь господъ революціоперовъ надлежитъ!

— Пытали этакъ-то...—скептически замѣтилъ письмоводитель.

— Нѣтъ, вы поймите меня! Я подлинно желаю, чтобъ всѣ были живы! Вы говорите: во всемъ виноваты «умники». Хорошо-съ. Но ежели мы теперича всѣхъ «умниковъ» изведемъ, то какъ вы полагаете, великъ ли мы авантажъ получимъ, ежели съ одними дураками останемся? Вамъ, государь мой, конечно, оно неизвѣстно, но я по собственному опыту эту штуку отлично знаю! Однажды, доложу вамъ, въ походѣ мнѣ три дня пришлось глазъ-на-глазъ съ

Digitized by Google

дуракомъ просидѣть, такъ я чуть рукъ на себя не наложилъ! Такъ-то-съ.

Письмоводитель нѣсколько разъ разѣвалъ ротъ для возраженій, но тщетно. *Онъ* ходилъ по комнатѣ и твердилъ свое: «не вѣрю! ничему я этому не вѣрю». Наконецъ, остановился и твердымъ голосомъ произнесъ:

— Не только въ революціи, я даже въ чорта не вѣрю. И вотъ по какому случаю. Однажды, будучи въ кадетскомъ корпусѣ—разумѣется, съ голоду—пожелалъ я продать чорту душу, чтобы у меня каждый день булокъ вволю было. И что же-съ? Вышелъ я ночью во дворъ-съ и кричу: «чортъ! явись!» Анъ вмѣсто чорта-то явился вахтеръ, заарестовалъ меня, и я въ то время чуть-чуть не подвергся исключенію-съ! Вотъ оно, легковѣріе-то, къ чему ведетъ!

— Оно точно-съ,—отвѣчалъ письмоводитель, но какъ-то вяло, какъ будто ему до смерти хотѣлось спать:—многіе нынче въ чорта не вѣруютъ!

— И знаете ли что еще?—продолжалъ *онъ*, горячась все больше:—всѣ эти розсказни объ революціяхъ напоминаютъ мнѣ исторію съ жидомъ, у котораго въ носу свистѣло. Идетъ онъ по лѣсу и весь даже въ поту отъ страха: все кажется, что кругомъ разбойники пересвистываются! И только ужъ когда онъ вдоволь надрожался, вдругъ его словно обухомъ по головѣ: «а вѣдь это у меня въ носу»... Такъ-то-съ.

И дѣйствительно, какъ ни старались квартальные измѣнить его взглядъ на дѣла внутренней политики, онъ оставался непоколебимымъ и на всѣ предостереженія неизмѣнно давалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— Нѣтъ революцій-съ! нѣтъ и никогда не бывало-съ!

Мало того: даже арестовалъ квартальнаго Перепелкина, когда тотъ, весь блѣдный и почти ополоумѣвшій отъ страха, прибѣжалъ объявить, что въ сосѣдней рощѣ снѣгири затѣяли бунтъ.

— Это вы, милостивый государь, бунтъ затѣваете,—сказалъ онъ ему:—а не снѣгири-съ! Снѣгирь—птица небольшая и къ ученію склонная-съ—зачѣмъ ей бунтовать? Застрѣлить ее не долго-съ; только кто же тогда въ нашихъ рощахъ свистѣть будетъ-съ? Извольте, государь мой, снять сапоги и сѣсть подъ арестъ-съ!

И что же вышло? Сначала, дѣйствительно, обывателямъ казалось нѣсколько страннымъ, что выискался такой помпадуръ, который не вѣритъ въ бунты, но мало-по-малу и

Digitized by Google

они начали освоиваться съ этимъ взглядомъ. Прошелъ годъ, прошелъ другой; снѣгири свистали и щебетали во всѣхъ рощахъ, а революцій все не было.

— А мы думали, что это-то самая революція и есть,— толковали межъ собой обыватели:—поди-жъ ты!

Онъ же, ласковый и простодушный, ходилъ по улицамъ, и не только никого не ловилъ, но, напротивъ того, радовался, что всякій при какомъ-нибудь дѣлѣ находится, а онъ одинъ ничего не дѣлаетъ и тѣмъ цѣлому городу счастье приноситъ.

Однакожъ, было одно напоминаніе, которое угнетало его, и это напоминаніе заключалось въ словѣ: помпадуръ.

Среди разнообразія помпадурскихъ прерогативъ онъ въ особенности боялся одной: предстоящаго ему выбора помпадурши. Въ безчисленномъ множествѣ помпадуршъ, о которыхъ свидѣтельствуетъ исторія, онъ не зналъ ни одной, которая довела бы своего помпадура до добра. Въ сознаніи своего помпадурства, онъ, еще будучи въ кадетскомъ корпусѣ, до малѣйшей подробности изучилъ литературу этого вопроса, и убѣдился, что въ концѣ помпадурскихъ любовныхъ предпріятій никогда ничего не стояло, кромѣ погибели. И что всего важнѣе—погибель была такъ сладка, что помпадуры сами влеклись къ ней и утопали въ морѣ утѣхъ, нимало не заботясь о своевременномъ выполненіи получаемыхъ отъ начальства предписаній. Опутанные любовными сѣтями, помпадуры, несомнѣнно бодрые, дѣлались въ самое короткое время неузнаваемыми. Тѣлодвиженія ихъ утрачивали развязность, глаза становились тусклыми и неспособными проникать въ сердца подчиненныхъ; языкъ отказывался отъ произнесенія укорительныхъ выраженій; даръ сердцевѣдѣнія пропадалъ совершенно. Все это онъ понималъ—и за всѣмъ тѣмъ чувствовалъ, что надъ нимъ тяготѣетъ фатумъ, котораго онъ ни предотвратить, ни отдалить не въ силахъ.

Искушенія, которыя преслѣдовали его съ самой минуты пріѣзда въ городъ, придавали еще болѣе цѣны его борьбѣ. Еще не успѣлъ онъ какъ слѣдуетъ ознакомиться съ мѣстнымъ обществомъ, какъ уже стало ясно, что усилія всѣхъ первѣйшихъ въ городѣ дамъ направлены къ тому, чтобъ какъ можно скорѣе пробудить въ немъ инстинктъ помпадурства. Узнавали, какія онъ любитъ плечи, какой ростъ, цвѣтъ волосъ, походку. Нѣкоторыя выхваляли при этомъ

Digitized by Google

добродушіе своихъ мужей и давали понять, что съ этой стороны никакихъ опасеній не можетъ существовать. Но онъ какъ-то загадочно относился ко всѣмъ этимъ заискиваніямъ и обольщеніямъ.

— Всякая походка хороша-съ, ежели ее украшаетъ добродѣтель,—отвѣчалъ онъ на ухаживанья, а ежели замѣчалъ, что и затѣмъ какая-нибудь предпріимчивая предсѣдательша или начальница отдѣльной части продолжаетъ дѣйствовать наступательно, то вѣжливо шаркалъ ножкой и уходилъ прочь.

Очевидно, что у него былъ свой планъ, осуществленіе котораго онъ отложилъ до тѣхъ поръ, пока фатумъ окончательно не пристегнетъ его. Планъ этотъ заключался въ томъ, чтобы, не уклоняясь отъ выполненія помпадурскаго назначенія, устроить это дѣло такъ, чтобы оно, по крайней мѣрѣ, не сопровождалось пушечною пальбою.

Прежде всего, вниманіе его, разумѣется, остановилось на такъ-называемой благородной интригѣ. Но, разсмотрѣвъ этотъ проектъ со всѣхъ сторонъ, онъ долженъ былъ сознаться, что осуществленіе его сопряжено со множествомъ случайностей, которыя положительно могутъ замутить административную ясность его души. Что высокопоставленная помпадурша отличается бо́льшею нѣжностью и бѣлизною кожи и вообще смотритъ какъ-то сытѣе, нежели помпадурша изъ низкаго званія—это было для него ясно. Но этимъ и ограничивались всѣ преимущества, а затѣмъ открывался цѣлый рядъ такихъ неудобствъ, которыя не выкупались ни роскошью бюста, ни тонкостью прикрывающаго его батиста.

— Удовольствіе отъ этихъ кружевницъ все то же-съ, только крику больше,—отвѣчалъ онъ услужливымъ людямъ, соблазнявшимъ его картиною помпадурши, утопающей въ батистѣ и кружевахъ. Затѣмъ онъ уже не возвращался болѣе къ этому плану.

Надлежало сыскать другую комбинацію, и онъ дѣятельно занялся этимъ. Самою лучшею казалась, конечно, такая, при которой мягкое тѣло соединялось бы съ простодушіемъ. Счастливое соединеніе этихъ качествъ можно было найти или въ средѣ упитаннаго и взлелѣяннаго пуховиками купечества, или въ средѣ мѣщанства, занимающагося содержаніемъ постоялыхъ дворовъ, харчевенъ и кабаковъ. Но тутъ же встрѣчались серьезныя препятствія, которыя невозможно было пройти безъ вниманія. Во-первыхъ, онъ

Digitized by Google

предвидѣлъ, что мѣстная аристократія никакъ не проститъ ему связи съ мѣщанкой. Во-вторыхъ, онъ задумывался и надъ тѣмъ, какъ посмотритъ на подобную связь начальство. Конечно, съ точки зрѣнія государственной, лучше, если помпадуръ выбираетъ себѣ помпадуршу изъ низкаго званія, ибо это содѣйствуетъ сліянію сословій. Но не всякій начальникъ способенъ возвыситься до государственной точки зрѣнія; бо̀льшая же часть дѣйствуетъ просто, безъ высшихъ точекъ зрѣнія, смотря по тому, какая система помпадурства, батистовая или затрапезная, господствуетъ въ данную минуту.

Однимъ словомъ, какъ онъ ни углублялся, ни взвѣшивалъ, все было мракъ и сомнѣніе въ этомъ вопросѣ. Ни уставовъ, ни регламентовъ—ничего. Одно оставалось яснымъ и несомнѣннымъ: что онъ помпадуръ и что не-помпадурствовать ему невозможно.

А судьба уже бодрствовала за него, и на сей разъ бодрствовала совершенно правильно, ибо помогала добродѣтельнѣйшему изъ всѣхъ въ мірѣ помпадуровъ выйти съ честью изъ затрудненія.

Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе трогательное и наивное, какъ исторія его сближенія съ *нею*.

Шелъ онъ однажды по городу и, по обыкновенію, никого не ловилъ. И вдругъ видитъ: стоитъ у дверей кабака баба и грызетъ подсолнухи. Баба была какъ всѣ вообще бабы, выросшія въ холѣ подъ сѣнію постоялаго двора или за прилавкомъ кабака: широкая, толстомясая, большеглазая, съ круглымъ лицомъ и такъ-называемыми сахарными грудями. Однакожъ, онъ тотчасъ же сообразилъ, что если эту бабу въ хорошія руки, то она *вся* сдѣлается сахарная. Но такъ какъ дѣло было днемъ, то сейчасъ приступить онъ не рѣшился, а только посѣменилъ ножками, чтобъ дать бабѣ понять.

По наступленіи вечера, онъ снова пошелъ по тому же направленію и увидѣлъ, что баба опять стоитъ у дверей, очевидно уже не случайно. Она была примыта, приглажена, скалила зубы и не безъ лукавства смотрѣла на него своими выпученными глазами.

«Сахарная будетъ!»—молвилъ онъ про себя и, подойдя къ бабѣ, спросилъ отрывисто:—Вы чьихъ-съ?

— Была мужняя, теперь вдова стала, — отвѣтила она, заалѣвшись.

— Кабакъ—ва̀шъ-съ?

Digitized by Google

— Съ батюшкой хозяйствуемъ.

— Меня знаете-съ?

— Своихъ начальниковъ да не знать!

Онъ нѣкоторое время стоялъ и, видимо, хотѣлъ что-то сказать; быть-можетъ, онъ даже думалъ сейчасъ же предложить ей раздѣлить съ нимъ бремя власти. Но вмѣсто того только развалъ ротъ и тянулся корпусомъ впередъ. Она тоже молчала и, повернувъ въ сторону рдѣющее лицо, потихоньку смѣялась. Вдругъ онъ взглянулъ впередъ и увидѣлъ, что изъ-за угла сосѣдняго дома высовывается голова частнаго пристава и съ любопытствомъ слѣдитъ за его движеніями. Какъ ужаленный, онъ круто повернулъ налѣво кругомъ и быстрыми шагами сталъ удаляться назадъ.

Цѣлый тотъ вечеръ онъ тосковалъ и болѣе, чѣмъ когда-либо, чувствовалъ себя помпадуромъ. Чтобы разсѣять себя, пѣлъ сигналы, повторялъ одиночное ученіе, но и это не помогало. Наконецъ, усѣлся у окна противъ мѣсяца и началъ млѣть. Но въ эту минуту явился частный приставъ и разрушилъ очарованіе, доложивъ, что пойманъ съ поличнымъ мошенникъ. Надо было видѣть, какъ онъ вскипѣлъ противъ этого ретиваго чиновника, уже двукратно нарушившаго млѣніе души его.

— Вонъ у васъ, милостивый государь!—кричалъ онъ.— Сколько разъ говорено вамъ: оставьте! Оставьте, милостивый государь, русскимъ языкомъ повторяю я вамъ!

Но по уходѣ пристава тоска обуяла еще пуще. Цѣлую ночь метался онъ въ огнѣ, и ежели забывался на короткое время, то для того только, чтобъ и во снѣ увидѣть, что онъ помпадуръ. Наконецъ, истощивъ всѣ силы въ борьбѣ съ безсонницей, онъ покинулъ одинокое ложе и принялся за чтеніе «Робинзона Крузое». Но и тутъ его тотчасъ же поразила мысль: что было бы съ нимъ, если бы онъ, вмѣсто Робинзона, очутился на необитаемомъ островѣ? Какимъ образомъ исполнилъ бы онъ свое назначеніе?

Ни спать, ни читать не представлялось никакой возможности...

— Сахарная!—вскричалъ онъ въ какомъ-то дикомъ изступленіи и тотчасъ же собрался бѣжать.

Было раннее утро; заря едва занялась; городъ спалъ; пустынныя улицы смотрѣли мертво. Ни единаго звука, кромѣ нерѣшительнаго чириканья кое-гдѣ просыпающихся воробьевъ; ни единаго живого существа, кромѣ боязливо озирающихся котовъ, возвращающихся по домамъ послѣ

Digitized by Google

ночныхъ похожденій (какъ онъ завидовалъ имъ!). Даже собаки — и тѣ спали у воротъ, свернувшись калачикомъ и вздрагивая подъ вліяніемъ утренняго холода. Надъ городомъ вился туманъ; тротуары были влажны; деревья въ садахъ заснули, словно повитыя волшебной дремой.

Онъ шелъ и чувствовалъ, что онъ помпадуръ. Это чувство ласкало, нѣжило, манило его. Ни письмоводителя, ни квартальнаго, ни приставовъ—ничего не существовало для него въ эту минуту. Несмотря на утренній полусумракъ, воздухъ казался проникнутымъ лучами; несмотря на глубокое безмолвіе, природа казалась изнемогающею подъ бременемъ какого-то кипучаго и нетерпѣливо-просящагося наружу ликованія. Онъ зналъ, что онъ помпадуръ, и зналъ, куда и зачѣмъ онъ идетъ. Грудь его саднило; блаженство катилось по всѣмъ его жиламъ.

И вдругъ его обожгло. Изъ-за перваго же угла, словно изъ-подъ земли, выросъ квартальный и, гордый сознаніемъ исполненнаго долга, дѣлалъ рукою подъ козырекъ. Въ испугѣ онъ взглянулъ впередъ; тамъ, въ перспективѣ, виднѣлся цѣлый лѣсъ квартальныхъ, которые, казалось, только и ждали момента, чтобъ вытянуться и сдѣлать подъ козырекъ. Онъ понялъ, что и на сей разъ его назначеніе, какъ помпадура, не будетъ выполнено.

На другой день онъ собралъ квартальныхъ и сказалъ имъ:

— Я желаю, господа, чтобъ вы не безпокоили себя по ночамъ.

Но квартальные не поняли и гаркали, что имъ не въ тягость, а въ сласть, и т. п.

— Я желаю, господа, чтобъ вы не безпокоили себя по ночамъ! — все еще кротко, но уже вразумительнѣе повторилъ онъ.

Но квартальные продолжали гаркать. Тогда онъ понялъ, что тутъ существуетъ недоразумѣніе, и твердымъ голосомъ произнесъ:

— Русскимъ языкомъ вамъ, прохвосты, говорю: не смѣть меня подстерегать по ночамъ!

Квартальные поняли.

Благодаря этой мѣрѣ, «они» свидѣлись. Озираясь и крадучись, пробрался онъ на зарѣ въ Разъѣзжую слободку, гдѣ стоялъ *ея* домикъ. Квартальные притворились спящими. Будочники, завидѣвъ его приближеніе, исчезали въ подворотни сосѣднихъ домовъ. *Она* стояла у открытаго окна... *она!* Широкая, дородная, бѣлая, вся сахарная! Она ждала.

Digitized by Google

— Вы-съ? — спросилъ онъ полу-дерзновеннымъ, полуиспуганнымъ голосомъ.

Стыдясь, она закрыла лицо рукавомъ, но слышно было, какъ уста ея шептали: «ахъ! великія наши согрѣшенія!»

— Желаете ли вы, сударыня, жить со мною внѣ онаго, но все равно какъ бы въ оном?— спросилъ онъ ее твердымъ голосомъ.

Она слегка дрогнула, но все еще перемогала себя.

— Слушай-ко, — сказала она, не то кокетничая, не то маскируя свое смущеніе: — я вамъ лучше загадку загану. *Взяляну я въ окошко, стоитъ рѣпы лукошко,* — что, по-вашему, будетъ?

— Рѣпа-съ!—отвѣчалъ онъ, и даже хихикнулъ отъ переполнявшаго его умиленія.

— Анъ звѣзды!

— Звѣзды-съ?—изумился онъ.

Послѣдовала минута молчанія; оба тяжело и порывисто дышали, а онъ даже чуть-чуть сопѣлъ. Она прервала томительное безмолвіе.

— Вѣдь ты, поди, для лакомства?—сказала она чуть слышно.

Онъ замычалъ.

— Ежели для одного лакомства будешь любить,—продолжала она: — и въ томъ я вамъ запрещаю! Извольте безъ труда оставить!

Онъ замычалъ вторично.

— И что ты во мнѣ, въ бабѣ, лестнаго для себя нашелъ?!—вдругъ вскрикнула она, простирая руки.

Она сама не знала, за что онъ ее полюбилъ.

— За что ты меня любишь? — говорила она ему: — что ты во мнѣ, бабѣ, лестнаго для себя нашелъ? Ни я по-французскому, ни я принять, ни поговорить! Вотъ развѣ тѣло у меня бѣлое...

— За тѣло-съ и за простоту-съ,—отвѣчалъ онъ, спѣша успокоить ея сомнѣнія.

И точно: простоты она была необыкновенной. Даже квартальнымъ—и тѣмъ жаловалась:

— За что онъ меня полюбилъ? Жила я, баба заугольная, въ сору да въ навозѣ копалась — анъ, нѣтъ! и тутъ онъ до хезя проникъ! и тутъ меня, простую бабу, сыскалъ!

Кварталные почтительно вздрагивали и отвѣчали:

— За простоту-съ. Сами они ужъ оченно просты. Такъ просты, такъ просты!

Digitized by Google

Насталъ какой-то волшебный рай, въ которомъ царствовало безпримѣрное блаженство. Прежде онъ нерѣдко бывалъ подверженъ приливамъ крови къ головѣ, но теперь и эту болѣзнь какъ рукой сняло. Вся фигура его приняла бодрый и дѣятельный видъ, совершенно, впрочемъ, лишенный характера суетливости, а выражавшій одно внутреннее довольство. Когда онъ шелъ по улицѣ, привѣтливый взглядъ его, казалось, каждому говорилъ: живи! И каждый жилъ, ибо зналъ, что начальствомъ ему воистину жить дозволено.

День проходилъ такъ быстро, что иногда онъ ропталъ, зачѣмъ сутки заключаютъ въ себѣ только двадцать четыре часа. Утромъ, вставши рано, онъ отправлялся въ Разъѣзжую слободку и уже дорогой начиналъ млѣть. Домикъ, служившій цѣлью его посѣщеній, принялъ веселый и чистенькій видъ. Кабака не осталось и слѣдовъ; стѣны были обиты тесомъ и выкрашены свѣтло-сѣрою краскою; на окнахъ висѣли бѣлыя занавѣски и стояли горшки съ незатѣйливыми растеніями. Внутри все было тоже выскоблено, вычищено и вымыто. Ни мухи, ни таракана; прохлада и тишина. Только съ другой половины, изъ стряпущей, доносился стукъ ножей и звяканіе ухватовъ и сковородъ, но это даже усугубляло очарованіе. Запахъ мяты и липоваго цвѣта былъ господствующимъ; къ нему, по временамъ, когда отворялась дверь, примѣшивался запахъ жареныхъ пироговъ, но и онъ не омрачалъ картины блаженства, но прибавлялъ ей еще больше цѣны. Даже куры, которыя кудахтали на дворѣ, и тѣ, казалось, не спроста кудахтали, а во свидѣтельство исполненія желаній.

Вся раскраснѣвшаяся отъ стряпни, она выбѣгала къ нему навстрѣчу; и онъ не находилъ ни въ этой краснотѣ, ни въ капляхъ пота, выступавшихъ на лицѣ ея, ничего противнаго законамъ изящнаго. Онъ зналъ, что она обливалась потомъ и выбивалась изъ силъ единственно ради него. По приходѣ его она прежде всего начинала допытываться, за что онъ ее, бабу, любитъ; онъ же, съ своей стороны, кротко и обстоятельно объяснялъ ей причину, и въ этомъ несложномъ разговорѣ мгновенія летѣли за мгновеніями; затѣмъ она начинала обнаруживать безпокойство и какимъ-то просительнымъ голосомъ спрашивала:

— Пирожка хочешь?

— А съ чѣмъ у васъ нынче пироги?—въ свою очередь, спрашивалъ онъ, дѣлая видъ, какъ будто не всякая

Digitized by Google

начинка, приготовленная ея руками, можетъ быть ему по вкусу.

— Съ легкимъ нынче; капустки искали, да не нашли...

— Что-жъ, и съ легкимъ хорошо... можно!

Появлялась цѣлая сковорода шипящихъ пироговъ, которые исчезали одинъ за другимъ, а мгновенія летѣли себѣ да летѣли. Потомъ она принималась опять допытываться, за что онъ ее, бабу, любитъ — и опять летѣли мгновенія. Иногда къ бесѣдѣ присоединялся старикъ, отецъ ея, но отъ него большой пользы не было, потому что, какъ только закрыли его кабакъ, онъ тотчасъ же отъ горести ослѣпъ и оглохъ.

Тѣмъ не менѣе, «слѣпенькій батюшка» все еще жаждалъ дѣятельности и, пользуясь ея офиціознымъ положеніемъ, безпрерывно къ ней приставалъ. Однажды она даже попробовала завести объ этомъ разговоръ съ *нимъ*.

— Хоть бы ты въ базарные смотрители его произвелъ,— сказала она: — а то онъ совсѣмъ отъ ѣды отбился — все пьетъ!

— Не просите-съ, — сказалъ онъ твердо: — ибо я для того собственно съ вами знакомство свелъ, дабы казенный интересъ соблюсти! Какой онъ смотритель-съ! Онъ сейчасъ же первымъ дѣломъ всю провизію съ базара къ себѣ притащитъ-съ! Послѣдствіемъ же сего явятся недоимщики-съ. Станутъ говорить: оттого мы податей не платимъ, что помпадуршинъ отецъ имѣніе наше грабитъ. Въ какомъ я тогда положеніи буду? Недоимщиковъ сѣчь — неправильно-съ; родителя вашего казнить — пріятно ли для васъ будетъ?

— Голубчикъ! да вѣдь онъ слѣпенькій, куда ему за провизіей гнаться! Ему бы жалованье-то получать!

— Это ничего, что слѣпенькій: услышитъ, чѣмъ пахнетъ — прозритъ-съ! А хоть бы и насчетъ жалованья — вы думаете, жалованье-то съ неба падаетъ?

— Ну его!

— Нѣтъ-съ, оно не съ неба-съ, а все съ тѣхъ же сходитъ, которые вотъ поросятами да индѣйками насъ кормятъ-съ! Я это, въ кадетскомъ корпусѣ обучаясь, очень твердо узналъ-съ!

Но размолвки подобнаго рода происходили рѣдко и тотчасъ же прекращались, ибо какъ онъ только начиналъ обнаруживать величіе души, она перемѣняла разговоръ и начинала допытываться, за что онъ ее, бабу, любитъ. Тогда

Digitized by Google

вновь начиналось подробное разсмотрѣніе этого вопроса, и всѣ недоумѣнія прекращались сами собою.

Среди отдохновеній онъ нерѣдко вступалъ съ нею и въ административные разговоры, всегда въ полной увѣренности, что воззрѣнія ея вполнѣ соотвѣтствуютъ его собственнымъ воззрѣніямъ.

— Вчера ко мнѣ вора привели,—говорилъ онъ: — да я его отпустилъ-съ.

— И Христосъ съ нимъ!—отвѣчала она.

— Я такъ на этотъ счетъ разсуждаю, что все это они дѣлаютъ съ голоду-съ.

— А то съ чего же! Безъ нужды да воровать! Тутъ стыда не оберешься! Я вотъ давно ужъ хочу тебя спросить: отчего между благородными меньше воровства, нежели, напримѣръ, между нашимъ братомъ, простымъ народомъ?

— Оттого, что у благороднаго болѣе благородныхъ чувствъ. Стыдится-съ. А тоже и между благородными бываетъ воровство, только, по обширности своей, не имѣетъ презрительнаго вида.

— Ахъ, грѣхи наши тяжкіе!—вздыхала она.

— Да-съ; я насчетъ этого еще въ кадетскомъ корпусѣ такую мысль получилъ: кто хочетъ по совѣсти жить, тотъ долженъ такъ это дѣло устроить, чтобъ не было совсѣмъ надобности воровать! И тогда все будетъ въ порядкѣ: квартальнымъ будетъ легко, и сѣчь не за что, и обыватели почувствуютъ себя въ безопасности-съ!

— Голубчикъ ты мой!—говорила она, смотря съ умиленіемъ ему въ глаза.

— Да-съ, я давно ужъ такъ думаю, и надѣюсь, что усилія мои не останутся безплодными. Главное въ этомъ дѣлѣ— имѣть въ виду, что воръ есть человѣкъ. Я самъ однажды такимъ манеромъ въ кадетскомъ корпусѣ булку у товарища уворовалъ... Что же-съ!

— И за что ты меня, простую бабу, полюбилъ!

Этимъ восклицаніемъ окончательно заключалось утреннее отдохновеніе. Онъ припоминалъ, что его ждутъ «дѣла», и съ облегченнымъ сердцемъ выходилъ на улицу.

Дѣятельность обывателей, управлявшихся около домовъ своихъ, веселила его. Когда онъ встрѣчался съ человѣкомъ, имѣющимъ угрюмый видъ, онъ не наскакивалъ на него съ восклицаніемъ: «что волкомъ-то смотришь?» — но думалъ про себя: «вотъ человѣкъ, у котораго, должно-быть,

Digitized by Google

на сердцѣ горе лежитъ!» Когда слышалъ, что обыватель предается звонкому и раскатистому смѣху, то также не обращался къ нему съ вопросомъ: «чего, каналья, пасть-то разинулъ?» — но думалъ: «вотъ милый человѣкъ, съ которымъ бы я охотно посмѣялся, если бы не былъ помпадуромъ!» Результатомъ такого образа дѣйствій было то, что обыватели начали смѣяться и плакать по своему усмотрѣнію, отнюдь не опасаясь, чтобы въ томъ или другомъ случаѣ было усмотрѣно что-либо похожее на непризнаніе властей.

Онъ любилъ, чтобъ квартальные были дѣятельны, но требовалъ, чтобъ дѣятельность эта доказывала только отсутствіе бездѣятельности. Когда онъ видѣлъ, что квартальный вдругъ куда-то поспѣшно побѣжитъ, потомъ остановится, понюхаетъ и, ничего не предпринявъ, тотчасъ же опять побѣжитъ назадъ — сердце его наполнялось радостью. Но и за всѣмъ тѣмъ не проходило минуты, чтобъ онъ не кричалъ имъ вслѣдъ:

— Тише! тише! не заѣзжать!

Сначала квартальнымъ было трудно воздерживаться отъ заѣзжаній, ибо они были убѣждены, что заѣзжаніе представляетъ своего рода упрощеніе формъ и обрядовъ дѣлопроизводства; но такъ какъ они были легковѣрны (исключительно, впрочемъ, въ сношеніяхъ съ начальствомъ), то ему не стоило почти никакого труда увѣрить ихъ, что «незаѣзжаніе» составляетъ форму дѣлопроизводства еще болѣе упрощенную, нежели даже «заѣзжаніе».

— Исторія, господа, никогда не останавливается, но непрерывно идетъ впередъ, — сказалъ онъ имъ. — Сначала люди жили въ дикости и не имѣли никакого дѣлопроизводства, а потому каждый заѣзжалъ каждому по мѣрѣ возможности. Потомъ это бросили, ибо исторія прослѣдовала впередъ-съ. Явились подьячіе, стрикулисты, кляузники, которые, отмѣнивъ заѣзжаніе, стали язвить посредствомъ проторей и убытковъ. Но для многихъ и это было неудобно, ибо время проходило въ волокитѣ, а притомъ же и исторія вновь прослѣдовала впередъ-съ. Тогда опять прибѣгли къ «заѣзжанію», какъ къ формѣ, оставляющей для заѣзжающихъ наиболѣе досуга, и такъ какъ общество постепенно разрасталось, то представилась необходимость раздѣлить его членовъ на заѣзжателей и заѣзжаемыхъ. Такъ ли я, господа, говорю?

— Такъ точно-съ! истинная правда-съ! — кричали въ

Digitized by Google

отвѣтъ квартальные, при чемъ нѣкоторые, однакожъ, вздыхали.

— Ну-съ, а теперь я вамъ объясню, почему и эта послѣдняя форма дѣлопроизводства оказывается нынѣ уже неудовлетворительною. Когда вы заѣзжали, милостивые государи, вамъ казалось, что вы совершали судъ скорый — это такъ. Но все же вы тратили на это не мало времени и, кромѣ того, испытывали неудовлетвореніе при видѣ побитыхъ носовъ. Затѣмъ вы горячились, выходили изъ себя и мало-по-малу истощали свое здоровье. Я зналъ многихъ курьеровъ, которые буквально усѣяли дороги ямщичьими зубами, но какихъ всходовъ они отъ этого посѣва ожидали—это до сихъ поръ не открыто. Попробуйте теперича не заѣзжать совсѣмъ, и вы увидите, что свободнаго времени останется у васъ больше, жалованье вы будете получать все то же, обыватель же немедленно пріобрѣтетъ сытый видъ и, слѣдовательно, также получить средство удѣлять по силѣ-возможности. И вы, и обыватели — всѣ будутъ въ выгодѣ-съ!

И дѣйствительно, предсказаніе это исполнилось съ буквальною точностью: не только обыватели, но сами квартальные пріобрѣли сытый видъ и впослѣдствіи даже удивлялись, какъ имъ не приходила въ голову столь простая и ясная мысль, что лучшій способъ для пріобрѣтенія сытаго вида заключается именно въ воздержаніи отъ заѣзжаній. Какъ только это средство пущено во внутреннюю политику, какъ руководящее, то жиръ самъ собою нагуливается, покуда не сформируется совершенно лоснящійся отъ сытости человѣкъ.

Среди этихъ хлопотъ не забывалъ онъ и своего письмоводителя, особливо ежели послѣдній черезчуръ ужъ приставалъ къ нему съ заготовленными проектами донесеній и отношеній.

— Доселѣ я подписывалъ изъ десяти бумагъ одну, — говорилъ онъ ему: — теперь же рѣшился такъ: не подписывать ни одной! Пускай всѣ объ нашемъ городѣ позабудутъ-съ — только тогда мы благополучно почивать будемъ-съ.

И, видя выраженіе унынія на лицѣ письмоводителя, прибавлялъ:

— А жалованье вы будете получать попрежнему-съ.

Такимъ образомъ наступало время обѣда, когда онъ обыкновенно возвращался домой. Къ обѣду приглашался

Digitized by Google

письмоводитель и тотъ изъ квартальныхъ, который, на основаніи достовѣрныхъ фактовъ, могъ доказать, что онъ въ теченіе всего предшествующаго дня подлинно никого не обидѣлъ и никому не заѣзжалъ. Пища подавалась жирная и сдобная, и онъ ѣлъ охотно, но вина остерегался и пилъ только квасъ.

— Вино — такая вещь, господа, — говорилъ онъ: — что мало выпить его невозможно, а много выпьешь — еще больше захочется. А выпивши—особливо если кто въ помпадурскомъ званіи состоитъ—непремѣнно кого-нибудь обидишь. А потому я не пью, хотя другимъ препятствовать не желаю: пусть кушаютъ на здоровье!

Послѣ обѣда, по краткомъ отдохновеніи, онъ отправлялся въ рощу и слушалъ щебечущихъ снѣгирей. Онъ не только не боялся ихъ, но всячески старался приручить. И точно: какъ только онъ появлялся въ рощѣ, они стаями слетались къ нему, садились на плечи и на голову и клевали изъ рукъ моченый бѣлый хлѣбъ.

— Ахъ вы, бунтовщики мои, — говорилъ онъ какъ-то жалостливо:—между собой-то вы, милые, мирно ли живете?

Затѣмъ опять возвращался въ городъ, повторяя по пути квартальнымъ:

— Тише! тише! не заѣзжайте!

Наступалъ вечеръ; на землю спускались сумерки; въ домахъ зажигались огни. Выслушавъ перечень добрыхъ дѣлъ, совершенныхъ въ теченіе дня квартальными надзирателями, онъ отправлялся въ клубъ, гдѣ приглашалъ предводителя идти съ нимъ по стезѣ добродѣтели. Предводитель подавался туго, но такъ какъ поставленныя ему на видъ выгоды были до того ясны, что могли убѣдить даже малаго ребенка, то и онъ, наконецъ, уступилъ.

— Вы возьмите, какая это пріятность,—говорилъ *онъ*:— ежели вы теперича мужичку рубль простите, онъ навѣрное вамъ на три рубля сработаетъ, да, кромѣ того, свою любовь задаромъ вамъ подаритъ!

— Это что говоритъ! — колебался предводитель:—благодарности въ нихъ пропасть—это вѣрно!

— А тамъ, смотришь, индюшечка-съ, курочка-съ, яичекъ десяточекъ: самъ не съѣстъ—все вамъ-съ!

— Это такъ! — повторялъ предводитель уже утвердительно, и тотчасъ же шелъ на базаръ и давалъ мужику рубль. Но такъ какъ онъ былъ даже простодушнѣе самого помпадура, то тутъ же прибавлялъ: — Ты смотри, я тебѣ

Digitized by Google

рубль подарилъ, а ты мнѣ на три сработай, да сверхъ того люби!

Однимъ словомъ, не только между купцами и мѣщанами, но даже въ клубѣ сумѣлъ *онъ* поселить миръ и любовь, и притомъ безъ всякихъ мѣръ строгости, съ помощью одного неизреченнаго своего простодушія.

Позднѣе, когда городъ уже стихалъ совершенно, онъ вновь отправлялся въ Разъѣзжую слободку; но такъ какъ квартальные спали воистину, то никто не слышалъ, какъ изъ открытаго окна веселенькаго домика вылетало восклицаніе:

— И за что̀ ты меня, бабу, любишь?!.

Дни проходили за днями; городъ былъ забытъ. Начальство, не получая ни жалобъ, ни рапортовъ, ни вопросовъ, сначала заключило, что въ городѣ все обстоитъ благополучно, но потомъ, мало-по-малу, совершенно выпустило его изъ вида, такъ что даже не помѣстило въ списокъ населенныхъ мѣстъ, доставляемыхъ въ Академію Наукъ для календаря.

Помпадуръ торжествовалъ; помпадурша сдѣлалась поперекъ себя шире, но все еще не утратила плѣнительности. Въ теченіе десяти лѣтъ не случилось ни одного возстанія; снѣгири постепенно старѣлись и плодили другихъ снѣгирей; но и эти, подобно родителямъ, порхали лишь съ вѣтки на вѣтку, услаждая обывательскій слухъ своимъ щебетаньемъ и отнюдь не думая о революціяхъ; обыватели отъѣлись, квартальные отъѣлись, предводитель просто задыхался отъ жира. Одно было у всѣхъ на умѣ: заживо поставить помпадуру монументъ.

И вдругъ все это блаженство рушилось въ одну минуту, благодаря ничтожнѣйшему обстоятельству.

Помпадуръ совершилъ не все. Онъ позабылъ отвести отъ города пролегавшій черезъ него проѣзжій трактъ.

Въ одно прекрасное утро на стогнахъ города показался легкомысленнаго вида человѣкъ, который, со стеклышкомъ въ глазу, гулялъ по городу, заходилъ въ лавки, нюхалъ, прицѣнивался, разспрашивалъ. Хотя основательные купцы на всѣ его вопросы давали одинъ отвѣтъ: «проваливай!», но такъ какъ онъ и затѣмъ не унимался, то сочтено было за нужное предупредить объ этомъ странномъ обстоятельствѣ квартальныхъ. Квартальные, въ свою очередь, бросились къ градоначальнику.

Digitized by Google

.— Открыли-съ! насъ открыли!—кричали они впопыхахъ.

Онъ поблѣднѣлъ, однакоже, не потерялъ надежды спасти дѣло рукъ своихъ. Поспѣшно надѣлъ онъ на себя мундиръ, прицѣпилъ шпагу и отправился на базаръ отыскивать напугавшаго всѣхъ незнакомца.

— Кто вы таковы-съ? и не угодно ли пожаловать мнѣ вашъ видъ? — спросилъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

Незнакомецъ молча подалъ свою подорожную. Въ подорожной значилось: «NN, экспертъ отъ наукъ, отправляется по Россіи для изслѣдованія богатствъ, скрывающихся въ нѣдрахъ земли».

— Странно, что вашего города даже на географическихъ картахъ не значится!—замѣтилъ экспертъ отъ наукъ, пока *онъ* разсматривалъ подорожную.

— Ничего страннаго нѣтъ-съ! Сей городъ до настоящей минуты былъ самъ по себѣ столь благополученъ, что не было надобности ему о себѣ объявлять-съ!—отвѣчалъ онъ съ горечью и затѣмъ, не входя въ дальнѣйшія объясненія, повернулъ назадъ и пошелъ по направленію къ Разъѣзжей слободкѣ.

Происшествіе это въ свое время надѣлало очень много шуму, ибо въ нашъ просвѣщенный вѣкъ утерять изъ виду цѣлый городъ съ самостоятельною цивилизаціей и съ громадными богатствами въ нѣдрахъ земли—дѣло не шуточное. Прислана была слѣдственная комиссія, которая горячо принялась за дѣло и прежде всего изумилась крайнему изобилію совершенно сытыхъ и притомъ ручныхъ снѣгирей. Долго она старалась проникнуть въ тайну этого изобилія, но не добилась никакого другого результата, кромѣ того, который заранѣе былъ формулированъ самимъ помпадуромъ, а именно, что снѣгирь есть птица скромная и къ ученію склонная.

Другіе результаты, обнаруженные изслѣдованіемъ, были еще поразительнѣе. Оказалось:

1) что въ городѣ, въ теченіе десяти лѣтъ, не произошло ни одной революціи, тогда какъ до того времени не проходило ни одного года безъ возмущенія;

2) что въ продолженіе того же времени не было ни одного случая воровства;

3) что квартальные надзиратели сыты;

4) что обыватели сыты;

Digitized by Google

5) что въ теченіе послѣднихъ лѣтъ обыватели обнаружили склонность къ сооруженію монументовъ;

6) что слухъ о богатствахъ, скрывающихся якобы въ нѣдрахъ земли, есть не болѣе какъ выдумка, пущенная экспертомъ отъ наукъ въ видахъ легчайшаго полученія изъ казны прогонныхъ денегъ; въ городѣ же никто изъ жителей никакимъ укрывательствомъ никогда не занимался;

7) что всѣмъ симъ городъ обязанъ своему градоначальнику, Помпадуру 4-му.

Разсмотрѣвши дѣло и убѣдившись въ справедливости всего вышеизложеннаго, начальство не только не отрѣшило добраго помпадура отъ должности, но даже опубликовало его поступки и поставило ихъ въ примѣръ прочимъ. «Да вѣдомо будетъ всѣмъ и каждому,—сказано было въ изданномъ по сему случаю документѣ,—что лучше одного помпадура добраго, нежели семь тысячъ злыхъ имѣть», на основаніи того общепризнаннаго правила, что даже малый каменный домъ все-таки лучше, нежели большая каменная болѣзнь.

Что же касается собственно до города, то ему немедленно присланъ былъ отъ казенной палаты окладной листъ.

XII.—Мнѣнія знатныхъ иностранцевъ о помпадурахъ.

Заканчивая свои разсказы о «помпадурахъ»—разсказы, къ сожалѣнію, не исчерпывающіе и сотой доли помпадурской дѣятельности, я считаю, что будетъ умѣстно познакомить читателей съ тѣми впечатлѣніями, которыя производили мои герои на нѣкоторыхъ знатныхъ иностранцевъ, въ разное время посѣщавшихъ Россію.

Подобнаго рода свидѣтельствъ у меня подъ руками очень много; но я приведу здѣсь только четыре отрывка, наиболѣе подходящіе къ нашимъ литературнымъ условіямъ. Между прочимъ, я имѣю очень рѣдкую книгу, подъ названіемъ: «Путеводитель по русскимъ съѣзжимъ домамъ», соч. австрійскаго серба Глупчича-Ядрилича, пріѣзжавшаго вмѣстѣ съ прочими братьями-славянами, въ 1870 году, въ Россію, но не попавшаго ни въ Петербургъ, ни въ Москву, потому что соломенный помпадуръ подъ личною своею отвѣтственностью посадилъ его на все время торжествъ на съѣзжую. Сочиненіе это проливаетъ яркій свѣтъ не только на внутреннюю, но и на внѣшнюю политику помпадуровъ, и пере-

Digitized by Google

водъ его послужилъ бы немалымъ украшеніемъ для нашей небогатой литературы, но, къ величайшему сожалѣнію, я не могъ привести изъ него даже самомалѣйшаго отрывка, потому что книга эта безусловно запрещена цензурой... Этого примѣра, я полагаю, совершенно достаточно для читателя, чтобы понять, почему я былъ такъ умѣренъ въ моихъ выдержкахъ.

Затѣмъ, обращаясь къ издаваемымъ нынѣ отрывкамъ, я считаю долгомъ сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Какъ и во всѣхъ сочиненіяхъ иностранцевъ о Россіи, насъ прежде всего поражаетъ въ нихъ какое-то неисправимое легковѣріе. Такъ, напримѣръ, князь де-ля-Кассонадъ очень серьезно разсказываетъ, что нѣкоторые помпадуры смѣшили императора Сулука съ королевою Помарѐ, а другой путешественникъ, Шенапанъ, увѣряетъ, будто въ Россіи преподается особенная наука, подъ названіемъ: «Zwon popéta razdawaïss». Ясно, что оба эти лица были жертвою мистификаціи со стороны своихъ амфитріоновъ-помпадуровъ, которые, по прискорбному русскому обычаю, нашли для себя забавнымъ разсказывать иностранцамъ разныя небылицы о своемъ отечествѣ.

Сверхъ того, по обыкновенію всѣхъ иностранцевъ, цитируемые мною авторы очень часто впадаютъ въ преувеличенія и выказываютъ при этомъ колоссальнѣйшее невѣжество...

Я не счелъ, однакожъ, нужнымъ останавливаться на этихъ недостаткахъ, ибо для насъ, русскихъ, самыя преувеличенія иностранцевъ очень поучительны. Читая разсказываемыя про насъ небылицы, мы, во-первыхъ, выносимъ убѣжденіе, что иностранцы—народъ легкомысленный и что, слѣдовательно, въ случаѣ столкновенія, съ ними очень не трудно будетъ справиться. Во-вторыхъ, мы получаемъ увѣренность, что нерьями ихъ руководитъ дурное чувство зависти, не прощающее Россіи той глубокой тишины, среди которой происходитъ ея постепенное обновленіе.

Въ самомъ дѣлѣ, представляли ли когда-либо лѣтописи Лаишева, Пошехонья, Сапожка и др. что-нибудь подобное тому, что происходило недавно въ заштатномъ городѣ Висбаденѣ по случаю возвышенія цѣнъ на пиво? Нѣтъ, ничего подобнаго не было, да и не могло быть, потому что и пошехонцы, и лаишевцы слишкомъ хорошо понимаютъ, что цѣны Богъ строитъ, и подъ сѣнію этой пословицы постепенно обновляются. Висбаденцы же ничего этого не знаютъ,

Digitized by Google

а потому нечего удивляться, что для нихъ всѣ пути къ обновленію закрыты. Ибо какое можетъ быть «обновленіе», когда на улицахъ идетъ шумъ и гвалтъ, за которымъ ни одной пословицы даже разслышать нельзя?

Иностранцы сознаютъ это преимущество лаишевцевъ и белебеевцевъ и завидуютъ. Они понимаютъ, что̀ означаетъ эта тишина и чѣмъ она пахнетъ для висбаденскихъ нарушителей спокойствія, если пошехонцамъ вздумается вразумлять ихъ.

Но встрѣчается въ этихъ невѣжественныхъ разсказахъ и нѣчто такое, надъ чѣмъ можно серьезно задуматься.

Завидуя нашей тишинѣ, иностранцы не безъ ядовитости указываютъ, что мы сами какъ бы тяготимся ею. Что у насъ, среди глубокаго мира, отъ времени до времени трубятъ рога и происходятъ такъ-называемыя усмиренія (répression de la tranquillité). Мало того, нѣкоторые даже прямо утверждаютъ, будто у насъ существуетъ особенное сословіе помпадуровъ, котораго назначеніе въ томъ именно и заключается, чтобы нарушать общественную тишину и сѣять раздоры съ цѣлью успѣшнаго ихъ подавленія. Не безъ иронiи говорятъ они о недостаточной развитости нашихъ помпадуровъ и о происходящей отселѣ безпорядочной, судорожной дѣятельности ихъ. Дѣятельность эту они сравниваютъ съ безцѣльнымъ мельканіемъ въ пустомъ пространствѣ—мельканіемъ, которое на первый взглядъ можетъ показаться смѣшнымъ, но которое, при безпрестанномъ повтореніи, дѣлается почти обременительнымъ...

Повторяю: все это въ высшей степени преувеличено и до безконечности невѣжественно; но даже сквозь эти смѣшныя преувеличенія сквозитъ какой-то намекъ на реальность, которымъ не излишне воспользоваться. Всякому, напримѣръ, извѣстно, что главное побужденіе, руководящее помпадурскими дѣйствіями, составляетъ чрезмѣрная ревность къ охраненію присвоенныхъ помпадурамъ правъ и преимуществъ (прерогативъ). Въ сущности, побужденіе это, конечно, очень похвально, но надо сознаться, что, тѣмъ не менѣе, оно нимало не способствуетъ ни возникновенію новыхъ плодотворныхъ жизненныхъ явленій, ни производству новыхъ цѣнностей. Поэтому было бы не только не вредно, но даже полезно, чтобы на практикѣ эта ревность проявлялась лишь въ той мѣрѣ, въ какой она не служитъ помѣхой мирнымъ гражданамъ въ ихъ мирныхъ занятіяхъ. Если человѣкъ исключительною задачею своей жизненной дѣятель-

Digitized by Google

ности поставляетъ огражденіе своихъ правъ (какъ напримѣръ, права принимать по праздникамъ поздравленія, права идти въ первой парѣ, когда балъ открывается польскимъ, и т. д.), то результатомъ его усилій можетъ быть только огражденіе правъ, и ничего больше. Положимъ, это будетъ дѣятельность, въ своемъ родѣ, почтенная, но все-таки никакого оплодотворенія изъ нея произойти не можетъ. А помпадуры этимъ именно и грѣшатъ. Ограждая свои права, они забываютъ, что у нихъ есть и обязанности, изъ коихъ главнѣйшая — не отвлекать обывателей слишкомъ усиленными поздравленіями отъ другихъ занятій, которыя тоже могутъ быть названы небезполезными.

А грѣшатъ они потому, что не знаютъ наукъ. Я, конечно, далекъ отъ того, чтобы вмѣстѣ съ мосьё Шенапаномъ утверждать, будто въ нашихъ кадетскихъ корпусахъ преподается только одна наука «Zwon popéta rasdawaïss», но все-таки позволяю себѣ думать, что на воспитаніе помпадуровъ не обращено должнаго вниманія. Дюссо, Борель, Минерашки, театръ Берга—все это школа слишкомъ недостаточная! Если-бъ они знали, напримѣръ, исторію, то помнили бы анекдотъ о персидскомъ царѣ, который, ограждая свои права, высѣкъ море, но, и за всѣмъ тѣмъ не могъ побѣдить горсти храбрыхъ грековъ. Если-бъ они знали статистику и политическую экономію, то поняли бы, что обывательская спина не всегда служитъ вѣрнымъ обезпеченіемъ для наполненія казны кредитными билетами. Если-бъ имъ не чужда была юриспруденція, то они знали бы, что излишнее огражденіе собственныхъ личныхъ правъ всегда ведетъ къ нарушенію правъ другихъ; это же послѣднее, въ свою очередь, влечетъ за собою если не непремѣнное возстановленіе нарушеннаго права, то, по крайней мѣрѣ, позывъ къ такому возстановленію. А за этимъ обыкновенно слѣдуетъ скандалъ, а иногда и наказаніе нарушителя по всей строгости законовъ.

Да, какъ это ни тяжело, но надо сознаться, что, даже для взысканія недоимокъ, науки — не безполезная вещь. Онѣ учатъ человѣка, что жизнь пережить — не поле перейти; онѣ заставляютъ его вникать въ смыслъ его поступковъ и даютъ ему нѣкоторыя хорошія привычки. Вотъ чего недостаетъ помпадурамъ и вотъ почему они считаютъ, что у нихъ нѣтъ никакихъ другихъ административныхъ задачъ, кромѣ огражденія присвоенныхъ имъ правъ и преимуществъ. Будучи удалены отъ наукъ, они не могутъ понять, что нѣ-

Digitized by Google

которая сумма знанія гораздо надежнѣе оградила бы эти права, нежели странное и далеко не всѣхъ настигающее слово: «фюить!»

Недостатокъ знаній порождаетъ чрезмѣрную требовательность; чрезмѣрная требовательность, въ свою очередь, порождаетъ подозрительность. Извѣстно, напримѣръ, съ какою охотою употребляютъ помпадуры такія слова, какъ «посягать», «подкапываться», «потрясать» и т. д., представляя высшему начальству, будто слова эти составляютъ обыденный лексиконъ наровчатскихъ, лукояновскихъ и другихъ обывателей. А между тѣмъ въ этихъ увѣреніяхъ заключается самая вопіющая неправда. Я, по крайней мѣрѣ, искренно убѣжденъ, что никто даже не помышляетъ о томъ, чтобы оспаривать помпадурскія права, и что вся бѣда тутъ въ томъ, что не всякій можетъ эти права уловить. Отсюда— безконечное и довольно тягостное для обѣихъ сторонъ qui-pro-quo. Чаще всего помпадуръ и самъ хорошенько не знаетъ, въ чемъ состоятъ его требованія; но это незнаніе, вмѣсто того, чтобъ ограничить его, дѣлаетъ еще болѣе ненасытнымъ. Столь же часто бываетъ, что обыватель и готовъ бы, съ своей стороны, сдѣлать всякое удовольствіе, но, не зная, въ чемъ это послѣднее заключается, попадаетъ впросакъ, то-есть поздравляетъ тогда, когда не нужно поздравлять, и наоборотъ. А изъ этого происходитъ то, что одинъ невѣдомо что̀ предъявляетъ, а другой невѣдомо на что̀ посягаетъ. Явное недоразумѣніе, которое опять-таки будетъ устранено лишь тогда, когда наука прольетъ свой свѣтъ на запутанныя отношенія, существующія между помпадурами и обывателями, и сумѣетъ регламентировать ихъ.

Итакъ, въ отзывахъ иностранцевъ есть извѣстная доля правды. Но правда эта не должна огорчать насъ. Мы слишкомъ сильны, мы пользуемся слишкомъ несомнѣнною внутреннею тишиной, чтобы впадать въ малодушіе передъ лицомъ правды. Мы спокойно можемъ выслушать самую горькую истину, нимало не измѣняя присущему намъ сознанію нашихъ доблестей.

Притомъ же мы знаемъ, что у насъ есть испытанное средство помпадуровъ. Это средство: повышенія, перемѣщенія и увольненія, которыя очень достаточно гарантируютъ насъ.

Оговорившись такимъ образомъ, перехожу къ самымъ «мнѣніямъ» иностранцевъ. Мнѣнія эти переведены мною

Digitized by Google

прямо съ подлинниковъ и притомъ съ самою буквальною точностью. Разсказъ же татарина Хабибулы Науматулловича о пребываніи въ Россіи іомудскаго принца (такъ какъ существованіе племени іомудовъ не подлежитъ сомнѣнію, то я полагаю, что долженъ быть и іомудскій принцъ) напечатанъ мною съ оставленіемъ слога и подлинныхъ выраженій разсказчика.

«Impression de voyage et d'art», par le prince de la Cassonade, ancien Grand Veneur de S. M. l'Empereur Soulouque I, actuellement, grâce aux vicissitudes de la fortune, garçon en chef au Café Riche à Paris. Paris. Ledentu éditeur. 18**. Deux forts Vols. («Путевыя и художественныя впечатлѣнія», соч. князя де-ля-Кассонадъ, бывшаго оберъ-егермейстера Е. В. Императора Сулука I, а нынѣ, благодаря превратностямъ судебъ, главнаго гарсона въ кафе Ришъ въ Парижѣ).

«Когда я былъ командированъ моимъ всемилостивѣйшимъ государемъ и повелителемъ во Францію и Испанію для изученія способовъ дѣлать государственные перевороты, и въ Россію—для изученія способовъ взысканія недоимокъ. я встрѣтился въ этой послѣдней съ особенной корпораціей, которой подобной нѣтъ, кажется, въ цѣломъ мірѣ и которая чрезвычайно меня заинтересовала. Я говорю о помпадурахъ.

«Каждый изъ здѣшнихъ городовъ имѣетъ своего главнаго помпадура, которому подчинено нѣсколько второстепенныхъ помпадуровъ, у которыхъ, въ свою очередь, стоитъ подъ начальствомъ безчисленное множество помпадуровъ третьестепенныхъ, а сіи послѣдніе уже имѣютъ въ своемъ непосредственномъ завѣдываніи массу обывателей или чернь (la vile populace). Всѣ они составляютъ такъ-называемую бюрократическую армію и различаются между собою лишь болѣе или менѣе густымъ шитьемъ на воротникахъ и рукавахъ. Такъ какъ было бы тяжело и затруднительно изслѣдовать нравы всѣхъ этихъ разновидностей, то я, главнымъ образомъ, сосредоточилъ свое вниманіе на главныхъ помпадурахъ, потому что они представляютъ собой прототипъ, по которому можно безъ труда сдѣлать заключеніе и о прочихъ.

«Главные помпадуры избираются преимущественно изъ молодыхъ людей, наиболѣе способныхъ къ тѣлеснымъ упражненіямъ. На образованіе и умственное развитіе ихъ боль-

Digitized by Google

шого вниманія не обращается, такъ какъ предполагается, что эти лица ничѣмъ заниматься не обязаны, а должны только руководить. При этомъ имѣется, кажется, въ виду еще и та мысль, что науки вообще имѣютъ растлѣвающее вліяніе, и что, слѣдовательно, онѣ всего менѣе могутъ быть у мѣста тамъ, гдѣ требуются лишь свѣжесть и непреоборимость. И дѣйствительно, главные помпадуры живутъ въ столь безнадежномъ отъ наукъ отдаленіи, что нѣкоторые изъ нихъ не шутя смѣшивали моего всемилостивѣйшаго повелителя Сулука I съ королевою Помарé, а сію послѣднюю—съ извѣстной парижской лореткой того же имени. Признаюсь, эти смѣшенія причиняли мнѣ не мало огорченій, и я не разъ вынуждался объявлять очень категорически, что повтореніе чего-либо подобнаго можетъ имѣть послѣдствіемъ серьезный casus belli.

«Преимущественное назначеніе главныхъ помпадуровъ заключается въ томъ, чтобы *препятствовать*. Несмотря, однакожъ, на мои усилія разъяснить себѣ, противъ чего собственно должна быть устремлена эта тормозящая сила,— я ничего обстоятельнаго по сему предмету добиться не могъ. На всѣ мои вопросы я слышалъ одинъ отвѣтъ: mais comment ne comprenez-vous pas ça? Изъ чего и вынужденъ былъ заключить, что, вѣроятно, Россія есть такая страна, которая лишь по наружности пользуется тишиною, но на самомъ дѣлѣ наполнена горючими веществами. Иначе какая же была бы надобность въ цѣлой корпораціи людей, которыхъ спеціальное назначеніе заключается въ принятіи прекратительныхъ мѣръ безъ всякихъ къ тому поводовъ?

«Такъ, напримѣръ, я съ любопытствомъ наблюдалъ однажды, какъ одинъ чрезвычайно вышитый помпадуръ усмирялъ другого менѣе вышитаго за то, что сей послѣдній не поздравилъ перваго съ праздникомъ. Клянусь, никогда королева Помарé (а кто же не знаетъ, до какой степени она неизящна въ своихъ выраженіяхъ?) не обращалась къ своему кучеру съ подобнымъ потокомъ высокоукоризненныхъ словъ! Когда же я позволилъ себѣ усомниться, чтобы обстоятельство столь неважное способно было возбудить столь сильный гнѣвъ, то расшитый помпадуръ взглянулъ на меня съ такимъ страннымъ видомъ, что я поспѣшилъ раскланяться, дабы не вышло изъ этого чего дурного для меня или для моего всемилостивѣйшаго повелителя. Въ другое время другой помпадуръ откровенно мнѣ сознавался, что онъ только и дѣлаетъ, что усмиряетъ бунты, при чемъ на-

Digitized by Google

звалъ мнѣ и имена главныхъ бунтовщиковъ: предсѣдателей окружного суда и мѣстной земской управы. А такъ какъ, не далѣе какъ за день передъ тѣмъ, я имѣлъ случай съ обоими бунтовщиками играть въ ералашъ и при этомъ не замѣтилъ въ ихъ образѣ мыслей ничего вреднаго, то и не преминулъ возразить негодующему помпадуру, что, по мнѣнію моему, оба названныя лица ведутъ себя скромно и усмиренія не заслуживаютъ. Но онъ, не желая ничего слушать, отвѣтилъ мнѣ, что все это — интрига, и что онъ, помпадуръ, не успокоится, покуда не раскроетъ въ подробности всѣ нити и корни оной. Я могъ бы разсказать здѣсь множество другихъ примѣровъ подобной же загадочной страсти къ усмиреніямъ, но полагаю, что и этихъ двухъ вполнѣ достаточно, тѣмъ болѣе, что причина этой усмирительной болѣзни и до-днесь остается для меня неразъясненною, а слѣдовательно, сколько бы я ни плодилъ фактовъ, въ основаніи ихъ все-таки будетъ лежать таинственное: mais comment ne comprenez-vous pas ça?—и ничего болѣе.

«Всю сумму своихъ административныхъ воздѣйствій помпадуры сумѣли сконцентрировать въ одномъ крошечномъ словѣ: «фюить!» и, кажется, это единственное слово, которое они умѣютъ произносить съ надлежащею ясностью. Все прочее принимаетъ въ ихъ устахъ форму невнятнаго бормотанія, изъ котораго трудно извлечь что-либо поучительное. Я тщетно усиливался доказывать, что слово «фюить», несмотря на удобства, доставляемыя его краткостью, все-таки никакихъ разрѣшеній не заключаетъ; въ отвѣтъ на мои доказательства я повсюду слышалъ одно: pour nous autres, c'est encore assez bon. Это, конечно, заставляло меня умолкать, ибо ежели люди сами признаютъ себя вполнѣ обезпеченными словомъ «фюить», то мнѣ, иностранцу (а тѣмъ болѣе имѣющему дипломатическое порученіе), разувѣрять ихъ въ томъ не приходится.

«Вообще у нихъ есть фаталистическая наклонность обратить міръ въ пустыню и совершенное непониманіе тѣхъ послѣдствій, которыя можетъ повлечь за собою подобное административное мѣропріятіе. Наклонность эту я готовъ бы назвать человѣконенавистничествомъ, если-бъ не имѣлъ безчисленныхъ доказательствъ, что въ основаніи всѣхъ дѣйствій и помысловъ помпадурскихъ лежитъ не жестокость въ собственномъ смыслѣ этого слова, а безграничное легкомысліе. Такъ, напримѣръ, когда я объяснилъ одному изъ

Digitized by Google

нихъ, что для нихъ же будетъ хуже, ежели міръ обратится въ пустыню, ибо некого будетъ усмирять и даже некому будетъ готовить имъ кушанье, то онъ съ невѣроятнымъ аплобомъ отвѣтилъ мнѣ: «тѣмъ лучше! мы будемъ ѣздить другъ къ другу и играть въ карты; а обѣдать будемъ ходить въ рестораны!» И я опять вынужденъ былъ замолчать, ибо какая же возможность поколебать эту непреоборимую вѣру въ какое-то провиденціальное назначеніе помпадуровъ, которая ни передъ чѣмъ не останавливается и никакихъ невозможностей не признаетъ!

«Вмѣстѣ съ невѣжественностью и легкомысленною страстью къ разрушенію, помпадуры въ значительной мѣрѣ соединяютъ и сластолюбіе. Обаяніе власти привлекаетъ къ нимъ сердца не весьма разборчивыхъ провинціальныхъ женщинъ, а корыстолюбіе мужей-чиновниковъ заставляетъ ихъ смотрѣть сквозь пальцы на продѣлки преступныхъ ихъ женъ. Тѣмъ не менѣе, я напрасно ожидалъ утонченности въ обращеніи помпадуровъ съ женщинами. Хотя всѣ они очень бѣгло говорятъ по-французски (впрочемъ, и тутъ больше въ ходу какой-то безсмысленный жаргонъ парижскихъ кафе-шантановъ, смѣшанный съ не менѣе безсмысленнымъ жаргономъ кокотокъ), но французская вѣжливость столь же чужда имъ, какъ и любому изъ парижскихъ cochers de fiacre. Неоднократно, приглашенный на вечера, на которыхъ присутствовали особенно преданная помпадурамъ молодежь и роскошнѣйшія женщины города, я ничего не видалъ, кромѣ безстыдныхъ жестовъ, которые даже меня, бывшаго оберъ-егермейстера моего всемилостивѣйшаго императора Сулука I, заставляли краснѣть. Въ этомъ заключалась вся веселость, вся аттическая соль этихъ вечеровъ. Я никогда не забуду, какъ одна изъ этихъ дамъ (замѣчательно, впрочемъ, красивая) распѣвала французскую пѣсенку: «et j'frotte et j'frotte—et allez donc!», сопровождая свое пѣніе такими оживленными тѣлодвиженіями, которымъ позавидовала бы любая chanteuse de cabaret. Помпадуръ сидѣлъ тутъ же и не только не унималъ безстыдницу, но даже хмурилъ брови всякій разъ, какъ она ослабѣвала. Въ другомъ городѣ другой помпадуръ повелъ меня въ купальную, въ стѣнѣ которой было очень искусно продѣлано отверстіе въ сосѣднее женское отдѣленіе, и заставилъ меня смотрѣть. Грѣшный человѣкъ, я посмотрѣлъ съ удовольствіемъ, но потомъ все-таки не могъ воздержаться отъ вопроса: какое же отношеніе все это можетъ имѣть къ администраціи?

Digitized by Google

«Въ заключеніе я долженъ сказать, что это—корпорація очень загадочная. Я не отрицаю въ помпадурахъ нѣкоторой дозы отваги, свидѣтельствующей о величіи души, но, къ сожалѣнію, долженъ сказать, что отвага эта растрачивается на такія дѣла, безъ которыхъ легко можно было бы обойтись. Таковы, напримѣръ: выбиваніе зубовъ у ямщиковъ во время ѣзды на почтовыхъ и проч. Съ грустнымъ чувствомъ оставилъ я эту страну, убѣдившись, что даже относительно взысканія недоимокъ она не представляетъ ничего новаго и поучительнаго для нашего любезнаго отечества.

«Но когда я, по долгу совѣсти, доложилъ о всемъ вышеизложенномъ моему всемилостивѣйшему императору и повелителю Сулуку I, то, къ величайшему моему огорченію и удивленію, услышалъ отъ него: «дуракъ! да намъ именно это-то и нужно!» Съ тѣхъ поръ мнѣ была объявлена немилость за непониманіе истинныхъ интересовъ моего повелителя, а потомъ начались и преслѣдованія, которыя разрѣшились изгнаніемъ изъ отечества. Нынѣ я состою въ качествѣ garçon en chef въ café Riche въ Парижѣ. Но, впрочемъ, не теряю надежды на Бога и Его всещедрую милость ко мнѣ. Ибо опала моя есть лишь плодъ недоразумѣнія; я же во всякое время готовъ и опять занять прежній свой постъ при моемъ всемилостивѣйшемъ повелителѣ, и даже, если ему будетъ угодно, устроить въ любезномъ отечествѣ точь-въ-точь такую же корпорацію помпадуровъ, какую я видѣлъ въ Россіи».

«Une triste histoire. Souvenirs d'un voyage dans les steppes du Nord», par Onésime Chenapan, ancien agent provocateur ayant servi sous les ordres de monseigneur Maupas, préfet de police. 1853. Paris. Librairie nouvelle. 1 vol. («Грустная исторія. Воспоминаніе о путешествіи въ сѣверныя степи». Соч. Онисимъ Шенапанъ, бывшій политическій сыщикъ, служившій подъ начальствомъ монсеньора Мопá, префекта полиціи).

«Берусь за перо, чтобы разсказать, какимъ образомъ одинъ необдуманный шагъ можетъ испортить всю человѣческую жизнь, уничтожить всѣ ея плоды, добытые цѣною долгихъ униженій, повергнуть въ прахъ всѣ надежды на дальнѣйшее повышеніе въ избранной спеціальности и даже отнять у человѣка лучшее его право въ этомъ мірѣ—право

Digitized by Google

называться вѣрнымъ сыномъ святой римско-католической церкви!

«Все это сдѣлалъ надо мной одинъ праздный человѣкъ, назвавшій себя помпадуромъ, сдѣлалъ просто, естественно, безъ малѣйшихъ колебаній, не оставивъ въ моемъ сердцѣ ни малѣйшей надежды получить какое-либо вознагражденіе за причиненный мнѣ ущербъ!

«Юноша! ты, который читаешь эти омытыя слезами строки, внимательнѣе вдумайся въ ихъ содержаніе, и ежели когда-нибудь въ Closerie de lilas или въ иномъ подобномъ мѣстѣ тебѣ случится встрѣтиться съ человѣкомъ, именующимъ себя помпадуромъ—бѣги его. Ибо имя этому человѣку: жестокосердіе и легкомысліе!

. . . . . .

«Въ 1852 году, вскорѣ послѣ извѣстнаго декабрьскаго переворота, случай свелъ меня съ княземъ де-ла-Клюква (le prince de la Kloukwa), человѣкомъ еще молодымъ, хотя нѣсколько поношеннымъ (quelque peu taré), въ которомъ я по внѣшнему его виду и веселымъ манерамъ никогда не позволилъ бы себѣ предположить сановника. Оказалось, однако, что онъ былъ таковымъ.

«Встрѣча произошла въ одномъ изъ парижскихъ cafés chantants, которые я посѣщалъ по обязанностямъ службы, такъ какъ въ этихъ веселыхъ мѣстахъ преимущественно ютились заблуждающіеся молодые люди, не выказывавшіе безусловнаго довѣрія къ перемѣнѣ, происшедшей 2-го декабря. Тутъ же можно было найти и множество иностранцевъ, изучавшихъ Парижъ съ точки зрѣнія милой бездѣлицы.

«Разговоръ нашъ начался по поводу пѣсенки: «Ah! j'ai un pied qui r'mue», которая тогда только-что пошла въ ходъ и которую мастерски выполняла m-lle Rivière. Оказалось, что мой сосѣдъ (мы за однимъ столомъ, не торопясь, попивали наши petits verres) не только тонкій цѣнитель жанра, но и самъ очень мило исполняетъ капитальныя пьесы каскаднаго репертуара. Не могу сказать, почему, но, къ моему несчастію, я почувствовалъ какое-то слѣпое, безотчетное влеченіе къ этому человѣку, и послѣ бесѣды, продолжавшейся не больше четверти часа, откровенно сознался ему, что я agent provocateur, пользующійся особеннымъ довѣріемъ монсеньора Мопа. И, къ удивленію моему, онъ не только не бросился меня бить (какъ это почти всегда дѣлаютъ заблуждающіеся молодые люди), но даже протя-

Digitized by Google

нулъ мнѣ объ руки и, въ свою очередь, объявилъ, что онъ русскій и занимаетъ въ своемъ отечествѣ рангъ помпадура.

«— Я объясню вамъ впослѣдствіи,—сказалъ онъ при видѣ недоразумѣнія, выразившагося въ моемъ лицѣ:—въ чемъ заключаются атрибуты и предѣлы власти помпадурскаго ранга; теперь же могу сказать вамъ одно: никакая другая встрѣча не могла бы меня такъ обрадовать, какъ встрѣча съ вами. Я именно искалъ познакомиться съ хорошимъ, вполнѣ надежнымъ agent provocateur. Скажите: выгодно ваше ремесло?

«— Monseigneur,—отвѣчалъ я: — я получаю въ годъ 1.500 франковъ постояннаго жалованья и, сверхъ того, въ видѣ поощренія, особую плату за каждый доносъ.

«— Однакожъ... это не дурно!

«— Если-бъ я получалъ плату построчно, хотя бы наравнѣ съ составителями газетныхъ entrefilets—это было бы, дѣйствительно, не дурно: но въ томъ-то и дѣло, monseigneur, что я получаю мою плату поштучно.

«— Но, вѣроятно, къ Рождеству или къ Пасхѣ являются на выручку какіе-нибудь остаточки?

«— Никакъ нѣтъ, monseigneur. Всѣми остаточками безраздѣльно пользуются monseigneur Maupas и всемилостивѣйшій мой повелитель и императоръ Наполеонъ III. Единственнымъ подспорьемъ къ объясненному выше содержанію служитъ особенная сумма, назначаемая на случай увѣчій и смертнаго боя, очень нерѣдкихъ въ томъ положеніи, въ которомъ я нахожусь. 2-го декабря я буквально представлялъ собою сочащуюся кровью массу мяса, такъ что въ одинъ этотъ день заработалъ болѣе тысячи франковъ!

«— Тысячу франковъ... mais c'est très joli!

«— Но у меня есть престарѣлая мать, monseigneur, у меня есть дѣвица-сестра, которую я тщетно стараюсь пристроить!

«— Oh! quant à cela... чортъ ихъ подери!

«Это восклицаніе было очень знаменательно и должно бы предостеречь меня. Но Провидѣнію угодно было потемнить мой разсудокъ, вѣроятно для того, чтобы не помѣшать мнѣ испить до дна чашу уготованныхъ мнѣ истязаній, орудіемъ которыхъ явился этотъ ужасный человѣкъ.

«— Ну-съ, а теперь скажите мнѣ: случалось ли вамъ когда-нибудь—по обязанностямъ службы, s'entend — распечатывать чужія письма?—продолжалъ онъ послѣ минутнаго перерыва, послѣдовавшаго за его восклицаніемъ.

Digitized by Google

«— Очень часто, excellence!

«— Поймите мою мысль. Прежде, когда письма запечатывались простымъ сургучомъ, когда конверты не заклеивались по швамъ—это, конечно, было легко. Достаточно было тоненькой деревянной спички, чтобы навертѣть на нее письмо и вынуть его изъ конверта. Но теперь, когда конвертъ представляетъ массу почти непроницаемую... какимъ образомъ поступить? Я неоднократно пробовалъ употреблять въ дѣло слюну, но, признаюсь, усилія мои ни разу не были увѣнчаны успѣхомъ. Получатели писемъ догадывались и роптали.

«— А между тѣмъ нѣтъ ничего проще, excellence. Здѣсь мы поступаемъ въ этихъ случаяхъ слѣдующимъ образомъ: беремъ письмо, приближаемъ его къ кипящей водѣ и держимъ надъ паромъ конвертъ тою его стороною, на которой имѣются заклеенные швы, до тѣхъ поръ, пока клей не распустится. Тогда мы вскрываемъ конвертъ, вынимаемъ письмо, прочитываемъ его и помѣщаемъ въ конвертъ обратно. И никакихъ слѣдовъ нескромности не бываетъ.

«— Такъ просто—и я не знадъ! Да, французы во всемъ насъ опередили! Великодушная нація! какъ жаль, что революціи такъ часто потрясаютъ тебя! Et moi, qui, à mes risques et périls, me consumais à dépenser ma salive! Quelle dérision!

«— Но развѣ распечатываніе чужихъ писемъ входитъ въ ваши атрибуты, monseigneur?

«— Въ мои атрибуты входитъ все, что касается внутренней политики, а въ особенности распечатываніе частныхъ писемъ и взысканіе недоимокъ (extorsion des nédoïmkas, une espèce de peine corporelle, en vigueur en Russie, surtout dans le cas où le paysan, par suite d'une mauvaise recolte, n'a pas de quoi payer les impôts). Знаете ли вы, однакожъ, мой новый другъ, что вы вывели меня изъ очень-очень большого затрудненія?

«Онъ съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку и былъ такъ великодушенъ, что пригласилъ меня ужинать въ café Anglais, гдѣ мы почти до утра самымъ пріятнымъ образомъ провели время. Въ заключеніе онъ очень любезно предложилъ мнѣ сопутствовать ему въ его родныя степи, гдѣ, по словамъ его, представлялась для меня очень выгодная карьера.

«— Вы поѣдете со мной и на мой счетъ,—говорилъ онъ мнѣ:—жалованье ваше будетъ простираться до четырехъ сотъ франковъ въ мѣсяцъ; сверхъ того, вы будете жить у

Digitized by Google

меня и отъ меня же получать столъ, дрова и свѣчи. Обязанности же ваши отнынѣ слѣдующія: научить меня всѣмъ секретамъ вашего ремесла и разузнавать все, что говорится про меня въ городѣ. А чтобы легче достичь этой цѣли, вы должны будете посѣщать общество и клубы и тамъ притворно фрондировать противъ меня... Понимаете?

«Я былъ изумленъ и обрадованъ. О, ma pauvre mère! o, ma soeur, dont la jeunesse se consume dans la vaine attente d'un mari!..

«Но, несмотря на охватившее меня волненіе, я все-таки замѣтилъ нѣкоторую несообразность въ его предложеніи, которую и поспѣшилъ разъяснить.

«— Позволю себѣ одно почтительное замѣчаніе, monseigneur,—сказалъ я.—Вы изволили сказать, что я буду жить у васъ въ домѣ, и въ то же время предписываете мнѣ фрондировать противъ васъ. Хотя я и понимаю, что это послѣднее средство можетъ быть употреблено съ несомнѣнною пользой, въ видахъ направленія общественнаго мнѣнія, но, мнѣ кажется, не лучше ли въ такомъ случаѣ будетъ, если я поселюсь не у васъ, а на особенной квартирѣ—просто въ качествѣ знатнаго иностранца, живущаго своими доходами?

«— Это ничего,—отвѣтилъ онъ мнѣ съ очаровательной улыбкой.—Вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь этимъ! У насъ въ степяхъ въ этомъ отношеніи такой обычай: гдѣ ѣдятъ, тамъ и мерзятъ, у кого живутъ, того и ругаютъ...

. . . . . .

«Я рѣшился.

«Разставаясь съ тобой, о, моя возлюбленная Франція я чувствовалъ, какъ сердце мое разрывается на куски!

«О, ma mère!

«О, ma pauvre soeur chérie!

«Но я сказалъ себѣ: oh! ma belle France! если только степь не поглотитъ меня, то я сколочу маленькій капиталецъ и заведу въ Парижѣ контору бракоразводныхъ и бракосводныхъ дѣлъ. И тогда ничто и никогда уже не разъединитъ насъ, о, дорогая, о, несравненная отчизна моя!

«Въ ожиданіи этой вожделѣнной минуты, я рѣшилъ все мое жалованье отдавать моей бѣдной матери. Самъ же предположилъ жить насчетъ постороннихъ доходовъ, въ которыхъ, при нѣкоторомъ съ моей стороны умѣньи и изобрѣтательности, несомнѣнно не будетъ у меня недостатка...

. . . . . .

«Дорогой князь былъ очень предупредителенъ. Онъ по-

Digitized by Google

стоянно сажалъ меня за одинъ столъ съ собою и кормилъ только хорошими кушаньями. Нѣсколько разъ онъ порывался подробно объяснить мнѣ, въ чемъ состоятъ атрибуты помпадурства; но, признаюсь, этими объясненіями онъ возбуждалъ во мнѣ лишь живѣйшее изумленіе. Изумленіе это усугублялось еще тѣмъ, что во время объясненій лицо его принимало такое двусмысленное выраженіе, что я никогда не могъ разобрать, серьезно ли онъ говоритъ, или лжетъ.

«— Званіе помпадура,—говорилъ онъ мнѣ: — почти не нужное; но именно эта-то ненужность и придаетъ ему то пикантное значеніе, которое оно имѣетъ у насъ. Оно не нужно, и между тѣмъ оно есть... Вы меня понимаете?

«— Не совсѣмъ, monseigneur!

«— Постараюсь высказаться яснѣе. У помпадура нѣтъ никакого спеціальнаго дѣла («лучше сказать, никакого дѣла», поправился онъ); онъ ничего не производитъ, ничѣмъ непосредственно не управляетъ и ничего не рѣшаетъ. Но у него есть внутренняя политика и досугъ. Первая даетъ ему право вмѣшиваться въ дѣла другихъ; второй—позволяетъ разнообразить это право до безконечности. Надѣюсь, что теперь вы меня понимаете?

«— Извините, excellence, но я такъ мало посвященъ въ пружины степной политики (la politique des steppes), что многаго не могу уразумѣть. Такъ, напримѣръ: для чего вы *вмышиваетесь* въ дѣла другихъ? Вѣдь эти «другіе» суть служители того же бюрократическаго принципа, котораго представителемъ являетесь и вы? Ибо насколько я понимаю конституцію степей...

«— Прежде всего—у насъ вовсе нѣтъ конституціи. Наши степи вольны... какъ степи или какъ тотъ вихрь, который гуляетъ по нимъ изъ одного конца въ другой. Кто можетъ удержать вихрь? спрашиваю я васъ. Какая конституція можетъ настигнуть его?—прервалъ онъ меня такъ строго, что я нѣсколько смѣшался и счелъ за нужное извиниться.

«— Я не такъ выразился, monseigneur,—сказалъ я:—я употребилъ слово «конституція» не въ томъ смыслѣ, въ какомъ вы удостоили принять его. По мнѣнію людей науки, всякое государство, однажды *конституированное*, уже тѣмъ самымъ заявляетъ, что оно имѣетъ свою *конституцію*... Затѣмъ, разумѣется, можетъ быть конституція вредная, но можетъ быть и полезная...

«— Все это прекрасно-съ, но я прошу васъ не употреблять въ нашихъ разговорахъ ненавистнаго мнѣ слова

Digitized by Google

«конституція»... никогда! Entendez-vous: jamais! Et maintenant que vous êtes averti, continuons.

«Итакъ, я сказалъ, что для меня непонятно, какое значеніе можетъ имѣть вмѣшательство однихъ бюрократовъ въ занятія другихъ бюрократовъ.

«Я готовъ былъ прибавить: «Быть-можетъ, вы дѣлитесь? Тогда—я понимаю? О, comme je comprends cela, monseigneur!» Но, не будучи еще на совершенно короткой ногѣ съ моимъ высокопоставленнымъ другомъ, воздержался отъ этого замѣчанія. Однакожъ, онъ, повидимому, понялъ мою тайную мысль, потому что покраснѣлъ какъ вареный ракъ и взволнованнымъ голосомъ воскликнулъ:

«— Я протестую всѣми силами души моей! Слышите: протестую!

«— Но въ такомъ случаѣ я, право, не понимаю, въ чемъ же состоитъ цѣль этого безпрерывнаго вмѣшательства?

«— Вы глупы, Chenapan! (Да, онъ сказалъ мнѣ это, несмотря на то, что въ то время былъ еще очень учтивъ относительно меня). Вы не хотите понять, что чѣмъ больше съ моей стороны вмѣшательства, тѣмъ болѣе я получаю правъ на вниманіе моего начальства. Если я усмирю въ годъ одну революцію—это хорошо; но если я усмирю въ годъ двѣ революціи—это ужъ отлично! И вы, который находитесь на службѣ у величайшаго изъ усмирителей революцій—вы не понимаете этого!

«— Я понимаю, я даже очень хорошо понимаю это, monseigneur! Но, признаюсь, я полагалъ, что положеніе вашего отечества...

«— Всѣ отечества находятся въ одномъ положеніи для человѣка, который желаетъ обратить на себя вниманіе начальства—vous m'entendez? Но это еще не все! Я имѣю и личное самолюбіе... sacrebleu! У меня есть внутренняя политика, у меня есть прерогативы! Я хочу проводить мой взглядъ... sapristi! Я желаю, чтобъ съ этими взглядами сообразовались, а не противодѣйствовали имъ! Это мое право... это, наконецъ, мой капризъ! Вы возлагаете на меня отвѣтственность... вы требуете отъ меня et ceci, et cela... позвольте же и мнѣ имѣть свой капризъ! Надѣюсь, что это не какая-нибудь чудовищная претензія съ моей стороны?

«— Но законъ, monseigneur? Какимъ образомъ примирить капризъ съ закономъ?

«— La loi! parlez-moi de ça! nous en avons quinze volumes, mon cher!

Digitized by Google

«На этомъ нашъ разговоръ пресѣкся. Какъ ни нова была для меня административная теорія, выразившаяся въ послѣднемъ восклицаніи моего собесѣдника, но, признаюсь откровенно, отвага, съ которою онъ выразился о законѣ, понравилась мнѣ. Хотя monseigneur Maupas нерѣдко говаривалъ мнѣ: «по нуждѣ, mon cher, и закону премѣна бываетъ», но онъ говорилъ это потихоньку, какъ бы боясь, чтобы кто-нибудь не услышалъ. И вдругъ—эта ясность, эта смѣлость, этотъ полетъ... какъ было не плѣниться ими! Казаки вообще отважны и склонны видѣть непріятеля даже тамъ, гдѣ мы, люди старой цивилизаціи, видимъ лишь покровительство и гарантію. Эти люди совсѣмъ свѣжіе, не имѣющіе ни одного изъ предразсудковъ, которые обременяютъ жизнь западнаго человѣка. Съ самою веселою непринужденностью смотрятъ они на такъ-называемыя нравственныя обязательства, но зато никто не можетъ сравниться съ ними относительно тѣлесныхъ упражненій, а за сломъ, за бутылкой вина, съ женщинами—это рѣшительно непобѣдимѣйшіе борцы (jouteurs) въ цѣломъ мірѣ. Я, напримѣръ, ни разу не видалъ моего амфитріона пьянымъ, хотя количество истребленныхъ имъ, въ моихъ глазахъ, напитковъ, поистинѣ, едва вѣроятно. Ни разу не сложилъ онъ оружія передъ непріятелемъ, и все дѣйствіе, оказываемое на него виномъ, ограничивалось перемѣною цвѣта лица и нѣсколько бо́льшимъ одушевленіемъ, съ которымъ онъ начиналъ лгать (blaguer).

«Тѣмъ не менѣе, я долженъ сознаться, что значеніе, которое имѣютъ помпадуры въ русскомъ обществѣ, продолжало казаться для меня неяснымъ. Я не могъ себѣ представить, чтобы могла существовать гдѣ-нибудь такая административная каста, которой роль заключалась бы въ томъ, чтобы мѣшать (я считаю слово «вмѣшиваться» слишкомъ серьезнымъ для такого занятія), и которая на напоминаніе о законѣ отвѣчала бы: sapristi! nous en avons quinze volumes! Сомнѣнія мои я, впрочемъ, относилъ не къ собственной своей непонятливости, а скорѣе къ неумѣнію князя ясно формулировать свою мысль. Онъ самъ, какъ видно, не сознавалъ, въ чемъ состоитъ его административная роль, и это будетъ совершенно понятно, если мы вспомнимъ, что въ Россіи до сихъ поръ (писано въ 1853 году) разсадниками администраціи считаются кадетскіе корпуса. Въ этихъ заведеніяхъ молодымъ людямъ пространно преподаютъ одну только науку, называемую «Zwon popéta razdawaïss» (самъ

Digitized by Google

князь былъ очень веселъ, когда передалъ мнѣ это длинное названіе, и я увѣренъ, что ни въ какой другой странѣ Европы науки съ подобнымъ названіемъ не найдется); прочія же науки, безъ которыхъ ни въ одномъ человѣческомъ обществѣ нельзя обойтись, проходятся болѣе нежели кратко. Поэтому нѣтъ ничего мудренаго, что лица, получившія такое воспитаніе, оказываются неспособными выражать свои мысли связно и послѣдовательно, а отдѣлываются одними ничего не стоящими восклицаніями, въ родѣ: «saprisli», «ventre de biche», «parlez-moi de ça» и т. д.

«Только тогда, когда негостепріимная степь уже приняла насъ въ свои суровыя объятія, то-есть по прибытіи на мѣсто, я могъ хотя отчасти уразумѣть, что хотѣлъ выразить мой высокопоставленный амфитріонъ, говоря о своихъ прерогативахъ.

«Покуда мы еще не въѣхали въ предѣлы того края, въ которомъ помпадурствовалъ князь де-ла-Клюква, поведеніе его было довольно умѣренно. Онъ билъ ямщиковъ съ снисходительностью, о которой я могу отозваться лишь съ величайшею похвалою (я не говорю уже о поведеніи его за границей, гдѣ онъ былъ весь—утонченная вѣжливость). Но едва онъ завидѣлъ пограничный столбъ, указывавшій начало его владѣній, какъ тотчасъ же вынулъ изъ ноженъ свою саблю, перекрестился и, обращаясь къ ямщику, испустилъ крикъ, имѣвшій зловѣщее значеніе. Мы понеслись стрѣлою и какъ сумасшедшіе скакали всѣ пятнадцать верстъ, остававшихся до станціи. Но ему казалось, что его все еще недостаточно скоро везутъ, потому что онъ черезъ каждыя пять минутъ поощрялъ ямщика полновѣсными ударами сабли. Я никогда не видалъ человѣка до такой степени разсерженнаго, хотя причины его гнѣва не понималъ. Признаться, я сильно боялся, чтобъ во время этой бѣшеной скачки у нашего экипажа не переломилась ось, ибо мы несомнѣнно погибли бы, если бы это случилось. Но уговорить его не торопить ямщика было невозможно, потому что безумная ѣзда по дорогамъ есть одна изъ прерогативъ, за которую помпадуры особенно страстно держатся.

«— Я научу ихъ, какъ ѣздить... каналій!—твердилъ онъ, обращаясь ко мнѣ и какъ бы наслаждаясь страхомъ, который должна была выражать моя физіономія.

«И дѣйствительно, мы проѣхали нѣсколько болѣе двухсотъ верстъ въ теченіе двѣнадцати часовъ, и, несмотря на эту неслыханную быстроту, онъ приказывалъ на станціяхъ сѣчь ямщиковъ, говоря мнѣ:

Digitized by Google

«— C'est notre manière de leur donner le pourboire!

«Пріѣхавши въ главный городъ края, мы остановились въ большомъ казенномъ домѣ, въ которомъ мы буквально терялись какъ въ пустынѣ (князь не имѣлъ семейства). Было раннее утро, и мнѣ смертельно хотѣлось спать, но онъ непремѣнно желалъ, чтобы немедленно произошло офиціальное представленіе, и потому разослалъ во всѣ концы гонцовъ съ извѣстіемъ о своемъ прибытіи. Черезъ два часа залы дома уже были наполнены трепещущими чиновниками.

«Хотя и въ нашей прекрасной Франціи прерогативы играютъ немаловажную роль, но, клянусь, я никогда не могъ себѣ представить что-либо подобное тому, что я увидѣлъ здѣсь. У насъ слово «негодяй» (vaurien, polisson... и, къ несчастью, chenapan) есть высшая степень порицанія, которую можетъ заслужить провинившійся подчиненный отъ разсерженнаго начальника; здѣсь же, независимо отъ обильно расточаемыхъ личныхъ оскорбленій, принято еще за правило пріобщать къ нимъ родственниковъ оскорбляемаго въ восходящей степени. Князь былъ красенъ какъ ракъ и перебѣгалъ отъ одного подчиненнаго къ другому, источая цѣлые потоки дурной брани. Въ особенности же доставалось отъ него одному хромому маіору, котораго онъ иронически рекомендовалъ мнѣ: «вотъ мой Мопà». Я думалъ, не замышлялъ ли этотъ несчастный человѣкъ похитить, въ отсутствіе князя, его власть (что, конечно, оправдывало бы его гнѣвъ); но оказалось, что ничего подобнаго не бывало. Я до сихъ поръ не могу объяснить себѣ, что могивировало тѣ прискорбныя сцены, которыхъ я былъ свидѣтелемъ въ это памятное для меня утро. Хотя же князь и объяснилъ ихъ желаніемъ оградить свои прерогативы, но и эта причина казалась недостаточною, ибо никто, повидимому, на эти прерогативы не посягалъ. Словомъ сказать, офиціальное представленіе кончилось къ полнѣйшему торжеству моего высокопоставленнаго амфитріона, который ходилъ по комнатамъ, выгнувъ шею, какъ конь, и гордо празднуя безъ труда одержанную побѣду.

«Только за обѣдомъ я успѣлъ нѣсколько опомниться. Было довольно весело, ибо здѣсь присутствовало нѣсколько фаворитовъ князя, молодыхъ людей, безспорно очень образованныхъ. Одинъ изъ нихъ, недавно возвратившійся изъ Петербурга, очень удачно представилъ, какъ m-lle Page*)

*) Извѣстная въ то время актриса французскаго театра въ Петербургѣ.—*Авт.*

Digitized by Google

на своихъ soirées intimes поетъ: «Un soir à la bartière». Пѣсенка эта, хотя далеко не новая и почти исчезнувшая изъ моей памяти, доставила мнѣ живѣйшее удовольствіе.

«Вечеромъ того же дня князь представилъ меня дамѣ своего сердца, которую онъ, незадолго передъ тѣмъ, отнялъ у одного изъ здѣшнихъ муниципальныхъ совѣтниковъ *). Роскошнѣйшая эта женщина произвела на меня глубокое впечатлѣніе, которое еще болѣе усилилось, когда нога моя почувствовала подъ столомъ давленіе ея ножки. Мужъ ея былъ тутъ же и очень смѣшилъ насъ своими шутками надъ обманутыми мужьями, изъ числа которыхъ онъ простодушно не исключалъ и самого себя. Нѣкоторыя изъ этихъ шутокъ, подъ личиною наивности, заключали въ себѣ настолько язвительности, что помпадуръ сердился и краснѣлъ. Но морганатическая его подруга, повидимому, уже привыкла къ подобнымъ сценамъ и присутствовала при нихъ совершенно какъ постороннее лицо.

«Веселый нашъ ужинъ приближался къ концу, какъ вдругъ прибѣжали доложить, что въ концѣ города вспыхнулъ пожаръ.

«— Ну, вотъ и прекрасно, — обратился ко мнѣ помпадуръ:—vous allez me voir à l'œuvre!

«Но я, признаюсь, былъ далеко не радъ, когда увидѣлъ (это было въ первый разъ со времени нашего знакомства), что князь совсѣмъ пьянъ. Близость ли любимой особы подѣйствовала на него возбуждающимъ образомъ, или это былъ непосредственный результатъ опьянѣнія властью— какъ бы то ни было, но онъ едва держался на ногахъ. Оказалось, однако, что и это послужило ему на пользу. Обыкновенно ни одинъ пожаръ не обходился безъ того, чтобы онъ кого-нибудь не прибилъ; теперь же онъ все время проспалъ и проснулся уже тогда, когда пламя было совершенно потушено.

«При возвращеніи съ пожара домой онъ такъ непріятно поразилъ меня, что сердце мое впервые болѣзненно сжалось, какъ бы подъ вліяніемъ какого-то темнаго предчувствія.

«— Ну-съ, господинъ Шенапанъ (онъ даже не скрывалъ, что дѣлаетъ изъ моей фамиліи очень обидную для меня игру словъ), понравилось *тебѣ* у меня? — обратился онъ ко мнѣ.

*) Очевидно, это ошибка: муниципальныхъ совѣтниковъ никогда въ Россіи не бывало.—*Авт.*

Digitized by Google

«Какъ ни больно кольнула меня эта предумышленная игра словъ, а равно и безцеремонное *ты*, обращенное ко мнѣ, человѣку совершенно посторонняго вѣдомства, однако, я чувствовалъ, что надобно покориться.

«— Я болѣе нежели очарованъ, monseigneur! — отвѣтилъ я.

«— Гм!.. желалъ бы я посмотрѣть, какъ бы ты не былъ очарованъ... прохвостъ (prakhvost)!

«Сказавши это, онъ такъ странно засмѣялся, что я тотчасъ же понялъ, что я нахожусь не въ гостяхъ, а въ плѣну.

«О, ma France bien aimée! O, ma mère!

. . . . . .

«Князь очень скоро научился у меня всѣмъ секретамъ ремесла; но по мѣрѣ того, какъ онъ тверже становился на ноги, я больше и больше падалъ въ его глазахъ. Первые два мѣсяца онъ очень аккуратно уплатилъ мое жалованье, но на третій мѣсяцъ прямо объявилъ мнѣ, что я и весь не стою двухъ су. Когда же я началъ умолять его, ссылаясь на престарѣлую мать и дѣвицу-сестру, у которой единственное сокровище на землѣ—ея добродѣтель, то онъ не только не внялъ голосу великодушія, но даже позволилъ себѣ нѣсколько двусмысленностей насчетъ добродѣтели моей доброй, бѣдной сестры.

«Въ ожиданіи, что Богъ просвѣтитъ его сердце, я долженъ былъ удовлетвориться тѣмъ, что мнѣ давали даромъ столъ и квартиру. Но и тутъ дѣло не обошлось безъ важныхъ оскорбленій. У меня отняли мою прежнюю постель и замѣнили ее чѣмъ-то такимъ, чему на нашемъ прекрасномъ языкѣ нѣтъ имени. За столомъ надо мной постоянно издѣвались, принявъ, такъ сказать, за правило называть меня прохвостомъ. Къ несчастью, я имѣлъ неосторожность проговориться, что меня бивали въ Парижѣ при исполненіи обязанностей, и этою ненужною откровенностью я самъ, такъ сказать, приготовилъ безконечную канву для разнообразнѣйшихъ и неприличнѣйшихъ шутокъ, съ которыми эти неизобрѣтательные сами по себѣ люди обращались ко мнѣ. Сверхъ того, меня каждый разъ непремѣнно оставляли безъ какого-нибудь блюда (обыкновенно, съ самою утонченною жестокостью, выбиралось то блюдо, которое я больше всего любилъ), и когда я жаловался на голодъ, то меня безъ церемоніи отсылали въ людскую. Но всего прискорбнѣе для меня было то, что при мнѣ оскорбляли моего все-

Digitized by Google

милостивѣйшаго повелителя и императора Наполеона III, а въ его лицѣ и мою прекрасную, дорогую Францію. Такъ, напримѣръ, спрашивали меня, правда ли, что Наполеонъ (они нарочно произносили это имя: Napoléoschkas—уменьшительное презрительное) торговалъ въ Лондонѣ гусями, или, правда ли, что онъ вмѣстѣ съ Морни содержалъ въ Нью-Іоркѣ домъ терпимости? и т. д. И всѣ эти легкомысленныя шуточки дѣлались въ то время, когда уже стоялъ на очереди грозный восточный вопросъ...

«Такъ продолжалось до осени. Наступали холода, а въ моей комнатѣ не вставляли двойныхъ рамъ и не приказали топить ее. Я никогда не принадлежалъ къ числу строптивыхъ, но при первомъ жестокомъ уколѣ холода и моя самоотверженность дрогнула. Тутъ только я убѣдился, что надежда на то, что Богъ просвѣтитъ сердце моего высокопоставленнаго амфитріона, есть надежда въ высшей степени легкомысленная и несбыточная. Скрѣпя сердце, я рѣшилъ оставить негостепріимныя степи, и явился къ князю съ просьбой снабдить меня хотя такою суммой, которая была нужна, чтобы достигнуть береговъ Сены.

«— Я уже не настаиваю на выдачѣ мнѣ должнаго, monseigneur,—сказалъ я:—на выдачѣ того, что я заработалъ вдали отъ дорогой родины, питаясь горькимъ хлѣбомъ чужбины...

«— И хорошо дѣлаешь, что не настаиваешь... chenapan!—замѣтилъ онъ холодно.

«— Я прошу только одной милости: снабдить, меня достаточной суммой, которая позволила бы мнѣ возвратиться на родину и обнять мою дорогую мать!

«— Хорошо, я подумаю... chenapan!

«Дни проходили за днями; мою комнату продолжали не топить, а онъ все думалъ. Я достигъ въ это время до послѣдней степени прострацiи и никому не жаловался, но глаза мои сами собой плакали. Будь въ моемъ положенiи послѣдняя собака—и та способна была бы возбудить сожалѣніе... Но *онъ* молчалъ!

«Впослѣдствiи я узналъ, что подобныя дѣйствiя на русскомъ языкѣ называются «шутками»... Но если таковы ихъ *шутки*, то таковы же должны быть ихъ жестокости!

«Наконецъ, онъ призвалъ меня къ себѣ.

«— Хорошо,—сказалъ онъ мнѣ:—я дамъ тебѣ четыреста франковъ, но ты получишь ихъ отъ меня только въ томъ случаѣ, если перейдешь въ православную вѣру.

Digitized by Google

«Я съ удивленіемъ взглянулъ ему въ глаза, но въ этихъ глазахъ ничего не выражалось, кромѣ непреклонности, не допускающей никакихъ возраженій.

«Я не помню, какъ былъ совершенъ обрядъ... Я даже не увѣренъ, былъ ли это *обрядъ*, и не исполнялъ ли роль попа переодѣтый чиновникъ особыхъ порученій...

«Справедливость требуетъ, однакожъ, сказать, что по окончаніи церемоніи онъ поступилъ со мною какъ grand seigneur, т. е. не только отпустилъ условленную сумму сполна, но подарилъ мнѣ прекрасную, почти не ношенную пару платья и приказалъ везти меня безъ прогоновъ до границъ слѣдующаго помпадурства. Надежда не обманула меня: Богъ хотя поздно, но просвѣтилъ его сердце!

«Черезъ двѣнадцать дней я былъ уже на берегахъ Сены и, вновь благосклонно принятый монсеньоромъ Моnà на службу, разгуливалъ по бульварамъ, весело напѣвая:

Les lois de la France,
Votre excellence!
Mourir, mourir,
Toujours mourir!

«O, ma France!
«O, ma mère!»

«La question d'Orient. Le plus sûr moyen d'en venir à bout». Par un Observateur Impartial. Leipzig, 1857. («Восточный вопросъ. Вѣрнѣйшій способъ покончить съ нимъ». Соч. Безпристрастнаго Наблюдателя. Лейпцигъ, 1857 *).

«Хочу разсказать, какъ одинъ мой пріятель вздумалъ надо мной пошутить, и какъ шутка его ему же во вредъ обратилась.

«На-дняхъ пріѣзжаетъ ко мнѣ изъ Петербурга К***, бывшій цѣловальникъ, а нынѣ откупщикъ и публицистъ. Обрадовались; сѣли, сидимъ. Зашла рѣчь о нынѣшнихъ дѣлахъ. Что и какъ. Многое похвалили, иному удивились, о прочемъ прошли молчаніемъ. Затѣмъ перешли къ братьямъ-славянамъ, а по дорогѣ и «больного человѣка» задѣли. Рѣшили, что надо пустить кровь. Переговоривъ

*) Подозрѣваютъ, что подъ псевдонимомъ «Безпристрастный Наблюдатель» скрывается одинъ знаменитый московскій археологъ и чревовѣщатель. Но такъ какъ подобное предположеніе ничѣмъ не доказано, то и этого автора я нашелся вынужденнымъ помѣстить въ число знатныхъ иностранцевъ.—*Авт.*

Digitized by Google

обо всемъ, вижу, что уже три часа, время обѣдать, а онъ все сидитъ.

«— Разскажи, говоритъ, какъ ты къ черногорскому князю ѣздилъ!

«Разсказалъ.

«— А не разскажешь ли, какъ ты съ Палацкимъ познакомился?

«Разсказалъ.

«— Такъ ты говоришь, что «больному человѣку» кровь пустить надо?

«— Непремѣнно полагаю.

«— А нельзя ли какъ-нибудь другимъ манеромъ его разорить?

«— Нельзя. Водки онъ не пьетъ.

«Бьетъ три съ половиной, а онъ все сидитъ. Зашла рѣчь о предсказаніяхъ и предзнаменованіяхъ.

«— Снилось мнѣ сегодня ночью, что я въ гостяхъ обѣдаю!—вдругъ говоритъ К***.

«Или, другими словами, прямо навязывается ко мнѣ на обѣдъ. Въ величайшемъ смущеніи смотрю на него, тщусь разгадать: какія еще новыя шутки онъ со мной предпринять выдумаетъ? Ибо, какъ человѣкъ богатый, онъ можетъ предпринять многое такое, что̀ другому и въ голову не придетъ. Однако, дѣлать нечего; слѣдуя законамъ московскаго хлѣбосольства, рѣшаюсь покориться своей участи.

«— Дома, говорю, у меня ничего не готовлено, а вотъ въ Новотроицкій, коли хочешь...

«Сказалъ это и испугался.

«— Въ Новотроицкій, такъ въ Новотроицкій,—говоритъ.—Только, чуръ, на твой счетъ. Мнѣ, братъ, сегодня такая блажь въ голову пришла: непремѣнно на твой счетъ обѣдать хочу.

«Дѣлать нечего, поѣхали.

«Выпили по рюмкѣ очищеннаго и съѣли по небольшому кусочку ветчины. Мало. А между тѣмъ, по непомѣрной нынѣшней дороговизнѣ, вижу, что уже за одно это придется заплатить не менѣе пятнадцати копеекъ съ брата.

«Тогда я счелъ, что съ моей стороны долгъ гостепріимства уже исполненъ, и что засимъ я имѣю даже право разсчитывать, что и онъ свой долгъ выполнитъ, то-есть распорядится насчетъ обѣда. Ничуть не бывало. Уже разсказалъ я ему и о томъ, какъ я у Ганки обѣдалъ, и о томъ, какъ едва не отобѣдалъ у Гоголя, а онъ все смѣется

Digitized by Google

и никакихъ распоряженій не дѣлаетъ. Тогда, дабы уничтожить въ душѣ его всякія сомнѣнія, я позвалъ полового и спросилъ у него счетъ.

«— А обѣдать-то какъ же?—спросилъ меня К***.

«— Я, съ своей стороны, сытёхонекъ! — отвѣтилъ я, едва, впрочемъ, скрывая терзавшій меня голодъ.

«Тогда онъ, весело расхохотавшись, сказалъ:

«— Ну, братъ, вижу, что тебя не побѣдишь! Вѣришь ли, всю дорогу, изъ Петербурга ѣхавши, я твердилъ себѣ: не все мнѣ его кормить! пообѣдаю когда-нибудь и я на его счетъ! Вотъ-те и пообѣдалъ!

«Затѣмъ, когда недоразумѣніе между нами кончилось, засѣли мы за столъ, при чемъ я, изъ предосторожности, завѣсилъ себѣ грудь салфеткою.

«Подавали: селянку московскую изъ свѣжей осетрины—прекрасную; котлеты телячьи паровыя—превосходныя; жаренаго поросенка съ кашей—отмѣннѣйшаго.

«Зная исправность моего желудка, я ѣлъ съ такимъ расчетомъ, чтобъ быть сытымъ на три дня впередъ.

«Наѣвшись, стали опять бесѣдовать о томъ, какъ бы «больного человѣка» подкузьмить, ибо хотя К*** и откупщикъ, но такъ какъ многіе ученые его гостепріимствомъ во всякое время пользуются, то и онъ между ними пріобрѣлъ нѣкоторый въ политическихъ дѣлахъ глазомѣръ.

«Прикладывали и такъ, и этакъ. Флотовъ нѣтъ—передъ флотами. Денегъ нѣтъ—передъ деньгами. Все будетъ, коли люди будутъ; вотъ людей нѣтъ—это такъ.

«Сидимъ. Повѣсили головы.

«Однакожъ, когда выпили нѣсколько здравицъ, то постепенно явились и люди.

«— Какъ людей нѣтъ! кто говоритъ, что людей нѣтъ! да вотъ его пошлите! его! Гаврилу! да!—кипятился К***, указывая на служившаго намъ полового.

«И затѣмъ, разгорячаясь по мѣрѣ каждой выпитой здравицы, онъ въ особенности началъ рекомендовать мнѣ нѣкоего N—скаго помпадура, Петра Толстолобова, какъ человѣка, которому даже и передъ Гаврилой предпочтеніе отдать можно.

«— Это такой человѣкъ!—кричалъ онъ:—такой человѣкъ! Географіи не знаетъ, ариѳметики не знаетъ, а кровь хоть кому угодно пуститъ! Самородокъ!

«— Поди, онъ, чай, и въ Стамбулъ-то доѣхать не сумѣетъ!—усомнился я.

Digitized by Google

«— Не сумѣетъ—это вѣрно!

«Задумались. Стали прикидывать, сколько у насъ самородковъ въ нѣдрахъ земли скрывается: наукъ не знаютъ, а кровь пустить могутъ!

«— Одна бѣда—какими способами его въ Стамбулъ водворить! Флотовъ нѣтъ, денегъ нѣтъ! — восклицалъ К***.

«— Чудакъ ты, братецъ, самъ же сейчасъ говорилъ, что флотовъ нѣтъ—передъ флотами!

«— Кто говорилъ, что флотовъ нѣтъ? Я, что ли, говорилъ, что флотовъ нѣтъ! Никогда! Я говорилъ...

«Выпили еще здравицу и послали Палацкому телеграмму въ Прагу. Заснули.

«Въ 12 ночи проснулись.

«— Я,—говоритъ К***:—удивительнѣйшій сонъ видѣлъ!

«И разсказалъ мнѣ, что во снѣ ему представилось, будто бы Толстолобовъ ужъ водворенъ въ Стамбулѣ и пускаетъ «больному человѣку» кровь.

«— И такъ, братецъ, онъ ловко...

«Но я, будучи трезвъ, отвѣтилъ на это:

«— Не всегда сны сбываются, другъ мой! Вотъ ты вчера видѣлъ во снѣ, что въ гостяхъ у меня обѣдаешь, а между тѣмъ кто изъ насъ у кого въ гостяхъ отобѣдалъ? По сему можешь судить и о прочемъ.

«Сказавши это, я вышелъ изъ трактира; онъ же остался въ трактирѣ, дабы на досугѣ обдумать истину, скрывавшуюся въ словахъ моихъ.

«Имѣяй уши слышати—да слышитъ!»

«Какъ мы везли Ямуцки принцъ Иззединъ-Музаферъ-Мирза въ Россію». Писалъ съ натуры принцовъ воспитатель Хабибулла Науматулловичъ, бывшій служитель въ атель Бельвю (въ С.-Питимбурхи, на Невскимъ, противъ кіятра. Съ двухъ до семи обѣды по 1 р. и по 2 р. и по картѣ. Ужины. Завтраки) *). Изданіе Общества покровительства животнымъ.

«Въ пятницу, на масленой, только-что успѣли мы отслужить господамъ, прибѣжалъ въ нашъ атель Ахметка и говоритъ: — Хабибулла! можешь учить принца разумъ?— Я говорю: могу.—Айда, говоритъ, въ Касимовъ, бери плакатъ и ѣзжай въ Ямудію!

---

*) Какой странный воспитатель для молодого іомудскаго принца!— можетъ замѣтить читатель. Совершенно согласенъ съ справедливостью этого замѣчанія, но измѣнить ничего не могу.—*Авт.*

Digitized by Google

«Ѣзжалъ Касимовъ, биралъ плакатъ—айда въ Ямудію!

«Ѣзжалъ тамошній сталица. Чудной городъ, весь изъ песку. Сичасъ къ прынцу.

«— Иззединъ-Музаферъ-Мирза!—говорю:—хозяинъ атель Бельвю (на самымъ Невскимъ, противъ кіятра, обѣды по 1 р. и 2 р. и по картѣ; ужины, завтраки) прислалъ мине тибе разумъ учить—айда въ Питембурхъ!

«— Какой такой Питембурхъ?—говоритъ.

«Смѣшно мнѣ стало.

«— Балшой ты ишакъ выросъ, а Питембурхъ не знаешь!

«Согласился.

«— Айда,—говоритъ:—тольки учи мине разумъ, Хабибулла! пожалста учи!

«Стали сбираться. Чимоданъ — нѣтъ; сакваяжъ — нѣтъ! Бида!

«— Есть ли,—говорю:—по крайности, орденъ у тебя? Наши господа ордена любятъ.

«— Есть,—говоритъ:—орденъ ишакъ. Самъ дѣлалъ.

«— Бери больше,—говорю.

«Ѣхали-ѣхали; плыли-плыли. Страсть!

«Пескамъ ѣхали, полямъ ѣхали, лѣсамъ, горамъ ѣхали. Морямъ плыли, заливамъ-праливамъ плыли, рѣкамъ плыли, озерамъ не плыли...

«Одначе, пріѣхали.

«— Какой такой страна?—спрашивалъ прынцъ.

«— Балшой ты ишакъ выросъ, а такой дурацкой вещь спрашиваешь. Не страна, а Рассея, говорю.

«— Учи мине разумъ, Хабибулла! пажалста учи!

«Ѣзжали одинъ городъ—одинъ помпадуръ стричалъ.

«— Какой такой человѣкъ?—говоритъ прынцъ.

«— Помпадуръ,—говоритъ.

«— Бери орденъ ишакъ и термалама на халатъ!

«Ишакъ биралъ, термалама биралъ, плечомъ цѣловалъ, ружьемъ стрѣлилъ... бида!..

«Другой городъ ѣзжали—другой помпадуръ стричалъ.

«— Бери орденъ ишакъ и термалама на халатъ!

«Ишакъ биралъ, термалама биралъ, плечомъ цѣловалъ, ружьемъ стрѣлилъ!

«Сто верстъ ѣзжали, тысячу верстъ ѣзжали—вездѣ помпадуръ стричали. Народъ нѣтъ, помпадуръ есть.

«— Хорошо здѣсь,—говоритъ прынцъ:—народъ не видать, помпадуръ видать—чисто!

«Въ Маршанскъ на машини ѣзжали — машина какъ

Digitized by Google

свиснетъ! Страсть! Забоялси нашъ Иззединъ-Музаферъ-Мирза, за животъ взялси.

«— Умрешь здѣсь,—говорилъ:—айда домой, въ Ямудію!

«Досадно мнѣ, ай-ай, какъ досадно стало!

«— Балшой,—говорю:—ты ишакъ выросъ, а до мѣста потерпѣть не можешь!

«Слышать не хочетъ—шабашъ!

«— Айда домой! Риформа дома дѣлать хочу!

«Одну только станцію на машини ѣзжали—айда назадъ въ Ямудію!

«Ѣхали-ѣхали; плыли-плыли.

«Одинъ городъ ѣзжали — одинъ помпадуръ стричалъ; другой городъ ѣзжали—другой помпадуръ стричалъ.

«Ишакъ давалъ, термалама не давалъ. Жалко стало.

«— Ай-ай, хорошо здѣсь!—говорилъ прынцъ:—народъ нѣтъ, помпадуръ есть—чисто! Айда домой риформа дѣлать.

«Домой ѣзжалъ, риформа начиналъ.

«Народъ гонялъ, помпадуръ сажалъ, риформа кончалъ».

1873 г.

Digitized by Google

САТИРЫ ВЪ ПРОЗѢ.

Digitized by Google

Digitized by Google

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Еще не такъ давно (а можетъ-быть даже и совсѣмъ «недавно») мы не только со снисходительностью, но даже съ крайнимъ равнодушіемъ взирали на гражданскія и нравственныя убѣжденія людей, съ которыми намъ приходилось идти бокъ-о-бокъ въ обществѣ. Намъ сдавалось, что убѣжденія составляютъ нѣчто постороннее, сложившееся силою внѣшнихъ обстоятельствъ, силою фатализма, и отнюдь не причастное личной жизненной работѣ каждаго изъ насъ. Совѣсть наша затруднялась мало, смущалась еще менѣе. Если требовалось опредѣлить признаки извѣстнаго явленія, сдѣлать оцѣнку извѣстнаго поступка, мы, безъ излишнихъ хлопотъ, посылали эту покладистую совѣсть въ тотъ темный архивъ, въ которомъ хранилась попорченная крысами и побитая молью мудрость вѣковъ, и безъ труда отыскивали на пожелтѣвшихъ столбцахъ ея все, что было нужно для удовлетворенія неприхотливыхъ нашихъ потребъ.

Тамъ, въ этомъ мрачномъ хранилищѣ нашихъ жизненныхъ воззрѣній, лежали всегда готовыя къ нашимъ услугамъ связки старыхъ дѣлъ, надписи на которыхъ гласили: убѣжденія дворянскія, убѣжденія мѣщанскія, убѣжденія холопскія. Кодексъ мудрости, общежитія и приличій, кодексъ условной нравственности, условной истины и условной справедливости былъ весь тутъ налицо: стоило только заглянуть въ него, и мы навѣрное знали, какъ слѣдуетъ поступить намъ въ данномъ случаѣ, какъ слѣдуетъ вести себя вообще. Такимъ образомъ, мы узнавали, что дворянину не полагалось приличнымъ заниматься торговлею, промыслами, сморкаться безъ помощи платка и т. п., и не полагалось неприличнымъ поставить на карту цѣлую деревню и промѣ-

Digitized by Google

нять дѣвку Аришку на борзого щенка; что крестьянину полагалось неприличнымъ брить бороду, пить чай и ходить въ сапогахъ, и не полагалось неприличнымъ пропонтировать сотню верстъ пѣшкомъ съ письмомъ отъ Матрены Ивановны къ Авдотьѣ Васильевнѣ, въ которомъ Матрена Ивановна усерднѣйше поздравляетъ свою пріятельницу съ днемъ ангела и извѣщаетъ, что, слава Богу, здорова.

Въ эти недавнія счастливыя времена мы знакомились другъ съ другомъ, заводили дружескія связи, женились и посягали по соображеніямъ, совершенно не имѣющимъ никакого дѣла до убѣжденій. То-есть, коли хотите, они и были, эти убѣжденія, но то были убѣжденія затылка, убѣжденія брюшной полости, но отнюдь не убѣжденія мысли. Тотъ, напримѣръ, кто пилъ водку зорную и закусывалъ маринованнымъ грибкомъ, тотъ улыбался и подмигивалъ, и вообще чувствовалъ себя особенно радостно лишь при видѣ человѣка, который тоже предпочитаетъ зорную всякимъ другимъ настойкамъ и тоже закусываетъ грибкомъ. Между этими двумя индивидуумами была живая связь, существовала возможность обмѣна мыслей и чувствъ. Тотъ, кто игралъ въ ералашъ по три копейки, подыскивалъ себѣ въ общество такихъ именно людей, которые также играли въ ералашъ и также по три копейки, и на приверженцевъ преферанса смотрѣлъ хотя и не непріязненно, но и безъ сердечнаго участія. И всѣ убѣжденія заключались тутъ въ томъ, что одинъ игралъ рискованно, другой подсидисто, одинъ отъ туза-короля самъ-шесть начиналъ ходить съ маленькой, другой же прямо лупилъ съ туза и короля.

Даже въ томъ безвѣстномъ, но крѣпко сплоченномъ духовными узами меньшинствѣ людей мыслящихъ, на которомъ съ любовью отдыхаетъ взоръ изслѣдователя явленій нашей общественной жизни, въ тѣхъ немногочисленныхъ кружкахъ, которые въ самыя безотрадныя эпохи исторіи, несмотря на существующую окрестъ слякоть и темень, все-таки прорываются тамъ и сямъ, какъ зеленѣющіе оазисы будущаго на песчаномъ фонѣ картины настоящаго, въ тѣхъ кружкахъ, гдѣ необходимость нравственнаго убѣжденія, какъ внутренняго смысла всей жизни, признается за безспорную истину, гдѣ члены относятся другъ къ другу, съ точки зрѣнія убѣжденій, съ крайнею строгостью и взыскательностью—даже тамъ существовала какая-то патріархальная снисходительность въ сужденіяхъ о лицахъ, стоящихъ внѣ жизни и условій кружка и пользующихся какимъ-

Digitized by Google

нибудь значеніемъ на поприщѣ общественной дѣятельности.

Говоря о NN, мы не давали себѣ труда изслѣдовать, какого разряда принципъ вноситъ въ общество дѣятельность этого человѣка, но справлялись единственно о томъ, добрый ли онъ малый, или злецъ. И если онъ оказывался добрымъ, то мы приходили въ восторгъ; а если еще при этомъ онъ пускалъ намъ въ носъ фразу, въ родѣ того, что «нельзя, господа, не сочувствовать тому честному направленію, которое характеризуетъ дѣятельность нынѣшняго молодого поколѣнія», то мы готовы были вылизать его всего, отъ головы до пятокъ.

Слѣдствіемъ такой патріархальной простоты нравовъ было то, что многіе люди, очень нелѣпые, пошли чуть не за геніевъ, многія рѣчи, очень глупыя, стали чуть не на ряду съ изреченіями мудрости. Попробовалъ бы кто-нибудь изъ «нашихъ» отпустить такую штуку, что «нельзя, дескать, не сочувствовать» и т. д.—всякій изъ здѣ-сидящихъ зажалъ бы ему уста, сказавши: «охота вамъ, почтеннѣйшій другъ, предаваться такому дремучему празднословію!»—но такъ какъ этимъ празднословіемъ занялся NN, существо, съ трудомъ выговаривающее папа и мама, то въ его устахъ самый позывъ къ празднословію, болѣе или менѣе не изукрашенному обычными ингредіентами нашего древняго краснорѣчія, уже казался поступкомъ, который мы спѣшили запечатлѣть въ нашихъ благодарныхъ умахъ, гдѣ мы тщательно собирали лепестки для будущихъ вѣнковъ героямъ нашихъ сердечныхъ вожделѣній.

И мы, члены этого строгаго и взыскательнаго, члены этого поистинѣ нравственнаго меньшинства, до такой степени искренно восторгались убогими нашими героями, что потребность лизаться упорно засѣла въ насъ даже по сю пору, когда, повидимому, нѣтъ уже и побудительныхъ причинъ ни для лизанія, ни для телячьихъ восторговъ.

Ошибка горькая и обильная послѣдствіями самаго тлетворнаго свойства, ибо она отнимала у нашихъ убѣжденій ту безповоротную крѣпость и силу, безъ которой немыслимо никакое дѣятельное вліяніе на общество, ибо она была причиной безчисленныхъ стачекъ съ неправдою, безобразіемъ ходячей общественной нравственности, ибо она успокаивала насъ въ той пассивной роли наблюдателей-сводниковъ, которую мы сами себѣ навязали.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ошибка и не необъяснимая. Въ

Digitized by Google

самомъ дѣлѣ, къ чему прилѣпиться, какъ распознать истину отъ лжи, при существованіи всеобщей, почти эпидемической путаницы понятій и представленій? И какъ не примкнуть, напримѣръ, къ NN, который, по крайней мѣрѣ, умѣетъ конфузиться и краснѣть, тогда какъ рядомъ съ нимъ какой-нибудь ММ нахально несетъ свою плоскодонную морду, безнаказанно ставя ее поперекъ всему благородно мыслящему? Мысль человѣческая съ трудомъ выноситъ одиночество, а чувство и вовсе не терпитъ его. Это свойство человѣческой природы, эта общительность человѣка сообщаютъ нѣчто роковое всей его дѣятельности, вынуждая его, независимо отъ него самого, признавать за добро то, что въ сущности представляетъ собой лишь меньшую сумму зла. Сквозникъ-Дмухановскій не только во снѣ, но и наяву видѣлъ кругомъ себя только свиныя рыла: что мудренаго, что онъ и Хлестакова призналъ за человѣка? Наши публицисты такъ долго видѣли то же самое, что видѣлъ и вышеупомянутый градоначальникъ: что мудренаго, что въ настоящее время они съ остервенѣніемъ приглашаютъ сограждан лобзать даже въ такихъ случаяхъ, когда, по совѣсти, слѣдовало бы приглашать ихъ плевать?

Скажутъ, быть-можетъ: «зачѣмъ же члены этого добродѣтельнаго, этого взыскательнаго меньшинства не поищутъ образцовъ гражданской доблести среди самихъ себя, зачѣмъ они вторгаются въ ту сферу, гдѣ властвуютъ свиныя рыла?» Отвѣтъ на это простой; затѣмъ, что мысль человѣческая никакъ не можетъ признать кружка за міръ. Какъ бы ни были для насъ милы и симпатичны люди кружка, какъ бы хорошо ни чувствовали мы себя среди нихъ, все-таки мы не можемъ совершенно обрѣзать тѣ нити, которыя привязываютъ насъ къ міру, все-таки мы сознаемъ, что дѣло, настоящее дѣло—не въ кружкѣ, а внѣ его, и именно въ той темной области, въ которой живутъ и дѣйствуютъ Сквозники-Дмухановскіе.

Но въ особенности мудрено было не ошибиться въ выборѣ героевъ въ послѣднее время. Россіяне такъ изолгались въ какія-нибудь пять лѣтъ времени, что рѣшительно ничего нельзя понять въ этой всеобщей хлестаковщинѣ. Въ публичныхъ мѣстахъ нѣтъ отбоя отъ либераловъ всевозможныхъ шерстей, и только слишкомъ чуткое и привычное ухо, за шумихою пустозвонныхъ фразъ, можетъ подмѣтить старинную заскоруздость возврѣній и какое-то лукавое, чуть сдерживаемое пріурочиваніе вопросовъ общихъ, историче-

Digitized by Google

скихъ къ пошленькимъ интересамъ скотнаго двора своей собственной жизни.

Ѣдете ли вы, напримѣръ, по желѣзной дорогѣ—присмотритесь, сдѣлайте милость, къ тому, что̀ кругомъ васъ дѣлается, прислушайтесь къ тому, что̀ говорится въ вагонахъ. И рѣчи, и морды—все, кажется, протестуетъ! И протестуетъ въ какомъ-то плюхо-просящемъ, минорномъ тонѣ, какъ будто такъ и суетъ всѣмъ и каждому и въ носъ, и въ ротъ, и въ глаза, что я, дескать, самъ по себѣ ничего, я червь, я слякоть, я клопъ постельный, а вотъ отечество-то за что̀ страдаетъ!

Вы входите въ вагонъ и садитесь на избранное вами мѣсто; передъ вами располагается почтенный старецъ, украшенный усами и словно чувствующій себя неловко въ новомъ партикулярномъ платьѣ, которое на немъ надѣто. Идетъ общая суматоха, всегда сопряженная съ первоначальнымъ прилаживаніемъ и усаживаніемъ; какая-то дама, вся блѣдная и разстроенная, чуть-чуть не каждому пассажиру готова пожаловаться, что ея Grégoire опять-таки потерялъ свой mouchoir de poche; какой-то господинъ съ крестомъ на шеѣ застѣнчиво увѣряетъ своего знакомаго, что онъ вообще орденовъ не носитъ, но въ дорогу всегда надѣваетъ крестъ, потому что у насъ безъ этого нельзя. Проходятъ еще нѣсколько почтенныхъ старцевъ, также съ усами и также въ новыхъ партикулярныхъ платьяхъ.

— Какъ, и вы тоже!—восклицаетъ вашъ сосѣдъ, ловя за руку одного изъ проходящихъ усачей.

— На травяное продовольствіе!—отвѣчаетъ проходящій и, уныло усмѣхнувшись, отправляется далѣе.

Но вотъ поѣздъ трогается. Быстро пролетаетъ передъ глазами пассажировъ всякая чушь и гиль: паршивые лѣсочки, чахлые лужочки, чуть дышащіе ручеечки. Сосѣда вашего замѣтно начинаетъ коробить.

— Ну, посмотрите, что-жъ это за пейзажъ такой!—обращается онъ къ вамъ съ какимъ-то желчнымъ озлобленіемъ.

Вслушайтесь въ его голосъ, и вы безъ труда поймете, что въ этомъ голосѣ есть трещина, и что въ этой трещинѣ засѣла кровная обида.

— Ну, на кой чортъ поѣздъ стоитъ здѣсь десять минутъ!—ораторствуетъ усачъ на одной изъ промежуточныхъ станцій.—За границей на обѣдъ только пять минутъ даютъ. Нѣтъ, видно, далеко еще намъ до нихъ!

И вплоть до самыхъ Ушаковъ не умолкаютъ бунтовскія

Digitized by Google

рѣчи усатаго сосѣда, и только великолѣпная вилла либеральнаго fermier Василія Александрыча Кокорева на минуту смягчитъ его непреклонное сердце и заставитъ раздвинуться густо разросшіяся его брови.

Для васъ этотъ усачъ—явленіе совершенно новое. Обращаясь къ воспоминаніямъ прожитыхъ лѣтъ, вы отыскиваете въ нихъ образцы усачей совершенно особаго рода, усачей съ клубами пѣны у рта, усачей не внимающихъ и не разсуждающихъ, усачей, снабженныхъ волчьей пастью и употребляющихъ лисій хвостъ лишь въ виду матеріальной, грубой силы, которая одна имѣла привилегію смирять ихъ бѣшенство. И вотъ сердце ваше начинаетъ мало-по-малу мякнуть и расползаться; вы съ любопытствомъ и даже съ пріятнымъ изумленіемъ прислушиваетесь къ бунтовскимъ рѣчамъ сосѣда, и находите, что онѣ... тово... такъ себѣ... ничего! Вы не замѣчаете ихъ нелѣпости и пустоты, вы оставляете безъ изслѣдованія даже ту трещину въ голосѣ, о которой говорено выше: до того васъ поражаетъ новость положенія и неожиданность встрѣчи съ старцемъ, который чѣмъ-то недоволенъ, который почему-то ругается, но ругается безъ прежнихъ раскатистыхъ переливовъ, въ которыхъ такъ и слышалось нахальство и сознаніе ничѣмъ не сокрушимой силы.

«Эге,—думаете вы:—вотъ оно что! Вотъ даже въ какія каменоломни пустили свои корни либеральныя тенденціи вѣка!»

И вслѣдствіе этого разсужденія начинаете смотрѣть на вашего сосѣда если не съ любовью, то непремѣнно съ отеческою снисходительностью. Смѣю, однакожъ, увѣрить васъ, что вы горько ошибаетесь, и что каменоломни все-таки остаются каменоломнями, несмотря ни на какія тенденціи вѣка.

Представьте себѣ, что въ то самое время, какъ вы услаждаете слухъ либеральными рѣчами сосѣда, въ вагонѣ, сверхъ чаянія, отыскивается такой шутникъ, прозорливый знатокъ надтреснутыхъ голосовъ и сердецъ человѣческихъ, который находитъ для себя забавнымъ высвистать мнимаго либерала. Вотъ онъ полегоньку подкрадывается къ нему, вотъ онъ шепчетъ ему на ухо:

— А знаете ли, Иванъ Антонычъ, сейчасъ получено извѣстіе, что князь Петръ Мартынычъ предлагаетъ вамъ занять мѣсто начальника таможеннаго округа?

Господи! какимъ пиковымъ валетомъ вывертывается

Digitized by Google

вдругъ. Иванъ Антонычъ изъ своего либерализма! Какія муравы, какіе водопады внезапно начинаютъ вертѣться въ глазахъ его! И не придетъ ему даже въ голову, что полученное извѣстіе — пуфъ, что въ вагонѣ, и въ особенности «сейчасъ», невозможно было даже получить его!

— Вотъ и насъ, стариковъ, вспомнили! Вотъ и насъ, старыхъ слугъ, не забыли! — восклицаетъ онъ съ какимъ-то дѣтскимъ смѣхомъ, внезапно переходя изъ либерализма ругательнаго въ либерализмъ хвалительный.

Положительно завѣряю васъ, что если бы былъ просторъ и поднесъ ему Василій Александрычъ рюмочку, онъ охотно пустился бы въ-присядку.

А въ другомъ углу вагона завязывается, между тѣмъ, иного сорта либеральный разговоръ. Женоподобный, укутанный плэдами господинъ, какъ дважды два четыре, доказываетъ сидящему съ нимъ рядомъ путешественнику-французу, что мы отупѣли, и что причину этого отупѣнія слѣдуетъ искать въ непомѣрномъ преобладаніи бюрократіи и въ несносной страсти къ регламентаціи.

— Vous croyez donc que si l'on donnait plus d'essort à la libre initiative des poméschiks?..—спрашиваетъ французъ, который желаетъ показать, что онъ отлично-хорошо умѣетъ все понимать à demimots.

— Voilà!—отвѣчаетъ женоподобный господинъ.

— Monsieur est donc pour le système du selfgovernment?—продолжаетъ французъ.

— Voilà!—отвѣчаетъ женоподобный господинъ и горделиво оглядываетъ нищихъ духомъ, сидящихъ въ отдѣленіи вагона.

А нищіе духомъ разѣваютъ рты отъ умиленія и начинаютъ подозрѣвать, что между ними сидитъ, по малой мѣрѣ, самъ знаменитый публицистъ и защитникъ свободы Ржевскій, путешествующій инкогнито въ скромномъ образѣ господина Юматова (Юпитеръ въ образѣ лебедя).

Вы, конечно, не раздѣляете мнѣнія нищихъ духомъ; быть-можетъ, вы даже находите, что идея о помѣщичьемъ selfgovernment вовсе не такъ смѣла и нова, какъ кажется съ перваго взгляда, ибо она достаточно проявила свои достоинства въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій. Но благодушіе, при пособіи сравнительнаго метода и нѣкоторыхъ историческихъ воспоминаній, опять-таки беретъ верхъ надъ всѣми соображеніями. Вы не слыхали до сихъ поръ, чтобъ слово «selfgovernment» произносилось гдѣ-нибудь внѣ ва-

Digitized by Google

шего кружка, и вдругъ оно произносится громогласно — и гдѣ же?—въ вагонѣ! и кѣмъ же?—какимъ-то золотушнымъ отпрыскомъ нашихъ древнихъ псарей-богатырей! Вы готовы вообразить себя въ Икаріи, гдѣ безпечально ходятъ нагіе люди и непринужденно выбрасываютъ изъ себя всякій вздоръ, который взбредетъ имъ въ голову; вы отнюдь не хотите вѣрить, что находитесь въ любезномъ отечествѣ, гдѣ ходятъ все люди одѣтые, и гдѣ законами общежитія дозволяется изрекать только умныя рѣчи. Васъ это трогаетъ; въ порывѣ умиленія, вы не замѣчаете, что, въ сущности, васъ поражаетъ здѣсь не дѣло, а только звукъ; что точно такъ же смякло бы ваше сердце, если бы кто-нибудь изъ этихъ постороннихъ для васъ людей вдругъ произнесъ имя родной Заманиловки, гдѣ протекло ваше безмятежное дѣтство, и напомнилъ вамъ старую няню Іоновну, тѣшившую васъ сказочками про бабу-ягу костяную-ногу, про козляточекъ-маляточекъ... Что за славная, что за благодатная картина встала бы вдругъ въ душѣ вашей! Какимъ тепломъ, какою яркостью лучей и красокъ охватило бы все ваше существо! И съ какою любовью взглянули бы вы на этого незнакомца, который, самъ того не вѣдая, ударилъ по самой чувствительной струнѣ вашего сердца, который заставилъ васъ еще и еще разъ произнести: «о, моя юность! о, моя свѣжесть!»

Милостивый государь! слово, столь глубоко васъ тронувшее, имѣетъ въ настоящемъ случаѣ именно то самое значеніе, какое имѣло бы нечаянное упоминовеніе родной Заманиловки. Вся разница заключается только въ томъ, что чувствительность, проявляемая по поводу Заманиловки, весьма невинна и ни къ чему не обязываетъ, а чувствительность, проявляемая по поводу произнесеннаго въ упоръ хвастливаго словечка, весьма не похвальна, ибо, кромѣ неопрятности, производимой глазами и носомъ, ведетъ къ затменію и страшной путаницѣ.

Я знаю, вы утѣшаете себя мыслью, что еще немножко, еще одну капельку—и золотушный юноша самъ собой станетъ на ту прямую дорогу, которая такъ складно рисуется въ вашемъ воображеніи. Анъ, нѣтъ, онъ гораздо дальше отъ этой прямой дороги, нежели его предки, псари-богатыри. Тѣ просто ломили себѣ впередъ, какъ ломитъ впередъ Михайло Иванычъ Топтыгинъ, пролагая пути сообщенія сквозь чащу лѣсную; а золотушный юноша впередъ не ломитъ, столѣтнихъ сосенъ не валитъ, а злобствуетъ ти-

Digitized by Google

химъ манеромъ, какъ прилично человѣку благовоспитанному, то-есть показывая кукишъ въ карманѣ. Тѣхъ можно было попросту гнуть въ бараній рогъ; тѣхъ можно было взять за плечи и поставить на прямую дорогу, если они добровольно на нее не становились; а съ золотушнымъ юношей такъ поступить нельзя. Онъ ужъ понахватался кой-чего; онъ уже развратилъ свою мысль десяткомъ-двумя забористаго свойства словечекъ; онъ уже покрылся извѣстнаго рода слизью, по милости которой схватить его безъ перчатокъ—дѣло весьма затруднительное и щекотливое.

Нѣтъ, вы поразмыслите хорошенько да подивитесь природѣ-матери, которая допускаетъ, что въ одной и той же головѣ помѣщаются рядомъ такія понятія, какъ selfgovernment и la libre initiative des poméschiks!

Но вотъ и въ третьемъ углу засѣли либералы, и въ третьемъ углу ведется живая и многознаменательная бесѣда.

— А что вы скажете о нашей дорогой новорожденной? Вѣдь просто, батюшка, сердце не нарадуется! — говоритъ очень чистенькій съ виду, весьма похожій на мышинаго жеребчика старичокъ, бойко поглядывая по сторонамъ и какъ бы заявляя всѣмъ и каждому: «не смотрите, дескать, что наружность у насъ тихонькая, и мы тоже не прочь войти въ задоръ... Какъ-же-съ!»

Вы знаете, что на языкѣ нашихъ мышиныхъ жеребчиковъ подъ именемъ «дорогой новорожденной» слѣдуетъ разумѣть гласность, и что гласность въ настоящее время составляетъ ту милую болячку сердца, о которой всѣ говорятъ дрожащими отъ радостнаго волненія голосами, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно перекосивши рыло въ сторону.

— Удивительно! — отвѣчаетъ другой такой же бодренькій, румяненькій старичокъ. — Мы вчера читаемъ съ Петромъ Иванычемъ да только глаза себѣ протираемъ!

— А помните ли, прежде-то! Получишь, бывало, книжку-журналъ: либо тебѣ «трюфель» подносятъ, либо «Двумя словами о происхожденіи славянъ» потчуютъ... Просто, можно сказать, засоряющая зрѣніе литература была!

— Недавно я, Степанъ Сергѣичъ, статью господина Юматова въ одной газетѣ прочиталъ—просто такъ-таки и говоритъ: облагородить, говоритъ, все это нужно, джентри англійскую завести нужно; силу, говоритъ, силу намъ дайте, да гордости маленько прибавьте, а мы ужъ проберемъ сзади проборъ любезному отечеству!

— Неужто такъ и написано?

Digitized by Google

— Именно такъ, Степанъ Сергѣичъ! И даже какъ бы вы думали, даже не въ Петербургѣ и не въ Москвѣ писано, а такъ въ какомъ-то Сердобскѣ — уму непостижимо!

— Изъ рыбарей...

— Именно изъ рыбарей-съ! И что же-съ, книжки тоже почитываютъ... Гнейста тамъ... Такъ-таки прямо и говоритъ: я, говоритъ, Гнейста читалъ; жаль, говоритъ, что не всѣ его прочитали...

— Н-да; а вѣдь главное что̀ утѣшительно, Ѳедоръ Алексѣичъ, это то, что вѣдь всякую штуку на свой манеръ обрабатываютъ!

— Да ужъ насчетъ чего другого, а насчетъ смѣтки это именно, что противъ русскаго другому не выйти. Возьмемъ, напримѣръ, хоть простого плотника...

Начинаются разсказы о плотникахъ, строящихъ самоучкой великолѣпные дворцы, перекидывающихъ по глазомѣру диковинные мосты и проч. Извѣстно, что анекдоты подобнаго рода еще въ великомъ ходу въ обширной Россійской имперіи, и что они составляютъ тотъ незыблемый фундаментъ, на которомъ мышиные жеребчики созидаютъ славу и надежды Россіи.

— Утѣшительно это, Ѳедоръ Алексѣичъ, какъ себѣ хотите, а утѣшительно это!

— Какъ же-съ, какъ же-съ! Вотъ и господинъ Юматовъ — Гнейстъ-то Гнейстомъ, однако и объ совѣтникахъ губернскихъ правленій упомянулъ: это, говоритъ, не джентри, потому что безъ сапогъ къ намъ приходятъ, а вотъ предводители и засѣдатели — тѣ джентри, потому что въ сапогахъ ходятъ, хоть и нѣтъ у нихъ ни силы, ни гордости...

— Смекалка, значитъ, есть: про чужое читаемъ, а свое тоже примѣчаемъ!

«Добрые люди! — разсуждаете вы мысленно: — и до вашихъ мозговъ коснулся лучъ свѣта! и ваши сердца растворились жаждою гласности! Хоть уморительно, хоть черезъ пень колоду, а все же вы разсуждаете, все же въ головахъ вашихъ копошится какое-то вожделѣніе! Да, и это ужъ шагъ впередъ!» Но, въ сущности, этого шага впередъ нѣтъ, и вы очень неосновательно думаете, что въ старыхъ, мѣстами продырявленныхъ мѣхахъ можетъ заключаться новое вино. Я думаю даже, что добродѣтельное ваше разсужденіе, безъ ущерба для истины, можетъ быть замѣнено слѣдующимъ: «глупые люди! и до вашихъ моз-

Digitized by Google

говъ коснулась эпидемія болтовни! и вы получили способность извергать изъ себя цѣлые потоки словъ, лишившихся, по милости вашей, смысла и значенія!» и проч., и проч. На мой взглядъ, вы были бы правы. Подумайте, что̀ такое, въ самомъ дѣлѣ, эти люди, на которыхъ вы взираете съ такою отеческою заботливостью! Вѣдь это тѣ самые, которые еще вчера хихикали и радовались, видя, какъ красноръцкій буй-туръ Рыковъ трескаетъ по зубамъ благоговѣйно взирающихъ на него обывателей («строгонекъ, но часть свою въ порядкѣ держитъ!» говорили они); это тѣ самые, которые еще вчера съ умиленіемъ и неизреченною душевною сладостью бесѣдовали о томъ, какъ извѣстный магикъ и чревовѣщатель Ударъ-Ерыгинъ услѣдилъ что-то такое, грозящее общественному спокойствію (то самое, что̀ они теперь такъ сладостно привѣтствуютъ подъ именемъ давно желаннаго новорожденнаго), какъ онъ все это искусно накрылъ, раздулъ по мѣрѣ силъ своихъ и преподнесъ кому слѣдуетъ; вѣдь это тѣ самые, которые и завтра будутъ кланяться какому угодно тельцу, и даже не изъ выгодъ, а только потому, что «не нами заведено, не нами и кончится». Вѣдь это не люди, а дрянные людишки, у которыхъ можно позаимствоваться огнемъ для сигары, но въ смыслъ рѣчей которыхъ вслушиваться не только безполезно, но даже вредно, по той простой причинѣ, что занятіе подобнаго рода вливаетъ въ существованіе человѣка отраву праздности и чревоугодничества.

Я предполагаю, что весь этотъ умственный маскарадъ, вся эта путаница понятій и представленій происходитъ отъ того, что мы вступаемъ, такъ сказать, въ эпоху конфуза. Я не могу сообщить положительныхъ свѣдѣній насчетъ того, какимъ образомъ и откуда занесено къ намъ это новое въ русской жизни явленіе. Извѣстно, что мы прежде не только совсѣмъ никогда не конфузились, но, напротивъ того, съ самою любезною откровенностью приступали ко всякаго рода задачамъ. Знаменитая русская поговорка: «тяпъ да ляпъ—и карабь» столь долго служила основаніемъ нашей общественной и политической дѣятельности, что нынѣшній конфузъ составляетъ явленіе несомнѣнно новое и невольно обращающее на себя вниманіе. Вотъ все, что можно сказать положительнаго насчетъ происхожденія конфуза; затѣмъ, что касается до деталей, то, несмотря на всю новость этого явленія, несмотря на то, что оно пришло къ намъ. такъ сказать, на нашихъ

Digitized by Google

же глазахъ, исторія его, благодаря запутанности сопровождавшихъ ее обстоятельствъ, уже представляется весьма темною. Мнѣ, напримѣръ, всегда казалось, что истиннымъ насадителемъ конфуза былъ почтенный нашъ писатель И. С. Тургеневъ, который еще въ сороковыхъ годахъ предрекалъ его господство своими Рудиными и Гамлетами Щигровскаго уѣзда, но, съ другой стороны, нѣкоторые достойные полнаго вѣроятія помѣщики положительно и даже подъ оболочкою тайны (извѣстно, что секретныя свѣдѣнія всегда вѣрнѣе несекретныхъ) удостовѣряютъ, что первый бросившій сѣмена стыдливости въ сердца россіянъ, былъ императоръ французовъ, Людовикъ-Наполеонъ. Предоставляю читателю разсудить между этими двумя мнѣніями; я же нахожу для себя удобнѣйшимъ обратиться къ самому явленію. Откуда бы ни происходилъ нашъ конфузъ, но несомнѣнно, что мы сконфузились и оплошали почти поголовно. Конфузъ проникъ всюду: конфузъ въ сердцахъ помѣщиковъ, конфузъ въ соображеніяхъ почтеннаго купечества, конфузъ въ литературѣ и журналистикѣ, конфузъ въ умахъ администраторовъ. Послѣдніе сконфузились сугубо—и за себя, и за другихъ. Они почему-то сообразили, что все бремя эпохи конфуза лежитъ на ихъ плечахъ, и что слѣдовательно имъ предстоитъ учетверить свою собственную конфузливость, дабы укрѣпить корни этого невиданнаго у насъ растенія въ сердцахъ прочихъ человѣковъ. Зубатовъ видимо оторопѣлъ. Ударъ-Ерыгинъ, какъ муха, наѣвшаяся отравы, сонно перебираетъ крыльями. Оба видятъ, что на смѣну имъ готовится генералъ Конфузовъ, и оба изъ кожи лѣзутъ, чтобъ предъявить кому слѣдуетъ, что они и сами способны сконфузиться настолько, насколько начальство прикажетъ.

Величественный Зубатовъ! Ты, который до сихъ поръ представлялъ собой римлянина Катона, расхаживающаго въ вицмундирѣ по каменистому полю глуповской администраціи! Ты, который все подчищалъ и подмывалъ, въ твердомъ упованіи, что смоешь, наконецъ, самую жизнь и будешь себѣ гулять одинъ-одинёшенекъ по травкѣ-муравкѣ, среди животныхъ и птицъ домашнихъ! Что съ тобой сдѣлалось? Куда дѣвался твой «delenda Carthago», переведенный по-русски: «въ бараній рогъ согну»?

Боже! и онъ застыдился, и вслѣдствіе того помолодѣлъ и помилѣлъ! Все подпрыгиваетъ, все «хи-хи-хи» да «ха-ха-ха», не то что прежде: «го-го-го» да «ге-ге-ге»! Все

Digitized by Google

провиниться боится, все циркуляры пишетъ: «бери, дескать, примѣръ съ меня, съ меня, ангела кротости! взятокъ ни-ни! въ зубы ниже-ни! а съ откупщикомъ амуриться—сохрани тебя Боже!» О крутыхъ мѣрахъ исполнительности и думать забылъ. Когда ему докладываютъ, что такой-то исправникъ не соскочилъ съ колокольни, не утонулъ въ стаканѣ воды, не пролѣзъ сквозь ушко иглиное, онъ не ржетъ какъ озаренный: «подъ судъ, подъ судъ его!»—а кротко замѣчаетъ: «ахъ, любезный! надо еще справиться: можетъ-быть, у него свои резоны есть?» Когда ему объясняютъ, что такой-то Замухрышкинъ цѣлый уѣздъ грабитъ, онъ предварительно полюбопытствуетъ, сколько у него дѣтей, и, получивши свѣдѣніе, что шестеро, молвитъ: «oh, les enfants! les enfants! ils font commettre bien des crimes!»—при чемъ непремѣнно погладитъ по головкѣ своего Колю.

За это всѣ Замухрышкины въ одинъ голосъ величаютъ его ангеломъ, а корреспонденты «Московскихъ Вѣдомостей»—«нашимъ справедливымъ и благодушнымъ начальникомъ». Просители тоже отъ него безъ ума. Всѣмъ-то пообѣщаетъ, всѣхъ-то утѣшитъ, а если и откажетъ кому, то такъ откажетъ, что отъ удовольствія растеряться можно. Только и слышишь: «ахъ, какъ мнѣ жаль!» да «зачѣмъ вы не пожаловали ко мнѣ раньше!» Стонъ стоитъ въ Глуповѣ по случаю учтиваго обращенія.

— И не видывали мы, сударь, — говоритъ обыватель Анемподистъ Ѳедотычъ: — и не видывали такого! Бывало, начальникъ-то позоветъ: «а ну-те, говоритъ, чистописовые! А знаете ли, говоритъ, что васъ всѣхъ правъ состоянія лишить велѣно!» Такъ мы, сударь, такъ, бывало, всѣ ходуномъ и ходимъ передъ нимъ! А этотъ просто даже и на начальника не похожъ! На стулъ это сажаетъ, папироску подастъ: «разскажите, говоритъ, какая у васъ статистика!»

Вновь спрашиваю я тебя, величественный Зубатовъ: ты ли это?! Если это ты, то помни, что конфузъ входитъ пудами, а выходитъ золотниками, и что однажды опоенную лошадь никакія человѣческія усилія не въ силахъ возвратить къ прежней лошадиной бодрости и нестомчивости! Что, если вновь когда-нибудь приказано будетъ не конфузиться? Что, если вновь приказано будетъ по десяти разъ въ день утопать въ стаканѣ воды и по сту разъ соскакивать съ колокольни? Дрожать за тебя или нѣтъ? Воспрянешь ты, или... но нѣтъ, меня объемлетъ ужасъ при

Digitized by Google

одномъ предположеніи... нѣтъ, я не сказалъ, я даже не предполагалъ ничего подобнаго!

И ты, дитя моего сердца, ты, любострастный магикъ и чревовѣщатель Ударъ-Ерыгинъ! Ты, подсмотрѣвшій у Апфельбаума (даже не у Германа) нѣсколько дешевыхъ фокусовъ и удивлявшій ими добродушныхъ соотечественниковъ во время артистическихъ путешествій твоихъ по глуповскимъ палестинамъ,—и ты повѣсилъ голову, и ты о чемъ-то задумался! Я, который вижу насквозь твою душу, я знаю, что ты задумался о томъ, какъ бы примирить инстинкты чревоугодничества съ требованіями конфуза. Я знаю, что ты увидѣлъ грошъ въ карманѣ твоего ближняго, и что тебя терзаетъ мысль, какимъ образомъ такъ устроить, чтобъ выкрасть его. Какъ сдѣлать, чтобъ добрые люди не догадались, что ты занимаешься воровскимъ ремесломъ? Какъ устроить, чтобъ добрые люди, даже и догадавшись, все-таки продолжали относиться къ тебѣ, какъ къ человѣку честному? И вотъ ты замышляешь какой-то новый, неслыханный фокусъ, но—увы!—кромѣ глотанія ножей, ничего изобрѣсти не можешь, потому что и въ этомъ искусствѣ ты не пошелъ дальше Апфельбаума, и въ этомъ искусствѣ ты еще не научился давать представленія безъ помощи стола, накрытаго сукномъ, подъ которымъ сидитъ душка Разбитной, сей нелицемѣрный холопъ и блюдолизъ всѣхъ Чебылкиныхъ, Зубатовыхъ и Ударъ-Ерыгиныхъ, и подаетъ тебѣ, по востребованію, жареныхъ голубей.

Да, усиліи твои тщетны; ибо зеленое сукно, которымъ накрытъ былъ столъ, велѣно сдернуть. Разбитного застали врасплохъ подъ столомъ въ то самое время, какъ онъ, весь потный отъ духоты, совсѣмъ было-состряпалъ въ шляпѣ яичницу. Двугривенный, бывшій у тебя въ рукахъ, такъ и остался двугривеннымъ, и не превратился ни въ апельсинъ, ни въ полуимперіалъ... Тебѣ не воспрещается дѣлать фокусы, но дѣлай ихъ безъ сукна, глотай шпаги на чистоту!

А такъ какъ ты еще недостаточно искусенъ для этого, такъ какъ ты трусъ и боишься подавиться, то очевидно, что грошъ, видѣнный тобой въ карманѣ ближняго, тамъ и останется. Да, ты самъ сознаешь, что останется, ты до такой степени сознаешь это, что даже, скрѣпя сердце, рѣшаешься бросить мысль о благопріобрѣтеніи его. Признаюсь тебѣ, меня очень радуетъ такое самоотверженіе съ твоей стороны: я съ любопытствомъ наблюдаю, какъ ты пріі-

Digitized by Google

учаешься къ твоей новой роли, какъ ты, по старой привычкѣ, все еще лебезишь около чужихъ кармановъ, какъ ты похотливо расширяешь ноздри, заглядывая въ нихъ, и какъ, въ то же время, не смѣешь простереть подергиваемую воровской судорогой руку, чтобъ стяжать чужое достояніе. Другъ! ты до такой степени мило все это дѣлаешь, что добросердечные глуповцы серьезно начинаютъ безпокоиться, ужъ не хочешь ли ты подарить имъ самимъ по двугривенному изъ твоей собственной «неистощимой» шкатулки (помнишь ли фокусъ, который показывалъ ты въ Крутогорскѣ, подъ названіемъ: «неистощимая шкатулка, или крутогорскіе откупщики—основатели женскихъ гимназій»?). Истинно говорю тебѣ, что это самый отчаянный фокусъ изъ всѣхъ, которые ты когда-либо показывалъ въ теченіе твоей многотрудной жизни, и что еще долго послѣ тебя твои многочисленные послѣдователи будутъ показывать его почтеннѣйшей публикѣ, подъ названіемъ: «укрощенная страсть къ мошенничеству, или конфузъ—руководитель администраціи».

Но если Зубатовы и Ударъ-Ерыгины восчувствовали и помилѣли, то какимъ образомъ долженъ дѣйствовать самъ господинъ Конфузовъ? Очевидно, онъ долженъ источать безконечные источники слезъ умиленія при видѣ тѣхъ задатковъ самостоятельности, которые успѣли проявить въ послѣднее время россіяне; очевидно, онъ долженъ восторженно размокать и съ каждой минутой все болѣе и болѣе обращаться въ сырость подъ знойными лучами гласности!

Поборники конфуза—а ихъ не мало, и бо̀льшая часть принадлежитъ къ тому достойному меньшинству, о которомъ говорено выше—удостовѣряютъ, что преобладаніе въ жизни этого элемента все-таки лучше, нежели господство нахальства и грубой физической силы. Когда въ отношенія къ жизни—говорятъ они—примѣшивается нѣкоторое чувство стыдливости, то, само собой разумѣется, что и самое развитіе жизни происходитъ безпрепятственнѣе, нежели въ то время, когда отъ неуклюжихъ прикосновеній къ ней остаются лишь слѣды грязныхъ медвѣжьихъ лапъ.

Въ этомъ силлогизмѣ есть, однакожъ, страшная недомолвка. Во-первыхъ, мы принимаемъ на вѣру, что нашъ конфузъ есть конфузъ дѣйствительный, конфузъ разумный, что въ немъ заключается сознательная попытка къ освобожденію жизни отъ одуряющаго попечительства различныхъ непріязненныхъ ея развитію началъ. Но мы оши-

Digitized by Google

баемся. Нашъ конфузъ — временный; нашъ конфузъ, въ переводѣ на русскій языкъ, означаетъ неумѣніе. Мы конфузимся, такъ сказать, скрѣпя сердце; мы конфузимся и въ то же время помышляемъ: «ахъ, какъ бы я тебя жамкнулъ, кабы только умѣлъ!» Отъ этого въ нашемъ конфузѣ нѣтъ ни послѣдовательности, ни добросовѣстности; завтра же, если мы «изыщемъ средства», мы жамкнемъ, и жамкнемъ съ тѣмъ ужасающимъ прожорствомъ, съ какимъ принимается за сытный обѣдъ человѣкъ, много дней удовлетворявшій свой аппетитъ одними черными сухарями. Во-вторыхъ, конфузъ, проводя, въ сущности, тѣ же принципы, которые проводило и древнее нахальство, даетъ имъ болѣе мягкія формы, и, при помощи красивой внѣшности, совершенно заслоняетъ отъ глазъ посторонннихъ наблюдателей ничтожество и даже гнусность своего содержанія. Силѣ можно отвѣтить силою же; глупости и пустословію отвѣчать нечѣмъ. Отношенія дѣлаются натянутыми и безнравственными. Чувствуешь, что жизненныя явленія мельчаютъ, что и умы, и сердца изолгались до крайности, что въ воздухѣ словно дымъ столбомъ стоитъ отъ вранья, сознаешь, что между либеральнымъ враньемъ и либеральнымъ дѣломъ лежитъ цѣлая пропасть, — чувствуешь и сознаешь все это, и за всѣмъ тѣмъ, какъ бы колдовствомъ какимъ, приходишь къ оправданію вранья, приходишь къ убѣжденію, что это вранье есть истина минуты, придумываешь какую-то «переходную» эпоху, въ которую будто бы дозволяется безнаказанно нести чушь, и на которую, безъ зазрѣнія совѣсти, сваливаешь всякую современную нечистоту, всякое современное безобразіе!..

Согласитесь: ну, не страшная ли это недомолвка, и не лучше ли, не безопаснѣе ли для самаго дѣла — къ лжи относиться какъ къ лжи, а не придумывать различныхъ оправдательныхъ ухищреній, которыя могутъ только продлить зловредное торжество ея?

Итакъ, противодѣйствовать вранью, обличать его несостоятельность отнюдь еще не значитъ противодѣйствовать стремленіямъ къ самостоятельности и независимости дѣйствій. Если и у дѣйствительнаго либерализма есть свои характеристическіе оттѣнки, дѣлающіе проявленія его крайне разнообразными и имѣющими между собой мало общихъ точекъ соприкосновенія, то тѣмъ бо́льшая неизмѣримость разстоянія легла между либерализмомъ, разсматриваемымъ какъ результатъ цѣлой жизненной работы, и либерализ-

Digitized by Google

момъ, не уходящимъ вглубь далѣе оконечностей языка. Если, чтобъ дѣйствовать сознательно въ томъ или другомъ смыслѣ, необходимо прежде всего опознаться въ многоразличіи убѣжденій, необходимо уяснить себѣ истинное ихъ значеніе, то тѣмъ болѣе необходимо умѣть различать убѣжденія искреннія отъ убѣжденій, вызванныхъ прихотью минуты и бо́льшимъ или меньшимъ желудочнымъ засореніемъ. Скажу болѣе: чѣмъ сильнѣе и настоятельнѣе сказывается уму и сердцу чувство уваженія къ первымъ, то тѣмъ живѣе сознается въ то же время необходимость отрицанія послѣднихъ. Да, именно отрицанія, упорнаго, безпощаднаго отрицанія, потому что эти безсмысленныя фіоритуры либерализма, которыми, какъ древле кашею, наполнены въ настоящее время рты россіянъ, мѣшаютъ разслушать простой и честный мотивъ его.

Заглянемъ, напримѣръ, въ нашу текущую литературу,— что̀ за зрѣлище представляется очамъ нашимъ! Увы! это ужъ не то доброе старое время, когда ратовали исключительно наши кондовые, наши цеховые мастера! Увы! даже Корытниковы, даже «Проѣзжіе» и «Прохожіе», несмотря на недавность ихъ появленія, — и тѣ перестаютъ производить впечатлѣніе и составляютъ уже скромное меньшинство! Увы! литературная нива обмірщилась, литературная нива сдѣлалась простымъ выгономъ, на которомъ властительно выступаютъ Поздревы, Чертопхановы и Пѣночкины! Поздревъ! ты ли это, mon cher? Если это ты, то почему ты смотришь такимъ Лафайэтомъ? Или у насъ нынче масленица, а объ масленицѣ тебѣ неловко остаться самимъ собою? Или, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, тебѣ выгоднѣе быть Лафайэтомъ, нежели прежнимъ сорви-головой Поздревымъ?

Каждый часъ, каждая минута вызываютъ новыя требованія, ведутъ за собой новыхъ дѣятелей. Еще вчера Глуповъ былъ полонъ хвалебныхъ гимновъ, а нынче онъ ужъ грубитъ, онъ почти ругается! Давно ли кн. Черкасскій торжественно защищалъ розгу, а нынче... розга, гдѣ ты? По крайней мѣрѣ, Поздревъ не только отвергаетъ пользу ея, но даже стыдится и краснѣетъ при одномъ воспоминаніи, что это орудіе составляло когда-то одно изъ самыхъ существенныхъ опредѣленій глуповской гражданственности.

Всѣ «рыбари», которые доселѣ занимались сокрушеніемъ зубовъ и челюстей человѣческихъ, покинули это занятіе изъ опасенія получить сдачи. Но занятіе было выгодно,

Digitized by Google

ибо, съ помощью его, пріобрѣталось право преобладанія въ такъ-называемомъ обществѣ. Безъ него чувствовалась тоска и одиночество, безъ него земля исчезала подъ ногами, права попирались и видимо истаевали. Какъ быть? Гдѣ, въ какомъ иномъ принципѣ искать основанія къ сохраненію драгоцѣннаго права? Рыбари недоумѣвали, потому что до сихъ поръ они спокойно отдыхали себѣ подъ сѣнью своихъ смоковницъ (такъ называли они навозныя кучи своихъ скотныхъ дворовъ), и даже сновъ никакихъ не видѣли. Къ счастію, на выручку подоспѣлъ графъ Монталамберъ, который, въ русскомъ извлеченіи, побѣдоноснымъ образомъ доказалъ, что унывать и недоумѣвать не слѣдуетъ. «Воззрите на Англію,—сказалъ онъ нашимъ рыбарямъ:—вѣдь и вы тѣ же лорды, и вы та же джентри, только безъ гордости и силы: старайтесь же добыть и то, и другое, и все пойдетъ какъ по маслу!» Шутка сказать, однакожъ: добыть гордость и силу! Гдѣ ихъ возьмешь! Вѣдь ихъ не добудешь ни бранью ямскою, ни зубосокрушеніемъ! Вѣдь гордость и сила составляютъ продуктъ исторіи, а гдѣ она? Но «рыбари», разъ рѣшившись, не задумались и надъ этими вопросами. «Чортъ съ ней, съ исторіей! — сказали они другъ другу.—Обходились же безъ нея наши отцы-коллежскіе асессоры, наши отцы-татарскіе выходцы, наши отцы-эмигранты; обойдемся какъ-нибудь и мы!» И не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, отчасти пустили шипъ по-змѣиному, отчасти защелкали по-соловьиному.

И вотъ отъ чего, въ настоящую минуту, нѣтъ того болота на всемъ пространствѣ глуповскихъ палестинъ, на которомъ не слышалось бы щелканіе соловья-либерала.

Увлеченія мысли, равно какъ и движенія страсти, дѣйствуютъ на людей весьма разнообразно. Однихъ доводятъ они до отчаянія и крайняго упадка нравственныхъ силъ—картина скорбная, но не внушающая, однакожъ, ни отвращенія, ни даже непрошеннаго сожалѣнія къ паціенту, а, напротивъ того, почти всегда возбуждающая искреннюю симпатію къ нему. Ибо въ сегодняшнемъ истощеніи еще чуется вчерашняя сила; ибо и самое разрушеніе имѣетъ здѣсь горькій и полный мучительныхъ невзгодъ смыслъ. Въ другихъ, борьба, посредствомъ которой мысль искупляетъ будущее торжество свое, производитъ не агонію силъ, а общее ихъ возбужденіе, доходящее до героизма. Мысль, сдѣлавшаяся страстною, мысль, доведенная до энтузіазма — вотъ та волканическая сила, которая изъ сокро-

Digitized by Google

венныхъ нѣдръ толпы выбрасываетъ историческихъ дѣятелей, вотъ та неистощимая струя, которая, капля по каплѣ, неотступно долбитъ камни невѣжества и предразсудковъ. Въ-третьихъ, наконецъ, всякое волненіе душевное разрѣшается лишь прыщами и подозрительною накожною сыпью.

Всѣ эти рекламы либерализма, о которыхъ шла рѣчь выше, не больше какъ прыщи, посредствомъ которыхъ разрѣшилось долго сдерживаемое умственное глуповское худосочіе. Я не говорю, чтобъ прыщи были безполезны, я даже не отрицаю законности ихъ существованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могу не скорбѣть душою, когда меня увѣряютъ, что дѣло такъ и должно кончиться одними прыщами, и что прыщи составляютъ вѣнецъ исторіи. Исторія, думаю я, должна привести къ просвѣтленію человѣческаго образа, а не къ посрамленію его, и съ этой точки зрѣнія необычайное изобиліе накожной сыпи и упорная ея устойчивость не только не радуютъ меня, но, напротивъ того, до глубины души огорчаютъ. Я положительнымъ образомъ протестую противъ претензіи прыщей на право безконечнаго господства въ жизни и противъ того безнравственнаго девиза, съ которымъ они являются въ міръ и въ силу котораго абсолютная истина жизни представляется опасною и недостижимою химерой, а вмѣсто нея предлагается въ руководство другая истина, заключающаяся въ болѣе или менѣе проворномъ эскамотированіи одной лжи посредствомъ другой.

При этомъ я прибѣгаю къ сравненію и спрашиваю себя: если я свой старый синій камзолъ окрашу въ зеленый цвѣтъ, измѣнится ли отъ того непрочность самой ткани? Если я, относительно затхлаго, отжившаго принципа, ограничусь только перенесеніемъ его съ одного лица на другое, измѣнится ли отъ того вредоносная сущность его? Не только не измѣнится, но я не получу даже удовольствія обмануть самого себя; ибо въ первомъ случаѣ я тотчасъ же убѣждусь, что невинная моя забота повлекла за собой лишь трату денегъ на окраску негоднаго платья, а во второмъ—результатомъ моихъ усилій можетъ быть даже болѣзненное сотрясеніе.

Очевидно, слѣдовательно, что прыщи не обладаютъ тѣми условіями, съ которыми сопрягается мысль о господствѣ надъ истиной. Ихъ существованіе законно и даже необходимо, но оно обусловливается бо́льшимъ или мѣньшимъ накопленіемъ худосочія. Слѣдовательно, для насъ собственно

Digitized by Google

весь вопросъ приводится къ тому, какую именно сумму историческаго худосочія благопріобрѣли мы до настоящей минуты возрожденія, съ тѣмъ, чтобъ, на основаніи этого даннаго, опредѣлить время, когда начнутъ подсыхать прыщи. Къ сожалѣнію, мы не привели еще въ извѣстность перваго, и потому не можемъ отвѣчать вполнѣ удовлетворительно и на второе.

Однако, признаки подсыханія начинаютъ уже сказываться. Исторія не останавливаетъ своего хода и не задерживается прыщами. Событія слѣдуютъ одни за другими съ быстротою молніи и мгновенно засушиваютъ волдыри самые злокачественные. То, что вчера было лишь смутною надеждой, нынче является уже фактомъ совершившимся, является побѣдой жизни надъ смертью. Вчерашній либерализмъ сегодня оказывается уже отсталостью. Наступаетъ день расчета, настаетъ пора общаго покаянія.

Если вчера позволительно было ораторствовать и заявлять о сочувствіи, если вчера умѣстно было толковать о необходимости возрожденія, то тѣмъ болѣе умѣстно и позволительно *нынче* окончательно разсчитаться съ прежнею жизнью, разсчитаться не только оконечностями языка, но и самымъ дѣломъ. Но, во всякомъ случаѣ, не только умѣстно, а даже совершенно необходимо объясняться съ полною откровенностью, безъ утайки и удержанія, и, говоря о чемъ-нибудь языкомъ утвердительно, не произносить въ то же время мысленно частицы *не*.

Ибо какъ ни любезно прошедшее, какъ ни привлекательно приволье дней минувшихъ, но оно невозвратимо.

Да, милостивые государи, оно невозвратимо, и я отлично-хорошо понимаю тотъ холодъ, который объемлетъ ваши сердца при этой мысли. Вы уязвлены сугубо: не только въ вашей нелѣпой претензіи остановить жизнь, но и въ вашемъ самолюбіи. Вы пѣли и щелкали, все въ чаяніи, что отъ вашего щелканія туманъ въ болотѣ поднимется, — однако, туманъ не поднялся. Вы прикидывались свободолюбцами, все въ чаяніи, что распущенность мысли и обиліе словоизверженія отведутъ глаза, — однако, глаза не отведены. Мысль обмірщилась, сѣмя брошено, и какъ ни хлопочите вы, оно фаталистически должно пройти всѣ фазисы своего развитія. Конечно, оно можетъ дать плодъ и сторицею, и можетъ уродиться самъ-другъ, но все-таки желанный плодъ будетъ — это вѣрно. Это другое зерно скуднаго урожая также падетъ на землю и также дастъ

Digitized by Google

плодъ. Истинно вамъ говорю, милостивые государи, что я отлично-хорошо понимаю тотъ холодъ, который объемлетъ сердца ваши!

Вы видите, что жизнь ускользнула у васъ промежъ пальцевъ, что вы, бывшіе до сихъ поръ въ самомъ центрѣ жизненнаго круга, внезапно, какъ бы колдовствомъ какимъ, очутились внѣ его. Вы ли не пѣли жизни диѳирамбовъ, вы ли не обращались къ ней льстивыми голосами, вы ли не угрожали ей распаденіемъ, если она не приметъ васъ въ руководители, вы ли, наконецъ, не доносили, не клеветали на нее! И вотъ, однакожъ, не помогли ни диѳирамбы, ни угрозы: равнодушно катятся себѣ да катятся волны жизни, и съ каждымъ часомъ, съ каждой минутой откатываются отъ васъ все далѣе и далѣе, къ далекимъ берегамъ того безпредѣльнаго океана будущаго, который вы не хотѣли и не умѣли изслѣдовать. Истинно вамъ говорю, что я отлично-хорошо понимаю тотъ холодъ, который объемлетъ сердца ваши!

Вы припоминаете ваше прошлое и сравниваете съ нимъ пустыню настоящаго;—это первая причина скорби.

Вы припоминаете ваши недавнія, еще неостывшія попытки обмануть жизнь; вы чувствуете, съ невольной краской на лицѣ, что на время сдѣлались ренегатами, и—что больнѣе всего — ренегатами неудавшимися; что вы безполезно посрамили свои мозги сочувствіемъ къ какимъ-то новымъ началамъ жизни;—это вторая причина скорби.

Вы сознаете, что васъ никто не уважаетъ, что о васъ даже не скорбятъ, ибо для всѣхъ стала ясна арлекинская пестрота вашей одежды. Вамъ нельзя помянуть добромъ ваше прошлое, а отъ будущаго отказались вы сами; прошлое не принимаетъ васъ, потому что дверь въ него заперта наплывомъ новой жизни и вашимъ собственнымъ ренегатствомъ; будущее не принимаетъ васъ, потому что таковъ ужъ законъ исторіи, что соръ и нечистота фаталистически отметаются ею въ царство тѣней; — это третья причина скорби.

Однимъ словомъ, разсчитывая по пальцамъ и принимая въ соображеніе, что дважды-два, какъ ни вертись, все будутъ составлять четыре, а не пять, вы приходите къ тому убѣжденію, что для васъ остается одно только приличное убѣжище: смерть;—это четвертая причина скорби.

Истинно вамъ говорю, милостивые государи, что я от-

Digitized by Google

лично-хорошо понимаю тотъ холодъ, который объемлетъ сердца ваши!

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я столько же хорошо понимаю и тѣ ругательства, которыми полны ваши души. Горечь ихъ такъ велика, что вы уже не въ силахъ таить ихъ, не въ силахъ долѣе выдержать вашу роль. «Умремъ, но напакостимъ!» — восклицаешь ты, авторъ золотушныхъ фельетоновъ-рекламъ, — ты, идолъ Ноздревыхъ и Чертопхановыхъ! «Ни полъ-пальца! ни четверть шага!» — вторитъ взбудораженный тобой юный англоманъ, Сеня Бирюковъ: «car il faut, à la fin, que nous ayons le courage de notre opinion! — «Ayons le courage de notre opinion!» — поютъ хоромъ полосатые, выдохшіеся потомки Буеракиныхъ и Оболдуй-Таракановыхъ.

Сеня, мой милый Сеня! я согласенъ, что это своего рода гражданское мужество; но ежели ты думаешь, что тебѣ первому принадлежитъ честь открытія его, то горько ошибаешься.

Не знаю, какъ въ твоихъ палестинахъ, а въ моемъ родномъ городѣ Глуповѣ такого рода гражданское мужество давно ужъ въ ходу. Мы только не отдавали ему надлежащей справедливости и даже не выводили изъ него тѣхъ великихъ рекламъ къ будущему, какія выводили славянофилы изъ всероссійскаго смиренія и послушливости, но оно существуетъ — это вѣрно. Да не можетъ быть, чтобъ и въ твоихъ палестинахъ оно не водилось, это гражданское мужество. Стоитъ только, не краснѣя за себя, потревожить свои воспоминанія, а геройскаго хлама, навѣрное, найдется въ нихъ весьма достаточно.

Сколько разъ, напримѣръ, колотилъ ты своего Петрушку за то, что онъ спитъ на твоей шубѣ, покуда ты до упаду отплясываешь съ дочерьми Матрены Ивановны или съ племянницами Анфисы Петровны, — а онъ и до сихъ поръ продолжаетъ высыпаться на той же шубѣ... Это ли не гражданское мужество?

Сколько разъ ты сѣкъ свою маленькую курчавую сучку Джипси за то, что она связывается съ разными неблагообразными дворовыми валетками и барбосками,—а она и до сихъ поръ связывается... Это ли не courage de son opinion?

Сколько разъ ты посылалъ въ часть поваренка Никитку за то, что въ твоемъ супѣ поочередно появляются то тараканъ, то мочалка, а тараканъ и мочалка и до сихъ поръ

Digitized by Google

продолжаютъ составлять неизбѣжную приправу твоего dîner de garçon... Это ли не доблесть безпримѣрная, доблесть неслыханная, доходящая до аскетизма, до горькой насмѣшки надъ собственной спиной ея обладателя?

Слѣдовательно, и въ этомъ дѣлѣ ты и твои единомышленники, Гриша, Сережа и Коля, являетесь не новаторами, а лишь слѣпыми подражателями Петрушки, Никитки и Джипси, съ тою только разницей, что васъ, за ваше гражданское мужество, не будутъ ни колотить, ни сѣчь, ни посылать въ часть.

Тѣмъ не менѣе, откровенность ваша, друзья мои, мнѣ нравится. Во-первыхъ, она отнюдь никому не вредитъ; во-вторыхъ, веселѣе какъ-то смотрѣть на васъ теперь, когда вы на чистоту ругаетесь, нежели въ то время, когда вы подольщались, грустили и клянчили, и выпрашивали себѣ копеечку; и въ-третьихъ, я не могу не держать въ памяти и того, что вы находитесь наканунѣ смерти, а въ такомъ интересномъ положеніи всякая дикость къ лицу. Спросите у меня стаканъ воды со льдомъ, спросите у меня буженины съ чеснокомъ, спросите клюквы, спросите грибовъ— я охотно дамъ вамъ всего этого, ибо знаю, что воздержаніе не подаритъ вамъ ни одной лишней минуты, а удовлетвореніе прихоти утѣшитъ васъ, и вы отойдете въ царство тѣней съ улыбкою, а не съ искривленнымъ ртомъ и стиснутыми зубами.

Итакъ, въ минуту расчета, въ минуту отпущенія грѣховъ, пестрая риза ложнаго либерализма упала сама собою, фраза значительно похудѣла и утратила свою одутловатость, реклама ступевалась... Очень пріятно!

И, Боже, какъ просто, какъ безхитростно совершалась эта внезапная перемѣна диверсіи! Почти механически. Мы не дали себѣ труда даже оговориться, мы даже не почтили публику соблюденіемъ самыхъ простыхъ приличій, обыкновенно употребляемыхъ при подобаго рода метаморфозахъ. Что за дѣло до того, что насъ назовутъ безстыдниками! Чувствуя и цѣня только боль физическую, мы не гонимся за выраженіями, не гонимся даже за толчками, памятуя правило пресловутаго Расплюева, что жаловаться слѣдуетъ тогда только, когда хватятъ, что называется, до безчувствія.

Но эта безхитростность, эта казацкая способность обращаться безцеремонно съ самыми деликатными предметами имѣютъ и свою полезную сторону. По крайней мѣрѣ, мы,

Digitized by Google

люди меньшинства, которые съ такою сердечною тревогой внимали либеральнымъ упражненіямъ ревнителей тьмы; мы, которые сгоряча повѣрили, что каменоломни раскаиваются и изъявляютъ искреннее желаніе сдѣлаться цвѣтущими и благоухающими садами; мы, которые неусыпно вплетали миртъ и лавръ въ вѣнки героевъ, снисходительно улыбавшихся нашей юношеской горячности, — мы убѣдились, наконецъ, что не отъ гробовъ поваленныхъ предстоитъ ждать слова жизни, что не на нихъ должны покоиться наши упованія.

Эти упованія, эти надежды должны быть обращены нами къ намъ самимъ. Въ нашихъ собственныхъ убѣжденіяхъ, въ жизненности нашихъ собственныхъ силъ должны мы исключительно искать для себя опоры, и ни въ чемъ иномъ.

Если поколѣніе, къ которому обращаются эти строки, хочетъ сдѣлаться достойнымъ своего призванія, пускай оно не пугается исключительности, пускай оно и въ мысляхъ, и въ выраженіяхъ, и въ дѣйствіяхъ соблюдаетъ ту опрятность и даже брезгливость, которая одна можетъ обезпечить дѣйствительный успѣхъ въ будущемъ.

Повторяю: мы, люди глуповскаго міра, слишкомъ повадливы, слишкомъ покладисты. Мы во всякой средѣ легко уживаемся, со всякимъ явленіемъ миримся почти безъ сопротивленія. И потому изъ насъ можно лѣпить всякую фигуру, и даже безъ большихъ издержекъ: стоитъ только по головѣ погладить. Удивительная способность таять и обращаться въ сырость умерщвляетъ въ насъ всякую инціативу, всякую попытку къ самодѣятельности. И вѣдь не то горько, что мы таемъ, а то, что мы таемъ искренно, что мы при этомъ кривляемся и хихикаемъ, что мы чувствуемъ себя столь же счастливыми, сколько счастливыми чувствовали себя наши достославные предки, когда ихъ трепали по плечу ихъ добрые начальники... И вотъ плоды: роковая случайность, какъ господствующая стихія въ жизни, неприличный сумбуръ въ понятіяхъ и представленіяхъ и полное отсутствіе серьезности въ обращеніи съ предметами...

Отъ всего этого добра насъ можетъ спасти только упоминаемая выше опрятность мысли, опрятность чувства. До тѣхъ поръ, покуда мы будемъ направо и налѣво раздавать poignées de main встрѣчному и поперечному, болѣе принимая въ соображеніе покрой жилета, нежели покрой мысли,

Digitized by Google

до тѣхъ поръ мы будемъ слабы, мы будемъ нелѣпы, мы будемъ презрѣнны, до тѣхъ поръ наше слово будетъ подобно писку кулика-поручейника, назойливо, но безслѣдно раздающемуся надъ пустынными берегами кормилицы-поилицы рѣки Большой Глуповицы.

Да, только доведенная до героизма мысль можетъ породить героизмъ и въ дѣйствіяхъ! Да, только непреклонности логики дана роковая тайна совершать чудеса!

Итакъ, вотъ къ какому пришли мы результату, любезный сынъ Глупова!

Но, договорившись до такого заключенія, я чувствую, что сердце мое поражено смущеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, положимъ, что мы освободились отъ всякихъ глуповскихъ обязательствъ, что въ глазахъ нашихъ ужъ нѣтъ героевъ, что руки и умы у насъ развязаны, что мысль наша не робѣетъ и не ползаетъ въ прахѣ передъ авторитетами — что-жъ дальше?

Вѣдь, навѣрное, мы изъ того съ тобой хлопочемъ и бьемся, читатель, что у насъ есть въ запасѣ какая-нибудь жизненная мысль, что у насъ имѣются въ виду какія-то новыя жизненныя основы, которыми мы хотѣли бы замѣнить прежнія, пораженныя ржавчиной пружины, еще и донынѣ заставляющія дѣйствовать старый глуповскій механизмъ. А если все это есть, то неужто же сидѣть намъ въ скромномъ безмолвіи надъ нашими сокровищами, неужто-жъ прятать намъ ихъ для себя и для пріятелей? Нѣтъ, не сидѣть и не прятать — это ясно, во-первыхъ, потому, что было бы безсмысленно обладать сокровищемъ и въ то же время съ умысломъ уничтожать его цѣнность, а во-вторыхъ, потому, что если-бъ и хотѣли мы смирно сидѣть—не усидимъ ни за что въ свѣтѣ! Другъ! у мысли есть сила особенная, которая такъ и подталкиваетъ человѣка впередъ да впередъ, такъ и шепчетъ ему въ ухо: «разскажи да разскажи!»

Итакъ, мы будемъ, мы обязаны дѣйствовать. Отлично! Гдѣ же, въ какой средѣ будемъ мы проводить нашу мысль? Памятуешь ли ты, что арена твоей дѣятельности не въ пространствѣ и времени, а все въ томъ же миломъ Глуповѣ, гдѣ нынче такъ сладко свищутъ соловьи-либералы, что ты никогда и никуда не уйдешь отъ Глупова, что онъ будетъ преслѣдовать тебя по пятамъ, доколѣ не загонитъ въ земныя пропасти, что онъ до тѣхъ поръ будетъ всасываться тебѣ въ кровь, покуда не доведетъ ее до разложенія?

Digitized by Google

Если ты это памятуешь, то долженъ также знать, что хотя Глуповъ безспорно хорошій городъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, городъ, любящій жить въ мірѣ съ дѣйствительностью и откровенно, даже почти неприлично трусящій при малѣйшемъ намекѣ на разладъ съ нею. Мы, люди стараго глуповскаго закала, любимъ, чтобъ во «всемъ этомъ» было легкое, постепенное и неторопливое впередъ поступаніе, и притомъ чтобъ поступаніе это существовало преимущественно въ нашихъ общественныхъ діалогахъ и только самую чуточку переходило въ практику. Ибо подъ практикой мы разумѣемъ только самую настоящую, дѣйствительную практику, а не химеры. Мы охотно, напримѣръ, пожертвуемъ какимъ-нибудь фестончикомъ, мы охотно побесѣдуемъ между собой насчетъ разныхъ этихъ усовершенствованьицъ, мы даже не прочь шепнуть другъ другу на ушко que la position n'est plus tenable («совсѣмъ-таки мелкихъ денегъ достать нельзя—просто смерть!»), но чтобъ въ соображенія наши входили какія-нибудь этакія абстрактности—отъ этого упаси насъ Боже! И главное, безъ скандала, mon cher, безъ скандала! Ибо согласіе съ дѣйствительностью представляетъ свои безконечныя удобства, ибо согласіе съ дѣйствительностью вноситъ миръ и благоволеніе въ сердца человѣковъ. Mon cher! мнѣ очень пріятно видѣть васъ, человѣка съ широкими, непреклонными убѣжденіями; я вамъ сочувствую, и не только съ удовольствіемъ, но даже съ учащеннымъ біеніемъ сердца прислушиваюсь къ рѣчамъ, горячимъ потокомъ льющимся изъ устъ вашихъ; но оставьте же меня наслаждаться этимъ сладкимъ біеніемъ сердца въ спокойствіи, не тормошите, не огорчайте меня, не отрывайте меня такъ насильственно и грубо отъ раковины, въ которой я съ такимъ удобствомъ обмялъ себѣ мѣсто! Пусть, слушая васъ, я буду воображать себя въ театрѣ—на это я согласенъ; но чтобъ я призналъ за вами право втискивать и меня въ число хористовъ — это ужъ извините! Внимая вамъ, я мысленно созерцаю процессію, несущую съ торжествомъ Іоанна Лейденскаго, я слышу маршъ, я слышу хоръ толпы — все это очень хорошо, все это раздражаетъ мои нервы, и раздражаетъ, могу сказать, въ самомъ благородномъ смыслѣ; но не могу же я... не могу же я... согласитесь, что вѣдь я не могу!

Такова наша глуповская политика, такова наша глуповская философія. И если ты не хочешь дѣйствовать въ пу-

Digitized by Google

стотѣ, если ты желаешь, чтобъ мы, глуповцы, внимали тебѣ, ты долженъ поддѣлаться подъ нашу масть, ты долженъ признать насъ всецѣло, съ нашею политикой и нашею философіей.

И такимъ образомъ для твоей дѣятельности представляется два пути: или ты рѣшишься самъ притвориться глуповцемъ, съ тѣмъ, чтобы сначала пріучить насъ къ музыкѣ рѣчей, а потомъ, неожиданнымъ движеніемъ руки и не давши намъ, такъ сказать, опомниться, вдругъ снять съ насъ дурацкій колпакъ,—или же прямо пойдешь напроломъ, прямо схватишься за кисточку колпака и будешь тянуть его прочь съ головы.

Если ты послѣдуешь первому пути—ты пропалъ! Во-первыхъ, люди, дѣятельность которыхъ основана на уступкахъ и нравственномъ сводничествѣ, не уважаются. Это ничего, что сами глуповцы первѣйшіе сводники въ мірѣ, и что не пропадаютъ же они отъ этого: развѣ они уважаютъ другъ друга? да развѣ они и нуждаются въ уваженіи? развѣ знаютъ они, что̀ такое уваженіе? Они живутъ — и больше ничего. А для тебя уваженіе нужно, ибо ты имѣешь претензію снять дурацкій колпакъ, ибо, не пріобрѣтя уваженія, ты не «притворишься» глуповцемъ, а сдѣлаешься имъ дѣйствительно. Во-вторыхъ, мы, глуповцы, хотя и простодушный народъ, но имѣемъ чутье острое и цѣпкое. Мы какъ разъ поднюхаемъ, что ты не впрямь глуповецъ, а только прикидываешься имъ. А поднюхавши, мы скажемъ другъ другу: «эге! да онъ мошенникъ, да къ тому же, слава Богу, и трусъ!» И вѣдь натѣшимся же мы въ ту пору надъ тобой! Мы вышлемъ на тебя Зубатова, который, замѣтивъ въ твоей физіономіи нѣчто угрюмое, не подходящее къ дѣтской беззаботности, требуемой правилами глуповскаго этикета, подступитъ къ самому твоему лицу и тономъ, не терпящимъ оттоворокъ, потребуетъ, чтобъ ты сдѣлалъ «хи-хи!» (И сдѣлаешь, mon cher! и получше тебя люди бывали—и тѣ «хи-хи!» дѣлывали!). Мы вышлемъ на тебя Ударъ-Ерыгина, который, видя, что ты принялъ образъ жалкой, отощавшей кошки, робко пробирающейся по стѣнѣ, чтобъ стащить со стула кусокъ мяса, подстережетъ тебя и ловко ошпаритъ горячими помоями. А мы-то будемъ надрываться отъ смѣху! А мы-то будемъ взапуски швырять въ тебя, кто камешкомъ, а кто и полѣнцемъ, въ то время, какъ ты, весь въ язвахъ, будешь, подпрыгивая отъ боли, удаляться отъ насъ въ пустыню!

Digitized by Google

Если ты пойдешь вторымъ путемъ—ты пропалъ сугубо. Представь себѣ, въ самомъ дѣлѣ, какая комическая можетъ выйти изъ этого штука! Съ одной стороны—ты глуповскій реформаторъ, со всѣмъ энтузіазмомъ убѣжденія, со всею непреклонностью мысли и дѣйствія; съ другой стороны—мы, добродушные глуповскіе граждане, съ нашимъ «потихоньку да полегоньку», съ нашимъ «поспѣшишь да людей насмѣшишь», мы, воспитанные на административныхъ фокусахъ Ударъ-Ерыгина... А? какъ бы ты думалъ, развѣ мы не заклюемъ тебя?

Заклюемъ. Это какъ святъ Богъ—заклюемъ. Ишь, вѣдь, чего захотѣлъ: снять съ насъ дурацкій колпакъ! Да знаешь ли ты, что колпакъ этотъ не столько внѣшнее украшеніе, сколько таинственный продуктъ нашего внутренняго существа? Да чуешь ли ты, что колпакъ этотъ не снимается, а соскабливается, и что соскоблить его съ насъ не иначе можно, какъ выскобливъ предварительно самую жизнь нашу? Ишь ты начальникъ какой нашелся! Ишь ты пророкъ какой выискался!

И много острыхъ и исполненныхъ праведнаго негодованія словъ пошлемъ мы тебѣ навстрѣчу—и выживемъ-таки тебя, синьоръ! Если ты съ перваго же раза не убѣдишься, если ты съ перваго раза не бѣжишь съ поля, мы выживемъ тебя постепенными мѣрами; мы исподволь лишимъ тебя огня и воды; мы будемъ выдергивать изъ-подъ тебя стулъ въ то время, какъ ты будешь садиться; мы будемъ внезапно открывать траппы подъ твоими ногами; мы будемъ подсыпать песку въ твое кушанье...

Однимъ словомъ, нехитростными, вполнѣ глуповскими, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и вполнѣ дѣйствительными мѣрами изведемъ-таки тебя! Достанетъ ли всего твоего ума, чтобъ противостоять страшной силѣ нашей глупости? Достанетъ ли всего твоего героизма, чтобъ посвятить твою жизнь на предугадываніе тѣхъ остроумныхъ сюрпризовъ, которые наше глуповское досужество будетъ изготовлять тебѣ на каждомъ шагу?

Но ты, быть-можетъ, усомнишься въ истинѣ моихъ словъ; быть-можетъ, ты возразишь, что не все же глуповское общество предано умственному распутству, что и въ этомъ обществѣ, вѣроятно, найдутся элементы свѣжіе, не подкупленные прошедшимъ, которыхъ явная выгода будетъ заключаться въ томъ, чтобъ внять твоему голосу и поддержать его.

Digitized by Google

На это скажу тебѣ: я со всякимъ тщаніемъ изучалъ Глуповъ, и хотя въ немъ дѣйствительно имѣются указываемые тобой элементы, тѣмъ не менѣе, свѣжесть ихъ весьма и весьма сомнительна. Другъ! вѣдь и надъ ними прошла исторія, вѣдь и они не вчера рожденные, а тоже позатаскавшіеся въ пыли вѣковъ, и притомъ такъ сильно позатаскавшіеся, что эта вѣковая пыль, что этотъ навозъ вѣковой сдѣлались существенною частью ихъ самихъ и едва ли не извратили ихъ внутренняго смысла. Поразскажу тебѣ, что̀ знаю, о нашихъ глуповскихъ «элементахъ».

Два сорта есть глуповцевъ: глуповцы старшіе, кушающіе сладко, почивающіе мягко, щеголяющіе въ полосатыхъ одеждахъ и носящіе разнообразныя имена и фамиліи, и, наконецъ, глуповцы меньшіе, извѣстные подъ общимъ названіемъ «Иванушекъ».

Первыхъ ты знаешь—это народъ отпѣтый. Это тѣ самые, которые такъ занозисто шумаркаютъ въ вагонахъ, которые, въ сущности, ничего никогда не чувствовали, ничему никогда не сочувствовали, ни о чемъ не мыслили, которые не жили, а, такъ сказать, ѣли жизнь, какъ нѣчто съѣдобное, какъ сочный, еще дымящійся кровью кусокъ говядины. Глуповъ кишитъ ими, этими поборниками матеріализма, видящими въ матеріализмѣ только удовлетвореніе требованіямъ человѣческой похоти. Посмотри на всѣхъ этихъ полосатыхъ, выдохшихся и выродившихся потомковъ Буеракиныхъ и Оболдуй-Таракановыхъ (а быть-можетъ и ихъ куаферовъ), посмотри на этихъ румяныхъ, плечистыхъ и кремнистоголовыхъ представителей славянокуаферской нашей производительности, и суди самъ, можетъ ли проникнуть какая-нибудь мысль сквозь эту плотную каменную обшивку?

Други! пріятели! Сеня Бирюковъ! Бернгардъ Форбрихеръ! Ѳедя Козелковъ! Обнимемъ другъ друга и прольемъ слезы умиленія!

Прежде всего, полюбуемся другъ на друга! Да, мы все тѣ же, какими были восемь лѣтъ тому назадъ, когда всѣ вмѣстѣ, шумною толпою, оставили школьную скамью! Да, мы не измѣнили своимъ убѣжденіямъ, мы каждый день по два раза мѣняли на себѣ бѣлье, мы не позволяли себѣ донашивать разорванныя или потускнѣвшія перчатки, мы остались вѣрными требованіямъ и правиламъ хорошаго тона!

Потомъ, помянемъ воспитателей, охранителей нашей юности! Помянемъ и профессоровъ, хотя — помнишь, Сеня? —

Digitized by Google

профессоръ исторіи и ставилъ тебѣ единицу за то, что ты никогда не могъ различить Геродота отъ Гомера («чортъ ихъ знаетъ, оба на Г... начинаются!»—объяснялъ ты намъ въ свое оправданіе, и какъ мы помирали со смѣху при этомъ!).

Помянемъ Луизу бѣлолонную, помянемъ Берту чернобровую, помянемъ Мину свѣтлокудрую, этихъ истинныхъ, дѣйствительныхъ наставницъ нашей юности!

Но не забудемъ и Бертона, у котораго мы научились прекраснѣйшимъ манерамъ и обольстительному comme il faut!

Выпьемъ, друзья, выпьемъ!

И потомъ отправимся... «туда»!

Однако, стой, Сеня! Я не хочу, чтобъ ты меня какъ-нибудь «тамъ» осрамилъ: дай-ко, я проэкзаменую тебя, не забылъ ли ты что изъ наукъ, которыя намъ преподавались!

— А позвольте, милостивый государь, узнать, кто нынче первый портной въ Петербургѣ?

— Лѣтъ десять тому назадъ первымъ портнымъ почитался Сарра, но вскорѣ пальму первенства перенялъ у него Шармеръ. Платье Шармера легко и удобно; человѣкъ, одѣтый этимъ портнымъ, нерѣдко впадаетъ въ недоумѣніе, дѣйствительно ли онъ одѣтъ. Впрочемъ, въ послѣднее время многіе указываютъ на Дюмигрона, какъ на достойнаго соперника Шармеру.

— Bene. А позвольте узнать, гдѣ можно пріобрѣсти въ Петербургѣ лучшее мужское бѣлье?

— Все у Лепретра, все у того же несравненнаго Лепретра, или, лучше сказать, у достойнаго преемника его генія, Левека. Нѣкоторые указываютъ на Дюбюра, но, по мнѣнію моему, это парадоксъ. Рубашки послѣдняго отстаютъ отъ груди, скоро вытягиваются сверху, и вообще такъ плохи, что могутъ быть носимы только людьми средняго рода.

— Charmant! Но такъ какъ человѣкъ не можетъ существовать безъ сапоговъ...

— Понимаю вашу заботливость. Въ этомъ отношеніи Эммерманъ можетъ вполнѣ удовлетворить васъ, хотя нельзя не сознаться, что мѣсто стараго Пэля до сихъ поръ остается еще незанятымъ.

— Bravo! Но я хотѣлъ бы съѣсть что-нибудь... легонькое этакое что-нибудь...

— Идите къ Мартену — vous trouverez d'excellentes choses! Можете прибѣгнуть также къ Донону или къ Шотану, но при этомъ не забудьте погрустить о тѣхъ, кото-

Digitized by Google

рые обязываются утолять свой голодъ у Палкина и Еремѣева!

— Shame! Shame!! — восклицаютъ хоромъ Бернгардъ Форбрихеръ и Ѳедя Козелковъ.

— Bravissimo! Я вижу, Сеня, что ты не измѣнилъ наукѣ, да и наука не измѣнила тебѣ! Идемъ же съ миромъ и вкусимъ отъ уготованныхъ намъ «тамъ» сладостей!

Вотъ тебѣ старшій нашъ Глуповъ. Надѣюсь, что ты съ перваго же слова поймешь, что тутъ ни на Сеню, ни на Ѳедю, ни на Бернгарда разсчитывать нечего. Но если ты настолько наивенъ, что будешь упорствовать въ своихъ видахъ на насъ, то предупреждаю тебя: будь остороженъ, ибо мы какъ разъ на тебя и пожалуемся!

Въ самомъ дѣлѣ, сообрази хорошенько: вѣдь мы счастливы, счастливы настолько, насколько мыслительная наша сила способна понимать идею счастья, а счастливому человѣку что̀ нужно? Счастливому человѣку нужно, чтобъ его оставили въ покоѣ, чтобъ его не развлекали ни мысли горькія, ни картины печальныя, чтобъ весь онъ могъ сосредоточиться въ законномъ наслажденіи принадлежащимъ ему счастьемъ. Счастливый человѣкъ не любитъ даже, чтобъ во время его прогулки ему попался нищій, и для огражденія себя отъ подобной непріятности онъ или велитъ убрать назойливаго нищаго куда слѣдуетъ, или же торопливо суетъ ему въ руку гривенникъ, и потомъ цѣлый часъ улыбается, наслаждаясь мыслью, что сдѣлалъ однимъ счастливцемъ на свѣтѣ больше. Съ какой же стати ты заявляешь претензію на наше вниманіе,—ты, который хочешь потревожить спокойное, роковое теченіе нашей жизни, ты, который ищешь, чтобъ жизнь поступилась въ твою пользу частью или даже и всѣмъ своимъ историческимъ достояніемъ! Mon cher, если хочешь, вотъ тебѣ цѣлый полтинникъ, но не приставай къ намъ, не вынуждай, чтобъ мы велѣли куда-нибудь тебя убрать!

— Что касается до Иванушекъ, то прежде всего я долженъ сдѣлать общее, но весьма справедливое замѣчаніе. Можно мыслить, можно развиваться и совершенствоваться, когда духъ свободенъ, когда брюхо сыто, когда тѣло защищено отъ неблагопріятныхъ вліяній атмосферы и т. п. Но нельзя мыслить, нельзя развиваться и совершенствоваться, когда мыслительныя способности всецѣло сосредоточены на томъ, чтобъ какъ-нибудь не лопнуть съ голоду, а будущее сулитъ только чищеніе сапоговъ и ношеніе под-

Digitized by Google

носовъ («смотри, подлецъ, не урони подноса: морда отвѣчать будетъ!» — кричитъ господинъ, имѣющій возможность развиваться и совершенствоваться).

Руководясь этими мыслями, наши Иванушки успокоились. Они не смотрятъ ни вверхъ, ни по сторонамъ, а все въ землю и въ землю, справедливо разсуждая, что смотрѣть по сторонамъ и парить подъ облаками—дѣло не ихнее, а Сени Бирюкова, которому на это и крылья даны... И знаешь ли что? Я полагаю, что они даже очень рады тому, что у нихъ выработалась подъ ногами такая солидная историческая почва, потому что, опираясь на нее, они не только освобождаются отъ тѣхъ безчисленныхъ и горькихъ тревогъ, исходъ которыхъ если не совсѣмъ безнадеженъ, то во всякомъ случаѣ крайне сомнителенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаютъ для себя всегда готовую и даже весьма приличную отговорку.

Спроси у глуповца:—отчего ты не развитъ, грубъ и невѣжественъ? — онъ отвѣтитъ тебѣ: «а оттого, что тятька и мамка смолоду мало сѣкли». Спроси еще:—отчего ты имѣешь лишь слабое понятіе о человѣческомъ достоинствѣ? Отчего такъ охотно лѣзешь цѣловать въ плечико добрыхъ благодѣтелей? и пр. и пр.—онъ отвѣтитъ: «а вотъ у насъ Сила Терентьичъ есть—такъ тотъ онамеднись, какъ его выстегали, еще въ ноги поклонился, въ благодарность за науку!»

Въ самомъ дѣлѣ, что мы за выскочки такія, чтобъ учить другихъ! Мы находимся на исторической почвѣ—и знать ничего не хотимъ. И какъ ты тамъ ни ломайся, какъ ты тамъ ни глумись, а глуповецъ все-таки останется правъ, спокоенъ и доволенъ... потому что онъ объяснился, и объясненіе это вполнѣ сниметъ гнетъ съ его совѣсти.

Другое дѣло, если ты примешься поплотнѣе, если ты спросишь глуповца, зачѣмъ же онъ не соскочитъ съ этой неудобной исторической почвы? О, въ такомъ случаѣ... въ такомъ случаѣ онъ нѣсколько сконфузится и покраснѣетъ и... и все-таки постарается свернуть на историческую почву.

А впрочемъ онъ и объясняться-то съ тобой не станетъ! Нашъ Иванушка врядъ ли даже сознастъ, что подъ нимъ есть какая-то историческая почва. Мнѣ кажется, что онъ просто-на-просто носитъ эту почву съ собой, какъ часть своего собственнаго существа, и даже не подозрѣваетъ, чтобъ тутъ настояла надобность въ чемъ-то оправдываться, что-то объяснять.

Digitized by Google

По этому поводу считаю не лишнимъ разсказать тебѣ нѣкоторый глуповскій анекдотъ.

Однажды, весной, въ самое половодье, подъѣзжалъ я къ родному моему Глупову. День былъ базарный, и та часть рѣки Большой Глуповицы, гдѣ была устроена паромная пристань, была буквально усыпана народомъ. Требовался порядокъ, а если требовался порядокъ, то, натурально, ощущалась потребность и въ начальствѣ. Оно и было тутъ налицо, и на этотъ разъ заблагоразсудило распорядиться такъ, чтобъ ни одна изъ плывущихъ по рѣкѣ барокъ и лодокъ отнюдь не осмѣливалась переплывать за паромный ходъ, покуда не свалитъ весь народъ. Сказано—сдѣлано; барки и лодки остановились и оцѣпенѣли, какъ очарованныя. Однако, одна лодка соскучилась; къ величайшему своему несчастью, она обладала способностью анализа и на этомъ основаніи рѣшила, что разсужденіе начальства неудовлетворительно, и что покуда машина нагружается — сотни лодокъ могутъ очутиться по другую сторону паромнаго хода. Но начальство немедленно подняло гвалтъ и откомандировало своего дантиста для преслѣдованія и наказанія ослушника. До сихъ поръ все въ порядкѣ вещей, и я, конечно, не остановился бы на такомъ общеизвѣстномъ и общепонятномъ фактѣ, если бы рядомъ съ формальнымъ его проявленіемъ не раскрывался и внутренній его смыслъ, высказавшійся какъ въ положеніи, принятомъ преслѣдуемымъ, такъ и въ отношеніи къ нему толпы, тѣснившейся на паромѣ.

Преслѣдуемый, какъ только завидѣлъ дантиста, не пустился наутёкъ, какъ можно было бы ожидать, но показалъ рѣшимость духа изумительную, то-есть пересталъ грести и, сложивъ вёсла, ожидалъ. Мнѣ показалось даже, что онъ заранѣе и инстинктивно далъ своему тѣлу наклонное положеніе, какъ бы защищаясь только отъ смертнаго боя. Ну, натурально, дантистъ орломъ налетѣлъ, и черезъ минуту воздухъ огласился воплями раздирающими, воплями, выворачивающими наизнанку человѣческія внутренности.

А толпа была весела, толпа развратно и подло хохотала. «Хорошѣнь его! хорошѣнь его!» — неистово гудѣла тысячеустая. «Накладывай ему, накладывай! Вотъ такъ, вотъ такъ!» — вторила она мѣрному хлопанью кулаковъ. Только одинъ нашелся честный старикъ, который не вытерпѣлъ и прошепталъ: «разбойники!» — но и тотъ, замѣтивъ, что я разслышалъ невольный его вздохъ, какъ-то

Digitized by Google

измѣнился въ лицѣ и сталъ робко пробираться сквозь толпу на ту сторону парома.

Разберемъ этотъ фактъ логически.

Ни слова о дѣйствіи паромнаго начальства: оно поступило здѣсь... какъ бы потемнѣе выразиться?.. ну, да поступило по соображенію съ обстоятельствами дѣла и идеею собственнаго своего величія...

Изслѣдованію нашему подлежатъ собственно два предмета: положеніе преслѣдуемаго и отношеніе толпы къ происшествію.

Для чего преслѣдуемый не пошелъ наутёкъ, для чего онъ сложилъ вёсла? Для того, что онъ фаталистъ, что онъ видитъ вдали силу и впередъ убѣжденъ, что отъ силы не скрыть ему своего тѣла нигдѣ. Почему онъ фаталистъ, почему онъ вѣритъ въ вѣчное, неотразимое торжество силы — онъ самъ этого не объясняетъ себѣ, но онъ чувствуетъ паническое ошеломленіе при одномъ появленіи силы, но онъ, какъ кроликъ при видѣ боа, сидитъ недвижимъ и какъ будто очарованъ до тѣхъ поръ, пока чудовище не поглотитъ его.

Однако и онъ вздумалъ же однажды протестовать, и, несмотря на запрещеніе, все-таки переплылъ по ту сторону паромнаго хода. Что̀ означаетъ этотъ фактъ? А то, и только то, что ему не безызвѣстно изъ практики, что не всегда же сила дерется, но иногда и улыбается, что иногда она благодушна и согласна удовольствоваться тѣмъ, что обругаетъ непотребно, но до зубовъ не коснется. Вотъ на эту-то пріятную случайность, на эту-то возможность улыбки онъ и разсчитывалъ.

Но для чего же онъ даетъ своему тѣлу наклонное положеніе, и притомъ такое, чтобъ голова, то-есть именно та часть тѣла, которая всего болѣе представляетъ шансовъ для смертнаго боя, была по возможности защищена? Неужели смерть не составляетъ для него высшаго блага? Неужели и онъ еще дорожитъ жизнью? Нѣтъ, онъ не дорожитъ ею съ разумной точки зрѣнія, то-есть не видитъ въ ней блага, одному ему принадлежащаго, блага, которымъ никто посторонній не имѣетъ права располагать по своему произволу; но онъ дорожитъ ею инстинктивно, дорожитъ потому, что жилъ вчера, живетъ нынче, надо же и завтра жить. Онъ трусъ и не пойдетъ открыто навстрѣчу смерти, но встрѣтитъ смерть равнодушно, когда она сама придетъ къ нему, откуда бы и почему бы она ни пришла (время ли

Digitized by Google

тутъ справляться, когда умирать надо!), и еще равнодушнѣе или, лучше сказать, ходчѣе, натуральнѣе встрѣтитъ, ссли она придетъ къ нему какъ логическое послѣдствіе цѣлаго ряда фактовъ, каковы, напримѣръ, побои. Возьмемъ хотя настоящій случай: здѣсь преслѣдуемый укрываетъ отъ ударовъ свою голову, но почему? Потому, и только потому, что онъ еще не знаетъ, потребуется ли она. Потребуйся эта голова — ничего, онъ и ее вытащитъ, и будетъ только охать да взывать къ батюшкамъ и матушкамъ, но защищаться не станетъ ни подъ какимъ видомъ — слишкомъ учтивъ! И выйдетъ тутъ умертвіе—и больше ничего!

Отъ преслѣдуемаго перейдемъ къ толпѣ.

Скажите, Бога ради, благосклонный читатель, отчего ее не прорвало при видѣ этой гнусной расправы съ однимъ изъ своей среды? Ужели она не доросла, по крайней мѣрѣ, до того сознанія, что нельзя же наказывать не только смертнымъ, но и никакимъ боемъ, и не только такое преступленіе, какъ, напримѣръ, нарушеніе безсмысленнаго приказанія паромнаго унтеръ-офицера, но и всякое другое преступленіе, хотя бы оно было во сто разъ тяжелѣе, хотя бы отданное приказаніе было не безсмысленно и отдалъ его не унтеръ-офицеръ, а самъ Ударъ-Ерыгинъ? Положа руку на сердце, я полагаю, что именно оттого ее и не прорвало, что она не доросла даже до этого понятія. Опять-таки повторяю: такого рода понятіе доступно вамъ, любезные читатели, вамъ, которые занимались самоусовершенствованіемъ въ тиши кабинета, въ сообществѣ книжекъ или сочувственныхъ вамъ людей, подъ условіемъ взаимнаго обмѣна мыслей и чувствъ, но недоступно грубой толпѣ, которая, изъ-за куска насущнаго хлѣба, потѣла и выбивалась изъ силъ, вскидывая вилами навозъ на телѣги и потомъ раскидывая его по полямъ.

Но, сверхъ того, толпа имѣетъ ту же непреклонную вѣру въ роковую неизбѣжность силы, какъ и самъ преслѣдуемый. Она живетъ не подъ вліяніемъ умозрѣній, но подъ вліяніемъ дѣйствія эмпириковъ и шарлатановъ, которые научили ее горькому житейскому опыту.

Одинъ утѣшительный фактъ — это старикъ, который вздохнулъ: «разбойники!» Но нѣтъ, и онъ безобразенъ. Какъ онъ подло стушевался, какъ только замѣтилъ, что вздохъ его кѣмъ-то разслушанъ! Какъ робко, съ какимъ наивно-гнуснымъ видомъ сталъ онъ и подмигивать, и подсмѣиваться, и тишкомъ-тишкомъ пробираться на другую

Digitized by Google

сторону парома, чтобъ не обвинили его въ христіанскомъ сочувствіи къ ближнему! Положимъ, что въ его понятіяхъ я былъ однимъ изъ тѣхъ, противъ которыхъ онъ осмѣлился протестовать — что-жъ изъ этого? Или протестовать можно только втихомолку! Или ужъ такая печать роковая положена, въ силу которой самое праведное негодованіе разрѣшается лишь кукишемъ въ карманѣ?

Вотъ тебѣ младшій нашъ Глуповъ, вотъ тебѣ нашъ Иванушка!

По этому случаю мнѣ вспомнился другой анекдотъ, разсказанный мнѣ когда-то нѣкоторымъ глуповскимъ старожиломъ. «Жили да были въ нашемъ Глуповѣ два сосѣда: Иванъ богатый да Иванъ бѣдный. Много было добра всякаго у Ивана богатаго, а еще больше было у него зависти; у Ивана же бѣднаго только и богатства было, что лошадь пѣгая. Вотъ только и полюбись Ивану богатому этотъ пѣгашко; присталъ къ сосѣду: продай да продай своего живота. Однако, Иванъ бѣдный заупрямился, не размыслилъ, стало-быть, по началу, что если сильному да богатому чего захочется, такъ ужъ, значитъ, такъ тому и быть. «Ладно же, — говоритъ Иванъ богатый: — не хочешь за деньги отдать—отдашь даромъ; не хочешь честью раздѣлаться — раздѣлаешься безчестьемъ!» И возненавидѣлъ онъ его, сударь мой, пуще ворога лютаго, и сталъ съ тѣхъ поръ наше общество на него напущать. Соберемся, бывало, на сходку — сборщика или тамъ добросовѣстнаго выбирать — кого выбирать? «А чего-жъ лучше Ивана бѣднаго?» — говоритъ Иванъ богатый. «Катай Ивана бѣднаго!» — вопятъ глуповцы. Случится ли воровство по сосѣдству (ужъ и лихи наши глуповцы воровать-то!) — на кого подозрѣніе положить? «Ужъ это безпремѣнно Иванъ бѣдный укралъ! — говоритъ Иванъ богатый: — потому, онъ человѣкъ неимущій и кромѣ его некому промежъ насъ этимъ ремесломъ заниматься!» Одно слово: тошно стало жить Ивану бѣдному; прежде былъ онъ неимущъ, а теперь и вовсе разорился. Выйдетъ, бывало, за ворота, лохматый да испитой, глазами впередъ упрется, словно самъ дивуется, какъ это еще жизнь въ немъ держится. Наши глуповскіе ребята про все это знали и очень Ивана бѣднаго жалѣли. И сколько разъ жалѣючи ему говаривали: «поди, ты, Ванюшка, къ своему ворогу: проститъ онъ, это вѣрно — проститъ!» Однако, онъ все еще крѣпился; скажетъ, бывало, совѣтчикамъ: «подлецы вы!» — и отойдетъ

Digitized by Google

прочь. Хорошо. Вотъ только пала однажды къ намъ вѣсть о рекрутчинѣ; собралась это сходка, и, натурально, прежде всѣхъ за недоимщиковъ принялись. Горланилъ больше Иванъ богатый. «Эти недоимщики,—говоритъ,—всему нашему обществу поношеніе: отъ Ивана-то бѣднаго, поди, лѣтъ за пять уплаты никакой нѣтъ!» Стали судить да рядить, и приговорили Ивана бѣднаго, какъ гражданина нерадиваго и порочнаго, отдать въ солдаты безъ очереди. Узналъ это нашъ Ванюшка, словно съ колокольни спрыгнулъ. Прибѣжалъ это на сходку: и прощенья-то проситъ, и обзываетъ-то непотребно; однако, ребята наши на своемъ стали: «отдать да отдать Ивана въ солдаты!» — твердятъ. А у Ивана жена въ нетопленой избѣ голосомъ голоситъ, у Ивана малыя дѣти верезгомъ верезжатъ... Смирился-съ. Не только пѣгашку Ивану богатому на дворъ свелъ, а, сказываютъ, даже не мало въ ногахъ у него убивался. И вотъ, сударь, живетъ теперь нашъ Иванъ припѣваючи, и сталъ онъ даже Иванычемъ. Иванъ-то богатый, за смиренство, не токмо что продерзость его прежнюю простилъ, а даже замѣсто благодѣтеля ему сдѣлался... Анъ и выходитъ, что ласковое-то теля двѣ матки сосетъ, а гордому-то да строптивому и одна сосать не даетъ»...

Анъ и выходитъ... выходитъ, что ли, достойный сынъ Глупова?

А можетъ-быть, ты скажешь мнѣ, что при такихъ условіяхъ жить невозможно. «Невозможно» — это не совсѣмъ такъ, а что «противно» жить—это вѣрно.

. . . . . .

Вотъ, однакожъ, до чего мы договорились съ тобой. Мнѣ стало грустно, да и читателю, быть-можетъ, не совсѣмъ весело. А между тѣмъ, мнѣ не хочется оставлять читателя въ мрачномъ расположеніи духа; мнѣ хочется, во что бы то ни стало, развеселить его.

И въ самомъ дѣлѣ, изъ-за чего тебѣ мучиться, благосклонный мой читатель! И безъ того слишкомъ одолѣваютъ тебя мелочи и дрязги жизни, мелочи и дрязги дѣйствительныя, дающія себя знать и пощипываніями, и покалываніями, чтобъ къ нимъ прибавлять еще дрязги воображаемыя, какія-то дрязги будущаго. Ты берешь книгу въ руки, чтобъ развлечься, чтобъ отогнать отъ себя жизненный кошмаръ, который такъ аккуратно давитъ тебя, а тебя потчуютъ новыми кошмарами, тебя приглашаютъ о чемъ-то

Digitized by Google

побезпокоиться, надъ чѣмъ-то задуматься, а пожалуй и помучиться...

Итакъ, будемъ смѣяться.

Передо мной вереницей проходятъ мимо мои отставные герои: Фейеры, Живновскіе, Чебылкины, Порфиріи Петровичи—то-то смѣшные люди!.. Ха-ха!

Передо мной проходитъ Аринушка, но уже безъ сумы, потому что ее укралъ Фейеръ, чтобъ воспользоваться объѣдкомъ пирога, который кинула въ нее рука нищелюбиваго купца Хрептюгина... Ха-ха!

Передо мной проходитъ скитникъ, бѣжавшій отъ міра прелестнаго въ пустыни и разсѣдины земныя, и мирно оканчивающій свой подвигъ въ острогѣ... Ха-ха!

Передо мной проходитъ мой глубокомысленный критикъ, который обвиняетъ меня въ томъ, что я вывожу наружу плутни становыхъ (какъ будто я что-нибудь вывожу, какъ будто я кого-нибудь обличаю, или обрываю, или упрекаю, или бью по щекамъ, а не просто описываю и изображаю... о, милый Глуповъ!), а не вывожу наружу плутней повыше... Ха-ха!

Передо мной проходитъ моя собственная персона, возражающая вышеупомянутымъ критикамъ: «кто же вамъ мѣшаетъ, друзья, прикидывать, сравнивать и прилагать? Дерзайте, дѣти, дерзайте!»... Ха-ха!

Глуповъ, милый Глуповъ! Отчего надрывается сердце, отчего болитъ душа при одномъ упоминовеніи твоего имени? Или есть невидимое, но крѣпкое нѣкоторое звено, приковывающее мою судьбу къ твоей, или ты подбросилъ въ питье мое зелья, которое безвозвратно приворожило меня къ тебѣ? Кажется, и не пригожъ ты, и не слишкомъ уменъ; нѣтъ въ тебѣ ни природы могучей, ни воздуха вольнаго; нищета, да убожество, да дикость, да насиліе... плюнулъ бы и пошелъ прочь! Анъ нѣтъ, всѣ сердца къ тебѣ несутся, всѣ уста поютъ хвалу твою! Странная какая-то творится тутъ штука: подойдешь къ тебѣ поближе, вкусишь отъ винограда твоего — тошнитъ: чувствуешь, какъ въявѣ дуракомъ дѣлаешься; уйдешь отъ тебя — плачешь: чувствуешь, что вдругъ становишься словно не самимъ собою!

Отчего же несутся къ тебѣ сердца? Отчего же уста сами собой такъ складываются, что поютъ хвалу твою? А оттого, милый Глуповъ, что мы всѣ, сколько насъ ни есть, мы всѣ плоть отъ плоти твоей, кость отъ костей твоихъ. Всѣхъ-то ты прикормилъ, всѣхъ-то ты воспиталъ, всѣхъ-то ты на-

Digitized by Google

поилъ отъ многообильныхъ водъ рѣки Большой Глуповицы—какъ же намъ не любить тебя? Это нужды нѣтъ, что иногда словно тошнитъ: тошнота-то, милый человѣкъ, вѣдь своя, родная, прирожденная, такъ сказать, тошнота! Ну, потошнитъ-потошнитъ, да и пройдетъ! Это нужды нѣтъ, что временемъ словно обухомъ по головѣ тебя треснетъ: обухъ-то вѣдь свой, глуповскій обухъ, тотъ самый обухъ, который дѣйствуетъ по пословицѣ: «кого люблю, того и бью»—бери же его благоговѣйно въ руки и цѣлуй! Свое и бьетъ какъ-то не больно, и смердитъ не совсѣмъ чтобъ неестественно! А все оттого, милый ты человѣкъ, что любовность вездѣ въ-очію присутствуетъ, что и сѣчемъ-то мы не зря, а тоже приговариваемъ: «не груби, не балуй, сударь, сиди смирно, будь послушливъ!»

Многимъ это не нравится; многіе предпочли бы, пожалуй, чтобъ было поменьше любовности да побольше разсчетливости въ дѣйствованіи обухомъ; для многихъ обухъ даже вовсе не представляетъ прелести... Дивлюсь развращенности вкусовъ и не возражаю! Но не могу, однакожъ, умолчать, что я, съ своей стороны, признаю мой Глуповъ всецѣло, со всѣми его особенностями и даже съ его собственнымъ запахомъ. Какой же это былъ бы Глуповъ, спрашиваю я, если бы обитателей его не тошнило, если бы они не были слегка пришиблены? И были ли бы мы, сыны Глупова, такъ безмятежно благополучны, такъ отвратительно счастливы, если бы намъ предлагали какіе-то «проклятые» вопросы, если бы насъ заставляли дѣлать сочиненія на темы въ родѣ: «восходъ солнца въ Глуповѣ» или «сила любви къ Глупову»?

И какіе могли бы мы дать отвѣты на вопросы, кромѣ того, что «отвѣтовъ, по тщательному розыску, въ городѣ Глуповѣ не оказалось», или: «отвѣты были, но въ пожаръ, случившійся въ такомъ-то году, сгорѣли». А сочиненія? Возьмемъ для примѣра хоть тему «восходъ солнца» — что такое восходъ солнца? Мы не знаемъ, восходитъ ли солнце и какъ восходитъ въ городахъ Умновѣ и Буяновѣ, а въ Глуповѣ это тотъ самый моментъ, когда, по преимуществу, сгущаются въ жилыхъ покояхъ ночные звуки — и больше ничего. Коли хотите, это опредѣленіе голо и какъ-то пахуче-просто, но зато оно наглядно и точно, но зато тутъ ни одной черты нельзя ни убавить, ни прибавить. О чемъ же тутъ сочинять? Или опять насчетъ любви — что такое любовь къ Глупову? Откуда любовь? Гдѣ ея сѣда-

Digitized by Google

лице? За что любовь? Почему любовь? А кто-жъ его знаетъ, откуда, гдѣ, за что и почему! Любимъ — и все тутъ! Глуповъ, высиживая насъ, не говорилъ: люби меня за то, что я, дескать,—

Хорошъ,
Пригожъ,
Прекрасенъ суть,—

а приказывалъ:

Ахъ, люби меня безъ разсужденій...

(да и «ахъ» не говорилъ, а по-простому выражался: «люби не люби, а подлясывай!»)—вотъ мы и любимъ безъ разсужденія: родители любили, и мы любимъ!

Что тутъ думать! Я—твоя, ты—мой!

Какія же тутъ могутъ быть еще сочиненія?

Повторяю: Глуповъ нравится мнѣ всецѣло, со всѣми особенностями. Я открыто, передъ лицомъ цѣлой вселенной, признаю себя гражданиномъ Глупова и ничего-таки не стыжусь, потому что это дѣло уладили papa и maman, а я только съ благодарностью принялъ его послѣдствія. Я знаю Глуповъ, и Глуповъ меня знаетъ, и мы любимъ другъ друга, и мы счастливы! Мы взглянемъ другъ на друга—и разсмѣемся. «Ты чему, дурашка, смѣешься?» — спроситъ меня Глуповъ. «А ты чему, дятька, смѣешься?»—спрошу и я въ свою очередь. И оба удовлетворимся, и оба вздохнемъ легонько.

Или опять: Глуповъ покажетъ мнѣ палецъ—я зарадуюсь; я покажу Глупову палецъ—онъ зарадуется. «Ну, чему ты, дурашка, радуешься?»—спроситъ меня Глуповъ. «А ты чему, тятька, радуешься?»—спрошу и я въ свою очередь. И опять оба довольны, и опять вздохнемъ легонько. Нѣтъ, воля ваша, а я именно счастливъ, что papa и maman вздумалось въ лицѣ моемъ подарить Глупову лишняго гражданина!

Und ich war in Arcadien geboren...

Да, и я сынъ Глупова, и я катался какъ сыръ въ маслѣ, что, какъ извѣстно, и составляетъ настоящую, неподдѣльную глуповскую Аркадію. Я жилъ этою жизнью, я упивался производящимъ сгущеніе крови виномъ ея; нѣтъ того мѣста въ моемъ организмѣ, которое не было бы вкладнѣ уязвлено тобою, о, Глуповъ!

Не вѣрьте же, добрые мои сограждане, не вѣрьте тому супостату, который станетъ внушать вамъ, будто я озлобленъ противъ васъ, будто я поднимаю васъ на-смѣхъ! Во-

Digitized by Google

первыхъ, я столько разъ повторялъ вамъ: люблю, люблю и люблю, что сомнѣніе въ истинности моихъ чувствъ было бы даже обидно: не лгу же я въ самомъ дѣлѣ! А во-вторыхъ, откуда возьму я злобы противъ того, что составляло и составляетъ основу моего существованія? Откуда возьму я силы отречься отъ прошлаго, которое, какъ коррозивный меркурій, проникаетъ всѣ поры моего настоящаго? Успокойтесь же, глуповцы, и внимайте мнѣ съ благодушіемъ!

Если я посвящаю вамъ досуги свои, если я подношу вамъ свои сочиненія, я дѣлаю это потому, что желаю порадовать васъ моими успѣхами, желаю, чтобъ вы погладили меня по головкѣ, чтобъ вы сказали: вотъ, молъ, какой у насъ сынишка шустрый растетъ, книжки самъ сочиняетъ! А если въ этихъ книжкахъ вы замѣтите что-нибудь... то, Бога ради, не останавливайтесь на этой горькой мысли! Вѣрьте, отцы мои, что это только отъ усердія, что, въ сущности, всѣ мои усилія направлены только къ тому, чтобъ пощекотать у васъ брюшко! Въ этомъ заключается вся моя претензія, и дальше ея я нейду.

Да если бы я и хотѣлъ идти — кто меня пуститъ! Вы, глуповцы, народъ хоть и смирный, но, съ другой стороны, и упрямый. Вы охотно допустите, чтобъ кто-ни-на-есть (разумѣется, тотъ, кому на это право дано) собственноручно въ вашей физіономіи симметрію поправилъ, но не очень долюбливаете, когда кто-нибудь вамъ очень близко въ душу заглянетъ, да, пожалуй, еще посягнетъ на ваше лучшее достояніе—на вашъ сонъ. Чего добраго, соберетесь съ силами да и пожалуетесь!

Итакъ, примите меня благосклонно и не думайте, что я домогаюсь чести быть вашимъ учителемъ! Я только заношу, что между вами происходитъ, я описываю ваши нравы и обычаи, ваши горести и увеселенія, ваши досуги и сновидѣнія—сдѣлайте же милость, почивайте себѣ съ миромъ и не фискальте на меня!

Я отнюдь не упрекаю васъ за то, что вы не заводите въ средѣ своей общества трезвости, и отнюдь не настаиваю на томъ, чтобъ вы прониклись духомъ благодѣтельной устности! Я только заявляю, что въ васъ нѣтъ ни трезвости, ни устности, и даже не прибавляю отъ себя, нахожу ли этотъ фактъ печальнымъ или радостнымъ (откупщикъ находитъ его радостнымъ). Сдѣлайте же милость, не считайте меня зараженнымъ какимъ-то новымъ духомъ и не фискальте на меня!

Digitized by Google

О новомъ духѣ, признаюсь вамъ, я даже понятія не имѣю. Слышалъ я, правда, какъ генералъ Зубатовъ кому-то изъ приближенныхъ говорилъ:

— Толкуютъ тамъ: новымъ духомъ вѣетъ! новымъ духомъ вѣетъ! Какимъ это новымъ духомъ, желалъ бы я знать! Только лакеи стали грубить, а то все остается по-старому.

И больше ничего я объ этомъ новомъ духѣ не знаю и не слыхалъ.

Итакъ, будемъ жить въ мирѣ и добромъ согласіи. Пусть младшіе уважаютъ старшихъ, а старшіе утѣшаются младшими. Пусть старшіе, взирая на младшихъ, говорятъ: «кость отъ костей моихъ», а младшіе отвѣчаютъ: «какъ прикажете-съ». Да не будетъ между нами ни раздоровъ, ни распрей, да не будетъ ничего подобнаго тому, что случилось намеднись за морями, въ городѣ Буяновѣ, гдѣ сынъ отцу въ глаза сказалъ: «не дури, тятька! разобью зубы!» Да не будетъ!..

Ну, вотъ, ты и разсмѣялся, читатель!

I. Госпожа Падейкова.

Въ концѣ не помню ужъ какого года, но только не очень давно, случилось происшествіе, которое въ особенности поразило умственныя способности Прасковьи Павловны Падейковой.

А именно, двадцатаго ноября, въ самый день преподобнаго Григорія Декаполита, собственная, приданная ея дѣвка Ѳеклушка торжественно, въ общемъ собраніи всей дѣвичьей, объявила, что скоро она, Ѳеклушка, съ барыней за однимъ столомъ будетъ сидѣть, и что неизвѣстно еще, кто кому на сонъ грядущій пятки чесать будетъ, она ли Прасковьѣ Павловнѣ, или Прасковья Павловна ей.

О таковой, распространяемой дѣвкой Ѳеклушкой, ереси ключница Акулина не замедлила доложить Прасковьѣ Павловнѣ.

Но прежде, нежели продолжать разсказъ, необходимо сказать нѣсколько словъ о героинѣ его.

Госпожа Падейкова—женщина лѣтъ сорока-пяти и въ цѣломъ околоткѣ извѣстна какъ дама, которой пальца въ ротъ не клади. Оставшись послѣ мужа вдовой въ весьма молодыхъ лѣтахъ и будучи еще въ дѣтствѣ воспитана въ самой суровой школѣ («я тандрессовъ-то этихъ да сахаровъ не знала, батюшка... да!»—отзывалась она о себѣ въ минуты откровенности), Прасковья Павловна мало-по-малу

Digitized by Google

пріучилась къ полной самостоятельности въ своихъ дѣйствіяхъ, что, однакожъ, не мѣшаетъ ей называть себя сиротою и беззащитною, въ особенности, если разговоръ коснется чего-нибудь чувствительнаго. Въ ея наружности есть нѣчто мужественное, не терпящее ни противорѣчій, ни оправданій. Высокая и плечистая, она сложена какъ-то по-мужски, голосъ имѣетъ рѣзкій и повелительный, поступь твердую, а взоръ свѣтлый и до того проницательный, что, навѣрно, ни одна дворовая дѣвка не укроетъ отъ него своей беременности. Прасковья Павловна вдовѣетъ честно, то-естъ безъ малѣйшей тѣни подозрѣнія, и потому въ дѣйствіяхъ ея царствуетъ совершенное нелицепріятіе. Пріятно видѣть, какъ она за всѣмъ присматриваетъ, сама всѣмъ руководитъ и сама же творитъ судъ и расправу, распредѣляя виновнымъ: кому два, кому три тычка. Велемудрыхъ иностранныхъ очковъ она не носитъ и, будучи съ дѣтства поклонницей патріархальнаго воззрѣнія, съ большою основательностью полагаетъ, что ничто такъ не исправляетъ лѣнивыхъ и не поощряетъ ретивыхъ, какъ тычокъ, данный во-время и съ толкомъ.

— Не нужно только рукамъ волю давать,—говоритъ она сосѣдямъ, пріѣзжающимъ къ ней поучиться мудрому управленію имѣніемъ:—а то какъ не наказывать—не наказывать нельзя!

Понятно, что при такой самостоятельности дѣйствій, посреди общаго, никогда не нарушаемаго безпрекословія, поступокъ Ѳеклушки долженъ былъ сильно взволновать Прасковью Павловну.

— Кто тебя волтеріанству научилъ?—спросила она Ѳеклушку, поставивъ ее предъ лицо свое и предварительнымъ тѣлодвиженіемъ давъ ей почувствовать разницу между дѣйствительностью и утопіей:—отвѣчай, кто тебя волтеріанству научилъ?

Ѳеклушка сначала оробѣла, но потомъ пустилась въ различные изгороты и доложила барынѣ, что преподобный старецъ являлся ей во снѣ и объявилъ безотмѣнную свою волю, чтобъ она на будущее время всякое кушанье серебряной ложечкой ѣла. Но Прасковья Павловна не далась въ обманъ.

— Врешь ты, паскуда!—сказала она: — станетъ преподобный къ тебѣ, холопкѣ, являться!... Сослать ее, мерзавку, на скотный дворъ!

Digitized by Google

Сдѣлавши это распоряженіе, Прасковья Павловна, однако, не успокоилась.

Переходя отъ одного умозаключенія къ другому, она весьма основательно пришла къ убѣжденію, что всѣ эти штуки исходятъ не отъ кого другого, какъ отъ садовника Порфишки, котораго ужъ не разъ и не два заставали вдвоемъ съ Феклушкой.

— Такъ вотъ они объ чемъ шушукались!—сказала Прасковья Павловна.—Позвать ко мнѣ Порфишку!

Порфишку привели. Должно-быть, ему уже было приблизительно извѣстно, въ чемъ долженъ заключаться предстоящій съ барыней разговоръ, потому что онъ сталъ передъ Прасковьей Павловной съ рѣшительнымъ видомъ и, заложивъ руки за спину, отставилъ одну ногу впередъ. Прасковью Павловну прежде всего поразило это послѣднее обстоятельство.

— Гдѣ у тебя ноги?—спросила она, подступая къ Порфишкѣ.

— При себѣ-съ,—отвѣчалъ Порфишка, рѣшившись, повидимому, относиться къ барынѣ иронически.

— Я тебя спрашиваю, гдѣ у тебя ноги? — повторила Прасковья Павловна, все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе подступая къ Порфишкѣ.

— Не извольте, сударыня, драться!—отвѣчалъ Порфишка, не смущаясь и не перемѣняя позы.

Прасковья Павловна была женщина, и вслѣдствіе того имѣла душу деликатную. При видѣ столь дерзкой невозмутимости, деликатность эта вдругъ всплыла наверхъ и заставила ее не только опустить подъятыя длани, но и сдѣлать нѣсколько шаговъ назадъ.

— Долой съ моихъ глазъ... грубіянъ!—сказала она.—не огорчай меня своимъ присутствіемъ!

Порфишка взглянулъ на барыню съ какою-то грустной ироніей, разинулъ-было ротъ, чтобъ еще что-нибудь высказать, но только пожевалъ губами и, вѣроятно, отложивъ объясненіе до болѣе удобнаго случая, вышелъ. Такимъ образомъ предположенное дознаніе не удалось. Послѣ объясненія этого Прасковья Павловна осталась въ неописанномъ волненіи. Надо сказать правду, что происшествіе съ Феклушкой вовсе не составляло для нея столь неожиданнаго факта, какъ это можно было бы подумать съ перваго взгляда. Давно уже по селамъ и весямъ носились слухи, Богъ вѣсть кѣмъ и откуда заносимые, что вотъ-вотъ всѣ

Digitized by Google

Феклушки, Маринки, Порфишки и Прошки вдругъ отобьются отъ рукъ, откажутся подавать барынѣ умываться, перестанутъ чистить ножи, выносить изъ лаханей и проч. Сначала Прасковья Павловна подозрѣвала, что слухи эти идутъ отъ разносчика Фоки, который по-временамъ наѣзжалъ въ Падейково съ разнымъ хламомъ и имѣлъ привычку засиживаться въ дѣвичьей. Вслѣдствіе этого Фокѣ запрещенъ былъ въѣздъ въ деревню и въ то же время приняты были и другія дѣйствительныя мѣры къ охраненію нравственности дворовыхъ. Но слухи не унимались; напротивъ того, какъ волны, они росли и высились, принимая, по обычаю, самыя прихотливыя и фантастическія формы.

То будто звѣзда на небѣ странная появилась: это значитъ—Маришка барынѣ хвостъ показываетъ; то будто середь поля мальчикъ въ бѣлой рубашечкѣ не вѣсть откуда взялся и орѣшки въ рукахъ держитъ, и жалобненько такъ-то на всѣхъ глядитъ: это значитъ—Димитрій царевичъ по Бориса царя приходилъ; то будто Авдей, кузнецъ, лежа на печи, похвалялся: «мнѣ-ста, да мы-ста, да вы-ста», и все въ томъ же тонѣ. Очевидно, что есть что-нибудь, а если что-нибудь есть, то еще очевиднѣе, что надо принять противъ этого «что-нибудь» неотложныя и рѣшительныя мѣры, надо подумать о томъ, какимъ образомъ встрѣтить невзгоду такъ, чтобъ не застала врасплохъ.

Но какъ ни усиливалась Прасковья Платоновна, какъ ни изощряла свои умственныя способности, однако ничего, кромѣ розги, выдумать не могла.

«Такъ бы, кажется, и перепорола всѣхъ!»—думала она по-временамъ, и думала совсѣмъ не потому, чтобъ была зла, а единственно потому, что смыслъ всѣхъ завѣщанныхъ ей преданій удостовѣрялъ ее въ томъ, что въ розгѣ заключается глубокое нравственно-дидактическое таинство.

Поступокъ Феклушки и Порфишки окончательно разстроилъ ее:

«Какъ!—думала она, тревожно расхаживая по залѣ:—какой-нибудь скверный холопишка смѣетъ говорить со мною, отставивши ногу впередъ!»

Въ это время истопникъ Сёмка, полу-калѣка, полу-идіотъ, явился въ комнату, неся на спинѣ беремя дровъ, которыя съ грохотомъ разсыпались по полу.

«Вотъ и этотъ, чай, бариномъ будетъ!»—полупрезрительно, полуиронически сказала про себя Прасковья Павловна, останавливаясь передъ Сёмкой.

Digitized by Google

— Сёмка, скоро и ты, чу, въ баря выйдешь!

Сёмка безсмысленно засмѣялся и замоталъ головой. Прасковьѣ Павловнѣ показалось, что онъ уже сочувствуетъ Феклушкѣ и Порфишкѣ.

«Нѣтъ, видно, во всѣхъ этотъ *ядъ* ужъ дѣйствуетъ!»—подумала она и вслухъ прибавила:

— Что-жъ, хочется, что ли, Сёмка?

Сёмка загоготалъ и утерся рукавомъ своей пестрядинной рубашки.

— Вонъ, подлецъ!—крикнула Прасковья Павловна и внѣ себя выбѣжала въ дѣвичью.

— Дѣвки, сейчасъ всѣ до одной молитесь Богу, чтобъ *этого зла* не было!—сказала она.

Но не успѣли еще дѣвки исполнить приказанія ея, какъ къ крыльцу подъѣхала повозка, запряженная тройкой лошадей. Оказалось, что пріѣзжій былъ нѣкто Гаврило Семенычъ Грузиловъ, сосѣдъ Падейковой, служившій, вмѣстѣ съ тѣмъ, засѣдателемъ отъ господъ дворянъ въ М. уѣздномъ судѣ.

Грузиловъ хотя и находился въ былыя времена въ военной службѣ, гдѣ, съ Божьею помощью, дослужился даже до прапорщичьяго чина, но за давно прошедшимъ временемъ все, что было въ наружности его напоминающаго о неползновеніяхъ воинственности, улетучилось, и въ немъ, какъ онъ самъ выражался, никакихъ военныхъ аллюровъ не осталось, кромѣ нѣкоторой слабости къ старику-ерофеичу. Вообще, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ благонравныхъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, которые, въ присутствіи сильныхъ и богатыхъ помѣщиковъ, скромно жмутся въ углу или около печки, заложивъ одну руку за спину, а другую пріютивши гдѣ-то около пуговицъ форменнаго и всегда застегнутаго сюртука.

— А, Гаврило Семенычъ! Откуда, сударь, пожаловалъ?—сказала Прасковья Павловна, идя навстрѣчу входящему Грузилову.—А у меня, батюшка, здѣсь между дѣвками вольность проявилась... конституціевъ, видишь, хочется! Вотъ я вамъ задамъ ужо конституціевъ!

— Точно такъ-съ, Прасковья Павловна,—осмѣлился замѣтить Грузиловъ:—точно такъ-съ; нынче это промежду нихъ модный духъ... такъ точно, какъ бы сказать, между благородными людьми мода бываетъ!

— Вотъ я эту моду ужо повыбью!—отвѣчала Прасковья Павловна и повела гостя во внутреннiе покои.

Digitized by Google

— Я къ вамъ, Прасковья Павловна, съ дѣльцемъ-съ,— таинственно проговорилъ Грузиловъ, едва держась на кончикѣ стула и безпокойно поглядывая на полуотворенную дверь, мимо которой безпрестанно шмыгали дворовыя дѣвки.

Прасковья Павловна измѣнилась въ лицѣ.

— Что такое?—спросила она дрожащимъ голосомъ, уже предчувствуя бѣду.

— Гм... точно-съ... извѣстіе-съ... до всѣхъ касающе...— пробормоталъ Грузиловъ, самъ инстинктивно робѣя.

— Да ты не гымкай, а говори, сударь, дѣло!—сказала съ сердцемъ Прасковья Павловна.

Грузиловъ снова съ безпокойствомъ взглянулъ на дверь, гдѣ, какъ ему показалось, торчали двѣ женскія головы, очевидно желавшія подслушать барскій разговоръ.

— Перметтѐ... ле портъ?—сказалъ онъ рѣшительно, хотя до настоящей минуты отъ роду не выговаривалъ ни одного французскаго слова.

— Фермѐ!—отвѣчала Прасковья Павловна.

Грузиловъ приперъ дверь поплотнѣе.

— Имѣю честь доложить,—сказалъ онъ вполголоса:— что на сихъ дняхъ *оно* ужъ кончено, то-есть рѣшено и подписано-съ!

— Какъ рѣшено? кѣмъ подписано? Да говори же, сударь, говори!

— Такъ точно-съ; для *нихъ*, можно сказать, все счастіе составили-съ!

— Парлѐ франсѐ!—сказала Прасковья Павловна, поднимаясь съ дивана и подступая къ Грузилову:—де ки, де ки савѐ?

— Иванъ Степанычъ вчерашняго числа достовѣрное извѣстіе получили-съ...

Прасковья Павловна съ глухимъ воплемъ опустилась на диванъ. Грузиловъ засуетился около нея.

— Матушка, Прасковья Павловна!—говорилъ онъ нѣсколько ослабнувшимъ отъ страха голосомъ.—Матушка, не сердитесь! Богъ дастъ, все попрежнему будетъ!

Прасковья Павловна, упершись въ спинку дивана и зажмуривъ глаза, безмолвствовала.

— Не прикажете ли изъ дѣвокъ кого-нибудь позвать?— продолжалъ растерявшійся Грузиловъ.

Но Прасковья Павловна попрежнему безмолвствовала. Грузиловъ бросился къ двери.

Digitized by Google

— Ахъ, нѣтъ!—вскрикнула Прасковья Павловна томнымъ голосомъ.

— Успокойтесь, матушка!—утѣшалъ Грузиловъ.—Иванъ Степанычъ сказывали, что все это только такъ-съ, предварительно-съ... для того только, чтобъ французу по губамъ помазать... Да прикажите же, сударыня, дѣвку-то позвать!

— Ахъ, нѣтъ, Гаврило Семенычъ!—отвѣчала Прасковья Павловна:—зачѣмъ ихъ безпокоить! Богъ знаетъ, можетъ-быть, еще намъ съ тобой придется за ними ухаживать!

— Ужъ это не дай Богъ-съ!—уныло молвилъ Грузиловъ.

— Нѣтъ ужъ, нѣтъ... нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Съ нынѣшняго дня, съ нынѣшняго дня!.. Это горько!—воскликала Падейкова, томно устремляя глаза къ небу.

— Успокойтесь же, матушка!—увѣщавалъ, между тѣмъ, Грузиловъ:—все это слухъ одинъ-съ... И въ древности Симъ-Хамъ-Іафетъ были-съ, и на будущее время нѣтъ имъ резона не быть-съ!

— Нѣтъ, Гаврило Семенычъ,—сентиментально продолжала Прасковья Павловна:—я вотъ какъ скажу: съ нынѣшняго дня я всю мою надежду на Бога возложила,—какъ Онъ, Царь Небесный, положитъ, такъ пусть и будетъ... Только ужъ я въ обиду себя не дамъ!—прибавила она совершенно неожиданно.

Грузиловъ молчалъ.

— Я еще давеча чувствовала, что готовится что-то ужасное! Даже сонъ былъ какой-то странный... Всегда видишь во снѣ что-нибудь пріятное: или по ковру ходишь, или по рѣкѣ плывешь, или вообще что-нибудь на пользу дѣлаешь, а нынче просто-на-просто привидѣлось какое-то большущее черное пятно: такъ будто и колышется передъ глазами—то налѣво повернетъ, то направо понатянется, то будто подъ сердце подступить хочетъ...

— Это точно-съ, что сонъ несообразный,—замѣтилъ Грузиловъ:—а впрочемъ, не всегда сны вѣроятія достойны, сударыня! Не далеко искать, жена-покойница видѣла, примѣрно хоть нынче, будто, съ позволенія сказать, въ грязи погрузла; ну, и думали мы тогда, что это значитъ—наслѣдство получить; анъ, замѣсто того, она на завтра преставилась-съ!..

— Нѣтъ, Гаврило Семенычъ, мой сонъ правду говоритъ... я это вижу! Ну, что-жъ, и пускай всѣ будутъ дворянками! Вотъ завтра позову всѣхъ, и Феклушку позову... ну, и скажу

Digitized by Google

имъ: теперь, дѣвки, ужъ не мнѣ вами командовать, а вы командуйте мной! Вы теперь барыни, а я ваша холопка! Только преинтересно это будетъ, Гаврило Семенычъ, какъ это онѣ за команду-то примутся? Вѣдь онѣ это дѣло какъ понимаютъ? По-ихнему, сидѣлъ бы сложа руки, чтобъ все это имъ даромъ да шаромъ... а того и не подумаютъ, мерзавки, что даромъ-то и прыщъ на носу не вскочитъ: все сначала почешется.

— Это точно-съ.

— Поэтому-то я и говорю, что въ этихъ случаяхъ всего вѣрнѣе на Бога упованіе возлагать. Вотъ и давеча: точно меня въ грудь кольнуло; сижу я одна и все говорю: «что Батюшка Царь Небесный захочетъ, то и сдѣлаетъ; мы Ему не то что тѣла, а и души, и платье, и домъ... и все, словомъ сказать, въ безотчетность препоручить должны!» Такъ вотъ и говорю; и сама не знаю, что со мной сдѣлалось, а только все говорю, все говорю, а въ груди-то у меня такъ и колетъ, словно кто меня сзади подталкиваетъ: смотри, дескать, все это не даромъ! секрушать твое счастіе! Такъ оно и случилось. Нѣтъ, Гаврило Семенычъ, меня предчувствія никогда не обманываютъ... никогда!

Очевидно, что Прасковья Павловна, незамѣтно для самой себя, понемногу вошла въ тотъ фазисъ душевнаго состоянія, когда постигшее человѣка несчастье мало-по-малу отодвигается на задній планъ, а впередъ выступаетъ безконечное самоуслажденіе своими собственными соболѣзнованіями. Она, если можно такъ выразиться, смаковала свое горе, прислушивалась къ своимъ рѣчамъ, и, внезапно вообразивъ себя чѣмъ-то въ родѣ кроткой страдалицы, искренно начала чувствовать то пріятное разслабленіе во всемъ организмѣ, которое, какъ извѣстно, предшествуетъ всѣмъ подвигамъ самоотверженія.

— Нѣтъ, видно, ужъ намъ на роду такъ написано!— продолжала она, улыбаясь довольно ласково и трепля Грузилова по плечу:—видно, ужъ мы неугодны стали, а угодны стали холопки. Вонъ у меня ихъ съ тридцать въ дѣвичьей напасено: хоть всѣхъ дѣлай дворянками... съ Богомъ! Такъ-то, Гаврило Семенычъ, такъ-то, почтенный мой! Возьмемся-ка мы съ тобой за соху и станемъ землю ковыряты! Что-жъ, вѣдь коли по правдѣ говорить—хуже-то намъ отъ этого не будетъ, еще для души что-нибудь полезное сдѣлаемъ. А то это хозяйство да хлопоты—только грѣхъ съ ними одинъ!

Грузиловъ усмѣхнулся; онъ самъ начиналъ мало-по-малу

Digitized by Google

расплываться и сочувствовать идиллическому настроенію души Прасковьи Павловны.

— Это вы справедливо насчетъ грѣха изволили замѣтить,—сказалъ онъ:—грѣхъ точно есть-съ, потому что въ хозяйствѣ, дѣло извѣстное, безъ того нельзя, чтобъ не безъ рукъ-съ... Ну, и кровь отъ этого самаго портится, а ужъ жизнь какъ сокращается, такъ это именно, можно сказать, какъ только Богъ по грѣхамъ насъ поддерживаетъ!

— Ну, вотъ, видишь ли! Стало-быть, и правда моя, что все это къ нашему же добру ведетъ!.. Наймемъ вотъ у своихъ же крестьянъ землицы, да и станемъ жить да поживать... Конечно, тогда ужъ сладкаго куска не требуй, а будь сытъ, чѣмъ Богъ послалъ—зато грѣха меньше будетъ! Вотъ мы служили-служили мамону, а что выслужили? Можетъ, за мамонъ-то насъ Богъ и наказываетъ!

При словѣ «мамонъ», Грузиловъ вспомнилъ, что онъ еще не завтракалъ, но сказать объ этомъ Прасковьѣ Павловнѣ не осмѣлился. Съ своей стороны, хозяйка умолкла и нѣсколько минутъ сидѣла потупивши голову и перебирая пальцами.

— А мудреное будетъ дѣло-съ!—сказалъ, наконецъ, Грузиловъ.

Прасковья Павловна ожила.

— Да ужъ такъ-то, сударь, мудрено,—сказала она, снова приходя въ волненіе:—что я вотъ думаю-думаю и никакъ-таки придумать не могу! И такъ прикинешь, и такъ повернешь—и все какъ-то ничего не выходитъ! Ну, ты возьми, сударь, подумай! Всѣ, что ли, барями будутъ? Всѣ, что-ли, хорошія кушанья ѣсть будутъ? Такъ вѣдь про нихъ хорошаго-то не напасешься — пойми ты это! Да опять и то: если бы и можно было доподлинно напастись, такъ вѣдь они, можно сказать, озорствомъ все разбросаютъ! Не то чтобъ кроткимъ манеромъ сѣсть за столъ да поѣсть, чѣмъ Богъ послалъ — онъ, сударь, будетъ только глотку свою драть: подавай ему и того, и сего, и индюшечку-то подай, и теленочка-то зарѣжь, и капустки-то наруби... да Божье-то добро, вмѣсто того, чтобъ въ ротъ брать, онъ подъ столъ да подъ лавку!..

— Это истинно-съ! Вотъ у меня кучеръ Прохоръ — изволите, чай, знать?—такъ онъ, коли хмелинка у него въ голову попадетъ, такъ-таки никакъ въ ротъ кускомъ попасть не можетъ, а все, знаете, мимо суетъ... презабавно на него въ ту пору смотрѣть бываетъ!

— Ну, вотъ видишь ли! А онъ теперь еще въ страхѣ

Digitized by Google

находится: что-жъ это будетъ, коли на него и страху-то ужъ не станетъ! У меня вотъ Сёмка-дурачокъ есть, такъ онъ даже и ѣсть-то путемъ не попроситъ, коли посторонніе не накормятъ... ну, и онъ, стало-быть, бариномъ сдѣлается?

— Да-съ, это будетъ любопытно-съ, — отвѣчалъ Грузиловъ, хихикнувъ отъ удовольствія.

— Нѣтъ, ты не смѣйся!—сказала Прасковья Павловна строго:—это дѣло слезъ, а не смѣха стоющее! Мое теперь дѣло сторона, а я больше объ нихъ жалѣючи говорю. Ты возьми, сударь, то въ расчетъ, что у нихъ и натура такъ создана, что они больше, какъ бы сказать, къ тяжелымъ трудамъ приспособлены, а не то чтобъ къ нѣжностямъ да къ музыкамъ или тамъ объ душѣ что-нибудь побесѣдовать... Вѣдь это, значитъ, въ нихъ ужъ не человѣческое, а релегеозное! Стало-быть, если у нихъ эти тѣлесныя упражненія отнять, что же изъ этого будетъ? — одно забвеніе, и больше ничего!.. Ну, опять и то подумай: что-жъ, значитъ, мы, дворяне, послѣ этого будемъ! Теперь, какъ у меня что есть, такъ всякій это видитъ, всякій, значитъ, и уважаетъ меня какъ дворянку! А какъ ничего-то у меня не будетъ, кто же мнѣ, какъ дворянкѣ, уваженіе сдѣлаетъ? Вѣдь на лбу-то у меня не написано, что я дворянка! Что одѣта-то я почище—такъ нынче мѣщанки-то лучше дворянокъ еще одѣваются! Всякій, значитъ, и скажетъ: какая ты дворянка! Пошла, скажетъ, голубушка, прочь!

Прасковья Павловна проницательно посмотрѣла въ глаза Грузилову.

— Вотъ и служили мамону!—сказала она: — вотъ и дослужились!

При вторичномъ напоминаніи слова «мамонъ», Грузилову сдѣлалось нестерпимо тоскливо. На этотъ разъ онъ даже рѣшился преодолѣть природную свою робость и напомнить хозяйкѣ объ обязанностяхъ гостепріимства.

— Матушка, Прасковья Павловна, — сказалъ онъ, заикаясь:—не соблаговолите ли... закусить что-нибудь?

— Не знаю, сударь, не знаю, какъ теперь и приказывать! Попроси развѣ самъ дворянокъ-то: можетъ, и дадутъ что-нибудь изъ милости! Я теперь и насчетъ себя ничего не знаю! Будутъ онѣ мою ласку помнить—ну, дадутъ что-нибудь: рыбки, что-ли, солёненькой, огурчиковъ, что-ли; а не будутъ—и не ѣвши день просижу... А ужъ передъ холопками своими унижаться не стану!

Digitized by Google

Однакожъ, ожиданія Прасковьи Павловны не сбылись. И закуска, и вслѣдъ затѣмъ обѣдъ были поданы, какъ обыкновенно, безъ всякаго замѣшательства. Грузиловъ ѣлъ съ величайшимъ аппетитомъ, хрустѣлъ зубами, цокалъ языкомъ и причмокивалъ губами. Нельзя сказать того же о Прасковьѣ Павловнѣ: она почти все время исподлобья слѣдила за движеніями лакея Ѳедьки и вслѣдъ за каждымъ проглатываемымъ кускомъ приговаривала: «ну, вотъ, можетъ-быть, и въ послѣдній разъ такъ ѣдимъ!» Иногда аппетитъ ея даже совсѣмъ пропадалъ и она съ досадой бросала на столъ вилку и ножикъ и отодвигала отъ себя тарелку съ нелочатымъ еще кушаньемъ.

— Прахъ побери, да и совсѣмъ! — восклицала она восторженно:—пусть все пойдетъ прахомъ! пусть все пойдетъ прахомъ!

Въ этотъ же день, вечеромъ, по отѣздѣ Грузилова, когда дѣвка Маришка доложила барынѣ, что постелька ихъ ужъ готова, Прасковья Павловна взглянула на нее какъ-то особенно кротко и сказала:

— Нѣтъ ужъ, Марина, я раздѣнусь сама! Гдѣ мнѣ тебя безпокоить... поди почивать! — Маришка остановилась въ недоумѣніи. — Или тебѣ меня жалко? — продолжала Прасковья Павловна:—ну, что-жъ, если у тебя такое доброе сердце, что ты хочешь раздѣть свою барыню—раздѣнь, я препятствовать не стану!

Ночью привидѣлся Прасковьѣ Павловнѣ сонъ.

Снилось ей, будто она пожалована въ скотницы и доитъ преогромную корову. Только доитъ она и никакъ не можетъ ее выдоить, а между тѣмъ сзади стоитъ Порфишка и приговариваетъ: «доить тебѣ всю жизнь и не отдоиться, доить и не отдоиться!» Она будто бы хочетъ вскочить и замахнуться на Порфишку—не тутъ-то было: ноги словно приросли къ землѣ, хотя самоё ее такъ и подмываетъ, такъ и подмываетъ.

— Это, матушка, значитъ, деньгамъ переводу не будетъ,—объяснила ей ключница Акулина, которой она имѣла привычку сообщать свои сны.

— Ахъ, ужъ какія теперь, Акулинушка, деньги! — сказала Прасковья Павловна и потихоньку при этомъ вздохнула.

Надо, однакожъ, сознаться, что въ дѣвичьей не преминули воспользоваться нравственной перемѣной, происшедшей въ Прасковьѣ Павловнѣ. По увѣренію Акулины, дѣвки

Digitized by Google

совсѣмъ отъ рукъ отбились, а Порфишка безвыходно поселился въ дѣвичьей и съ утра до вечера тѣмъ только и занимался, что игралъ въ гармонію и нашептывалъ дѣвкамъ любезности, отъ которыхъ онѣ мгновенно налѣли. Однако, Прасковья Павловна только покачивала головой, когда ей докладывали о всѣхъ этихъ безпорядкахъ, и, не дѣлая никакихъ распоряженій, уныло говорила: «это еще что! дай сроку, и не то еще будетъ!» Однимъ словомъ, изъ прежней дѣятельной и бойкой барыни Прасковья Павловна превратилась въ какую-то институтку-мечтательницу: по цѣлымъ днямъ просиживала у окна, взглядывая въ безграничную даль, и тяжко при этомъ вздыхала...

Однажды ей доложили, что пришелъ староста.

— Ну, что, Авенирушка, скажешь?—обратилась она къ нему:—барыню, что-ли, свою старую вспомнилъ?

— Хлѣбъ, сударыня, весь измолотили.

— Ну, спасибо тебѣ, Авенирушка! Спасибо вамъ, мои голубчики, что старую барыню не оставляете!

— Куда завтра народъ гнать прикажете!

— А куда гнать? Извѣстно, куда ночче всѣхъ гнать велятъ!.. Нѣтъ, Авенирушка, я ночче приказывать не могу... приказывайте лучше вы мнѣ!

Авенирушка неосторожно осклабился; Прасковья Павловна, которая зорко за нимъ слѣдила, замѣтила это.

— Ты, кажется, смѣяться вздумалъ?—спросила она его строго:—такъ я тебѣ еще докажу, подлецъ ты этакой, что значитъ барыню на смѣхъ подымать... Вонъ съ глазъ моихъ, грубіянъ!

— Я, сударыня, помилуйте... я ничего... какъ можно этакому дѣлу смѣяться! Этакому дѣлу плакать должно!

Прасковья Павловна нѣсколько смягчилась.

«Вотъ хорошіе-то да благонравные всѣ такъ говорятъ!»—подумала она.

— Что же насчетъ барщины изволите приказать?—приставалъ староста.

— Нѣтъ, Авенирушка, хоть я и знаю, что ты добрый, а приказывать не могу!.. Нѣтъ моихъ силъ, Авенирушка!

Очевидно, отношенія ея съ каждымъ днемъ становились тяжелѣе и натянутѣе. Самыя ничтожныя затрудненія, которыя, въ былыя времена, Прасковья Павловна разрѣшала однимъ взмахомъ руки, принимали теперь въ ея воображеніи неприступныя, чуть не чудовищныя формы. Горькія,

Digitized by Google

безотрадныя мысли посѣщали ея голову во время безмолвнаго сидѣнія у окна.

«Какъ же теперь я кушанье сама себѣ готовить буду?—думала она:—я человѣкъ нѣженный...»

Пробѣгалъ ли въ это время мимо окна теленокъ, или пѣтухъ, взобравшись на кучу навоза, громкимъ голосомъ взывалъ къ своимъ хохлатымъ подругамъ:

«Стало-быть, и это все—имъ!—думала Прасковья Павловна:—и теленочекъ, и курочка!»

Проходила ли по двору дѣвка Аришка, исправляющая въ домѣ должность прачки, неся на плечѣ коромысло, обремененное мокрымъ, сейчасъ только выполосканнымъ, бѣльемъ:

«Успокойся, милая! — думала сама съ собой Прасковья Павловна:—успокойся, подлячка, не долго тебѣ мыть! Скоро, очень скоро...»

Но тутъ мысль ея запутывалась и, незамѣтно для нея самой, получала такія кудреватыя развѣтвленія, что не было никакой возможности уловить ихъ.

Даже преданная Акулина дѣлалась въ глазахъ ея чѣмъ-то въ родѣ отогрѣтой у пазухи змѣи.

— А вѣдь ты отъ меня сейчасъ же стречка дашь!—говорила она, когда Акулина, видя ея горесть и заботясь о ней, какъ о маломъ ребенкѣ, приносила ей пирожка людского попробовать или соченька съ молодымъ творожкомъ отвѣдать.

— Христосъ съ вами, сударыня! Куда мнѣ, старухѣ, отъ васъ зря бѣжать? Вѣдь я васъ еще эконькихъ знавала!

Акулина отмѣривала морщинистой рукой своей пространство на полъ-аршина отъ земли.

— Это нужды нѣтъ, что знавала! — продолжала неумолимая Прасковья Павловна: — я тебя насквозь, ехидную, вижу! Лучше, что ли, ты Феклушки-то?

— Нашли съ кѣмъ сравнить! Ой, барыня!

— А останешься, такъ еще хуже того будетъ! Навяжетесь вы мнѣ на шею, калѣки да хворые! Чѣмъ бы за мной походить, анъ еще я за вами ухаживать должна... чай, и Сёмка останется!

— Покушайте-ка лучше, сударыня!

— Вотъ видишь, какъ ты со мной обращаться стала! Ну, смѣла ли бы ты прежде меня ѣсть принуждать! Нѣтъ, всѣхъ, всѣхъ съ глазъ долой!

Прасковья Павловна съ негодованіемъ отвергала подно-

Digitized by Google

симый ей жирный сочень, произнося при этомъ слѣдующія обидныя слова: «еще ядомъ, можетъ, обкормить меня хочешь!»

И все-таки я долженъ сознаться, что Прасковья Павловна была совсѣмъ не дурная женщина, и даже внутренно сама себѣ не вѣрила, обвиняя Акулину въ недостаткѣ преданности, а тѣмъ болѣе въ злостномъ желаніи обкормить ее. Она вполнѣ была убѣждена, что Акулина была преданнѣйшимъ и безотвѣтнѣйшимъ существомъ, какое только могло выработаться на русской почвѣ, подъ вліяніемъ тѣхъ горькихъ отношеній, которыя нѣкоторыми героями не безъ ироніи называются патріархальными.

Она дѣйствительно знала, что Акулина возилась съ ней еще въ ту радужную пору, когда она была «эконькой», и что съ тѣхъ поръ завязалась между ними та неразрывная связь, по свойству которой въ глазахъ Акулины не было человѣка краше Прасковьи Павловны, а въ глазахъ Прасковьи Павловны—не было ключницы честнѣе и преданнѣе Акулины. Если и происходили у нихъ иногда стычки по поводу нѣкоторыхъ весьма невинныхъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, пролитаго кваса, безъ вѣсти пропавшаго кусочка сахара, еще вчера вечеромъ видѣннаго на комодѣ, разбитой тарелки и т. п., и если Прасковья Павловна никогда не пропускала случая назвать Акулину старой воровкой и разорительницей, то послѣдняя не только не обижалась этими импровизированными ласками, но, напротивъ того, считала бы, что въ жизни ея нѣчто недостаетъ, если бы ихъ не было. Поэтому и настоящій казусный случай не только не измѣнилъ этихъ отношеній, но еще болѣе скрѣпилъ ихъ. Нерѣдко, когда барыня, безмолвствуя по цѣлымъ часамъ и перебирая въ умѣ своемъ всѣ ужасы, которые представляло угодливое ея воображеніе, смотрѣла въ окошко, Акулина потихоньку становилась въ дверяхъ ея комнаты и, пригорюнившись, смотрѣла на ненаглядную свою барыню.

— Куда это она огурцы несетъ? Куда она огурцы несетъ? — вскрикивала Прасковья Павловна, замѣтивъ, что дѣвочка Васютка воровски пробирается около забора, неся подъ фартукомъ деревянную чашку съ солеными огурцами.— Акулька, мерзкая! Такъ-то ты барское добро бережешь!

Акулина опрометью бросалась изъ комнаты, чтобы накрыть виновную съ поличнымъ.

— Ахъ, нѣтъ!—кричала ей вслѣдъ Прасковья Павловна:—

Digitized by Google

ахъ, нѣтъ! оставь ее, Акулинушка! Пусть ихъ ѣдятъ, ненасытныя! Пусть все прахомъ пойдетъ!

И снова погружалась въ мечтательность. Въ такихъ тревогахъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ.

Однако, Прасковья Павловна съ величайшимъ изумленіемъ вдругъ замѣтила, что въ теченіе этого времени вокругъ нея никакихъ существенныхъ измѣненій не произошло. Попрежнему «дѣвки-поганки» подавали ей умываться и оправляли ей постель; попрежнему «Ѳедька-подлецъ» чистилъ ножи, ставилъ самовары и подавалъ за обѣдомъ кушанья; попрежнему Авенирушка каждый вечеръ являлся за приказаніями... Даже пассажей особенныхъ не было, кромѣ нѣсколькихъ кражъ огурцовъ да изрѣдка раздававшихся робкихъ звуковъ гармоніи (что, впрочемъ, случалось и въ прежнее время).

Надо было истолковать себѣ это явленіе.

Но и тутъ Прасковья Павловна никакъ не могла вывести свою мысль на прямую дорогу изъ круга сомнѣній и противорѣчій, въ которомъ она упорно вращалась.

«Нѣтъ, это они не даромъ!—думала она иногда, по-своему зорко присматриваясь и прислушиваясь ко всему окружающему:—это они нарочно смиренниками прикинулись!»

И вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдомъ за этою черною мыслью, возникала въ умѣ ея другая, болѣе утѣшительная: «а что, если Грузиловъ навралъ? Что, если ничего этого нѣтъ, и все это звонъ и брехъ пустыхъ и неблагонамѣренныхъ людей?»

— Эти дворнялки кургузые только смуту заводятъ! Ѣздятъ по сосѣдямъ да только—тяфъ-тяфъ!..

Чтобъ положить предѣлъ этимъ мученіямъ, она рѣшилась ѣхать въ городъ, къ тому самому Семену Иванычу, въ которомъ, по свидѣтельству Грузилова, заключался первоначальный источникъ, изъ котораго струилось смутившее ее извѣстіе.

Городъ, обыкновенно тихій до мертвенности, былъ какъ-то неестественно оживленъ, когда въ него въѣхала Прасковья Павловна; по улицамъ суетливо сновали и щегольскіе возки, и скромные, обтянутые рогожей баулы, и лихія сани, запряженныя тройками, съ гремящими бубенчиками и заливающимися колокольцами.

Обстоятельство это не ускользнуло отъ вниманія Прасковьи Павловны.

«Ишь, черти, обрадовались!»—произнесла она мысленно.

Digitized by Google

И съ этой минуты уже не сомнѣвалась. «Какъ только я это увидѣла,—разсказывала она въ тотъ же вечеръ Акулинѣ:—что они, съ позволенія сказать, какъ черти въ аду бѣснуются, такъ съ той же минуты и положилась во всемъ на волю Божію!»

Однако, съ Семеномъ Иванычемъ повидалась, хотя бы для того, чтобъ испить чашу горечи до дна. Семенъ Иванычъ былъ всѣми уважаемый въ уѣздѣ старецъ и точно такъ же ненавидѣлъ *этотъ ядъ*, какъ и Прасковья Павловна. Сверхъ того, онъ имѣлъ еще ту особенность, что говорилъ картаво и невнятно, но, взамѣнъ того, умѣлъ мастерски свистать по-птичьи, поддѣлываясь съ одинаковымъ успѣхомъ и подъ щёлканье соловья, и подъ карканье вороны. Старики свидѣлись и немножко взгрустнули; Прасковья Павловна даже прослезилась.

— Сколько лѣтъ, сколько зимъ! — сказалъ Семенъ Иванычъ, въ грустномъ изумленіи простирая руки.

— И какъ все вдругъ измѣнилось, Семенъ Иванычъ! — отвѣчала Прасковья Павловна.

Они сѣли другъ противъ друга и нѣсколько минутъ безмолвствовали, какъ бы боясь вымолвить тайное слово, обоихъ ихъ тяготившее.

— Правда?—произнесла, наконецъ, Прасковья Павловна.

— Правда! — отвѣчалъ Семенъ Иванычъ, поникая головой.

Снова послѣдовало нѣсколько минутъ безмолвія, въ теченіе которыхъ собесѣдники, казалось, съ усиленнымъ вниманіемъ прислушивались къ бою маятника, въ этотъ разъ какъ-то особенно назойливо шатавшагося изъ стороны въ сторону. Что слышалось имъ въ этомъ несносномъ, мѣрномъ до тошноты «тикъ-такъ»? Слышалось ли, что каждый взмахъ маятника есть взмахъ, призывающій ихъ къ смерти? Чувствовалось ли, что кровь какъ будто застываетъ въ ихъ жилахъ, что во всемъ организмѣ ощущается тупое безпокойство и недовольство?

— Такъ прахъ же побери и совсѣмъ! — неожиданно вскрикнула Прасковья Павловна, шумно поднимаясь съ мѣста и съ сердцемъ отталкивая свой стулъ.

И кто бы могъ подумать? — она тутъ же начала упрекать Семена Иваныча, обвинять его въ вольтеріанствѣ и доказывать, какъ дважды два четыре, что это онъ своимъ поганымъ языкомъ все надѣлалъ.

— Вамъ бы только те-те-те да та-та-та! — разливалась

Digitized by Google

она, очень удачно передразнивая Семена Иваныча:—вамъ бы только сплетни развозить да слухи распускать—вотъ и досплетничались! Можетъ-быть, безъ вашихъ сплетней да шушуканьевъ и не догадался бы никто, и все было бы смирно да ладно!

Съ этихъ поръ спокойствіе ея было окончательно нарушено. Всякое произнесенное при ней слово, улыбка, взглядъ, движеніе руки, даже всякое явленіе природы — все мгновенно пріурочивалось ею къ одному и тому же вопросу, который всецѣло царилъ надъ всѣми ея помышленіями.

— Мутитъ это, мутитъ, все во мнѣ! Хоть бы смертъ, что ли, поскорѣй пришла!—жаловалась она безпрестанно, оставаясь наединѣ съ Акулиной.

— Что вы, что́ вы, сударыня! вѣдь ишь что́ выдумали!—урезонивала ее Акулина.

— Да куда же я пойду? Ну, говори, дура, куда я дѣнусь-то?—тосковала Прасковья Павловна.—Въ богадѣльню меня не возьмутъ: я не мѣщанка; въ услуженіе идти — силъ моихъ нѣту; дрова колоть—такъ я и топора въ руки взять не умѣю!

— Чтой-то, Господи, ужъ и дрова колоть! — возражала Акулина.

— Нѣтъ, ты скажи, куда же я дѣнусь? Ты вотъ только грубіянничать да отвѣчать мастерица. Я слово, а она—два! я слово, а она—десять! А ты вотъ научи меня, куда мнѣ дѣваться-то? Въ скотницы, что ли, по-твоему идти?.. Такъ врешь ты, холопка, еще не доросла ты до того, чтобъ барынѣ твоей въ скотницахъ быть!

Наконецъ, пришла и весна. Обновилась ею вся природа, но не обновилась Прасковья Павловна. Таяніе снѣга, журчаніе воды и постепенное обнаженіе полей—явленія обыкновенно столь радостныя въ деревнѣ—возбуждали въ Прасковьѣ Павловнѣ досаду и озлобленіе, напоминая ей о приближающейся съ каждымъ днемъ развязкѣ.

— Тай, батюшка, тай!—говорила она, смотря на снѣгъ:—авось времечко скорѣй пролетитъ.

Прилетѣли скворцы. Въ этотъ годъ ихъ было какъ-то особенно много, и мигомъ наполнились всѣ скворешницы неугомоннымъ и болтливымъ ихъ населеніемъ.

Прасковья Павловна, которая всегда питала къ скворцамъ особенную нѣжность, на этотъ разъ возненавидѣла ихъ.

— Болтайте, скворки, болтайте!—говорила она:—точно наши дворняжки: болты-болты, и нѣтъ ничего!

Digitized by Google

Наконецъ, загремѣлъ первый громъ. Вся природа разомъ встрепенулась и ожила: зелень какъ-то гуще окрасила листву деревъ и стебельки травы; растенія разомъ вытянулись, цвѣты раскрыли свои чашечки; муравейки закопошились, засуетились взадъ и впередъ по землѣ... Все кругомъ заблагоухало, все пришло въ движеніе, все затрепетало какимъ-то сладостнымъ, томительнымъ трепетомъ...

— Греми, батюшка, греми! — сказала Прасковья Павловна, услышавъ въ первый разъ этотъ призывъ природы къ жизни: — греми! Громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится!

А тутъ еще и по дому непріятности безпрестанно выходятъ: то вдругъ Надёжка оказалась съ прибылью, то Ѳедька съ пьяныхъ глазъ легъ на горячую плиту спать...

— Господи! Что же мнѣ дѣлать? Что же мнѣ дѣлать?— тоскливо восклицаетъ Прасковья Павловна:—инъ, и впрямь умирать пора!..

II.—Недавнія комедіи.

I. СОГЛАШЕНІЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Иванъ Павлычъ Сергѣевъ, молодой человѣкъ, уѣздный предводитель дворянства.

Андрей Карлычъ Кирхманъ, уѣздный судья, чистенькій, благообразный старичокъ.

Разумникъ Ѳедотычъ Примогеновъ, помѣщикъ, среднихъ лѣтъ; ходитъ прямо; виски прилизаны; по срединѣ лба кокъ.

Иванъ Иванычъ Петровъ, помѣщикъ, маленькій, кругленькій и до того сластолюбивый, что когда при немъ говорятъ о женщинахъ, то въ ногахъ его образуется движеніе въ родѣ того, какое замѣчается у очень влюбленнаго пѣтуха. Домашній другъ г-жи Антоновой.

Иванъ Фомичъ Сидоровъ, старикъ-помѣщикъ, скряга.

Отставной капитанъ Савва Саввичъ Постукинъ, помѣщикъ.

Целестинъ Мечиславичъ Мощиньскій, молодой помѣщикъ; между своими слыветъ подъ именемъ «выходца».

Степанида Петровна Антонова, дама среднихъ лѣтъ; очень полна.

Софья Фавстовна Лизунова, вдова, лѣтъ шестидесяти; лицо коричневое, платье коричневое; сидитъ прямо и ни на кого въ особенности не смотритъ; безпрестанно вынимаетъ изъ засаленной бумажки мятныя лепешки и сосетъ.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ Сергѣева; театръ представляетъ просторную и довольно хорошо меблированную комнату. Антонова и Лизунова сидятъ въ глубинѣ сцены, на диванѣ; Кирхманъ — на

Digitized by Google

стулѣ, около Антоновой; рядомъ съ нимъ въ креслахъ расположился Примогеновъ, величественно протянувши ноги; Сидоровъ дремлетъ въ углу, Мощиньскій, заложивши руки въ карманы, юлитъ и суетится во всѣ стороны; Постукинъ, съ чубучищемъ въ рукахъ, ходитъ по комнатѣ, по-временамъ останавливается и хочетъ нѣчто сказать, но, пожевавши губами, стискиваетъ въ рукѣ чубукъ и опять отправляется въ путь; Петровъ придерживается преимущественно той стороны сцены, гдѣ находится Антонова.

СЦЕНА I.

Всѣ, кромѣ Сергѣева.

Мощиньскій. Мнѣ дѣвки выгоднѣе! Мнѣ дѣвки больше дохода приносятъ!

Антонова. А вѣдь объ этомъ надо подумать, Софья Фавстовна!

Лизунова *(бормочетъ)*. Я ужъ подумала, Степанида Петровна, я подумала.

Антонова *(вздыхая)*. Хорошо, какъ кто думать можетъ! А вотъ я: и сама думать не могу, и Семенъ Семенычъ у меня не пріученъ... хоть ты что хочешь!

Примогеновъ. Слишкомъ строго вы его держите, Степанида Петровна!

Антонова. Да какъ и не держать-то, Разумникъ Ѳедотычъ! Вѣдь онъ у меня ни на часъ безъ проказъ! Намеднись, надо было мнѣ къ Маріѣ Ивановнѣ съѣздить; вотъ я ему и говорю: — ты, Сенечка-душечка, посиди около дѣтей, пока я съѣзжу! — «Слушаю, душечка», — говоритъ. Только что-жъ бы вы думали? Не успѣла я за ворота выѣхать, какъ онъ въ ту же минуту подобралъ свою шайку: Ваньку столяра да Іонку подлеца, да и укатили въ Доробино пьянствовать! Насилу-насилу ужъ на другое утро пьянаго-распьянаго подлѣ дороги нашли!

Петровъ. Это точно-съ; еще надобно удивляться, какъ Степанида Петровна покойны могутъ быть!

Антонова. Нѣтъ, ужъ я теперь научилась; я его на ключъ въ спальной заперла!

Мощиньскій *(на ходу)*. Мнѣ дѣвки выгоднѣе! Мнѣ дѣвки больше дохода приносятъ!

Антонова. Да, бишь... дѣвки! А я вотъ, съ большого-то ума, еще третьёводнись за семьдесятъ бумажкой на выводъ дѣвку продала!

Петровъ. Да еще какую канарсечку-съ!

Антонова. Поди-ка, другіе какіе барыши получаютъ! Пол-

Digitized by Google

тораста серебрецовъ на кругъ! Тутъ, чай, вѣдь всякія, Андрей Карлычъ—и худая, и хорошая?

Кирхманъ. Всякія-съ.

Антонова. А я вотъ за семьдесятъ бумажкой! Люди за полтораста серебрецомъ, а я за семьдесятъ бумажкой! Люди всякую: и худую, и хорошую, а я самую что ни на есть лучшую! Ай да я! Ай да Степанида Петровна! *(Всѣ смѣются).* Смѣйтесь, батюшки, смѣйтесь!

Кирхманъ. Изволили просчитаться, сударыня.

Антонова. И никто-то вѣдь не скажетъ! *(Лизуновой).* Вы, Софья Фавстовна, продали?

Лизунова. Продала... много... много продала.

Антонова *(добродушно).* Ну, вотъ счастье какое! Андрей Карлычъ, научите меня, родной, какъ бы третьёводнишнюю-то дѣвку воротить? Чай, еще замужъ-то не успѣла выйти?

Кирхманъ. Надо подумать-съ.

Антонова. Сейчасъ ужъ и думать! Для другихъ, небось, не думавши дѣлаете! И никто-таки слова не вымолвилъ! Что бы, кажется, по-христіански предупредить: вотъ, дескать, Степанида Петровна, какая выгода по хозяйству предвидится! Нѣтъ-таки. Ахъ, совсѣмъ нынче настоящаго христіанина не видно! *(Лизунова сочувственно киваетъ головой).*

Кирхманъ. Это потому, сударыня, что нынче всякій прежде всего объ себѣ думаетъ. *(Лизунова киваетъ головой два раза).*

Примогеновъ. Да; при современномъ вопросѣ, оно и не лишнее объ себѣ подумать... *(При словахъ: «современный вопросъ», Постукинъ внезапно останавливается передъ Примогеновымъ).* Вы, капитанъ, сказать что-нибудь хотите? *(Постукинъ мнетъ губами, но, не сказавши ни слова, махаетъ рукою и уходитъ).*

Петровъ. Да, этотъ современный вопросъ... штучка!

Антонова *(задумчиво).* Да какъ же это, однако?! Вѣдь Прохладинъ-то купецъ, а кущамъ владѣть крѣпостными не велѣно?

Примогеновъ. Экъ васъ забота-то изсушила, сударыня!

Антонова. Да нѣтъ, вѣдь это выходитъ, что я на одной Аришкѣ рублей четыреста прозѣвала! Воля ваша, а я этого оставить не могу!

Примогеновъ. Ну, и не оставляйте.

Мощиньскій *(на ходу).* Мнѣ дѣвки выгоднѣе! Мнѣ дѣвки больше дохода приносятъ!

Digitized by Google

Антонова. Ахъ, да хоть не мутите вы меня, дайте сообразить, Целестинъ Мечиславичъ! *(Кирхману).* Какъ же ты-то, нѣмчикъ, позволяешь купцамъ дѣвокъ скупать?

Кирхманъ. Онѣ не проданы-съ; это такъ только, на разговорномъ языкѣ-съ... Все дѣло сдѣлано на законномъ основаніи-съ...

Примогеновъ. А вы, чай, все-таки, на всякій случай, въ судѣ не присутствовали?

Кирхманъ. По болѣзни-съ.

Петровъ. У насъ Андрей Карлычъ всегда въ такихъ случаяхъ прихварываетъ.

Примогеновъ. Пускай, молъ, другіе купаются! Что же, это резонъ! *(Лизунова многократно кивастъ головой).*

Кирхманъ. Всегда по болѣзни-съ.

Петровъ. Намеднись Анна Николаевна изъ-за двѣсти верстъ чуть не цѣлую деревню на фабрику пригнала... въ одно утро всѣхъ Андрей Карлычъ окрутилъ!

Кирхманъ. Не я, а судъ-съ.

Примогеновъ. Ай да Анна Николаевна!

Петровъ. Онѣ, по вдовству, управляющаго при себѣ имѣютъ; онъ имъ это предпріятіе и внушилъ-съ....

Примогеновъ. Подите-ка: женщина, а какую аферу соорудила!

Петровъ. Какъ же не аферу-съ! Посудите сами: ихъ на фабрику-съ, стало-быть, одними, можно сказать, ихними тѣлами всю цѣнность окупила; земля-то, стало-быть, даромъ-съ, да еще имущества ихняго сколько!

Антонова *(внезапно поняв, вскакиваетъ).* Ахъ, чортъ возьми! *(Общій смѣхъ).*

Петровъ. И представьте себѣ, даже управляющаго-то этого сами для себя отыскали. Остановились онѣ въ Москвѣ, въ нумерахъ-съ; ну, натурально, какъ женщина молодая, къ коридорному-съ: гдѣ бы, говорятъ, такого управляющаго найтить...

Примогеновъ. Чтобъ изъ себя былъ не малъ и не тощъ...

Антонова *(наивно).* Вотъ вѣдь мнѣ этакого случая не выдается! *(Всѣ смѣются).*

Мощиньскій *(останавливаясь).* А я, господа, вотъ что придумалъ. Такъ какъ Прохладинъ всѣмъ намъ благодѣяніе сдѣлалъ, то, во-первыхъ, дать ему обѣдъ, а во-вторыхъ, просить, чтобъ и на будущее время дѣйствій своихъ по пріобрѣтенію не прекращалъ.

Digitized by Google

Петровъ. Ужъ Целестинъ Мечиславичъ всегда что-нибудь къ ущербу придумаютъ!

Антонова. На обѣдъ не согласна, а просить согласна. *(Лизунова киваетъ).*

Кирхманъ *(разсудительно).* Я того мнѣнія, что если господинъ Прохладинъ принимаетъ въ этой операціи участіе, стало-быть онъ усматриваетъ въ томъ для себя интересъ.

Примогеновъ. Основательно.

Петровъ. Знаете ли что, Целестинъ Мечиславичъ? Не лучше ли, вмѣсто обѣда-то, Ивану Даниловичу транспарантъ поднести? Такъ, дескать, и такъ: благодѣтельному купцу благодарные такіе-то...

Антонова *(перебивая).* Просятъ продолжать... Вотъ на это я согласна!

Петровъ. Обѣдъ-то, вѣдь, Целестинъ Мечиславичъ, съѣстся-съ...

Мощиньскій. А транспарантъ останется... А что вы думаете, вѣдь это не дурно!

Примогеновъ. Verba volant, scripta manent.

Сидоровъ *(кричитъ во снѣ).* А? что? куда яблоко дѣда?

Петровъ. Ивану Ѳомичу и во снѣ-то видится, что у него яблоки воруютъ! А еще говорятъ, что одного чистаганчику у него тысячъ на двѣсти въ ланбардѣ лежитъ!

Антонова. Такъ что-жъ что лежитъ! Стало-быть, по-вашему, коли у кого двѣсти тысячъ есть, такъ и смотрѣть сквозь пальцы, какъ все кругомъ растаскиваютъ да разворовываютъ?

Примогеновъ. Не бредить же, однако, сударыня!

Антонова. Нѣтъ, ужъ вы меня извините! Послѣ этого я должна заключить, что вы не хозяинъ! Я и сама не нищая, а яблоки воровать не позволю! *(Сидоровъ вздрагиваетъ во снѣ, вскакиваетъ, крестится, потомъ опять садится и засыпаетъ).*

Примогеновъ. Да, двѣсти тысячъ — это достовѣрно! Вотъ Андрей Карлычъ знаетъ, откуда Ивану Ѳомичу тысячи-то достались! *(Кирхманъ снисходительно улыбается).*

Антонова. Ахъ, я слышала, это цѣлый романъ!

Примогеновъ. Пожалуй, даже цѣлыхъ два. Вотъ Андрей Карлычъ знаетъ.

Петровъ. Андрей Карлычъ обо всѣхъ по-маленечку знаютъ.

Кирхманъ. И не по-маленечку-съ. *(Учтиво).* Многимъ могу непріятности сдѣлать. *(Входитъ лакей. Его окружаютъ всѣ*

Digitized by Google

мужчины, кромѣ Сидорова. Постукинъ бросается къ лакею почти съ остервенѣніемъ).

Примогеновъ. Ну что, Сеня, какъ благодѣтель? проснулся?

Лакей. Умываются.

Примогеновъ. Ну, а насчетъ того... говорилъ что-нибудь?

Петровъ *(тончайшимъ фальцетомъ).* Разумникъ Ѳедотычъ? мэ комманъ де се шозъ... доместикъ иси!

Лакей. Не слыхать-съ. *(Хочетъ уйти).*

Примогеновъ *(удерживая его).* Постой, постой, Сеня! А водку скоро подадутъ?

Лакей. Иванъ Павлычъ приказали до обѣда никому водки не давать. *(Общее впечатлѣніе. Послѣ ухода лакея слѣдуетъ нѣсколько минутъ молчанія).*

Примогеновъ. Однако... это вещь!

Петровъ. Да-съ, это задача-съ! Бывало, шесть ли часовъ, девять ли, а ужъ какъ собрались дворяне, значитъ ту-жъ минуту и водку на столъ волокутъ. *(Смотритъ на часы).* А теперь бы и время-то самое настоящее!

Кирхманъ. Иванъ Павлычъ смолоду переимчивы были. Можетъ-быть, насмотрѣлись нынче въ Петербургѣ, что въ хорошихъ домахъ не подаютъ водку безвременно — ну, и между нами обычай этотъ ввести желаютъ!

Примогеновъ *(значительно).* Дай Богъ! Дай Богъ!.. А по-моему, такъ просто Иванъ Павлычъ нами гнушается!

Петровъ *(тихо Примогенову, указывая на Мощиньскаго).* Разумникъ Ѳедотычъ! Финиссе! полонѣ иси!

Мощиньскій *(останавливаясь посреди авансцены, къ зрителямъ).* Мнѣ дѣвки выгоднѣе! Мнѣ дѣвки больше дохода приносятъ!

Антонова *(тоскливо).* Ахъ ты, Господи, совсѣмъ-было даже забываться стала, а Целестинъ Мечиславичъ тутъ какъ тутъ... точно вотъ ядомъ, точно вотъ ядомъ!

Кирхманъ. Memento mori, сударыня! Это значитъ: всякій помышляй о смертномъ часѣ!

Примогеновъ. Такъ, такъ! Вотъ и намъ, можетъ, придется помышлять объ немъ... объ смертномъ-то часѣ! *(Постукинъ прислушивается.)* Вы, капитанъ, что-нибудь сказать желаете? *(Постукинъ горько улыбается, крутитъ усы и крѣпко стискиваетъ въ рукѣ чубукъ).*

Антонова *(тихо Лизуновой).* Чтой-то, однако, Софья Фавстовна, Савва Саввичъ-то? Помнетъ-помнетъ губами, да и прочь пойдетъ! Помните, какой онъ развеселый да разговорчивый былъ?

Digitized by Google

Лизунова *(тихо)*. Взволнованъ очень... отъ современнаго вопроса взволнованъ... не спитъ, не ѣстъ... только трубку... трубку только куритъ!

Петровъ. А любопытно бы знать, очень бы любопытно, какія-то Иванъ Павлычъ вѣсти изъ Питера вывезъ?

Антонова. Однако, позвольте васъ, Разумникъ Ѳедотычъ, спросить, объ какомъ это вы смертномъ часѣ изволите говорить?

Примогеновъ. Точно вы, сударыня, маленькія!

Антонова. Нѣтъ, я не маленькая, а только если вы насчетъ этой эмансаціи говорите, такъ я вамъ вотъ что скажу *(съ торжествующимъ видомъ)*: ничему я этому не вѣрю! *(Постукавъ снова горько улыбается)*.

Мощинскій. Молодецъ, Степанида Петровна! Charmant! délicieux!

Антонова. Да, не вѣрю! Вы вотъ мужчины, да вѣрите, а я и дама, да не вѣрю!

Примогеновъ. Позвольте, однако...

Антонова. Я этимъ глупостямъ совсѣмъ, совсѣмъ не вѣрю! Я еще давеча всѣмъ своимъ дѣвкамъ сказала: дѣвки-подлянки, если вы этой эмансаціи дожидаетесь, такъ у насъ, говорю, становой не далеко! Такъ, это, стороной, дала имъ понятіе!

Примогеновъ. Повѣрите, Степанида Петровна, коли на бумагѣ покажутъ.

Антонова. Не повѣрю, Разумникъ Ѳедотычъ!

Примогеновъ. И бумагѣ не повѣрите?

Антонова. И бумагѣ не повѣрю... потому, не натурально.

Кирхманъ. Это весьма любопытно. *(Смѣется)*.

Антонова. Смѣйтесь, смѣйтесь, Андрей Карлычъ! Я вѣдь давно знаю, что у васъ змѣя на языкѣ. *(Кирхманъ смѣется сильнѣе)*. А я вотъ не вѣрю да и не вѣрю!

Примогеновъ. Зачѣмъ же вы пріѣхали, коли не вѣрите? Зачѣмъ Семена-то Семеныча безъ призору оставили?

Антонова. Скажите, пожалуйста, какую вы власть надо мной взять хотите! Что-жъ, по-вашему, я и выѣхать безъ вашего позволенія не смѣй!

Примогеновъ. Успокойтесь, сударыня! Я это больше на тотъ предметъ сказалъ, что, можетъ-быть, вы спички въ спальной забыли, такъ Семенъ Семенычъ...

Антонова *(всплескивъ руками)*. Ахъ, оставила! ахъ, оставила!

Примогеновъ. А это бываетъ. Прошлаго года у Андрея

Digitized by Google

Петровича на деревнѣ крестьянскій мальчишка... взялъ, знаете, и наложилъ подъ лавку щепочекъ да лучиночекъ: сѣмъ-ко я, дескать, яичницу сотворю.

Антонова. Ахъ, не убивайте!

Примогеновъ. И можете себѣ представить — вѣдь шутя, каналья, всю деревню спалилъ! *(Двери съ шумомъ отворяются; входитъ Сергѣевъ).*

СЦЕНА II.

Тѣ же и Сергѣевъ *(бѣлокурый молодой человѣкъ, весьма приличной наружности; корчитъ дипломата и потому бреетъ усы и бакенбарды и расчесываетъ сзади проборъ à l'anglaise; ходитъ лѣниво, нѣсколько переваливаясь; говоритъ отрывисто и вообще желаетъ принять начальственный тонъ; при появленіи его всѣ встаютъ).*

Примогеновъ *(кланяется, касаясь рукой до земли).* Отцу и благодѣтелю отъ сиротъ...

Мощиньскій. А мы, mon cher, глаза проглядѣли, васъ ждавши!

Сергѣевъ. Здравствуйте, господа! mesdames! *(Жметъ всѣмъ руки).* А Иванъ Ѳомичъ по обыкновенію?..

Петровъ. А вы ему, Иванъ Павлычъ, гусара-съ... прикажете?

Сергѣевъ *(сухо).* Теперь не такое время, чтобъ шутками заниматься. *(Петровъ конфузится).* Очень радъ, господа, видѣть васъ у себя.

Примогеновъ *(въ сторону).* Вонъ оно куда пошло! И гусары въ немилость попали! *(Громко).* Благополучно ли въ Питеръ съѣздить изволили, благодѣтель?

Сергѣевъ. Благодарю васъ, я своей поѣздкой очень доволенъ.

Мощиньскій. Еще бы, нынче тамъ нашего брата провинціала обѣими руками хватаютъ!

Сергѣевъ. Это правда. Ждутъ отъ насъ... да, я имѣлъ честь объ этомъ со многими сановниками совѣщаться, и всѣ въ одинъ голосъ говорятъ: attendez, messieurs, вы будете призваны, чтобъ высказаться! Поздравляю васъ, господа!

Примогеновъ. Вотъ оно что-съ!

Мощиньскій. Au fait, оно и естественно, потому что мы вѣдь сердце Россіи.

Примогеновъ. Объ чемъ же мы высказываться будемъ, благодѣтель?

Сергѣевъ. Въ этомъ отношеніи, господа, вы можете быть

Digitized by Google

покойны. Конечно, объ насъ озаботятся и дадутъ что-нибудь... ну, руководство какое-нибудь...

Кирхманъ. Діалоги-съ. *(Серпѣевъ снисходительно улыбается).*

Мощиньскій. А вѣдь это отлично, mon cher, будетъ! Встанешь съ мѣста... разумѣется, поблѣднѣешь... *(Становится въ позу).* «Господа, пользуясь дарованною намъ милостью, я прошу васъ позволенія поговорить о различныхъ недугахъ, снѣдающихъ наше любезное отечество»...

Антонова. Гм... мы, кажется, по-добру, по-здорову... Мудрено это! Чудно, право, чудно чтой-то вы говорите, господа! Слушаю я васъ, да только молчу! Слушаю, да молчу!

Мощиньскій *(запрывая).* А что-жъ, почтеннѣйшая Степанида Петровна, развѣ худо?

Антонова. Ужъ какіе мы, сударь, съ тобой говорители! Сидѣли цѣлый вѣкъ около печи да молчали! Развѣ по хозяйству что-нибудь распорядишься, такъ и тутъ больше рукой покажешь... а то говорить! Ну, позовутъ хоть меня, ну, посадятъ, разумѣется: «высказывайтесь, молъ, Степанида Петровна, какая у васъ тамъ статистика... сколько коровушекъ, индюшечекъ, поросяточекъ?» А другой еще озорникъ подъѣдетъ: «сколько, молъ, у васъ денегъ въ шкатулкѣ, Степанида Петровна?» Такъ, по-вашему, я и должна на всѣ эти глупости отвѣчать? Какъ же! Держи карманъ! *(Серпѣевъ, а за нимъ и прочіе смѣются; Лизунова сочувственно киваетъ головой).*

Кирхманъ. А шкатулочка-то, видно, съ секретомъ, Степанида Петровна?

Антонова *(сентиментально).* Про то только Богъ можетъ знать, что у кого есть, Андрей Карлычъ! Тотъ, котораго считаютъ богачомъ, можетъ вдругъ оказаться бѣднымъ... такъ бѣднымъ, такъ бѣднымъ, что хуже Лазаря!..

Кирхманъ. Такъ-съ.

Антонова *(язвительно).* А тотъ, который весь вѣкъ притворяется неимущимъ, вдругъ можетъ оказаться мильонщикомъ! *(Кирхманъ смѣется).*

Мощиньскій. Нѣтъ, что касается до меня, то я непремѣнно воспользуюсь! *(Прохаживается по сценѣ и жестикулируетъ. Къ Серпѣеву).* А что, mon cher, нынѣшній петербургскій сезонъ очень веселъ былъ?

Сергѣевъ. Н-да... можетъ-быть... но я, признаюсь, не тѣмъ былъ занятъ...

Примогеновъ *(въ сторону).* Въ носу ковырялъ! *(Громко).*

Digitized by Google

Ужъ пойдутъ ли на умъ веселости, благодѣтель! Чай, однихъ вопросовъ, проектовъ да соображеній въ не вѣсть что!

Сергѣевъ. Да, я-таки поработалъ! *(Смотритъ на всѣхъ усталыми глазами).*

Мощиньскій. Ну, нѣтъ, я бы не вытерпѣлъ, я бы ничего не пропустилъ! Представьте себѣ, господа, что нынче въ Петербургѣ устрицы цѣлую зиму не переводились! Кронштадтскій рейдъ такъ-таки и не замерзалъ совсѣмъ! Ужъ я бы истребилъ ихъ—ручаюсь!

Петровъ. Охотники-съ?

Мощиньскій. А главное, то въ Петербургѣ хорошо, что все такъ деликатно! Возьмите самую простую вещь: какую-нибудь котлетку у Дюссо—вѣдь весело посмотрѣть, какъ все это подается! Не то, что гдѣ-нибудь въ Новотроицкомъ, гдѣ одной салфеткой три поколѣнія утираются! *(Къ Сергѣеву).* Не правда ли, cher?

Сергѣевъ. Н-да... можетъ-быть... впрочемъ, каюсь: я какъ-то не тѣмъ былъ занятъ.

Петровъ. Ну, нѣтъ, Целестинъ Мечиславичъ, и Новотроицкій обходить для чего-съ? Тамъ тоже лампопо такое есть, что пальчики оближешь!

Мощиньскій. Нашли съ чѣмъ равнять! Нѣтъ, господа, только тамъ, среди этого вихря приличій, можно постигнуть, до чего можетъ дойти comme il faut! Даже въ самомъ себѣ вдругъ чувствуешь перемѣну: точно вотъ на высоту взошелъ и все это передъ тобой открывается! Чувства совсѣмъ не тѣ дѣлаются; манера, поступь... все совершенно другое!

Примогеновъ. Генераловъ много передъ глазами, Целестинъ Мечиславичъ! Смотришь это на нихъ, ну, и самъ чѣмъ-нибудь заразишься! *(Сергѣевъ лѣниво улыбается. Нѣсколько минутъ молчанія).*

Антонова. Ахти-хти-хти! Слушаешь васъ, да только диву даешься! И устрицы, и генералы, и Богъ знаетъ, чего вы еще не приплетете! А объ дѣлѣ-то, объ кровномъ-то, хоть бы слово!

Мощиньскій. Да вѣдь вы не вѣрите, Степанида Петровна?

Антонова. Все же, сударь, любопытно! Иногда и мельница мелетъ, и ту послушать любопытно! Болты-болты—и нѣтъ ничего!.. Ну, и отойдешь!

Кирхманъ. У начальства, конечно, побывать изволили, Иванъ Павлычъ?

Сергѣевъ. Разумѣется. Ну, конечно, приняли меня какъ

Digitized by Google

нельзя лучше. Вообще, господа, должно сознаться, что Петербургъ сталъ неузнаваемъ. Я имѣлъ честь понравиться многимъ значительнымъ лицамъ... бесѣдовалъ съ ними... представлялъ мои резоны... даже противорѣчилъ, и никто ни разу не сказалъ мнѣ ничего непріятнаго!

Мощинскій. Согласитесь, что это прогрессъ!

Петровъ *(Примогенову).* Что-жъ опъ, однакожъ, объ дѣлѣ-то? Начните хоть вы, Разумникъ Ѳедотычъ!

Примогеновъ. А у насъ, Иванъ Павлычъ, слухи какіе-то безобразные пали... *(Постукинъ приближается).*

Сергѣевъ *(глубокомысленно).* Н-да?

Примогеновъ. Такіе слухи, что будто бы тово... совсѣмъ будто бы ничего не будетъ!

Петровъ. Намеднись у меня Степанида-скотница продать кой-что по хозяйству въ городъ ходила, такъ на базарѣ такого, говоритъ, страмословія наслушалась, что даже волосъ дыбомъ всталъ!

Антонова. У скотницы-то? Перекрестись, батюшка!

Петровъ. А что-жъ, Степанида Петровна, развѣ это не можетъ быть? Она преданная-съ...

Антонова. Да хоть распреданная, а волосы-то у ней все же, чай, въ косу заплетены! *(Петровъ конфузится).* А по моему, Иванъ Павлычъ, такъ ровно никакихъ слуховъ нѣтъ. Извѣстно, разносчики французскую революцію распускаютъ. Такъ это и прежде бывало, и нынче есть. Покойникъ папенька, какъ служилъ исправникомъ, сколько ихъ за это сѣкалъ!

Примогеновъ. Надо бы, благодѣтель, насчетъ этого дѣла ладкомъ да миркомъ посудить!

Кирхманъ. И мнѣ, Иванъ Павлычъ, изъ Петербурга пишутъ, что есть что-то.

Сергѣевъ. Ну да, ну да. Потолкуемте, господа. Я очень радъ васъ у себя видѣть. Дѣйствительно, нынче въ Петербургѣ все какъ-то о меньшей братіи разсуждаютъ.

Примогеновъ. Гм... те-э-къ-съ.

Сергѣевъ. Что-жъ, это нашъ долгъ... это, можно сказать, наша первая обязанность... *(Постукинъ выдается впередъ).* Вамъ угодно высказать ваше мнѣніе, капитанъ?

Постукинъ *(шевелитъ губами и наконецъ издаетъ какой-то звукъ).*

Сергѣевъ. Я полагаю, господа, что и съ христіанской точки зрѣнія меньшая братія заслуживаетъ...

Примогеновъ. Те-э-къ-съ.

Digitized by Google

Сергѣевъ. Какъ члены просвѣщеннаго сословія, мы съ своей стороны обязаны... это нашъ первый долгъ, господа! Я былъ во многихъ аристократическихъ салонахъ въ Петербургѣ, и вездѣ, рѣшительно вездѣ только и разговору, что объ меньшей братіи. Даже дамы—и тѣ... vraiment!

Антонова. А я бы имъ, Иванъ Павлычъ, языкъ-то къ пяткѣ пришила, такъ онѣ бы узнали, что значитъ ротъ-то непокрытый держать!

Сергѣевъ *(снисходительно).* Вы, Степанида Петровна, все попрежнему?

Антонова. Что, батюшка, попрежнему? Ты-то съ чего свихнулся у насъ, отецъ? Бумагу, что ли, изъ Питера вывезъ?

Примогеновъ. Да, благодѣтель, если ужъ у васъ бумажка есть, такъ вы бы ужъ потрудились...

Мощиньскій. А по мнѣ, такъ хоть завтра; я свои мѣры принялъ! *(Въ сторону).* Завтра же, чѣмъ свѣтъ, всѣхъ къ Прохладину!

Сергѣевъ. Дѣйствительно, господа, у меня есть бумага. Эй, Семенъ! *(Входитъ лакей).* Тамъ, въ карманѣ дорожнаго пальто, есть бумага: подай ее сюда! *(Лакей уходитъ.)*

Антонова. Любопытно это; очень это любопытно.

Сергѣевъ. Впрочемъ, господа, я долженъ вамъ напередъ сказать, что съ своей стороны я ужъ достаточно убѣжденъ, что безъ «этого» нельзя обойтись. Въ Петербургѣ всѣ лучшіе умы такъ думаютъ. *(Рѣшительно).* Для меня ясно, какъ день, что безъ вольнаго труда мы скоро должны будемъ сойти на степень второстепенной державы; слѣдовательно, какое бы вы ни предприняли рѣшеніе, я все-таки буду дѣйствовать согласно съ моими убѣжденіями! *(Лакей входитъ съ бумагой, которую Постукинъ вырываетъ изъ рукъ его. Всѣ, кромѣ женщинъ и Сергѣева, бросаются къ нему. Нѣсколько времени по комнатѣ раздается гулъ).*

Антонова. Любопытно это! Очень любопытно! Точно шмели, точно шмели! *(Судорожно смѣется.)*

Примогеновъ *(громко).* «Первое»...

Антонова *(захлебываясь).* Ну, первое, и четвертое, и десятое! *(Дразнится).* И десятое, и десятое, и десятое! И ничему этому я не вѣрю!

Сергѣевъ. Позвольте, однакожъ, Степанида Петровна, господамъ дворянамъ заняться.

Антонова. Ну, и пускай занимаются! Пусть занимаются—

Digitized by Google

я не мѣшаю! Я только то знаю, что завтра же *(смотритъ на Петрова)* къ господину губернатору «бумажка» полетитъ, что въ нашемъ уѣздѣ вольныя мысли распространяются! *(Чтеніе прекращается; Постукинъ стоитъ мрачно и крутитъ усы; прочія лица озабочены).*

Лизунова. Мнѣ бы... бумажку бы мнѣ почитать! *(Петровъ подаетъ ей).*

Антонова. Позвольте-ка! позвольте-ка! *(Заглядываетъ въ бумагу черезъ плечо Лизуновой).* Какая же это бумага? Первое дѣло *(читаетъ)*: «господину начальнику» — анъ тутъ вонъ пустое мѣсто оставлено! Какому начальнику? Какой губерніи? Анъ, можетъ-быть, до нашей-то и не дойдетъ никогда!

Сергѣевъ *(смѣется).* Ну, а второе что-съ?

Антонова. А второе, что всякая бумага, коли она бумага, должна быть на гербовой. Я, батюшка мой, сама и не вѣсть что денегъ за гербовую переплатила... я знаю! Нѣтъ, воля ваша, а это обманъ! Это такой обманъ, что даже самый *(ищетъ слова)*... самый фальшивый обманъ!

Сергѣевъ. Такъ не вѣрите?

Антонова. Не вѣрю, не вѣрю и не вѣрю! Покажите мнѣ на гербовой, тогда повѣрю.

Кирхманъ. Однако, сударыня, это дѣло очень серьезное! Вы бы не мѣшали намъ!

Антонова *(стала на своемъ).* Покажите на гербовой — тогда повѣрю!..

Кирхманъ. Убѣдительно просимъ васъ дать намъ заняться! Дѣло слишкомъ серьезно...

Антонова. Ничего я тутъ серьезнаго не вижу.

Кирхманъ. Въ такомъ случаѣ, мы, съ позволенія Ивана Павлыча, перейдемъ въ другую комнату, чтобъ вы не мѣшали.

Антонова. Ну, молчу... Ахъ, батюшки, какой грозной! Молчу, сударь, молчу! *(Водворяется молчаніе).*

Сергѣевъ. Какъ же вы думаете, господа?

Примогеновъ. Ужъ вы бы намъ прежде свое мнѣньице высказали, Иванъ Павлычъ!

Сергѣевъ. Н-да... то-есть, вы желали бы узнать мои убѣжденія, съ тѣмъ, чтобъ принять ихъ на будущее время въ руководство? Очень радъ-съ, очень радъ-съ. Я не имѣю надобности скрывать мои убѣжденія, господа! Мои убѣжденія смѣлы, открыты, непоколебимы! Я не скрывалъ ихъ передъ высшимъ начальствомъ, охотно подѣлюсь и съ вами.

Digitized by Google

Итакъ, я убѣжденъ, милостивые государи, что нашъ первый долгъ, наша, можно сказать, первѣйшая обязанность— какъ можно скорѣе доказать, что мы люди и ничто человѣческое не чуждо намъ. Кромѣ того, что это доставитъ намъ случай насладиться сознаніемъ свято исполненнаго долга, это покажетъ насъ, въ глазахъ цѣлой Россіи, какъ людей, сочувствующихъ современному направленію умовъ. Откровенно говоря, съ нашей стороны было бы очень любезно... вызваться самимъ... предложить свои услуги... однимъ словомъ, что-нибудь въ этомъ родѣ... Я надѣюсь, господа, что вы меня поняли?

Кирхманъ. Понять можно-съ. Это тѣмъ болѣе необходимо, Иванъ Павлычъ, что если мы *теперь* не вызовемся, что завтра или тамъ на будущей недѣлѣ все-таки придется вызваться.

Сергѣевъ. Это иначе не можетъ и быть. Во время пребыванія моего въ Петербургѣ я имѣлъ случай убѣдиться, что въ настоящемъ дѣлѣ вопросъ поставленъ слишкомъ ясно, чтобъ можно было допустить какія-нибудь сомнѣнія. Разсужденія, противорѣчія, представленія и т. п. тогда только хороши и умѣстны, когда въ нихъ ощущается потребность самими тѣми... *(ищетъ выраженія)* однимъ словомъ, тѣми, которые имѣютъ на это конфиденціальное, такъ сказать, полномочіе; въ настоящемъ же случаѣ потребности этой не ощущается. Я какъ сейчасъ помню мой разговоръ объ этомъ съ графомъ Петромъ Петровичемъ: «согласитесь, mon cher,—сказалъ онъ мнѣ,—что человѣкъ, который стоитъ на высотѣ, имѣетъ гораздо болѣе возможности разсмотрѣть всѣ эти виды, перспективы и тому подобное, нежели человѣкъ, стоящій въ ямѣ». Я совершенно согласенъ съ графомъ Петромъ Петровичемъ. *(Закидываетъ назадъ голову).* А потому убѣжденія мои въ этомъ дѣлѣ такъ опредѣленны и такъ тверды, что я не только себѣ, но и другимъ не позволю отступить отъ нихъ ни на шагъ!

Примогеновъ. Стало-быть, ужъ и разсуждать нельзя, Иванъ Павлычъ?

Сергѣевъ *(сухо).* Нельзя-съ.

Петровъ *(въ сторону).* Смотрите-ка, генералъ какой выискался!

Антонова. Видно, ужъ вы въ губернаторы къ намъ поставлены, Иванъ Павлычъ, что такъ цыкаете? Такъ нынче и губернаторы ужъ не цыкаютъ; напротивъ того, лѣтось пріѣзжалъ генералъ-то въ городъ, собралъ дворянъ:

Digitized by Google

«поговорите, говорить, господа, поговорите! Я, говорить, васъ послушаю!»

Сергѣевъ *(сухо)*. А я слушать не желаю.

Антонова. Не знаю... ужъ не будетъ ли это слишкомъ строго?

Примогеновъ *(вполголоса)*. Какъ же мы, однакожъ, такимъ манеромъ «высказываться»-то будемъ? *(Наступаетъ нѣсколько минутъ тяжелаго молчанія).*

Сергѣевъ. Слѣдовательно, господа, вамъ извѣстны теперь мои убѣжденія, и такимъ образомъ вамъ предстоитъ за симъ одинъ трудъ: въ точности сообразоваться съ ними. Теперь, если вы желаете переговорить между собой, я не хочу стѣснять своимъ присутствіемъ свободное выраженіе вашихъ мыслей. Я либералъ не на словахъ только, но и на дѣлѣ; я вездѣ и во всемъ ищу свободы... одной свободы! Я оставляю васъ, господа, но предваряю, что никакое возраженіе въ ретроградномъ смыслѣ мною допущено не будетъ. Въ этомъ случаѣ я буду твердъ и неумолимъ. Подумайте... обсудите... и когда вы рѣшитесь, то дайте мнѣ знать: я весь къ вашимъ услугамъ. *(Встаетъ и звонитъ; входитъ лакей).* Семенъ! можешь дать водки господамъ дворянамъ! *(Величественно озираясь, выходитъ).*

Мощиньскій *(вслѣдъ ему)*. И я за вами, mon cher! Я ужъ рѣшился! Стало-быть, мнѣ разсуждать тутъ не объ чемъ! *(Уходитъ).*

СЦЕНА III.

Тѣ же, кромѣ **Сергѣева** и **Мощиньскаго.** *(Нѣсколько времени проходитъ въ глубокомъ безмолвіи. Постукинъ дѣлаетъ движеніе чубукомъ и держитъ его на весу. Первая просыпается отъ оцѣпенѣнія Антонова).*

Антонова *(передразнивая Сергѣева)*. Фу-фу-фу, ту-ту-ту, фить-фить-фить! И все вышелъ пшикъ! Такъ тебя и послушались, Мамеля Тимоѳеевна! *(Къ Постукину).* Ты-то что, батюшка, стоишь, словно блаженный, да чубучищемъ-то помахиваешь! *(Постукинъ желаетъ говорить).* Нечего, нечего на насъ-то махать, — ты бы на него помахалъ! Онъ говоритъ, а они-то молчатъ! Онъ разглагольствуетъ — а они-то помалчиваютъ! Онъ-то разсыпается—а они-то усищами пошевеливаютъ! Точь-въ-точь тараканы! Ай да отцы родные! Ай да защитители! *(Указываетъ на Кирхмана).* И нѣмчикъ-то, и миротворецъ-то нашъ! Вмѣсто того, чтобъ молокососу носъ утереть, а онъ только сидитъ да ножками

Digitized by Google

стучитъ! *(Кирхманъ смѣется).* Смѣйся, сударь, смѣйся! Я вотъ одного такого знала, тоже все смѣялся: хи-хи-хи! да ха-ха-ха! да такъ на всю жизнь со смѣхомъ и остался. Кинулись это къ нему, анъ у него ужъ и ротъ на сторону свело. Вотъ тебѣ и ха-ха-ха! *(Общій смѣхъ).*

Примогеновъ. Да, крутенекъ-таки сталъ Иванъ Павлычъ! Однако, это удивительно, какая въ немъ вдругъ перемѣна сдѣлалась! Какъ поѣхалъ отъ насъ, какой, кажется, былъ благонамѣренный!

Петровъ. И какіе веселые были! Бывало, ужъ никакъ безъ того не обойдутся, чтобъ надъ Иваномъ Ѳомичемъ не пошутить, а нынче даже разгнѣвались...

Антонова. Никогда онъ благонамѣреннымъ не бывалъ. Я еще въ рубашонкѣ его знавала—и тогда ужъ змѣей смотрѣлъ. Такъ, бывало, и посинѣетъ весь, такъ и закатится.

Лизунова. Пискунъ былъ... пискунъ, пискунъ былъ! *(Качаетъ головой).*

Петровъ. А помните, Разумникъ Ѳедотычъ, какъ они однажды Ивану Ѳомичу усы нарисовали, а на голову-то песочку посыпали... сколько въ ту пору смѣху у насъ было!

Антонова. Смѣялись да смѣялись, а теперь вотъ плакать да плакать приходится.

Петровъ. Нарядиться ли, бывало, съ дѣвушками ли поиграть—на все первый сортъ были!

Кирхманъ. Позвольте, господа, что̀ было, того ужъ не воротить, а намъ теперь предстоитъ предметомъ своимъ заняться. Итакъ, начнемъ.

Антонова. Выручайте, батюшки, выручайте!

Кирхманъ. Ну-съ, Иванъ Иванычъ, ваше мнѣніе?

Петровъ *(смущаясь).* Я-съ... тово-съ... я-съ... конечно-съ... Отчего же вы, однакожъ, Андрей Карлычъ, съ меня-съ? Тутъ вѣдь и другіе господа дворяне есть!

Кирхманъ. Отчего же не съ васъ-съ?

Петровъ. Нѣтъ, Андрей Карлычъ, это вы по злобѣ на меня, какъ вы надѣетесь меня этимъ сконфузить...

Кирхманъ. Ну-съ, стало-быть Иванъ Иванычъ мнѣнія не имѣютъ... *(Обращается къ Примогенову).*

Петровъ *(взволнованный).* Нѣтъ-съ, вы меня извините, Андрей Карлычъ, я свое мнѣніе очень имѣю! Я, Андрей Карлычъ... желаю-съ!

Кирхманъ. Чего вы желаете?

Петровъ. Да-съ... желаю-съ! Хоть это, можетъ-быть, ни-

Digitized by Google

которымъ и непріятно, однако, я бунтовщикомъ никогда не былъ-съ!

Антонова. Экъ, батюшка, вывезъ!

Кирхманъ. Ну-съ, стало-быть, это разъ. Вы-съ? *(Обращается къ Примогенову).*

Примогеновъ. Полагаю принять къ свѣдѣнію... но не къ руководству!

Кирхманъ. Вы, капитанъ? *(Постукинъ потрясаетъ головой).* Понятно. Вы, Софія Фавстовна?

Лизунова. Не знаю... не знаю... ничего я не знаю...

Антонова. А я такъ и знать ничего не хочу!

Кирхманъ. Итакъ, мнѣнія собраны. Одинъ голосъ *за,* три—*противъ,* одинъ сомнительный. Результатъ довольно благопріятный. Что до меня, господа, то вы, конечно, не удивитесь, если я скажу, что вполнѣ согласенъ съ Иваномъ Иванычемъ *(не безъ ироніи)*... потому что бунтовщикомъ никогда не былъ и быть не желаю!

Антонова *(встаетъ и присѣдаетъ передъ Кирхманомъ).* Подарилъ, голубчикъ!

Кирхманъ. Да-съ, я согласенъ съ Иваномъ Иванычемъ и имѣю на то свои основательныя причины. Я очень знаю, что коль скоро это дѣло пошло въ ходъ, то намъ *не желать* нельзя. Сегодня мы не желаемъ, завтра не будемъ желать, а ужъ послѣзавтра пожелаемъ... непремѣнно!

Антонова. Не знаю; развѣ языкъ изъ меня вытянутъ или мысли въ головѣ совсѣмъ разобьютъ!

Кирхманъ. И разобьютъ-съ. Слѣдственно, намъ прежде всего нужно поспѣшить заявленіемъ нашей готовности, а потомъ... *(вполголоса)* а потомъ можно будетъ оставить все попрежнему-съ...

Петровъ *(хихикая отъ удовольствія, тончайшимъ фальцетомъ).* А потомъ можно будетъ оставить все попрежнему!

Антонова. Вотъ на это я согласна!

Примогеновъ. Это похоже на дѣло. Что называется, изморомъ, то-есть, изморомъ, изморомъ ее!

Антонова. Эмансацію-то!

Кирхманъ. Разумникъ Ѳедотычъ постигъ мою мысль во всемъ ея объемѣ. Въ дѣлахъ такого рода, господа, прежде всего форму соблюсти надо, чтобъ все глядѣло прилично и гладко.

Петровъ *(хихикая).* А потомъ оставить все попрежнему. Безподобно!

Кирхманъ. Объясню вамъ это примѣромъ. Былъ у меня

Digitized by Google

въ судѣ секретарь. Бывало, позовешь его, разъяснишь, что такое-то дѣло слѣдуетъ рѣшить такъ-то. Вотъ онъ приготовитъ все, поднесетъ къ подписи; смотришь—совсѣмъ не то! Опять призовешь его, опять внушишь; на другой день онъ опять приготовитъ, и опять не то. И до тѣхъ поръ такимъ образомъ дѣйствуетъ, покуда не махнешь на все рукой и не подпишешь, какъ ему хочется. Не можемъ ли мы изъ этого примѣра извлечь для себя поученіе?

Примогеновъ. Можно!

Петровъ. Даже очень можно-съ!

Кирхманъ. Или вотъ примѣръ еще болѣе практическій. Бывало, когда губернское начальство требуетъ отъ суда какихъ-нибудь очень непріятныхъ объясненій, я всегда поручалъ объясняться этому секретарю. Я дѣлалъ это въ томъ уваженіи, что господинъ секретарь имѣлъ дарованіе писать столь обширно и столь непонятно, что губернское начальство удовлетворялось немедленно.

Петровъ. Какъ же, какъ же? Бывало, мы такъ и говаривали ему: напиши-ка, братъ, Иванъ Дороѳеичъ, объясненьице да съ приплетеньицемъ!

Кирхманъ. Не можемъ ли мы, господа, и изъ этого примѣра извлечь для себя поученіе?

Примогеновъ. Ничего, можно!

Петровъ. Даже очень можно-съ!

Кирхманъ. Итакъ, господа, въ настоящемъ положеніи дѣла я еще не вижу причины огорчаться. Я думаю, что не только слѣдуетъ безусловно исполнить желаніе нашего достойнаго представителя, но не мѣшало бы даже для вида прикинуть что-нибудь! Такъ, самую малость... по части чувствъ!

Примогеновъ. Букетами, то-есть, пустить!

Петровъ *(окончательно повеселѣвъ, почти вивжитъ)*. А потомъ оставить все попрежнему!

Кирхманъ. Ибо прежде всего надобно смотрѣть на дѣло прямо, не пугаясь его. Если вообще во всякомъ предметѣ есть своего рода мягкое мѣсто, то отчего же и здѣсь ему не быть?

Примогеновъ. Это совершенно справедливо.

Кирхманъ. А если есть это мягкое мѣсто, то зачѣмъ же намъ заранѣе тревожиться опасеніями, быть-можетъ и воображаемыми? Не лучше ли приступить къ дѣлу съ легкимъ сердцемъ и устроить такимъ образомъ, чтобъ все осталось попрежнему?

Digitized by Google

Антонова. Ахъ, какъ это хорошо! Я ужъ теперь начинаю чувствовать, какъ все это во мнѣ дрожитъ!

Кирхманъ. Это оттого, сударыня, что вы благодѣтельствовать очень любите.

Антонова. А что вы думаете, Андрей Карлычъ! Я вотъ иногда сижу одна и все думаю, и все думаю: что вотъ у насъ и курочка-то есть, и поросеночекъ-то есть, и всего-то довольно, и всѣмъ-то мы изобильны, а у нихъ ничего-то, ничего-то этого нѣтъ! Нѣтъ, какъ ни говорите, а это ужасно!

Примогеновъ. Вотъ оно что значитъ нѣмецкая-то нація! Куда бы мы дѣлись безъ нѣмцевъ! Сейчасъ Андрей Карлычъ все разрѣшилъ, даже Степаниду Петровну въ чувство привелъ!

Антонова. Меня, Разумникъ Ѳедотычъ, въ чувство очень привести можно! Ахъ, кабы кто только зналъ! Ахъ, кабы кто только зналъ! Все-то это во мнѣ ослабло! Ничего-то во мнѣ крѣпкаго нѣтъ!

Кирхманъ. Стало-быть, разногласія нѣтъ, господа?

Всѣ. Согласны! Согласны!

Петровъ. Позвольте, надо у Ивана Ѳомича мнѣніе спросить.

Антонова. Да ужъ отстань, стрекоза! Что его, убогаго, трогать! Иванъ Ѳомичъ! Иванъ Ѳомичъ! *(Сидоровъ пробуждается и смотритъ кругомъ съ изумленіемъ).*

Петровъ. Иванъ Ѳомичъ! Все кончено, домой ѣхать пора! *(Всѣ смѣются. Сидоровъ молча достаетъ изъ-подъ стула шапку).*

Кирхманъ. Слѣдственно, мы и Ивану Павлычу можемъ сказать, что согласны?

Всѣ. Согласны! Согласны!

Петровъ. Не хватить ли «уру», господа? *(Постукинъ дѣлаетъ рѣшительное движеніе впередъ).*

Примогеновъ. Господа! Капитанъ предику сказать желаетъ! *(Молчаніе).*

Постукинъ *(долго жуетъ губами, но наконецъ говоритъ).* Согласенъ! да! Я согласенъ! Только ужъ тово... по мордасамъ... бббуду! Хоть ммиліонъ штрафу... а бббуду! *(Смѣхъ и рукоплесканія).*

Антонова. Ахти-хти-хти! Вотъ и весельице наше къ намъ воротилося!

(Занавѣсъ опускается).

Digitized by Google

II. ПОГОНЯ ЗА СЧАСТЬЕМЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Зубатовъ.
Кузнеевъ, старичокъ лѣтъ семидесяти; одѣтъ бѣдно.
Пересвѣтъ-Жаба, сорока лѣтъ, отставной ротмистръ, боль-омъ съ весьма любезными манерами; говоритъ съ акцентомъ.
Кувшинниковъ, штабсъ-капитанъ.
Пьеръ Уколкинъ } молодые люди; цвѣтъ и надежда Глупова.
Simon Накатниковъ }
Сеня Бирюковъ.
Мадамъ Артамонова.
Антоша, ея сынъ, восемнадцати лѣтъ.
Дама подъ вуалемъ.
Дежурный чиновникъ.

Театръ представляетъ пріемную комнату въ домѣ Зубатова. Бьетъ десять часовъ.

СЦЕНА I.

(Дежурный чиновникъ, молодой человѣкъ, сидитъ около окна и ничѣмъ въ особенности не занимается; иногда положитъ одну ногу на другую крестомъ, иногда обѣ ноги уставитъ на полъ; иногда взглянетъ на потолокъ и задумается; иногда устремитъ глаза въ уголъ и тоже задумается).

Чиновникъ. Что бы такое сегодня вообразить? Удивительно, какъ это уединеніе дѣйствуетъ! Барыни какія-то являются, цѣлый романъ въ головѣ происходитъ. Если бы я теперича сосчиталъ, сколько меня, со времени поступленія моего въ канцелярію, барынь полюбило, порядочный бы купъ вышелъ! Намеднись цѣлую недѣлю велъ интригу съ Анной Ивановной... поизрасходовалась она немного, а ничего... можно! Главное, манера пріятная, бѣлье тончайшее, ну, и то еще лѣстно, что начальница! Бывало, докладываешь *ему*, что черноглазовскій городничій явился, а самъ думаешь: эхъ, кабы ты только зналъ, въ какихъ мы отношеніяхъ съ *твоей*-то сейчасъ были! *(Смѣется)*. Не дурна тоже и предсѣдателева жена, только бойка очень! Ну, и съ этой ладкомъ покончили! *(Зѣваетъ)*. Что бы, однако, сегодня вообразить? Развѣ ужъ сызнова начать съ Анной Ивановной канитель тянуть? Что-жъ, начнемъ! А то опять эти черти просители развлекутъ!

Digitized by Google

СЦЕНА II.

Тотъ же и Кузнеевъ *(входитъ робко и бочкомъ пробирается къ чиновнику).*

Чиновникъ *(въ сторону).* Вотъ ужъ и принесла кого-то нелегкая ни свѣтъ, ни заря!

Кузнеевъ. Осмѣлюсь безпокоить васъ, милостивый государь, вопросомъ: скоро ли будутъ принимать ихъ превосходительство?

Чиновникъ. Я надъ ихними мыслями распоряженія не имѣю. *(Мечтаетъ)*... «Сходите-ка въ садъ, говоритъ, доложите Аннѣ Ивановнѣ, что завтракъ поданъ». Иду я это по аллеѣ и вижу: сидитъ она въ бесѣдкѣ, въ бѣломъ неглиже...

Кузнеевъ. Я, признаться, еще въ восемь часовъ заходилъ, однако, ихъ превосходительство почивали.

Чиновникъ. Если бы вы въ шесть зашли, такъ и жандарма, пожалуй, нашли бы спящимъ!.. *(Мечтаетъ).* Сидитъ она въ бесѣдкѣ и книжку читаетъ, ножки подъ себя сложила и неглиже на грудкѣ приподнялось.

Кузнеевъ. Вотъ я и въ девять не полѣнился зайти, однако, опять почиваютъ... ну, я и опять въ садикѣ погулялъ-съ: солнышко-то нынче ужъ очень хорошо грѣетъ, сударь! Веселое солнышко!

Чиновникъ. Дѣло вешнее-съ... *(Мечтаетъ).* «Читали ли вы, говоритъ, Александра Дюма?..»

Кузнеевъ. Только, слышу, на соборной колокольнѣ десять бьетъ; я, знаете, бѣжать, анъ бѣжать-то ужъ ноги не бѣгутъ... Приплелся кой-какъ трусочкомъ, докладываю швейцару: встали?—«Сейчасъ, говоритъ, встали...» Ну, и слава те, Господи!

Чиновникъ *(мечтаетъ).* На другой день призываетъ онъ меня опять: «Подите, говоритъ, доложите Аннѣ Ивановнѣ, что пора ей къ Матренѣ Ивановнѣ ѣхать...»

Кузнеевъ. Осмѣлюсь обезпокоить васъ, милостивый государь, вопросцемъ?

Чиновникъ. Законами не воспрещается. *(Мечтаетъ).* «Антроповъ, говоритъ, у меня, кажется, подвязка на правой ножкѣ развязалась?»

Кузнеевъ. Всеконечно, вамъ не безызвѣстно, сколько по здѣшнему уѣзду этихъ новыхъ мѣстъ роздано?

Чиновникъ. Всеконечно, не безызвѣстно, но сіе есть госу-

Digitized by Google

дарственная тайна. *(Мечтаетъ).* Вотъ я бросаюсь это на полъ...

Кузнеевъ. Однако?

Чиновникъ. Ну, и «однако» все же тайна. *(Мечтаетъ).* Только въ это самое время входитъ лакей и докладываетъ, что лошади готовы.

Кузнеевъ. Просителей-то, просителей-то, я чай, по утрамъ... и не пересчитаешь?

Чиновникъ. Да-таки въ родѣ того: пятыя сутки съ утра до вечера словно стадо въ пріемной — не продохнешь! *(Мечтаетъ).* «Благодарю, говоритъ, господинъ чиновникъ, что бумажку подняли!»

Кузнеевъ. Осмѣлюсь, сударь, доложить вамъ про свое обстоятельство. Неподалеку у меня тутъ имѣньице: такъ, сударь, домишечко убогенькій, однако и заведеньице есть, и земляцы малая толика... ужъ какъ бы для меня-то способно было!

Чиновникъ *(разсѣянно).* Вы говорите—неподалеку?

Кузнеевъ. Всего, сударь, верстъ съ пятокъ, а прямикомъ и того не будетъ.

Чиновникъ. Гм... да... прямикомъ... оно конечно... *(Мечтаетъ).* На третій день приходитъ въ пріемную горничная Маша: «вы, говоритъ, чиновникъ Антроповъ?»—а сама смотритъ на меня и смѣется...

Кузнеевъ. Опека у меня, сударь, на рукахъ. Послѣ дочки шестеро внучатъ осталось... Ужъ какъ бы для нихъ-то эти полторы тысячки пригодились!

Чиновникъ *(зѣвая).* Полторы тысячи? Да... это не вредно... *(Мечтаетъ).* «Вамъ, говоритъ, приказано сказать, что вы очень изъ себя интересны...»

Кузнеевъ. Ну, и я тоже: хоть старъ, а могу... и побранить могу... и взыскать могу.

Чиновникъ. Однако, вы мнѣ мѣшаете.

Кузнеевъ *(съежившись).* Помилуйте-съ, я полагалъ-съ, что вы не заняты-съ...

Чиновникъ. А почемъ вы знаете, что у меня въ головѣ происходитъ? Можетъ-быть, я обдумываю...

СЦЕНА III.

Тѣ же, мадамъ Артамонова и Антоша. *(Артамонова—очень бойкая барыня, одѣта пышно; Антоша—во фракѣ и въ бѣлыхъ перчаткахъ; въ продолженіе всего дѣйствія стоитъ неподалеку отъ матери и по временамъ кусаетъ ногти).*

Digitized by Google

Артамонова *(чиновнику)*. Генералъ дома? *(Подозрительно взглядываетъ на Кузнецова; сквозь зубы)*. Опередилъ-таки!

Чиновникъ. Дома-съ.

Артамонова. Ну, слава Богу. Представьте себѣ, мой милый, мое безпокойство: ѣдемъ за десять верстъ и всю-то дорогу думаемъ: а что, если генерала вдругъ дома нѣтъ? *(Сыну)*. Antoine! ne rongez pas vos ongles!

Чиновникъ. Имъ некуда выѣхать-съ. *(Въ сторону)*. Ужъ не начать ли съ этой?

Артамонова *(отводя чиновника къ сторонѣ)*. Нельзя ли, голубчикъ, узнать, какъ насчетъ этихъ новыхъ мѣстъ... много роздано?

Чиновникъ *(любезно)*. Хоть это и секретъ-съ, однако для васъ извольте-съ: просьбъ поступило очень достаточно.

Артамонова *(безпокойно)*. Скажите, пожалуйста! И есть кандидаты съ сильными рекомендаціями?

Чиновникъ. Все больше отъ Матрены Ивановны-съ... Статскій совѣтникъ Стрекоза тоже довольно ходатайствуетъ... генералъ Брыкинъ-съ... штатсъ-дама Кровопійцева. Вы не можете себѣ вообразить, сударыня, даже съ Кавказа очень многіе пишутъ-съ...

Артамонова. Этимъ-то какая печаль?

Чиновникъ. Да такъ-съ... пишутъ, что очень было бы пріятно, и больше ничего-съ...

Артамонова. Ну, такъ и есть: опять опоздали! *(Сыну)*. C'est toujours toi, mauvais sujet!

Антоша *(хочетъ что-то сказать)*.

Артамонова. Ужъ молчи, пожалуйста! *(Передразниваетъ)*. «Чего, маменька, намъ спѣшить?» да «вотъ, маменька, попросохнетъ!»... Mais qu'avez vous donc sur la chemise? *(Антоша вытирается)*.

Чиновникъ. Напрасно, сударыня, изволите такъ тревожиться. Почти утвердительно можно сказать, что счастье поблагопріятствуетъ вамъ. *(Сентиментально)*. Счастье есть лотерея, сударыня, изъ которой вамъ, всеконечно, достанется самый лучшій билетъ!

Артамонова. Благодарю васъ, мой милый. Мнѣ очень пріятно, что здѣшніе чиновники почтительны. Вы хороши съ генераломъ?

Чиновникъ *(конфузясь)*. Я-съ... сударыня...

Артамонова. То-есть, можете иногда напомнить ему? *(Обдумывая)*. Впрочемъ, я полагаю, что объ этомъ всего лучше попросить генеральскаго камердинера? Какъ ваше мнѣніе?

Digitized by Google

Чиновникъ. Я-съ... сударыня... право, не могу...

Артамонова. Камердинеры всегда большое вліяніе имѣютъ. Съ ними могутъ соперничать только правители канцелярій— это ужъ я знаю! *(Указывая на Кузнеева).* Это кто?

Чиновникъ. Не знаю-съ. Кажется, тоже насчетъ новыхъ мѣстъ-съ.

Артамонова. Этотъ-то? *(Антоша фыркаетъ).* Antoine! vous salirez vorte chemise!

Антоша. Не могу, maman! Очень ужъ смѣшно!

СЦЕНА IV.

Тѣ же и Кувшинниковъ *(входитъ и кланяется на всѣ стороны; потомъ садится на стулъ и вынимаетъ прошеніе, которое внимательно и съ нѣкоторымъ безпокойствомъ прочитываетъ).*

Артамонова *(издали косясь на бумагу).* Желала бы я знать, что тамъ такое написано?

Кувшинниковъ *(читаетъ вполголоса и съ разстановкой, какъ будто силится понять).* «Будучи приведенъ въ извѣстность, что чрезъ обстоятельства высшаго соизволенія, прежде предполагаемыя нынѣ къ осуществленію удовлетворительно развиваются»... *къ сему...* гм!.. *къ сему... (Антоша внезапно прыскаетъ со смѣху).*

Артамонова. Antoine! c'est très-impoli ce que vous faites-là!

Антоша. Maman! il n'y a pas de substantif!

Кувшинниковъ *(продолжаетъ читать):* «И обладая имѣніемъ малымъ, большею частію изъ песковъ состоящимъ, съ нѣкоторымъ присовокупленіемъ каменистой и худородной земли»... *Прошенію...* гм!.. *прошенію! (Встаетъ въ волненіи со стула и нѣкоторое время ходитъ по комнатѣ. Наконецъ, съ рѣшительнымъ видомъ подходитъ къ Кузнееву).* Позвольте просить васъ, милостивый государь, прочитать это прошеніе! *(Кузнеевъ принимаетъ отъ него бумагу и читаетъ. Антоша вновь не можетъ удержаться и прыскаетъ. Кувшинниковъ смотритъ на него съ изумленіемъ).* Это очень любопытно...

Артамонова. Antoine! mais vous allez vous attirer une histoire, mauvais sujet!

Антоша. Maman! позвольте мнѣ выйти въ швейцарскую!

Артамонова. Restez ici et n'osez pas rire!

Кувшинниковъ *(Кузнееву).* Поняли?

Кузнеевъ. Темновато нѣсколько... однако, отчего же-съ... понять можно-съ... *(Тыкаетъ пальцемъ въ бумагу).* Вотъ

Digitized by Google

тутъ бы... вотъ тутъ бы... одно только словечко... самое, знаете, маленькое... чтобъ только, знаете, видъ дать... *(Показываетъ первымъ и указательнымъ пальцемъ нѣчто дѣйствительно очень маленькое).*

Кувшинниковъ. Представьте себѣ, я сряду три дня читаю... даже въ потъ бросаетъ... *(Антоша внезапно убѣгаетъ изъ комнаты, закрывши ротъ рукою. Артамоновой).* Сударыня! я, кажется, не подалъ никакого повода вашему сродственнику...

Артамонова. Извините, капитанъ, это съ нимъ безъ всякой причины бываетъ. *(Къ чиновнику).* Посмотрите, мой милый, что тамъ съ нимъ дѣлается? *(Чиновникъ уходитъ, выражая при этомъ самую любезную готовность служить).*

СЦЕНА V.

Тѣ же и дама подъ вуалью.

Дама *(встрѣчая чиновника въ дверяхъ).* Позвольте узнать мсьё, гдѣ здѣсь можно подождать генерала?

Чиновникъ. Въ этой комнатѣ, сударыня.

Дама. Какъ? здѣсь? Ахъ, какъ это странно! *(Отходитъ въ сторону и садится).*

Артамонова *(въ сторону).* Чему же она удивляется, однако?

СЦЕНА VI.

Тѣ же и Пересвѣтъ-Жаба *(входитъ съ письмомъ въ рукахъ; смотритъ на всѣхъ благосклонно и любезно улыбается. За нимъ входитъ и чиновникъ).*

Артамонова *(въ сторону).* Вотъ и еще кого-то принесла нелегкая! Хотя бы принялъ поскорѣй, развязалъ бы ужъ, что ли! *(Чиновнику).* Ну, что, мой милый?

Чиновникъ. Они сейчасъ пожалуютъ-съ.

Артамонова. Благодарю васъ, голубчикъ.

Пересвѣтъ-Жаба *(чиновнику).* Нельзя ли доложить генералу, что ротмистръ Пересвѣтъ-Жаба пріѣхалъ?

Чиновникъ. Они сейчасъ выйдутъ-съ.

Пересвѣтъ-Жаба. Съ письмомъ отъ Матрены Ивановны... вѣроятно, генералу угодно будетъ принять меня особенно...

Чиновникъ. Они кушаютъ чай-съ.

Пересвѣтъ-Жаба. А, ну это другое дѣло! *(Окидываетъ всѣхъ ласковымъ взоромъ).* Конечно, чай—такое занятіе, которое прерывать не слѣдуетъ! *(Садится неподалеку отъ дамы съ вуалью. Воцаряется молчаніе, которое длится*

Digitized by Google

нѣсколько минутъ. Антоша возвращается и садится около матери, которая ему выговариваетъ).

Пересвѣтъ-Жаба *(къ дамѣ съ вуалью)*. Вы, конечно, съ просьбой къ генералу, сударыня?

Дама *(поправляя вуаль, чуть слышно)*. Да-съ.

Пересвѣтъ-Жаба. Да, надо правду сказать: нынче ужъ вѣкъ такой наступилъ, что всякому чего-нибудь хочется.

Дама. Я не всякая-съ.

Пересвѣтъ-Жаба. Помилуйте, сударыня, зачѣмъ же такъ понимать мои слова? Я не смѣю и думать-съ... я вообще... я къ тому это сказалъ, сударыня, что вѣкъ нашъ вообще имѣетъ направленіе практическое...

Артамонова. Я думаю, однако, что и въ прежнее всякому чего-нибудь да хотѣлось.

Пересвѣтъ-Жаба. Не смѣю съ вами спорить, сударыня, но все-таки, если вамъ угодно будетъ сравнить недавнее прошедшее съ нашимъ настоящимъ, вы сами удивитесь, сколько мы въ какія-нибудь пять лѣтъ прожили! Пытливость ума какая-то... пароходы... акціонерныя компаніи... Нѣтъ, какъ хотите, а это шагъ! *(Вновь воцаряется молчаніе).*

Пересвѣтъ-Жаба. Пріятно жить въ такую эпоху, сударыня! Пріятно чувствовать, какъ все это кругомъ обновляется, молодѣетъ! Начну, напримѣръ, съ себя; конечно, я человѣкъ со средствами, могъ бы существовать независимо... наслаждаться природою... увлекаться съ любимымъ писателемъ въ страны воображенія... однако, нѣтъ! Въ воздухѣ, знаете, что-то такое... такъ вотъ и подталкиваетъ: дѣйствуй, дѣйствуй и дѣйствуй! *(Машетъ руками).*

Кузнеевъ *(умильно)*. Даже мы, старики, и мы это чувствуемъ, господинъ ротмистръ.

Пересвѣтъ-Жаба *(смотритъ на Кузнеева ласково)*. А что вы думаете, вѣдь это правда! У меня сосѣдъ по имѣнію есть, лѣтъ ужъ осьмидесяти старикъ... ну, и параличъ тоже... осьмой годъ недвижимъ лежитъ... а и онъ намедни съ говоритъ: «пожилъ бы, Станиславъ Казимировичъ, еще вотъ какъ пожилъ бы!» Эпоха такая!

Артамонова. Ну, пожить-то и во всякую эпоху хочется!

Пересвѣтъ-Жаба. Не смѣю съ вами спорить, сударыня, но все-таки позволю себѣ продолжать думать, что въ настоящей эпохѣ есть именно что-то живительное, возбуждающее *(нюхаетъ въ воздухъ)*. Конечно... жить... то-есть пользоваться земными благами... *(скороговоркой)* попить... поѣсть хорошаго... конечно, такое желаніе законно во всякое время; но

Digitized by Google

согласитесь, что въ прежнее время не было ни этой пытливости, ни этой полноты, ни этого жару... а это великая вещь, сударыня! Всякому, знаете, хочется примѣнить, провести что-нибудь... убѣжденіе какое-нибудь этакое... Я даже такъ полагаю, что со стороны человѣка, который имѣетъ убѣжденія, было бы непростительно не выступить съ ними на поприще гражданственности!

Кувшинниковъ *(въ сторону)*. Эхма! Кабы все это да въ просьбу вклеить!

Пересвѣтъ-Жаба. Скажу опять-таки про себя. Я человѣкъ независимый, имѣю хорошее состояніе, слѣдовательно, могъ бы, повидимому, жить, ни въ комъ не нуждаясь. Однако, я чувствую, что это было бы съ моей стороны непростительно... даже подло... и вотъ я готовъ! *(Декламируя)*. Привѣтствую тебя, вѣкъ пытливости, вѣкъ изобрѣтательности ума, вѣкъ желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ!

Кувшинниковъ *(въ сторону)*. Ахти-хти, и я бы готовъ, да этотъ чортовъ сынъ, стрекулистъ, кажется, всю просьбу испакостилъ.

Кузнеевъ. Это справедливо, господинъ ротмистръ, что на зовъ отечества всякій изъ насъ свою лепточку... *(Дѣлаетъ крошечное движеніе рукой)*.

Пересвѣтъ-Жаба. И возьмите, сударыня, что во всемъ это движеніе, эта жизнь! Начнемъ съ нашего благонамѣреннаго, нашего истинно благодушнаго начальника. Скажите на милость: когда же была видна такая заботливость, такое истинное христіанское попеченіе обо всемъ? Чтобъ все это было хорошо, чтобъ все это благословляло, все радовалось... чтобъ помѣщикъ былъ доволенъ, чтобъ мужичокъ былъ счастливъ... согласитесь, что никогда? Повѣрите ли вы мнѣ, я даже въ губернскій городъ лѣтъ десять не ѣздилъ—такъ все это было противно! И вдругъ теперь пріѣзжаю—какое пріятное изумленіе! Мостовая вездѣ съ иголочки... тамъ бульварецъ... тутъ театрикъ... не тряхнетъ нигдѣ... просто даже странно послѣ прежняго безобразія! Нѣтъ, какъ хотите, а онъ не бюрократъ! Онъ дворянинъ, именно дворянинъ! Есть въ немъ эта сила, это что-то неуловимое, это... это...

Кузнеевъ. Осмѣлюсь доложить, господинъ ротмистръ, что былъ здѣсь, лѣтъ тридцать тому назадъ, начальникомъ Ѳедоръ Петровичъ Фютяевъ... тоже и театровъ, и бульваровъ—страсти сколько настроили; а послѣ нихъ поступили генералъ Вислоуховъ, и все это опять уничтожать начали!

Digitized by Google

Пересвѣтъ-Жаба. Да?

Кузнеевъ. Точно такъ-съ. А Ѳедоръ Петровичъ именно прямой начальникъ были! И такъ это строго себя противъ всѣхъ держали, что даже смотрѣть на нихъ внушительно было!

Пересвѣтъ-Жаба. Ахъ, да не то! да не въ строгости тутъ сила, милостивый государь! Тутъ просто что-то неуловимое... какъ бы вамъ выразить? «Ну, сдѣлай это, mon cher!»— и всякій сдѣластъ съ удовольствіемъ!

Кузнеевъ. Конечно-съ, мѣрами кротости... это такъ! Однако, осмѣлюсь доложить вашему высокоблагородію, что съ купцами не всегда это удобно. Пойдутъ это у нихъ сказы да разсказы, да отговорки разныя—ну, а начальству не всегда досужно бываетъ.

СЦЕНА VII.

Тѣ же, Уколкинъ и Накатниковъ *(входятъ очень шумно и вообще выказываютъ развязность самаго лучшаго тона; одѣты пестро; часто между собой переминаются, указывая на прочихъ соискателей).*

Уколкинъ *(чиновнику).* Въ какомъ положеніи начальство?

Накатниковъ. То-есть, въ «положеніи» или ужъ въ «состояніи»?

Уколкинъ. Joli!

Чиновникъ. Чай кушаютъ-съ.

Уколкинъ. А импрессаріо?

Чиновникъ. Прошли къ нимъ-съ.

Уколкинъ. Ну, волоките его сюда; скажите, что Тамберликъ и Кальцоляри ждутъ... joli?

Накатниковъ. Да вы не переврите; не скажите: «трубочистъ и канцелярія»...

Уколкинъ. Joli!

Чиновникъ. Сейчасъ-съ. *(Уходитъ).*

Уколкинъ *(вполголоса, подмигивая на прочихъ дѣйствующихъ лицъ).* Катнемъ?

Накатниковъ. Вальнемъ!

Уколкинъ. Какъ... какъ... какъ это ты давеча сказалъ: «вотъ онъ-онъ»?

Накатниковъ. Съ пальцемъ девять, съ огурцомъ пятнадцать, наше вамъ-съ!

Уколкинъ. Charmant!

Артамонова *(въ сторону).* Это, прости, Господи, что еще за скоморохи ввалились!

Digitized by Google

Пересвѣтъ-Жаба *(очевидно зашрываетъ съ Уколкинымъ и Накатниковымъ).* Вотъ, хоть бы взять, напримѣръ, нынѣшнее молодое поколѣніе... Скажу откровенно: я тоже былъ молодъ, и въ то же время не послѣднюю роль игралъ, однако, нѣтъ... не то! Не было, знаете, этого дѣльнаго взгляда, не было этого изящества, этой волшебной простоты, которая такъ очаровываетъ въ нынѣшнемъ молодомъ поколѣніи.

Уколкинъ *(вполголоса Накатникову).* Гм... однако этотъ антрепренеръ не дуракъ!

Накатниковъ. У него аппетитъ очень силенъ... joli?

Кузнеевъ *(подходя къ Накатникову).* Позвольте, Семенъ Петровичъ, вы, кажется, не изволите узнавать меня... Кузнеевъ, Хрисанфъ Степановъ.

Накатниковъ. Боже! да это, кажется, тотъ самый Кузнеевъ, который...

Кузнеевъ. Именно, Семенъ Петровичъ, тотъ самый...

Накатниковъ. Знаменитый Кузнеевъ!

Уколкинъ. Достославный Кузнеевъ!

Кузнеевъ *(Уколкину).* И васъ тоже, Петръ Николаичъ, имѣю честь знать... Точно-съ, мы, какъ бы сказать, люди темные: куда намъ съ образованными людьми компанію весть! Однако и мы тоже слышимъ!

Уколкинъ. И много лестнаго слышите?

Кузнеевъ. Столь много, Петръ Николаичъ, что, кажется, если бы у меня былъ такой сынъ, то я именно почелъ бы себя счастливымъ!

Накатниковъ. А у васъ сынъ развѣ очень плохъ?

Кузнеевъ. Я совсѣмъ не имѣю сына, Семенъ Петровичъ!

Накатниковъ. Въ такомъ случаѣ я понимаю! Достославный Кузнеевъ, томясь жаждой родительской любви, желаетъ усыновить насъ! Папаша! позволь облобызать тебя!

Уколкинъ. Безцѣнный родитель! Позволь придушить тебя въ объятіяхъ сыновней нѣжности!

СЦЕНА VIII.

Тѣ же и Бирюковъ; за нимъ дежурный чиновникъ. *(Бирюковъ выходитъ изъ внутреннихъ аппартаментовъ; Уколкинъ и Накатниковъ немедленно устремляются къ нему; Пересвѣтъ-Жаба встаетъ и расшаркивается; лицо Кузнеева принимаетъ выраженіе человѣка, на всю жизнь осчастливленнаго; Кувшинниковъ держитъ руки по швамъ; дама съ вуалемъ безпокойно подергивается на стулѣ; мадамъ Артамонова взираетъ съ любопытствомъ и дѣлаетъ знакъ Ан-*

Digitized by Google

тошь, чтобъ онъ поправился. Бирюковъ, высокій, румяный и плечистый молодой человѣкъ, гладко выстриженъ, слегка картавитъ, держится прямо и вообще всей складкой выражаетъ нѣкоторое подобіе англійскому джентльменскому типу, въ противоположность Уколкину и Накатникову, въ пріемахъ которыхъ видно нѣчто, напоминающее французовъ-куаферовъ).

Бирюковъ. А, солисты! *(Жметъ имъ руки).* Который же изъ васъ Тамберликъ?.. mais savez-vous que le général a beaucoup ri!

Уколкинъ. Joli? не правда ли? Вѣдь это я выдумалъ! Ѣдемъ мы сюда, а я и говорю Накатникову: знаешь что, Simon, велимъ о себѣ доложить: Тамберликъ и Кальцоляри?

Накатниковъ. Ну, а какъ же тамъ-то, Сеня? *(Показываетъ глазами наверхъ).* Вальнемъ?

Уколкинъ *(перебивая его).* А то вчера вечеромъ идемъ мы въ клубъ, и вдругъ намъ навстрѣчу мужикъ: «вотъ онъ-онъ!» кричитъ; а Накатниковъ ему такъ, знаешь, равнодушно: «съ пальцемъ девять, съ огурцомъ пятнадцать—наше вамъ-съ!» Да ты понимаешь? съ пальцемъ девять... понимаешь? И такъ, знаешь, равнодушно... délicieux? *(Бирюковъ смѣется).*

Накатниковъ. Ну, да полно же, Уколкинъ! Такъ какъ же, Сеня,—вальнемъ?

Бирюковъ *(вполголоса).* L'affaire est baclée. *(Уколкинъ и Накатниковъ жмутъ ему руки).*

Уколкинъ. Сеня! Vous avez un noble coeur!

Накатниковъ. Сеня! Vous avez bien mérité de la patrie!

Бирюковъ *(ласково).* Шуты, перестаньте! l'on va descendre à l'instant!

Уколкинъ. А намъ нужно ждать?

Бирюковъ. Нѣтъ, васъ Анна Ивановна обѣдать зоветъ. Je vous dis que c'est une affaire arrangée.

Уколкинъ. Нѣтъ, да ты пойми, Сеня, какую ты вещь устроилъ: ты, я, Накатниковъ... et Mokrotnikoff pour président... Да вѣдь мы вчетверомъ такой концертъ...

Бирюковъ. Будетъ еще пятый.

Уколкинъ. Кто же?

Бирюковъ. Маленькій князекъ.

Уколкинъ. Соломенныя ножки? Ну, что-жъ, это ничего: онъ будетъ у насъ вмѣсто флейточки! Ну, а въ другихъ уѣздахъ какъ?

Бирюковъ. Un choix admirable. Анна Ивановна шуты

Digitized by Google

говоритъ, что у нея слѣдующей зимой составится un quadrille des mycovoys.

Уколкинъ. Mais quelle femme séduisante!

Накатниковъ. Гм... въ старину были тѣлеса...

Бирюковъ. Молчи ты, шутъ гороховый! Вотъ зададутъ тебѣ «тѣлеса»!

Уколкинъ. Да! à propos: чуть-чуть не позабылъ!.. Позволь рекомендовать тебѣ родителя!.. Достославный Кузнеевъ, ползите сюда!

Кузнеевъ. Петръ Николаичъ шутятъ-съ. Однако я очень радъ-съ. *(Подаетъ Бирюкову руку, которую тотъ не беретъ; за дверьми слышится шумъ).*

Бирюковъ. Тсс... самъ! Убирайтесь! *(Накатниковъ и Уколкинъ скрываются; слышится:* «au revoir», «au plaisir» и проч.).

СЦЕНА IX

Тѣ же и Зубатовъ *(румяный, бодрый старикъ; держитъ себя по-военному; глаза голубые; носъ большой; густые бакены съ просѣдью; привыкъ повелевать, а потому часто дѣлаетъ попытки перейти въ ругательный тонъ, но, вспомнивъ о существованіи благодѣтельной гласности, сдерживаетъ себя. Повторяется та же сцена, что и при появленіи Бирюкова, но въ усиленномъ градусѣ).*

Зубатовъ *(подходя къ Артамоновой).* Чѣмъ могу быть полезнымъ, сударыня?

Артамонова. Permettez-moi de vous recommander mon fils, général... Antoine! faites donc votre révérence au général!

Зубатовъ *(нѣсколько изумленъ).* Очень радъ, очень радъ, но въ чемъ же дѣло, сударыня?

Артамонова. Mon général...

Зубатовъ *(мало-по-малу багровѣетъ).* Позвольте васъ просить объясняться по-русски, сударыня.

Артамонова. Я пріѣхала, генералъ, рекомендовать вамъ моего сына на одно изъ новыхъ мѣстъ.

Зубатовъ. А вашъ сынъ гдѣ кончилъ воспитаніе?

Артамонова. Мой сынъ воспитывался дома, и я сама наблюдала, чтобъ внушить ему самыя строгія правила, генералъ.

Зубатовъ. Очень жаль-съ! очень жаль-съ! Но намъ необходимы люди, кончившіе курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ!

Артамонова. Однако, согласитесь, генералъ, что это тиранія!

Digitized by Google

Зубатовъ. Очень соболѣзную! И даже соглашаюсь съ вами отчасти; но таковы намѣренія высшаго начальства, а я... я рабъ, сударыня; то-есть, я хочу сказать: я рабъ своего долга!

Артамонова. Однако, это странно...

Зубатовъ. Что-жъ дѣлать, сударыня! Я самъ не всегда понимаю... и вполнѣ сочувствую вашему материнскому горю, но проникать въ высшія намѣренія не почитаю себя въ правѣ...

Артамонова. Итакъ, мы не можемъ питать никакой надежды?

Зубатовъ. Очень жаль-съ! очень жаль-съ! *(Подходитъ къ дамѣ съ вуалью).* Чѣмъ могу служить, сударыня?

Дама *(поднявъ вуаль).* Мой мужъ служитъ на Кавказѣ, ваше превосходительство...

Артамонова *(перебиваетъ).* Но, быть-можетъ, для сына моего сдѣлаютъ исключеніе, генералъ?

Зубатовъ *(очень любезно, но уже весь багровый).* Можетъ-быть-съ, можетъ-быть-съ... не знаю, сударыня... очень радъ буду за вашего сына!

Артамонова. Потому, что если бы Antoine, по молодости, и не смогъ чего сдѣлать, то я, какъ мать, могу ему помочь! Я пятнадцать лѣтъ вдовѣю и двадцать лѣтъ управляю имѣніемъ, генералъ!

Зубатовъ. Очень понимаю, сударыня! Но что-жъ прикажете дѣлать; я рабъ... то-есть, я хочу сказать: рабъ своего долга!

Дама съ вуалью. Мой мужъ служитъ на Кавказѣ, ваше превосходительство... *(Останавливается).*

Зубатовъ. Что-жъ прикажете, сударыня?

Дама *(нѣкоторое время молчитъ; потомъ застѣнчиво, почти плача).* Я позабыла-съ.

Зубатовъ *(снисходительно).* Постарайтесь вспомнить, сударыня... ну, напримѣръ, что бы такое! Ну, напримѣръ... быть-можетъ, супругъ вашъ мѣста ищетъ...

Дама *(повеселѣвъ).* Точно такъ, точно такъ! Новыя мѣста, новыя мѣста!

Зубатовъ. Вашъ супругъ — помѣщикъ здѣшней губерніи?

Дама. Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство, мы не помѣщики-съ.

Зубатовъ. Очень жаль-съ, очень жаль-съ, но намъ необходимы именно помѣщики и именно здѣшней губерніи!

Дама. Такъ это перемѣнить невозможно?

Digitized by Google

Зубатовъ. Я не полагаю-съ. Конечно... быть-можетъ... въ воздаяніе заслугъ... нѣтъ правилъ безъ исключеній...

Дама. Мой мужъ мнѣ именно пишетъ, что потребуется строгость, и что онъ, какъ военный...

Зубатовъ. Очень соболѣзную, сударыня, что долженъ лишиться такого полезнаго сотрудника, но что-жъ дѣлать? Предписанія закона ясны, тверды и положительны!

Дама *(нѣсколько подумавъ).* Ваше превосходительство! намъ бы эти полторы тысячи...

Зубатовъ. Что-жъ дѣлать, что-жъ дѣлать, сударыня! Я имѣлъ уже честь объяснить вамъ, что слова закона ясны, тверды и положительны!

Дама. Очень вамъ благодарна, ваше превосходительство! *(Закрываетъ лицо вуалемъ и выходитъ).*

Артамонова. Какъ вы думаете, генералъ, если я напишу къ графу Ивану Никитичу... это будетъ хорошо?

Зубатовъ. А вы коротко знаете графа?

Артамонова. Гм... не то, чтобъ коротко, а такъ. Я однажды съ нимъ въ одномъ вагонѣ по желѣзной дорогѣ ѣхала.

Зубатовъ *(почти посинѣлъ отъ злости, но еще сдерживается; еще минута — и обрушится).* Гм... да... это будетъ не дурно!

Артамонова. Да вы поймите, генералъ, что намъ, съ нашимъ вліяніемъ въ уѣздѣ, съ нашимъ состояніемъ, остаться ни при чемъ...

Зубатовъ *(вышелъ изъ себя и издаетъ только безсложные звуки).* Ффф... ззз...

Артамонова *(сначала смотритъ на него съ изумленіемъ, потомъ пугается).* Antoine! allons-nous en! allons-nous en! *(Быстро убѣгаетъ съ сыномъ).*

Пересвѣтъ-Жаба *(подавая письмо, вкрадчивымъ голосомъ).* Отъ Матрены Ивановны, ваше превосходительство!

Зубатовъ *(видимо встревоженный побѣгомъ госпожи Артамоновой и мыслью, что она можетъ прибѣгнуть къ благодѣтельной гласности).* Что вы хотите сказать этимъ, милостивый государь? *(Къ Бирюкову).* Семенъ Петровичъ, эта дама... успокойте! *(Бирюковъ выходитъ; изъ передней слышится: «de grâce, madame...» «mais non, il nous battra» и т. п. По боковымъ подергиваніямъ, которыя овладѣваютъ Зубатовымъ, видно, что его сильно подмываетъ пойти въ переднюю).*

Пересвѣтъ-Жаба *(вразумительно).* Отъ Матрены Ивановны, ваше превосходительство!

Digitized by Google

Зубатовъ. Я васъ спрашиваю, что вы хотите этимъ сказать? *(Пересвѣтъ-Жаба увядаетъ; Кузнеевъ видимо намѣревается улизнуть; входитъ Бирюковъ).*

Бирюковъ. Cette dame retourneta demain à pareille heure.

Зубатовъ. Благодарю. *(Пересвѣтъ-Жабѣ).* Такъ вы говорили, что имѣете письмо отъ Матрены Ивановны?

Пересвѣтъ-Жаба *(расцвѣтаетъ).* Точно такъ, ваше превосходительство. *(Подаетъ письмо).*

Зубатовъ *(читаетъ письмо).* Очень жаль, очень жаль! *(Пересвѣтъ-Жаба мгновенно увядаетъ).* У меня все это ужъ организовано... люди подобраны... ждемъ только сигнала изъ Петербурга... Очень жаль, очень жаль-съ!

Пересвѣтъ-Жаба. Ваше превосходительство! Я въ цѣломъ околоткѣ извѣстенъ своею строгостью!

Зубатовъ. Тѣмъ больнѣе для меня отказать вамъ. Потому что намъ нужна строгость! *(Видимо желаетъ прочесть лекцію о строгости).* Строгость — это, такъ сказать, главнѣйшій нервъ администраціи! *(Подходитъ къ Кузнееву, Пересвѣтъ-Жаба машинально облизывается).*

Кузнеевъ *(струсилъ и съежился).* Позвольте мнѣ уйти, ваше превосходительство!

Зубатовъ. Вы развѣ только поглядѣть сюда пришли?

Кузнеевъ. Нѣтъ-съ, я, ваше превосходительство, съ просьбицей-съ; только просьба-то моя, вижу, не дѣльная.

Зубатовъ. Въ чемъ же ваша просьба?

Кузнеевъ. Самая, ваше превосходительство, не дѣльная. Нѣтъ, ужъ увольте, ваше превосходительство, позвольте уйти!

Зубатовъ *(давая ему дорогу, обидчиво).* Я, государь мой, не держу васъ! *(Кузнеевъ уходитъ, наклонивъ голову, какъ будто ожидая удара).* Странно, это очень странно! *(Къ дежурному чиновнику).* Вы, прежде, нежели допускать просителей до меня, обязаны обстоятельно разспрашивать, объ чемъ они просятъ. *(Чиновникъ раскрываетъ ротъ, чтобъ говорить).* Молчать! Семенъ Петровичъ, потрудитесь сказать Предпочтительному, чтобъ онъ впередъ не присылалъ ко мнѣ этого дурака на дежурство!

Чиновникъ *(въ сторону).* Вотъ тебѣ и Анна Ивановна!

Зубатовъ *(Кувшинникову).* Вамъ что? *(Кувшинниковъ молча подаетъ просьбу).* Извольте объяснить словесно, въ чемъ заключается ваша надобность.

Кувшинниковъ. Тамъ все написано-съ

Зубатовъ *(читаетъ).* Ничего не понимаю, положительно-таки ничего не понимаю!

Digitized by Google

Кувшинниковъ. Желаю получить мѣсто-съ.

Зубатовъ. Нѣтъ мѣста-съ.

Кувшинниковъ. Такъ нѣтъ мѣста-съ?

Зубатовъ. Нѣтъ мѣста-съ.

Кувшинниковъ. И на два съ полтиной нѣтъ-съ?

Зубатовъ *(изумленный, вращаетъ кругомъ глазами).* Что это такое? Что это такое?

Бирюковъ *(смѣясь, вполголоса Зубатову).* Il demande s'il ne pourrait pas être nommé comme candidat.

Зубатовъ *(понявъ).* А! *(Кувшинникову).* И на два съ полтиной нѣтъ мѣста-съ.

Кувшинниковъ. Благодарю покорно-съ! *(Дѣлаетъ полуоборотъ налѣво и выходитъ).*

Зубатовъ *(къ Пересвѣтъ-Жабѣ).* А! вы еще здѣсь?.. Гм... Такъ вы говорите, что вы строги?

Пересвѣтъ-Жаба *(расцвѣтая).* Весь нашъ уѣздъ засвидѣтельствуетъ вашему превосходительству. Смѣю увѣрить ваше превосходительство, что у меня все это останется по-старому!

Зубатовъ. Ну, хорошо! ну, хорошо! Я вижу! Семенъ Петровичъ! *(Неожиданно оборачивается спиной и уходитъ во внутреннія комнаты, насвистывая дорогой: «jeune fille aux yeux noirs!» Пересвѣтъ-Жаба раскрываетъ ротъ отъ огорченія).*

Бирюковъ. А это значитъ, что вамъ слѣдуетъ отправиться въ канцелярію его превосходительства, къ господину Предпочтительному... тамъ есть механикъ такой: онъ васъ запишетъ. *(Пересвѣтъ-Жаба задыхается отъ радости и хочетъ поцѣловать у Бирюкова руку).* Mais finissez donc! mais finissez donc!

(Занавѣсъ опускается).

III.—Недовольные.

СЦЕНА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Андрей Иванычъ
Иванъ Андреичъ

Пожилые, оставшіеся за штатомъ дѣйствительные статскіе совѣтники. Похожи другъ на друга до смѣшного; не тощи и съ виду добродушны. Андрей Иванычъ посолиднѣе и выше ростомъ; Иванъ Андреичъ ростомъ не великъ, и когда сидитъ на стулѣ, то не достаетъ ногами пола.

Digitized by Google

Иванъ Андреичъ. Конечно, ваше превосходительство, кабы на мѣсто Семена Петровича Степана Иваныча, на мѣсто Василія Кирилыча Сергѣя Николаевича, а на мѣсто Ѳедора Ѳедорыча Петра Григорьича...

Андрей Иванычъ *(держа въ рукахъ сигару).* А Ѳедора Ѳедорыча куда-жъ?

Иванъ Андреичъ. Ѳедора Ѳедорыча можно бы членомъ-съ... въ совѣтецъ какой-нибудь... Съ сохраненіемъ, разумѣется...

Андрей Иванычъ. Съ сохраненіемъ... н-да!.. Это пожалуй...

Иванъ Андреичъ. Русское царство, ваше превосходительство, очень обширно; отчего Ѳедора Ѳедорыча не прокормить? Сколько теперича однихъ жидовъ прокармливаемъ. желѣзнодорожниковъ, подрядчиковъ-съ, а чтобъ Ѳедора Ѳедорыча...

Андрей Иванычъ. Прокормить въ состояніи.

Иванъ Андреичъ *(заискивающимъ голосомъ, какъ бы намѣреваясь пощекотать Андрея Ивановича).* А на мѣсто бы Петра Григорьича...

Андрей Иванычъ *(перебиваетъ его).* Мечта одна!

Иванъ Андреичъ. Отчего же мечта-съ? Ваше превосходительство въ такихъ еще лѣтахъ...

Андрей Иванычъ. Мечта одна!

Иванъ Андреичъ. А какъ бы дѣло-то пошло-съ!

Андрей Иванычъ *(распускаясь и скороговоркой).* Къ концу мѣсяца—чисто! Ни единой, ни самомалѣйшаго отношенія... *(Дѣлая надъ собой усиліе).* М-мечта одна! *(Минута молчанія).*

Иванъ Андреичъ. Нынче, ваше превосходительство, все фантазіи на службѣ пошли... ничего положительнаго нѣтъ-съ...

Андрей Иванычъ. Правда.

Иванъ Андреичъ. Пошла въ ходъ филантропія-съ... протолеріатъ-съ...

Андрей Иванычъ. Пролетаріатъ, то-есть.

Иванъ Андреичъ. Мы, бывало, въ неизвѣстное-то не пускались-съ. Видишь по бумагамъ, что коллежскому секретарю время на титулярные приспѣло—ну, и пишешь: «аксіосъ».

Андрей Иванычъ. То-есть не «аксіосъ», а «внести въ общее присутствіе».

Иванъ Андреичъ. Ну, конечно-съ. Насъ, ваше превосходительство, воображеніямъ-то не учили... съ насъ дѣла спрашивали...

Андрей Иванычъ. Это такъ.

Иванъ Андреичъ. А нынче «титулярнаго-то совѣтника»—

Digitized by Google

въ сторону-съ... все норовятъ, какъ бы въ «уничтоженіе чиновъ» ударить!

Андрей Иванычъ *(глубокомысленно)*. Оно къ тому идетъ.

Иванъ Андреичъ *(хихикая)*. Стало-быть, ваше превосходительство, такимъ манеромъ у насъ, въ департаментѣ, какой-нибудь коллежскій секретарь директоромъ сдѣлаться можетъ?

Андрей Иванычъ *(усиленно выпуская дымъ)*. Оно къ тому идетъ.

Иванъ Андреичъ. Ну, это ужъ очень что-то забавно будетъ!.. Я думаю, наши-то, департаментскіе, такъ и прыснутъ, какъ онъ войдетъ этакъ фертикомъ въ департаментъ?

Андрей Иванычъ. Не прыснутъ!

Иванъ Андреичъ. Да нѣтъ-съ, послѣ этого, ваше превосходительство, и сторожъ Михей надежды имѣть можетъ...

Андрей Иванычъ. Ну, этотъ еще погодитъ.

Иванъ Андреичъ. А что-жъ, ваше превосходительство, нынче и эту идею подать можно... Право-съ! *(Хихикая)*. Нынче эти новости вотъ какъ любятъ! Только презабавно, презабавно это будетъ: войдетъ, это, Михей, да вмѣсто портфеля-то—щетка въ рукахъ...

Андрей Иванычъ. Этого-то еще не будетъ, а что коллежскій секретарь будетъ директоромъ, такъ это вѣрно.

(Нѣсколько минутъ молчанія, въ продолженіе которыхъ Иванъ Андреичъ сидитъ смущенный, а Андрей Иванычъ скрещиваетъ ноги и смотритъ на собесѣдника съ торжествомъ, какъ бы говоря ему: «да, братъ, и я либералъ! и ты что думалъ!»)

Иванъ Андреичъ *(въ раздумьи)*. А вѣдь какъ поразмыслишь, такъ это именно правда, что оно къ тому идетъ.

Андрей Иванычъ. Къ тому.

Иванъ Андреичъ. Вездѣ-съ... по всѣмъ вѣдомствамъ-съ... Возьмемъ, напримѣръ, почтовое вѣдомство-съ... Ужъ какое было, кажется, смирное: муха, бывало, пролетитъ, и то слышно... И вдругъ-съ: сперва штемпельные куверты, а потомъ и этого мало показалось—марки выдумали!

Андрей Иванычъ. Выдумали.

Иванъ Андреичъ. А кому, кажется, какое зло штемпельный кувертъ сдѣлалъ?

Андрей Иванычъ. Совершенно никому.

Иванъ Андреичъ. Или вотъ дома-съ. Надоѣло, что по фамиліямъ называются, все это старо, изволите видѣть!...

Digitized by Google

Что-жъ, переформировали и это-съ!.. Нумерами какими-то окрестили—налѣво чѣтъ-съ, направо нѣчетъ-съ...

Андрей Иванычъ. Смотрѣть скучно!

Иванъ Андреичъ. Идешь иногда по улицѣ, видишь все это разрушеніе... даже вздохнешь потихонечку-съ.

Андрей Иванычъ. Все комитетъ о сокращеніи переписки сдѣлалъ.

Иванъ Андреичъ. Н-да-съ, этотъ комитетъ, доложу вамъ... Вѣдь какое, кажется, мѣсто, даже и не мѣсто совсѣмъ, а просто какъ бы сказать... комитетъ-съ! А сколько яду пролилъ!

Андрей Иванычъ. Даже остроты ума никакой нѣтъ. Вотъ губернаторамъ разрѣшили: подъ бумагами полной фамиліи не подписывать, а только однѣ буквы начальныя.

Иванъ Андреичъ *(вздохнувъ).* Заварили кашу!

Андрей Иванычъ. Каково-то будетъ расхлебывать!

Иванъ Андреичъ. Расхлебать-то бы еще можно, а главное, ваше превосходительство, слугъ хорошихъ нѣтъ!

Андрей Иванычъ. И то правда.

Иванъ Андреичъ. То-есть, такихъ слугъ, какъ въ наше время были, чтобъ за начальство въ огонь и въ воду, чтобъ и написать могли, и поправить бы могли, и отношенія эти понимали бы... кому и какъ. Словомъ, чтобъ все это шито да крыто было...

Андрей Иванычъ. Да, были мастера!

Иванъ Андреичъ. Ужъ такіе мастера, что въ нынѣшнее время даже постичь трудно. Помните ли, напримѣръ, ваше превосходительство, какъ оберъ-полицеймейстеръ къ нашему графу бумагу прислалъ, что такого-то числа найденъ на улицѣ безъ чувствъ лежащій человѣкъ, назвавшій себя чиновникомъ Лепехинымъ? Помните ли, какъ мы въ ту же минуту отвѣчали, что такого чиновника въ нашемъ вѣдомствѣ не состоитъ, а между тѣмъ этого Лепехина заднимъ числомъ изъ службы выключили?

Андрей Иванычъ. А помните ли вы, какъ у нашего графа князь Р. мнѣнія по дѣлу Тепицына спрашивалъ?

Иванъ Андреичъ. Помню, помню!.. Еще мы ему отвѣчали, что наше мнѣніе то же, что и по дѣлу Чурилова... Помню!

Андрей Иванычъ. И какъ онъ къ намъ потомъ приставалъ, что обстоятельства сихъ двухъ дѣлъ совершенно различныя, а мы ему въ отвѣтъ все одно да одно: отвѣтственно, дескать, тогда-то, за нумеромъ такимъ-то!

Иванъ Андреичъ. Ха-ха!

Андрей Иванычъ. Да, были мастера! Были... да сплыли.

Digitized by Google

Иванъ Андреичъ. Оно и нынче, ваше превосходительство, не мудрено бы... Всѣ эти марки, нумера... Можно бы ко всему привыкнуть... Только вотъ слугъ нѣтъ!

Андрей Иванычъ. Нѣтъ. *(Задумываются и вздыхаютъ).*

Иванъ Андреичъ *(послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія).* Вотъ и насъ съ вами, ваше превосходительство...

Андрей Иванычъ. Сократили.

Иванъ Андреичъ. А мы могли бы еще послужить, ваше превосходительство!

Андрей Иванычъ. И очень.

Иванъ Андреичъ. Вашему превосходительству и всего-то пятьдесятъ съ небольшимъ!

Андрей Иванычъ. Да и вашему превосходительству не больше шестидесяти...

Иванъ Андреичъ. Мы еще много полезныхъ вещей могли бы сдѣлать, ваше превосходительство!

Андрей Иванычъ. Да, мы бы... тово...

Иванъ Андреичъ. Возьмемъ хоть инспекторскую часть: сколько бы тутъ графъ новыхъ можно было подѣлать! Или еще: приказы издаются нынче по вѣдомствамъ, а можно бы, сверхъ того, издавать ихъ и по алфавиту...

Андрей Иванычъ. Полезно.

Иванъ Андреичъ. Иной, ваше превосходительство, не знаетъ, въ какомъ вѣдомствѣ служитъ лицо, его интересующее, а по алфавиту его въ одну минуту отыскать можно.

Андрей Иванычъ. Удобство большое.

Иванъ Андреичъ. И удобство-съ, а главное, что для всѣхъ безобидно...

Андрей Иванычъ. Это главное. *(Новое молчаніе, въ продолженіе котораго Иванъ Андреичъ хочетъ что-то сказать, но нѣкоторое время не рѣшается).*

Иванъ Андреичъ *(заискивающимъ голосомъ).* А что, ваше превосходительство, если дѣйствительно оправдается слухъ этотъ самый, что васъ на мѣсто Петра Григорьича?

Андрей Иванычъ *(повертываясь на стулѣ отъ внутренняго довольства).* Развѣ слухъ есть?

Иванъ Андреичъ. Ходитъ, ваше превосходительство, ходитъ!

Андрей Иванычъ *(тревожно).* Развѣ сказывалъ кто?

Иванъ Андреичъ. Какъ же-съ, ваше превосходительство, какъ же-съ! Давеча иду я по Гороховой (я нынче, отъ нечего дѣлать, моціономъ больше занимаюсь), и вдругъ это, изъ-за угла, навстрѣчу мнѣ Гаврило Петровичъ...

Digitized by Google

Андрей Иванычъ. Гаврило Петровичъ? Онъ, кажется, благонамѣренный?

Иванъ Андреичъ. Отличный человѣкъ! Ни про кого кромѣ пріятнаго ничего не скажетъ! А ужъ какъ ваше превосходительство уважаетъ, такъ даже захлебывается весь-съ!..

Андрей Иванычъ. Надо имѣть въ виду... Ну-съ?

Иванъ Андреичъ. Ну-съ, встрѣчается со мной Гаврило Петровичъ. «А слышали, говоритъ, вѣдь Андрея-то Иваныча на мѣсто Петра Григорьича хотятъ назначить? А мы, говоритъ, думали, что у насъ ужъ и департаментъ-то весь прахомъ пошелъ!»

Андрей Иванычъ *(подумавши).* Что-жъ, я послужить не прочь!

Иванъ Андреичъ. А ужъ для службы-то было бы какъ полезно!.. Такъ полезно! Безъ лести вашему превосходительству доложу!

Андрей Иванычъ *(повеселѣвъ).* Ну, ужъ и вы тогда на меня не пеняйте, Иванъ Андреичъ! Я ваше превосходительство опять на свѣжую воду выведу! Въ вицы, сударь, ко мнѣ, въ вицы! Вотъ мы, сударь, какъ васъ!

Иванъ Андреичъ *(внезапно покрываясь масломъ).* Что-жъ, ваше превосходительство!.. И я отъ трудовъ не прочь!

Андрей Иванычъ. Славно мы заживемъ!

Иванъ Андреичъ. Главное, ваше превосходительство, что единодушіе будетъ... Потому что у меня, ваше превосходительство, и ухо, и око, и все, такъ сказать... Это какъ передъ истиннымъ Богомъ-съ!.. Потому что, при исполненіи служебныхъ обязанностей, и душа, и тѣло—все это не мое, а начальниково-съ... Вотъ я какъ себя понимаю!

Андрей Иванычъ. Это основательно!

Иванъ Андреичъ. А потому самому я и позволяю себѣ думать, что если бы на мѣсто Петра Григорьича назначили ваше превосходительство—эта часть большому бы подверглась преуспѣянію!

Андрей Иванычъ. Да, я бы... тово...

Иванъ Андреичъ. Возьмемъ хоть инспекторскую часть... Сколько тутъ добраго можно сдѣлать!

Андрей Иванычъ. Да, я бы... тово...

Иванъ Андреичъ. Или вотъ насчетъ опредѣленій и увольненій... Вѣдь это теперь, ваше превосходительство, въ младенчествѣ...

Андрей Иванычъ. Да, я бы... тово... Я бы все это двинулъ.

Digitized by Google

Иванъ Андреичъ. У васъ бы, ваше превосходительство, не зазѣвались!

Андрей Иванычъ. Надо такъ полагать!

Иванъ Андреичъ. Однимъ словомъ, ваше превосходительство, только бы это устроилось, а ужъ мы бы... *(Махаетъ рукой и задумывается. Андрей Иванычъ тоже нѣкоторое время разсѣянно пускаетъ кольца дыма. Оба встаютъ).*

Вмѣстѣ *(къ публикѣ).* Да! Мы бы... мы бы... *(Скороговоркой и рьянительно).* Да, мы бы... тово!

IV.—Скрежетъ зубовный.

(Посвящается любителямъ общественнаго просвѣщенія).

Май у насъ нынче особенно душистъ и радошенъ. На волѣ, за городомъ, такъ хорошо, свѣжо, нарядно и благоуханно, что, кажется, вѣкъ бы не вышелъ оттуда. Поля въ иномъ мѣстѣ уже покрыты сильными зеленями, въ другомъ еще сверкаютъ черноватыми полосами только-что взрыхленной земли; деревья одѣты довольно густою, но еще молодою, искрасна-зеленою листвою; воздухъ влаженъ и весь проникнутъ испареніями нѣжащейся на весеннемъ солнцѣ земли; въ синемъ небѣ не видно ни облачка, и все оно словно играетъ, словно сверкаетъ, но не тѣмъ давящимъ сверканіемъ, какимъ бываетъ облито знойное іюльское небо, а какимъ-то мягкимъ, ласковымъ, радостнымъ, точно милое, улыбающееся лицо ребенка, только-что освѣжонное студеною водою; въ пространствѣ волнами ходятъ звуки, Богъ-вѣсть откуда и кѣмъ заносимые; радостные и торжествующіе, они сплошнымъ гуломъ стелются по землѣ, словно сама всецѣлая природа въ этихъ звукахъ стонетъ подъ бременемъ внутренней силы и ликованія. И неизвѣстно, посредствомъ какого тайнаго процесса все это ликованіе, все это цвѣтеніе, вся эта сила, звучность и ясность вдругъ переходятъ внутрь человѣка, и дѣлается ему такъ легко, такъ хорошо жить на свѣтѣ, что даже душа, какъ будто, играть начинаетъ... Право!

Зато картина пустѣющаго города съ каждымъ днемъ дѣлается печальнѣе и печальнѣе. Замеръ послѣдній звукъ польки, разыгранной усерднымъ оркестромъ гарнизоннаго батальона; замерли балы, пикники, рауты и катанья; замерли таинственныя рѣчи болѣе или менѣе любовнаго содержанія, нашёптываемыя ловкими канцеляристами и обольстительными юристами училища правовѣдѣнія во время

Digitized by Google

кадрилей и мазурокъ; бѣлая, ѣдкая пыль густою стѣной стоитъ на улицахъ; дорожные экипажи различныхъ видовъ и свойствъ то и дѣло снуютъ по направленію къ заставѣ, унося своихъ обладателей куда-то далеко-далеко, на лоно неумирающей природы и умирающаго крѣпостного права; все суетится, все рвется вонъ изъ города.

Замерли и начатки нашего краснорѣчія.

Да, и у насъ оно выросло, это пресловутое древо краснорѣчія, которымъ до сихъ поръ мы любовались лишь издали; и у насъ, подъ прохладною тѣнью его, уже многіе пріобрѣли для себя миръ душевный и невозмутимость сердечную; и у насъ, Dieu merci, боляринъ Сергій, насытившись вдоволь разъѣдающими рѣчами раба Божія Павла, можетъ въ веселіи сердца своего воскликнуть: «ахъ, чортъ возьми, кто бы могъ думать, что у насъ явятся такія ядовитыя бестіи!.. Да вѣдь это Jules Favre pur sang!» (только видимый съ затылка, прибавлю я отъ себя),—да, и мы, наконецъ, съ законною гордостью можемъ сболтнуть изумленной Европѣ, что въ нашихъ

. . . . . parages
Le doux ramage

—уже не мечта разгоряченнаго воображенія, а настоящая, истинная истина!.. И если вамъ, о, любители отечественнаго просвѣщенія, доселѣ остается неизвѣстнымъ сей достопримѣчательный фактъ, то это происходитъ оттого, что вы слишкомъ охотно разсуждаете о свойствахъ буквы ижицы, и изъ-за ижицы не замѣчаете обновляющейся Россіи.

Что до меня, то я самъ его видѣлъ, самъ убѣдился въ существованіи этого милаго растенія, называемаго древомъ краснорѣчія, и, если хотите, могу даже сообщить вамъ «краткое» описаніе его. Почва, въ которой лежатъ его корни, болотиста и злокачественна; стволъ его жидокъ и тонокъ, но верхушка объемиста, и если не густа, то косматая; листья блѣдны и безсочны, но снабжены колючками, которыя если не наносятъ положительнаго вреда, то производятъ въ субъектѣ, къ нимъ прикасающемся, чесотку и волдыри. Вообще, это дитя хилое, больное, слабосильное и, несмотря на свои колючки, весьма безобидное. При малѣйшемъ дуновеніи вѣтра оно всей своей растрепанной массой приклоняется къ землѣ и рабски-болѣзненно при томъ стонетъ. «Я безвреденъ! я безвреденъ!—слышится въ этомъ желанномъ стонѣ:—меня можно бить, и потому не зачѣмъ убивать!» И вѣтры все дуютъ да дуютъ, а дерево все жи-

Digitized by Google

вѣтъ да живетъ, какъ будто для того, чтобъ доказать нелѣпую мысль, что и во мракѣ есть свѣтъ, и въ смерти есть жизнь.

Пріятель мой Иванъ Педагоговъ, великій охотникъ до всякаго рода словоизверженій, едва лишь издали завидѣлъ вершину этого дерева, какъ уже не въ силахъ былъ воздержать необузданность своего сердца, преисполненнаго благими намѣреніями и безкорыстнѣйшими побужденіями. Онъ вдругъ, безъ всякой побудительной причины, уподобился укушенному шакалу, началъ соваться и бѣгать, и въ заключеніе стиснулъ меня въ своихъ объятіяхъ, въ которыхъ, однакожъ, я, въ качествѣ наблюдателя, не могъ не замѣтить сильнаго присутствія реторики. «Любезный другъ ты дѣлаешь сочиненіе на тему: «восходъ солнца»!—думалъ я, покуда онъ задыхающимся отъ искусственнаго волненія голосомъ декламировалъ передо мной: «О, какъ мы должны гордиться тѣмъ, что дожили до такого момента! Другъ мой, если бы да къ этому на мѣсто Петра Петровича назначили Ѳедора Ѳедоровича, то нѣтъ сомнѣнія, что обновленіе нашего любезнаго отечества можно бы считать совершившимся!» Послѣ этой рѣчи мы оба заплакали, заплакали гнусными, дѣланными слезами, и я до сихъ поръ не могу отдѣлаться отъ тяжести, которая легла на мое сердце отъ этихъ неприличныхъ слезъ.

Появленіе на нашей почвѣ дерева краснорѣчія тѣмъ болѣе должно было поразить, что до сихъ поръ мы думали, что ораторское искусство не можетъ быть добродѣтелью россіянъ. Предки наши занимались воздѣлываніемъ земли, утучняли стада свои, были гостепріимны и благодушны, сидѣли большею частью «уставя брады»; когда же хотѣли солгать, то приговаривали только: «да будетъ мнѣ стыдно», и затѣмъ были уже совершенно увѣрены, что любезный собесѣдникъ обязанъ принимать слова ихъ за чистую монету. Вотъ свидѣтельство, оставленное намъ исторіей. Сверхъ того, извѣстно, что россіяне съ успѣхомъ занимались приготовленіемъ многоразличныхъ сортовъ меда, но, во всякомъ случаѣ, въ числѣ этихъ сортовъ никогда не значилось меда краснорѣчія.

Очевидно, что при такомъ земледѣльческомъ, скотоутучняющемъ характерѣ цивилизаціи, страсти къ словоизверженіямъ не могло быть дано много мѣста. «Ѣшь пирогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами», гласитъ намъ мудрость вѣковъ; а «Пчелы», да «Измарагды» прибавляютъ:

Digitized by Google

«человѣку даны два уха, чтобъ слушать, и одинъ языкъ, чтобъ говорить».

И дѣйствительно, отцы наши говорили или черезчуръ сжато, или же хотя по временамъ и размашисто, но больше наполняли свои рѣчи украшеніями и учтивостями въ родѣ: «тово», «таперича», «тово-воно какъ оно», «съ позволенія сказать» и т. д. Въ подкрѣпленіе моей мысли позвольте мнѣ представить вамъ нѣсколько образцовъ этого древняго, коренного нашего витійства.

Краснорѣчіе Марса. «Не разсуждать! руки по швамъ!» При этомъ—гласитъ преданіе—нерѣдко случалось и такъ, что Марсъ, вмѣсто словъ, ограничивался простымъ рычаніемъ, что, безъ сомнѣнія, представляетъ самую сжатую форму для изъясненія чувствъ и мыслей.

Краснорѣчіе сельское. Но объ этомъ видѣ краснорѣчія я много распространяться не стану; оно вполнѣ резюмировано г. Тургеневымъ въ звукѣ: «чюки-чюкъ! чюки-чюкъ!»

Краснорѣчіе бюрократическое. «Да вы знаете ли, милостивый государь! Да какъ вы осмѣлились, государь мой! Да извѣстно ли вамъ, что я васъ туда упеку, куда Макаръ телятъ не гонялъ!»

Краснорѣчіе торжественное или, такъ сказать, обыденное. Очень радъ, господа, что имѣю случай... тово... Это таперича доказываетъ мнѣ, что вы съ одной стороны... чувства преданности... ну, и прочее... а съ другой стороны и я, безъ сомнѣнія, не премину... отъ слезъ не могу говорить... Господа, за здоровье Крутогорской губерніи!»

Однимъ словомъ, пользуясь указаніями опыта и бывшими примѣрами, мы имѣли полное право догадываться, что у насъ скорѣе можетъ процвѣтать балетъ, нежели драматическое искусство.

И вдругъ мы задумали отречься отъ преданій, завѣщанныхъ благоразумными отцами нашими, и въ юношескомъ восторгѣ забыли даже пословицу: «ѣшь пирогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами». Мы, весь свой вѣкъ твердившіе: «а вотъ поговори ты у меня, такъ узнаешь, какъ кузькину мать зовутъ», мы, проливавшіе слезы умиленія при одномъ словѣ: «безмолвіе», которымъ грады и веси цвѣтутъ,—мы... вдругъ почувствовали, что у насъ одно ухо, чтобъ слушать, и два языка, чтобъ говорить, и что пирогъ, который мѣшалъ намъ свободно развѣвать ротъ, съѣденъ весь безъ остатка... Да полно, мы ли это?

Н-да, это мы.

Digitized by Google

Въ одно морозное, свѣтлое ноябрьское утро мы проснулись и безъ всякой причины ощутили въ себѣ нѣчто въ высшей степени странное. Какъ будто вокругъ насъ что-то измѣнилось: и просторъ сузился, и пригорочки на ровныхъ мѣстахъ появились; какъ будто въ насъ нѣчто оборвалось; какъ будто и извнѣ, и внутри что-то, въ одно и то же время, и покалываетъ, и тревожитъ, и возбуждаетъ, и смущаетъ насъ. Добро бы еще это случилось весной, когда, по пословицѣ, и щепка щепку обнять желаетъ, а то, разсудите сами, на дворѣ осень, глубокая, темная осень, а въ насъ происходитъ явленіе чисто-весенняго свойства! И въ то же самое время (должно полагать, вслѣдствіе общаго ненормальнаго состоянія организма) въ оконечностяхъ языка, почувствовали мы нестерпимое раздраженіе... «Папаса, хацу гавалить!» сказали мы.—«Говори, другъ мой!» отвѣчали намъ.

Какая же причина столь внезапнаго явленія? Что̀ заставило насъ замѣнить наше прежнее необузданное молчаніе столь необузданною болтовнею?.. Хотя отвѣчать на этотъ вопросъ довольно трудно, однако, попытаюсь.

Ближайшія изслѣдованія даютъ поводъ думать, что первою и главною побудительною причиной было то, что намъ вышло позволеніе говорить, подобно тому, какъ выходятъ: отставка, опредѣленіе, отсрочка, новыя формы и т. д. Спрашивается: если вышла человѣку отставка, можетъ ли онъ продолжать служить? Если вышла человѣку новая форма одежды, можетъ ли онъ продолжать ходить въ старой? Подобно сему, если вышло человѣку дозволеніе говорить, можетъ ли онъ молчать? И самое нежеланіе съ его стороны воспользоваться предоставленнымъ правомъ не должно ли быть признано равносильнымъ ослушанію волѣ начальства?

Разрѣшеніе этихъ скромныхъ вопросовъ вовсе не такъ легко, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Я даже думаю, что для совершенно яснаго ихъ разумѣнія необходимо перенестись на историческую почву, нужно принять въ соображеніе et cesi, et cela. Какъ понималъ, напримѣръ, слово «дозволеніе» Гостомыслъ? Какой смыслъ давали ему Рюриковичи? И прямо или перекосясь взирали на него Батыевичи? Но, вступая на историческую почву, я прежде всего долженъ откровенно признаться, что свѣдѣнія мои о Гостомыслѣ весьма слабы. Помню, что когда я былъ маленькій, то съ именемъ его въ умѣ моемъ соединялась мысль о мракѣ временъ, а съ мыслью о мракѣ

Digitized by Google

временъ соединялось представленіе темнаго чулана, ключъ отъ котораго постоянно хранился у ключницы Акулины. А такъ какъ старая Акулина охотнѣе согласилась бы разстаться съ жизнью, нежели подѣлиться съ кѣмъ-нибудь драгоцѣннымъ ключомъ, то мнѣ оставалось сожалѣть только о томъ, что чуланъ недостаточно великъ, чтобъ скрыть въ своемъ мракѣ, кромѣ Гостомысла, еще десятка два лицъ, которыя, безъ ущерба для своей репутаціи, могли бы воспользоваться этимъ убѣжищемъ. Впослѣдствіи я пришелъ въ возрастъ; изученіе исторіи продолжалось, но старую Акулину уже замѣнилъ почтенный нашъ публицистъ М. П. Погодинъ. Онъ также никому не повѣрялъ ключа отъ своего чулана, и я, вновь не имѣя возможности познакомиться съ «мракомъ временъ», попрежнему негодовалъ на моего руководителя: зачѣмъ онъ окуталъ подвальнымъ туманомъ хотя удѣльный періодъ, эту безалабернѣйшую тюрю изъ всѣхъ недоѣденныхъ тюрь, когда-либо хранившихся въ подвалахъ и чуланахъ разсчетливыхъ русскихъ хозяекъ. Итакъ, все, что я могу сообщить читателямъ о Гостомыслѣ, заключается въ томъ, что это былъ тотъ самый старичина, который разрѣшилъ своимъ однодеревенцамъ просить варяговъ въ наши хлѣвы хлѣба-соли откушать. Какъ будто сквозь сонъ мелькаетъ передъ глазами моими лубочная картина, видѣнная мною еще въ томъ счастливомъ возрастѣ, когда Акулина была неразлучною спутницей моихъ историческихъ изысканій. Гостомыслъ изображенъ на ней лежащимъ на кровати (къ сожалѣнію, фамилія мебельнаго мастера, дѣлавшаго кровать, осталась неизвѣстною); вокругъ него стоятъ, какъ водится, уставя брады, въ длинныхъ парчевыхъ мантіяхъ, коварные царедворцы того времени, къ которымъ маститый старецъ держитъ рѣчь свою.

Внизу безобразнѣйшимъ шрифтомъ было изображено: «Гостомыслъ *разрѣшаетъ* своимъ единоплеменникамъ призвать варяговъ изъ-за моря». Заучивши наизусть эту подпись, я былъ твердо увѣренъ, что варяги были какіе-нибудь благодѣтельные геніи, въ родѣ бывшаго въ то время въ нашемъ городѣ городничнаго, безпрестанно слонявшагося по мяснымъ рядамъ безъ всякой иной цѣли, кромѣ попечительнаго наблюденія, чтобъ жителямъ не были продаваемы съѣстные припасы въ испорченномъ видѣ. Каково же было мое удивленіе, когда я впослѣдствіи, изъ книгъ и наставленій нашего почтеннаго публициста, узналъ, что эти варяги только и дѣлали, что жгли и грабили русскую землю;

Digitized by Google

что они были не только непростительно-невѣжливы съ нашими дамами, но даже не давали себѣ труда попросить въ своихъ невѣжествахъ извиненія у ихъ мужей; что они угоняли стада наши, безцеремонно выпивали нашъ медъ и, дергая нашихъ доблестныхъ предковъ за бороды, давали симъ послѣднимъ (т. е. бородамъ) презрительное наименованіе «мочалокъ»! Извѣстившись объ этихъ неистовствахъ, я долго не могъ придти въ себя отъ огорченія. «Что могло заставить,—восклицалъ я въ мучительномъ безпокойствѣ:— что могло заставить нашихъ предковъ внезапно забыть всѣ оскорбленія и стремглавъ броситься за-море къ варягамъ?» И я долго мучился бы этимъ вопросомъ, если бы, съ лѣтами, не сталъ твердою ногою на ту историческую почву, съ которой мнѣ сдѣлалось яснымъ, какъ дважды два, что весь узелъ этой драмы заключается именно въ словѣ «разрѣшеніе». Да; не «разрѣши» Гостомыслъ—и долго, быть-можетъ, не было бы порядка въ землѣ русской, и долго, быть-можетъ, оставалась бы она только великою и обильною! И затѣмъ всюду, куда я потомъ ни обращался, бродя по дебрямъ и лѣсамъ нашей исторіи, всюду видѣлъ, что слово «разрѣшеніе» имѣло для насъ такую магическую силу, отъ которой слабѣли не только умы, но и желудки нашихъ предковъ. Вотъ Рюриковичи, разрѣшающіе своимъ добрымъ подданнымъ полянамъ колотить добрыхъ подданныхъ кривичей, а кривичамъ—добрыхъ подданныхъ радимичей. И всѣ эти поляне, кривичи и радимичи не только не задаютъ себѣ вопроса, откуда и на какой конецъ этотъ градъ колотушекъ, но, пользуясь даннымъ разрѣшеніемъ, съ безкорыстною отчетливостью тузятъ другъ друга и по сусаламъ, и подъ микитки, и въ рождество! Вотъ Батыевичи, любезно разрѣшающіе нашимъ предкамъ платить имъ дани многи, и предки не только пользуются этимъ дозволеніемъ, но даже всякій разъ произносятъ при этомъ: «хи-хи!» Вотъ Иванъ Грозный, разрѣшающій утопить въ Волховѣ цѣлое народонаселеніе; вотъ Петръ Великій, разрѣшающій дворянамъ вступать на службу и брить бороды... Боже, какъ дѣлается легко, какъ все становится ясно, если перенесешь вопросъ на историческую почву! И что бы мы стали дѣлать, если бы не было у насъ этой благодѣтельной исторической почвы? Пожалуй, смотря на нашихъ нынѣшнихъ ораторовъ, мы и впрямь могли бы подумать, что они заговорили—чего добраго—не дождавшись разрѣшенія!..

Но, слава Богу, этого нѣтъ, и я надѣюсь, о, любители

Digitized by Google

отечественнаго просвѣщенія, что въ настоящее время слово «разрѣшеніе» имѣетъ для насъ ясный и опредѣленный смыслъ, и что самая исторія настоящей цивилизаціи вполнѣ разъясняется посредствомъ одного этого слова.

Итакъ, если кѣмъ-либо употребляется, напримѣръ, выраженіе: «дозволяется быть веселымъ», то это положительно значитъ, что веселость есть вещь обязательная, и что всякій, кто отнынѣ осмѣлится взглянуть исподлобья, или быть недовольнымъ погодой, и проч., долженъ подлежать истязанію, какъ нарушающій общественную симметрію. Подобно сему, слова: «позволяется говорить»—положительно означаютъ... не то, что отнынѣ могутъ пользоваться даромъ слова желающіе, а то, что всякій благонамѣренный гражданинъ долженъ считать своею обязанностью говорить, и не просто говорить, а до тѣхъ поръ, пока на устахъ не покажутся клубы пѣны, а глаза не пропадутъ Богъ вѣсть куда... Выходитъ, что это ужъ не краснорѣчіе, а нѣчто въ родѣ щекотанія подъ мышками...

Второю причиной, побудившей насъ къ словеснымъ подвигамъ, было, кажется, то, что въ послѣднее время развелось на Руси много людей, которые вдругъ, ни съ того, ни съ сего, начали утверждать, что вѣчно спать невозможно. Сначала одинокіе голоса эти насъ забавляли; мы даже охотно имъ вѣрили, потому что дѣло касалось насъ еще стороною. Но вотъ мало-по-малу они начали раздаваться назойливѣе и назойливѣе, и въ то самое время, когда, погруженные въ волшебный сонъ, мы ходили по коврамъ и по бархату, нѣкто взялъ на себя трудъ окончательно растолкать насъ. «Очнитесь, лежебоки!—услышали мы:—вставать велѣно!» Можете себѣ представить, въ какой переполохъ мы пришли отъ этого привѣтствія! Спросонья мы были нѣкоторое время въ недоумѣніи, не зная, трусить ли намъ, или быть храбрыми, уткнуться ли снова въ подушку, или выставить измятое лицо на свѣтъ Божій... Вокругъ насъ все смотрѣло какъ-то ново и непривычно; кипѣла новая жизнь, проходили новые люди, которые глядѣли на насъ хотя и безъ злобы, но съ какою-то сдержанной ироніей. «Что намъ дѣлать? что намъ дѣлать? — восклицали мы, ощущая всѣ мѵки предсмертной тоски. — Откуда всѣ эти пришельцы? Что значатъ эти приготовленія?» И долго бы колебались мы, если бы время не убѣдило насъ, наконецъ, что надъ нами много смѣются и очень мало злорадствуютъ. «Слѣдовательно, надо быть храбрыми!» воскли-

Digitized by Google

нули мы, и въ то же мгновеніе разразились цѣлымъ потокомъ словъ. Мы внезапно почувствовали, что и мы можемъ лицомъ товаръ показать, тѣмъ болѣе, что намъ предстояло защищать свое право лежанія, сладкое право, безъ боя добытое нашими предками.

Итакъ, второю причиной нашей болтливости было живое и законное чувство самосохраненія.

Объ чемъ же мы говоримъ и какъ мы говоримъ? спросите вы. Прежде, нежели отвѣчать на этотъ вопросъ, позвольте мнѣ разсказать нѣсколько печальныхъ исторій.

У меня былъ знакомый, который вмѣстѣ съ прелестнѣйшимъ голосомъ былъ одаренъ отъ природы и чувствительнѣйшей душою. Повидимому, нѣжный теноръ и чувствительная душа—двѣ вещи, которыя какъ нельзя болѣе идутъ другъ къ другу, однако на дѣлѣ выходило совершенно противное. Едва, бывало, затянетъ мой пріятель: «oh, per che non posso odiar ti», какъ голосъ его внезапно оборвется, и изумленные слушатели, вмѣсто пѣнія, дѣлаются свидѣтелями самихъ горькихъ, а иногда и безобразныхъ рыданій. Такимъ образомъ мы, почитатели вокальныхъ дарованій нашего друга, такъ-таки и не могли добиться случая насладиться звуками его голоса, хоть ни одинъ изъ насъ ни на минуту не усомнился въ томъ, что голосъ этотъ долженъ быть прелестенъ.

У меня былъ другой знакомый, который могъ бы быть образцовымъ человѣкомъ, если бы... если бы не та же чувствительность, бѣдственныя послѣдствія которой описаны уже мною выше. Бывало, недѣлю-другую пріятель мой только и дѣла, что благодѣтельствуетъ, а потомъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, взгрустнетъ... и пошелъ все въ рыло да въ рыло.

У меня есть третій знакомый, который могъ бы быть весьма пріятнымъ публицистомъ, если бы перо его, собственнымъ своимъ побужденіемъ, не производило всякій разъ такого клякса, послѣ котораго дѣятельность публициста становится совершенно невозможною.

Примѣровъ такихъ маленькихъ несчастій встрѣчается не мало, и я разсказалъ о нихъ для того собственно, что у меня развелось въ настоящее время множество знакомыхъ, которые могли бы затмить своимъ краснорѣчіемъ и Беррье, и лорда Дерби, если бы не препятствовало тому несовмѣстное съ ораторскою карьерой косноязычіе.

Однако, вы можете себѣ представить, какъ я долженъ

Digitized by Google

чувствовать себя несчастливымъ, проводя жизнь среди такихъ неудавшихся дарованій! Очевидно, я долженъ ихъ утѣшать, увѣрять деликатнымъ образомъ, что это ничего, что это пройдетъ, что, можетъ-быть, и ихъ усердіе принесетъ современемъ желаемые плоды... Но къ дѣлу.

«Объ чемъ мы говоримъ и какъ говоримъ?» Легко вамъ поставить такой вопросъ, но каково тому, кто принялъ на себя добровольную обязанность отвѣчать на него! Уловите мнѣ «сію мечту», которая вотъ-вотъ сейчасъ зародилась въ головѣ вашего молчаливаго и углубившагося въ себя сосѣда! А между тѣмъ «сія мечта» существуетъ—въ этомъ вы не можете сомнѣваться, потому что сами видите, какъ она явственно играетъ на губахъ и въ бровяхъ молчаливаго господина! Уловите мнѣ это благоуханіе, эту раздражающую эманацію любви, которая горитъ въ воздухѣ, окружающемъ вашу возлюбленную. А между тѣмъ вы ни на минуту не можете усомниться въ существованіи ихъ, потому что слишкомъ явственно ощущаете, какъ сердце ваше мучительно раскрывается, чтобъ принять въ себя эти жгучія испаренія! Поймайте мнѣ, наконецъ, рукой первый палецъ той же руки, заключенный между вторымъ и третьимъ пальцами.

Увѣряю васъ, что уловить характеръ и содержаніе нашего краснорѣчія гораздо труднѣе, нежели... нежели даже поймать вышеупомянутый первый палецъ.

Однако попытаюсь.

Во-первыхъ, я долженъ съ прискорбіемъ сознаться, что сжатость, которою преимущественно щеголяли наши предки, утрачена нами безвозвратно. Увы! мы уже не говоримъ больше: «цыцъ, собака!» Мы уже находимъ, что эти первобытныя формы не соотвѣтствуютъ современному состоянію цивилизаціи, и что никакая рѣчь не можетъ быть, въ строгомъ смыслѣ, названа человѣческою, если она не обставлена приличными дѣлу обстоятельствами и не заключаетъ въ себѣ силлогизма. Поэтому мы стараемся выразить мысль нашу не прямо, а какъ-нибудь стороною; даемъ, напримѣръ, почувствовать, что «на свѣтѣ станковые существуютъ», что «если они существуютъ, то надо полагать, что есть какая-нибудь цѣль этого существованія»... Или, напримѣръ, по поводу искренняго желанія содрать кожу съ нашего ближняго, мы отнюдь не выскажемъ прямо, что очень бы, дескать, пріятно и, такъ сказать, пользительно, но прежде углубимся въ дѣвственные лѣса Америки, под-

Digitized by Google

нимемъ завѣсу, скрывающую отъ насъ древній Римъ, «съ истиннымъ прискорбіемъ» найдемъ, что вездѣ и всегда обдираніе ближняго считалось чуть ли не доблестью, и только тогда уже, когда достаточно забросаемъ слушателя грязью нашихъ историческихъ и статистическихъ изысканій, осторожненько заключимъ, что если вездѣ были люди, вездѣ человѣки, что если древній Римъ, покорившій полъ-вселенной... то почему же бы и намъ и т. д.

Признаюсь откровенно, я душевно оплакиваю такое направленіе нашего краснорѣчія. Во-первыхъ, я всякій разъ вспоминаю при этомъ наше древнее: «да будетъ мнѣ стыдно», а во-вторыхъ, мнѣ истинно жаль, что столько драгоцѣннаго времени, которое можно было бы съ пользою употребить за зеленымъ столомъ, тратится на сомнительное и торопливое ознакомленіе съ «краткой всеобщей исторіей» Кайданова.

Второе качество, дающее содержаніе нашему краснорѣчію, заключается въ желаніи нашемъ доказать, что мы люди и ничто человѣческое намъ не чуждо. Казалось бы, что людямъ нечего и доказывать, что они люди: вѣдь такъ естественно быть человѣкомъ! Однако, мы усиливаемся, мы заявляемъ объ этомъ всѣмъ и каждому, мы просимъ вѣрить и даже очень огорчаемся, если бы кому-нибудь вздумалось покачать при этомъ головою. Что означаетъ этотъ фактъ? То ли, что мы до сихъ поръ были слишкомъ робки, или то, что нами искони обладало чрезмѣрное высокомѣріе?

Я полагаю, что въ этихъ безпрестанныхъ оговоркахъ и извиненіяхъ есть частица того и другого. Многіе изъ насъ были дѣйствительно до того скромны, что названіе «людей» охотно присвоивали всѣмъ и каждому, исключая самихъ себя. Французъ—человѣкъ, англичанинъ—человѣкъ, даже нѣмецъ отчасти человѣкъ, но мы... какъ мы смѣемъ! Другіе, напротивъ того, до безконечности злоупотребляя словомъ «человѣкъ», не на шутку убѣдились, что намъ можно называться барами, благородіями, превосходительствами и т. д., но отнюдь не «человѣками». Слѣдовательно, появленіе въ нашемъ разговорномъ языкѣ слова «человѣкъ», въ собственномъ его смыслѣ, было такъ ново и такъ оригинально, что нѣтъ ничего удивительнаго, если на первыхъ порахъ мы желаемъ вдоволь натѣшиться имъ. Зато посмотрите на насъ, какъ мы краснѣемъ и потупляемъ глаза, когда объявляемъ во всеуслышаніе о своей принадлежности

Digitized by Google

къ общечеловѣческой семьѣ! Сквозь каждый звукъ нашего голоса просвѣчиваетъ и нетерпѣніе наше какъ можно скорѣй получить дипломъ на званіе человѣковъ, и наша неувѣренность въ томъ, дѣйствительно ли мы «люди» и не напустили ли мы на себя это мнѣніе, подобно тому, какъ долгое время напускали на себя убѣжденіе въ томъ, что мы герои и цѣлый міръ шапками закидать можемъ. Тѣмъ не менѣе (послѣ того говорите, что я человѣкъ мало снисходительный!), — несмотря на то, что эти стыдливыя, прикрытыя фиговымъ листомъ протестаціи, эти жалобныя моленія страшно раздражаютъ мнѣ нервы,—я, все-таки, вижу въ нихъ успѣхъ и нахожу ихъ похвальными и заслуживающими поощренія. И въ этомъ случаѣ я не только не противорѣчу самому себѣ, но, напротивъ того, имѣю даже совершенно основательныя причины радоваться такому искаженію мысли человѣческой. По крайней мѣрѣ, думаю я, теперь рѣже и рѣже встрѣчаются тѣ неистовые герои, которые нѣкогда языкомъ своимъ приводили въ ужасъ самую природу, ихъ создавшую. По крайней мѣрѣ, если древнее ехидство еще живо, то оно уже не поднимаетъ головы, не говоритъ во всеуслышаніе, что оно ехидство, но робко извивается по землѣ и, заговаривая льстивыми голосами, проситъ пожаловать ему ручку поцѣловать. Согласитесь, что это уже изрядный шагъ впередъ, и что всякій, желающій пользы дѣлу, о томъ только и долженъ умолять боговъ, чтобъ неувѣренность въ человѣческомъ достоинствѣ продолжилась въ насъ, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, когда мы и въ самомъ дѣлѣ сдѣлаемся людьми. Ибо, въ противномъ случаѣ, мы, чего добраго, сневѣжничаемъ и какъ разъ уподобимся тѣмъ мужикамъ-бахвалamъ, про которыхъ сложена поговорка: «человѣкъ онъ умный: на пусто не плюнетъ, а все въ горшокъ да въ чашку».

Третье качество, въ которомъ мы искренно желаемъ завѣрить почтеннѣйшую публику, намъ внимающую, есть современность. Когда все кругомъ насъ говоритъ и пишетъ объ обветшалости крѣпостного права, о неудобствѣ откуповъ, взяточничества и казнокрадства, можемъ ли мы оставаться равнодушными? Можемъ ли мы, спрашиваю я васъ, удержать біенія сердецъ нашихъ и не преподнесть нашего собственнаго издѣлія букетовъ на алтарь отечества? Очевидно, что нѣтъ,—во-первыхъ, потому, что это не будетъ à la mode, а во-вторыхъ, и потому, что кто же бы тогда сталъ внимать намъ? Вымолви-ка мы теперь такое слово,

Digitized by Google

какъ, напримѣръ: *откупа полезны,* гдѣ-жъ бы нашлась публика для такихъ рѣчей?! Итакъ, мы условились единодушно и заранѣе, что откупа—гадость, взяточничество—мерзость, казнокрадство—мерзость, ябедничество—мерзость, а крѣпостное право—une chose sans nom. Но, Господи! что за горечь кипитъ въ нашихъ сердцахъ, когда мы произносимъ эти слова! Какое горькое дрожаніе усматривается на побѣднѣвшихъ губахъ нашихъ! что за соленый вкусъ ощущается на языкѣ, когда онъ лепечетъ заповѣдное вступленіе къ предстоящей рѣчи: «господа! нѣтъ сомнѣнія, что предметъ, насъ занимающій, заслуживаетъ искренняго нашего сочувствія!» «Чорта съ два, искренняго!» думаемъ мы въ это самое время, и повѣрьте, что для насъ было бы во сто кратъ пріятнѣе, если бы заставили насъ проглотить ежа, нежели выдавить изъ себя эту простую, невинную фразу! Однакожъ мы выдавливаемъ ее, и хотя внутри насъ все колышится и какъ будто хохочетъ, но слова наши въ порядкѣ, носы не буйствуютъ, языки въ порядкѣ и даже физіономіи въ порядкѣ... Да, чортъ побери... въ порядкѣ!..

Изъ всего сказаннаго выше вы можете сами легко сдѣлать заключеніе о томъ, что составляетъ содержаніе нашего краснорѣчія. Это, во-первыхъ, стараніе не войти въ слишкомъ явное противорѣчіе съ грамматикой и синтаксисомъ; во-вторыхъ, желаніе убѣдить всѣхъ и каждаго, что ничто человѣческое намъ не чуждо, и въ-третьихъ, стремленіе, хоть какъ-нибудь, хоть бокомъ пріобщиться къ общему, современному направленію идей. Словомъ, чтобъ опредѣлить характеръ нашего витійства однимъ терминомъ, можно назвать его размазисто-стыдливо-пустопорожнимъ.

Однако, я сознаю, что вы въ правѣ возразить мнѣ, что съ такимъ малоразнообразнымъ фондомъ можно съ грѣхомъ пополамъ составлять только вступленія или предисловія. Къ сожалѣнію, я ничего не могу сказать противъ этого, потому что и мнѣ достовѣрно извѣстно, что до сихъ поръ мы дѣйствительно говорили одни вступленія. Но, съ другой стороны, вы, конечно, будете снисходительнѣе, если примете въ расчетъ молодость нашихъ лѣтъ, нашу неопытность и другія качества... Откуда взять намъ содержанія для нашихъ ораторскихъ упражненій? Изъ науки—но развѣ мы учились? Изъ жизни—но развѣ мы жили?

Въ первомъ отношеніи, я вамъ скажу по секрету, что если бы не «Русскій Вѣстникъ», то рѣшительно неизвѣстно,

Digitized by Google

какъ бы мы вывернулись изъ нашихъ тѣсныхъ обстоятельствъ. Онъ впервые повѣдалъ изумленному міру, что есть на свѣтѣ государства благоустроенныя, есть государства такъ себѣ, что называется, середина на половинѣ, и есть государства совершенно разстроенныя (мы же до сихъ поръ, въ простотѣ души, объясняли себѣ, что государство есть государство и больше ничего); онъ довелъ до нашего свѣдѣнія, что усовершенствованные пути сообщенія не въ примѣръ лучше неусовершенствованныхъ; онъ поразилъ нашъ слухъ словами: «кредитъ» (подъ этимъ словомъ мы разумѣли исключительно опекунскій совѣтъ, въ которомъ закладывали свои имѣнія), «спекуляція» (съ этимъ словомъ въ умѣ нашемъ соединялось смутное понятіе о чемъ-то въ родѣ мазурика), «поземельная рента» (подъ этимъ выраженіемъ мы ровно ничего не разумѣли) и многими другими, при произнесеніи которыхъ мы благодарно раскрывали наши рты. Что было бы, что было бы, если бы не существовалъ «Русскій Вѣстникъ»? часто спрашиваю я самого себя. Я трепещу произнесть, но мнѣ кажется, что мы поневолѣ вверглись бы въ бездну «Исторіи г. Кайданова» и «Статистики г. Зябловскаго». Но такъ какъ, съ другой стороны, «Русскій Вѣстникъ» издается періодически и небольшими книжками, и, слѣдовательно, не можетъ за разъ обучить всему, то очевидно, что покуда онъ будетъ издаваться, покуда не извлечетъ изъ первобытной тьмы всего, что намъ на потребу, мы, все-таки, не можемъ съ увѣренностью сказать, что мы дѣйствительно что-нибудь знаемъ. Что, если вдругъ «Русскій Вѣстникъ», въ слѣдующей же книжкѣ, начнетъ разсматривать извѣстный вопросъ съ другой точки зрѣнія? думаемъ мы, бѣдняки... И вдругъ окажется, что то, что въ такомъ-то нумерѣ доказывалось такъ убѣдительно и осязательно, на самомъ дѣлѣ вовсе не убѣдительно и не осязательно? Куда мы тогда поспѣли съ своими «кредитами» и «поземельными рентами»? Страхъ этой неизвѣстности заставляетъ насъ быть осторожными и держаться болѣе береговъ, не пускаясь далеко въ много-волнистое море научныхъ изысканій. Вотъ когда «Русскій Вѣстникъ» изобрѣтетъ компасъ, когда онъ окончитъ свое земное странствованіе и съ свойственною ему скромностью произнесетъ: «здѣсь предѣлы человѣческой мудрости, добрые сограждане!»—тогда милости просимъ поговорить съ нами.

Что касается до жизни, то какія поученія могли мы из-

Digitized by Google

вячь изъ нея? Шли мы все по отлогому мѣсту, не знали ни враговъ, ни пригорковъ, не ѣхали, можно сказать, а катились. Урожай у насъ — Божья милость, неурожай — такъ, видно, Богу угодно; цѣны на хлѣбъ высоки—сталобыть, такія купцы даютъ; цѣны нивки—тоже купцы даютъ... Господи! и жарко-то намъ, и объѣлись-то мы и не умѣемъ-то, и не знаемъ-то... поневолѣ со всякою мыслію свыкнешься, со всякимъ фактомъ примиришься! О чемъ тутъ думать, чѣмъ озабочиваться! Жили какъ-нибудь прежде — проживемъ какъ-нибудь и теперь, и послѣ! Развѣ поможешь тутъ думаньями да размышленіями? И точно, мы не думали и не размышляли; развѣ по хозяйству что-нибудь укажешь, да и то больше рукой, а не словомъ...

Итакъ, ни наука, ни жизнь не даютъ дѣйствительнаго содержанія для нашего витійства. Понятно, что при такихъ данныхъ мы поневолѣ должны ограничиваться одними вступленіями и предисловіями, но зато въ искусствѣ предисловій мы въ самое короткое время сдѣлали столько успѣховъ, что едва ли не обогнали на этомъ поприщѣ всѣ народы земного шара.

Послушаемъ нашихъ ораторовъ.

— Милостивые государи!—говоритъ престарѣлый князь Оболдуй-Таракановъ (о происхожденіи и заслугахъ этого значительнаго древняго рода я когда-нибудь доложу читателю особо):—Милостивые государи! не подлежитъ никакому сомнѣнію, и всѣ вы, конечно, со мною согласитесь, что нашему любезному отечеству открывается будущность не только прекрасная, но даже, смѣю думать, и блестящая. Я, милостивые государи, и часто, и много объ этомъ помышляю въ тиши моего уединенія, и сознаюсь вамъ искренно, что результатъ моихъ помышленій есть таковъ: ни одно въ мірѣ отечество не имѣло столько прекрасныхъ залоговъ, столько утѣшительныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ несомнительныхъ принциповъ и данностей будущаго благополучія, сколько имѣетъ ихъ наша матушка Русь православная. Возьмемте древній Римъ, взглянемте изъ нашего отдаленія на Сѣверо-Американскіе Штаты, сошлемтесь на Францію и Англію (ужъ я не говорю, мм. гг., объ Испаніи!)—что мы видимъ? Вездѣ раздоры, вездѣ партіи; Маріи завидуетъ Силлѣ, Аннибалъ Сципіону и т. д. Взамѣнъ того, что видимъ у насъ? Города цвѣтутъ, селенія процвѣтаютъ, порядокъ не нарушается, арміи удивляютъ міръ, пролетаріатъ невозможенъ, просвѣщенное дворянство стремится и изъявляетъ готов-

Digitized by Google

ность, почтенное купечество съ своей стороны жертвуетъ, добрые земледѣльцы благоденствуютъ и наслаждаются плодами рукъ своихъ... однимъ словомъ, всѣ сословія соединены одною и притомъ неразрывною, такъ сказать, цѣпью! Не говорю здѣсь о разныхъ географическихъ данностяхъ, но не излишнимъ считаю напомнить здѣсь, что мы имѣемъ Сибирь, которая, какъ извѣстно, составляетъ весьма важное подспорье въ нашемъ гражданскомъ и государственномъ быту. Таково наше настоящее, милостивые государи! Есть ли что-нибудь подобное въ другихъ государствахъ? Встрѣчалось ли такое соединеніе единодушія съ благодушіемъ въ какія бы то ни было отдаленныя времена исторіи? Никогда и нигдѣ. Вотъ плоды моихъ посильныхъ размышленій! Но отъ настоящаго обращусь къ грядущему, позволяя себѣ поднять трепетною рукою завѣсу, его скрывающую. *(Лицо князя начинаетъ мало-по-малу перекашиваться).* Что вижу я тамъ, достойные мои слушатели? Я вижу усовершенствованные пути сообщенія, вижу безпримѣрное развитіе нашей промышленности, испытавшей на себѣ вліяніе благотворнаго и оплодотворяющаго кредита, вижу процвѣтаніе земледѣлія и скотоводства, вижу свободный трудъ, господа! Нѣтъ сомнѣнія, что сей послѣдній есть такой же нервъ земледѣлія, какъ кредитъ — нервъ промышленности. Благодаря новѣйшимъ изысканіямъ нашихъ ученыхъ, это истина несомнительная, и съ нашей стороны было бы не только неблагоразумно, но и неразсчетливо отвергать ее. Итакъ, прежде всего заявимъ, милостивые государи, наше сочувствіе благодушной принципіи, которая въ отвлеченіи, т.-е. взятая сама по себѣ, не терпитъ возраженія. Да, я первый готовъ подать примѣръ въ этомъ смыслѣ, первый во всеуслышаніе готовъ сказать всѣмъ и каждому, что безъ свободнаго труда нѣтъ и не можетъ быть надежныхъ условій истиннаго процвѣтанія для государства! И не одинъ я такъ думаю; всѣ мы, господа, сколько насъ ни есть, единодушны въ этомъ отношеніи! Но если съ вершинъ отвлеченности мы спустимся къ низменностямъ практичности, если отъ умозрѣній великодушія обратимся къ примѣняемости обыкновенныхъ нашихъ житейскихъ условій—что мы должны заключать? То, мм. гг., что всякая теоричность прежде всего должна быть повѣрена практичностью, и только тогда можно судить, въ какой степени можетъ быть достигнута примѣняемость условій. Но справедливъ будетъ тотъ изъ васъ, достойные слушатели, кто изъ словъ моихъ за-

Digitized by Google

ключитъ, что я врагъ теорическихъ требованій, или осуждаю свободный трудъ въ его отвлеченности. Повторяю, что мы всѣ, и притомъ всѣми силами души, должны стремиться къ осуществленію этой мысли, но, какъ человѣкъ практичности, какъ земледѣлецъ, прибавляю: надо предварительно повѣрить эту мысль въ ея осуществительности, надо опредѣлить теченіе ея въ ея постепенности, надо приготовить почву, милостивые государи, и тогда уже, и только тогда, начать сѣять наше прекрасное сѣмя! Сойдемъ въ тайники души своей, спросимъ себя съ полною откровенностью: готовъ ли *онъ* къ встрѣчѣ съ тѣми трудностями жизни, съ которыми будетъ неизбѣжно сопряжено его новое положеніе? И замѣтьте, господа, я не говорю о готовности умственной или нравственной... нѣтъ, я говорю о простой готовности физической... да, не болѣе какъ физической! Какія отличительныя черты встрѣчаемъ мы въ поселянахъ нашихъ? Младенческую безпечность и нѣкоторую наклонность къ сладостному far-niente. Поселянинъ, какъ дитя, срываетъ цвѣты жизни, не заботясь о будущемъ и вполнѣ слѣдуя евангельскому изреченію: *довлѣетъ дневи злоба его.* И все въ его существованіи было приспособлено къ этому порядку вещей, все ему улыбалось и ничто не огорчало. Требовались ли правительствомъ подати и повинности — онѣ платились за него; постигалъ ли страну неурожай — его ожидали богатые запасы землевладѣльца, всегда готоваго поспѣшить на помощь ближнему. Повторяю, онъ срывалъ цвѣты жизни, не касаясь корней ея. Если мы оторвемъ его отъ этого идиллическаго настроенія души, если поставимъ его лицомъ къ лицу съ суровой мачехой-дѣйствительностью—чего можемъ мы ожидать? Не того ли, что онъ захиритъ и зачахнетъ, какъ хирѣютъ и чахнутъ тепличныя растенія, бывъ пересажены изъ теплой и влажной атмосферы теплицъ на холодную и негостепріимную почву нашихъ сѣверныхъ полей?.. Итакъ, господа, во имя живого всегда присущаго намъ чувства чести, я умоляю васъ быть осмотрительными! Я умоляю васъ не спѣшить навстрѣчу волнамъ пожирающаго океана, но девизомъ вашихъ будущихъ дѣйствій избрать слова, глубоко начертанныя въ моемъ собственномъ сердцѣ: неторопливость и постепенность!

Князь кончаетъ при всеобщемъ ропотѣ одобренія. Онъ очень доволенъ собою и, повидимому, съ гордостью сознаетъ, что вполнѣ исполнилъ долгъ, предписываемый природою: сходилъ въ Америку, побывалъ въ Римѣ, заѣхалъ даже во

Digitized by Google

Францію, не говоря объ Испаніи, высказалъ нѣсколько пріятныхъ словъ о «теоричности» и не навлекъ никакого сомнѣнія насчетъ знакомства своего съ грамматикой и словосочиненіемъ. Престарѣлое лицо его лоснится, ротъ улыбается до такой степени широко, что, кажется, такъ и хочетъ сбѣгать посмотрѣть, что дѣлается на затылкѣ; самая спина вздрагиваетъ какою-то веселою, юношескою дрожью, какъ будто она во что бы то ни стало хочетъ принять участіе въ недавнемъ словесномъ торжествѣ.

Слушатели тоже съ своей стороны довольны. Пріятель князя, Андрей Карлычъ Кирхманъ, успѣлъ шепнуть имъ на ушко, какой истинный смыслъ слѣдуетъ придавать словамъ: «постепенность и неторопливость»; многіе, вслѣдствіе этого толкованія, весело потираютъ себѣ руки, и уважаемый Сила Терентьевичъ Барсученко считаетъ долгомъ незамедлительно и отъ имени всѣхъ возблагодарить князя.

— Позвольте и мнѣ, господа, — говоритъ онъ мягкимъ, словно бланжевымъ голосомъ:—позвольте и мнѣ положить свою ленту на алтарь отечества!.. Золотое вы слово сказали, князь, насчетъ этой теоричности! Конечно, въ томъ и сомнѣваться нельзя, что всѣ мы не прочь, и всѣ мы чувствуемъ, что любовь къ матушкѣ-Россіи есть первый долгъ и священная обязанность. Князь очень вѣрно это выразилъ, и хотя я не имѣю блестящаго образованія, но понимать могу. Только ужъ насчетъ этой теоричности скажу, что лучше бы совсѣмъ ея не было! Я долго на свѣтѣ живу; сначала въ полку служилъ, а съ тѣхъ поръ, вотъ ужъ тридцать лѣтъ, управляю имѣніями моими и жены моей, и всегда имѣлъ передъ глазами одну практичность, а теоричности нигдѣ не видалъ. Да и не было ея совсѣмъ въ наши времена. Слѣдственно, если слово ваше, князь, о теоричности можно назвать золотымъ, то другія слова ваши о постепенности и неторопливости нельзя назвать иначе, какъ брильянтовыми! Довольно.

За Барсученкомъ вступаетъ на сцену отставной капитанъ Постукинъ, но онъ не говоритъ, а только безпорядочно махаетъ руками и страшно при этомъ отопыриваетъ губы. За Постукинымъ слѣдуютъ Петровы, Ивановы, Ѳедоровы, Григорьевы и прочіе потомки коллежскихъ асессоровъ, Амалатбековы, Уланбековы, Млодзіевскіе, Войдзицкіе... и всю эту компанію достойнымъ образомъ заключаетъ отличающійся представительной наружностью маркизъ де-Шассе-Круазе. Сердце земли надрывается скорбью, рѣки

Digitized by Google

выходятъ изъ береговъ, Лиссабонъ разрушается и рыба-кить выбрасываетъ изъ себя Іону отъ ихъ благородныхъ воплей и восклицаній. «Постепенность! Постепенность!»— стонетъ этотъ новый кагалъ.

Потревожился и другой князь. Князь этотъ — его сивушество князь Полугаровъ, всѣхъ кабаковъ, выставокъ и питофныхъ лавочекъ всерадостный обладатель и повелитель. Онъ покидаетъ бочку, въ которой, какъ Діогенъ, скрывался отъ взоровъ людскихъ, и громкимъ хрюканіемъ заявляетъ желаніе сказать слово на пользу общую.

— Господа!—говоритъ онъ:—вы меня извините; я пышныхъ этихъ словъ не знаю, а говорю просто, что Богъ на сердце положитъ. Теперича я разсуждаю такъ: желѣзныя дороги—хорошо, грамотность—хорошо, пароходство—и того лучше. Все это рождаетъ новыя потребности, новыя потребности рождаютъ новыя отрасли промышленности, а новая промышленность пускаетъ въ народное обращеніе денежные знаки—все равно, что масло въ кашу! Да я и не къ тому веду рѣчь. Извѣстно, что матушка Русь православная не погибнетъ. Это мы сто разъ доказали и передоказали, и есть такіе признаки, которые даютъ право думать, что мы докажемъ это и не одинъ разъ. Поведу рѣчь прямо и откровенно объ откупахъ. Я, господа, былъ откупщикомъ, есть откупщикъ и буду откупщикомъ (hilarité générale). Говорю по опыту: ремесло неблагонадежное... Мужику, послѣ тяжелой дневной работы, хочется подкрѣпить свои силы рюмкой добраго полугара, а ему вмѣсто вина даютъ какую-то мутную жидкость, отъ которой только воняетъ сивухой. Такого дѣла защищать нельзя—это ясно какъ день, а потому нельзя и не сочувствовать нашей благодѣтельной литературѣ, которая выводитъ нашего брата, откупщика, на свѣжую воду. И все-таки, господа, я былъ откупщикомъ, есмь откупщикъ и не теряю надежды умереть откупщикомъ—что-жъ это значитъ? Не значитъ ли это, что дѣйствія мои разногласятъ съ убѣжденіями? Не значитъ ли это, что я говорю одно, а дѣлаю другое? А ларчикъ просто отворялся, сказалъ дѣдушка Крыловъ, и сказалъ истину святую. Я есмь и буду откупщикомъ, потому что не убѣжденъ, чтобъ мы были достаточно приготовлены къ принятію какой-нибудь другой системы. Во время тридцатилѣтней моей откупной карьеры я и примѣривалъ, и прикладывалъ, и дѣйствительно пришелъ къ тому убѣжденію, что откупа—вещь не хорошая. Однако, мы къ этому привыкли, однако

Digitized by Google

это доходъ даетъ—вотъ на что я хочу указать. Поговорю о привычкѣ. Извѣстно, что истый русскій человѣкъ безъ клоповъ спать не можетъ, безъ таракановъ щи хлебать не въ силахъ, безъ ухабовъ и рытвинъ ѣзда ему не въ ѣзду. Отнимите у него эти привычки (комфортъ)—и вотъ ропотъ! Кто-жъ можетъ предусмотрѣть, что безъ откуповъ самая жизнь ему не будетъ въ тягость? Никто. А это статья важная. Теперь поговорю о доходѣ. Что такое доходъ? А доходъ, господа, это тотъ самый «мальчикъ съ пальчикъ», та самая «птичка-невеличка», которая въ государствѣ всѣ суставчики въ движеніе приводитъ. Отъ опредѣленія обращусь къ самому дѣлу, т. е. къ откупамъ. Тутъ, господа, ужъ не то, что «плевъ сто рублевъ», тутъ пахнетъ милліонами; а запахъ милліоновъ—сильный, острый, всѣмъ любезный, совсѣмъ не то, что запахъ теорій. Чѣмъ замѣнить эти милліоны? какою новою затыкаемостью заткнуть эту старую поглощаемость? Прикидывалъ я и на глазомѣръ, прикидывалъ и на аршинъ, тридцать лѣтъ только и дѣлалъ, что измѣрялъ эту поглощаемость—и все какъ съ гуся вода! И опять-таки скажу: великое русское спасибо господамъ писателямъ, которые выводятъ на свѣжую воду нашего брата откупщика! Объ одномъ только они маленько забываютъ—это объ томъ, что и въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, необходимы два непремѣнныя условія: *постепенность и неторопливость*. Слова нѣтъ, государи мои, идите впередъ и идите неуклонно, разсматривайте, обсуждайте, взвѣшивайте, однимъ словомъ, помогайте нашей улиткоподобной близорукости вашею орлоподобною далекозримостью! Но дѣйствуйте постепенно, не торопясь; по копейкѣ собирайте въ общую русскую сокровищницу—и вотъ передъ вами милліардъ въ туманѣ! Это я всегда скажу. Монументъ новой литературѣ на свой счетъ воздвигну, а правду скажу. Ибо правды не боюсь. Хлѣбъ-соль ѣшь, а правду рѣжь, говоритъ русская пословица. И еще: Варвара мнѣ тетка, а правда мнѣ мать.

Можно себѣ представить, какое электрическое дѣйствіе производитъ на нашу улиткоподобность такого рода словоизверженность! Мы постепенно открываемъ наши раковины и высовываемъ оттуда наши рожки. Порицаніе откуповъ сначала пугаетъ насъ, но послѣ, прислушиваясь къ музыкѣ рѣчей, мы начинаемъ одобрительно помавать рожками и даже неблагоразумно высовываемъ изъ раковины все туловище, забывая, въ минутномъ упоеніи, что гдѣ-нибудь

Digitized by Google

вблизи таится грозная піявка, которая ждетъ только минуты, чтобъ воспользоваться нашею одуряемостью и испробовать вкусъ нашей извлекаемости. «Да, да! постепенность и неторопливость!» восклицаютъ всѣ эти Гершки и Ицки, всѣ эти Бестіанаки и Мерзеконаки и, восклицая, скрежещутъ зубами.

— Почтенный князь Полугаровъ!—шипитъ въ отвѣтъ Іосель Гершсонъ, молодой, но уже въ конецъ изворовавшійся еврей:—позвольте, отъ лица всего нашего собранія, изъявить вамъ истинную признательность за то, что вы такъ вѣрно выразили мысль нашу. Въ своей простой, но откровенной рѣчи вы вполнѣ примирили требованія современной мысли съ благоразуміемъ, свойственнымъ мудрому! Никто изъ насъ не станетъ защищать того, что несовмѣстно ни съ требованіями вѣка, ни съ требованіями строгой справедливости... Всѣ мы давно уже прокричали откупамъ: реreant! Но мудрый, прежде нежели начнетъ разрушать старое зданіе, всегда приведетъ въ точную извѣстность, достаточно ли у него приготовлено матеріаловъ, чтобъ воздвигнуть новое. Вы, почтенный князь, поступили подобно этому мудрому и указали намъ ту самую дорогу, по которой всегда и вездѣ шло человѣчество, въ величественномъ поступаніи своемъ, отъ временъ древняго, до-историческаго мрака и до настоящихъ свѣтлыхъ минутъ. Честь вамъ и слава.

Но вотъ и еще нѣкто выходитъ изъ тьмы, по всей вѣроятности, также съ благою цѣлью положить грошъ на алтарь отечества. Ба, да никакъ это старый знакомый нашъ, Порфирій Петровичъ! Что вызвало его изъ мрака? Что заставило его покинуть зеленый столъ, на которомъ онъ сейчасъ только соорудилъ большой шлемъ князю Чебылкину? Посмотрите, какъ онъ торопится и сѣменитъ ножками, какъ онъ пыхтитъ и краснѣетъ! Я бьюсь объ закладъ, что онъ горитъ нетерпѣніемъ подѣлиться съ слушателями какою-то радостною новостью! «Что такое? что такое?» съ безпокойствомъ вопрошаютъ другъ друга члены почтенной крутогорской публики.—«Не изобрѣтенъ ли порохъ? Не открыта ли Америка? Или найденъ новый способъ выиграть семь въ червяхъ съ восьмеркой самъ-другъ козырей?»— Всѣ эти недоумѣнія разрѣшаются Порфиріемъ Петровичемъ самымъ неожиданнымъ образомъ.

— Ну, господа!—начинаетъ онъ, предварительно потоптавшись на одномъ мѣстѣ, какъ это приличествуетъ всякому оратору, получившему первоначальное образованіе въ

Digitized by Google

городѣ Сергачѣ и потомъ съ честью окончившему курсъ наукъ въ сморгонской академіи: — вотъ и мы, наконецъ, воспользовались двумя первѣйшими благами жизни: устностью и гласностью... тэ-э-къ-съ!..

Однако, добрые жители Крутогорска (извѣстные подъ именемъ aimables kroutogoriens), еще не освоенные съ безвреднымъ значеніемъ этихъ словъ, въ испугѣ окружаютъ Порфирія Петровича и осаждаютъ его вопросами.

— Откуда приходятъ къ вамъ подобныя новости?— восклицаетъ до глубины души оскорбленный генералъ Змѣищевъ.

— Свихнулся старикъ!—произноситъ губернскій врачъ.

— За такія новости его надо въ Вятку сослать! — настаиваетъ генералъ Змѣищевъ.

— Въ Вятку!—добродушно повторяетъ Алексѣй Дмитричъ Размановскій.

— Господа!—продолжаетъ, между тѣмъ, Порфирій Петровичъ, нисколько не смущаясь:—новость эта получена мной изъ вѣрныхъ рукъ, а именно: отъ одного одолженнаго мною столоначальника *(произнося послѣднія слова, Порфирій Петровичъ издаетъ горломъ звукъ)*...

— Гм!—замѣчаетъ губернскій врачъ.

— Признаюсь откровенно, я отъ души порадовался... Вотъ, подумалъ я, какъ отечество-то наше процвѣтаетъ! Давно ли, кажется, давно ли?.. А вотъ теперь и съ гласностью!

— Да еще и съ устностью!—раздается чей-то голосъ въ толпѣ, возбуждая общій сочувственный хохотъ.

— Да и можно ли этому не радоваться! — безстрашно напѣваетъ Порфирій Петровичъ:—ибо если мы молча совершали подвиги, то чего-жъ можно и должно ожидать, когда мы всѣ вдругъ заговоримъ! Теперь, значитъ, всякій будетъ имѣть возможность пожинать отъ трудовъ рукъ своихъ; я, скажетъ, думаю такъ-то, а я, скажетъ, думаю такъ. И такъ далѣе, по мѣрѣ силъ и способностей, и выйдетъ, теперича, у насъ тутъ обмѣнъ прожектовъ, мыслей, чувствъ и замѣчаній. Лежатъ два кремня рядомъ — ну, и ничего: лежатъ и безмолвствуютъ. Идетъ мимо искусный прохожій: беретъ одинъ кремень, беретъ другой, разсматриваетъ ихъ внимательно, осторожно ударяетъ ихъ другъ объ друга— и вотъ искра! Выходитъ, что если меня, напримѣръ, угнететъ исправникъ, то я, не говоря ни слова, прибѣгаю къ гласности...

Digitized by Google

— Сначала-то слѣдуетъ прибѣгнуть къ устности,—перебиваетъ чей-то голосъ въ толпѣ:—загнуть, то-есть...

— Прибѣгаю къ гласности, — продолжаетъ Порфирій Петровичъ:—и вотъ угнетателю моему стыдно! Или посылаю, напримѣръ, я кухарку на рынокъ; купецъ, разумѣется, ее обманываетъ, беретъ втридорога и вдобавокъ продаетъ дурной продуктъ. Что-жъ, я прибѣгаю къ гласности — и купцу стыдно! Нельзя, господа, не сочувствовать такому явленію! Нельзя не радоваться такимъ благимъ предначертаніямъ и не менѣе благимъ предначертаніямъ. Людямъ съ чистымъ сердцемъ нечего опасаться гласности. Не только она не потревожитъ ихъ мира душевнаго, но еще и воздастъ каждому по дѣламъ его. Чего, напримѣръ, могу я бояться, если я исполнилъ долгъ свой по совѣсти и данной присягѣ. Утромъ я всталъ, помолился Богу...

— Умылся и чаю напился,—прерываетъ голосъ въ толпѣ.

— Что-жъ, и въ этомъ постыднаго я ничего не вижу!—отвѣчаетъ Порфирій Петровичъ, и затѣмъ, обращаясь къ теченію своей рѣчи, продолжаетъ: — Итакъ, помолившись Богу, отправился въ палату, исправилъ тамъ что слѣдуетъ; потомъ, возвратясь домой, провелъ нѣсколько часовъ въ кругу своей семьи...

— Часочекъ-другой всхрапнулъ, — прерываетъ тотъ же враждебный голосъ, но на этотъ разъ уже не возбуждаетъ ни въ комъ сочувствія.

— Шш!—раздается со всѣхъ сторонъ, и Порфирій Петровичъ получаетъ возможность продолжать рѣчь свою безпрепятственно.

— Потомъ вечеромъ поѣхалъ въ клубъ или въ гости... Такимъ образомъ, я исполнилъ долгъ христіанина, долгъ гражданина, долгъ семьянина и не упустилъ изъ вида обязанностей члена общества!.. Спрашивается: что можетъ сказать обо мнѣ пасквильнаго, или гнуснаго, или противоестественнаго «гласность»? Окромя хорошаго, ровно ничего. Итакъ, гласность есть дѣло святое, и нижайшій поклонъ отъ всѣхъ тому, кто первый это слово произнесъ.

Порфирій Петровичъ останавливается и тяжело дышитъ. По всему видно, что до сихъ поръ онъ взвозилъ въ гору какую-то огромную и тяжелую фуру, которую, наконецъ, и поставилъ благополучно на вершину. Теперь ему предстоитъ трудъ эту же самую фуру спустить подъ гору, у подошвы которой разстилается цѣль его путешествія—отличное, покрытое плѣсенью, болото.

Digitized by Google

— Но, употребляя слово «гласность»,—начинаетъ онъ помаленьку спускать:—я, само собой разумѣется, понимаю гласность благонамѣренную, то-есть такую, которая никого не обижаетъ, никого не затрогиваетъ и предоставляетъ всякому спокойно пожинать плоды рукъ своихъ. Конечно, многіе, быть-можетъ, поймутъ это дѣло иначе и возмечтаютъ, что во имя гласности можно всѣхъ и каждаго по зубамъ колотить. Для лицъ подобнаго образа мыслей я кратко повторяю прежнее мое уподобленіе: лежали два камня и безмолвствовали; шелъ мимо *искусный* прохожій, *осторожно* ударилъ одинъ камень о другой—и вотъ искра! Что, если бы прохожій былъ *неискусенъ?* Что, если бы онъ ударилъ *неосторожно?* Если бы поблизости оказался навозъ или другой удобовоспламеняющійся матеріалъ? Извлеченная изъ кремня искра упала бы въ сей матеріалъ, воспламенила бы его — и вотъ пожаръ! Подобно сему, и гласность, находящаяся въ рукахъ неискусныхъ и употребляемая безъ осторожности, можетъ произвести не умѣренное и благопотребное для любезнаго отечества освѣщеніе, но пагубный и малопотребный для онаго пожаръ. Руководствуясь этими соображеніями, и я соболѣзную о тѣхъ, которые, въ ослѣпленіи своемъ, и въ солнцѣ думаютъ зрѣть пятна, и радуюсь о тѣхъ, которые, пользуясь благодѣтельною гласностью, за правило себѣ поставили: *постепенность и неторопливость.*

Порфирій Петровичъ умолкъ. Онъ нѣсколько сконфуженъ, но не потому, чтобъ солгалъ, а единственно по новости дѣла. Но чтобъ не испортить своей репутаціи въ глазахъ согражданъ, онъ всячески старается маскировать свое смущеніе, топчется на мѣстѣ, покрякиваетъ, отираетъ слезящіеся глаза и въ заключеніе столь искусно повертывается на одной ножкѣ, что окончательно сбиваетъ съ толку своихъ слушателей, которымъ становится ясно какъ день, что для Порфирія Петровича всякая штука — какъ съ гуся вода. Добрые жители Крутогорска взволнованы и растроганы. Они густою толпой окружаютъ Порфирія Петровича, жмутъ ему руки и вообще выказываютъ какое-то необыкновенное нервное разслабленіе.

Увы! и я съ своей стороны изумленъ и растроганъ, хотя и не спѣшу облобызать Порфирія Петровича въ сахарныя уста.

«Гласность!—думаю я:—откуда, изъ какихъ темныхъ норъ вызвала ты всѣхъ этихъ таракановъ, которые до сихъ

Digitized by Google

поръ спокойно себѣ копошились въ горшкѣ надъ кускомъ чернаго хлѣба, покуда всеистребляющая рука заботливой кухарки не заливала ихъ кипяткомъ и не прекращала тѣмъ прожорливой ихъ дѣятельности? Подобно тому, какъ на выборы являются лица, никѣмъ не виданныя, являются только для того, чтобъ изумить вселенную безобразіемъ мохнатыхъ шапокъ, узостью панталонъ, густотою рыка и необыкновеннымъ ожирѣніемъ затылковъ, изумить и черезъ нѣсколько дней снова потонуть во мракѣ; подобно тому и на торжество гласности и разума являются какія-то страшныя чудища, лишь замѣнившія мохнатость шапокъ—мохнатостью понятій, а узость панталонъ—узостью стремленій, и сохранившія во всей неприкосновенности и густоту рыка, и необыкновенное ожирѣніе затылковъ!»

Что, ежели, вмѣсто того, чтобъ потонуть, по минованіи надобности, во мракѣ, чудища эти укоренятся навсегда съ ихъ мохнатыми шапками и узкими панталонами?

Утомленный болтовнею дня, я не безъ сладостнаго чувства надежды взираю на сумракъ вечера, постепенно окутывающій окрестность. Жадно и зорко слѣжу я за послѣдними движеніями угасающаго дня, и все мнѣ кажется, что огни въ окнахъ недостаточно скоро меркнутъ, что собаки на улицахъ слишкомъ громко лаютъ, какъ бы продолжая и преобразуя своимъ лаемъ ту безлѣпицу, которая преслѣдовала меня въ теченіе дня. Окна общественнаго клуба ярко освѣщены, и сквозь застилающее ихъ облако дыма я замѣчаю, какъ снуютъ взадъ и впередъ какія-то неимовѣрныя усатыя фигуры съ чубучищами въ рукахъ, снуютъ безъ дѣла и безъ цѣли, останавливаясь только за тѣмъ, чтобъ выпить рюмку водки. Но вотъ и огни стали окончательно гаснуть; вотъ послѣдній разъ, и какъ будто сквозь сонъ, гдѣ-то взвизгнула охрипнувшая отъ злобы шавка; вотъ и капитанъ Постукинъ выпилъ послѣднюю рюмку очищенной, выпилъ, крякнулъ и закусилъ кусочкомъ чернаг хлѣба... Покой! забвеніе! ты ли грядешь?..

Но—увы!—горькая работа сердца, разъ начатая, уже не въ силахъ улечься и угомониться вмѣстѣ съ затихающими звуками. Мохнатыя чудища продолжаютъ преслѣдовать меня даже въ моемъ одиночествѣ и производятъ столь сильное раздраженіе во всемъ моемъ существѣ, что я чувствую, какъ ходитъ кровь ходенемъ въ жилахъ моихъ. Ночь, которую я звалъ съ такимъ нетерпѣніемъ, вмѣсто желаемаго

Digitized by Google

успокоенія, приносить мнѣ лишь мучительныя грёзы. Въ безмолвіи, которое меня окружаетъ, мнѣ слышатся какіе-то досадные звуки, смутный гулъ которыхъ заставляетъ болѣзненно сжиматься мое сердце; сѣрыя тѣни, одна за другой, смѣняются передъ глазами моими... Я ощущаю боль во всемъ организмѣ; всѣ чувства мои насторожены; какая-то особенная чуткость объемлетъ всѣ мыслящія способности души моей; глазъ мой видитъ незримое, ухо мое слышитъ неслышимое, руки мои осязаютъ неосязаемое...

«Все ночь, все еще ночь!» думаю я.

Мучимый внутреннею тревогой, изнемогая отъ жажды успокоенія, я съ злобнымъ нетерпѣніемъ обращаюсь къ востоку: не видно ли тамъ луча, не сверкнула ли тамъ, среди черныхъ тучъ, та яркая полоса, которая должна возсіять міру свѣтомъ радости? Востокъ, востокъ! скоро ли освѣтишься ты?

«Засни!—шепчетъ мнѣ ночь:—засни, замученный, засни, истомленный! Сонъ убаюкаетъ тебя на мягкихъ крыльяхъ своихъ; онъ неслышно пронесетъ тебя чрезъ суровыя пространства, чрезъ трудныя времена, въ ту волшебную страну, гдѣ бѣгутъ голубыя рѣки, гдѣ горитъ голубое небо, въ ту страну, гдѣ, торжествующъ, блещетъ ликъ человѣческій, не изнуренный вѣчными исканіями, вѣчными и горькими стремленіями...

«Кинь ты черную думу, забудь обо всемъ! Зачѣмъ замѣчать, сколько золъ тѣснитъ душу брата твоего, сколько нуждъ точитъ его изможденное тѣло? Къ чему эти странныя, сѣрыя картины, на которыхъ такъ любитъ останавливаться уязвленное воображеніе твое? Взгляни, сколько еще разлито свѣта въ самыхъ сумеркахъ, окружающихъ тебя, сколько еще теплится красоты и добра подъ темнымъ флёромъ, наброшеннымъ на жизнь!»

Но мнѣ не спится. Ни шопотъ ночи, ни усталость отъ прожитыхъ волненій дня не усыпляютъ меня... Сладко было бы мнѣ забыться, сладко было бы, безъ тревогъ, не глядя впередъ и не оборачиваясь назадъ, окунуться въ волны рѣки забвенія; но есть внутри меня нѣчто гнетущее, что мѣшаетъ мнѣ поддаться убаюкивающему обаянію ночи. Въ невыразимой тоскѣ продолжаю я обращаться къ востоку: «востокъ, востокъ! скоро ли, ахъ, скоро ли освѣтишься ты?»

Но что же за видѣніе отдѣляется въ глубинѣ изъ мрака, объемлющаго окрестность? Потрясая косою, стуча всѣмъ составомъ своимъ, неподвижно неся безобразную голову, оно

Digitized by Google

проходитъ мимо меня, цѣпеня мою мысль, обдавая холодомъ и ужасомъ все существо мое. Смерть! ты ли это? Если это ты, желанная, если это ты—конецъ и разрѣшеніе тревогъ и исканій жизни! если это ты—успокоеніе мучительныхъ надеждъ и обагренныхъ кровью сердца желаній! если это ты—миръ и забвеніе!—то зачѣмъ же воображеніе мое населяетъ огнями ада зіяющія впадины головы твоей? Зачѣмъ самая тьма ихъ кажется мнѣ сверкающею? Не тебя ли я столько лѣтъ жаждалъ—то съ томительной тоской, то съ сладостнымъ трепетомъ? Не къ тебѣ ли обращались всѣ упованія и мечты моего сердца? Сладко умереть! думалъ я. Сладко забыться и быть забытымъ среди кликовъ растлѣнія, среди постящихся и знаменующихся лицемѣровъ-грабителей, среди ликующихъ откупщиковъ и осклабляющихся ябедниковъ! Стоны торжища жизни, стоны, отъ которыхъ надрывается сердце земли, пронесутся мимо меня, разъѣдая только живое и не касаясь того, что̀ заранѣе и добровольно обрекло себя забвенію!

Отчего же теперь, когда ты явилась передо мною, грозная и торжествующая, меня объемлетъ иной трепетъ, иная тоска? Или запала въ сердце мое робость? или срослась со мною эта горькая привычка жить, которую многіе почему-то называютъ сладкою? Да, я не безъ радостнаго волненія вижу, какъ проходитъ мимо меня грозное видѣніе, не задѣвъ меня своею косой; я сладко вздыхаю по мѣрѣ того, какъ оно отъ меня удаляется... «Я хочу жить!» кричу я изъ всѣхъ силъ, подобно тому выздоравливающему, который, еще шатаясь на дрожащихъ и ослабѣвшихъ ногахъ, не знаетъ, какъ надышаться ему свѣжимъ воздухомъ, и пьетъ не напьется золотыхъ лучей солнца, горячимъ свѣтомъ обливающихъ и его, и всю природу.

И вотъ безграничная панорама открывается передо мной; скорбные образы возстаютъ изъ мглы и тумана; далекая-далекая, окутанная снѣжнымъ саваномъ, равнина разстилается передъ глазами моими... и все мнѣ кажется, что нѣкто вблизи меня стонетъ, что весь міръ полонъ горечи и страданій...

Смерть! смерть! куда же лежитъ разрушительный путь твой? кого обрекла ты на гибель?

Она идетъ, стуча всѣмъ составомъ своимъ; она идетъ по холмамъ и по лугамъ, по лѣсамъ и по полямъ, идетъ черезъ рвы и рѣки, черезъ разсѣдины и топи... Она проникаетъ всюду, гдѣ только слышится трепетъ и дыханіе жизни!

Digitized by Google

И вотъ вдали, въ длинной вереницѣ городовъ и селъ, чертоговъ и хижинъ, замелькали огни, послышалась суета и движеніе. Люди ветхіе, хворые, еле дышащіе, выходятъ на дорогу; иные идутъ съ поникшими головами; другіе еще трепещутъ отъ неостывшаго сознанія недавняго торжества; иныхъ терзаетъ раскаяніе; черты другихъ исказились ненавистью; одни еще простираютъ дрожащія руки, чтобъ оборониться отъ прикосновенія смерти; другіе клонятся подъ ударами ея безропотно.

Вотъ тучный, весь претворившійся въ брюхо откупщикъ. «Я современный человѣкъ! Я дѣйствительно былъ когда-то мерзавцемъ, но теперь... теперь я воистину человѣкъ современный!—вопіетъ онъ, пряча оторопѣвшими руками за пазуху штофъ съ мутной, испорченной жидкостью.—Виноватъ, я грабилъ... я много грабилъ! Но если душѣ моей не безызвѣстенъ позоръ преступленія, то не заглаживаетъ ли его столь же нечуждая ей сладость раскаянія? Прочитай мои статьи, выслушай мои рѣчи... и пощади меня!»

Вотъ и умирающій торгашъ. Живой, онъ никогда не доводилъ себя до сознанія, что вся жизнь его есть непрерывная сѣть хитросплетеннаго плутовства и неправедныхъ стяжаній, но предъ лицомъ смерти онъ струсилъ. Тщетно окружаетъ его толпа алчныхъ родственниковъ и прихлебателей; тщетно усиливаются они вырвать сокровище изъ хладѣющихъ, но все еще страстно его прижимающихъ рукъ... Онъ глухъ къ ихъ стонамъ, слѣпъ къ ихъ кривляніямъ. Иные звуки терзаютъ его слухъ, иные образы смущаютъ его цѣпенѣющую мысль. Тамъ, вдали, среди облаковъ чернаго дыма, прорѣзываемаго красными языками неугасимаго огня, представляется ему царь тьмы, сидящій на престолѣ изъ змій, видятся ему огненныя сковороды, раскаленныя клещи, видится собственная душа его, ходящая по мытарствамъ... «Страшно! страшно!» лепечетъ коснѣющій языкъ его. Ахъ, не вамъ, добрые родственники, и не вамъ, преданные прихлебатели, оставитъ онъ кубышку свою! Новое любостяжаніе, новое, неслыханное воровство смущаетъ его бѣдную голову: нельзя ли, на тѣ самыя деньги, ради которыхъ погубилъ онъ душу свою, купить для нея царство небесное?..

Вотъ закоренѣлый казнокрадъ и взяточникъ. Онъ застегнулъ мундиръ на всѣ пуговицы, вымылъ руки и, показывая ихъ смерти, заискивающимъ голосомъ шепчетъ: «обѣ чисты!»

Digitized by Google

Вотъ и ты, бѣдная, сгорбленная нуждой, бабушка Ненила. Спокойно сидишь ты у воротъ покосившейся избенки твоей, чертя клюкой по землѣ и бормоча про себя все одни и тѣ же съ младенчества затверженныя слова. Безъ страха ждешь ты минуты, когда среброкудрые ангелы возьмутъ твою душеньку и успокоятъ ее на лонѣ Авраамовомъ... Однако, отчего же и ты порой задумываешься? Отчего по временамъ губы твои смыкаются, рука крѣпче сжимаетъ клюку, и ты всѣми остатками твоего существа какъ будто прислушиваешься къ чему-то, какъ будто припоминаешь нѣчто? Или еще не порвалась нить, привязывающая тебя къ жизни? или жизненное начало, независимо отъ тебя самой, еще совершаетъ въ тебѣ работу свою? или не совсѣмъ еще застыло старое горе, не всѣ выплакались старыя слезы, не покрылось еще пепломъ забвенія пережитое и выстраданное иго жизни?..

Смерть! смерть! гдѣ же остановишь ты шествіе свое? Ужели ни слабость, ни бѣдность, ни кротость, ни искренность не избѣгнутъ косы твоей? Гдѣ же будетъ ютиться жизнь, кому суждено быть подъ сосудомъ ея? Для кого заалѣетъ востокъ давно желаннымъ свѣтомъ радости?

И вдругъ мнѣ чудится, что я тихо-тихо опускаюсь, что меня со всѣхъ сторонъ обхватываетъ нѣчто мягкое, нѣжащее... Вотъ заалѣлъ востокъ... вотъ улеглись тѣни ночи... въ воздухѣ пронеслось словно неявственное дребезжаніе и наполнило слухъ мой... Предметы, покрытые цвѣтами радуги, внезапно закружились передъ глазами моими... Вотъ ворвалось въ мою комнату, неизвѣстно откуда, облако бѣлесоватаго тумана... Вотъ. наконецъ, и ничего не видно... Сонъ! ты ли это?

СОНЪ.

Всталъ-встрепенулся дуракъ Иванушка, пожелалъ онъ, голубчикъ, глаза протереть, руки ноги-протянуть, поразмять свое тѣло бѣлое. Только глянулъ онъ—анъ въ глазахъ у него бѣлый свѣтъ словно мутенъ стоитъ; хочетъ руку поднять—анъ рука, ровно чужая, о бокъ болтается; чуетъ ногами, что подъ нимъ дорога торная, а куда идти, взадъ ли, впередъ ли—не вѣдаетъ. Ишь до чего, лежебокъ, доспался, что забылъ, въ которую сторону головами лежалъ!.. Всплакался тогда Иванушка.

— Эко чудо!—говоритъ.—Слышишь, дяденька, никакъ я

Digitized by Google

маленько вздремнулъ, что глаза у меня словно не разлипаются!

— Ишь, соня, хватился!—отвѣчаетъ дядя: — спалъ на печи безъ просыпу, да туда же на свѣтъ Божій взглянуть хочетъ! А ты поди сперва да промой глаза-то живой водой!

Побѣжалъ Иванушка къ тому ручью, гдѣ живая вода бѣжитъ, обмылся, обчистился, да и въ ручеекъ, по старой привычкѣ, кстати плюнулъ и пошелъ на дорогу.

Видитъ: идутъ по дорогѣ люди ветхіе, идутъ и руками разводятъ, словно сомнѣваются. Шибко не показались они Иванушкѣ.

— Что за мразь!—говоритъ:—и куда это я попалъ? Эй вы, господа честные, молодцы удалые! не можно ли васъ поспрошать, въ кои страны больно спѣшно ползете?

Возопили къ нему старцы ветхіе:

— Идемъ мы, младый юноша, Иванъ сынъ Ивановичъ, отъ міру прелестнаго, отъ жизни прелюбезныя въ страну преисподнюю...

— Ну, мнѣ, видно, съ вами идти несподручно будетъ?— молвилъ Иванушка и пошелъ отъ нихъ прочь.

Пошелъ Иванушка по той неторенной дорогѣ, гдѣ младая жизнь кишитъ, гдѣ цвѣтутъ цвѣточки алые, гдѣ растетъ трава шелковая, гдѣ поютъ птицы райскія, гдѣ бѣгутъ ручьи молочные... Любо Иванушкѣ! Глаза у него разгорѣлися, кудри русые по широкимъ плечамъ разметалися, ходенемъ пошла грудь могучая, встрепенулось въ ней сердце богатырское, пьетъ не напьется онъ воздуха вольнаго...

. . . . . .

— Ваше благородіе! ваше благородіе! — раздается въ ушахъ моихъ знакомый голосъ:—извольте скорѣе вставать! Иванушку-дурака за столъ посадили!

Слова эти поражаютъ меня; я спѣшу встать и прихожу въ комнату, по срединѣ которой поставленъ столъ и которая видомъ и убранствомъ своимъ напоминаетъ мнѣ нѣчто знакомое. За столомъ сидитъ молодой малый съ русыми волосами, круглымъ и добродушно осклабляющимся лицомъ...

— Это онъ самый Иванушка и есть,—объясняетъ мнѣ тотъ же голосъ, который разбудилъ меня.

Но Иванушкѣ неохота сидѣть въ креслахъ; краска робости или, лучше сказать, той милой застѣнчивости, которая составляетъ врожденное свойство истиннаго сына полей, выступаетъ на лицѣ его; онъ рвется и мечется въ креслѣ, и если бы не удерживала его сзади сильная рука извѣст-

Digitized by Google

паго своими административными способностями Зубатова, приставленнаго къ нему въ видѣ дядьки, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что Иванушка безъ оглядки бѣжалъ бы изъ этой душной комнаты въ тѣ родныя равнины, надъ которыми широко раскинулось сѣренькое небо, гдѣ привольно гуляютъ буйные вѣтры, разнося изъ конца въ конецъ перекатистую пѣсню Иванушки.

— Сиди же, Иванушка! сиди, любезный! — увѣщаваетъ Зубатовъ.

Но Иванушка продолжаетъ барахтаться. На открытомъ лицѣ его я безошибочно могу прочесть тревожную думу, которая неотступно преслѣдуетъ его во время этого барахтанья.

«Врешь, не обманешь!—думаетъ онъ:—развѣ мы своего мѣста не знаемъ!»

Съ этимъ словомъ Иванушка ловкимъ манеромъ выскользаетъ изъ рукъ его и совершенно неожиданно скрывается подъ столъ.

— Господи! вотъ дѣтище-то Богъ послалъ!—угрюмо ворчитъ сторожъ, отправляясь вытаскивать Иванушку.

— Да сядь же, Иванушка! сядь, голубчикъ! — продолжаетъ усовѣщивать Зубатовъ:—какъ передъ Богомъ, обмана тутъ нѣтъ, а именно посадить тебя отъ начальства приказано!

Иванушка вслушивается и повидимому начинаетъ сдаваться. Но переходъ отъ сомнѣнія къ увѣренности совершается въ немъ быстро и рѣзко. Минуту назадъ, онъ прятался подъ столъ—теперь же, къ полному изумленію всѣхъ предстоящихъ, онъ не только сѣлъ на мѣстѣ, но даже ноги на столъ вскинулъ.

— Не годится, Иванушка, не годится такъ!—снова вступается Зубатовъ:—ты пойми, голубчикъ, что не для озорства здѣсь посаженъ... Сядь, Ваня, сядь же смирнехонько, подожми подъ себя ноженьки, коли совладать съ ними не въ мочь!

Нѣкоторое время, однако, Иванушка сомнѣвается. Видалъ онъ на своемъ вѣку виды, и потому знаетъ вѣрно, что всѣ на этомъ мѣстѣ споконъ вѣку именно такъ сиживали, какъ онъ сидитъ! Все думается ему, не издѣвается ли надъ нимъ Зубатовъ, не надуваетъ ли его, не будетъ ли ущерба его значенію, если онъ сядетъ, какъ всѣ люди сидятъ. Однако добрые его инстинкты возымѣли свое дѣйствіе. Не прошло четверти часа, какъ вижу я: сидитъ Ива-

Digitized by Google

нушка на мѣстѣ прямо и чинно, руками не болтаетъ, ногами не неистовствуетъ, смотритъ ласково и радошно.

— Ну, давай, коли такъ, судить да рядить! — говоритъ онъ, предварительно перекрестившись.

V.—Нашъ губернскій день.

Введеніе.

Какъ тамъ ни шути, а жить скучно. Жизнь сорвалась съ прежней колеи, а на новую попасть и не смѣетъ, и не умѣетъ. Люди ходятъ какъ сонные или сидятъ себѣ сложа руки, вперивъ взоры въ туманную даль—ничего въ волнахъ не видно! Особенно мастерски умѣемъ скучать мы, провинціалы. Тамъ, въ Петербургѣ, что-то затѣвается, какая-то все стряпня идетъ: одни болтаютъ, что готовится нѣчто громадное; другіе брешутъ, что черезчуръ что-то маленькое. Мы сидимъ въ мурьѣ и недоумѣваемъ; намъ-то желалось бы, чтобъ все это было маленькое да миніатюрненькое... а вдругъ, чортъ возьми, левіаѳана хватятъ! Вѣдь съ нашими робятами и это случиться можетъ!

Вотъ пронеслись слухи, будто откупа трещатъ—предсѣдатель казенной палаты дрожитъ и слабѣетъ желудкомъ.

«Куда же я съ малыми дѣтьми дѣнусь? — спрашиваетъ онъ самъ себя.—Да пойми же ты, чортъ, что у меня восемь дочерей и каждой надобно по приданому!»

До свѣдѣнія губернатора доходитъ, что въ губерніяхъ будутъ заведены новыя какія-то учрежденія, совсѣмъ будто бы независимыя.

«Какъ же я теперича повелѣвать буду? — вопрошаетъ онъ самъ себя.—Да пойми же ты, чортъ, какъ я за благосостояніе губерніи-то отвѣчать буду?»

Предсѣдатель судебной палаты тоже узналъ кое-что о гласномъ судопроизводствѣ, и тоже совсѣмъ растерялся. Онъ то застегнетъ, то разстегнетъ свой вицмундиръ, то берется за шляпу, точно идти куда-то собирается, то бросаетъ шляпу на столъ и садится. Наконецъ рѣшается послать за секретаремъ.

— Иванъ Ксенофонтычъ,—слышалъ?

— Поговариваютъ-съ.

— Ну?

— Поговариваютъ-съ.

— Какъ же это... въ публикѣ-то сидѣть?

— Будемъ прописывать-съ.

Digitized by Google

— Да, но какъ же, братъ, это... въ публикѣ-то?

— Будемъ прописывать-съ.

— Да пойми же ты, любезный: вѣдь кругомъ-то вездѣ публика понатыкана! Пу-бли-ка!

— Что же-съ? Каждому кто что заслужилъ-съ!

— О, чортъ побери да и совсѣмъ!

— Это точно-съ.

Однимъ словомъ, всѣ повѣсили головы, всѣ отстали отъ дѣла, которое уже признается старымъ, отжившимъ свой вѣкъ; всѣ ждутъ чего-то новаго, а новое не идетъ.

— Хоть бы развязали, что ли! — слышится со всѣхъ сторонъ.

Всѣ эти люди сидятъ на чеку, словно куда-то собираются, словно теперь только почему-то вспомнили, что они лишь временные жильцы этого міра. Очевидно, нѣчто волнуетъ ихъ, и мы, конечно, поймемъ и это волненіе, и эту озабоченность, если припомнимъ, что это «нѣчто»—ни болѣе, ни менѣе, какъ вопросъ о жизни и смерти ихъ.

Скучно жить! Скучно видѣть людей, которые разучились смѣяться, которыхъ мысль постоянно находится въ отсутствіи. Подойдешь къ губернатору, спросишь: «не угодно ли вашему превосходительству карточку?» а онъ вмѣсто отвѣта выпучитъ глаза и бормочетъ какія-то безсвязныя фразы: «гм!.. да... что?.. объ чемъ, бишь, мы говорили?» Прошу покорно тутъ думать о какихъ-нибудь общественныхъ удовольствіяхъ при видѣ столь огорченнаго начальника!

Да и одинъ ли губернаторъ, одинъ ли предсѣдатель опустили носы? Увы! улицы пусты, базары обезлюдѣли! Полиція не знаетъ, драться ли ей, или вѣжливенько приглашать: пойдемъ, дескать, милый мой, я тебя въ части посѣку! Обыватели тоже пришли въ сомнѣніе. То, что прежде разрѣшалось въ одно мгновеніе ока и однимъ мановеніемъ руки, нынче перекладывается съ мѣста на мѣсто, перевертывается съ боку на бокъ, да такъ на боку и остается.

— Да разрѣши ты мою нужду!—пристаетъ несчастный обыватель къ лицу власть имѣющему.

— Нельзя, братецъ, закона нѣтъ! — отвѣтствуетъ лицо власть имѣющее.

— Охъ, да хоть бы ужъ развязали поскорѣй!—вопитъ обыватель, и слѣдомъ за нимъ эхо изъ конца въ конецъ перекатываетъ:—«Охъ, да хоть бы ужъ развязали поскорѣй!»

Какъ жить? какъ поступать? чѣмъ быть?—вотъ вопросы, которые слышатся всюду. Пойдешь направо—назовутъ ретро-

Digitized by Google

градомъ; сунешься налѣво—прослывешь прогрессистомъ... Оба прозвища равно не безопасны. Одинъ мой знакомый говоритъ: «а мы пройдемъ серединкой!» Гм!.. хорошо, коли кто эквилибристикѣ обучался, а каково тому, кто этой науки не знаетъ? Каково идти-то по этой переузинѣ? Каково цѣлую жизнь о томъ только думать, какъ бы не покачнуться ни направо, ни налѣво и не выронить изъ рукъ спасительнаго шеста?

Объ чемъ писать? какіе подвиги воспѣвать? Подвиговъ нѣтъ—ихъ мѣсто заступило унылое балансированіе; героевъ нѣтъ—ихъ мѣсто заступили люди, у которыхъ трясутся поджилки; фестивалей и пиршествъ нѣтъ—ихъ мѣсто заступили молчаливыя сборища съ головными помаваніями, съ односложными рѣчами и скорбными дрожаніями устъ и ноздрей. Что за время! что за время!

Увы! я охотно бы разсказалъ, напримѣръ, о томъ, какъ Леонидъ Звонскій, протанцовавъ туръ вальса съ Пульхеріей Пронской, почувствовалъ, что все его существо внезапно охватилось токомъ любовнаго электричества, но не могу, потому что мнѣ никто не повѣритъ. «Подите!—скажетъ мнѣ читатель:—да развѣ вы не знаете, что нынче Леонидъ Звонскій насчетъ любовныхъ дѣлъ совсѣмъ слабъ сталъ?» И читатель будетъ правъ, потому что, дѣйствительно, Звонскій не тѣмъ занятъ: онъ думаетъ о томъ, будетъ или не будетъ опредѣленъ помощникомъ управляющаго питейными сборами, и, весь погруженный въ расчеты и соображенія, взираетъ на Пульхерію не только съ холодностью, но даже не безъ иронія.

Еще охотнѣе я началъ бы свой разсказъ такъ: «Леонидъ Звонскій принадлежалъ къ одной изъ великихъ либеральныхъ партій, которыя въ послѣднее время оказали столько услугъ для отечественнаго преуспѣянія. Онъ ненавидѣлъ откупа со всею искренностью пламенной души», и т. д., и т. д. Конечно, тутъ было бы больше правдоподобія и больше животрепещущаго интереса (ибо кто же, въ самомъ дѣлѣ, не принадлежитъ нынче къ одной изъ либеральныхъ партій?), однако, я и этого написать не рѣшусь. Во-первыхъ, если я углублюсь въ свой предметъ надлежащимъ образомъ, то разсказъ можетъ выйти не совсѣмъ цензурный; во-вторыхъ, откупной либерализмъ уже нѣсколько провонялъ сивухой и въ этомъ видѣ давно сданъ въ архивъ.

Одинъ мой пріятель предлагаетъ такого рода сюжетъ: Леонидъ Звонскій, начитавшись мемуаровъ Казановы, ощу-

Digitized by Google

тилъ и т. д. «Тутъ можетъ выйти цѣлый рядъ очень миленькихъ сценъ, да и цензура непремѣнно пропуститъ разсказъ»,—прибавляетъ пріятель. Но нѣтъ... я не могу писать на эту тему! Я не сомнѣваюсь, что цензура пропуститъ разсказъ мой, но сомнѣваюсь, чтобъ нашелся журналъ, который рѣшился бы напечатать его.

Что-жъ остается мнѣ дѣлать? Очевидно, остается грустить вмѣстѣ со всѣми, остается быть лѣтописцемъ вздоховъ... Поймите, какъ это трудно!

Да и какой еще вздохъ? какой его цвѣтъ? какой его запахъ? Во времена счастливыя, въ тѣ времена, когда жизнь изживается «безъ тоски, безъ думы роковой», отвѣтъ на эти вопросы дать не трудно. Тогда вздохъ бываетъ голубой и пахнетъ фіалкой. Вотъ Леонидъ Звонскій, который только-что кончилъ вторую фигуру кадрили съ возлюбленной Пульхеріей; онъ садится возлѣ предмета своихъ страстныхъ, но законныхъ помышленій и вздыхаетъ... Вздохъ не задерживается въ груди его, не вылетаетъ оттуда ураганомъ: онъ выходитъ легко, ровно, благоуханно. Очевидно, Звонскій вздыхаетъ потому только, что онъ счастливъ; онъ принадлежитъ Пульхеріи, Пульхерія принадлежитъ ему; кадриль кончится, и растроганные родители благословятъ ихъ. Вотъ патріархъ-помѣщикъ, въ «боякъ домашнихъ посѣдѣлый», который только-что получилъ оброкъ съ возлюбленныхъ домочадцевъ своихъ. Онъ сидитъ за конторкой, разглаживаетъ замасленныя и измятыя пачки ассигнацій и вздыхаетъ... Миръ царствуетъ во всемъ существѣ его; онъ пересчитываетъ деньги, и въ душу его закрадывается увѣренность, что недоимки нѣтъ и что слѣдовательно домочадцы его блаженствуютъ и живутъ припѣваючи. Веселыя картины рисуетъ его воображеніе: пейзанки гуляютъ въ кумачныхъ сарафанахъ, пейзане—въ синихъ суконныхъ поддевкахъ; а тамъ горѣлки, хороводы, орѣхи, пряники... Тутъ вздохъ понятенъ: тутъ онъ служитъ выраженіемъ того кроткаго блаженства, которое наполяетъ душу и катится благоуханной струей по всѣмъ жиламъ... Вотъ чиновникъ, который сейчасъ только сходилъ въ карманъ своего ближняго; онъ тоже нѣчто считаетъ, онъ умиленъ духомъ, онъ чувствуетъ, какъ дыханіе спирается въ его зобу, онъ вздыхаетъ. Понятно, что и тутъ вздохъ не можетъ быть горькимъ.

Все это вздохи голубые, пропитанные запахомъ фіалки. Человѣкъ, который вздыхаетъ такимъ образомъ, можетъ

Digitized by Google

сказать о себѣ: я вздыхаю, потому что во мнѣ играетъ сердце, потому что природа разыгрываетъ въ мою пользу постоянное увеселительное представленіе. Я вижу цвѣтокъ—и радуюсь; я внимаю пѣнію птички—и радуюсь; я слышу мычаніе осла—и радуюсь; все въ Божьемъ мірѣ манитъ и взираетъ на меня свѣтлыми очами, все говоритъ: живи и наслаждайся!

Но я имѣю дѣло съ міромъ огорченныхъ, съ міромъ людей трепещущихъ и скучающихъ. Они тоже вздыхаютъ, но ихъ вздохи желтые и пропитанные тлѣніемъ органическихъ остатковъ. Имѣть дѣло съ подобными вздохами почти невыносимо.

А другихъ вздоховъ нѣтъ. Странно измѣнился міръ Божій; уже не смотритъ онъ на человѣка свѣтлыми очами, не приглашаетъ его жить и наслаждаться. Подобно бурѣ, вырывающей съ корнемъ столѣтніе дубы и щадящей молодые, гибкіе побѣги, смерть прошла крыломъ своимъ по рядамъ человѣческимъ и посѣкла въ одинъ мигъ все, что считало себя навѣки несокрушимымъ. Валятся люди, а за ними валится цѣлый порядокъ явленій, валится цѣлая жизнь.

Лѣтописецъ минуты, я роковою силою осужденъ раздѣлять настроеніе ея. Міръ грустенъ—и я грущу вмѣстѣ съ нимъ; міръ вздыхаетъ—и я вмѣстѣ съ нимъ вздыхаю. Мало того, я приглашаю грустить и вздыхать вмѣстѣ со мною и читателя.

Изъ послѣдующихъ очерковъ онъ увидитъ, что сталось съ нашимъ провинціальнымъ «днемъ», этимъ днемъ, который еще столь недавно былъ днемъ веселія и утѣхъ.

I.

У пустынника.

Мы составляемъ особое общество, status in statu. Насъ не много: губернаторъ, губернскій предводитель дворянства, я, предсѣдатель казенной палаты, управляющій палатой государственныхъ имуществъ и жандармскій штабъ-офицеръ. Еще допускается къ намъ откупщикъ, потому собственно, что имѣетъ очень пріятное обхожденіе.

До тѣхъ поръ, пока мы не начали грустить, мы жили очень весело: днемъ распоряжались, а вечеромъ играли въ стуколку; но теперь это все перемѣнилось. Коли хотите, мы продолжаемъ и распоряжаться, и играть въ стуколку,

Digitized by Google

но на все это легла какая-то печать уныніе. Все идетъ машинально, безъ присказокъ, безъ острыхъ словъ, словно не сами мы все это дѣлаемъ, а играетъ и распоряжается въ насъ не порвавшійся еще процессъ нашего прежняго, веселаго существованія. Скоро онъ порвется, а съ нимъ вмѣстѣ порвутся распоряженія и стуколка...

Есть у насъ пріятель, который слыветъ между нами подъ именемъ «пустынника». Почему мы дали ему такое прозвище—объяснить не могу. Развѣ потому, что онъ любитъ прибѣгнуть къ славянскимъ оборотамъ рѣчи, а можетъ-быть, и потому, что въ дѣйствительности ничто такъ не противно его природѣ, какъ уединеніе. Человѣкъ онъ старый и одинокій, но еще до сихъ поръ сохранившій въ душѣ своей юношескую веселость и проказливость. Мы любили посѣщать его. Когда ни придите къ нему, у него всегда словно масленица: либо самъ пѣсни поетъ, либо соберетъ мальчишекъ да и заставитъ ихъ голосить, а самъ сидитъ на диванѣ и благодушествуетъ.

— Величай, душе!—дерутъ во все горло мальчишки.

— Преславнаго и пречестнаго!—подтягиваетъ имъ пустынникъ, и когда придется забирать голосомъ высоко, то вытяиетъ шею и руки простретъ, точь-въ-точь какъ дѣлаютъ регенты.

И такимъ образомъ время проходитъ быстро, весело и для души невредительно.

— Не люблю, государи мои, не люблю одинъ оставаться: черти въ уединеніи посѣщаютъ!—говаривалъ онъ намъ, когда мы веселою толпой врывались въ его уединенную комнату. И потомъ, словно о чемъ-то задумавшись, прибавлялъ: — И по хлѣбѣ явился ему діаволъ... Вотъ и выходитъ, государи мои, что діаволъ-то завсегда намъ тайно соприсутствуетъ, ибо еще отцы наши выражались: веселіе есть Руси пити и ясти... Ахти-хти, грѣхи наши!

И дѣйствительно, такой страстной жажды общества, сопровождаемой безпримѣрнѣйшимъ гостепріимствомъ, рѣдко можно было встрѣтить. Бывало, чуть немного засидится безъ гостей, какъ ужъ бредетъ на балконъ и выглядываетъ оттуда, не видать ли гдѣ праздношатающагося, котораго можно бы залучить, накормить, напоить и утѣшить. И благо тому, кто, завидѣвъ издалека его приземистую фигуру съ распущенными по вѣтру волосами, послѣдуетъ влеченію сердца и, не оглядываясь по сторонамъ, пойдетъ прямо

Digitized by Google

туда, гдѣ ожидаютъ всѣ утѣхи, какихъ только можетъ пожелать самый прихотливый желудокъ.

— Не хотите ли зернистой икорки закусить? Мнѣ наши черноглазовскія дѣвки вотъ эко мѣсто въ презентъ прислали!—привѣтствуетъ онъ гостя, и тутъ же сряду дрожащимъ старческимъ голосомъ запоетъ:—Пріи-ди-те поклони-и-и-и-м-ся!.. Да балыкъ тоже преотмѣнный есть: это наши мужики изъ Полорѣцка презентовали!

И не пройдетъ получаса, какъ одно за другимъ переберутся всѣ произведенія глуповской природы во всѣхъ видахъ и со всевозможными приправами. Не пройдетъ получаса, какъ гость уже ощущаетъ себя и сытымъ, и глупымъ.

— Теперь бы вотъ поплясать гожо!—восклицаетъ пустынникъ:—я смолоду-то куда дерзокъ плясать былъ!

И вотъ призываются пѣсенники, шлются гонцы за новыми собесѣдниками, столъ уставляется новыми снѣдями и питіями, и зачинается пиръ-горой до самой ночи.

Увы! этому ликованію, этой вѣчной масленицѣ суждено было прекратиться!

На-дняхъ я посѣтилъ утромъ пустынника и былъ самымъ грустнымъ образомъ пораженъ происшедшею въ немъ перемѣной. По обыкновенію, онъ сидѣлъ на диванѣ и по обыкновенію же кого-то дрожащимъ голосомъ величалъ. Это тоскливое величаніе и прежде порой досаждало мнѣ; теперь же, какъ только я его заслышалъ, сердце мое сжалось, какъ бы томимое тяжкимъ предчувствіемъ. Дѣйствительно, закуски на столѣ не было: пустынникъ сидѣлъ и качалъ головой изъ стороны въ сторону, словно бѣлый медвѣдь, оторванный отъ родной стихіи и посаженный въ звѣринецъ. Казалось, даже лысина его потускнѣла.

— Что съ вами, пустынникъ?—спросилъ я его послѣ обычнаго привѣтствія.

— Скорблю!

Я посмотрѣлъ на него въ недоумѣніи. Грѣшный человѣкъ, я подумалъ сначала, что у него вышелъ весь запасъ свѣжей икры, что откупщикъ забылъ прислать ему обычную дань водки и пива, и эта догадка тоскливо подѣйствовала на мой желудокъ.

— Мятутся!—продолжалъ онъ, и вслѣдъ за тѣмъ въ грустно-минорномъ тонѣ запѣлъ:—И смятошася людіе...

Я все-таки не понималъ, хотя нельзя было сомнѣваться, что нѣчто произошло. Конечно, мнѣ не безызвѣстно было, что наше маленькое общество съ нѣкотораго времени про-

Digitized by Google

нилось гражданскою скорбью; но какое же дѣло до ноя пустыннику? Пустынникъ—отрѣзанный ломоть отъ общества; пустынникъ самой природой такимъ образомъ устроенъ, что было бы у него вдоволь ѣства да пойла, да малахай шелковый, такъ не проймешь его никакой скорбью—это ясно! И вдругъ о чемъ-то скорбитъ и произноситъ отрывистыя и неподобныя рѣчи.

— Да что же случилось, пустынникъ?—спросилъ я.

Онъ, въ свою очередь, взглянулъ на меня, но въ этомъ взглядѣ виднѣлась скорбная иронія.

— Не велѣть ли развѣ рыбки подать? Мнѣ намеднись преотмѣнной изъ Песчанодѣсья прислали! — сказалъ онъ, но въ звукахъ его голоса слышался укоръ, и я даже явственно различалъ, что укоръ этотъ относится именно ко мнѣ, какъ будто онъ говоритъ: «малодушный человѣкъ! я знаю, что ты думаешь объ осетринѣ... въ такую горестную для отчизны минуту!»

— Да нѣтъ, позвольте же, зачѣмъ рыбки? Если въ самомъ дѣлѣ что-нибудь важное случилось, то можно и безъ рыбы... Скажите, что же случилось?

Онъ посмотрѣлъ на меня строго.

— Да что ты, сударь, смѣешься, что ли?

— Нѣтъ, не смѣюсь.

— Не знаешь, что ли, что дѣлается!

— Да что же такое, наконецъ?

— А вотъ, сударь, что! Приходитъ ко мнѣ сегодня одинъ изъ моихъ жеребцовъ стоялыхъ (пустынникъ называлъ такимъ образомъ своихъ дворовыхъ) и кланяется мнѣ... вотъ этакъ (пустынникъ кивнулъ головой съ невыносимымъ пренебреженіемъ)! Я на него смотрю и думаю: не въ горячкѣ ли малый, не очунется ли? Однако, нѣтъ: стоитъ какъ столбъ безчувственный.—Постой! что ты, дама, что ли?—спрашиваю я его.—«Нѣтъ, говоритъ, я не дама, а не вашему мнѣнію выходитъ — я жеребецъ стоялый!» Ну, ужъ меня, знаешь, и разбирать зачало, однако все терплю.—Что-жъ, говорю, коли ты не дама, зачѣмъ же такъ кланяешься?—Все еще, знаешь, мыслю, что онъ очунѣетъ... Хорошо. Только что-жъ бы, ты думалъ, онъ сдѣлалъ?—«А коли, говоритъ, мой поклонъ тебѣ не нравится, такъ и нѣтъ тебѣ ничего!» Повернулся хребтомъ-то, да и былъ таковъ! А? что? хорошо?

— Гм!.. да...

Я не зналъ, что отвѣтить пустыннику, но чувствовалъ,

Digitized by Google

что въ головѣ моей бродитъ не то мысль, не то ощущеніе, однимъ словомъ, нѣчто такое, что можно бы формулировать словами: «эге! да это явленія одного и того же порядка!»

— Такъ вы думаете?..—сказалъ я вслухъ.

— Чего тутъ думать... оно!

— Гм!.. да... это оно!

Мы не объяснили другъ другу, что значитъ это «оно»: мы поняли. Я вознамѣрился-было посѣтовать, высказать нѣсколько жалкихъ словъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ люди, которыхъ претензіи ограничиваются желаніемъ выпить и закусить, и которыхъ, вмѣсто того, заставляютъ ломать голову надъ какими-то проклятыми вопросами. Но пустынникъ оказался и рѣшительнѣе, и воинственнѣе меня. Онъ вскочилъ съ дивана и накинулся на меня съ такою неистовою яростью, что я одну минуту думалъ, что онъ растерзаетъ меня на части.

— Чего же вы-то, начальство, смотрите?—закричалъ онъ на меня, сверкая глазами.

Я поникъ головой.

— Вѣдь это зараза!—продолжалъ онъ, все болѣе и болѣе наступая:—вѣдь это чума!

Я почувствовалъ себя сугубо виновнымъ. Мнѣ не приходило даже въ голову сказать въ свое оправданіе стереотипную фразу: «да чѣмъ же я виноватъ?» — которою, по заведенному изстари обычаю, оправдываются всѣ птенцы бюрократіи. Мнѣ какъ-то вдругъ пришли на умъ всѣ пословицы, въ родѣ: «взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ», «люби кататься, люби и саночки возить» и проч. Я вдругъ почувствовалъ, что на мнѣ лежитъ какая-то отвѣтственность: что я долженъ былъ предугадать, предвидѣть, предозаботиться и предотвратить. Держа въ рукахъ своихъ милліонную частицу административной вожжи, имѣя право, въ милліонной части, рѣшить и вязать, я обязанъ былъ тянуть свою тягу, насколько ставало моихъ силъ. Если вожжа ослабла—слѣдовательно я не натягивалъ ее съ надлежащею заботливостью, слѣдовательно я не исполнилъ своего долга, слѣдовательно я былъ безъ оправданій.

Пустынникъ, казалось, понялъ, что во мнѣ происходитъ нѣчто очень тяжелое, и смягчился.

— Да ужъ не велѣть ли рыжичковъ подать? Мнѣ дѣвки мелконькихъ такихъ въ уксусѣ прислали!—сказалъ онъ ласково.

Digitized by Google

Но мнѣ было не до грибковъ. Чортъ знаетъ, что̀ бродило въ это время въ головѣ моей, но только, вмѣсто того, чтобъ отказаться и поблагодарить, я отвѣчалъ:

— А кто ихъ знаетъ, можетъ-быть, онѣ не дѣвки, а бабы!

Пустынникъ усмѣхнулся.

— Да ну ужъ, ну! велѣть, что ли? Вижу, все вижу. Обидѣлъ я тебя!

— Нѣтъ ужъ, увольте... Лучше потолкуемъ!

Я былъ смущенъ: мнѣ представлялась «зараза». Не могу опредѣлительно объяснить фигуру этого существа, но помню, что это было нѣчто похожее на громадное черное пятно, которое безобразно шевелилось передъ моими глазами, словно угрожая лечь мнѣ на грудь всею своею массой. Стало-быть, она поселилась вездѣ, коли проникла даже въ такое тихое пристанище, какъ домъ нашего милаго пустынника.

— Такъ потолкуемъ!—повторилъ я.

— Потолкуемъ!—отвѣчалъ онъ.

Но уста наши нѣмѣли. Было какое-то слово, которое, казалось, вертѣлось на губахъ, но оно словно застыло тамъ.

— Вотъ каково оно тяжко, — произнесъ, наконецъ, пустынникъ:—что даже словъ не измыслишь!

Что̀ за будущее представлялось воображеніямъ нашимъ! Сѣрое, неприглядное, покрытое бурьяномъ и колючками! Нужны мы или не нужны?—безпрестанно приходило на мысль. Или мы тотъ самый бурьянъ и есть, который предстоитъ настоятельная надобность скосить? Если мы бурьянъ, то какое же сдѣлаютъ употребленіе изъ насъ, подкошенныхъ? Отдадутъ ли на кормъ осламъ, или просто кинутъ въ навозъ? Если же мы не бурьянъ, то за что же, Господи, за что же?

Странное дѣло! Въ то время, когда наши души были полны скорби, въ саду, прилегавшемъ къ пустынникову дому, беззаботно чиликали птички. Для нихъ горизонтъ былъ чистъ и безоблаченъ; имъ не угрожала ни гласность, ни устность, ни уничтоженіе откуповъ; вокругъ нихъ природа оставалась неизмѣнною; вчера она радовала, насыщала и убаюкивала, и завтра будетъ точно такъ же радовать, насыщать и убаюкивать. Майскій солнечный день такъ и врывался въ комнату сквозь отворенную дверь балкона, врывался со всѣмъ своимъ влажнымъ теплomъ, со всѣми благоуханіями молодой, только-что распустившейся

Digitized by Google

флоры. Хорошо тамъ, въ саду; хорошо птицамъ, хорошо жучкамъ и мошкамъ, хорошо цвѣтамъ! Только человѣку скверно вездѣ: и на солнышкѣ, и въ тѣни, и въ саду, и на потребѣ; вездѣ преслѣдуетъ безотвязная дума, вездѣ насквозь прохватываетъ мысль о заразѣ...

Отъ представленія о человѣкѣ мысль моя невольно перенеслась къ представленію о губернаторѣ (привычка!). — «Если вообще человѣку не хорошо, то каково же должно быть губернатору?»—безпокойно спрашивалъ я себя.

«Расхитятъ! растащатъ! по кусочкамъ разнесутъ!» долженъ онъ ежемгновенно твердить себѣ, чтобъ не ослабнуть духомъ. Каково тутъ жить? Каково недреманнымъ-то окомъ всю жизнь глядѣть? Ну, а чѣмъ онъ, напримѣръ, виноватъ, если и въ самомъ дѣлѣ растащатъ? Развѣ онъ не человѣкъ? Развѣ не хочется ему и погулять, и выпить, и съ дѣвушками побаловать, и на птичекъ полюбоваться? Развѣ весна-то не дѣйствуетъ на него?

— А чего вы смотрѣли, покуда у васъ злонамѣренныя мысли распространялись?—спросятъ его, быть-можетъ, строгіе цѣнители и судьи.

— А я, скажетъ, въ это время у Матрены Ивановны пирогъ съ грибами ѣлъ, ибо я тоже обязанъ и о соединеніи общества подумать.

— Правда. Ну, а гдѣ вы были въ то время, какъ у васъ въ Оковскомъ уѣздѣ нѣкоторый продерзостный нахалъ на полной сходкѣ утверждалъ, что словесное производство лучше безсловеснаго?

— А я въ это время у себя въ кабинетѣ на приговорахъ уголовной палаты «согласенъ», «согласенъ», «согласенъ» писалъ!

— Правда.

Такого рода разговоръ можно продолжать хоть до завтра, и, все-таки, въ результатѣ ничего иного не выйдетъ, кромѣ: правда, правда и правда.

Признаюсь, если бы я былъ губернаторомъ, я отнюдь не затруднился бы никакимъ вопросомъ. Я бы заранѣе для себя такой катехизисъ составилъ, въ которомъ начерталъ бы простодушные, но дышащіе истиной отвѣты на всевозможные вопросы.

Вопросъ. Это что?

Отвѣтъ. Не разорваться же мнѣ!

Вопросъ. А это что?

Отвѣтъ. А это правитель канцеляріи напуталъ!

Digitized by Google

Вопросъ. Ну, а это что?

Отвѣтъ. Гм!.. это? Помнится, что я посылалъ туда своего чиновника, а онъ ничего не сдѣлалъ! и т. д., и т. д.

Дѣла пошли бы у меня какъ по маслу, начальство было бы довольно, я былъ бы правъ, а обыватели славословили бы имя мое.

Размысливъ все это, я почувствовалъ себя облегченнымъ; идея объ отвѣтственности уже не лежала тяжелымъ камнемъ на сердцѣ; призракъ слабонатянутой административной вожжи не тревожилъ воображенія. Очевидно, весна подѣйствовала благотворно; я даже не прочь былъ отвѣдать грибковъ.

— Однако, вы несправедливы, пустынникъ, къ начальнику-то къ нашему!—молвилъ я, покоряясь новому порядку идей.

— Въ чемъ же, сударь?

— Намедниись я былъ у него по дѣламъ... Только, знаете, слово за слово—онъ мнѣ и открылся: «повѣрите ли, говоритъ, Николай Иванычъ, вотъ третій вицмундиръ приходится бросить съ тѣхъ поръ, какъ эти слухи пошли!» Такъ вотъ оно что!

— Что-жъ, потомъ, что ли, оно изъ него выходитъ?

— Смѣйтесь тамъ или не смѣйтесь, а что человѣкъ скорбитъ—это вѣрно!

— Гм!.. да... чай, расходъ на одёжу большой!

Мнѣ стало обидно и больно.

— Пустынникъ!—сказалъ я серьезно:—поймите, что это дѣло совсѣмъ не шуточное. Вѣдь мы всѣ, сколько насъ ни есть, должны будемъ, такъ сказать, сократиться... исчезнуть...

— Скорблю!—вздохнулъ пустынникъ.

— Вмѣсто того, чтобъ смѣяться другъ надъ другомъ, намъ надлежало бы соединиться!

— О семъ мечтаю и всечасно сего желаю!

— Вотъ у Ивана Николаича восемь дочерей-невѣстъ: вѣдь ему и съ дочерьми исчезнуть придется!

— Яко исчезаетъ дымъ, да исче-е-езнутъ!—затянулъ пустынникъ.

— Намеднись я у Семена Петровича былъ, онъ тоже говоритъ: что я съ этой устностью буду дѣлать?

— Куда прочіе, туда и онъ!

— Да вѣдь люди-то какіе!

— Люди отмѣнные!

Digitized by Google

— И всѣхъ вотъ словно холерой посѣкло! Вѣдь мухѣ зла не сдѣлали! Иванъ-то Николаичъ курицы въ супѣ не съѣстъ безъ того, чтобъ не сказать: «Вотъ, курочка, кабы не плотоядность человѣческая, клевала бы ты да клевала теперь по зернышку!»

— Что и говорить!

— А вы еще обвиняете!

— Постой! Я въ чемъ обвиняю? Я въ томъ, сударь, и обвиняю, что много въ васъ добродѣтели этой развелось... да! Возьмемъ хоть губернатора: сажаетъ это всякаго, руку подаетъ—пристойно ли? Нѣтъ, вотъ я съ предмѣстникомъ его хлѣбъ-соль важивалъ, такъ тотъ и слово-то молвитъ, бывало, такъ словно укуситъ, того гляди! Видъ-отъ одинъ дикій что предвѣщалъ!

— Однако, какъ же руки не подать, согласитесь!

— Да такъ: не подавай да и шабашъ! Иной еще такой озорникъ вынется: ты ему руку подашь, а онъ на нее плюнетъ!

Признаюсь, это предположеніе совсѣмъ сшибло меня съ ногъ своею непредвидѣнностью. Во все время моей административной карьеры ничего подобнаго не приходило мнѣ на мысль—и вдругъ!

«А ну, если и въ самомъ дѣлѣ плюнетъ?»—подумалъ я.

Вся кровь во мнѣ закипѣла; я явственно слышалъ, какъ внутри меня разомъ поднялись тысячи голосовъ, которые кричали: въ острогъ! въ острогъ его!

— Такъ-то вотъ, сударь! Дѣло-то оно съ маленькаго начинается: тамъ посадишь, тамъ погладишь, анъ онъ ужъ и думаетъ, что и завсегда его сажать да гладить слѣдуетъ... Черти!

— Да вѣдь велѣно!—сказалъ я голосомъ, полнымъ отчаянія.—Кому бы охота, кабы не велѣно!

— А коли велѣно, такъ, стало-быть, и шабашъ!

Мы умолкли: часы заунывно простонали двѣнадцать. Странное дѣло! я еще не завтракалъ, а между тѣмъ былъ такъ сытъ, какъ-будто цѣлаго осетра одолѣлъ.

— Сколько добродѣтельныхъ людей чрезъ это самое погибнуть должны!—промолвилъ пустынникъ.

«Можетъ-быть, и я!»—подумалъ я.

«Можетъ-быть, и я!»—подумалъ пустынникъ.

Въ это время, неся подносъ и гремя тарелками, влетѣлъ въ комнату прислужникъ въ длинномъ кафтанчикѣ, на манеръ ополченскаго. На подносѣ красовались вещи знакомыя,

Digitized by Google

но вѣчно милыя: янтарный балыкъ, свѣжая икра, духовая осетрина, копченыя стерляди и проч.

— Ну, мы довдѣ побесѣдовали; теперь потрапезуемъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, ужъ увольте, я сытъ!

— Чѣмъ же сытъ? Развѣ у кого потрапезовалъ?

— Нѣтъ, ни у кого! Я... я просто сытъ...

— Гм!.. оно и вправду... какая нынче ѣда!

— Какая ѣда!—повторилъ я машинально.

— Не о хлѣбѣ единомъ... такъ-то!

— Прощайте, пустынникъ!

— Куда же?

— Да надобно бы... тово...

Я хотѣлъ-было сказать, что надобно бы распорядиться, но вспомнилъ, что все уже кончено, что зараза уже совершаетъ разъѣдающій кругъ свой—и запнулся.

— Нѣтъ, ужъ прощайте!

— Ну, прощай, сударь, прощай! Я-то съ своими справлюсь; вотъ вы-то, гражданскіе, какъ?

Я взялся за шляпу и спѣшилъ уйти. Слова пустынника давили меня; никогда еще я не понималъ такъ отчетливо, что все кончено; никогда будущее не представлялось мнѣ въ такомъ черномъ цвѣтѣ.

«Зараза!—думалъ я, возвращаясь домой:—зараза!»

И такимъ образомъ, погибая отъ думы, я пробылъ въ этотъ день не завтракавши.

II.

овѣдъ.

Бьетъ четыре часа; дѣла покончены, пора обѣдать. Впереди еще остается цѣлый день, пустой и длинный день... Куда дѣваться? куда дѣваться такъ, чтобъ уйти отъ политическихъ соображеній, не слыхать политическихъ вздоховъ, не видать политическихъ взоровъ? Свиданіе съ пустынникомъ положительно разстроило меня. Представьте себѣ, что когда секретарь принесъ мнѣ къ подписи бумаги, то я вмѣсто своей фамиліи вездѣ подписался: «зараза», «зараза», «зараза»... Хорошо, если ни одна изъ этихъ бумагъ не отправлена по начальству, а то вѣдь отъ этихъ приказныхъ станется, что и нарочно пошлютъ — каковъ тогда срамъ!

Куда дѣваться? Дома оставаться нельзя, во-первыхъ, потому, что дома нечего дѣлать, а во-вторыхъ, и потому, что

Digitized by Google

мы положительно не привыкли къ уединенію. Какъ только останешься одинъ, такъ вотъ тебя и тошнитъ, такъ и сосетъ что-то: десятки да двойки въ глаза метутся, нагія плечи, розовыя улыбки, французскія рѣчи—такъ и тревожатъ воображеніе... Правду говорилъ пустынникъ, что въ уединеніи черти посѣщаютъ...

— Не зайдете ли къ намъ отобѣдать?—вдругъ раздался подъ окномъ моимъ ласковый голосъ, и вслѣдъ затѣмъ показался украшенный брильянтовымъ перстнемъ палецъ, который легонько постукивалъ по стеклу.

И палецъ, и перстень принадлежали генералу Голубчикову. Разумѣется, я поспѣшилъ воспользоваться приглашеніемъ съ благодарностью.

Генералъ Голубчиковъ—тотъ самый предсѣдательствующій старецъ, у котораго восемь дочерей. Онъ любитъ и видимо ласкаетъ меня, потому что полагаетъ, что изъ этого выйдетъ гименей. Быть-можетъ, это предположеніе и не лишено основанія, однако я еще крѣпюсь: пускай, думаю, старикъ покопитъ!

Генералъ — очень маленькій и чистенькій старичокъ. Когда онъ бываетъ въ хорошемъ расположеніи духа, мы называемъ его мышинымъ жеребчикомъ, когда же въ худомъ (а это случается всякій разъ, какъ только зайдетъ рѣчь объ уничтоженіи откуповъ), то каримъ мериномъ.

— Господа, сегодня нашъ генералъ въ образѣ мышинаго жеребчика!—раздается въ одномъ концѣ комнаты, какъ только онъ войдетъ.

— Нѣтъ, онъ сегодня въ образѣ каряго мерина!—раздается въ другомъ концѣ.

И такимъ образомъ шутки идутъ не прерываясь, но шутки безобидныя, незлостныя, доказывающія лишь наше расположеніе къ милому генералу.

Увы! я не могу не сознаться, что съ нѣкотораго времени генералъ почти постоянно является въ образѣ каряго мерина. Глаза его тускнѣютъ, носъ какъ-то раздался вширь и вытянулся, словно хочетъ слиться съ мясистыми губами; въ звукахъ его голоса слышится нѣчто похожее на тяжкое, разслабленное ржаніе; однимъ словомъ, по всему видно, что его насквозь пронизываютъ заботы о любезныхъ своихъ дочеряхъ.

Какъ и всѣ мы, генералъ гостепріименъ, но въ немъ это гостепріимство усугубляется вѣчно присущимъ воспоминаніемъ о дочеряхъ. Милые птенцы! имъ необходимы разно-

Digitized by Google

ченія, имъ нужно общество, имъ нужны, наконецъ, женихи. Разсказываютъ, будто его зятьямъ не житье, а масленица. Я этому очень вѣрю. Я самъ, неоднократно обѣдая у генерала, замѣчалъ какихъ-то двоихъ господъ, которыхъ генеральша разъ навсегда рекомендовала мнѣ такъ: «мужья моихъ двухъ старшихъ дочерей» (эти дочери были выданы замужъ еще до возникновенія слуховъ объ уничтоженіи откуповъ). Господа имѣли видъ здоровый, ѣли за обѣдомъ съ двоякимъ аппетитомъ, и никто имъ въ этомъ не препятствовалъ ни косвенными взглядами, ни тонко брошеннымъ намекомъ на то, что вотъ, дескать, есть люди на свѣтѣ, на которыхъ и пропасти нѣтъ. Напротивъ того, мнѣ даже достовѣрно извѣстно, что этихъ господъ не только поятъ и кормятъ, но даже одѣваютъ, обуваютъ и обмываютъ. По этому случаю ихъ въ нашемъ обществѣ называютъ въ шутку «наемными мужьями».

— Да поскорѣе!—весело торопилъ меня генералъ, покуда я облекался въ сюртукъ.—Вы, можетъ-быть, не слыхали еще, что сегодня у насъ по палатѣ распоряженіе получено, которое даетъ основаніе заключить, что откупа остаются на неопредѣленное время... Да!

— Ну, вотъ и слава Богу!—отвѣчалъ я также весело.

Съ одной стороны меня радовала мысль, что хоть на этотъ разъ я убѣгу отъ политики; съ другой стороны, я все-таки невольно говорилъ самъ себѣ: пускай старикъ покопитъ, пускай его!

Я вышелъ; мы поздоровались.

— Представьте, какъ все это неожиданно вышло: сидимъ мы сегодня въ палатѣ и по обыкновенію разсуждаемъ о томъ, что ожидаетъ впереди нашу матушку Русь православную, какъ вдругъ приходитъ пакетъ. Раскрываю—и что же, напримѣръ, вижу! «Снисходя, говоритъ, къ ходатайству грека Мерзоконаки, оставляемъ»... Ну, однимъ словомъ, оставляемъ, да и все тутъ!

Генералъ хихикнулъ, какъ будто его кто-нибудь нечаянно щекотнулъ пальцемъ подъ мышкой.

— Ну, и слава Богу!—повторилъ я.

— Я, впрочемъ, заранѣе зналъ, что это такъ будетъ! Да оно, коли хотите, и не правдоподобно! Не было еще примѣровъ въ исторіи, чтобъ правительство просвѣщенное добровольно отказывалось отъ такихъ полезныхъ сотрудниковъ...

— Да, объ нихъ именно можно сказать, что это истинные вѣрноподданные!

Digitized by Google

— Это такъ. Потому, живутъ смирно и никого не задѣваютъ!

— Мало того, что не задѣваютъ, но всегда, такъ сказать, на общую пользу стремятся!

— И это опять-таки именно такъ. Кто во время послѣдней войны неестественныя суммы съ явнымъ для себя ущербомъ, на торгахъ набавилъ?

— Мерзоконаки и Лампурдосъ!

— Кто нашего губернатора изъ бѣды выручилъ, когда велѣно было женскія училища вездѣ заводить?

— Лампурдосъ и Мерзоконаки.

— Кто обществу угодилъ, когда оно постоянный театръ имѣть пожелало?

— Лампурдосъ, Лампурдосъ и Лампурдосъ!

— Какъ вспомнишь да соединишь все это въ одинъ фокусъ, такъ оно денегъ-то и многонько выйдетъ!

— Что ужъ и говорить!

— А вѣдь имъ тоже съ деньгами-то, чай, жаль разставаться! А вѣдь они даже вида этого не подадутъ, что жаль! А вѣдь у нихъ только и словъ, что «сейчасъ» да «съ нашимъ удовольствіемъ»! Самый, то-есть, кроткій, безотвѣтный народъ!

Такимъ образомъ, славословя Лампурдоса, мы дошли до самой квартиры генерала. Столъ былъ уже накрытъ, и насъ встрѣтила въ залѣ сама Прасковья Петровна, которая привѣтствовала меня самымъ утонченнымъ образомъ. За нею стояла Nathalie, та самая, на которую старики Голубчиковы наиболѣе разсчитывали въ отношеніи гименея. Я взглянулъ на нее, и такъ какъ былъ въ отличномъ расположеніи духа, то мнѣ опять пришло на мысль: пускай старикъ покопитъ, пускай!

Надобно сказать правду, что въ наружности Nathalie было нѣчто двойственное. Когда она имѣла основаніе надѣяться и, вслѣдствіе того, чувствовала себя счастливою, то была похожа на мать и могла нравиться; когда же сладкія надежды гименея покидали ее и будущее покрывалось чернымъ флёромъ, то была похожа на отца и нравиться не могла. Сколько разъ, бывало, видя ее въ этомъ послѣднемъ образѣ, я съ досадой восклицалъ: «охъ, ужъ этотъ мнѣ карій меринъ! Даже хамелеонство свое проклятое потомству передалъ!» Однако, дѣлать было нечего.

На этотъ разъ Nathalie была похожа на отца. Вообще съ нѣкотораго времени на всемъ домѣ генерала лежала

Digitized by Google

словно опала какая-то. Не говоря ужъ о немъ самомъ, все семейство его, очевидно, скорбѣло. Прасковья Петровна, несмотря на утонченную свѣтскость манеръ, предписывающую выказывать какъ можно больше равнодушія къ житейскимъ мелочамъ, безпрестанно прорывалась. То не донесетъ до рта ложки съ супомъ и съ крикомъ: «ахъ, это ужасно!» положитъ ее опять въ тарелку; то потянется, чтобъ достать соли, но на обратномъ пути почувствуетъ дрожаніе въ рукѣ и разсыплетъ свою ношу на столъ, и т. д.

— Хоть не ѣвши сиди! — говаривалъ мнѣ иногда генералъ съ полными слезъ глазами.

Да, политическіе кризисы ужасны; они возбуждаютъ чувства и уничтожаютъ аппетитъ. Но еще чаще бываетъ такъ, что аппетитъ остается прежній, а органы, долженствующіе служить ему, внезапно, вслѣдствіе какихъ-то нелѣпыхъ политическихъ соображеній, отказываются отъ исполненія своихъ обязанностей. Несноснѣе этого положенія ничего быть не можетъ. Человѣкъ, постигнутый такимъ несчастіемъ, постепенно линяя и выцвѣтая, дѣлается, наконецъ, способнымъ только ронять ножи и вилки, которые, какъ орудія ѣды, во всякое другое время могли бы доставить ему полное удовольствіе. Только во время глубокаго мира, когда политическій горизонтъ совершенно безоблаченъ, можно найти полную гармонію между аппетитомъ и чувствами; только тогда они пополняютъ и даже, такъ сказать, подстрекаютъ другъ друга; чувства рождаютъ новый аппетитъ, аппетитъ рождаетъ новыя чувства. Веселѣе и пріятнѣе этого положенія нельзя себѣ ничего вообразить.

— А я, ma chère, пріятную новость принесъ! — началъ генералъ.

— Ну, вотъ и прекрасно! А то, признаюсь вамъ, Николай Иванычъ, даже противно жить стало: кругомъ все только пошлости одни слышишь!

— Да вы спросите напередъ, какую новость-то! — сказалъ я, желая нѣсколько помучить генеральшу.—Вѣдь дозволено оглашать всѣ злоупотребленія... и съ именами, Прасковья Петровна, съ именами-съ!

— Да къ тому же и гласное судопроизводство вводится! — брякнулъ за мной генералъ, любезно подмигивая мнѣ.

Но генеральша не могла видѣть подмигиванія, потому что съ ней сдѣлалось дурно. Разумѣется, генералъ струсилъ и засуетился около нея: онъ безпрестанно хлопалъ ей по ладони и нѣжнымъ голосомъ ворковалъ на ухо:

Digitized by Google

— Ma chère, я пошутилъ! этого никогда не будетъ! Напротивъ того, откупа продолжены, а типографіи всѣ до одной закрыты!

— А!—слабо вскрикнула Прасковья Петровна.

Признаюсь, я не ожидалъ, чтобъ слово «откупъ» заключало въ себѣ такую магическую силу. Конечно, всѣ мы, члены великой отечественной консервативной партіи, чувствуемъ искреннюю преданность къ откупщику, но это все-таки не мѣшаетъ намъ сохранять нѣкоторый decorum въ выраженіи чувствъ нашихъ. Со стороны генеральши подобный поступокъ могъ быть объясненъ только силою материнскихъ чувствъ и деликатностью женскихъ нервовъ.

— Maman всегда такъ! Когда папа въ первый разъ получилъ извѣстіе, что откупщиковъ всѣхъ выгоняютъ, она по пяти разъ въ день въ обморокъ падала! — сфискалила мнѣ на ухо Nathalie.

«Какая, однако, милая дѣвушка!»—подумалъ я.

— Потому что вѣдь намъ нельзя,— продолжала Nathalie:—у papa денегъ не будетъ, если откупщиковъ выгонятъ.

«Ну, деньги-то у папа, пожалуй, и теперь есть!» — подумалъ я.

Между тѣмъ генеральша оправилась совершенно; она ужъ шутила и даже пребольно выдрала генерала за ухо за его неумѣстную выходку.

— И вамъ бы то же слѣдовало сдѣлать,— сказала она, обращаясь ко мнѣ: — да такъ ужъ и быть, на этотъ разъ я снисходительна.

Въ глазахъ ея я прочелъ: «прощаю тебя, но сдѣлай же милость, не медли: сдѣлай счастливою мою дочь!»

— Maman, вы, однакожъ, забыли, что къ папа письмо изъ Петербурга есть!—вступилась Nathalie.

— Ахъ, да, дѣйствительно, къ тебѣ есть письмо, Jean; enfants, apportez donc la lettre à papa!

Я совершенно согласенъ, что лучше, если бы этого письма совсѣмъ не было, но ужъ во всякомъ случаѣ было бы лучше, если бы оно пришло послѣ обѣда. Едва генералъ прочиталъ нѣсколько строкъ, какъ уже позеленѣлъ отъ верхняго края до нижняго; сердца всѣхъ присутствующихъ сжались болѣзненнымъ предчувствіемъ.

— Вотъ такъ штука!—сказалъ, наконецъ, генералъ какимъ-то унылымъ голосомъ, какъ будто всѣ внутренности его въ одну минуту отсырѣли.

Въ письмѣ было изображено:

Digitized by Google

«Нѣтъ сомнѣнія, что вы уже получили, почтеннѣйшій другъ, распоряженіе насчетъ продолженія откупной системы. Скажу безъ хвастовства: нужно было много ловкости, чтобъ при настоящемъ откупновраждебномъ настроеніи умовъ провести нашу мысль, однако, мы не пощадили ни трудовъ, ни издержекъ, и провели. Но не спѣшите радоваться, ибо радоваться въ наше время столь же несовмѣстно, какъ и мечтать о временахъ недавняго, но,—увы!—невозвратимаго отечественнаго благополучія. Едва успѣли мы покончить, какъ противная партія ударила уже въ набатъ. Что говорилось и писалось по этому случаю, того бумагѣ довѣрить не могу, однако, положа руку на сердце, скажу: уши вянутъ! Подобно злымъ и неотвязнымъ шавкамъ набросились школяры на нашъ проектъ и неистовымъ своимъ крикомъ (именно однимъ крикомъ) успѣли-таки поколебать величественное зданіе его.

«Мы стояли на твердой почвѣ и упирались въ казенный интересъ; противники наши приводили возраженія мечтательныя и опирались на требованія нравственности. «Нравственность,—говорили мы,—есть вещь второстепенной важности, когда дѣло идетъ объ интересѣ казны и славѣ любезнаго отечества» (вамъ должно быть по опыту извѣстно, почтеннѣйшій другъ, что слава безъ денегъ мертва есть).—«Интересъ казны,—возражали наши противники,—есть вещь второстепенной важности, когда дѣло идетъ о нравственности». И такимъ образомъ сговориться никакъ не могли, тѣмъ болѣе, что и самое преніе какъ бы о томъ только шло, чтобъ сказуемое на мѣсто подлежащаго поставить, а подлежащее на мѣсто сказуемаго. Все сіе было бы смѣшно, если бы не заключало въ себѣ, какъ въ зернѣ, зачатка самыхъ горькихъ послѣдствій. Границы россійскія, какъ вамъ извѣстно, обширны—войска требуется пропасть; народъ русскій многочисленъ и склоненъ къ увеселеніямъ—полиціи требуется пропасть; полиція, съ своей стороны, обладаетъ нѣкоторою игривостью нравовъ—губернаторовъ требуется пропасть... но всего и не перечтешь... Съ одной стороны обширность, съ другой лѣсистость и малообработанность—вотъ положеніе нашего любезнаго отечества въ финансовомъ, экономическомъ и административномъ отношеніяхъ! Донынѣ все это шло, все это удовлетворялось: обширность была обезпечена, лѣсистость уничтожалась, къ воздѣлыванію полей принимались мѣры. Откуда извлекались средства для всего этого?—спрашиваю я васъ. Откуда,

Digitized by Google

какъ не изъ откуповъ? Они представляли и для государства, и для общества убѣжище постоянное и непоколебимое: они изображали собой шкатулку, въ которую всякій достойный гражданинъ свободно запускалъ руку, безъ опасенія завязить ее. Тутъ была цѣлая государственная теорія, на мѣсто которой нынѣшніе мечтатели предлагаютъ что? Предлагаютъ нравственность?.. Скучно слушать! И тѣмъ не менѣе побѣдили! Откупа окончательно и безвозвратно уничтожены...

«Не могу по этому случаю не выразить моего искренняго соболѣзнованія о васъ и о всемъ вашемъ почтенномъ семействѣ. Знаю по себѣ, что подобные удары переносить не легко, но думаю, что упованіе на милость Божію и въ семъ крайнемъ случаѣ не оставитъ васъ. Оно одно»...

И т. д., и т. д.

Подписалъ: «Георгій Лампурдосъ».

Описать сцену ужаса и смятенія, которая произошла вслѣдствіе чтенія этого письма, я не въ силахъ. Скажу одно: лица у дочерей-невѣстъ вытянулись, и на лицахъ этихъ я очень явственно могъ прочесть, что женихи улетѣли. Наемные мужья, пользуясь общей суматохой, незамѣтно удрали. Генералъ, вдругъ преобразившись въ каряго мерина, шагалъ по комнатѣ и безпрестанно повторялъ, что жизнь есть обманъ. Генеральша, едва замѣтно вздрагивая ноздрями, возражала, что жизнь совсѣмъ не обманъ, а что, напротивъ того, дураки сами во всемъ виноваты.

— Представьте себѣ, Николай Иванычъ,—сказала она, обращаясь ко мнѣ:—даже въ дѣтяхъ эта зараза дѣйствуетъ! Намеднись, на балѣ у Пеструшкиныхъ, подходитъ мой Иванъ Николаевичъ къ сыну Шалимова, гимназисту, и хочетъ, знаете, по щечкѣ его потрепать... Только какъ бы вы думали, что этотъ мальчишка сдѣлалъ? Повернулся этакъ къ нему спиной, да и говоритъ: «я, говоритъ, съ вами незнакомъ, потому что вы откупа защищаете!»

— Ссс!..

— Нѣтъ, да каковъ клопъ! Вѣдь отъ земли не видать букашку, а туда же въ политику лѣзетъ!

— Скажите пожалуйста!

— Право! Какъ же теперь можемъ мы жаловаться, когда ужъ дѣтей своихъ не умѣемъ въ истинныхъ правилахъ воспитать! Когда мы сами вездѣ кричимъ: откупа гадость! крѣпостное право мерзость! Ну, и докричались!

Digitized by Google

— Я, ma chère, никогда ничего подобнаго не кричалъ!— отозвался генералъ.

— Ахъ, отстань, пожалуйста! Не о тебѣ и говорятъ!

— Я положительно отъ того терплю, что жизнь есть обманъ!—приставалъ генералъ.

— Да отстань же, сдѣлай милость! Развѣ кто-нибудь съ тобой споритъ?

— Я положительно утверждаю, что жить въ настоящее время не только гадко, но даже и не безопасно.

Генеральша пожала плечами.

— Взгляните въ микроскопъ на каплю воды — вы увидите, что инфузоріи съ жадностью пожираютъ другъ друга! Взгляните на нашъ человѣческій міръ даже безъ увеличительнаго стекла—вы увидите, что люди съ такою же жадностью пожираютъ другъ друга, какъ и безсмысленныя инфузоріи!

— Mais qu'est-ce qu'il a donc?—сказала генеральша, съ безпокойствомъ глядя на мужа.

— Я положительно удостовѣряю, что Лампурдосъ—подлецъ!—провозгласилъ генералъ торжественно.

Генеральша вскочила со стула и, вся перепуганная, устремилась къ мужу.

— Jean! что съ тобой, другъ мой?—сказала она.

— Грекъ Лампурдосъ—подлецъ, потому что лишилъ меня аппетита! Грекъ Лампурдосъ—подлецъ, потому что, не будь его поганаго письма, я былъ бы въ настоящую минуту счастливъ! Вотъ все, что я желалъ сказать.

Генералъ заплакалъ.

— За докторомъ! ради Бога, за докторомъ!—вскрикнула встревоженная генеральша.

— Меня ни одинъ докторъ лѣчить не станетъ!—продолжалъ жаловаться генералъ.—Мнѣ даже крошка Шалимовъ въ глаза сказалъ, что я ретроградъ... Да! О, если бы я былъ либераломъ! Я былъ бы теперь здоровъ, и всякій докторъ согласился бы лѣчить меня съ удовольствіемъ!

Генеральша металась; малыя дѣти взвизгивали и машинально хватались за фалды генерала, словно боялись, что онъ улетитъ... Смутно стало на душѣ моей. Съ одной стороны мнѣ представлялся вопросъ: неужели я и обѣдать сегодня не буду? Съ другой стороны, взирая на генерала, я невольно говорилъ самъ себѣ: ну, нѣтъ, братъ, копить ты ужъ больше не будешь!

— Кушать подано!—гаркнулъ въ это время лакей.

Digitized by Google

Никто не тронулся.

— La soupe est sur la table, maman! — робко подсказала Nathalie, которая, надо сказать правду, и въ мирное, и въ смутное время кушала съ одинаковымъ аппетитомъ.

Но генеральша такъ строго взглянула на дочь, что та навѣрное откусила себѣ языкъ.

Я увидѣлъ, что надеждамъ моимъ суждено разлетѣться въ прахъ, взялся за шляпу и поспѣшилъ уйти. На другой день весь городъ зналъ, что генералъ лишился разсудка, что онъ безъ умолку говоритъ какія-то странныя рѣчи, упоминаетъ о грекѣ Лампурдосѣ и грозитъ дѣтямъ, что если они будутъ дурно учиться, то онъ отдастъ ихъ въ ретрограды, а самъ останется въ либералахъ и будетъ носить бѣлый колпакъ.

III.

НА БАЛѢ.

Въ бывалыя времена, когда губернаторша желала повеселить себя и своихъ demoiselles, то просто говорила губернатору:

— Губернаторъ! что же ты не прикажешь откупщику балъ дать?

— Можно!—отвѣтствовалъ обыкновенно губернаторъ, и тотчасъ же посылалъ за откупщикомъ.

— Балъ?—вопрошалъ губернаторъ.

— Можно-съ,—отвѣтствовалъ откупщикъ.

И дѣло устраивалось легко, просто и умилительно. Губернаторъ оставался доволенъ, что онъ далъ возможность откупщику повеселиться; откупщикъ оставался доволенъ, что онъ хотя на нѣсколько часовъ могъ послужить въ нѣкоторомъ смыслѣ административнымъ орудіемъ для соединенія общества.

Нашъ глуповскій губернаторъ не дальнозорокъ (употребляю это слово не въ обидномъ для этого сановника смыслѣ, но просто желая выразить, что онъ близорукъ). Помѣщики знаютъ это и говорятъ: «это ничего»; чиновники знаютъ это и говорятъ: «это ничего»; наконецъ, мѣстные либералы знаютъ это и говорятъ: «это ничего». Для всѣхъ «ничего»— стало-быть очень хорошо.

Съ своей стороны скажу: это хорошо, именно потому, что это «ничего». Горе тому граду, въ которомъ «князь» юнъ, усерденъ по службѣ и не чуждъ разговоровъ о про-

Digitized by Google

грессѣ. «Князь» можетъ забрать себѣ въ голову, что онъ благонамѣреннѣйшій и образованнѣйшій человѣкъ, и чортъ знаетъ чего надѣлаетъ. Почнетъ купцовъ за бороды трясти, а помѣщикамъ реприманды дѣлать, почнетъ женскія гимназіи устроять, почнетъ заботиться о распространеніи обществъ трезвости... однимъ словомъ, учредитъ нѣчто въ родѣ временнаго землетрясенія.

Нашъ начальникъ края принадлежитъ къ такъ-называемой старой школѣ. Онъ управляетъ съ прохладою, любитъ поѣсть, попить и поврать съ барынями, о прогрессѣ же не имѣетъ никакого понятія. Зато чиновники боготворятъ его; зато помѣщики безпрестанно зовутъ его къ себѣ откушать; зато откупщикъ устрояетъ въ честь его обжорныя торжества и говоритъ на нихъ благодарственные спичи, въ которыхъ сравниваетъ его съ Минервою; зато землетрясенія—ни временнаго, ни постояннаго—у насъ нѣтъ и не бывало. Зато онъ пріѣхалъ къ намъ на губернію худенькій и мизерненькій, а въ два года отъѣлся такъ, что сдѣлался совершенной кубышечкой, и только послѣднія моральныя потрясенія возвратили его къ первоначальной худобѣ и мизерности.

На-дняхъ какъ-то губернаторша, по старой привычкѣ, обратилась къ мужу съ обычнымъ вопросомъ относительно устройства какого-либо увеселенія.

— Губернаторъ, — сказала она: — ты забываешь, душа моя, что откупщикъ ужъ третій мѣсяцъ ничего не дѣлаетъ!

— Мож...—отвѣчалъ-было губернаторъ, но потомъ спохватился и, махнувъ рукою, прибавилъ очень рѣшительно:— Нельзя!

— C'est inconcevable!—сказала губернаторша.

— Чего тутъ «inconcevable»!—запальчиво возразилъ губернаторъ.—Ты знаешь ли, сударыня, что за нами съ тобой нынче тысячи глазъ наблюдаютъ?

Въ это время маленькій Володя (сынокъ ихъ превосходительствъ) навелъ на maman свое зеркальце (на дѣтскомъ языкѣ это называется *устроить зайчика*), и отраженіе свѣта на минуту ослѣпило глаза ея. Губернаторша подумала, что это смотрятъ тѣ самыя тысячи глазъ, о которыхъ только-что упомянулъ губернаторъ.

— Во всякомъ случаѣ, хоть намъ самимъ да слѣдуетъ что-нибудь устроить!—сказала она.—Вѣдь это невозможно! Aglaé и Cléopatre (pauvres petites!) совсѣмъ никакихъ развлеченій не имѣютъ!

Digitized by Google

— Я самъ объ этомъ... да! надо положить конецъ этимъ распрямъ, надо соединить обѣ партіи! — пробормоталъ губернаторъ, какъ бы обдумывая нѣчто грандіозное.

— Ну, вотъ и прекрасно! Кстати же мы такъ давно не доставляли никакихъ удовольствій обществу!

Слово «партіи» не ново въ провинціи, но значеніе его на нашихъ уже глазахъ совершенно измѣнилось. Въ прежнія времена у насъ обыкновенно свирѣпствовали двѣ партіи: стараго предводителя дворянства и новаго предводителя дворянства. Обѣ партіи исключительно занимались тѣмъ, что объѣдали и опивали своихъ патроновъ и бушевали на выборахъ, кладя имъ шары направо, поднося имъ шары на блюдѣ и вообще оказывая самые разнообразные знаки всевозможной преданности. Тутъ борьба не имѣла никакого политическаго оттѣнка, тутъ дѣло шло единственно о томъ, кто кого перекормитъ. И, Господи, что за обѣды проистекали изъ этого благороднаго соревнованія! Петръ Петровичъ шесть недѣль спаиваетъ съ круга какого-то благороднаго теленка; холитъ и ублажаетъ нѣкоторую необычайную свинью; бѣлые какъ снѣгъ поросята визжатъ и мятутся отъ желудочныхъ болей—слѣдствія неслыханнаго обжорства... Партія Петра Петровича притаила дыханіе, взирая на эти приготовленія, и заботится только о томъ, чтобъ Иванъ Яковлевичъ какъ-нибудь не прознялъ о нихъ и не успѣлъ отразить ударъ чѣмъ-нибудь въ томъ же родѣ. Но Иванъ Яковлевичъ тоже не промахъ; съ помощью преданныхъ ему клевретовъ онъ зорко слѣдитъ за своимъ противникомъ, и въ то время, какъ тотъ торжествуетъ мысленно побѣду, онъ наноситъ ему ударъ въ самое сердце, посылая въ Москву за такою провизіей, о которой мудрецамъ глуповскимъ и во снѣ не снилось.

— Фазановъ! фазановъ! фазановъ!—кричитъ онъ восторженно и отъ нетерпѣнія даже подпрыгиваетъ.

И вотъ, чрезъ какой-нибудь день послѣ обѣда у Петра Петровича, гдѣ гости до оглушенія объѣдались неслыханными колбасами и чудодѣйственною телятиной, устраивается обѣдъ у Ивана Яковлевича, гдѣ гостямъ предлагаютъ фазановъ и тончайшее вино въ бутылкахъ съ золотыми ярлыками... Чудное время, гдѣ ты?

Мы, предержащія власти, а также тѣ изъ благоразумныхъ людей, которые находили для себя выгоднымъ равно уважать и Петра Петровича, и Ивана Яковлевича,—мы съ одинаковымъ рвеніемъ ѣли и у того, и у другого. Мы ѣли

Digitized by Google

и радовались, что въ отечествѣ нашемъ процвѣтаетъ гостепріимство, что въ отечествѣ нашемъ откармливаются неслыханныя свиньи, и что это не мѣшаетъ фазанамъ населять отечественные лѣса. Души наши ничѣмъ не возмущались, ибо мы были чисты; сердца наши стучали въ груди ровно, ибо мы были пьяны; понятно, какое благотворное вліяніе оказывало это обстоятельство на дѣла.

Увы! партіи остались, но это партіи, такъ сказать, голодныя. Нынче не ѣдятъ и не пьютъ, но разговариваютъ. Порою кажется, что міръ долженъ потонуть въ потокѣ словесъ, стоновъ и восклицаній. Завелись ретрограды, завелись либералы красные, умѣренные, завелись даже такіе люди, которые соглашаются и съ одними, и съ другими, и съ третьими, и надѣются пройти какъ-нибудь по серединѣ (не потомки ли это доблестныхъ мужей, которые, во времена оны, обѣдывали и у Петра Петровича, и у Ивана Яковлевича?). И странное дѣло! прежніе люди партій, встрѣчаясь въ обществѣ, все-таки подавали другъ другу руки и даже взаимно другъ у друга обѣдывали; нынѣшніе же не только взаимно не угощаются (и самимъ-то, видно, перекусить нечего!), но даже выказываютъ другъ другу совершенное презрѣніе, выражая оное шлепками, пощечинами и плеваніемъ въ глаза... Вотъ какъ ожесточилось человѣчество въ какіе-нибудь два года!

У насъ въ настоящее время двѣ партіи: ретрограды и либералы (разумѣется, умѣренные). Представителемъ первыхъ служитъ Сидоръ Петровичъ (сынъ Петра Петровича), представителемъ послѣднихъ—Эммануэль Иванычъ (сынъ Ивана Яковлевича). Чего хотятъ ретрограды, чего добиваются либералы—понять очень трудно. Съ одной стороны, ретрограды кажутся либералами, ибо составляютъ оппозицію; съ другой стороны, либералы являются ретроградами, ибо говорятъ и дѣйствуютъ такъ, какъ бы состояли на жалованьи. Повторяю: понять очень трудно. Если же захотѣть объяснить, какой смыслъ имѣетъ у насъ слово «оппозиція», то навѣрно въѣдешь въ такой дремучій лѣсъ, изъ котораго потомъ и дороги не найдешь. Скажу одно: если гнаться за опредѣленіями, то первую партію всего приличнѣе было бы назвать ретроградною либераліей, а вторую—либеральною ретроградіей.

Нашъ начальникъ края искренно сокрушался, взирая на всѣ эти раздоры.

— Ахъ, mon cher! — не разъ говаривалъ онъ мнѣ:—

Digitized by Google

мнѣ хотѣлось бы, чтобъ все это было полегче да потише...

Желаніе вполнѣ законное. По мнѣнію его, благосостояніе губерніи было бы нарушено, ибо благосостояніе это тогда только возможно, когда помѣщики совершенно довольны. Сколько положилъ онъ труда, чтобъ умирить враждующія стороны! Сколько истинно-сводническихъ способностей выказалъ онъ, перебѣгая изъ одного лагеря въ другой и успѣвая пошептаться à parte со всякимъ изъ враждующихъ членовъ! И все вотще! Члены, вмѣсто исполненія его желанія, показывали ему языки (да, нынче и это дѣлается!) и даже съ дерзостью замѣчали, что онъ суется не въ свое дѣло. Балъ представлялся послѣднимъ, крайнимъ средствомъ для сближенія враговъ.

— Если и послѣ того я не успѣю,—сказалъ начальникъ края:—тогда...

Онъ хотѣлъ сказать: «тогда выйду въ отставку», но запнулся и подумалъ: «тогда... я останусь на службѣ попрежнему!»

Когда мы пріѣхали, балъ былъ въ полномъ разгарѣ. Волнующееся море танцующихъ пестрѣло самыми яркими и разнообразными цвѣтами; дамы граціозно колыхались; кавалеры нашептывали любезности и выдѣлывали такія па, которыя положительно доказывали, что они съ честью выдержали весь курсъ петербургскихъ шпицбаловъ. Въ одномъ углу интересная блондинка млѣла подъ звуки рѣчей мѣстнаго льва, Свербиллы-Замбржицкаго, который разсказывалъ, что вчера проигралъ въ стуколку послѣдніе пять цѣлковыхъ, что сегодня утромъ онъ успѣлъ изобличить во взяткѣ своего надсмотрщика и что однажды въ Петербургѣ въ него влюбились разомъ пять княгинь. Въ другомъ углу очень бойкая брюнетка спрашивала своего кавалера: «что вы зѣваете?» Танцующихъ обступила густая толпа праздныхъ зрителей, которыхъ довольныя лица, казалось, говорили:

— Эге! да вѣдь это все наши!

Хорошая вещь балъ, господа, но въ особенности хорошъ балъ въ провинціи. Онъ хорошъ тѣмъ, что служитъ какъ бы продолженіемъ нашихъ домашнихъ дѣлъ, что никто изъ насъ не передѣлываетъ себя по этому случаю, что всѣ мы находимся какъ бы въ семейномъ кружкѣ своемъ. Въ этой непринужденности отношеній есть своя особенная, неисчерпаемая прелесть. Хотя мы знаемъ другъ друга наизусть,

Digitized by Google

знаемъ всѣхъ этихъ женщинъ съ благоухающими плечами и цвѣтущими улыбками, но это не мѣшаетъ намъ видѣть другъ друга каждый разъ все съ новымъ и новымъ наслажденіемъ. Причина такого явленія, я полагаю, заключается въ томъ, во-первыхъ, что мы сами очень ужъ милы, а во-вторыхъ, въ томъ, что намъ не нужно много затрудняться и насиловать воображеніе, чтобъ найти предметъ для разговора. Предметы эти общи намъ всѣмъ въ равной степени, и хотя мало разнообразны, но зато прямо вытекаютъ изъ нашего существованія и потому затрогиваютъ насъ гораздо сильнѣе, нежели какой-нибудь вымученный разговоръ о преимуществѣ Тамберлика передъ Кальцоляри. Тѣ, которые распространяютъ мнѣніе о чопорности провинціальныхъ баловъ, тѣ или клевещутъ на провинцію, или не знаютъ сами, о чемъ говорятъ и пишутъ. Да, они не видали тѣхъ подмигиваній и улыбокъ, которыя пересылаются отъ одного конца залы въ другой; они не слыхали тѣхъ веселыхъ покрякиваній, которыми сосѣдъ сосѣду выражаетъ свою мысль. Что же касается до того, что на провинціальныхъ балахъ царствуетъ чинопочитаніе, то это и не можетъ быть иначе: чинопочитаніе существуетъ въ природѣ, а потому нѣтъ резона не быть ему и на балахъ.

Въ самыхъ дверяхъ залы я встрѣтился съ Сидоромъ Петровичемъ, и съ перваго же взгляда убѣдился, что предпріятіе нашего почтеннаго начальника края совершенно не удалось.

— Скажите пожалуйста, что̀ это съ вашимъ префектомъ сдѣлалось? Совсѣмъ, что ли, онъ голову потерялъ?—обратился ко мнѣ этотъ ретроградъ.

Сидоръ Петровичъ въ шутку называлъ всѣхъ вообще губернаторовъ «префектами», ибо стоялъ за selfgovernment, а централизацію признавалъ вреднымъ порожденіемъ наплыва французскихъ демократическихъ идей. Съ другой стороны, Эммануэль Иванычъ называлъ всѣхъ губернаторовъ «пашами», потому что былъ сторонникомъ самой строгой административной централизаціи и находилъ, что наше губернское учрежденіе есть горькій плодъ нашей древней азіатской распущенности.

— Развѣ что-нибудь случилось?—спросилъ я.

— Чего «случилось»! Онъ, кажется, вознамѣрился нынче потѣшить публику увеселительнымъ представленіемъ! Вообразите: вѣдь онъ выдумалъ сводить меня съ нашимъ доморощеннымъ Лафайетомъ... да вѣдь такъ и толкается, такъ

Digitized by Google

и толкается! А тутъ ему сдуру Лампадниковъ взялся помогать: тотъ Лафайета на меня толкаетъ—чуть-было носы намъ не разбили! Изволите видѣть, это у нихъ называется примирять враждующія стороны!

— Вѣроятно, однакожъ, его превосходительство имѣлъ при этомъ въ виду какую-нибудь благонамѣренную цѣль...

— Да чортъ его дери съ его благонамѣренными цѣлями! Да какое намъ дѣло до его цѣлей!

— Однакожъ, согласитесь сами, Сидоръ Петровичъ, его превосходительство, какъ начальникъ края...

— Нѣтъ, да вы представьте себѣ: вѣдь такъ и толкаетъ! такъ и толкаетъ! «Позвольте, господинъ префектъ, говорю я ему, развѣ въ вашихъ instructions написано, чтобъ толкаться? Да вы за маленькаго, что ли, или за вашего adjoint или substitut меня принимаете?» Такъ вѣдь нѣтъ, не унялся: щекочетъ у меня подъ мышками да и полно! Насилу вѣдь освободился!

— Ахъ, какъ это непріятно! Куда-жъ вы теперь?

— Домой, батюшка, домой, и съ этой минуты на всѣ эти bals de la préfecture ни шагу! Нѣтъ, да каковъ, однако? Щекотаться выдумалъ!

— Послушайте, Сидоръ Петровичъ, вашъ отъѣздъ можетъ глубоко огорчить начальника края... Конечно, я совѣтовать вамъ не смѣю, но, съ своей стороны, полагалъ бы, что благоразумное снисхожденіе и, такъ сказать, покорность волѣ начальства...

Но я не успѣлъ кончить, потому что Сидоръ Петровичъ какъ-то странно обозрѣлъ меня съ ногъ до головы и тотчасъ же началъ спускаться по лѣстницѣ.

«Эге!—подумалъ я:—да какой же ты ретроградъ! Ты, братъ, либералъ, да еще какой—въ носъ бросится!»

Между тѣмъ въ кабинетѣ его превосходительства разыгрывалась другая исторія. Начальникъ края стоялъ посреди комнаты совершенно растрепанный и застѣнчиво выслушивалъ заносчивыя рѣчи Эмманюэля Ивановича. Гости сжались и притаились; нѣкоторые изъявили явное намѣреніе улизнуть, другіе попрятались къ сторонѣ, но ни одинъ не пикнулъ. Среди этой всеобщей тишины привольно было раздаваться громкому голосу нашего либерала.

— Вы обязаны были, государь мой, — кричалъ онъ:— предварительно освѣдомиться, пріятно ли будетъ *имъ... да, имъ!* а не подмигивать какому-нибудь баши-бузуку Лампадникову толкаться!

Digitized by Google

— Эмманюель Иванычъ! повѣрьте, я никакъ не думалъ, чтобъ вы такъ горячо приняли такое дѣйствіе, которое, въ сущности, заключало въ себѣ лишь желаніе примирить двухъ благонамѣренныхъ согражданъ и...

— Я, государь мой, ни съ кѣмъ не ссорился! Я имѣю свои политическія убѣжденія, а Сидоръ Петровичъ—свои! Мы можемъ оспаривать другъ друга, мы можемъ даже враждовать, но толкать себя никому не позволимъ! Jeu de mains, jeu de vilains; время палей прошло безвозвратно, государь мой! Вы должны бы болѣе другихъ помнить и понимать, что мы живемъ въ цивилизованномъ государствѣ, которое нѣкогда имѣло во главѣ своей блаженной памяти государя императора Петра Великаго и которое мы имѣемъ честь и счастье называть своимъ отечествомъ!

— Но, повѣрьте...

— Извините, мнѣ здѣсь не мѣсто!

Сказавъ эти слова, Эмманюель Ивановичъ вышелъ, гордо потрясая головой. Зрители мгновенно вышли изъ оцѣпенѣнія и зажужжали, какъ шмели въ рою. Всѣ до одного выражали непритворное соболѣзнованіе о нашемъ добромъ начальникѣ, который за свое усердіе и благонамѣренность вознагражденъ столь пакостнымъ образомъ. Но начальникъ стоялъ блѣдный, приложивъ палецъ къ носу, и какъ бы въ забытьи повторялъ:

— Стало-быть, толкаться нельзя... славно!

— Мое почтеніе, ваше превосходительство!—сказалъ я, подходя къ нему.

— Здравствуйте! Вы слышали, что онъ говорилъ?

— Отчасти, ваше превосходительство; я пришелъ ужъ на самомъ кончикѣ...

— Да, у него отличный даръ слова! Я всегда утверждалъ и теперь утверждаю! Тотъ... Сидоръ... тотъ ничего! Поболталъ, поболталъ руками—и дѣло съ концомъ! А этотъ... орелъ!

Я смутился; я уже надѣялся, что во второй разъ буду свидѣтелемъ умственнаго разстройства.

— Онъ говоритъ, что толкаться не слѣдуетъ—это такъ!—продолжалъ, между тѣмъ, начальникъ края.—Но развѣ я толкался? Я просто хотѣлъ ихъ свести... я просто желалъ, чтобъ общество наше не помрачалось...

— Несомнѣнно, что цѣль вашего превосходительства была самая благонамѣренная...

— Не правда ли? Вѣдь я имѣлъ не только право, но и

Digitized by Google

обязанность такъ поступить? Вѣдь мое назначеніе какое? Мое назначеніе быть миротворцемъ, мое назначеніе—улаживать, соединять, предотвращать.... А онъ говоритъ, что я толкаюсь!

Но хотя мы всѣмъ хоромъ спѣшили подтвердить, что сводить людей еще не значитъ толкаться, гармонія была уже нарушена. Губернаторъ повѣсилъ носъ; губернаторша бросала окрестъ безпокойные взоры; губернаторскія demoiselles, танцуя, болтали руками, что̀ случалось съ ними лишь тогда, когда ихъ волновали политическія соображенія.

— Я бы этого стараго Манюшку (презрительное отъ «Эмманюэль») за ноги повѣсилъ! Просто всю картину испакостилъ, подлецъ!—шепнулъ мнѣ на ухо тотъ самый Лампадниковъ, который помогалъ начальнику края примирять враждующія стороны.

— Я просто не знаю, что̀ дѣлать,—нашептывалъ мнѣ съ другой стороны начальникъ края:—правленіе губерніей сдѣлалось рѣшительно невозможнымъ!

— Я полагаю, ваше превосходительство...

— Вотъ вы увидите, что̀ они на предстоящихъ выборахъ надѣлаютъ!

— Я полагаю, ваше превосходительство, что относительно этихъ обывателей надлежитъ быть строже!—осмѣлился замѣтить я, возмущенный всѣмъ мною видѣннымъ и слышаннымъ.—Необходимо, чтобъ они всегда чувствовали руку надъ собой...

— Нельзя, mon cher!—отвѣчалъ онъ мнѣ рѣшительно.—Зайдите ко мнѣ завтра утромъ, и я объясню вамъ подробно, où nous en sommes!

— N'est-ce pas quel esclandre?—обратилась ко мнѣ губернаторша:—ces vieux grigous qui se donnent des airs!

— Ахъ, матушка!—прервалъ ее губернаторъ.

— Да помилуй, Nicolas!

— Ахъ, матушка!—вновь настаивалъ губернаторъ.

— Папасецка! ты навѣрное этихъ гьюбіяновъ въ тюйму посадишь?—сказала старшая губернаторская demoiselle, подлетѣвшая къ намъ въ эту минуту и имѣвшая обыкновеніе при постороннихъ картавить, какъ маленькій ребенокъ.

— Ахъ, матушка!—опять возразилъ губернаторъ.

Губернаторша и ея demoiselle спѣшили удалиться, потому что по опыту знали, что когда губернаторъ начнетъ говорить: «ахъ, матушка!» то изъ него ужъ ничего, кромѣ этихъ словъ, и не выбьешь. Въ этомъ отношеніи онъ нѣсколько

Digitized by Google

походилъ на попугая: вдругъ нападетъ на него стихъ говорить: «нельзя-съ»—ну, цѣлый день и говоритъ: «нельзя-съ»; въ другой разъ вздумаетъ говорить: «закона нѣтъ»—такъ и пойдетъ на цѣлый день: «нѣтъ закона». До такой степени зарапортуется, что даже когда докладываютъ, что кушанье подано, онъ все-таки кричитъ: «нѣтъ закона!»

— Ахъ, Nicolas, какой ты разсѣянный!—замѣтитъ, бывало, губернаторша.

— Ахъ, матушка!—возразитъ губернаторъ, и съ этой минуты, вмѣсто «нѣтъ закона», почнетъ пилить: «ахъ, матушка!»

Надо сознаться, что съ непривычки это крайне затрудняетъ сношенія съ нашимъ начальникомъ края, а незнакомыхъ съ его обычаями повергаетъ даже въ крайнее изумленіе. Я помню, одинъ эстляндскій баронъ, пріѣхавшій изъ-за двѣсти верстъ жаловаться, что у него изъ грунтового сарая двѣ вишни украли, даже страшно оскорбился, когда начальникъ губерніи, вмѣсто всякой резолюціи, сказалъ ему: «ахъ, матушка!»—и чуть ли даже не хотѣлъ довести объ этомъ до свѣдѣнія высшаго начальства.

— На что это похоже,—сказалъ онъ мнѣ:—у него ищутъ правосудія, а онъ: «ахъ, матушка!»

Но когда присмотришься къ людямъ, когда поймешь, что все это отъ незлобивости происходитъ, тогда все сдѣлается ясно, и въ сношеніяхъ никакой помѣхи происходить не будетъ.

Вокругъ по залѣ пронесся зловѣщій шопотъ. Пьеръ Уколкинъ, цвѣтъ и надежда нашей молодежи, весь взволнованный, переходилъ отъ одного гостя къ другому и таинственно передавалъ какую-то новость. «Телеграфическая депеша! телеграфическая депеша!»—слышалось всюду, и внезапно, вопреки всѣмъ приличіямъ, по угламъ образовались кружки, такъ что губернаторское семейство осталось совершенно одинокимъ по срединѣ залы.

— Да что тамъ такое?—спросилъ меня губернаторъ, встревоженный горькимъ предчувствіемъ.

Губернаторша озиралась во всѣ стороны; губернаторскія demoiselles съ изумленіемъ смотрѣли на мать, какъ бы говоря: maman, maman! да что-жъ мы не танцуемъ!

— Господа! ваше поведеніе крайне изумляетъ его превосходительство!—сказалъ я, подходя къ той группѣ, въ которой ораторствовалъ Пьеръ Уколкинъ.

— Шт... le gouverneur est flambé!—отвѣчалъ Уколкинъ.

Digitized by Google

Я не понялъ: я все еще думалъ, что рѣчь идетъ объ этой поганой исторіи между Сидоромъ Петровичемъ и Эмманюелемъ Иванычемъ, и поспѣшилъ выразить все мое изумленіе.

— Mais non, il ne s'agit pas de cela!—шопотомъ сказалъ мнѣ Уколкинъ:—je vous dis que le gouverneur est flambé!

Въ глазахъ у меня завертѣлись зеленые кружки. Съ одной стороны: «бѣдный старикъ!»—съ другой стороны: «чортъ возьми, нельзя ли какъ-нибудь мнѣ на его мѣсто?»—все это страннымъ образомъ перемѣшалось въ моей головѣ. Во всякомъ случаѣ, я былъ крайне смущенъ, ибо на мнѣ лежала тяжкая обязанность предувѣдомить обо всемъ губернатора. Къ счастью, ее добровольно принялъ на себя Лампадниковъ.

— Ваше превосходительство!—сказалъ онъ:—въ древности знаменитѣйшіе философы, будучи настигаемы ударами судьбы, вѣнчали себя розами...

Кругомъ оратора мало-по-малу образовалась толпа.

— Ваше превосходительство! отъ лица всего общества принимаю смѣлость выразить вамъ наше соболѣзнованіе!—вмѣшался Пьеръ Уколкинъ.

Губернаторъ все еще хлопалъ глазами.

— Vous n'êtes plus gouverneur!—шепнулъ я ему на ухо.

Губернаторъ не изумился, не заплакалъ и не закричалъ. Онъ только инстинктивно расшаркался и сказалъ:

— Честь имѣю поздравить!

— Mais qu'est-ce que c'est donc cela? mais qu'est-ce qu'ils ont, Nicolas?—приступала губернаторша.

— Честь имѣю поздравить!—повторилъ губернаторъ.

— Mais dites donc! mais dites donc!

— Честь имѣю поздравить!—неизмѣнно отзывался губернаторъ на всѣ приставанія.

Легко можно представить себѣ, въ какое положеніе были поставлены присутствующіе! Ясно, что танцы должны были прерваться, ясно, что ужинъ... При этой мысли волосы мои встали дыбомъ.

«Да вѣдь Лампадниковъ говоритъ, что въ древности философы вѣнчались розами,—думалъ я:—стало-быть»...

Но скоро сомнѣнія мои разсѣялись окончательно. Я собственными глазами увидѣлъ, какъ гости одинъ за другимъ брались за шляпы и незамѣтно исчезали.

— Какая неблагодарность!—шептала губернаторша, не объясняя, однакожъ, къ кому относятся ея слова.

Digitized by Google

— Честь имѣю поздравить!—отозвался губернаторъ.— А впрочемъ... увѣнчаемъ себя розами, какъ говоритъ Лампадниковъ! Эй, человѣкъ! шампанскаго!

Но зала была пуста.

— Честь имѣю поздравить!—въ послѣдній разъ уныло повторилъ начальникъ края.

— «Кумиръ развѣнчанный—все Богъ!»

—не безъ иронiи подумалъ я, надѣвая галоши:—однако поужинать такъ-таки и не удалось.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Итакъ, мы не завтракаемъ, не обѣдаемъ и не ужинаемъ. Хотя я самъ отчасти дѣлаю то же самое, но порою, когда голодъ уже слишкомъ настоятельно даетъ себя чувствовать, въ голову мою невольно закрадывается сомнѣніе, дѣйствительно ли мы правы, поступая столь самоубійственнымъ образомъ?

Дѣйствительно ли намъ угрожаетъ опасность?

Дѣйствительно ли міръ погибаетъ подъ гнетомъ новыхъ идей, утопаетъ въ развратѣ реформъ и преобразованій?

Дѣйствительно ли въ воздухѣ пахнетъ фіалками, а не скотнымъ дворомъ?

Оглядываюсь кругомъ себя—и съ удовольствіемъ примѣчаю, что все обстоитъ благополучно. Правда, что появилось множество неслыханныхъ прежде промышленныхъ обществъ, но дѣйствія ихъ ограничивались доселѣ только невыдачею дивиденда простодушнымъ акціонерамъ. Правда, что старики вымираютъ или кротко стушевываются, но молодые, которые взлѣзаютъ на упраздненныя мѣста, отнюдь ихъ не хуже. Въ нихъ тотъ же запахъ, тотъ же вкусъ, та же закваска. Собственно отечество нисколько отъ того не теряетъ.

Скажу болѣе: отечество даже много выигрываетъ.

Мы, старики, смотрѣли на Божій міръ слишкомъ простодушно; мы не строили системъ, не добивались принциповъ; мы жили и дѣйствовали сплеча. Рѣшаясь на что-либо, мы справлялись только о томъ, такъ ли было поступаемо въ подобныхъ случаяхъ прежде; но почему поступалось именно такъ, а не иначе, почему Петръ всегда оказывался правымъ, а Иванъ всегда виноватымъ, почему добродѣтель и смиреніе служатъ украшеніемъ простолюдиновъ, а пороки и непокорливость, не украшая ихъ, служатъ

Digitized by Google

лишь къ огорченію начальства—всѣ эти вопросы, вся эта философія жизни ускользала отъ насъ. Мы благодѣтельствовали единственно по добротѣ сердца, и если были у насъ подъ руками рецепты на различные административные случаи, то это были рецепты, механически списанные изъ домашняго лѣчебника, безъ изслѣдованія причины цѣлительности ихъ свойствъ. Напротивъ того, молодое поколѣніе успѣло привести все это въ ясность, и тамъ, гдѣ мы говорили: «видно, такъ Богу угодно»—сумѣли доискаться до системы, а тамъ, гдѣ мы говорили: «самъ чортъ не разберетъ»—дорылись до принциповъ. Такимъ образомъ, хотя сущность осталась та же, что и прежде, но Иванъ уже знаетъ, почему онъ долженъ оставаться виноватымъ, а простолюдины не оставлены въ невѣдѣніи насчетъ того, что̀ именно должно считаться ихъ украшеніемъ и что̀—посрамленіемъ. Ясно, что жизнь сдѣлалась несравненно болѣе пріятною.

Конечно, нашъ милый грекъ Лампурдосъ справедливо выразился, что безъ системы нельзя, но онъ ошибся, сказавъ, что именно въ настоящее время мы живемъ безъ системы. Удостовѣряю его, что никогда «система» не сказывалась столь настоятельно, какъ въ настоящую минуту. Прежнія системы были не что̀ иное, какъ младенческій лепетъ передъ тѣми, которыя воздвигаются нынѣ.

Но важнѣе всего то, что мы не имѣли понятія о томъ, что̀ такое дисциплина, что̀ такое корпорація. Мы думали, что всякій изъ насъ можетъ дуть въ свою дудку, какъ ему угодно; мы свободно якшались съ суетными и непосвященными; мы охотно прохаживались съ ними по хересамъ, отнюдь не подозрѣвая, что это общеніе пріучаетъ ихъ смотрѣть на насъ какъ на простыхъ смертныхъ и поселяетъ въ нихъ вредную мысль о возможности кормить насъ современемъ подзатыльниками. Напротивъ того, истинный служитель системы всегда живетъ особнякомъ и сохраняетъ гордую неприступность; подобно идолу, онъ стоитъ гдѣ-нибудь въ углу, одѣтый сумракомъ; жрецы (правители канцелярій) сметаютъ съ него пыль, а обыватели только кадятъ и славословятъ—и ничего болѣе.

Такіе истинные служители только теперь нарождаются на Руси и, надо отдать имъ справедливость, понимаютъ свое дѣло отлично. Несмотря на молодость и неопытность, они сразу постигли, что галиматья, взятая сама по себѣ, есть вещь отличная, и что вся штука заключается въ томъ, чтобъ возвести ее въ перлъ созданія. Вотъ они и возводятъ...

Digitized by Google

Итакъ, галиматья осталась, но галиматья, возведенная въ перлъ созданія. Отчего же мы испугались, отчего потеряли аппетитъ, составлявшій доселѣ лучшее украшеніе нашей жизни? Я вамъ скажу—отчего.

Несмотря на дряхлость и истощеніе силъ, мы желаемъ жить. «Послужилъ бы, ей-Богу еще послужилъ бы!»—повторяемъ мы безпрерывно: до такой степени слова «жить» и «служить» сдѣлались въ нашихъ понятіяхъ синонимами. Привыкнувъ дѣйствовать всегда во имя личныхъ ощущеній, мы и на все происходящее въ мірѣ смотримъ въ силу этихъ же ощущеній. Если бы міръ разрушался, но насъ это разрушеніе не коснулось,—мы не почувствовали бы его, мы не ощутили бы ни озлобленія, ни негодованія. Но худо то, что міръ стоитъ, а мы разрушаемся. Это мы уже считаемъ дерзостью, и на все, что не валится кругомъ насъ, смотримъ какъ на посягателей, отнимающихъ наши лакомые куски. Отсюда стоны, раздирающіе воздухъ, отсюда вопли о вторженіи новыхъ идей, угрожающихъ будто бы смертью старымъ порядкамъ.

Исторія эта не новая. Всякій разъ, какъ какой-нибудь Иванъ Петровичъ сходитъ съ дѣятельнаго поприща и на смѣну его является Петръ Иванычъ, мы уже трясемся и надсаживаемъ себѣ грудь, крича, что послѣзавтра имѣетъ быть революція. Кто нашептываетъ намъ эту мысль, кто внушаетъ намъ такое обидное мнѣніе о Петрѣ Иванычѣ—мы и сами затруднились бы объяснить это; но несомнѣнно, что явленіе это повторяется безъ ошибки каждый разъ, какъ на горизонтѣ восходитъ новое свѣтило. Намъ и въ голову не приходитъ, что свѣтило это вовсе даже не свѣтило, а просто-на-просто новый милостивецъ, что ни сущность дѣлъ, ни теченіе ихъ нимало отъ того не измѣняются, и что вся штука ограничивается тѣмъ, что на мѣсто Ивана Петровича, покровительствовавшаго многочисленной династіи Трифонычей, поступилъ Петръ Иванычъ, покровительствующій не менѣе многочисленной династіи Сидорычей. А кто же и въ какія времена могъ уловить политическіе признаки, характеризующіе эти двѣ разновидности?

Трифонычи смѣняютъ Сидорычей, Сидорычи смѣняютъ Трифонычей—вотъ, благодареніе Богу, всѣ перевороты, возможные въ нашемъ любезномъ отечествѣ. Если такая перетасовка картъ можетъ назваться переворотомъ, то, конечно, нельзя не согласиться, что онъ совершается и на нашихъ глазахъ. Пожалуй, можно сказать даже, что въ

Digitized by Google

настоящее время онъ совершается сугубо, потому что на мѣсто старыхъ и простыхъ Трифонычей поступили Трифонычи молодые, сугубые, махровые.

Но вопросъ не въ этомъ; вопросъ въ томъ, слѣдуетъ ли изъ этой перетасовки заключать, что на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ любезное отечество, будетъ завтра дыра?..

Соображая все вышеизложенное, я нахожу, что мы имѣемъ болѣе причинъ радоваться, нежели унывать. Что нужды, что насъ оттираютъ, а отчасти и умерщвляютъ? Мы обязаны въ этомъ случаѣ позабыть о себѣ и имѣть въ виду одно отечество. Если оно довольно, если преемники наши не только не отступаютъ отъ мудрой политики своихъ предковъ, но даже видимо оную совершенствуютъ— этого достаточно для успокоенія уязвленныхъ сердецъ нашихъ!

Итакъ, забудемъ наши горести и станемъ жуировать жизнью, въ надеждѣ, что доблестные потомки не посрамятъ именъ и дѣлъ доблестныхъ отцовъ своихъ. Благо тому, кто въ этой сладкой увѣренности можетъ встрѣтить тихій закатъ жизни своей! Благо тому, кто, взирая на рѣзвящуюся юность, можетъ безъ озлобленія сказать: «да, и я былъ молодъ! и я въ свое время проказничалъ!»

VI.—Литераторы-обыватели.

Пчелка златая,
Что ты жужжишь?
Все вкругъ летая,
Прочь не летишь?

Конечно, вамъ случалось, читатель, пробѣгать въ газетахъ и журналахъ послѣдняго времени различные «голоса» изъ всевозможныхъ концовъ Россіи: и изъ Рязани, и изъ Елабуги, и изъ Астрахани, однимъ словомъ, отовсюду, гдѣ только слышится человѣческое дыханіе. Вы, вѣроятно, замѣтили также, что характеръ этихъ «голосовъ», «впечатлѣній» и проч. совершенно не тотъ, какимъ отличались подобныя же литературныя произведенія, еще столь недавно находившія себѣ убѣжище въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Въ нихъ уже не идетъ рѣчи о томъ, что вчерашняго числа въ городѣ N выпалъ градъ величиною съ голубиное яйцо, но повѣствуется преимущественно о предметахъ, близко касающихся нашего умственнаго и гражданскаго развитія; о градѣ же хотя и упоминается, но вскользь, и единственно для того, чтобъ заявить, что при

Digitized by Google

единодушныхъ усиліяхъ мѣстныхъ полицейскихъ властей и этотъ бичъ не могъ бы имѣть тѣхъ пагубныхъ для земледѣльца послѣдствій, съ которыми онъ сопряженъ въ настоящее время. Не говорится въ нихъ даже и о томъ, что такого-то числа въ городѣ Б., на бульварѣ, играла музыка бѣлобородовскаго пѣхотнаго полка, а господа офицеры наслаждались благопріятною погодой и очаровывали дамъ своимъ благонравіемъ; напротивъ того, если порою и встрѣчается разсказъ о какомъ-либо происшествіи подобнаго рода, то и музыка, и самая погода являются здѣсь дѣломъ побочнымъ; главныя же усилія автора направлены къ тому, чтобъ заявить, что во время музыки произведенъ былъ скандалъ, при чемъ прапорщикъ К*** ущипнулъ жену виннаго пристава («не сынъ ли это вышневолоцкаго готтентота?»—спрашиваетъ анонимный корреспондентъ).

Не знаю, какъ кого, а меня это явленіе очень радуетъ. Какъ человѣкъ благонамѣренный и современный, я съ удовольствіемъ взираю, какъ любезное наше отечество полегоньку выворачивается наизнанку. И не то чтобъ мнѣ нравился собственно процессъ этого выворачиванія, но я искренно убѣжденъ, что только благодаря ему наша изнанка въ непродолжительномъ времени перестанетъ быть скверною и дырявою, какою была до сихъ поръ, и съ помощью соединенныхъ усилій калужскихъ, рязанскихъ и астраханскихъ корреспондентовъ замѣнится хотя неизящною, но зато несокрушимою подкладкою изъ арестантскаго холста.

И дѣйствительно, многія уже заявленныя въ этомъ смыслѣ попытки самымъ отраднымъ образомъ убѣждаютъ меня, что если корни гласности горьки, то плоды ея отмѣнно вкусны и сладки. Такимъ образомъ, напримѣръ, слѣдя за «голосами изъ Рязани», я съ удовольствіемъ вижу, что городъ этотъ рѣшительными и быстрыми шагами изготовляется къ совершенству. Тамъ процвѣтаетъ женская гимназія; тамъ открыты воскресные классы и публичная библіотека; тамъ, въ Зарайскомъ уѣздѣ, благоденствовали общества трезвости, покуда извѣстный публицистъ и либералъ (по-русски: «свободный художникъ») Василій Александровичъ Кокоревъ (онъ же и мѣстный откупщикъ) своими очаровательными манерами вновь не приковалъ мужичковъ къ кабаку; тамъ, въ недавнее время, устроенъ бульваръ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ со временъ Олега сваливался навозъ («куда же мы теперича навозъ валить будемъ?»—спрашиваютъ другъ друга

Digitized by Google

смущенные обыватели—не-литераторы); тамъ имѣетъ быть выстроенъ, стараніями откупщика, каменный театръ, и носятся даже слухи объ устройствѣ водопровода... Отдыхая сердцемъ на этихъ утѣшительныхъ извѣстіяхъ, я живо представляю себѣ и обывателей города Рязани, спѣшащимъ принесть свою лепту на общественное устройство, и душку-откупщика, устремляющагося выстроить не питейный домъ, какъ бывало прежде, а храмъ искусствъ, въ которомъ будутъ приноситься посильныя жертвы Таліи и Мельпоменѣ! И все это безъ малѣйшаго подзатыльника, безъ самоничтожнѣйшей административной затрещины, по одному только искреннему убѣжденію, что пора и намъ... тово... тово воно какъ оно! И я невольнымъ образомъ восклицаю: «ахъ! если бы можно было умереть въ Рязани!»

Но если хороша Рязань, то не дурна и Калуга. И въ ней съ большимъ рвеніемъ принимаются за анализированіе отечественныхъ нечистотъ, и въ ней болѣзненно звенитъ въ воздухѣ вопросъ о женской гимназіи, и въ ней идетъ усердная очистка улицъ и дѣятельно освобождаются площади отъ наслоившагося на нихъ навоза. Однимъ словомъ, все шло бы хорошо, если бы, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, не подпакостили шесть или семь молодыхъ прогрессистовъ, которые, явясь пообѣдавши въ театръ, неизвѣстно почему вообразили себѣ, что пришли въ баню и начали вести себя en conséquence. «Не дурно умереть и въ Калугѣ!»—размышляю я, ибо надѣюсь, что упомянутые прогрессисты потому только дѣйствовали столь безцеремонно, что были пообѣдавши, и что передъ обѣдомъ они парни смирные.

Меня до слезъ трогала полемика между селомъ Ивановымъ и Вознесенскимъ посадомъ. «Коварные вознесенцы!»—восклицалъ я, читая статейку ивановскаго обывателя. «Да куда же, однако, вы лѣзете, ивановцы!»—думалъ я, съ другой стороны, смакуя возраженіе обывателя вознесенскаго. И я до сихъ поръ не могъ уяснить себѣ, въ чемъ заключаются обиды и язвы, которыми преисполненъ этотъ знаменитый споръ двухъ муниципій, но лицамъ, имѣющимъ чувствительное сердце, не совѣтую читать относящіеся до него документы, такъ какъ чтеніе это можетъ довести до идеи о самоубійствѣ.

Вотъ сладкіе плоды гласности! Подобно лирѣ Орфея, она приводитъ въ движеніе утесы, въ гранитности которыхъ никто доселѣ не сомнѣвался, и заставляетъ плясать без-

Digitized by Google

словесныхъ, которые до настоящей минуты паслись по привольнымъ равнинамъ обширнаго нашего отечества. Подъ вліяніемъ тихаго ея вѣянья умственныя тундры нашихъ бюрократовъ населяются цвѣтами проектовъ и предположеній, а сердца обывателей воспламеняются неутолимою жаждой просвѣщенія и добровольныхъ пожертвованій. Подъ сѣнью ея весело засыпаютъ всѣ «Ивановы», «Батраковы», «Калужане», «Угличане», «Проѣзжіе», «Прохожіе», въ сладкомъ убѣжденіи, что и они не безполезные члены общества, что и имъ удалось пролить капельку въ обширную лахань родного преуспѣянія.

И если противники гласности указываютъ мнѣ на какой-то Краснорѣцкъ, гдѣ будто бы и до сихъ поръ, подобно вѣтру пустынь, рыскаетъ по улицамъ Рыковъ, сокрушая зубы попадающимся навстрѣчу обывателямъ, то я отнюдь не смущаюсь этимъ обстоятельствомъ. Во-первыхъ, разсуждаю я, свѣту истины не суждено проникать съ одинаковою легкостью во всѣ закоулки земного шара, и если существуютъ на свѣтѣ цѣлыя страны, погруженныя въ скверну исламизма, то почему же Краснорѣцку не быть погруженнымъ въ скверну зуботычинъ? Во-вторыхъ, если Рыковъ и дѣйствительно не внемлетъ спасительнымъ увѣтамъ гласности, то это составляетъ лишь частный случай, доказывающій, что голова Рыкова подобна каменоломнѣ, для разработки которой потребенъ желѣзный ломъ, а не гласность. И въ-третьихъ, наконецъ, что̀ значитъ мрачный скрежетъ зубовъ одинокаго Краснорѣцка передъ радостными кликами, раздающимися въ пользу гласности въ Пензѣ, Тамбовѣ и другихъ центрахъ отечественнаго просвѣщенія?

И не обращая болѣе вниманія на унылый Краснорѣцкъ, я съ сердечнымъ замираніемъ жду каждаго новаго нумера «Московскихъ Вѣдомостей». Изъ нихъ я узнаю, во-первыхъ, что у насъ въ городѣ Глуповѣ городничій совсѣмъ отъ рукъ отбился: на главной площади лежитъ кучами навозъ; по улицамъ ходятъ стаями собаки, готовыя растерзать всякаго indiscret; въ трактирахъ—вонь и мерзость; торгующее сословіе продаетъ втридорога и притомъ дурной товаръ; въ довершеніе же всего, на-дняхъ виденъ былъ на небѣ метеоръ, но никто не заблагоразсудилъ обратить на него вниманіе, ибо купцы и мѣщане въ это время ужъ спали, а городничій и прочіе аристократы играли въ карты. «Да, братъ, плохъ ты, совсѣмъ, старикъ плохъ! — обращаюсь я мысленно къ глуповскому городничему. — Пора

Digitized by Google

бы тебѣ въ отставку, да съ женой на печку спать!» Во-вторыхъ, я узнаю, что въ городѣ Нововласьевскѣ былъ предложенъ обществу вопросъ о женскомъ училищѣ, но общество оказало при этомъ не только равнодушіе, но даже невѣжество, соединенное съ тупоуміемъ; городничій, какъ урожденный насадитель просвѣщенія, простеръ-было десную свою, чтобъ учинить бородотрясеніе одному изъ ревнителей тьмы, но долженъ былъ остаться при одномъ намѣреніи, ибо общество единодушно оскалило зубы. «Да, братъ,— обращаюсь я мысленно и къ нововласьевскому городничему:—лѣтъ шесть тому назадъ, попытки твои, всеконечно, увѣнчались бы успѣхомъ: и бороды были бы вытрясены, и Нововласьевскъ не остался бы безъ просвѣщенія, а теперь вотъ... ахти-хти-хти!» И еще, наконецъ, узнаю, что въ окрестностяхъ города Ляказина ухаетъ въ болотѣ какая-то птица; что крестьяне въ одинъ голосъ говорятъ, что это ухаетъ лѣшій и предвѣщаетъ войну, а исправникъ и не думаетъ объ истребленіи этихъ предразсудковъ, какъ будто бы это и не его дѣло!

Прочитавши все это, я ощущаю спокойствіе во всемъ моемъ организмѣ. Я убѣждаюсь до очевидности, что нѣтъ уголка на Руси, который не имѣлъ бы своего пѣснопѣвца, карателя пороковъ и оградителя чистоты и невинности; что десница его оградитъ меня въ моихъ странствіяхъ и удержитъ станціоннаго смотрителя отъ отказа мнѣ въ лошадяхъ, если сіи послѣднія дѣйствительно находятся налицо, а не въ разгонѣ. Я сознаю себя безопаснымъ; я чувствую, что могу жить и дышать свободно; что если кровожадный откупщикъ отпуститъ мнѣ скверной водки, то не останется безъ обруганія; что если ночью на улицѣ нападутъ на меня собаки, то бдительный градоначальникъ выскочитъ изъ-за угла и не допуститъ растерзать меня; что если у меня въ домѣ случится пожаръ, то мѣстная пожарная команда распорядится мною и моимъ имуществомъ прежде даже, нежели я о томъ провѣдаю.

Вотъ сладкіе плоды гласности!—снова восклицаю я и, полный прочитаннаго, спокойно засыпаю себѣ съ «Московскими Вѣдомостями» въ рукахъ, а во снѣ, между тѣмъ, безчисленными группами возстаютъ передо мной все новыя и новыя родныя срамоты!

Не могу до сихъ поръ позабыть то ужасное, потрясающее дѣйствіе, которое произвело въ нашемъ родномъ городѣ Глуповѣ полученіе первой обличительной статьи, на-

Digitized by Google

правленной противъ нашего градоначальника. Погода въ этотъ день стояла тихая и радостная: дороги были въ самомъ исправномъ положеніи, и почта по этому случаю пришла необыкновенно рано, какъ бы сговорившись съ редакціей «Московскихъ Вѣдомостей», чтобъ сколь возможно неотложнѣе поразить нашъ городъ скорбью. Почтенный нашъ градоначальникъ, какъ нарочно, всталъ утромъ съ постели правой ногой и, будучи въ отличномъ расположеніи духа, отправился обрѣзывать сухіе сучья у недавно посаженныхъ имъ яблонь; супруга его, сидя на крылечкѣ, варила варенье изъ только-что поднесенной ей сочной и крупной клубники; маленькій Коля и крохотная Ляля прыгали и рѣзвились, поминутно перебѣгая отъ нѣжно любимой баловницы-матери къ строгому, но справедливому отцу.

— Мамаса! эту клубнику купецъ пьисьяй? — пищала суетливая, отъ природы надѣленная замѣчательнымъ хозяйственнымъ взглядомъ Леля.

— А вцеласнее сѣно папасѣ Иванъ Ѳомичъ пьисьяй!— задумчиво разсуждалъ Коля, заглядѣвшись на вкусныя пѣнки, накипавшія на вареньи.

— Мамаса! это за то, стобъ папаса Андьюску ихняго высѣкъ?—допытывалась рѣзвая Ляля.

— Цыцъ, пострѣлята!—отозвался нашъ градоначальникъ, вслушавшись въ долетавшіе до него отрывки невиннаго дѣтскаго разговора.—Уйми ты ихъ, сударыня! Этакъ они, пожалуй, при губернаторѣ сдуру ляпнутъ!

Однимъ словомъ, все здѣсь дышало идилліей, но не той приторно-сладкой идилліей, въ которой дѣйствующими лицами являются разрумяненные пастухи и пастушки, а нашею родною, отечественною идилліей, которая преимущественно избираетъ себѣ убѣжище въ самомъ сердцѣ полиціи (по пословицѣ: «невинное къ невинному льнетъ»), и въ которой замѣчается полное отсутствіе барашковъ (барашки эти, въ видѣ брюхастыхъ купцовъ и изворовавшихся мѣщанъ, обыкновенно пасутся тамъ, гдѣ кончается картина, а именно въ глуповскомъ гостиномъ дворѣ),—однимъ словомъ, идилліей, въ которой нерѣдко слышатся доносящіеся съ пожарнаго двора крики: «ай, батюшки, не буду!»

Но въ мірѣ всегда такъ бываетъ, что чѣмъ чище и непорочнѣе невинность, тѣмъ менѣе она пріобрѣтаетъ правъ наслаждаться плодами своей безукоризненности. Невинный ягненокъ едва успѣлъ подойти къ ручью, чтобъ утолить жажду, какъ на него уже наскакиваетъ хищный волкъ и

Digitized by Google

самымъ наглымъ образомъ придирается къ нему, что онъ мутитъ воду («а я совсѣмъ и не мутилъ!»—пищитъ ягненокъ). Въ рѣкѣ Нилѣ безпечно купается бѣдный мальчикъ, а изъ-за камышей уже стережетъ его крокодилъ. Въ городѣ Нововласьевскѣ нѣкоторый фабрикантъ, благодѣтельствуя своимъ меньшимъ братіямъ, дѣятельно выкупаетъ ихъ на волю, какъ вдругъ налетаетъ на него бюрократъ и какъ дважды-два—четыре доказываетъ, что товаромъ симъ спекулировать воспрещается («Ваше превосходительство! позвольте мнѣ двадцать тысячъ на общеполезное устройство пожертвовать!»—какъ бѣлуга реветъ фабрикантъ, силясь освободить попавшую въ капканъ лапу. «Изволь, братецъ»,—отвѣчаетъ его превосходительство). Тѣмъ менѣе долженъ былъ ожидать себѣ отъ судьбы пощады нашъ градоначальникъ, который, несмотря на чистоту своихъ побужденій, все-таки былъ менѣе невиненъ, нежели упомянутые выше ягненокъ, купающійся мальчикъ и нововласьевскій благодѣтельный фабрикантъ. И дѣйствительно, царствовавшая въ городническомъ домѣ съ утра идиллія была возмущена самымъ неожиданнымъ образомъ, и крокодиломъ на этотъ разъ явился уѣздный стряпчій.

Стряпчій вбѣжалъ прямо въ садъ, какъ говорится, словно съ цѣпи сорвался.

— Необыкновенная вещь! удивительная вещь!—во все горло кричалъ онъ, еще издали махая только-что полученнымъ нумеромъ газеты.

У градоначальника во рту сдѣлалось горько: ему представилось, что въ рукахъ у стряпчаго указъ губернскаго правленія о преданіи его за невинность суду, и вдругъ, не болѣе какъ въ нѣсколько секундъ, онъ пережилъ всю прежнюю жизнь свою.

— Что такое? что такое?—могъ онъ только проговорить, устремляясь навстрѣчу гостю.

— Вотъ ужъ подлинно гость хуже татарина!—ворчала, между тѣмъ, градоначальница, которая отъ испугу чуть-чуть не выронила изъ рукъ тазикъ съ вареньемъ.

— А вотъ-съ, прочтите-съ!—отвѣчалъ стряпчій, тыкая пальцемъ въ одно мѣсто развернутаго листа.

Въ этомъ мѣстѣ было изображено:

«Что сказать вамъ о нашемъ городѣ? Несмотря на всеобщее стремленіе къ преуспѣянію, у насъ оказывается полное равнодушіе къ общественнымъ интересамъ, а въ кругу нашихъ аристократовъ только и слышатся что толки о вче-

Digitized by Google

рашнемъ преферансѣ. Грустно! За доказательствами, впрочемъ, ходить не далеко. Въ недавнее время былъ въ нашемъ городѣ пожаръ; сгорѣли холостыя постройки при домѣ мѣщанки Залупаевой, и какъ бы вы думали, кто послѣдній явился на пожаръ? Стыжусь за свой городъ, но изъ уваженія къ истинѣ (amicus Plato, sed magis amica veritas) долженъ во всеуслышаніе объявить, что послѣднею прибыла наша пожарная команда, и притомъ прибыла въ то время, когда пожаръ былъ окончательно потушенъ усиліями частныхъ лицъ. Говорятъ, будто городничій былъ въ то время на пулькѣ у одного изъ нашихъ аристократовъ и не могъ оторваться отъ интересной игры; говорятъ, будто и пожарная команда была занята совсѣмъ другимъ дѣломъ... Мало ли что говорятъ! Поневолѣ вспомнишь описанный въ вашей многоуважаемой газетѣ пожаръ въ городѣ А**, во время котораго начальникъ губерніи дѣйствовалъ лично, и притомъ съ такимъ самоотверженіемъ, что у него обгорѣли фалды! А пора бы, кажется, и намъ!»

Туземецъ.

Когда нашъ градоначальникъ прочелъ эту рацею, окружающіе предметы внезапно исчезли изъ глазъ его и воздухъ наполнился зелеными струистыми кругами, которые то отдѣлялись другъ отъ друга, то снова сплывались. За ними, словно сквозь дымку, виднѣлась черная пропасть, изъ которой грозилось губернское начальство. Уничтоженный и ошеломленный, стоялъ онъ, выпустивъ газету изъ рукъ и ухватясь за фалды. Конечно, въ эту минуту онъ ничего такъ страстно не желалъ, какъ того, чтобъ глупыя его фалды сгорѣли до тла, и онъ уподобился бы тому герою, который прославилъ собою городъ А**.

— Что тамъ за глупость еще написана?—вступилась градоначальница.—Ляля! подай-ка сюда газету!

— Да-съ, пощелкиваютъ-таки нашего брата!—задумчиво замѣтилъ стряпчій.—Эта гласность, доложу вамъ, словно тля: разъ заведется,—такъ и съѣстъ поѣдомъ человѣка до тла!

— Да и вы хороши, разбѣжались смаху, точно и Богъ знаетъ радость какую принесли!—колко отозвалась градоначальница.—Это все, я думаю, учителишки пакостятъ!

Голосъ дорогой супруги возвратилъ градоначальника къ сознанію горькой дѣйствительности, но этотъ возвратъ выразился въ немъ какъ-то безпорядочно.

Digitized by Google

— Желалъ бы я! желалъ бы я!—вдругъ вскрикнулъ онъ такимъ неестественнымъ голосомъ, что стряпчій затрясся и поблѣднѣлъ какъ полотно, а дѣти въ испугѣ заметались и, въ довершеніе всего, разразились самымъ неистовымъ плачемъ.

Вѣроятно, онъ имѣлъ намѣреніе выразить этимъ восклицаніемъ, что желалъ бы знать, кто былъ неизвѣстный составитель пасквиля, но по стиснутымъ кулакамъ можно было догадываться, что восклицаніе имѣло и другой смыслъ.

— Я тебѣ говорю, что это учителишки пакостятъ!—отозвалась градоначальница, которая одна не потеряла присутствія духа.

— Живъ не хочу быть, коли не изуродую!—вопіялъ градоначальникъ.

— А я бы на вашемъ мѣстѣ презрѣлъ-съ! — замѣтилъ стряпчій.

— Нѣтъ, ужъ это аттанде! Истиннымъ Богомъ клянусь, что зубы въ пепелъ обращу!

— Еще неизвѣстно, какъ губернское начальство посмотритъ!—благоразумно увѣщавалъ стряпчій.—Съ слѣдующей же почтой запросца надо ожидать-съ!

— Ну, что-жъ, я такъ и отвѣчу, что распоряженіе сдѣлано!

— Ну, да-съ... а все-таки будто сомнительно! Нынче, Ѳедоръ Ильичъ, пасквилянты-то не долу смотрятъ, а больше взодравши носъ ходятъ! Я съ своей стороны полагалъ бы не горячась, а исподволь... домашними средствами... черезъ часъ по ложкѣ...

— А что ты думаешь, вѣдь Иванъ-то Пахомычъ правду говоритъ!—замѣтила градоначальница.

— Сквозь строй жизненныхъ обстоятельствъ пропустить,— задумчиво пояснилъ свою мысль стряпчій:—чтобъ человѣка сего, такъ сказать, постепенными и неторопливыми мѣрами огня и воды лишить... Такъ-то-съ!

— Понимаю,—отвѣчалъ градоначальникъ.

— Напримѣръ, если этотъ человѣкъ имѣетъ привычку прогуливаться, можно неизвѣстныхъ людей на него напустить, которые, будто пьяные, могутъ легонько бока ему помять, а потомъ скрыться-съ!

— Понимаю,—сказалъ градоначальникъ.

— Ахъ, это безподобно!—воскликнула градоначальница.

— Или, напримѣръ, Яшку-вора научить, чтобъ онъ у того человѣка въ квартирѣ пошарилъ!

— Понимаю!

Digitized by Google

— Или, напримѣръ...

— Понимаю!—воскликнулъ градоначальникъ, переходя отъ уныніе къ восторгу и благодарно сжимая въ рукахъ своихъ обѣ руки стряпчаго.—Анна Петровна! водки и закусить!

— Такъ-то лучше будетъ!—задумчиво заключилъ стряпчій.

Выпивши и закусивши, градоначальникъ нашъ, по обычаю, отправился пѣшкомъ осматривать городъ, и глуповскіе мѣщане могли собственными глазами убѣдиться, что въ лицѣ его было что-то ангельское. Въ этотъ достопамятный день въ городѣ Глуповѣ не было разбито ни одной рожи, а торговля и промышленность внезапно процвѣли яко кринъ сельный. Пришедши въ лавку мясника Брадищева и увидѣвъ, что мясо покрыто не холстомъ, а грязной рогожей, градоначальникъ не полѣзъ на хозяина, какъ озаренный, но кротко и учтиво сказалъ, что говядина, любезный мой, по Своду Законовъ, должна быть чистымъ полотенцемъ покрыта. «Это не я, милый мой, говорю, а Сводъ Законовъ!»—На такую рѣчь Брадищевъ могъ лишь выпучить глаза, какъ бы говоря ими: «да что-жъ ты по зубамъ-то меня не бьешь?» Но и за всѣмъ тѣмъ градоначальникъ не воспользовался своимъ правомъ, а только вздохнулъ и отправился тихимъ манеромъ въ лавку мясника Усачева, гдѣ также дѣйствовалъ кроткими мѣрами убѣжденія.

На возвратномъ пути изъ обзора встрѣтился исправникъ, который, по всему было видно, поспѣшалъ къ Ѳедору Ильичу, чтобъ подѣлиться съ нимъ свѣжею новостью и сообща пособолѣзновать.

— Скажите, какая новость!—крикнулъ онъ ему съ дрожекъ, остановивъ на минуту ретивую пару кругленькихъ саврасокъ.

Но Ѳедоръ Ильичъ, не прекращая шествія, лишь улыбнулся кротко и махнулъ рукой.

— Да стойте же!—закричалъ ему вслѣдъ исправникъ.—На пулькѣ-то сегодня будете?

Градоначальникъ остановился и нѣсколько секундъ пребывалъ въ мучительной борьбѣ съ самимъ собою.

— Буду!—сказалъ онъ, наконецъ, рѣшительно и плюнулъ при этомъ въ сторону, какъ бы отбиваясь отъ дьявольскаго наваженія.

— То-то же,—присовокупилъ съ своей стороны исправникъ:—смотрѣть-то на нихъ нечего!

Вслѣдъ затѣмъ встрѣтился судья, который шелъ пѣшкомъ

Digitized by Google

и, по причинѣ тучности, до того запыхался, что, ставши лицомъ къ лицу съ градоначальникомъ, нѣкоторое время разводилъ только руками. Ѳедора Ильича нѣсколько покоробило.

— Скажите, какая новость!—проговорилъ, между тѣмъ, судья.

— А вамъ что за дѣло?—со злобою отвѣчалъ городничій, и, отвернувшись отъ судьи, пошелъ своею дорогой.

Но не успѣлъ онъ пройти и десяти шаговъ, какъ изъ-за угла вскинулся на него почтмейстеръ.

— Скажите, какая новость!—кричалъ онъ, какъ-то странно всхлипывая.

— Экъ, васъ, чертей, развозило!—процѣдилъ сквозь зубы градоначальникъ, и потомъ, въ свою очередь наскочивъ на почтмейстера, не безъ азарта спросилъ:—Позвольте, Иванъ Максимычъ, вамъ что отъ меня угодно?

— Помилуйте, Ѳедоръ Ильичъ... я ничего-съ... я собственно по чувству христіанскаго человѣколюбія-съ...

— Ну, такъ я вамъ вотъ что скажу: когда про васъ будетъ въ газетахъ написано, что вы на почтовыхъ лошадяхъ по городу ѣздите, что вы съ почтосодержателей взятки берете, что вы частныя письма прочитываете... тогда я вамъ крендель пришлю! А теперь прошу васъ оставить меня въ покоѣ!

Сказавъ это, градоначальникъ почти бѣгомъ побѣжалъ до дому, и только тогда отдохнулъ душой, когда взялся за скобку двери.

Однимъ словомъ, въ средѣ нашей уѣздной аристократіи переполохъ былъ рѣшительный. Каждый изъ членовъ ея счелъ нужнымъ сойти въ глубину души своей и провѣрить свою служебную и даже домашнюю дѣятельность. Оказалось, что дѣло совсѣмъ дрянь выходитъ. Почтмейстеръ простеръ свою щепетильность въ этомъ отношеніи до того, что вдругъ почувствовалъ, будто въ квартирѣ его пахнетъ чѣмъ-то кисленькимъ, и въ ту же минуту приказалъ покурить вездѣ порошками. Окружный начальникъ сначала храбрился и не прочь былъ даже посочувствовать неизвѣстному корреспонденту, но потомъ, пошептавшись о чемъ-то съ исправникомъ, вдругъ поблѣднѣлъ и съ этой минуты началъ звонить во всѣ колокола, что это ни на что не похоже, и что этакъ, чего добраго, незамѣтно можно подорвать величественное зданіе общественнаго благоустройства. Одинъ исправникъ остался совершенно равнодушенъ къ общей

Digitized by Google

тревогѣ, и въ этотъ же вечеръ, обыгравъ, по обыкновенію, своихъ партнеровъ въ карты, съ самымъ убійственнымъ хладнокровіемъ произнесъ: «по мнѣ, лишь бы выигрывать, а затѣмъ милости просимъ!.. Хоть въ каждомъ нумерѣ!»

Вѣсть о посрамленіи городничаго дошла и до гражданъ города Глупова, но здѣсь эффектъ, ею произведенный, былъ совершенно особаго рода. Прежде всѣхъ, какъ и водится, узналъ городской голова, къ которому прямо отъ городничаго забѣжалъ стряпчій. Должно-быть, разсказъ стряпчаго былъ особенно умилителенъ, потому что голова, слушая его, совсѣмъ растужился.

— Ишь ты, что!—сказалъ онъ, когда стряпчій кончилъ.—Что-жъ теперича мнѣ-ка дѣлать?

— Да надо бы... тово...

— Опчество собрать, видно, надоть,—продолжалъ голова и жалобно вздохнулъ.

— Общество не общество, а именитыхъ.

Голова вновь вздохнулъ.

— Однако, какъ же это,—произнесъ онъ:—не въ примѣръ, значитъ, прочимъ?

— Ну, такъ что-жъ такое?

— Ничего-съ... я такъ только—къ примѣру, что опчество собрать, видно, надоть... Ничего-съ, можно-съ!

На скорую руку были собраны въ домъ головы именитые, къ которымъ хозяинъ держалъ рѣчь.

— Ну, именитые,—сказалъ онъ:—градоначальника нашего обидѣли... Богъ грѣхамъ терпѣлъ, царь жаловалъ, губерніи начальникъ благодарность объявлялъ, а песъ борзой облаялъ... поди-ткось!..

— Значитъ, смириться должонъ!—произнесъ одинъ изъ именитыхъ.

— Это, Ѳедоръ Аѳанасьичъ, значитъ, для смиренія ему Богъ послалъ,—произнесъ другой.

— Божьи дѣла судить намъ не приходится, — сказалъ голова: — а выраженіе отъ насъ по этому случаю потребуется!

Именитые переглянулись.

— Что-жъ, именитые, почтить начальника въ горести, по мѣрѣ силы-возможности, есть каждаго долгъ и обязанность...

Молчаніе.

— Итакъ, возблагодаримъ Создателя!—произнесъ голова, вспомнивъ, что однажды начальникъ губерніи именно этими словами кончилъ рѣчь свою.

Digitized by Google

И вотъ какимъ образомъ «Московскія Вѣдомости» сдѣлались причиной, что нашъ градоначальникъ былъ въ этомъ году лишній разъ именинникомъ.

Въ этотъ же вечеръ, въ трактирѣ купца Босоногова, собрались всѣхъ шерстей приказные. Разговоръ, какъ и слѣдовало ожидать, шелъ объ афронтѣ, полученномъ городничимъ, но всѣ рѣшительно терялись въ догадкахъ насчетъ сочинителя этого афронта. Споръ шелъ горячій и оживленный: говорили и pro, и contra; находились защитники и у городничаго, но справедливость требуетъ сказать, что бо́льшая часть спорящихъ оказалась приверженною благодѣтельной гласности.

— Нельзя достаточно похвалить неизвѣстнаго корреспондента,—произнесъ секретарь уѣзднаго суда Наградинъ:—въ настоящемъ случаѣ онъ явилъ себя истиннымъ гражданиномъ.

— Лихо откаталъ городничаго!—отозвался столоначальникъ Благолѣповъ.

— Чего ужъ откаталъ: въ самое рыло угодилъ!—присовокупилъ секретарь магистрата Столпниковъ.

— Не объ откатаніи идетъ здѣсь рѣчь,—замѣтилъ Наградинъ:—ибо статья написана безъ излишествъ, и истина является въ пристойномъ ей одѣяніи. Достохвально то, что неизвѣстный корреспондентъ отважился взять на себя защиту правъ человѣчества противъ посягательства лица сильнаго и власть имѣющаго!

— Не могу, однакожъ, не сказать, что неизвѣстный поступилъ крайне неосторожно,—возразилъ секретарь полиціи Попковъ:—ибо городничій, какой бы онъ ни былъ, все-таки—установленная власть!

— Патрона своего защищаете, почтеннѣйшій?

— Нѣтъ, не патрона защищаю, а сужу дѣло по существу!

— Нѣсть власть, аще не отъ Бога!—вздохнувъ, сказалъ архиваріусъ Пульхеровъ и какъ-то тоскливо заглянулъ въ слѣдующую комнату, гдѣ на большомъ столѣ, въ симметрическомъ порядкѣ, красовались графины съ различными сортами водокъ.

— Противъ этого не возражаю, но не могу отъ себя не замѣтить, что и въ Писаніи не похваляются глупыя дѣвы, погасившія свѣтильникъ; въ настоящемъ же случаѣ градоначальникъ нашъ едва ли не уподобился означеннымъ глупымъ дѣвамъ.

Digitized by Google

При этихъ словахъ въ залу трактира вошло новое лицо; при появленіи его, собесѣдники значительно переглянулись, какъ будто бы всѣхъ ихъ озарила одна и та же мысль. И дѣйствительно, вошедшій былъ не кто иной, какъ учитель глуповскаго уѣзднаго училища, Корытниковъ.

— Иванъ Ѳомичъ! милости просимъ побесѣдовать!—радушно пригласилъ Столпниковъ.

Корытниковъ былъ еще молодой малый, только-что преодолѣвшій трудности гимназическаго курса. Поселившись въ Глуповѣ съ недавняго времени и имѣя слишкомъ ограниченныя средства жизни, онъ вообще рѣдко показывался въ обществѣ; но на этотъ разъ почему-то нашелъ нужнымъ измѣнить своей обычной нелюдимости и, войдя въ трактиръ, обнаружилъ особенную потребность къ душевнымъ изліяніямъ. Онъ выступалъ какою-то смѣлою, бойкою поступью и все его молодое лицо какъ будто свѣтилось улыбкою.

— Что, господа, не о сегодняшнемъ ли нумерѣ газеты разсуждаете?—спросилъ онъ.

— Вообще о гласности,—отвѣчалъ Наградинъ.—Желательно бы знать мнѣніе ученаго сословія на этотъ счетъ.

— А что, ловко статейка написана?—спросилъ Корытниковъ, котораго, повидимому, болѣе интересовало впечатлѣніе, произведенное статьею, нежели отвлеченныя разсужденія о послѣдствіяхъ гласности.

— Нечего сказать, лихо откаталъ неизвѣстный!—отозвался Благолѣповъ.

— Угодилъ въ самое рыло! — повторилъ Столпниковъ, которому, очевидно, понравилось это выраженіе.

Корытниковъ, смѣясь, пожалъ Столпникову руку.

— Я, господа, такъ разсуждаю, что настоящее время—самое благопріятное для гласности!—сказалъ онъ, становясь въ позу и незамѣтно впадая въ дидактизмъ. — Для Россіи наступаетъ, такъ сказать, эпоха очищенія. Потребность очищенія чувствуется повсюду: она разлита въ воздухѣ; она проникаетъ всѣ слои нашего общества; она до такой степени присуща всѣмъ намъ, что если я, напримѣръ, встрѣчаю на улицѣ подлеца, то не могу воздержать себя, чтобъ не высказать ему во всеуслышаніе, что онъ подлецъ!

— Не будетъ ли слишкомъ шибко?—возразилъ Попковъ, сомнительно посмѣиваясь.

Digitized by Google

— Нѣтъ, это будетъ только священною обязанностью со стороны каждаго гражданина, сознающаго свой долгъ въ отношеніи къ обществу! Я убѣжденъ, если всѣ мы будемъ такъ дѣйствовать и мыслить, то очевидно, что подлецамъ, негодяямъ и тунеядцамъ невозможно будетъ существовать на свѣтѣ! Единодушія, милостивые государи, единодушія требуетъ отъ васъ страждущее общество! И вы сами изумитесь, какъ скоро и какъ естественно воцарятся на землѣ добро и истина!

— И подлецовъ будутъ по рылу бить! — воскликнулъ Благолѣповъ, весело подпрыгивая.

— А учителя и архиваріусы будутъ господствовать!— задумчиво замѣтилъ Пульхеровъ, почесывая себѣ колѣнки.

Всѣ засмѣялись.

— Позвольте, господа!—отозвался Наградинъ:—заключеніе Ивана Ѳомича хотя и нельзя признать безусловно вѣрнымъ (ибо подлецы бываютъ тѣлосложенія различнаго, и не всякій изъ нихъ допуститъ сказать ему въ лицо слово истины!), но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя и отрицать, что обличеніе, выраженное въ формѣ легкаго нравоученія, несомнѣнно должно принести пользу. Съ этой точки зрѣнія я не могу не радоваться, что и нашъ родной Глуповъ нашелъ своего дѣписателя.

— А что, вѣдь ловко статейка написана?

— И ловко, и благоразумно... нѣтъ недостатка въ словесныхъ украшеніяхъ, но нѣтъ и излишествъ...

Корытниковъ, при такой похвалѣ, весь вспыхнулъ отъ наслажденія.

— Однимъ словомъ, — продолжалъ Наградинъ: — если неизвѣстный сочинитель скрываетъ себя въ лицѣ вашемъ, то позвольте привѣтствовать васъ и поздравить съ успѣхомъ!

Наградинъ протянулъ руку Корытникову, а за нимъ и всѣ прочіе бросились поздравлять его. Со всѣхъ сторонъ посыпались восклицанія и радостные возгласы, при чемъ Столпниковъ не преминулъ въ третій разъ сказать:—«угодилъ въ самое рыло!» Одинъ Попковъ смотрѣлъ какъ-то сумрачно исподлобья.

— Вы угадали, господа, — сказалъ Корытниковъ взволнованнымъ голосомъ:—авторъ статьи, вызвавшей ваше сочувствіе, дѣйствительно я! Но не могу не оговориться при этомъ, что я дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ не самъ собою; я былъ не что иное, какъ орудіе, выразившее общую потребность! Повторяю, господа, времена созрѣли! Умолчи

Digitized by Google

я, несомнѣнно нашелся бы другой, который, быть-можетъ, еще съ бо́льшей рѣзкостью выразилъ бы чувства общаго негодованія! Такъ или иначе, но ка́ра была неизбѣжна—таковъ непреложный законъ общественной Немезиды!

— Это справедливо! — выразился Наградинъ, какъ бы давая тѣмъ почувствовать, что и онъ не прочь бы попытать счастія на поприщѣ гласности.

— Стой, братцы!—воскликнулъ Благолѣповъ:—ужъ коли на то пошло, такъ и я... тово... рѣшился!

— Ура!—загремѣли присутствующіе.

— Давеча прочиталъ я статью Ивана Ѳомича, и вдругъ какъ будто свыше меня озарило! Думаю: катать, такъ катать... чѣмъ наша изба хуже городнической!

— При тебѣ?—лаконически спросилъ Наградинъ.

— При мнѣ-съ,—отвѣчалъ Благолѣповъ, робѣя.

— Послушаемъ,—сказалъ Наградинъ.

Благолѣповъ вынулъ изъ бокового кармана бумагу, откашлялся и совсѣмъ-было приступилъ къ чтенію, но вдругъ смалодушествовалъ и застыдился.

— Валяй!—поощрили присутствующіе.

Благолѣповъ началъ:

«У насъ судья очень хорошій человѣкъ. Тучности столь необыкновенной, что даже когда въ креслѣ сидитъ и ничего не дѣлаетъ, то и тутъ, по времени, столь запыхается, какъ бы верстъ тридцать не кормя сдѣлалъ. А фанты и онъ вынимать мастеръ».

Авторъ остановился.

— Продолжай!—сказалъ Наградинъ.

— Все-съ,—отвѣчалъ смущенный Благолѣповъ.

— Недостаточно,—сказалъ Наградинъ.

— Отдѣлки мало!—отозвался Корытниковъ.—Мысль есть, но не мѣшало бы, такъ сказать, округлить ее, чтобъ она являлась не въ наготѣ, а окруженная приличными аттрибутами!

— У меня еще другое есть написано-съ,—проговорилъ Благолѣповъ.

— Послушаемъ,—произнесъ Наградинъ.

«У насъ засѣдатели хорошіе люди»...

— Это можно измѣнить-съ,—сказалъ онъ, вдругъ остановившись.

— Ничего, продолжай!—сказалъ Наградинъ.

«У насъ засѣдатели хорошіе люди. Придутъ въ судъ и ковыряютъ въ носу, доколѣ секретарь не сунетъ въ руки

Digitized by Google

докладного и не заставитъ резолюціи переписывать. Одинъ, на-дняхъ, началъ съ оборота листа переписывать, и симъ образомъ весь докладной перепакостилъ»...

— А вѣдь это истинное происшествіе! — прервалъ Наградинъ, снисходительно улыбаясь.

...«и симъ образомъ весь докладной перепакостилъ. Другой, дабы избѣжать надзора секретаря, почасту выбѣгаетъ изъ присутствія въ сторожевскую и услаждаетъ свой вкусъ неприхотливой бесѣдой со сторожами и приводимыми арестантами. Прелюбопытно это видѣть, какъ они сидятъ на своихъ мѣстахъ, уткнувшись въ докладные, и, держа перья всѣми пальцами (на манеръ малолѣтнихъ), пыхтятъ и отдуваются, машинально списывая резолюціи съ заготовленныхъ нарочито лоскуточковъ, межъ тѣмъ какъ мысли ихъ заняты совсѣмъ не отправленіемъ суда, а предстоящими щами и кулебякой!»

— Тутъ есть уже фактъ,—сказалъ Наградинъ, между тѣмъ какъ присутствующіе единодушно смѣялись.

— И все-таки голо!—отозвался Корытниковъ.

— Помилуйте! отчего же-съ? — возразилъ Благолѣповъ, нѣсколько обиженный.

— Обработки мало!

— Съ этимъ, конечно, нельзя не согласиться,—сказалъ Наградинъ:—но въ сравненіи съ первой статьей успѣхъ замѣтенъ.

— По мнѣнію моему, обѣ статьи слѣдовало бы соединить въ одну, и тогда, съ помощью нѣкоторой переработки, можетъ-быть, что-нибудь и выйдетъ! Если авторъ дозволитъ, это можно сейчасъ же.

И такъ какъ Благолѣповъ не возражалъ, то черезъ полчаса, благодаря Корытникову, статья явилась на судъ публики уже въ слѣдующемъ обновленномъ видѣ:

«Въ настоящее время, во всѣхъ концахъ Россіи, всѣ, даже самые отсталые люди, начинаютъ сознавать живую потребность въ судѣ правомъ и нелицепріятномъ. И дѣйствительно, что̀ можетъ быть святѣе, что̀ можетъ быть естественнѣе этой потребности? Но наши глуповцы и тутъ умудрились выдѣлиться изъ общей массы, жаждущей возрожденія! Справедливо гласитъ русская пословица: «не бойся суда, а бойся судьи»; мудрость этого изреченія намъ приходится испытывать на бокахъ нашихъ! Какъ бы вы думали, чьимъ рукамъ ввѣрены у насъ вѣсы Ѳемиды? Я не буду ни слова говорить о личныхъ качествахъ на-

Digitized by Google

шихъ «судей праведныхъ»... Богъ съ ними! Быть-можетъ, всѣ они хорошіе семьяне, подаютъ нищей братіи, неуклонно исполняютъ христіанскія обязанности — все это остается при нихъ! Но способны ли они, но имѣютъ ли они право судить подобныхъ себѣ?—вотъ вопросъ! Для разрѣшенія этого вопроса, позвольте мнѣ представить вамъ портретную галлерею нашихъ «судей праведныхъ». Предупреждаю: не ищите въ этихъ портретахъ остроумія—ищите одну истину, одну голую истину! Судья—отличный человѣкъ: тученъ до того, что даже когда, ничего не дѣлая, сидитъ въ креслахъ, то и тутъ, черезъ какихъ-нибудь полчаса, такъ запыхается, какъ будто не кормя во весь духъ тридцать верстъ проскакалъ. Не дурные люди и засѣдатели: придутъ въ судъ и слоняются изъ угла въ уголъ, покуда секретарь почти насильно не засадитъ ихъ за докладной и не заставитъ резолюціи переписывать. Казалось бы, работа не головоломная, но и тутъ бываютъ смѣхотворные случаи. На-дняхъ одинъ засѣдатель, переписывая съ черновой довольно длинную резолюцію, занимавшую двѣ страницы, что̀ бы вы думали ухитрился сдѣлать? Началъ съ оборота листа, а кончилъ началомъ! И это бываетъ сплошь да рядомъ! А другой засѣдатель, чтобъ избѣжать надзора секретаря, безпрестанно, какъ школьникъ, бѣгаетъ въ сторожевскую, гдѣ проводитъ время въ разговорахъ со сторожами и арестантами. Вообще довольно любопытно заглянуть въ нашъ судъ и видѣть, какъ наши «судьи праведные» сидятъ за докладными и, пыхтя и потѣя, безсознательно списываютъ резолюціи съ листочковъ, на которыхъ онѣ предварительно пишутся секретаремъ, между тѣмъ какъ мысль ихъ «далече отстоитъ» отъ предмета ихъ занятій и поглощена исключительно щами и кулебякой, ожиданіемъ которыхъ уже съ утра раздражено ихъ воображеніе. Таковъ составъ нашего суда! Можно ли послѣ этого удивляться, что если бы не почтенный секретарь суда Р. Е. Н., то у насъ не только праваго, но и никакого суда не было бы. А фанты вынимать и наши судьи мастера!»

— Превосходно!—отозвались присутствующіе.

Наградинъ крѣпко пожалъ руку Корытникову и тутъ же заказалъ для всей компаніи пуншу.

— Я съ своей стороны на передѣлку согласенъ,—отозвался Благолѣповъ:—но зачѣмъ же вы опустили, что засѣдатели въ носу ковыряютъ?

Digitized by Google

— Это подробность, которая мало идетъ къ дѣлу,—отвѣчалъ Корытниковъ.

— Нѣтъ, я не могу съ этимъ согласиться! Нѣтъ, это не подробность, а, такъ сказать, занятіе ихъ жизни! Я требую, чтобъ это обстоятельство не было выпущено изъ вида!

— Что-жъ, Иванъ Ѳомичъ, можно потѣшить малаго! — снисходительно замѣтилъ Наградинъ.

— Я желаю, чтобъ было сказано такъ: «придутъ въ судъ и, *ковыряя въ носу*, слоняются изъ угла въ уголъ»...—настаивалъ Благолѣповъ.

Споръ былъ въ самомъ разгарѣ, когда появился пуншъ. Купецъ Босоноговъ, какъ бы въ ознаменованіе важнаго событія, превзошелъ самого себя, и по комнатѣ внезапно разлился тотъ острый запахъ клоповъ, который, по мнѣнію канцелярскихъ служителей, составляетъ непремѣнное условіе отличнаго пунша.

— Пожалуйте!—сказалъ Наградинъ, привѣтливо приглашая присутствующихъ.

— Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь!—произнесъ Пульхеровъ, вздыхая и почесывая себѣ колѣнки.

— Развѣ за здоровье гласности выпить!—отозвался Столпниковъ.

И вновь полилась шумная бесѣда, вновь полились словоизверженія, словопренія, словоизліянія... И вечеръ кончился бы прекрасно, если бы не подгадилъ предатель Попковъ. Когда ужъ было достаточно выпито, онъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, началъ придираться къ автору.

— А вѣдь ты тово... ты, братъ, сквернословъ!—сказалъ онъ, обращаясь къ Корытникову.

— Господину Попкову, кажется, не нравится статья моя?—возразилъ Корытниковъ, нѣсколько пріосанясь.

— Да ты скажи, чему въ ней нравиться-то? Сквернословіе пополамъ съ пустословіемъ—вотъ и все!

При этихъ словахъ Корытникову сдѣлалось холодно, несмотря на достаточное количество выпитаго пунша. Только теперь онъ сообразилъ, что сдѣлалъ великую глупость, признавъ себя передъ Попковымъ авторомъ непріязненной городничему статьи.

— Я надѣюсь, однако, господа, что здѣсь сидятъ благородные люди, которые не употребятъ во зло моей откровенности!—проговорилъ онъ, нѣсколько заикаясь.

— Держи карманъ, «благородные»!—сказалъ Попковъ, язвительно усмѣхаясь.

Digitized by Google

— Да онъ не скажетъ!—успокаивалъ Наградинъ.

— Анъ скажу! отсохни у меня языкъ, если не скажу!— съ своей стороны увѣрялъ Попковъ.

— Послѣ этого, позвольте мнѣ возразить вамъ, господинъ Попковъ, что вы подлецъ!—сказалъ Корытниковъ, самъ не помня, что говоритъ.

— Ну, и пущай подлецъ!

— Позвольте, однакожъ, просить васъ...

— А коли подлецъ, такъ зачѣмъ у подлеца прощенія просишь?

— Я не прощенія прошу, я прошу...

— Нѣтъ ужъ, сказано: «подлецъ», такъ подлецъ и есть; слѣдовательно и неестественно тебѣ у подлеца прощенія просить!

Однимъ словомъ, Попковъ утвердился на томъ, что онъ «подлецъ», и нашелъ позицію эту столь для себя выгодною, что соединенныя усилія всей компаніи не могли вышибить его изъ нея.

Не могу сказать утвердительно, что произошло послѣ этого, но знаю, что въ скоромъ времени послышались звуки битой посуды, и купецъ Босоноговъ, для собственнаго своего спасенія, вынужденъ былъ преждевременно потушить свѣчи и дать знать въ полицію.

Цѣлую ночь, со связанными назадъ руками, провелъ Корытниковъ въ такъ-называемой сибиркѣ; на нарахъ, занимавшихъ почти все пространство тѣсной и душной каморы, въ которую онъ былъ брошенъ, во всю мочь храпѣла пьяная нищенка, а въ другомъ углу безпокойно метался парень, за полчаса передъ тѣмъ пойманный въ воровствѣ. Напрасно Корытниковъ протестовалъ, напрасно заявлялъ, что онъ учитель, напрасно бранился и угрожалъ: сторожъ сначала только посвистывалъ въ отвѣтъ на его протесты, а потомъ разостлалъ на полу шинель, перекрестился и, затушивъ ночникъ, преспокойно растянулся себѣ на полу.

Бываютъ минуты въ жизни, когда, несмотря на всю очевидность явленія, разсудокъ человѣка упорно отказывается вѣрить въ возможность происходящаго. Кажется, что все это видишь въ какомъ-то страшномъ бреду, въ какой-то горячечной тоскѣ, что вотъ-вотъ пройдутъ горячечные симптомы, и сама собой исчезнетъ эта невозможная, гнетущая обстановка. Игрокъ, окончательно проигравшій все свое состояніе, человѣкъ, сдѣлавшій подлость, въ которой тутъ же его уличили, господинъ, не привыкшій получать по лицу,

Digitized by Google

и получившій, бѣднякъ, у котораго украли послѣдній рубль,—должны именно находиться въ этомъ мучительномъ состояніи невѣрія очевиднымъ свидѣтельствамъ разсудка. Въ такомъ точно положеніи былъ и Корытниковъ. Сначала онъ еще находилъ въ себѣ довольно силы, чтобъ браниться и протестовать, но потомъ, когда сторожъ потушилъ свѣчу, когда камору вдругъ охватилъ со всѣхъ сторонъ густой мракъ, когда кругомъ воцарилась глубокая тишина, нарушаемая лишь безобразнымъ храпомъ пьяной бабы, когда окончательно исчезла надежда услышать откуда-нибудь живое слово, имъ овладѣлъ ужасъ и оцѣпенѣніе. Инстинктивно онъ еще продолжалъ изрѣдка стучать ногами отъ злобы и порывался разорвать веревку, связывавшую его локти, но потомъ опять стихалъ и такъ же инстинктивно началъ то плакать, то скрежетать зубами. Измученнаго физически и нравственно застало его утро.

Когда его привели въ полицію, градоначальникъ нашъ былъ крайне изумленъ и даже огорченъ.

— Ба! Иванъ Ѳомичъ! какими судьбами?—воскликнулъ онъ, простирая къ нему руки.

— Да вотъ, благодаря вашимъ сюррамъ... а быть-можетъ, и лично вамъ,— отвѣтилъ Корытниковъ, и вдругъ загрясся всѣмъ тѣломъ.

— Ахъ, что это за свиньи народъ!—въ отчаяніи закричалъ Ѳедоръ Ильичъ.—Ну, что прикажете съ такими анаѳемами дѣлать! Эй, кто тутъ есть, позвать ко мнѣ старшаго!

— Прикажите, по крайней мѣрѣ, мнѣ руки на первый разъ развязать!—осмѣлился замѣтить Корытниковъ.

— Какъ, и руки связаны! Ну, скажите на милость!— счелъ долгомъ вновь изумиться Ѳедоръ Ильичъ.

Однимъ словомъ, оказалъ отеческую заботливость; назвалъ себя свиньею и старымъ дуралеемъ; извинился за полицейскихъ; извинился чуть не за всю полицію Россійской имперіи. Оказалось, что это было одно недоразумѣніе, происшедшее отъ того, что подлецы полицейскіе не наметались еще отличать людей образованныхъ отъ необразованныхъ. Попкову, какъ главному виновнику недоразумѣнія, была посулена отставка, при чемъ Ѳедоръ Ильичъ энергически погрозилъ ему кулакомъ.

Не стану описывать дальнѣйшихъ приключеній Корытникова; скажу, однакожъ, что программа стряпчаго была не только выполнена, но даже и украшена значительными присовокупленіями. Происшествія и такъ-называемыя исто-

Digitized by Google

ріи какъ будто взапуски ловили бѣднаго публициста; не успѣвалъ онъ освободиться отъ одного казуса, какъ изъза угла ждалъ его уже другой. Явились дѣвицы, которыя положительнымъ образомъ доказывали, что онѣ шли себѣ по ровному мѣсту, и шли бы благополучно такимъ манеромъ и до сей минуты, но, повстрѣчавшись съ Корытниковымъ, вдругъ оступились. Число этихъ оступившихся было такъ велико, что весь городъ отшатнулся отъ виновника столькихъ паденій, а городничиха даже отплевывалась каждый разъ, какъ при ней произносили фамилію Корытникова. Самъ начальникъ края усомнился и счелъ долгомъ пригласить къ себѣ на совѣтъ директора училищъ.

— Что это у васъ въ Глуповѣ... Донъ-Жуанъ какой-то... mille e tre!—сказалъ начальникъ края, кстати вспомнивъ фразу Лепорелло изъ Моцартова «Донъ-Жуана».

— Молодой человѣкъ-съ, ваше превосходительство! — отвѣчалъ директоръ, умильно осклабляясь.

— Однакожъ, все-таки! Александръ Македонскій былъ великій человѣкъ, но зачѣмъ же стулья ломать!—замѣтилъ начальникъ края, вспомнивъ кстати фразу изъ «Ревизора».

— Какъ прикажете, ваше превосходительство!

— Да я полагалъ бы покончить это домашнимъ образомъ... ха-ха!.. mille e tre! Я полагаю, всего лучше перевести его въ другое мѣсто... подальше отъ Дульцинеи!

И такимъ образомъ, en petit comité, былъ рѣшенъ вопросъ о переводѣ публициста Корытникова изъ города Глупова въ городъ Дурацкое-Городище.

Къ чести Корытникова я долженъ сказать, что несправедливость судебъ отнюдь не заставила его упасть духомъ и понурить голову. Проникнутый убѣжденіемъ въ святости своего гражданскаго назначенія, онъ съ легкимъ сердцемъ отправился въ Дурацкое-Городище, твердо увѣренный, что и тамъ найдется мѣщанка Залупаева, и тамъ найдется градоначальникъ, не брегущій о благосостояніи и здравіи пасомаго имъ стада.

Что, если бы Залупаевой не оказалось? Что, если бы градоначальникъ, вмѣсто того, чтобъ играть въ карты, непрестанно тушилъ пожары и ходилъ по городу не иначе, какъ съ обгорѣлыми фалдами? Что, если бы ни одинъ метеоръ, ни одна комета не проходили въ городѣ Глуповѣ незамѣченными? Что, если бы засѣдатели не ковыряли въ носу? Угомонилась ли бы тогда публицистская дѣятельность Корытникова? Произнесъ ли бы онъ тогда: «nunc dimittis!»

Digitized by Google

и обмакнулъ ли бы обличительное перо свое, вмѣсто чернильницы, въ песочницу, въ знакъ того, что дальнѣйшее служеніе его обществу становится безполезнымъ?

Къ общему удовольствію всѣхъ «Проѣзжихъ», «Прохожихъ», «Калужанъ», «Угличанъ» и проч., отвѣтить на эти вопросы столь же мудрено, какъ и на то, когда бы кто, не шутя, спросилъ: что было бы, если бы русскій народъ не былъ мужественъ въ бояхъ, твердъ въ перенесеніи бѣдствій и великодушенъ въ счастіи? И въ самомъ дѣлѣ: «что было бы тогда?»—А чортъ его знаетъ, что бы тогда было!—отвѣчаю я, и нахожу, что отвѣтъ мой есть единственно приличный въ этомъ случаѣ. Что было бы, если бы русскій народъ и т. д.? Признаюсь, я даже не могу придти въ себя отъ потрясенія, произведеннаго во мнѣ этимъ непристойнымъ вопросомъ.—А что было бы, если бы ты ходилъ вверхъ ногами, а внизъ головой? А что было бы, если бы у тебя, вмѣсто двухъ глазъ во лбу, былъ одинъ на затылкѣ?—И я столь близко подхожу къ лицу вопрошающаго, что онъ блѣднѣетъ и въ то же мгновеніе проситъ меня извинить его.

Но если дико и непонятно кажется намъ сомнѣніе въ доблестяхъ нашихъ соотечественниковъ; если, съ одной стороны, не предвидится конца мужеству русскихъ въ бояхъ, твердости ихъ въ перенесеніи бѣдствій и великодушію въ счастіи, то, съ другой стороны, кто даетъ намъ право предполагать, что когда-нибудь умретъ мѣщанка Залупаева, а засѣдатели перестанутъ ковырять въ носу? Поистинѣ, никто!

Допустимъ, что вы живете далеко отъ Глупова, допустимъ, что вы лишены даже удовольствія дышать благорастворенным воздухомъ Дурацкаго-Городища. Что-жъ изъ этого? Не думаете ли вы, что вотъ такъ-таки и избавились и отъ Залупаевой, и отъ городничаго, приносящаго жертвы мамонѣ, а не современнымъ интересамъ? Ошибаетесь, мой милый! Вашъ родной Глуповъ всегда находится при васъ, и никуда не уйти вамъ отъ Дурацкаго-Городища!

Вы выходите на улицу. Вонъ бѣдный Ванька, съ заиндивѣвшею отъ мороза бородой и съ побѣлѣвшими щеками и носомъ; на улицахъ пустынно и тихо; ковыряющіе въ носу засѣдатели сидятъ себѣ въ теплѣ по домамъ и ѣдятъ пироги съ начинкой; нѣтъ сѣдока бѣдному Ванькѣ, и онъ со злобой настегиваетъ свою худую клячу, которая въ от-

Digitized by Google

вѣтъ на это помахиваетъ хвостомъ,—какъ-то учтиво, кротко, умиленно помахиваетъ. Этотъ Ванька—мѣщанка Залупаева; эта ободранная, избитая кляча—мѣщанка Залупаева! Вотъ, на базарѣ, принесла старуха-салопница продать поношенную и разрозненную пару шерстяныхъ носковъ; подходитъ служивый и предлагаетъ за товаръ девять копеекъ; что-жъ, цѣна, повидимому, хорошая, но старуха упрямится и проситъ двѣнадцать; съ одной стороны, кавалеръ готовъ въ ступѣ старуху истолочь, съ другой стороны, старуха не прочь горло кавалеру перервать — и все изъ-за трехъ копеекъ! Эта старуха—мѣщанка Залупаева! Этотъ кавалеръ—мѣщанка Залупаева!

Увы! міръ кишитъ Залупаевыми! Они ходятъ по бѣлому свѣту и съ бородами, и безъ бородъ, и въ паневахъ, и въ зипунахъ, и о двухъ ногахъ, и о четырехъ! Если вы любитель русской фауны и имѣете крошечку любознательности, то не стѣсняйтесь, сдѣлайте милость, пронзайте булавочкой всѣхъ этихъ Залупаевыхъ и, пришедши домой, насаживайте ихъ на листъ бѣлой бумаги—увидите, какая у васъ образуется коллекція!

А городничіе, поклоняющіеся мамонѣ? А засѣдатели, начинающіе переписывать съ оборота листа? Ужели изсякнетъ родникъ ихъ? Да чѣмъ же тогда будетъ сладка наша жизнь? Чѣмъ будетъ сдабриваться наше горькое существованіе? Воображаю я себѣ, если бы нашъ (не глуповскій, а полоумновскій) Ѳедоръ Ильичъ не заигрывался до запоя въ карты и не наѣдался до отупѣнія золотыми стерлядями, вытаскиваемыми изъ орошающей наше отечество рѣки Большой-Глуповицы... Господи! что бы это было! Во-первыхъ, чело Ѳедора Ильича навѣки задернулось бы непроницаемымъ мракомъ начальническаго всемогущества; во-вторыхъ, онъ съ утра о томъ бы только и думалъ, какъ бы кого-нибудь оборвать, какъ бы сокрушить кому-нибудь зубы! Коли хотите, это былъ бы своего рода Катонъ, но намъ едва ли пришлось бы отъ этого легче. Нѣтъ, я рѣшительно держу сторону Ѳедора Ильича въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представляется мнѣ au naturel! По крайней мѣрѣ, теперь я знаю, что и онъ не изъятъ своего рода слабостей, и слѣдовательно, какъ человѣкъ, снизойдетъ и къ моимъ прегрѣшеніямъ. По крайней мѣрѣ, теперь я знаю, что наступитъ вечеръ, зажгутся въ квартирѣ исправника огоньки, Ѳедоръ Ильичъ весь углубится въ карты—анъ Глуповъ-то и поотдохнетъ мало-мало!

Digitized by Google

Messieurs! сознаюсь откровенно, я человѣкъ слабый и терпѣть не могу Катоновъ, которые прутъ впередъ, сами не зная куда! Я понимаю русскаго человѣка, который расшибетъ своему ближнему носъ, да тутъ же и водочки поднесетъ, и я понимаю русскаго человѣка, которому расшибутъ носъ и въ то же время водочки поднесутъ. Кулакъ, разсматриваемый съ этой точки зрѣнія, утрачиваетъ свою свирѣпую, искаженную злобой физіономію и принимаетъ въ моихъ глазахъ какое-то благодушное, почти ангельское выраженіе.

Итакъ, мы логическимъ путемъ приходимъ къ тому заключенію, что всякое сомнѣніе въ неизсякаемости Залупаевыхъ и засѣдателей должно быть устранено. Но, съ другой стороны, передо мной возникаетъ новый, не менѣе важный вопросъ: возможно ли, естественно ли при такой обстановкѣ не сдѣлаться публицистомъ? Я замѣчаю, что разсужденія увлекли меня слишкомъ далеко, и что я, самъ того не подозрѣвая, попалъ, такъ сказать, въ самое сердце болота, составляющаго предметъ настоящей статьи... О, Боже! что это за удивительное болото! и какъ должно трепетать сердце охотника, взирающаго на неоглядныя глазу равнины его! Сколько на немъ кочекъ! сколько ржавыхъ трясинъ и колдобинъ! сколько куликовъ и чибисовъ! Стонъ стоитъ въ воздухѣ отъ разнообразныхъ взвизгиваній этихъ добродѣтельныхъ птицъ, которыя не имѣютъ въ жизни иной цѣли, кромѣ высиживанія безчисленнаго множества невинныхъ цыплятъ! Что, если бы не было охотника, отъ времени до времени разрѣжающаго своими мѣткими выстрѣлами эту сплошную массу пернатыхъ? Что, если бы вверху надъ облаками не рѣялъ коршунъ, высматривающій съ тактомъ знатока-помѣщика, который изъ цыплятъ поотъкормленнѣе и пожирнѣе?

Но къ дѣлу.

Прежде всего я долженъ оговориться, что всей душой сочувствую Корытникову. Cher Корытниковъ, вашу руку! Прохожій, прими меня въ свои объятія! Житель Ярославля,

Лобзай меня! твои лобзанья
Мнѣ слаще мирры и вина!

Но шутки въ сторону: я сердечно убѣжденъ, что всѣ вы—почтенные люди, горячо и искренно сочувствуете тѣмъ начаткамъ истины и добра, появленіе которыхъ привѣтствуете съ такою радостью. Горесть мѣщанки Залупаевой не можетъ не трогать вашего сердца, ибо въ сердцѣ этомъ

Digitized by Google

всегда найдется откликъ для всякаго истиннаго горя. Преступная безпечность Ѳедора Ильича не можетъ не возбуждать вашего негодованія, ибо въ ней заключается источникъ золъ дѣйствительныхъ, невымышленныхъ, золъ, которыхъ жало преимущественно обращено противъ бѣднаго и безпомощнаго. Сосредоточиваясь въ самихъ себѣ и размышляя о вещахъ міра сего, вы невольнымъ образомъ переноситесь мыслью къ временамъ вашей юности, къ тѣмъ золотымъ временамъ, когда съ каѳедры къ вамъ обращалась живая рѣчь, если не самого Грановскаго, то одного изъ учениковъ его, вызывая къ дѣятельности благороднѣйшіе инстинкты души, когда съ иной, болѣе обширной каѳедры, лилось къ вамъ полное страсти слово Бѣлинскаго, волнуя и утѣшая васъ, и наполняя сердца ваши скорбью и негодованіемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ указывая цѣль для вашихъ стремленій.—Будемъ же вѣрны добру и истинѣ! будемъ вѣрны памяти наставниковъ нашихъ!—восклицаете вы, и бодро выступаете впередъ на честный бой съ лицемѣріемъ, равнодушіемъ и неправдою!

Да, замѣчательное было это время! То было время, когда слово служило не естественною формой для выраженія человѣческой мысли, а какъ бы покровомъ, сквозь который неполно и словно намеками свѣтились очертанія этой мысли; и чѣмъ хитрѣе, чѣмъ запутаннѣе сплетенъ былъ этотъ покровъ, тѣмъ скорбнѣе, тѣмъ нетерпѣливѣе трепетала подъ нимъ полная мощи мысль, и тѣмъ горячѣе отдавалось ея эхо въ молодыхъ душахъ читателей и слушателей! То было время когда мысль должна была оговариваться и лукавить, когда она тысячу разъ вынуждена была окунуться въ помойныхъ ямахъ житейскаго базара, чтобы выстрадать себѣ право, хотя однажды, хотя на мгновеніе, засіять надъ міромъ лучомъ надежды, лучомъ грядущаго обновленія! И, стало-быть, крѣпки были эти люди, если и при такой обстановкѣ они не изолгались, не измелочничались, не сдѣлались отступниками!

Я вѣрю, о, «Прохожій», что когда ты берешься за перо, чтобъ обличить раба спящаго и лукаваго, то передъ тобой невольно и неотразимо возстаютъ тѣ свѣтлыя личности наставниковъ, которымъ ты жадно внималъ въ былое время. И въ душѣ твоей заманчиво рисуется живая преемственность мысли и стремленій, на служеніе которымъ ты хочешь принести посильную лепту твою.

Повторяю. я вѣрю твоей искренности. Но ты не замѣ-

Digitized by Google

чаешь, что иные люди, иныя вещи, что цѣлый новый міръ народился кругомъ тебя. Ты забываешь, что и въ устахъ твоихъ наставниковъ отвлеченные интересы человѣчества служили только покровомъ, подъ которымъ не всегда искусно скрывалась томительная жажда иной, болѣе реальной дѣятельности. Ты забываешь, что ты перенялъ отъ учителей только фразу, и что переимчивость, какъ бы ни была она счастлива, не представляетъ еще достаточнаго права, чтобы поучать людей.

Но странная и неудержимая сила обстоятельствъ! Въ то время, какъ ты мучишься въ потугахъ рожденія, чтобъ бросить міру какую-нибудь высокопарную мысль о человѣчествѣ и постепенномъ поступаніи его на пути совершенствованія, трезвая и неподкупная дѣйствительность силой приковываетъ тебя къ тѣсной твоей раковинѣ, къ родному твоему Глупову! И выходитъ тутъ нѣчто нелѣпое: Глуповъ— и человѣчество, судья Лапушниковъ — и вѣчные законы правды...

Корытниковъ! именемъ той же преемственности, убѣждаю васъ: бросьте подъ столъ перо ваше, или обуздайте вашу мысль!

Неужели вы не можете сневѣжничать безъ того, чтобъ этотъ актъ вашей жизни не сопровождался цѣлымъ громомъ тромбоновъ и трубъ?

Неужели солнце правды, солнце гласности, солнце устности, солнце трезвости, которое вѣчно свѣтитъ въ душѣ вашей, до того лучезарно, что мѣшаетъ вамъ просто и безъ ужимокъ подойти къ той навозной кучкѣ, которую вы взялись, которую вамъ фаталистически суждено описывать?

Юный другъ мой! если наставники ваши горькою необходимостью вынуждались окунать мысль свою въ помои, то вы совершенно добровольно, совершенно никѣмъ не вынуждаемые, окунаете ее въ многочисленныя солнца души вашей, и я принимаю смѣлость завѣрить васъ, что эти солнца неизмѣримо непріятнѣе помой Бѣлинскаго и Грановскаго!

Зачѣмъ, когда вы беретесь за перо, васъ внезапно одолѣваетъ какое-то адское самоуслажденіе? Зачѣмъ вы съ самозабвеніемъ склоняете на бокъ вашу слабенькую головку, жмурите ваши голубенькіе глазки, уподобляясь соловью, заслушивающемуся своихъ собственныхъ пѣсенъ? Зачѣмъ это?

Вспомните, mon cher, что соловей потому имѣетъ право наслаждаться самимъ собой и заслушиваться до опьянѣнія

Digitized by Google

своихъ пѣсенъ, что пѣсни, которыя онъ поетъ, суть его собственныя пѣсни! Сдѣлайте-ка намъ ваше собственное «Фю-ію-ію-ію», и тогда я первый готовъ буду признавать ваше право на самоуслажденіе.

Вспомните и то, что міръ кишитъ кругомъ васъ примѣрами горькихъ послѣдствій самоуслажденія. Я могу указать вамъ на плѣлый кружокъ весьма почтенныхъ людей, которые, заручившись одною идейкой, до того перемололи ее на всѣ лады и образцы, что въ настоящее время не могутъ безъ тошноты взирать другъ на друга («Господи! и въ немъ сидитъ эта треклятая идея!»), не могутъ безъ ужаса вспомнить о той минутѣ, когда надобно будетъ вновь вести бесѣду, и вновь на ту же тему... потому что иной въ запасѣ не обрѣтается!

Если этого мало для васъ, то укажу еще на каплуновъ. Этотъ достойный сожалѣнія народъ, не имѣя никакихъ иныхъ видовъ въ будущемъ, кромѣ удовольствія быть обкармливаемымъ до отвратительности, также съ неистовствомъ предается самоуслажденію, въ продолженіе всего того времени, покуда грецкіе орѣхи, комки творогу и прочая дрянь переваривается въ зобахъ ихъ. А тутъ, между тѣмъ, не имѣется даже ни одного наличнаго достоинства, а есть лишь весьма непріятный изъянъ, изъ чего вы можете убѣдиться, что для того, чтобъ считать себя въ правѣ наслаждаться самимъ собою, вовсе нѣтъ необходимости быть Богъ вѣсть какимъ соловьемъ, а достаточно въ иныхъ случаяхъ быть и простымъ каплуномъ.

Зачѣмъ вы взираете на себя какъ на историка и философа, тогда какъ вы просто-напросто лѣтописецъ, а быть-можетъ отчасти и водевилистъ?

На вашемъ мѣстѣ, я писалъ бы статьи мои такъ:

«Января дня 18.. года. Городъ Полоумновъ. Сего числа Ударъ-Ерыгинъ, въ присутствіи всѣхъ, проглотилъ шпагу, или, точнѣе сказать, цѣлое скралъ дѣло (имя рекъ); онъ показалъ при этомъ столь замѣчательное проворство, что никто даже не ахнулъ».

Туземецъ.

И довольно! Неужели вы думаете, что статья эта, несмотря на свою сухую, лѣтописную форму, менѣе задереть Ударъ-Ерыгина, нежели та же статья, разбавленная разсужденіями о томъ, что «въ наше время, когда, казалось бы, воровство преслѣдуется повсюду», или о томъ, что «въ

Digitized by Google

наше время, когда привычки законности мало-по-малу проникаютъ во всѣ административныя трущобы» и т. п.?

Смѣю васъ увѣрить, Корытниковъ, что нѣтъ. Прочитавши вашу статью, онъ скажетъ: «Что за чортъ! о какомъ это онъ воровствѣ говоритъ! Развѣ я воръ?»—ибо онъ убѣжденъ, и вслѣдъ за нимъ убѣждено и большинство, что воровствомъ называется только похищеніе чужихъ платковъ изъ кармановъ; актъ же, подобный тому, который имъ совершонъ, онъ называетъ административною ловкостью. Или еще скажетъ: «О какихъ это привычкахъ законности онъ тамъ проповѣдуетъ? Э! да онъ, кажется, позабылъ пословицу: «что русскому здорово, то нѣмцу смерть!» и наоборотъ. Хорошъ бы я былъ, кабы дѣйствовалъ на законномъ основаніи!» И съ своей точки зрѣнія онъ будетъ правъ; конечно, это будетъ точка зрѣнія ударъ-ерыгинская, но все-таки точка зрѣнія, съ которою, быть-можетъ, согласятся и многіе другіе: иные по слабости, другіе изъ страха, третьи изъ корысти, четвертые, наконецъ, по привычкѣ во всемъ соглашаться съ лицомъ, обладающимъ извѣстною степенью нахальства. Напротивъ того, прочитавши мою статью, онъ позеленѣетъ, и губы его затрясутся. Поймите, что я оскорбилъ его въ томъ, въ чемъ онъ считалъ себя непогрѣшимымъ: въ его проворствѣ! Затроньте его честность—онъ скажетъ, что честность—понятіе относительное; затроньте пользу общественную—онъ скажетъ, что еще бабушка на-двое сказала, черное ли бѣло, или бѣлое черно. Но не затрогивайте его проворства! Онъ думалъ, что никто не подозрѣваетъ, что онъ глотаетъ шпаги: онъ воображалъ, что всѣ глаза устремлены на него съ дѣтскою довѣрчивостью, что никому и на мысль не приходило видѣть въ немъ фокусника... и вдругъ! Увѣряю васъ, что онъ устыдится, устыдится хотя того, что былъ недостаточно искуснымъ фокусникомъ...

Столоначальникъ Благолѣповъ съ гораздо бо́льшимъ тактомъ попалъ пальцемъ въ небо, когда кратко доложилъ читателю, что «судья у насъ хорошій человѣкъ» и проч. (зри выше). Вы испортили статью его, драгоцѣнную по своей наивности; вы напустили туману туда, гдѣ слѣдовало бы только исправить ороографическія ошибки и проставить знаки препинанія. Я увѣренъ, что будь Благолѣповъ не столоначальникомъ, а секретаремъ уѣзднаго суда, онъ не дозволилъ бы вамъ перемѣнить ни іоты въ своемъ произведеніи, и былъ бы правъ. Итакъ, больше краткости,

Digitized by Google

любезный Корытниковъ! больше той величественной краткости, которая прямо и неуклонно впивается въ самую морду заподозрѣннаго въ гнусности субъекта—и тогда смѣло дерзайте на поприще гласности!

И еще позволю себѣ одно замѣчаніе: вы не всегда удачно выбираете темы для вашихъ обвиненій и не вполнѣ удачную берете для нихъ обстановку.

Начнемъ хоть съ Ѳедора Ильича. Слова нѣтъ, что происшествіе, которое послужило канвой для вашей краснорѣчивой статьи,—весьма печальное происшествіе, ибо оно лишило мѣщанку Залупаеву ея холостыхъ строеній. Но съ другой стороны, если бы вы потрудились объясниться съ обвиняемымъ, то, можетъ-быть, и въ половину не были бы такъ строги къ нему. Вспомните, Корытниковъ, что вы не просто нравы и обычаи административные описываете, а желаете поучать!

Итакъ, если бы вы спросили Ѳедора Ильича: «по какому случаю вы, государь мой, не явились своевременно на пожаръ, бывшій въ домѣ Залупаевой?» — я увѣренъ, что, вмѣсто отвѣта, почтенный нашъ градоначальникъ молча повелъ бы васъ на пожарный дворъ.

Тамъ онъ представилъ бы вамъ:

1) Двѣ пожарныя трубы, изъ которыхъ одна носитъ названіе *новой* и дѣйствуетъ плохо, а другая именуется *старою* и, что называется, только колобродитъ, то-есть брызжетъ во всѣ стороны и обливаетъ водой однихъ зрителей.

2) Четырехъ лошадей (отчего-жъ и не двухъ?), изъ которыхъ двѣ изъявляютъ сильное желаніе окунуться въ купель силоамскую.

3) Десятокъ инвалидовъ, изъ которыхъ двое въ эту самую минуту, что называется, безъ заднихъ ногъ.

— Что-жъ вы не представляете куда слѣдуетъ?—спросите вы.

— Представляемъ-съ!

— Что-жъ, отвѣчаютъ?

— И отвѣчаютъ-съ!

— Да что отвѣчаютъ?

— А отвѣчаютъ: здорово живешь-съ!

Такимъ образомъ одинъ пунктъ обвиненія устраненъ, и Ѳедоръ Ильичъ осязательно доказалъ вамъ, что никакой въ свѣтѣ пожаръ не можетъ и не обязанъ бояться его, подъ опасеніемъ прослыть за трусишку и дурака.

Digitized by Google

— Но какъ же вамъ не стыдно, только и дѣла, что въ карты дуться?—продолжаете вы свои обвиненія.

— Помилуйте, отчего же-съ? День-то-деньской слоняешься, день-деньской всякую нечистоту по городу прибираешь—надо же и отдохнуть-съ.

Вы начинаете понимать, что не виноватъ же Ѳедоръ Ильичъ, что карты служатъ для него единственно доступнымъ средствомъ отдохновенія; что тутъ есть нѣчто, кроющееся въ самой средѣ, въ которой онъ процвѣтаетъ; что Ѳедоръ Ильичъ самъ по себѣ не можетъ ни жить, ни дѣйствовать иначе, нежели какъ онъ живетъ и дѣйствуетъ. И вы невольнымъ образомъ повторяете: «отчего же и не отдохнуть хорошему человѣку?»

Я же, съ своей стороны, могу, въ оправданіе нашего градоначальника, прибавить, что онъ вовсе не такъ равнодушно принялъ вѣсть о пожарѣ. Напротивъ того, когда ему доложили: «мѣщанка Залупаева горитъ, ваше высокоблагородіе!»—то онъ стремительно бросилъ карты и воскликнулъ при этомъ: «вѣдь дернула же ее нелегкая горѣть въ такую пору!» Стало-быть, онъ страдалъ.

Но, кромѣ изложенныхъ выше обвиненій, вы позволили вашей фантазіи увлечь васъ дальше, нежели сколько было нужно для выполненія вашей же собственной задачи. Вы указали на героя, прославившаго собой городъ А**, и пожелали, чтобъ Ѳедоръ Ильичъ, подобно этому герою, ходилъ съ обгорѣлыми фалдами. Позвольте сказать вамъ, что упрекъ этотъ сколько несправедливъ, столько же и неоснователенъ.

Самъ Ѳедоръ Ильичъ всего болѣе возмущенъ былъ именно этимъ мѣстомъ вашей статьи.

— Ну, скажите на милость!—говорилъ онъ въ тотъ самый вечеръ собравшейся у исправника компаніи единомышленниковъ:—ну, что-жъ было бы хорошаго, если бы я, какъ профанъ какой-нибудь, безъ фалдъ по городу бѣгалъ? Да и на чей я счетъ, кукишъ съ масломъ, буду фалды новыя покупать?

Резоннѣе и складнѣе этого отвѣта я ничего придумать не въ состояніи.

Или опять судья: чѣмъ виноватъ онъ, что тученъ? Или засѣдатели: чѣмъ виноваты, что ковыряютъ въ носу? Благоглѣповъ правду сказалъ, что это занятіе всей ихъ жизни; а если это такъ, то слѣдовательно никто и не имѣетъ права лишать ихъ возможности предаваться этому занятію.

Digitized by Google

Извините меня, Корытниковъ, но мнѣ кажется, что вы скользите только по поверхности; вы только подозрѣваете, что есть гдѣ-то, въ окрестностяхъ вашихъ, болото, но гдѣ оно и какого оно свойства—это тайна, которую вамъ врядъ ли суждено когда-нибудь проникнуть.

Но времена созрѣли, и какъ бы ни была малоискусна пѣсня Корытникова, онъ не можетъ не пѣть. Выдьте весною на улицу, прислушайтесь, какой концертъ задаютъ тамъ воробьи! Стадами они перелетаютъ съ одной крыши на другую; вприпрыжку, и какъ бы торопясь куда-то, снуютъ по улицѣ; суетливыми и веселыми обществами хлопочутъ около обнажившихся кучекъ старой ветоши, и что за неистовыя чириканія оглашаютъ въ то время теплый, насыщенный влагою воздухъ! Воробка, воробка, зачѣмъ такъ подпрыгиваешь? зачѣмъ, дурачокъ, такъ весело чирикаешь? Но не даетъ отвѣта воробка, а только пуще и пуще чирикаетъ, уморительнѣе и уморительнѣе подпрыгиваетъ.

Подобно сему и Корытниковъ, объятый весеннимъ чувствомъ, поетъ возрожденіе природы, поетъ красоту гласности и самоуправленія, поетъ взволнованность своихъ собственныхъ чувствъ. Спросите, зачѣмъ поетъ онъ пѣсню про городничаго,—онъ въ отвѣтъ споетъ вамъ пѣсенку про почтмейстера; спросите, зачѣмъ поетъ про почтмейстера,—онъ споетъ вамъ пѣсню объ исправникѣ... Дальнѣйшихъ объясненій отъ него не требуйте, ибо это объясненіе лежитъ въ его артистически устроенномъ горлышкѣ и въ той весенней оттепели, которая чувствуется въ воздухѣ.

И потому Ѳедоръ Ильичъ поступилъ не только нечестно, но даже и неразсчетливо, преслѣдуя Корытникова съ такою неумолимостью. Во-первыхъ, онъ этимъ преслѣдованіемъ ничего не выигралъ, ибо хотя и удалось ему изгнать Корытникова, но мѣсто его тотчасъ же занялъ Благолѣповъ, занялъ Наградинъ, занялъ Столпниковъ, и въ настоящую минуту нѣтъ въ Россіи города, въ которомъ такъ часто раздавалось бы чириканье воробьевъ, какъ въ нашемъ родномъ городѣ Глуповѣ. Во-вторыхъ, не достигши своей цѣли, Ѳедоръ Ильичъ сдѣлался грустенъ и раздражителенъ. Онъ безъ разбора хваталъ и ловилъ пріѣзжающихъ на базаръ мужиковъ и торговцевъ, вездѣ предполагая измѣну, во всякомъ неизвѣстномъ ему лицѣ заподозрѣвая насадителя клеветы и распространителя ложныхъ слуховъ. Взятки сталъ брать пуще прежняго: первѣе всего, слѣдую-

Digitized by Google

щія ему вообще, по установленнымъ праотцами обрядамъ, а потомъ—слѣдующія ему же за страхъ будущаго обруганія.

— Пускай пишутъ! пускай пишутъ! — приговариваетъ онъ, съ какимъ-то дикимъ наслажденіемъ пересчитывая и разглаживая на столѣ ладонью поднесенныя ему ассигнаціи.

Но, нѣтъ, онъ обманываетъ лишь себя, говоря такимъ образомъ! Въ ту самую минуту, когда онъ притворяется равнодушнымъ къ филиппикамъ Благолѣпова (доказывающаго, между прочимъ, что Ѳедоръ Ильичъ до того безпеченъ, что не даетъ себѣ даже труда выдергать вылѣзающіе изъ его носа волосы), онъ чувствуетъ, что внутри его нѣчто колышется и хохочетъ, что руки его судорожно сжимаются, какъ бы обвивая мысленно длинную шею Благолѣпова.

— Желалъ бы я!—восклицаетъ онъ въ безсильной ярости, но уже не тѣмъ здорово-бычнымъ голосомъ, которымъ восклицалъ въ началѣ нашей статьи, а тонами двумя пониже.

И все оттого только, что онъ чириканье воробья принялъ за крикъ орла! Все оттого, что дернула нелегкая какую-то мѣщанку Залупаеву горѣть въ такое время, когда къ нему, градоначальнику, привалило восемь въ червяхъ, а пожарныя лошади отъѣзжали въ луга за сѣномъ, для собственнаго своего прокормленія!

Да! разрушительно дѣйствуешь ты, о, гласность, на организмы человѣческіе! Пенза! Уфа! Саратовъ! Ужели никто, никто не избѣжитъ ея всепожирающаго зѣва? Вездѣ, даже тамъ, гдѣ прежде спокойно грабили почту на главной улицѣ, даже тамъ, гдѣ нѣкогда, среди бѣла-дня, безнаказанно застрѣливали людей (и никто не слыхалъ выстрѣла!), вездѣ возстаетъ свой домашній бардъ, беретъ въ руки гармонику и воспѣваетъ славу или стыдъ своей отчизны!

Самъ генералъ Зубатовъ смутился и поистинѣ не знаетъ, что̀ ему дѣлать. И до него доползло весеннее чувство, но не подновило, а, напротивъ того, произвело лишь разслабленіе въ ветхомъ его организмѣ.

— Что̀ это за женскія гимназіи? что̀ это за воскресныя училища?—восклицаетъ онъ, ломая въ отчаяніи руки.

И въ ту же минуту отправляетъ гонца за откупщикомъ.

Откупщикъ изумляется и вызываетъ кассира.

— За майскую треть дадено?—спрашиваетъ онъ.

— Дадено,—отвѣчаетъ кассиръ.

— Что̀ за чортъ!

Однако, дѣлать нечего, напяливаетъ фракъ и отправляется.

Digitized by Google

— Ну, мой милый!—еще издали кричитъ ему генералъ, какъ-то особенно-привѣтливо улыбаясь:—вотъ теперь-то мы посмотримъ, дѣйствительно ли вы патріотъ?

Его сивушество слегка съёживается, точно ему змѣю за пазуху пустили, но въ то же время старается сохранить веселый и непринужденный видъ, ибо вздумай онъ нахмуриться — генералъ, чего добраго, скажетъ ему: «невѣжа, пошелъ вонъ!»

— Что прикажете, ваше превосходительство?—говоритъ онъ, развязно расшаркиваясь.

— Для себя—ничего, для отечества—многое!—отвѣчаетъ генералъ, пронзая откупщика взорами и какъ бы измѣряя глубину его патріотизма.

— Прикажете балъ-съ... маскарадъ-съ?.. Ваши слуги, ваше превосходительство!

— Гимназію!—восклицаетъ генералъ неожиданно.

Его сивушество стоитъ озадаченный, очевидно недоумѣвая, какое можетъ имѣть отношеніе очищенная и трехпробная къ отечественному просвѣщенію.

— Гимназію, женскую гимназію!—повторяетъ генералъ, полоснувъ себя краемъ ладони по горлу въ знакъ того, что гимназія у него вотъ гдѣ сидитъ.

Откупщикъ покраснѣлъ какъ ракъ. Онъ понимаетъ, что какъ тутъ ни вертись, а отъ издержекъ не отвертишься, но не умѣетъ еще сообразить, какою суммою можно отдѣлаться. А ну, какъ ляпнешь сдуру такой кушъ, какого совсѣмъ и не требуется!

— Да, мой милый,—грустно говоритъ, между тѣмъ, генералъ:—было... было! Было время, когда мы думали о томъ, какъ бы общество наше соединить... чтобъ пикники тамъ... parties de plaisir... Теперь это все надо кинуть!

Генералъ умолкаетъ и какъ будто начинаетъ грустить, но черезъ нѣсколько минутъ поправляется и продолжаетъ уже съ нѣкоторою молодцоватостью:

— Теперь мы о гимназіяхъ разсуждаемъ... Да!

Но его сивушество все еще не собрался съ духомъ. Ему слишкомъ отчетливо представляется и недавнее пожертвованіе спирта для освѣщенія города, и недавняя покупка десяти фунтовъ чаю для больницы, и другія посильныя жертвы... Ахъ, чортъ побери да и совсѣмъ!

— Конечно, ваше превосходительство, — говоритъ онъ наконецъ:—гимназія... и въ особенности для благородныхъ дѣвицъ... очень пріятное заведеніе.

Digitized by Google

— Ну-съ!

— Я къ тому, ваше превосходительство... что еще въ недавнее время... освѣщеніе города... а также и другія общеполезныя устройства-съ...

— Ну-съ!—повторяетъ генералъ.

Откупщикъ откашливается.

— Я ничего, ваше превосходительство... мы гимназіямъ не препятствуемъ-съ... мы, напротивъ того, съ нашимъ удовольствіемъ... я только насчетъ того, что еще въ недавнее время...

— Гм!.. стало-быть, вы допустите, чтобъ въ какой-нибудь мерзкой газетишкѣ на всю Россію опубликовали, что *у меня* нѣтъ гимназіи?

— Помилуйте, ваше превосходительство, зачѣмъ же-съ?

— Стало-быть, для васъ все равно, что какой-нибудь щелкоперъ осмѣлится выразиться обо мнѣ, что я не имѣю достаточно энергіи, что я человѣкъ несовременный... что *у меня* нѣтъ гимназіи, наконецъ?

— Я, ваше превосходительство...

— Такъ я вамъ докажу, милостивый государь, что у меня еще есть энергія! — восклицаетъ генералъ, величественно выпрямляясь.

Однимъ словомъ, его сивушество смиряется, и вопросъ о женской гимназіи, едва-едва не претерпѣвшій крушеніе, разрѣшается благопріятно. Въ слѣдующемъ же нумерѣ мѣстныхъ вѣдомостей редакторъ уже предвкушаетъ ея учрежденіе въ особо написанной по этому поводу статьѣ:

«СЛУХИ».

«Слухъ носится, что, благодаря неусыпнымъ попеченіямъ (чьимъ—на это отвѣтитъ всякое сердце Полоумновской губерніи), у насъ въ скоромъ времени будетъ открыта женская гимназія, и что всѣ нужныя распоряженія уже сдѣланы. Мы уполномочены объявить, что старанія начальства въ этомъ истинно-полезномъ и благотворительномъ дѣлѣ встрѣтили полное и просвѣщенное содѣйствіе со стороны мѣстнаго управляющаго акцизно-откупнымъ комиссіонерствомъ, купца М., готоваго, какъ извѣстно, на всякаго рода пожертвованія, имѣющія цѣлью счастіе и пользу ближняго.

«Носятся и другіе, не менѣе отрадные слухи (какъ, напримѣръ, объ открытіи въ нашемъ городѣ воскресныхъ

Digitized by Google

классовъ), но покамѣстъ умолчимъ о нихъ, предоставляя себѣ право подѣлиться съ читателемъ нашими надеждами въ то время, когда онѣ будутъ близкими къ осуществленію.

«Но такъ какъ всякая медаль имѣетъ свою хорошую и свою дурную сторону, то не можемъ пройти молчаніемъ, что дѣло просвѣщенія и въ нашей губерніи не вездѣ встрѣчаетъ одинаковое сочувствіе. Такъ, напримѣръ, дикіе и невѣжественные нововласьевцы и доселѣ упорствуютъ въ своемъ коснѣніи и твердо принятомъ намѣреніи оставаться безграмотными во что бы то ни стало. Когда же лучъ солнца освѣтитъ это непроходимое болото?»

— Вотъ тебѣ и съ праздникомъ!—говоритъ нововласьевскій городской голова Прудовъ, прочитавъ эту любезность.

— За что-жъ онъ насъ по зубамъ-то треснулъ?—спрашиваетъ, въ свою очередь, гласный Клубницынъ.

— А такъ вотъ: проѣзжалъ поблизости — и заѣхалъ! Поди, судись съ нимъ!

И я, въ свою очередь, спрошу васъ, почтенный редакторъ полоумновской газеты: за что вы треснули по зубамъ гражданъ города Нововласьевска?

Я съ вами напередъ соглашаюсь, что просвѣщеніе—хорошая вещь, что ученіе свѣтъ, а неученіе тьма и т. п. Сознаюсь также, что образованіе, которое дается нашимъ дѣвицамъ, убійственно. Образованнѣйшая изъ нихъ еще можетъ поразсказать вамъ кое-какія подробности о Гвадалквивирѣ, потому что—

Ночной зефиръ
Струитъ эѳиръ,
Шумитъ, бѣжитъ Гвадалквивиръ...

или о Брентѣ, потому что—

Ночь весенняя дышала
Ароматной тишиной,
Тихо Брента протекала,
Серебримая луной.

Но чуть дѣло коснется Мансанареса, послѣдуетъ неизбѣжный тупикъ, ибо Мансанаресъ — рѣчка маленькая и, должно полагать, очень вонючая, если ни въ одномъ русскомъ романсѣ о ней не упоминается. Согласенъ, что при такомъ уровнѣ образованія дѣвицы наши не въ состояніи интересоваться полезною дѣятельностью географическаго общества, ни даже принять участіе въ спорѣ, возникшемъ по поводу опредѣленія дѣйствительнаго дня смерти Бориса Годунова.

Digitized by Google

Но чѣмъ виноваты во всемъ этомъ нововласьевскіе граждане? Тѣмъ ли, что въ средѣ ихъ не отыскалось, какъ въ Полоумновѣ, благодѣтельнаго откупщика? Тѣмъ ли, что ихъ ужъ тошнитъ отъ общеполезныхъ устройствъ и сопряженныхъ съ ними пожертвованій? Тѣмъ ли, что они, быть-можетъ, имѣютъ причины (по ихъ разумѣнію, даже весьма законныя) не желать именно *вашихъ* общеполезныхъ устройствъ?

И между тѣмъ, не разобравши дѣла порядкомъ, вы разогорчили нововласьевскихъ гражданъ всѣхъ до единаго!

Повторяю: разрушительно дѣйствуешь ты, о, гласность! и не только на отдѣльныхъ людей, но и на цѣлые общественные организмы. Несмотря на учрежденіе женскихъ гимназій и воскресныхъ школъ, несмотря на процвѣтаніе трезвости, несмотря на успѣхи, которые въ послѣднее время сдѣлала мысль о самоуправленіи, провинціальный нашъ людъ скучаетъ и бьетъ баклуши. Прежняя привольная жизнь провинціи исчезаетъ все болѣе и болѣе; вмѣсто нея является какая-то чопорная натянутость, какой-то нелѣпый антагонизмъ, еще не высказывающійся явно, но уже дающій себя чувствовать особаго рода метаніемъ взоровъ, расширеніемъ ноздрей, покоробленіемъ устъ и общимъ рылокошеніемъ. Старая веселая Русь (old merry Russia) прячется по домамъ и втихомолку переворачиваетъ анекдоты о загнанныхъ жидахъ и обманутыхъ нѣмцахъ. Подобно стыдливымъ фіалкамъ, члены ея собираются другъ у друга интимными кружками, и тутъ, сокрушаясь и вздыхая, бесѣдуютъ о временахъ минувшихъ, когда и солнце грѣло свѣтлѣе, и земля, безъ помощи удобренія, приносила самъ-двадцать, и Фильки отправлялись на конюшню безпрекословно, и винокуренные заводчики удѣляли милостивцамъ по четыре копейки съ ведра, а не по двѣ, какъ нынѣ. Вотъ они всѣ тутъ: вотъ и заиндивѣвшій обладатель множества Филекъ и Прошекъ, и застѣнчивый откупщикъ, и облизывающійся аристократъ изъ казенной палаты—однимъ словомъ, всѣ тѣ, которымъ дорого, чтобъ наша отечественная цивилизація развивалась постепенно, а не скачками.

— Какое изобиліе рыбы въ рѣкахъ было!—тоскуетъ помѣщикъ Птицынъ.

— И какая была все крупная-съ! — вздыхаетъ недоросль изъ дворянъ Сагитовъ.

Присутствующій при этомъ разговорѣ отставной капитанъ Постукинъ хотя и не принимаетъ словеснаго участія

Digitized by Google

въ разговорѣ, но оттопыриваетъ губы и отмѣриваетъ руками два аршина, чтобъ показать наглядно, какихъ размѣровъ водилась въ рѣкахъ рыба.

— Во всемъ, во всемъ изобиліе было! — вступается генералъ Голубчиковъ, облизываясь и сгорая нетерпѣніемъ дать разговору винокуренное направленіе.

— И музицкій больше вина кусали!—подвиливаетъ хвостомъ Гершъ Шмулевичъ.

— И винокуренные заводчики свой расчетъ находили!—подхватываетъ Голубчиковъ.

— Да и люди были какіе-то особенные!—рычитъ отставной корнетъ Катышкинъ.—Примѣрно доложу хоть насчетъ дорогъ—что это за безцѣнный народъ въ дорогахъ былъ: засядешь, бывало, въ трущобу, экипажи были все грузные, отъ лошадей такъ и валитъ паръ—ну, просто смерть! Ничуть не бывало! Кликнешь только: «Трошка!» Слѣзетъ это Трошка съ козелъ: тутъ ногой, тамъ плечомъ — и пошла въ ходъ колымага!

— Сердечный народъ былъ, любовный!

— И какъ, бывало, все просто дѣлалось! Угодилъ, бывало, финизервъ какой-нибудь къ обѣду сочинилъ—рюмка водки тебѣ; сплошалъ, таракана тамъ, что ли, въ супъ пустилъ—не прогнѣвайся, другъ, сейчасъ его au naturel, и маршъ на конюшню!

— И не роптали!

— Не только не роптали, а еще Бога за господъ молили, поильцами, кормильцами называли!

Но—увы!—какъ ни велики, какъ ни искренни сѣтованія Постукина и Сагитова, не подлежитъ сомнѣнію, что прежнее веселое время исчезло безъ возврата. Какое-то мрачное шпіонство, какое-то пошлое подглядываніе и подслушиваніе всасываются повсюду: и въ присутственныя мѣста, и въ клубы, и въ частные дома, не говоря уже объ улицахъ, перепутьяхъ, распутьяхъ и мѣстахъ пустопорожнихъ. Садитесь ли вы въ клубѣ за карты—вы, даже зажмуривъ глаза, ощущаете, какъ изъ темнаго угла сверкаютъ на васъ глаза мѣстнаго публициста, какъ будто говоря вамъ: «Малодушный! какъ могъ ты найти въ себѣ рѣшимость заниматься презрѣнными картами въ то время, когда отечество столь сильно нуждается въ хорошихъ людяхъ!» Идете ли вы по улицѣ и, зазѣвавшись по сторонамъ, ощущаете необходимость заняться носомъ — передъ вами изъ земли вырастаетъ другой публицистъ и, прерывая ваше

Digitized by Google

занятіе, вопіетъ: «Время ли, сударь, ковырять въ носу, когда отечество требуетъ служенія безпрестаннаго, неуклоннаго и неумытнаго?» Вздумаете ли созвать къ себѣ гостей—передъ вами возстаетъ третій заскорузлый въ обличеніяхъ публицистъ и, поѣдая приготовленныя закуски и яства, въ то же время неистовствуетъ руками и ногами, мечетъ огненные взоры и одаряетъ веселящихся язвительными улыбками, ясно говорящими: «смѣйтесь! веселитесь! скоро-скоро наступитъ благорастворѐніе воздуховъ, и помеломъ очищено будетъ ваше нечистое торжище!»

Однимъ словомъ, нѣтъ возможности предпринять самое простое дѣйствіе: сшить себѣ новое пальто, купить фунтъ икры и т. д., чтобъ дѣйствія этого не подсмотрѣлъ мѣстный бардъ и тутъ же безцеремонно не выразилъ, что «чѣмъ икру-то пожирать, лучше бы эти деньги на воскресную школу пожертвовать!»

О, Корытниковъ! дай мнѣ вздохнуть на минуту! Я готовъ умереть, если это можетъ доставить тебѣ удовольствіе, но не смотри же на меня своими черными глазами, покуда я говорю послѣднее «прости» женѣ и дѣтямъ!

Но нѣтъ, даже здѣсь, даже въ моемъ уединеніи, ты не оставляешь меня! Покуда я дописываю настоящую статью, изъ-за тонкой перегородки, отдѣляющей мою квартиру отъ сосѣдней, долетаютъ до моего слуха знакомые звуки. То бесѣдуютъ два друга-публициста, и въ разумной ихъ бесѣдѣ принимаетъ участіе и жена моего сосѣда.

— А трезвость продолжаетъ-таки дѣлать успѣхи!—говоритъ гость.—Еще нѣсколько усилій, и побѣда за нами!

— Ахъ, какой циркуляръ насчетъ этого въ Самарѣ вышелъ!—восклицаетъ моя сосѣдка.

— Н-да, нашему генералу такого не написать! — отзывается хозяинъ дома.

— А въ Саратовѣ, напротивъ того, дикости какія-то дѣлаются! Представьте себѣ, тамъ трезвыхъ людей бунтовщиками называютъ.

— Всякая плодотворная идея имѣетъ своихъ мучениковъ!—говоритъ гость.

— Нѣтъ, воля ваша, а со стороны саратовскихъ властей это просто отсутствіе всякаго понятія о гражданской доблести.

— Ахъ, Марья Ивановна! развѣ всякій въ состояніи вмѣстить въ себѣ это понятіе?—уныло спрашиваетъ гость.

— Конечно... однакожъ, какое варварство!

Digitized by Google

Разговоръ стихаетъ; звуки стакановъ и чашекъ мѣшаютъ мнѣ слѣдить за продолженіемъ его. Одна только фраза долетаетъ до меня, и рука моя невольнымъ образомъ передаетъ ее печати:

— А я сегодня читала «Морской Сборникъ»,—говоритъ жена сосѣда:—«Правительственныя распоряженія» до такой степени увлекли меня, что я совершенно забылась!

1860 г.

VII.—Клевета.

(Посвящается добрымъ моимъ пріятелямъ).

Что Глуповъ возрождается, украшается и совершенствуется—это, я полагаю, давно всѣмъ извѣстно. Онъ не имѣлъ никакихъ понятій—явились понятія; онъ не имѣлъ страстей—явились страсти. Глуповъ задранъ за живое.

Глуповцы спокойно жили доселѣ въ своемъ горшкѣ и унавоживали дно его. Когда-то какая-то рука бросила имъ въ горшокъ кусокъ чернаго хлѣба, и этого было достаточно для удовлетворенія ихъ неприхотливыхъ потребъ. Постепенно этотъ кусокъ сдѣлался истиннымъ палладіумомъ глуповскаго міросозерцанія, глуповскихъ надеждъ и глуповскаго величія. Въ немъ одномъ находили для себя глуповцы источникъ жизни и силы; онъ одинъ имѣлъ привилегію пробуждать отъ сна и вызывать къ дѣятельности этихъ зодчихъ праздности, этихъ титановъ тунеядства и чревоугодничества. Они суетились, бѣгали и ползали; они плевали другъ другу въ глаза и въ носъ, и въ ротъ (и тутъ же нàскоро обтирались); они толкались и подставляли другъ другу ногу... и все изъ-за того, чтобъ встать поближе къ лакомому куску, чтобъ вырвать изъ него зубами какъ можно больше утучняющаго вещества.

Настало другое время, явилась другая рука. Стало казаться страннымъ, что Божій даръ обгаживается самымъ непозволительнымъ образомъ; возникли опасенія, что при дальнѣйшемъ обгаживаніи Божій даръ можетъ окончательно утратить свой первобытный образъ; почувствовалась необходимость, чтобы та же рука, которая бросила приваду въ горшокъ, взяла на себя трудъ и вынуть ее оттуда. Рука явилась—и ошпарила глуповцевъ.

Понятно, что послѣ этого Глупову невозможно не развиваться и не стремиться къ совершенству. Онъ и радъ бы снова юркнуть въ горшокъ, но видитъ, что кипятку еще

Digitized by Google

предостаточно, и потому сгрубить не осмѣливается. Но не менѣе понятно и то, что Глуповъ, хотя и доведенный столь рѣшительнымъ оборотомъ дѣла до раскаянія, не долженъ, однакожъ, питать никакихъ особенно благодарныхъ чувствъ.

Свои чувства онъ таитъ про себя, и, чтобъ успѣшнѣе надуть публику, шевелитъ усами, цѣлуетъ ручку и увѣряетъ, что исправился и впередъ не будетъ. Но не увлекайся, о, неопытный путникъ, манящею наружностью зеленаго ковра, покрывающаго трясину! Не успѣешь ты поставить на него ногу, какъ трясина ужъ засосетъ тебя; не успѣешь ты войти во вкусъ глуповскихъ протестацій, какъ Глуповъ ужъ засосетъ тебя!

Я достаточно наблюдалъ надъ нравами глуповцевъ, чтобъ умѣть распознавать истинныя движенія сердецъ ихъ отъ движеній мнимыхъ. Я знаю, что если глуповецъ, несмотря на мое упорство, ловитъ у меня руку поцѣловать, то это значитъ, что онъ почему-то меня боится, что онъ ждетъ отъ меня какой-то милости. Быть-можетъ, онъ заблуждается; быть-можетъ, я не имѣю возможности сдѣлать ему ни добра, ни зла, но я напрасно сталъ бы завѣрять его въ этомъ: не повѣритъ ни за что въ свѣтѣ. Онъ подлецъ, и потому убѣжденъ, что всякій, кто имѣетъ силу, имѣетъ ее для того, чтобъ бить, и что отъ этихъ побоевъ можно избавиться только кривляніями. Въ такихъ обстоятельствахъ, если я самъ человѣкъ глупонравный и безстыжій, то могу дѣлать надъ глуповцемъ все, что̀ моей душѣ угодно: могу заставить его снимать съ меня сапоги; могу заставить его брать сигару зажженнымъ концомъ въ ротъ, пить изъ полоскательной чашки, представлять Фанни Эльслеръ и вообще производить всѣ увеселительныя упражненія, на изобрѣтеніе которыхъ такъ торовато глуповское воображеніе. Но зато я знаю также, что если я чуть-чуть оплошалъ, если глуповецъ почему-либо утратилъ вѣру въ мою силу, если онъ не имѣетъ побужденія ни бояться меня, ни ждать отъ меня милости, онъ сейчасъ же подбѣжитъ къ столбику и подниметъ ногу.

И потому, когда глуповецъ гримасничаетъ и говоритъ мнѣ: «ха-ха!»—я всегда совершенно явственно слышу, что въ утробѣ его бурчитъ «хо-хо!»; когда глуповецъ жметъ мою руку, я всегда самымъ положительнымъ образомъ ощущаю, что въ его рукѣ есть трясеніе какое-то, есть ехидная какая-то судорога; когда глуповецъ лѣзетъ цѣловаться со мной, я знаю навѣрное, что въ это время у него щелкаютъ зубы.

Digitized by Google

Зрѣлище унизительное и въ высокой степени безнравственное! Надо безъ оглядки бѣжать изъ этой страшной среды, чтобъ не засосаться въ нее, чтобъ не осквернить свою душу.

Во всякомъ случаѣ, глуповскими протестаціями въ любви увлекаться нельзя. Во-первыхъ, глуповецъ слишкомъ ошпаренъ, а во-вторыхъ, онъ ищетъ только случая, какъ бы поудобнѣе и побезнаказаннѣе поднять ногу. Повторяю: не довѣряй слишкомъ опрометчиво, о, неопытный путникъ, манящей наружности зеленаго ковра, покрывающаго сію трясину! Коверъ—это распухшая отъ водки рожа глуповца; трясина—это исполненная ехидства душа его!

Самая простая и вмѣстѣ съ тѣмъ самая дѣйствительная манера подниманія ноги—это сплетня и клевета, и глуповецъ пользуется ею до пресыщенія. Я бы сказалъ, что сплетня разъѣдаетъ Глуповъ, что со временемъ она должна въ конецъ уничтожить его, если бы не зналъ навѣрное, что тутъ ни разъѣдать, ни уничтожать нечего, что тутъ живетъ одно тлѣніе, которое потому и живетъ, что оно тлѣніе. Сплетнею и клеветой занимался Глуповъ еще до ошпариванія, еще въ то время, когда онъ, въ веселіи сердца, унавоживалъ дно горшка. Онъ былъ на это великій художникъ и предпочиталъ этому искусству развѣ искусство смѣшить и увеселять своихъ добрыхъ начальниковъ. Первое онъ называлъ своимъ незаконопротивнымъ упражненіемъ души и сердца, второе—своею политикой. Первое доставляло ему утѣшеніе; второе бросало ему въ ротъ катышки со стола богатаго Лазаря.

Повидимому, какое дѣло Флору Лаврентьевичу Ржанищеву, что у Николая Семеныча Примогенова носъ вавилонами выросъ? Анъ дѣло, потому что Флоръ Лаврентьевичъ о томъ только и печалится.

Какое дѣло Ѳедькѣ Козелкову, что Сеня Бирюковъ и легъ, и всталъ у Катерины Силантьевны? Анъ дѣло, потому что Ѳедька Козелковъ находится по этому случаю въ большихъ попыхахъ: онъ наскоро сообщаетъ объ этомъ по секрету своему другу Володькѣ Паршивину, а Володька Паршивинъ приходитъ въ ужасъ, и тутъ же дѣлится полученною новостью съ Петькой Перетыкинымъ.

Какое дѣло кабаньей женѣ, что поросенковъ братъ третьяго дня съ свиньиной племянницей черезъ плетень нюхался? Анъ дѣло, потому что кабанья жена до изступленія чувствъ этимъ взволнована, потому что кабанья

Digitized by Google

жена дала себѣ слово неустанно искоренять поросячью безнравственность и выводить на свѣжую воду тайные поросячьи амуры.

Какое дѣло всѣмъ этимъ Терентьичамъ, Сидорычамъ и Трифонычамъ, что я ѣлъ сегодня пирогъ съ капустой, потомъ заходилъ къ Матренѣ Ивановнѣ, и у нея ѣлъ пирогъ съ налимьими печенками? Анъ дѣло, потому что едва я вхожу въ залу клуба, какъ ко мнѣ подлетаетъ Терентьичъ.

— А вы сегодня пирогъ съ капустой ѣли! — говоритъ онъ, и при этомъ строитъ такую рожу, какъ будто хочетъ спросить:—«а раскуси-ко, братъ, какъ я это узналъ?»

— Ну, да, ѣлъ.

Не отлетѣлъ еще Терентьичъ, какъ подлетаетъ Сидорычъ:

— А вы сегодня у Матрены Ивановны были!

— Ну, да, былъ.

За нимъ подлетаетъ Трифонычъ:

— А вы сегодня у Матрены Ивановны пирогъ съ налимьими печенками кушали!

— Ну, да, ѣлъ.

И благо мнѣ, если я ограничусь краткими отвѣтами. Но если я истинный глуповецъ, то непремѣнно пущусь въ разысканія, буду мучиться мыслью, какимъ образомъ все это узналось, буду допытываться, буду приставать. И выйдетъ изъ этого такая благодатная штука, которая самымъ пріятнымъ образомъ наполнитъ мое существованіе въ продолженіе нѣсколькихъ дней.

Все это, однакожъ, было очень невинно и потому мало кого трогало. Конечно, разсказъ о лежаніи и вставаніи Сени Бирюкова довольно пакостнаго свойства, но свойство это значительно умѣрялось тѣмъ, что если Ѳедька Козелковъ разсказывалъ о похожденіяхъ Сени, то и Сеня, въ свою очередь, передавалъ подъ величайшею тайной, что вчера ночью достовѣрные люди видѣли, какъ Ѳедька влѣзалъ черезъ окно къ Матренѣ Ивановнѣ, и что, вслѣдствіе этого, сегодня утромъ у Ѳедьки появились золотые часы. И оба были довольны, и оба не питали ни малѣйшей другъ къ другу претензіи.

Да и можно ли было оставаться недовольнымъ? Если Флоръ Лаврентьичъ треснетъ Николая Семеныча по уху, а Николай Семенычъ также треснетъ за это Флора Лаврентьича по уху—стало-быть, они квиты. Если Ѳедька Козелковъ плюнетъ Володькѣ Паршивину въ лицо, а Во-

Digitized by Google

лодька Паршивинъ за это также плюнетъ Ѳедькѣ Козелкову въ лицо—стало-быть, они квиты. «Гарсонъ! подай шампанскаго!»—и все тутъ. Это круговая порука, въ которой не было ни одного не битаго и насквозь не исплеваннаго.

Однако бывали клеветы и погнуснѣе.

Повѣритъ ли, напримѣръ, благосклонный читатель, что въ одной изъ глуповскихъ палестинъ нѣкоторый старецъ десять лѣтъ состоялъ подъ судомъ по жалобѣ эстляндской уроженки дѣвицы Фрикъ на обольщеніе ея тѣмъ коварнымъ старцемъ, и что жалоба эта и самая дѣвица оказались впослѣдствіи остроумнымъ вымысломъ нѣкоторыхъ развеселыхъ глуповскихъ ребятъ? А между тѣмъ такое дѣло было, я видѣлъ его собственными моими глазами!

Дѣвица Фрикъ!—А позвать старца къ отвѣту! Ха-ха!

— Милостивые государи!—взываетъ старецъ:—никогда такой дѣвицы не бывало! Сами видите, что это пасквиль!

Нужды нѣтъ!—Отнестись къ начальству Эстляндской губерніи о разысканіи дѣвицы Фрикъ... Хи-хи!

— Нѣтъ дѣвицы Фрикъ! — отвѣтствуетъ начальство Эстляндской губерніи.

А сдѣлать дѣвицѣ Фрикъ повсемѣстный по Россійской имперіи розыскъ... Хи-хи!

А предписать глуповской земской полиціи произвести по прошенію дѣвицы Фрикъ наистрожайшее слѣдствіе... Хи-хи!

А объявить старцу, что, по свойству взводимаго на него обвиненія, онъ обязывается отыскать лицо, которое согласилось бы взять его на поручительство... Хи-хи!

И вотъ старецъ, который, быть-можетъ, мечталъ только о томъ, чтобъ остатокъ дней своихъ посвятить посыпанію пескомъ аллей своего сада, чувствуетъ существованіе свое отравленнымъ. Онъ день и ночь строчитъ отвѣты и объясненія; онъ мечется какъ угорѣлый и соритъ деньгами, чтобъ достать по себѣ поручителя («чего добраго, еще напляшешься съ такимъ сорванцомъ!» не безъ ироніи говорятъ глуповцы), онъ подаетъ жалобу за жалобой, онъ ѣздитъ, онъ кланяется, онъ умоляетъ... Но нѣтъ ничего мрачнѣе глуповцевъ, когда они принимаются острить! Напрасно кланяется и умоляетъ старецъ—они не внемлютъ; они стоятъ себѣ въ кружкѣ да покатываются.

— Скажите, пожалуйста, какая непріятная исторія!—говоритъ одинъ изъ нихъ огорченному старцу.

Старецъ клянется, что онъ невиненъ.

Digitized by Google

— Да какъ же ты, Панфилъ Пантелеичъ, не умѣлъ концы въ воду схоронить?—говоритъ другой.

Старецъ вновь клянется, что онъ невиненъ.

– Э! да ты Донъ-Жуанъ, Панфилъ Пантелеичъ!

— Э! да тебя, братъ, семейному человѣку въ домъ къ себѣ опасно пускать!..

И проводя такимъ образомъ жизнь, глуповцы блаженствовали, наслаждались и умирать отнюдь не желали. Казалось бы, что такого рода занятіе слѣдовало бы оставить, особливо въ настоящее время, когда и т. д. Казалось бы, что кабаньей женѣ надлежало бы болѣе интересоваться тѣмъ, что въ Глуповѣ о-сю пору не заведено женской гимназіи, нежели амурными похожденіями поросенкова брата. Но,—увы!—все это только «казалось бы»! Отнюдь не слѣдуетъ забывать, что глуповское возрожденіе есть въ полной мѣрѣ глуповское, и что, слѣдовательно, самыя проявленія и послѣдствія его должны быть глуповскими.

Глуповецъ упоренъ, и отъ привычки своей (особливо, если она ему пришлась по сердцу) не отстанетъ ни за что на свѣтѣ. Разрушайся въ глазахъ его вселенная, лопайся откупъ, сокрушайся крѣпостное право—онъ останется вѣренъ своей привычкѣ и твердъ какъ скала. Казалось бы, какая дрянная привычка (и какъ бы легко ее бросить!)—ковырять въ носу, класть въ ротъ пальцы, плеваться, когда говоришь,—а глуповецъ и ее не оставилъ! Какъ же послѣ этого требовать отъ него, чтобъ онъ бросилъ сплетничать и клеветать, когда въ этомъ заключалась вся отрада его жизни, весь внутренній смыслъ ея? Очевидно, что такое требованіе было бы не только не практично, но даже и крайне притязательно.

А потому никто и не предъявляетъ подобнаго требованія, а потому никто и не мечтаетъ, чтобъ глуповецъ когда-нибудь могъ перестать быть глуповцемъ.

Но глуповецъ ошпаренъ, и потому клевета его принимаетъ другой характеръ. Прежде она была легкой забавой, безцѣннымъ препровожденіемъ времени; теперь она дѣлается клеветою злостною, клеветою, имѣющею—чортъ побери!—политическій оттѣнокъ.

Глуповецъ любитъ пригибаться къ землѣ и прикидываться сидоровой козой, но онъ помнитъ. Онъ такъ хорошо помнитъ то огорченіе, которое причинило ему внезапное ошпариваніе, что даже даетъ себѣ слово пересказать объ этомъ въ назиданіе всему свиньину потомству («вотъ, молъ,

Digitized by Google

друзья мои, какое страшное дѣло было, что у насъ въ горшкѣ словно мгла поднялась!»). На первый разъ онъ былъ какъ будто ошеломленъ, но теперь онъ уже шевелитъ усами и нюхаетъ, но теперь изъязвленныя мѣста начинаютъ ужъ вновь мало-по-малу зарастать шерстью. Онъ нюхаетъ, откуда бы могла придти на него такая напасть; но такъ какъ голову высоко поднять не можетъ, то нюхаетъ больше поблизости. И всякій смертный, не раздѣляющій безусловно глуповскихъ убѣжденій, не погрязшій безусловно въ болотѣ глуповскаго міросозерцанія, кажется ему личнымъ врагомъ, котораго надлежитъ приличнымъ образомъ опакостить. Всякій, кто заблаговременно выползъ изъ горшка, кого ошпариваніе не застало врасплохъ, кажется ему отступникомъ отъ отеческихъ преданій, противъ котораго дозволительна всякая гнусность. Эта мысль охватила все существованіе глуповца. Съ тѣхъ поръ, какъ она въ немъ засѣла, онъ видитъ веселые сны, онъ чувствуетъ въ себѣ какую-то страстность; онъ уподобляется тому немощному старцу, который, женившись на молодой и здоровой дѣвушкѣ, явственно ощущаетъ, какъ ветхое его тѣло крѣпнетъ и возстановляется насчетъ молодого и свѣжаго организма. Онъ позабылъ даже о дѣвицѣ Фрикъ, онъ не обращаетъ вниманія на похожденія поросенкова брата. Ненависть сдѣлала его почти красавцемъ; она сдѣлала его почти умнымъ...

Но если цѣль и намѣренія клеветы измѣнились, то пріемы и содержаніе ея остались тѣ же, какіе были и прежде. Поговоримъ напередъ о содержаніи.

Страннѣе всего то, что глуповцы не могутъ придумать клеветы болѣе гнусной и омерзительной, какъ назвать своего противника глуповцемъ же. Въ этомъ отношеніи они патріоты самые несостоятельные. Русскій, напримѣръ, никогда не скажетъ въ укоризну французу: «ахъ ты, русакъ-вахлакъ!»—но либо назоветъ его «мусью безпардоннымъ», либо напомнитъ ему то славное время, когда:

Барклай-де-Толли и Кутузовъ
Въ Москвѣ морозили французовъ..

Но глуповецъ—совсѣмъ дѣло другое. Онъ такъ и претъ впередъ съ своимъ «глуповцемъ».—«Мотри, мотри, робята,—говоритъ онъ:—вѣдь это нашъ! вѣдь это наши робята на солнцѣ онучи сушатъ!»

Я полагаю, это происходитъ оттого, что горизонтъ глуповской мысли еще не успѣлъ выработать себѣ иныхъ по-

Digitized by Google

нятій, кромѣ тѣхъ, которыя дала ему жизнь въ горшкѣ. Напримѣръ, онъ дралъ взятки съ живого и съ мертваго, и по писку, который поднимали обыватели горшка, подвергнутые такой реквизиціи, заключалъ, что имъ не должно быть очень сладко. И хотя это соображеніе отнюдь не останавливало его отъ дальнѣйшихъ подвиговъ на томъ же поприщѣ, но въ головѣ его уже рождалось смутное понятіе, что взятки дѣло не хорошее, и что тотъ, кто занимается такимъ дѣломъ, есть подлецъ. Отъ этого, даже въ его понятіи, слово «взяточникъ» сдѣлалось словомъ ругательнымъ. Отъ этого, если онъ хочетъ уязвить своего врага, то распускаетъ слухъ, что онъ взяточникъ. И выходитъ тутъ нѣчто странное, потому что, въ сущности, глуповецъ ругается здѣсь своимъ собственнымъ именемъ. И выходитъ это столь же странно, какъ если бы Сила Терентьичъ, вздумавъ хорошенько отдѣлать Терентья Силыча, не нашелся сказать ему ничего болѣе гнуснаго, кромѣ фразы «ахъ ты, Сила Терентьичъ!»

Возьмемъ другой примѣръ. Глуповцу нерѣдко приходилось претерпѣвать побои, и онъ всякій разъ чувствовалъ, что это больно. Сверхъ того, какъ онъ ни былъ обмятъ и обколоченъ, но не могъ въ то же время не сознавать, что это и стыдно. Но если даже ему казалось больно и стыдно принимать побои, то каково же должно это казаться тому, кто въ продолженіе цѣлой жизни не испытывалъ ни малѣйшей затрещины? Это соображеніе проникаетъ страшнымъ лучомъ свѣта въ его голову. Глуповецъ понимаетъ, что положеніе этого человѣка должно быть нестерпимо, и потому, если хочетъ уязвить своего противника, то распускаетъ слухъ, что его побили. И тутъ глуповецъ обругалъ своимъ собственнымъ именемъ, и тутъ Сила Терентьичъ назвалъ Терентья Силыча—Силой Терентьичемъ!

Возьмемъ третій примѣръ. Извѣстно, что глуповецъ имѣлъ совѣсть покладистую и готовъ былъ на всякій подвигъ, лишь бы инициатива подвига исходила отъ лица, могущаго дать на водку. Стоило только поманить глуповца рукой и сказать ему: «вотъ тебѣ, Сидорычъ, двугривенный: поди и послушай тамъ-то и тамъ-то!»—и Сидорычъ устремлялся стремглавъ; онъ удѣлялъ гривенникъ своему сообщнику и на остальной гривенникъ не только подслушивалъ и подсматривалъ, но даже и присочинялъ. Съ такими теплыми парнями можно было дѣйствовать широкой рукой: и дешево, и сердито. Однако, подобные подвиги не всегда же

Digitized by Google

сходили глуповцу съ рукъ удачно. Случалось, что ему съ замѣчательною щедростью накладывали за это и въ зубы, и въ носъ, и въ скулы, а нерѣдко повреждали и самые бока. Глуповецъ помнитъ это, и по степени полученныхъ поврежденій заключаетъ о непригодности ремесла. «Сталобыть,—разсуждаетъ онъ,—скверно подглядывать, если меня бьютъ за это!» А потому, если онъ хочетъ уязвить своего врага, то даетъ почувствовать, что онъ подкупленъ, что онъ дѣйствуетъ такъ, а не иначе, не потому, что это согласно съ его убѣжденіями, а потому, что такъ велѣно.

А глуповцы ахаютъ и вѣрятъ. Дыханіе спирается отъ радости въ ихъ зобахъ; имъ сладко и жутко отъ этихъ разсказовъ; они молодѣютъ и переносятся мыслью къ тѣмъ незабвеннымъ временамъ, когда ихъ били ежеминутно, били, не зная усталости, били и притомъ мазали сальной свѣчой по мордѣ, били и притомъ приговаривали: «не подслушивай! не мошенничай! не передергивай въ карты!» Она вѣрятъ, они не могутъ не вѣрить, если бы даже и хотѣли. Они такъ созданы, что не въ силахъ даже представить себѣ, чтобъ могъ существовать такой міръ, въ которомъ не было бы ни взятокъ, ни подглядыванія, ни мордобитія!

Въ этомъ случаѣ клевета пріобрѣтаетъ характеръ естественный, почти законный.

Положимъ, что горькая сила неизбѣжной судьбы приковала васъ къ Глупову, акклиматизировала среди глуповцевъ. Положимъ даже, что вы до такой степени акклиматизировались, что ничѣмъ особеннымъ и не отличаетесь отъ глуповцевъ; что у васъ, какъ и у нихъ, два желудка и только половина головы; положимъ, что вы, въ довершеніе всего, играете въ карты и не презираете водку. Повидимому, тутъ есть все, чтобъ обворожить глуповцевъ, чтобъ пріобрѣсти между ними популярность и снискать ихъ довѣріе. Однако, нѣтъ. У глуповца имѣется своего рода чутье; онъ нюхаетъ день, нюхаетъ два, и наконецъ поднюхиваетъ-таки въ васъ нѣчто несродное Глупову. И съ этой поры онъ васъ ненавидитъ, хотя и продолжаетъ цѣловать ваши руки; онъ ненавидитъ васъ тѣмъ сильнѣе, что любовь къ картамъ и снисхожденіе къ водкѣ кажутся ему съ вашей стороны лишь преднамѣреннымъ притворствомъ. Съ этихъ поръ онъ считаетъ себя въ правѣ взнести на васъ всякую мерзость изъ того богатаго запаса мерзостей, который хранится въ его душѣ.

Digitized by Google

И тутъ-то именно выступаютъ на сцену истинные глуповскіе пріемы. Поговоримъ о пріемахъ.

И въ этомъ случаѣ глуповецъ остается вѣренъ самому себѣ; и здѣсь онъ прежде всего памятуетъ, что за клевету могутъ помять ему бока. Онъ знаетъ, какъ это больно, и потому дѣйствуетъ съ осторожностью.

— Вы знакомы съ мосьё Шалимовымъ?—спрашиваетъ пѣтухову свояченицу курицынъ племянникъ.

— Еще бы!—отвѣчаетъ пѣтухова свояченица.

— Правда ли, что онъ?..—подвиливаетъ курицынъ племянникъ, показывая рукою хапанца.

Пѣтухова племянница, которая за минуту передъ тѣмъ даже не мечтала о возможности подобнаго вопроса, внезапно воспламеняется.

— Еще бы! да это весь Глуповъ знаетъ!—восклицаетъ она и какъ-то желчно при этомъ обдергивается.

Повидимому, это неосторожно; повидимому, пѣтухова свояченица рискуетъ, что мосьё Шалимовъ всенародно за это ее поцѣлуетъ. Однако, она не смущается. Не смущается она потому, во-первыхъ, что у мосьё Шалимова нѣтъ привычки цѣловать морвёзокъ, а во-вторыхъ, потому, что она ни на минуту не забываетъ, что живетъ въ Глуповѣ, и что въ этомъ любезномъ городѣ есть такое болото, которое въ одну минуту засосетъ въ себя какую угодно мерзость.

И дѣйствительно, вслѣдъ за курицынымъ племянникомъ является къ ней на выручку индѣйкинъ сынъ.

— А вы знаете, что курицынъ племянникъ разсказывалъ про мосьё Шалимова?—спрашиваетъ она его.

Индѣйкинъ сынъ развѣваетъ ротъ.

— Онъ говоритъ, что мосьё Шалимовъ ужаснѣйшій взяточникъ!—продолжаетъ она и, въ видахъ собственнаго своего огражденія, прибавляетъ:—Впрочемъ, это не можетъ быть!

Но индѣйкинъ сынъ уже проглотилъ. Онъ берется за шляпу и спѣшитъ подѣлиться новостью съ куликовой тещей, которая, въ свою очередь, передаетъ ее цаплину внуку, а цаплинъ внукъ сообщаетъ сестрицамъ-чекушечкамъ.

— Слышали? Слышали?—стонетъ болото.

— А слышали ли вы, какую намеднись нашъ чибисъ трепку мосьё Шалимову задалъ?—ввязывается кукушкинъ сирота.

— Неужто?

— Лопни мои глаза!

Digitized by Google

— Да кто-жъ это видѣлъ?

— Да гдѣ-жъ это случилось?

— Ай-да чибисъ!

— А я такъ напередъ зналъ, что наше болото задастъ себя знать! Ай-да лихо!

Мосьё Шалимовъ сидитъ въ это время дома и, по своему обыкновенію, скорбитъ о глуповцахъ. Онъ думаетъ о томъ, какими средствами можно бы сдѣлать изъ нихъ умновцевъ, и до такой степени погруженъ въ свои мечтанія, что даже не замѣчаетъ, что противъ него уже съ полчаса, какъ очарованный, сидитъ индѣйкинъ сынъ и, очевидно, сгораетъ нетерпѣніемъ нѣчто снаушничать. Натурально, мосьё Шалимовъ, выслушавъ мерзость, прежде всего плюетъ, но потомъ размышляетъ и такъ, что не жирно ли будетъ, если курицынымъ дѣтямъ будутъ даромъ проходить всѣ ихъ противоестественности. Расправа.

— А ну-те, подлецы,—говоритъ мосьё Шалимовъ:—сказывайте, кто изъ васъ первый эту пакость выпустилъ?!

— Это не я, это цаплинъ мужъ!—спѣшитъ прежде всѣхъ отозваться пѣтухова жена.

— Это не я, это сестрицы-чекушечки выдумали!—оправдывается цаплинъ мужъ.

— Что ты, пьянъ, что ли? Не при тебѣ ли куликова сноха это разсказывала? — щебечутъ, не на шутку струсивъ, сестрицы-чекушечки.

— Анъ сами вы пьяны! Не вѣрьте имъ, добрые люди, вѣдь онѣ извѣстныя сплетницы!—возражаетъ куликова сноха.

И тутъ начинается одна изъ тѣхъ сценъ взаимныхъ поклеповъ и обоюдныхъ доносовъ, истинная прелесть которыхъ понятна только глуповцу. Въ продолженіе многихъ часовъ воздухъ оглашается односложными возгласами, въ родѣ: «нѣтъ, ты!» «анъ, ты!»—покуда, наконецъ, кукушкинъ сирота не наплюетъ въ глаза цаплину мужу въ доказательство своей невинности.

Засосало, засосало-таки проклятое болото!

Нѣтъ сомнѣнія, что существуетъ же на свѣтѣ тотъ курицынъ сынъ, который считаетъ для себя полезнымъ и выгоднымъ наклеветать на Шалимова; но кто именно этотъ курицынъ сынъ, и какая именно курица, дымчатая или крапчатая, высидѣла такую ехидную гадину, это остается тайною глуповской почвы и глуповской природы.

Однако, постой же, достойный сынъ Глупова! умѣрь на минуту клеветническій пылъ свой и объяснимся!

Digitized by Google

Я очень хорошо понимаю, что ты имѣешь полное право клеветать. Ты глуповецъ, и въ качествѣ глуповца не можешь себѣ представить оружія болѣе дѣйствительнаго. Ты убѣжденъ, что Шалимовъ былъ непричастенъ тому ошпариванію, которое надѣлало тебѣ столько хлопотъ,—итакъ, клевещи на него, обличай его, удовлетворяй потребности твоего сердца безъ церемоній!

Но для чего ты хоронишься? для чего ты бѣжишь въ кусты, когда нить изслѣдованія приводитъ къ тебѣ? Для чего ты не говоришь прямо: «да, это я солгалъ! это я наклеветалъ!»

Не оттого ли, что ты жалѣешь свои щеки? Нѣтъ, ты не жалѣешь ихъ. Ты очень хорошо понимаешь, что онѣ самой природой созданы для пощечинъ; ты неоднократно доказывалъ это самымъ убѣдительнымъ образомъ, ибо не только безгорестно принималъ пощечины, но даже, немедленно послѣ того, отправлялся играть въ бабки. Не оттого ли, что въ тебѣ еще остались кой-какіе огрызки совѣсти, которые мѣшаютъ тебѣ смотрѣть прямо въ глаза честнымъ людямъ послѣ такого подвига? Нѣтъ, и не оттого, ибо ты достаточно совершалъ на своемъ вѣку и не такихъ подвиговъ, и всегда смотрѣлъ на свѣтъ Божій не только прямо, но даже съ нахальствомъ.

Сказать ли тебѣ, почему ты прячешься?

Ты прячешься потому, что чувствуешь паническій страхъ при одномъ имени Шалимова. Шалимовъ, въ твоихъ понятіяхъ, не просто молотъ, могущій раздробить твою голову, не просто ступа, которая можетъ стереть тебя въ табакъ: Шалимовъ — это принципъ, который подрываетъ всѣ основы твоей внутренней жизни, Шалимовъ—это навѣки нарушенный твой сонъ.

Еще никогда въ жизни ты не испытывалъ такого потрясенія, какое испытываешь въ настоящее время. Въ тебѣ совершился цѣлый психологическій переворотъ. Ты былъ убѣжденъ до сихъ поръ, что у твоей жизни есть только физическая основа, и эта сладкая мысль наполнила твою душу тѣмъ тихимъ веселіемъ, которое можетъ ощущать только невинность теленка, заранѣе увѣреннаго, что ему не грозитъ въ будущемъ недостатка ни въ сѣнѣ, ни въ рѣзкѣ. И вдругъ явились обстоятельства, доказавшія тебѣ самымъ положительнымъ образомъ, что ты заблуждался. Представь себѣ, въ самомъ дѣлѣ: вѣдь и тобою руководилъ какой-то нравственный принципъ! вѣдь и ты не все

Digitized by Google

же ѣлъ, да пилъ, да посягалъ, а тоже вѣровалъ и мыслилъ!

Да, ты вѣровалъ, ты мыслилъ—это несомнѣнно, хотя вѣрованія твои были нелѣпы, хотя мысли твои были поганы. Это несомнѣнно уже по тому одному, что вотъ теперь тебя и не бьютъ, и кормятъ исправно, а тебѣ еще больнѣе, нежели въ то время, когда тебя и били, и оставляли безъ обѣда. Ты въ первый разъ понялъ, что значитъ настоятельное прикосновеніе къ нравственнымъ основамъ жизни, и какую страшную боль причиняетъ это соприкосновеніе. Что плюха?—съѣлъ плюху, съѣлъ двѣ—встряхнулся и пошелъ щеголять по-старому... Но тутъ вѣдь сердце умираетъ отъ боли! но тутъ вѣдь кровь разлагается въ жилахъ отъ жестокаго обращенія!

И всѣ эти бѣдствія, и все это нравственное посрамленіе причинилъ тебѣ Шалимовъ и ему подобные! Истинно говорю тебѣ, что понимаю всю ненависть, которая должна закипать въ твоемъ сердцѣ при одномъ упоминовеніи этого имени!

Но откуда, однако, эта сила въ Шалимовѣ? Почему же онъ сила, а сосѣдъ твой, Флоръ Лаврентьевичъ Ржанищевъ—навозъ, а другой твой сосѣдъ, отставной капитанъ Постукинъ—бутыль, наполненная желудочной настойкой? Повидимому, и общественное глуповское мнѣніе мало симпатизируетъ Шалимову, и массы остаются къ нему равнодушными... и все-таки онъ сила! Стало-быть, есть нѣчто среднее между глуповскимъ повѣтріемъ и глуповскою массою, стало-быть, есть нѣчто еще не выразившееся, но уже предосязаемое, нѣчто неизвѣстное, но уже предощущаемое, что благопріятствуетъ и покровительствуетъ Шалимову.

Если желаешь, я могу тебѣ это растолковать.

По всѣмъ признакамъ, положеніе Глупова — одно изъ самыхъ безнадежныхъ: его точитъ какой-то недугъ, который неминуемо долженъ привести къ одру смерти. Однако, онъ не только не умираетъ, но даже изъявляетъ твердое намѣреніе жить безъ конца. И несмотря на видимую нелѣпость этихъ надеждъ, я не могу не раздѣлять ихъ, я не могу не признать ихъ вполнѣ основательными. Почему? А потому, достойный мой глуповецъ, что хотя сограждане твои и поражены проказой, но воздухъ Глупова чистъ, ибо освѣжается прилетающими изъ Умнова вѣтрами. Благодаря этой чистотѣ, въ глуповскомъ воздухѣ ощущается та струя честности, которая полагаетъ непереступаемыя гра-

Digitized by Google

ницы нравственной распущенности глуповцевъ. Благодаря ей, глуповское міросозерцаніе не дѣлается владыкою міра, но остается въ предѣлахъ своего горшка. Благодаря ей, глуповскій аборигенъ, который съ трудомъ можетъ отличить свѣтъ отъ тьмы, не смѣетъ, однакожъ, открыто не признавать благотворной, всепроникающей силы добра, точно такъ же, какъ ни одинъ глуповскій jeune homme bien élevé не рѣшится сказать, что громъ оттого бываетъ, что Илья пророкъ по небу ѣздитъ, хотя навѣрное знаетъ, что въ этомъ именно и заключается единственная и настоящая причина грома.

Сойди въ трущобы своего собственнаго сердца, о, глуповецъ, и очисти ихъ отъ наслоившагося вѣками навоза! И тамъ ты отыщешь зачатки нѣкоторой застѣнчивости, и тамъ ты доскребешься до чего-то похожаго на робкое признаніе силы добра! Конечно, этотъ эмбріонъ стыдливости слишкомъ слабъ, чтобы подѣйствовать рѣшительно на твое собственное нравственное возрожденіе, но все же онъ достаточенъ, чтобъ внести въ твою душу тотъ спасительный трепетъ, который не дозволяетъ ей наругаться надъ тѣмъ, что, по общему, вселенскому сознанію, признается за добро.

Ты не отречешься отъ клеветы, но будешь клеветать потихоньку. Ты не отречешься отъ клеветы, но, клевеща, будешь озираться кругомъ, не подслушиваетъ ли тебя кто-нибудь. Ты не отречешься отъ клеветы, но при первомъ шорохѣ струсишь, но при первомъ настоятельномъ вопросѣ отопрешься и скажешь: «это не я, это индѣйкина дочь!»

Да, и въ самыхъ растлѣнныхъ обществахъ имѣется своего рода стыдливость; и самый великій, самый несомнѣнный подлецъ никогда еще не доходилъ до такого цинизма, чтобъ всенародно признавать себя за подлеца и гордиться этимъ званіемъ!

Вліяніе этой честной, благотворной струи, которая спасаетъ Глуповъ отъ окончательнаго разложенія, я могу доказать тебѣ многими несомнѣнными фактами.

Скажи мнѣ, напримѣръ, почему госпожа Падейкова, которая свою горничную всегда называла Аришкою, халдою и чумичкою, вдругъ начала ее называть Аришею и голубушкою? Измѣнила ли она свое воззрѣніе на нее, убѣдилась ли, что Ариша, въ самомъ дѣлѣ, стала изъ халды голубушкой? Ни то, ни другое. И госпожа Падейкова, и Ариша остались вѣрными самимъ себѣ: попрежнему, первая непреклонна въ своихъ убѣжденіяхъ; попрежнему,

Digitized by Google

послѣдняя упорствуетъ въ своей халдоватости. Однако, нѣчто измѣнилось между ними; во взаимныхъ отношеніяхъ ихъ поселилась какая-то холодность, дѣлающая ихъ подчасъ весьма непріятными. Что же произошло, что измѣнилось? А измѣнилась, вдругъ, та атмосфера, въ которой онѣ до сихъ поръ жили и дѣйствовали, и вслѣдствіе этого измѣненія госпожа Падейкова и хочетъ, да не смѣетъ, а дѣвка Ариша и не хочетъ, а смѣетъ. Ясно ли?

Отчего сосѣдъ мой, капитанъ Постукинъ, извѣстный цѣлому околотку, какъ малый лихой и притомъ весьма развязный на руку, внезапно опустилъ длань свою, началъ хирѣть и задумываться? Отчего онъ, вмѣсто того, чтобъ дѣйствовать чубукомъ наотмашь, усовершенствовалъ себя до той степени деликатности, что только стискивалъ свой чубучище въ рукѣ, но бить имъ никого не билъ? Получилъ ли онъ внезапно убѣжденіе, что чубукъ не составляетъ еще совершеннаго доказательства? Нѣтъ, не получилъ, и это доказывается тою судорогою, которая коверкаетъ его руку. Закралось ли въ его душу сомнѣніе насчетъ возможности получить сдачи? Нѣтъ, не закралось; ибо до самаго конца жизни онъ оставался сложеннымъ до такой степени прочно, что одинъ поверхностный взглядъ на его наружность сразу подрывалъ всякое предположеніе о возможности сдачи. Что-жъ измѣнилось? И тутъ, повторяю, измѣнилась лишь атмосфера, измѣнились лишь отношенія—и ничего больше.

А если бы ты зналъ, о, достойный глуповецъ, какой страшной, неслыханной борьбы стоило Постукину его воздержаніе! Онъ нѣсколько мѣсяцевъ сряду умиралъ ежемгновенно, и все молчалъ, и все курилъ трубку, и все хотѣлъ что-то высказать... и не высказалъ! Съ тѣмъ мы его и похоронили. Только напослѣдяхъ, передъ самой своей кончиной, онъ собралъ своихъ челядинцевъ и сказалъ имъ:

— Ну, подлецы, прощайте! По крайней мѣрѣ, не при мнѣ...

Но и тутъ не досказалъ, и тутъ сама судьба не допустила его отдать на поруганіе тайну его сердца.

Отчего у другого моего сосѣда, отставного прапорщика Сидорова, прислуга вдругъ объявила, что не хочетъ кислаго молока хлебать? Измѣнилось ли свойство молока? Сдѣлались ли желудки менѣе устойчивыми? Ни то, ни другое. Еще вчера ѣла прислуга то же самое молоко, ѣла, и видъ здоровый и бодрый имѣла. Ѣли это самое молоко отцы, ѣли дѣдушки, а никогда-таки на животы не жаловались — и вдругъ словно вотъ оборвалось! Тщетно господинъ Сидоровъ

Digitized by Google

уговариваетъ ихъ: «что, молъ, вы, сударики,—вафель, что ли, вамъ хочется?» Тщетно онъ подбѣгаетъ то къ одному, то къ другому: «а ну-ко, Егоръ!» — «а ну-ко, Прохоръ!..» Увы! ни въ комъ не находитъ онъ никакого раскаянія! Что-жъ измѣнилось? Опять-таки измѣнилась одна атмосфера: «не ѣшь, братцы, молока!»- да и шабашъ!

Отчего ключница Матрена, видѣвшая прежде во снѣ, что доитъ коровъ, либо на погребъ за огурцами ходитъ, съ нѣкотораго времени видитъ, что гуляетъ въ саду по цвѣтамъ? Оттого, что атмосфера измѣнилась.

Отчего госпожа Антонова, какъ только войдетъ въ комнату истопникъ Степушка, тотчасъ же прерываетъ интересный разговоръ и предупреждаетъ своего собесѣдника: «парле франсе, доместикъ иси!» Оттого, что атмосфера измѣнилась.

Многіе глуповцы, пораженные столь неожиданными для нихъ явленіями, прежде всего ищутъ объяснить ихъ себѣ чисто-внѣшнимъ образомъ. Имъ все кажется, что тутъ дѣйствуютъ какіе-то зачинщики и подстрекатели, безъ тайныхъ козней которыхъ все шло бы какъ по-маслу. Такъ, напримѣръ, господинъ Сидоровъ утверждаетъ, что начало всей смутѣ положилъ Егорка-Лысый, а госпожа Антонова божится и клянется, что перемѣна въ характерѣ сновидѣній ключницы Матрены произошла именно съ тѣхъ поръ, какъ эта подлая тварь снюхалась съ подлецомъ Іонкой. Пріятель мой Ударъ-Ерыгинъ идетъ въ этомъ случаѣ еще дальше. Когда до его свѣдѣнія доходитъ слухъ о подобной смутѣ, онъ даже не даетъ себѣ труда разобрать, въ чемъ дѣло, но просто-на-просто приказываетъ отобрать пятокъ или десятокъ зачинщиковъ.

Однако, опытъ и добросовѣстныя изслѣдованія самымъ положительнымъ образомъ доказываютъ, что подобный способъ оцѣнки явленій совершенно не состоятеленъ.

Допустимъ, что Егорка-Лысый дѣйствительно первый сказалъ: «не ѣшь, братцы, кислаго молока!» — но почему же онъ сказалъ это? Почему онъ вчера не говорилъ ничего, а нынче сказалъ? Почему, наконецъ, не предположить и того, что если бы Егорка, на одну только минуту, прикусилъ себѣ языкъ, то эти же самыя слова не были бы высказаны прежде него Антипкой или Прошкой? А можетъ-быть, Егорка далъ еще довольно умѣренную форму требованіямъ, долгое время таившимся на днѣ всѣхъ вообще сердецъ Прошкиныхъ? А можетъ-быть, не вырази этого требованія

Digitized by Google

Егорка, выразилъ бы его Филька-Косачъ, и тогда Богъ вѣсть, какая вышла бы изъ этого кутерьма? А можетъ-быть, Егорка явился еще миротворцемъ; можетъ-быть, своимъ вмѣшательствомъ онъ еще спасъ дѣло?

Но, конечно, еще болѣе несостоятельной представляется манера Ударъ-Ерыгина. Тутъ все случайно, тутъ все такъ-таки просто ни на что не похоже. Почему именно пятокъ, а не десятокъ зачинщиковъ? И какихъ зачинщиковъ: блондиновъ или брюнетовъ? И если блондиновъ, то почему не брюнетовъ?

Я серьезно обращаю вниманіе гг. Сидорова и Ударъ-Ерыгина на эти вопросы и приглашаю ихъ размыслить, ибо, мнѣ кажется, они смотрятъ на это дѣло слишкомъ легко.

Конечно, если взирать съ высотъ глуповскихъ на всѣхъ этихъ Антипокъ и Прошекъ, которые тамъ, внизу, копошатся, то кажется, что они составляютъ безразличную массу, и что, въ смыслѣ общеглуповскихъ интересовъ, все равно, кого ни вырвать изъ этой массы: Антипку или Прошку. Но это не такъ. Микроскопическія наблюденія доказываютъ намъ до очевидности, что каждый изъ этихъ Антипокъ имѣетъ свое собственное очертаніе. Затѣмъ наблюденія психологическія доказываютъ еще больше: они доказываютъ, что каждый Антипка имѣетъ не только свое собственное очертаніе, но и свою собственную нравственную физіономію, такъ что если, напримѣръ, Антипку высѣкутъ понапрасну, а Прошку не высѣкутъ и за дѣло, то оба они этимъ обижаются. Стало-быть, и сѣчь не слѣдуетъ зря, а тоже разсматривать. Это первый результатъ, къ которому должно привести размышленіе.

А второй результатъ будетъ заключаться въ томъ, что и Антипка, и Прошка, послѣ тщательнаго разбора дѣла, навѣрное очистятъ себя отъ всякихъ несправедливыхъ нареканій. Антипка скажетъ: «не я!», Прошка скажетъ: «не я!»—и оба будутъ правы, ибо виноватъ не Антипка, а время, а струя, которая, несмотря ни на что, держится себѣ да держится въ глуповскомъ воздухѣ...

Итакъ, вотъ почему ты весь трясешься при одномъ имени Шалимова, курицынъ сынъ! Вотъ почему ты боишься его пуще палки и боя смертнаго! Вотъ почему ты прячешься!

Но какъ ни искусны дѣйствія клеветника, какъ ни безслѣдно засасываются они болотомъ, составляющимъ поприще клеветы, тѣмъ не менѣе, положеніе его должно быть ужасно.

Digitized by Google

Каждую минуту онъ долженъ опасаться, что вотъ-вотъ его уличатъ; каждую минуту онъ долженъ трепетать, что вотъ-вотъ настанетъ страшное мгновеніе, когда онъ вынужденъ будетъ всенародно назвать себя клеветникомъ!

А ну, какъ болото не засосетъ?

А ну, какъ индѣйкинъ сынъ смалодушествуетъ?

И пораженному ужасомъ воображенію клеветника представляются какъ живыя всѣ малѣйшія подробности, вся мелочная обстановка, сопровождавшая его гнусный поступокъ. Тогда-то онъ былъ тамъ-то и сказалъ то-то («еще въ это время ветчину съ горошкомъ подавали!» — подсказываетъ глуповское брюхо); тогда-то, при такихъ-то свидѣтеляхъ, курицына дочь высказала такую-то мерзость, и онъ не только не протестовалъ, но даже сомнительно улыбнулся («цаплина внучка чай разливала!» — подсказываетъ брюхо); тогда-то онъ до такой степени увлекся, что выставлялъ себя даже очевидцемъ небывалаго происшествія («не хотите ли еще кусочекъ каплуна?» — спрашивала его въ это время куликова теща).

Волосы шевелятся на головѣ его, во рту дѣлается горько...

Что плюха? — видалъ онъ на своемъ вѣку виды! И десять, и сто плюхъ съѣсть ничего; но быть униженнымъ передъ своей братіей, но попасться, но быть пойманнымъ, но быть названу подлецомъ въ такое время, когда подлецы перестаютъ производить фуроръ, — вотъ гдѣ ужасъ, вотъ казнь, которую онъ не могъ предвидѣть и ожиданіе которой заставляетъ его всечасно блѣднѣть и умирать!

Только воръ можетъ испытывать нѣчто подобное, когда лѣзетъ ночью въ окно чужого дома...

Но, кромѣ страха, клеветникъ долженъ по временамъ ощущать и приливы раскаянія. Когда впечатлѣніе, произведенное ошпариваніемъ, ослабѣваетъ, онъ не можетъ не сознавать, что происшествіе, столь много его огорчившее, исходитъ не отъ Шалимова, но вообще отъ силы ошпаривающихъ обстоятельствъ. И тогда онъ начинаетъ ругать себя подлецомъ и свиньею, и даже изъявляетъ намѣреніе намазать свой глупый языкъ горчицей.

Только каплунъ можетъ испытывать нѣчто подобное, когда, думая, что поймалъ носомъ кусокъ творогу, онъ внезапно догадывается, что поймалъ кусокъ извести.

Въ уваженіе этого глупаго страданія, во вниманіе къ этому нелѣпому раскаянію, убѣждаю тебя, Шалимовъ: плюнь на клеветника!

Digitized by Google

Для тебя это тѣмъ легче сдѣлать, что наблюденія надъ общимъ строемъ глуповской жизни должны были дать тебѣ удовлетворительный матеріалъ для плеванія и достаточно развить въ тебѣ способность къ такому способу выраженія чувствъ и движеній души. Плюй же смѣло, плюй прямо, плюй направо, плюй налѣво: можетъ-быть, доплюешься и до клеветника!

Помни, что Глуповъ не можетъ не клеветать, потому что онъ возрождается. Возрожденіе вызвало въ немъ новыя страсти и новыя понятія, но прежде всего вызвало ненависть къ самому возрожденію. Хоть это, повидимому, и противорѣчіе, но оно разрѣшается очень просто. Еще не остылъ въ Глуповѣ потъ прежней, горшечной его жизни; еще не перегорѣлъ внутри его старый хламъ, накопленный тамъ вѣками; онъ все еще прежній, ветхій Глуповъ, который такъ забавлялъ тебя своимъ оригинальнымъ міросозерцаніемъ... Странно было бы, если бы онъ покончилъ со своимъ прошлымъ, не поговоривъ немного, не сневѣжничавъ хоть ради очищенія совѣсти!

Но, быть-можетъ, ты возразишь, что глуповскія палестины обширны, и клевета разливается въ нихъ съ зазорною быстротой. Скучно и досадно жить посреди жалкаго гвалта, поднимаемаго курицыными дѣтьми; омерзительно видѣть эти глупо разинутые рты, эти выпученные отъ радостнаго удивленія глаза. И не потому досадно, что трогаетъ самый крикъ курицыныхъ дѣтей, но потому, что крикъ лѣзетъ въ уши, что онъ пострамляетъ мысль, что онъ, во что бы то ни стало, хочетъ вгрызться въ существованіе, совершенно непричастное глуповской жизни.

Согласенъ; дѣйствительно, все это и скучно, и омерзительно. Но, въ такомъ случаѣ, не лучше ли сразу покончить съ Глуповымъ?

Ты самъ отчасти виновенъ въ томъ, что Глуповъ сдѣлался развязенъ, что онъ забылъ пословицу, что розга для его же добра существуетъ. Ты былъ слишкомъ снисходителенъ къ глуповцамъ, ты слишкомъ якшался съ ними. Ты самъ нѣкоторымъ образомъ заразился глуповскими привычками, сдѣлался причастнымъ глуповскому міросозерцанію, а глуповцы, видя это, и впрямь заключили, что ты совсѣмъ сдѣлался глуповцемъ. И вотъ начались между ними «ха-ха» да «хи-хи», и вотъ появилась толпа amis cochons, которая, утерявъ всякій страхъ, приглашаетъ тебя выпить водочки и сыграть пулечку...

Digitized by Google

Сбрось съ себя эту дрянь, покончи съ Глуповымъ, и дѣлай свое дѣло, иди своею дорогой! Стань въ сторонѣ отъ Глупова, и вѣрь, что грязь его не забрызжетъ тебя!

VIII.—Наши глуповскія дѣла.

«Въ надеждѣ славы и добра,
Идемъ впередъ мы безъ боязни»...

Вотъ и опять я въ Глуповѣ; вотъ и опять потянулись заборы да пустыри; вотъ и опять широкой лентой блеснула въ глаза рѣка Большая Глуповица и узенькой—рѣка Малая Глуповица; вотъ и опять пахнуло на меня ароматами свѣжеиспеченнаго хлѣба... Дѣтство! родина! вы ли это?

Сердце мое замираетъ; въ желудкѣ начинается невыразимо-сладостная тревога... передо мною крутой спускъ, а за спускомъ играетъ и нѣжится наша милая, наша скромная, наша многоводная Глуповица! Господи! сколько стерлядей лавливали здѣсь во время оно! И какія славныя варева сочинялъ изъ нихъ поваръ Трифонычъ! Даже теперь языкъ невольно подщелкиваетъ, даже теперь разсудокъ отказывается вѣрить, чтобъ Тигръ и Евфратъ могли предложить первому человѣку что-либо подобное ухѣ изъ налимьихъ печенокъ, которую ѣстъ самый послѣдній изъ обитателей береговъ нашей родной рѣки!

Да, мы гордимся нашей рѣкой, и имѣемъ на это право, ибо Глуповица (шутка сказать!)—рѣка историческая. Во-первыхъ, на берегахъ ея кто-то кого-то побилъ. Во-вторыхъ, это истинная колыбель тѣхъ золотыхъ поросятообразныхъ стерлядей, которыми объѣдались достославные наши предки, которыми продолжаемъ объѣдаться и мы. Въ Глуповицѣ, какъ въ неподкупномъ зеркалѣ, отражается вся жизнь Глупова. Вмѣсто того, чтобъ утомлять свой умъ наблюденіями надъ живыми проявленіями жизни, историку и этнографу стоитъ только взглянуть на гладкую поверхность славной нашей рѣки—и всякая завѣса, будь это самая плотная, мгновенно спадетъ съ его глазъ. Глуповъ и рѣка его—это два близнеца, во взаимной нераздѣльности которыхъ есть нѣчто трогательное, умиляющее.

Весною Большая Глуповица широко разливается. Холодныя, мутныя волны лѣниво перекатываются отъ одного берега къ другому, а надъ рѣкой стоитъ какой-то пріятный, разслабляющій гулъ. Не бурлитъ родимая Глуповица, разливая по лугамъ и ложбинамъ сокровища утучняющей влаги; ничего и никого не уноситъ она въ теченіи своемъ;

Digitized by Google

не слышно ни треску, ни гвалта въ воздухѣ, когда, освободившись отъ зимнихъ оковъ, вдругъ хлынетъ на вольный свѣтъ черная, негостепріимная масса водъ... Нѣтъ, учтиво и благодушно разливается наша Глуповица; неохотно и неуклюже лѣзутъ волны ея одна на другую, производя тотъ вѣжливый, разслабляющій гулъ, о которомъ говорится выше. Подъ этотъ гулъ славно спится глуповцамъ.

Лѣтомъ Глуповица пересыхаетъ. Тамъ, гдѣ темнѣли бурныя волны, выглядываютъ острова песковъ рудожелтыхъ; лукавая корова охотно рискуетъ переправиться вбродъ, чтобъ забиться въ поемные луга; безчисленныя стада водяныхъ курочекъ обсѣдаютъ песчаные берега и тоскливымъ своимъ крикомъ приводятъ въ раздраженіе нервы заѣзжаго человѣка-необывателя; вода свѣтла и прозрачна; сладко, чуть слышно журчитъ рѣка, катя въ безконечную даль голубую ленту струй своихъ. Подъ это журчаніе славно спится глуповцамъ.

Осенью Глуповица надувается и какъ будто проявляетъ желаніе подурить. Я охотно хожу тогда посмотрѣть на рѣку; все мнѣ кажется, что она сбирается какую-то неслыханную дебошь сдѣлать. Но ожиданіе мое напрасно. Тщетно вглядываюсь я въ колышущуюся пучину водъ; тщетно жду: вотъ-вотъ разверзнется эта пучина, и изъ зіяющей пропасти встанетъ чудище рыба-китъ! Вмѣсто того, я слышу только, какъ шлепаютъ волны о берега, какъ онѣ разлетаются въ брызгахъ, и опять шлепаются, и опять разлетаются... Подъ звуки этого шлепанія славно спится глуповцамъ.

Но вотъ наступаетъ и зима. Зимою славно спится глуповцамъ подъ звуки собственнаго своего храпѣнія.

Нѣкоторые мѣстные изслѣдователи полагаютъ, что отъ рѣки Большой Глуповицы поднимаются какіе-то пары особенные, которые снотворнымъ образомъ дѣйствуютъ на жителей Глупова. Напротивъ того, другіе изслѣдователи полагаютъ, что пары поднимаются собственно отъ обывателей и снотворнымъ образомъ дѣйствуютъ на Глуповицу. Я, съ своей стороны, склоняюсь къ послѣднему мнѣнію, ибо я самъ однажды видѣлъ, какъ нѣчто въ родѣ пара поднималось надъ лысиной прокурора, когда онъ, безъ шапки, возвращался съ обѣда отъ откупщика.

Особы, люди и людишки, наѣздомъ посѣщающіе Глуповъ, не нарадуются на него. Во всякое время, когда угодно, тишина и благорастворѐніе воздуховъ; даже среди бѣлаго

Digitized by Google

дня, когда, какъ извѣстно, въ Вавилонѣ происходило столпотвореніе, Глуповъ откликается на зовъ жизни только тѣмъ, что собаки, спавшія доселѣ у воротъ, свернувшись калачикомъ, начинаютъ потягиваться и повиливать хвостами. Одинъ заѣзжій аптекарь, взирая на эту картину мира и безмолвія, даже заплакалъ отъ умиленія. Онъ вообразилъ себѣ, что въ большихъ каменныхъ домахъ, ограничивающихъ главную улицу, обитаютъ трудолюбивые сапожники, богобоязненные колбасники и друзья порядка— булочники, что колбасники отдыхаютъ отъ трудовъ среди вымывшихъ руки женъ и дочерей; что старшая дочь, бѣлокурая Гретхенъ, читаетъ собравшемуся семейству трогательную повѣсть Лафонтена, а маленькій сынишка Карлъ, завладѣвши, съ дозволенія папаши, негодной кишкой, набиваетъ ее лоскутками и всякою дрянью, воображая, что дѣлаетъ колбасу... И много потребовалось усилій, чтобъ растолковать честному нѣмцу, что тишина происходитъ совсѣмъ не оттого, что городъ населенъ колбасниками, а оттого, что таково прирожденное свойство обитателей Глупова (ихъ грѣхъ первородный): не могутъ они шевелиться, ибо отяжелѣли. Начальствующіе отдыхаютъ въ объятіяхъ секретарей, помѣщики — въ объятіяхъ крѣпостного права, купцы—въ объятіяхъ единоторжія и надувательства. Чтобъ повѣрить такой отзывъ, аптекарь сталъ вслушиваться въ эту тишину, и до слуха его дѣйствительно долетѣли странные ночные звуки. Услышавъ ихъ, нѣмецъ покраснѣлъ и поспѣшно сталъ собираться въ дорогу, а обыватели, провожая его сонными глазами, приговаривали: «что русскому здорово, то нѣмцу смерть!»

У Глупова нѣтъ исторіи. Всякая вещь имѣетъ свою исторію; даже старый губернаторскій вицмундиръ имѣетъ свою исторію («а помните, какъ на обѣдѣ у градского головы его превосходительству вицмундиръ соусомъ облили?»— любятъ вопрошать другъ друга глуповцы), а у Глупова нѣтъ исторіи. Разсказываютъ старожилы, что была какая-то исторія, и хранилась она въ соборной колокольнѣ, но впослѣдствіи ни то крысами съѣдена, ни то въ пожаръ сгорѣла («помните, въ тотъ самый пожаръ, передъ которымъ тараканы изъ города поползли, и во время котораго глуповцы, вмѣсто того, чтобъ тушить огонь, только ахали да въ колокола звонили?»).

Разсказываютъ, что было время, когда Глуповъ не назывался Глуповымъ, а назывался Умновымъ, но на бѣду

Digitized by Google

сошелъ нѣкогда на землю громовержецъ Юпитеръ и, обозрѣвая владѣнія свои, завернулъ и въ Глуповъ. Тоска обуяла Юпитера, едва взглянулъ онъ на рѣку Большую Глуповицу, болѣзненная спячка такъ и впилась въ него, какъ будто говоря: «а! ты думаешь, что Юпитеръ, такъ и отвертишься! Шалишь, братъ!» Однако, Юпитеръ отвертѣлся, но въ память пребыванія своего въ Умновѣ повелѣлъ ему впредь именоваться Глуповымъ, чѣмъ глуповцы не только не обидѣлись, но даже поднесли Юпитеру хлѣбъ-соль.

Наѣзжала еще въ Глуповъ Минерва-богиня. Пожелала она, матушка, знать, какую это думу мудреную думаетъ Глуповъ, что все словно молчитъ да на усъ себѣ мотаетъ, какіе есть у него планы и соображенія насчетъ глуповскихъ разныхъ дѣлъ. Вотъ и созвала Минерва вѣрныхъ своихъ глуповцевъ: «скажите, дескать, мнѣ, какая это крѣпкая дума въ васъ засѣла?» Но глуповцы кланялись и потѣли; самый, что называется, горланъ ихній хотѣлъ-было сказать, что глуповцы головой скорбны, но не осмѣлился, а только взопрѣлъ пуще прочихъ. «Скажите, что-жъ вы желали бы?»—настаивала Минерва и топнула даже ножкой отъ нетерпѣнія. Но глуповцы продолжали кланяться и потѣть. Тогда, Богъ-вѣсть откуда, раздался голосъ, который во всеуслышаніе произнесъ: «лихо бы теперь соснуть было!» Минерва милостиво улыбнулась; даже глуповцы не выдержали и засмѣялись тѣмъ нутрянымъ смѣхомъ, которымъ долженъ смѣяться Иванушка-дурачокъ, когда ему кукишъ показываютъ. Съ тѣхъ поръ и не тревожили глуповцевъ вопросами.

Глуповцы и доселѣ съ умиленіемъ передаютъ эти преданія, какъ въ назиданіе юному поколѣнію, такъ и въ удовлетвореніе любознательности изслѣдователей-энтузіастовъ, которые и до сего часа не перестали вѣровать въ возможность исторіи Глупова. Путешествующимъ археологамъ охотно показываютъ домъ, въ которомъ останавливался Юпитеръ, и комнату, въ которой подписанъ былъ указъ о наименованіи города Глуповымъ. Скажу даже, что послѣ гармоники и разсказовъ о невзгодахъ, которымъ подвергался губернаторскій вицмундиръ на различныхъ обѣдахъ и пирахъ, передача этихъ преданій составляетъ любимѣйшее занятіе глуповцевъ. И при этомъ изъ внутренностей ихъ излетаетъ тотъ самый смѣхъ, которымъ смѣялись достославные ихъ предки во время переговоровъ съ Минервою.

Digitized by Google

Охотники также глуповцы покалякать на досугѣ о разныхъ губернаторахъ, которые держали въ рукахъ своихъ судьбы ихъ сновидѣній. Были губернаторы добрые, были и злецы; только глупыхъ не было—потому что начальники! Былъ Селезневъ губернаторъ; этотъ, какъ добрался до Глупова, первымъ дѣломъ уткнулся въ подушку, да три года и проспалъ.

— Такъ соннаго, сударь, и смѣнили!—прибавляетъ отъ себя убѣленный сѣдинами глуповецъ-старожилъ.

А то былъ губернаторъ Воиновъ, который въ полгода чуть вверхъ дномъ Глупова не поставилъ; позвалъ это предъ лицо свое глуповцевъ, да какъ затопочетъ на нихъ: «только пикните у меня, говоритъ, всѣхъ правъ состоянія лишу, на каторгу всѣхъ разошлю!»

— А мы, сударь, и не пикали совсѣмъ,—прибавляетъ отъ себя тотъ же убѣленный сѣдинами разсказчикъ.

— Однако, не что̀ взялъ, умаялся!—замѣчаетъ другой обыватель и, позѣвывая, удаляется на печку спать.

Достославный Селезневъ! и до сихъ поръ въ глазахъ глуповцевъ не иссякаетъ источникъ благодарныхъ слезъ при воспоминаніи о тебѣ! То-то было времечко! то-то были храпъ и сопѣніе великое! Еще недавно собирались глуповцы около колокольни (той самой, гдѣ съѣдена крысами исторія Глупова) потолковать о томъ, не слѣдуетъ ли монументъ воздвигнуть для увѣковѣченія твоего имени, но толковать не осмѣлились и, помахавши руками, разошлись по домамъ.

Разсказываютъ еще о губернаторѣ рыжемъ, въ которомъ только и имѣлось замѣчательнаго, что онъ былъ рыжій, и глуповцы пугали имъ дѣтей своихъ, говоря: «погоди вотъ, ужо̀ рыжій чортъ придетъ!»

Разсказываютъ еще о губернаторѣ сивомъ, о губернаторѣ каремъ, о губернаторѣ, красившемъ свои волосы, «да такъ, сударь, пречудеснѣйше, что всѣ только ахали!»

— А помните ли, Иванъ Саввичъ, Кузьму Петровича Фютяева? Какая ихняя барыня преотмѣнная была?—говоритъ старожилъ Павелъ Трифонычъ.

— Ужъ такая-то преотмѣнная, что, кажется, и не нажить намъ другой такой!—отвѣчаетъ Иванъ Саввичъ.—Въ тѣ поры, какъ родился у меня Ванюшка, она сама его, покойница, посадила на ладоночку, да и говоритъ мнѣ-ка: «молодецъ, говоритъ, будетъ у тебя Ванюшка, торговецъ!» Такая была барыня предобрѣйшая!

Digitized by Google

И жадно внимаетъ этимъ разсказамъ путешественникъ-археологъ, жадно вписываетъ въ записную свою книжку каждую крупицу, каждую мелкую срамоту и, возвратясь въ Петербургъ, передаетъ собранные матеріалы тисненію. Но тщетно пыжится археологъ; тщетно надувается онъ, въ надеждѣ, что пишетъ о глуповцахъ для глуповцевъ же, которые, пожалуй, и не различатъ анекдотовъ отъ исторіи: исторіи Глупова все-таки нѣтъ какъ нѣтъ, потому что ее съѣли крысы!

Въ то счастливое время, когда я процвѣталъ въ Глуповѣ, губернаторъ тамъ былъ плѣшивый, вице-губернаторъ плѣшивый, прокуроръ плѣшивый. У управляющаго палатой государственныхъ имуществъ хотя и были цѣлы волосы, но такая была странная физіономія, что съ перваго и даже съ послѣдняго взгляда онъ казался плѣшивымъ. Соберется, бывало, губернскій синклитъ этотъ, да учнетъ о судьбахъ глуповскихъ толковать—даже мухи мрутъ отъ рѣчей ихъ, таково оно тошно!

— А что, Василій Иванычъ!—скажетъ губернаторъ управляющему палатой государственныхъ имуществъ: — нельзя ли черноглазовскому лѣсничему внушить, чтобъ рябчиковъ для меня пострѣляли?

— Какъ изволите приказать, ваше превосходительство!—отвѣтитъ управляющій.

— Н-да; поваръ у меня таперича манную кашу какую-то на рябчиковомъ бульонѣ выдумалъ: пропасть рябчиковъ выходитъ!—объяснитъ губернаторъ.

— А замѣтили, ваше превосходительство, какую вчера у Порфирія Петровича стерлядь за ужиномъ подали?—молвитъ вице-губернаторъ и отъ удовольствія даже передернется весь.

Его превосходительство, вмѣсто отвѣта, только улыбнется во весь ротъ, словно арбузъ проглотить собирается.

— Это ему семіозерскій казначей въ презентъ прислалъ,—замѣтитъ прокуроръ и вздохнетъ потихоньку.

Подмѣтивъ этотъ вздохъ, губернаторъ вновь улыбнется и ласково щелкнетъ прокурора по брюшку, и вице-губернаторъ, изловивъ на лету улыбку его превосходительства, загогочетъ какъ жеребецъ и скажетъ:

— А что, вѣрно, стряпчіе-то тово?..

— Вѣрно, стряпчіе-то тово!—добродушно повторитъ губернаторъ, и вслѣдъ за этимъ обратится къ присутствую-

Digitized by Google

щимъ: — А что, господа, бумаги-то, кажется, подписать можно? Господинъ секретарь, пожалуйте сюда бумаги!

И бумаги подписывались, а плѣшивый синклитъ удалялся въ столовую, гдѣ были ужъ приготовлены и стерлядка копченькая, и рыжечки черноглазовскіе въ уксусѣ, и груздочки солененькіе, и колбаски разныя: и съ чесночкомъ, и на мадерцѣ, и рябчиковая, и на сливкахъ...

Да хорошо еще, коли дѣло такъ обходилось. А не то, грѣховъ нашихъ ради, и взаправду начнутъ разсуждать о дѣлахъ—вотъ когда заслушаться можно!

Секретарь докладываетъ, что на рѣкѣ Малой Глуповицѣ мостъ, отъ старости лѣтъ, опасенъ сталъ.

— Что же таперича дѣлать? — говоритъ губернаторъ. — Я полагаю, господа, городничему написать?

И обводитъ присутствующихъ глазами, словно онъ и впрямь Мартына Задеку съѣлъ.

— Да, да,—гвоздитъ вице-губернаторъ:—да не мѣшаетъ еще подтвердить, чтобъ тово... наблюлъ...

— Стало-быть, предписать и подтвердить, — изрекаетъ губернаторъ.

— Осмѣлюсь доложить, ваше превосходительство...—некстати вмѣшивается секретарь.

— Извольте, сударь, писать, какъ присутствіе полагаетъ,—строго замѣчаетъ губернаторъ, и даетъ секретарю знакъ умолкнуть.

И не забудетъ, бывало, своего приказанія (злопамятный былъ старикъ), и долго потомъ, всякій разъ, какъ секретарь подсовываетъ ему журналы подписывать, непремѣнно спроситъ:

— А это не тотъ ли, по которому присутствіе положило предписать и подтвердить городничему?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Ну, то-то же! Что присутствіе положило, то должно быть свято, молодой человѣкъ!

Мудрено ли, что глуповцы блаженствовали, видя надъ собой такое диковинное управленіе! Мудрено ли, что глуповцы земли подъ собой отъ счастія не слышали! Мудрено ли, что они славословили и пѣли хвалу!

Да и общество-то какое было (само собой разумѣется, я говорю здѣсь о высшемъ глуповскомъ обществѣ)—именно такое, какое требуется въ соотвѣтствіе описанному выше управленію! Это именно было то общество «хорошихъ людей», о которыхъ сложилась мудрая русская пословица:

Digitized by Google

«сальныхъ свѣчей не ѣдятъ и стекломъ не утираются!» Глуповъ и Глуповица, управляющіе и управляемые — все это, взятое вмѣстѣ, представляло такую сладостную картину гармоніи, такое умилительное позорище взаимныхъ уступокъ, доброжелательства и услугъ, что сердцу дѣлалось больно и самый носъ начиналъ ощущать какъ бы приливъ благородныхъ чувствъ.

Увы! типъ «хорошихъ» людей добраго стараго времени исчезаетъ и стирается съ каждымъ днемъ, почти съ каждой минутой! Увы! нынче даже отличные люди не ѣдятъ сальныхъ свѣчей!

И потому, опасаясь, чтобъ типъ этотъ не затерялся совсѣмъ, я постараюсь возстановить характеристическія черты его, въ назиданіе отдаленному потомству.

Между «хорошими» людьми добраго стараго времени (old merry Gloupoff) много было плутовъ, забулдыгъ и мерзавцевъ pur sang. Почему они назывались «хорошими» людьми, а не канальями, это тайна глуповской почвы и глуповской природы. Но, разбирая дѣло внимательно, полагаю, что это происходило оттого, что надъ упомянутыми выше качествами парило какое-то добродушіе, какая-то атласистость сердечная, при существованіи которыхъ какъ-то неловко думать о вмѣняемости. Для объясненія прибѣгну къ примѣрамъ. Бывало, «хорошій» человѣкъ выпоретъ вплотную какого-нибудь Фильку и вслѣдъ за тѣмъ скажетъ другому такому же «хорошему» человѣку: «а пойдемъ-ко, братъ, выпьемъ по маленькой». Развѣ это не добродушіе? Или, напримѣръ, передернетъ нечаянно въ карты (за что тутъ же получитъ возмездіе въ рождество), и вслѣдъ за этимъ воскликнетъ: «а не распить ли намъ бутылочку холодненькаго?» Развѣ это не атласистость сердечная?

А коли есть добродушіе, коли есть атласистость, сталобыть и говорить не о чемъ: chantons, buvons et... aimons!— и все тутъ!

Сообразно съ этими наклонностями, «хорошіе» люди и разговоры имѣли между собой самые простые, такъ сказать, первоначальные. Надо сказать правду, что «хорошій» человѣкъ стараго времени не имѣлъ обширныхъ свѣдѣній въ области наукъ. По части исторіи запасъ его познаній не выходилъ изъ круга разсказовъ о томъ, какъ въ тринадцатомъ году русскій бился съ нѣмцемъ объ закладъ, что сотворитъ такую пакость, отъ которой у него, нѣмца, глаза на лобъ полѣзутъ — и дѣйствительно дѣлалъ пакость на

Digitized by Google

славу. По части географіи, онъ могъ утвердительно сказать только то, что на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ въ настоящее время играетъ въ карты и закусываетъ, росъ нѣкогда непроходимый лѣсъ, и что недавно еще уѣздный стряпчій Толковниковъ изъ окна своей квартиры бивалъ изъ ружья во множествѣ дупелей и бекасовъ. Юридическое образованіе его ограничивалось: по части правъ состоянія—отсылкою грубіяновъ на конюшню; по части гражданскаго права—выдачей заемныхъ писемъ и неплатежомъ по нимъ.

И между тѣмъ жили, пили, ѣли, женились и посягали, славословили, занимали начальственныя мѣста и пользовались покровительствомъ законовъ наравнѣ съ людьми, которымъ небезызвѣстно даже о распряхъ, происходившихъ въ Испаніи между карлистами и христиносами.

«Хорошій» человѣкъ имѣлъ привычки патріархальныя. Обѣдалъ рано, и въ послѣобѣденное время любилъ посвятить часокъ-другой гастрическимъ сновидѣніямъ, сопровождая это занятіе аккомпанементомъ всевозможныхъ шипящихъ звуковъ, которыми такъ изобилуютъ преисподнія глуповскихъ желудковъ. По исполненіи этого, онъ, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе двухъ часовъ не могъ придти въ себя и вплоть до самаго вечера чувствовалъ себя глупымъ. Тутъ выпивалось несчетное количество графиновъ холоднаго квасу; тутъ испускались такія страшныя потяготы и позѣвоты, отъ которыхъ содрогались на улицѣ прохожіе. «Господи, какая тоска!»—безпрестанно восклицалъ онъ, отплевываясь во всѣ стороны, и въ это время не суйся къ нему на глаза никто: разобьетъ зубы!

«Хорошій» человѣкъ имѣлъ слабость къ женскому полу и взятыхъ имъ въ полонъ крѣпостныхъ дѣвицъ называлъ «канарейками».

— Ну, братъ, намеднись какую мнѣ канарейку изъ деревни прислали! — говорилъ онъ своему другу-пріятелю.— Просто персикъ!

И при этомъ причмокивалъ, обонялъ и облизывался.

Въ обращеніи съ «канарейками» онъ не затруднялся никакими соображеніями. Будучи того убѣжденія, что канарейка есть птица, созданная на утѣху человѣку, онъ дѣйствовалъ вполнѣ соотвѣтственно этому убѣжденію, то-есть заставлялъ ихъ пѣть и плясать, приказывалъ имъ любить себя и никакихъ противъ этого возраженій не принималъ. Если же современемъ канарейка ему прискучивала, то онъ ссылалъ ее на скотный дворъ или выдавалъ замужъ за ка-

Digitized by Google

мердинера и всенепремѣнно присутствовалъ на свадьбѣ въ качествѣ посаженаго отца.

«Хорошій» человѣкъ въ непривычномъ ему обществѣ терялся. Въ гостиной, въ особенности въ присутствіи женщинъ, онъ былъ застѣнчивъ какъ фіалка и неразговорчивъ какъ пустынножитель. Въ такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ онъ съ мучительнымъ безпокойствомъ поглядывалъ на дверь, ведущую въ кабинетъ хозяина, гдѣ, какъ ему извѣстно, давнымъ-давно поставлена водка и разложенъ зеленый столъ, и пользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ бочкомъ-бочкомъ проскользнуть въ обѣтованную дверь. Вообще, онъ любилъ натянуться дома, въ халатѣ, съ добрыми знакомыми, и называлъ это жуировать жизнью; въ публику же показывался рѣдко, и то въ клубахъ, и притомъ лишь тогда, когда ему было извѣстно, что тамъ соберутся такіе же теплые други-пріятели, какъ и онъ самъ. Напившись, наѣвшись и досыта наигравшись въ карты, онъ, ложась на ночь спать, съ легкимъ сердцемъ восклицалъ: «вотъ, слава Богу, я наѣлся, напился и наигрался!»

Въ это хорошее старое время, когда собирались гдѣ-либо «хорошіе» люди, не въ рѣдкость было услышать слѣдующаго рода разговоръ:

— А ты зачѣмъ на меня, подлецъ, такъ смотришь?—говорилъ одинъ «хорошій» человѣкъ другому.

— Помилуйте...—отвѣчалъ другой «хорошій» человѣкъ, нравомъ посмирнѣе.

— Я тебя спрашиваю не «помилуйте», а зачѣмъ ты на меня смотришь?—настаивалъ первый «хорошій» человѣкъ.

— Да помилуйте-съ...

...Бацъ въ рыло!..

— Да плюй же, плюй ему прямо въ лохань! (такъ въ просторѣчіи назывались лица «хорошихъ» людей!) — вмѣшивался случавшійся тутъ третій «хорошій» человѣкъ.

И выходило тутъ нѣчто въ родѣ свѣтопреставленія, во время котораго глазамъ сражающихся, и вдругъ, и поочередно, представлялись всевозможныя свѣтила небесныя...

«Хорошій» человѣкъ былъ патріотъ по преимуществу. Онъ зарождался, жилъ и умиралъ въ своемъ миломъ Глуповѣ. Онъ былъ, такъ сказать, продуктомъ мѣстныхъ нечистотъ; о нихъ однѣхъ болѣло его сердце; къ нимъ однѣмъ стремились его вожделѣнія, и никакихъ иныхъ навозныхъ кучъ онъ не желалъ, кромѣ тѣхъ, которыми окружено было его счастливое дѣтство. Петербурга онъ не любилъ и не

Digitized by Google

понималъ; онъ охотно допускалъ, что хорошіе люди могутъ зарождаться въ Москвѣ, въ Рязани, въ Тамбовѣ и, разумѣется, въ Глуповѣ; но въ Петербургѣ, по его мнѣнію, могутъ существовать только выморозки, не имѣющіе ни малѣйшаго понятія о томъ, что̀ за блаженство ѣсть буженину, когда она изжарена въ соку и притомъ легонько натерта чесночкомъ...

Повторяю: типъ «хорошаго» человѣка исчезаетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ и глуповское добродушіе, и глуповская сердечная атласистость. Фильку наказываютъ попрежнему, но уже безъ прибаутокъ; передергиваютъ въ карты попрежнему, но, получая возмездіе въ рождество, уже протестуютъ и притворяются оскорбленными.

Но мы, которые были свидѣтелями и этого добродушія, и этой атласистости, мы, молодые люди прежняго времени, мы не можемъ быть равнодушными къ нашимъ воспоминаніямъ. Мы должны хранить ихъ во всей непорочности, мы должны оберегать ихъ отъ всякаго нечистаго прикосновенія. Боже! какъ было тогда все тепло и уютно! какъ любили и уважали мы этихъ доблестныхъ руководителей нашей юности! и какъ, съ другой стороны, и они радовались и утѣшались, взирая на насъ!

Да и посудите сами, можно ли было не радоваться на насъ, тогдашнихъ молодыхъ людей. Возьмите, напримѣръ, Сеню Бирюкова: что̀ это за прелесть молодой человѣкъ былъ! Во-первыхъ, наружность чисто-англійская: плечи широкія, щеки румяныя, голова выстрижена, даже сзади ящичкомъ—все какъ слѣдуетъ джентльмену. А во-вторыхъ, и занятія-то у него какія благородныя: утромъ, до двѣнадцати часовъ, ногти чиститъ; отъ двѣнадцати до трехъ визиты дѣлаетъ; отъ трехъ до четырехъ рубашку перемѣняетъ; потомъ ѣдетъ обѣдать къ Матренѣ Ивановнѣ; оттуда, dans l'avant soirée, къ Петькѣ Козелкову; потомъ опять рубашку мѣняетъ; потомъ, вечеромъ, къ губернатору... И вездѣ-то, во всякомъ-то домѣ умѣетъ что-нибудь почтительное сдѣлать: у Матрены Ивановны ручку поцѣлуетъ; Петру Петровичу сообщитъ, что къ купцу Загребину въ лавку новыхъ сельдей привезли; Пелагею Александровну поблагодаритъ, отъ имени маменьки, за присланный рецептъ, какъ солонину дѣлать... Или опять Свербилло-Замбржецкій Болеславъ—что̀ это за необыкновенный малый былъ! И уклончивъ, и какъ будто самостоятеленъ, и въ душу лѣзетъ, и какъ будто кукишъ въ карманѣ кажетъ! Или Бернгардъ

Digitized by Google

Форбрихеръ, или Петька Козелковъ! Да, наконецъ, и самъ я... какой я былъ тогда милый человѣкъ! Бывало, что-нибудь и совру, такъ все такое выходило милое, что у старушки Матрены Ивановны даже брюшко отъ моихъ словъ пощекочетъ, и вся она просіяетъ, а меня, грѣшнаго, только за ушко легонько потянетъ...

Удивительно ли послѣ этого, что дѣла шли безъ задоринки. Иногда вмѣшивались въ нихъ Матрена Ивановна и Пелагея Александровна, но онѣ хлопотали не о мостѣ черезъ рѣку Глуповицу, а преимущественно о томъ, какъ бы порадѣть родному человѣчку.

— Матрена Ивановна просила напомнить вашему превосходительству о мѣстѣ станового для Зонтикова,—докладываетъ, бывало, Сеня Бирюковъ.

— Это для усача-то?—спрашиваетъ его превосходительство.

— Да-съ, вотъ что вчера вашему превосходительству прошеніе подалъ.

— Быть такъ... опредѣляемъ!—говоритъ его превосходительство, и потомъ, уставивъ глаза въ Сеню, повторяетъ:—Во уваженіе просьбы Матрены Ивановны, опредѣляемъ усача въ становые!

И такимъ образомъ были у насъ становые-усачи, становые-бакенбардисты, становые съ бородавкой, становые шестипалые. Старикъ нашъ фамилій не помнилъ, и когда, бывало, докладываешь ему о комъ-нибудь изъ становыхъ, онъ непремѣнно спроситъ:

— Это который?

— Съ бородавкой, ваше превосходительство.

— А! съ бородавкой!

И затѣмъ ужъ понимаетъ, о комъ идетъ рѣчь.

Хотя мы сами и урожденные глуповцы, но глуповцы, такъ сказать, отборные, всплывшіе на поверхность нашего родного горшка. О томъ, что происходило тамъ, въ глубинѣ горшка, мы не тужили: мы знали, что тамъ живутъ Иванушки (Иванушки, да еще глуповскіе—поди, раскуси такую штуку!), что Иванушками этими заправляютъ бакенбардисты и шестипалые, а бакенбардистовъ и шестипалыхъ опредѣляетъ Матрена Ивановна, у которой отмѣнно приготовляютъ пироги съ налимьими печенками, и Пелагея Александровна, у которой послѣ обѣда такой liqueur des îles подаютъ, вкусивши котораго остается только убираться поскорѣй во-свояси да часика три соснуть.

Digitized by Google

Затѣмъ жизнь наша была постояннымъ праздникомъ: мы пили, ѣли, спали, играли въ карты, подписывали бумаги и, подобно сказочной бабѣ-ягѣ, припѣвали: «покатаюся, поваляюся на Иванушкиныхъ косточкахъ, Иванушкина мясца поѣвши!»

. . . . . .

И вѣдь нужно же было, при такой-то жизни, какому-то, прости Господи, кобелю борзому заговорить о возрожденіи! А заговорилъ! именно заговорилъ! И не отсохъ у него языкъ, и не провалился онъ сквозь землю, и не пожралъ его огонь, и не лопнули его глазыньки!

Глуповъ еще загодя блѣднѣлъ и трясся при этомъ словѣ, и все про себя шепталъ: «Господи! ахъ, кабы да мимо!» Еще загодя, при малѣйшемъ шорохѣ, онъ махалъ онучами и шугалъ, какъ шугаетъ баба-птичница, завидѣвъ въ небѣ коршуна, кружащагося надъ всполошившимся стадомъ ввѣренныхъ ей цыплятъ. «Чѣмъ наша жизнь не красна?—говорилъ онъ потихоньку:—или пуховики у насъ не толсты? или вотрушки наши не сдобны?»

— Старики-то, старики-то наши развѣ хуже насъ были?—шепталъ обыватель Сила Терентьичъ на ухо обывателю Терентью Силычу.

— На могилку, видно, ужо къ нимъ сходить!—грустно отвѣтствовалъ Терентій Силычъ

— Эхма! жили-жили, а теперь на-поди!

— Родителей-то жалко, Сила Терентьичъ!

— Старики-то наши во-какіе были!

— Кряжистые были!

— И возможно ли теперича всѣ порядки нарушать? Чтобъ господинъ теперича у стула съ тарелкой стоялъ, а рабъ за столомъ развалившись сидѣлъ? Или, опять, чтобъ купецъ исправника въ морду билъ, а исправникъ ему за это барашка въ бумажкѣ сулилъ?

— Праховое дѣло затѣяли!

— Да и то опять ты возьми, что люди-то мы непривышные. Проторили себѣ дорогу одну, инъ и ходить бы по ней до скончанія!

— Это точно, что непривышные!

— У меня вонъ воронко: привыкъ на пристяжкѣ ходить—ну, и самъ бѣсъ его тепереча въ оглобли не втащитъ... Такъ-то!

— Оно, пожалуй, что втащить можно!—говоритъ Терентій Силычъ, задумчиво улыбаясь.

Digitized by Google

— Оно, конечно, коли захочу втащить, отчего не втащить!—соглашается Сила Терентьичъ.

— Можно втащить! — положительно утверждаетъ собесѣдникъ.

— Отчего не втащить! Втащимъ!

— Да вѣдь отцы-то наши... пойми, другъ!

— Это точно, что отцы наши во-какіе были!

— Кряжистые были!

И затѣмъ въ продолженіе цѣлыхъ часовъ разговоръ развивался на ту же тему и наконецъ доходилъ до такого умоизступленія, что кромѣ «ахъ ты, Господи!» да «во-какіе!» ничего и разобрать было нельзя. Глуповцы именовали подобныя бесѣды совѣщаніями, а нѣкоторые изъ нихъ, прислушавшись къ рѣчамъ Силы Терентьича и Терентья Силыча, называли ихъ даже бунтовскими и, подмигивая другъ другу, приговаривали: «а? каково? Каково катаютъ наши-то! Вотъ бы кого министромъ сдѣлать—Силу Терентьича... Да!»

Однимъ словомъ, мы такъ безмятежно были счастливы, такъ дѣтски-невинны и довѣрчивы, что предшествовавшее слову «возрожденіе» время, несмотря на соединенныя съ нимъ тревоги и ожиданія, все-таки ничего не вызвало на поверхность. Подойдите къ лужѣ, взбудоражьте чѣмъ-ни-наесть ея спящія воды—на поверхности ихъ покажутся пузыри. Въ Глуповѣ и пузырей не показалось.

Указываютъ мнѣ на Силу Терентьича, какъ на несомнѣнный пузырь, но, ради Бога, какой же это пузырь? Я охотно соглашаюсь, что мѣстный либерализмъ достигъ въ немъ высшаго своего выраженія; я соглашаюсь, что ссылка на стариковъ и ихъ кряжистость есть довольно смѣлая, въ своемъ родѣ, штука; но, сознаюсь откровенно, для меня этого недостаточно, чтобъ признать его дѣйствительнымъ пузыремъ.

Истинный, благородный пузырь лопается во всеуслышаніе, лопается публично, лопается, не взирая ни на какія особы. Напротивъ того, Сила Терентьичъ лопался и проявлялъ свой либерализмъ лишь подъ воротами своего дома, и притомъ въ такое, по преимуществу, время, когда прочіе глуповцы исключительно были поглощены игрою на гармоникѣ.

Истинный пузырь никогда не появляется на поверхности одинокимъ, но всегда приводитъ за собой цѣлую семью маленькихъ пузырей и пузырятъ, которые тянутъ къ нему и ищутъ съ нимъ слиться. Напротивъ того, куда бы ни обра-

Digitized by Google

тилъ свои взоры Сила Терентьичъ, вездѣ онъ встрѣчаетъ пустыню. Добрые глуповцы, если и слышали и подозрѣвали что-нибудь, то старались не слышать и не подозрѣвать, и, при всемъ сочувствіи къ нему, потупляли взоры при встрѣчѣ съ нимъ, чтобъ, Боже сохрани, не попасть въ исторію съ такимъ болтуномъ.

Наконецъ, истинный пузырь не терпитъ никакого внѣшняго давленія. Ткните въ него пальцемъ—и его уже нѣтъ. Качество это, по мнѣнію моему, свидѣтельствуетъ о благородствѣ свойствъ пузыря, который скорѣе соглашается не существовать вовсе, нежели нести на себѣ иго тыкающаго пальца. Напротивъ того, Сила Терентьичъ продолжаетъ благоденствовать и доселѣ, несмотря на то, что обстоятельства и время сильно ткнули въ него пальцемъ. Онъ продолжаетъ бормотать подъ воротами, хотя бормотаніе его запоздало, и не можетъ ни на волосъ измѣнить силу тыкающихъ обстоятельствъ.

Скажите же на милость, какой это пузырь?

Да, ты осталась вѣрна самой себѣ: ты никого, ни единой личности не вынесла на поверхность волнъ своихъ, кормилица-поилица Глуповица! Попрежнему вяло и неуклюже лѣзутъ эти волны одна на другую; попрежнему на поверхности ихъ бѣлѣютъ щепки да какая-то дрянная, нечистая накипь... Правда, что, по временамъ, глуповцы словно шарахаются изъ стороны въ сторону, но надъ шараханіемъ этимъ всецѣло царитъ чувство тупого испуга—и ничего болѣе.

Какъ ни пристально вглядывался я въ причины, ходъ и послѣдствія этихъ чисто-физическихъ движеній, какъ ни жадно доискивалась душа моя во мракѣ глуповской жизни, въ преисподнихъ глуповскаго созерцанія, того примиряющаго звена, которое въ исторіи является посредникомъ между прошедшимъ и будущимъ,—тщетны были мои усилія! «Испугъ!» говорили мнѣ отекшія, безстрастныя лица моихъ согражданъ; «испугъ!» говорили мнѣ ихъ нескладныя, отрывистыя рѣчи; «испугъ!» говорило мнѣ ихъ торопливое, не осмысленное сознаніемъ стремленіе сбиться въ кучу, чтобъ повадняе было шарахаться... Испугъ, испугъ и испугъ! Взирая на весь этотъ переполохъ, я невольно вспомнилъ устныя преданія, которыя ходили въ Глуповѣ по рукамъ. Вспомнился мнѣ и громовержецъ Юпитеръ, и переговоры съ матушкой Минервой... И вдругъ я понялъ и прошлое, и настоящее моего родного города... Господи! мнѣ кажется, что я понялъ даже его будущее!

Digitized by Google

О, вы, которые еще вѣрите въ возможность исторіи Глупова, скажите мнѣ: возможна ли такая исторія, которой содержаніемъ былъ бы непрерывный, безконечный испугъ?

Жизнь вѣковъ! ты, которая была столь обильна дарами для умновцевъ, ты, которая, подобно нестомчивой и ревнивой матери, заботливо ведешь народы по пути усовершенствованія, охраняя ихъ и отъ паденія, и отъ поворотовъ назадъ,—чѣмъ была ты для Глупова? Ты не была даже мачихой, не была даже нянькой: стыдно сказать, но ты была чѣмъ-то въ родѣ жалкаго обѣда за скуднымъ табльд'отомъ. «Зачѣмъ пичкаютъ меня этимъ гнуснымъ вареным картофелемъ? зачѣмъ не даютъ мнѣ рябчиковъ?» спрашиваю я, чувствуя, что злость закипаетъ въ моемъ сердцѣ. А мнѣ, вмѣсто рябчиковъ, вновь подаютъ картофель, и нѣтъ конца этому гнусному картофелю!

Возрожденіе! безспорно, ты хорошая вещь, безспорно, я влекусь къ тебѣ всѣмъ сердцемъ, всѣми силами души моей; но гдѣ же, въ какомъ отдаленномъ Умновѣ, видано, чтобъ ты подавалось въ видѣ манной каши съ масломъ изумленнымъ твоимъ появленіемъ посѣтителямъ обязательнаго табльд'ота!?

Но, дѣлать нечего, картофель и рябчики, каша ли съ масломъ или желе, а приходится втаскивать воронка въ оглобли! Сомнѣнія Силы Терентьича больше чѣмъ оправдались. Я самъ видѣлъ, какъ выводили воронка изъ конюшни, какъ его исподволь подводили къ оглоблямъ, какъ держали его подъ уздцы, все въ чаяніи, что вотъ-вотъ онъ брыкнетъ. Не брыкнулъ. Старый воронко! я видѣлъ, какъ прошибла тебя слеза; я видѣлъ, какъ дрожали твои мясистыя губы; я слышалъ твой вздохъ, которымъ, казалось, ты умолялъ своихъ вожаковъ не впрягать тебя въ корню, ибо это мѣсто принадлежитъ не тебѣ, а гнѣдку! Но ты не измѣнилъ обычаямъ праотцевъ, ты не исказилъ однимъ махомъ заднихъ копытъ исторіи Глупова, ты не брыкнулъ—хвалю тебя!

Свершилось: отнынѣ Глуповъ обязывается ѣсть манную кашу съ масломъ. Но не подавись ею, милый, ибо кашу эту ѣсть надо умѣючи. Умой руки, выполоскай ротъ и сиди вѣжливенько, ибо каша—вещь хитрая: можетъ и въ ротъ попасть, можетъ и глаза залѣпить.

Дуракъ Иванушко! чему смѣешься?.. Или сердце въ тебѣ взыграло?.. Или пахнуло на тебя свѣжимъ воздухомъ?.. Или почуялъ ты, что пришелъ конецъ твоему горевaньицу. тому

Digitized by Google

злому, лютому гореваньицу, что и къ материнскимъ сосцамъ съ тобой припадало, что и въ зыбкѣ тебя укачивало, что и въ пѣсняхъ тебѣ подтягивало, что и въ царевъ-кабакъ съ тобой разгуляться похаживало?

Смѣйся, дурачокъ! Самъ господинъ Зубатовъ отмѣнно радъ, что ты смѣешься... Въ другое время онъ сказалъ бы тебѣ: «чего, ска-а-тина, ротъ до ушей дерешь?»—ну, а теперь ничего, спѣшитъ даже поскорѣй домой, чтобъ отрапортовать куда слѣдуетъ: засмѣялся, дескать.

Зубатову хлопотъ полонъ ротъ. Онъ не призывалъ возрожденія; по правдѣ сказать, едва ли даже онъ желалъ его, хотя, въ качествѣ обладателя и руководителя глуповскихъ сновидѣній, и обязанъ былъ призывать и желать его

— Ma chère,—не разъ говаривалъ онъ супругѣ своей:—это возрожденіе—чортъ его знаетъ, что это такое!

— Pourvu que tu conserves ta place, mon ami!—отвѣтствовала обыкновенно Анна Ивановна, которую, очевидно, интересовала въ этомъ дѣлѣ существенная сторона, а не вертопрашество.

И потому, какъ скоро Зубатовъ увидѣлъ, что все совершилось, то и онъ не брыкнулъ, и онъ поскорѣй побѣжалъ запрягаться въ оглобли.

Что происходило въ это время въ душѣ его? Что понималъ онъ подъ словомъ «возрожденіе»—это извѣстно единому Богу всевѣдущему, ибо Онъ одинъ можетъ проникать въ трущобы сердецъ Зубатовскихъ. Глуповъ могъ убѣдиться только въ томъ, что Зубатовъ вскипѣлъ и взревновалъ безконечно. Вслѣдствіе этой ревности самая наружность Глупова внезапно измѣнилась: на улицахъ засновали экипажи; въ канцеляріяхъ усиленно заскрипѣли перьями; изъ подворотенъ выглѣзли физіономіи съ усами и физіономіи безъ усовъ, физіономіи румяныя и физіономіи блѣдныя; одни недоумѣвали и хлопали глазами; другіе уже поняли и даже какъ будто приготовились насладиться плодами возрожденія...

Что-жъ они поняли, и по какому поводу весь этотъ переполохъ, всѣ эти шараханія изъ стороны въ сторону?.. И что такое это «возрожденіе», отъ котораго такъ усердно и такъ напрасно и отмаливались, и отплевывались добрые глуповцы?..

Въ самомъ дѣлѣ, какъ опредѣлить, что можетъ значить глуповское возрожденіе? Я допускаю возможность говорить о возрожденіи умновскомъ, о возрожденіи буяновскомъ, ибо

Digitized by Google

тамъ оно въ чемъ-нибудь выражается... ну, хоть въ томъ, напримѣръ, что лица веселѣе смотрятъ, что ноги бодрѣе ходятъ... Но возрожденіе глуповское!.. Воля ваша, тутъ есть что-то непроходимое, что-то до такой степени несовмѣстимое, что мысль самая дерзкая невольно цѣпенѣетъ передъ дремучимъ величіемъ этой задачи. Да помилуйте! Да осмотритесь же кругомъ себя! Да потяните же носомъ воздухъ! Вѣдь глуповцы даже половъ въ своихъ жилыхъ покояхъ не вымыли! вѣдь глуповцы даже въ баню лишняго раза не сходили! А безъ этого какое же можетъ быть возрожденіе!

Посмотримъ, однакожъ, не знаютъ ли чего-нибудь Сила Терентьичъ и Терентій Силычъ? Они такъ долго чего-то боялись, такъ долго о чемъ-то между собой шушукались, что не можетъ же статься, чтобъ эта штука не была имъ досконально извѣстна.

Увы! Сила Терентьичъ и Терентій Силычъ только вздыхаютъ и отдуваются. Сеня Бирюковъ взираетъ на нихъ, и хоть убей—ничего не понимаетъ. И не то чтобъ они въ самомъ дѣлѣ не разумѣли; нѣтъ, и знаютъ, и разумѣютъ, да вотъ не хотятъ да и не хотятъ открыться! И рожу такъ состроятъ: «знаю, да не скажу»—и не говорятъ.

Мнѣ положительно, напримѣръ, извѣстно, что Сила Терентьичъ подозрѣваетъ, что все возрожденіе заключается въ томъ, что на мѣсто Петра Иваныча сѣлъ Иванъ Петровичъ; однакожъ предположенія своего онъ высказать не рѣшается, потому что, быть-можетъ, оно и не то значитъ. Терентій Силычъ идетъ дальше: онъ мнитъ, что возрожденіе означаетъ возможность грубить и невѣжничать; однакожъ мысли своей тоже не высказываетъ, потому что опасается, чтобъ кто-нибудь за нее его не треснулъ. Оба чего-то ждутъ, а чего—не говорятъ. А я знаю, чего они ждутъ: они ждутъ, не придетъ ли когда-нибудь кто-нибудь и не зарубитъ ли у нихъ на носу, что̀ именно слѣдуетъ разумѣть подъ возрожденіемъ. Если придетъ—мысли ихъ прояснятся; а не придетъ—ну, и опять будетъ попрежнему: «знаю, да не скажу»!

Но это не политично. Допустимъ, что вы передо мной скрывались; допустимъ, что вы имѣете даже свои причины на это; но зачѣмъ же скрываетесь вы передъ Сеней, за что же его-то вы вводите въ заблужденіе? Вѣдь онъ и впрямь, бѣдняжка, думаетъ, что возрожденіе—это новые сѣрые штаны съ лампасами, что возрожденіе—это проборъ à l'anglaise, что возрожденіе—c'est quelque chose de très

Digitized by Google

porté et de très couru pour le moment. Однимъ словомъ, онъ смотритъ на возрожденіе какъ на что-то съѣдобное, какъ на что-то такое, что можно носить, мять, пачкать и вообще употреблять по своему произволу.

А вѣдь это заблужденіе, даже очень опасное заблужденіе, и Сеня, оставаясь при немъ, можетъ, по милости вашей, попасть въ самый печальный просакъ.

Raisonnons.

Сѣрые штаны съ лампасами сбиваютъ Сеню съ толку. Онъ такъ увлекается щегольствомъ и шикарностью ихъ покроя, онъ такъ поощренъ ласковыми взглядами, обращаемыми на него по этому случаю Матреной Ивановной и Пелагеей Александровной, что въ роговой его накипи, которую онъ въ шутку называетъ своей головой, рождается положительное убѣжденіе, что на комъ нѣтъ точно такихъ же штановъ, тотъ ужъ и не человѣкъ. Убѣжденіе это, очевидно, можетъ повредить его отношеніямъ къ глуповскому возрожденію. Ибо, спрашиваю я васъ, что будетъ, если Сеня, взирая на міръ съ точки зрѣнія штановъ, будетъ видѣть въ Глуповѣ лишь пустыню, населенную звѣрьемъ, не имѣющимъ никакого понятія ни о красотѣ лампасовъ, ни объ изяществѣ полосокъ и клѣтокъ? Изъ этого выйдетъ, что глуповцы будутъ казаться ему чѣмъ-то въ родѣ низшихъ организмовъ, а отсюда...

Положимъ, что глуповцы не обидятся (натерпѣлись они, бѣдные, и не такихъ потасовокъ!), но согласитесь сами, что-жъ это будетъ за возрожденіе! Щелкъ да щелкъ—развѣ это резонъ? «Онъ щелкнулъ въ зубы, но почему же не въ носъ?»—спроситъ оскорбленный глуповецъ.

У глуповца зубы болятъ, а носъ—слава Богу; слѣдовательно ему выгоднѣе, чтобъ его въ носъ щелкали. Вѣдь это несправедливость, которую не потерпитъ даже Зубатовъ! Но вопросъ усложняется, если глуповцы обидятся; а вѣдь и это можетъ случиться, благодаря тому же возрожденію. Что можетъ тогда выйти? Увы! я опасаюсь, что тутъ также выйдетъ... но только съ другой стороны...

Итакъ, скрывать отъ Сени истинный глуповскій смыслъ возрожденія противно его интересамъ, противно его репутаціи. Не лучше ли прямо объявить ему, что бываютъ въ жизни минуты, когда сила обстоятельствъ заставляетъ насъ, людей хорошаго тона, забывать о штанахъ съ лампасами и утирать носъ ногою? Не лучше ли объяснить ему, что не мѣшаетъ иногда и въ зипунъ принарядиться, не вза-

Digitized by Google

правду, конечно, а такъ... для внушенія въ глуповцахъ довѣрія. Не лучше ли сказать ему: «Сеня! сдѣлай это, мой другъ, и надуй почтенную публику!»

Люди, понявшіе характеръ и сущность глуповскаго возрожденія, именно такъ и поступаютъ. Съ этой стороны Сила Терентьичъ правъ совершенно: Петръ Иванычъ сѣлъ на мѣсто Ивана Петровича — и больше ничего не случилось.

Старые «хорошіе» люди исчезаютъ—это вѣрно. Словно персидскій порошокъ, Богъ вѣсть откуда, на нихъ посыпался; но каждая новая минута есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и минута смерти для кого-нибудь изъ глуповскихъ Гостомысловъ. Гостомыслы умираютъ безпрекословно, скрестивши на груди руки и облачившись въ свои лучшія глуповскія одежды. Какъ нѣкогда умирающій Трифонычъ алкалъ предстать на тотъ свѣтъ тѣмъ же дворовымъ господина Чертопханова человѣкомъ, какимъ состоялъ въ земной сей юдоли, такъ и нынѣ умирающіе глуповцы выказываютъ твердое намѣреніе и въ загробной жизни воспрянуть старыми, непреклонными глуповцами, недоступными ни резонамъ, ни соображеніямъ. Въ этомъ есть нѣчто древнескандинавское, въ этомъ есть нѣчто новѣйше-ирокезское.

Но мѣсто старыхъ глуповцевъ не могло быть не занято уже по тому одному, что «было бы болото, а черти будутъ». Вмѣсто прежнихъ «хорошихъ» людей должны были явиться новые «хорошіе» люди—и они явились.

Они явились—и мы были ослѣплены ихъ сіяніемъ; они явились—и глуповскія дамы всѣмъ соборомъ объявили, что никогда еще глуповская жизнь не была такъ сладостна, никогда еще не представляла она столько pittoresque и imprévu. Бойко и ходко накинулись эти новые рюриковичи на тучно удобренную глуповскую землю, и глуповская земля не выдержала: изъ груди ея вырвался тяжкій и болѣзненный стонъ. Казалось, всѣ «родители» разомъ запротестовали изъ могилъ своихъ...

Нынѣшній «хорошій» человѣкъ въ наружномъ отношеніи представляетъ совершенную противоположность «хорошему» человѣку добраго стараго времени. Послѣдній былъ неряшливъ и неумытъ, частенько даже несло отъ него словно морскими травами; первый, напротивъ того, безукоризненъ и чистъ, какъ кристаллъ. Послѣдній былъ невѣжественъ и грубъ; первый, напротивъ того, утонченъ и образованъ. Голова послѣдняго положительнымъ образомъ представляла

Digitized by Google

собою плотную роговую накипь, сквозь которую трудно было даже съ молоткомъ пробраться; голова перваго, напротивъ того, на свѣтъ прозрачна, а при малѣйшемъ щелчкѣ звенитъ, какъ серебро.

Нынѣшній «хорошій» человѣкъ въ карты ни-ни, исторій съ рылами, микитками и подсалазками удаляется, buvons употребляетъ лишь благороднымъ манеромъ, т. е. душитъ шампанское и презираетъ очищенную, и только къ aimons обнаруживаетъ прежнее ехидное пристрастіе. Зато прямъ какъ аршинъ, поджаръ какъ борзая собака, высокомѣренъ какъ семинаристъ, дерзокъ какъ губернаторскій камердинеръ и загадоченъ какъ тотъ хвойный лѣсъ, который отъ истоковъ рѣкъ Камы и Вятки тянется вплоть до Ледовитаго океана.

Нынѣшній «хорошій» человѣкъ не наѣдается за обѣдомъ до отвала и не падаетъ, послѣ гречневой каши, отъ изнеможенія силъ. Онъ обѣдаетъ вообще умѣренно (хотя и на чужой счетъ), и послѣобѣденное время любитъ посвятить разумной бесѣдѣ съ пріятелями о прекрасномъ устройствѣ оксфордскаго университета, о воскресныхъ забавахъ англичанъ, о рыбномъ обѣдѣ англійскихъ министровъ и о другихъ достопримѣчательностяхъ, въ которыхъ старые глуповцы ни уха, ни рыла не смыслили. Онъ очень мило говоритъ объ selfgovernment и даже находитъ qu'au fond il y a du vrai dans tout ceci, но въ то же время не можетъ не поставить на видъ, что большія континентальныя государства едва ли, безъ опасенія за свою самостоятельность, могутъ принять формы самоуправленія

Нынѣшній «хорошій» человѣкъ въ дѣлахъ любви избѣгаетъ солнечнаго свѣта. Онъ развратничаетъ по уголкамъ и всему на свѣтѣ предпочитаетъ такъ-называемыя благородныя интриги. Онъ любитъ, чтобъ его называли Жоржемъ, а не Егорушкой, Мишелемъ, а не Мишуточкой, и pour rien au monde не согласится любить женщину, которая носитъ рубашки изъ посконнаго полотна.

Нынѣшній «хорошій» человѣкъ паче всего любитъ публичность, и не затрудняется ни предъ какимъ обществомъ. Онъ жаждетъ позировать неустанно, позировать наяву и во снѣ, позировать въ гостиной и въ чуланѣ. Онъ всю свою изобрѣтательность употребляетъ на то, чтобъ подыскать себѣ публику, и, достигнувъ этого, охотно во всякое время выбрасываетъ передъ нею накопившійся въ затхломъ архивѣ души хламъ юродивства, прикрытаго громкими именами безкорыстія, честности, гласности и т. д.

Digitized by Google

Нынѣшніе «хорошіе» люди, когда встрѣчаются въ обществѣ, наплюютъ другъ другу въ лохань, но ведутъ межъ собою скромную и даже отчасти ученую бесѣду.

— А что, mon cher, читали вы въ «Русскомъ Вѣстникѣ» послѣднее политическое обозрѣніе?.. délicieux!—говоритъ одинъ «хорошій» человѣкъ другому.

— А я, съ своей стороны, рекомендую вамъ, mon cher, «Письмо изъ Турина»... charmant!—отвѣчаетъ другой «хорошій» человѣкъ.

Такимъ манеромъ все обходится тихо, сражающихся не бываетъ, и даже свѣтилъ небесныхъ никто не видитъ.

Хотя уроженецъ Глупова, нынѣшній «хорошій» человѣкъ относится къ своей родинѣ съ холодностью и даже съ нѣкоторымъ высокомѣріемъ. Конечно, глуповскія дамы... oh! les dames de Gloupoff sont délicieuses, il n'y a rien à dire! но зато le reste... фи!... Къ Глупову онъ привязанъ горькою необходимостью возрожденія; въ Глуповъ онъ явился для исправленія дикихъ нравовъ и показанія своей благонамѣренности, но мысль, но сердце его не здѣсь, а тамъ, въ томъ миломъ, вѣчно юномъ Петербургѣ, гдѣ живутъ его добрые начальники, гдѣ онъ цѣловалъ ручки у свѣтлокудрой Florence, черезъ которую и получилъ мѣсто въ Глуповѣ!.. Глуповъ—это anima vilis, надъ которою ему предоставлено Провидѣніемъ дѣлать какія угодно операціи; Петербургъ—это alma mater, къ которой онъ привязанъ незримою, но прочною, несокрушимою пуповиной. Въ благоговѣніи своемъ передъ Петербургомъ онъ возвышается до фанатизма, онъ дѣлается ужасенъ...

Тотъ, кто внимательно прочиталъ изложенное выше опредѣленіе «хорошаго» человѣка добраго стараго времени и сравнитъ его съ опредѣленіемъ нынѣшняго «хорошаго» человѣка, тотъ согласится, что между ними огромная разница. Одно меня нѣсколько безпокоитъ, а именно то, что Матрена Ивановна не только не смущается появленіемъ новыхъ «хорошихъ» людей, но даже начинаетъ исподволь похваливать ихъ. А она въ этомъ дѣлѣ знатокъ.

Въ «хорошемъ» человѣкѣ прежняго времени былъ air fixe какой-то, какая-то непосредственность дѣвственная, нѣчто въ родѣ запаха дикой фіалки, смѣшаннаго съ запахомъ вареной капусты. Въ нынѣшнемъ «хорошемъ» человѣкѣ... ба! да нѣтъ ли въ немъ этого air fixe? и не это ли драгоцѣнное качество, цѣпко поднюханное тонкимъ обоня-

Digitized by Google

ніемъ Матрены Ивановны, послужило основою ея благосклонности къ новымъ людямъ?

Но прежде, нежели отвѣчать на эти вопросы, займемся нѣкоторыми необходимыми изслѣдованіями.

Во-первыхъ, что такое air fixe? есть ли это запахъ въ собственномъ и тѣсномъ смыслѣ этого слова? есть ли это другая какая-либо внѣшняя, чисто-физическая особенность? или это есть особенность высшая, психологическая, особенность души и сердца?

Разсказываютъ о какомъ-то животномъ, что оно, будучи настигаемо охотникомъ, какъ послѣднее средство обороны, испускаетъ изъ себя такой съ ногъ сбивающій запахъ, который сразу ошеломляетъ охотника самаго привычнаго. Очевидно, что въ этомъ примѣрѣ запахъ составляетъ истинный, неподдѣльный air fixe животнаго, что безъ него существованіе послѣдняго было бы обезпечено и самыя средства обороны мнимы. Но очевидно также, что такое опредѣленіе слишкомъ тѣсно, чтобъ исчерпывать собой весь air fixe глуповскій. Нельзя отрицать, что истинный глуповскій аборигенъ не лишенъ своего собственнаго запаха; несомнѣнно также, что если въ комнату, наполненную умновцами, войдетъ глуповецъ, то я сейчасъ же почувствую это; но несомнѣнно и то, что запахъ этотъ, какъ бы онъ ни былъ пронзителенъ, не составляетъ еще всего глуповца, и что онъ, съ помощью нѣкоторыхъ усилій и обвѣтриванія, можетъ быть не только видоизмѣняемъ, но даже и вовсе уничтожаемъ. Глуповецъ, какъ и всякій другой представитель породы человѣческой, есть организмъ сложный и притомъ доступный совершенствованію... Онъ пахнетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ощущаетъ и даже другихъ заставляетъ ощущать; онъ пахнетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ... мыслитъ. Если бы его настигалъ охотникъ, я не ручаюсь, чтобы онъ совершенно пренебрегъ столь сильнымъ оружіемъ, какъ запахъ, но ручаюсь, что онъ прибѣгнетъ и къ другимъ средствамъ, находящимся въ его распоряженіи. Напримѣръ, онъ можетъ стать передъ охотникомъ на колѣни и сказать ему: «за что ты меня бить хочешь?» или спрятаться отъ охотника за дерево, или, наконецъ, принять побои безпрекословно... Возьмемъ и еще примѣръ. Идетъ глуповецъ по дорогѣ и доходитъ до распутія. Одна дорога идетъ прямо, другая идетъ направо, третья налѣво; точь-въ-точь какъ въ сказкахъ сказывается. Я и опять не ручаюсь, чтобъ въ этомъ затруднительномъ случаѣ глуповецъ пренебрегъ за-

Digitized by Google

пахомъ, но несомнѣнно, что онъ пуститъ въ ходъ и другія соображенія. Напримѣръ, онъ можетъ зажмурить глаза и погадать съ помощью указательныхъ пальцевъ; или закинуть на всѣ три дороги по палкѣ: которая дальше кинется, ту и считать звѣздой путеводной, и т. д. Это тѣмъ болѣе для него удобно, что онъ самъ хорошенько не знаетъ, куда идетъ. Согласитесь, однакожъ, что все это предполагаетъ въ глуповцѣ возможность выбора, возможность дѣлать сравненія и выводы, и слѣдовательно рекомендуетъ его вниманію изслѣдователя, какъ организмъ сложный и высшій. Это нервое. А второе важное преимущество состоитъ въ доступности глуповца къ совершенствованію. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, не надо даже прибѣгать къ такимъ избитымъ сравненіямъ, каково, напримѣръ, постепенное усовершенствованіе различныхъ породъ домашнихъ животныхъ. Да сравненіе это будетъ и невѣрно, потому, во-первыхъ, что глуповецъ совершенствуется въ дикомъ, а не въ домашнемъ состояніи; а во-вторыхъ, самое совершенствованіе его состоитъ отнюдь не въ увеличеніи его молочности, но въ укрѣпленіи его мышцъ до той степени благонадежности, которая обезпечивала бы дальнѣйшее продолженіе глуповской породы. Для этого достаточно вспомнить только о той пользѣ, которую принесли Глупову сначала эмигранты французскіе и потомъ оборванные остатки de la grrrande armée, и о той, которую до нашихъ дней приносятъ французы-гувернеры, французы-куафёры, французы-камердинеры. Посмотрите, какія вдругъ чистенькія и бѣленькія дѣтки пошли у Матрены Ивановны взамѣнъ прежнихъ—чумазыхъ и слюнявыхъ. А отчего?.. Оттого, что въ домѣ ея французъ-гувернеръ поселился... Итакъ, не подлежитъ спору, что глуповцы дѣйствительно доступны совершенствованію и что запахъ ихъ посредствомъ постепенныхъ провѣтриваній можетъ быть измѣненъ до того, что не будетъ составлять даже отличительнаго признака... Слѣдовательно истинный, неподдѣльный air fixe можетъ свободно существовать и помимо запаха фіалки, смѣшаннаго съ запахомъ вареной капусты...

Но, можетъ-быть, онъ заключается въ какой-нибудь другой внѣшней особенности, какъ, напримѣръ, въ способности огрызаться, лягаться и т. д. Сознаюсь, что я дѣйствительно зналъ нѣкоего барбоса, который не только цѣлый день, но и цѣлую ночь лаялъ и огрызался, лаялъ на все и на всѣхъ, лаялъ на луну и на звѣзды, лаялъ на свой собственный хвостъ. Съ другой стороны, я зналъ нѣкото-

Digitized by Google

раго пѣгашку, который не могъ утерпѣть, чтобъ не брыкнуть, какъ только показывали ему хомутъ. Очевидно, въ этомъ заключался air fixe барбоски и пѣгашки. Но я не могу согласиться, чтобъ въ этомъ же заключался и air fixe моихъ согражданъ, и даже съ негодованіемъ отвергаю это предположеніе. Я знаю навѣрное, что глуповецъ никогда и ни на кого не огрызался, что даже въ то время, когда его привязывали на цѣпь, онъ влѣзалъ въ конуру и спокойно зарывался себѣ въ солому, въ надеждѣ, что когда-нибудь да отвяжутъ же, а не отвяжутъ, такъ и на цѣпи накормятъ. Что же касается до ляганія, то очевидно, что, имѣя двѣ ноги, а не четыре, глуповецъ можетъ прибѣгать къ этому средству выраженія душевныхъ своихъ движеній лишь съ крайнею осторожностью. И въ самомъ дѣлѣ, исторія доказываетъ, что глуповецъ расточалъ пинки, сокрушалъ челюсти, превращалъ въ пепелъ зубы, но не лягался; что онъ обзывалъ непотребно, но не огрызался... «Такъ, стало-быть, въ этомъ-то и заключался глуповскій air fixe?» — спроситъ читатель. Нѣтъ, и не въ этомъ, потому что и эти качества, несмотря на свою солидность, тоже доступны совершенствованію, потому что не одно и то же—дать плюху смаху, и притомъ съ такимъ расчетомъ, чтобъ трескъ отъ удара разнесся изъ одного края Глупова въ другой, и дать плюху легкую, плюху либеральную, почти изящную, звуки которой не распространялись бы далѣе четырехъ стѣнъ комнаты. Можно даже до такой степени усовершенствовать себя, что и вовсе не давать плюхъ... и все-таки оставаться глуповцемъ... Ибо повторяю: сокрушеніе челюстей, какъ оно ни фундаментально кажется съ перваго взгляда, все-таки представляетъ только манеру и ни въ какомъ случаѣ не исчерпываетъ всего глуповца. Ибо глуповецъ не только дерется, но и мыслитъ...

Слѣдовательно, для опредѣленія глуповскаго air fixe, нужно обратиться къ даннымъ, не столь легко подчиняющимся внѣшнему натиску, къ даннымъ, составляющимъ, такъ сказать, подоплёку глуповской жизни,—однимъ словомъ, обратиться къ глуповскому міросозерцанію.

— Какого вы образа мыслей?—спросилъ я однажды добраго моего сосѣда, Флора Лаврентьича Ржанищева.

Флоръ Лаврентьичъ выпучилъ на меня глаза.

— То-есть, какъ это... образа мыслей? — пробормоталъ онъ, наконецъ, вмѣсто отвѣта.

— Ну, да, какого вы образа мыслей?—настаивалъ я.

Digitized by Google

Флоръ Лаврентьичъ съ минуту подумалъ, и вдругъ разразился самымъ добродушнымъ хохотомъ.

— Ахъ ты, проказникъ!—говорилъ онъ, держа себя за бока.

Онъ вообразилъ, что я сказалъ остроту.

Въ этомъ коротенькомъ разговорѣ, несмотря на кажущуюся его незначительность, заключается вся сущность глуповскаго міросозерцанія. Міросозерцаніе это состоитъ въ отсутствіи всякаго міросозерцанія. Нѣтъ мѣрила для оцѣнки явленій, нѣтъ мѣрила для распознанія не только добра отъ зла, но и стола отъ оврага. Въ глазахъ глуповца міръ представляется чѣмъ-то разрозненнымъ, расползшимся, чѣмъ-то въ родѣ мѣшка, въ который понапихали разнообразнѣйшей всячины и потомъ взболтали. Глуповецъ видитъ заборъ и думаетъ о заборѣ; видитъ рѣку и думаетъ о рѣкѣ, а о заборѣ забылъ. Это для него легко и удобно, потому что даетъ ему возможность цѣлую жизнь забавляться игрою въ бирюльки, вытаскивать которыя онъ великій мастеръ. Конкретность внѣшняго міра подавляетъ его, и оттого онъ не можетъ ни изобрѣсть порохъ, ни открыть Америку.

Нельзя себѣ представить ничего довольнѣе и любезнѣе глуповца, когда онъ сытъ, одѣтъ и пьянъ. Но зато нельзя себѣ представить ничего и несчастнѣе глуповца, когда онъ застигнутъ нуждою врасплохъ. Траву щипать онъ не можетъ, безъ водки обойтись—не хочетъ, безъ одежды ходить—холодно. Тогда-то, въ эти торжественныя минуты, является ему на помощь то скромное мужество, которое для многихъ послужило источникомъ обильныхъ глуповскихъ надеждъ и глуповскихъ рекламъ къ будущему. Мужество это заключается въ той покорности, съ которой онъ принимаетъ смерть, этотъ вѣнецъ глуповской жизни, этотъ роковой исходъ, къ которому прибѣгаетъ глуповецъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ (когда проиграетъ казенныя деньги или уволятъ его по третьему пункту). «Умру, но безпокоить себя не хочу!»

Спроси я у всякаго порядочнаго русскаго, спроси у француза, у итальянца, какого они образа мыслей, они не поглупѣютъ внезапно и повсемѣстно, они не захохочутъ. Кромѣ супа и макаронъ, ожидающихъ ихъ за обѣдомъ, у нихъ имѣются интересы общественные, затрогивающіе ихъ за́живо и окрашивающіе ихъ убѣжденія. Но глуповцы въ правѣ и хохотать, и глупѣть, потому что у нихъ дѣйствительно нѣтъ образа мыслей, потому что они не въ силахъ

Digitized by Google

до сихъ поръ столковаться даже насчетъ моста черезъ ручей «Дурій бродъ», который повалился назадъ тому десять лѣтъ и совершенно разобщилъ ядро города отъ его пригородковъ.

— Просто, братцы, бросовое дѣло!—говорятъ глуповцы, собравшись толпой около моста и махая руками.

— Дрянь дѣло, какъ есть! — подтверждаютъ другіе глуповцы.

— Вѣдь этакъ, пожалуй, въ пять верстъ объѣздъ надо дѣлать?—мотаютъ себѣ на усъ первые глуповцы.

— Да вѣдь и ручей-то какой: самый то-есть вниманія не стоящій ручеишко!—вступаются другіе глуповцы.

— Завалить бы его совсѣмъ!

— А и то завалить бы!

— А ну-ка, робята!

— А не то новый мостъ построить?

— Да такой еще, робята, мостище выстроимъ, чтобъ черезо всю, значитъ, линія прошла!

И потолковавши, расходятся по домамъ, какъ и въ тотъ достопамятный день, когда былъ крикъ и маханіе великое по поводу монумента Селезневу.

Мнѣ могутъ возразить, что ежели глуповцамъ нравится не имѣть никакого образа мыслей, то они имѣютъ полное право оставаться при своемъ убѣжденіи, и никому до этого дѣла нѣтъ. Чувствую всю справедливость этого возраженія, но согласиться съ нимъ не могу. Я патріотъ, и люблю Глуповъ не за стерлядей его, а за то, что на днѣ родной его рѣки спитъ, какъ мнѣ кажется, чудище рыба-китъ. Я патріотъ, и люблю Глуповъ не за безукоризненно здоровый его воздухъ, а за то, что въ этомъ здоровомъ воздухѣ носится словно мечта какая-то (по-глуповски, кисель), нѣчто какъ будто еще не опредѣлившееся, но уже предощущаемое и предосязаемое. Я патріотъ, и желалъ бы, чтобъ Глуповъ какъ можно скорѣй сказалъ свое слово, чтобъ онъ немедленно же изобрѣлъ порохъ и открылъ Америку. «Что-то скажетъ Глуповъ? Какого-то цвѣта порохъ онъ выдумаетъ?» твержу я и во снѣ, и наяву, и убѣжденъ, что всякій, кто хотя разъ въ жизни испыталъ приливъ патріотическихъ чувствъ и начитался притомъ на ночь исторіи Глупова, конечно, пойметъ тревогу, меня волнующую.

А поводовъ опасаться, и даже весьма серьезныхъ, предостаточно. Возьмемъ для примѣра хоть тотъ одинъ, что пріятели мои Прижимайловъ и Постукинъ совершенно искренно

Digitized by Google

исповѣдуютъ наивное убѣжденіе, что съ Глуповымъ, относительно міросозерцанія, безъ понудительныхъ мѣръ ничего не подѣлаешь. Въ соотвѣтствіе своимъ фамиліямъ, Прижимайловъ думаетъ, что Глуповъ поприжать надо, а Постукинъ мечтаетъ, что все пойдетъ хорошо, когда онъ достаточно настучитъ Глупову голову.

Но, говоря по совѣсти, я никакъ не могу согласиться съ мнѣніями этихъ достойныхъ преобразователей, хотя и отдаю должную справедливость ихъ добрымъ намѣреніямъ. Во-первыхъ, въ настоящую минуту, какъ ни жми, а изъ Глупова положительно ничего не выжмешь. А во-вторыхъ, я опасаюсь, чтобъ, при неумѣренномъ стучаніи въ головы глуповцевъ, какъ бы намъ съ вами, мсьё Постукинъ, совсѣмъ не застучать эти головы. Забить гвоздь въ стѣну легко, мсьё Постукинъ, но каково-то будетъ его потомъ вытаскивать? А можетъ-быть, вы думаете, что и вытаскивать совсѣмъ не надо? Однакожъ, что до меня, то я съ своей стороны видѣлъ въ жизни одинъ только примѣръ удачнаго стучанія въ голову, а именно: отставной подпоручикъ Живновскій, съ помощью этого процесса, выучилъ своего Прошку декламировать «Мистигриса» Беранже. Но и этотъ примѣръ не убѣдителенъ, ибо прошкоподобно декламировать «Мистигриса» глуповцы умѣютъ ужъ давно, а мнѣ хотѣлось бы, чтобъ они умѣли разсказывать эту милую пѣсенку своими словами, чтобъ они умѣли перелагать ее въ прозу и украшать различными фестончиками своего собственнаго изобрѣтенія. Для этого, по мнѣнію моему, необходимо, чтобъ головы ихъ были свободны отъ всякаго внѣшняго подавленія и постукиванія. Вы скажете, что изъ головъ этихъ ничего, кромѣ монстра, не выйдетъ — согласенъ. На первый разъ дѣйствительно выйдетъ монстръ, какая-то смѣсь изъ письма сидѣльца къ роднымъ и счета мелочной лавочки, но по времени, и именно по мѣрѣ постепеннаго ослабленія пожиманія и постукиванія, монстръ будетъ видоизмѣняться къ лучшему и къ лучшему, покуда, наконецъ, и впрямь заговорятъ глуповцы своими словами. Тогда вы и сами, messieurs, увидите, что за милыя дѣти эти глуповцы, какъ они скромно себя держатъ и какъ понятливо излагаютъ трогательную исторію о Мистигрисѣ. И вы дадите себѣ слово навсегда оставить скверную привычку жать и стучать.

Я не говорилъ бы такъ пространно о моихъ опасеніяхъ, если бы не вынуждали меня къ тому сами глуповцы.

Digitized by Google

Страннѣе всего, что они сами непритворно убѣждены, что относительно ихъ безъ постукиванія и пожиманія никакъ-таки обойтись невозможно. Мало того, что они убѣждены въ этомъ—они чувствуютъ страсть, они дурѣютъ отъ любви къ тому, кто стучитъ имъ въ головы; они скучны, они унылы, если стучаніе почему-либо временно прекращается. Я увѣренъ, однакожъ, что это не больше, какъ недоразумѣніе. Вы заблуждаетесь, достойные мои сограждане, и заблуждаетесь оттого, что никто еще не пробовалъ употребить относительно васъ систему поглаживанія по головкѣ, никто еще не пытался позволять вамъ, въ награду за хорошее поведеніе, погулять послѣ обѣда и дѣйствовать на васъ посредствомъ лакомствъ. Поймите, что отъ васъ совсѣмъ даже не такъ много требуется, какъ вы думаете; что никто не ожидаетъ, чтобъ вы непремѣнно, не сходя съ мѣста, сдѣлались умновцами, немедленно сказали новое слово и изобрѣли порохъ! Отъ васъ требуется только, чтобъ вы оказали охоту и прилежаніе—и ничего больше! Порохъ и Америка придутъ впослѣдствіи: они придутъ тогда, когда вы вытвердите азбуку, и когда при этомъ не будетъ ни пожиманій, ни постукиванія.

Но возобновимъ слишкомъ давно прерванную нить размышленій нашихъ.

Итакъ, мы сказали, что истинный глуповскій air fixe заключается въ глуповскомъ міросозерцаніи, а истинное глуповское міросозерцаніе состоитъ въ отсутствіи какого бы то ни было міросозерцанія. Мы показали это наглядно, обозрѣвъ нашъ родной городъ, такъ сказать, à vol d'oiseau и не вдаваясь въ историческія изысканія, такъ какъ эта послѣдняя задача еще до насъ весьма удовлетворительно исполнена М. П. Погодинымъ. (Здѣсь, мимоходомъ, возникаетъ весьма важный вопросъ: труды ли Михаила Петровича сдѣлали то, что Глуповъ кажется Глуповымъ, или Глуповъ сдѣлалъ то, что труды Михаила Петровича кажутся глуповскими? Петръ Великій создалъ Россію, или Россія создала Петра Великаго?) Но, съ другой стороны, намъ могутъ замѣтить, что отсутствіе міросозерцанія есть такая же нелѣпость, какъ отсутствіе масла въ кашѣ, какъ отсутствіе дегтя въ колесахъ мужицкой телѣги. Подобно тому, какъ каша безъ масла обдираетъ горло вкушающаго, скажетъ мой возражатель, такъ и жизнь безъ міросозерцанія должна всечасно обдирать мозги глуповцевъ, что, очевидно, невозможно, если принять въ соображеніе продолжитель-

Digitized by Google

ность средняго термина глуповской жизни (отъ ста до ста-двадцати лѣтъ; но вороны глуповскія живутъ и долѣе).

Мнѣ самому неоднократно приходило на мысль это возраженіе, и я всякій разъ долженъ былъ внутренно соглашаться, что оно справедливо. Въ самомъ дѣлѣ, какъ-таки прожить жизнь безъ міросозерцанія не только цѣлому и въ своемъ родѣ знаменитому городу, но даже и отдѣльному человѣку? Вѣдь такимъ образомъ на каждомъ шагу будешь стукаться лбомъ объ стѣну, будешь попадать ногами въ лужу и дойдешь, наконецъ, до такой неопрятности, которая не только въ Глуповѣ, но и въ домѣ умалишенныхъ терпима быть не можетъ. Я думаю, самъ Михаилъ Петровичъ долженъ былъ чувствовать это, стукаясь то объ Ярослава, то о Мстислава, то объ Ивана Берладника, и не нащупывая изъ нихъ ни котораго.

Итакъ, я обязанъ сознаться, что міросозерцаніе есть, но міросозерцаніе, пришедшее извнѣ (какъ извнѣ же приходятъ градъ и повѣтрія разныя) и управляющее Глуповымъ наравнѣ съ прочими городами и весями. Это не то тонкое, доступное лишь внутреннему постиженію міросозерцаніе, которое даетъ себя чувствовать какъ продуктъ цѣлаго строя жизни, но міросозерцаніе внѣшнее, міросозерцаніе, которое можно ощущать, которое можно облобызать, но на которое можно и наплевать; однимъ словомъ—міросозерцаніе въ родѣ знаменитыхъ правилъ: «цвѣтовъ не рвать, травы не мять, птицъ и рыбъ не пугать».

Выучивши наизусть эти правила, можно жить легко и пріятно. Стоитъ только смирно гулять по дорожкѣ, и если обладаешь какой-нибудь гнусной привычкой, какъ, напримѣръ, кряхтишь во всю мочь или откашливаешься (это пугаетъ рыбъ), или ногами дрыгаешь (это наноситъ вредъ прозябанію травъ), то можно и совсѣмъ въ садъ не ходить.

Въ доказательство, что все это нисколько не затруднительно, и что человѣкъ, руководимый этими правилами, легко можетъ остаться живъ, Флоръ Лаврентьичъ Ржанищевъ доставилъ мнѣ выдержки изъ своего журнала, въ которомъ онъ изо дня въ день описывалъ всѣ законныя и непротивныя правиламъ глуповскаго міросозерцанія дѣянія свои.

Не могу не подѣлиться съ читателями нѣкоторыми изъ этихъ выдержекъ.

«2 ноября (1858 г.). Каждую ночь посѣщаютъ меня видѣнія, а днемъ мучусь предчувствіями. Ѣздилъ къ Ивану

Digitized by Google

Ѳомичу побесѣдовать о пустоши, называемой «Дунькино болото», и побранился. Вечеромъ виденъ былъ огненный столпъ на небѣ.

«*9 ноября.* По обыкновенію, всталъ, умылся и помолился Богу. Утромъ выбирали съ Настасьей Петровной новаго форрейтора, вмѣсто Андрюшки, который отъ старости сталъ сѣдъ и выросъ безобразно. Однако, за душевной смутой, ни на комъ остановиться не могъ. Чортъ ихъ знаетъ, а въ ихнемъ званіи и законы природы какъ будто власти не имѣютъ. Вотъ Андрюшкѣ давно бы ужъ пора перестать расти, а онъ растетъ себѣ да растетъ, какъ ни въ чемъ не бывало. А говорятъ еще, что мало кормимъ! Во снѣ видѣлъ птицу.

«*11 ноября.* Пріѣзжалъ англичанинъ съ фабрики; спрашивалъ, не соглашусь ли отпустить въ работу дѣвокъ, и цѣну за сіе давалъ изрядную. Рѣшились выбрать до десяти наилучшихъ. Настасья Петровна, которая за всѣ эти дни замѣтно дулась, послѣ сего повеселѣла и заявила надежду, что у нея будетъ новая шляпа. Володинъ французъ поздравилъ меня съ выгодною сдѣлкой, на что я ему отвѣтилъ, что это совсѣмъ не сдѣлка, а просто доброе дѣло. Но французъ, не будучи достаточно знакомъ съ особенностями національнаго духа (каждая нація имѣетъ свой духъ — это вѣрно!), пожалъ лишь плечами. Володя расшалился и почти каждую минуту повторялъ: «на фаблику! на фаблику!»

«*15 ноября.* По случаю разнесшихся слуховъ, размышлялъ о томъ, прилично ли было бы, если бы деревья и злаки одѣвались не зеленымъ, а краснымъ цвѣтомъ? Во снѣ опять видѣлъ птицу.

«*20 ноября.* Все сіе совершилось.

«*22 ноября.* Былъ на гумнѣ... совсѣмъ не такъ молотятъ! Однако рѣшился переносить съ кротостью. Сбирали дворовыхъ мальчишекъ для выбора форрейтора, но рѣшили, что мысль эту надобно оставить. На что храбра Настасья Петровна, но и та, взглянувъ на сіе сборище, воскликнула: «ахъ, другъ мой! если ты хочешь, чтобъ я была покойна, не ввѣряй мою жизнь этимъ разбойникамъ!»

«*29 ноября.* Читалъ книгу, называемую «Русскій Вѣстникъ», отъ которой будто бы *все* произошло. Въ составленіи книги большое участіе принялъ Василій Александровичъ Кокоревъ, нашего уѣзда откупщикъ. Подписка принимается въ Москвѣ, въ Армянскомъ переулкѣ.

«*25 декабря.* Ѣздили въ храмъ Божій къ обѣднѣ, но не шестерней, а четверикомъ, и парадныхъ ливрей на лакеяхъ

Digitized by Google

не было (нынѣ, сказываютъ, ихъ не лакеями, а служителями называть велѣно). Послѣ обѣдни, сверхъ чаянія, пришли люди поздравить съ праздникомъ. Настасья Петровна замѣтила въ ихъ лицахъ иронію; я же хотя и желалъ сказать имъ: «а что, братцы, скоро ли господами будете?» однако воздержался. За обѣдомъ, по древнему обычаю, подавали буженину, натертую чеснокомъ. Такъ какъ въ сей день каждый глуповскій помѣщикъ непремѣнно ѣстъ буженину, то я полагаю, что въ обычаѣ семъ есть нѣчто масонское. На сей разъ буженина была отмѣнная, и по этой причинѣ я имѣлъ, послѣ обѣда, гастрическое сновидѣніе.

«*1 января.* Домъ нашъ, въ отношеніи тишины, уподобился горѣ Аѳонской. Никакихъ мыслей, кромѣ *тѣхъ препротивныхъ*, въ голову не приходитъ, но и сихъ не можемъ свободно другъ другу сообщать, ибо безпрестанно люди шныряютъ и вслушиваются, а выгнать ихъ не имѣемъ духа. Вслѣдствіе сего принужденнаго состоянія душевнаго произошла скука, а вслѣдствіе скуки произошло то, что Настасья Петровна великое пристрастіе къ Володину французу получила. Сегодня, отходя ко сну, внушалъ ей, что французъ этотъ, быть-можетъ, въ отечествѣ своемъ служительскую должность исправлялъ; но она въ отвѣтъ лишь смѣялась и въ досаду мнѣ повторяла, что зубы у него отмѣнно бѣлые»... И т. д., и т. д.

Прочитавши дневникъ этотъ, конечно, не удивишься ни смѣлости мыслей, ни глубинѣ соображеній, но все-таки подумаешь-подумаешь, да и скажешь: «ничего, жить можно!»

Итакъ, мы добились-таки того, что можемъ съ спокойною совѣстью воскликнуть: вотъ истинное глуповское міросозерцаніе! вотъ неподдѣльный глуповскій air fixe! Посмотримъ теперь, права ли была Матрена Ивановна, поднюхавшая этотъ air fixe и у новыхъ «хорошихъ» людей, которые засѣли въ Глуповѣ по поводу возрожденія.

По моему мнѣнію, вопросъ въ этомъ случаѣ можетъ быть поставленъ слѣдующимъ образомъ: есть ли въ новоглуповцахъ что-нибудь свое, ими самими выработанное, или же они продолжаютъ пробавляться тѣмъ самымъ міросозерцаніемъ, которое и до нихъ царило надъ Глуповымъ? Вносятъ ли они, кромѣ новыхъ фраковъ и жилетовъ, кромѣ новыхъ граціозныхъ манеръ, какой-нибудь новый нравственный элементъ въ глуповскую жизнь, или же продолжаютъ представлять собой неизмѣнно вѣрныхъ отеческимъ преданіямъ сыновъ Глупова?...

Digitized by Google

Вѣря въ проницательность Матрены Ивановны, я заранѣе убѣжденъ, что рѣшеніе этихъ вопросовъ несомнѣнно должно состояться въ ея пользу; но такъ какъ я, вмѣстѣ съ тѣмъ, обязанъ убѣдить въ томъ же и читателя, который легко можетъ быть подкупленъ красивою внѣшностью обязательныхъ поборниковъ новоглуповскаго возрожденія, то, дѣлать нечего, будемъ сравнивать и разсуждать.

Мнѣ говорятъ, что нынѣшній «хорошій» человѣкъ ищетъ просвѣтить свой умъ познаніями, что онъ любознателенъ и уже не признаетъ безусловной вѣрности аксіомы, въ силу которой жизнь являлась лишь рядомъ физическихъ упражненій... И въ доказательство, что это справедливо, мнѣ приводятъ въ примѣръ мною же подмѣченную фразу: «а вы читали, mon cher, политическое обозрѣніе?.. charmant!»

Фраза дѣйствительно не дурна, но—увы!—подобныхъ ей я могу выбрать достаточно и изъ исторіи физическихъ упражненій прежняго «хорошаго» человѣка, ибо и онъ въ свое время говаривалъ: «а какую мнѣ нынче канарейку изъ деревни привезли... Персикъ!»

Конечно, внѣшнее содержаніе обѣихъ фразъ совершенно различно; конечно, одна изъ нихъ трактуетъ о политическомъ обозрѣніи, а другая о канарейкахъ; но этимъ только и ограничивается различіе... Все остальное, и притомъ самое важное, а именно внутреннее настроеніе говорящихъ и отношеніе ихъ къ предметамъ, о которыхъ они говорятъ, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ совершенно тождественны. И старый глуповецъ, и новый глуповецъ равно не имѣютъ намѣренія выразить что-либо особенное; и тотъ, и другой горятъ лишь нетерпѣніемъ набить чѣмъ бы то ни было два-три досужихъ часа, которые, по заведенному обычаю, принято посвящать діалогамъ... Въ сущности, обѣ фразы имѣютъ лишь смыслъ междометій, произносимыхъ оконечностями языка, безъ всякаго участія мыслящей силы.

Но выборъ предмета, скажутъ мнѣ; но почему же разговоръ не вертится, попрежнему, на канарейкахъ, а постепенно вторгается въ область интересовъ, сфера которыхъ уже значительно выше той, гдѣ самое видное мѣсто занимали запросы желудка и похоти? Отвѣтъ на это весьма простъ: всякому возрасту, равно какъ и всякому времени, приличествуетъ свой особенный разговоръ. И древніе глуповцы никогда не дозволяли себѣ говорить зимою: «ахъ, какъ жарко сегодня! мы цѣлый день на погребѣ проспѣли!»—но говорили: «ну, ужъ и морозище нынче завер-

Digitized by Google

нулъ! только и спасаемся, что на печку грѣться лазимъ!» Подобно сему, и новые глуповцы, сообразивъ, что статья о канарейкахъ ужъ поистерлась, нашли необходимымъ замѣнить ее другою. Но какой именно будетъ сюжетъ этой другой статьи, но почему этимъ сюжетомъ будетъ именно рыбный обѣдъ англійскаго министерства, а не свѣтопреставленіе—это устраивается независимо отъ воли глуповцевъ, это предопредѣляется отчасти слухами, долетающими изъ Умнова, отчасти присылаемыми оттуда же новѣйшими діалогами.

Повторяю: въ такомъ спорномъ дѣлѣ прежде всего необходимо разъяснить отношеніе говорящаго къ фразѣ. Разрѣшите мнѣ, напримѣръ, почему глуповцы такъ словообильно распространяются о рыбномъ обѣдѣ и такъ скупы на размышленія о своихъ собственныхъ дѣлахъ? И какое отношеніе можетъ имѣть къ его жизни эта историческая странность, утратившая смыслъ даже въ мѣстѣ своего рожденія? Очевидно, что никакого; и я убѣжденъ, что глуповцы, болтая объ этомъ обѣдѣ, должны ощущать ту самую головную боль, которую ощущаютъ, по словамъ лондонскаго корреспондента «Русскаго Вѣстника», и англійскіе министры, объѣвшись вкусныхъ маленькихъ рыбокъ, составляющихъ существенную принадлежность обѣда.

Но, можетъ-быть, имѣются какія-нибудь особенныя и весьма секретныя причины тому, что глуповцы такъ охотно бесѣдуютъ о чужихъ дѣлахъ и такъ упорно умалчиваютъ о своихъ собственныхъ? Согласенъ: можетъ-быть, и существуютъ такія причины; но согласитесь же и вы со мной, что покуда онѣ существуютъ, покуда слово будетъ представляться чѣмъ-то оторваннымъ отъ жизни, чѣмъ-то существующимъ по себѣ и для себя, до тѣхъ поръ не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо новыхъ основахъ для жизни, до тѣхъ поръ глуповцы останутся глуповцами. Скажу болѣе: ихъ ожидаетъ на этомъ поприщѣ новая и весьма существенная опасность, ибо, будучи поставлены, такъ сказать, въ постоянное отлученіе отъ своей собственной жизни, глуповцы могутъ увлечься, могутъ принять средства за цѣль, полезную подготовку къ дѣлу за самое дѣло, и окончательно погрязнуть въ безднѣ рыбныхъ обѣдовъ... И тогда произойдетъ нѣчто странное: то, что̀ въ сущности составляетъ лишь негнусное препровожденіе времени, мало-помалу до того въѣстся въ глуповскіе нравы, что глуповцы сочтутъ себя вполнѣ удовлетворенными и получатъ сладкое

Digitized by Google

убѣжденіе, что для нихъ дѣйствительно не можетъ быть болѣе пріятнаго занятія, какъ облизываться, внимая разсказамъ о рыбныхъ обѣдахъ.

Матрена Ивановна очень хорошо постигла пустопорожній характеръ этихъ бесѣдъ глуповскихъ.

— Пущай побалуютъ, — призналась она мнѣ однажды, въ минуту откровенности: — это, батюшка, еще лучше, потому что мысли у нихъ разбиваетъ! Они, сударь, и не вѣсть бы чего начудесили, кабы все молча да насупившись сидѣли; а теперь вотъ сойдутся да набрехаются досыта... анъ сердце-то у нихъ и отойдетъ!

И вотъ отчего Матрена Ивановна не только не боится новоглуповцевъ, но даже считаетъ ихъ замѣсто своихъ дѣтей...

Указываютъ еще на общественную дѣятельность новоглуповца и отыскиваютъ въ ней признаки несомнѣнной гражданской доблести. Разсказываютъ, напримѣръ, что тогда-то такой-то неподкупный блюститель глуповскаго возрожденія въ-три-шеи выгналъ отъ себя Терентья Силыча, явившагося на поклонъ съ кулечкомъ... Приводятъ фактъ и еще поразительнѣйшій: Сила Терентьичъ, думая расположить въ свою пользу другого такого же блюстителя, позвалъ его къ себѣ на обѣдъ; но блюститель не только не тронулся этимъ, но даже всенародно и въ собственномъ Силы Терентьича домѣ невѣжничалъ и паскудничалъ надъ нимъ самымъ постыднымъ образомъ, и, возвратившись домой, тотчасъ же распорядился лишить этого обывателя всѣхъ правъ состоянія.

Дѣйствительно, перелистывая древнюю исторію Глупова, я не нахожу въ ней примѣровъ столь доблестныхъ. Древній глуповскій magistrat былъ простъ на этотъ счетъ: онъ любилъ, чтобъ къ нему ходили съ кулечками, и не скрывалъ этого. Если случалось, что онъ и безъ того сытъ по горло, то и тогда онъ не гналъ просителя въ-три-шеи, но кротко говорилъ ему: «отдай, братъ, это ребяткамъ: я сытъ!..» Отъ обѣдовъ же рѣшительно никогда не отказывался и, принимая хлѣбъ-соль Силы Терентьича, ѣлъ истово, ногъ на столъ не клалъ, Божьяго дара подъ столъ не кидалъ, банта всенародно не разстегивалъ и хозяйскую бороду мочалкой не обзывалъ.

Сравнивая эти двѣ формы общественной дѣятельности, я ни на минуту не могъ колебаться насчетъ того, которой изъ нихъ отдать преимущество. Конечно, древній глуповецъ былъ отвратителенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ и милъ... Онъ представлялся милымъ уже потому, что былъ

Digitized by Google

не ужасно, а смѣшно отвратителенъ. Онъ весь былъ нелѣпость, а потому и оцѣнка его дѣятельности могла быть только нелѣпая. Человѣкъ, доведенный до необходимости вступить въ сношенія съ нимъ, имѣлъ полное право воскликнуть: «ахъ, да какая же ты славная бестія!» но не имѣлъ права считать свою руку осквернённою прикосновеніемъ его руки. Новый глуповецъ продолжаетъ быть отвратительнымъ и въ то же время утратилъ способность быть милымъ. Его прикосновеніе положительно оскверняетъ.

Но, переходя отъ формъ дѣятельности къ самому содержанію ея, я колеблюсь еще менѣе. Содержаніе это до такой степени тождественно, что невозможно безъ смѣха даже подумать объ этомъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ пространно и размашисто развивается все та же знаменитая глуповская пословица: «кого люблю, того и бью»; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ мотивы и побужденія дѣятельности нераздѣльно слиты съ общимъ строемъ глуповскаго міросозерцанія.

Попрежнему, глуповцы оказываются бѣдными инициативой, шаткими и зависимыми въ убѣжденіяхъ; попрежнему гибко и недерзновенно пригибаются они то въ ту, то въ другую сторону, безпрекословно слѣдуя направленію ледовитыхъ вѣтровъ, цѣпенящихъ родную ихъ равнину изъ одного края въ другой.

Попрежнему, они наивно открываютъ рты при всякомъ вопросѣ, выработанномъ жизнью, и не могутъ дать никакого разрѣшенія, кромѣ тупого и безплоднаго гнета, не могутъ дать никакого отвѣта, не справившись напередъ въ многотомномъ и, къ сожалѣнію, еще не съѣденномъ архивѣ канцелярской рутинной мудрости. Скажу болѣе: въ прежнія времена глуповская необузданность смягчалась подкупностью и другими качествами, гнусность которыхъ хотя и не подлежитъ спору, но которыя въ свое время все-таки оказывали не малую практическую пользу; а нынче и это послѣднее убѣжище глуповскихъ вольностей рухнуло, благодаря каплуньему высокомѣрію и каплуньимъ операціямъ in anima vili, производимымъ ревнителями глуповскаго возрожденія.

Новоглуповецъ откровенно и даже залихватски кладетъ ноги на столъ; но спросите его, что онъ желаетъ выразить этимъ дѣйствіемъ, чего онъ требуетъ, чего онъ ждетъ отъ Глупова—онъ станетъ втупикъ. Темное ярмо тяготѣетъ не только надъ дѣйствіями его, но и надъ помыслами. Да, и надъ помыслами, потому что онъ до такой степени усо-

Digitized by Google

вершенствовалъ себя, что нашелъ средство поработить не только тѣло, но и свободную душу.

Въ сущности, и старый, и новый глуповецъ руководятся однимъ и тѣмъ же правиломъ: «травы не мять, цвѣтовъ не рвать и птицъ не пугать». Но на практикѣ, но въ способахъ проведенія этого правила въ жизни, между ними замѣчается ощутительная разница. Старый глуповецъ видѣлъ эти слова написанными на доскѣ, и выполнялъ ихъ не разсуждая. Новый глуповецъ не только выполняетъ, но и резонируетъ, не только резонируетъ, но и любуется самимъ собою. Онъ возводитъ исполненіе правила въ принципъ, и въ этомъ принципѣ находитъ достаточно содержанія для наполненія всей своей жизни. И горе тому, кто затронетъ новоглуповца въ этомъ послѣднемъ убѣжищѣ; горе тому, кто отнесется легко къ этой послѣдней святынѣ его сердца: онъ въ одну минуту налаетъ столько, сколько не успѣли налаять его достославные предки въ продолженіе многихъ столѣтій; онъ загрызетъ, онъ докажетъ цѣлому міру, что и въ Глуповѣ могутъ зарождаться своего рода Робеспьеры, что и глуповская почва способна производить сорванцовъ исполнительности.

Глуповское міросозерцаніе, глуповская закваска жизни находятся въ агоніи—это несомнѣнно. Но агонія всегда сопровождается предсмертными корчами, въ которыхъ заключена страшная конвульсивная сила. Представителями этой силы, этихъ ужасныхъ попытокъ древле-глуповскаго міросозерцанія удержаться на старой почвѣ, служатъ новоглуповцы. Въ лицѣ ихъ оно празднуетъ свою послѣднюю, безсмысленную вакханалію; въ лицѣ ихъ оно исчерпываетъ послѣднее свое содержаніе; въ лицѣ ихъ оно торжественно и окончательно заявляетъ міру о своей несостоятельности...

Итакъ, Матрена Ивановна права: старинный глуповскій air fixe, усовершенствованный и усиленный, цѣликомъ переселился въ новоглуповцевъ. Но она не права въ другомъ отношеніи: она думаетъ и надѣется, что глуповцамъ не будетъ конца, что за новоглуповцами послѣдуютъ новѣйшіе глуповцы, а за новѣйшими—самоновѣйшіе, и такъ далѣе, до скончанія вѣковъ.

Этого не будетъ.

Въ этомъ отношеніи я даже чувствую нѣкоторую симпатію къ новоглуповцу. Онъ милъ мнѣ потому, что онъ—послѣдній изъ глуповцевъ.

Digitized by Google

Оглавленіе

II тома.

стр.

Помпадуры и помпадурши.

Отъ автора 5
I. «Прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою!» 7
II. Старый котъ на покоѣ 23
III. Старая помпадурша 40
IV. «Здравствуй, милая, хорошая моя!» 61
V. «На зарѣ ты ее не буди» 77
VI. «Она еще едва умѣетъ лепетать» 107
VII. Сомнѣвающійся 128
VIII. Онъ!! 148
IX. Помпадуръ борьбы или проказы будущаго 174
X. Зиждитель 211
XI. Единственный. Утопія 234
XII. Мнѣнія знатныхъ иностранцевъ о помпадурахъ . . . 253

Сатиры въ прозѣ.

Къ читателю 283
I. Госпожа Падейкова 324
II. Недавнія комедіи:
I. Соглашеніе 341
II. Погоня за счастьемъ 360
III. Недовольные 375
IV. Скрежетъ зубовный 381
V. Нашъ губернскій день 412
VI. Литераторы—обыватели 448
VII. Клевета 487
VIII. Наши глуповскія дѣла 506

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google